297439

91
Ф608

Ф 4

195
IX

297439

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ,
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Пг. 2010

№ 315

БИБЛІОТЕКА
КОМАРОВА
въ Красноярскѣ.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ ЗАПАДНУЮ СИБИРЬ

Д-ра О. Финша и А. Брэма.

Съ рисунками въ текстѣ.

МОСКВА.
Типографія М. Н. Лаврова и К°, Леонтьевскій пер., соб. домъ.
1882.

91(С18)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Какъ извѣстно „Общество германской сѣверно-полярной экспедиціи“ *) основано было въ Бременѣ въ то время, когда вторая нѣмецкая сѣверно-полярная экспедиція 1870 года возвратилась изъ своего знаменитаго, богатаго открытіями путешествія по восточной Гренландіи, и когда возникъ вопросъ о томъ, чтобъ достойнымъ націи образомъ увѣковѣчить и довести во всеобщее свѣдѣніе результаты этого достопамятнаго путешествія. Разрѣшивъ удовлетворительно эту задачу, Общество задалось цѣлью продолжать далѣе столь многообѣщающее и столь успѣшно начатое дѣло изслѣдованія въ восточной Гренландіи, и въ этомъ смыслѣ подало правительству докладную записку; однако, на основаніи мнѣнія созванной союзнымъ совѣтомъ ученой коммиссіи, планъ Общества не былъ принятъ, а взамѣнъ его рекомендовались другія предпріятія.

Такимъ образомъ у Общества была отнята всякая возможность къ дальнѣйшей разработкѣ принятой было имъ на себя великой задачи, вслѣдствіе чего оно стало изыскивать средства къ осуществленію поставленной имъ себѣ цѣли въ другомъ уже направленіи. Отсюда и возникла мысль о снаряженіи экспедиціи въ Западную Сибирь, первоначально высказанная д-ромъ Линдеманомъ, дѣятельнымъ секретаремъ Общества, а затѣмъ, когда я выразилъ готовность отправиться въ это путешествіе, одобренная всѣми членами Общества. Въ засѣданіи 10-го января 1876 года, Обществомъ постановлено было отправить экспедицію въ область рѣки Оби и ассигновано было на это предпріятіе 5000 марокъ.

*) Переименованное въ 1877 году въ „Географическое Общество“.

Для очень тощаго общественнаго сундука такая сумма составляла конечно весьма крупную выдачу, но она оказывалась слишкомъ незначительной для путешествія въ Сибирь, такъ какъ по смѣтѣ, расходы по этому путешествію на двухъ человѣкъ вычислены были въ 18000 марокъ, несмотря на то, что оба участника экспедиціи не получали ни малѣйшаго вознагражденія.—„Для покрытія недостающей суммы мы расчитываемъ на сочувствіе правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, а также и на существенную поддержку со стороны всѣхъ людей, интересующихся успѣхами естествознанія и географіи“...—такъ гласилъ одинъ пунктъ въ издававшихся въ то время „Запискахъ“ Общества *). Не взирая однако на такое, исполненное довѣрія и надеждъ, обращеніе къ публикѣ, предпріятіе все еще можно было считать рискованнымъ, даже и послѣ того, какъ семь членовъ Общества (большею частію изъ учредителей) представили, въ качествѣ гарантіи, сумму въ 7100 марокъ. На всѣ-же свои многочисленные воззванія и циркуляры Общество только и получило что вкладъ въ 500 марокъ отъ сената вольнаго ганзейскаго города Бремена и 300 марокъ отъ Королевскаго-Баварскаго правительства. Добровольныхъ частныхъ пожертвованій поступило отъ г. Андре въ Лейпцигѣ—5 марокъ; г-ну-же Торшпекену, доктору медицины въ Бременѣ, экспедиція весьма признательна за пожертвованную имъ дорожную аптеку и лѣчебникъ (д-ра Рихтера), во многихъ случаяхъ оказывавшіе намъ во время путешествія незамѣнимыя услуги.

Итакъ, хотя содѣйствіе этому интересному предпріятію со стороны Германіи не оправдало даже самыхъ наискромнѣйшихъ ожиданій, Общество все-таки могло уже теперь спокойно проводить въ путь свою экспедицію, а тутъ совершенно неожиданно уже 25 февраля, оно получило вдругъ богатѣйшій подарокъ въ 20300 марокъ. Великодушнымъ жертвователемъ оказался Александръ Михайловичъ Сибиряковъ изъ Иркутска, приносящій такія крупныя, щедрыя жертвы не только на благо своей родины, но и въ интересахъ чисто науки вообще, и притомъ настолько безкорыстно, что какъ отечество его, такъ и ученыя Общества могутъ съ гордостью считать его своимъ почетнымъ гражданиномъ и членомъ.

---

*) Denkschrift des Vereins für die deutsche Nordpolarfahrt betreffend die von ihm im Jahre 1876 zu veranstaltende wissenschaftliche Forschungsreise nach West-Sibirien. Bremen. Januar 1876.

Такъ какъ однимъ членомъ Общества выражено было желаніе, чтобы въ экспедиціи приняли участіе двое естествоиспытателей, то по моему предложенію, сопутствовать мнѣ изъявилъ согласіе знаменитый авторъ „Жизни животныхъ“ докторъ А. Бремъ, мой давнишній другъ и товарищъ по избранной спеціальности. Съ неменьшимъ удовольствіемъ привѣтствовали мы и рѣшеніе графа Карла фонъ Вальдбургъ-Цейль-Траухбурга,—адъютанта (нынѣ полковника) штаба короля Вюртембергскаго,—участвовать въ экспедиціи, въ качествѣ волонтера, на собственный счетъ.

Благодаря ходатайству предсѣдателя Общества А. Г. Мосле, состоящему депутатомъ въ Имперскомъ сеймѣ, мы были приняты начальникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, государственнымъ министромъ Бюловымъ, и директоромъ министерства, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Филипсборномъ, и получили отъ нихъ превосходныя рекомендаціи въ русскому правительству, а также и льготу на безпошлинный провозъ нашего багажа. Многимъ мы также обязаны уполномоченному Россійскаго двора, посланнику барону Убри. Удостоившись 5-го марта высокой чести представленія Его Величеству Императору Германскому и Королю Прусскому Вильгельму I, мы на слѣдующій день выѣхали изъ Берлина, въ сопровожденіи почетнаго члена Общества г. Г. Шифферта, пользовавшагося случаемъ посѣтить столицы Россійской Имперіи.

Въ Петербургѣ различныя необходимыя приготовленія задержали насъ до 16-го марта. Въ это время мы имѣли удовольствіе познакомиться съ членами и представителями ученыхъ обществъ, гдѣ пользовались чрезвычайно любезнымъ пріемомъ, какъ напримѣръ въ Русскомъ Императорскомъ Географическомъ Обществѣ, товарищу предсѣдателя котораго, статскому совѣтнику П. П. Семенову, мы обязаны тѣмъ, что имѣли честь представиться Предсѣдателю Общества. Благодаря высокому посредничеству министерства иностранныхъ дѣлъ, а равно посланнику Императорскаго Германскаго двора, генералъ-адъютанту графу Швейницу, мы не только получили прекрасныя рекомендаціи отъ министра внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютанта Тимашева, министра государственныхъ имуществъ, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Валуева, отъ министра путей сообщенія, вице-адмирала Посьетта, такъ-же какъ и отъ генералъ-губернатора Западной Сибири, генералъ-адъютанта Казнакова, но 10-го марта имѣли честь быть представленными, кромѣ всѣхъ названныхъ высокопоставленныхъ лицъ, также и его свѣтлости, государственному канцлеру князю Горчакову.

Прибывъ 17-го марта въ Москву, мы имѣли время справиться только съ самыми необходимыми дѣлами, и даже должны были, къ величайшему нашему сожалѣнію, отказаться отъ приглашенія къ Его Сіятельству, Московскому генералъ-губернатору, генералъ-адъютанту князю Долгорукову. Благодаря любезному содѣйствію представителей извѣстной крупной торговой фирмы г. Л. Кноопа, нынѣ барона, г. Прове и г. Ф. Кноопа, также и секретаря общества для содѣйствія русской промышленности и торговли, г. Вольдемара, всѣ дѣла наши были покончены втеченіе двухъ дней, и къ тому-же такъ, что лучшаго нельзя было и желать. Такъ напримѣръ, черезъ посредство поименованныхъ мною лицъ, мы могли взять съ собою, въ качествѣ слуги, артельщика Шестовской артели Ивана Клюгина и, что еще важнѣе, — такъ какъ ни одинъ изъ насъ не зналъ русскаго языка, — переводчика, въ лицѣ Мартина Дзервита, латыша изъ Риги, представившаго намъ превосходныя аттестаціи отъ прежнихъ мѣстъ своего служенія въ качествѣ учителя. Оба они оказались дѣйствительно людьми добросовѣстными и вѣрными, и я тѣмъ съ большею благодарностью упоминаю здѣсь о ихъ услугахъ, что оба они неутомимо помогали мнѣ при собираніи коллекцій, послѣ того какъ я научилъ ихъ препарировать животныхъ.

Такимъ образомъ, 18-го марта мы могли уже выѣхать изъ Москвы, хотя обстоятельства были и не особенно благопріятны, такъ какъ необыкновенно раннее наступленіе весны сулило намъ на пути не мало затрудненій и препятствій, что производило на насъ, новичковъ, конечно далеко не ободряющее впечатлѣніе.

Насколько удалось намъ выполнить нашу задачу,—это можно будетъ видѣть изъ нижеслѣдующаго описанія, въ которомъ я старался просто, безъ всякихъ прикрасъ, передать картину видѣннаго и пережитаго нами за время нашего путешествія. Мнѣ очень пріятно также, что основываясь на опредѣленіяхъ, сдѣланныхъ, благодаря любезному содѣйствію различныхъ ученыхъ спеціалистовъ, собраннымъ нами научнымъ коллекціямъ, я могу здѣсь упоминать и объ нихъ; кромѣ того я старался сообщить здѣсь географическія свѣдѣнія, и то, что мнѣ удалось узнать касательно торговли, промышленности и произведеній страны. Къ сожалѣнію, различныя обстоятельства помѣшали мнѣ привести въ исполненіе намѣреніе мое присоединить къ этой книгѣ отдѣльную главу, заключающую въ себѣ статистическія свѣдѣнія; но это исполнено уже другимъ путемъ,—именно, съ этой цѣлью, т. е. для отобранія справокъ на мѣстѣ, секретарь Общества, д-ръ М. Линде-

маннъ, ѣздилъ въ 1876 году на Нижегородскую ярмарку, и на эту поѣздку Обществомъ выдана была субсидія въ 1500 марокъ. Сравнительно съ богатымъ матеріаломъ, собраннымъ г. Липдеманномъ, свѣдѣнія, добытыя нами въ Сибири, были-бы конечно весьма неполны, но тѣмъ не менѣе купецъ и промышленникъ могутъ найти здѣсь кое-какія сообщенія достойныя вниманія, и главное—совершенно точныя, такъ какъ касательно торговыхъ предпріятій я старался больше сообщать практическія свѣдѣнія и указанія. Такимъ образомъ, я надѣюсь, что и въ этомъ отношеніи я не обманулъ ожиданій, такъ же какъ не обманулъ ихъ въ отношеніи естественноисторическомъ. Впродолженіи шести мѣсяцевъ, мы, внутри самой Сибири, проѣхали болѣе 12000 верстъ, и большею частью ѣхали спѣшно, такъ что за выключеніемъ семинедѣльнаго путешествія въ лодкѣ, намъ пришлось на собираніе коллекцій посвятить какъ слѣдуетъ только 16 дней; но несмотря на это, намъ все-таки удалось привезти болѣе 150 экземпляровъ млекопитающихъ, 550 птицъ, 150 земноводныхъ, 400 рыбъ, 1000 насѣкомыхъ и многочисленные образцы горныхъ породъ, равно какъ и образцы разныхъ произведеній по отрасли земледѣлія и лѣсоводства; принимая все это въ расчетъ, за нами можетъ-быть и признаютъ нѣкоторую долю заслуги.

Съ особенной благодарностью упоминаю я здѣсь о содѣйствіи и помощи, оказанной намъ графомъ Вальбургомъ фонъ-Цейль, которому, кромѣ собранія богатаго гербарія, принадлежатъ исключительно также и барометрическія наблюденія. Спеціально научный отчетъ о нашей экспедиціи тоже вѣроятно скоро появится и, вмѣстѣ съ выставками сибирскихъ коллекцій (въ особенности собранной мной коллекціи этнографической), которыя Общество, подъ моимъ руководствомъ, предполагаетъ устроить въ Бременѣ *), Гамбургѣ, Брауншвейгѣ, Ганноверѣ и Кассель, дастъ болѣе вѣрное понятіе о дѣятельности нашей экспедиціи.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о мѣстонахожденіи коллекцій. Къ сожалѣнію, первоначальное намѣреніе оставить всѣ эти коллекціи сполна въ Бременскомъ городскомъ музеѣ, не могло осуществиться, такъ какъ Общество вынуждено было продать ихъ, въ виду своихъ финансовыхъ обстоятельствъ, вслѣдствіе чего большая часть коллекцій поступила въ пополненіе зоологическаго королевскаго музея въ Берлинѣ, другая часть перешла въ Британскій музей въ Лондонѣ, въ отечественномъ-же музеѣ остался

*) Выставка въ Бременѣ открыта была 17-го мая 1877 года.

только отдѣлъ этнографическій. Но Общество все-таки нашло возможнымъ часть коллекцій пожертвовать въ общественные музеи; такимъ образомъ получили подарки: Бременскій городской музей, Мюнхенскій королевскій, королевскій зоологическій, королевскій минералогическій, королевскій земледѣльческій Музей, королевскій Берлинскій гербарій, королевскій музей въ Штýттгардтѣ, и королевскій минералогическій музей въ Вѣнѣ.

Итакъ, сдѣлавъ отчетъ о возникновеніи, осуществленіи и дѣятельности западно-сибирской экспедиціи, я считаю необходимымъ присовокупить, что благодаря поддержкѣ и помощи оказанной намъ въ Сибири, путешествіе обошлось только въ 21000 марокъ, но въ этотъ счетъ не включены еще значительныя затраты по снаряженію, которыя большею частью покрыты суммой, вырученной отъ продажи коллекцій, и дошедшей въ общей сложности до 3681 м.

Въ заключеніе на мнѣ лежитъ еще пріятный долгъ высказать благодарность всѣмъ лицамъ, содѣйствовавшимъ успѣху экспедиціи совѣтомъ или помощью. Благодарность эту кромѣ лицъ, поименованныхъ мною выше, я шлю добрѣйшимъ и милѣйшимъ сибирякамъ, имена которыхъ не премину упомянуть въ послѣдующемъ описаніи. Главною цѣлью этой книги служитъ желаніе распространить болѣе вѣрный взглядъ на благодатную во многихъ отношеніяхъ западную Сибирь и на честныхъ, добросовѣстныхъ людей, живущихъ тамъ, чѣмъ тотъ, который до сихъ поръ существовалъ у насъ. Если мнѣ удастся это, въ такомъ случаѣ мои труды и время не будутъ потрачены даромъ. Мнѣ нечего конечно говорить о томъ, что превосходныя статьи друга моего д-ра Брема существенно будутъ содѣйствовать возбужденію интереса къ западной Сибири во всѣхъ концахъ Германіи; рисунки-же, сдѣланные знаменитымъ художникомъ Морицемъ Гофманномъ, по эскизамъ, набросаннымъ мною съ натуры, и художественно исполненнымъ г. І. Шеффером въ Берлинѣ, во всякомъ случаѣ весьма помогутъ болѣе яснопу представленію описываемаго, такъ какъ они вѣрны до мельчайшихъ подробностей. Текстъ этой книги просмотренъ графомъ Вальдбургомъ, которому я приношу глубокую признательность не только за многія дѣльныя поправки и замѣчанія, но также и за чтеніе корректурныхъ листовъ, потому что знакомство его съ русскимъ языкомъ, въ отношеніи правописанія собственныхъ именъ, было весьма важно.

Д-ръ О. Финшъ.

Бременъ, марта 1879 г. Почетный членъ географическаго Общества.

ГЛАВА I.

ЧЕРЕЗЪ УРАЛЪ.

(Отъ Нижняго-Новгорода до Екатеринбурга.)

Нижній.—Снаряженіе въ путь и совѣты касательно этого снаряженія.—Неблагопріятныя условія для путешествія.—Длиннѣйшая аллея въ свѣтѣ.—Опасная ѣзда по Волгѣ.—Санная ѣзда, какъ пытка.—Выносливость ямщиковъ.—Сравненіе саней съ кораблемъ.—Устройство почтовыхъ саней.—Деревни.—Скотъ.—Черемисы.—Чуваши.—Черезъ Волгу.—Казань.—Татарскій городъ.—Гостепріимство.—Профессоръ Радловъ.—Татарскія школы и муллы.—Университетъ.—Профессоръ фонъ Готтвальдъ.—Полиняныя.—Приготовленіе къ путешествію.—Рамъ.—Татары-ямщики.—Прбитскіе обозы.—Дорожныя правила.—Татарскія деревни.—Малмыжъ.—Переѣздъ черезъ рѣку.—Животная жизнь.—Покровительство птицамъ.—Вотяки.—Искусные возницы.—Конецъ санному пути.—Путешественникъ изъ Кяхты.—Пермскій губернаторъ.—Кунгуръ.—Черезъ Уралъ.—Сплавъ судовъ.—Горнозаводскія селенія.—Перевалъ.—Запущенные лѣса.—Граница Европы и Азіи.—Взглядъ на Пермскую губернію.

Мы выѣхали изъ Москвы съ вечернимъ поѣздомъ и 19-го марта, около $9^1/_2$ часовъ, прибыли въ Нижній-Новгородъ. Здѣсь въ вокзалѣ мы встрѣчены были г. Коснырскимъ, который съ чрезвычайной любезностью взялся хлопотать касательно приготовленій къ нашему дальнѣйшему передвиженію. Благодаря его содѣйствію, намъ дали изъ конторы князя Демидова трое саней; въ числѣ ихъ были между прочимъ и тѣ сани, которыми въ предшествовавшую передъ тѣмъ зиму пользовался профессоръ Норденшильдъ. Когда это важное дѣло было покончено, наши люди немедленно приступили къ укладыванію множество бывшихъ съ нами вещей, для которыхъ я за 12 рублей долженъ былъ купить еще сани, сами-же мы въ маленькихъ саночкахъ отправились въ городъ.

Какъ извѣстно Нижній раздѣляется на двѣ части: собственно городъ стоитъ на правомъ берегу Волги, а ярмарка раскинута на лѣвомъ; обѣ части города, лѣтомъ, т. е. во время ярмарки, бываютъ соединены понтоннымъ мостомъ. Ярмарочная часть го-

рода, гдѣ находится также и желѣзнодорожный вокзалъ, бываетъ оживлена только во время ярмарки, продолжающейся отъ 27-го іюля до 22-го сентября *); въ остальное время она почти заброшена, а когда мы проѣзжали тамъ, то она частью была даже недоступна.

Внизу этой части города Волга соединяется съ значительной тоже рѣкой Окой; обѣ рѣки во время весенняго разлива представляютъ поистинѣ величественное зрѣлище. Большая часть ярмарки ежегодно втеченіе цѣлой недѣли стоитъ затопленная водой. Судоходство здѣсь тогда достигаетъ громадныхъ размѣровъ **). Теперь-же на рѣкѣ все было тихо, только по проѣзжей дорогѣ, усѣянной частыми, большими полыньями, тянулись безчисленныя подводы; но самый городъ, амфитеатромъ раскинутый по высокому берегу, съ блестящими позлащенными куполами церквей, большими, выкращенными бѣлой краской зданіями, былъ тѣмъ не менѣе весьма живописенъ.

Намъ нужно было закупить кое-какія дорожныя принадлежности и съѣстные припасы; все это мы нашли на большомъ базарѣ, застроенномъ множествомъ различныхъ лавокъ, въ изобиліи снабженныхъ всевозможнымъ товаромъ. Прежде всего мы запаслись здѣсь длинными шерстяными чулками и валеными сапогами, какъ вещами первой необходимости; затѣмъ неизбѣжными, и при путешествіяхъ по Россіи дѣйствительно незамѣнимыми калошами и матрацами; эти вещи путешественникъ долженъ выбирать съ особеннымъ тщаніемъ. Мы, напримѣръ, не имѣя понятія объ томъ, что значитъ путешествовать въ Сибири, купили себѣ матрацы самые дешевые и, вопреки всѣмъ благоразумнымъ совѣтамъ, совершенно отказались отъ пріобрѣтенія подушекъ, а онѣ-то именно оказываются незамѣнимы, потому что нѣсколько смягчаютъ тѣ страшные толчки, отъ которыхъ жестоко приходится страдать, какъ при санной ѣздѣ, такъ и при колесной. Впрочемъ я долженъ все-таки отдать справедливость матрацамъ, купленнымъ мною по три съ полтиной за штуку: правда, вмѣсто конскаго волоса они были набиты просто мочалой, но за то сохранились превосходно; правда также, что они при употребленіи день ото дня становились все жестче и жестче, пока не достигли наконецъ крайняго предѣла твердости, но они выдержали однако

*) Числа показаны у меня вездѣ по новому стилю, слѣдовательно на 12 дней впередъ стараго (русскаго) стиля.

**) По Волгѣ и ея притокамъ однихъ пароходовъ ходитъ до 250.

весь искусъ, и я съ неподдѣльнымъ чувствомъ грусти разставался въ Перми съ этими вѣрными спутниками, съ благодарностью вспоминая ихъ непрерывную службу намъ впродолженіи цѣлыхъ семи мѣсяцевъ.

Поэтому я совѣтую всѣмъ ѣдущимъ въ Сибирь и избирающимъ Нижній-Новгородъ исходной точкой своего путешествія, снарядить себя въ путь именно здѣсь, и прежде всего запастись двумя или тремя подушками и складными матрацами, сверху обтянутыми кожей, которые дѣлаются по образцу восточныхъ и чрезвычайно удобны и прочны.

Точно также хорошо сдѣлаетъ путешественникъ, если возьметъ съ собой изрядный запасъ холодныхъ закусокъ, поотому что на почтовыхъ станціяхъ, въ особенности по ту сторону Урала, несмотря на вывѣшенные почти вездѣ прейсъ-куранты, кромѣ обычнаго самовара трудно что-либо добыть, а если даже и есть что, то оно западно-европейцу, по крайней мѣрѣ въ началѣ, приходится очень не по вкусу. По большому Екатеринбургскому тракту попадаются впрочемъ станціи, гдѣ кормятъ довольно сносно, но пѣтъ книгъ—путеводителей, (вродѣ путеводителя по Норвегіи Беннета), въ которыхъ было-бы на это указано и обращено особенное вниманіе. Мы были очень довольны, что захватили съ собой въ достаточномъ количествѣ чаю, сахару, хлѣба, сыру, ветчины и паюсной икры,—все это было намъ какъ нельзя болѣе кстати. Такъ какъ мясо здѣсь вообще очень дешево, то недурно захватить съ собой кусокъ холоднаго жаркого или жареную птицу, но у насъ для этого было слишкомъ мало времени. Съѣстные припасы нужно возить съ собой въ маленькихъ плотно закрывающихся ящикахъ, чтобъ ихъ удобно было доставать изъ экипажа. Для бутылокъ и посуды полезно имѣть особо устроенный плотно закрывающійся ящикъ, съ мягко устланными отдѣленіями или перегородками; безъ этой предосторожности путешественникъ, вмѣсто стакановъ и бутылокъ, часто будетъ вынимать одни только черепки. Хорошо также брать съ собой вообще все, что необходимо для столоваго прибора; т. е. стаканы, ножи, вилки, ложки и тарелки; тарелки для путешествій всего лучше покупать изъ эмальированнаго желѣза. Наконецъ, при зимнихъ путешествіяхъ, слѣдуетъ запастись непремѣнно двумя хорошими обшитыми желѣзомъ лопатами; покрайней мѣрѣ еслибъ съ нами имѣлись такіе заступы, то намъ не приходилось-бы стоять зачастую по цѣлымъ часамъ на одномъ мѣстѣ, или мы могли-бы хотя сократить значительно продолжительность этихъ остановокъ.

Еще не мѣшаетъ здѣсь замѣтить, что топоръ и веревка всегда должны быть у путешественниковъ подъ руками, а лѣтомъ, при ѣздѣ по проселочной дорогѣ недурно имѣть при себѣ также и колесную мазь.

Необыкновенно рано наступившая въ томъ году оттепель, заставлявшая насъ сильно призадумываться еще въ Петербургѣ и Москвѣ, не менѣе безпокоила насъ и по прибытіи нашемъ въ Нижній. Улицы покрыты были водой, ручьями струившейся съ возвышенныхъ мѣстъ города, что никакъ не могло назваться благопріятнымъ условіемъ, въ виду предстоявшаго намъ саннаго пути, почему мы какъ можно скорѣе поторопились пуститься въ дорогу. Еще разъ плотно покушавъ въ буфетѣ желѣзнодорожнаго вокзала, не оставляющемъ желать ничего лучшаго, какъ и вообще всѣ буфеты на большихъ станціяхъ, и подкрѣпивши такимъ образомъ свои силы, мы около пяти часовъ двинулись въ путь на трехъ тройкахъ; за нами ѣхали еще сани съ поклажей, такъ что всего у насъ было одинадцать лошадей.

Зимній путь пролегалъ сначала по замерзшей рѣкѣ и казался невидимому гораздо лучше, чѣмъ этого можно было ожидать по разсказамъ другихъ путешественниковъ. Такъ напр. д-ръ Думбергъ, за недѣлю передъ тѣмъ познакомившійся съ нами въ Петербургѣ, и только что прибывшій туда изъ Барнаула съ караваномъ золота, нарисовалъ намъ картину, способную навести ужасъ на каждаго и сказалъ, что „по такой дорогѣ мы вообще совсѣмъ не доберемся до Сибири“. И дѣйствительно описаніе его оказалось нисколько не преувеличеннымъ: на другое утро мы уже должны были свернуть съ дороги, пролегавшей по Волгѣ, потому что станціонный смотритель въ Юркинѣ, въ виду громадныхъ полыней на рѣкѣ, не хотѣлъ брать на себя отвѣтственности и пустить насъ въ дальнѣйшее странствіе по такой дорогѣ, хотя, какъ мы узнали позднѣе, санная ѣзда по ней въ то время еще не прекратилась.

Открытіе и закрытіе зимняго пути по Волгѣ совершается по приказу казанскаго генералъ-губернатора: до и послѣ этого приказа проѣздъ по рѣкѣ строго воспрещается, подъ страхомъ наказанія.

Итакъ, мы свернули на настоящую большую, проѣзжую дорогу, движеніе по которой бываетъ только лѣтомъ, и то незначительное, и доѣхали до знаменитой березовой аллеи; аллея эта прерывается только мѣстами, и часто идетъ въ два ряда; отъ Нижняго до Тюмени она все время шла у насъ въ сторонѣ.

Проложена она была по повелѣнію императрицы Екатерины II и, если не ошибаюсь, тянется, гдѣ можно, кажется до Иркутска. Въ то время, какъ обсаживали эту аллею было запрещено подъ угрозой строгихъ наказаній, ссылки въ Сибирь и даже смертной казни, уничтожать и портить деревья, и конечно подобныя мѣры были не излишни, такъ какъ иначе насажденіе этой громадной аллеи,—предпріятіе въ своемъ родѣ гигантское,—никогда не могло-бы окончиться, и аллеи-бы не существовало. Теперь многія, очень многія деревья сгнили и состарились, а вновь подсаживаемыя уже не могутъ быть такъ тщательно оберегаемы, какъ въ прежнія времена, и потому конечно только въ исключительныхъ случаяхъ рѣдкія изъ нихъ могутъ достигнуть такихъ размѣровъ, какихъ достигали ихъ предшественники. Громадные частые обозы, идущіе этой дорогой, само-собой разумѣется, представляютъ условіе не особенно благопріятствующее росту и развитію молодыхъ деревьевъ: тутъ молодое растеніе и зацѣпятъ, и переѣдутъ, и сорвутъ у него вѣтки, а то такъ и просто сломаютъ на какую-нибудь подпорку; русскій-же человѣкъ, къ тому-же, по собственному признанію самихъ русскихъ, — самый безпощадный истребитель лѣсовъ, въ чемъ мнѣ впослѣдствіи приходилось неоднократно убѣждаться и лично.

Мы рѣшили было, по сибирскому обыкновенію, ѣхать день и ночь, но распутица была настолько сильна, что на вторую уже ночь мы цѣлыхъ 5 часовъ должны были лежать, потому что ямщики, по причинѣ страшной темени, отказывались везти дальше, въ чемъ ихъ поддерживалъ и почтовый смотритель; да наконецъ и намъ самимъ не особенно улыбалась перспектива въ самомъ-же началѣ путешествія провалиться къ какую-нибудь водомоину на Волгѣ, по которой намъ снова предстояло ѣхать, такъ что мы волей-неволей должны были покориться своей участи. Утро слѣдующаго дня показало намъ и на дѣлѣ, что наша осторожность не была излишня, потому что, не говоря уже о томъ, что мы все время ѣхали по водѣ, образовавшейся отъ растаявшаго снѣга, но и самый ледъ далъ уже значительныя трещины и провалы. Послѣдніе, покрайней мѣрѣ днемъ, представляютъ однако менѣе опасности чѣмъ такъ называемыя „шапоры“ *), т. е. скопившаяся въ углубленіяхъ вода, сверху покрытая снѣгомъ или затянувшаяся льдомъ. Въ одной изъ такихъ ямъ мы, въ видѣ предостерегающей вѣхи, замѣтили застрявшія и брошенныя сани.

*) Авторъ говоритъ вѣроятно о зажорахъ.

По Волгѣ мы ѣхали по этому случаю недолго и снова повернули на большую дорогу. Если не было недостатка въ ямахъ, выбоинахъ и всякаго рода неровностяхъ на рѣкѣ, то тутъ всѣ украшенія пути давали себя чувствовать бокамъ еще сильнѣе. Отправляясь въ путь, мы мечтали о предстоявшемъ намъ пріятномъ и продолжительномъ катаньѣ въ саняхъ, и многіе соотечественники завидовали намъ въ этомъ удовольствіи,—на самомъ-же дѣлѣ мы могли возбудить теперь не зависть, а только сожалѣніе, потому что намъ предстояло совершить чисто подвигъ мученичества, подвигъ, становившійся чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе. Съ каждымъ днемъ все замѣтнѣе исчезалъ снѣгъ, и кругомъ во многихъ мѣстахъ зачернѣла огромными пятнами начинавшая показываться изъ подъ снѣгу земля; проѣзжая-же дорога представляла собой толстый, въ нѣсколько футовъ вышины, затвердѣлый какъ ледъ слой, состоящій изъ сѣна и навоза, перемѣшаннаго съ снѣгомъ, и изрытый большей или меньшей величины впадинами и ямами. Такая волнообразная поверхность, какъ я узналъ впослѣдствіи отъ графа Вальдбурга Цейль, образуется при самомъ началѣ саннаго пути, въ особенности по березовой аллеѣ, въ открытомъ полѣ, такъ что дорога здѣсь никогда не бываетъ такой ровной и гладкой, какъ можно было ожидать. У русскихъ есть особенное слово для этихъ снѣжныхъ ямъ, (ухабъ) которыя являются поистинѣ ужасомъ и мученіемъ для путешествующихъ зимой. Снѣжныя, часто холмообразныя возвышенія обязаны своимъ происхожденіемъ вихрямъ, и въ березовой аллеѣ ихъ особенно много возлѣ нея, почему для улучшенія этой дороги, ихъ эти слѣдовало-бы непремѣнно удалить. Но оттепель даритъ путешественниковъ несравненно большими непріятностями. Снѣгъ по бокамъ обледенѣвшей дороги дѣлается настолько рыхлъ, что лошади совершенно проваливаются въ него, такъ что цѣлыя станціи приходится уже ѣхать такъ, что три лошади впрягаются не рядомъ, одна возлѣ другой, а одна сзади другой,—это называется ѣхать „гусемъ“. Потомъ, чуть только сани выбились изъ глубоко наѣзженной колеи,—что случается всякій разъ при поворотахъ и разъѣздахъ,—то, чтобъ снова направить, ихъ требуются уже большія усилія, а нерѣдко приходится проработать за этимъ нѣсколько часовъ. Всего больше страдаютъ тутъ конечно лошади, съ которыми часто обращаются крайне жестоко, а между тѣмъ, по пословицѣ „нужда не знаетъ законовъ“, надо было привыкать къ тому, чтобъ подавлять въ себѣ протесты и заглушать въ себѣ нѣмецкаго покровителя животныхъ; да при-

томъ-же и людямъ-то приходилось тоже очень незавидно,—на ихъ долю доставалось-таки работы, такъ что, бывало, не знаешь чему больше дивиться—выносливости-ли лошадей или выносливости ямщиковъ.

Шутка-ли въ самомъ-дѣлѣ битые часы сидѣть бочкомъ на облучкѣ саней или верхомъ на неосѣдланной лошади, непрерывно махать кнутомъ и кричать, затѣмъ купаться въ ледяной снѣжной водѣ, чтобъ удостовѣриться насколько тверда дорога, наконецъ съ величайшимъ напряженіемъ силъ поднимать и вытаскивать сани, причемъ потъ съ несчастныхъ тружениковъ льетъ буквально ручьями, такъ что они сбрасываютъ шубы и, не думая о простудѣ, продолжаютъ работать въ однихъ холщевыхъ рубашкахъ?... Но вотъ справились съ санями, опять начинаются страданія уже для всѣхъ сѣдоковъ. Движеніе саней можно сравнить съ движеніемъ корабля; какъ корабль, подброшенный волной, вдругъ поднимается такъ, что носъ совершенно заслоняетъ собой горизонтъ и вслѣдъ затѣмъ мгновенно-же опускается, такъ точно и сани: часто онѣ внезапно поднимаются такъ, что дуга коренной лошади совсѣмъ исчезаетъ изъ глазъ, но впизъ опускаются онѣ далеко не такъ нѣжно, какъ корабль,—напротивъ спуски эти сопровождаются такими внушительными толчками, что серьезно грозятъ сотрясеніемъ мозга бѣдному путешественнику, не обложившему себя подушками. Частенько бываетъ, что четыре-пять такихъ внушительныхъ толчковъ слѣдуютъ непосредственно одинъ за другимъ, а ужъ маленькимъ скачкамъ, прыжкамъ и всякимъ тому подобнымъ, менѣе значительнымъ поталкиваніямъ, конечно нѣтъ и счета. Случается также, что сани раскатываются и тащутся нерѣдко четверть часа бокомъ, наклонившись то на правую сторону, то на лѣвую; для сѣдоковъ подобное положеніе тоже никакъ не можетъ быть пріятно, въ особенности, когда въ однихъ саняхъ приходится ѣхать троимъ, какъ приходилось въ то время намъ. Сани могутъ еще выдержать сравненіе съ кораблемъ и въ томъ отношеніи, что движеніе ихъ вызываетъ у нѣкоторыхъ людей состояніе, подобное тому, какое испытываетъ человѣкъ при морской болѣзни.

Что почтовыя сани являютъ собою сооруженіе весьма внушительное и массивное—это само собой разумѣется; на изящество и вообще на красивую внѣшность онѣ конечно не имѣютъ даже ни малѣйшаго притязанія, все равно какъ и другой обыкновенный почтовый экипажъ—тарантасъ, описаніе котораго дано будетъ мною нѣсколько ниже. Основаніемъ саней служатъ толстые по-

лозья, разстояніе между которыми очень узко; къ переду они загнуты обыкновеннымъ образомъ кверху, по большей части обиты бываютъ желѣзомъ, и соединены между собой прочными, толстыми перекладинами. Непосредственно на этихъ полозьяхъ, или немного повыше, находится самый кузовъ сапей, сзади очень широкій, спереди узкій, съ боковъ выгнутый и выпуклый, такъ что бока выступаютъ въ стороны надъ полозьями: вмѣстимость его такова, что три человѣка могутъ въ немъ ѣхать лежа. Матеріалъ изъ котораго дѣлаются сани, кромѣ деревянныхъ и желѣзныхъ брусьевъ, состоитъ изъ лубка, тонкихъ дощечекъ или листового желѣза; внутри сани бываютъ большей частью обиты войлокомъ. Къ задней части саннаго кузова придѣланы иногда бываютъ выгнутыя назадъ ручки, соединенныя между собою перекладинами и желѣзомъ; это сообщаетъ всему экипажу большую прочность. Но замѣчательнѣе всего въ русскихъ саняхъ совершенно своеобразное и чрезвычайно практичное приспособленіе, препятствующее санямъ опрокидываться, — это боковые отвода. Отъ передняго верхняго края саннаго кузова, съ каждой стороны его, идутъ, отступя нѣсколько отъ боковъ, толстыя деревянныя жерди, до нижняго задняго края полозьевъ; спереди эти жерди привязываются къ кузову толстыми веревками, а сзади двумя желѣзными брусьями. Оба отвода чаще всего идутъ повыше полозьевъ и соединяются съ ними толстыми, слегка выгнутыми перекладинами. Большая часть почтовыхъ саней на половину закрыты рогожами и фартукъ тоже замѣняютъ рогожи, которыми закрываютъ переднее отверстіе во время мятелей и вьюгъ.—Конечно и почтовыя сани бываютъ весьма разнообразнаго устройства, и совсѣмъ закрытыя, и совсѣмъ открытыя и т. д., но основнымъ типомъ всѣмъ имъ служитъ описанный мною образецъ. Надо еще упомянуть здѣсь, что коренная лошадь запрягается въ дугу и оглобли, которыя привязываются къ передней части полозьевъ веревками; пристяжныя-же лошади припрягаются на постромкахъ или-же къ отводамъ. Мѣсто для кучера (ямщика) устроено въ высшей степени неудобно. Онъ помѣщается на поперечной доскѣ, соединяющей переднюю часть саннаго кузова, и сидитъ бокомъ, свѣсивъ ноги, которыми онъ можетъ, самое большее, упереться въ отводъ. Мнѣ часто приходилось дивиться той ловкости, съ какой ямщики умѣютъ удерживаться на своихъ неудобныхъ козлахъ, при страшныхъ толчкахъ, особенно при быстрой ѣздѣ.

Запряганіе лошадей въ наши трехспальныя сани, а также и

въ сани съ поклажей, требовало обыкновенно отъ 15 до 20 минутъ; въ это время путники успѣваютъ выпить стаканъ горячаго чаю, и снова пускаются навстрѣчу своей неизвѣстной долѣ. Почтовая станція представляетъ собой обыкновенно очень хорошее зданіе, къ которому примыкаетъ обширный дворъ, съ открытыми навѣсами, гдѣ находятся сани, телѣги, и всякая упряжь. Почтовая станція всегда отмѣчена щитомъ, съ изображеніемъ государственнаго герба, съ обозначеніемъ названія мѣста и разстоянія его въ верстахъ отъ Петербурга.

Внутренность русско-сибирскихъ почтовыхъ станцій, какъ это можно предполагать, не можетъ похвалиться комфортабельностью. Немногіе, жесткіе какъ камни диваны, или деревянныя скамейки, зачастую бываютъ заняты проѣзжающими, прибывшими ранѣе, такъ что послѣ подъѣхавшимъ, хотя-бы и не имѣющимъ даже матрацовъ, ничего не остается какъ только растянуться на полу, когда непредвидѣнныя обстоятельства вынуждаютъ заночевать на станціи.

Мѣстность между Нижнимъ и Казанью, въ отношеніи картинности видовъ, особенно въ это время года, не представляетъ ровно ничего. Изрѣдка приходится проѣзжать смѣшанными лѣсами, но вообще мѣстность кажется заселенной, судя по многимъ, часто большимъ деревнямъ; за Нижнимъ напр. деревни просто лѣпятся одна возлѣ другой. Впечатлѣніе эти деревни производятъ не особенно благопріятное, такъ какъ представляютъ собой, въ большинствѣ случаевъ, два ряда деревянныхъ домиковъ, обрамляющихъ очень широкую улицу, гдѣ на всемъ протяженіи не виднѣется почти ни одного деревца. За исключеніемъ весьма немногихъ болѣе красивыхъ домиковъ, съ лицевой стороны часто украшенныхъ хорошенькой рѣзьбой и пестро - разрисованными узорами, на всемъ лежитъ отпечатокъ безграничной небрежности. Многіе дома, чтобъ не сказать большинство ихъ, выглядятъ такъ, какъ будто сейчасъ разрушатся, потому что русскій человѣкъ рѣдко подумаетъ о своевременной поправкѣ, и ему кажется легче выстроить новый домъ, чѣмъ позаботиться о поддержаніи стараго. Дома строятъ исключительно изъ срубовъ, т.-е. кладутъ одно на другое обтесанныя бревна, щели между ними затыкаютъ мохомъ, а сверху дѣлаютъ крышу изъ досокъ. Въ Сибири встрѣчаются часто хижины, покрытыя березовыми прутьями или березовой корой, но это уже жилища бѣдняковъ, заключающія въ себѣ часто одну комнату, и она уже носитъ названіе „изба“, а не „домъ“. Странно, что при громадномъ употребленіи въ

Россіи и Сибири березовой коры, тамъ неизвѣстенъ способъ крыть этимъ матеріаломъ крыши такъ, какъ ихъ кроютъ въ Норвегіи и Лапландіи. На дворахъ зажиточныхъ крестьянъ обыкновенно бываютъ пристроены сараи и амбары, тоже изъ бревенъ, но помѣщенія для скота, тамъ гдѣ объ нихъ конечно можетъ быть рѣчь, состоятъ обыкновенно изъ грубо заплетеннаго плетня, закиданнаго сверху вѣтками и соломой; защитой такимъ постройкамъ служатъ больше всего высокіе сугробы снѣга. Поэтому мы видѣли всюду скотъ уже на улицахъ, гдѣ онъ старательно розыскивалъ освободившіеся, благодаря оттепели, отъ снѣга остатки разбросаннаго сѣна и соломы, или же толпился у того мѣста, гдѣ останавливаются обозы, и гдѣ слѣдовательно добыча обильнѣе. Рогатый скотъ вездѣ очень плохъ: мелкій, съ маленькими рогами, высоко приподнятымъ къ переду и отвисшимъ къ заду позвоночнымъ столбомъ, съ необыкновенно тонкими ногами, и длинной, почти лохматой шерстью, чаще всего сѣраго цвѣта. Много приглядиѣе смотрятъ черныя и краснопѣгія, замѣчательно длинноголовыя свиньи, часто попадавшіяся намъ небольшими стадами уже за околицами деревень. Но что здѣсь особенно хорошо — такъ это куры и гуси; часто встрѣчаются экземпляры положительно великолѣпные, такъ что наши обыкновенныя породы далеко уступаютъ этимъ.

На разстояніи нѣсколькихъ станцій отъ Нижняго начинается уже область черемисовъ, и не доѣзжая еще до Казани — область чувашей, два племени, еще въ 1734 году, т.-е. 150 лѣтъ тому назадъ, аттестованные Гмелиномъ въ качествѣ ярыхъ идолопоклонниковъ, которые до сего времени еще не всѣ окрещены. Такъ Шванебахъ, на основаніи оффиціальныхъ показаній, приведенныхъ въ петербургскомъ календарѣ 1876 года, говоритъ, что въ Казанской губ. насчитывается 11,351, въ Пермской—13,456, и въ Вятской—10,595 язычниковъ. Графъ фонъ-Вальдбургъ-Цейль, на обратномъ пути черезъ Казань, гдѣ онъ пробылъ довольно долго, изъ вѣрныхъ источниковъ получилъ подтвержденіе этого показанія. Даже и крещеные черемисы до сихъ поръ все еще придерживаются шаманства, и собираются во мракѣ лѣсовъ для жертвоприношеній своимъ старымъ богамъ; но священнодѣйствія эти совершаются до такой степени таинственно, что узнать что-нибудь про нихъ чрезвычайно трудно, если не невозможно. Говорятъ даже, что будто бы лица, случайно или намѣренно дѣлавшіяся свидѣтелями подобныхъ собраній, въ случаѣ, если обнаруживалось ихъ присутствіе, платились жизнью, и что этимъ объясняется

Фундаментальная библиотека

внезапное исчезновеніе нѣкоторыхъ чиновниковъ лѣсного вѣдомства. Такъ какъ древніе языческіе обряды, которыхъ такъ упорно придерживаются названныя племена, по всѣмъ вѣроятностямъ нисколько не измѣнились, то описаніе прежнихъ путешественниковъ и теперь не утратили своего интереса и значенія, почему я и ограничусь здѣсь только указаніемъ на путешествія Гмелина, Рычкова и Палласа.

Черемисы вмѣстѣ съ мордвой принадлежатъ къ южной отрасли финскаго племени, и живутъ въ губерніяхъ Нижегородской, Казанской, Пермской, Костромской, Оренбургской и Вятской. По Кастрену, число ихъ, въ общей сложности, простирается до 200,000 душъ (по Ленгенфельду въ 1875 году — до 210,000); изъ нихъ болѣе 67,000 приходится на долю Казанской губерніи, гдѣ они живутъ преимущественно по лѣвому берегу Волги. Мы познакомились съ ними только мимоѣздомъ, т.-е. видѣли толпы ихъ на большой дорогѣ, потому что изъ деревень былъ собранъ народъ для очищенія водосточныхъ канавъ отъ снѣга; при этой работѣ какъ мы послѣ узнали въ Казани изъ достовѣрныхъ источниковъ, въ силу закона, могутъ быть употребляемы только деревянныя лопаты (?). Женщины и дѣвочки, между которыми немало свѣжихъ смѣющихся лицъ, выглядятъ очень странно: на нихъ надѣты бѣлыя, доходящія только до колѣнъ байковыя юбки, а ноги обвиты черной матеріей и лыкомъ. Какъ мнѣ показалось, свѣтлый цвѣтъ волосъ у нихъ преобладаетъ. Деревни ихъ не отличаются постройкой отъ русскихъ деревень, только мнѣ бросились въ глаза трубы, сложенныя почти на всѣхъ домахъ изъ кирпичей, что вѣроятно ничто иное какъ случайность.

Сказанное относительно черемисъ приложимо и къ чувашамъ, съ тѣмъ только различіемъ, что послѣдніе—несомнѣнно татары, т.-е. тюркскаго происхожденія, хотя Кастренъ и считаетъ ихъ только за отатарившуюся вѣтвь черемисовъ, другими словами, изъ пристрастія къ своимъ землякамъ, признаетъ за финновъ. Число чувашей, по Кастрену, много больше, нежели черемисъ, такъ какъ ихъ насчитываютъ до 400,000 душъ, изъ коихъ 270,000 живутъ въ Казанской губ. а остальные—въ Оренбургской, Саратовской, Симбирской и Вятской. Небольшая часть ихъ обращена, по крайней мѣрѣ наружно, въ христіанство, по большинство исповѣдуетъ исламъ. Впрочемъ, муллы, говорятъ, также мало довольны ими, какъ и попы, такъ какъ въ дѣйствительности большинство ихъ придерживается еще шаманства и посѣщаетъ еще и теперь „кереметп“ или древнія мѣста для жертво-

приношеній, какъ ихъ описываетъ еще Гмелинъ. Я отсылаю читателя по этому поводу къ интереснымъ извѣстіямъ, сообщаемымъ этимъ путешественникомъ и Палласомъ; на основаніи же собственныхъ наблюденій я могу сообщить объ нихъ еще менѣе чѣмъ о черемисахъ, т.-е. ровно ничего, за исключеніемъ развѣ того, что одинъ изъ нашихъ ямщиковъ-чувашей имѣлъ на правой рукѣ два большихъ пальца. Деревни чувашей показались мнѣ въ общей сложности бѣднѣе; впрочемъ да не послужитъ это укоромъ почтенному племени.

22 числа намъ пришлось переѣзжать черезъ одну рѣчку, уже освободившуюся отъ льда, причемъ дѣло не обошлось безъ споровъ, такъ какъ изъ двухъ конкурирующихъ партій каждая желала имѣть честь насъ перевезти, т.-е. получить соотвѣтствующую плату за перевозъ. При помощи неизбѣжныхъ ругательствъ и кулаковъ Ивана, мы наконецъ проложили себѣ путь, и вечеромъ слѣдующаго дня прибыли къ Волгѣ, которая къ счастью, еще была покрыта льдомъ. Ледъ оказался, однако, настолько топокъ, что переѣздъ былъ запрещенъ полиціей, и намъ пришлось, въ виду вожделенной Казани и ея манящихъ огоньковъ, дожидаться слѣдующаго дня въ небольшой деревушкѣ Верхній Услонъ. Въ 6 час. утромъ, когда пономарь началъ свой негармоничный призывъ къ заутренѣ, которому гнѣздящійся на колокольнѣ воронъ обязательно отвѣчалъ своимъ низкимъ „арръ, арръ, арръ“, мы тронулись въ путь. Волга разстилалась передъ нами подобно обширному снѣжному полю, не менѣе широко, чѣмъ Дунай въ его нижнемъ теченіи. На заднемъ планѣ красовалась Казань, съ ея высокимъ кремлемъ, съ ея многочисленными церквами и мечетями, изъ коихъ послѣднія, впрочемъ представляли гораздо менѣе живописный видъ, чѣмъ на Востокѣ: имъ недостаетъ здѣсь стройныхъ минаретовъ.

Переѣздъ черезъ Волгу былъ довольно затруднителенъ; сани то и дѣло попадали въ рыхлый снѣгъ и въ промоины, черезъ которыя приходилось класть доски, что все заняло болѣе часа времени. Такъ какъ до Казани оставалось еще отъ Волги 7 верстъ и вслѣдствіе почти совершеннаго отсутствія снѣга на дорогѣ намъ пришлось пробираться стороной цѣликомъ по полямъ и низинамъ, то мы не ранѣе $10^1/_2$ часовъ могли добраться до гостиницы. Послѣдняя оказалась отлично содержимою, лучше чѣмъ иной нѣмецкій отель,—обстоятельство, которое заставило насъ скоро забыть о всѣхъ неудобствахъ пути.

Для того, чтобы проѣхать 416 верстъ, мы должны были упо-

требить 4 дня $17^1/_2$ часовъ, и за все это время едвали могли соснуть болѣе 9 часовъ. При хорошей дорогѣ можно было бы удобно совершить этотъ переѣздъ въ $2^1/_2$ дня, но намъ пришлось часто останавливаться и переѣзды въ 30 верстъ часто брали у насъ по 7 часовъ и болѣе.

Какъ ни мало напоминаютъ большой городъ казанскія предмѣстія, съ ихъ развалившимися хижинами, плохими домишками, кабаками, свиньями и кучами навоза, но самъ городъ производитъ пріятное впечатлѣніе. Въ особенности большая улица, на которой находился нашъ отель, могла бы съ ея красивыми домами, въ томъ числѣ Думой и другими казенными зданіями, выдержать вполнѣ состязаніе съ многими западно-европейскими. Казань, древняя столица татарскаго царства, власть котораго была сокрушена Иваномъ Грознымъ (1552), составляетъ еще и теперь главный центръ магометанскаго населенія европейской Россіи; изъ 80—100,000 ея жителей считается еще и теперь отъ 20 до 30,000 татаръ. Они населяютъ особый кварталъ, который однако сохранилъ въ себѣ мало восточнаго: дома большей частью походятъ на русскіе и даже мечети не представляютъ того благородства и изящества въ своемъ внѣшнемъ видѣ, который такъ поражаетъ путешественника на востокѣ. Казань насчитываетъ до 60 церквей и 15 мечетей: православный крестъ и мусульманскій полумѣсяцъ процвѣтаютъ здѣсь мирно одинъ подлѣ другого, наглядно доказывая, что эти двѣ различныя религіи могутъ вполнѣ уживаться между собою.

Мы оставались въ Казани только три дня, не болѣе, сколько было безусловно необходимо, и должны были при этомъ сильно нарушить правила вѣжливости, не бывъ положительно въ состояніи отвѣчать на всѣ любезныя, сдѣланныя намъ приглашенія. Чтобы удовлетворить ихъ хоть сколько нибудь, мы раздѣлились: Графъ Вальдбургъ-Цейль послѣдовалъ приглашенію Его Превосходительства, г. Губернатора Скарятина, д-ръ Бремъ отправился на обѣдъ къ статскому совѣтнику д-ру Эльснеру, а я воспользовался приглашеніемъ проф. Радлова. Проф. Радловъ, проживши много лѣтъ въ Барнаулѣ и неоднократно путешествовавшій съ учеными цѣлями по Алтаю, въ Туркестанъ и т. д., былъ для насъ особенно дорогъ своимъ основательнымъ знаніемъ Алтая. Обыкновенно путешественники бываютъ настолько заваливаемы разными, часто противорѣчащими одинъ другому совѣтами, что въ концѣ концовъ становятся нерѣдко въ тупикъ, не зная которымъ изъ нихъ отдать предпочтеніе. Но проф. Радловъ, какъ въ

томъ можно было убѣдиться, говорилъ не по слухамъ, а на основаніи собственнаго опыта, и я считаю здѣсь же долгомъ замѣтить, что справедливость его совѣтовъ подтвердилась не только впослѣдствіи, но уже въ самой Казани. Такъ напр. нѣкоторые убѣдительно доказывали намъ необходимость купить тарантасъ, несмотря на то, что покуда еще въ немъ не было надобности и его пришлось бы вести за собою на саняхъ. Совѣтъ казался вполнѣ основательнымъ, но когда мы, по указанію Радлова, обратились къ знаменитому тарантасному мастеру, Романову, то послѣдній объявилъ, что хотя ему и было бы выгодно продать намъ одно изъ своихъ издѣлій, однако онъ не можетъ совѣтывать намъ сдѣлать такую покупку, ибо, безъ всякаго сомнѣнія, на одной изъ ближайшихъ станцій, намъ придется оставить и тарантасъ и сани. Дѣйствительно, впослѣдствіи намъ пришлось убѣдиться, что ученый профессоръ и честный тарантасный мастеръ были совершенно правы.

Подъ руководствомъ проф. Радлова, инспектора татарскихъ школъ и основательнаго знатока татарскаго и киргизскаго, равно какъ и вообще тюркскихъ языковъ, мы посѣтили татарскую часть города, гдѣ онъ ввелъ насъ въ домъ знаменитаго муллы, который показалъ намъ одну мечеть и медресэ, т. е. магометанское высшее училище. Добрякъ мулла, знакомый съ арабскимъ языкомъ только по книгамъ, былъ не мало удивленъ, когда д-ръ Бремъ заговорилъ съ нимъ по арабски; студенты медресэ удивились не меньше ученому иностранцу, который былъ въ состояніи основательно проэкзаменовать ихъ знаніе корана. Внутреннее устройство медресэ было впрочемъ весьма просто, какъ и вообще на востокѣ, отличаясь тѣмъ же первобытнымъ характеромъ.

Помянувъ о магометанскихъ ученыхъ школахъ прежде христіанскихъ, я долженъ просить прощенія у гг. профессоровъ, оказавшихъ намъ такой любезный пріемъ въ университетѣ и обязательно показавшихъ свои лабораторіи и музеи. Университетъ помѣщается въ красивомъ зданіи, устроенъ удобно и снабженъ превосходно обставленными лабораторіями; зоологическое собраніе поражаетъ менѣе, въ особенности того, кто много видѣлъ въ томъ же родѣ; я напрасно искалъ въ немъ типичныхъ экземпляровъ Эверсмана, которые я ожидалъ встрѣтить здѣсь во всей ихъ полнотѣ. Мы посѣтили также университетскую библіотеку, которою завѣдуетъ мой ученый землякъ, проф. фонъ-Готтвальдъ, извѣстный знатокъ исторіи и языковъ Востока. Онъ пользуется также особеннымъ уваженіемъ у магометанскихъ ученыхъ, которые приходятъ къ

нему совѣтываться, а многіе изъ нихъ считаютъ его даже за настоящаго мусульманина, прикрывающагося только маской христіанина. Съ тѣхъ поръ, какъ лучшее сокровище казанской библіотеки, именно восточное ея отдѣленіе, было переведено въ Петербургъ, по случаю открытія тамъ факультета восточныхъ языковъ, университетъ много потерялъ въ своемъ блескѣ. Еще Кастренъ (1845) восторгался имъ и былъ пораженъ изобиліемъ кафедръ восточныхъ языковъ, которыя были отчасти заняты природными уроженцами Востока.

Между студентами многіе насъ поразили своимъ видомъ ярыхъ буршей и колоссальными космами на головахъ; другіе попадались намъ на улицахъ разгуливающими подъ ручку съ своими дамами. Какъ мы узнали, многіе изъ нихъ живутъ въ церковномъ бракѣ и упомянутыя дамы были настоящими „студентскими супругами“, какъ ихъ назвали бы въ Австріи.

Кромѣ университета и медресэ въ Казани есть еще прилично выглядывающій театръ, передъ которымъ стоитъ даже какой-то памятникъ, если не ошибаюсь, изъ бронзы, и — что для насъ нѣмцевъ не менѣе важно, — большая пивная, гдѣ можно получать весьма сносное пиво, которымъ намъ пришлось наслаждаться и позже, въ Сибири. Я не могу не привести здѣсь въ назиданіе потомству имени почтеннаго основателя этого, столь же своевременнаго, сколько и обще-полезнаго промышленнаго предпріятія, и если я скажу, что онъ пишется „Pätzold“, то вѣроятно каждый изъ моихъ нѣмецкихъ читателей тотчасъ же признаетъ своего земляка.

Наше короткое пребываніе не ограничилось впрочемъ одними визитами и осмотромъ достопримѣчательностей; намъ пришлось обдѣлать еще немало дѣлъ. Прежде всего, нужно было раздѣлаться съ нашими тяжелыми санями и нанять двое легкихъ почтовыхъ, къ сожалѣнію открытыхъ, причемъ багажъ пришлось вести на перекладной, т. е. мѣняя лошадей и перекладывая поклажу на каждой станціи. Конечно, это вызывало собою лишнюю потерю времени и было сопряжено съ неудобствами, но, при неизвѣстности, будемъ ли мы имѣть надобность въ саняхъ, или въ колесномъ экипажѣ, это было во всякомъ случаѣ наиболѣе подходящимъ. Для облегченія багажа, все, что казалось не столь-необходимымъ, было, какъ это пришлось повторять не разъ и позже, вынимаемо. Часть огнестрѣльныхъ снарядовъ, заключавшую въ себѣ болѣе 4000 патроновъ и 14,000 пыжей, я отправилъ зарапѣе въ Барнаулъ, чѣмъ отдѣлался по крайней мѣрѣ отъ колоссальнаго ящика

берлинскаго оружейника, возбудившаго во мнѣ уже тогда немало опасеній и безпокойства. Изъ 25 фунтовъ Либиховскаго мясного экстракта, предусмотрительно купленнаго д-ромъ Бремомъ, я оставилъ также 17, причемъ долженъ замѣтить, что и остальныхъ 6 фунтовъ оказалось вполнѣ достаточнымъ.

Г. Рамъ, природный швейцарецъ, глава извѣстной торговой фирмы Рамъ и К°, которая имѣетъ здѣсь обширный складъ сельскохозяйственныхъ машинъ и всевозможныхъ произведеній искусства и промышленности, оказалъ намъ, во всѣхъ нашихъ сборахъ, любезное предупредительное содѣйствіе. Въ качествѣ представителя Общества для содѣйствія торговлѣ и промышленности онъ привѣтствовалъ уже насъ тотчасъ по нашемъ пріѣздѣ.

Рано утромъ, 27 марта, мы оставили татарскій городъ, послѣдній, въ которомъ мы, въ нашемъ дальнѣйшемъ путешествіи къ востоку, встрѣтили мостовыя и нѣмецкое хоровое общество. Любезнымъ приглашеніемъ послѣдняго мы обязаны г. Пельцаму, почтенному хранителю зоологическаго университетскаго музея, собранія котораго онъ могъ значительно обогатить, благодаря своимъ путешествіямъ на Печору, въ Персію, на Красное море и т. д.,— подробные отчеты о которыхъ, повидимому, однако никогда не были изданы. Сначала, въ нашихъ легкихъ саняхъ, мы ѣхали весьма скоро: дорога была сносною; татарскіе ямщики оказались превосходными возницами. Ѣхать съ ними было вообще удовольствіемъ. Иногда мы по цѣлымъ милямъ ѣхали непрерывнымъ галопомъ, такъ что отдѣльные переѣзды въ 25 верстъ совершали почти въ $2^1/_2$ часа, что, принявъ во вниманіе состояніе дороги, слѣдуетъ признать вполнѣ удовлетворительнымъ. Къ сожалѣнію это продолжалось недолго и скоро намъ пришлось страдать отъ отсутствія снѣга и невылазной грязи. Къ тому же разъ сломались у насъ багажныя сани, а переѣзды черезъ рѣки и многочисленныя повозки, возвращающіяся съ Ирбитской ярмарки также причиняли немалыя остановки. Уже съ самаго Нижняго встрѣчали мы ежедневно ѣдущихъ въ Ирбитъ, и на станціяхъ намъ пришлось познакомиться со многими торговцами, въ томъ числѣ и съ нѣмцами, прикащиками московскихъ фирмъ. Между прочимъ мы встрѣтили представителей одной большой фирмы, торгующей карманными часами, коихъ ежегодно она сбываетъ въ Ирбитѣ отъ 3 до 4 тысячъ, что̀ можетъ служить примѣромъ важности торговыхъ оборотовъ на Ирбитской ярмаркѣ, центръ тяжести которой, впрочемъ, само собою разумѣется, составляетъ сырьё.—

Длинные обозы представляли оригинальное зрѣлище, причемъ

нельзя было не обратить вниманія на выносливость обозныхъ лошадей, средняго роста, но сильныхъ. Онѣ тянутъ почти безъ всякаго понуканія, такъ какъ господа ямщики, по одному на 5—6 санеи, мало заботятся о своихъ животныхъ. Они идутъ, обыкновенно болтая, по сторонамъ дороги или лежатъ и дремлютъ на возахъ. Лошади должны мучиться и страдать однѣ. Иногда видишь, какъ онѣ останавливаются, какъ бы въ раздумьи, передъ пригоркомъ или высокимъ мостомъ, затѣмъ первая лошадь трогаетъ, а остальныя слѣдуютъ за нею съ одинаковымъ рвеніемъ, чтобы разомъ одолѣть препятствіе. Впрочемъ каждая лошадь привязана къ предыдущимъ санямъ, такъ что поневолѣ всѣ должны двигаться вмѣстѣ. Поэтому, если одна изъ нихъ падаетъ, то её нѣсколько времени протащатъ, покуда ей удастся снова подняться на ноги. Пролагать путь между этими обозами было не такъ то легко; иногда бѣдныя лошади, какъ ни мучились, не могли вытащить тяжелыхъ санеи изъ глубокихъ ухабовъ.

Замѣчу при этомъ, что только передъ ѣдущими на почтовыхъ по казенной надобности остальные обязаны сворачивать, и только передъ курьерами и обозами съ золотомъ сворачиваютъ всѣ. Въ остальныхъ случаяхъ признается правиломъ, что отдѣльныя сани, или малое число ихъ, должно сворачивать передъ большимъ. При объѣздахъ многое зависитъ отъ искусства объѣзжающаго и въ этомъ случаѣ ямщики выказываютъ иногда большую сноровку.

Что при подобныхъ объѣздахъ и сворачиваніяхъ не обходится безъ крика и брани, переходящихъ нерѣдко даже въ драку, само собою понятно. Однажды, сильно раздосадованный, я самъ ударилъ одного татарина, который былъ не прочь отплатить мнѣ тѣмъ же, хотя и величалъ меня „высокоблагородіемъ,“ если бы его не предупредили во время наши ямщики, которые повалили его на землю и здорово намяли бока, что вызвало смѣхъ со стороны его товарищей. Обозы, шедшіе съ Ирбитской ярмарки, были нагружены большей частью кожами, мѣхами и, въ небольшомъ количествѣ, мамонтовою костью.

За Казанью намъ пришлось проѣхать чрезъ многія татарскія деревни, вообще мало отличающіяся отъ русскихъ, кромѣ развѣ того, что дома въ нихъ почти всѣ въ одинъ этажъ, а окна нерѣдко съ рѣшетками, въ знакъ того, что тутъ покои женщинъ. Сами обитательницы показывались часто въ дверяхъ и окнахъ, чтобы взглянуть на иностранцевъ, которымъ съ своей стороны выставляли на показъ только закрытыя вуалью лица. — Мечети никоимъ образомъ не могутъ, по своему внѣшнему виду, сравняться съ русскими церквями; большей частью это—простые де-

ревянные дома, на гребнѣ крышъ которыхъ помѣщена небольшая башенка съ острымъ шпицемъ, украшеннымъ полумѣсяцемъ.

Вечеромъ, 28 марта, мы пріѣхали въ городъ Малмыжъ, въ которомъ, изъ за темноты и отвратительной дороги, намъ пришлось пробыть нѣсколько часовъ, а утромъ на другой день, при красивой деревнѣ Губѣ, мы переѣхали чрезъ р. Вятку, которую, по ширинѣ, можно сравнить съ Везеромъ.

Ледъ у обоихъ береговъ былъ настолько затопленъ водою, что пришлось класть доски, чтобы перетащить по нимъ сани. Тѣмъ не менѣе три ямщика, изъ коихъ у каждаго мѣсто клади занимала большая бочка, рѣшились на переѣздъ безъ этой предосторожности и со смѣхомъ обогнали насъ, хотя ихъ лошади и шли до половины брюха въ водѣ. Подобнымъ же образомъ, какъ Вятку, переѣхали мы, вечеромъ того же дня, другую, меньшую рѣчку и 1 апрѣля большую, широкую Каму.

Самъ уѣздный городъ Малмыжъ лежитъ на рѣчкѣ Шошмѣ. По Рычкову (1770), ранѣе завоеванія Казани, онъ былъ черемисскимъ городомъ и служилъ резиденціей черемисскаго князя Болтуша.

Между Казанью и Пермью находится много лѣсовъ; намъ приходилось часто, на протяженіи нѣсколькихъ станцій, проѣзжать непрерывно лѣсами, состоящими большей частью изъ хвойныхъ деревьевъ. А. фонъ Гумбольдтъ (1829) могъ еще назвать эти лѣса весьма привлекательными, но мы нашли ихъ довольно запущенными и мѣстами сильно опустошенными насѣкомыми. Такія отливающія краснымъ цвѣтомъ деревья выглядывали иногда, особенно при восходѣ и закатѣ солнца, очень живописно. Въ этихъ лѣсахъ еще водятся медвѣдь и волкъ; слѣды послѣдняго мы сами видѣли по снѣгу. Но вообще говоря, въ нихъ царитъ гробовая тишина, и, кромѣ пролетающихъ по временамъ снигирей и овсянокъ, въ нихъ рѣдко можно встрѣтить пернатое существо. Тѣмъ болѣе оживлены за то деревни: здѣсь встрѣчаются въ изобиліи вороны, грачи, галки, сороки, домашніе и полевые воробьи. Въ каждой почти деревнѣ можно встрѣтить пару вороновъ, выбирающую обыкновенно мѣстомъ для гнѣздованія церковную колокольню. Въ нашъ проѣздъ они были заняты именно постройкой гнѣздъ, причемъ расхаживали безъ всякой боязни и стѣсненія между домами, выдергивая съ крышъ солому. 27 марта встрѣтили мы первыхъ скворцовъ, которымъ, кстати сказать, въ Россіи и Сибири жить гораздо лучше, чѣмъ у насъ, несмотря на всѣ наши общества для защиты птицъ. Почти при каждомъ домѣ видиѣется на высокой жерди скворешня, которой зачастую поль-

зуются также полевые и домашніе воробьи. Въ такихъ случаяхъ, впрочемъ, русскій не вмѣшивается и, что главное, не пользуется своими гостями, когда они еще не могутъ летать, чтобы приготовлять изъ нихъ себѣ жаркое, какъ это нерѣдко практикуется въ Германіи. Поразительна также терпимость, выказываемая здѣсь по отношенію къ грачамъ. Они нерѣдко совершенно овладѣваютъ деревьями, разсаженными вокругъ церкви,—по большей части единственными во всей деревнѣ,—и строютъ на нихъ массами, часто по 50 и болѣе на одномъ деревѣ, свои неправильныя, некрасивыя гнѣзда. Нужно слышать крикъ всѣхъ этихъ, спующихъ взадъ и впередъ птицъ, то и дѣло вступающихъ въ споръ между собою изъ за матерьяловъ для постройки гнѣздъ,—крикъ, который прекращается на нѣсколько часовъ ночью, чтобы составить себѣ понятіе о мирномъ настроеніи и неизмѣримомъ терпѣніи людей, выносящихъ весь этотъ гамъ въ непосредственной своей близости. За такія заслуги въ дѣлѣ охраны птицъ можно было бы признать разомъ цѣлыя сельскія общины почетными членами нашихъ обществъ покровительства животнымъ.

Мы снова выбрались за предѣлы магометанской области, и снова, при въѣздѣ въ деревню, насъ стали встрѣчать свиньи. Нашъ перевозчикъ, однако, иногда съ трудомъ только могъ объяспяться въ этихъ деревняхъ по русски, въ чемъ впрочемъ вина падаетъ не на него, а на самихъ обитателей, которые были вотяки.

Вотяки—народъ финскаго племени, образующій, по Кастрену, вмѣстѣ съ Пермяками и Зырянами, самую сѣверную, т. наз. Пермскую группу. Число ихъ Кастренъ опредѣляетъ въ 100,000, фонъ-Лэнгенфельдтъ въ 235,000. Они живутъ въ губерніяхъ Казанской, Оренбургской и Вятской, и, хотя по имени считаются уже давно христіанами, однако, отчасти, еще и теперь могутъ быть причислены къ „язычникамъ“. Ихъ языческіе обычаи были описаны Рычковымъ, Гмелинымъ и Палласомъ, описанія коихъ, по всей вѣроятности, не потеряли значенія и до настоящаго времени, а потому я и отсылаю къ нимъ. На основаніи собственныхъ наблюденій я не могу сообщить о нихъ ничего, кромѣ развѣ того, что мнѣ бросилось въ глаза преобладаніе у нихъ рыжихъ волосъ; но зато мы научились цѣнить этихъ людей, какъ ямщиковъ, и я долженъ отдать имъ даже преимущество въ этомъ отношеніи передъ татарами. Что они стараются всегда переѣзжать пригорки въ карръеръ, я не особенно цѣню, такъ какъ этотъ обычай одинаково встрѣчается у русскихъ и турец-

кихъ возницъ, но какъ наши вотяцкіе ямщики умѣли пользоваться самыми маленькими клочками снѣга, это было удивительно. То они держались боковыхъ канавъ, то сосѣднихъ полянъ, а въ деревняхъ мы пробирались то по правой, то по лѣвой сторонѣ, часто подъ самыми окнами. Препятствія, которыя бы нѣмецкаго кучера поставили въ серьезное затрудненіе и принудили бы даже вернуться, для нихъ не значили ничего. Одинъ изъ ямщиковъ, напримѣръ, не раздумывая поѣхалъ прямо чрезъ лежащія по дорогѣ бревна, другой—чрезъ яму шириной фута въ три, причемъ и лошади и сани должны были сдѣлать смѣлый прыжокъ, который имъ во всякомъ случаѣ обошелся дешевле, чѣмъ сидящимъ въ саняхъ. Вотяцкіе ямщики представляются мнѣ какими то мышами—пеструшками, не знающими препятствій при своихъ переселеніяхъ. Я бы не удивился, еслибы они вздумали попытать—переѣхать прямо поперекъ избы.

Тѣмъ не менѣе, все болѣе и болѣе усиливавшаяся оттепель и соотвѣтственное таяніе льда заставили насъ наконецъ, несмотря на все искусство нашихъ возницъ, разстаться съ санями. Мы однако оставили ихъ не навсегда, такъ какъ нѣсколько мѣсяцевъ позже, среди полнаго лѣта, пришлось намъ снова ѣхать на полозьяхъ, впрочемъ уже въ партахъ и на оленяхъ, по мху и болотамъ сѣвера. На послѣдней станціи передъ Пермью мы пересѣли въ обыкновенныя крестьянскія телѣги, и въ такихъ экипажахъ, въ два съ половиной часа пополудни, совершили нашъ торжественный въѣздъ въ этотъ губернскій городъ, гдѣ и остановились въ почтовомъ отелѣ. На проѣздъ 577 верстъ мы употребили такимъ образомъ 5 дней $7^1/_2$ часовъ, слѣдовательно, несмотря на всѣ трудности пути, меньше времени, чѣмъ отъ Нижняго до Казани. Графъ Вальдбургъ-Цейль, на обратномъ пути, совершилъ этотъ переѣздъ въ 64 часа.

Пермь производитъ во всѣхъ отношеніяхъ менѣе благопріятное впечатлѣніе, нежели Казань; улицы въ Перми широкія, есть много пустырей, церквей меньше и онѣ не такъ красивы; дома, бо́льшей частью, одноэтажные. На большой базарной площади я замѣтилъ много красивыхъ козъ. Но меня поразило малое число свиней. Пермь заключаетъ въ себѣ, по Шванебаху, около 22,000 жителей и, какъ конечный пунктъ пароходнаго сообщенія и обознаго пути, имѣетъ важное значеніе. Въ 1878 году уже имѣлось въ виду соединить его желѣзною дорогою съ Сибирью (Екатеринбургомъ), что̀ конечно должно еще болѣе возвысить его значеніе, въ качествѣ проходнаго пункта.

Мы принуждены были остаться въ Перми дольше, чѣмъ это было намъ желательно, такъ какъ, хотя въ ней и нѣтъ, насколько мнѣ извѣстно, ничего достопримѣчательнаго, но дальнѣйшій путь требовалъ нѣкоторыхъ сборовъ. Извѣстія съ Урала давали поводъ думать, что снѣгъ исчезъ уже тамъ, поэтому далѣе нужно было ѣхать на колесахъ. Мы наняли двое легкихъ почтовыхъ саней, но для нашего багажа пришлось купить тарантасъ, чтобы избѣжать перекладки на каждой станціи. Г. фонъ-Ротастъ, любезный нѣмецъ изъ остзейскихъ губерній и заслуженный армейскій офицеръ, которому мы были рекомендованы, помогалъ намъ при этомъ самымъ предупредительнымъ образомъ. Благодаря его посредству я могъ пріобрѣсти за 53 рубля такую повозку, съ которой можно было, повидимому, ѣхать на край свѣта. Къ 6 часамъ утра, 3-го Апрѣля, экипажъ долженъ былъ быть готовъ, но кузнецъ провозился съ нимъ нѣсколько дольше и мы могли выбраться изъ Перми только въ половинѣ второго. Передъ отъѣздомъ мы сдѣлали одно интересное знакомство; подобное знакомство можетъ встрѣтиться только въ тѣхъ странахъ. Только что мы собирались выѣхать, какъ пріѣхалъ одинъ путешественникъ, по костюму котораго было видно, что онъ ѣдетъ очень издалека. И дѣйствительно, это оказался офицеръ, ѣхавшій съ Амура въ Петербургъ, и пробывшій въ дорогѣ безостановочно ровно 36 дней. Годомъ раньше онъ сдѣлалъ подобное же путешествіе туда и обратно, причемъ проѣздъ изъ Кяхты въ Петербургъ (6268 верстъ) онъ совершилъ тогда только въ 33 дня.

Почтовая гостинница, говоря вообще, оказалась удовлетворительной, особенно для такого короткаго пребыванія; впрочемъ въ Перми существуетъ гораздо лучшій отель, это именно клубская гостинница.

Г. пермскій губернаторъ, какъ и казанскій, былъ такъ добръ, что телеграфировалъ на почтовыя станціи о нашемъ проѣздѣ, чтобы для насъ всегда были готовы свѣжія лошади,— мѣра, которая, покрайней мѣрѣ для ближайшихъ станцій, оказалась вполнѣ дѣйстеительною. Мы могли лично принести нашу благодарность Его Превосходительству, и имѣли удовольствіе встрѣтить весьма любезнаго господина, который къ тому же оказался весьма хорошо знакомымъ съ Германіей. Его супруга, къ сожалѣнію недавно умершая, была нѣмка. — Во время разговора, когда у насъ зашла между прочимъ рѣчь о сапогахъ и мы выразили удивленіе, что столь славящіеся у насъ русскіе сапоги оказались

далеко не оправдавшими нашихъ надеждъ, господинъ губернаторъ замѣтилъ, что онъ вообще знаетъ только трехъ хорошихъ сапожниковъ: одного искусника по этой части въ Парижѣ, одного въ Висбаденѣ или въ Баденъ-Баденѣ, если не ошибаюсь, и мастера Ирмлера въ Вармбруннѣ. Такое положительное признаніе достоинствъ за нѣмецкими мастерами придало мнѣ немало гордости, и я далъ себѣ слово, если мнѣ придется вернуться на родину, заказать непремѣнно и себѣ сапоги у моего знаменитаго соотечественника.

По ту сторону Перми намъ пришлось проѣхать сперва двѣ татарскихъ деревни; затѣмъ четвертой станціей былъ довольно порядочный городокъ Кунгуръ, который мы впрочемъ не могли хорошенько разсмотрѣть, потому что проѣхали его поздно вечеромъ. Мѣстность здѣсь холмистая и въ общемъ довольно красивая, въ особенности около Перми; много лѣсовъ, мѣстами впрочемъ порядочно вырубленныхъ и запущенныхъ. Лѣса эти состоятъ по большей части изъ хвойныхъ деревьевъ, преимущественно изъ сосенъ.

По причинѣ еще глубокаго здѣсь снѣга, повозка наша оказалась очень неудобнымъ экипажемъ, къ тому же намъ часто приходилось уступать дорогу шедшимъ изъ Ирбита обозамъ. 4 Апрѣля, послѣ обѣда, добрались мы до большого села Бисертскаго, на рѣкѣ Бисерти, загроможденной новоотстроенными судами, которыя стояли здѣсь въ ожиданіи вскрытія льда, чтобы съ наступленіемъ половодья спуститься внизъ по Уфѣ, Бѣлой въ Каму, и далѣе. Село это отмѣчено въ моемъ дневникѣ еще потому, что содержатель почтовой станціи препанвно спросилъ здѣсь съ насъ рубль семьдесять пять к. за кипятокъ и за сервировку нѣсколькихъ тарелокъ.

Мы все болѣе и болѣе приближались къ Уралу и хотя, согласно описаніямъ, и не думали увидать высокихъ горъ, но все же намъ пришлось сильно разочароваться въ нашихъ ожиданіяхъ. Цѣпи горъ, собственно говоря, нѣтъ вовсе: видны только гряды мѣстныхъ высотъ, причемъ съ вершины переваловъ открывается всюду одинъ и тотъ же видъ. Нигдѣ не рисуется дѣйствительно живописнаго пейзажа, съ долинами и ущельями, съ зеркаломъ водъ, или выступами утесовъ.

Передъ селеніемъ Билимбаевскимъ, куда мы пріѣхали рано утромъ 5 Апрѣля, надо было переправляться черезъ Чусовую, довольно широкую рѣку, которая своими изгибами придастъ нѣкоторое оживленіе и разнообразіе мѣстности.

На этой рѣкѣ стояло также много вновь отстроенныхъ барокъ, дожидавшихся половодья; такъ какъ только нижняя часть Чусовой бываетъ судоходна нѣкоторое время года, между тѣмъ какъ, наоборотъ, для плавильныхъ и горныхъ заводовъ Урала, наиболѣе важно ея верховье, то для доставки произведеній этихъ заводовъ, составляющихъ весьма важный отдѣлъ торговли на Нижегородской ярмаркѣ, придумали здѣсь довольно остроумный способъ: съ началомъ вскрытія льда, изъ запасныхъ прудовъ, имѣющихъ отъ 10 до до 18 верстъ въ окружности, пускаютъ какъ можно больше воды, чтобы такимъ образомъ окончательно разбить ледъ и затѣмъ въ назначенный начальствомъ день, спускаютъ разомъ всю воду изъ этихъ громадныхъ резервуаровъ, начиная съ самаго высокаго.

Благодаря такому искуственному половодью, барки съ грузомъ отъ 10 до 12,000 пудовъ, могутъ свободно плыть по теченію, увеличиваясь въ числѣ у каждаго завода и образуя подъ конецъ порядочную флотилію. Такъ какъ теченіе Чусовой весьма быстро, а берега ея мѣстами круты и каменисты, то сплавъ судовъ на ней не всегда бываетъ безопасенъ. Аткинсонъ разсказываетъ, что передъ спускомъ барокъ священники напутствуютъ ихъ молебномъ и бываетъ вообще празднество, причемъ выпивка играетъ конечно не послѣднюю роль.

Деревни на Уралѣ больше и красивѣе ранѣе видѣнныхъ нами: вездѣ видно довольство и благосостояніе, особенно въ мѣстахъ, гдѣ развита горная промышленность. Селеніе Билимбаевское также принадлежитъ къ этому числу; но проѣздомъ нельзя было многаго узнать о состояніи его горной дѣятельности, равно какъ это было невозможно и въ ближайшемъ Васильевскомъ заводѣ, большомъ селеніи, тянущемся на нѣсколько верстъ. Строенія здѣсь по большей части деревянныя, но встрѣчаются также постройки изъ кирпича. Близъ большого плавильнаго завода, съ огромными запасами древеснаго угля, переѣхали мы маленькую рѣчку Шайтанку, которая составляетъ послѣднюю изъ рѣчекъ, впадающихъ въ Чусовую на западъ отъ Урала.

Оживленное движеніе по дорогѣ также доказывало, что мы вступили въ область горной промышленности: безпрестанно попадались обозы, часто изъ 70 возовъ и болѣе, нагруженные большей частью полосовымъ и листовымъ желѣзомъ, мукою и бараньими тушами. Послѣднія доставляются изъ киргизской степи и служатъ пищею многочисленному населенію горнозаводскихъ селеній.

За Васильевскимъ заводомъ начинается вершина перевала не болѣе 1260 футовъ высоты и представляющая обширное, бо́льшой частью безлѣсное плоскогорье, съ котораго видны лѣсистыя гряды высотъ, а вправо также нѣсколько высокихъ горныхъ вершинъ. Восточный склонъ Урала еще болѣе покатъ чѣмъ западный: такъ съ вершины перевала до Екатеринбурга онъ не превышаетъ 600—700 футовъ.

Какъ на западной, такъ и на восточной сторонѣ, густые, запущенные сосновые лѣса представляютъ однообразный и скучный ландшафтъ.

„О жалкомъ состояніи этихъ лѣсовъ, — пишетъ мнѣ графъ Вальдбургъ-Цейль,—можетъ получить понятіе только тотъ, кто заглянетъ въ глубь ихъ; когда-же ѣдешь мимо, то они кажутся гораздо въ лучшемъ видѣ. Меня поразило ихъ жалкое состояніе— слѣдствіе пожаровъ и громаднаго истребленія топлива чугуноплавильными заводами. Въ дачахъ, принадлежащихъ князю Демидову, они находятся въ болѣе удовлетворительномъ состояніи, благодаря введенному здѣсь раціональному лѣсоводству, съ подраздѣленіемъ лѣсной площади на столѣтніе участки.“

Не доѣзжая двѣ станціи до Екатеринбурга, между 2 и 3 верстами, за станціей Талицкой, переѣзжаютъ границу между Европой и Азіей. Влѣво отъ дороги здѣсь стоитъ каменный столбъ, поставленный, если я не ошибаюсь, по случаю проѣзда Великаго Князя Владиміра Александровича; на западной сторонѣ столба написано: „Европа“, на восточной „Азія“. Мы достигли этого многознаменательнаго для путешественика мѣста въ 11 ч. утра. Небо было чисто, парящій въ воздухѣ орелъ, первый котораго мы увидали, привѣтствовалъ нашъ въѣздъ въ Сибирь и былъ бы принятъ каждымъ авгуромъ за хорошее предзнаменованіе. Не диво послѣ этого, что мы были въ веселомъ настроеніи и осушили до дна бутылку вина за благоденствіе Сибири.

Въ географическомъ отношеніи цѣль нашихъ желаній и нашего назначенія была достигнута, но въ политическомъ—еще нѣтъ, такъ какъ Екатеринбургъ принадлежитъ еще къ Пермской губерніи. Послѣдняя выдѣляется между всѣми губерніями Россійскаго государства тою особенностью, что распадается на европейскую часть и азіатскую, столицей которой служитъ Екатеринбургъ. Многочисленные горные округи Урала служатъ причиною того, что обѣ части образуютъ одно цѣлое, и не допускаютъ между ними рѣзкаго разграниченія. Послѣ Архангельской губерніи (занимающей 13938 кв. миль), Пермская, по размѣрамъ занимаемой ею

площади, превосходитъ всѣ губерніи Россіи и со своими 6032 кв. милями почти равняется Пруссіи (6326 к. м.); но въ ней только 2,198,000 жителей, между тѣмъ какъ въ Пруссіи ихъ числится 25 милліоновъ. Къ 2 часамъ увидали мы съ послѣдняго перевала Екатеринбургъ. Широко раскинутый, какъ и всѣ сибирскіе города, онъ производитъ своими зелеными крышами и 6-ю стройными церквями весьма пріятное впечатлѣніе, которое остается и по въѣздѣ въ него. Особенно хороша та часть города, гдѣ разливается, на подобіе большого озера, рѣка Исеть, протекающая весь городъ. Здѣсь виденъ островокъ съ различными увеселительными мѣстами, который лѣтомъ долженъ имѣть прелестный видъ, какъ и вообще вся окрестность.

Еще неоконченная, но очень удобно устроенная Европейская гостинница, оставила въ насъ пріятное воспоминаніе, и мы покинули бы её съ еще большимъ сожалѣніемъ, если бы знали заранѣе, что здѣсь намъ въ послѣдній разъ приходилось спать на хорошихъ постеляхъ.

Разстояніе между Пермью и Екатеринбургомъ составляетъ 365 верстъ; мы проѣхали его въ 49 часовъ, что при дурной дорогѣ можетъ считаться весьма удовлетворительнымъ.

ГЛАВА II.

ПО ИШИМСКОЙ СТЕПИ.

(Отъ Екатеринбурга до Омска).

Столица Урала.—Уральское общество.—Достопримѣчательности.—Императорская гранильная фабрика.—Рыбный рынокъ.—Обѣдъ въ честь нѣмецкихъ путешественниковъ.—Отъѣздъ.—Затруднительное путешествіе.—Большія деревни.—Хлѣбные магазины.—Этапныя тюрьмы ссыльныхъ.—Камышловъ.—Граница Сибири.—Тюменскій исправникъ.—Сибирское гостепріимство.—„Закусить!"—Колчинъ и Игнатовъ.—Иванъ Ивановичъ.—Тюрьма.—Ссыльные.—Каторжники.—Дѣти преступниковъ.—Ссыльныя женщины.—Бѣглый взглядъ на бытъ ссыльныхъ.—Сиротскій домъ.—Юфтяные заводы.—Ковровыя издѣлія.—Типографія.—Городъ Тюмень.—Значеніе его въ торговомъ отношеніи.—Ирбитская ярмарка.—Каноникова.—Отъѣздъ.—Дурная дорога.—Ялуторовскъ.—Охота на вальдшневъ.—На Тоболѣ.—Охота на орловъ.—Землякъ-швабъ.—Нѣмецкія колоніи на Волгѣ.—Невольные переселенцы.—Описаніе города.—Тараканы.—Церковное богослуженіе на Пасхѣ.—Постъ.—Розговѣнье.—Черезъ Тоболъ.—Вѣстники весны.—Характеръ мѣстности.—Непролазныя дороги.—Ишимъ.—Большая ярмарка.—Сѣверные пролетные гости.—Тетерева на улицѣ.—Волки.—Вредъ причиняемый волками.—Тюкалинскъ.—Торговля птичьими шкурками.—Черезъ Иртышъ.—Хорошая степная дорога.—Степной пожаръ.

Въ Екатеринбургѣ, главномъ городѣ Урала *) насчитывается, какъ намъ сказали, около 30,000 жителей (по Петербургскому календарю 1876 года—25,133). Его длинныя, широкія, хотя еще и немощеныя улицы, застроены порядочными, даже красивыми, большею частію кирпичными домами, между которыми есть не мало значительныхъ зданій, какъ напримѣръ—театръ, большой женскій монастырь, и много казенныхъ учрежденій. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ золото-плавильня и большая императорская гранильная фабрика. Стоящій въ центрѣ города, обширный монетный дворъ, чеканившій прежде, почти исключительно, мѣдную монету, уже нѣсколько лѣтъ какъ прекратилъ свою дѣятельность и назначенъ въ продажу. Кромѣ многихъ частныхъ ремесленныхъ заведеній, въ городѣ находится еще большая ма-

*) По словамъ І. Г. Гмелина, городъ этотъ заложенъ въ 1723 г. и въ его время, т. е. въ 1742 г., въ немъ считалось 460 домовъ (Путешествіе т. IV, стр. 387).

шинная фабрика. Въ числѣ приходскихъ церквей есть одна протестантская, построенная на собственный счетъ общиной изъ 200 прихожанъ. Насколько эта маленькая община не щадила жертвъ (съ 1742 г.) на дѣло богослуженія, настолько другая кучка людей позаботилась о дѣлѣ науки. Въ 1872 г. основалось здѣсь „Уральское общество естествоиспытателей", которое, въ теченіи немногихъ лѣтъ успѣло уже принести немалую пользу. Оно владѣетъ не только весьма порядочнымъ музеемъ, для котораго городъ пожертвовалъ приличное зданіе, но устроило еще магнитную и метеорологическую обсерваторію, а также до 70 наблюдательныхъ станцій въ различныхъ мѣстностяхъ Урала, преимущественно для наблюденія надъ грозами. Изъ этого уже можно видѣть, что и по-ту сторону Урала наука имѣетъ своихъ дѣятелей, труды которыхъ заслуживаютъ полнаго признанія и благодарности.

Пріемъ, сдѣланный намъ въ Екатеринбургѣ, былъ самый радушный и блестящій. Мы должны въ особенности выразить нашу благодарность гг. Вейнбергу, начальнику телеграфа, Клеру и Минкевичу, познакомившимъ насъ со всѣми достопримѣчательностями города. Къ сожалѣнію, 6 апрѣля (25 марта) былъ большой праздникъ (Благовѣщеніе), и потому въ мастерскихъ не работали. Впрочемъ господа, занимающіеся въ лабораторіи монетнаго двора, были столь любезны, что показали намъ всѣ его отдѣлы и старались даже объяснить намъ весь процессъ выплавки золота, но кто можетъ, въ короткое время, понять и удержать въ памяти всѣ эти реторты, колбы, плавильные тигли, вѣсы и прочіе необходимые инструменты и приспособленія? Мы посѣтили также знаменитую гранильную фабрику, о которой упоминаетъ уже Гмелинъ въ 1742 году. Здѣсь, какъ извѣстно, работаются разныя художественныя произведенія, вазы и тому подобные колоссальные предметы, служащіе украшеніемъ Петербургскаго Эрмитажа и другихъ императорскихъ и королевскихъ дворцовъ. Матеріаломъ для этихъ издѣлій служатъ, по большей части, малахитъ и роданитъ. Мы видѣли огромныя глыбы этого послѣдняго камня, въ 3 — 5 футовъ въ поперечникѣ, распилка которыхъ требуетъ иногда до семи лѣтъ работы. Машины приводятся въ дѣйствіе силою воды. Шлифовальнымъ матеріаломъ служитъ здѣсь, какъ и вездѣ, наждакъ, которымъ смазывается пила,—длинный, широкій, незазубренный листъ желѣза. Рядомъ съ казенной шлифовальней находится частная мастерская для выдѣлки малахитовыхъ вещей и обдѣлки полу-дра-

гоцѣнныхъ камней, но объ ней я поговорю послѣ, тѣмъ болѣе, что въ первый день мы не могли познакомиться съ ея устройствомъ и должны были удовольствоваться только осмотромъ ея издѣлій, выставленныхъ въ нѣсколькихъ лавкахъ на базарѣ. На послѣднемъ мнѣ пришлось сдѣлать нѣсколько закупокъ, такъ что я могъ съ нимъ хорошо ознакомиться. Въ особенности заинтересовалъ меня рыбный рынокъ: длинный рядъ саней, полныхъ мороженой рыбы, представлялъ богатый выборъ осетровъ, стерлядей, налимовъ, въ особенности же нельмы и большихъ окуней фута въ полтора величиною. Только щуки и окуни доставляются свѣжими изъ Исети, вся же прочая рыба привозится мороженая на саняхъ изъ Тобольска. Въ то время былъ постъ и базарныя цѣны — 12 к. фунтъ нельмы и 7 к. щуки — считались очень высокими.

Но намъ суждено было не только насмотрѣться на эти продукты гигантской Оби, составлявшей цѣль нашего путешествія, но и познакомиться съ ними въ тотъ же день покороче. Къ 4 часамъ мы были приглашены на парадный обѣдъ, устроенный въ нашу честь въ мѣстномъ клубѣ. Меню обѣда, начавшагося супомъ à la tortue и окончившагося кремомъ à la prusse, былъ самымъ отборнымъ, но еще отборнѣе было угощавшее насъ общество, заключавшее въ себѣ около 50 наиболѣе видныхъ представителей города, въ томъ числѣ и городскія власти. Очень порядочный оркестръ, игравшій въ честь нашу „Die Wacht am Rhein“ и другія нѣмецкія пьесы, немало содѣйствовалъ одушевленію общества, въ которомъ мы очень пріятно и весело провели время, до глубокой ночи. И если только господа сибиряки остались хоть сколько нибудь довольны нами и нашимъ пѣніемъ, какъ мы ими, то мы будемъ считать себя вполнѣ удовлетворенными. Я смѣю, впрочемъ, думать, что переливчатые звуки альпійскихъ пѣсенъ, исполненныхъ съ большимъ чувствомъ однимъ изъ насъ, оставятъ послѣ себя столь же пріятное воспоминаніе, какъ и сопровождавшія ихъ похвалы.

Неизбѣжныя въ дорогѣ случайности были причиной того, что мы могли выѣхать на другой день изъ Екатеринбурга, только въ 4 часа пополудни. Нашъ багажный тарантасъ, на который я смотрѣлъ съ такой гордостью въ Перми, оказался настолько же негоднымъ, какъ и наши сани въ Казани. Дорогой у него сломались ось и колесо, и хотя мы кое-какъ и исправили поврежденія, но передъ самымъ Екатеринбургомъ онъ окончательно развалился, и я былъ радъ-радешенекъ, что мнѣ удалось еще

его сбыть за 10 р. Обдѣлавъ это дѣло, покончивъ съ разными счетами и написавъ путевой отчетъ, мы могли тронуться далѣе. Въ теченіи 54-хъ часовъ *) мы проѣхали только 306 верстъ. Конечно, провожаемые почти на всемъ пути отъ Петербурга оттепелью, мы не могли предвидѣть, что снѣгъ, котораго и на Уралѣ-то почти не было, затруднитъ настолько нашъ путь. Въ самомъ дѣлѣ, всю дорогу до Тюмени ѣхать была чистая мука. Колеса далеко врѣзывались въ глубокій полузамерзшій снѣгъ, такъ что намъ часто приходилось сворачивать съ дороги и ѣхать по взрытому черноземy обнаженныхъ полей. Ночные морозы нисколько не служили намъ въ пользу, потому что замерзшія колеи, превратившись въ каменныя, угрожали ежеминутно переломать наши колеса. Мѣстность, по которой мы ѣхали, была крайне скучна и однообразна. На большія пространства тянутся жалкіе сосновые и березовые лѣса, состоящіе нерѣдко изъ молодыхъ деревьевъ, не болѣе 10 футовъ вышиною. Часто встрѣчающіяся деревни указываютъ, однако, что здѣсь много занимаются земледѣліемъ, но въ такое время, разумѣется, нельзя было ничего видѣть. До Тюмени 12 станцій, но намъ пришлось проѣхать гораздо болѣе деревень, изъ коихъ нѣкоторыя тянутся на три, а другія такъ даже на 7 верстъ, причемъ избы стоятъ плотно одна возлѣ другой. Строенія выглядятъ здѣсь вообще гораздо уютнѣе и красивѣе, чѣмъ въ Россіи, а станціонные дома отличаются, большей частью, примѣрной чистотой. Деревянныя стѣны внутри ихъ обыкновенно выбѣлены и вездѣ видно стремленіе къ нѣкоторому, хотя конечно грубому комфорту, котораго намъ не приходилось встрѣчать на станціяхъ въ Европейской Россіи. Начиная съ Перми, насъ поразила еще одна особенность сибирскихъ деревень. При въѣздѣ въ каждую изъ нихъ, вы видите два или три большихъ амбара, или запасныхъ магазина, которые, по правилу, должны быть постоянно наполнены хлѣбомъ. Это производитъ весьма пріятное впечатлѣніе, хотя я знаю изъ достовѣрнаго источника, что и это благодѣтельное распоряженіе, какъ и многія другія повсюду, часто не исполняются.

Рядомъ съ хлѣбными магазинами, въ извѣстномъ отъ нихъ разстояніи, виднѣются нерѣдко и другія строенія, желтый цвѣтъ которыхъ уже съ перваго взгляда указываетъ на ихъ принадлежность казнѣ, а желѣзныя рѣшетки въ маленькихъ окнахъ и

*) Гумбольдъ проѣхалъ тоже самое пространство въ 29 часовъ, но это было,— по словамъ Розе, въ іюлѣ мѣсяцѣ при хорошей погодѣ.

высокій частоколъ позволяютъ догадываться и о ихъ назначеніи. Дѣйствительно, это ничто иное какъ тюрьмы по большому этапному пути ссыльныхъ,—пути, которымъ пришлось слѣдовать въ Сибирь и намъ.

Послѣ несказанныхъ затрудненій добрались мы наконецъ, 8 апрѣля н. ст., до Камышлова, небольшого городка съ 2,000—3,000 жителей, расположеннаго при красивой рѣчкѣ Бишурѣ, черезъ которую перекинутъ здѣсь большой деревянный мостъ. При станціи оказалась гостинница, которую можно смѣло рекомендовать всѣмъ путешественникамъ; въ ней можно найдти даже Петцольдское пиво.

За Камышловымъ дорога пошла, бо́льшей частью, запущенными березовыми лѣсами. Образовавшіяся въ нихъ, отъ таянія снѣга, глубокія лужи затрудняли наше движеніе на каждомъ шагу. За 9-й станціей, у деревни Марковской, мы переѣхали политическую границу Сибири, обозначенную круглымъ кирпичнымъ столбомъ, на которомъ красуются гербы Пермской и Тобольской губерній. Вступленіе наше въ первую сибирскую деревню, Тугулимскую, послѣдовало весьма скромно, именно пѣшкомъ, такъ какъ съ нашимъ собственнымъ экипажемъ случилось тоже самое что ранѣе съ багажнымъ; по счастью это произошло лишь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ деревни. У станціи мы встрѣтили большую толпу народа, почтительно насъ привѣтствовавшую,—вниманіе, которое для насъ было совершенно неожиданно. Но мы удивились еще болѣе, когда, едва успѣвъ снять шубы и валенки, мы получили визитъ представительнаго господина въ полной формѣ, въ эполетахъ, орденахъ и при шпагѣ, который поздравилъ насъ съ пріѣздомъ въ Сибирь и предложилъ проводить до Тюмени, гдѣ уже насъ ожидали. Это былъ Василій Константиновичъ Игумновъ, Тюменскій исправникъ, слѣдовательно весьма важное оффиціальное лицо, въ рукахъ котораго находится главное управленіе округомъ.

Мы надѣялись быстро проѣхать оставшіяся до Тюмени 54 версты, но намъ пришлось сильно ошибиться въ расчетѣ. Еще съ утра въ этотъ день поднималась мятель, а когда мы опять пустились въ путь, холодный сѣверо-восточный вѣтеръ сталъ безпощадно рѣзать намъ лицо въ открытый передъ коляски и мелкія снѣжинки кололи какъ иголки. Небо заволакивало все больше и больше, снѣжныя облака сходились со всѣхъ сторонъ, стало чувствительно холодно,—короче сказать, чѣмъ дальше, тѣмъ становилось непріятнѣе, тѣмъ болѣе что съ 7 часовъ

утра мы ничего не ѣли, а ожидавшій насъ вкусный обѣдъ дразнилъ воображеніе. Впрочемъ, вѣдь мы были въ Сибири и, какъ пришельцы, должны были бы благодарить и за такой пріемъ. Онъ показывалъ, что отправляясь въ такую страну, нужно было вполнѣ къ ней быть подготовленнымъ, а между тѣмъ наше зимнее одѣяніе, при 13° морозѣ и холодномъ вѣтрѣ, вскорѣ дало намъ почувствовать, что оно годилось лишь для нашей нѣмецкой, но не для сибирской зимы. Несмотря на фуфайку, двойной жилетъ, теплый сюртукъ и шубу, я такъ продрогъ, какъ будто сидѣлъ въ одной рубашкѣ. Чтобы не мерзнуть, надо надѣвать двѣ шубы,— какъ это здѣсь всѣ и дѣлаютъ. Нижняя шуба (тулупъ) шьется на бараньемъ мѣху и имѣетъ видъ долгополаго сюртука, съ застежками на боку, а сверху нея надѣвается такъ называемая „даха“, т. е. необыкновенно широкая, двойная шуба съ капюшономъ, исподъ которой дѣлается изъ лѣтнихъ шкурокъ песцовъ, а верхъ изъ мѣха молодыхъ оленей (пыжиковъ). Такая шуба очень легка, тепла и въ нее можно завернуться какъ угодно. Самымъ лучшимъ дополненіемъ къ этому костюму служитъ самоѣдская шапка, также изъ оленьяго мѣха и съ длинными мѣховыми наушниками, широкіе концы которыхъ можно употреблять, какъ шарфъ для закутыванія шеи и подбородка. Но въ особенности необходимы валеные сапоги, безъ которыхъ пускаться въ дорогу положительно немыслимо. Въ такомъ нарядѣ можно не бояться самыхъ сильныхъ морозовъ, но наши нѣмецкія шубы, какъ сказано, спасовали уже при 13-ти градусномъ морозѣ. Объясняется это тѣмъ, что онѣ шьются очень узкими, такъ что не закрываютъ даже колѣнъ; притомъ онѣ не застегиваются плотно спереди, а короткіе рукава ихъ не защищаютъ пальцевъ. У одного изъ насъ, несмотря на мѣховыя рукавицы, кисти рукъ окоченѣли какъ ледъ. Наши шубы имѣютъ еще другой большой недостатокъ, очень чувствительный при долгомъ путешествіи,—это именно то, что толстые рукава не позволяютъ прижать руки, какъ слѣдуетъ, къ туловищу, такъ что приходится держать ихъ разставленными, а это вызываетъ въ нихъ чувство опѣмѣнія, напоминающее начинающійся ревматизмъ. Хотя у городскихъ воротъ насъ и ожидалъ верховой провожатый съ фонаремъ, наши ямщики проплутали болѣе часа по пустыннымъ улицамъ и площадямъ незнакомаго города, пока наконецъ, часамъ къ 9 вечера, неотыскали домъ гостепріимнаго хозяина. Здѣсь уже съ пяти часовъ ожидалъ насъ сытный обѣдъ, но что касается меня, я такъ прозябъ и утомился, что прежде всего нуждался въ отдыхѣ и

былъ очень радъ, когда получилъ возможность броситься въ постель.

Уже въ Россіи иностранцу приходится удивляться, даже если онъ знакомъ съ солидной сѣверо-германской кухней, обилію яствъ за домашнимъ столомъ, но намъ сказали, что въ Сибири мы увидимъ еще далеко не то. И дѣйствительно, все видѣнное нами въ домѣ Ивана Ивановича Игнатова, вполнѣ оправдало это предсказаніе. Едва успѣли мы утромъ напиться чаю и кофе, —которые подавались стаканами въ элегантныхъ серебряныхъ, рѣзныхъ подстаканникахъ, — какъ уже былъ готовъ, такъ называемый завтракъ, состоявшій изъ жаренаго мяса, дичи и рыбы,— короче не уступавшій любому обѣду. Какъ завтраку, такъ и обѣду, предшествуетъ непремѣнно такъ называемое „закусить," т. е. прежде чѣмъ садиться за столъ, отправляются къ буфету, уставленному разными холодными кушаньями, какъ напр. паштетами, ветчиной, колбасой, икрой, сардинками въ маслѣ, швейцарскимъ сыромъ, и разными напитками, вродѣ портвейна, хереса и т. п., причемъ водка занимаетъ самое видное мѣсто; каждый выбираетъ здѣсь, что ему по вкусу. Такую закуску у насъ признали бы удовлетворяющею всѣмъ условіямъ завтрака, и оттого, очень часто, неопытный иностранецъ, соблазнившись прелюдіей, не можетъ уже воздать должную честь настоящему завтраку, тѣмъ болѣе, что каждому гостю кладутся такія порціи, которыя хоть кого могутъ привести въ замѣшательство. Поэтому, необходимый совѣтъ каждому, ѣдущему въ Сибирь, —привезти сюда быстро переваривающій и здоровый желудокъ.

Впрочемъ у Ивана Ивановича мы нашли не одно только матеріальное гостепріимство, мы встрѣтили въ немъ вообще чрезвычайно любознательнаго и свѣдущаго человѣка, отъ котораго могли гораздо больше позаимствовать чѣмъ онъ отъ насъ.

Въ компаніи съ г. Колчинымъ онъ стоитъ во главѣ извѣстной фирмы „Колчинъ и Игнатовъ", которой принадлежитъ большая часть пароходовъ, плавающихъ на Оби и ея притокахъ, и поддерживающихъ лѣтомъ правильное сообщеніе между Тюменью и Томскомъ. Восемь пароходовъ Игнатова не только доставляютъ въ Тюмень большую часть чая, привозимаго караванами черезъ Кяхту и Иркутскъ въ Томскъ, но приняли на себя также исключительно перевозку ссыльныхъ. Для этой цѣли были построены три спеціальныхъ баржи въ 250 ф. длины, изъ коихъ каждая вмѣщаетъ въ себѣ до 800 человѣкъ. Транспортъ отходитъ каждую недѣлю, потому что за лѣтнее время приходится отправить

отъ 12 до 15 тысячъ ссыльныхъ. Фирма имѣетъ собственную верфь для постройки пароходовъ, а у г-на Колчина есть другая верфь, болѣе обширныхъ размѣровъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, которую мы также могли осмотрѣть впослѣдствіи. Графъ фонъ-Вальдбургъ-Цейль, имѣвшій удовольствіе короче меня познакомиться съ Игнатовымъ, писалъ мнѣ о немъ въ такихъ выраженіяхъ: „уваженіе къ этому превосходному человѣку возрастаетъ, когда узнаешь его прошедшее. Двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ началъ онъ съ того, что продавалъ масло на базарѣ, и лишь неутомимому старанію и непреклонной волѣ обязанъ онъ тѣмъ, что сдѣлался крупнымъ негоціантомъ. Силою той же непреклонной воли и терпѣнія онъ съумѣлъ настолько пополнить пробѣлы своего образованія, что его разнородныя и обширныя свѣденія, болѣе даже чѣмъ его богатство, доставили ему извѣстность не только въ Тюмени и въ западной Сибири, но даже въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Къ такимъ самодѣятельнымъ личностямъ, какъ Игнатовъ, сохранившимъ притомъ теплое чувство участія къ своимъ подчиненнымъ и живую любовь къ исскуству и знанію, конечно каждый отнесется съ полнѣйшимъ уваженіемъ“—слова, которыя съ полнымъ убѣжденіемъ повторю за графомъ и я.

Достопримѣчательностей въ городѣ никакихъ нѣтъ, но наши любезные хозяева показали намъ все, что хотя нѣсколько могло заинтересовать насъ по своей оригинальности. На слѣдующій день (10 Апрѣля н. ст.) утромъ, поѣхали мы, въ сопровожденіи исправника и предшествуемые верховымъ казакомъ, въ острогъ, т. е.—тюрьму, которая служитъ зимнимъ пріютомъ нѣсколькимъ сотнямъ и даже тысячамъ ссыльныхъ, такъ какъ въ Тюмени находится въ настоящее время „приказъ о ссыльныхъ“, т. е. судебное учрежденіе, завѣдующее распредѣленіемъ ссыльныхъ. Насколько мы могли составить о томъ понятіе, они содержатся здѣсь хорошо и представляютъ для антропологіи въ высшей степени интересный конгломератъ различныхъ племенъ и народовъ. Кромѣ Русскихъ, здѣсь были также Латыши, Евреи, Татары, Башкиры, Киргизы, Туркмены, также нѣмцы, вообще представители всевозможныхъ племенъ, населяющихъ обширную, святую русь. Они распредѣлены по религіямъ, національности, и степени наказанія, насколько подобное раздѣленіе можетъ быть проведено при такомъ большомъ числѣ и разнородности преступниковъ. Такъ, здѣсь есть цѣлыя обширныя палаты, занятыя исключительно христіанами, евреями или магометанами, въ которыхъ преступники помѣщены вмѣстѣ съ своими женами или дѣтьми.

По закону, ближайшіе родственники могутъ слѣдовать въ ссылку за своими мужьями и отцами, получая даровой проѣздъ и продовольственныя деньги. Хотя жена осужденнаго въ ссылку имѣетъ право требовать развода и вступать въ другой бракъ, многія изъ нихъ однако добровольно сопутствуютъ своимъ мужьямъ, между тѣмъ какъ обратно — нѣтъ почти примѣра, чтобы мужъ слѣдовалъ въ Сибирь за своей осужденной женой. Одна комната представила особенно непріятную мрачную картину; при входѣ нашемъ въ нее поднялось около ста или даже болѣе преступниковъ, которые, громко бряцая цѣпями, отвѣсили поклонъ исправнику. Это были все осужденные за прежнія преступленія на 10 и болѣе лѣтъ каторжной работы въ Нерчинскихъ рудникахъ. На нихъ были сѣрыя арестанскія шинели съ нашитыми на спинѣ изъ желтаго сукна цифрами, обозначающими число лѣтъ наказанія.—„Не говоритъ ли кто изъ нихъ по нѣмецки?“ спросили мы исправника, и по его приказанію передъ нами выступилъ блѣдный молодой человѣкъ лѣтъ 20.—„Откуда вы?“—„Изъ Ревеля,—былъ отвѣтъ.—„Какимъ ремесломъ вы занимались?„—„Я плотникъ.“—„Къ какому наказанію приговорены вы?“—„Къ 15 годамъ каторжной работы въ Нерчинскѣ.“—„А за какое преступленіе?“—„По подозрѣнію (?) въ убійствѣ, Ваше Высокородіе!“—Исправникъ вызвалъ еще одного пожилого колодника и велѣлъ ему засучить рукавъ лѣвой руки, на которой была не выжжена, а татуирована буква *д*. Этой буквой до 1858 года клеймили ссыльныхъ бродягъ; убійцъ же и разбойниковъ клеймили на лбу и щекахъ буквами К. Т. (каторжникъ). Въ прошломъ столѣтіи, осужденнымъ на каторжныя работы вырывали ноздри, и Гмелинъ, въ 1736 г. пишетъ, что изъ 25 ямщиковъ, съ которыми ему пришлось ѣхать изъ Илимска, только у четырехъ были цѣлые носы. Тяжелое впечатлѣніе производилъ видъ нѣсколькихъ дѣтей, стоявшихъ рядомъ съ отцами, за которыми они слѣдовали въ ссылку. Разговоры и впечатлѣнія, которыя имъ приходится здѣсь слышать и испытывать, должны, по необходимости, оказывать такое развращающее вліяніе на молодыя души, что даже школьное воспитаніе, которымъ они пользуются во время ихъ пребыванія въ Тюмени, не въ силахъ оказать достаточное противодѣйствіе этому вліянію. Во все продолжительное зимнее время преступники не подвергаются работамъ, что должно повидимому дѣйствовать на нихъ вредно. Впрочемъ мы замѣтили, что многіе изъ нихъ добровольно занимаются разными полезными ремеслами, какъ напр. сапожнымъ, а одинъ

такъ даже вырѣзалъ весьма тонко и красиво изъ дерева церковь и приготовлялся лѣпить изъ хлѣба маленькія фигурки, которыя должны были представлять собою крестный ходъ. Я пріобрѣлъ за 25 к. деревянную, выложенную мѣдью трубку. Въ еврейскомъ отдѣленіи мы нашли многихъ, говорящихъ по нѣмецки, большею частью приговоренныхъ къ поселенію. Между этими послѣдними былъ одинъ, сосланный на нѣсколько лѣтъ въ Сибирь за оригинальный проступокъ. По „его“ разсказу, онъ нѣкогда былъ солдатомъ, взялъ отпускъ, прозѣвалъ поѣздъ и не явился въ срокъ, за что его и объявили бѣглымъ. Посрединѣ каждой палаты стоитъ большая широкая нара, служащая, конечно, весьма не мягкимъ ложемъ для ссыльныхъ магометанъ съ ихъ женами. Осужденныя женщины помѣщаются въ отдѣльномъ строеніи. Въ одномъ, особо охраняемомъ здѣсь помѣщеніи, мы нашли шестерыхъ женщинъ, еще довольно молодыхъ и, повидимому не очень опечаленныхъ своею участью: это были мужеубійцы. Быть можетъ, онѣ надѣялись еще снова попытать себѣ счастья въ Забайкальскомъ краѣ, и вторично выйти замужъ. Мнѣ разсказывалъ одинъ господинъ, хорошо знающій восточную Сибирь, что ему однажды случилось встрѣтиться съ бабой, неутѣшно плакавшей о скоропостижной смерти своего мужа: это уже былъ второй, оплакиваемый ею. На вопросъ: какъ же она потеряла перваго? послѣдовалъ отвѣтъ: „да такъ же скоропостижно какъ и этого, только того я уморила сама“.

Исправникъ и всѣ Тюменцы не могли довольно нахвалиться поведеніемъ ссыльныхъ. По ихъ словамъ, вступивъ въ Сибирь, всѣ преступники становятся добрыми малыми; кражи и убійства случаются весьма рѣдко, и намъ слѣдовало бы только завидовать такому исправительному учрежденію, какъ Сибирь, въ которой, конечно, могла бы помѣститься вся масса нашихъ исправительныхъ заведеній.—Но впослѣдствіи мы познакомились и съ невыгодами этой системы, приносящей, въ концѣ концовъ, болѣе вреда, чѣмъ пользы, и угрожающей нравственной и соціальной порчей странѣ, съ такимъ богатымъ будущемъ какъ Сибирь. Но объ этомъ я поговорю въ другомъ мѣстѣ, теперь же ограничусь замѣчаніемъ, что судя по первому впечатлѣнію, исправникъ изо всѣхъ силъ заботится какъ вообще о своемъ округѣ, такъ и о порученныхъ его наблюденію ссыльныхъ, которыхъ онъ ежедневно обходитъ, причемъ принимаетъ ихъ жалобы и прошенія. Принимая въ соображеніе обширность ввѣреннаго ему округа и многочисленныя занятія по дѣламъ ссыльныхъ, дѣятель-

пость исправника заслуживаетъ полной признательности, тѣмъ болѣе, что въ распоряженіи его: 4 становыхъ, 4 казака и 30 человѣкъ солдатъ.

Если въ тюрьмѣ мы насмотрѣлись на печальную картину человѣческихъ бѣдствій, то въ сиротскомъ домѣ мы могли насладиться отраднымъ примѣромъ христіанской любви къ ближнимъ. Это хорошо устроенное заведеніе даетъ пріютъ большому числу сиротъ обоего пола, по большей части дѣтямъ ссыльныхъ, и воспитываетъ ихъ, физически и духовно, для частной и полезной дѣятельности. Мы видѣли разныя полезныя рукодѣлія воспитанниковъ, которыхъ обучаютъ многимъ ремесламъ, какъ напр. сапожному, переплетному и т. под. Игры и забавы также не позабыты; на площадкѣ мы видѣли даже полный гимнастическій приборъ нѣмецкаго образца. Это человѣколюбивое заведеніе находится подъ управленіемъ почтенной, пожилой дамы, которая въ тоже время была его основательницей, вызвавшей его къ жизни на свои собственныя средства. Хотя мнѣ нѣсколько совѣстно обойти молчаніемъ фамилію этой благородной филантропки, но я все-таки не рѣшаюсь её назвать, полагая, что это будетъ болѣе согласно съ ея скромностью.

Кромѣ верфи, принадлежащей Игнатову, которая, строго говоря, не можетъ быть причислена къ городу, такъ какъ она находится отъ него въ 7 верстахъ, въ Тюмени есть еще очень хорошо устроенная машинная фабрика, принадлежащая одному Шотландцу, по имени Вардраппу. На ней выдѣлываются не только разнаго рода паровые котлы и машины, но также и всѣ аппараты для винокуренныхъ и горныхъ заводовъ. Братъ владѣльца фабрики, Ѳома Вардрапперъ, служащій машинистомъ у Колчина и Игнатова, былъ намъ очень полезенъ какъ переводчикъ, ибо эти господа не говорятъ по нѣмецки. Онъ свелъ насъ также на большой кожевенный заводъ, принадлежащій его тестю, Филимону Степановичу Холмогорову. Заводъ этотъ работаетъ только на армію и имѣетъ годовой оборотъ въ 227,000 р. Здѣсь выдѣлываются только кожи киргизскаго рогатаго скота, которыя дубятся и переработываются въ юфть, что, какъ извѣстно совершается при помощи ивовой коры. Приготовленная такимъ образомъ юфть имѣетъ обыкновенный цвѣтъ кожи, а не красный, какъ наша.

Какъ подъ Екатеринбургомъ, уже на почтовыхъ станціяхъ продаются издѣлія тамошнихъ шлифовалень, такъ и за нѣсколько станцій передъ Тюменью, начинаютъ уже предлагать вамъ

шерстяные ковры. Это настоящіе сибирскіе фабрикаты, толстые и прочные, выдѣланные изъ грубой шерсти въ окрестныхъ селахъ. Рисунки на нихъ представляютъ подражанія Европейскимъ образцамъ, но вообще они отличаются безвкусіемъ и пестротою. Стоютъ они очень недорого: толстый, тяжелый коверъ, въ 8 фут. длины и 6 ширины, стоитъ 6 р., а пестрый, очень красивый половикъ, 20 фут. длиною—отъ 5 до 6 рублей. Мы не могли поэтому удержаться, чтобы не сдѣлать нѣсколько покупокъ, тѣмъ болѣе, что кромѣ ковровъ, на всемъ базарѣ, несмотря на его обширность, мы не нашли ничего для себя подходящаго.

Изъ всѣхъ широко раскинувшихся городовъ Сибири, Тюмень, со своими 18000 жителей, можетъ, по занимаемому имъ пространству, считаться самымъ обширнымъ, хотя и правильно расположеннымъ. Улицы широки, немощены, дома, по большей части, деревянные. Впрочемъ есть и нѣсколько красивыхъ каменныхъ зданій, въ томъ числѣ одна типографія, работающая очень недурно.

Мы купили здѣсь небольшой юмористическій альбомъ, изображающій весьма удачно, перомъ и карандашемъ, сибирскіе города и нравы. Такъ напр. въ сатирѣ на предпріимчивость Тобольцевъ, послѣдніе обвиняются въ томъ, что они даже сами приготовляютъ себѣ папиросы и нисколько не совѣстятся сами ходить за своей ежедневной порціей водки.

Тюмень лежитъ на Турѣ, довольно большой рѣкѣ, въ которую въ этомъ мѣстѣ впадаетъ Тюменка. Черезъ послѣднюю перекинутъ мостъ, у котораго прежде была крѣпость, очень подробно описанная Гмелиномъ, но которая, какъ совершенно ненужная, давно уже уничтожена. Во времена Гмелина еще можно было видѣть остатки укрѣпленія, такъ какъ Тюмень нѣкогда былъ значительнымъ городомъ въ древнемъ сибирско-татарскомъ царствѣ. Онъ уже находится на картѣ Герберштейна 1549 года, хотя только въ 1584 году подпалъ подъ власть Россіи. Тюмень можетъ считаться значительнымъ торговымъ пунктомъ. Въ Январѣ мѣсяцѣ въ немъ бываетъ ярмарка, одна изъ значительнѣйшихъ во всей Сибири, съ оборотомъ болѣе милліона рублей. Но особенное значеніе представляетъ Тюмень, какъ центральный пунктъ торговыхъ путей Сибири, какъ караванныхъ, такъ и рѣчныхъ. Половина всѣхъ Обскихъ пароходовъ имѣетъ здѣсь свое пребываніе, хотя р. Тура и представляетъ то неудобство, что суда по ней только раннею весною, въ половодье, могутъ под-

ходить къ городу, въ остальное же время года принуждены останавливаться у деревни Артамоновской, лежащей въ 275 вер. внизъ по Тоболу. Но это неудобство не особенно вредитъ городу, потому что, съ одной стороны, черезъ него идутъ изъ Томска большіе транспорты чая и другихъ товаровъ, на Ирбитскую ярмарку, а съ другой стороны, по окончаніи послѣдней, идутъ многіе товары тѣмъ-же путемъ черезъ него обратно. Что касается Ирбита, то это небольшой городокъ, имѣющій только 5000 жителей и находящійся всего въ 400 вер. отъ Тюмени, что весной составляютъ только $2^1/_2$ дня переходнаго пути. Но въ Февралѣ мѣсяцѣ, во время ярмарки, въ него стекается отъ 10 до 12 тысячъ пріѣзжихъ, такъ что послѣ Нижегородской—Ирбитская ярмарка можетъ считаться самой значительной въ Россіи. Уже въ концѣ тридцатыхъ годовъ торговый оборотъ достигалъ 10 милліоновъ рублей, но съ того времени онъ постепенно увеличивался, такъ что въ 1869 году цѣнность привезеннаго товара была объявлена въ 39,184,000 р., и продано во время ярмарки на 37,524,000 р. Главный предметъ торговли на Ирбитской ярмаркѣ составляютъ сырые продукты и преимущественно кожи (на 4—6 мил. руб.) и мѣха (на 4—5 мил.); но и мануфактурные товары, особенно шерстяныя издѣлія, занимаютъ также видное мѣсто, и сбываются на сумму до 8—10 мил. руб.. Торговые обороты Ирбитской ярмарки впрочемъ еще не были описаны какъ слѣдуетъ; описаніе-же, составленное въ 1826 г. Ледебуромъ, очень кратко и притомъ устарѣло.

Я осмотрѣлъ всѣ достопримѣчательности Тюмени и могъ слѣдующій день вылежать спокойно въ постелѣ. Впрочемъ, это случилось не добровольно, а вслѣдствіе схваченной мною на послѣднихъ двухъ станціяхъ сильной простуды, которая выразилась въ лихорадкѣ и приковала меня на цѣлый день къ кровати.

Спутники мои воспользовались этимъ временемъ для осмотра вышеупомянутой типографіи, — принадлежащей Высокому,—машинной фабрики Вардраппера, рыбнаго рынка и этнографическо-естественно-исторической коллекціи Г-на Каноникова. Повидимому, господинъ Канониковъ во время своихъ долгихъ поѣздокъ по Сибири, успѣлъ собрать богатые матеріалы.

Графъ Вальдбургъ-Цейль особенно хвалитъ въ этой коллекціи искусныя работы чукчей изъ мамонтовой кости. Г. Канониковъ подарилъ экспедиціи два черепа, изъ могилъ въ окрестностяхъ Тюмени, принадлежавшихъ по всей вѣроятности Вогуламъ. На слѣдующій день, несмотря на увѣщанія пользовавша-

го меня врача, я всталъ съ постели и въ 9 ч. утра (13 Апрѣля н. ст.) мы тронулись въ путь, предварительно отославъ въ Томскъ часть нашей поклажи (патроны и консервы).

Была прекрасная солнечная погода при 8° мороза, и весело прыгавшая по льду трясогузка напоминала намъ о югѣ, къ которому мы теперь направлялись, напутствуемые пожеланіями нашего радушнаго хозяина.

Разстояніе отъ Тюмени до Омска составляетъ 630 верстъ. По пути лежатъ 26 станцій (въ томъ числѣ три города), расположенныхъ въ 14—35 верс. одна отъ другой. Я писалъ тогда Географическому Обществу, что это пространство можно проѣхать въ трое сутокъ, при условіи „хорошей погоды“, но такъ какъ въ то время года нельзя было и ожидать такой погоды, то намъ пришлось пробыть въ дорогѣ, вмѣсто трехъ сутокъ, цѣлыхъ семь, плюсъ еще 5 часовъ, и весь путь походилъ на скачку съ препятствіями. Началось съ того, что на третьей верстѣ отъ первой станціи, у нашей багажной повозки сломалась ось, починка которой взяла цѣлый часъ времени. Затѣмъ, затрудненія при переѣздѣ черезъ рѣку Ишму были еще умножены тѣмъ, что пришлось задерживать веревками огромныя глыбы тронувшагося льда и стлать по нимъ доски для перехода. Этимъ мы были обязаны нашему другу, исправнику Василію Константиновичу, который не хотѣлъ съ нами проститься, не проводивъ насъ до границъ своего округа. Послѣ сердечнаго прощанія, поѣхали мы далѣе одни, но только до слѣдующей станціи, гдѣ насъ встрѣтилъ исправникъ Ялуторовскаго округа, Алексѣй Васильевичъ Мефодьевъ, съ тѣмъ, чтобы также сопровождать насъ до города. Уже темнѣло, но у воротъ города, куда мы прибыли около половины 9-го часа вечера, ожидалъ насъ верховой, указавшій нашимъ ямщикамъ дорогу къ приготовленной для насъ квартирѣ. Такъ какъ въ Ялуторовскѣ нѣтъ гостинницъ, то насъ помѣстили въ очень уютномъ частномъ домикѣ. Здѣсь мы принуждены были ночевать и дожидаться нашего Ивана, у котораго на пути еще разъ сломалась багажная повозка, такъ что онъ только въ полдень могъ добраться до города. Между тѣмъ графъ Вальдбургъ и д-ръ Брэмъ поѣхали съ однимъ отставнымъ маіоромъ охотиться на вальдшнеповъ. Правда, что была страстная пятница, да притомъ еще русская, которая приходится 12-ю днями позже нашей когда, по нашему, вальдшнепы должны уже сидѣть на яицахъ, но мы вѣдь находились въ Сибири, и при совершенно другихъ условіяхъ. Тѣмъ не менѣе, когда я въ тарантасѣ нагналъ охот-

никовъ, на берегу Тобола, нѣмецкая поговорка оправдалась: не было видно ни одного вальдшнепа! и вся охотничья добыча состояла изъ пары воронъ, одного скворца, да одного зайца—бѣляка.

Надежды на переѣздъ черезъ Тоболъ были не отрадныя. Правда, широкая рѣка еще была покрыта льдомъ, но на противоположномъ берегу уже чернѣлась полоса полыньи и пришедшая изъ Омска почта не могла быть переправлена. Однако попытка все-таки была сдѣлана. Осторожно, съ помощію досокъ стали спускать на ледъ первый тарантасъ, но едва колеса его коснулись льда, какъ онъ погрузился по самую ось. Немалыхъ трудовъ стоило вытащить его обратно на берегъ, и едва успѣли это сдѣлать какъ масса льду зашевелилась и тронулась. Мы позѣвали нѣсколько времени на ходъ льдинъ, но убѣдившись, что ничего болѣе не остается дѣлать, какъ вернуться, поѣхали обратно въ Ялуторовскъ, къ нашему хозяину—который, повидимому, не очень обрадовался нашему возвращенію, такъ какъ наставалъ Свѣтлый Праздникъ и ему самому нужны были уступленныя намъ парадныя комнаты. Однако ничего не оставалось дѣлать и онъ честно, безъ убытка себѣ, предоставилъ намъ квартиру на прежнихъ условіяхъ, взявъ за 2 дня и 3 ночи слишкомъ 20 р.—плата, за которую можно было бы имѣть помѣщеніе въ первоклассномъ отелѣ.

Чтобы не проводить праздно страстную субботу, вздумали мы устроить охоту. Графъ Вальдбургъ отправился съ исправникомъ на тетеревей, но вмѣсто этой лакомой дичи принесъ только пару куликовъ да одного дрозда. Д-ръ Брэмъ распорядился устроить сторожку на орловъ, которые, судя по разсказамъ слетались въ сосѣднемъ лѣсу на остовъ дохлой лошади. Одинъ мужикъ, изъ лежащей на берегу Тобола деревни, гдѣ мы наканунѣ хотѣли переправляться, вызвался добровольно устроить эту охоту, и, совершенно неожиданнымъ образомъ, оказался понимающимъ по-нѣмецки.—Близъ Тобола находился большой шалашъ, построенный не изъ соломы, а изъ необмолоченныхъ сноповъ, которые живо напомнили мнѣ дорогу изъ Камышлова, всю утыканную толстыми снопами длинной соломы, для защиты снѣжныхъ заносовъ,—фактъ, показывающій наглядно, какъ дешева солома въ Сибири. Въ только что упомянутомъ соломенномъ шалашѣ мы пробыли нѣкоторое время, занимаясь чаепитіемъ, причемъ толпа туземцевъ съ любопытствомъ разсматривала насъ и внимательно вслушивалась въ нашъ разговоръ, точно понимая чуждый имъ языкъ. Одинъ изъ толпы дѣйствительно оказался понимающимъ, потому

что когда графъ Вальдбургъ обратился къ нашему Мартыну Дзервиту съ вопросомъ: „когда здѣсь ловятъ рыбу?“, то вдругъ послышался голосъ, отвѣчавшій, по-нѣмецки: — „рано утромъ и вечеромъ“. Оказался, слѣдовательно, земляк; но по наружности онъ ничѣмъ не отличался отъ русскаго мужика. Впрочемъ, онъ никогда и не былъ въ Германіи, а родился въ одной изъ тѣхъ деревень Саратовской губерніи, которыя, при императрицѣ Екатеринѣ II, были заселены нѣмецкими, большей частью швабскими колонистами, не утратившими еще и понынѣ своего роднаго языка. Къ сѣверу отъ города Камышина находится около трехъ сотъ такихъ нѣмецкихъ колоній, основанныхъ въ 1760 г.. Многіе могли видѣть этихъ колонистовъ въ 1877 году, въ Бременѣ, такъ какъ въ этотъ годъ они цѣлыми сотнями выселялись въ Бразилію. Любопытный фактъ сообщаетъ проф. Ганстенъ, объѣздившій въ 1830 году весь этотъ округъ,—именно, что основанныя тамъ одновременно французскія колоніи давно уже исчезли, вслѣдствіе того, что жители ихъ всѣ нашли себѣ мѣста въ качествѣ французскихъ гувернеровъ и гувернантокъ.—Нашъ Саратовецъ поселился впрочемъ въ Сибири недобровольно, но былъ высланъ туда по настояніямъ своей общины. Положеніемъ своимъ онъ былъ не особенно доволенъ, потому что, по его словамъ, здѣсь нельзя заработать въ день болѣе 15 коп.; по всей вѣроятности, однако, онъ и здѣсь, какъ у себя на родинѣ, не особенно то любитъ работать, и вотъ именно этотъ то контингентъ лѣнтяевъ и бродягъ, который должна принимать Сибирь, и приноситъ ей вредъ. Всѣ эти сосланные на поселеніе являются на мѣсто безъ всякихъ средствъ къ существованію, и не получаютъ отъ казны ничего, кромѣ указанія на какую нибудь деревню для мѣстопребыванія. Крестьянская община обязана отвести ему участокъ земли, но объ остальномъ люди должны уже заботиться сами. Въ результатѣ выходитъ, что зажиточнымъ и старательнымъ приходится терпѣть за лѣнивыхъ и неимущихъ.

Я, впрочемъ, не желаю этимъ обидѣть нашего Саратовца, который исправно явился къ намъ утромъ въ страстную субботу и объявилъ, что шалашъ на орловъ готовъ. Мы, однако, не нашли нужнымъ имъ воспользоваться, такъ какъ въ виду массы утокъ, слетѣвшихся къ Тоболу, планъ охоты подвергся измѣненію. Саратовецъ привелъ между тѣмъ съ собою еще товарища, который, по его словамъ, помогалъ ему устраивать шалашъ, и который поэтому попросилъ у „ихъ превосходительствъ“ на водку, чтобы купить себѣ кой чего съѣстного, такъ какъ день

былъ базарный. Товарищъ тоже говорилъ по-нѣмецки и со слезами разсказалъ намъ, что онъ родомъ эстляндскій дворянинъ, и сосланъ въ Сибирь на пять лѣтъ за составленіе подложныхъ документовъ.

Ялуторовскъ (основанный въ 1641 г.) стоитъ, какъ и многіе другіе города, на мѣстѣ нѣкогда бывшаго татарскаго, остатки котораго еще видѣлъ Гмелинъ въ 1741 г. Тутъ была тогда крѣпость, которая называлась Бачамской. Въ настоящее время съ своими двумя церквами, пожарной каланчей, и многими большими деревянными домами, городокъ производитъ весьма пріятное впечатлѣніе. Улицы, какъ и повсюду въ Сибири, широкія, и имѣютъ, по сторонамъ, вмѣсто тротуаровъ, какъ въ Америкѣ, деревянные мостки, безъ которыхъ проходъ по топкой, бездонной грязи, былъ бы совершенно невозможенъ. Въ городѣ числится болѣе 4,000 жителей (по Петерб. календарю 3936) и ведется большая торговля мукой и зерновымъ хлѣбомъ, на что уже указываютъ обширныя обрабатываемыя поля въ окрестностяхъ и множество вѣтряныхъ мельницъ, весьма оригинальной постройки. Въ 1860 г. пудъ пшеницы стоилъ здѣсь 8 к., теперь онъ стоитъ 40—50 к.; во времена Гмелина (1741) пудъ муки впрочемъ стоилъ тоже 5—8 к. Каргофель здѣсь также разводится, но не въ большомъ количествѣ, потому что онъ не особенно въ ходу. Ялуторовскій округъ имѣетъ около 130,000 жителей, и заключаетъ въ себѣ только двѣ-три татарскихъ деревни. Относительно безопасности, исправникъ нарисовалъ намъ не особенно пріятную картину и былъ совершенно другого мнѣнія о ссыльныхъ чѣмъ его Тюменскій коллега. По его словамъ, ежегодно совершается здѣсь множество убійствъ, большей частью ссыльными, причемъ едва ли половина виновныхъ можетъ быть розыскана. Замѣчательно, что уже Гмелинъ упоминаетъ объ Ялуторовскѣ, какъ о притонѣ всевозможныхъ бродягъ и воровъ.

На базарѣ шла бойкая торговля и виднѣлось нѣсколько сотъ крестьянскихъ возовъ съ съѣстными припасами, холстомъ и разными другими деревенскими произведеніями. Рыба была, по случаю окончанія поста, вся распродана, и мѣсто ея заступили поросята, которые продавались по 20—25 к. за штуку.

Такъ какъ настоящая охота оказалась неудачною, и д-ръ Брэмъ вернулся только съ парой воронъ и галокъ, то моя комнатная охота вышла далеко не безъинтересною. Оставшись дома, я сталъ именно наблюдать за тараканами, извѣстными у насъ подъ названіемъ Швабовъ, Русскихъ и т. п., а въ Россіи подъ именемъ

„Пруссаковъ“. Эти прямокрылыя насѣкомыя населяютъ въ несмѣтномъ количествѣ, можно сказать, почти каждый домъ и каждую комнату въ Сибири. Они отличаются, сравнительно, большимъ проворствомъ въ движеніяхъ, и, если не считать небольшого ущерба, который они приносятъ съѣстнымъ припасамъ, въ особенности сластямъ, совершенно безвредны. Какъ всѣ тараканы, пруссаки принадлежатъ къ числу ночныхъ животныхъ, выползаютъ изъ-за печки и разныхъ другихъ уголковъ только при наступленіи сумерокъ. Когда вечеромъ дочь хозяина зажгла передъ иконами лампадки, я могъ начать мою охоту, съ цѣлью обогащенія моей энтомологической коллекціи. Охота была весьма нетрудная, и если бы всѣ насѣкомыя давались также легко, какъ эти тараканы, то мои коробки и ящики были бы скоро переполнены. Повидимому, пруссаки распространялись съ запада на востокъ, такъ какъ еще Гмелинъ замѣтилъ, что по Тарѣ и даже вверхъ по Иртышу они не водятся, въ чемъ впрочемъ Палласъ сомнѣвается.

Невольная остановка, по случаю вскрытія Тобола, дала намъ возможность хоть разъ присутствовать при православномъ богослуженіи и притомъ при самомъ пышномъ и торжественномъ,— въ первый день пасхи. Въ полночь исправникъ прислалъ за нами дрожки и, въ сопровожденіи его, мы вошли въ ярко освѣщенную и убранную зеленью церковь, гдѣ намъ были указаны почетныя мѣста, непосредственно у самаго алтаря. Церковь была полна народу и всѣ стояли съ зажженными восковыми свѣчами разной величины; мы также взяли себѣ по свѣчкѣ. Еще въ Болгаріи имѣли мы случай познакомиться съ православнымъ богослуженіемъ, но съ удовольствіемъ посмотрѣли еще разъ на эту торжественную церемонію. Особенно внушительный видъ представляли священники въ своемъ богатомъ облаченіи, съ длинными волосами и бородой, напоминающіе собой лики древнихъ отцовъ церкви. Но наше вниманіе не было всецѣло поглощено ими,—мы не забыли также и прекраснаго пола, собравшагося сюда въ самыхъ богатыхъ нарядахъ, иныя даже по весеннему, въ цвѣтахъ и соломенныхъ шляпахъ. Красавицъ въ Сибири едва-ли можно встрѣтить, но есть немало миловидныхъ лицъ, цвѣтущихъ здоровьемъ и свѣжестью.

Такъ какъ служба не заключаетъ въ себѣ проповѣди и состоитъ только изъ молитвъ, притомъ на старо-славянскомъ языкѣ, непонятномъ и для русскаго народа, то она показалась намъ утомительной и однообразной, и мы очень обрадовались, когда

наконецъ пропѣли послѣднее „Господи помилуй!“ и произнесли пасхальное „Христосъ воскресе!“, на что прихожане отвѣтили „воистину воскресе!“ Священникъ поцѣловалъ исправника и другихъ почетныхъ лицъ, прочимъ же далъ поцѣловать большой золотой крестъ. Затѣмъ, при громкомъ звонѣ колоколовъ, неумолкавшихъ большую часть службы, народъ сталъ быстро расходиться.

Какъ длинному, 40-дневному посту предшествуетъ недѣля праздниковъ и народнаго веселья,—такъ называемая „масляница“ или „сырная недѣля“—такъ и по окончаніи поста опять слѣдуетъ многодневное веселье и празднество. Прежде всего надо возвратить тѣлу, что у него было взято во время поста, такъ какъ правила православнаго поста весьма строгія и не допускаютъ употребленія мясного и молочнаго, а только рыбы и растительнаго масла. Я долженъ впрочемъ сказать, что въ большихъ домахъ посты не вездѣ строго соблюдаются, и что въ большихъ гостинницахъ они не оказываютъ никакого вліянія въ гастрономическомъ отношеніи. Тотчасъ по окончаніи службы всѣ спѣшатъ домой, гдѣ уже накрытъ столъ съ разными питательными холодными яствами: поросятами, жаркимъ, икрой, рыбой, крутыми яицами, творожными пасхами, куличами и т. п., красивое размѣщеніе и убранство которыхъ еще болѣе возбуждаетъ аппетитъ. И мы не заставили себя долго просить, когда исправникъ пригласилъ насъ къ себѣ на розговѣнье, причемъ воздали полную честь трапезѣ, несмотря на то, что еще было только 2 часа утра; само собою разумѣется, что хересъ, водки и наливки при этомъ не были забыты.

О снѣ некогда было и думать, потому что въ 4 часа утра уже были поданы тарантасы и въ 6 ч. мы выѣхали изъ города, на этотъ разъ, чтобы уже болѣе въ него не возвращаться. Хотя ледъ еще и не совсѣмъ прошелъ,—но выжидали, покуда пройдетъ большая масса льда, чтобы воспользоваться полыньей для переправы на паромѣ. Въ теченіи 3 часовъ повозки были счастливо переправлены. Конечно въ такой большой праздникъ этого было бы трудно добиться, еслибы исправникъ не сопровождалъ насъ лично. Онъ не удовольствовался однако сопровожденіемъ насъ до Тобола, но поѣхалъ и далѣе, до пятой станціи, деревни Усть-Ламинска, куда мы прибыли въ $7^1/_2$ ч. вечера. Здѣсь только онъ пожелалъ намъ счастливаго пути, и немедленно отправился обратно, причемъ ему нужно было сдѣлать въ тотъ день еще 120 верстъ.

Стояла хорошая солнечная погода и почва стала понемногу просыхать. Признаки приближающейся весны стали увеличиваться. Уже подъ Казанью мы встрѣтили первыхъ жаворонковъ и скворцовъ (27 марта), въ Тюмени (13 апрѣля)—первую трясогузку, а здѣсь, (14 апрѣля) каменки, журавли, дикіе гуси и скворцы занимались уже постройкой жилищъ для своего будущаго потомства. Насѣкомое царство также пробудилось: мы увидѣли первыхъ бабочекъ (Vanessa Antiope, Io, urticae, Colias rhamni), а въ ручьяхъ тающей воды—цѣлыя массы плавунцовъ. Тѣмъ не менѣе, настоящій прилетъ птицъ еще не начинался и уже 17 апрѣля небо опять нахмурилось, пошелъ снѣгъ и погода снова стала зимнею.

О всемъ пространствѣ между Тюменью и Омскомъ, нельзя сказать ничего, кромѣ развѣ того, что оно крайне однообразно. Хотя здѣсь уже начинается степь, но она является совершенно иною, чѣмъ её себѣ обыкновенно представляютъ. За Тюменью проѣзжаютъ сперва обширными, воздѣланными полями; потомъ слѣдуютъ песчаныя мѣстности, поросшія сосной и чахлой березой. Снѣгъ уже почти весь стаялъ, но дорога все еще представляла покрытую льдомъ и снѣгомъ плотину, проѣздъ по которой былъ сопряженъ съ большими трудностями. Приходилось часто сворачивать и ѣхать цѣликомъ по сосѣднимъ полямъ и лугамъ. Но движеніе по размокшему чернозему было нисколько не менѣе затруднительнымъ. Колеса съ трудомъ пролагаютъ себѣ путь въ липкой и клейкой массѣ, облѣпляющей и обрызгивающей экипажъ, лошадей и путешественниковъ. Кто видалъ въ Турціи или Венгріи стадо буйволовъ, возвращающееся послѣ купанья въ грязномъ илѣ, тотъ можетъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ видѣ, какой мы представляли на слѣдующій день, послѣ обѣда, когда мы въѣхали въ г. Ишимъ и остановились у дома городского головы, Помпея Григорьевича Постникова. При замѣчательной чистотѣ внутренняго убранства, въ сибирскихъ деревянныхъ домахъ, хозяйкѣ не очень-то весело встрѣчать гостей въ такомъ видѣ, когда они на каждомъ шагу оставляютъ послѣ себя грязные слѣды. Рѣдко, впрочемъ, удается гостю принести ей свои извиненія: въ такихъ маленькихъ городахъ, хозяйка дома обыкновенно не показывается. Мы воздали должную честь любезно предложенному намъ обѣду, и хозяинъ былъ такъ добръ, что сообщилъ намъ многія весьма поучительныя свѣдѣнія о странѣ и ея населеніи.

Ишимъ—небольшой городокъ, съ виду похожій на деревню,

но принадлежащій къ числу древнѣйшихъ городовъ Сибири. Онъ былъ основанъ еще въ 1630 г. Жителей въ немъ считается около 5000 (по петербургскому календарю 5832). Онъ представляетъ важность особенно по своей ярмаркѣ, которая бываетъ въ декабрѣ мѣсяцѣ, съ 1 по 20 число. На эту ярмарку съѣзжается, говорятъ, до 20,000 (?) пріѣзжихъ изъ разныхъ мѣстъ Сибири, Семипалатинска и Томска. Годовой оборотъ ея составляетъ около 5 мил. руб. (по Ленгефельду—только 2,352.000). Главный предметъ сбыта—хлѣбъ, въ особенности рожь, которая въ видѣ муки, развозится отсюда по всей Оби до Березова и Обдорска; затѣмъ слѣдуетъ пшеница, ячмень, льняное сѣмя (25—60 к. пудъ), сырыя кожи, масло и сало. Этихъ двухъ послѣднихъ продуктовъ продается до 300,000 пудовъ.

Мы пробыли у любезнаго городского головы всего только $2^1/_2$ часа, и въ половинѣ пятаго, послѣ обѣда, опять пустились въ путь. Намъ удалось однако проѣхать только 2 станціи (44 версты), потому что, впотьмахъ, одинъ изъ нашихъ тарантасовъ завязъ въ грязи и нужна была сила 12 лошадей, чтобы его вытащить. За третьей станціей отъ Ишима, близъ деревни Абатской, мы переѣхали, при помощи поддерживавшихъ льдины досокъ, рѣчку Ишимку. Мѣстность стала принимать все болѣе и болѣе степной видъ, большія деревья совершенно исчезли и даже группы низкорослыхъ березокъ стали попадаться весьма рѣдко.

Съ хлопьями снѣга, привѣтствовавшими насъ время отъ времени на этомъ пути, прекрасно гармонировали пролетавшія стаи подорожниковъ (Plectrophanes nivalis), стремившіяся на сѣверъ. Четыре мѣсяца спустя, мы снова встрѣтили ихъ подъ 67 и 68° широты. Вмѣстѣ съ этими пролетными гостями, появились и другіе: дикіе гуси, по временамъ небольшія стаи дикихъ лебедей,—на рѣчкахъ и озерахъ, еще большей частью покрытыхъ льдомъ. Всего чаще встрѣчались однако, какъ и по ту сторону Урала—разныя виды вороньихъ: сороки, грачи, вороны,—въ деревняхъ: скворцы, домашніе и полевые воробьи. Всѣ они торопливо вили гнѣзда, изъ коихъ вороньи и сорочьи представляли весьма оригинальный видъ, на маленькихъ, не болѣе 5—10 футовъ вышиною, кривыхъ деревцахъ. Тетеревей мы встрѣтили еще на пути въ Тюмень, одинъ разъ даже цѣлую стаю изъ 60 и болѣе особей; здѣсь они попадались намъ также. Передъ солнечнымъ закатомъ, часовъ около пяти, тетерева вылетаютъ на дорогу и старательно копаются въ лошадиномъ пометѣ, отыскивая зерна. Дѣйствительно, желудки застрѣленныхъ нами тетеревовъ, были

набиты исключительно овсомъ. Съ тетеревами показались и бѣлыя куропатки, очень пестро выглядывавшія въ своемъ переходномъ къ лѣтнему опереніи. Подъ прикрытіемъ экипажа, онѣ подпускали къ себѣ довольно близко и д-ру Брэму удалось въ одинъ вечеръ убить двухъ тетеревовъ и куропатку.

До сихъ поръ, изъ звѣрей, намъ попадались только зайцы, но тутъ мы имѣли счастіе встрѣтить трехъ волковъ, которые однако быстро поспѣшили на утекъ, такъ что мы не могли послать имъ въ догонку пулю. Я уже имѣлъ случай хорошо узнать этихъ хищниковъ въ Турціи, а д-ръ Брэмъ въ Кроаціи, куда онъ однажды ѣздилъ нарочно на большую волчью охоту, на которой дѣйствительно былъ убитъ одинъ волкъ.

Сибиряки вообще не очень боятся волковъ и увѣряютъ, что даже зимою, когда волки бродятъ большими стаями, по 60 и болѣе штукъ, они трусятъ передъ человѣкомъ и никогда не нападаютъ на него. И я этому вѣрю, потому что въ Сибири скотъ до поздней ночи бродитъ по окраинамъ селеній, гдѣ волку, конечно, гораздо выгоднѣе утащить овцу, теленка или поросенка, чѣмъ связываться съ человѣкомъ. Но чтобы волки не приносили никакого вреда, — съ этимъ я не могу согласиться: не далѣе какъ двумя днями ранѣе, мы проѣхали деревню, гдѣ наканунѣ ночью волки разорвали 13 овецъ и этотъ случай оказался впослѣдствіи не единственнымъ. Лазаревскій привелъ недавно интересныя свѣдѣнія о вредѣ, причиняемомъ въ Россіи волками. Хотя эти свѣдѣнія касаются только Европейской Россіи, да и относительно ея, по недостатку статистическихъ данныхъ, не вполнѣ удовлетворительны, однако онѣ даютъ точку опоры, чтобы судить о томъ, что происходитъ въ Сибири. Лазаревскій принимаетъ для всей Европейской Россіи 200,000 волковъ, которые ежегодно истребляютъ 180,000 штукъ крупнаго и 500,000 мелкаго скота, и оцѣниваетъ весь происходящій отъ того въ годъ убытокъ въ 15 милл. рублей, не считая убытка отъ истребленія дичи на 50 (!) милл. рублей. Но и человѣкъ не безопасенъ отъ волковъ, и въ одномъ 1875 г. было заѣдено имъ 161 чел. Такъ какъ западни, ружья, вообще охота оказывается недостаточною для истребленія волковъ, то Лазаревскій совѣтуетъ прибѣгнуть къ отравѣ стрихниномъ, и въ этомъ случаѣ онъ несомнѣнно правъ. Только такимъ путемъ австралійскіе колонисты могли избавиться отъ столь вреднаго для ихъ стадъ овецъ — динго или дикой собаки.

Какъ бѣдна была животная жизнь, такъ пустынна была и дорога. Большіе товарные обозы, съ окончаніемъ зимы, прекрати

лись и, кромѣ почты и мѣстныхъ обывателей, мы почти не встрѣтили ни одного проѣзжаго. По крайней мѣрѣ, я припоминаю только двухъ китайцевъ, ѣхавшихъ изъ Москвы, гдѣ у нихъ былъ чайный магазинъ, въ Кяхту. Пѣшеходы попадались ежедневно, но тоже рѣдко; по большей части это были отставные солдаты, которые возвращались съ Амура въ свои деревни, на Волгѣ или на Нѣманѣ. На такой, весьма почтенный путь, (мы встрѣтили людей бывшихъ въ дорогѣ уже 11 мѣсяцевъ) они получаютъ отъ казны весьма скудное пособіе и—дозволеніе просить милостыню. Но прирожденное гостепріимство сибиряковъ много облегчаетъ путь даже этимъ бѣднякамъ, потому что крестьяне никогда не отказываютъ помочь, чѣмъ Богъ послалъ, а иногда и подвозятъ одну—двѣ станціи. У нѣкоторыхъ изъ этихъ воякъ, путешествующихъ съ прекрасною половиною, были собственныя повозки.

19 апрѣля, въ полдень, добрались мы до маленькаго городка Тюкалинска (около 1,500 жителей), гдѣ мы были любезно введены окружнымъ начальникомъ въ домъ одного купца, г-на Еслова, радушно угостившаго насъ обѣдомъ. Въ числѣ водокъ насъ подчивали здѣсь „Бисмарковской горькой“, которая приготовляется въ Омскѣ и наглядно свидѣтельствуетъ о той симпатіи, которой нашъ государственный канцлеръ пользуется повсюду, даже въ отдаленной Сибири.

Окрестности Тюкалинска производятъ много хлѣба. На 200 верстъ въ окружности здѣсь находятся 63 деревни съ 22,000 десятинами пахотной земли. Многочисленныя большія озера, дающія притонъ огромному числу водяныхъ птицъ, вызвали колоссальную торговлю лебяжьими и нырцовыми шкурками, которой особенно занимается и нашъ хозяинъ. Всего дороже цѣнятся грудныя перья нырцовъ, которые, подъ названіемъ чомги, идутъ на выдѣлку муфтъ и разныхъ другихъ принадлежностей дамскаго туалета. За послѣднее время, впрочемъ, эта торговля повидимому упала, потому что Есловъ, вывозившій прежде въ Москву до 30,000 шкурокъ, теперь вывозитъ ихъ не болѣе 15,000. Въ оптовой продажѣ цѣна крупной шкурки нырца (Podiceps cristatus) составляетъ 70 коп.; шкурка средняго нырца (Pod. subcristatus) или три малыхъ (Pod. cornutus) стоютъ столько же. Въ Москвѣ пара продается 2 р. 50 и 2 р. 80 коп. Въ общей сложности Тюкалинскъ ежегодно производитъ около 100,000 нырцовыхъ и 10,000 ш. лебяжьихъ шкурокъ; послѣднія продаются по 1 р. 80 к. за штуку. Сбытъ сорочьихъ крыльевъ теперь тоже упалъ, но года

два тому назадъ доходилъ до милліоновъ, причемъ пара крыльевъ оцѣнивалась въ 8 копѣекъ.

Намъ приходилось имѣть немало остановокъ, то по случаю ломки экипажа, то вслѣдствіе густого мрака и снѣга, такъ что мы очень обрадовались, когда 20 апрѣля, утромъ, небо прояснѣло и настала хорошая, хотя и холодная погода. Къ 8 часамъ утра мы благополучно добрались до Иртыша и, благодаря еще крѣпкому льду, безъ труда переѣхали на другой берегъ. На противоположномъ правомъ берегу находится деревня Красноярская, отъ которой до Омска остается только 44 версты. Здѣсь мы очутились въ настоящей степи, ровной какъ скатерть и притомъ съ твердой почвой, по которой мы въ первый разъ могли поѣхать, какъ обыкновенно ѣздятъ въ Сибири, т. е. въ каррьеръ, по 18 верстъ въ часъ, или проѣзжая версту въ 3 минуты. Мѣстность здѣсь довольно обработанная и въ это время жители занимались тѣмъ, что жгли жниво и дурную траву, что допускается только весною, такъ какъ осенью могла бы предстоять опасность для сложенныхъ въ скирды сноповъ. Мы могли, такимъ образомъ, видѣть пожаръ въ степи, который однако, показался намъ весьма слабымъ и незначительнымъ въ сравненіи съ пожарами въ преріяхъ западныхъ Соединенныхъ Штатахъ или даже съ выжиганіемъ жнива въ Калифорніи. Но въ Омскѣ пришлось намъ впослѣдствіи увидѣть ночью большой пожаръ въ степи, который далеко озарялъ небо и представлялъ дѣйствительно поразительную картину. Сжиганіе травы въ степяхъ производится съ цѣлью уничтожить дурную траву и сдѣлать почву болѣе пригодною для земледѣлія. „Дѣйствіе пожара поразительно до невѣроятности. Уже по прошествіи двухъ, трехъ ночей вся степь покрывается нѣжнымъ бархатомъ душистой зеленой травы, перемѣшанной съ анемонами и ранункулами;—точно богатый коверъ колоссальныхъ размѣровъ. Интересно видѣть, и даже непривычному глазу замѣтно, насколько скорѣе, раньше и роскошнѣе является послѣ пожара растительность. По болѣе или менѣе роскошной зелени сейчасъ можно различить участки, недавно или давно горѣвшіе, и агрономическіе преимущества огня могутъ быть установлены наглядно и безспорно.“ (*Гельвальдъ*, Средняя Азія, стр. 18). Это цвѣтистое описаніе, хотя звучитъ очень красиво, не можетъ считаться совершенно вѣрнымъ. По крайней мѣрѣ мы не могли замѣтить такого поразительнаго вліянія степного пожара на растительность, а что касается его пользы въ агрономическомъ отношеніи—то Палласъ высказалъ совершенно противоположное мнѣніе.

ГЛАВА III.

ВДОЛЬ ИРТЫШСКОЙ ЛИНІИ.

(Отъ Омска до Семипалатинска).

Столица Западной Сибири.—Протестанты.—Католики.—Старый Омскъ.—Генералъ-губернаторъ Казнаковъ.—Глухонѣмой путешественникъ.—Военная гимназія.—Проф. Словцовъ.—Пасхальный звонъ.—Сибирскіе праздники, теперь и въ прежнія времена.—Смотръ казакамъ.—Джигитовка.—Куланы.—Почтовые порядки.—На водку.—Новѣйшіе русскіе беллетристы.—Скорость ѣзды.—Во времена Гмелина.—Казачья линія.—Деревни и ихъ населеніе.—Земледѣліе.—Саранча.—Рыбныя богатства Иртыша.—Степь.—Степныя озера.—Растительность.—Животная жизнь въ степи.—Киргизы.—Юрты.—Павлодарскій округъ.—Вредная система кредита.—Залежи рудъ въ степи.—Діоптазъ.—Степной рогатый скотъ.—Курдючныя овцы.—Козы.—Верблюды.—Иртышъ въ половодье.—Неожиданная остановка.—Буранъ.—Примитивные кузнецы.—Подпускная.—Гипсъ.—Освѣщеніе степи.—Миражи.—Верблюды въ упряжи.—Ѣзда верхомъ на быкахъ.—Различіе сосенъ.—Горы.—Крайніе отроги.—Проходъ.—Прибытіе въ Семипалатинскъ.

Омскъ, съ своими 30,000 жителями, не представляетъ внушительнаго вида ни издали, ни внутри, и не можетъ выдержать въ этомъ отношеніи, даже приблизительно, сравненія съ Екатеринбургомъ. Но за то онъ сохранилъ вполнѣ типъ сибирскихъ городовъ и отличается, какъ и всѣ они, громадностью своихъ площадей и шириною улицъ. Городъ прорѣзывается рѣкою Омью, которая здѣсь впадаетъ въ Иртышъ. На правомъ берегу Оми расположены обширныя предмѣстія, съ довольно бѣдно выглядящими, деревянными домами и бараками, а также старинная крѣпость, укрѣпленія которой были, впрочемъ, бо́льшей частью разрушены въ 1876 году: на ихъ мѣстѣ имѣетъ быть выстроенъ „Сибирскій университетъ.“ Такимъ образомъ „богъ войны долженъ будетъ уступить музамъ“ и перестанетъ относиться къ нимъ враждебно, какъ это было сто лѣтъ тому назадъ, во времена Палласа. Мы застали крѣпостные валы еще кое-гдѣ сохранившимися, а въ одномъ мѣстѣ торчали даже двѣ пушки. Внутри крѣпости скучено много, бо́льшей частью каменныхъ, казенныхъ зда-

ній,—казармы, магазины, церкви, тюрьма и др. Собственно городъ, расположенный между лѣвымъ берегомъ Оми и правымъ—Иртыша, состоитъ также, по преимуществу, изъ деревянныхъ построекъ, но заключаетъ и нѣсколько каменныхъ, между которыми особенно выдаются большія, выкрашенныя бѣлой краской казенныя зданія: домъ генералъ-губернатора, военная гимназія, бывшая суконная фабрика *), теперь стоящая безъ дѣйствія и нѣсколько церквей. Изъ церквей самая большая—казачій соборъ, но киргизская мечеть также поражаетъ своими размѣрами и массивностью. Кромѣ того есть еще одна католическая и одна протестантская церковь, послѣдняя—вторая, которую намъ пришлось встрѣтить послѣ Екатеринбурга. Какъ тамошній пасторъ, г. Шиллингъ, такъ и здѣшній, г. Миквицъ, оба родомъ нѣмцы, изъ остзейскихъ губерній, могли доставить намъ, самымъ любезнымъ образомъ, многія полезныя свѣдѣнія. Нужно замѣтить, что гг. пасторы въ Сибири имѣютъ въ своемъ вѣденіи такіе обширные участки, что имъ часто приходится совершать очень далекія поѣздки. Если я не ошибаюсь, во всей западной Сибири имѣется только пять протестантскихъ церквей и столько же пасторовъ, именно, кромѣ двухъ упомянутыхъ городовъ, еще въ Барнаулѣ, Томскѣ и Тобольскѣ. Конечно, и число лицъ, принадлежащихъ къ этому вѣроисповѣданію, весьма ограничено, и, по оффиціальнымъ спискамъ, составляетъ не болѣе 6009, изъ коихъ на Семипалатинскую область, напримѣръ, приходится только пять. Мы обязаны г. пастору Эберту въ Москвѣ любезными рекомендаціями его сибирскимъ собратьямъ.

Относительно католиковъ я могу только сообщить, что число ихъ въ Сибири гораздо больше, чѣмъ протестантовъ (именно составляетъ около 24,000, изъ коихъ 174 живутъ въ Семипалатинской области), что церкви ихъ отличаются лучшею архитектурой и бо́льшими размѣрами, и что большинство ихъ пасторовъ—поляки.

Во времена Гмелина (1734), Омская крѣпость (основанная въ 1716 году) была, повидимому, еще весьма незначительна, и ничѣмъ не выдѣлялась изъ ряда другихъ сибирскихъ острожковъ. По крайней мѣрѣ Гмелинъ, описывающій все имъ видѣнное съ большою подробностью, говоритъ о ней только, что „она состоитъ изъ кучки построекъ, окруженныхъ небольшимъ рвомъ и

*) Въ 1829 году, когда здѣсь былъ А. фонъ-Гумбольдтъ, на этой фабрикѣ работало 40 станковъ съ 140 рабочими и ежегодно изготовлялось сукно на обмундированіе 8000 казаковъ.

частоколомъ.“ Совершенно иначе, однако, выражается Палласъ (1771), описывая основанный въ 1768 году „новый Омскъ.“ „Однимъ словомъ, говоритъ онъ, здѣсь принимаются всѣ мѣры, чтобы сдѣлать Омскъ достойнымъ счастливыхъ временъ Великой Государыни и раздѣляемыхъ Ея Величествомъ превосходныхъ намѣреній.“ Въ его время крѣпость заключала уже въ себѣ 200 жилыхъ домовъ. Резиденція генералъ-губернатора западной Сибири, находившаяся ранѣе въ Тобольскѣ, была перенесена въ Омскъ, по причинѣ болѣе центральнаго положенія послѣдняго относительно входящихъ въ составъ генералъ-губернаторства губерній: Тобольской, Томской, Семипалатинской и Акмолинской областей. Перенесеніе центра управленія оказало существенное вліяніе на развитіе города. Послѣ генерала Хрущова, мѣсто генералъ-губернатора занялъ, три года тому назадъ, генералъ-адъютантъ Казнаковъ. Уже въ Петербургѣ мы удостоились чести быть ему представленными. Посланнымъ имъ заблаговременно приказаніямъ, мы по преимуществу обязаны тѣмъ, что какъ до сихъ поръ, такъ и еще болѣе впослѣдствіи, насъ вездѣ принимали самымъ лучшимъ образомъ. Въ короткое время своей дѣятельности, генералъ Казнаковъ, при объѣздѣ подвѣдомственныхъ ему губерній и путемъ различныхъ распоряженій, сдѣлалъ болѣе для процвѣтанія западной Сибири, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ, и притомъ по всѣмъ отраслямъ управленія. Заботясь столько же объ улучшеніи суда и полиціи, сколько о поднятіи торговли и улучшеніи путей сообщенія, онъ обратилъ также вниманіе на дѣло народнаго образованія. Повсюду стали возникать гимназіи, высшія женскія училища, начальныя школы, а также особыя школы для киргизъ и остяковъ. Особеннымъ предметомъ его попеченій сдѣлалось подготовленіе хорошихъ народныхъ учителей въ Омской учительской семинаріи, а самой любимой идеей— основаніе перваго сибирскаго университета. Насколько важно для Сибири улучшеніе и распространеніе народнаго просвѣщенія, будетъ понятно каждому, кто вспомнитъ громадное протяженіе этой страны. Какъ христіане, такъ и магометане и язычники, отзываются съ похвалою объ его безпристрастіи и справедливости. Онъ строго преслѣдуетъ превышенія власти и противузаконные поступки. Даже лѣсъ, обращающій на себя столь малое вниманіе русскихъ властей, и тотъ нашелъ въ немъ своего охранителя. Западная Сибирь должна, по справедливости, желать своему нынѣшнему губернатору полнаго успѣха въ его дѣятельности, ибо при высокомъ организаторскомъ талантѣ генерала, едва

ли кто болѣе Казнакова призванъ къ тому, чтобы не только намѣтить путь для развитія и благосостоянія страны, но и дѣйствительно повести дѣло этимъ путемъ, съ неслыханной до сего времени энергіей. Такъ какъ г. генералъ-губернаторъ былъ въ отсутствіи, то мы поспѣшили явиться къ Ея Превосходительству, чтобы просить засвидѣтельствовать передъ ея супругомъ глубочайшую нашу признательность, за оказанное намъ вниманіе. Г-жа губернаторша была столь любезна, что пригласила насъ къ обѣду и на замѣчаніе съ нашей стороны, что мы принуждены будемъ явиться въ походномъ костюмѣ, отвѣтила, что „Норденшильдъ тоже не могъ явиться во фракѣ.“

Омскъ есть не только столица западной Сибири, но въ то же время и главный городъ Акмолинской области. Поэтому мы сочли долгомъ сдѣлать также визитъ начальнику области, генералу Цитовичу, который тоже пригласилъ насъ къ обѣду. Здѣсь мы имѣли возможность познакомиться, между прочимъ, съ однимъ весьма замѣчательнымъ путешественникомъ, г. Гріолэ де Геромъ (Griolet de Geer), „Numismate et membre de plusieurs sociétés savantes,“ изъ Женевы.

Что этотъ господинъ имѣлъ намѣреніе проѣхать изъ Омска въ Пекинъ, Іеддо и чрезъ Санъ-Франциско на всемірную выставку въ Филадельфіи, — это, само по себѣ, не могло бы еще казаться особенно удивительнымъ, но то что онъ предпринялъ такое путешествіе будучи глухонѣмымъ, заставляло относиться къ нему съ особеннымъ сочувствіемъ. И дѣйствительно, онъ заслуживалъ въ высшей степени такого сочувствія, такъ какъ это былъ весьма любезный человѣкъ, обладавшій при томъ обширными свѣденіями. Постоянно онъ держалъ въ рукахъ листъ пергамента, на которомъ писалъ вопросы и дѣлалъ замѣтки. Разумѣется, безъ помощи переводчика, ему пришлось бы плохо, но его спутникъ, родомъ изъ Кяхты, говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ, а именно: по русски, по нѣмецки, по французски, по англійски и по китайски. Г. Гріолэ охотно сопровождалъ бы насъ на Алтай и несомнѣнно, несмотря на него преклонныя лѣта, онъ при его рѣдкой энергіи и подвижности, вынесъ бы это путешествіе. Но онъ указывалъ съ жалкими гримасами и жестами, смысла которыхъ нельзя было не понять, на своего переводчика, тучность котораго очевидно не была приспособлена для верховой ѣзды въ горахъ. Этотъ глухонѣмой путешественникъ очень напомнилъ мнѣ англичана Гольмса, о которомъ сообщаетъ Ганштейнъ. Совершенно лишенный зрѣнія, Гольмсъ предпринялъ приблизительно по-

добное же путешествіе, но долженъ былъ закончить его Красноярскомъ, такъ какъ власти приняли его за шпіона и заставили вернуться обратно.

Какъ и слѣдовало предполагать, всѣ достопримѣчательности города были показаны намъ во всѣхъ подробностяхъ. Прежде всего мы посѣтили военную гимназію, осмотръ которой мы имѣли удовольствіе сдѣлать подъ руководствомъ самого директора, генерала Цитовича, брата губернатора. Въ гимназіи получаютъ образованіе 350 воспитанниковъ, въ томъ числѣ 250 казенно-коштныхъ. Классныя и спальни, учительская, столовая и лазаретъ, богатый запасъ учебныхъ пособій, инструментовъ, глобусовъ, довольно значительная библіотека, наконецъ все устройство вообще—свидѣтельствовали объ образцовомъ порядкѣ и могли бы вполнѣ выдержать сравненіе съ подобными же заведеніями въ Германіи, именно съ кадетскими корпусами, которымъ военныя гимназіи наиболѣе соотвѣтствуютъ. Курсъ ученья продолжается шесть лѣтъ; содержаніе каждаго воспитанника обходится ежегодно казнѣ въ 420 рублей.

Изъ многочисленныхъ учителей насъ привлекли къ себѣ въ особенности: г. Кури, учитель нѣмецкаго языка и родомъ нѣмецъ (изъ Базена) и г. Словцовъ, учитель естественной исторіи. Послѣдній оказался страстнымъ коллекторомъ и натуралистомъ: ему обязана гимназія такимъ зоологическимъ музеемъ, подобнаго которому едва ли можно найдти при однородныхъ заведеніяхъ въ Германіи. Но что всего болѣе заслуживаетъ вниманія, такъ это то, что почти весь музей былъ собранъ имъ самимъ и на его собственныя средства. Для этой цѣли онъ предпринимаетъ каждый годъ болѣе или менѣе продолжительныя поѣздки, въ которыхъ ему случается уѣзжать до Балхаша и Обдорска. Хотя Иванъ Ивановичъ собираетъ въ сущности все, что попадется и главное вниманіе обращаетъ на зоологію, но, по своимъ любимымъ занятіямъ,—онъ, по преимуществу, ботаникъ. Мы не пробовали однако и пытаться просмотрѣть его гигантскій гербарій, хотя бы столь же бѣгло, какъ болѣе интересовавшія насъ зоологическія собранія,—чѣмъ и заслужили упрекъ со стороны сибирскихъ газетъ, или вѣрнѣе, газеты „Сибирь“, такъ какъ во всей Сибири издаются только двѣ газеты, да—двѣ, одна еженедѣльная и одна ежемѣсячная!

Намъ пришлось также осмотрѣть большой военный госпиталь и тюрьму, но нашъ любезный провожатый, главный докторъ Дитрихсъ, надѣюсь извинитъ меня, если я не войду въ подробное

описаніе этихъ, превосходно устроенныхъ учрежденій, тѣмъ болѣе что отзывъ профана не можетъ, во всякомъ случаѣ, представлять особеннаго значенія.

Хотя мы встрѣтили Пасху уже пять дней тому назадъ, въ Ялуторовскѣ, но здѣсь праздникъ еще былъ въ полномъ разгарѣ. Всѣ щеголяли въ праздничныхъ костюмахъ и веселились; даже лавки были заперты и мнѣ только съ трудомъ удалось купить пару сапогъ. Въ особенности поражаетъ иностранца непрерывно продолжающійся съ утра до вечера колокольный звонъ. Въ теченіи Пасхи здѣсь существуетъ обычай, что каждый, кто дастъ на водку пономарю, можетъ звонить, сколько ему угодно; понятно, что этимъ правомъ пользуются въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Кромѣ того, для удовольствія простого народа, устроены еще качели, каруселн и т. д. Мы посѣтили даже одинъ балаганъ, въ которомъ происходило представленіе маріонетокъ, но скоро ушли, такъ какъ, изъ очевидно весьма комичнаго представленія, намъ удалось только понять, что русскій петрушка, какъ и нашъ, въ концѣ концовъ все колотитъ и побиваетъ. Несмотря на царившее веселье, пьяныхъ было, къ моему удивленію, мало, и вообще я долженъ сказать, что порокъ этотъ менѣе бросился мнѣ здѣсь въ глаза, чѣмъ въ Голландіи, Англіи и Америкѣ. Я нисколько впрочемъ не думаю утверждать особенную трезвость сибиряковъ, но во всякомъ случаѣ, со временъ Гмелина (1736), обстоятельства здѣсь существенно измѣнились къ лучшему. У Гмелина мы находимъ, напримѣръ, такое описаніе праздничнаго разгула (Путешествіе, II стр. 173). „По истинѣ можно сказать, что всѣ подобные праздники посвящаются скорѣе дьяволу, чѣмъ Богу, и такое разгульное поведеніе служитъ весьма дурнымъ примѣромъ для многочисленныхъ здѣшнихъ язычниковъ, которые видятъ, что высшее благо сибиряковъ состоитъ въ пьянствѣ. Но пьянство, которымъ заражаются люди въ эти дни, состоитъ не въ томъ только, чтобы напиваться, напримѣръ, вечеромъ. Ни одинъ астрологъ не могъ бы указать имъ счастливый часъ, въ который они не должны были бы пьянствовать; всѣ часы для нихъ въ этомъ отношеніи равны. Съ первымъ днемъ Рождества Христова у нихъ начинается заразительная горячка, отъ которой, на второй и третій день, люди впадаютъ въ бѣшенство. Болѣзнь прорывается, наконецъ на четырнадцатый день въ формѣ всеобщаго бѣшенства, которое проходитъ только въ теченіи 5 или 6 недѣль. Съ недѣлю передъ великимъ постомъ они испытываютъ новый припадокъ бѣшенства, отъ котораго оправляются

въ теченіи восьми дней. Весною, во время Пасхи, болѣзнь возвращается снова, съ тѣмъ только отличіемъ, что вслѣдствіе предшествовавшаго поста, она бываетъ болѣе злокачественною и оканчивается раньше, именно на седьмой день. Подобно тому, какъ люди, перенесшіе тяжкую болѣзнь, нуждаются въ продолжительномъ отдыхѣ для поправленія силъ, такъ точно и сибиряки, послѣ праздниковъ, лишь постепенно возвращаются къ своему прежнему образу жизни, который состоитъ въ томъ, чтобы пьянствовать только четыре дня въ недѣлю. Иногда болѣзненные припадки возвращаются съ удвоенною силою, и тогда люди пьянствуютъ уже восемь дней подъ рядъ. Я нахожу, что это пьянство есть своего рода горячка, выражающая въ частыхъ припадкахъ, какъ падучая болѣзнь, и прекращающаяся, подобно послѣдней, только со смертію!“

Г. губернаторъ былъ не совсѣмъ неправъ, говоря намъ въ шутку, что онъ не можетъ, къ сожалѣнію, показать намъ въ Омскѣ ничего, особенно достойнаго вниманія, кромѣ пары дикихъ лошадей и казаковъ,—потому что послѣдніе, по крайней мѣрѣ, дѣйствительно, представили для насъ столь же новое, сколько поразительное зрѣлище. Одиночные казаки, которыхъ мы видѣли гораздо ранѣе, въ качествѣ вѣстовыхъ у исправниковъ и др., успѣли, правда, уже произвести на насъ довольно благопріятное впечатлѣніе, но они не могли дать даже приблизительно понятіе о томъ величественномъ видѣ, который представила цѣлая сотня ихъ, выведенная на смотръ, къ которому мы получили приглашеніе отъ г. губернатора, въ воскресенье 5-го апрѣля. Это были совершенно иного рода казаки, чѣмъ тѣ, о которыхъ мы составили понятіе по разсказамъ нашихъ отцовъ и по изображеніямъ отъ 1813 года: въ строго военномъ порядкѣ здѣсь красовался передъ нами отрядъ всадниковъ, болѣе стройной осанки для которыхъ невозможно было желать. Впрочемъ нужно замѣтить, что это было образцовое войско, именно учебный эскадронъ сибирскихъ казаковъ, *) приготовляющій инструкторовъ

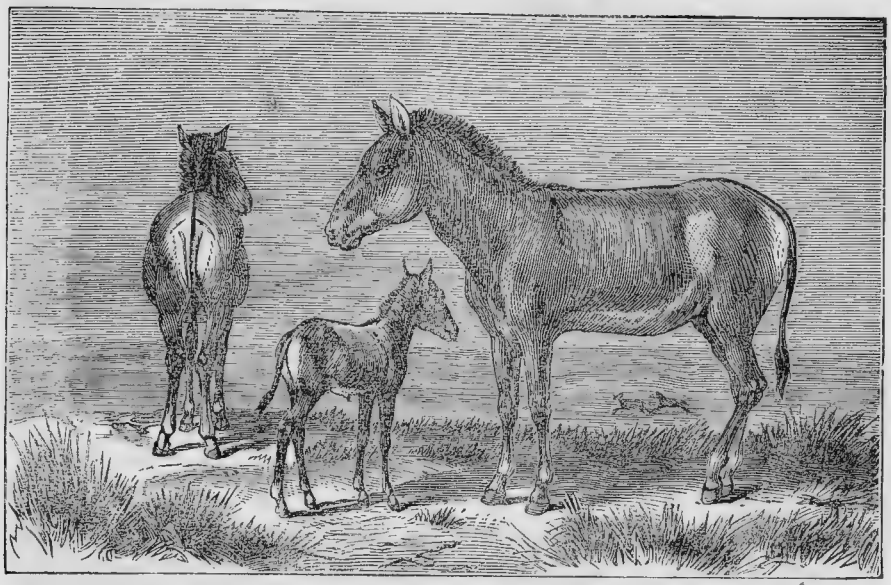
*) Сибирское казачье войско состоитъ, на военномъ положеніи, изъ 9 конныхъ полковъ, по 6 сотенъ въ каждомъ, изъ коихъ въ 1876—77 гг., 3 находились въ западной Сибири и въ Туркестанѣ. Въ мирное время созываются только части полковъ и учебныя команды. Семирѣченское войско поставляетъ 2 конныхъ полка.—Пѣшія казачьи команды, въ Березовѣ, Сургутѣ и Нарымѣ, исправляютъ тамъ полицейскую службу. Съ казаками всѣхъ перечисленныхъ отдѣловъ мы встрѣчались въ продолженіи нашего путешествія.—Но кромѣ того, для Сибири слѣдуетъ еще принять во вниманіе: Забайкальское и Амурское казачье войско, казаковъ Иркутской и Енисейской губ., Якутскій городской пѣхотный полкъ и Камчатскій полкъ (двѣ сотенныя команды), въ Петропавловской гавани. Сибирь можетъ, слѣд. выставить

уже отдаленныхъ округовъ. Чтобы доказать невѣрность господствующихъ у насъ понятій о казакахъ, какъ какихъ то оборванцахъ на тощихъ, низкорослыхъ лошаденкахъ, въ непомѣрно высокихъ сѣдлахъ, достаточно замѣтить, что лошади нисколько не меньше ростомъ нашихъ (т. е. нѣмецкихъ) гусарскихъ и осѣдланы подобнымъ же образомъ. Люди въ черныхъ мундирахъ съ красными погонами, въ заткнутыхъ въ сапоги панталонахъ съ широкими, красными лампасами и въ высокихъ папахахъ изъ киргизской мерлушки, выглядѣли очень чисто и красиво. Вооруженіе состоитъ изъ пики, длинной сабли („шашки“), рукоятка которой не защищена эфесомъ, и длинной винтовки. Послѣ того, какъ сотня сдѣлала нѣсколько эволюцій, началась настоящая джигитовка. Года два тому назадъ, въ „Gartenlaube“, былъ помѣщенъ хорошенькій рисунокъ, изображающій извѣстную исторію, многими гусарскими полками приписываемую себѣ; это именно, какъ на одномъ парадѣ, передъ строемъ ѣдущихъ рысью гусаръ, очутился мальчикъ, который былъ спасенъ однимъ солдатомъ, вынесшимся въ карьеръ впередъ и подхватившимъ его рукою на сѣдло. Я полагаю, что подобный кунштюкъ могъ бы продѣлать безъ труда любой изъ этихъ казаковъ. Мы видѣли, какъ они, на полномъ скаку, подхватывали съ земли маленькіе клочки сѣна и, хотя это удавалось не всѣмъ, но вѣдь и маленькій клокъ сѣна не то, что мальчикъ. При этомъ маневрѣ, человѣкъ долженъ нагнуться всѣмъ тѣломъ къ землѣ, такъ, что съ противоположной стороны видны только нога и рука. Подобный же видъ, но менѣе защищенный, представляетъ всадникъ, когда онъ изгибается, при ѣздѣ въ карьеръ, для того чтобы выстрѣлить въ бумажный кружокъ величиною съ тарелку. Правда, попадали въ цѣль весьма немногіе, но отчасти въ этомъ были виноваты частыя осѣчки—слѣдствіе плохихъ пистоновъ.

Нѣкоторые всадники, особенно офицеры, умѣли съ большою ловкостью и граціей скакать, стоя въ сѣдлѣ; другіе искусники спрыгивали на всемъ скаку съ сѣдла, касались земли и снова вскакивали въ сѣдло; иные, наконецъ, становились на сѣдло головою. Короче сказать, продѣлывались такія штуки, которыхъ не постыдились бы краснокожіе и гаухосы и которыя могли бы найдти себѣ мѣсто въ любомъ циркѣ. Очень жаль только, что

во время войны 11 конныхъ полковъ, по 6 сотенъ въ каждомъ, 8 конныхъ полковъ—по 4 сотни и 5 отдѣльныхъ сотенъ, 9 пѣхотныхъ батальоновъ по 5 сотенъ, 2 батал. по 4 сотни, 2 резервн. батальона, 6 полиц. командъ въ городахъ и 2 батареи о 8 орудіяхъ.

мы не видѣли никакихъ упражненій съ пикою, которую я считалъ за самое главное казацкое оружіе. Но мы были довольны и тѣмъ, что видѣли, и когда сотня окончила свои эволюціи и, съ пѣсельниками впереди, стала удаляться съ плаца, мы поспѣшили выразить нашу искренную благодарность г. губернатору за доставленное намъ удовольствіе столь рѣдкаго зрѣлища, которое едва ли придется увидать во второй разъ.



КУЛАНЫ.

Другое интересное зрѣлище доставилъ намъ полковникъ Аполлонъ Ивановичъ Руссиновъ, показавъ намъ два экземпляра замѣчательнаго вида дикихъ степныхъ лошадей, извѣстнаго у Киргизовъ подъ именемъ „Кулана“, и который, по всей вѣроятности, не отличается отъ монгольскаго „Джигетая.“ Во всякомъ случаѣ, это тотъ самый видъ, который былъ описанъ Палласомъ подъ именемъ Equus hemionus, съ болѣе короткими ушами и по этому болѣе лошадиною наружностью, чѣмъ называемый обыкновенно кулановъ, Equus onager изъ Персіи, отъ котораго первый отличается уже отсутствіемъ черной поперечной полосы на плечахъ. Кіенгъ (Equus Kiang Hodgs.), изъ Верхняго Тибета, представляетъ, повидимому, также близко сходный, но болѣе крупный видъ, насколько я могу о томъ судить изъ сличенія экземпляровъ Лейденскаго и Лондонскаго музеевъ. Впослѣдствіи, на Зайсанъ-Норѣ, мы имѣли удовольствіе видѣть кулановъ на волѣ, но они держались въ такомъ разстояніи отъ насъ, что мнѣ пришлось

удовольствоваться описаніемъ и снятіемъ рисунка только съ этихъ, „прирученыхъ“ особей. И дѣйствительно, поскольку можно говорить о ручныхъ кулапахъ, такими были видѣнныя нами особи. Полковникъ Руссиновъ, который состоитъ начальникомъ Киргизовъ, получилъ этихъ кулановъ еще молоденькими жеребятками, изъ степи Бекпакъ-Дала, по р. Чу, въ сѣверномъ Туркестанѣ, и выкормилъ ихъ при помощи молодой чалой кобылы. Къ послѣдней куланы такъ привыкли, что свободно паслись съ нею и другими лошадьми въ степи и, хотя жеребцу было уже два года, а кобылкѣ даже три, они все еще искали сосцовъ своей кормилицы. Животныя были выведены къ намъ киргизами и выказывали себя довольно своенравными, выдѣлывая отчаянныя антрашà, при чемъ жеребецъ летался болѣе задними, а кобыла—передними ногами. Молодцы-киргизы умѣли, однако, очень ловко избѣгать ударовъ. Эти куланы были, вообще, весьма статныя и красивыя животныя, и своимъ видомъ, какъ уже сказано, напоминали болѣе лошадей, чѣмъословъ. Основной цвѣтъ шерсти у нихъ—красивый желтобурый; морда, нижняя сторона щекъ, шеи и живота, пятно на верхней части бедеръ и ноги—бѣлыя. Уши красивѣе, чѣмъ у осла, но длиннѣе, чѣмъ у лошади; внутренность ихъ бѣлая, а концы окаймлены чернымъ; верхній край копытъ имѣетъ также черный ободокъ. Густая, стоячая грива, идущая отъ затылка до загривка,—чернаго цвѣта, какъ и ограниченный съ каждой стороны бѣлой каймой,—спинной ремень. Послѣдній спускается на хвостъ, который заканчивается кистью жесткихъ волосъ, достигающихъ путового сустава. Животныя были одѣты короткой лѣтней шерстью; зимою они бываютъ покрыты болѣе длинной, почти мохнатой. Въ виду своенравнаго характера животныхъ, мнѣ не удалось произвести надъ ними измѣреній; поэтому, чтобы дополнить описаніе этого интереснаго степного вида, я приведу размѣры одного стараго жеребца, полученнаго нами позже въ Зайсанѣ.

Длина отъ конца морды до концовъ длиннѣйшихъ волосъ хвостовой кисти: 10 футовъ; вышина у загривка 3′10″, вышина въ крестцѣ 3′11$^1/_2$″; длина головы отъ ноздри до передняго края уха 1′8$^1/_2$″; длина уха отъ задняго основанія до верхушки 7$^3/_4$″; длина головы отъ конца носа до затылка 2′; длина шеи отъ затылка до загривка 1′9$^1/_2$″; длина спины отъ загривка до корня хвоста 3′9$^1/_2$″; длина хвоста до кисти 1′3$^1/_2$″; вся длина хвоста съ кистью 2′7$^1/_2$″; самые длинные волоса хвоста—1′4″; самые

длинные волоса гривы $5^3/_4''$; вышина копыта, напереди $2^3/_4''$, назади $1^1/_2''$.

Г. Руссиновъ былъ такъ добръ, что предложилъ обоихъ животныхъ экспедиціи въ подарокъ, который мы, къ сожалѣнію, принуждены были однако отклонить, въ виду предстоявшаго еще намъ продолжительнаго путешествія. Я воспользовался, впрочемъ, случаемъ, чтобы направить интересную пару, обѣщавшую, по всѣмъ признакамъ, дать приплодъ, въ одинъ изъ нѣмецкихъ зоологическихъ садовъ, и полковникъ Руссиновъ изъявилъ полную готовность подарить ее Берлинскому саду, если только послѣдній пожелаетъ принять на себя расходы по доставкѣ. Я поспѣшилъ тотчасъ же обратиться съ запросомъ въ Берлинъ, но не получилъ, равно какъ и Руссиновъ, никакого отвѣта (!), по той причинѣ, какъ я уже узналъ послѣ, что садъ уже имѣлъ одного кулана.

Рядомъ съ удовольствіями, доставляемыми обществомъ и знакомствами, намъ пришлось заниматься и практическими дѣлами. Прежде всего мы должны были позаботиться о тарантасахъ для нашего дальнѣйшаго путешествія, что было не такъ легко, какъ могло бы казаться. Уже въ Тюмени мы оставили большую линію т. наз. „вольной почты“, снимаемую однимъ общимъ арендаторомъ, и вступили въ область съ иными почтовыми порядками. Отъ Нижняго почтовое движеніе устроено очень удобно. Вносятъ впередъ всю сумму за провозъ до Казани, Перми, Екатеринбурга, Тюмени, и не нуждаются ни въ какомъ особенномъ свидѣтельствѣ, т. наз. „подорожной“, которыя вообще отмѣнены въ 1874 году для всей Европейской Россіи. Отъ Нижняго до Тюмени взимается по 4 коп. съ лошади и версты, и столько же за экипажъ. Получается квитанція, въ которой обозначены необходимыя условія, равно какъ станціи, на которыхъ должно отмѣчаться почтмейстеромъ время пріѣзда и отъѣзда. Для ѣдущихъ по казенной надобности почтовыя квитанціи пишутся красными чернилами, въ знакъ того, что предъявители ихъ имѣютъ преимущество передъ прочими при полученіи лошадей на станціяхъ. Повидимому, такимъ образомъ, все устроено очень хорошо; даже указаны станціи, гдѣ долженъ смазываться экипажъ и въ каждой станціонной комнатѣ находится книга для жалобъ, припечатанная оригинальнымъ образомъ къ самому столу. Въ книгу эту каждый путешественникъ имѣетъ право заносить свою жалобу; но мнѣ говорили, что толку отъ того бываетъ немного, такъ какъ упомянутыя книги рѣдко доходятъ до предержащихъ

властей. Полагать надо, никто не будетъ оспаривать, что русское почтовое вѣдомство еще не можетъ сравняться съ германскимъ, какъ оно устроено теперь Стефаномъ; ни одного почтоваго контролера въ Германіи, день пріѣзда котораго былъ бы притомъ извѣстенъ заранѣе, не стали бы чествовать банкетомъ, какъ это, мы слышали, дѣлается иногда въ Россіи.

Путешествіе по Россіи, во всякомъ случаѣ, обходится недешево. За разстояніе въ 1667 верстъ, отъ Нижняго до Тюмени, намъ пришлось заплатить, только за лошадей и экипажъ, 659 рублей (по тогдашнему курсу 1700 марокъ), но къ этому надо еще прибавить значительную сумму на водку ямщикамъ, старостамъ и т. д. Ямщики, собственно говоря, не имѣютъ права требовать что либо съ пассажировъ, тѣмъ не менѣе приходится всегда покупать ихъ расположеніе даваніемъ на водку; потому что, если ямщикъ будетъ ѣхать, какъ сказано въ росписаніи, т. е. по 12 верстъ въ часъ, даже по 8 при плохой дорогѣ, то переѣзды покажутся столь же медленными какъ съ обыкновенной почтой въ Германіи. По большимъ дорогамъ, ямщикамъ даютъ на каждой станціи, смотря по разстоянію, 10—25 коп., въ Сибири достаточно уже 10—15 коп., а многіе опытные путешественники говорили мнѣ, что они никогда не даютъ болѣе 5—10 коп. Почтосодержатель обязанъ имѣть въ готовности на каждой станціи достаточное число лошадей (часто нѣсколько сотъ), по крайней мѣрѣ безусловно для курьеровъ; но при большомъ проѣздѣ въ Ирбитъ и обратно, случается нерѣдко все таки испытывать задержки отъ недостачи лошадей.

Что касается насъ, то мы въ этомъ отношеніи не могли пожаловаться и должны вспоминать съ благодарностью о содѣйствіи, которое постоянно оказывалось „Бремской“ экспедиціи какъ со стороны управленія, такъ и служащихъ „вольной почты“.

По ту сторону Тюмени, впрочемъ, едва ли когда случается жаловаться на остановки, потому что, при маломъ числѣ проѣзжающихъ, крестьяне наперерывъ предлагаютъ свои услуги, а такъ какъ въ лошадяхъ у нихъ избытокъ, то за пару лишнихъ они обыкновенно не стоятъ. При дальнѣйшемъ слѣдованіи, намъ въ каждый экипажъ запрягали по 4—6 лошадей, хотя платили мы всегда только за тройку. Поверстная плата отъ Тюмени составляетъ только $1^1/_2$ коп. на лошадь, но платить приходится на каждой станціи, что всегда производитъ нѣкоторую задержку и заставляетъ постоянно имѣть при себѣ мелкую монету. За наемъ экипажа плата остается прежняя, по 4 коп. съ версты, по тре-

буется еще особая подорожная, за которую взимается, отъ Омска до Семипалатинска, 22 руб. Мы вступили теперь въ предѣлы Иртышской казачьей линіи и могли спрашивать себѣ лошадей только на основаніи подобнаго императорскаго документа.

Счастливо покончивъ со всѣми этими сборами, мы тронулись вечеромъ, 24 апрѣля, въ путь, сопровождаемые пожеланіями нашихъ новыхъ друзей, въ числѣ коихъ я забылъ еще упомянуть о г. Ганзенѣ, весьма любезномъ датчанинѣ, занимающемъ должность телеграфнаго чиновника. Онъ часто помогалъ намъ своими свѣденіями и очень интересовался русской литературой, нѣсколько новѣйшихъ произведеній которой были имъ даже переведены на датскій языкъ. Особенно хвалилъ онъ намъ: „Кудеяра“, историческій романъ Костомарова, „Обломова“—Гончарова и „Записки изъ Мертваго Дома“—Достоевскаго, которыя я, не имѣвъ времени познакомиться съ ними самъ, и рекомендую вниманію моихъ нѣмецкихъ читателей.

Мы имѣли теперь предъ собою весьма длинный переѣздъ отъ Омска до Семипалатинска,—переѣздъ, въ которомъ насчитывается 760 верстъ. Это разстояніе можно было бы сдѣлать въ трое сутокъ, а губернаторъ, или другое важное лицо, въ состояніи были бы проѣхать въ 54 часа, но для насъ такая быстрота была немыслима. Хотя, по милости губернатора и полковника Русинова, передъ нами и посылался впередъ казакъ для того, чтобы на каждой станціи насъ ожидали лошади, но, къ сожалѣнію, наши тарантасы оказались не изъ лучшихъ, а въ нихъ то и заключается самая суть *). Въ казацкихъ станицахъ не всегда можно найдти кузнеца, и если сломается ось или что другое, то можетъ произойти продолжительная остановка. Въ особенности такія несчастія неизбѣжны при путешествіи съ такимъ большимъ багажемъ, какой мы должны были везти съ собой. При такихъ условіяхъ опредѣлить точно впередъ прибытіе въ извѣстный пунктъ невозможно. Хотя мы пробыли въ дорогѣ пять сутокъ, въ общемъ скорость нужно было признать удовлетворительною, такъ какъ мы имѣли 49 часовъ остановокъ, изъ коихъ 40 были вызваны тѣмъ, что сломалась ось.

Если въ Семипалатинскѣ нашъ медленный переѣздъ возбудилъ порицанія, то онъ навѣрное заслужилъ бы похвалы и удивленіе

*) Насколько проченъ можетъ быть подобный экипажъ—доказываетъ примѣръ А. Ф. Гумбольдта, который проѣхалъ по Сибири 14,500 верстъ въ одномъ тарантасѣ, только разъ остановившись для его починки. Впрочемъ, этотъ экипажъ былъ подаренъ ему Государемъ.

І. Г. Гмелина, который для того-же переѣзда долженъ былъ употребить почти мѣсяцъ. Правда, это было въ 1734 году, когда лошадей можно было достать съ трудомъ и когда большую часть пути приходилось совершать по водѣ, въ плохой лодкѣ. Разстоянія тогда измѣрялись довольно оригинально, именно до крѣпости Желѣзинской „плесами“, т. е. разстояніями отъ одного изгиба рѣки до другого, далѣе, по „рушкамъ“, т. е. по крутымъ берегамъ, и наконецъ по „урочищамъ“, т. е. по отличающимся какими нибудь особенностями мѣстностямъ. Отъ Янишевской крѣпости Гмелинъ ѣхалъ на лошадяхъ, причемъ разстоянія считались по „кормовищамъ“, т. е. мѣстамъ, гдѣ были хорошія пастбища для лошадей. Во времена Палласа (1771) уже существовала прямая дорога и всего здѣсь считалось 24 станціи, которыя всѣ сохранились и теперь. На картѣ къ путешествію Гумбольдта и Розе, отмѣчено уже 26 станцій, которыя, если не принимать во вниманіе уклоненій въ правописаніи, совпадаютъ съ моимъ подорожникомъ, гдѣ значится ихъ всего 30, т. е. четырьмя болѣе и въ числѣ ихъ одинъ небольшой городъ —Павлодаръ.

Всѣ эти станціонныя мѣстечки, между которыми расположено, самое бо̀льшее, по 5 другихъ селеній, населены казаками,—этими военными колонистами, подобно древнимъ римлянамъ, одинаково умѣющими владѣть мечемъ и плугомъ. Они были поселены здѣсь первоначально въ то время, когда Россія оттѣснила киргизовъ на лѣвый берегъ Иртыша, и съ тою цѣлью, чтобы защищать отъ ихъ набѣговъ, которыхъ въ настоящее время едва ли можно болѣе опасаться. Если такимъ образомъ, поселенные вдоль Иртыша казаки и утратили теперь свое настоящее значеніе, то, благодаря имъ, Россія все таки могла колонизовать плодородную область, и эти казацкія станицы, насчитывающія нерѣдко по 400 жителей, изъ коихъ каждая 3-я или 4-я имѣетъ церковь, производятъ весьма благопріятное впечатлѣніе. Построены всѣ онѣ еще болѣе разбросанно, чѣмъ вообще сибирскіе города, и проходящая черезъ село дорога напоминаетъ скорѣе длинную площадь, чѣмъ улицу.

Все мужское населеніе казачьихъ станицъ обязано военной службою, и уже съ юношескаго возраста обучается владѣть оружіемъ атаманами, которые большей частью получаютъ военное образованіе въ Омскѣ и нерѣдко исправляютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и должность старшинъ. Такимъ образомъ, несмотря на патріархальный образъ жизни, солдатскій духъ постоянно поддерживается и замѣтенъ уже при первомъ взглядѣ на стройную

осанку жителей. Женскій полъ показался намъ также болѣе привлекательнымъ и стройнымъ, чѣмъ видѣнный ранѣе. Внутренность станціонныхъ домовъ обращала вниманіе своею чистотою и нѣкоторымъ комфортомъ, который здѣсь можно было назвать даже роскошью. Нерѣдко полъ былъ выкрашенъ масляною краскою, на стѣнахъ виднѣлись ковры, а на окошкахъ стояли горшки съ цвѣтами. Кромѣ всюду непзбѣжныхъ образовъ, стѣны нерѣдко были украшены картинами, изображающими, большей частью, портреты императорской фамиліи и другихъ высокихъ особъ.

Казаки сами должны заботиться о своихъ жилищахъ, костюмѣ и лошадяхъ, и получаютъ отъ правительства только оружіе и амуницію, да еще незначительное жалованье, составляющее напр. для вахмистра только 3 р. 50 к. въ треть. Но за то всѣ казаки свободны отъ налоговъ и каждый глава семейства получаетъ въ надѣлъ 30 десятинъ. Для пользованія большимъ участкомъ требуется внесеніе извѣстной подати (по всей вѣроятности, очень незначительной), которая, впрочемъ, покрывается платой за пользованіе пастбищами, получаемой съ киргизъ. Вся земля около дороги, на 30 верстъ въ ширину въ каждую сторону, принадлежитъ казакамъ, и киргизы, желающіе пользоваться ею, обязаны платить за то владѣльцамъ. Насколько проѣзжающій можетъ о томъ судить, казаки — болѣе скотоводы, чѣмъ земледѣльцы; покрайней мѣрѣ, чаще приходится видѣть стада, чѣмъ воздѣланныя поля. Такое сужденіе можетъ быть, однако, ошибочнымъ, такъ какъ черноземныя поля бываютъ иногда очень удалены отъ деревень, а видѣнныя стада составляютъ, большею частью, собственность киргизъ. Казаки сѣютъ, главнымъ образомъ, рожь, пшеницу, просо, арбузы, также разводятъ табакъ и собираютъ много сѣна. Земледѣліе имѣетъ однако, въ этой области, сильнаго врага въ лицѣ саранчи, которая, по словамъ Ледебура, представлена здѣсь нѣсколькими мелкими видами (Gryllus biguttatus, clavimanus и др.)

Казаки занимаются также много рыболовствомъ, къ чему Иртышъ представляетъ большія удобства. Главнѣйшіе виды рыбъ, употребляемые въ пищу, суть: щука (Esox lucius), нельма (Coregonus leucichthys), язь (Squalius grislasine L.), окунь (Perca fluviatilis), налимъ (Lota vulgaris) и чебакъ (Idus sp.). Между осетровыми, чаще встрѣчается стерлядь; впрочемъ попадаются и другіе виды. Уже Гмелинъ упоминаетъ о чрезвычайномъ богатствѣ Иртыша рыбою. Какъ необыкновенна дешева была тогда (1734)

рыба, можно судить изъ того, что напр. 200 карасей стоили 3 коп., а за 12 коп. можно было купить 5-ти футового осетра.— Лодки, употребляемыя казаками при ловлѣ рыбы, сдѣланы изъ выдолбленныхъ стволовъ тополей и доставляются съ Урмана. Лодка длиною около 9 метровъ и шириною въ $1^1/_2$ метра стоитъ 20 рублей.

Большая часть селеній расположены непосредственно у берега или, покрайней мѣрѣ, близко отъ него, такъ что на всемъ пути рѣка остается въ виду, или скрывается изъ глазъ только на небольшое разстояніе.

За Омскомъ начинается типичная, почти лишенная деревьевъ, степь, о которой Спонвилль выражается такимъ образомъ: „Куда ни взглянешь, взоръ встрѣчаетъ, какъ на морѣ, только горизонтъ; нигдѣ никакого возвышенія; только у нѣкоторыхъ селеній виднѣются тощія деревья, обожженныя и обтрепанныя почти непрерывно дующимъ вѣтромъ. Почва мягкая, песчаная, безъ камней, почти безъ всякой растительности и кишащая саранчей". Съ этимъ описаніемъ я не могу вполнѣ согласиться: совершенное отсутствіе деревьевъ продолжается недолго, и вообще ландшафтъ, по временамъ, разнообразится. Какъ „прерію", степь обыкновенно представляютъ себѣ въ видѣ неизмѣримой травяной поверхности, что однако невѣрно, такъ какъ такія травяныя пространства встрѣчаются только мѣстами. Иногда, на далекомъ разстояніи, степь является покрытою спиреями, голыя еще вѣтви которыхъ представляютъ рѣзкій контрастъ съ большими вишневобурыми пятнами. Далѣе къ нимъ присоединяются кусты крыжовника, а кое гдѣ и группы уродливыхъ, не болѣе 5 футовъ вышиною, березъ. На самомъ же берегу Иртыша, покрайней мѣрѣ на противоположномъ станицамъ, всегда виднѣются, на большемъ или меньшемъ протяженіи, ряды ивъ, тополей, дубовъ, березъ и сосенъ. Многочисленные островки большей частью сплошь покрыты непроницаемой чащею ивъ и тростника. Какъ у всѣхъ текущихъ на сѣверъ рѣкъ Азіи, правый берегъ Иртыша высокій, лѣвый—плоскій; но здѣсь нѣтъ такихъ крутыхъ береговъ, какъ у Оби. Вдоль рѣки часто встрѣчаются ряды песчаныхъ холмовъ, вполнѣ соотвѣтствующихъ дюнамъ и имѣющихъ подобную же растительность. Если, по всѣмъ этимъ особенностямъ, Иртышская степь уже значительно отличается отъ преріи, для которой отсутствіе древесной растительности, покрайней мѣрѣ на бо́льшемъ ея протяженіи, дѣйствительно, характеристично, то еще болѣе отличается она изобиліемъ прудовъ и озеръ. Эти озера обыкно-

венно изолированы одно отъ другого, не имѣютъ притоковъ и стока, и, что еще болѣе замѣчательно, заключаютъ въ себѣ то прѣсную, то соленую воду. Отсюда происходитъ, что иногда въ окрестностяхъ ихъ замѣчаются песчаныя дюны, или отложенія соли; послѣднія представляютъ видъ, какъ будто почва на этомъ мѣстѣ покрыта инеемъ или занесена снѣгомъ. Въ такихъ мѣстахъ, естественно, попадаются характеристичныя солончаковыя растенія.

Несмотря на раннюю весну, растительность была весьма скудная, и только 26 апрѣля степь начала кое гдѣ зеленѣть, что, очевидно, слѣдовало приписать бывшему передъ тѣмъ дождю. Съ роскошнымъ травянистымъ ковромъ степи мы познакомились не прежде какъ въ началѣ мая. Первыя растенія въ цвѣту мы встрѣтили 28 апрѣля, это именно одну анемону съ красивыми голубыми цвѣтами, одну желтую драбу и неизбѣжные виды лютиковыхъ и луковичныхъ, которые здѣсь были первыми произведеніями весны.

За то животная жизнь представляла большее развитіе, и въ прудахъ и озерахъ, уже успѣвшихъ освободиться отъ льда, плавало безчисленное множество разныхъ породъ утокъ и дикихъ гусей. По дорогѣ мы часто встрѣчали стаи дикихъ лебедей, штукъ по 20 и болѣе, и не разъ пробовали охотиться на нихъ, но безуспѣшно. Во всякомъ случаѣ дикіе лебеди (Cygnus musicus) имѣютъ здѣсь свое главное лѣтнее пребываніе: еще въ Тюкалинскѣ намъ говорили, что они здѣсь часто гнѣздятся, а профессоръ фонъ-Котта нерѣдко встрѣчалъ ихъ здѣсь въ августѣ мѣсяцѣ. Чайки разныхъ породъ попадались также въ изобиліи. Эти бѣлыя птицы, летавшія далеко отъ воды, въ необозримой степи, гдѣ онѣ очевидно искали себѣ червей и насѣкомыхъ, представляли своеобразный видъ.

Изрѣдка попадалась намъ и морская сорока (Haematopus ostralegus). Пролета мелкихъ птицъ мы почти не замѣтили и единственная желтая трясогузка (Motacilla citreola), встрѣченная нами на пути, составила своего рода орнитологическое событіе, заставившее насъ даже остановиться на минуту. На берегу Иртыша многочисленныя гнѣзда стрижей (Cotyle riparia), еще стояли пустыми. Уже Палласъ упоминаетъ о безчисленныхъ колоніяхъ этихъ птицъ, которыя гнѣздятся здѣсь въ сообществѣ съ ласточками (Chelidon urbica), но послѣднія не вырываютъ себѣ настоящихъ земляныхъ ходовъ, а только неглубокія впадины. 26 апрѣля показались первыя стаи бѣлокрылыхъ жаворонковъ (Alauda sibirica). Наши европейскіе

жаворонки (Alauda arvensis) уже успѣли занять свои лѣтнія квартиры, и звонкая пѣсня ихъ уже слышалась, несмотря на частый снѣгъ и градъ. Въ деревняхъ чаще всего встрѣчались сороки и вороны, (рѣже грачи и галки) домашніе и полевые воробьи и скворцы. О послѣднихъ здѣсь, однако, менѣе заботятся, и не выставляютъ для нихъ такихъ домиковъ на шестахъ, какъ это мы видѣли ранѣе; сорокамъ и воронамъ также предоставляютъ вить гнѣзда со всѣмъ удобствомъ на чахлыхъ, кустообразныхъ березахъ. Рядомъ съ названными сельскими птицами соколы, луни и коршуны представляли новое явленіе. Коршуновъ (Milvus govinda), которыхъ мы впервые замѣтили 7 апрѣля близъ Екатеринбурга, можно было видѣть по нѣскольку особей около каждой деревни, гдѣ они проказятъ съ обычною дерзостью. Прелестный красноногій кончикъ (Falco vespertinus), одинъ изъ красивѣйшихъ представителей рода соколовъ, встрѣчался часто сидящимъ на телеграфныхъ проволокахъ, которыя, какъ и телеграфные столбы, имѣютъ повидимому какую то особенную привлекательность для всѣхъ хищныхъ птицъ. На столбахъ мы нерѣдко видѣли также скопу (Pandion haliaëtus) и другихъ орловъ. Красные соколы (Falco cenchris) встрѣчались также довольно часто, но настоящихъ степныхъ птицъ было видно мало. Изрѣдка только тяжело взлетывали стрепета (Otis tetrax) и только разъ или два встрѣтились большія дрофы (Otis tarda), на которыхъ мы попробовали даже охотиться, но единственнымъ результатомъ этой попытки было то, что испуганныя выстрѣломъ лошади опрокинули нашъ экипажъ. Замѣчательно было также нахожденіе бѣлыхъ куропатокъ (Lagopus albus) на дюнахъ вдоль Иртыша. 27 апрѣля мы имѣли удовольствіе встрѣтить первыхъ пигалицъ (Vanellus gregarius), которыя, какъ и вездѣ, предпочитали держаться вблизи стадъ.

Изъ дикихъ звѣрей, намъ попался только заяцъ-бѣлякъ, который уже одѣлся въ сѣробурую лѣтнюю шубку. Суслики, тушканчики и длиноухіе ежи (Erinaceus auritus), о которыхъ упоминаетъ Палласъ, должно быть не просыпались еще отъ зимней спячки, а большія млекопитающія, изъ которыхъ намъ всего больше хотѣлось увидать сайгу, совсѣмъ не встрѣчаются на правомъ берегу Иртыша, какъ намъ ошибочно сказали. Но Палласъ положительно говоритъ, что онѣ тутъ водятся во множествѣ, и что, переплывая Иртышъ, онѣ распространяются до самой Барабы. Гмелинъ, въ описаніи своего путешествія вдоль Иртыша, упоминаетъ еще о кабанахъ, „огромнѣе чѣмъ я ихъ когда-

либо видывалъ", и прибавляетъ, что „они ѣдятъ только травы и коренья; зимою вырываютъ изъ подъ снѣга траву, которая на здѣшнемъ языкѣ называется кундурукъ, и питаются ею".

Несмотря на эту бѣдность животной жизни, степь съ каждымъ днемъ становилась оживленнѣе; часто встрѣчались стада, по большей части принадлежащія киргизамъ. Уже въ Омскѣ мы встрѣчали послѣднихъ въ качествѣ кучеровъ и лакеевъ, теперь намъ пришлось встрѣтиться съ кочевниками и ихъ стадами, на свободѣ. Мы не имѣли однако возможности долго любоваться интересными картинами степи и ея не менѣе интересными обитателями, такъ какъ мы еще были очень, очень далеки отъ конечной цѣли нашего путешествія, области Оби, тѣмъ болѣе, что насъ уже ждали въ Семипалатинскѣ. Поэтому мы принуждены были оставить явившееся было желаніе остановиться въ степи для спеціальныхъ наблюденій и удовольствовались только бѣглымъ взглядомъ на жизнь и бытъ молодцовъ-киргизовъ.

Отъѣхавъ нѣсколько станцій отъ Омска, мы въ первый разъ увидали юрты, т. е. конусообразныя палатки изъ войлока, представляющія, въ своемъ родѣ, наилучшія переносныя жилища. Конечно, эти юрты не представляли и тысячной доли той роскоши, которую мы видѣли впослѣдствіи у султановъ и другихъ мѣстныхъ богачей; но за то мы познакомились съ болѣе бѣднымъ классомъ народа, и я долженъ сказать, что, въ общемъ, жилища его были немногимъ лучше чумовъ остяковъ и самоѣдовъ. Несмотря на войлочную покрышку, зимнее пребываніе въ такой юртѣ должно быть очень чувствительно, въ особенности когда, какъ это часто бываетъ въ степи, ощущается недостатокъ въ топливѣ, и приходится топить жалкимъ хворостомъ или высушеннымъ навозомъ (кизякомъ). Слабый огонь небольшого костра изъ тростника, горѣвшаго въ посѣщенной мною юртѣ, не произвелъ на меня пріятнаго впечатлѣнія, котораго не могло дать и остальное внутреннее устройство юрты. Убранство это состояло только изъ деревянной посуды, въ которой сохранялось молоко, и изъ пары пестрыхъ сибирскихъ деревянныхъ сундуковъ, въ которыхъ вѣроятно находились скудные пожитки хозяевъ. Юрта, имѣющая 10 футовъ въ поперечникѣ, служила жилищемъ для двухъ семей, кромѣ того въ ней еще находились пять телятъ,—обстоятельство, свидѣтельствующее о заботливости киргизовъ о своемъ скотѣ. Киргизскія женщины, говорятъ, особенно нѣжно заботятся о новорожденныхъ верблюдахъ. Видѣнный нами прекрасный полъ былъ одѣтъ крайне бѣдно, въ черныхъ изорванныхъ кафтанахъ,

и съ грязнымъ, первоначально бѣлымъ, платкомъ на головѣ, который, впрочемъ, не закрываетъ лица, какъ это собственно предписываетъ религія. Впрочемъ, киргизки смѣло могутъ не закрывать своихъ прелестей, потому что едва ли кому придетъ въ голову влюбиться хотя въ одну изъ нихъ. Смуглый цвѣтъ лица, косо лежащіе глаза и выдающіяся скулы напоминаютъ объ ихъ монгольскомъ происхожденіи, которое у мущинъ замѣтно еще рѣзче. Тѣмъ не менѣе, по мнѣнію компетентнаго Радлова, киргизы не имѣютъ ничего общаго съ монголами, и принадлежатъ къ тюркскому племени,—заключеніе, которое основано, конечно, главнымъ образомъ, на лингвистическихъ данныхъ. Мущины были одѣты въ поношенные тулупы, а на головахъ у нихъ были своеобразныя шапки, снабженныя наушниками и назатыльниками и обшитыя лисьимъ мѣхомъ. Дѣти, несмотря на снѣгъ и вьюгу, расхаживали босикомъ и съ непокрытою головою, не ощущая, повидимому, отъ того никакого неудобства. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе попадалось намъ юртъ, но все-таки это не были настоящіе аулы (т. е. юртовыя деревни). Только близъ мѣстечка Павлодара мы увидали цѣлый городокъ, состоящій изъ юртъ. Сломавшееся колесо заставило насъ утромъ, 27 апрѣля, остановиться здѣсь противъ нашего желанія. Для предотвращенія въ будущемъ подобныхъ случайностей, я заботливо запасся двумя колесами,—что и могу рекомендовать всѣмъ путешественникамъ,—потому что хотя мнѣ понадобилось собственно только одно, но я съ барышомъ продалъ другое впослѣдствіи, такъ какъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ колеса и другія подобныя вещи пріобрѣтали бо́льшую цѣнность.

Павлодаръ (1050 жителей), бывшее село Коряковское во времена Палласа и Коряковскъ на картѣ Розе, имѣетъ довольно важное значеніе, какъ мѣсто торговли съ киргизами, что̀ доказывала уже масса сложенныхъ здѣсь кожъ. Населеніе округа, простирающагося на 50 верстъ по лѣвому и на 300 по правому берегу Иртыша, состоитъ—какъ намъ объяснилъ говорящій по французски исправникъ—изъ 6000 казаковъ и 103000 киргизовъ. Въ наше время на правомъ берегу стояло 6000 киргизскихъ юртъ, изъ которыхъ каждая должна платить правительству три рубля подати, кромѣ платы за пастбища казакамъ. Послѣдніе, равно какъ и купцы въ этой мѣстности, отлично умѣютъ, подобно ихъ землякамъ въ остальной Сибири, обращать туземцевъ въ неоплатныхъ своихъ должниковъ, именно ссужая ихъ въ трудное время. Случится напримѣръ, какъ это часто бываетъ,

у киргизовъ недостатокъ въ хлѣбѣ, казаки всегда готовы ссудить хлѣбомъ, мукой и другими продуктами подъ залогъ скота, въ особенности подъ телятъ, которые стоютъ какихъ-нибудь два рубля, и притомъ съ условіемъ, чтобы киргизы продержали ихъ зимою у себя. Чрезъ это, естественно, увеличивается стоимость залога, а вмѣстѣ съ тѣмъ и барышъ, такъ что русскій, умѣющій ловко обдѣлывать свои дѣла, можетъ такимъ манеромъ постепенно перевести въ свое владѣніе цѣлое стадо. Такіе ростовщики встрѣчаются, впрочемъ, и между самими киргизами, и часто бываетъ, что несчастный бѣднякъ киргизъ, потерявъ весь свой скотъ, становится самъ батракомъ своего заимодавца. Къ этой категоріи принадлежало большинство видѣнныхъ нами киргизовъ. Они были или пастухами (егиничи) у своихъ богатыхъ соплеменниковъ или находились въ услуженіи (дзетаки) у казаковъ, въ станицахъ которыхъ они не только зимуютъ, но часто остаются по нѣскольку лѣтъ для того, чтобы отработать свои долги. Совершенно обѣднѣвшіе киргизы называются „байгушами.“ Вообще же говоря, долговременное сожительство въ однихъ мѣстахъ казаковъ съ киргизами тѣсно сблизило ихъ между собою, и первые выучились у послѣднихъ не только джигитовкѣ и основанной на ней манерѣ нападенія, но и языку, на которомъ они могутъ говорить всѣ безъ исключенія, а также заимствовали многое изъ одежды и обычаевъ.

Въ юго-западномъ направленіи отъ Павлодара, близъ Барнаула (180 вер.) и Каркаралинска, находятся богатые рудники, изъ которыхъ одинъ, называемый Богословскимъ заводомъ (210 вер.), принадлежитъ Попову, пригласившему меня, еще въ С.-Петербургѣ, посѣтить его владѣніе. Судя по выставленнымъ въ его домѣ образцамъ, рудники эти богаты серебромъ, мѣдью, желѣзомъ и каменнымъ углемъ, изъ коихъ послѣдній дѣлаетъ, конечно, разработку руды весьма удобной. Покуда однако, этотъ округъ, столь много обѣщающій для горнаго дѣла, далеко еще не достигъ цвѣтущаго состоянія, главнымъ образомъ по недостаточности путей сообщенія и неимѣнію необходимаго для правильной постановки дѣла, капитала. Эти отдаленныя мѣста представляютъ для минералога еще особый интересъ потому, что въ нихъ встрѣчается діоптазъ или мѣдный смарагдъ, наилучшіе кристаллы котораго, яркозеленаго цвѣта, добываются, какъ кажется, близъ Алтынъ-Тюбе, въ ста верстахъ отъ Каркаралинска. Русскіе называютъ діоптазъ „аширитомъ“ по имени открывшаго его ташкенца, Аширки. Для зоологовъ, уединенныя гранитныя горы близъ Бар-

наула также представляютъ много интереснаго, такъ какъ на нихъ водится дикая овца или аркаръ киргизовъ (Ovis ammon L.), а въ окрестныхъ степяхъ—куланъ или дикая лошадь. При дальнѣйшемъ слѣдованіи, мы встрѣтились, прежде всего, съ табунами полудикихъ лошадей, пасущихся подъ присмотромъ киргизовъ. Не разъ намъ представлялась красивая картина, какъ наѣздники бѣшено мчались, окружая табуны, или длинными кольями загоняли въ нихъ отставшихъ лошадей. Кромѣ лошадей, попадались часто стада рогатаго скота, въ особенности овецъ. Степной скотъ рѣзко отличается отъ остального сибирскаго: онъ крупнѣе, красивѣе и характеризуется короткими, довольно прямостоящими рогами, и малымъ развитіемъ вымени. Цвѣтомъ шерсти онъ не отличается отъ другихъ породъ: встрѣчается и черный, и пестрый и одноцвѣтный. Тоже самое можно сказать и объ овцахъ, между которыми есть и одноцвѣтныя (бѣлыя и черныя) и пестрыя; особенно же красивыми показались намъ красновато-коричневыя. Но главная особенность этой породы, обращающая на себя преимущественно вниманіе европейца, состоитъ въ курдюкѣ или жировомъ хвостѣ. Обыкновенно подъ названіемъ „курдючныхъ овецъ“ представляютъ себѣ породу, у которой весь отлагаемый въ тѣлѣ жиръ сосредоточивается въ необыкновенно длинномъ хвостѣ, достигающемъ иногда такого вѣса, что подъ него необходимо подставлять повозку на колесахъ, чтобы облегчить животному передвиженіе. Такъ по крайней мѣрѣ говорится почти во всѣхъ естественныхъ исторіяхъ. Въ киргизскихъ степяхъ овецъ съ такими жировыми хвостами нѣтъ, потому что у всѣхъ тѣхъ, которыхъ мы видѣли, а мы видѣли ихъ очень много, хвоста совсѣмъ не было, а потому о немъ не могло быть и рѣчи. Собственно хвостъ ихъ, очень короткій, совершенно скрытъ въ жировой подушкѣ, которая спускается въ видѣ мѣшка отъ задней части туловища и закрываетъ собою заднюю половину бедеръ. Разсматриваемая въ профиль, эта жировая подушка напоминаетъ собою одну принадлежность дамскаго туалета, а сзади она похожа на грушу, которая при быстромъ движеніи животнаго трясется, что представляетъ весьма комичный видъ, въ особенности если имѣешь передъ глазами цѣлое стадо. Такимъ образомъ, жировой наростъ, у киргизской степной овцы, образуется совершенно такъ-же, какъ и у черноголовыхъ овецъ Средней Африки, Аравіи и Персіи.

Какъ у верблюда, если онъ голодаетъ, мало по малу опадаютъ горбы, такъ и у киргизской овцы опадаетъ курдюкъ. Повторяемое до сихъ поръ въ учебникахъ увѣреніе, что указанная

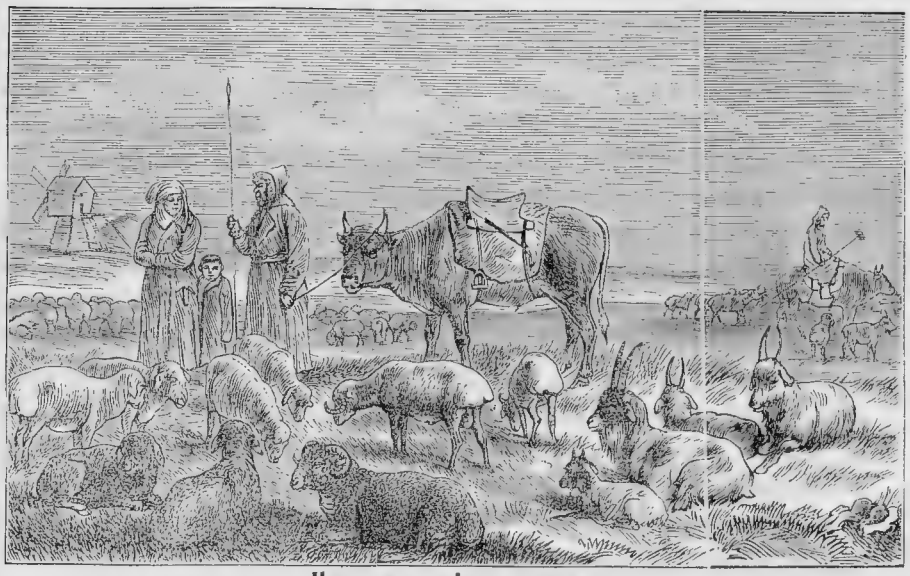
особенность породы исчезаетъ при переселеніи послѣдней, напр. въ Евр. Россію, совершенно ошибочно, какъ объ этомъ догадывался еще Гмелинъ. По крайней мѣрѣ наблюденія Палласа не оставляютъ никакого сомнѣнія, что жировой наростъ исчезаетъ лишь мало по малу вслѣдствіе скрещиванія съ русскими овцами, и, наоборотъ, можетъ появиться у обыкновенныхъ овецъ, при скрещиваніи ихъ съ киргизскими. Киргизская овца высокаго роста, крѣпко сложена, на довольно высокихъ ногахъ, имѣетъ горбатый носъ и висячія уши. Вѣсомъ она достигаетъ 4—5 пудовъ, изъ которыхъ одинъ пудъ приходится на курдюкъ. Руно ея очень грубо, и шерсть почти не идетъ на пряжу, а больше употребляется на изготовленіе войлоковъ. Рога у барановъ средней величины и загнуты внизъ и внутрь, иногда же образуютъ спиральный заворотъ. Шкурки ягнятъ очень цѣнятся за особенную нѣжность шерсти, иногда курчавой, иногда почти гладкой. Въ этомъ послѣднемъ видѣ онѣ употребляются на высокія казацкія папахи, и иногда въ нихъ довольно трудно признать мерлушку. О другихъ свойствахъ киргизской овцы, особенно о ея необыкновенной выносливости, я буду еще имѣть случай говорить впослѣдствіи.

Красивѣе и виднѣе овецъ выглядятъ козы, которыхъ часто держатъ здѣсь вмѣстѣ съ овцами. Это высокія, крѣпко сложенныя животныя, съ короткой мордой, длинной бородой, и густою, обыкновенно бѣлою шерстью, которая спускается до колѣнъ и закрываетъ, на подобіе гривы, лобъ и глаза; уши, какъ у овцы, висячія. Но особенное отличіе ихъ составляетъ своеобразная форма прямыхъ роговъ, концы которыхъ или загибаются концами внутрь другъ другу, или отклоняются нѣсколько взадъ. Послѣ красивыхъ длинношерстныхъ козъ, видѣнныхъ мною въ Болгаріи, я не встрѣчалъ нигдѣ болѣе статныхъ. Мнѣ не представилось случая узнать, стригутъ ли здѣсь козъ, какъ это дѣлаютъ въ Турціи, и употребляется ли ихъ мягкая длинная шерсть на пряжу, что, впрочемъ, весьма вѣроятно.

Кромѣ названныхъ домашнихъ животныхъ, встрѣтили мы, черезъ двѣ станціи отъ Павлодара, еще одно, совершенно для насъ новое, которое живо напомнило намъ, что мы приближались къ центральной Азіи,—это именно двугорбаго верблюда. Къ этому полезному животному, сдѣлавшемуся впослѣдствіи для насъ самымъ необходимымъ, мнѣ еще придется вернуться, а пока я добавлю только относительно уже описанныхъ, что средняя

цѣна лошади здѣсь 20—30 р., коровы—15, овцы—2 и козы 1—1½ рубля.

Когда мы, 24 апрѣля, выѣхали изъ Омска, Иртышъ еще былъ покрытъ льдомъ; но уже черезъ два дня по его грязно-бурой водѣ неслись громадныя льдины, что впрочемъ не представляло особенно поразительнаго зрѣлища. Тѣмъ не менѣе, масса воды, затоплявшая на большое пространство берега, выглядѣла очень внушительно, и мы пожалуй порадовались бы на нее, если бы она не приготовила намъ непріятныхъ приключеній. Хотя наша дорога шла крутымъ берегомъ, футовъ 30 надъ водою, но сильные дожди образовали глубокія вымоины, произвели кое гдѣ и здѣсь наводненія. Нерѣдко намъ приходилось сворачивать съ дороги, обозначенной, вмѣсто верстовыхъ столбовъ, наполнен-



Киргизскія стада.

ными землею плетенками, и дѣлать большіе объѣзды. До нѣкоторыхъ же станцій совсѣмъ нельзя было добраться, какъ напримѣръ до 14-й, которая была окружена на нѣсколько верстъ водою, точно была построена среди озера. Мы должны были остановиться въ степи и ожидать перемѣнныхъ лошадей, которыя наконецъ и прибыли, въ томъ числѣ одна пара довольно оригинальнымъ образомъ. Двѣ лошади, именно, вырвались и помчались, вмѣстѣ съ сбруей, по степи, преслѣдуемыя ямщиками-киргизами, которымъ наконецъ и удалось поймать ихъ. Послѣ такой ловли, намъ конечно нечего было бояться, что наши лошади понесутъ, къ чему онѣ часто имѣютъ наклонность; напро-

тивъ того пришлось ѣхать гораздо тише, чѣмъ это было бы желательно. Къ тому же поднялась буря и обсыпала насъ ледяными кристалликами, которые кололи лицо какъ иголки. Вслѣдствіе этого, мы стремились какъ можно скорѣй добраться до Чернорѣцкой станціи, находившейся всего въ 15 верстахъ. При обыкновенныхъ условіяхъ дороги этого можно было бы достигнуть, самое большее, въ полтора часа, такъ что мы должны были прибыть туда, примѣрно, часамъ къ 5, но на самомъ дѣлѣ мы едва добрались къ 9 вечера, каковой проволочкой мы были обязаны нашему киргизенку-ямщику, ѣхавшему съ багажемъ. Надо было переѣхать черезъ одну, образовавшуюся отъ наводненія лужу, примѣрно шаговъ въ сорокъ ширины, въ которой колеса уходили въ воду не далѣе осей и подобныя которымъ намъ пришлось переѣзжать уже много разъ. Д-ръ Брэмъ, ѣхавшій впереди, перебрался благополучно; мы слѣдовали за нимъ и нашъ возница, здоровенный казакъ, крикнулъ киргизенку, чтобы онъ направлялъ колеса въ тѣ же колеи. Но мальчикъ взялъ немного лѣвѣе и въ ту же минуту повозка съ багажемъ ушла въ воду по ступицу. Какъ ни били лошадей, все было безполезно, и повозка оставалась на мѣстѣ, точно вросла въ вязкую черную глину. Нашъ казакъ долженъ былъ слѣзть и пособлять, причемъ онъ предварительно выместилъ свою досаду на непослушномъ киргизенкѣ, надававъ ему оплеухъ, чему тотъ, разумѣется, безропотно покорился. Намъ съ графомъ Вальдбургомъ были переданы пока возжи, и въ полной увѣренности, что повозка сейчасъ сдвинется съ мѣста, мы продолжали спокойно сидѣть. Между тѣмъ случилось иначе: коренникъ, которому надоѣло стоять и дрогнуть, вдругъ поднялся на дыбы, пристяжныя послѣдовали его примѣру, рванули, сдѣлали крутой поворотъ, и секунду спустя нашъ экипажъ лежалъ опрокинутымъ, коренникъ при этомъ попалъ подъ оглобли и дѣлалъ отчаянныя усилія чтобы подняться. Мы были рады, что хоть успѣли выбраться съ цѣлыми членами. Такъ какъ наша упряжь нуждалась въ поправкѣ, а багажная повозка все больше и больше гнулась на лѣвый бокъ, то киргизу пришлось поддерживать ее своимъ плечемъ, стоя выше колѣнъ въ водѣ, что̀ по нашимъ понятіямъ, служило ему достаточнымъ наказаніемъ за его неловкость. Казакъ, между тѣмъ, поскакалъ въ деревню и вернулся только черезъ три четверти часа, съ людьми и рычагами, а мы до того времени должны были удерживать лошадей, которыя не разъ порывались вернуться въ деревню. Вынизъ повозки багажъ, попробовали сдвинуть ее съ помо-

щію рычаговъ, но безуспѣшно. Тогда попытали привязать къ ней за хвостъ трехъ лошадей, но и это ни къ чему не послужило, послѣ чего опять пришлось посылать въ деревню за новою помощью.

Пока все это дѣлалось, мы вдосталь испытали на себѣ свирѣпость степной вьюги и получили по крайней мѣрѣ приблизительное понятіе, что̀ значитъ т. наз. „буранъ“. Порывы вѣтры были иногда такъ сильны, что трудно было удержаться на ногахъ и мы опасались каждую минуту, что наши тарантасы опрокинутся. Конечно, въ сравненіи съ настоящимъ зимнимъ бураномъ, эта буря была еще очень умѣренная, но для пера, болѣе богатаго фантазіей, чѣмъ мое, и она могла бы дать достаточно матеріала, чтобы нарисовать картину, способную бросить въ дрожь читателя и слушателя. Наконецъ, при помощи шести человѣкъ, вооруженныхъ кольями, и шести лошадей, удалось сдвинуть съ мѣста повозку, послѣ чего, снова уложивъ въ нее вещи, мы могли двинуться далѣе.

Я нарочно подробно разсказалъ этотъ эпизодъ, чтобы показать, какія непредвидѣнныя случайности и задержки могутъ встрѣтиться путешественнику въ Сибири, на большихъ дорогахъ. Я уже не говорю о задержкахъ отъ поломки колесъ и осей,— которыхъ мы потерпѣли, я думаю, больше полдюжины, на этомъ переѣздѣ; это положительно неизбѣжно при пользованіи такими экипажами, какіе были у насъ. Въ Сибири обыкновенно при въѣздѣ и выѣздѣ изъ каждой деревни торчитъ кузница, но при казацкихъ станицахъ онѣ составляютъ рѣдкость, и бываютъ по большей части такого первобытнаго устройства, какого мнѣ никогда еще не приходилось видѣть.

Причиной этому вѣроятно то обстоятельство, что степныхъ лошадей никогда не подковываютъ, и экипажами здѣсь пользуются очень рѣдко. Но главнымъ образомъ, тутъ виновато не жалкое устройство кузницъ, а неумѣнье и неспособность жителей. Въ 1872 году, разъѣзжая по Индѣйской территоріи „семи націй“, мнѣ приходилось быть въ Винетѣ свидѣтелемъ, какъ одинъ старый нѣмецъ, безъ посторонней помощи, въ три четверти часа, набилъ шину на большое колесо, причемъ, конечно, устройство его кузницы было далеко не образцовое. Наоборотъ, старикашка-кузнецъ въ Петорижской, даже и съ помощію старой, отвратительной киргизки, былъ совершенно не въ состояніи справиться съ этой работой. Въ ямѣ, представлявшей кузницу, огонь былъ такъ слабъ, что не было никакой возможности раскалить шину,

а два дырявыхъ снаряда, изображавшихъ собою мѣхи, были не въ состояніи усилить жара; къ тому же самъ почтенный Вулканъ не имѣлъ никакого понятія о томъ, какъ слѣдуетъ набивать шины. Къ моимъ увѣщаніямъ, основаннымъ на практикѣ Индѣйцевъ, что нужно сперва раскалить шину на древесномъ огнѣ, а потомъ остудить въ лужѣ съ водою, чтобы она плотнѣе обхватила дерево, киргизъ оставался глухъ, и я былъ еще радъ, что онъ съумѣлъ наконецъ кое какъ прикрѣпить ее съ помощію желѣзныхъ связей. Пока онъ работалъ, мнѣ невольно припомнился кузнецъ-нѣмецъ въ Винетѣ, и я мысленно сопоставилъ ихъ. Этотъ полурусскій, полу-киргизъ, единственный кузнецъ на большомъ пространствѣ, въ богатой отъ природы странѣ, былъ радъ, что могъ кое какъ влачить свое существованіе. Его собратъ, на западѣ отъ Миссиссипи, будучи уже семидесятилѣтнимъ старикомъ, съумѣлъ въ одинъ годъ скопить себѣ 700 долларовъ, не отказывая себѣ при этомъ въ необходимомъ. Впрочемъ, нужно сознаться, что и фермы полуобразованныхъ Ирокезовъ, были далеко не то, что казацкія деревни.

Пріѣхавъ 27 апрѣля, около 7 часовъ вечера, въ Подпускную, съ занятою на прокатъ осью, вслѣдствіе того, что на предшествовавшей станціи не оказалось кузницы — мы надѣялись скоро исправить поврежденіе и двинуться далѣе, но увы, намъ суждено было открыть еще одинъ новый недостатокъ этихъ первобытныхъ мастерскихъ. Кузнецъ въ этотъ день не могъ работать, не потому, чтобы онъ былъ пьянъ, что было бы еще понятно и извинительно, а потому что вѣтеръ не позволялъ развести огня. Въ самомъ дѣлѣ, кузница, открытая со всѣхъ сторонъ, примыкала къ домамъ деревни, а такъ какъ вѣтеръ дулъ по направленію къ этой послѣдней, то приходилось опасаться, какъ бы онъ не занесъ искръ и не надѣлалъ пожара. Пришлось поэтому, обратно какъ бываетъ на морѣ, дожидаться безвѣтрія, которое, къ нашему счастью, и наступило на слѣдующее утро, такъ что часовъ около 11 мы снова могли тронуться въ путь.

Во время совершаемой въ кузницѣ операціи, я успѣлъ сходить посмотрѣть деревню, которая состояла изъ нѣсколькихъ домовъ и заслуживала менѣе вниманія, чѣмъ находившіяся возлѣ бѣдныя юрты киргизовъ. Я спустился съ крутого берега Иртыша и очутился на покрытой красивыми деревьями, низменной береговой полосѣ, еще отчасти затопленной водою. Тутъ находились огороженныя плетнемъ стойла для скота и огороды казаковъ. Послѣдніе пользовались, повидимому, тщательнымъ уходомъ; между

прочимъ тутъ были посѣяны арбузы и табакъ. Довольно высокій берегъ Иртыша состоялъ преимущественно изъ песку и оттого мѣстами напоминалъ дюны. Я очень удивился, находя въ пескѣ повсюду гнѣзда нечистаго гипса, который выказывалъ кристаллическое строеніе. Казакамъ этотъ минералъ оказался хорошо знакомымъ: они пережигаютъ его въ печахъ и употребляютъ на бѣленье стѣнъ. Въ отношеніи орнитологіи поразило меня то, что домашній воробей встрѣчается не во всѣхъ казацкихъ станицахъ этой линіи.

Мои спутники, которымъ надоѣло ждать конца кузнечной процедуры, отправились между тѣмъ впередъ, вдоль Иртыша, чтобы поохотиться на кишащихъ по немъ утокъ. Мнѣ однако пришлось долго ихъ искать и колесить понапрасну, такъ какъ поднялся туманъ и пошелъ градъ, непозволявшій различить предметы, даже на близкомъ разстояніи. Обусловленное такими тяжело-нависшими облаками, освѣщеніе было въ высшей степени эффектно и представляло самыя чудныя сочетанія красокъ, изъ которыхъ я приведу въ примѣръ только одно. Небо заволокли темныя свинцово-сѣрыя тучи, которыя на югѣ спускаются къ землѣ выступами, какъ бы бахрамою и рѣзко обрисовываютъ освѣщенный солнцемъ сѣро-желтый горизонтъ. Этотъ необыкновенно яркій горизонтъ проливаетъ желто-оранжевую полосу свѣта по черной, отливающей въ бурый и въ желто-бурый цвѣтъ, степи, причемъ, съуживаясь въ отдаленіи, эта полоса является ярко-оранжевой, а ближе, и въ болѣе широкомъ мѣстѣ, блѣдно-зеленою. Какъ скоро тучи, а съ ними снѣгъ и градъ, уносятся далѣе, чистое небо снова улыбается, какъ у насъ въ апрѣлѣ, воздухъ нагрѣвается и при этомъ появляются новыя картины,— воздушныя отраженія (миражи), по капризному произволу которыхъ на горизонтѣ показывается то волнующаяся нива, то озеро, окаймленное лѣсистыми берегами, и тому подобное. Такъ и въ „вѣчномъ однообразіи степи“, какъ выражается Густавъ Розе, нѣтъ недостатка въ смѣнѣ картинъ, хотя говоря вообще, я и затрудняюсь сообщить что либо объ ней интереснаго. Конечно, для насъ, иностранцевъ, стада киргизовъ продолжали быть интересными, въ особенности, когда мы увидѣли въ первый разъ запряженныхъ въ телѣги верблюдовъ. Чрезвычайно комично видѣть сухого уродливаго верблюда запряженнаго въ оглобли деревенской телѣги и везущаго въ полѣ мѣшокъ сѣмянъ, которыхъ бы нѣсколько помѣстилось у него на спинѣ. Въ pendant къ верблюдамъ въ упряжи служили осѣдланные быки, которыми упра-

вляютъ здѣсь посредствомъ продѣтаго чрезъ носовую перегородку деревяннаго гвоздя и на которыхъ киргизскіе пастухи-мальчишки умѣютъ ѣздить такъ ловко, что хоть кому было бы не стыдно. Въ быстротѣ и выносливости эти рысаки могутъ помѣриться съ описаннымъ Андерсономъ, знаменитымъ ѣздовымъ быкомъ Домара, „Мальбрукомъ“, о которомъ онъ разсказываетъ столько удивительныхъ вещей при своемъ описаніи охоты на слоновъ. Также и какъ вьючныя животныя, эти быки незамѣнимы при ѣздѣ въ горахъ, и Влангали не находитъ словъ достаточно нахвалиться ими. Своеобразные курганы, или могилы киргизовъ, замѣтные уже издалека и часто встрѣчавшіеся намъ на пути, также привлекали наше вниманіе. Но къ нимъ я буду еще имѣть случай вернуться.

Начиная съ 22 станціи (Подпускной), стали мы замѣчать въ пескѣ отдѣльные большіе камни, первые послѣ Урала, а между 25 и 26 станціей (Грачевской и Черемуховской) показалась настоящая горная порода, какъ въ этомъ еще яснѣе убѣждала встрѣченная недалеко отъ селенія известкообжигательная печь. Уже Палласъ упоминаетъ объ этой каменоломнѣ, которая въ его время доставляла матерьялъ для новой крѣпости въ Омскѣ, и въ которой работало, кромѣ ссыльныхъ, 100 казаковъ. Такимъ образомъ, кварцевая скала близь Бѣло-Каменной не составляетъ единственную горную породу, на пространствѣ между Иртышемъ и Ураломъ, какъ это утверждаетъ фонъ-Котта.—Палласъ полагаетъ, что Грачевская станція получила свое названіе отъ грачей, которые занимаются, будто бы, здѣсь цѣлое лѣто истребленіемъ саранчи. Но намъ грачи попадались рѣдко, а въ этой деревнѣ ихъ совсѣмъ не было. Вообще, начиная съ 26 станціи, характеръ степи разомъ измѣнился. Почва продолжала, правда, оставаться песчаной и представляла повсюду дюнообразные холмы, но возвышенія эти были уже поросши прекрасными соснами, которыя мѣстами образовали даже цѣлые лѣса, и невольно привлекали къ себѣ вниманіе чрезвычайнымъ разнообразіемъ формъ отдѣльныхъ деревьевъ. Лѣвый берегъ Иртыша былъ густо покрытъ ивами и тополемъ, за которыми простиралась широкая равнина, ограниченная вдали цѣпью горъ, доставлявшею усталому глазу давно желанную перемѣну. Эта синяя цѣпь горъ, издали кажущаяся гораздо выше, чѣмъ она есть въ дѣйствительности, и украшенная снѣжной каймой, называется Семи-Тау и представляетъ одинъ изъ изолированныхъ, низкихъ гранитныхъ массивовъ южно-иртышской степи.

Поставленные въ необходимость, вслѣдствіе затопленныхъ

измѣнностей, сдѣлать еще одинъ большой объѣздъ, мы только, къ 11 часамъ (22 апрѣля) добрались до (28-й) станціи Бѣло-Каменной, маленькой деревеньки, не имѣющей даже церкви. Деревня эта замѣчательна, однако, тѣмъ, что около нея, на низкихъ холмахъ, выходятъ наружу мощныя залежи бѣлаго кварца, откуда произошло названіе самой деревни: „бѣло-каменная“. За нею опять тянется солончаковая степь, съ песчаными дюнами и бѣлыми соляными инкрустаціями. Проѣхавъ эту равнину мы вступили, близъ Старо-Палатинска, въ холмистую мѣстность, поросшую соснами, причемъ Иртышъ оставался у насъ постоянно вправѣ, и дорога шла нерѣдко болѣе близко къ ничѣмъ не огороженному берегу, чѣмъ это могло быть пріятнымъ, въ виду своенравнаго характера лошадей. За Старо-Палатинскомъ показалась цѣлая цѣпь наносныхъ дюнъ, болѣе высокихъ, чѣмъ мнѣ приходилось видѣть гдѣ либо и почти совершенно засыпавшихъ огромныя сосны. Съ вершинъ этой цѣпи холмовъ мы увидѣли передъ собою Семипалатинскъ, или покрайней мѣрѣ, башни города, если не ошибаюсь,—семь числомъ. Прежде однако, чѣмъ достигнуть желанной цѣли, намъ пришлось переѣхать нѣсколько небольшихъ ручьевъ, что не обошлось, по крайней мѣрѣ для меня и графа, безъ нѣкоторой непріятности. Предъ послѣднимъ мостомъ, наши лошади испугались, свернули опять круто въ сторону и опрокинули насъ. Прохожіе помогли поднять экипажъ, но лошади не дали ямщику сѣсть и понеслись прямо къ ничѣмъ не огороженному берегу Иртыша,—обстоятельство, заставившее сидящихъ въ экипажѣ испытать весьма непріятное чувство. Къ счастію, лошадей скоро остановилъ какой-то киргизъ, и онѣ могли на свободѣ выбѣситься въ песчаной пустынѣ, окружающей Семипалатинскъ, что быть можетъ было и не совсѣмъ согласно съ ихъ желаніями. При въѣздѣ въ городъ, не представляющій никакого внушительнаго вида, насъ ожидалъ верховой, который проводилъ насъ до квартиры, которая была предупредительно приготовлена неизвѣстнымъ еще для насъ туда, губернаторомъ области генералъ-лейтенантомъ Полторацкимъ, въ домъ помощника полицеймейстера коллежскаго секретаря Николая Герасимовича Герасимова.

ГЛАВА IV.

СЕМИПАЛАТИНСКЪ И АРКАТСКІЯ ГОРЫ.

Радушный пріемъ. — Продовольствіе въ казацкихъ станицахъ. — Консервы неудобны для степи. — Семейство Полторацкихъ. — Охота на бекасовъ. — Ташкентскій базаръ. — Европейскій базаръ. — Прежній Семипалатинскъ. — „Семь-Палатъ“ — Отъѣздъ. — На пути къ Аркатскимъ горамъ. — Киргизы. — Юрты въ Аркатскихъ горахъ. — Жизнь птицъ. — Аркатскія горы. — Охота на горныхъ барановъ. — Первый аркаръ. — Неудача съ волкомъ. — Второй день охоты. — Фантастическіе утесы. — Убитый аркаръ. — Ягненокъ аркара. — Киргизскіе импровизаторы. — Киргизскія празднества и охота. — Борзыя. — Борьба. — Искусный ѣздокъ. — Скачки. — Прощанье съ Аркатскими горами. — Распространеніе дикихъ барановъ. — Естественно-историческій очеркъ аркара. — Байбакъ.

Едва успѣли мы отрясти съ себя дорожную пыль, какъ къ намъ пріѣхалъ съ визитомъ полиціймейстеръ Желѣзновъ, который передалъ намъ приглашеніе на ужинъ. Было уже 5 часовъ вечера, и время обѣда, къ которому насъ ожидали, уже прошло. Въ нашей комнатѣ была, впрочемъ, предусмотрительно приготовлена закуска, которая пришлась какъ нельзя болѣе кстати и намъ оставалось только благодарить генерала, вѣроятно по опыту знавшаго, что дорога вызоветъ въ насъ волчій аппетитъ.

Впродолженіи пятидневнаго пути по степи, намъ пришлось довольствоваться однимъ сухояденіемъ; вслѣдствіе малаго числа проѣзжающихъ, на станціяхъ казацкихъ станицъ, менѣе чѣмъ гдѣ либо въ Сибири, можно расчитывать достать что либо съѣстное. Единственно что можно вездѣ получить—это молоко и яйца. Впрочемъ, на одной станціи намъ дали даже рыбу, запеченую въ ржаномъ тѣстѣ, щи, яйца и красную щучью икру, но за этотъ лукулловскій обѣдъ бойкая казачка потребовала съ насъ три рубля. Конечно, тогда мы еще не знали мѣстныхъ обычаевъ, иначе мы бы не стали спрашивать о цѣнѣ, а положили бы на столъ 30—50 к., чѣмъ въ этихъ отдаленныхъ отъ большой дороги деревняхъ обыкновенно остаются вполнѣ довольны. Кон-

сервы, которыми мы запаслись въ Бременѣ, оказались непрактичными и именно по той причинѣ, что въ русскихъ домахъ нѣтъ такихъ печей какъ у насъ, и кушанье готовится въ хлѣбной печи, для которой наши жестянки оказались совершенно непригодными;—разогрѣванье же въ самоварѣ также было сопряжено съ большими затрудненіями. Поэтому я не посовѣтовалъ бы никому брать съ собой такого рода запасы, хотя долженъ сказать, что впослѣдствіи, въ тундрѣ, превосходные препараты г-жи Тегелеръ, въ Бременѣ, оказали намъ немаловажную услугу.

Кстати, говоря о ѣдѣ, я долженъ сказать, что, благодаря необыкновенной любезности и предусмотрительности семейства Полторацкихъ, мы были совершенно избавлены отъ всякихъ хлопотъ касательно стола: насъ пригласили обѣдать разъ навсегда у нихъ, и если кто за недосугомъ не могъ явиться, тому посылалось кушанье на домъ.

Я потому упоминаю объ этой предусмотрительной заботливости, что въ такомъ городѣ какъ Семипалатинскъ, гдѣ,—насколько я знаю, нѣтъ ни одной гостинницы, это была во всякомъ случаѣ немаловажная услуга. Но она должна остаться на второмъ планѣ, сравнительно съ тѣмъ радушіемъ, съ какимъ мы вообще были приняты въ этомъ гостепріимномъ семействѣ, гдѣ съ перваго же часа мы почувствовали себя какъ дома. Этому много способствовало то обстоятельство, что любезные хозяева говорили по нѣмецки, англійски и французски, такъ-же свободно какъ по русски, и мы могли вести самую непринужденную бесѣду, представлявшую для насъ весьма много поучительнаго. Вся семья Полторацкихъ обладала въ совершенствѣ знаніемъ мѣстностей, которыя составляли цѣль нашихъ стремленій, и такихъ же знатоковъ встрѣтили мы и между посѣщавшими домъ офицерами. Самъ генералъ, извѣстный путешественникъ, совершившій еще въ 1867 году, вмѣстѣ съ барономъ Остенъ-Сакеномъ, переходъ черезъ Сонъ-Куль и Нарымъ, главную цѣпь Тянъ-Шана, на разстояніи 7 миль отъ Кашгара—ежегодно, по обязанности губернатора, совершаетъ поѣздки по Алтаю, вдоль китайскихъ границъ, и въ этихъ поѣздкахъ его нерѣдко сопровождаютъ супруга и дочь. Разсказы, которые намъ привелось слышать изъ дамскихъ устъ, объ опасностяхъ путешествія по этимъ дикимъ мѣстамъ, казались съ перваго раза невѣроятными, но превосходныя фотографіи, мастерски снятыя генеральшею, устраняли всякую тѣнь сомнѣнія; и впослѣдствіи мы неоднократно имѣли случай удив-

ляться способности этихъ дамъ переносить такія неудобства и лишенія, о которыхъ наши альпійскіе туристы не въ состояніи составить даже себѣ понятія.

Впрочемъ симпатія къ путешественникамъ-натуралистамъ, такъ сказать, врожденна въ этомъ семействѣ: заслуженный и неустрашимый изслѣдователь Тянъ-Шана, зоологъ Сѣверцевъ, какъ извѣстно, зять Полторацкаго. Такимъ образомъ, мы уже напередъ могли расчитывать на радушный пріемъ, даже помимо тѣхъ особенныхъ рекомендацій, которыми любезно снабдили насъ Его Превосходительство, г. вице-президентъ Императорскаго русскаго Географическаго общества, П. П. Семеновъ, и баронъ Остенъ-Сакенъ. П. П. Семеновъ, извѣстный какъ одинъ изъ піонеровъ-изслѣдователей Средней Азіи, первый проникнувшій до ледниковъ Тянъ-Шана,—еще въ бытность нашу въ Петербургѣ обсуждалъ съ нами планъ путешествія на Алатау и Алтай и писалъ объ насъ губернатору.—Теперь мы снова переговорили объ всѣхъ подробностяхъ пути и, въ виду краткости остававшагося намъ времени, опредѣлили въ точности сроки переѣздовъ и пребыванія въ разныхъ пунктахъ.

Всего пріятнѣе была для насъ перспектива снова встрѣтиться съ губернаторомъ, на южномъ склонѣ Алтая и, уже слѣдуя вмѣстѣ съ нимъ, совершить путешествіе по этимъ интереснымъ горамъ. Прежде, однако, чѣмъ разстаться съ нами, г. губернаторъ оказалъ намъ любезность устроивъ охоту на аркаровъ въ Аркатскихъ горахъ,—охоту, которая, разумѣется, представляла для насъ большой интересъ. Такъ какъ при значительномъ числѣ лицъ, принявшихъ участіе въ охотѣ, почтовыхъ лошадей оказалось бы недостаточно, то супруга генерала съ дочерью выѣхали двумя днями раньше, въ сопровожденіи полковника Халдѣева и другихъ лицъ, съ тѣмъ чтобы и въ пустынѣ не дать намъ почувствовать отсутствіе хозяйки дома.

Нѣсколько дней проведенныхъ нами въ Семипалатинскѣ, пролетѣли чрезвычайно скоро. Д-ръ Брэмъ хозяйничалъ въ фейерверочной лабораторіи, гдѣ, по распоряженію любезнаго губернатора, три или четыре солдата занимались съ нимъ набиваніемъ патроновъ; а перваго мая онъ, вмѣстѣ съ полиціймейстеромъ, тоже отличнымъ стрѣлкомъ, отправился на охоту за бекасами. Результатъ этой охоты, кромѣ существеннаго результата, т. е. множества бекасовъ, дупелей, куликовъ, которые были сданы на кухню, были не лишены интереса для зоолога, такъ какъ въ числѣ убитыхъ птицъ встрѣтился въ первый разъ чернозобый

дроздъ (Turdus atrogularis) и, что особенно меня обрадовало, траурная пѣночка (Phyllopneuste tristis), которую мы потомъ не разъ встрѣчали на Алтаѣ и на прибрежьяхъ Оби.

Мнѣ съ графомъ Вальдбургомъ предстояло тоже немало дѣла. Въ виду предстоящей поѣздки по горамъ, пришлось ограничить багажъ самымъ необходимымъ и позаботиться о провіантѣ. Все это дало намъ поводъ хорошо ознакомиться съ базаромъ, который вовсе не произвелъ на насъ впечатлѣнія „Вѣнской толкучки“, какъ выразился фонъ-Котта.

Правда, тутъ нельзя было найдти различныхъ китайскихъ бездѣлушекъ, которыхъ мы впрочемъ и не искали, но за то можно было встрѣтить немало предметовъ изъ Туркестана. На „Ташкентскомъ базарѣ“, несмотря на жалкій видъ его, кое-какъ сколоченныхъ, лавчонокъ, оказались вещи, которыя въ состояніи были бы заинтересовать каждаго. Немногіе, привезенные мною, образцы суконныхъ и кожаныхъ издѣлій, расшитыхъ разными фантастическими узорами изъ шелка,—кафтановъ, одѣялъ, чапраковъ, шароваръ, женскихъ кофтъ и т. п., обратили на себя впослѣдствіи общее вниманіе на „Сибирской выставкѣ“. По большей части эти издѣлія, какъ и изящныя турецкія вышиванія, приготовляются мужчинами. Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть объ оригинальныхъ шелковыхъ матеріяхъ, съ своеобразными узорами, и о шерстяныхъ издѣліяхъ, какъ то: коврахъ, похожихъ на персидскіе и привозимыхъ изъ Бухары и Туркестана,—сѣдлахъ и украшеніяхъ для лошадей,—оправленныхъ въ серебро коралловыхъ пуговицахъ и множествѣ другихъ мелкихъ произведеній восточнаго искусства. Конечно, торговцы-сарты не умѣютъ такъ красиво раскладывать свои сокровища, какъ наши торговцы и, что хуже всего, съ ними надо торговаться безъ зазрѣнія совѣсти, но за то, въ концѣ концовъ, можно купить, по нашимъ цѣнамъ, довольно дешево.

Другой базаръ, состоящій отчасти изъ каменныхъ галлерей и предназначенный для европейскихъ товаровъ, представлялъ большой выборъ всевозможныхъ вещей, начиная отъ стальныхъ перьевъ и кончая гитарой, и отъ пуговицы до модной войлочной шляпы. Мы ограничились тѣмъ, что пріобрѣли здѣсь желѣзныя складныя кровати по 14 р. за штуку, которыя можно рекомендовать каждому путешественнику въ степныхъ мѣстностяхъ, если только нѣтъ недостатка въ перевозныхъ средствахъ; направились затѣмъ въ колоніальное отдѣленіе базара, гдѣ главнымъ продуктомъ торговли оказался чай. Онъ стоитъ здѣсь дешевле, чѣмъ

въ Москвѣ: за самый высокій сортъ я заплатилъ 1 р. 80 коп. за фунтъ.– Обыкновенно же употребляемый здѣсь небогатымъ классомъ сортъ, такъ называемый „кирпичный чай“, т. е. спрессованный въ видѣ кирпича, стоитъ только 30 — 40 коп. фунтъ. Но тѣмъ дороже здѣсь сахаръ, фунтъ котораго стоитъ 35 коп., а далѣе къ югу онъ становится еще дороже, такъ что напр. въ городѣ Чугучакѣ, лежащемъ на Китайской границѣ, цѣна его доходитъ до 50 к. за фунтъ. Мы запаслись также здѣсь рисомъ.

Когда Гмелинъ, въ 1734 году, посѣтилъ Семипалатинскъ или, какъ онъ пишетъ, „Семипалатную крѣпость“, это была одна изъ небольшихъ, хотя и не лишенныхъ значенія, пограничныхъ крѣпостей, подобныхъ которой онъ описываетъ много; она находилась ниже Ямишевой крѣпости, теперешней казацкой станицы Ямишевской. Такъ какъ дома въ то время не имѣли настоящихъ крышъ, и даже въ зданіи губернской канцеляріи мѣсто стеколъ въ окнахъ замѣняла бумага, то пребываніе въ городѣ было тогда далеко не такъ удобно, какъ теперь. По словамъ Гмелина, крѣпость была основана въ 1718 г., но къ его времени (къ 1734 г.) ее уже въ 4-й разъ переносили съ одного мѣста на другое, вслѣдствіе размыва берега рѣки Иртыша. Въ 1771 г. Палласъ нашелъ старую крѣпость въ 15 верст. отъ мѣнового двора; но тогда уже собирались соединить ихъ вмѣстѣ и, по всей вѣроятности, этимъ соединеніемъ и было положено основаніе теперешнему Семипалатинску.

Въ 16 верстахъ отъ крѣпости, еще во времена Гмелина, находились развалины семи древнихъ каменныхъ зданій, отъ которыхъ городъ и получилъ прозваніе „Семипалатнаго“, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что подъ громкимъ названіемъ „палатъ“ вовсе не слѣдуетъ подразумѣвать дворцовъ, потому что, какъ пишетъ Гмелинъ, у русскихъ всякое каменное зданіе, будь оно изящное или убогое, называлось „палатами“. Гмелинъ подробно описываетъ эти развалины (Путеш. 1, ст. 216 и 217), которыя, по его словамъ, были построены и обитаемы однимъ „калмыцкимъ идолопоклонникомъ, Дарханъ Зарджи“. Палласъ (въ 1771 г.) также посѣтилъ эти развалины и приводитъ рисунокъ ихъ (Пут. II, табл. IX); онѣ не представляютъ впрочемъ ничего величественнаго.

Густавъ Розе, въ своемъ описаніи города, сдѣланномъ въ 1829 г., приписываетъ ему большое значеніе въ торговлѣ съ Средней Азіей, до самаго Кашмира, и насчитываетъ въ немъ до 2000 жителей. Намъ сказали, что теперь въ немъ 9000, въ числѣ коихъ 7000 татаръ (киргизовъ нѣтъ вовсе), а по оффиціальнымъ

русскимъ свѣдѣніямъ въ немъ числится 10,140. Подробныя свѣдѣнія о торговлѣ съ Китаемъ и т. п., а также и о Семипалатинскомъ округѣ вообще, можно найдти у Мейера (*Ледебуръ*. Путеш. II, стр. 499 и слѣд.). Во всемъ округѣ насчитывалось тогда около 24,000 ж., изъ которыхъ 14,000 киргизовъ; теперь правительство считаетъ тамъ 450,000 жителей.

Какъ и всѣ сибирскіе города, Семипалатинскъ очень раскинутъ и состоитъ преимущественно изъ деревянныхъ домовъ, представляющихъ мѣстами жалкій и полуразрушенный видъ. Особенно унылое впечатлѣніе производятъ предмѣстья, гдѣ мелкій сыпучій песокъ образуетъ настоящія дюны около домовъ и на улицахъ. Семипалатинскъ можно по справедливости назвать городомъ, построеннымъ на дюнахъ, потому что едвали въ какой деревнѣ на островахъ сѣвернаго моря можно наблюдать, въ такой типичной формѣ, образованіе песчаныхъ бугровъ. Между немногими каменными зданіями, замѣчательна одна красивая мечеть изъ числа семи, имѣющихся въ городѣ, которыя всѣ, впрочемъ, не отличаются „стройными минаретами“, такъ какъ это своеобразное украшеніе востока совершенно неизвѣстно въ Сибири. Кромѣ того имѣются еще двѣ христіанскихъ церкви, причемъ 1 церковь приходится менѣе чѣмъ на 1000 человѣкъ *). Семипалатинскъ лежитъ (на высотѣ 230 метр. надъ уровнемъ моря, по словамъ Семенова, на высотѣ 800 пар. ф.) на правомъ берегу Иртыша и Семипалатинки, которая здѣсь впадаетъ въ Иртышъ. При половодьи обѣ рѣки казались значительными, и даже маленькая Семипалатинка показалась мнѣ тамъ широкою, какъ Везеръ при обыкновенномъ уровнѣ воды. Въ это время года по Иртышу ходятъ даже пароходы, что весьма важно для торговли. Но лѣтомъ онъ становится такъ мелокъ, что правильная навигація становится невозможной, какъ это было уже и во времена Гмелина. Около Семипалатинска, въ особенности, каменныя отмели представляютъ одно изъ самыхъ важныхъ препятствій.

Третьяго мая, въ 8 час. утра, мы простились съ Семипалатинскомъ и направились къ Аркатскимъ горамъ. На пути намъ пришлось переправляться черезъ обѣ вышеупомянутыя рѣки, которыхъ раздѣляетъ широкая, покрытая разнообразными голышами, песчаная мель. На лѣвомъ берегу Иртыша оказалась каменная порода, которую Гохштеттеръ, по привезеннымъ нами

*) Въ Россіи число церквей, относительно населенія, обыкновенно больше и въ Каргополѣ, напримѣръ (Олонецкой губ.), на 250 жителей приходится 2 церкви.

образцамъ, опредѣлилъ какъ глинистый песчанникъ. Какъ и вездѣ, лѣвый берегъ Иртыша у Семипалатинска низокъ, но правый также ниже обыкновеннаго, и едва-ли имѣетъ болѣе 20 ф. высоты. Поэтому рисунокъ фонъ-Гельвальда (Centralasien 1875, p. 97), представляющій высокій скалистый берегъ, который долженъ изображать „видъ Иртыша у Семипалатинска", положительно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и долженъ быть отнесенъ къ числу прискорбныхъ промаховъ, которыхъ впрочемъ встрѣчается немало въ почтенной компиляціи. Упомянутый рисунокъ заимствованъ у Аткинсона (ст. 240) и изображаетъ одинъ изъ самыхъ романическихъ ландшафтовъ Иртыша между Бухтарминскомъ и Усть-Каменогорскомъ, которые соперничаютъ съ видами Рейна и даже мѣстами превосходятъ послѣдніе.

Наши тарантасы и лошади были перевезены на большихъ паромахъ, причемъ гребцамъ-татарамъ пришлось немало поработать противъ быстраго теченія рѣки. Какъ въ Семипалатинскѣ губернаторъ былъ провожаемъ до перевоза многими почетными лицами города, такъ и по прибытіи на правый берегъ его встрѣтила новая депутація, пригласившая его и насъ въ домъ одного богатаго киргизскаго купца, гдѣ былъ поданъ чай, разныя сласти и шампанское. Этотъ бравый киргизъ, — фамилію его я позабылъ, — вѣроятно одинъ изъ самыхъ богатыхъ своего племени; намъ сказали, что его состояніе опредѣляютъ въ 400,000 руб. Кромѣ дорогихъ бухарскихъ ковровъ, мы видѣли въ его жилищѣ прелестныя войлочныя одѣяла, вышитыя красными и бѣлыми узорами.

Разстояніе до мѣста охоты въ Аркатскихъ горахъ составляетъ 107 верстъ (немного болѣе 15 нѣмецкихъ миль). Путь идетъ на протяженіи 6 станцій по большому Ташкентскому тракту, а потомъ сворачиваетъ направо, въ горы. Станціи,— названія коихъ (я забылъ ихъ записать) заимствованы всѣ изъ киргизскаго языка,—стоятъ по большей части одиноко, вдали отъ деревень. Въ сухой степи дорога была отличная. До первой станціи дорога совершенно ровная, но далѣе становится нѣсколько холмистою, и ведетъ нерѣдко вдоль небольшихъ ручьевъ, съ болѣе или менѣе солоноватою водою. Какъ на вершинахъ холмовъ почти вездѣ выступаетъ камень, такъ мѣстами и ручьи окаймлены утесами, покрывающіе которыхъ красные и оранжевые мхи, придаютъ имъ оригинальный видъ. До второй станціи каменная порода состоитъ изъ кварца, далѣе, повидимому, изъ шифера. Породы эти можно было наблюдать и въ кучахъ камней, замѣняю-

щихъ верстовые столбы, которыхъ мы уже не встрѣчали, начиная съ Омска. Степь впрочемъ еще продолжала выказывать свой солончаковый характеръ—въ нерѣдко встрѣчавшихся полосахъ бѣлоснѣжнаго соляпаго налета. Мѣстами она была покрыта короткою, начинавшею зеленѣть травою, но обширныя пространства представляли только голый кустарникъ или высохшую, высокую траву.

Проѣхавъ первую станцію, мы съ радостію привѣтствовали появленіе чернаго жаворонка(Alauda tatarica), котораго мы напрасно искали далѣе на черноземной почвѣ, а по каменистымъ верхушкамъ холмовъ виднѣлись красныя утки (Tadorna rutila) или турпаны, какъ ихъ называютъ русскіе.

Часто встрѣчались намъ юрты киргизовъ, а равно и ихъ зимнія жилища, сдѣланныя изъ высушенныхъ кирпичей, приготовленіе которыхъ намъ также привелось видѣть. Степной черноземъ раскладывается при этомъ, какъ у насъ въ Бременѣ торфяникъ, въ видѣ огромной, вязкой лепешки, которую здѣсь топчутъ однако не деревянные башмаки поселянъ, а верховые, копытами своихъ лошадей. Сначала это насъ очень удивило, но впослѣдствіи мы убѣдились, что киргизъ старается все, что только возможно, дѣлать верхомъ на своей лошади.

Уже только что выѣхавъ изъ Семипалатинска, мы увидали на горизонтѣ, по направленію къ юго-западу, низкую, голубую горную цѣпь Семитау, къ югу отъ которой, на первой станціи, мы уже могли ясно различить очертанія отдѣльныхъ Коконскихъ горъ. Эти горы служатъ предгоріемъ Аркату, который мы увидали живописно возвышающимся за ними, только съ четвертой станціи, къ которой прибыли около $7^1/_2$ ч. вечера. На пятой станціи, Кизиль-Муль, мы немножко закусили и поѣхали дальше при лунномъ свѣтѣ, по довольно ровной дорогѣ, которая у станціи Арката расходится съ главнымъ трактомъ и поворачиваетъ направо. Къ полуночи мы проѣхали послѣднія 6 верстъ и мерцавшіе впереди огоньки указывали на достигнутую цѣль нашей поѣздки: юртовое становище въ Аркатскихъ горахъ!

Несмотря на поздній часъ, генеральша встрѣтила насъ съ обычнымъ радушіемъ, и скоро мы сидѣли въ великолѣпно убранной юртѣ, за превосходнымъ ужиномъ, въ числѣ блюдъ котораго особенно привлекали къ себѣ, какъ настоящіе мѣстные: отлично приготовленный пилавъ и киргизскій шашлыкъ (баранина). Здѣсь пришлось намъ отвѣдать также въ первый разъ знаменитый кумысъ, который мы нашли не противнымъ. Впрочемъ мнѣ еще

придется говорить объ этомъ питательномъ и возбуждающемъ напиткѣ.

Благодаря любезности губернатора, гостями котораго, въ полномъ смыслѣ слова, мы были и здѣсь, намъ отвели отдѣльную, чрезвычайно уютную юрту, убранную внутри красивыми бухарскими коврами.

Веселая пѣснь жаворонка привѣтствовала меня на другой день (4 мая), когда я часу въ 5-мъ утра вышелъ изъ юрты и окинулъ взоромъ окружавшую меня картину. Какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, мы очутились въ совершенно другомъ мірѣ, гдѣ для насъ, пришельцевъ, было много новаго и интереснаго. На широкой равнинѣ, поросшей высокой сухой травой, стояло, на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, много стройныхъ юртъ, около которыхъ паслись лошади и верблюды, и хлопотливо скакали туда и сюда, киргизскіе наѣздники. Недалеко отъ юртъ протекалъ ручеекъ, вблизи береговъ котораго поросшихъ камышомъ, мелькали черноголовыя трясогузки (Motacilla melanocephala), чернозобые чекканы (Pratincola rubicola) и бѣлые луни (Circus pallidus). По временамъ показывались также красивые турпаны, а по утесамъ вили гнѣзда береговые голуби (Columba rupestris). Еще голая, сухая степь была окружена такими же голыми уступами утесовъ, за которыми въ причудливыхъ формахъ возвышался скалистый хребетъ Аркатскихъ горъ. Послѣднія (по словамъ А. Шренка) мѣстами достигаютъ высоты 2530 париж. футовъ и состоятъ изъ крупнозернистаго гранита, имѣющаго отъ большой примѣси полевого шпата, красноватый цвѣтъ.

Еще въ тотъ же день мы познакомились съ этими горами поближе. Около часу пополудни, всѣ, не выключая и дамъ, сѣли на лошадей и въ сообществѣ многихъ знатныхъ киргизовъ и съ ихъ свитой, направились въ горы,—настоящее мѣстопребываніе дикихъ барановъ. Сначала дорога шла по лугамъ, поросшимъ пестрыми цвѣтами и по предательскимъ болотамъ, которыя предварительно зондировали высланные впередъ киргизы. Вскорѣ мы очутились между фантастическими утесами, гдѣ каждому охотнику указали опредѣленное мѣсто, причемъ лошади были отведены въ сторону. Мое мѣсто было за густымъ кустомъ можжевельника, вполнѣ маскировавшаго засаду и изъ-за котораго открывался прекрасный видъ на находившійся передо мной спускъ и на громоздящіяся, на заднемъ планѣ, голыя массы скалъ. Въ то время я еще рѣшительно не понималъ, какъ по этимъ скаламъ могутъ

спуститься верховые загонщики, но сомнѣніе мое вскорѣ было разрѣшено. Послѣ довольно продолжительнаго и внимательнаго ожиданія послышались оклики и при помощи подзорной трубки я увидалъ скоро на уступахъ скалъ верховыхъ спускающихся внизъ. Отъ нихъ взглядъ мой обратился на поросшую можжевельникомъ долину. Ничего, казалось, не шелохнулось! Но вотъ что то какъ будто движется! Оно одного цвѣта съ утесами, можетъ быть это просто обманъ зрѣнія! Но нѣтъ, это подвижное, сѣроватаго цвѣта пятно выказываетъ все болѣе и болѣе жизни, да—это аргали, который, не подозрѣвая засады, легкимъ галопомъ несется къ сторожевой линіи, прямо на моего сосѣда съ лѣвой стороны. Сосѣдомъ былъ г. Каменскій, искусный стрѣлокъ; отъ мѣткой руки его дичь не могла уйти. Онъ уже вѣрно замѣтилъ свою добычу и я ежеминутно ожидаю его выстрѣла. Но бѣлая фуражка, единственно что я вижу отъ моего партнера,—не колышется, не шевелится. Для моего же стараго, хоть и дѣльнаго, Зауеровскаго ружья разстояніе въ 150 шаговъ было немножко велико. Я прикладываюсь, цѣлюсь, но опускаю опять, такъ какъ бѣлая фуражка исчезла; вѣроятно, хозяинъ ея цѣлится въ эту минуту, ибо теперь ему самое время стрѣлять: его добыча не болѣе какъ въ какихъ-нибудь сорока отъ него шагахъ! Но онъ не видитъ ее; мнѣ же пришлось бы стрѣлять по прямой линіи на него, и я боюсь рикошета отъ скалы. Я опускаю ружье съ твердымъ намѣреніемъ выстрѣлить только въ слѣдующаго звѣря. Мнѣ пришлось дожидаться недолго. Вотъ, выгнувъ спину и осторожно крадучись, показался волкъ; онъ все-таки ближе къ Каменскому, чѣмъ ко мнѣ, но все же не такъ далеко какъ былъ аргали. Я спокойно поднимаю ружье, цѣлюсь, опускаю курокъ и вотъ раздается мой выстрѣлъ! Я прицѣлился вѣрно, но взялъ слишкомъ высоко, мой свинцовый привѣтъ только вспугнулъ сѣраго рыцаря и заставилъ его обратиться въ бѣгство, причемъ мой сосѣдъ совершенно напрасно послалъ еще двѣ пули въ догонку. Теперь мой партнеръ сталъ, очевидно, болѣе внимательнымъ, но къ сожалѣнію, обращаетъ свое вниманіе только впередъ, и во второй разъ не замѣчаетъ, что тотъ же самый аргали возвращается обратно, по той же самой дорогѣ. Это странное поведеніе впослѣдствіи объяснилось: видѣнный аргали была самка возвращавшаяся изъ любви къ своему отставшему ягненку. Такая заботливость въ виду сторожащихъ орловъ, была повидимому не безосновательна; не далѣе какъ вечеромъ того же дня одинъ киргизъ принесъ заклеваннаго и растерзаннаго орломъ ягненка,

хотя разумѣется, осталось нерѣшеннымъ, былъ ли это именно дѣтеныш спугнутой самки.

Стрѣлки собрались опять, но не могли уже столковаться относительно новой облавы, такъ какъ часть охотниковъ и загонщиковъ признали охоту оконченной и, особенно въ виду того, что сталъ накрапывать дождь,—отправилась къ временно разбитой между тѣмъ юртѣ, въ которой дамы уже ждали насъ за чаемъ и закуской. Вскорѣ однако оказалось, что охота была прервана слишкомъ рано; едва успѣли мы расположиться въ юртѣ, какъ послышался шумъ и крикъ,—мы выбѣжали и увидали въ разстояніи не болѣе 100 шаговъ отъ насъ, 5 аргали, скачущихъ въ галопъ одинъ за другимъ. Многіе хватились за ружья, вскочили на лошадей и, подъ предводительствомъ генеральши, какъ и всегда самой рѣшительной изо всѣхъ,—пустились въ погоню; но—увы! не успѣли мы перейти въ бродъ ручей и взобраться на противуположный крутой берегъ, какъ наша добыча оказалась скрывшеюся изъ виду.—Таковъ былъ первый день охоты на аргали! Второй день (5 мая), повидимому, также мало что обѣщалъ, такъ какъ послѣ бывшей наканунѣ грозы сдѣлалось холодно и дождь смѣнился бураномъ,—но на дѣлѣ онъ оказался болѣе удачнымъ. Этотъ разъ мы отправились въ другую сторону горъ и стрѣлки размѣстились въ скалистой долинѣ, по которой обыкновенно проходятъ горные бараны. Мнѣ отвели мѣсто у подошвы высокаго (въ 200—300 футовъ) утеса, и я надосугѣ могъ вдоволь насмотрѣться на живописныя формы гранитныхъ образованій, подобныхъ которымъ едва ли я видѣлъ гдѣ нибудь. Плоскія горизонтальныя отложенія напоминающія гнейсъ, чередовались съ наклонными и плитообразными; вершины же заканчивались своеобразными остріями и выступами, которымъ нѣсколько смѣлая фантазія легко могла бы придать очертанія развалинъ замковъ и башенъ, или даже грубаго абриса человѣческаго лица въ профиль. Я срисовалъ съ натуры одно такое замѣчательное образованіе и представилъ его на рисункѣ, изображающемъ убитую самку аркара съ ягненкомъ.—Ущелья между скалами были загромождены безпорядочною массою скатившихся камней.

Крупный обломокъ скалы служилъ мнѣ прикрытіемъ. Изъ за него я могъ наслаждаться не только зрѣлищемъ мертвой, безмолвной природы, но и наблюдать за жизнью каменныхъ дроздовъ (Petrocincla saxatilis) и черныхъ чекановъ (Saxicola morio), беззаботно разгуливавшихъ по каменистому откосу. Видны были мнѣ и мои сосѣди по засадѣ. На противуположной сто-

ронѣ скалистой долины, высоко вверху, подъ прикрытіемъ большого камня, сидѣлъ графъ Вальдбургъ-Цейль, неподвижный какъ статуя. Генералъ, занявшій мѣсто въ долинѣ, не былъ такъ терпѣливъ: чувствительный холодъ и часто налетавшая вьюга заставили его сперва переминаться съ ноги на ногу, а потомъ и расхаживать взадъ и впередъ. Его примѣру скоро послѣдовалъ и я, что было большимъ промахомъ, такъ какъ именно въ эту минуту, стояли незамѣченными надо мною два дикихъ барана, которыхъ мое движеніе удержало отъ спуска въ долину, какъ это мнѣ потомъ разсказывалъ графъ, отлично видѣвшій съ своего мѣста все происходившее.

Мы стояли навѣрно болѣе полутора часа на своихъ постахъ и я уже считалъ охоту неудавшеюся, какъ вдругъ раздался выстрѣлъ, за нимъ другой! Это стрѣлялъ Брэмъ, имѣвшій привычку не жалѣть второй пули, если первой было мало. Вскорѣ послѣ этого показался аркаръ съ ягненкомъ; онъ шелъ довольно медленно, иногда останавливаясь; очевидно—онъ былъ раненъ. Вдругъ онъ повернулъ къ противоположной стѣнѣ утеса и въ туже минуту показался Брэмъ, спѣшившій подбѣжать поближе къ своей добычѣ, что ему и удалось. Правда, аркаръ бросился въ галопъ на скалу, но остановился на поворотѣ, чтобы осмотрѣться, чѣмъ и подставилъ подъ выстрѣлъ весь свой бокъ. Въ этотъ же моментъ раздался третій выстрѣлъ Брэма и бѣдное животное грохнулось съ глухимъ шумомъ съ высоты сто-футоваго утеса. Разомъ всѣ зашевелились; какъ изъ земли выросли со всѣхъ сторонъ верховые киргизы и потащили добычу въ долину. Другіе поскакали по узкому уступу утеса вверхъ, словно голая скала представляла для ихъ неподкованныхъ лошадей самую удобную дорогу,—съ тѣмъ, чтобы завладѣть еще второй добычей. Вскорѣ послѣ того, именно, какъ д-ръ Брэмъ убилъ самку, графу Вальдбургъ-Цейлю удалось подстрѣлить ягненка, вышедшаго на поиски за своею матерью. Это былъ смѣлый выстрѣлъ, но я явственно видѣлъ, что онъ былъ удаченъ. Раненый дѣтеныш бросился бѣжать и черезъ нѣсколько секундъ исчезъ безслѣдно. Вѣроятно онъ укрылся въ какой нибудь расщелинѣ, гдѣ его не могли открыть даже соколиныя глаза Киргизовъ, что, впрочемъ, объясняется трудностью отличить его по цвѣту отъ окружающихъ скалъ. Такимъ образомъ, пришлось удовольствоваться одной добычей; одинъ киргизъ перекинулъ ее передъ собой черезъ сѣдло и мы съ тріумфомъ отправились къ юртамъ, гдѣ въ дружескомъ кружкѣ,

какъ всегда бываетъ послѣ охоты, долго толковали о всѣхъ подробностяхъ дня.

Первая пуля Брэма ранила аркара въ бокъ, не задѣвъ благородныхъ частей, чѣмъ и объяснились относительно медленныя движенія послѣдняго. Аркаръ, во всякомъ случаѣ, очень живучъ,—какъ то доказываетъ подстрѣленный графомъ ягненокъ,—но это только въ сравненіи съ нашими европейскими лѣсными животными, (оленемъ, козулей). Кто же слыхалъ разсказы южноафриканскихъ охотниковъ, какъ трудно въ тѣхъ странахъ убивать антилопъ, или, кто, какъ я, наповалъ по собственному опыту знаетъ, съ какими ранами исчезаютъ безслѣдно отъ охотника бизоны и вилорогія антилопы, тому, конечно, живучесть аркаровъ покажется менѣе удивительною.

Вскорѣ въ юрту явились новые гости, или правильнѣе, тѣ, чьими гостями были мы сами, т. е. киргизскіе старшины, которые уступили занимаемыя ими юрты для губернатора, его свиты и иностранцевъ, сочтя предварительно долгомъ убрать ихъ со всевозможною роскошью. Снимая, по восточному обычаю, у входа калоши, они подходили съ почтительными поклонами къ губернатору, который ласково приглашалъ ихъ къ чаю, что принималось какъ выраженіе почета и вниманія. Эти степные аристократы также были подъ впечатлѣніемъ охоты, но не довольствовались разсуждать о ней своими словами, а послали за однимъ знаменитымъ бардомъ своего племени, который долженъ былъ воспѣть въ стихахъ подвиги дня. Какъ и можно вообразить, пѣніе было такъ-же монотонно и бѣдно мелодіей, какъ и его акомпаниментъ на примитивной цитрѣ, что то вродѣ русской балалайки, но тѣмъ эффектнѣе за то были слова пѣвца. Разумѣется мы не могли понять ни одного слова; но изъ сдѣланнаго перевода было видно, что ловкій импровизаторъ величалъ не только самого губернатора, его супругу и ихъ любезную дочь, но и иностранныхъ гостей, въ особенности же героя дня, счастливаго стрѣлка Брэма.

Киргизы, какъ извѣстно, обладаютъ весьма развитой народной поэзіей, которая, при посредствѣ импровизаторовъ, передается изъ рода въ родъ. Многія отборныя произведенія этой поэзіи были собраны и изданы ученымъ Радловымъ. Поэма, описывающая подвиги героя Кузу-Керпеча,—погребеннаго, по преданію, недалеко отъ Аягуса (нынѣшняго Сергіополя,—и его любовь къ прекрасной Баянъ-Сулѣ, дочери Киргизскаго султана),—заключаетъ въ себѣ не менѣе 1365 стиховъ и поражаетъ столь же

простотою разсказа, сколько нерѣдко поистинѣ поэтическимъ содержаніемъ.

По всей вѣроятности, наше пребываніе въ Аркатскихъ горахъ обогатило киргизское собраніе пѣсенъ новымъ перломъ, въ которомъ воспѣвается не любовь и любовныя похожденія, а счастье на охотѣ чужеземца съ орлинымъ носомъ и соколинымъ взоромъ. Но киргизская поэзія повидимому въ самомъ дѣлѣ не чужда западной вѣжливости и такта; въ тотъ вечеръ, по крайней мѣрѣ, мнѣ не привелось слышать ничего о храбромъ Адиль-Ханѣ Джамантѣевѣ, владѣльцѣ Аркатскихъ горъ. А между тѣмъ это былъ превосходный стрѣлокъ, который передъ самымъ нашимъ пріѣздомъ убилъ громаднаго барана, поразившаго насъ своими размѣрами, и притомъ убилъ не изъ усовершенствованнаго оружія фабрики придворныхъ поставщиковъ Тимпке и Леу, а изъ примитивной тульской одностволки, поставленной на сошку и стоющей какихъ нибудь 10 или 15 рублей. Сдѣланный по фотографіи г-жи Полторацкой рисунокъ изображающій этого смѣлаго охотника съ ружьемъ въ рукѣ, рядомъ съ убитой дичью, представляетъ единственную оригинальную фигуру въ рисункѣ, помѣщенномъ при статьѣ д-ра Брэма въ № 41 „Gartenlaube“ за 1877 годъ, статьѣ, въ которой такъ мастерски описаны талантливымъ писателемъ эпизоды охоты.

Третій день нашего прощанья съ Аркатскими горами ознаменовался, кромѣ неизбѣжныхъ практическихъ занятій, препарировки убитыхъ аркаровъ и т. п., еще празднествами, подобныхъ которымъ намъ ужъ потомъ видѣть не приходилось. Извѣстіе, что губернаторъ охотится въ Аркатскихъ горахъ, облетѣло далеко по степи и киргизскіе старшины стекались со всѣхъ сторонъ, чтобы засвидѣтельствовать свое почтеніе всѣми любимому начальнику. Они прибыли не одни, а съ многочисленными провожатыми, въ числѣ коихъ были и народные пѣвцы, и искусные стрѣлки, и сокольничіе, и отборные наѣздники, и оригинальныя борзыя. Послѣднія, называемыя „Тазы“, походятъ нѣсколько на брудастыхъ шотландскихъ борзыхъ, но имѣютъ длинную шерсть только на ушахъ, нижней части бедръ и на хвостѣ. Судя по немногимъ видѣннымъ нами экземплярамъ,— это невзрачная и некрасивая порода, но, говорятъ, онѣ превосходны для охоты на степныхъ антилопъ или сайгъ. Намъ, однако, не пришлось испробовать ихъ искусство, равно какъ и не удалось видѣть ловчихъ птицъ, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ, одинъ видъ былъ хорошо представленъ. Киргизы умѣютъ дрессировать для охоты самого царя пернатыхъ, большаго орла —

беркута. Конечно, это была совсѣмъ не та картина, которая сложилась въ нашемъ воображеніи изъ разсказовъ о цвѣтущей порѣ нашего рыцарства. Киргизъ въ истасканномъ кафтанѣ и опушенной мѣхомъ, курьезной шапкѣ, нисколько не напоминалъ величественный образъ средне вѣкового ловчаго, тѣмъ не менѣе онъ представлялъ весьма характерный видъ. На правой рукѣ охотника защищенной громадной рукавицей изъ медвѣжьей шкуры, сидитъ „беркутъ“, какъ называется орелъ по киргизски, причемъ, такъ какъ рукѣ тяжело держать 12-ти фунтовую птицу, то она опирается на подпорку, въ видѣ палки съ широкимъ круглымъ набалдашникомъ, упирающуюся или въ колѣно, или въ луку сѣдла. На ноги орла надѣты короткіе путы, а на голову его нахлобучена кожаная шапочка. Когда съ него сняли ее, онъ началъ дико озираться кругомъ и взмахивать крыльями, какъ бы собираясь вырваться на свободу; если-бы его теперь выпустили, онъ можетъ быть и не вернулся бы къ охотнику, поэтому киргизы и не рѣшались сдѣлать опытъ его ловчаго искусства. По разсказамъ киргизовъ, беркутъ преимущественно дрессируется на корсаковъ или степныхъ лисицъ и волковъ. Аткинсонъ изображаетъ одну сцепу, какъ беркутъ сшибаетъ оленя, причемъ увѣряетъ, что самъ присутствовалъ на такой охотѣ. Но едва ли вѣроятно, чтобы въ этой степной полосѣ дѣйствительно водился маралъ, и, по всей вѣроятности, красивая картинка есть не болѣе какъ продуктъ фантазіи. На волка (по киргизски *качкара*) обыкновенно выпускаютъ двухъ орловъ, такъ какъ перваго орла волкъ часто сбрасываетъ. Орелъ старается вонзить свои когти въ затылокъ и спину волка, но иногда, какъ говорятъ, и самъ при этомъ платится жизнью. Цѣна такого дрессированнаго орла часто бываетъ весьма высокою, и иногда даже равняется стоимости хорошаго скакуна, вслѣдствіе чего благородная охота эта доступна только султанамъ и другимъ богачамъ. Какъ мы и предполагали, дрессировать можно только самыхъ молоденькихъ орлятъ, взятыхъ прямо изъ гнѣзда; поэтому разсказъ Влангали, о ловлѣ киргизами взрослыхъ орловъ, основанъ на невѣрныхъ слухахъ. Влангали именно говоритъ: „Завидя орла, киргизъ крадется къ нему и подойдя довольно близко, набрасываетъ на него свою одежду, такъ какъ орелъ, поймавъ добычу, клюетъ ее до тѣхъ поръ, пока будетъ не въ состояніи подняться и улетѣть“.—Неправдоподобность этого разсказа была замѣчена еще Гельмерсеномъ, который описываетъ тщетныя усилія одного казака догнать верхомъ и поймать чрезмѣрно наѣвшагося орла. Подобнымъ же образомъ,

основанъ на ложныхъ извѣстіяхъ и разсказъ Гелльвальда, что Киргизы употребляютъ для охоты гепардовъ.

Какъ не была неблагопріятна погода для занятій фотографіей, неутомимая генеральша успѣла все-таки удачно снять нѣсколько группъ, прежде чѣмъ небо прояснилось и началось состязаніе борцовъ (по киргизски „балваны“).

Собравшіеся въ большомъ числѣ киргизы разсѣлись на корточкахъ или поджавъ подъ себя ноги и раздѣлились на двѣ партіи, изъ коихъ каждая выставляла своего борца. Костюмъ этихъ послѣднихъ состоялъ изъ кафтана, подпоясаннаго узкимъ шарфомъ вмѣсто пояса. Противники наклонялись другъ къ другу верхнею частью туловища, такъ что голова одного касалась плечъ другого, и схватывали другъ друга—правой рукой за кушаки, а лѣвой за воротъ кафтана на затылкѣ. Въ этомъ положеніи они старались повалить другъ друга, но предварительно имъ приходилось долго топтаться на одномъ мѣстѣ, точно скованнымъ другъ съ другомъ, покуда наконецъ одинъ изъ нихъ не успѣвалъ разомъ приподнять и повалить своего противника. По большей части падали оба вмѣстѣ и побѣдитель, удержавшій своего противника на землѣ, громко привѣтствовался одобрительными криками своей партіи. Затѣмъ раздавались призы, состоявшіе изъ кусковъ пестрыхъ матерій, причемъ побѣдитель получалъ нѣсколько больше другого.

За упражненіемъ въ борьбѣ послѣдовала джигитовка, причемъ напр. одинъ киргизъ становился босой на спину лошади за сѣдломъ и галопомъ скакалъ по степи, и наконецъ скачка. Участники послѣдней были мальчики лѣтъ 9—13, изъ которыхъ большинство едва доставали ногой стремя. Общій радостный крикъ огласилъ воздухъ, когда издали показалось облако пыли, закрывавшее собою скачущихъ, и чѣмъ болѣе они приближались, тѣмъ сильнѣе становилось возбужденіе. Большая часть мальчиковъ были сыновья султановъ и разныхъ старшинъ и какъ эти съ своими приближенными ободряли и подстрекали скакуновъ своими криками, такъ и всадники, въ свою очередь, подгоняли ихъ поводами и нагайкой. Взявшій первый призъ проскакалъ 20-ть верстъ въ 54 минуты,—результатъ, который бы обратилъ вниманіе и у насъ на этихъ киргизскихъ мальчиковъ.

Такія скачки, называемыя „байга“, обыкновенно устраиваются по случаю годовщины смерти какого нибудь султана и сопровождаются большими торжествами. На такую тризну, „аасъ“, собираются ближніе и дальніе, званые и незваные гости; ихъ уго-

щаютъ бараниной и кониной, которыя подаются на большихъ блюдахъ верховыми. Влангали описываетъ одну такую пирушку, на которой присутствовало нѣсколько тысячь гостей, и удивляется господствовавшему при томъ согласію и тишинѣ. Только при раздачѣ призовъ, партіи чуть было не подрались между собою. И то сказать, впрочемъ, что вопросъ шелъ о весьма цѣнныхъ вещахъ: первый призъ состоялъ именно изъ одного раба (1849), девяти кусковъ китайской шелковой матеріи и верблюда; второй— изъ верблюда и шелковой матеріи и т. п.

Въ прежнее время, когда султаны были еще независимы случалось, что эти скачки и состязанія,—до сихъ поръ еще очень любимыя, заканчивались ссорами, переходившими въ открытую вражду и въ долговременныя войны.

Въ общей сложности, мы должны были быть вполнѣ довольны всѣмъ видѣннымъ нами, такъ какъ, благодаря любезности г. губернатора, мы были въ этомъ отношеніи не менѣе счастливы, чѣмъ Александръ Гумбольдтъ. Густавъ Розе описываетъ правда весьма юмористично, одно забавное представленіе, состоявшее въ томъ, что дѣйствующія лица доставали зубами изъ большого, наполненнаго кашей, котла серебряный рубль, но мы могли обойтись и безъ подобнаго зрѣлища, и сожалѣли только о томъ, что намъ не досталось въ удѣлъ удовольствіе познакомиться съ дамскимъ обществомъ киргизскаго дворянства.

Между тѣмъ приближался часъ отъѣзда. Съ чувствомъ искренней благодарности разстались мы съ любезнымъ семействомъ Полторацкихъ, съ которымъ, впрочемъ, равно какъ и съ нѣкоторыми другими нашими товарищами по охотѣ въ Аркатскихъ горахъ, намъ привелось по счастію еще разъ увидѣться впослѣдствіи. Но съ романическою мѣстностью охоты и съ ея благородною дичью, мы простились навсегда, а потому здѣсь, можетъ быть, всего умѣстнѣе вставить нѣсколько замѣчаній о дикомъ баранѣ или, какъ его называютъ киргизы, аркарѣ. Если мы бросимъ взглядъ на географическое распространеніе, столь богатаго видами, семейства дикихъ барановъ, то насъ не можетъ не поразить тотъ фактъ, что Европа (Сардинія и Корсика), Африка (Атласъ) и сѣверо-западная Америка имѣютъ только по одному виду, тогда какъ Азія заключаетъ ихъ множество. Если, при томъ скудномъ матеріалѣ, который существуетъ для этихъ рѣдкихъ животныхъ въ нашихъ музеяхъ, мы и не можемъ составить еще удовлетворительной классификаціи ихъ видовъ, то, во всякомъ случаѣ, можно уже и теперь считать несомнѣннымъ, что

различныя горныя цѣпи Средней Азіи населены различными видами. Сѣверцовъ принимаетъ чуть ли не для каждаго отдѣльнаго горнаго хребта особый видъ, насчитывая такимъ образомъ въ Азіи до 18 видовъ, но, очевидно, онъ ограничиваетъ слишкомъ тѣсными предѣлами области распространенія отдѣльныхъ видовъ. Видъ, о которомъ мы намѣрены говорить теперь, соотвѣтствуетъ его Ovis argali var. altaica, который населяетъ преимущественно южные, степные отроги Алтая и который долженъ быть отличенъ отъ вида, встрѣчающагося въ восточной Монголіи (O. argali, var. mongolica). Судя по экземплярамъ, находящимся въ музеѣ Императорской Академіи наукъ въ Петербургѣ, гдѣ собранъ самый богатый матеріалъ относительно этихъ животныхъ, я имѣю основанія полагать, что горные бараны Алтая и горъ Даурiи составляютъ одинъ видъ, — тождественный съ видомъ, встрѣченнымъ нами въ Аркатскихъ горахъ, равно какъ и съ водящимся въ степныхъ отрогахъ близъ Барнаула, между Иртышомъ и озеромъ Байкаломъ, экземпляры котораго мы видѣли у проф. Словцова въ Омскѣ. На основаніи превосходныхъ изслѣдованій проф. Петерса, который подвергнулъ строгой критикѣ синонимію видовъ горныхъ барановъ, за этимъ видомъ должно быть оставлено старинное названіе Линнея: Ovis ammon. І. Г. Гмелинъ упоминаетъ впервые объ этомъ видѣ въ перечнѣ животныхъ, водящихся близъ Усть-Каменогорска, при чемъ описываетъ его подробно. Въ его время, повидимому, аркары были не рѣдки въ той мѣстности, но уже тогда было положено начало ихъ истребленію. Императорскій указъ приказывалъ, именно, всѣхъ живыхъ аркаровъ посылать въ Петербургъ, причемъ казна платила $3^1/_2$ рубля за штуку. Вслѣдствіе этого, многіе стали охотиться на аркаровъ и ловить ихъ въ ямы, причемъ было истреблено не малое ихъ число. Палласъ получилъ одного аркара въ 1772 г. въ Адонъчолскихъ горахъ, въ Даурiи, гдѣ, по Радде, они уже въ 1852 году были совершенно истреблены, и упоминаетъ также о „каменномъ баранѣ“ въ Алтайскихъ горахъ, „гдѣ они живутъ на высочайшихъ, недоступныхъ утесахъ“. Намъ самимъ не привелось видѣть аркаровъ въ Алтаѣ, но мы слышали, что онъ водится тамъ, и получили впослѣдствіи его рога и черепъ изъ Бійскаго округа. По Ледебуру, аркары встрѣчались прежде часто вблизи деревни Уймонъ, въ Алтаѣ (на высотѣ 3,300 фут.); онъ получилъ или наблюдалъ ихъ еще (въ 1826 г.) въ горахъ по Чулышману, по Кураю и въ нагорной степи, въ области истоковъ верхней Чуи.

Основательный знатокъ Алтая—проф. Радловъ также увѣрялъ насъ, что аркары встрѣчаются еще нерѣдко въ Алтаѣ, и указалъ на одну мѣстность, названіе которой я, къ сожалѣнію, забылъ, гдѣ, при подножіи одной высокой скалы, валяется безчисленное множество череповъ аркаровъ. Алекс. Шренкъ встрѣтилъ горныхъ барановъ (Ovis Karelini, по Сѣверцову) на высокихъ гребняхъ джунгарскаго Алатау, на высотѣ болѣе 10,000—13,000 футовъ. Такимъ образомъ, аркаръ водится какъ на высокихъ хребтахъ, такъ и на низкихъ степныхъ отрогахъ и, слѣдовательно, его нельзя считать, подобно альпійскому барану, настоящимъ альпійскимъ животнымъ.

„Аркаръ“, какъ это животное называется киргизами, есть одинъ изъ самыхъ красивыхъ, хоть и не самый крупный, изъ дикихъ барановъ. Длина всего тѣла, отъ ноздрей до конца хвоста, составляла у измѣреннаго мною барана 1,800 миллим., у самки—1,500, у ягненка—65; вышина въ плечахъ: 1,250, 1 и 42; вышина въ крестцѣ: 1,250, 1,000 и 54.

По величинѣ и вѣсу тѣла, аркаръ уступаетъ, слѣдовательно, европейскому благородному оленю, но достигаетъ величины лани. Овца, по Палласу, бываетъ вѣсомъ въ 5 пудовъ, баранъ—значительно больше, такъ какъ одни рога его вѣсятъ иногда болѣе пуда.

Эти рога, измѣряя по кривизнѣ, имѣютъ въ длину болѣе $1^1/_4$ метра; они стоятъ плотно одинъ къ другому у корня, имѣютъ здѣсь трехгранную форму и описываютъ своимъ изгибомъ почти полный кругъ, направляясь своими приплюснутыми концами вверхъ и въ стороны. Концы ихъ отстоятъ одинъ отъ другого приблизительно на одинъ метръ. Поверхность роговъ представляетъ поперечные рубцы, которые, ближе къ основанію, явственно раздѣлены между собою бороздами; эти рубцы однако нельзя считать кольцами нарощенія (годоваго прироста), потому что у двухъ, почти одинаковаго роста барановъ въ музеѣ Словцова, я насчиталъ у одного, на половинѣ, ближайшей къ основанію рога, 25 поперечныхъ зарубокъ, а у другаго только 12, т. е. вдвое меньше.

Рога самки, сравнительно очень короткіе и слабые, направлены концами взади и слегка въ стороны, и напоминаютъ скорѣе рога нѣкоторыхъ козъ.

Цвѣтъ убитаго нами, примѣрно четырехгодовалаго, барана былъ слѣдующій: темный олене-бурый; голова, шея и нижняя часть живота свѣтлѣе, буровато-свѣтло-сѣрыя затылокъ еще

свѣтлѣе; явственно отдѣленное зеркало — бѣлое; конецъ носа— темно-бурый, радужная оболочка глазъ — желто-бураго цвѣта. Самка походитъ цвѣтомъ на самца, но значительно свѣтлѣе его.

Молоденькій, примѣрно четырехдневный ягненокъ, отличался короткою, мягкою шерстью и выказывалъ такую окраску: цвѣта косули (буровато-сѣраго), нижняя сторона живота, ноги и зеркало свѣтлѣе, блѣдно-желтоватыя; носъ, лобъ, край уха и ремень по спинѣ — темно-бурые.

Общій видъ аркара очень красивъ и представляетъ мало специфически — овечьяго, что̀ не спеціалисты соединяютъ обыкновенно съ понятіемъ объ овцѣ. Во первыхъ, аркаръ стройнѣе и выше на ногахъ, такъ что уже Гмелинъ сравниваетъ его въ этомъ отношеніи скорѣе съ оленемъ. Но что для не спеціалиста особенно противорѣчитъ съ понятіемъ объ овцѣ, это отсутствіе руна. Какъ и всѣ его родичи, аркаръ покрытъ подобнымъ же волосомъ, какъ и олени, только еще болѣе жесткимъ и ломкимъ, который лѣтомъ коротокъ, зимой же длиннѣе и косматѣе, при чемъ онъ бываетъ смѣшанъ тогда съ нѣжнымъ подшерсткомъ.

Какъ уже можно видѣть изъ описанной мною охоты, намъ едва удалось взглянуть на аркаровъ въ ихъ естественной обстановкѣ, а потому и невозможно отъ насъ ждать какихъ-нибудь новыхъ, интересныхъ наблюденій. Тѣмъ не менѣе, Брему удалось собрать кой-какія свѣдѣнія отъ киргизовъ, при помощи которыхъ онъ далъ намъ самую полную картину жизни аркаровъ. (Thierleben. 2. Ausgabe. III Band. и „Gartenlaube“ 1877. № 45). Конечно, главный матеріалъ для его описанія дали превосходныя наблюденія Сѣверцова, Пржевальскаго и др., относящіяся отчасти къ другимъ видамъ. Чтобы дополнить поэтому описаніе аркаровъ, я приведу еще нѣсколько свѣдѣній изъ компиляціи Брема, не гарантируя впрочемъ, что они относятся всѣ къ этому виду.

Аркаръ водится небольшими стадами изъ 5—15 штукъ, предводимыми большей частію сильнымъ самцомъ, который съ необыкновенной предусмотрительностію заботится о безопасности и съ высокихъ скалъ внимательно оглядываетъ окрестность.

Видъ, встрѣченный Пржевальскимъ въ Сумахадскихъ горахъ, выказывалъ, сравнительно, большую безпечность, тогда какъ открытый имъ въ сѣверномъ Тибетѣ, бѣлогрудый видъ былъ очень робокъ и остороженъ, хотя въ обоихъ мѣстностяхъ они одинаково мало подвергались преслѣдованію со стороны человѣка. Баранъ Аркатскихъ горъ сходенъ, по своему трусливому харак-

теру, съ сѣверо-Тибетскимъ. Аркаръ—дневное животное; ночью онъ спитъ и только съ разсвѣтомъ спускается для кормежки съ высокихъ вершинъ на луга и поляны ближайшихъ равнинъ и откосовъ. Ко времени полуденнаго зноя онъ снова возвращается на прохладныя вершины, откуда спускается еще разъ передъ закатомъ. Что пища аркара состоитъ изъ различныхъ травъ и растеній, объ этомъ едвали нужно упоминать. Зимою, по словамъ Брема, аркары предпочитаютъ питаться мхомъ и лишаями.

Въ срединѣ октября наступаетъ время течки, въ періодѣ которой старые самцы вступаютъ между собою въ частыя драки, ударяя одинъ другого рогами. При этомъ, говорятъ, нерѣдко случается, что одинъ изъ борцовъ сталкиваетъ своего противника въ пропасть, чѣмъ и объясняютъ накопленіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, у подножія скалъ, бараньихъ череповъ и скелетовъ,—обыкновенно старыхъ самцовъ. Самка аркара носитъ семь мѣсяцевъ и ягнится вначалѣ мая однимъ, рѣдко двумя дѣтенышами, которыхъ она охраняетъ необыкновенно заботливо и защищаетъ съ опасностью собственной жизни. Ягнята умѣютъ очень искусно прятаться между камнями и уже спустя нѣсколько дней послѣ рожденія, въ состояніи проворно слѣдовать за матерью. Мы получили въ Аркатскихъ горахъ отъ киргизовъ двухъ ягнятъ, которые были еще очень молоды, едва-ли четырехъ дней, и сохраняли еще остатки пуповины. Они охотно сосали вымя подводимыхъ къ нимъ овецъ и козъ и можно было ожидать, что ихъ удастся выкормить, но скоро они околѣли отъ кроваваго поноса, очевидно вслѣдствіе того, что киргизы не очень-то за ними смотрѣли. Прирученіе аркаровъ, по Палласу, дѣло нетрудное, но І. Г. Гмелинъ сообщаетъ объ одномъ трехлѣтнемъ самцѣ, вскормленномъ въ неволѣ, который отличался такимъ буйнымъ нравомъ, что едва десять человѣкъ въ состояніи были его усмирять. Что аркаръ, въ своихъ родныхъ горахъ, умѣетъ съ невѣроятною скоростью и ловкостью скакать и прыгать по голымъ утесамъ, объ этомъ распространяться нечего, но разсказъ, что онъ при преслѣдованіи бросается добровольно въ пропасть, при чемъ, подставляя рога, умѣетъ, будто бы, ослаблять ударъ — есть чистая басня. Киргизы и другіе азіятскіе народы охотятся за аркаромъ только ради мяса; однако, по моему мнѣнію, вкусъ послѣдняго вовсе не превосходный, какъ увѣряетъ Мейеръ, а отзывается чѣмъ-то рѣзко-непріятнымъ.

Можно еще упомянуть, что аркары подвержены нападенію одного вида клещей (Dermacentor pardalinus K.), который, при

препарировкѣ перешелъ на меня и произвелъ злокачественную, едва по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, закрывшуюся рану.

Въ виду принимаемаго до сихъ поръ мнѣнія, по которому всѣ виды дикихъ барановъ водятся всегда въ однихъ и тѣхъ же районахъ, интересны свѣдѣнія, собранныя графомъ Вальдбургомъ, изъ которыхъ оказывается, что аркаръ совершаетъ переселенія. Какъ увѣряли графа полковникъ Халдіевъ, г. Каменскій и другіе, долго жившіе въ Сибири охотники, аркары ежегодно переходятъ осенью изъ южнаго Алтая на Тарбагатай и степи по Балхашу. Намъ показывали въ лабиринтѣ скалъ Иртыша, на пути между Бухтарминскомъ и Усть-Каменогорскомъ, одно мѣсто, гдѣ переселяющіеся аркары обыкновенно переходятъ рѣку. Какъ ни вѣски могутъ казаться только что приведенныя свидѣтельства, они доказываютъ только, какъ легко составляются ошибочныя понятія. Изъ несомнѣнныхъ данныхъ, приведенныхъ Ледебуромъ и Мейеромъ, видно, что указанныя переселенія совершаются не аркарами, а козулями (Cervus pygargus).

Кромѣ аркара мы получили еще въ Аркатскихъ горахъ другого звѣря, именно байбака (Arctomys bobac), по киргизски— „дурдаръ“, котораго одинъ киргизъ подкараулилъ около норы и принесъ намъ живого. Онъ притворился мертвымъ и его ничѣмъ нельзя было заставить бѣжать, но онъ тотчасъ же пустился на утекъ, когда, послѣ нѣкотораго времени, счелъ себя впѣ опасности. Особенный птичій писк, на который мы обратили вниманіе въ первую же ночь въ Аркатскихъ горахъ, производится, какъ насъ увѣрялъ охотникъ, именно этимъ звѣркомъ. Но извѣстіе это оказалось впослѣдствіи ложнымъ, такъ какъ оригинальные звуки были дѣломъ одного вида пищухи (Lagomys). Я упоминаю объ этомъ для доказательства того, что свѣдѣнія, сообщаемыя туземцами, даже если послѣдніе, повидимому, хорошо знакомы съ мѣстностью, всегда должны быть принимаемы съ осторожностью.

ГЛАВА V.

НА САССЫКЪ-АЛА-КУЛѢ.

(Отъ Аркатскихъ горъ до Лепсы.)

Выѣздъ изъ Аркатскихъ горъ. — Опредѣленіе высотъ. — Жизнь птицъ. — Черные жаворонки. — Ташкентскіе караваны. — Пріемъ въ Сергіополѣ. — Подполковникъ Фридериксъ. — Сергіополь. — Чола-казаки. — Дороговизна топлива. — Рѣка Аягусъ. — Линія сторожевыхъ постовъ. — Животное царство. — Караколъ. — Степныя птицы. — Жабы. — Ненадежныя упряжныя лошади. — Земледѣліе у киргизовъ и орошеніе полей. — Недостатокъ въ топливѣ. — На бывшемъ морскомъ днѣ. — На Сассыкъ-Ала-Кулѣ. — Вода для питья. — Бродъ Кутье, Малды. — Цвѣтъ кожи у киргизовъ. — Черепаха. — Вторая остановка у озера. — Видъ озера. — Озерная область Ала-Куля. — Сассыкъ-Ала-Куль. — Озеро Уяли. — Изслѣдователь озернаго пространства. — Высота Сассыкъ-Ала-Куля. — Ибэ. — Прилегающая къ нему горная порода. — Жизнь птицъ на озерѣ. — Кабаны. — Замѣчательныя ящерицы. — Тоня. — Рыбы Сассыкъ-Ала-Куля. — Маринка. — Общія замѣчанія о рыбахъ степныхъ озеръ. — Моллюски. — Комары. — Предгоріе Ала-Тау. — Привѣтствіе Киргизовъ. — „Держи“. — Въ аулѣ Уванасъ. — Печатная глина на прибрежьи Джинджили. — Флора. — Видъ на Лепсу.

Шестого мая, часамъ къ 7 вечера мы выѣхали изъ становища въ Аркатскихъ горахъ, и послѣ 7 верстъ труднаго пути, выбрались наконецъ на большую дорогу, по которой быстро покатили впередъ при великолѣпномъ лунномъ свѣтѣ. Часамъ къ 5-ти слѣдующаго утра мы проѣхали уже около 100 верстъ и прибыли на послѣднюю къ Сергіополю станцію—Алтынъ-Калатъ, —лежащую на водораздѣлѣ между равнинами Иртыша и Балхаша. Этотъ водораздѣлъ, находящійся, по словамъ Семенова, на абсолютной высотѣ 1700 парижскихъ футовъ, образуется довольно значительнымъ по высотѣ (достигающимъ 4000 футовъ) хребтомъ Чингисъ-Тау, который слѣдуетъ разсматривать какъ западный отрогъ Таргабатая. По тщательнымъ наблюденіямъ графа Вальдбургъ-Цейля, высота его равняется 650 метрамъ; слѣдовательно отъ Семипалатинска (230 мет.) мы поднялись на 420 метровъ. Высота второй станціи отъ Семипалатинска, Аркалыка, составляетъ 290 метровъ; между второй и третьей станціей она

равна 390 мет.; къ третьей (Ашчи-Куль) она понижается до 320 мет.; къ четвертой (Джасъ-Ташъ) возрастаетъ до 400 метр.; на пятой (Кизиль-муль) достигаетъ 440 метровъ и на шестой (Аркатъ) 520 метровъ. За Сергіополемъ высота оказывается равною 620 мет., а между первой и второй станціей она достигаетъ 710 мет., образуя слѣдовательно здѣсь водораздѣлъ между Балхашемъ и Алакулемъ, чтобы затѣмъ отъ пикета Каракуль (четвертой станцій) до низменности Ала-Куля, понизиться до 320 мет. Все разстояніе отъ Семипалатинска составляетъ 223 версты и на этомъ пространствѣ находятся 10 станцій или такъ называемыхъ пикетовъ.

Было прекрасное утро и воздухъ такъ чистъ, что на далекомъ разстояніи, въ туманной синевѣ востока, мы могли ясно видѣть низкую цѣпь горъ: то были вершины Тарбагатая! И такъ, мы видѣли себя уже недалеко отъ цѣли нашего путешествія.

Вблизи одинокихъ станцій попадались намъ наши старые земляки—домашніе и полевыя воробьи; въ степи жизнь птицъ становилась болѣе и болѣе оживленною. Кромѣ пустельги и кобчиковъ, показывались иногда неповоротливые сарычи, (Buteo desertorum), степные луни (Circus macrourus), а однажды пролетѣлъ мимо насъ красивый соколъ (вѣроятно — Falco sacer). По каменистымъ верхушкамъ степныхъ холмовъ, то опускались, то вспархивали сѣрые чекканы (Saxicola oenanthe), а въ густыхъ кустахъ таволги суетились варакушки (Cyanecula suecica). Веселый бой перепела, который мы слышали ежедневно въ Аркатскихъ горахъ, раздавался повсюду; послышался также крикъ кукушки; показались первыя ласточки (Hirundo rustica), все — вѣстники весны, наступленіе которой радовало сердце. Но особенно пріятное настроеніе наводилъ видъ различныхъ породъ жаворонковъ. Кромѣ нашего полевого жаворонка (Alauda arvensis), весело взвивавшагося въ воздухѣ, можно было еще отличить короткопалаго жаворонка (Alauda pispoletta) и бѣлозобаго ушастаго (Otocoris albigula). Но въ особенности обращалъ на себя вниманіе черный жаворонокъ (Alauda tatarica), который, кажется, здѣсь заступаетъ мѣсто бѣлокрылаго. Онъ, несомнѣнно, составляетъ самый распространенный здѣсь видъ, и при этомъ является настолько довѣрчивымъ, что многіе экземпляры его пролетѣли въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашего экипажа. По черно-бархатистому цвѣту своего оперенія, свѣтло-желтому цвѣту клюва и значительной величинѣ, замѣтно превосходящей величину полевого жаворонка, эта птичка невольно обращаетъ на себя вниманіе,

чему содѣйствуютъ еще немало ея оригинальныя повадки. Она любитъ сидѣть на придорожныхъ камняхъ и кустахъ, небрежно распустивъ крылья, поднявъ хвостъ и попѣвая свою мелодичную пѣсенку, или же невысоко взвивается на воздухъ и тамъ продолжаетъ пѣніе. Своимъ полетомъ она еще болѣе бросается въ глаза, такъ какъ въ этомъ отношеніи она отличается отъ всѣхъ другихъ, извѣстныхъ мнѣ, жаворонковъ. При полетѣ она хлопаетъ крыльями или безпокойно отбиваетъ ими, снуя взадъ и впередъ,—причемъ ея движенія напоминаютъ всего болѣе полетъ летучей мыши. Довѣрчивыя пташки усердно занимались вскармливаніемъ своихъ птенцовъ; уже въ Аркатскихъ горахъ я получилъ одного, еще покрытаго пухомъ птенца. — Но и безъ нихъ въ степи не было пустынно. Мы проѣзжали мимо многочисленныхъ стадъ рогатаго скота; кое-гдѣ попадались на встрѣчу верблюды, караваны, двухъ и четырехъ-колесныя, запряженныя въ одну лошадь, повозки, везшія товары изъ Ташкента въ Семипалатинскъ, и которыя слѣдовательно сдѣлали уже добрый путь, такъ такъ между этими двумя торговыми пунктами считается 1771 верста. Часамъ къ 9 увидали мы высокую, зеленую колокольню Сергіополя, а недалеко отъ города, на холмѣ, верховаго, который, завидя насъ, опрометью поскакалъ въ городъ. Это насъ нѣсколько удивило, такъ какъ ранѣе верховой обыкновенно встрѣчалъ насъ на станціи и провожалъ до города. Но подполковникъ Фридериксъ,—такъ назывался нашъ новый покровитель—не удовольствовался дать намъ въ провожатые одного только казака: къ величайшему нашему удивленію у городскихъ воротъ насъ ожидали 8 человѣкъ казаковъ, въ полной парадной формѣ, съ трубачемъ и значкомъ, которые, при нашемъ приближеніи, отдали намъ честь и затѣмъ сопровождали въ галопъ, въ видѣ почетнаго конвоя, до самой нашей квартиры. Здѣсь насъ встрѣтилъ подполковникъ Фридериксъ—начальникъ Сергіопольскаго округа (Лепсы), очень любезный и привѣтливый господинъ, нарочно прибывшій для насъ изъ Лепсы. Подъ его-же опытнымъ руководствомъ мы должны были и продолжать нашъ путь къ Ала-Тау.

Сергіополь, переименованный съ 1860 г., назывался прежде Аягусомъ, по рѣкѣ того же имени, и былъ основанъ въ 1831 г. Это маленькій городокъ, имѣющій около 1000 жителей (по Шванебаху 1044, а по Штумму 1540), потому что крѣпость съ обвалившимися валами утратила теперь свое первобытное значеніе, и указываетъ только на первоначальное значеніе ея, какъ убѣжища отъ киргизовъ. Въ крѣпости, впрочемъ, находятся еще

и до сихъ поръ казенныя зданія, между ними и домъ коменданта, Маіора Палицкаго. Подъ начальствомъ этого господина, въ маѣ 1871 г., была совершена рекогносцировка противъ Кульджи, трофеемъ которой былъ между прочимъ одинъ дунганскій лукъ, который любезный маіоръ охотно предоставилъ въ мое распоряженіе. Также радушно, какъ комендантъ, принялъ насъ и священникъ, мѣсто служенія котораго—церковь также находилась въ крѣпости. Мы осмотрѣли её, но я не нашелъ въ ней ничего достопримѣчательнаго, кромѣ одного запрестольнаго образа, представляющаго Іисуса молящагося на горѣ Элеонской, работы художника Барухина, неизвѣстнаго впрочемъ ни мнѣ, ни—вѣроятно—бо́льшинству моихъ читателей. Я привожу это замѣчаніе о церкви только для того, чтобы показать какъ даже въ такихъ отдаленныхъ мѣстахъ православные стараются объ украшеніи своихъ храмовъ. Аккуратный І. Г. Гмелинъ, конечно не удовольствовался бы такимъ краткимъ замѣчаніемъ, такъ какъ онъ велъ, словно по заданной программѣ, точный списокъ всѣхъ церквей, ихъ придѣловъ, а также чтимыхъ и славимыхъ въ нихъ святыхъ, мучениковъ, великомучениковъ и чудотворцевъ.

Такъ, напримѣръ, въ маленькомъ городкѣ Бѣлозерскѣ, имѣвшемъ едва ли 4000 жителей, онъ насчитываетъ 18 церквей, а въ Вологдѣ не менѣе 56, описаніе которыхъ занимаетъ цѣлыхъ 6 страницъ. — Жители Сергіополя—татары и казаки, между послѣдними еще такъ называемые чола-казаки. Въ строгомъ смыслѣ слова, подъ чола-казаками разумѣются продукты помѣси между Ташкентцами и Киргизами, а въ общемъ—всѣ тѣ люди, которые, волею или неволею, долго жили въ Средней Азіи (Коканѣ, восточномъ Туркестанѣ и т. д.) и которые, по костюму и языку, не отличаются отъ жителей тѣхъ странъ. Многіе изъ этихъ чола-казаковъ были дезертирами, которые, возвратясь, заявляли о себѣ окружному начальству, какъ о лицахъ незнающихъ откуда они родомъ, т. е. слѣдовали тому же маневру, который практикуется нерѣдко бѣглыми ссыльными, являющимися добровольно и зачисляемыми въ категорію „не помнящихъ родства“. Изъ числа 200 домовъ, лишь немногіе деревянные; большая часть выстроены изъ высушенныхъ на солнцѣ кирпичей и битой глины, съ плоской крышей, какъ они строются вообще въ Семирѣчьи и Туркестанѣ. Въ городкѣ имѣется базаръ, на которомъ мы могли достать не только чай, соль и другіе необходимѣйшіе продукты, но даже оберточную бумагу для сушки растеній. Но все же жизнь въ Сергіополѣ должна быть не осо-

бенно пріятна, тѣмъ болѣе, что находясь посреди выгорѣвшей степи, это мѣстечко, лишенное растительности и тѣни лѣтомъ, должно столько же терпѣть отъ страшнаго зноя, сколько зимой отъ чрезвычайной стужи. Для защиты же отъ этой послѣдней также имѣется мало средствъ, такъ какъ ощущается сильный недостатокъ въ дровахъ. Единственнымъ топливомъ служатъ жалкія вязанки таволги или спиреи, которыя привозятся на базаръ киргизами. Правда, такія вязанки стоятъ недорого—всего 1 к. связка, но при большихъ морозахъ, ихъ можетъ легко потребоваться отъ 200 до 300 въ день, чтобы хотя нѣсколько нагрѣть комнату, а тогда отопленіе обойдется недешево.

Имѣли мы также удовольствіе познакомиться съ одной особой, говорящей по нѣмецки, именно съ начальникомъ телеграфа, Адольфомъ Паулемъ, присутствіе котораго на данномъ намъ подполковникомъ Фридериксомъ обѣдѣ, сдѣлало этотъ обѣдъ особенно для насъ пріятнымъ. Въ числѣ прочихъ блюдъ подавали намъ жареную рыбу изъ озера Балкаша. По своему виду она походила на пискарей, но оказалась совсѣмъ другого рода (Diplophysa labiata Kessl), что не мѣшало ей быть весьма недурной на вкусъ. Одинъ видъ окуня, изъ рѣки Аягуса, предупредительно доставленнаго мнѣ подполковникомъ Фридериксомъ, я не могъ уступить для обѣда и включилъ въ нашу зоологическую коллекцію. Это оказался Perca Schrenckii Kessl., котораго мы получили позже еще разъ изъ Сассыкъ-Куля.

Подкрѣпившись обѣдомъ, мы снова собрались въ путь и въ 3 часа наши два тарантаса и телѣга съ багажемъ выѣхали изъ гостепріимнаго Сергіополя, причемъ до заставы насъ снова провожалъ конвой изъ казаковъ.

Недалеко отъ города, дорога ведетъ чрезъ татарскую деревню „старый Аягусъ“, домики которой обнесены глиняными валами, а затѣмъ черезъ рѣку Аягусъ, довольно широкую, быструю, но мелкую, которая впрочемъ во время наводненій бываетъ значительной, и течетъ на югъ къ Балкашу, достигая его однако только весной въ половодье. Подполковникъ Фридериксъ много старался о томъ, чтобы переселить рыбу изъ Иртыша въ Аягусъ и такимъ образомъ довезти ее до Балхаша; но къ сожалѣнію усилія его не увѣнчались успѣхомъ, вѣроятно потому, что не были приняты надлежащія предосторожности при перевозкѣ живой рыбы.

Дорога наша шла въ юго-восточномъ направленіи, и на разстояніи первыхъ трехъ станцій совпадала съ трактомъ соединяющимъ

Сергіополь съ Чугучакомъ (262 версты) и удобнымъ для экипажей. Хотя мы находились уже съ самого Семипалатинска, на такъ-называемой пикетной дорогѣ, но названіе „пикетъ", вмѣсто „станціи", мы встрѣтили только здѣсь, хотя эти поселки и утратили бо́льшей частью настоящее свое назначеніе. „Всѣ пикеты устроены по одному плану и представляютъ длинное зданіе, раздѣленное посрединѣ проѣздомъ, по обѣимъ сторонамъ котораго на дворѣ сдѣланы двѣ лѣстницы. Одна изъ нихъ ведетъ въ казарму, гдѣ находятся койки казаковъ, другая — въ довольно чистую и просторную комнату, предназначенную для проѣзжающихъ. На задней сторонѣ двора построены конюшня и сарай. Стѣны зданія глиняныя; въ нихъ кромѣ маленькихъ окошечекъ, выходящихъ на дворъ, прорѣзаны еще бойницы. Все это обнесено валомъ и обведено неглубокимъ рвомъ". Такъ описываетъ Вангали эти пикеты, которые въ 1851 г., вѣроятно, считались еще необходимыми и поддерживались въ прежнемъ видѣ. Но тѣ которые намъ пришлось видѣть, находились въ весьма жалкомъ состояніи: отъ вала и рва въ нихъ не оставалось почти слѣдовъ, а вмѣсто воиновъ оказался только содержатель лошадей. Возлѣ мазанки стоятъ обыкновенно юрты киргизовъ, которые смотрятъ за лошадьми и находятся въ услуженіи у содержателя пикета. Какъ во многихъ казацкихъ селеніяхъ, киргизы здѣсь живутъ осѣдло, по неволѣ. Они носятъ прозваніе „джетаковъ", и состоятъ изъ людей которые часто работаютъ цѣлые годы въ уплату своихъ долговъ сдѣланныхъ ими изъ крайности, для снабженія себя продовольствіемъ во время нужды зимой.

Вначалѣ степь была волнообразной и повсюду выказывала бѣлыя пространства осажденной соли. Недалеко отъ первой станціи (30 верстъ отъ Сергіополя) показались низкія, скалистыя долины, повидимому гранитныя и обращавшія на себя вниманіе оранжевымъ цвѣтомъ покрывающихъ ихъ лишаевъ. Каменистые холмы, закрывавшіе отъ насъ видъ на Тарбагатай, тянулись тоже вплоть до второго пикета, называемаго, если не ошибаюсь по имени небольшой рѣчки, — „Ай-су", къ которому мы прибыли въ 9-мъ часу вечера. Здѣсь оказалось въ высшей степени примитивное, сложенное изъ глины и кольевъ и почти на половину устроенное подъ землею, обиталище троглодитовъ, въ которомъ мы могли подкрѣпиться молокомъ, такъ какъ чай, по причинѣ солоноватой воды, представлялъ для насъ, новичковъ, мало привлекательнаго.

Между скалами виднѣлись печальные спутники пустыни, сѣ-

рые чекканы (Saxicola oenanthe) и раздавалось отчетливое пѣніе каменныхъ дроздовъ (Petrocincla saxatilis), вмѣстѣ съ многочисленными галками, безбоязненно сновавшихъ около одинокихъ мазанокъ, а въ степи—повсюду взлетывали щеврицы и жаворонки (Anthus campestris и Alauda pispoletta). Черные жаворонки, выкармливавшіе это время своихъ птенцовъ, попадались рѣже; чибисы (Vanellus gregarius) встрѣчались только нѣсколько разъ, а д-ръ Брэмъ увѣряетъ, что онъ видѣлъ еще одинъ разъ дрофу съ воротникомъ (Otis Macqueni).

Великолѣпная лунная ночь благопріятствовала опять нашему путешествію и въ 1 часу ночи на 8 мая, мы достигли пикета Караколъ, гдѣ подполковникъ былъ встрѣченъ 8-ю стоявшими во фронтѣ казаками. Ранній утренній часъ засталъ насъ снова бодрствующими и наградилъ насъ поразительнымъ видомъ, не только Тарбагатайской цѣпи на сѣверо-востокѣ, но даже снѣжныхъ вершинъ Ала-Тау, южнаго предѣла области нашихъ странствованій.

Караколъ состоитъ изъ пары глиняныхъ шалашей и сараевъ, которые, повидимому, выстроены болѣе для лошадей, чѣмъ для людей, и находится недалеко отъ рѣчки того же имени, вытекающей изъ Тарбагатайскихъ горъ и впадающей въ сѣверный конецъ Сассыкъ-Куля. Рѣчка эта довольно широка, но ея берега, отчасти покрытые голышами, свидѣтельствовали, что во время половодья она должна значительно увеличиваться въ своихъ размѣрахъ. Правый берегъ на которомъ мы находились, былъ нѣсколько возвышенъ и мѣстами покрытъ наносными песчаными буграми, что чрезвычайно шло къ общему характеру степи, заросшей высокой, почти въ ростъ человѣка, но еще сухой травой. Д-ръ Брэмъ, отправлявшійся поохотиться вдоль берега, принесъ перваго рябка (степную курочку) (Pterocles arenarius), который, впрочемъ, попадается уже близь Семипалатинска и Сергіополя, какъ, по словамъ г-на Пауля, и саджа (Syrrhaptes paradoxus). Эту послѣднюю птицу Мейеръ часто встрѣчалъ и въ Аркатскихъ горахъ, но она настолько пуглива, что ему стоило большого труда застрѣлить одну изъ нихъ. Насколько естественно было присутствіе въ такой мѣстности этихъ настоящихъ птицъ степи и пустыни, настолько удивительно было присутствіе одной красивой горлицы (Turtur meena, Syk), пару которыхъ д-ръ Брэмъ также принесъ съ охоты. Я же довольствовался болѣе скромною охотою на ортолановъ, (Emberiza hortulana) и разныхъ трясогузокъ, изъ коихъ, кромѣ типичной Motacilla flava, здѣсь водится еще

черноголовый видъ (Motacilla melanocephala), и черноголовый съ простой и двойной бѣлой полосой надъ глазомъ (Motacilla Kaleniczenki et bistriata), что указываетъ, по моему, на принадлежность всѣхъ этихъ разновидностей одному виду. Въ ближайшемъ обросшемъ тростникомъ, солонцеватомъ болотѣ, копошились жабы (Bufo viridis, Laur), характеристичный крикъ которыхъ мы слышали еще ночью; кругомъ шныряли луни (Circus rufus), а Антипъ, киргизскій переводчикъ подполковника, истый охотникъ, принесъ намъ одну сѣрую цаплю, (Ardea cinerea), — единственную, если не ошибаюсь, полученную нами во все время нашего путешествія.

Изъ Каракола мы могли выѣхать только къ полудню, такъ какъ, съ оставленіемъ пикетной дороги, пришлось оставить также и телѣгу съ багажомъ, взваливъ послѣдній на спину верблюда и двухъ лошадей. Міаоръ Палицкій и г-нъ Пауль, сопутствовавшіе намъ до сихъ поръ, поѣхали обратно въ Сергіополь, а мы между тѣмъ пересѣли на верховыхъ лошадей. Для запряжки въ оба тарантаса были пригнаны степныя лошади, никогда еще не видавшія подобнаго экипажа и никогда не бывавшія въ запряжкѣ; поэтому ѣзда на нихъ, по крайней мѣрѣ первыя 10—12 верстъ, была не совсѣмъ безопасна. Д-ръ Брэмъ, однако, несмотря на всѣ уговоры подполковника, спокойно ввѣрился тарантасу и на этотъ разъ дѣло обошлось благополучно.

Несмотря на скудость насыщенной солью почвы степи, она, повидимому, вовсе не безплодна, и къ нашему немалому удивленію, мы встрѣтили послѣ обѣда киргизовъ, усердно обрабатывающихъ поля для посѣва. Они пахали весьма примитивными плугами, въ которые были впряжены коровы, управляемыя мальчиками посредствомъ продѣтыхъ въ ноздри колецъ. По словамъ Мейера, нерѣдко также пользуются для той же цѣли верблюдами Такимъ образомъ, номады также занимаются хлѣбопашествомъ. и что еще важнѣе, они умѣютъ превосходно орошать свои поля. Отъ рѣки, русло которой перегораживается плотиной, они проводятъ по полю два или болѣе—глубокихъ канала, отъ которыхъ отходятъ въ разныхъ направленіяхъ болѣе мелкіе, стоящіе въ свою очередь въ соединеніи съ мелкими бороздами. Закрывая или открывая отверстіе каналовъ—можно по произволу доставлять полю большее или меньшее количество воды. Этотъ способъ орошенія, который носитъ названіе „арыковъ“ и безъ котораго земледѣліе было бы здѣсь положительно невозможно

по всей вѣроятности, киргизы заимствовали у своихъ сосѣдей китайцевъ. Впослѣдствіи у киргизовъ переняли его казаки.

Вокругъ трудящихся пахарей вились во множествѣ чайки (Larus ridibundus), которыя непосредственно слѣдовали за плугомъ и копаясь въ взрытой землѣ, доставали себѣ гусеницъ и земляныхъ червей.

Изъ всѣхъ народовъ Джунгаріи, Калмыки и Киргизы менѣе всѣхъ занимаются земледѣліемъ. Хотя въ хорошо орошаемыхъ мѣстностяхъ жатва бываетъ очень хорошая (самъ 15, 20 и даже 30); но все же продукты ея далеко недостаточны для населенія. По словамъ Венюкова, изъ 10,000 киргизскихъ семействъ Зайсанскаго округа, только 950 занимаются хлѣбопашествомъ, причемъ получаемыхъ продуктовъ хватаетъ только имъ однимъ. Отсюда понятна сравнительная дороговизна здѣсь хлѣба.

Около трехъ часовъ по полудни прибыли мы къ юртамъ, гдѣ насъ ожидали нѣсколько знатныхъ киргизовъ, желавшихъ привѣтствовать подполковника. По причинѣ неблагопріятной погоды, каждый изъ насъ мечталъ о стаканѣ теплаго чая, но при недостаткѣ топлива, приготовленіе его было сопряжено съ затрудненіями. Къ тоненькимъ пучкамъ таволги пришлось прибавить высушеннаго коровьяго или лошадинаго навоза (по киргизски кизекъ), который, какъ можно легко догадаться, не только распространилъ бы въ юртѣ весьма непріятный запахъ, но и отнялъ бы у чая весь его ароматъ. Лошади представили неменьшее затрудненіе. Большого труда стоило запречь ихъ, причемъ, несмотря на энергичныя усилія пяти человѣкъ, одна изъ нихъ все таки вырвалась и умчалась вмѣстѣ съ постромками. Дикій нравъ лошадей однако скоро укротился, когда изъ степи заросшей полынью и въ которой такъ часто встрѣчались намъ стрепета, мы перебрались въ солончаковую и поросшую тростникомъ мѣстность, т. наз. Айтактимъ-Каракумъ, которую очевидно слѣдуетъ считать прежнимъ русломъ соединительнаго протока между Сассыкъ-Кулемъ и Балкашемъ. Въ этой почвѣ, покрытой слоемъ соли толщиною до трехъ линій, лошади вязли по колѣно и копыта ихъ безпрестанно обрызгивали насъ комками липкой соленой грязи. Это впрочемъ отбило у нихъ охоту бѣситься, потому что имъ и такъ стоило немалаго труда пролагать дорогу себѣ и экипажу. Съ наступленіемъ сумерекъ мы въѣхали въ густой камышъ, и часамъ къ $8^1/_2$ вечера достигли брода Кутье-Малды, въ сѣверо западномъ концѣ Сассыкъ-Ала-Куля, или западнаго, малаго Ала-Куля.

Здѣсь были уже приготовлены двѣ юрты, гдѣ мы могли съ пріятностью отдохнуть послѣ ужина, состоявшаго, какъ водится, изъ шашлыка и пилава. Не забыли также позаботиться для насъ и о хорошей, прѣсной водѣ для чая, вырывъ для этого на песчаномъ берегу яму, которая постепенно наполнялась водою. Такой способъ добыванія прѣсной воды, кажется, извѣстенъ всѣмъ жителямъ степей, хотя прѣсную воду даетъ только песчаный грунтъ, въ непосредственной близости озеръ, да и то вода, такимъ образомъ полученная, сохраняется лишь короткое время, а постоявъ, получаетъ тотъ горько-соленый вкусъ, которымъ отличаются почти всѣ степные колодцы (кудуки) и какой вообще имѣетъ вода, проникшая черезъ солончаковую почву.

Проснувшись слѣдующимъ утромъ (9 мая), я услышалъ прежде всего далеко немелодичный, жалобный голосъ верблюда,—знакъ, что животное уже было навьючено; но вмѣстѣ съ тѣмъ до моего слуха долетали и болѣе привлекательные звуки: слышались крики чаекъ и краекъ, можно было различить пѣніе камышевокъ. Я проворно вскочилъ, взялъ ружье и вышелъ изъ юрты, но мой охотничій пылъ быстро простылъ, такъ какъ озеро оказалось совершенно невиднымъ изъ за густой и непроходимой чащи камышей.

Недалеко отъ юртъ, въ камышахъ была прорублена широкая просѣка. Здѣсь долженъ былъ находиться бродъ и сюда пригнали лошадей, чтобы узнать его глубину, причемъ такъ какъ лошади неохотно шли на такого рода рекогносцировку, то нѣсколько человѣкъ киргизовъ раздѣлись и стали погонять ихъ. Въ результатѣ вышло только то, что нѣсколько лошадей завязло въ тростникѣ и только съ большимъ трудомъ могли быть вытащены изъ топкой трясины. Это обстоятельство дало намъ случай видѣть цвѣтъ кожи киргизовъ, который оказался гораздо свѣтлѣе, чѣмъ можно было ожидать, судя по ихъ загорѣлымъ рукамъ и лицамъ. У нѣкоторыхъ кожа была почти такъ-же бѣла, какъ у насъ, у другихъ едва-ли смуглѣе, чѣмъ у казаковъ. Вообще оттѣнокъ цвѣта значительно варіировалъ по особямъ; въ Сергіополѣ, напримѣръ, видѣлъ я, помнится, одного мальчика киргиза, у котораго кожа была почти темнобурая и притомъ не единственно вслѣдствіе покрывавшей ее грязи.

Экскурсія, предпринятая нами вдоль заросшаго камышами берега, обогатила наши коллекціи только однимъ зимородкомъ, который, какъ оказалось впослѣдствіи, стоитъ ближе къ индійскому виду (Alcedo bengalensis) чѣмъ къ нашему европейскому (A. ispida). Несмотря на многочисленность дикихъ гусей, только

что выведшихъ гусенятъ, добыть ихъ оказалось невозможнымъ, равно какъ крачекъ (Sterna leucoptera) и лысухъ (Fulica atra); стрѣлять же въ камышевокъ я считалъ грѣхомъ, такъ какъ все равно онѣ были-бы потеряны для насъ въ непроходимой чащѣ тростника. Три вида вороновъ,—собственно воронъ (Corvus corax), черная и сѣрая ворона (Corvus corone et cornix), также держались въ неприступныхъ тростникахъ. Киргизы принесли намъ еще одну наземную черепаху; это была Testudo Horsfieldi Gray., распространенная отъ Балхаша до Индіи. Какъ намъ говорили, она водится въ большомъ числѣ вблизи степныхъ озеръ, но къ сожалѣнію, полученный нами экземпляръ остался единственнымъ во всю нашу поѣздку. Онъ слѣдовалъ за нами то на верблюдѣ, то въ тарантасѣ, черезъ снѣжныя вершины Алтая до Барнаула, гдѣ возбудилъ немалое удивленіе, а затѣмъ отправился въ обратный путь, въ Европу, но уже въ спирту, сдѣлавшись жертвой научной ревности изслѣдователей.

Само собою разумѣется, подобное поверхностное знакомство съ западнымъ Ала-Кулемъ представляло для насъ мало поучительнаго и мы съ удовольствіемъ двинулись въ 9 часовъ далѣе. Благодаря, однако, образцовому предводительству Тамаръ-Бея, киргизскаго старосты и толмача подполковника, мы получили скоро совсѣмъ иное понятіе объ озерѣ. Слѣдуя въ юго-восточномъ направленіи, вдоль камышевой чащи западнаго берега, по сверкающей солончаковой степи, кое-гдѣ поросшей полынью и викою, Татаръ-бей вывелъ насъ два раза на пригорки, съ которыхъ открывался очаровательный видъ на озеро. Обширная водяная равнина живописно окаймлялась на сѣверо-востокѣ голубою цѣпью Тарбагатая, къ которой она, казалось, непосредственно примыкала. Но еще болѣе величественную картину представило намъ озеро къ 2 ч. пополудни, когда мы расположились лагеремъ у небольшой бухты на южномъ берегу озера. Здѣсь незамѣтно прошли для насъ два дня въ наблюденіяхъ и собираніи коллекцій. Мѣсто нашей стоянки представляло возвышенный холмъ, покрытый свѣжею зеленѣющею травою, что впрочемъ, при кратковременности степной флоры, могло и не стоять въ противорѣчіи съ киргизскимъ названіемъ холма „Акъ-Тюбе“, т. е. бѣлый. Берегъ озера здѣсь не былъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, плоскъ и покрытъ тростникомъ, но представлялъ отвѣсную песчаную стѣну, футовъ въ 20—30 вышины, которая при основаніи была мѣстами окаймлена полосою низменнаго берега или, подмытая водою, образовала обрывы. Съ этого нагорнаго берега, тянущагося на довольно боль-

шое пространство съ востока на западъ и постепенно спускающагося въ чащу тростниковъ, можно было обозрѣвать бо́льшую часть озера. Оно представляло продолговатую форму, простиралось преимущественно въ направленіи съ востока на западъ и въ сѣверо-западномъ концѣ его виднѣлась коса или островъ, носящій названіе Аралъ-Тюбе, т. е. островъ-холмъ, названіе часто встрѣчающееся на этихъ степныхъ озерахъ. По мнѣнію Шренка, этотъ Аралъ-Тюбе достигаетъ 120 футовъ высоты и состоитъ изъ роговика. Восточные и западные берега его теряются въ безконечныхъ тростникахъ; съ сѣвера озеро, повидимому, окаймлено непосредственно Тарбагатаемъ.

Въ южномъ направленіи отъ нашего лагеря, съ перваго взгляда сейчасъ за холмомъ, а въ дѣйствительности еще очень далеко отъ него (рѣдкій степный воздухъ значительно приближаетъ всѣ предметы), возвышались синеватыя горы, покрытыя еще бѣлыми, снѣговыми пятнами, вполнѣ оправдывающими названіе „Ала-Тау“, т. е. пестрыхъ горъ. За этой цѣпью виднѣлись сверкающіе, снѣговые пики такъ называемаго „Кукъ-Тау“, т. е. голубыхъ горъ, которыя впрочемъ составляютъ ничто иное какъ самую высокую цѣпь Ала-Тау, подъ каковымъ названіемъ туземцы иногда подразумѣваютъ всю горную систему вообще. Съ холма, на который взобрался графъ Вальдбургъ, во время своей ботанической экскурсіи, можно было видѣть на востокѣ пограничную китайскую цѣпь горъ Барлыкъ, высшая точка которыхъ, Акъ-Чеку, имѣетъ только 2800 ф. высоты, а далѣе за нею снѣговыя вершины Орхочукскихъ горъ, достигающія 14,000—16,000 ф. высоты и находящіяся уже въ предѣлахъ Китайской имперіи, гдѣ онѣ составляютъ восточное продолженіе Джунгарскаго Ала-Тау.

Ала-Куль, т. е. „пестрое озеро,“ или, можетъ быть, правильнѣе, какъ замѣчаетъ Гумбольдъ, „Алатау-гуль“, т. е. „озеро близь пестрыхъ горъ,“ находилось прежде, какъ то показываютъ еще Китайскія карты, въ связи съ Балхашемъ, а теперь образуетъ особую группу озеръ, изъ которыхъ намъ удалось познакомиться поближе, какъ уже сказано, только съ западнымъ, такъ какъ наступившія сумерки лишили насъ возможности видѣть большое, восточное озеро. Это послѣднее или собственно Ала-Куль, имѣетъ, по Шваненбаху, поверхность въ 36-ти географическихъ квадратныхъ миль, 55 верстъ въ длину и 40 вер. въ ширину. Главные притоки его, съ сѣвера, со стороны Тарбагатая, суть: рѣки Урджаръ, Шатынъ-Су и Емиль; съ востока, со стороны

Барлыкскихъ горъ—Тасты и Чурчутъ; съ юга—Чаманты, вытекающая изъ предгоріевъ Ала-Тау.

Западное, пестрое озеро или Сассыкъ-Куль, т. е. „вонючее озеро,“—названное такъ потому, что лѣтомъ его высыхающіе, заросшіе камышемъ берега, распространяютъ непріятный запахъ, —значительно меньше, и имѣетъ только 40 вер. въ длину и 15 въ ширину. Съ сѣвера, со стороны Тарбагатая, въ Сассыкъ-Куль впадаетъ уже упомянутая выше рѣка Караколъ; съ юга въ него вливается нѣсколькими рукавами Тентекъ, берущая начало на Ала-Тау. Обѣ эти рѣки не прямо достигаютъ озера, но теряются постепенно въ чащѣ окаймляющихъ берега камышей. Между восточнымъ и западнымъ Ала-Кулемъ лежитъ небольшое, едва достигающее двухъ верстъ длины, озеро Уяли или Уала, которое, смотря по временамъ года и уровню воды, соединяется бо́льшимъ или меньшимъ числомъ рукавовъ съ обѣими большими озерами. Несомнѣнно, что прежде всѣ эти три озера составляли одно цѣлое, но нельзя сказать, чтобы высыханіе озеръ продолжалось непрерывно, такъ какъ, по словамъ туземцевъ, въ послѣдніе годы замѣчается постепенное повышеніе уровня воды. Фактъ этотъ заслуживаетъ вниманія въ томъ отношеніи, что вообще въ степныхъ озерахъ замѣчается обыкновенно постепенное пониженіе уровня. Такъ напримѣръ, въ западной степи совершенно высохло одно озеро, занимавшее прежде 300 квадр. вер. пространства. Шренкъ, посѣтившій эту группу озеръ въ 1840—41 годахъ, даетъ подробное описаніе ихъ, которое, къ сожалѣнію, вслѣдствіе отсутствія карты, остается весьма непонятнымъ, и разъясняется только по сличеніи его съ превосходной работой Шпёрера въ географическомъ журналѣ Петермана.

Составленная Д-мъ Петерманомъ карта заключаетъ въ себѣ только два астрономически опредѣленные г. Голубевымъ пункта, на сѣверномъ и южномъ концѣ большого Ала-Куля. Но, если не ошибаюсь, съ того времени было сдѣлано много для болѣе точнаго опредѣленія положенія озеръ, и въ 1877 г., сюда была послана спеціальная экспедиція топографовъ, результаты которой, къ сожалѣнію, остались до сихъ поръ для меня недоступными. По кратковременности нашего пребыванія, мы почти ничего не могли прибавить къ имѣющимся уже свѣденіямъ и должны были удовольствоваться кой какими зоологическими наблюденіями. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что мы ничего не слыхали о существованіи „озера Кылы“, которое, судя по картамъ Штилера и Петермана, должно находиться между Сассыкъ-Ку-

лёмъ и Балхашемъ, а также, что по тщательно наведеннымъ справкамъ, показанное на упомянутыхъ картахъ соединеніе озера Уяли съ Сассыкъ Кулемъ—не существуетъ. Я долженъ еще прибавить, что вода въ Сассыкъ-Кулѣ не прѣсная, какъ говорится въ статьѣ Шпёрера, а положительно солёная. Что касается противорѣчивыхъ извѣстій относительно высоты уровня Ала-Куля, которая, по словамъ Голубева, равняется 1210 ф., а по Семенову только 640, то небезъинтереснымъ будетъ сообщить, что графъ Вальдбургъ-Цейль опредѣлилъ мѣсто нашей первой стоянки (Кутье-Малды) у Сассыкъ-Куля въ 330 метр. высоты, второе, Акъ-Тюбе (Беръ-Джарзуатъ на русскихъ картахъ)—въ 340 метр.,—Уджаралъ въ 340 метр. и стоянку Джангисъ-Агачъ въ 320 метровъ.

Ала-Куль замерзаетъ въ ноябрѣ и вскрывается въ апрѣлѣ. На берегахъ его часто зимуютъ въ большомъ числѣ Киргизы Средней Орды. Въ чащѣ камышей намъ неоднократно попадались ихъ шалаши и запасы срубленнаго камыша, который зимою служитъ имъ топливомъ. Прилегающая къ Ала-Кулю степь рѣдко бываетъ покрыта снѣгомъ, такъ какъ дующій здѣсь обыкновенно съ августа до апрѣля восточный вѣтеръ не даетъ скопляться заносамъ. Этотъ восточный вѣтеръ, называемый „Інбе, или Іубэ“, врывается иногда съ силою урагана черезъ узкую долину, отдѣляющую восточный конецъ Ала-Тау (Кукъ-Тау) отъ Барлыкскихъ горъ, и причиняетъ большой вредъ стадамъ и караванамъ. Суевѣрные туземцы приписываютъ ему происхожденіе изъ чудесной, баснословной пещеры Уибэ, подробности о которой можно найти у Шренка.

Нашъ лагерь былъ расположенъ, какъ сказано, вдоль южнаго берега, у отлогаго и почти лишеннаго всякой растительности, холма, который графъ Вальдбургъ-Цейль посѣтилъ во время своей ботанической экскурсіи. Съ вершины этого холма графъ не видѣлъ ничего кромѣ чащи тростниковъ, и даже не могъ отличить вершины Ала-Куля, лежащаго на югѣ. Горная порода холма состояла изъ порфироваго туфа.

Дорога къ мѣсту слѣдующей остановки у Акъ-Тюбе вела низкимъ берегомъ, кое гдѣ поросшимъ камышемъ, въ чащѣ котораго пернатое царство оказалось болѣе богатымъ, чѣмъ оно представлялось намъ ранѣе. Около мелкихъ лужъ и заливовъ бѣгами шилоклювки (Recurvirostra avocetta), акатки (Himantopus rufipes), кулики (Totanus calidris) и пиголицы (Vanellus cristatus). Далѣе виднѣлись черныя лысухи (Fulica atra), много-

численныя стаи утокъ и крикливыхъ чаекъ, между которыми кромѣ обыкновенной Larus ridibundus особенно обращалъ на себя вниманіе рыболовъ (Larus ichtyaetus). Въ виду такого изобилія дичи, едва успѣли мы расположиться лагеремъ, какъ Д-ръ Бремъ, недомогавшій съ самаго Омска, немедленно возгорѣлъ охотничьей страстью. Черезъ нѣсколько часовъ онъ вернулся однако измученный, успѣвъ добыть только пару чаекъ, одну акатку и одного гуся. На слѣдующій день ему впрочемъ удалось подцѣпить журавля, (Grus cinerea) котораго мы употребили на изготовленіе бульона, конечно неотличавшагося особеннымъ вкусомъ, но представлявшаго все таки нѣкоторыя преимущества передъ надоѣвшимъ намъ Либиховскимъ мяснымъ экстрактомъ. Охота въ этихъ тростниковыхъ чащахъ оказалась весьма затруднительною, такъ какъ маленькія птички терялись въ камышахъ, а большія были очень осторожны. Несмотря на изобиліе всякой дичи, шестерымъ охотникамъ удалось убить только двухъ гусей и одну утку (Fuligula nyroca). Дикіе гуси были съ гусенятами, къ которымъ гусыни питали замѣчательную привязанность; благодаря послѣдней двѣ изъ нихъ и сдѣлались нашей добычей. Впрочемъ, къ пасущимся въ открытой степи дикимъ гусямъ такъ-же трудно приблизиться какъ и къ журавлямъ. Вообще, это большое красивое озеро обмануло наши ожиданія относительно богатства видовъ и особей пернатыхъ и не могло даже выдержать сравненія съ тѣмъ, напримѣръ, что мнѣ пришлось видѣть въ Венгріи и на нижнемъ Дунаѣ. Изъ утокъ, здѣсь можно было замѣтить, кромѣ Anas boschas, strepera, acuta и crecca, еще Anas tadorna и rutila, а также красивую Anas rufina. По временамъ пролетали также небольшія стаи баклановъ (Graculus carbo?), бѣлыхъ цапель (Ardea egretta) и лебедей (Cygnus spec?). Около юртъ съ обычною смѣлостью вились черные коршуны (Milvus govinda, Syk.) и вороны, похожіе на нашихъ Corvus corone, но крылья которыхъ блестѣли на солнцѣ яркобурымъ отливомъ. Изъ мелкихъ птицъ чаще другихъ встрѣчались трясогуски, не только черноголовыя и сѣрыя, но и обыкновенныя бѣлыя (Motacilla alba) и даже горныя (M. boarula). Попадались также жаворонки, преимущественно нашъ полевой и короткопалый, чернаго же не было видно совершенно и мы встрѣтили его снова только по ту сторону Зайсанъ-Нора. Въ тростникѣ раздавалось пѣніе камышевокъ разныхъ видовъ, изъ которыхъ я могъ явственно различить только одну (Calamoherpe locustella); кромѣ того можно было еще примѣтить чернозобаго чеккана (Pratincola rubicola), а Д-ръ Брэмъ увѣрялъ, что видѣлъ

и домашняго воробья. Въ покинутыхъ тростниковыхъ шалашахъ Киргизовъ, я нашелъ гнѣзда деревенской ласточки (Hirundo rustica); графъ Вальдбургъ-Цейль досталъ въ степи горлицу (Turtur meena), а д-ръ Брэмъ убилъ краснозобаго дрозда (Turdus ruficollis). Пріятное явленіе представилъ намъ замѣченный еще наканунѣ розовый скворецъ (Pastor roseus); птицы однако исчезали такъ-же быстро, какъ и появлялись. Нерѣдко около юртъ показывались овсянки (Emberiza hortulana), а отвѣсный берегъ озера служилъ мѣстопребываніемъ многочисленной колоніи стрижей (Cotyle riparia), уже заботливо выводившихъ птенцовъ, между тѣмъ какъ, 8 недѣль спустя, черезъ 15 градусовъ сѣверной широты, на Оби, мы встрѣтили ихъ еще едва начинающими вить гнѣзда. Изъ млекопитающихъ мы не видали ни одного, хотя по измятому камышу и можно было заключить, что здѣсь, какъ и вообще по берегамъ степныхъ озеръ, водится много кабановъ, питающихся преимущественно корнями тростника (Arundo calamagrostis Siev), которые, по словамъ Сиверса, служатъ также лакомствомъ для киргизскихъ и калмыцкихъ дѣтей. При случаѣ кабаны могутъ здѣсь однако встрѣчаться съ опаснымъ врагомъ—тигромъ (по киргизски „джульбарсъ“), область распространенія котораго простирается до озеръ Балхаша и Ала-Куля, хотя онъ и не можетъ считаться постояннымъ обитателемъ этихъ мѣстностей. Шренкъ, Аткинсонъ и Влангали встрѣчали впрочемъ его слѣды и слышали, что онъ водится въ чащѣ тростниковъ. Напротивъ того, далѣе къ сѣверу, наприм. въ Алтаѣ, тигръ забѣгаетъ только случайно. Характеристичнымъ животнымъ этой озерной области служитъ еще дикобразъ. О нахожденіи здѣсь кулановъ мы не могли узнать ничего положительнаго.

Интересно было смотрѣть на игры и возню ящерицъ. Кромѣ обыкновенной, встрѣчающейся у насъ Lacerta agilis, — о распространеніи которой такъ далеко на востокъ, повидимому, до сихъ поръ не было еще извѣстно (Брэмъ по крайней мѣрѣ говоритъ въ своей „Жизни животныхъ“, что она водится только до Кавказа), но которая, тѣмъ не менѣе, встрѣчается тутъ въ весьма красивыхъ варіэтетахъ,—мы встрѣтили еще два новыхъ для насъ вида. Одна была большая, свѣтло-коричневая съ темными пятнами и удлиненной заостренной головкой (Eremias variabilis Pall.); другая—поменьше, съ широкимъ приплюснутымъ туловищемъ и короткою круглою головою (Phrynocephalus helioscopus Pall.); цвѣтъ этого послѣдняго вида былъ буроватый съ красивыми блѣдно-голубыми и розовыми пятнами. Эти ящерицы, характеристич-

ныя для южной степной полосы и распространенныя во многихъ видахъ до Монголіи и Китая, были чрезвычайно многочисленны. Убѣжищемъ имъ служатъ, повидимому, ямки, вырытыя ими самими или по крайней мѣрѣ расширенныя, подъ которыми возвышаются маленькія земляныя кучки, какъ подъ норами кротовъ. По словамъ Мейера, подземные ходы этихъ ящерицъ достигаютъ часто 6—8 футовъ длины и ведутъ всегда въ маленькую, дюйма два вышиною, камеру, выложенную сухою травою. При малѣйшей тревогѣ ящерицы скоро и ловко прячутся въ свои норки. Я предложилъ киргизамъ значительное вознагражденіе за поимку нѣсколькихъ экземпляровъ, и смуглые сыны степей немедленно взялись за трудъ, требующій впрочемъ только времени и терпѣнія. Сидя неподвижно, какъ сарычи у мышиной норы, они караулили ящерицу, держа наготовѣ мѣховую шапку, и какъ только ящерица выходила погрѣться на солнцѣ, они накрывали ее шапкой. Какъ почти всѣ необразованные люди, Киргизы считаютъ этихъ безвредныхъ созданій ядовитыми и опасными,—новое доказательство того, что показаніями туземцевъ слѣдуетъ всегда пользоваться съ осторожностію. Ящерицы питаются преимущественно жуками, между которыми чаще всего попадаются здѣсь доркадіи (Abamukovi Thoms., politum Dalm.) Вокругъ входовъ въ норки можно видѣть множество шариковъ, состоявшихъ изъ ножекъ и роговыхъ надкрылій жуковъ.

Благодаря предусмотрительности подполковника, распорядившагося доставить сюда челнокъ, и захваченнымъ мною изъ Бремена винтамъ, съ помощію которыхъ можно было кое-какъ починить растрескавшуюся лодку, — явилась возможность удѣлить немного вниманія и рыбамъ этого озера. Закидывая съ лодки неводъ, мы добыли много экземпляровъ новыхъ для насъ видовъ. Чаще всего попадался окунь (Perca Schrenki, Kessl) длинною около фута и болѣе, и такъ называемая казаками „маринка“ Schizothorax orientalis Kessl.,—видъ впервые открытый Хюгелемъ въ Кашмирѣ и принадлежащій къ семейству карповыхъ;—затѣмъ еще два вида рода диплофизовъ, одинъ изъ коихъ носитъ мѣстное названіе „нестрякъ“.

Окуней казаки и киргизы ѣдятъ охотно, но маринку, какъ мнимо ядовитую, откидываютъ въ сторону. Тѣмъ не менѣе мы велѣли сварить нѣсколько большихъ, фута въ два длиною, маринокъ и съ удовольствіемъ скушали ихъ, не испытавъ никакихъ дурныхъ отъ того послѣдствій.

Мы впрочемъ не ѣли икры, которая, такъ-же какъ икра нѣко-

торыхъ другихъ рыбъ, напр. нашего чебака (Barbus fluviatilis) дѣйствительно можетъ дѣйствовать ядовито на нѣкоторыхъ лицъ, что здѣсь извѣстно всѣмъ и о чемъ упоминаетъ уже Влангали. Пржевальскій и его спутники разъ серьезно заболѣли, поѣвъ икры родственнаго вида (Schizopigopsis nov. sp.) изъ Кукунора. Мясо же различныхъ видовъ маринокъ безвредно употребляется въ пищу во всей Средней Азіи, и напр. въ Коналѣ пудъ его продается по 80 к.

При отсутствіи до сихъ поръ полнаго каталога водящихся въ Ала-Кулѣ рыбъ, мы должны были довольствоваться увѣреніемъ Киргизовъ,—не занимающихся здѣсь впрочемъ постоянно рыболовствомъ,—что въ озерѣ попадаются только четыре, названные выше, вида. Вообще, бѣдность этихъ степныхъ озеръ видами поразительна, но тѣмъ интереснѣе подробности распространенія послѣднихъ. Такъ, по точнымъ изслѣдованіямъ профессора Кесслера, Каспійское море, самое громадное изъ помянутыхъ озеръ, заключаетъ только 60 видовъ рыбъ и между ними не менѣе 14 видовъ гольцовъ (Gobius); Аральское озеро имѣетъ уже только 20 видовъ, которые всѣ безъ исключенія принадлежатъ къ Европейскимъ родамъ и большею частью водятся и въ Европѣ. Ни одинъ изъ этихъ видовъ не встрѣчается въ Балхашскомъ озерѣ, несмотря на то, что послѣднее должно было нѣкогда быть въ соединеніи съ Аральскимъ моремъ. Напротивъ того, тѣ немногіе виды, которые водятся въ Сассыкъ—и Ала-кулѣ, совершенно тождественны съ водящимися въ Балхашѣ, что уже служитъ явнымъ доказательствомъ бывшаго соединенія между двумя озерами. Такъ напримѣръ, я получилъ Diplophysa labiata изъ Балхаша и изъ рѣки Кара-Булакъ, впадающей въ Ала-Куль близъ Урджара. Замѣчательно при этомъ, что одинъ и тотъ же видъ водится и въ прѣсной и въ соленой водѣ: выше названная D. labiata и въ Балхашѣ, а вѣроятно также и въ Сассыкъ-Кулѣ. Маринка поднимается также далеко вверхъ по рѣкѣ до самыхъ горъ, и Влангали упоминаетъ, что она встрѣчается въ Балыклы, притокѣ Каратала. Наиболѣе поразительное явленіе представляютъ однако оригинальные встрѣчающіеся въ Сыръ—и Аму-Дарьѣ представители одного рода осетровыхъ, Scaphirhynchus,—во первыхъ потому, что они не водятся въ Аральскомъ морѣ, а во вторыхъ потому, что кромѣ этихъ двухъ Азіатскихъ видовъ, извѣстенъ вообще еще только одинъ, третій, водящійся въ Миссисипи! Единственную подходящую аналогію представляетъ родъ Polyodon, который до послѣдняго времени былъ извѣстенъ только въ одномъ

видѣ (folium), водящемся также въ Миссисипии, покуда недавно не открыли другаго (gladius, Martens) въ Янъ-тсе-кіангѣ.

Живыхъ моллюсковъ намъ не пришлось добыть, но на берегу въ пескѣ мы нашли выцвѣтшія раковины 7 видовъ прѣсноводныхъ моллюсковъ (Limnaea, Planorbis, Bithyna, Valvata), которыхъ позже на Оби мы получили живыми,—да еще одинъ рѣдкій, только въ Тянь-Шанѣ найденный видъ наземныхъ слизняковъ (Helix Semenovi, Mart.) За исключеніемъ немногихъ видовъ, жуковъ не было видно почти совсѣмъ, несмотря на довольно высокую температуру (утромъ въ 10 ч. 21° по Реомюру, вечеромъ въ тѣни 20°). Я забылъ, впрочемъ, о докучливыхъ комарахъ (Culex spec?), которые кусались весьма чувствительно и доказали намъ съ перваго же раза всю безполезность анисоваго масла какъ специфическаго противъ нихъ средства. Недалеко отъ нашей стоянки находились многочисленныя, заброшенныя могилы Киргизовъ (по Кирг. уба или аба),—цѣлое кладбище, доказывавшее, что эта мѣстность было любимымъ мѣстопребываніемъ Киргизовъ. При постоянномъ наблюденіи со стороны туземцевъ и въ виду массы покрывавшихъ могилы камней, для насъ было однако невозможнымъ, ни тогда, ни впослѣдствіи заняться собираніемъ антропологическаго матерьяла. Удодъ, весьма почитаемый, какъ извѣстно всѣми Магомстанами, въ качествѣ вѣстника Царя Соломона, и упоминаемый даже въ 27 сурѣ Корана, попадался намъ часто вблизи этихъ могилъ; онъ оказался однако вовсе не настолько ручнымъ, чтобы его можно было брать руками, какъ это утверждаетъ Шпёреръ.

Время пролетѣло очень быстро и какъ ни охотно остались бы мы подольше въ этой интересной мѣстности, необходимость побуждала насъ ѣхать далѣе. 11 Мая около 4 ч. послѣ обѣда мы снова тронулись въ путь. Несмотря на то, что утромъ было довольно прохладно, день оказался очень жаркимъ: уже въ 6 ч. 15 м. утра термометръ Реомюра показывалъ 14°, а когда часамъ къ 6-ти вечера мы пріѣхали къ Зайканскимъ горамъ, небо заволоклось тяжелыми грозовыми облаками. Зайканскія горы образуютъ западные отроги крайнихъ, граничащихъ съ степью, предгорій Ала-Тау, которыя тянутся почти непрерывною цѣпью съ юга на сѣверо-западъ, но отдѣльные гребни которыхъ носятъ различныя названія. Такъ, идя отъ запада къ югу, къ Зайканскимъ горамъ примыкаютъ Текели, Токъ-жаліу,—Джабикъ,—Акчауникъ—Кунчуй и Белкайнскія горы, которыя почти сходятся съ сѣверовосточнымъ отрогомъ Ала-Тау,—цѣпью Токты. Небольшое ущелье раз-

дѣлятъ Зайканскія горы на восточную, болѣе высокую цѣпь, Улкунъ-Зайканъ, и западную, болѣе низкую, которая носитъ названье Бала-Зайкана.

Послѣ однообразія степи съ ея неизбѣжными полынью, омелой и бѣлыми солончаками, мѣстность показалась намъ весьма привлекательною. Передъ нами возвышались красивыя, покрытыя зеленью горы, вершины которыхъ выказывали составлявшую ихъ красную горную породу. Не успѣли мы еще подъѣхать къ юртамъ, какъ насъ встрѣтили нѣсколько знатныхъ Киргизовъ, которые, какъ водится, сошли еще на нѣкоторомъ разстояніи съ лошадей и съ открытой головой шли подать намъ руку. Какъ мы узнали позже, вѣжливость требовала, чтобы и гости, если они пріѣхали верхами, также слѣзали бы съ лошадей и шли бы нѣкоторое разстояніе пѣшкомъ. Между собой Киргизы поступаютъ такимъ же образомъ, причемъ они взаимно касаются другъ друга ладонями отвѣсно поднятыхъ рукъ.

Здѣсь произошла перемѣна лошадей, которыя оказались настоящими степными и потому прошло немало времени, пока наконецъ, съ помощью нѣсколькихъ человѣкъ, удалось запречь ихъ. Но едва успѣли это сдѣлать и Д-ръ Брэмъ сѣлъ въ коляску, какъ онѣ понесли, къ счастію не причинивъ никакого вреда, такъ какъ дорога вела въ гору и скоро ихъ утомила. Болѣе или менѣе рѣзкое удареніе на словѣ „держи, держись“ предваряло сидящихъ о болѣе или менѣе вѣроятной возможности быть опрокинутыми. Далѣе дорога сдѣлалась неровною, экипажъ безпрестанно приходилъ въ такое наклонное положеніе, что грозилъ паденіемъ, несмотря на то, что казаки, ѣхавшіе верхомъ, старались удержать его равновѣсіе помощію каната. Переѣхавъ при наступившей уже темнотѣ рѣчку Джинджили, мы достигли около полуночи аула Уванасъ, гдѣ насъ ожидалъ лакомый киргизскій ужинъ, состоявшій изъ горячаго и очень жирнаго рисоваго пилава съ мелко накрошенными кусочками конченой баранины, изюмомъ и сушеными абрикосами. Онъ былъ приготовленъ въ сосѣдней юртѣ киргизскими дамами, которымъ, къ сожалѣнію, мы не имѣли возможности выразить свою благодарность, такъ какъ красавицы не показывались. Напитками служили, само собою разумѣется, кумысъ и верблюжье молоко, которые мнѣ показались не особенно вкусными. Топленое сало бараньихъ курдюковъ служило отличнымъ матеріаломъ для освѣщенія. Ночью сдѣлалось довольно холодно, а утромъ, 12 мая, мы неожиданно увидали опять зимній ландшафтъ. По крайней мѣрѣ окаймляющіе зеленую

равнину, красные, каменные пригорки одѣлись снѣговымъ покровомъ, который сверкалъ еще ярче на видпѣвшейся за этими холмами болѣе высокой цѣпи. Не менѣе живописною, чѣмъ этотъ ландшафтъ, была и сама равнина съ многочисленными стадами пасущагося около юртъ рогатаго скота. На всемъ пути своемъ мы не встрѣтили аула, который бы могъ сравниться съ этимъ по величинѣ стадъ. Къ прекрасной зеленой равнинѣ примыкалъ съ запада цѣлый рядъ высокихъ холмовъ изъ наноснаго песка (по киргизски—барханы), обозначавшихъ вѣроятно правый берегъ рѣки Джинжили. Не было также недостатка въ болотахъ и лужахъ. Въ нихъ плавали разныя породы утокъ, а высоко въ воздухѣ слышалось характеристичное блеянье бекасовъ (Gallinago scolopacina).

Дальнѣйшій путь велъ непрерывными ущельями, между зеленѣющими или голыми холмами, на которые намъ приходилось нерѣдко подниматься, что было далеко небезопасно для экипажей и неоднократно вызывало крики „держи! держи!“ Главныя цѣпи этихъ многочисленныхъ, тянущихся съ востока на западъ горъ, которыя слѣдуетъ считать предгоріями Ала-Тау, называются Чибинди и Каркаралы; послѣднія, по измѣреніямъ графа Вальдбурга, съ помощью анероида, достигаютъ 500 метровъ высоты. На пути намъ пришлось увидѣть Джинжили, незначительную горную рѣчку, которая поразила насъ своими крутыми, яркокрасными берегами, состоящими изъ фарфоровой глины. Послѣдняя весьма годилась бы для изготовленія изящной горшечной посуды, но киргизы пользуются ею только для окраски полокъ своихъ юртъ.

Несмотря на суровую погоду и снѣгъ, эти горы, благодаря разнообразію ихъ флоры, представляли весьма пріятныя картины. Въ особенности роскошно выглядывали, находившіеся въ полномъ цвѣту, піоны, которые издали казались какими то блестящими алыми пятнами, разсыпанными по склону горъ. Съ ними нельзя было и сравнивать растенія столь часто восхваляемой флоры степи. Начиная съ Сергіополя мы встрѣчали цвѣтущіе степные тюльпаны, но нигдѣ, ни прежде ни послѣ, намъ не пришлось видѣть того „безконечно-далекаго пространства, чарующаго глазъ множествомъ желтыхъ, пунцовыхъ и бѣлыхъ цвѣтовъ“, какъ его способна рисовать пылкая фантазія. Въ дѣйствительности, степная флора сильно обманываетъ ожиданіе, какъ относительно общаго вида, такъ и относительно красоты отдѣльныхъ видовъ; степной тюльпанъ вовсе не особенно видный цвѣ-

токъ: стебель его имѣетъ отъ 2 до 6 дюймовъ въ вышину, а самъ цвѣтокъ не болѣе дюйма въ діаметрѣ. Цвѣтъ его всегда желтый, по крайней мѣрѣ мнѣ попадались исключительно такіе, въ чемъ я могу сослаться также на графа Вальдбургъ-Цейля, который, какъ весьма свѣдующій ботаникъ, обращалъ особенное вниманіе на эту отрасль естественной исторіи. Рядомъ съ піонами въ образованіи цвѣточнаго покрова принимали наибольшее участіе мечеобразныя лиліи, съ желтыми и голубовато фіолетовыми цвѣтами. Въ то время, когда мы проѣзжали эту часть степи, въ цвѣту были только одни луковичныя растенія. Луковицы одного изъ нихъ, Gagea pusilla („Кандыкъ“, какъ его называютъ здѣшніе Русскіе), употребляются въ пищу и оказываются очень вкусными.

Многочисленные представители зонтичныхъ растеній,—быть можетъ предки многихъ изъ воздѣлываемыхъ въ нашихъ огородахъ овощей,—отличались роскошными сочными зелеными листьями, которые однако скоро засыхаютъ отъ сильнаго зноя здѣшняго лѣта. Въ болѣе сырыхъ мѣстахъ виднѣлись еще цвѣты лютиковыхъ.

Часамъ къ 4 послѣ обѣда я и подполковникъ Фридериксъ достигли верхомъ вершины послѣдняго хребта (1180 метр. высоты) и передъ нами развернулся великолѣпный, ни съ чѣмъ несравнимый видъ котловины Чубаръ-агача, съ Лепсой и Ала-Тау. Ландшафта, подобнаго этому по красотѣ, намъ еще до сихъ поръ не приходилось видѣть.

ГЛАВА V.

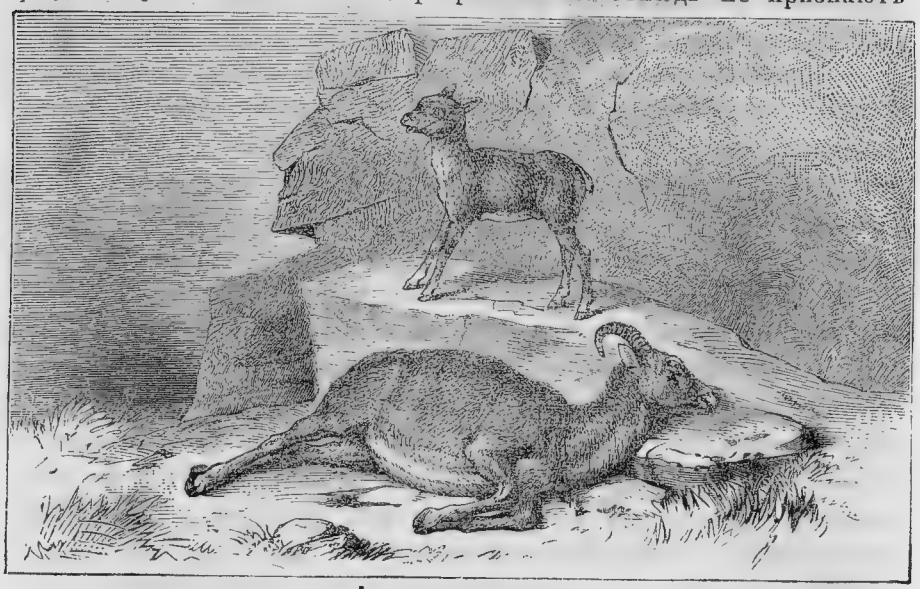
КИРГИЗЫ.

Прежняя небезопасность пути.—Происхожденіе и невѣрность названія „Киргизъ“.—Кассакъ.—Настоящіе или Кара-Киргизы.—Буруты.—Первое впечатлѣніе.—Происхожденіе.—Физіономія.—Расовые признаки.—Ростъ и сложеніе.—Языкъ.—Исторія.—Извѣстія Палласа.—Чингизъ-ханъ.—Бату-ханъ.—Кучумъ-ханъ.—Періодъ ихъ цвѣтущаго состоянія.—Калмыцкое царство.—Линія Иртыша.—Крѣпость.—Покореніе Малой и Средней орды.—Малая орда переселяется на Волгу.—Внутренняя или Букеевская орда.—Новая линія.—Батыри.—Подчиненіе Большой орды.—Русскіе завоеванія въ Центральной Азіи—Киргизскія возстанія.—Малая храбрость.—Барантa.—Три орды и ихъ области.—Общее число Киргизовъ.—Пространство ихъ владѣній.—Разныя сословія.—Роды.—Административное дѣленіе.—Судопроизводство теперь и прежде.—Правительственныя власти.—Подати.—Свойства характера.—Гостепріимство.—Вѣрованія.—Гаданія.—Киргизскія школы.—Начала земледѣлія.—Стада.—Киргизскія лошади.—Овцы.—Переселенія.—Зимнія квартиры.—Богатство скота.—Жизнь номадовъ.—Молочное хозяйство.—Кумысъ.—Пища.—Умѣренность, чистота и грязь.—Куреньe.—Состояніе здоровья.—Охота.—Ремесла.—Женскія работы.—Костюмъ.—Мѣновой торгъ.—Жилища.—Юрты и кошы.—Многоженство, свадьбы и похороны.—Пѣніе и стихотворство.—Любопытство.—Быстрое распространеніе вѣстей въ степи.—Гиппоманія и астрономія.—Сказки и краснорѣчіе.

„Мы безъ сожалѣнія оставили народъ, у котораго грабежъ, убійство и раззореніе совершаются безнаказанно“,—вотъ нелестныя слова, которыми извѣстный путешественникъ Аткинсонъ заканчиваетъ свое описаніе Киргизовъ, и которыя, на основаніи нашего личнаго опыта, мы должны признать столь же рѣзкими, сколько и несправедливыми. Что касается насъ, то мы встрѣтили у этихъ сыновъ степи полнѣйшую предупредительность и гостепріимность, хотя, конечно, намъ пришлось провести съ ними едва ли столько мѣсяцевъ сколько Аткинсону лѣтъ, и мы посѣтили ихъ 3 десятилѣтіями позже, что составляетъ также немалую разницу. Аткинсону приходилось не разъ подвергаться опасности разбойническихъ нападеній и даже буквально защищать свою жизнь съ оружіемъ въ рукахъ; поэтому его нельзя осуждать за такой невыгодный для репутаціи народа отзывъ. Въ справедливости этого отзыва убѣждаютъ насъ свидѣтельства всѣхъ другихъ путешественниковъ прежняго времени. Такъ Гмелинъ разсказываетъ,

что въ 1734 году г. Семипалатинскъ, несмотря на свои укрѣпленія, былъ объятъ паническимъ страхомъ передъ ожидаемымъ нападеніемъ Киргизовъ. Въ 1769 году Палласъ не рѣшался по наступленіи сумерокъ имѣть сношеніе съ сосѣднимъ ауломъ. Конечно, это было назадъ тому сто лѣтъ, но и позднѣе путешествіе по степи считалось далеко небезопаснымъ. Въ 1826 году, въ Аркатскихъ горахъ, гдѣ мы встрѣтили такой радушный пріемъ, Мейеръ подвергся разбойническому нападенію, а экспедиція Гельмерсена въ 1834 г. вынуждена была постоянно принимать мѣры предосторожности, а на ночь окружать свой лагерь вагенбургомъ; даже лошадей нельзя было оставлять пастись безъ достаточнаго прикрытія. Въ 1842 году Шренкъ путешествовалъ съ конвоемъ изъ 20 казаковъ, а экспедиціи Влангали, кромѣ казацкаго конвоя, былъ данъ еще отрядъ легкой конной артиллеріи. Если и съ этого времени прошло уже болѣе пятнадцати лѣтъ, и обстоятельства заставили Киргизовъ значительно исправиться, то все же нельзя не признать, что они не даромъ получили свое прозвище. Слово „Киргизъ“—именно однородно съ турецкимъ „Кирзисъ“ и значитъ „разбойникъ“. Неудивительно, поэтому, что народъ считаетъ это прозвище браннымъ словомъ; сами себя они называютъ „Кассакъ“ (Хазакъ) и вѣроятно одинаково недовольны и прилагаемымъ имъ также названіемъ „Киргизъ-Кайсакъ“. Впрочемъ, какъ я не готовъ отречься отъ приложенія къ этому народу оскорбительнаго для него названія, все же, думается мнѣ, будетъ безполезнымъ возстановлять здѣсь имъ настоящее имя, хотя это и было бы желательно даже съ научной точки зрѣнія. Настоящіе „Киргизы“, къ которымъ единственно относится это названіе, хотя и родственны первымъ, но составляютъ все таки особое племя, съ которымъ намъ не пришлось встрѣтиться во время нашего путешествія. По изслѣдованіямъ Клапрота, они жили въ V вѣкѣ на Енисеѣ и въ Саянскихъ горахъ, откуда въ X вѣкѣ были вытѣснены Хакасами на сѣверъ, причемъ часть ихъ бѣжала къ западу,—и поселились въ Тянь-Шанѣ. Послѣдніе и есть теперешніе Киргизы, какъ они сами себя называютъ, или „дико-каменные“ (т. е. дикіе Киргизы, живущіе въ горахъ), какъ ихъ называютъ русскіе, Кара или черные Киргизы Кассаковъ и Буруты Калмыковъ и Китайцевъ. Они говорятъ чисто турецкимъ нарѣчіемъ, весьма похожимъ на Алтайское, но во многомъ разнящимся отъ Кассакскаго языка. Своимъ типомъ и бытомъ они немногимъ отличаются, по Радлову, отъ своихъ сѣверныхъ сосѣдей, Кассаковъ, но ихъ еще менѣе коснулась культура и ихъ можно считать еще

менѣе усердными послѣдователями Магомета. Ихъ характеръ дикъ и необузданъ. Они воинственны—и не далѣе какъ лѣтъ 15 тому назадъ наводили ужасъ своими разбоями по большимъ дорогамъ. Но теперь, благодаря принятымъ со стороны Россіи мѣрамъ предосторожности, караваны безопасно проходятъ изъ Вѣрнаго въ Кашгаръ. Главный промыселъ ихъ, какъ кочевниковъ, состоитъ въ скотоводствѣ, причемъ кража скота служитъ немалымъ подспорьемъ. Значительная доля ихъ стадъ состоитъ изъ яковъ, что уже указываетъ на характеръ ихъ мѣста жительства—въ горахъ. У нихъ не существуетъ родовой аристократіи, какъ у Кассаковъ, которые, точно такъ-же какъ и прочіе ихъ сосѣди (Сарты, Уйгуры), смотрятъ на нихъ съ презрѣніемъ и отнюдь не признаютъ



Аркаръ самка
съ ягненкомъ.

за своихъ соплеменниковъ. Область, занимаемая Киргизами, простирается на сѣверъ до сѣвернаго склона За-Илійскаго Ала-Тау или Александровскаго хребта; на западѣ она доходитъ до верховьевъ Амуръ-Дарьи, на югѣ до Куэнъ-Луня, слѣд. включая окрестности Яркенда и даже Хотина, на востокѣ по Тянь-Шану до меридіана Кульджи. Венюковъ опредѣляетъ все число Киргизовъ въ 850,000, изъ коихъ около 169,000 состоятъ въ русскомъ подданствѣ; Риттихъ насчитываетъ только 324,000, а Ленгенфельдъ 250,000.

Этотъ краткій обзоръ можетъ быть достаточнымъ, но по-моему онъ былъ необходимъ для того, чтобы дать понятіе о на-

стоящихъ Киргизахъ и Кассакахъ. Что касается послѣднихъ, то намъ пришлось быть съ ними въ ежедневныхъ сношеніяхъ почти впродолженіи 6 недѣль. Мы видѣли ихъ стада, аулы, жили въ ихъ богато-убранныхъ, спеціально приготовленныхъ для насъ юртахъ, ѣздили на ихъ лошадяхъ, нерѣдко въ сопровожденіи многочисленной свиты, пользовались ихъ гостепріимствомъ, присутствовали на ихъ скачкахъ и другихъ праздничныхъ играхъ и т. д., но все же это не шло далѣе поверхностнаго знакомства и о болѣе подробномъ изученіи племени не могло быть и рѣчи, какъ по кратковременности нашего пребыванія, такъ и по незнанію языка. Тѣмъ не менѣе намъ удалось сдѣлать нѣкоторыя наблюденія и собрать кое-какія свѣдѣнія, которыя хотя и не въ состояніи, можетъ быть, дать ничего новаго, но могутъ все-таки пригодиться для полноты картины и характеристики страны. Сопоставленіе этихъ свѣдѣній я думаю представить въ настоящей главѣ, послѣ того, какъ въ описаніи нашего путешествія мы достигли центра киргизской территоріи.

При описаніи первой нашей встрѣчи съ Киргизами (я продолжаю пользоваться этимъ неправильнымъ названіемъ), было уже замѣчено, что наружность ихъ выказываетъ „монгольское происхожденіе“. Но такой выводъ оказывается справедливымъ только при сравненіи ихъ съ Татарами или въ приложеніи къ отдѣльнымъ особямъ; чѣмъ болѣе же приходится видѣть представителей племени, тѣмъ оказывается болѣе труднымъ дать опредѣленную характеристику типа. Я поэтому вполнѣ согласенъ съ лучшимъ знатокомъ этого племени проф. Радловымъ, который характеризуетъ его такими словами: „Относительно происхожденія Киргизовъ трудно сказать что нибудь положительное. Какъ уже показываетъ сравненіе физіономій, они представляютъ смѣсь самыхъ разнороднѣйшихъ элементовъ, изъ коихъ преобладающимъ является турецкій; Найманскій родъ, повидимому, монгольскаго происхожденія“.—Во всякомъ случаѣ нѣкоторые, преимущественно знатные Киргизы, „Бѣлой Кости,“ —какъ наприм. султанъ Абинъ-Даиръ, о которомъ будетъ сказано далѣе, выказываютъ положительно монгольскій типъ, хоть это и не составляетъ исключительной особенности дворянскихъ родовъ. Превосходная серія фотографическихъ портретовъ, снятыхъ для меня супругою генералъ-губернатора Полторацкаго, даетъ наглядное понятіе о разнообразіи Киргизскихъ физіономій. Вообще можно сказать, что довольно сильно выдающіяся скулы, нѣсколько скошенные глаза, которые отъ нависшихъ вѣкъ кажутся

узкими, и слегка приплюснутый, широкій носъ и большой ротъ, съ особенно развитою толстою нижнею губою,—могутъ считаться характеристичными признаками расы. Но, какъ уже сказано, встрѣчается множество послѣдовательныхъ степеней и переходовъ. Нерѣдко попадаются особи съ орлинымъ, кривымъ носомъ, придающимъ имъ большое сходство съ еврейскимъ типомъ. Хотя темные, блестящіе глаза составляютъ правило, но встрѣчаются также свѣтло-каріе и сѣрые, только голубыхъ, сколько помнится, мнѣ не пришлось видѣть. Волосы обыкновенно черные, вообще-темные, но и свѣтлыя бороды (не бѣлокурыя или рыжія) встрѣчаются также довольно часто, а Мейеръ упоминаетъ и о бѣлокурыхъ бородахъ. Вообще довольно рѣдкая борода растетъ главнымъ образомъ только на подбородкѣ, но у пожилыхъ людей можно встрѣтить иногда окладистыя бороды и, во всякомъ случаѣ, отсутствіе бороды никакъ не можетъ считаться характеристичной особенностью ихъ типа, какъ у Монголовъ. Хотя въ общемъ форма головы у нихъ довольно правильная и короткіе или даже бритые волосы обрисовываютъ еще рѣзче правильный лобъ, но, по нашимъ понятіямъ, Киргизы все-таки не могутъ назваться красивымъ народомъ и далеко уступаютъ въ этомъ отношеніи Татарамъ и Сартамъ, превосходя однако Калмыковъ. Физіономія ихъ не можетъ считаться благородною въ общеупотребительномъ смыслѣ и „разбойничьи хари“ не составляютъ между ними рѣдкости. Роста они обыкновенно средняго и малаго, но плотно и сильно сложены. Богатырскія фигуры впрочемъ рѣдки, и замѣчательная корпуленція нѣкоторыхъ султановъ и другихъ знатныхъ киргизовъ вызывается лишь постоянной лѣнью, довольствомъ и изобильнымъ потребленіемъ кумыса. О цвѣтѣ кожи уже было говорено. Мнѣ остается только прибавить что вообще цвѣтъ кожи у Киргизовъ темнѣе чѣмъ у Европейцевъ, и именно смуглый съ желтобурымъ оттѣнкомъ. Какъ прирожденные наѣздники и люди, такъ сказать, по рожденію мало знакомые съ трудомъ, они имѣютъ довольно тощіе члены; въ особенности бросается въ глаза красивая форма ихъ маленькой ноги. Сказанное относится, впрочемъ, только къ мущинамъ, такъ какъ о прекрасномъ полѣ мы могли составить бѣглое понятіе и не имѣли напримѣръ случая видѣть ни одной знатной Киргизки. Судя же по фотографіямъ г-жи Полторацкой, между Киргизками встрѣчаются, даже по нашимъ понятіямъ, весьма хорошенькія и миловидныя личики.

По словамъ Радлова, несомнѣнно самаго компетентнаго авто-

ритета въ этой области, — киргизскій языкъ подходитъ много ближе къ алтайскому нарѣчію, чѣмъ къ языкамъ живущимъ въ Россіи татарскихъ племенъ. Монгольское вліяніе, хотя и слабое, все таки замѣчается явственно. Киргизское (кассакское) нарѣчіе съ кара-киргизскимъ и унгурскимъ (Таранчи) образуетъ джунгарскую группу тюркскихъ (татарскихъ) нарѣчій, которые Радловъ дѣлитъ на двѣ группы: алтайскую и саянскую. Эти три главныя группы тюркскихъ нарѣчій Сибири составляютъ среднее между татарскими діалектами Европейской Россіи и якутскимъ нарѣчіемъ Восточной Сибири. Для того, кто, какъ я, долго жилъ въ (Европейской) Турціи и, кто хотя немного говоритъ по турецки, нетрудно, не будучи даже филологомъ по профессіи, замѣтить близкое сродство между языками турецкимъ и киргизскимъ. Послѣдній показался мнѣ впрочемъ далеко не столь близкимъ къ турецкому, какъ татарскій. Еще важно замѣтить то, что, по словамъ Радлова, киргизскій (кассакскій) языкъ всѣхъ трехъ ордъ не представляетъ различія въ нарѣчіи.

Относительно первобытной исторіи Киргизовъ, кажется, не имѣется достовѣрныхъ источниковъ, и то, что Гелльвальдъ говоритъ о прежнемъ ихъ пребываніи на Енисеѣ, относится къ настоящимъ или Кара Киргизамъ, но не къ Кассакамъ. Рычковъ предполагаетъ, что нѣкогда они составляли одинъ народъ съ жителями Крыма, а потомъ отдѣлились отъ нихъ вслѣдствіе ссоръ и раздоровъ. Палласъ узналъ отъ самихъ Киргизовъ, что прежде они жили съ турками на Эвфратѣ, но потомъ были изгнаны за то, что умертвили двухъ внуковъ Магомета. Они переселились къ ногайскимъ Татарамъ, но и отъ нихъ должны были уйти дальше на востокъ, въ Джунгарію. Такъ какъ малая династія ногайскихъ Татаръ въ Европѣ, равно какъ—татарскія царства, Казанское и Крымское, были основаны потомками Чингизъ-Хана, сынъ котораго, Октай, (1227) не могъ поддержать цѣлости огромнаго монгольскаго царства, то можно предположить, что въ то время Киргизы состояли въ союзѣ съ нимъ. Достовѣрно извѣстно, что Чингизъ-Ханъ покорилъ Наймановъ, а это племя и теперь еще живетъ между киргизами, сохраняя несомнѣнные признаки монгольскаго происхожденія. Если до нынѣ многіе киргизскіе султаны ведутъ свой родъ отъ великаго завоевателя, Чингизъ-Хана, владѣнія котораго простирались отъ сѣвернаго Китая до Персіи и Бухары, то это не простое хвастовство и не лишено основанія. Вѣроятно, часть Киргизовъ пришла съ востока, вмѣстѣ съ многочисленными монгольскими

полчищами, на западъ, гдѣ и смѣшалась съ тюркскими племенами, съ которыми они и могли войти впослѣдствіи въ составъ „Золотой Орды“, или Кипчакскаго царства, простиравшагося при Батыѣ отъ Каспійскаго моря до Казани.

О мѣстѣ ихъ пребыванія въ то время мы не имѣемъ однако точныхъ свѣдѣній. Извѣстно, впрочемъ, что въ шестнадцатомъ столѣтіи они жили съ Татарами, по верховьямъ Иртыша и Оби, гдѣ эти послѣдніе при Кучумъ-Ханѣ основали отдѣльное царство, которое, какъ извѣстно, было покорено впослѣдствіи завоевателемъ Сибири Ермакомъ Тимооеевичемъ (1581). Уже тогда Киргизы вели кочевую жизнь въ южной, степной половинѣ нынѣшней западной Сибири, въ Балхашской низменности, и составляли могущественный народъ, который, какъ говорятъ, былъ въ состояніи выставить около 300,000 войска и господствовалъ къ концу 16-го столѣтія въ Ташкентѣ и Туркестанѣ. Впрочемъ этотъ періодъ ихъ благосостоянія и могущества продолжался недолго; ослабляемые внутренними раздорами и тѣснимые съ востока Дунганами, а съ юго-запада Калмыками, Киргизы уже изъявляли готовность Петру Великому принять подданство Россіи, что однако не состоялось. Въ то время и до половины 18-го столѣтія Калмыки составляли въ Джунгаріи могущественное государство, простиравшееся отъ Барнаула до Ишима и Тобола. Отъ вліятельныхъ Строгановыхъ, поселившихся на Уралѣ еще съ 16-го вѣка и имѣвшихъ тамъ рудники и желѣзодѣлательные заводы, вѣсть о Киргизахъ достигла Москвы и еще въ 1573 г. царь Иванъ IV нашелъ нужнымъ отправить въ степь посольство, которое, впрочемъ, не достигло своей цѣли. Какъ ни быстро распространялись Русскіе въ восточной Сибири, дойдя уже въ половинѣ 17-го вѣка до Амура и даже Анадыри, въ южную Сибирь они проникали медленно. Безплодная степь и отсутствіе дорогихъ пушныхъ звѣрей, особенно соболя,—который также манилъ впередъ сибирскихъ завоевателей, какъ золото испанскихъ конквистадоровъ,—представляли мало заманчиваго и вотъ почему Русскіе долгое время не трогали Киргизовъ, хотя отдѣльные путешественники и доѣзжали до нихъ. Такъ въ 1608 г. ихъ посѣтила экспедиція, снаряженная въ Китай, достичь котораго удалось впрочемъ только въ 1651—57 гг. казаку Байкову. Лишь въ 1715 году (до 1719), при Петрѣ Великомъ, была продолжена далѣе существовавшая уже Иртышская линія—до Усть-Каменогорска, а въ 1725 году,—русская граница подвинулась вдоль рѣкъ Урала и Міяса, на Курганъ до Омска, и пошла

вдоль праваго берега Иртыша, параллельно предгоріямъ Алтая, на югъ отъ Бійска. Съ проведеніемъ этой линіи, вдоль которой были построены маленькіе деревянные форты (крѣпости) и поселены казаки, началась русская колонизація, что и подало вскорѣ поводъ къ столкновеніямъ съ Киргизами. Стѣсненные въ своихъ пастбищахъ, эти послѣдніе при каждомъ удобномъ случаѣ стали угонять скотъ и даже захватывать людей, которыхъ въ качествѣ рабовъ продавали въ Хиву и Бухару. По значительности разстоянія между отдѣльными фортами, послѣдніе доставляли только ограниченную охрану, и разбои продолжались даже тогда, когда часть Киргизовъ уже приняла русское подданство. Послѣ того, какъ въ концѣ 16-го столѣтія, при ханѣ Алачѣ, киргизы раздѣлились на три орды, малая и средняя изъ нихъ въ 1730 году покорились добровольно и ихъ ханы, Абулхаиръ и Шемяка, присягнули императрицѣ Елизаветѣ (въ 1734). Тѣмъ не менѣе хитрый и ловкій ханъ Алай, искусно маневрируя между Россіей и Китаемъ, съумѣлъ сохранить фактическую независимость средней орды до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1787 году, и только сынъ его, Вали-Ханъ, принялъ окончательно русское подданство. Когда при китайскомъ императорѣ Дзенъ-Лунѣ, въ 1758 г., было разгромлено могущественное джунгарское царство Калмыковъ, простиравшееся отъ Алтая до Тибета, причемъ погибло, будто бы, до милліона Джунгаровъ, Киргизы большой орды переселились въ безлюдную степь между Ала-Кулемъ и Тарбагатаемъ. Вскорѣ послѣ того часть малой орды основалась на Волгѣ. При императрицѣ Екатеринѣ II, въ 1771 г., поселившіеся на лѣвомъ берегу Волги Калмыки, какъ извѣстно, бѣжали. Ихъ преслѣдовалъ русскій отрядъ подъ начальствомъ генералъ-маіора фонъ-Траубенберга, къ которому добровольно присоединилась масса Киргизовъ, надѣявшихся вѣроятно на богатую добычу. Послѣ 8-ми мѣсячной трудной борьбы изъ слишкомъ полу-милліона Калмыковъ осталась едва половина. Даже ихъ прежніе земляки воспротивились ихъ возвращенію, покуда, наконецъ, императоръ Кьенъ-Лунъ не отвелъ имъ мѣста для поселенія въ долинѣ Или. Такимъ образомъ обширныя пастбища на Волгѣ сдѣлались свободными и Россія не нашла ничего возразить, когда часть тѣснимой внутренними раздорами малой орды, состоящая изъ 1200 кибитокъ, подъ управленіемъ султана Букея, стала просить въ 1797 г. позволенія занять эти оставленныя мѣста. Такъ образовалась внутренняя или малая орда, получившая также названіе Букеевской.

За исключеніемъ короткихъ промежутковъ времени, какъ напримѣръ въ правленіе знаменитаго султана Гаруна-Гази, (который впрочемъ въ 1823 г. былъ сосланъ Русскими въ Калугу), разбойничества киргизовъ продолжались непрерывно. Только съ учрежденіемъ „новой“ линіи укрѣпленій между крѣпостями Орской на Уралѣ и Звѣриноголовской на Уѣ, въ 1835 г., можно было водворить бо̀льшій порядо̀къ. До этого времени, по словамъ Гельмерсена, были года, когда нерѣдко подъ самыми стѣнами Оренбургской крѣпости уводили въ рабство до 200 человѣкъ, а пропажа скота была неисчислима. Хотя правительство учредило новые округа и поставило султановъ, число которыхъ въ 1837 году дошло до десяти, но послѣдніе по большей части не пользовались никакимъ вліяніемъ. Народъ слушался болѣе своихъ героевъ или батырей, прославившихся какими нибудь опасными подвигами, вслѣдствіе чего нерѣдко возникали волненія, принимавшія иногда значительные размѣры, въ особенности если одинъ изъ этихъ батырей становился во главѣ недовольныхъ. Въ 1824 году большая орда отдалась въ подданство Россіи; одна часть ея присягнула въ 1830 году, въ правленіе султана Сука, остальные послѣдовали примѣру ея позже, въ 1844 году. Но власть русскихъ надъ страной была болѣе номинальной: Китайцы и Коканцы старались подчинить Киргизовъ своему вліянію или всячески притѣсняли ихъ. Для защиты своихъ новыхъ подданныхъ Россія принуждена была построить крѣпости Копалъ (1847) и Вѣрный (1854 г.), причемъ также встала твердою ногой на Сыръ-Дарьѣ, построивъ и на ней фортъ Аральскій. Въ это время стремленія ея были направлены нестолько къ расширенію своей власти, сколько къ ея упроченію. Въ 1852 и 53 годахъ Киргизы избавились отъ ига Коканцевъ, крѣпость которыхъ Акъ-Мечеть (теперь — фортъ Перовскій) была взята Перовскимъ. Позднѣйшіе успѣшные походы, окончившіеся завоеваніемъ Токмака, Чемкента, Ташкента и Самарканда, были неизбѣжными слѣдствіями этихъ первыхъ шаговъ.

Во всѣхъ этихъ военныхъ предпріятіяхъ Киргизы не всегда оказывались вѣрными союзниками русскихъ, какими они должны были бы быть, въ качествѣ подданныхъ. Такъ наприм. они намѣревались разрушить только что отстроенную крѣпость Копалъ, но замыслу ихъ помѣшалъ преданный русскимъ султанъ Али. Продолжительное возстаніе при Кенисарѣ Касимовѣ окончилось только съ насильственною смертью послѣдняго въ 1846 г., а 10 лѣтъ спустя Россія снова встрѣтила опаснаго противника въ ли-

цѣ киргизскаго партизана, Ишеда Кутебара, который уходилъ отъ всѣхъ преслѣдованій и покорился только въ 1858 г., послѣ мирныхъ переговоровъ. Вновь построенныя укрѣпленія: Ново-Александровскъ (1834) на Кайдакской бухтѣ Каспійскаго моря, Оренбургское—на Иргизѣ и Уральское—на Тургаѣ (возведенное въ 1846 г. генераломъ Обручевымъ) также терпѣли отъ нападеній Киргизовъ. Въ 1869 году гарнизонъ Уральска принужденъ былъ сдаться Киргизамъ. При возстаніи Хивинцевъ, которымъ помогали и Киргизы, Ново-Александровскъ былъ взятъ (1870 г.), и гарнизонъ его весь перебитъ, пока наконецъ въ томъ же году генералъ Абрамовъ, взятіемъ Китоба не наказалъ и не смирилъ непокорныхъ. Спокойствіе настако только тогда, когда рус-

Становище въ Аркатскихъ горахъ.

скіе утвердились прочно въ средней Азіи, изолировали Киргизовъ отъ вліянія ихъ южныхъ сосѣдей и водворили въ степи строгій порядокъ. Но до 1860 года во многихъ отношеніяхъ, наприм. въ таможенномъ и служебномъ, вся эта область считалась какъ бы лежащею за границей.

Хотя изъ сказаннаго видно, что Киргизы осмѣливались не разъ бороться съ Россіей, но изъ этого еще не слѣдуетъ чтобы имъ была свойственна храбрость, отвага и воинскій духъ. Подобно всѣмъ среднеазіатскимъ народамъ, они, по единогласному отзыву Вамбери и Пржевальскаго, должны быть признаны трусами. Фортъ Уральскъ, напримѣръ, защищался только 168 солдатами, которые выдерживали однако порядочное время осаду

12.000 киргизовъ. Нельзя также считать преувеличеніемъ разсказъ Гельмерсена, который говоритъ, что казаки нерѣдко въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ сряду оборонялись противъ Киргизовъ съ незаряженнымъ оружіемъ,—такъ какъ мнѣ самому разсказывали подобные же факты. Вообще у Киргизовъ нѣтъ и подобія геройскаго духа Черкесовъ, и ихъ скорѣе можно сравнить съ Индѣйцами Сѣверной Америки, которые только тогда рѣшаются на нападеніе, когда, вслѣдствіе неожиданности или превосходства силы, увѣрены въ успѣхѣ. Какъ и у Индѣйцевъ, кража и угонъ скота составляли у нихъ обыденное явленіе. Такая „баранта“ производилась нерѣдко въ большихъ размѣрахъ. Цѣлые аулы соединялись для нападенія на какой нибудь другой, по боль-

Киргизы-охотники.

шей части рано утромъ, на разсвѣтѣ, какъ это водится и у Индѣйцевъ, съ цѣлью произвести суматоху, и пользуясь ею, угнать скотъ. При этомъ, во избѣжаніе послѣдствій кровавой мести, они остерегались отъ убійства, и довольствовались тѣмъ, что немилосердно стегали и грабили побѣжденныхъ. Главнымъ оружіемъ при такихъ нападеніяхъ служили поэтому длинныя и утолщенныя книзу дубинки (батоги). По словамъ Гельмерсена, „баранта“ причиняла Киргизамъ такое же раззореніе какъ Индѣйцамъ западной части Сѣверной Америки ихъ непрерывныя распри. Она же служила постоянною темою разговоровъ сопровождавшихъ Гельмерсена Киргизовъ, причемъ почти каждый изъ нихъ выставлялъ себя великимъ героемъ подобныхъ предпріятій. Все это

было назадъ тому лѣтъ 40. Намъ не пришлось уже ничего слышать о „барантѣ“, хотя быть можетъ и приходилось встрѣчаться съ бывшими „барантачами“. Ко времени нашей поѣздки, по выраженію Шпёрера, „степные волки уже превратились въ ягнятъ“. Изъ этого еще впрочемъ не слѣдуетъ, чтобы Киргизы иногда не пошаливали; если представляется возможность крупнаго грабежа они непрочь и теперь принять въ немъ участіе. Такъ еще въ 1865 году часть подвластныхъ Россіи Киргизовъ дѣйствовала заодно съ Дунганами противъ Чугучака. Но они подверглись нападенію Калмыковъ и потеряли, кромѣ 300 человѣкъ убитыми, около 100,000 овецъ, до 6.000 штукъ рогатаго скота, 1300 лошадей и 600 верблюдовъ.

Какъ уже упомянуто выше, Киргизы раздѣляются на три главныхъ отдѣла или орды: 1) Улу-Джусъ (т. е. большая сотня), 2) Орта-Джусъ (средняя сотня) и 3) Кичи Джусъ (малая сотня); къ послѣдней относится еще кочующая въ предѣлахъ Европы, въ Астраханской губерніи, такъ называемая внутренняя или Букеевская орда. Опредѣлить границы мѣстопребыванія каждой орды въ отдѣльности такъ-же трудно, какъ узнать сколько въ ней считается душъ. Такъ напримѣръ, большая орда, управленіе которою находится въ Вѣрномъ, кочуетъ въ Семирѣченской области, въ Сыръ-Дарьинской и въ части Ташкентскаго округа на югѣ до Чу; средняя—также въ Семирѣченской области, гдѣ находится центръ ея управленія, Копалъ, но также и въ Ташкентскомъ округѣ, равно и въ Перовскомъ на Сыръ-Дарьѣ, гдѣ она сходится съ малой ордой, которая, кромѣ этой области, распространяется и на другія сосѣдніе къ сѣверу и западу. Малая орда, впрочемъ, отнюдь не можетъ считаться самою незначительною, какъ то можно было бы судить по ея названію; напротивъ того она оказывается самою многочисленною, такъ какъ, по Кёппену, она насчитываетъ 650,000 душъ, не считая внутренней или Букеевской съ 82,000 душами, тогда какъ въ средней числится только 369,000, а въ большой даже только 100.000 душъ. Общее число Киргизовъ равняется слѣд. 1.201,000 ч. (по Ленгенфельдту даже только 1,155,000), что во всякомъ случаѣ значительно разнится отъ новѣйшихъ данныхъ Риттиха, который принимаетъ, что въ Сибири считается ихъ 61,266, въ средне-азіатскихъ владѣніяхъ 2,238,100, всего слѣдовательно 2,299,366. Изъ этого числа, на Томскую губернію приходится 41,500 ч., на Тобольскую 19,766, на Семипалатинскую область 240,000 и на Семирѣченскую—367,000. Пространство всѣхъ областей, занима-

емыхъ Киргизами, составляетъ, по исчисленію фонъ Кёппена, 40,352 квадратныхъ мили (1.961,639 квадр. верстъ), что, безъ малаго, равняется половинѣ пространства Европейской Россіи, и въ $4^1/_2$ раза болѣе пространства, занимаемаго Германской имперіей.

Съ древнихъ временъ и донынѣ Киргизы въ общественномъ отношеніи раздѣляются на два класса, именно на Киргизовъ „Бѣлой Кости“ (Акъ-сіюкъ) и Киргизовъ „Черной Кости“ (Карасіюкъ). Первые имѣютъ значеніе соотвѣтствующее нашему дворянству, права котораго точно также передаются по наслѣдству, и къ этой кастѣ принадлежатъ потомки прежнихъ хановъ, султаны и прочая наслѣдственная знать. Къ „Черной Кости“ принадлежатъ всѣ остальные Киргизы, которые прежде были какъ бы вассалами султановъ и которые и теперь еще находятся въ нѣкоторой отъ нихъ зависимости и служатъ имъ въ качествѣ пастуховъ, или земледѣльцевъ. Киргизы этого низшаго сословія, т. наз. „егиничи“ или „ігигичи“ ѣздятъ обыкновенно на быкахъ или верблюдахъ, тогда какъ, всѣ „джигиты“, т. е. „независимые“, ѣздятъ на лошадяхъ. Совсѣмъ обѣднѣвшіе Киргизы, которые по большей части зарабатываютъ свое пропитаніе у Русскихъ (казаковъ) и цѣлыми сотнями работаютъ въ алтайскихъ рудникахъ, называются „байгушами“; тѣ же, которые работаютъ въ уплату своихъ долговъ, какъ я уже говорилъ, носятъ названіе „дзетаковъ“. Не очень давно еще, какъ и вездѣ въ Россіи, здѣсь существовали также крѣпостные или рабы, участь которыхъ была впрочемъ довольно легкая, хотя хозяева и имѣли право поступать съ ними, какъ имъ заблагоразсудится. По большей части это были потомки плѣнныхъ калмыковъ, ташкентцевъ и даже русскихъ.

Кромѣ дворянства, у нихъ сохранились также древніе рода (распадающіеся на вѣтви или отрасли), къ которымъ Киргизы причисляютъ себя еще и теперь, несмотря на то, что съ 1867 г., со времени учрежденія Туркестанскаго Генералъ-Губернаторства, у нихъ введена новая организація и принято административное дѣленіе на аулы и волости. Согласно этой организаціи 30—200 кибитокъ составляютъ одну общину или аулъ, а нѣсколько ауловъ или общинъ пастбищный округъ или волость. Аулы управляются выборными туземными судьями, которые разбираютъ, согласно народнымъ обычаямъ (адатъ), всѣ возникающіе между кочевниками споры и тяжбы, а также производятъ судъ и расправу, по не столь важнымъ уголовнымъ дѣламъ.

Судопроизводство у нихъ ведется слѣдующимъ образомъ. Истецъ

и обвиняемый выбираютъ для рѣшенія своего дѣла судью (Бія), обыкновенно изъ своей волости; въ важныхъ случаяхъ выбираютъ двухъ, трехъ судей и болѣе, а иногда случается, что каждая сторона выбираетъ человѣкъ по двѣнадцати. Въ случаѣ разногласія между судьями выбирается посредникъ, или таковой назначается правительственнымъ чиновникомъ; рѣшеніе посредника признается уже окончательнымъ. Когда обѣ стороны выбрали себѣ судей, приступаютъ къ изложенію дѣла, допросу свидѣтелей и разсмотрѣнію имѣющихся по дѣлу документовъ. Если свидѣтелей нѣтъ, дѣло рѣшается клятвой. Обыкновенно обѣ стороны остаются довольны рѣшеніемъ; въ противномъ случаѣ производится новый выборъ „Біевъ“, т. е. судей, съ прибавленіемъ новыхъ изъ сосѣднихъ волостей. Штрафы идутъ на покрытіе судебныхъ издержекъ, а что останется судьи или берутъ себѣ, или же возвращаютъ обвиненному. Убійство наказывалось у Киргизовъ смертною казнію только въ томъ случаѣ, когда преступникъ былъ настолько бѣденъ, что не въ состояніи былъ искупить свою вину деньгами. Въ такомъ случаѣ его или вѣшали, или же предоставляли на произволъ ближайшимъ родственникамъ убитаго. Въ большинствѣ случаевъ однако дѣло кончалось взаимнымъ соглашеніемъ. За знатнаго Киргиза должно было дать выкупу 106 лошадей, 2 верблюдовъ, 1 раба, 1 беркута и т. п. Кража также, въ случаѣ состоятельности виновника, наказывалась пеней скотомъ; за одну украденную лошадь нужно было отдать 27 лошадей и т. д. Теперь кража по большей части наказывается денежной пеней, въ 9 разъ превосходящей стоимость украденнаго. Отступленіе отъ этого обычая встрѣчается только въ Кульджѣ, гдѣ пеня назначается въ размѣрахъ меньшихъ стоимости украденнаго; за вола, напримѣръ, нужно отдать теленка.

Преступленія и тяжбы между туземцами и русскими рѣшаются гражданскимъ судомъ въ порядкѣ русскаго судопроизводства. Въ случаяхъ подстреканія къ бунту, нападеній на посты и вообще военныхъ, дѣло разбирается военнымъ судомъ. Волости или области, назначенныя для кочевья и пастбищъ, состоятъ подъ управленіемъ туземныхъ окружныхъ старшинъ, назначаемыхъ правительствомъ и выбираемыхъ преимущественно изъ султановъ или другихъ вліятельныхъ и знатныхъ лицъ. Для отличія имъ обыкновенно дается красный или фіолетовый съ золотыми галунами кафтанъ и почетная сабля, которые они надѣваютъ въ торжественныхъ случаяхъ, а также серебряныя медали, особенно высоко ими цѣнимыя, почему правительство и пользуется ими для рас-

положенія къ себѣ вліятельныхъ старшинъ. Начальники волостей выбираются на три года, и по табели о рангахъ считаются принадлежащими къ 12-му классу, тогда какъ „Біи“ приравниваются къ русскимъ деревенскимъ старостамъ. Два главныхъ султана, въ сообществѣ съ 2 русскими и двумя киргизскими засѣдателями, подъ предсѣдательствомъ начальника военнаго округа, составляютъ высшій окружной судъ. Засѣдатели выбираются на 2 года и принадлежатъ къ 9 классу. Старшіе султаны, покуда находятся на службѣ, состоятъ въ чинѣ маіора, который можетъ быть передаваемъ по наслѣдству, если они отслужатъ три срока; кромѣ того они получаютъ тогда право ходатайствовать о предоставленіи имъ русскаго дворянства. Нѣкоторые, особенно преданные правительству султаны получаютъ почетное содержаніе, такъ напримѣръ Султанъ Али въ области Вѣрнаго ежегодно получаетъ 350 руб. Податей киргизы ежегодно платятъ съ кибитки, считая въ каждой отъ 3 до 5 душъ, около 3—$3^1/_2$ рублей; съ продуктовъ, вмѣсто прежней десятины, торговцы платятъ $2^1/_2$ процента за ввозъ и вывозъ. Большая Орда до 1863 года не платила податей.

Киргизы не отправляютъ воинской повинности, но если напримѣръ отрядъ выступаетъ въ походъ или стоитъ на границѣ, къ нему отряжаютъ нѣсколькихъ конныхъ киргизовъ, которые перевозятъ почту, посылаются на развѣдки и служатъ проводниками. Собственно для военнаго дѣла киргизская милиція мало пригодна и большое число Киргизовъ при отрядѣ скорѣе можетъ быть въ тягость, чѣмъ въ помощь.

Что Киргизы не могутъ назваться храбрыми и неустрашимыми воинами, это признается всѣми наблюдателями, но тѣмъ различнѣе сужденія объ ихъ характерѣ и духовныхъ способностяхъ. Рычковъ, напримѣръ, не признаетъ за нимъ ни одного хорошаго качества; наоборотъ, Фурманъ не находитъ ни одного дурнаго. Палласъ упрекаетъ ихъ только въ корыстолюбіи и лукавствѣ, а Мейеръ, мнѣніе котораго во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія, отзывается о нихъ какъ о непостоянныхъ, вѣроломныхъ, склонныхъ къ бунту, лѣнивыхъ и жадныхъ до грабежа. Всѣ наблюдатели впрочемъ хвалятъ ихъ за трезвость и болѣе всего за ихъ гостепріимство. Воровство, за исключеніемъ конокрадства, составляетъ у нихъ тоже, какъ говорятъ, довольно рѣдкое явленіе, что и мы можемъ подтвердить въ свою очередь. Во все время путешествія по степи у насъ не пропало ни одной бездѣлицы; принимали они насъ всегда въ высшей степени вѣжливо и радушно; особенно же располагали они къ себѣ своимъ

безкорыстнымъ гостепріимствомъ. Какъ увѣрялъ насъ султанъ Абинъ-Даиръ, они приняли бы насъ также радушно и въ томъ случаѣ, если бы мы не пользовались рекомендаціей столь вліятельныхъ лицъ.

Гостепріимство, эта врожденная добродѣтель всѣхъ кочевыхъ народовъ, даже бѣдныхъ Самоѣдовъ и Остяковъ, безъ сомнѣнія находитъ еще поддержку въ предписаніяхъ ислама, который исповѣдуютъ всѣ Киргизы. Они принадлежатъ къ суннитскому толку, но вообще не могутъ считаться ревностными магометанами и мало знакомы съ ученіемъ корана. Кочевой образъ жизни, при которомъ посѣщеніе мечетей и преподаваніе корана муллами и ходжами возможны только въ исключительныхъ случаяхъ, составляетъ естественную причину ихъ равнодушія къ исламу. Тѣмъ не менѣе Киргизы совершаютъ обрѣзаніе и соблюдаютъ большіе праздники (наприм. Байрамъ, Курбанъ-Байрамъ и другіе), хотя строгіе посты Рамазана, ежедневныя моленія и омовенія совершаются и исполняются ими весьма поверхностно. Поэтому д-ръ Брэмъ возбудилъ большое удивленіе Киргизовъ своимъ знаніемъ ислама и корана, изъ котораго онъ могъ произнести по арабски болѣе суръ, чѣмъ любой киргизскій султанъ, вся мудрость котораго никогда не простиралась далѣе „фаты“ (первой суры). Кромѣ странствующихъ муллъ и ходжей, преимущественно изъ Татаръ или Ташкентцевъ, у Киргизовъ донынѣ еще пользуются большимъ уваженіемъ гадатели различныхъ степеней и разрядовъ. Высшая каста ихъ, такъ называемые „Яурунчи“, гадаютъ на поджариваемой на медленномъ огнѣ бараньей лопаткѣ; къ нимъ преимущественно обращаются въ важныхъ случаяхъ.

Мы не ставимъ Киргизамъ въ укоръ этого повѣрья, послѣ того, какъ мы сами видѣли, что сами Русскіе съ большимъ благоговѣніемъ присутствовали при нелѣпыхъ заклинаніяхъ самоѣдскаго шамана. Если у насъ еще существуетъ много суевѣрныхъ обычаевъ то нисколько неудивительно, и что Киргизы вѣрятъ разнымъ чудодѣйственнымъ средствамъ и нерѣдко прибѣгаютъ къ нимъ, наприм. въ случаѣ болѣзни лошадей. Вообще же Киргизы—весьма способный въ умственномъ отношеніи народъ; ихъ природная хитрость и отзывчивость заглушаются только подавляющимъ вліяніемъ господствующей лѣни. Радловъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что „кочевая жизнь погружаетъ народъ въ нравственной застой и не допускаетъ его идти впередъ въ какомъ бы то ни было отношеніи“.

Поэтому заботы Русскаго правительства объ устройствѣ киргизскихъ школъ, распространенія полезныхъ знаній и въ особенности старанія объ образованіи хорошихъ переводчиковъ — вполнѣ заслуживаютъ уваженія и со временемъ принесутъ богатые плоды, особенно когда эти кочевники научатся все болѣе и болѣе цѣнить благодѣянія земледѣлія.

Хотя хлѣбопашество у нихъ не дѣлаетъ значительныхъ успѣховъ, все же оно начинаетъ постепенно вводиться и на него уже перестали смотрѣть какъ на почти безчестное занятіе. За послѣдніе годы, въ Семирѣчинской и Сыръ-Дарьинской области многіе Киргизы стали не только заниматься постояннымъ хлѣбопашествомъ (сѣютъ пшеницу, ячмень и просо), но нѣкоторые, какъ напр. султанъ Букашъ въ Аркатахъ, основали осѣдлыя поселенія. Конечно, урожая едва хватаетъ имъ для собственныхъ нуждъ, но привыкшій къ хлѣбу Киргизъ утрачиваетъ мало по малу свои разбойническія наклонности, становится миролюбивъ, консервативенъ и подчиняется цивилизаторамъ иноземцамъ, сообщество которыхъ становится для него необходимымъ. О способахъ и пріемахъ ихъ первобытнаго земледѣлія я уже имѣлъ случай говорить выше. Главное богатство Киргизовъ продолжаютъ составлять все таки ихъ стада, на которыхъ покоится еще почти исключительно весь ихъ заработокъ и все ихъ существованіе. О расовыхъ особенностяхъ ихъ рогатаго скота, овецъ и козъ я уже говорилъ, о верблюдѣ придется еще говорить впослѣдствіи, мнѣ остается слѣдовательно сказать нѣсколько словъ о лошадяхъ. Киргизская лошадь, по своему среднему росту, весьма близко подходитъ къ нашимъ гусарскимъ и не отличаясь настоящею красотою, представляетъ все таки правильныя стати, которымъ только не соотвѣтствуетъ нѣсколько горбоносая морда и нерѣдко слишкомъ крутой крупъ.

Киргизскія лошади бываютъ столь же различныхъ мастей какъ и у насъ, впрочемъ вороныя и совершенно бѣлыя встрѣчаются, повидимому, рѣдко; красивыя же пѣгія обыкновенны. Вслѣдствіе малой заботы объ ихъ воспитаніи, причемъ почти круглый годъ онѣ принуждены сами заботиться о своемъ пропитаніи, въ нихъ развиваются превосходныя качества для ѣзды въ степи: выносливость, неприхотливость и быстрота, въ чемъ мы имѣли случай неоднократно убѣдиться сами. Онѣ одинаково пригодны какъ для верховой ѣзды, такъ и въ упряжь, и по словамъ Штульма, превосходны для артиллерійской службы; изобиліе въ лошадяхъ доставляло, поэтому, немалое преимущество русскимъ войскамъ въ

Азіи. Замѣчательно однако, что по Венюкову, въ продолженіи почти 300 лѣтъ, со времени покоренія Сибири, русскіе не вы-

Киргизскіе типы.

вели тамъ ни одной хорошей породы, которая бы могла быть спеціально пригодна для военной службы.

Киргизскіе типы.

Киргизскія лошади даютъ не только матерьялъ для арміи, но употребляются и для перевозки тяжестей; громадные обозы, кото-

рые мы часто встрѣчали на пути, запасаются по большей части лошадьми на большихъ ярмаркахъ въ Екатеринбургѣ, Троицкѣ, Петропавловскѣ, куда онѣ пригоняются Киргизами тысячами.

Лошади составляютъ такимъ образомъ главное богатство кочевниковъ, между которыми встрѣчаются богачи, имѣющіе ихъ болѣе 5000 головъ. Онѣ пасутся небольшими табунами, каждый изъ нихъ имѣетъ только одного жеребца, за которымъ прочія слѣдуютъ какъ за своимъ вожакомъ.

Ословъ и муловъ Киргизы не знаютъ и не пользуются ими, за то верблюдъ является у нихъ необходимымъ животнымъ.

Послѣ лошади, овца однако есть самое важное животное для Киргизовъ, которые ведутъ весьма оживленную торговлю не только шкурками ягнятъ, но и живыми баранами и притомъ какъ съ Китаемъ, такъ и съ Россіей. Сотни тысячъ курдючныхъ овецъ идутъ на салотопни въ Екатеринбургъ и въ другія мѣста; нѣкоторые зажиточные Киргизы имѣютъ ихъ болѣе 20,000 штукъ. Киргизскія овцы обыкновенно ягнятся двумя ягнятами, весной, когда степь уже освободится отъ снѣга и покрылась травою. Въ сущности Киргизы не могутъ считаться скотоводами, а только скотопромышленниками, такъ какъ всѣ ихъ заботы относительно стадъ ограничиваются надзоромъ за ними и перегономъ время отъ времени на новыя пастбища. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ обусловливается и ихъ кочевой образъ жизни, вполнѣ впрочемъ правильный: каждая волость именно, даже каждый аулъ, пользуется въ различное время года различными, но опредѣленными мѣстами для пастбищъ.

Киргизы живущіе на востокѣ, вблизи высокихъ горъ (Алтая, Тарбагатая, Ала-Тау и др.), зимуютъ въ степяхъ, на берегахъ рѣкъ и озеръ и въ ущельяхъ невысокихъ степныхъ предгорій. Въ концѣ апрѣля или вначалѣ мая, они тянутся съ своими стадами въ горы, такъ какъ засуха и комары дѣлаютъ невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе ихъ по берегамъ озеръ. Только неприхотливые верблюды, которые притомъ не выносятъ сочныхъ пастбищъ, по причинѣ отсутствія солончаковыхъ растеній, оставляются на прежнихъ мѣстахъ, часто безъ всякаго присмора. Пробывъ нѣкоторое время въ низменностяхъ вдоль рѣкъ и посѣявъ здѣсь немного хлѣба, Киргизы переходятъ въ предгорія и съ наступленіемъ жаркаго времени поднимаются все выше и выше на роскошныя альпійскія пастбища, лежащія ниже снѣговой линіи. Стравивъ такимъ образомъ нагорные луга, они, къ концу іюля или началу августа, опять спускаются въ равнины, чтобы убрать по-

сѣвы, а затѣмъ снова идутъ въ предгорія, откуда, поздней осенью, возвращаются, наконецъ, на свои зимнія квартиры. У восточныхъ киргизовъ нѣтъ никогда недостатка въ подножномъ кормѣ, западные же, далеко не столь богатые нагорными лугами, принуждены проводить лѣто въ сухой, безплодной степи близь Каспійскаго моря, кочуя отъ Сыръ-Дарьи до Тобола и нерѣдко терпя недостатокъ въ водѣ. Слѣды такихъ перекочевокъ легко замѣтны, такъ какъ послѣ нихъ не остается обыкновенно ни травинки. Киргизы восточныхъ степныхъ областей зимуютъ по большей части въ предгоріяхъ Тарбагатая и Джили-Тау, т. е. теплыхъ горъ, названныхъ такъ потому, что здѣсь выпадаетъ относительно мало снѣга и зима бываетъ довольно умѣренная. Многіе изъ этихъ киргизскихъ скотопромышленниковъ переходятъ также китайскую границу. Какъ вездѣ, зима здѣсь самое бѣдственное время года. Мало того, что стада должны питаться жалкими остатками замерзшей травы, откапывая ее копытами, причемъ отъ недостатка корма они очень худѣютъ и нерѣдко гибнутъ, — для нихъ особенно пагубною является гололедица. Иныя волости теряютъ отъ нея по временамъ большую половину скота, котораго также немало гибнетъ отъ сильныхъ бурановъ. Между лошадьми и крупнымъ рогатымъ скотомъ производитъ нерѣдко большія опустошенія сибирская язва, которая появляется обыкновенно лѣтомъ.

По словамъ Венюкова, Киргизы большой орды владѣютъ наиболѣе обширными стадами, тогда какъ Вланган старается доказать и утверждаетъ совершенно противное. Сколько въ дѣйствительности у Киргизовъ скота, опредѣлить едва ли можно даже приблизительно и, по Венюкову, всѣ т. наз. оффиціальныя цыфры весьма далеки отъ дѣйствительныхъ. По вычисленіямъ Кёппена, у такъ называемыхъ подвластныхъ Киргизовъ Семипалатинской области, раздѣленныхъ на 8 волостей и 36 ауловъ съ 4546 кибитками и 18983 душами, имѣлось на лицо 52283 лошади, 17692 штуки рогатаго скота, 95329 овецъ и 617 верблюдовъ. Если эти данныя признать вѣрными, то основываясь на нихъ, можно опредѣлить совокупность держимаго Киргизами скота, круглою цифрою, въ 6 милліоновъ лошадей, 2 милліона рогатаго скота и 10,900,000 овецъ.

Въ ежедневномъ образѣ жизни Киргизовъ существуетъ такой же порядокъ какъ и въ годовомъ. Рано по утру въ аулахъ уже начинается дѣятельность; подоивъ стада, выгоняютъ ихъ, подъ присмотромъ верховыхъ пастуховъ, на опредѣленныя мѣста, гдѣ нѣтъ никакого убѣжища и откуда ихъ съ наступленіемъ вечера пригоняютъ обратно домой. Только на зимнихъ кочевьяхъ Киргизы

устраиваютъ изъ глины и камыша, или въ пещерахъ скалъ, нѣчто похожее на хлѣвъ, куда на время сильной стужи они загоняютъ молодой скотъ, и гдѣ нерѣдко зимуютъ и сами, равно какъ и обратно, во всякое время они охотно раздѣляютъ свои кибитки съ телятами, козлятами или молодыми верблюдами. Коровъ, овецъ и козъ доятъ только рано утромъ и поздно вечеромъ, кобылъ же доятъ три раза въ день, по словамъ Палласа даже каждый часъ, такъ какъ онѣ заразъ даютъ весьма малое количество молока. Намъ ни разу не пришлось видѣть, какъ ихъ доятъ, но намъ говорили, что онѣ выказываютъ себя при этомъ не особенно терпѣливыми. Сосунки пасутся отдѣльно, подъ надзоромъ ребятъ и обыкновенно недалеко отъ кибитокъ, гдѣ для нихъ устраиваются особыя плетневыя загородки. Цѣлый день они держатся отдѣльно отъ матокъ, и къ вечеру, а иногда и на цѣлый день ихъ привязываютъ на длинныя веревки. Трудно представить себѣ то разноголосое мычанье, которое раздается все громче и громче по мѣрѣ приближенія стадъ къ ауламъ. Каждая матка спѣшитъ обласкать своего сосунка, послѣ чего ее доятъ. Говорятъ, что коровы и кобылы только тогда даются доить, когда ихъ дѣти находятся тутъ же по близости. Молоко выдаиваютъ не все, а оставляютъ часть для сосунковъ, которые, такимъ образомъ, могутъ сосать вволю только по ночамъ.

Хотя у Киргизовъ не можетъ быть и рѣчи о молочномъ хозяйствѣ въ нашемъ смыслѣ, все же оно составляетъ немаловажный предметъ ихъ экономіи, такъ какъ молочные продукты составляютъ ихъ главную пищу. Женщины и дѣти ежедневно употребляютъ кислое густое коровье молоко (аиранъ), а мущины— заквашенное кобылье или кумысъ. Свѣжее кобылье молоко содержитъ много сахару, но мало сыворотки и жиру, не даетъ сливокъ и гораздо жиже коровьяго. Кромѣ того оно имѣетъ нѣсколько непріятный запахъ, который сохраняется и въ кумысѣ и дѣлаетъ его противнымъ на вкусъ, по крайней мѣрѣ для того, кто пьетъ его въ первый разъ. Эти непріятныя свойства его вѣроятно получаются отъ неопрятнаго сохраненія въ грязныхъ мѣшкахъ изъ жеребячьей кожи (турзукѣ), но киргизы утверждаютъ и опытъ подтвердилъ ихъ показаніе, что этотъ напитокъ только и можно приготовлять въ такихъ кожаныхъ мѣшкахъ. По наблюденіямъ д-ра Даля, кумысъ есть одинъ изъ самыхъ здоровыхъ и питательныхъ напитковъ, который кромѣ того заслуживаетъ вниманія и какъ лекарственное средство. Опьяняющее дѣйствіе кумыса весьма невиннаго свойства, но Киргизы перегоняютъ изъ

него особый родъ водки „араку“, приготовленіе которой подробно описано Палласомъ и Ледебуромъ. Изъ кислаго коровьяго молока Киргизы приготовляютъ небольшіе, чрезвычайно острые сыры (шуртъ), которые сушатся на солнцѣ и сберегаются на зиму. Также умѣютъ они приготовлять рыхлый сыръ изъ овечьяго молока (еремчакъ); разведенный молокомъ или водою, онъ берется обыкновенно въ турзукахъ, въ дорогу и одной или двухъ чашекъ его вполнѣ достаточно для утоленія голода. Верблюдовъ также доятъ, какъ объ этомъ я еще буду говорить; молоко ихъ показалось намъ довольно вкусно. Мясную пищу даже и богатые употребляютъ не каждый день. Преимущественно ѣдятъ баранину; жирная грудина и жировой курдюкъ, поджаренный на угольяхъ, считаются особенно лакомымъ блюдомъ. Прочее мясо варятъ съ солью и ѣдятъ безъ хлѣба, съ удовольствіемъ запивая жирной похлебкой (шурпа). Кромѣ овецъ (у бѣдныхъ также козъ) они бьютъ еще только лошадей, чрезвычайно жирное копченое мясо которыхъ (казн) и особый сортъ неаппетитно выглядывающей копченой колбасы считаются особенно деликатными кушаньями. При случайномъ изобиліи мяса, они, подобно всѣмъ кочующимъ полуцивилизованнымъ народамъ, рѣжутъ его ломтями и сушатъ на воздухѣ; мы сами охотно ѣли копченые бараньи окорока.

Изъ собраннаго въ небольшомъ количествѣ жита, они приготовляютъ особый родъ крупы, которая, вмѣстѣ съ просомъ составляетъ ихъ главную растительную пищу, такъ какъ собственно хлѣбъ у нихъ въ маломъ употребленіи. Богатые ѣдятъ также рисъ, и всѣ пьютъ чай, преимущественно „кирпичный“, который составляетъ любимый, обычный напитокъ всѣхъ сословій, причемъ сахаръ предлагается только въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Изъ сказаннаго достаточно видно, что киргизская кухня очень проста, какъ и они сами могутъ считаться очень воздержными людьми. Изъ этого впрочемъ еще не слѣдуетъ, чтобы они отказывались отъ случая хорошо покушать: на всѣхъ ихъ празднествахъ ѣда и обжорство играютъ далеко не послѣднюю роль, и всѣ участвующіе заботятся всего менѣе объ умѣренности. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно истребляется громадное количество баранины и кумыса, но подаются также и болѣе тонкія блюда. Выше я уже упоминалъ о превосходномъ киргизскомъ пилавѣ. Въ противность общему мнѣнію о неопрятности Киргизовъ, я считаю долгомъ замѣтить, что у богатыхъ кушанья подаются и смотрятъ такъ-же аппетитно, какъ и у насъ. Всякій, хотя нѣсколько знакомый съ восточными обычаями, зна-

етъ, что неупотребленіе ножей и вилокъ болѣе ужасно на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ, и кто не слѣпъ, согласится, что и у насъ есть немало мѣстностей, гдѣ чистоплотность далеко не процвѣтаетъ. Но все же Киргизы не могутъ быть названы особенно чистоплотнымъ народомъ. Они не охотники мыться и мыть свой костюмъ, а насколько у нихъ изобилуютъ паразитныя насѣкомыя, особенно въ платьѣ, въ томъ легко удостовѣриться каждому собственнымъ опытомъ, кто только пробудетъ съ ними даже короткое время.

Большинство путешественниковъ утверждаетъ, что Киргизы страстные курильщики. Мы встрѣтили, по крайней мѣрѣ у тѣхъ, съ которыми намъ приходилось имѣть дѣло, совершенно обратное, такъ что взятый нами для подарковъ табакъ, оказался совершенно лишнимъ. За то нюхательный табакъ пришелся весьма кстати, и всѣ Киргизы оказались до него весьма падки. По словамъ Мейера, въ свой нюхательный табакъ они для крѣпости прибавляютъ золу эфедры (по Киргизски „Кизилча"), и я смѣю увѣрить, что относительно крѣпости ихъ табакъ не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Принимая во вниманіе суровый и строгій образъ жизни Киргизовъ, ихъ, въ общемъ, чрезвычайную умѣренность, а также здоровый климатъ, можно предположить, что они пользуются удовлетворительнымъ здоровьемъ, которое, при неимѣніи врачей, еще болѣе для нихъ необходимо. Они часто достигаютъ глубокой старости. Наиболѣе распространенныя у нихъ болѣзни, какъ говорятъ,—ревматизмъ, геморой и глазныя боли; сифилисъ (куру-сасланъ) также уже давно получилъ къ нимъ доступъ.

Когда позволяетъ время, преимущественно зимой, Киргизы занимаются также охотой, и между ними есть страстные охотники, съ которыми намъ пришлось встрѣтиться и о которыхъ мнѣ еще придется говорить впослѣдствіи. Ихъ прежнее оружіе, пики, луки, стрѣлы и дубины, давно уже замѣнилось огнестрѣльнымъ, большей частью плохими кремневыми ружьями, съ которыми они умѣютъ отлично обходиться и превосходно стрѣляютъ. Они пользуются при этомъ, какъ и многіе казаки, сошками, безъ которыхъ ружье было бы слишкомъ тяжело. Изъ за мяса они бьютъ—мараловъ (собственно изъ за цѣнныхъ, еще мягкихъ роговъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи), козуль, сайгъ, аркаровъ, горныхъ козловъ и кулановъ; бьютъ также разнаго пушнаго звѣря, живущаго въ степяхъ и горахъ, какъ то: медвѣдей, волковъ, лисицъ, корсаковъ, степныхъ кошекъ (Felis manul), бар-

совъ, иногда также тигровъ, куницъ разныхъ породъ, сурковъ и т. д.; они славятся также умѣньемъ ловко ставить западни. Охота съ беркутомъ или карагушемъ (о которой я уже говорилъ), производится исключительно богатыми султанами. Зимою Киргизы загоняютъ въ степи верхомъ волковъ, опаснѣйшихъ враговъ ихъ стадъ; они убиваютъ ихъ при этомъ длинными бичами или нагайками. Мнѣ лично не удалось, впрочемъ, ничего узнать объ этой своеобразной охотѣ. Подобный же способъ охоты въ ходу и на перепеловъ: охотники верхами вспугиваютъ птицъ до тѣхъ поръ, пока не утомятъ ихъ и будутъ въ состояніи бить ихъ нагайками.

У народа, живущаго совершенно кочевою жизнію, не можетъ быть, конечно, развитаго ремесленнаго производства, и Киргизы, дѣйствительно, искусны только въ изготовленіи предметовъ, служащихъ для ежедневнаго употребленія, напримѣръ точеныхъ чашекъ и другихъ деревянныхъ издѣлій. Они занимаются и кузнечнымъ ремесломъ, но тоже не особенно успѣшно, хотя нѣкоторые изъ нихъ и достигаютъ значительнаго совершенства въ этомъ дѣлѣ. У меня хранится ножикъ съ серебряной насѣчкой, въ видѣ красивыхъ арабесокъ, подаренный мнѣ въ Алтайской станицѣ, маіоромъ Бахиревымъ, который нарочно заказывалъ его для меня у одного кузнеца Киргиза. Гораздо искуснѣе они въ сѣдельномъ и шорномъ ремеслѣ, хотя большую часть украшеній для сѣделъ и уздечекъ, наприм. красивыя оправы для арчаковъ изъ матоваго желѣза или серебра, они выменіваютъ у китайцевъ и ташкентцевъ. За исключеніемъ небольшого числа серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, изготовляющихъ простыя украшенія для кожаныхъ издѣлій, они, повидимому, не занимаются обработкой драгоцѣнныхъ металловъ, какъ и вообще не имѣютъ особаго пристрастія къ украшеніямъ. Кромѣ пуговицъ и серебряныхъ кольцъ, грубой работы, я не встрѣчалъ у нихъ другихъ украшеній и мнѣ совершенно непонятны слова Риттиха, который говоритъ, что „наибольшую роскошь они позволяютъ себѣ въ кушакахъ, сѣдлахъ и уздечкахъ, которые бываютъ такъ украшены серебромъ, золотомъ и драгоцѣнными камнями (?), что кажутся сдѣланными сплошь изъ нихъ“. Что касается до меня, то я не встрѣчалъ у нихъ никакихъ драгоцѣнныхъ камней, кромѣ плохой поддѣльной бирюзы, да и ту рѣдко, — золотыхъ же украшеній не видалъ никогда. Войлокъ, производство котораго подробно описываетъ Палласъ, изготовляется у нихъ весьма искусно, и ихъ войлочныя одѣяла,—кошмы—украшенныя при-

шитыми или вытканными каймами, большей частью съ красными узорами, нерѣдко имѣютъ весьма красивый видъ. Въ изготовленіи войлока принимаютъ участіе и мущины, изъ чего слѣдуетъ, что на долю женщинъ вовсе не достается,—какъ это часто пишутъ — исполненіе всѣхъ работъ, исключая выгона стадъ и охоты; напротивъ у нихъ существуетъ соразмѣрное раздѣленіе труда между обоими полами. Такъ какъ хозяйство и воспитаніе дѣтей не отнимаютъ у ихъ женщинъ всего времени, а занятіемъ литературой и тому подобными изящными искуствами онѣ себя не утруждаютъ, то кромѣ заботы о стадахъ, доеніи, сбереженіи и приготовленіи молока и сыровъ, женщины имѣютъ возможность заняться еще кой чѣмъ и другимъ. Поэтому онѣ не только искусны въ изготовленіи разнаго рода одежды, украшаемой часто красивымъ шитьемъ, но умѣютъ также ткать самыя матеріи. Онѣ прядутъ на веретенѣ шерсть, ткутъ грубый камлотъ (армакъ) и мастерицы выдѣлывать кожи. Для дубленія тонкихъ козьихъ и ягнячьихъ шкурокъ онѣ употребляютъ кислое молоко, а для окраски ихъ въ желтый цвѣтъ корень ревеня или Statice tatarica (тушютъ), какъ это подробно описано у Палласа.

Объ одеждѣ бѣдныхъ Киргизовъ я уже говорилъ; мнѣ остается только прибавить, что богатые одѣваются гораздо наряднѣе. Они носятъ шерстяныя рубахи (хейле) съ очень широкими матросскими отложными воротниками, а поверхъ надѣваютъ одинъ или нѣсколько длинныхъ халатовъ изъ шерстяной матеріи, сукна, шелка или плиса, въ холодное же время еще шубу, изъ шкурокъ молодыхъ барашковъ или лисьяго мѣха. Рукава у этихъ халатовъ очень длинны, такъ что совсѣмъ закрываютъ пальцы и избавляютъ отъ необходимости носить перчатки. Широкія полы халатовъ спереди далеко запахиваются одна на другую и подпоясываются шарфомъ, — кушакомъ или кожанымъ поясомъ, къ которому привѣшены красивыя сумочки съ отдѣлкой изъ латуни или серебра, а также маленькіе патронташи и ножны (для ножа). Своеобразный видъ представляютъ ихъ широкія шубы, ергаки,—изъ дубленыхъ кожъ жеребятъ; онѣ носятся мѣхомъ вверхъ и отличаются оригинальными украшеніями изъ гривы. Какъ всѣ восточные народы, они носятъ весьма широкія шаровары,—изъ матеріи или кожи, обшитыя внизу золотымъ позументомъ. Подобныя шаровары изъ кожи служатъ также для сбереженія лишняго платья въ дорогѣ; ихъ прикрѣпляютъ къ спинѣ лошади, чтобы имѣть возможность переодѣться, въ случаѣ надобности на ходу, чему мы сами бывали не разъ свидѣтелями.

Обувь у нихъ состоитъ изъ кожаныхъ зеленыхъ чулокъ, отороченныхъ сафьяномъ, сверхъ которыхъ надѣваются грубые башмаки или, рѣже, весьма своеобразные, съ очень высокими каблуками, сапоги, весьма неудобные уже для ѣзды, не говоря уже о ходьбѣ. Какъ магометане, киргизы брѣютъ волосы на головѣ или стригутъ ихъ вплотную и носятъ маленькую ермолку, (такіе или аракчинъ), искусно сшитую изъ сборчатой матеріи или шелка; у богатыхъ ермолка шьется изъ бархата и вышивается золотомъ. Сверхъ ермолки надѣвается или упомянутая выше бюрка, или обыкновенная круглая шапка, съ мѣховымъ околышемъ или вся мѣховая. Такія шапки, особенно изъ бѣлыхъ курчавыхъ барашковъ, очень красивы и охотно носятся даже русскими; особенно нарядными считаются шапки изъ лисьихъ лапокъ, которыми богатые любятъ также подбивать свои халаты. Въ видѣ особеннаго украшенія въ верхнюю пуговицу шапки втыкается еще перо совы. Войлочныя шляпы въ модѣ у киргизовъ уже съ давняго времени и донынѣ къ счастію не вышли изъ употребленія. Обыкновенныя маленькія, бѣлыя, формой болѣе или менѣе напоминающія штирійскія „фески“, носятся преимущественно бѣдняками; богатые же въ торжественныхъ случаяхъ надѣваютъ оригинальныя, высокія шляпы съ отогнутыми сзади или съ боковъ полями, и убранныя мелкимъ шитьемъ и шнурами.

О женскихъ нарядахъ я уже говорилъ довольно подробно, а въ остальномъ долженъ сослаться на Палласа, который въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, сообщаетъ самыя достовѣрныя свѣденія. Уже a priori можно предположить, что Киргизскія женщины и дѣвушки не менѣе нашихъ интересуются нарядами и уборами, знакомы съ употребленіемъ бѣлилъ и румянъ, а равно, по турецкому обычаю, и хенны, т. е. краски для ногтей. Находящаяся же у меня фотографія молодой киргизки въ полномъ нарядѣ съ высокимъ башне-образнымъ головнымъ уборомъ, доказываетъ, что туалетъ киргизской красавицы, хоть и не отличается особеннымъ вкусомъ, является однако весьма сложнымъ. Ламамъ, которыя не будутъ удовлетворены этими краткими замѣтками, я рекомендую прочитать записки г-жи Аткинсонъ, которая описываетъ нарядъ киргизской невѣсты гораздо подробнѣе, обстоятельнѣе, чѣмъ это въ состояніи былъ бы сказать я. Изъ сказаннаго достаточно видно, что киргизы принуждены покупать или скорѣе вымѣнивать много предметовъ одежды и разныхъ другихъ вещей, причемъ, какъ оказывается, ташкентскія и китайскія издѣлія у нихъ въ большемъ употребленіи, чѣмъ русскія. Подобно тому, какъ въ отда-

ленныхъ областяхъ Капской колоніи, и въ азіятскихъ степяхъ разъѣзжаютъ торговцы и коробейники, преимущественно изъ Сартовъ и Татаръ, которые и ведутъ мѣновую торговлю, весьма для нихъ выгодную. Такъ, за пару зеленыхъ кожаныхъ чулокъ или сапогъ, стоющую въ Ташкентѣ, при покупкѣ оптомъ, не болѣе $1^1/_2$ р., въ степныхъ аулахъ они берутъ не менѣе 1—2 барановъ, три штуки которыхъ стоютъ въ Ташкентѣ 15—20 рублей.

Я уже не разъ упоминалъ объ юртахъ, какъ о самыхъ удобныхъ переносныхъ жилищахъ, но до сихъ поръ еще не представилъ описанія ихъ. Юртой называется круглая палатка, изъ деревяннаго рѣшетчатаго остова, обтянутаго войлокомъ, и напоминающая своей формой кругъ сыра. Величина ея бываетъ весьма различна, отъ 10 до 20 фут. въ поперечникѣ и отъ 8 до 15 ф. вышины. При постройкѣ юрты сперва ставится рѣшетка изъ однодюймовыхъ ивовыхъ планокъ, гладкихъ со всѣхъ сторонъ и по большей части выкрашенныхъ въ красный цвѣтъ печатной глиной; планки скрѣпляются на концахъ крестообразно такъ, что рѣшетка, по желанію, можетъ раздвигаться или съуживаться. Отдѣльныя части рѣшетки, футовъ въ 7 длиною, связываются шнурами изъ бѣлаго или гнѣдого, конскаго или козьяго, волоса, причемъ въ одномъ мѣстѣ круга оставляется отверстіе для двери, замѣняемой сколоченной изъ четырехъ брусьевъ рамой. Устроивъ основу палатки, приступаютъ къ возведенію купола. Послѣдній состоитъ изъ прочнаго деревяннаго кольца, около пяти или шести футовъ въ поперечникѣ, скрѣпленнаго тремя выгнутыми перекладинами; по краю этого кольца просверлены четыреугольныя отверстія, для вложенія длинныхъ жердей (8—10 футовъ), соединяющихъ куполъ съ его основаніемъ. Кольцо поднимается сперва вверхъ на трехъ жердяхъ, которыя укрѣпляются волосяными веревками, затѣмъ вставляютъ остальныя жерди, числомъ до 70, и такимъ образомъ получаютъ сквозной, но достаточно прочный бесѣдкообразный остовъ. На этотъ остовъ накладываются четыре или пять большихъ войлоковъ, прикрывающихъ одинъ другой и оставляющихъ одно отверстіе, закрываемое особымъ клапаномъ,— кускомъ войлока, который, при помощи длинныхъ волосяныхъ шнуровъ, можетъ по желанію подниматься или опускаться. Внутри юрта выкладывается красивыми цыновками изъ камыша, перевитаго пестрою шерстью, которыя такъ же удобно скатываются, какъ и войлоки. Дверь, въ которую войти можно только согнувшись, закрывается кускомъ войлока, а у богатыхъ еще ковромъ.

Смотря по матерьялу, изъ котораго сдѣлана юрта, цѣнность ея

можетъ быть весьма различна. Такъ напр. юрта изъ бѣлаго съ пестрыми узорами войлока, выложенная и убранная внутри дорогими бухарскими или туркменскими коврами, можетъ стоить нѣсколько сотъ и до тысячи рублей, тогда какъ простую маленькую войлочную юрту или кошъ, въ какихъ обыкновенно живутъ болѣе бѣдные киргизы, можно устроить рублей за 10 или 15. Первобытное устройство такихъ юртъ я уже описалъ. Само собою разумѣется, что и въ богатыхъ юртахъ имѣется посрединѣ очагъ. Кромѣ упомянутыхъ ковровъ, внутренность юрты украшается еще пестрыми, обитыми жестью, сибирскими сундуками, и присутствіемъ возможно большого самовара.

Кромѣ защиты, которую даетъ хорошая юрта отъ дождя и вѣтра, она представляетъ еще то удобство, что ее легко складывать и ставить вновь. Менѣе чѣмъ въ полчаса искусныя руки въ состояніи собрать юрту и въ еще меньшее количество времени ея части могутъ быть разобраны, сложены и навьючены на верблюда. Большая юрта вѣситъ около 10—12 пудовъ, что на небольшія разстоянія составляетъ какъ разъ вьюкъ одного верблюда. Во время морозовъ юрту обертываютъ войлокомъ въ два или три ряда; нѣкоторые же киргизы зимуютъ въ домахъ, а султаны имѣютъ даже настоящіе русскіе деревянные дома.

Въ качествѣ послѣдователей ислама, киргизы могутъ имѣть по нѣскольку женъ, но, какъ это мы видимъ у турокъ и мормоновъ, только богатые въ состояніи позволять себѣ такую роскошь, по той причинѣ, что колымъ или выкупъ за невѣсту, состоящій обыкновенно изъ скота, сравнительно очень великъ. Большинство же киргизовъ имѣютъ только по одной женѣ и даже состоятельные люди довольствуются лишь двумя. Жены Киргизовъ закрываютъ лицо оригинальнымъ вуалемъ (дзаулокомъ), но вообще онѣ далеко не такъ стѣснены въ этомъ отношеніи, какъ другія обитательницы. Востока, напримѣръ турчанки. Обращеніе ихъ,—съ не магометанами по крайней мѣрѣ, — гораздо свободнѣе и Влангали разсказываетъ, напримѣръ, что жена султана Танаса умѣла превосходно выполнять роль хозяйки дома.

За скудостью собранныхъ мною лично свѣдѣній, я долженъ обойти молчаніемъ обычаи при свадьбахъ и похоронахъ, которые притомъ описаны уже подробно Рычковымъ, Палласомъ, Мейеромъ, Аткинсономъ и другими.

О весьма разнообразныхъ, по мѣсту и матерьялу, надгробныхъ памятникахъ (аба) мнѣ придется еще говорить впослѣдствіи. Описанные ранѣе празднества въ Аркатскихъ горахъ дока-

зываютъ, что Киргизы умѣютъ веселиться и даже, можно сказать, падки до удовольствій, причемъ охотно пользуются случаемъ выказать свои богатства. Я уже упоминалъ, что при этихъ удовольствіяхъ пѣніе и стихотворство играютъ весьма значительную роль; слѣдуетъ прибавить, что и музыка также не бываетъ забыта. По словамъ Мейера, кромѣ вышеописаннаго „кобуза", — струннаго инструмента, похожаго на цитру, у киргизовъ существуетъ еще родъ свирѣли (зувусья), которая дѣлается изъ длинныхъ и толстыхъ пустыхъ стеблей, или даже изъ дерева, и имѣетъ просверленныя на боку дырочки для произведенія разныхъ тоновъ. Графъ Вальдбургъ видѣлъ у нихъ еще флейту. Что касается танцевъ, то они киргизамъ неизвѣстны.

При сильно развитомъ въ киргизахъ любопытствѣ, новости распространяются въ степи съ неимовѣрною быстротою. Здѣсь никогда нѣтъ недостатка въ шалопаяхъ, готовыхъ съ удовольствіемъ броситься на первую лошадь и скакать въ ближайшій аулъ, хотя бы онъ былъ на разстояніи 100 верстъ или болѣе, чтобы только первому передать какую нибудь новость. Поэтому киргизы оказывались всегда предупрежденными о нашемъ путешествіи, и вѣсть о нашемъ прибытіи достигала до нихъ достаточно своевременно, чтобы они имѣли время переодѣться въ парадные костюмы. Въ случаѣ пировъ и празднествъ никакое разстояніе не кажется имъ слишкомъ далекимъ. Что у такого коннаго народа, какъ киргизы, всѣ отъ мала до велика умѣютъ ѣздить верхомъ, говорить конечно нечего; вѣдь они были первыми учителями казаковъ, джигитовка коихъ была мною описана выше. Женщины не менѣе искусны въ ѣздѣ, какъ и мущины, причемъ онѣ сидятъ верхомъ совершенно по мужски.

Насколько все, что относится къ лошадямъ и верховой ѣздѣ, отражается на бытѣ, мышленіи и фантазіи киргизовъ, показываетъ всего разительнѣе фактъ, что гиппоманія у нихъ тѣсно связана даже съ астрономіей. Какъ всѣмъ номадамъ, киргизамъ хорошо извѣстны главнѣйшія звѣзды и созвѣздія. Такъ напр. они хорошо знаютъ полярную звѣзду, которую называютъ „Демиръ-Кассыкъ (желѣзный столбъ) и созвѣздіе Большой Медвѣдицы, которая у нихъ носитъ названіе „Джеди-Карабчи", т.-е. „Семь Воровъ". Движеніе созвѣздій они объясняютъ слѣдующимъ образомъ: къ желѣзному столбу привязаны двѣ лошади (двѣ свѣтлыя звѣзды Малой Медвѣдицы), преслѣдуемыя семью смѣлыми ворами, и всѣ вмѣстѣ они кружатся около желѣзнаго столба (полярной звѣзды). — Эта игривая сказка показываетъ какъ сильно

развита у киргизовъ фантазія; и дѣйствительно, у нихъ существуетъ множество легендъ и героическихъ поэмъ, о которыхъ Радловъ сообщилъ наиболѣе подробныя свѣдѣнія. Интересна также сказка о двухъ великанахъ и горѣ Калмакъ-Тологай, записанная Вланга ли. Что киргизы могутъ быть также искусными ораторами, доказываетъ бесѣда полковника Венюкова съ султаномъ Али, начальникомъ Дулатовъ (см. путешествіе по окраинамъ Азіатской Россіи, 1868).

Но возвратимся изъ области фантазіи снова къ дѣйствительности и къ нашему путешествію.

ГЛАВА VII.

ВЪ ДЖУНГАРСКОМЪ АЛА-ТАУ.

(Отъ Лепсы до Бакты).

Лепса.—Основаніе ея.—Торговый трактъ.—Развитіе.—Пространство и народонаселеніе.—Семирѣчинская область.—Киргизы этой области.—Хлѣбопашество.—Пчеловодство.—Романтическое мѣстоположеніе Лепсы.—Изслѣдователь Ала-Тау.—Заилійскій Ала-Тау.—Джунгарскій Ала-Тау.—Рѣка Лепса.—Прогулка по горамъ графа Вальдбургъ-Цейля.—Вершина хребта достигнута.—Усердная молодежь.—Поѣздка къ Джазиль-Кулю.—Растительность.—Дикія яблони.—На „Зеленомъ озерѣ“.—Птицы Ала-Тау.—Земноводныя.—Моллюски.—Рыбы.—Звѣри.—Рога марала какъ цѣнный предметъ торговли.—Отличія марала отъ европейскаго оленя.—Жировикъ.—Отъѣздъ изъ Лепсы.—Черезъ Тентекъ.—Русская колонія Уджъ-Аралъ.—Нѣсколько словъ о колонизаціи.—Мавзолей одного султана.—Кабаны.—Жизнь птицъ.—Домашніе воробьи въ степи.—Въ камышевыхъ лѣсахъ на Тентекѣ.—Соловей.—Черезъ Уяли.—Султанъ Абинъ-Даиръ.—Близъ большого Ала-Куля.—Пеликаны.—Жара.—Агинъ-Су.—Грачи.—Уржаръ.—Отъѣздъ въ Бакты.—Хорошая дорога.—Степь.—Между азіатскими Геркулесовыми столпами.—Опредѣленіе высотъ.—Сайга.—Степныя птицы.—Змѣи.—Могилы.—Макенджи.—Неосторожныя ласточки.—Затрудненія при закладкѣ степныхъ лошадей.—Онѣ бѣсятся и опрокидываютъ.—Неожиданный взрывъ.—Пріѣздъ въ Бакты.

Лепса, Лепсинская станица или Лепсинскъ, какъ ее называютъ на картахъ въ отличіе отъ одноименнаго пикета, находящагося дальше на сѣверо-западъ, по дорогѣ въ Копалъ, или еще иначе Верхне-Лепсинскъ, принадлежитъ къ числу военныхъ поселеній (станицъ), основанныхъ послѣ 1844 года, т.-е. послѣ присоединенія Семирѣчинской области. Заселеніе этого края послѣдовало въ 1854 году, по особому императорскому указу, и первоначально было поселено 200 сибирскихъ линейныхъ казаковъ и 200 крестьянскихъ семей. Верхне-Лепсинскъ былъ основанъ въ 1855 г. двумя офицерами и 95 казаками съ ихъ семьями, къ которымъ въ слѣдующемъ году присоединились еще 1 офицеръ и 96 человѣкъ казаковъ, а также 200 крестьянскихъ семействъ изъ Западной Сибири, которыя вошли въ составъ земледѣльческаго военнаго поселенія, на правахъ казаковъ. Я привожу эти данныя, заимствованныя мною у Шпёрера, для того,

чтобы показать, какимъ образомъ возникла большая часть этихъ поселеній; могу впрочемъ прибавить, что мѣстечко, очевидно, съ тѣхъ поръ значительно разрослось. По крайней мѣрѣ оно производитъ чрезвычайно выгодное и пріятное впечатлѣніе, усиливаемое еще болѣе видомъ красивыхъ горъ. Совершенно въ русскомъ вкусѣ, деревянные домики,—которыхъ по словамъ Шпёрера уже въ 1865 году было 455, что мнѣ кажется нѣсколько преувеличеннымъ,— смотрятъ весьма уютно, а немногія, но широкія и по обѣимъ сторонамъ засаженныя рядомъ молодыхъ березокъ, улицы придаютъ колоніи чрезвычайно привѣтливый видъ. Въ мѣстечкѣ есть церковь, и—для осѣдлыхъ торговцевъ, Татаръ и Сартовъ—мечеть. Красивый домикъ съ зеленой крышей подполковника Фридерикса, представляетъ, если я не ошибаюсь, единственную постройку изъ кирпича.

Лепса имѣетъ свой базаръ и принимаетъ—хотя и не очень значительное,—участіе въ торговлѣ съ Китаемъ, куда ведутъ двѣ караванныя дороги, черезъ Кульджу и Чугучакъ. Первая идетъ черезъ горы Джаманъ-Тассъ и черезъ перевалъ Куку-Тау къ китайскому сторожевому посту Басъ, находящемуся въ 70 верстахъ отъ Лепсы, каковое разстояніе вьючныя лошади проходятъ въ 10 дней. По словамъ Кушакевича, 18 часовъ пути достаточно, чтобы изъ Лепсы доѣхать до Баротала, протекающаго уже въ предѣлахъ Китая. Караваны верблюдовъ идутъ до Чугучака восемь дней черезъ Урджаръ и Бакты, которые будутъ описаны мною на возвратномъ пути. Въ Чугучакѣ преимущественно ведется торговля кожей, выдѣлкой которой занимается Лепса. Въ Лепсѣ существуетъ еще большой винокуренный заводъ, принадлежащій казнѣ, и мыловарня.

За какіе нибудь 20 лѣтъ своего существованія Лепса успѣла значительно опередить Сергіополь. Въ ней считается, какъ намъ говорили, до 3000 жителей (въ 1864 г. было 2589), тогда какъ въ Сергіополѣ едва насчитываютъ 1500, и кромѣ того въ нее теперь перенесено мѣстопребываніе административной власти всего уѣзда, прежде бывшее въ Сергіополѣ. Начальникъ уѣзда, должность котораго въ настоящее время занимаетъ подполковникъ Фридериксъ, есть одновременно также начальникъ военнаго и гражданскаго управленія.

Уѣздъ Лепсы (Сергіополь) съ уѣздами Копальскимъ и Вѣрнымъ, образуетъ Семирѣчинскую область, главнымъ городомъ который считается Вѣрный (слишкомъ 12000 жителей) и которая входитъ въ составъ Туркестанскаго Генералъ-Губернатор-

ства. Вся Семирѣчинская область (по показаніямъ Штумма, основанныхъ на русскихъ источникахъ) занимаетъ пространство въ 6300 географическихъ квадратныхъ миль (по Шваненбаху 7007), съ народонаселеніемъ, состоящимъ изъ 540,000 кочевниковъ (изъ нихъ, по словамъ Венюкова 320,000—киргизовъ) и только 30,000 Русскихъ (преимущественно солдатъ), которые поселены въ 5 уѣздныхъ городахъ, 6 станицахъ (военныхъ поселеніяхъ), 8 большихъ деревняхъ и 3 пикетахъ, всего въ 28 постоянныхъ мѣстахъ жительства. Въ 1873 г. Семирѣчинская область имѣла 18 школъ и 15 церквей.

Климатъ области совершенно континентальный: въ Копальскомъ уѣздѣ лѣтомъ, начиная со второй половины мая, жара доходитъ до 40° по Реомюру, а зимой—25° морозы не составляютъ ничего необыкновеннаго. Въ южныхъ уѣздахъ, напр. въ Копалѣ и Вѣрномъ (Алматы, т. е. яблочномъ городѣ, по киргизски) климатъ гораздо мягче. Вначалѣ марта здѣсь уже показывается первая зелень, и лишь вначалѣ ноября выпадаетъ первый снѣгъ, который, впрочемъ, рѣдко лежитъ долѣе трехъ дней. Здѣсь вызрѣваютъ абрикосы, яблоки и другіе плоды, а также дыни и т. д.

Киргизы, кочующіе въ числѣ 1000 юртъ (по 3 чел. въ каждой) въ окрестностяхъ Лепсы, принадлежатъ къ родамъ Байджигитовъ и Кизаевъ, самыхъ безпокойныхъ изъ всего племени. Они не только производятъ грабежи и разбои, но нерѣдко дѣйствовали за одно съ дунганами и массами переходили китайскую границу. Такъ отложилась большая часть Кизаевъ, около 20,000 юртъ или 90,000 душъ.

Горная долина Чубаръ-Агачъ, гдѣ верхній слой почвы состоитъ изъ чернозема, можетъ считаться самою плодородною мѣстностію Семирѣчинской области, которая вообще удобна только для скотоводовъ-кочевниковъ и въ которой поэтому едва ли можно насчитать 300 квад. миль пахотной земли.

Поля поселенцевъ (въ 1864 г. ихъ считалось около 1000 десятинъ) находятся обыкновенно верстахъ въ 15—30 отъ станицъ, потому что здѣсь отчасти еще сохранились оросительные каналы прежнихъ жителей, что много облегчаетъ земледѣльческій трудъ. Послѣ хлѣбопашества здѣсь преимущественно занимаются пчеловодствомъ, для котораго чрезвычайно богатая флора горъ представляетъ особенно благопріятныя условія. Шпёреръ говоритъ, что въ 1864 г. въ Лепсѣ было 3000 ульевъ, но съ тѣхъ поръ число ихъ, вѣроятно, значительно увеличилось. Въ Лепсѣ

на пчельникъ смотрятъ, какъ на признакъ нѣкоторой зажиточности обывателей, и это дѣйствительно не лишено основанія. Такъ старый, честный казакъ, у котораго мы жили (и жили лучше чѣмъ можно было ожидать), былъ обладателемъ 2000 ульевъ, что уже одно,—считая по 3 руб. улей,—составляетъ капиталъ въ 6000 рублей. А если справедливо, что 100 ульевъ даютъ среднимъ числомъ 45 пуд. меду и 8 пуд. воска,—то это составляетъ весьма почтенную сумму въ 3000 рублей дохода.

Въ сопровожденіи полковника фонъ-Тизенгаузена, мы сдѣлали съ графомъ Вальдбургъ-Цейлемъ прогулку верхомъ въ горы, вдоль живописнаго горнаго потока „Буленка-Ключъ“, и познакомились при этомъ съ мѣстнымъ пчеловодствомъ, по истинѣ поражающимъ тщательностію ухода и размѣрами своего производства. Ала-Тау доставляетъ превосходный, замѣчательно ароматный медъ, который обыкновенно уже на мѣстѣ продается Ташкентскимъ купцамъ. Пудъ меда стоитъ $3^1/_2$—4 р., а воска 18—20 р.

Лепса расположена весьма живописно почти у самой подошвы горъ, покрытыхъ великолѣпными хвойными лѣсами, сзади коихъ возвышается гребень около 6000 ф. средней высоты, не составляющій еще однако главнаго хребта. Не представляя величественнаго вида, гребень этотъ, окутанный снѣжнымъ покровомъ, рельефно выступающимъ подъ темнымъ фономъ лѣсовъ, не лишенъ живописности. Впрочемъ, уже простымъ глазомъ изъ Лепсы можно было различить, что въ ущельяхъ древесная растительность доходитъ почти до вершины гребня, который здѣсь не достигалъ линіи вѣчнаго снѣга.

Сама Лепса лежитъ на высотѣ 2400 футовъ (по Семенову на высотѣ 2700 ф., по графу Вальдбургу на высотѣ 800 метровъ). Съ запада мѣстечко ограничено стремительнымъ горнымъ потокомъ Буленкой, впадающимъ недалеко отъ станицы въ рѣчку Лепсу, которая ниже принимаетъ въ себя еще рѣчку Джелону, т. е. открытую. Климатъ станицы очень здоровый. Высокое мѣстоположеніе и сосѣдство высокихъ горъ значительно умѣряютъ лѣтніе жары. Въ ноябрѣ обыкновенно выпадаетъ первый снѣгъ, который лежитъ до апрѣля, а въ концѣ этого мѣсяца быстро изчезаетъ, вслѣдствіе проливныхъ дождей.

Александръ Шренкъ первый доставилъ научныя свѣдѣнія объ Ала-Тау, перейдя его въ области истоковъ Баксана и затѣмъ Тентека, черезъ перевалъ Куку-Тау, и дойдя до Китайской границы. Экспедиція Влангали, отправившаяся въ 1851 г. изъ Копала въ Ала-Тау для розысковъ залежей рудъ, прошла вверхъ

вдоль р. Коксу и лишь послѣ многихъ усилій,—такъ какъ пришлось возить съ собою пушки, достигла перевала Уйгинъ-Ташъ. Свѣдѣнія, доставленныя Влангали, представляютъ весьма драгоцѣнный матерьялъ для геологіи, но къ сожалѣнію онъ не производилъ опредѣленія высотъ, а на картѣ его, начерченной довольно грубо, не обозначенъ маршрутъ. Мы обязаны Кушакевичу весьма интересно изложеннымъ описаніемъ его путешествія черезъ перевалъ Кокъ-Тау въ долину Баротала.

Описанія Ала-Тау, составленныя англійскимъ живописцемъ Аткинсономъ,—не болѣе ни менѣе какъ описанія туриста, но его хорошіе рисунки вполнѣ заслуживаютъ вниманія. Уже Шренкъ узналъ, что южнѣе существуютъ еще болѣе высокія горы, которыя также называются Ала-Тау; теперь горы эти, которыя слѣдовало бы всегда называть „Александровскими", стали хорошо извѣстны. Эта южная цѣпь, которую Семеновъ отличаетъ какъ за-Илійскій Ала-Тау, значительно выше и массивнѣе сѣверной, такъ какъ она достигаетъ 12,000—14,000 фут. и даже 15,000 футовъ высоты, т. е. превышаетъ высоту Монъ-Блана.

Джунгарскій или Семирѣчинскій Ала-Тау (т. е. пестрыя или пѣгія горы) принадлежитъ, по мнѣнію Рихтхофена, къ системѣ Тянъ-Шана, т. е. къ той горной цѣпи, которая пересѣкаетъ центральную Азію по направленію съ востока на юго-западъ. На югѣ онъ ограничиваетъ степную низменность Ала-Куля и тянется на протяженіи 300 верстъ между 44° и 46° сѣв. широты. Джунгарскій Ала-Тау составляетъ въ то же время границу съ Китаемъ; на южномъ его склонѣ прежде находились китайскіе пикеты или пограничные посты, которые были раззорены во время Дунганскаго возстанія.

По словамъ Венюкова, въ главной цѣпи Ала-Тау есть только два доступныхъ перевала, у Тентека и у Лепсы; оба они были уже извѣстны калмыкамъ, тропинки коихъ можно отличить еще и теперь. Эти два перевала нельзя однако считать единственными доступными проходами черезъ границу, такъ какъ пограничныя горы состоятъ не изъ одного хребта. Семеновъ, напримѣръ, различаетъ шесть параллельныхъ цѣпей, направляющихся съ востока на западъ и достигающихъ большей частью значительной вышины, причемъ перевалы въ нихъ лежатъ на высотѣ 3600—7000 фут.

Главная цѣпь Ала-Тау, Куку-Тау (т. е. голубыя горы), достигаетъ предѣловъ вѣчнаго снѣга, именно 12,000 фут. высоты, а по Шренку даже 13,000 фут. Ледниковъ въ ней нѣтъ, впрочемъ Кушакевичъ упоминаетъ о моренахъ. Онъ же опредѣляетъ высоту

перевала Кокъ или Куку-Тау въ 9800 парижскихъ футовъ. Растительность здѣсь настоящая альпійская, лѣса доходятъ однако до 7000—8000 футовъ высоты. Выше, до 9000 футовъ, лежитъ поясъ богатый альпійскими лугами, которыми кочевники пользуются для лѣтнихъ пастбищъ. Уже изъ этого краткаго очерка видно, что Ала-Тау—весьма почтенныя горы и могли бы занять видное мѣсто среди большинства горныхъ цѣпей Европы.

Кромѣ вышеупомянутыхъ путевыхъ отчетовъ Шренка и Влангали, для знакомства съ Ала-Тау особенно важны изслѣдованія Семенова и отличныя компиляціи Шпёрера и Венюкова. Изъ картъ самая лучшая, безспорно, составлена Петерманомъ, и только съ помощію ея возможно, напримѣръ, слѣдить за путешествіемъ Шренка и Аткинсона. Если и эта образцовая карта почти не даетъ опредѣленія высотъ, то очевидно, что въ этомъ отношеніи еще остается сдѣлать многое. Тоже можетъ быть сказано и относительно нѣкоторыхъ другихъ опредѣленій. Возьмемъ, для примѣра, хоть разнорѣчивыя мнѣнія объ истокахъ Лепсы. По словамъ Семенова, она вытекаетъ изъ снѣговой области Ала-Тау, по Абрамову же изъ предгоріевъ Ала-Тау и это мнѣніе совпадаетъ съ высказаннымъ Шренкомъ въ одномъ мѣстѣ его путевыхъ замѣтокъ. Послѣ Или, Лепса, какъ извѣстно, составляетъ самый значительный притокъ Балхаша, и въ половодье, съ половины мая до половины іюня, по ней, начиная съ Лепсинскаго пикета, могутъ ходить суда съ грузомъ до 1000 пудовъ.

За время нашего пятидневнаго пребыванія въ Лепсѣ, мы, конечно, не могли пополнить чѣмъ нибудь существеннымъ имѣющіяся свѣдѣнія объ Ала-Тау; тѣмъ не менѣе д-ръ Брэмъ и графъ Вальдбургъ-Цейль успѣли все-таки сдѣлать экскурсію въ горы. Любезности графа я обязанъ слѣдующимъ описаніемъ поѣздки, предпринятой въ сопровожденіи Тамаръ-Бея.

„Киргизскія лошади, одинаково привыкшія къ ѣздѣ по степи, какъ и къ ѣздѣ въ горахъ, быстро примчали насъ на первый уступъ горъ, густо покрытыхъ по крутизнамъ березами, осинами, кое-гдѣ яблонями, и кустарниками, между которыми преобладала красная смородина. Въ этой черноземной полосѣ, вездѣ, гдѣ только позволяетъ мѣстность, занимаются земледѣліемъ и сѣютъ рожь, овесъ и коноплю. Выше почва стала каменистою, и низкая, свѣжая трава и кустарникъ ясно свидѣтельствовали о своемъ недавнемъ освобожденіи отъ снѣжнаго зимняго покрова. Добравшись до первой снѣжной поляны, мы были поражены неожиданнымъ явленіемъ. Мы увидали какое-то черное животное, которое, съ перваго

взгляда, я принялъ за медвѣдя, Тамаръ-Бей за марала (оленя); но на самомъ дѣлѣ мы оба ошиблись: съ помощію моей подзорной трубки я тотчасъ убѣдился, что это была лошадь и притомъ домашняя. Два Киргиза поймали ее, и, къ нашему изумленію, она оказалась четвероногимъ дезертиромъ, именно артиллерійской лошадью одной батареи, которая въ тотъ же день выступила въ Вѣрный. По всей вѣроятности изъ отвращенія къ предстоявшему походу она вырвалась и убѣжала съ своей сбруей въ горы. Мы взяли ее съ собою и доставили въ артиллерійское депо, послѣ чего снова продолжали нашъ путь, который, чѣмъ выше, тѣмъ становился затруднительнѣе. Наконецъ, глубокій снѣгъ отнялъ всякую возможность продолжать нашъ путь верхомъ и мы стали взбираться пѣшкомъ, къ немалой, повидимому, досадѣ нашихъ провожатыхъ.

Скоро впрочемъ рыхлый снѣгъ, въ который пришлось погружаться по поясъ, положилъ предѣлъ и нашему пѣшехожденію, и мы должны были остановиться на высотѣ 1930 метровъ. Съ этого уровня мы могли уже обозрѣвать мѣстность по ту сторону хребта и вдоволь налюбовались великолѣпнымъ видомъ. На сѣверъ отсюда растилалась необозримая степь Ала-Куля; во всѣхъ другихъ направленіяхъ, глазъ встрѣчалъ только снѣговые хребты. На востокѣ были видны отроги Ала-Тау, до китайской пограничной цѣпи Барлыка, на западъ виднѣлись Копальскія горы; на югѣ— главный хребетъ Ала-Тау съ его конусообразными вершинами, достигающими 10,000 и болѣе футовъ высоты. Достигнувъ вершины гребня, мы увидѣли себя на широкой плоской возвышенности, верстъ на 30 въ окружности, на которой Киргизы лѣтомъ пасутъ свои стада, за исключеніемъ верблюдовъ. Я замѣтилъ, что древесная растительность достигала до 1840 метровъ; выше виднѣлся только приземистый можжевельникъ. Орлы и вороны были здѣсь единственными представителями царства животныхъ; впрочемъ, при подпятіи, мы замѣтили слѣды медвѣдя и увидали стадо изъ семи мараловъ. Чрезвычайно крутые склоны, мѣстами покрытые наносными камнями, соблазнили насъ позабавиться бросаньемъ внизъ камней, что производило немалый эффектъ и вызывало также появленіе скрывавшихся животныхъ. Такъ первый раскатъ камней вспугнулъ четырехъ горныхъ индѣекъ (Megaloperdix spec.?), а послѣдующіе вызвали появленіе двухъ тэковъ, горныхъ козловъ (Capra sibirica), за которыми я долго и жадно слѣдилъ въ подзорную трубку. Къ сожалѣнію, не представлялось ни малѣйшей надежды на удачную охоту, хотя эта прогулка и достаточно

убѣдила меня, какую богатую мѣстность представляетъ Ала-Тау для охотника и естествоиспытателя. Достигнувъ того мѣста, гдѣ нами были оставлены лошади, мы стали быстро спускаться въ долину и около 8 ч. вечера снова прибыли въ Лепсу".

Самому мнѣ невозможно было отправиться въ горы, такъ какъ время у меня незамѣтно промелькнуло въ занятіяхъ по собиранію коллекцій и упаковкѣ. Благодаря посредничеству мѣстнаго священника, который собственно пришелъ для того, чтобы посмотрѣть на прибывшихъ издалека нѣмцевъ, не забывая въ тоже время и осушать постоянно подливаемый стаканчикъ, — приглашенные имъ ученики школы нанесли мнѣ много разнаго матерьяла. Само собою разумѣется, дѣло не обошлось безъ комическихъ разочарованій,—неизбѣжныхъ для каждаго путешественника-натуралиста. Такъ напримѣръ, одна коробка оказалась биткомъ набитою безчисленнымъ множествомъ жуковъ и бабочекъ, которые представляли конгломератъ оторванныхъ ногъ и крыльевъ; другая была наполнена жабами, битыми птичьими яицами и перепачканными въ ихъ содержимомъ мышами. Тѣмъ не менѣе нужно было все принимать съ улыбкой и давать соотвѣтствующее вознагражденіе, чтобы не отбить у ребятъ дальнѣйшаго усердія и охоты.

15 мая подполковникъ Фридериксъ устроилъ для насъ поѣздку къ великолѣпному альпійскому озеру Джазиль-Кулю. Въ поѣздкѣ этой приняли также участіе любезная дочь подполковника и маіоръ фонъ-Тизенгаузенъ. Мы выѣхали около 6 часовъ утра въ двухъ тарантасахъ, въ сопровожденіи казаковъ и киргизовъ. Дорога шла сначала вдоль подошвы горъ, черезъ отлогіе холмы, откуда открывались красивые виды на долину, по которой извивались Лепса и рѣчка Джелонашъ, мѣстами окаймленныя высокими тополями и ивами. Но вскорѣ мы свернули въ горы, и стали подниматься по все болѣе и болѣе съуживающейся долинѣ, причемъ дорога становилась все хуже и хуже и наконецъ сдѣлалась совершенно непроѣздною. У домика, занимаемаго рускими поселенцами, пчеловодами и пастухами, намъ пришлось поэтому выйти изъ тарантасовъ и пересѣсть на лошадей, о доставкѣ которыхъ въ нужномъ числѣ, какъ и всегда, заблаговременно озаботились киргизы. Довольно широкая рѣка Аганикачи, которую экипажамъ нашимъ не разъ приходилось переѣзжать на пути, здѣсь съуживается и становится быстрымъ потокомъ, живописно струившимся по обросшимъ лѣсомъ горнымъ ущельямъ. Рѣка эта проходитъ чрезъ озеро Джазиль-Куль и почти въ долинѣ уже соединяется съ Джелонашемъ. Растительность здѣсь, какъ травяная, такъ и

древесная, могла бы порадовать всякаго любителя природы и даже глазамъ профана представляла такое разнообразіе, подобнаго которому намъ потомъ уже не пришлось болѣе встрѣтить! Внизу, въ долинѣ, преобладали тополи, осины и ивы, часто въ замѣчательныхъ, по своему необыкновенному росту, экземплярахъ; выше ихъ смѣняли хвойныя деревья, особенно Pinus Schrenkiana. Совершенно новое для насъ явленіе представляли дикія яблони, покрытыя роскошными розовато-красными цвѣтами. Онѣ свидѣтельствовали, что мы находились въ умѣренномъ климатѣ, южнѣе 46° градусовъ широты. Эти дикія яблони (Pyrus Sieverianus) приносятъ маленькіе, но съѣдобные плоды, довольно пріятнаго кисло-сладкаго вкуса, которые поспѣваютъ около половины іюля и считаются лакомствомъ у киргизовъ. Для сокращенія труда при снятіи плодовъ, туземцы, къ сожалѣнію нерѣдко предпочитаютъ срубать все дерево. По словамъ А. Шренка, дикія яблони растутъ на самыхъ сѣверныхъ предгоріяхъ Ала-Тау, по степнымъ холмамъ Текели, а по Семенову, встрѣчаются еще сѣвернѣе, въ одномъ ущельѣ Тарбагатая, но только въ немъ одномъ. Показаніе же Мейера, что вмѣстѣ съ дикими вишнями, онѣ растутъ по берегамъ Балхаша, по всей вѣроятности ошибочно.

Кромѣ яблоней, множество кустарниковъ и растеній были также въ полномъ цвѣту, и наполняли особеннымъ бальзамическимъ благоуханіемъ горный воздухъ, и безъ того пропитанный ароматомъ черемухи и хвойныхъ. Поднимаясь по крутымъ и мѣстами очень неудобопроходимымъ тропинкамъ, далеко впрочемъ не столь опаснымъ, какія намъ привелось впослѣдствіи встрѣтить въ Алтаѣ,—мы пріѣхали, часамъ къ двумъ, къ самому озеру, которое, по наблюденіямъ графа Вальдбургъ-Цейля, лежитъ на высотѣ 1400 метровъ и при длинѣ въ 3 версты имѣетъ около версты въ ширину. Озеро это справедливо заслуживаетъ названія „Джазиль-Куля“ т. е. „зеленаго озера“, такъ какъ вода его, хотя и не въ той степени какъ напр. въ Королевскомъ озерѣ, отливаетъ прекраснымъ зеленоватымъ цвѣтомъ. Живописныя окрестности немало содѣйствуютъ эффектности пейзажа и позволяютъ поставить это озеро на ряду съ только что упомянутымъ озеромъ Верхней Баваріи и съ Зальцкаммергутомъ. Крутые берега его не представляютъ правда отвѣсныхъ утесовъ Королевскаго или Ахенскаго озеръ, но благодаря свѣжей зелени покрывающихъ ихъ внизу лиственныхъ лѣсовъ, доходящихъ до снѣжной линіи—видъ ихъ производитъ не менѣе благопріятное впечатлѣніе. Температура воды въ озерѣ въ полдень оказалось равною 9° Реомюра.

Мы расположились на отлогомъ сѣверномъ берегу, усѣянномъ мѣстами множествомъ гранитныхъ обломковъ, и развалившись передъ юртами, заблаговременно доставленными сюда на верблюдахъ, могли вдосталь налюбоваться прекраснымъ ландшафтомъ,—однимъ изъ самыхъ живописныхъ, встрѣченныхъ нами во время путешествія. Графъ Вальдбургъ, взобравшись на береговые утесы, открылъ въ сѣверо-западномъ концѣ озера красивый потокъ въ видѣ водопада. Послѣ закуски, состоявшей изъ пензмѣннаго пилава и баранины, часовъ около 5 мы двинулись въ обратный путь, и хотя ѣхали скорѣе, но за то и съ большими затрудненіями. Именно было весьма удивительно какъ не опрокинулись наши тарантасы, не имѣвшіе тормазовъ и стремглавъ катившіеся внизъ съ горы, въ особенности, если припять во вниманіе, что наступила темнота и не разъ приходилось переѣзжать чрезъ рѣчки. Правда, на опасныхъ мѣстахъ были разставлены верховые, которые удерживали экипажи помощію веревокъ, помогая еще заунывнымъ и хорошо знакомымъ намъ крикомъ „держи“. Часамъ къ 11 вечера мы вернулись опять въ Лепсу очень усталые, но за то въ хорошемъ расположеніи духа подъ вліяніемъ впечатлѣнія, произведеннаго на насъ созерцаніемъ красотъ природы.

Слѣдующій день намъ пришлось много поработать, чтобы привести въ порядокъ наши коллекціи, такъ какъ на другой день мы должны были отправиться дальше. Этотъ близкій отъѣздъ не могъ нѣсколько не опечалить насъ, послѣ того, какъ немногіе проведенные здѣсь дни убѣдили насъ въ богатствѣ представляемомъ этою мѣстностью для натуралиста. Мы находились въ одной изъ тѣхъ въ высшей степени интересныхъ областей, гдѣ европейскіе виды сталкиваются съ индійскими, и которыя потому представляютъ настоящее эльдорадо для естествоиспытателя, въ особенности орнитолога. Во время поѣздки къ Зеленому озеру д-ръ Брэмъ убилъ нѣсколько ласточекъ (Hirundo rupestris), голубя (Columba casiotis, заступающаго на югѣ нашего сизаго) и бѣлобрюхую оляпку (Cinclus leucogaster); графъ Вальдбургъ-Цейль добылъ сѣроголоваго Гималайскаго щегленка (Carduelis caniceps) и спеціально свойственнаго этой мѣстности чекана (Saxicola coeruleocephala); одинъ видъ голубя (Columba Eversmanni) и интереснаго ворона (Corvus orientalis). Уже при въѣздѣ въ Лепсу меня поразило присутствіе красивой трясогузки (Motacilla personata), замѣняющей здѣсь нашу бѣлую (Motacilla alba). Графъ Вальдбургъ-Цейль добылъ еще горлицу (Turtur meena), Carpodacus (erythinus) и каменнаго дрозда (Petrocincla saxatilis), а д-ръ Брэмъ

одного дрозда (Turdus viscivorus). Къ сожалѣнію намъ не удалось получить ни одного экземпляра водящагося здѣсь вида фазана, который по всей вѣроятности есть Phasianus mongolicus.

Изъ земноводныхъ мнѣ принесли только нашу обыкновенную ящерицу (Lacerta agilis), которую мы получили и на Джазиль-Кулѣ, и зеленую жабу (Bufo viridis). Замѣчательныя же „ящерицы", встрѣченныя Влангали въ мелководныхъ мѣстахъ Уйгепъ-Таша, и которыя ловятся киргизами на продажу китайцамъ по полтора рубля за штуку, какъ цѣлебное средство противъ апоплексіи, повидимому еще никѣмъ не описаны и вѣроятно принадлежатъ къ породѣ саламандръ (тритоновъ). Интересно было нахожденіе живыхъ улитокъ, принадлежащихъ къ виду Helix rubens Mart., тѣмъ болѣе, что экземпляры, собранные мною въ окрестностяхъ Лепсы и добытые графомъ Вальдбургомъ изъ подъ снѣга на высотѣ 1900 метровъ, оказались различными новыми разновидностями. Коренной видъ ихъ былъ открытъ впрочемъ Федченко въ Зарявшанскихъ горахъ. Между насѣкомыми, привезенными нами изъ Лепсы, баронъ фонъ-Гарольдъ нашелъ два новыхъ вида жуковъ. (Ontophagus).

Наши надежды на рыбное богатство озера, къ сожалѣнію, не оправдались, такъ какъ ловля была безуспѣшна, вѣроятно по причинѣ значительной глубины озера. Челнокомъ при этомъ намъ служилъ паромъ, быстро собранный казаками изъ нѣсколькихъ древесныхъ стволовъ. Тѣмъ богаче была добыча, добытая нами въ рѣкахъ, Джелонашѣ и Лепсѣ, состоявшая впрочемъ только изъ двухъ видовъ (Diptychus Dybovski Kessl. и Diplophysa labiata Kessl.), изъ которыхъ послѣдній былъ полученъ мною ранѣе изъ Балхаша. Замѣчательно отсутствіе форелей и харіусовъ (вообще лососевыхъ) въ этихъ чистыхъ горныхъ рѣчкахъ.

Для выносливаго и неутомимаго охотника, Ала-Тау представляетъ также богатое поприще. Я уже упомянулъ, что графъ Вальдбургъ-Цейль встрѣтилъ слѣды медвѣдей и мараловъ и наткнулся на горныхъ козловъ (Capra sibirica). По словамъ Шренка тутъ водится и горный баранъ (аркаръ), что подтверждаютъ также г-жа Аткинсонъ и Кушакевичъ; послѣдній встрѣтилъ семь штукъ ихъ на Кокъ-Ташѣ, т. е. на довольно значительной высотѣ. По мнѣнію Сѣверцева, баранъ этотъ разнится отъ Алтайскихъ и принадлежитъ къ виду Ovis Karelini Sev. Хотя Шренкъ и говоритъ, что на вершинахъ горъ здѣсь водятся также косули (Cervus pygargus), но это замѣчаніе должно относиться вѣроятно къ маралу. Кушакевичъ встрѣчалъ этого послѣдняго довольно

часто въ полосѣ лѣсовъ и можжевельника на высотѣ 6500 — 10,000 футовъ, равно какъ и красивую длиннохвостую пантеру, ирбиса, которую Киргизы называютъ барсомъ. Мейеръ говоритъ, что она водится въ западной киргизской степи и въ Кепъ-Казлыкскихъ горахъ, слѣдовательно до 50 градуса широты, (широтѣ Праги, Франкфурта на М. и т. д.). Тигръ, вѣроятно, также забѣгаетъ въ Ала-Тау, такъ какъ онъ попадается на Лепсѣ (Влангали) и въ камышахъ озера Баратола и Эби-Норъ (Кушакевичъ), впрочемъ, далѣе на востокъ, въ Барлыкскихъ горахъ онъ встрѣчается чаще. Самая благородная дичь, маралъ (Cervus maral), сдѣлалась повидимому уже рѣдкой въ этой мѣстности. По крайней мѣрѣ пара большихъ роговъ и одинъ свѣжій, еще въ кожѣ, составляли все, что намъ могли предложить для покупки. За большіе рога просили только 2 р., а молодой не уступали дешевле 15 руб. Эта поразительная разность въ цѣнѣ объяснялась тѣмъ обстоятельствомъ, что большіе вполнѣ развитые рога здѣсь совершенно не цѣнятся, тогда какъ молодые, еще мягкіе стоютъ иногда рублей 100 и дороже за пару. Они идутъ именно въ Китай, гдѣ подаются за столомъ богачей, какъ возбудительное средство, а также употребляются въ лѣкарство.

Эта торговля свѣжими, тщательно высушенными на воздухѣ оленьими рогами ведется съ давняго времени и, что замѣчательно, вызвала распространеніе въ Джунгаріи и Туркестанѣ, новаго предмета торговли, именно чаемъ. То обстоятельство, что молодые оленьи рога получаются отъ охотниковъ всегда въ ограниченномъ количествѣ, побудило китайскихъ скупщиковъ устроить здѣсь свое постоянное мѣстопребываніе. А такъ какъ сезонъ торговли рогами очень коротокъ, то скупщики ихъ одновременно занялись и чайной торговлей, которая, хотя нѣсколько въ иномъ видѣ, существуетъ и до сихъ поръ въ г. Вѣрномъ, гдѣ проживаютъ еще представители десятка китайскихъ торговыхъ фирмъ. Съ тѣхъ поръ, однако, какъ Туркестанъ отошелъ къ Россіи и Китайцы лишились дарованныхъ русскимъ купцамъ привиллегій, обороты ихъ торговли очень уменьшились, хотя и теперь еще остаются довольно значительными и въ 1875 г. напримѣръ равнялись 240,000 р. Какъ бойко идетъ торговля молодыми оленьими рогами внутри Китая, можно видѣть изъ описанія пребыванія Пржевальскаго въ горахъ Муни-Улла. Лучшій сортъ ихъ, именно большіе, о трехъ концахъ, но еще достаточно наполненные кровью, скупаются на мѣстѣ лановъ за 50 — 70 (лана составляетъ около 2 рублей). Русскіе крестьяне и калмыки въ Ал-

таѣ также хорошо знаютъ цѣнность этихъ роговъ и ведутъ оживленную торговлю ими съ Монголіей.

Кстати здѣсь можно замѣтить, что на всемъ пути мы ни разу не встрѣтили марала. Въ Семипалатинскѣ мы видѣли впрочемъ ручного оленя этой породы, а въ Урджарѣ, Чугучакѣ и Барнаулѣ мы получили впослѣдствіи нѣсколько роговъ, которые ясно показали намъ, что этотъ восточный представитель нашего благороднаго оленя составляетъ во всѣхъ отношеніяхъ отличный и болѣе крупный видъ, точно также какъ и западно-сибирскій изюбръ, о которомъ мнѣ придется говорить впослѣдствіи.

Черезъ посредство начальника гарнизона, мы получили интересный минералъ, который добывается въ Ала-Тау недалеко отъ Вѣрнаго. Это родъ жировика (стеатидъ), о которомъ уже упоминаетъ Влангали, и изъ котораго казаки съ помощію простого ножа вырѣзываютъ трубки, миски, печатки и т. п. Когда все было тщательно уложено и сдѣланы необходимыя покупки, можно— или вѣрнѣе сказать — должно было 17 мая въ два часа пополудни, отправиться дальше. Конвой изъ 12 казаковъ проводилъ насъ до ближайшей горной цѣпи, откуда мы бросили послѣдній взглядъ на величественный Чубаръ-Агачъ съ красивою Лепсой. Впрочемъ, горы я могъ увидать еще разъ, когда, свернувъ съ дороги, взобрался верхомъ на одну изъ высокихъ горныхъ вершинъ, для осмотра мѣстности. Позади цѣпи Ала-Тау, видомъ которой мы любовались въ Лепсѣ, но нѣсколько далѣе къ востоку, возвышался рядъ конусообразныхъ снѣжныхъ пиковъ, очевидно весьма значительной вышины. Это былъ, какъ объяснилъ намъ подполковникъ Фридераксъ, главный хребетъ Ала-Тау—Куку-Тау.

Проѣхавъ предгорія по прежней дорогѣ до хребта Чибунды мы взяли на сѣверо-западъ и выѣхали на большую караванную дорогу ведущую въ Урджаръ. Рано поутру, 18-го мая мы расположились на берегу маленькой, мѣстами почти совсѣмъ пересохшей рѣчки Байбула, песчаныя прибрежья которой оживлялись присутствіемъ сизоворонокъ (Coracias garrula, по киргизски „кокарга“) и пчелоѣдокъ, вѣроятно вившихъ тутъ свои гнѣзда. Съ возвышенности Текели мы могли видѣть рѣку Тентекъ, теченіе которой обозначалось рѣдкими, но высокими деревьями. Къ полудню добрались мы до самой этой рѣки, гдѣ насъ встрѣтило человѣкъ тридцать знатныхъ Киргизовъ, въ этомъ числѣ два султана Уджъ-Аральскаго округа, съ цѣлью предложить намъ свои услуги при переправѣ. Тентекъ, что собственно значитъ „бѣшеный“, представлялся здѣсь раздѣленною кучами камней на нѣ-

сколько рукавовъ, неглубокою, но чрезвычайно быстрою рѣкой, которая при полноводьи вѣроятно становится бурной и неудобопроходимой; его каменистое, покрытое голышами дно весьма затрудняло переходъ лошадей, а черезъ то и всю переправу, которая впрочемъ была значительно облегчена для насъ киргизами. Чтобы нѣсколько ослабить силу потока, киргизы стали именно верхомъ поперекъ рѣки и образовали такимъ образомъ живую стѣну, о которую разбивались яростныя волны. Благодаря такимъ мѣрамъ благополучно могли переправиться всѣ, даже наиболѣе безпомощные въ подобномъ случаѣ верблюды, и къ полудню мы уже пріѣхали въ маленькую русскую колонію, Уджъ-аралъ, гдѣ старшины привѣтствовали насъ хлѣбомъ-солью.

Уджъ-аралъ, т. е. „три-села“, была единственная русская колонія, встрѣтившаяся намъ въ Джунгаріи. Колонисты,—малороссы изъ Воронежской губерніи, имѣли собственно намѣреніе переселиться на Амуръ, но при совершенномъ отсутствіи средствъ, имъ дойти туда не удалось. На пути они принуждены были остановиться въ одномъ мѣстѣ на лѣто и наняться въ работники къ крестьянамъ, чтобы заработать денегъ на дальнѣйшій путь. Такимъ образомъ они только на третій или четвертый годъ добрались до Туркестана, гдѣ и основали эту колонію. Всего въ ней живетъ около ста душъ, размѣщенныхъ домахъ въ 15, которые всѣ, за неимѣніемъ дерева, построены изъ глины и крыты соломой. Въ общемъ эти мазанки выглядывали очень уютно, и внутри были довольно опрятны.

Какъ мы вскорѣ замѣтили, колонисты за четыре года своего здѣсь пребыванія работали весьма усердно и старательно. Доказательствомъ тому служили роскошные, искуственно орошаемые луга и поднятыя нови. Невольно ихъ земледѣльческое хозяйство напрашивалось на сравненіе съ Киргизскимъ, второй образчикъ котораго намъ пришлось встрѣтить въ дальнѣйшемъ пути. Эти сыны степей, въ сравненіи даже съ первобытнымъ способомъ обработки земли русскими, ведутъ чисто хищническое хозяйство и немало вредятъ странѣ устройствомъ плотинъ на рѣкахъ, теченіе которыхъ черезъ то преграждается и отчасти измѣняется, обусловливая вмѣстѣ съ тѣмъ высыханіе озеръ. Какъ бы то ни было, кочевники-скотоводы составляютъ еще главное населеніе этихъ степей и мнѣ представляется весьма сомнительнымъ, чтобы горсти поселившихся здѣсь русскихъ удалось утвердиться въ этихъ мѣстахъ и сдѣлаться впослѣдствіи господствующею народностью. Во всякомъ случаѣ Киргизы косо смотрятъ на при-

шлецовъ-хлѣбопашцевъ, и если бы мы выслушали жалобы Уджъ-аральскихъ старшинъ, то, вѣроятно, могли бы получить немало интересныхъ свѣдѣній въ этомъ отношеніи.

По мнѣнію Венюкова, „безотрадная степь“ растилающаяся на югъ отъ Тарбагатая, не въ состояніи вознаградить земледѣльца за его трудъ, но колонія Уджъ-аралъ повидимому доказываетъ противное. А кто видѣлъ еще болѣе безотрадную пустыню вокругъ большихъ соляныхъ озеръ Западныхъ Штатовъ и знакомъ съ результатами, которыхъ добились тамъ энергичные и неутомимые мормоны, тотъ согласится, что при неутомимомъ стараніи и разумно направленной системѣ орошенія, здѣсь можно достигнуть еще лучшихъ результатовъ. Но Семирѣчинской области, скажемъ смѣло, въ 50, даже во 100 лѣтъ не сравняться съ Утахой и не видать въ своихъ предѣлахъ города подобнаго „городу Соляныхъ озеръ.“ Для достиженія подобныхъ результатовъ, нужны прежде всего трудолюбивые работники, а Киргизы неспособны сдѣлаться ими. Несмотря на поразительное для иностранца богатство этихъ кочевниковъ стадами, общая стоимость послѣднихъ, по вычисленіямъ Венюкова, не превышаетъ 51 милліона рублей, что составляетъ только по $34^1/_2$ руб. на душу. При самыхъ благопріятныхъ условіяхъ эта незначительная сумма въ состояніи дать только $8^1/_2$ руб. годового дохода, такъ что „самый бѣдный Латышъ или Бѣлоруссъ является капиталистомъ сравнительно съ этимъ пролетаріемъ средней Азіи.“ Въ самомъ дѣлѣ, было бы желательно, чтобы Россія, ежегодно съ большими издержками высылающая на поселеніе въ Сибирь тысячи негодяевъ, болѣе содѣйствовала бы добровольному переселенію туда свободныхъ работниковъ, вмѣсто того, чтобы дозволять цѣлымъ тысячамъ трудолюбивыхъ рукъ уходить за океанъ въ тропическія страны *). Какъ въ соединенныхъ Штатахъ Индѣйцы отступали передъ распространявшейся культурой, такъ и Киргизъ-кочевникъ принужденъ былъ бы поддаться ей. Но это возможно развѣ только въ далекомъ будущемъ, а покуда, по моему мнѣнію, дѣлаютъ немалую ошибку сравнивая Сѣверную-Америку съ Сибирью, хотя къ такому сравненію и побуждаютъ обширныя пространства, занимаемыя обоими странами. Но въ то время какъ въ Америкѣ „краснокожіе“ скоро совершенно исчезнутъ,—въ этой

*) Въ 1876 и 77 годахъ много нѣмецкихъ колонистовъ Самарской и Саратовской губ. ушло въ Бразилію, откуда впрочемъ большинство принуждено было вернуться въ самомъ жалкомъ состояніи. Въ 1878 году однако новая толпа явилась въ Бременъ для отправленія въ Соединенные Штаты.

части русскаго государства, кочевники, по всей вѣроятности, еще долго будутъ продолжать свой образъ жизни. Вина въ этомъ падаетъ однако не на правительство, а на различіе странъ по ихъ физическимъ свойствамъ, географическому положенію и господствующей народности.

Осмотрѣвъ глиняныя мазанки колонистовъ и подкрѣпившись молокомъ, мы вышли изъ деревни и встрѣтили красивыя, богато убранныя великолѣпными коврами юрты. Строители этихъ легкихъ подвижныхъ жилищъ показали однако, что они отлично умѣютъ строить и постоянныя, и притомъ гораздо прочнѣе и съ бо́льшимъ вкусомъ, чѣмъ переселенцы съ дальняго запада. Но эти постройки предназначены не для живыхъ, а для почившихъ и отошедшихъ въ вѣчность, именно представляютъ—надгробные памятники. Одинъ изъ такихъ мавзолеевъ находится недалеко отъ Уджъ-арала и заключаетъ въ себѣ прахъ султана Бегъ-Агаданфа. Величественная, но къ сожалѣнію уже разрушающаяся постройка была сложена не безъ вкуса изъ обожженыхъ кирпичей и представляла единственное въ своемъ родѣ строеніе, какое намъ пришлось видѣть на пути. Прикрытый досчатымъ навѣсомъ ходъ, сообщавшійся нѣкогда рядомъ разрушившихся уже ступеней съ башнями, велъ въ подвальный склепъ съ куполомъ, гдѣ, подъ каменнымъ возвышеніемъ въ видѣ саркофага, находился самый гробъ, съ покоющимися въ немъ останками усопшаго султана.

Хотя въ Уджъ-аралѣ еще и нѣтъ церкви, но въ вѣроисповѣданіи обитателей не могло быть никакого сомнѣнія, въ виду бродившихъ по улицамъ домашнихъ свиней, которыхъ мы не видали съ самаго Сергіополя. Слѣды ихъ дикихъ родичей, кабановъ, часто встрѣчавшіеся намъ на Ала-Кулѣ, нигдѣ не попадались въ такомъ изобиліи какъ по дорогѣ изъ Уджъ-арала, вдоль поросшаго густымъ камышемъ рукава Тентека; здѣсь кабаны, добираясь до корней камыша, взрыли землю точно плугомъ и даже гораздо лучше, чѣмъ могутъ пахать киргизы своею первобытною сохой. Кромѣ слѣдовъ кабановъ нерѣдко встрѣчались также волчьи, но мы напрасно искали слѣдовъ тигра.

Насколько млекопитающіе скрывались здѣсь отъ человѣческаго взора, настолько царство птицъ оказалось богатымъ и разнообразнымъ. Начиная отъ Лепсы, какъ я уже говорилъ, мы стали встрѣчать пчелоѣдокъ (Merops apiaster) и сизоворонокъ (Coracias garrula), а Брэмъ добылъ первый экземпляръ краснаго вида овсянокъ (Emberiza luteola), блескъ свѣжаго пера которой былъ такъ поразителенъ, что сначала я принялъ его за новую

породу. Motacilla personata замѣчалась до самыхъ предгорій, но не была встрѣчена на Ала-Кулѣ. Съ удивленіемъ увидали мы большую стаю грачей (Corvus frugilegus), слѣдовавшихъ за плугомъ пахарей—киргизовъ; мы не встрѣчали ихъ съ самаго Сергіополя. Галки (Corvus collaris), уютно устроившія свои гнѣзда какъ въ дуплахъ деревьевъ по прибрежьямъ Лепсы и Джинджили, такъ и подъ крышами домовъ Лепсинской станицы,—гдѣ ставятъ также скворешники для скворцовъ, — удивили меня гораздо менѣе, чѣмъ неожиданное появленіе домашняго воробья (индійскаго вида—Passer indicus) близъ юртъ среди степи. Правда, я видѣлъ только пару самцовъ, которые, можетъ быть, были посланы въ степь въ качествѣ лазутчиковъ, на развѣдку. Степные рябки (Pterocles arenarius) и стрепета (Otis tetrax, по киргизски: каукачакъ) вѣроятно объяснили имъ, что для воробьинаго племени здѣсь жизнь едва ли удобна. Къ сожалѣнію я забылъ справиться водятся ли домашніе воробьи въ самомъ Уджъ-аралѣ. Кое-гдѣ въ степи на голыхъ скалистыхъ холмахъ виднѣлись каменныя куропатки (Perdix chucar, по киргизски, Кекликъ), но самыми обыкновенными степными птицами оставались по прежнему черногозый полевой чекканъ (Pratincola rubicola), черноголовая трясогузка (Motacilla melanocephala) и стаи жаворонковъ (по киргизски „Тургай"), между которыми чаще другихъ можно было видѣть нашего полевого (Alauda arvensis). Но черный жаворонокъ (Alauda tatarica) отсутствовалъ совершенно: съ нашимъ выѣздомъ изъ Каракола онъ изчезъ внезапно. На Тентекѣ я еще разъ увидалъ красиваго рыболова (Larus ichthyaetus). Дорога изъ Уджъ-арала, какъ я уже сказалъ, шла камышами, которые были настолько густы и высоки, что даже проѣзжая верхомъ не всегда можно было обозрѣвать изъ за нихъ окрестность. Такіе камышевые лѣса встрѣчаются впрочемъ довольно часто въ степи, богатой сочными травянистыми растеніями и зарослями тамарикса. Въ нихъ нерѣдко встрѣчалась намъ блестяще-золотистая овсянка (Emberiza luteola) и не менѣе блестящій карминно-красный снѣгирь (Carpodacus erythrinus). Пріятное явленіе для глазъ представлялъ также журавль-красавецъ (Anthropoides virgo), равно какъ — для слуха чудное пѣніе соловья (Lusciola philomela), доносившееся съ густо поросшаго ивами берега. Едва ли слѣдуетъ упоминать о томъ, что здѣсь не было также недостатка въ водяныхъ птицахъ. Колонисты Уджъ-арала, сопровождавшіе насъ верхомъ съ ружьями, часто уклонялись въ сторону, соблазняемые дикими гусями, но охота ихъ оказалась безуспѣшной.

Часамъ къ 5-ти пріѣхали мы къ небольшой, но глубокой рѣчкѣ, вѣроятно Уяли, во всякомъ случаѣ къ одной изъ тѣхъ малыхъ рѣчекъ, которыя, при посредствѣ маленькаго озера Уяли или Уала, соединяютъ Сассыкъ-Куль съ Ала-Кулемъ. Переправа, устроенная у брода Джангизъ-Агачъ-Уткуль, причинила намъ немалую остановку, потому что пришлось разгружать тарантасы и перевозить поклажу при помощи верховыхъ киргизовъ. Вода стояла здѣсь такъ высоко, что даже долгоногимъ верблюдамъ доходила по брюхо. По ту сторону переправы мы сдѣлали привалъ недалеко отъ небольшого озера Коршунъ-Куля, у стоянки Джангизъ-Агачъ, т. е. „одного дерева“, отъ котораго впрочемъ не сохранилось и слѣда въ пустынной степи. Здѣсь мы пробыли около двухъ часовъ и простились съ добрымъ султаномъ Абинъ-Даиромъ, начальникомъ Чарбагской волости, аристократомъ „Бѣлой Кости“, ведущимъ свой родъ, какъ и многіе изъ его коллегъ, по прямой линіи отъ Чингизъ-хана. Типъ султана во всякомъ случаѣ не противорѣчилъ его показанію, и его миндалевидные, узко прорѣзанные глаза, плоскій носъ и выдающіяся скулы явно обнаруживали монгольское происхожденіе. Такъ какъ между киргизами мнѣ не приходилось еще встрѣчать столь рѣзко выраженный монгольскій типъ, то я просилъ о позволеніи срисовать его портретъ, на что онъ изъ вѣжливости и согласился, хотя это и не было согласно съ его религіей. Такимъ образомъ я получилъ возможность представить читателямъ султана Абинъ-Даира. Этотъ дородный господинъ (дородность составляетъ одну изъ характерныхъ чертъ киргизскаго саповника какъ и турецкаго бимбаши), представленъ на рисункѣ, изображающемъ охотничью сцену, въ позѣ человѣка, наслаждающаго прихлебываніемъ чая.

Выраженное султаномъ желаніе получить отъ иностранцевъ что нибудь на память, было, конечно, вполнѣ умѣстнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ провожалъ насъ на всемъ пути отъ Сассыкъ-Куля до Зайканскихъ горъ, и у озера представилъ въ наше распоряженіе свои юрты. Но, къ сожалѣнію, я не предвидѣлъ такого рода случаевъ и потому, за неимѣніемъ другихъ вещей, долженъ былъ предложить ему на выборъ или золотую монету въ десять марокъ, или компасъ. Какъ ни рѣдка здѣсь золотая монета, которыхъ большинство даже никогда не видало, султанъ выбралъ однако компасъ—на томъ основаніи, какъ мнѣ объяснили, что послѣдній всегда можетъ вѣрно указать ему то направленіе, въ которомъ находится Мекка.—Мы перебрались на восточный берегъ озера Уяли и часамъ къ 9-ти разбили юрты близъ пе-

большой, почти совершенно пересохшей рѣчки, соединяющей Уяли съ большимъ Ала-Кулемъ. Отъ послѣдняго мы находились въ разстояніи какихъ нибудь двухъ верстъ и могли бы увидать его, если бы не наступили сумерки. Накануѣ вечеромъ мы встрѣтили летучую мышь, единственную за все наше путешествіе, а на слѣдующій день утромъ, 19 мая, увидали пеликановъ (вѣроятно—Pelecanus crispus), караваекъ (Ibis falcinellus) и утокъ (Anas rufina), которыя, какъ и всѣ прочія водяныя птицы, летѣли по направленію къ большому Ала-Кулю. Охота оказалась однако снова безуспѣшною и только Антипъ, переводчикъ подполковника, успѣлъ подстрѣлить одну утку.

Часовъ въ 6-ть утра заложили лошадей, также по обыкновенію никогда не бывшихъ въ упряжи, и мы отправились далѣе, но послѣ полутора-часовой ѣзды принуждены были остановиться, такъ какъ второй тарантасъ отсталъ, вѣроятно потерпѣвъ какое нибудь приключеніе. На мѣстѣ этой стоянки, называвшемся Терзаханомъ, я былъ встрѣченъ парадно одѣтымъ киргизскимъ султаномъ, имя котораго я къ сожалѣнію забылъ, но который вѣроятно былъ важное лицо, такъ какъ грудь его была украшена серебряною медалью. Благодаря остановкѣ, явилась возможность поохотиться на ближайшихъ степныхъ прудахъ, но безуспѣшно, потому что дикіе гуси (Anser cinereus), которыхъ тутъ было очень много, оказались столь же пугливыми, какъ сѣрые журавли и красавцы. Къ полудню пріѣхали мы къ большому аулу, всѣ обитатели котораго толпами сбѣжались посмотрѣть на пріѣзжихъ чужеземцевъ. На время короткой остановки, здѣсь наскоро разбили юрту, которая нѣсколько защитила насъ отъ палящаго солнца (термометръ показывалъ 20° Р. въ тѣни и 35° Р. на солнцѣ). Утолять жажду пришлось кумысомъ. Сопровождавшіе насъ киргизы снабдили насъ этимъ подкрѣпительнымъ напиткомъ, который сохранялся въ бурдюкахъ изъ жеребячьей кожи, подкладываемыхъ подъ ноги, въ тарантасѣ. Легко себѣ представить, что при такой жарѣ этотъ безвкусный напитокъ далеко не составлялъ прохладительнаго питья, но сравнительно съ солепою степною водою, онъ все же заслуживалъ предпочтенія.—Черезъ нѣсколько времени мы опять покатили по травянистой степи, оживляемой массами жаворонковъ. Кромѣ упомянутыхъ ранѣе 5 видовъ мы увидали здѣсь еще новый крупный видъ (Melanocorypha calandra), который любитъ садиться на высокіе кусты бѣшеницы. Нерѣдко встрѣчались также орлы-могильники, любимымъ мѣстопребываніемъ коихъ служили кону-

сообразные, намогильные памятники киргизовъ, сложенные изъ кирпичей и расположенные обыкновенно по близости озеръ. Отъѣхавъ немного отъ аула мы очутились передъ узкой рѣчкой Агинъ-Су (т. е. „полевой рѣкой"), съ очень крутыми берегами и глубокимъ русломъ, чрезъ которое пришлось переѣзжать верхомъ. Предварительно мы ѣхали еще нѣкоторое время по ея высокому берегу, обратившему наше вниманіе множествомъ галокъ, пустелегъ и сизоворонокъ, которыя совмѣстно вили здѣсь свои гнѣзда. Однообразный степной ландшафтъ оживился еще присутствіемъ грачей, которыхъ заманили сюда, вѣроятно, скудные слѣды хлѣбопашества киргизовъ, обозначенные наполненными водою арыками.

Намъ пришлось опять переправляться черезъ небольшую, но быструю рѣчку Урджаръ, на берегу которой, въ рощѣ, слышалось щелканье соловья, а вскорѣ послѣ того, часамъ къ 5 пополудни, пріѣхали мы въ деревню, носящую также названіе Урджаръ, гдѣ насъ торжественно встрѣтилъ конвой изъ 12 человѣкъ казаковъ. Урджаръ или Урджарская станица (лежащая, по словамъ Голубева, между 47° 4. 30 сѣв. широты и 87° 36. 29 вост. долготы) есть казацкая деревня, состоящая изъ бѣлыхъ глиняныхъ мазанокъ, крытыхъ камышемъ, число коихъ Шпёреръ, кажется, преувеличенно опредѣляетъ въ 200. Красивая церковь, обсаженная кругомъ деревьями и кустарниками, построена въ 1873 году. Окрестности Урджара представляютъ интересъ въ томъ отношеніи, что здѣсь, въ мѣстности, носившей прежде названіе Чугузы, кочевалъ послѣдній калмыцкій ханъ—Амурсанъ.

Въ Урджарѣ представилась наконецъ снова возможность отдохнуть и привести себя въ порядокъ, а прежде всего хорошенько вымыться; вечеръ мы провели съ подполковникомъ Фридериксомъ въ домѣ одного гостепріимнаго татарина, который старался угостить насъ по мѣрѣ средствъ и возможности. Д—ръ Брэмъ къ несчастію чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ.

Несмотря на короткій срокъ нашего пребыванія, я успѣлъ поднять на ноги всю мѣстную молодежь на собираніе для меня разнаго звѣря, но получилъ все таки мало пригоднаго. Между прочимъ мнѣ доставили летучую мышь, однородную съ нашей Vesperugo noctula и множество рыбы изъ Кара-Булака; но вся она оказалось принадлежала къ одному виду (Diplophysa labiata Kessl), уже хорошо мнѣ извѣстной по экземплярамъ изъ Балхаша и Лепсы.

Само собою разумѣется, что когда на слѣдующій день, 20

мая, около 11-ти часовъ (вмѣсто назначенныхъ 6-ти) мы тронулись въ дальнѣйшій путь, насъ собралась провожать цѣлая станица; само собою разумѣется также, что къ намъ присоединилось нѣсколько киргизовъ, для сопровожденія насъ до Бакты. Разстояніе въ 120 верстъ туда и обратно—не болѣе какъ пріятная прогулка для этихъ кочевниковъ. Такимъ образомъ, нашъ поѣздъ, съ присоединившимся къ нему конвоемъ 12 казаковъ изъ Балты, выглядывалъ довольно внушительно.

Мы поѣхали опять по почтовому тракту (отъ Сергіополя до Чугучака 262 версты и далѣе до Кобдо 1174 версты), не только обозначенному мѣстами глиняными кучками, но на которомъ даже имѣются станціи, для перемѣны лошадей. Всего пріятнѣе было впрочемъ для насъ превосходное состояніе самой дороги; благодаря стоявшей продолжительное время жарѣ и засухѣ мы мчались во весь опоръ по гладкой и ровной какъ полъ, степи, такъ что даже казаки съ трудомъ могли поспѣвать за тарантасами.

Мѣстами степь была покрыта густою, рослою травой, и кое-гдѣ виднѣлись низкіе кусты таволги, покрытые роскошными бѣлоснѣжными цвѣтами, но эти произведенія флоры не были бы въ состояніи, сами по себѣ, придать пустынной, по меньшей мѣрѣ однообразной, степи характеръ восхитительнаго ландшафта, какой мы имѣли передъ глазами, если бы её не окаймляли великолѣпныя горы,—на сѣверѣ Тарбагатай, на востокѣ Орхочукъ и другія, лежащія уже въ предѣлахъ Китая, и сверкавшія на солнцѣ своими бѣлоснѣжными вершинами. Мы находились, дѣйствительно, въ замѣчательной мѣстности, именно въ той части джунгарской котловины, которую фонъ-Рихтхофенъ мѣтко называетъ „Пропилеями большаго Средиземнаго моря“ (Хапъ-кай), азіатскими Геркулесовыми столпами, посредствомъ коихъ узкіе рукава этого бассейна соединялись съ разстилавшимся на западѣ въ арало-каспійской низменности и равнинахъ западной Сибири,—океаномъ. Здѣсь не только морскія волны пролагали себѣ путь въ давнопрошедшія времена, но черезъ эти же ворота совершались переселенія стремившихся съ востока на западъ народовъ.

Нетрудно сообразить, что почва степи не вездѣ оставалась одинаково ровною и гладкою. Немного далѣе за Урджаромъ мы переѣхали двѣ небольшія рѣчки, Хатынъ—(Джарда) Су и Каргалы, текущія въ южномъ направленіи и впадающія въ Ала-Куль. Далѣе мы проѣзжали мимо красивыхъ холмовъ, вершины которыхъ

представляли мѣстами фантастическія красноватыя скалистыя образованія, окаймленныя прелестными, покрытыми роскошной травой зелеными котловинами.

Высота этой степной области представляетъ довольно незначительныя колебанія; среднимъ числомъ она лежитъ на сто метровъ выше Ала-Куля. По наблюденіямъ графа Вальдбургъ-Цейля, Сассыкъ-Куль находится на высотѣ 330—340 метровъ; Уджъ-аралъ — на той же высотѣ; становище Джангизъ-Агачъ—на высотѣ 320, Урджаръ на 440, Бакты наравнѣ съ Урджаромъ, рѣка Макенджи на 470, Чугучакъ на 430. Голубевъ опредѣляетъ высоту этого послѣдняго города въ 1900 англ. футовъ, Урджара въ 1700, Ала-Куля въ 1200 футовъ.

Въ этой мѣстности водятся антилопы, именно тотъ замѣчательный, оригинальный видъ съ вздутымъ горбатымъ носомъ, который характеристиченъ для прикаспійской калмыцкой степи,— такъ называемая „сайга“ киргизъ и татаръ. Это далеко не особенно красивое животное, напоминающее своимъ видомъ скорѣе овцу, нежели граціозныхъ африканскихъ газелей.

Тамаръ-Бей, нашъ искусный вожатый отъ самаго Сергіополя, пригласилъ меня и графа сдѣлать маленькую экскурсію въ степь, причемъ мы имѣли удовольствіе увидать дѣйствительно двухъ сайгъ, которыя однако на большомъ разстояніи отъ насъ уже обратились въ бѣгство. Вечеромъ мы увидали еще четырехъ, но онѣ также не подпустили къ себѣ достаточно близко. Сайги держались въ это время особнякомъ, такъ какъ самки были съ своими ягнятами, одинъ экземпляръ коихъ въ тотъ же вечеръ доставленъ намъ киргизами. Двухнедѣльное существо представляло нѣчто весьма безобразное. Длинныя худыя ноги, горбатый носъ, какъ бы обрѣзанныя уши и крохотная кисточка на мѣстѣ хвоста дѣлали его настоящей карикатурой. Впрочемъ, оно было очень довѣрчиво и звало свою мать глухимъ блеяньемъ, мээ—бээ, похожимъ на овечье.

Къ зимѣ, когда эти антилопы мѣняютъ свою свѣтло-коричневую лѣтнюю одежду на блѣдно-чалую, почти бѣловато-сѣрую длинношерстную зимнюю, онѣ собираются въ большія стада, нерѣдко по нѣскольку сотенъ, даже тысячъ головъ въ каждомъ. Бѣгаютъ сайги весьма шибко, и киргизской лошади ихъ не догнать, но славныя киргизскія борзыя настигаютъ ихъ безъ особеннаго труда. Такъ какъ сайги зимою охотно уходятъ въ камыши, то киргизы придумали особый способъ охоты за ними. Они подрѣзываютъ на нѣкоторомъ пространствѣ камышъ, такъ что [illegible]

ренные концы его должны ранить скачущихъ чрезъ него антилопъ и затѣмъ гонятъ послѣднихъ къ такимъ мѣстамъ, гдѣ онѣ скоро утомляются и становятся добычею охотниковъ.

Грубое волокнистое мясо сайгъ, похожее на говядину, употребляется въ пищу, хотя оно и имѣетъ горькій полынный вкусъ, а по словамъ Мейера даже мускусный запахъ; изъ него можно однако варить хорошій супъ. Лѣтомъ оно становится еще болѣе противнымъ, вслѣдствіе присутствія подъ кожей несмѣтнаго количества личинокъ овода (Oestrus antilopaeum), а кромѣ мяса въ дѣло идутъ еще лирообразные, прямые рога, снизу рубчатые, на концахъ совершенно гладкіе, которые бываютъ только у самцовъ; ихъ продаютъ въ Китай, гдѣ по ихъ прозрачности, они употребляются на фонари.

Хотя степной покровъ представлялъ теперь свое полное развитіе, я напрасно искалъ здѣсь сусликовъ (Spermophili) и другихъ мелкихъ звѣрковъ, которые, повидимому, должны были бы встрѣчаться; въ изобилін я получилъ только одного тушканчика (Dipus elater, по киргизски „тарбаганъ“) и длинноухаго ежа (Erinaceus auritus), который впрочемъ водится уже въ окрестностяхъ Семипалатинска. Пернатое царство, за исключеніемъ палеваго сорокопута, (Lanius isabellinus) представляло прежнія явленія: по временамъ встрѣчались беркуты (Aguila mogilnik), степные луни (Circus pallidus),—нѣкоторые почти совершенно бѣлые,—жаворонки, овсянки, черноголовыя трясогузки, дрофы, пигалицы, выводившія теперь птенцовъ, степныя курочки и журавли-красавцы. Высокая трава даже служила любимымъ мѣстопребываніемъ овсянокъ, но въ ней встрѣчались также камышевки, перепела и—что меня больше всего удивило,—большія стаи нашихъ полевыхъ воробьевъ (Passer montanus). Около красныхъ скалистыхъ холмовъ вились пустельги и ласточки, которыя здѣсь, быть можетъ, въ компаніи, выводили птенцовъ, въ чемъ однако нельзя было убѣдиться въ точности, точно также, какъ нельзя было различить былъ-ли этотъ видъ Hirundo alpestris или какой другой.

Казакъ принесъ намъ змѣю,—первую которую мы встрѣтили въ нашемъ путешествіи; она была представлена имъ въ качествѣ ядовитой, хотя въ дѣйствительности это былъ безвредный ужъ (Elaphis dione Pall.) Но здѣсь водятся и ядовитыя змѣи, изъ коихъ крестовая и халысъ, по словамъ Брэма, даже очень обыкновенны.

Основываясь, повидимому, на разсказахъ киргизовъ, Бремъ дастъ даже подробное описаніе ихъ образъ жизни. Но намъ, какъ

я сказалъ, не удалось получить ни одного экземпляра, а потому я не могу сказать, къ какому виду она принадлежитъ. Змѣяхалысъ, которую мы впослѣдствіи получили въ Змѣиногорскѣ, оказалась не настоящимъ Trigonocephalus halys Pall., но другой родственной ей породой (Tr. intermedius Strauch). Рычковъ, описывая разныя диковинки степи, упоминаетъ еще о какомъ то видѣ бѣлыхъ змѣй, служащихъ, будто-бы, предметомъ почитанія у киргизовъ, и которыхъ онъ, по его словамъ, самъ видѣлъ. „Въ кустарникахъ, на берегу рѣки, говоритъ онъ, водятся бѣлыя змѣи, величиною болѣе сажени; я самъ видѣлъ двухъ такихъ. Для защиты отъ палящаго зноя онѣ ушли въ воду; но мы такъ испугались ихъ величины, что, не имѣя при себѣ никакого оружія для того, чтобы отразить возможное съ ихъ стороны нападеніе, бросились бѣжать прочь и попрятались въ кусты".

Два новыхъ встрѣтившихся намъ киргизскихъ мавзолея наглядно познакомили насъ съ разнообразіемъ архитектурнаго стиля у этого народа. Одинъ изъ этихъ надгробныхъ памятниковъ имѣлъ видъ амбара или овина съ прямоугольной покатой крышей; другой напротивъ того, съ его четырьмя угловыми башнями, представлялъ по истинѣ художественное произведеніе: въ немъ покоились останки хорунжаго Кошека-Умальджина. Несмотря на его довольно обширные размѣры и высокія (18 футовъ) башни, постройка его обошлась, какъ говорятъ, только въ 150 рублей. Правда, онъ былъ построенъ изъ того же матеріала, какъ и овинообразный памятникъ, именно изъ высушенныхъ на воздухѣ глиняныхъ кирпичей, которые, конечно, не обѣщали постройкѣ особенной долговѣчности и впослѣдствіи должны были осыпаться въ кучу земли или курганъ. У станціи Макенджи, состоящей изъ двухъ домовъ, киргизская знать приготовила для насъ великолѣпную юрту, убранную нѣсколько особеннымъ образомъ, такъ какъ въ нее притащили изъ сосѣднихъ домовъ диваны и стулья, что, конечно, несмотря на наше уваженіе къ великолѣпнымъ бухарскимъ и ташкентскимъ коврамъ, было для насъ очень пріятно. Но зажаренныя въ золѣ бараньи головы и неизбѣжный кумысъ, которыми насъ угощали, скоро напомнили намъ, что эти диваны и стулья были только случайнымъ явленіемъ, были съ боку припека въ обстановкѣ кочевой юрты. Пара ласточекъ (Hirundo rustica), начавшая вить гнѣздо въ кольцѣ крыши сосѣдней юрты, вѣроятно думала иначе и въ своемъ усердіи приготовить убѣжище для ожидаемаго потомства, навѣрное совершенно забыла,

что это мѣсто было выбрано ею очень неудачно, такъ какъ на слѣдующій день, съ разборкой юрты, его бы не стало.

Уже вдоль казацкой линіи, по Иртышу, непривычныя къ упряжи лошади не разъ подвергали насъ опасности и причиняли задержки, но въ степи это стало проявляться чаще и въ болѣе рѣзкой формѣ; хорошія лошади, взятыя прямо съ подножнаго корма, едва могли помириться съ видомъ тарантаса, а тѣмъ болѣе съ мыслію везти его. Потому неудивительно, что онѣ изо всѣхъ силъ сопротивлялись запряжкѣ. При первобытной упряжи, состоявшей только изъ хомута и постромокъ, запряжка, правда, была не особенно сложна, тѣмъ не менѣе для осуществленія ея требовалась всегда масса народа. Одинъ схватывалъ лошадь за уши, другой держалъ за ноздри, двое другихъ толкали въ постромки и т. д. Хорошо еще что постромки прикрѣплялись только у хомута, а то небезопасно было бы завязывать ихъ близъ заднихъ ногъ лошадей. Наконецъ, не взирая на отчаянное сопротивленіе, тройка запряжена, но ее держатъ подъ узды по крайней мѣрѣ человѣка 3—5. Пассажиры садятся по возможности безъ шума, и ямщикъ, крѣпко держа въ рукѣ 4 возжи, разомъ вскакиваетъ на козлы. Ямщикъ долженъ быть ловкимъ и проворнымъ малымъ, потому что, едва лошади замѣтятъ это движеніе, какъ бѣшено трогаютъ съ мѣста, такъ что я всегда удивлялся, какимъ образомъ державшіе ихъ не попадаютъ имъ подъ ноги. За этимъ движеніемъ впередъ, обыкновенно тотчасъ же слѣдуетъ обратное движеніе пристяжныхъ, которыя осаживаютъ и въ тоже время стараются вырваться въ сторону. Только при дружныхъ крикахъ скачущихъ кругомъ киргизовъ и казаковъ, усердно лупящихъ притомъ нагайками, удается удержать первоначальное направленіе. Вырываніе въ сторону впрочемъ нѣсколько предотвращается тѣмъ, что хвостъ лошади привязывается къ постромкѣ, хотя это средство только палліативное, и при плохомъ состояніи упряжи нерѣдко случается, что постромка лопается и ничѣмъ не сдерживаемая пристяжная бросается въ противоположную сторону, отчего экипажу весьма нетрудно опрокинуться. Не будь всегда съ нами готовыхъ, умѣлыхъ рукъ, не всегда возможно бы было предотвратить опасность. Мы это знали очень хорошо и потому я чувствовалъ себя далеко не спокойнымъ, когда на послѣдней станціи передъ Бакты, при лошадяхъ остались только двое. Едва я успѣлъ сѣсть въ тарантасъ, взявъ къ себѣ молодую сайгу, а графъ Вальдбургъ только хотѣлъ слѣдовать за мною, какъ лошади вдругъ рванулись съ мѣста и помчались такъ бы-

стро, что Тамаръ-Бей, съ ловкостію кошки успѣвшій вскочить на спину пристяжной, въ тотъ же моментъ свалился съ нея, такъ что лошади и экипажъ переѣхали черезъ него. Что эта скачка не могла долго продолжаться, было для меня такъ-же ясно, какъ неоспоримое правило никогда не выскакивать изъ экипажа, если лошади понесли. Едва эта мысль промелькнула у меня въ умѣ, какъ мое мудрое предположеніе исполнилось; раздался трескъ и я вмѣстѣ съ экипажемъ опрокинулся на землю, причемъ былъ счастливъ тѣмъ, что могъ выбраться изъ подъ него съ цѣлыми членами. Молодая сайга—также осталась цѣла и невредима, равно какъ и Тамаръ-Бей, за котораго я серьезно опасался, отдѣлался только легкими ушибами. Также благополучно кончилось другое приключеніе, случившееся въ тотъ же день съ Антипомъ, переводчикомъ подполковника. Вдругъ раздался трескъ, блеснулъ огненный снопъ, исходящій отъ подброшеннаго на воздухъ человѣка, лошадь котораго понеслась во весь опоръ; всѣ необыкновенно удивились, но дѣло вскорѣ объяснилось. У Антипа въ карманѣ по обыкновенію находился рожокъ съ порохомъ, а также разсыпавшійся порохъ, который неизвѣстно почему (по всей вѣроятности оттого, что въ томъ же карманѣ лежали и зажигательныя спички) воспламенился и былъ причиною взрыва, стоившій по счастію Антипу только удара въ спину и прожога панталонъ.

Поздно вечеромъ пріѣхали мы въ Бакты, гдѣ насъ встрѣтилъ маіоръ Тихоновъ, начальникъ Зайсанскаго округа, куда мы должны были ѣхать вмѣстѣ съ нимъ. Само собой понятно, нужно было о многомъ переговорить, а между тѣмъ на слѣдующее утро, 21 мая, я долженъ былъ рано встать, чтобы успѣть кое-что препарировать.

ГЛАВА VIII.

ЧЕРЕЗЪ ТАРБАГАТАЙ И НОРЪ-ЗАЙСАНЪ.

(Отъ Бакты до Май-терека).

Бакты.—На пути въ Чугучакъ.—Китайскій этикетъ.—Городъ.—Орошеніе.—Пріемъ у Джансуна.—„Его невыразимость.“—Китайскій обѣдъ.—Подарки.—Бесѣда.—Императорская печать.—Кобакъ.—Китайскіе солдаты. Стрѣльба въ цѣль.—Гостепріимство.—Базаръ.—Ослѣпительно прекрасная татарка.—Ужасно безобразная монголка.—Отъѣздъ изъ Чугучака.—Къ сожалѣнію слишкомъ рано.—Возстаніе Дунгановъ.—Взятіе Кульджи.—Паденіе Чугучака.—Разрушеніе.—Чугучакъ теперь и прежде.—Значеніе его какъ торговаго пункта.—Астрономическое положеніе.—Китайскіе пограничники.—Сбились съ дороги.—Нездоровье.—Путешествіе на телѣгѣ.—Сурковыя горы.—Са-уръ.—Муссъ-Тау.—Перевалы.—Развалины Джангудея.—Въ долинѣ-Эмиль.—Вблизи Дунгановъ.—Подъемъ на горы.—Пикетъ Боргосутай.—Видъ въ даль.—Леченіе шампанскимъ.—Д-ръ Пандеръ.—Кое-что изъ зоологіи.—Альпійская флора.—Плоскогорье Кизиль-Чиликты.—Чрезъ лабиринтъ утесовъ Кара-Каджирскихъ горъ.—Первый взглядъ на Алтай.—На дорогѣ къ Зайсану.—Маіоръ Тихоновъ.—Зайсанскій округъ.—Географическое положеніе.—Его торговое значеніе.—Вывозъ муки въ Китай.—Дикій верблюдъ.—Горы у Зайсана.—Ядовитые пауки.—Животная жизнь.—Разсказъ графа Вальдбурга объ экскурсіи въ Манракскія горы.—Отъѣздъ.—Белуджи.—Въ Манракскихъ горахъ.—Видъ на окрестность.—Между уларами.—Игрокъ на флейтѣ.—Киргизское молочное хозяйство.—Опять улары.—На гребнѣ горъ.—Ускользнувшій волкъ.—Трудныя тропинки.—Скалы.—Выносливость ѣздовыхъ быковъ.—Возвращеніе.—Уларъ.—Распространеніе каменныхъ куропатокъ.—Празднества.—Отъѣздъ изъ Зайсана.—Степи по Черному Иртышу.—Снова деревья.—Близъ Акъ-Тюбэ.—Тушканчики.—На Черномъ Иртышѣ.—Береговой ландшафтъ.—Прибытіе къ озеру.—Поселеніе Киргизскихъ рыбаковъ.—Породы рыбъ этого озера.—„Настоящіе“ карпы.—Жизнь птицъ.—Подстрѣленный.—Хирургъ по неволѣ.—Къ Бакланьему мысу.—Международный концертъ.—„Благородное озеро“.—Величина, пространство и мѣстоположеніе.—Притоки.—Черный и Бѣлый Иртышъ.—Судоходство на Черномъ Иртышѣ.—Пароходы Игнатова.—Богатство рыбою.—Система арендъ.—Производительность.—Дешевизна.—Время рыболовства.—Различные способы рыбной ловли.—Возвращеніе съ озера.—Ручной верблюдъ.—Пустыня.—Саксаулъ.—Степныя животныя.—Куланы или дикія лошади.—Миражъ.—Убѣжавшая лошадь.—Кое-что изъ геологіи.—Степные оазисы.—Соловей.

Постъ Бакты состоитъ изъ нѣсколькихъ длинныхъ, бѣлыхъ выштукатуренныхъ домиковъ, крытыхъ соломою или камышомъ и служащихъ мѣстопребываніемъ сотни казаковъ и артиллеріи. Отрядъ этотъ составляетъ передовую пограничную стражу Рос-

сіи противъ Китая, владѣнія котораго начинаются тотчасъ по ту сторону ручья, т. е. почти непосредственно за Бакты.

21 мая въ 11 ч. утра мы тронулись къ Чугучакъ, ближайшій китайскій городъ, отстоящій всего только въ 17 верстахъ ($2^1/_2$ мили), отъ границы. Тамъ насъ ждалъ къ обѣду мѣстный джансунъ, т. е. высшій военный и гражданскій чиновникъ. Нашъ поѣздъ представлялъ весьма внушительный видъ. Кромѣ 24 человѣкъ казаковъ въ парадной формѣ и съ трубачемъ, насъ сопровождали еще до 40, а можетъ быть и болѣе киргизовъ. Былъ и одинъ экипажъ, именно телѣга, запряженная лихими конями, на которой сидѣлъ д-ръ Брэмъ. Дорога по ровной степи, окаймленной на горизонтѣ снѣжными горами, была настолько хороша, что наша ѣзда обратилась мало по малу въ скачку на перегонку, причемъ всадники видимо старались перещеголять другъ друга.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Чугучака насъ уже ожидалъ верховой въ китайскомъ костюмѣ, который, согласно правиламъ изысканной китайской вѣжливости,—былъ присланъ сюда джансуномъ только для того, чтобы передать намъ его визитную карточку и попросить въ обмѣнъ наши, послѣ чего онъ во весь опоръ помчался въ городъ возвѣстить о нашемъ скоромъ прибытіи. Уже издали городъ представлялъ видъ неправильно разбросанныхъ глиняныхъ кучъ, среди которыхъ особенно выдавалась крѣпость съ своими выгнутыми зубцами. Когда же мы въѣхали въ него, то окончательно исчезли всякія иллюзіи, невольно соединяющіяся съ представленіемъ о Китаѣ. Здѣсь не было и слѣдовъ тѣхъ типичныхъ деревянныхъ домиковъ съ красивою рѣзьбой, которые знакомы болѣе или менѣе всѣмъ намъ изъ рисунковъ. Глазъ не встрѣчалъ ничего, кромѣ жалкихъ, низкихъ глиняныхъ мазанокъ, безъ оконъ, крытыхъ камышемъ и расположенныхъ вдоль узкихъ и кривыхъ улицъ. Впрочемъ и то сказать—вѣдь мы находились не въ промышленныхъ и густо населенныхъ областяхъ южнаго Китая, а въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ уголковъ Небесной имперіи.

За то прославленное земледѣліе китайцевъ и здѣсь поддержало свою репутацію. Еще не доѣзжая города намъ пришлось проѣзжать мимо оросительныхъ каналовъ, простирающихся даже въ самый городъ, гдѣ, въ защищенныхъ отъ вѣтра высокими глиняными стѣнами, садахъ, также воздѣлывались отчасти кормовыя травы, отчасти овощи. Уже Шренкъ, подъѣзжавшій въ 1840 г. на 8 верстъ къ Чугучаку,—но не получившій дозволенія посѣтить самый городъ, — хвалитъ превосходную обработку полей,

засѣянныхъ пшеницею и просомъ. Эти поля орошаются при посредствѣ рѣкъ Китатсу (Тугунчи), Уластай и Бинъ-чанъ-хоу. (Шренкъ называетъ ихъ Талталъ и Кара-унгуръ), которыя соединяются вмѣстѣ у Чугучака. Однако, вслѣдствіе искусственнаго развѣтвленія на множество маленькихъ каналовъ, рѣчки эти не достигаютъ города, не говоря уже о протекающей южнѣе рѣкѣ Эмиль, въ которую онѣ первоначально впадали.

Мы остановились передъ воротами высокой глиняной ограды, заключавшей въ себѣ резиденцію джансуна и казармы. Оставивъ лошадей, мы велѣли доложить о себѣ и насъ тотчасъ же попросили пожаловать. Только казаки и толпа сопровождавшихъ насъ киргизовъ должны были оставаться за воротами и имъ вскорѣ отвели юрты за городомъ. Внутри обширнаго двора, вдоль стѣны стояло множество маленькихъ, примыкавшихъ одна къ другой по угламъ, глиняныхъ построекъ, съ заклеенными бумагой окнами,—такъ называемыхъ фанзъ; въ одной изъ такихъ фанзъ, едва ли лучшей остальныхъ, находилась и резиденція джансуна,—Джуна или Жуна по имени. „Его невыразимость“, какъ пишетъ Брэмъ,—маленькій безбородый старичекъ, вѣжливо встрѣтилъ насъ у дверей и пригласилъ войти въ маленькую комнатку, гдѣ мы были представлены другому знатному сановнику, хамамбалу или генералу (футудуну).

Давно ожидаемый съ нетерпѣніемъ обѣдъ стоялъ уже готовый на столѣ. Я имѣлъ случай ранѣе познакомиться нѣсколько съ китайской кухней въ самомъ лучшемъ китайскомъ ресторанѣ Санъ-Франциско, а поэтому и не возлагалъ на обѣдъ особенныхъ надеждъ. Столъ былъ уставленъ множествомъ небольшихъ блюдъ съ разными фруктами, какъ напр., нарѣзанными ломтиками грушъ, луковицами въ растительномъ маслѣ, редиской, рѣдькой, засахаренными плодами, конфектами и тончайшими пластинками какого-то мяса. Подполковникъ Фридерихсъ увѣрялъ, что это собачина и ни до чего не хотѣлъ касаться. Я попробовалъ и нашелъ, что это была вареная ветчина. Джансунъ извинялся за скудость своего обѣда, говоря что Пекинъ находится такъ далеко, и только оттуда можно получить гастрономическія тонкости. Конечно за столомъ не было такихъ блюдъ, какъ плавники акулы, оленьи жилы, трепанги, ласточкины гнѣзда и тому подобныя деликатесы, какія намъ подавали въ Санъ-Франциско, но даже и они не въ состояніи замѣнить европейцу хорошій бифштексъ, а его къ сожалѣнію получить было невозможно. Но за то мы находились въ Китаѣ и должны были быть еще довольными, что насъ подчивали не кумысомъ,

а хорошимъ чаемъ и крѣпкой рисовой водкой, или такъ называемымъ „китайскимъ виномъ“. Послѣднее подавалось въ маленькихъ, очень красивыхъ чашечкахъ изъ нефрита; мы его впрочемъ только слегка отвѣдали, вслѣдствіе значительнаго присутствія въ немъ сивухи.

Послѣ обѣда, отъ котораго мы, собственно говоря, были ни сыты ни голодны, джансунъ велѣлъ подать кальяны, которые закуривались затѣйливыми, медленно тлѣющими бумажками, легко воспламенявшимися отъ сильнаго дуновенія. Нельзя было осуждать губернатора, что при видѣ нашего неумѣнія обращаться съ этими предметами, по его обыкновенно серьезно сосредоточенному лицу проскользнула тонкая улыбка. Однимъ угощеніемъ дѣло еще не кончилось: намъ были предложены также подарки, состоящіе изъ вѣеровъ, маленькихъ вышитыхъ шелковыхъ кисетовъ и другихъ красивыхъ китайскихъ мелочей, которыя, хотя и не имѣли особенной цѣны, но все таки могли служить пріятнымъ воспоминаніемъ для иностранца. Само собою разумѣется, что по китайскому обычаю, за нихъ нужно было отдаривать, но въ этомъ отношеніи мы опять были поставлены въ неловкое положеніе. Я могъ предложить только компасъ или 10-марковую золотую монету, и по совѣту маіора Тихонова, остановился на первомъ. Эта мелочь была, повидимому, принята съ особенною благодарностію. Китайскій начальникъ былъ слишкомъ учтивъ, чтобы дать замѣтить какое либо пренебреженіе, хотя про себя, можетъ быть, и посмѣялся, что такіе, видимо знатные иностранцы, не нашли подарить ему ничего лучшаго. Подобныя произведенія европейской механики во всякомъ случаѣ были ему хорошо извѣстны. Онъ показалъ намъ пару отличныхъ англійскихъ карманныхъ часовъ, очень хорошій кортикъ и отличную двустволку американскаго издѣлія.

Бесѣда наша, какъ и слѣдовало ожидать, тянулась весьма скучно, такъ какъ всѣ вопросы и отвѣты должны были пройти черезъ четыре языка: нѣмецкій, русскій, киргизскій и китайскій и обратно, причемъ дѣло не обходилось безъ недоразумѣній. Кромѣ обычныхъ привѣтствій, говорили о довольно незначащихъ вещахъ. Китаецъ, вѣроятно уже не разъ имѣвшій спошенія на своей родинѣ съ „бѣлокурыми варварами“ былъ менѣе любопытенъ чѣмъ мы, и едва спросилъ, откуда мы и какая была цѣль нашего путешествія.

Напротивъ столовой и пріемной, украшенной—по нашему довольно плохой, а по китайскимъ понятіямъ очень изящной жи-

вописью, находилась другая комната, служившая, повидимому, судебной камерой. Здѣсь на столѣ, подъ футляромъ изъ желтаго шелка, находилась императорская печать, а позади стола были собраны символы императорской власти, какъ-то: драконы, желтыя полоски бумаги, употребляемыя для судебныхъ приговоровъ и мечи правосудія. Губернаторъ разрѣшилъ даже показать намъ печать, сдѣланную изъ куска серебра, величиною въ кулакъ съ выгравированнымъ на немъ изображеніемъ,—хотя, собственно, она можетъ быть открываема только въ офиціальныхъ случаяхъ. Губернаторъ, впрочемъ, показывалъ ее не самъ лично, а позвалъ особаго чиновника, если не ошибаюсь, палача. Осмотрѣвъ эту, во всякомъ случаѣ, небезъинтересную камеру, мы отправились на плацъ передъ казармой, гдѣ были выстроены солдаты. Проходя дворомъ мы имѣли возможность лучше осмотрѣть окружающія его постройки. Прежде всего обратила на себя наше вниманіе большая деревянная доска съ изображеніемъ геральдическаго китайскаго тигра и съ китайскими письменами; вѣроятно, она служила вывѣской правительственной канцеляріи, такъ какъ возлѣ нея находились орудія исполненія закона, который, какъ извѣстно, до сихъ поръ еще налагаетъ жестокія наказанія, не уступающія нашимъ пыткамъ добраго стараго времени, а иногда даже превосходящія ихъ. Столь часто изображаемый на рисункахъ изъ китайской жизни деревянный воротникъ (кобакъ), сдѣланный изъ толстыхъ досокъ фута въ 3 4 шириною, преимущественно обратилъ на себя наше вниманіе. Онъ представляетъ одну изъ законныхъ мѣръ наказанія низшей степени во всей китайской имперіи. Осужденный по цѣлымъ днямъ выставлялся на площади въ такомъ воротникѣ, который не позволяетъ ему поднести рукъ ко рту; время наказанія можетъ простираться до трехъ мѣсяцевъ.

Зрѣлище, ожидавшее насъ передъ казармой, было въ своемъ родѣ весьма оригинальнымъ. Мы увидали здѣсь въ первый разъ не только воиновъ небесной имперіи и ихъ упражненія въ стрѣльбѣ изъ лука, но и пеструю толпу зрителей, привлеченную, безъ сомнѣнія, главнымъ образомъ нашимъ посѣщеніемъ. Что касается солдатъ императорской китайской пѣхоты, то какъ истые сыны Манджуріи, съ давнихъ временъ составляющіе военную касту Китая—они были интересны для насъ по преимуществу въ антропологическомъ отношеніи. Своею выправкой и одѣяніемъ они произвели на меня такое же жалкое и смѣшное впечатлѣніе какъ „big warriors“ Уте-индѣйцевъ, которыхъ я нѣкогда видѣлъ въ

Колорадо. Ихъ единственное отличіе отъ мирныхъ гражданъ заключалось въ круглой хрустальной пуговицѣ на шапкѣ,—отъ которой, въ видѣ украшенія, спускались взадъ одна или двѣ полоски куньяго мѣха на красной подкладкѣ,—и въ толстомъ кольцѣ на большомъ пальцѣ правой руки, которое служитъ для того, чтобы парировать обратный ударъ тетивы, при стрѣльбѣ изъ лука. Джансунъ имѣлъ такое же кольцо, только изъ нефрита, а пуговица на его шапкѣ представляла большой шарикъ изъ блѣдно-розоваго коралла. Остальное одѣяніе солдатъ, равно какъ головная прическа съ косой, ничѣмъ не отличалось отъ одѣянія прочихъ китайцевъ. По большей части, это были довольно пожилые малые, нерѣдко довольно виднаго роста и сложенія; повидимому они тщательно ухаживаютъ за своей косой и еще болѣе того за жидкими, рѣдкими усами.

Приготовленія для стрѣльбы изъ лука—намъ хотѣли показать самое лучшее,—съ самаго начала убѣдили насъ въ несбыточности ожиданій увидать что нибудь особенное, наприм. стрѣльбу въ птицъ на лету и тому подобное. Шагахъ въ 40 отъ кучки солдатъ была поставлена бумажная цѣль, шириною, какъ и у насъ, въ человѣка, но сзади ея не было видно никакого щита. Взамѣнъ послѣдняго, шагахъ въ 60-ти позади цѣли, находилась толпа любопытныхъ, что служило доказательствомъ безвредности стрѣльбы, какъ это и оказалось на дѣлѣ. Каждый солдатъ пустилъ пять стрѣлъ, длиною фута въ $2^1/_2$ и снабженныхъ ланцетовиднымъ желѣзнымъ наконечникомъ; большая часть ихъ пролетала мимо цѣли и втыкалась въ землю, причемъ мальчишки изъ числа зрителей съ тріумфомъ возвращали ихъ удачному стрѣлку. По увѣреніямъ нашихъ русскихъ провожатыхъ, даже въ этихъ отдаленныхъ провинціяхъ Китая имѣются ружья американскаго издѣлія, заряжающіяся съ казенной части. Но такъ какъ свинецъ въ Китаѣ и вообще довольно дорогъ, а тѣмъ болѣе въ такой отдаленной провинціи, то, говорятъ, въ видахъ экономіи, джансунъ дозволяетъ стрѣлять только холостыми патронами; впрочемъ я не могу судить, насколько это показаніе справедливо. По окончаніи стрѣльбы джансунъ любезно показалъ намъ свой отлично содержимый и орошаемый огородъ, гдѣ онъ собственноручно выдернулъ нѣсколько редисокъ и поднесъ намъ. Вслѣдъ за тѣмъ мы простились съ любезнымъ начальникомъ, который, не знаю собственно по какимъ причинамъ, ни за что не хотѣлъ насъ отпустить раньше вечера, хотя въ тоже время приказалъ и приготовить намъ квартиры для ночлега, пригласивъ осмотрѣть еще

буддійскіе монастыри и крѣпость. Вообще иностранцамъ оставалось только благодарить китайскаго начальника за его гостепріимство и вниманіе. Во всякомъ случаѣ „его невыразимость“ не заслужила отъ насъ того, граничащаго съ насмѣшкой и глумленіемъ, юмора, съ какимъ о немъ разсказываетъ по поводу нашего визита д-ръ Брэмъ.

Желая сдѣлать нѣкоторыя закупки, мы отправились на базаръ, который отличался отъ остальнаго города только грязью и еще болѣе жалкимъ видомъ своихъ мазанокъ, иногда съ тростниковыми навѣсами. Тутъ продавалась и живая скотина, и битая, всякаго рода овощи, разныя мелкія издѣлія, а также находились съѣстныя лавочки или харчевни. За исключеніемъ плохихъ сардинокъ, мы не встрѣтили ничего для насъ подходящаго. Тутъ продавалось также и топливо, состоящее изъ тонкихъ сучьевъ Spiraea hipericifolia. Я упоминаю объ этомъ потому, что гдѣ то мнѣ привелось читать, будто бы въ Чугучакѣ топятъ каменнымъ углемъ.

Отъ чрезмѣрнаго напряженія силъ въ послѣдніе дни и отъ удушливой жары, я чувствовалъ себя до того ослабѣвшимъ и утомленнымъ, что удалился въ юрту, гдѣ находился Иванъ съ казаками. Я болѣе всего нуждался въ отдыхѣ, но могъ воспользоваться имъ только какихъ нибудь два часа. Спутники мои, обѣдавшіе въ домѣ одного богатаго татарскаго купца, вскорѣ прислали мнѣ сказать, что нужно приготовляться къ отъѣзду. Желая, если возможно, отложить отъѣздъ до слѣдующаго утра, я отправился верхомъ къ дому этого татарина, но въ концѣ концовъ согласился ѣхать, полагаясь на увѣренія русскихъ офицеровъ, что юртовое становище для ночлега находилось только въ 18 верстахъ. Не имѣя ни малѣйшаго аппетита, я не могъ ничего ѣсть, хотя столъ былъ сервированъ очень заманчиво, и украшался къ тому же присутствіемъ молодой, прекрасной хозяйки, одѣтой въ прелестный живописный костюмъ изъ розоваго шелка съ серебромъ, и которая самымъ непринужденнымъ образомъ умѣла подчивать и обходиться съ гостями. Правда, она воспитывалась въ Семипалатинскѣ, и мужъ ея былъ друженъ съ нашими русскими провожатыми. Тѣмъ не менѣе, турку едва-ли бы пришло на мысль показывать такое сокровище красоты и граціи взорамъ мущинъ, и если этотъ татаринъ сдѣлалъ исключеніе для насъ, (всѣ „правовѣрные“ были удалены) то надо полагать, что тутъ играло нѣкоторую роль его тщеславіе. Вообще же мы вовсе не имѣли случая составить себѣ опредѣленное понятіе

о прекрасномъ полѣ туземцовъ, такъ какъ во время пути намъ пришлось только увидать двухъ старыхъ оборванныхъ женщинъ, вѣроятно калмычекъ. Поэтому, если д-ръ Бремъ выставляетъ единственную, видѣнную имъ „Монголку“ настоящимъ типичнымъ экземпляромъ и описываетъ ее въ такомъ каррикатурномъ видѣ, что „сравнительно съ ней всякая хоть немного воспитанная самка-обезьяна будетъ уже на половину Венерой,“ то эти слова могутъ относиться только къ отдѣльной особи, но отнюдь не ко всей расѣ. Маленькія миловидныя Китаянки бываютъ часто далеко не безобразны.

Послѣ болѣе чѣмъ шестичасовой остановки, въ половинѣ восьмого вечеромъ, мы отправились въ обратный путь, но поѣхали изъ города по другой дорогѣ. Намъ пришлось проѣзжать нѣсколько широко раскинутыхъ городскихъ кварталовъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другого пустопорожними мѣстами и обнесенныхъ глиняной оградой, съ укрѣпленными и запирающимися воротами. Въ каждомъ кварталѣ живетъ особое племя или родъ и такихъ родовъ въ Чугучакѣ повидимому довольно много. Къ сожалѣнію, теперь намъ уже нельзя было ворочаться, хотя въ послѣдній моментъ я и былъ на это готовъ, и очень сожалѣлъ о томъ впослѣдствіи, такъ какъ до сихъ поръ не существуетъ еще сколько нибудь удовлетворительнаго описанія города и его этнографическихъ элементовъ. По описанію Радлова, въ долинѣ Или, кромѣ средне-азіатскихъ народовъ, какъ-то: калмыковъ, татаръ (изъ Кашгара, Яркенда, Хотана) тарапчей, дунгановъ (магометанскихъ китайцевъ) встрѣчаются и народы дальняго востока (манджуры, тунгусскія племена шибо и солоновъ изъ Дауріи, шамбини, — военные поселенцы въ родѣ казаковъ, а также юга—чампены, ссыльные изъ южныхъ провинцій Китая).

Можетъ быть подобное же смѣшанное населеніе было и въ Чугучакѣ, который, впрочемъ, послѣ раззоренія его инсургентами, вѣроятно долженъ быть испытать значительныя перемѣны, изслѣдовать которыя было бы весьма интересно. Напримѣръ, намъ извѣстно, что значительное число шибо и солоновъ съ 1871 года снова поселилось въ городѣ.

По неизвѣстнымъ до сихъ поръ причинамъ, въ 1862 году, въ западныхъ провинціяхъ Шанъ-зи Кунъ-зи и Ю-нанъ вспыхнуло возстаніе, которое быстро распространилось до русской границы и до сихъ поръ еще не совсѣмъ подавлено. Дунганы, которыхъ китайцы, какъ и всѣхъ магометанъ вообще, называютъ „хои-хои,“ возстали первыми. За этимъ, первоначально татарскимъ, но впо-

слѣдствіи совершенно окитаившимся, въ языкѣ, обычаяхъ и одеждѣ племенемъ, послѣдовали родственные съ нимъ по религіи таранчи, киргизы и кара-киргизы. Стремленіе сбросить съ себя иго манджуръ повелъ къ продолжительной войнѣ, въ которой обѣ стороны не уступали одна другой въ злобѣ, мести, трусости, жестокости, истребленіи и раззоренін, и образъ веденія которой всего нагляднѣе описанъ Прежевальскимъ. Когда въ 1864 г. Дунганы взяли Урумчи, въ которомъ считалось около 2 милліоновъ (!?) жителей, и избили при этомъ около 130,000 Манджуръ, они двинули свое войско къ западнымъ бастіонамъ Китайской имперіи, Кульджѣ и Чугучаку. Свѣдѣніями объ осадѣ, взятіи и раззореніи перваго города, равно какъ и всей Илійской долины, мы обязаны Радлову.

Осаждавшіе Дунганы неоднократно терпѣли пораженіе отъ Манджуръ и Калмыковъ и держались только помощію своихъ единовѣрцевъ, помогавшихъ имъ въ видахъ грабежа. Дунганы, впрочемъ, сражались далеко не особенно серьезно и вовсе не были „прекрасно“ вооружены, какъ это разсказываетъ Бремъ; они были трусы не менѣе Китайцевъ. Такъ напримѣръ ихъ войско, состоявшее изъ 14,000 человѣкъ въ продолженіи пяти дней не рѣшалось на приступъ, покуда въ Кульджѣ находился поручикъ Рейнталь съ 14 человѣками конвоя.

Послѣ трехлѣтней осады, несчастный городъ, имѣвшій около 100,000 жителей, по недостатку съѣстныхъ припасовъ (ежедневно умирало отъ 50 до 100 человѣкъ отъ голоднаго тифа) долженъ былъ наконецъ сдаться. Дунганы перерѣзали всѣхъ жителей. Джансунъ, впрочемъ, съ своими чиновниками еще ранѣе взорвалъ себя на воздухъ. Слѣдовательно, это былъ не тотъ джансунъ, который принималъ насъ въ Чугучакѣ, какъ разсказываетъ д-ръ Бремъ. Извѣстно, что русскіе заняли за китайцевъ Кульджу и Илійскую долину послѣ того, какъ таранчи, побѣдившіе между тѣмъ дунгановъ и владѣвшіе здѣсь подъ управленіемъ султана, провинились передъ Россіей въ неоднократномъ посягательствѣ на собственность ея подданныхъ.

Чугучакъ имѣлъ одинаковую участь съ Кульджей, съ тою только разницею, что дунганы завладѣли имъ хитростью. Безуспѣшно осаждая его въ продолженіи почти двухъ лѣтъ, они, въ началѣ 1855 года, предложили заключить миръ. Согласившись на предложеніе дунгановъ, чиновники манджуры и старшины калмыковъ, ничего не подозрѣвая, собрались въ мечети для переговоровъ и были всѣ изрублены дунганами. Въ числѣ ихъ

былъ умерщвленъ и престарѣлый амбань (генералъ); молодой же амбань спасся и ему удалось снова взять крѣпость, которою предательскимъ образомъ завладѣли дунганы. Наконецъ, голодъ принудилъ ко вторичной сдачѣ, которая послѣдовала, кажется, въ 1867 г., причемъ всѣ оставшіеся въ живыхъ были умерщвлены. Только джансунъ Джунъ, съ которымъ мы познакомились, избѣгъ этой участи, потому что былъ въ отсутствіи съ войскомъ, жены же его и сынъ были умерщвлены мятежниками. Взамѣнъ убитаго сына, онъ усыновилъ другого, очень похожаго на него мальчика, къ которому теперь весьма привязанъ.

Отъ подполковника Фридерикса мы узнали нѣкоторыя подробности этого кровопролитнаго событія и я позволю здѣсь привести ихъ, въ томъ видѣ, какъ онѣ были записаны Бремомъ. „Когда, чрезъ двѣ недѣли послѣ взятія Чугучака, нашъ пріятель и спутникъ Фридериксъ посѣтилъ злополучный городъ, или вѣрнѣе мѣсто, гдѣ нѣкогда послѣдній находился, то ни надъ однимъ домомъ не вился дымокъ, ни на одномъ очагѣ не горѣлъ огонь: всѣ дома и очаги оказались разоренными и разрушенными. Когда онъ въѣхалъ въ городскія ворота, его не встрѣтила какъ прежде суетящаяся толпа промышленнаго люда: все населеніе было поголовно перерѣзано. Только волки и собаки, съ раздутыми отъ падали животами, бродили среди труповъ или глодали человѣческія кости; съ ними раздѣляли обильную трапезу орлы и коршуны. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нужно было очистить проѣздъ, трупы мужчинъ и женщинъ были свалены кучами—десятками и сотнями; въ прочихъ частяхъ города, на улицахъ, дворахъ, въ домахъ, они лежали разбросанно, по одному, двумъ, и болѣе. Здѣсь можно было видѣть рядомъ мужей съ женами, дѣдовъ съ внуками, матерей съ дѣтьми, цѣлыя семьи и толпы народа, искавшія спасенія въ бѣгствѣ, съ черепами, разрубленными саблями, съ изуродованными и обожженными лицами, съ распоротыми внутренностями, — трупы, на половину растерзанные волками и собаками, безъ рукъ, безъ головъ. Все, что самое пылкое воображеніе можетъ представить себѣ ужаснаго, все это встрѣтилъ здѣсь нашъ спутникъ воплощеннымъ въ дѣйствительности. Невыносимый трупный запахъ заражалъ всѣ окрестности, и Фридериксъ несказанно обрадовался, когда оставилъ за собою это мѣсто ужаса.“

Въ настоящее время не осталось ни одного свидѣтеля этого страшнаго разоренія; мало по малу время залѣчило раны, не возвративъ однако городу даже тѣни его прежняго цвѣтущаго

состоянія. Теперь въ немъ едва ли находится болѣе 3 — 4000 жителей, по словамъ Брэма даже только 1400, между тѣмъ какъ до возстанія въ немъ было по крайней мѣрѣ 30,000; (въ 1868 году, впрочемъ, по Голубеву, только 10,000). Тогда онъ былъ значительнымъ торговымъ пунктомъ и имѣлъ прямое караванное сообщеніе съ Семипалатинскомъ и другими городами. Русскіе, впрочемъ, получили права заводить свои факторіи только со времени кульджинскаго договора, который хотя и былъ заключенъ Ковалевскимъ въ 1851 г., но получилъ гласность только 10 лѣтъ спустя. Какъ значительны были торговые обороты Чугучакской факторіи, явствуетъ изъ того, что въ 1854 году чрезъ нее было вывезено только одного чаю на сумму 1,600,000 рублей, и ввезено на 500,000 р. мануфактурнаго товара. Къ сожалѣнію, на слѣдующій же годъ факторія была разворена китайскою чернью и съ тѣхъ поръ она уже не возстановлялась, тѣмъ не менѣе, торговля все таки начинаетъ мало по малу увеличиваться. По опредѣленію Голубева, Чугучакъ находится подъ 46° 1′ 30″ сѣв. широты и подъ 82° 57 30″ восточной долготы отъ Гринв., на высотѣ 1900 футовъ; по Вальдбургу же—онъ лежитъ подъ 46°, 50′ шир. и 83°, 40′ долг., на высотѣ 340 метровъ. Чугучакъ считается главнымъ городомъ китайской провинціи Или-Тарбагатай.

Съ чувствомъ искренной благодарности разстались мы съ нашимъ любезнѣйшимъ спутникомъ, подполковникомъ Фридериксомъ, и съ бравымъ киргизскимъ старшиною Тамаръ-Беемъ. Выѣхавъ изъ города, намъ пришлось повернуть другою дорогою на востокъ, съ тѣмъ, чтобы болѣе никогда не встрѣчаться съ нашими любезными провожатыми. Такъ какъ ближайшія юрты находились только въ 18 верстахъ, то я рѣшился, съ Мартыномъ Дзервитомъ и однимъ проводникомъ изъ казаковъ, ѣхать верхомъ впередъ, съ тѣмъ чтобы поскорѣе предаться отдыху и сну. Часть пути насъ сопровождали два молодыхъ монгола, вѣроятно племени Шибо; они были вооружены лукомъ и стрѣлами и одинъ изъ нихъ носилъ на головѣ родъ треуголки, обшитой серебрянымъ позументомъ. Какъ объяснилъ мнѣ казакъ, они ѣхали на смѣну пограничнаго китайскаго никета (вѣроятно въ Улусутай), который долженъ былъ находиться гдѣ то по близости. Проѣхавъ одну деревню, гдѣ все населеніе сбѣжалось на насъ смотрѣть, мы очутились среди развалинъ другой, разворенной, и бывшіе погреба которой, заросшіе травой, оказались гораздо опаснѣе злющихъ и кусающихся собакъ, напавшихъ на насъ въ первой.

Вскорѣ мы увидали передъ собой пологую цѣпь холмовъ. Здѣсь, какъ увѣрялъ меня казакъ, должны были находится юрты, и я повѣрилъ ему, такъ какъ мы ѣхали уже болѣе полутора часа крупной ровной рысью. Но оказалось, что Василій Ивановичъ, или Иванъ Васильевичъ, или какъ его тамъ звали, ошибся—и чего я съ самаго начала опасался—наконецъ боязливо сознался, что онъ вообще не знаетъ дороги. Что было дѣлать? Мои проклятья, которыми я осыпалъ казака, хоть и на чуждомъ, но тѣмъ не менѣе понятномъ ему языкѣ, нисколько не могли улучшить дѣла и помочь моему жалкому положенію. Я едва могъ держаться на лошади; меня трясла лихорадка и я бросился въ одной тонкой казацкой шинелѣ на сырую землю, между тѣмъ какъ казакъ отправился на новую рекогносцировку. Калмыкъ, сопровождавшій нашъ поѣздъ съ двумя подручными лошадьми,—объ участи которыхъ онъ немало безпокоился изъ за дунганскихъ шаекъ—оказался знающимъ дорогу гораздо лучше казака и часамъ къ 11-ти мы пріѣхали наконецъ въ становище, сдѣлавъ такимъ образомъ, вмѣсто 18-ти, не менѣе 30-ти верстъ. Не раздѣваясь, бросился я на постель, съ которой всталъ или вѣрнѣе принужденъ былъ встать только утромъ 23 мая, т. е. почти послѣ 36-часоваго сна. Сонъ мой былъ однако далеко не крѣпкимъ: это было какое то болѣзненное забытье, прерываемое лихорадочными грезами. Передъ моими глазами прыгали и мелькали тысячи разноцвѣтныхъ звѣздъ, хорошо знакомыхъ моему воображенію еще съ дѣтства; со времени перенесенной мною первой горячки. При этомъ я чувствовалъ такую апатію, что даже пожаръ въ юртѣ едва ли бы могъ заставить меня подняться съ мѣста. Товарищи мои, видя, что я не въ состояніи держаться на лошади, позаботились достать мнѣ телѣгу, такъ какъ нужно было, во что-бы то ни стало, выбраться изъ этой нездоровой стоянки на Укунчѣ (на высотѣ 600 метровъ), гдѣ, однако, я съ жадностью пилъ воду, несмотря на всѣ дѣлаемыя мнѣ предостереженія. Наконецъ, 23-го числа мы медленно двинулись далѣе, и на слѣдующій день, часамъ къ $9^1/_2$ вечера, добрались до русскаго пограничнаго пикета Бургусутая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, до перевала Тарбагатайскихъ горъ.

Послѣднія получили свое названіе отъ множества сурковъ (тарбага) или байбаковъ (Arctomys bobac), которые, впрочемъ, по словамъ Карелина, водятся только на сѣверномъ склонѣ,—фактъ довольно странный, котораго я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть, такъ какъ намъ эти звѣрки здѣсь вовсе не встрѣчались. Цѣпь Тарбагатая, западные отроги котораго мы видѣли еще не

редъ Сергіополемъ, тянется отсюда къ востоку почти до самаго озера Ульюнгура (Кизиль-Башъ), на протяженіи цѣлыхъ 600 верстъ, и представляетъ, слѣдовательно, весьма почтенный горный хребетъ.

Средняя высота гребня этихъ горъ, по словамъ Семенова, равняется 4,500 парижс. футовъ, но есть много пиковъ, достигающихъ 9000 футовъ и даже болѣе; самый высокій изъ нихъ, Ташъ-тау, имѣетъ 9700 ф. высоты (по Федорову, другіе опредѣляютъ въ 10760 ф.). Далѣе на западъ слѣдуютъ—Маралъ-Чеку и Сандыкъ-ташъ. Восточная часть цѣпи или Саурскія горы выше западной, но только Мусъ-тау (т. е. ледяныя горы), отдѣляющіяся къ сѣверу отъ главнаго хребта, покрыты вѣчнымъ снѣгомъ, остающимся впрочемъ нерѣдко круглый годъ и на нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Тарбагатая. Тарбагатай образуетъ водораздѣлъ между Джунгарскою областью степи и бассейномъ Зайсана. Въ немъ беретъ начало множество маленькихъ рѣчекъ, которыя по большей части не достигаютъ ни южнаго Эмиля или Лемиля, ни сѣвернаго Кара-Иртыша, и почти всѣ теряются въ степи. Между болѣе чѣмъ 14 перевалами есть такіе, по которымъ можно проѣзжать повозкамъ. Таковы: Каракольскій перевалъ, черезъ который идетъ почтовый трактъ изъ Сергіополя въ Урджаръ; Хабаръ-Ассу, которымъ пользуются караваны, идущіе изъ Кокбекты въ Чугучакъ и, наконецъ, въ крайности высокій Бургасутайскій перевалъ, (лежащій, по опредѣленію графа Вальдбурга, на высотѣ 1170 метровъ) возможность переѣзда черезъ который, я, къ несчастію, могу подтвердить собственнымъ опытомъ.

Конечно, о дорогѣ въ нашемъ смыслѣ не могло быть и рѣчи, и запряженная въ одну лошадь небольшая телѣга, на которой я ѣхалъ, угрожала поминутно разсыпаться. Тѣмъ не менѣе, коль скоро соединенными усиліями казаковъ удалось довезти ее до Бургасутая, то значитъ, было возможно доставить ее и до Зайсана.

Отъ первой ночной стоянки за Чугучакомъ (въ 21 верстѣ) до Бургасутайскаго поста, намъ потребовалось 36 часовъ для переѣзда 105 верстъ. Причиной такой медленности отчасти была телѣга, ѣхавшая шагомъ, отчасти же сильная жара (на открытомъ воздухѣ 30° по Реомюру, а въ юртѣ 35°), неизбѣжно требовавшая полуденныхъ остановокъ. За вычетомъ этихъ остановокъ и ночлеговъ, мы были въ пути только 19 часовъ. Послѣдняя наша стоянка (23—24) была близъ развалинъ Джапгудея (на высотѣ 840 метровъ), бывшаго китайскаго пограничнаго поста,

разрушеннаго въ 1870 году дунганами. Несмотря на близкое разстояніе, въ которомъ находились эти развалины, я, по слабости, не могъ осмотрѣть ихъ; подобныя развалины впрочемъ не представляли рѣдкости, начиная отъ самаго Бакты. Дунганы разорили не только всѣ пограничные сторожевые посты, но и всѣ богатыя селенія въ цвѣтущей Эмильской долинѣ, и до сихъ поръ еще не явился никто, чтобы очистить и убрать слѣды варварскаго опустошенія, такъ картинно описаннаго д-ромъ Брэмомъ. Графъ Вальдбургъ, какъ всегда неутомимый коллекторъ, добылъ одинъ черепъ, выказывающій, по изслѣдованіямъ профессора Вирхова, признаки турецкаго типа и по всей вѣроятности принадлежавшій одному изъ грабителей дунганъ. — Впрочемъ тутъ встрѣчались не одни развалины; живые уже снова начали заботы о своемъ существованіи. Нерѣдко намъ попадались калмыки и киргизы, и притомъ не только въ сопровожденіи ихъ стадъ, но и среди засѣянныхъ и искуственно орошенныхъ полей. Правда, это были русскіе подданные, потому что только они могли позволять себѣ такія занятія въ предѣлахъ Китая, не опасаясь дунганъ. Мы сами, 22 и 23 числа, были весьма близко отъ этихъ разбойниковъ и успѣли убѣдиться на опытѣ въ ихъ присутствіи и промыслѣ. У одного киргиза именно они отбили двухъ подручныхъ лошадей, едва только онъ шаговъ на 100 отдалился отъ поѣзда. Преслѣдованіе маіора Тихонова съ казаками оказалось безуспѣшнымъ и воры успѣли скрыться въ ночной темнотѣ со своей добычей. На слѣдующій день однако лошади опять очутились въ лагерѣ, къ которымъ ихъ вѣроятно пригнали сами воры, узнавши, что онѣ принадлежали русскимъ (онѣ составляли собственность маіора Тихонова), съ которыми они остерегались имѣть столкновенія. Въ Чугучакѣ намъ сообщили, что нѣсколько дней тому назадъ, въ 80 верстахъ отъ города, дунганы сожгли три деревни и разорили три почтовыхъ пикета, на южной дорогѣ въ Гучень, — угнали скотъ, захватили хлѣбные запасы и увели въ плѣнъ молодыхъ женщинъ. Вслѣдствіе этого, только что передъ нашимъ пріѣздомъ, противъ грабителей выступилъ китайскій отрядъ, подъ начальствомъ генерала.

Насколько привлекательны казались горы издали, настолько онѣ не оправдывали ожиданія вблизи, такъ какъ при этомъ выступало во всей наготѣ ихъ совершенное безлѣсье. Подобно тому, какъ незамѣтно достигается перевалъ Скалистыхъ горъ, — станція Шерманъ (на высотѣ 8235 ф.), правда по желѣзной дорогѣ, такъ точно и здѣсь подъемъ оказался совершенно нечувствитель-

нымъ. Дорога идетъ по обширной плоской возвышенности, почти ничѣмъ не отличающейся отъ степи, но ограниченной впрочемъ горами, гдѣ беретъ начало множество быстрыхъ рѣчекъ, чрезъ которыя намъ пришлось переправляться. Густо усѣянныя голышами берега показывали, что рѣчки эти значительно увеличиваются въ размѣрахъ весною, но въ наше время снѣгъ на горныхъ вершинахъ уже успѣлъ порядочно стаять. Передъ самымъ Бургасутаемъ намъ пришлось ѣхать по крутымъ насыпямъ галекъ, напоминающимъ морены, что, въ потьмахъ, для тарантаса было очень затруднительно и даже не лишено опасности. Но вотъ блеснули на встрѣчу сторожевые огни, къ которымъ мы скоро и подъѣхали. Это былъ русскій пограничный постъ Бургасутай, находящійся въ 50 верстахъ къ юго-западу отъ Зайсанскаго военнаго поста. Здѣсь въ трехъ юртахъ живутъ лѣтомъ 25 человѣкъ казаковъ, изъ коихъ одинъ всегда стоитъ настороже, на одной изъ ближайшихъ вершинъ. Видъ, открывающійся съ этого мѣста, представляющій въ тоже время водораздѣлъ,—поистинѣ восхитителенъ, и для иностранца, прибывшаго съ запада, имѣетъ еще ту привлекательность, что взоръ проникаетъ отсюда далеко за границу Китая.

На юго-востокъ, сейчасъ подъ нами, разстилалась плоская возвышенность, которую мы отчасти уже проѣхали. Она распадалась явственно на двѣ террасы: переднюю, зеленую съ темно-зелеными тѣнями, и дальнюю, свѣтло-зеленую, съ блѣдно-фіолетовыми просвѣтами. Послѣдняя ограничивается сѣро-зеленоватою горною цѣпью, покрытою кое-гдѣ снѣжными пятнами, а далѣе за ней возвышается снѣговой хребетъ Уркаджарскихъ горъ, съ почти прямолинейнымъ контуромъ. На переднемъ планѣ ландшафта виднѣлись безпорядочныя кучи камней; это были пограничные китайскіе знаки. Покрытыя ярко желтыми лишаями онѣ не мало способствовали живописности ландшафта.

Смотря въ даль глазъ встрѣчалъ на югѣ конусообразные, покрытые вѣчнымъ снѣгомъ, пики Орхучукскихъ горъ; на западѣ равнину ограничивали Барлыкскія горы, на сѣверѣ—Тарбагатай.

Слѣдуя взоромъ за направленіемъ этого послѣдняго хребта, тамъ, гдѣ отъ него отдѣлялись къ юго-востоку Уркаджарскія горы, можно быть отличить снѣговыя вершины Мусъ-Тау и Саурскихъ горъ. Въ противуположную сторону, на сѣверъ, растилалось обширное степное плоскогорье, ограниченное горною цѣпью Монрака. Порода, изъ которой состояли камни упомянутыхъ пограничныхъ кучъ, оказалась графитнымъ глинистымъ сланцемъ.

Чистый горный воздухъ, отличная холодная вода изъ ближайшаго родника и восхитительный, романтическій ландшафтъ не преминули оказать благотворное вліяніе на состояніе моего здоровья. Тѣмъ не менѣе я имѣлъ основаніе приписать эту удивительно быструю перемѣну скорѣе другому средству, и именно бутылкѣ шампанскаго! Не будучи особеннымъ любителемъ этого напитка, я внезапно почувствовалъ такое страстное къ нему влеченіе, что мнѣ вообразилось, что отъ исполненія этого желанія зависитъ мое выздоровленіе. И маіоръ Тихановъ нашелъ возможность, даже въ этой пустынной глуши, удовлетворить мой, быть можетъ, нелѣпый капризъ... Какъ только мы пріѣхали, онъ съ необыкновенною любезностью, тотчасъ же отправилъ въ Зайсанъ верхового казака, который благополучно и вернулся къ 9 часамъ слѣдующаго утра (сдѣлавъ 100 верстъ въ какихъ нибудь 10 часовъ). Бутылку заморозили, какъ слѣдуетъ, въ снѣгу, принесенномъ какимъ то бѣглымъ киргизомъ изъ горнаго ущелья, за десять верстъ, и я выпилъ ее одинъ почти всю, послѣ чего почувствовалъ себя разомъ совершенно здоровымъ. Я разсказываю здѣсь истинный фактъ и долженъ прибавить, что вино не произвело на меня опьяняющаго дѣйствія, несмотря на то, что почти три дня я ровно ничего не ѣлъ.

Маіоръ Тихановъ не ограничился впрочемъ однимъ нашимъ лекарствомъ, но какимъ то волшебствомъ вызвалъ еще жреца Эскулапа; въ 2 часа явился къ намъ Зайсанскій штабъ-лекарь, полковникъ д-ръ Пандеръ, и немало удивился, увидѣвъ, что его, чуть ли не къ смерти приговоренный паціентъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, прогуливался. Было бы лишнимъ описывать, какъ обрадовались мы пріѣзду земляка, д-ра Пандера, сына знаменитаго анатома и бывшаго профессора университета въ Галле. Къ тому же его пріѣздъ доставилъ намъ сюрпризъ въ видѣ свѣжей говядины, газетъ и писемъ съ родины,—первыхъ за все время нашего пребыванія въ Сибири. Такимъ образомъ въ Бургасутаѣ насъ ожидала неожиданная радость и время пролетѣло у насъ незамѣтно въ пріятной дружеской бесѣдѣ.

Для зоологіи мы встрѣтили здѣсь однако мало новаго и коллекціи наши увеличились только двумя птенцами журавля-красавца (Grus virgo), шкурки коихъ были спяты Брэмомъ,—дѣтенышемъ антилопы-кара-сирукъ (Antilope subgutturosa), молодымъ горнымъ козломъ (Capra sibirica) и водяной землеройкой (Crossopus fodiens); послѣдняя была убита графомъ Вальдбургомъ въ маленькомъ ручьѣ, служившимъ кромѣ того притономъ множества

мелкихъ существъ, особенно дафнидъ. Ими, вѣроятно, и питалась землеройка, потому что остатки ихъ оказались въ ея желудкѣ; что касается птицъ, то на плоскогорьѣ южнаго склона Тарбагатая оказались тѣ же формы, какъ и въ прежде посѣщенныхъ нами мѣстностяхъ; на первомъ планѣ, именно, жаворонки, трясогузки (Motacilla melanocephala и Motacilla personata), розовые скворцы (Pastor roseus), обыкновенные скворцы (Sturnus Poltoratzkyi?), бѣлые луни (Circus pallidus), галки, грачи, домовыя ласточки (Hirundo rustica), степные рябки (Pterocles arenarius) и дрофа (Otis tarda). Здѣсь встрѣчается также черный аистъ (Ciconia nigra), какъ то доказываетъ одинъ экземпляръ добытый Брэмомъ. Графъ Вальдбургъ, во время моего празднаго пребыванія на Бургусутаѣ, не оставался безъ дѣла и собралъ богатую коллекцію растеній. Настоящіе цвѣтные ковры составляли Tulipa altaica, Iris flavissima, и,—тамъ гдѣ только, что стаялъ снѣгъ, Primula officinalis, Primula macrocalyx, Ranunculus affinis и Ran. polyrhizos.

26-го мая надо было рано утромъ трогаться далѣе. Уже въ половинѣ 3-го часа утра, я наслаждался пѣніемъ нашего полевого жаворонка (Alauda arvensis), за которымъ, часу въ 4-мъ, послѣдовало кукованье кукушки,—но выѣхать можно было только въ $4^1/_2$ ч. и то безъ полковника и маіора, которые еще спали и обѣщали въ скоромъ времени нагнать насъ. Мы быстро покатили подъ гору и вскорѣ очутились на плоской возвышенности Кизиль - Чиликти (1090 — 1100 метр. высоты), которую намъ предстояло пересѣчь. Она образуетъ почти совершенно гладкую равнину, ограниченную на сѣверѣ изолированною цѣпью Маиракскихъ горъ. Первая треть этой горной возвышенности представляетъ обыкновенную степную растительность, далѣе идутъ искусственно орошаемыя и воздѣланныя поля, оживленныя мѣстами присутствіемъ многочисленныхъ стадъ. Въ этой части встрѣчаются тоже обширныя болота, изобилующія дикими гусями, пигалицами, авдотками и другими болотными птицами. Здѣсь беретъ также начало Канди-су, который, послѣ соединенія съ Тырсъ-айрыкомъ, образуетъ рѣчку Джети-аралъ, достигающую только во время половодья Кара-Иртыша. Далѣе степь стала принимать совершенно новый, незнакомый для насъ характеръ. На каменистой и песчаной почвѣ только кое гдѣ виднѣлась тощая трава и сѣроватая растительность, придававшая мѣстности сѣро-зелёный матовый колоритъ. Кромѣ коротконогихъ жаворонковъ здѣсь попадались и бѣлозобые (Alauda albigula), пигалицы, а д-ръ

Брэмъ застрѣлилъ даже орла (Aquila mogilnik). Часамъ къ 6-ти мы достигли окраины плоской возвышенности, гдѣ стояло нѣсколько юртъ. Здѣсь насъ уже дожидались тарантасы, и переждавъ удушливый полуденный зной, часовъ около 4-хъ, мы двинулись по направленію къ Зайсану. Дорога оказалась отличною, даже для ѣзды въ экипажѣ, и шла почти постоянно подъ гору (иногда такъ круто, что приходилось тормозить), что значительно ускоряло ѣзду. Притомъ видъ дикихъ скалистыхъ утесовъ Кара-Каджирскихъ горъ, омываемыхъ быстрой рѣчкой Байгосу или Талди-булъ, былъ чрезвычайно живописенъ и разнообразенъ. Сначала дорога извивалась зигзагами, чрезъ высокія скалистыя ущелья, прорѣзанныя въ темномъ, повидимому кристаллическомъ сланцѣ. Крутыя стѣны этихъ ущелій, представлявшія фантастическія формы какихъ то замковъ, мѣстами были сильно вывѣтрены и отпавшія отъ нихъ глыбы образовали громадныя кучи камней, придававшія мѣстности еще болѣе дикій характеръ. Далѣе, ущелья, постепенно мѣняя свои очертанія и характеръ, смѣнялись зелеными, хотя и лишенными древесной растительности, кеглеобразными пиками, расположенными рядами или перемѣшанными безпорядочно, и которымъ, казалось, не было конца. Сланцевая формація внезапно смѣнилась песчаниками, которые то представлялись въ видѣ свѣтло-или тёмно-желтыхъ горизонтальныхъ пластовъ, то являлись изолированными огромными глыбами, напоминавшими своей формой караван хлѣба. Многія изъ нихъ скатились внизъ и лежали на песчаной равнинѣ, гдѣ постепенно все болѣе и болѣе вывѣтривались и разрушались, указывая своимъ примѣромъ на будущую судьбу всѣхъ этихъ горъ.

Когда мы проѣхали послѣднее ущелье, нашимъ глазамъ открылась новая, давно желанная картина. Передъ нами растилалась обширная равнина Чернаго Иртыша, ограниченная вдали, на горизонтѣ, неопредѣленными очертаніями снѣговой горной цѣпи. То былъ Алтай! ближайшая цѣль нашего путешествія и нашихъ стремленій!

Мы выѣхали вскорѣ на хорошую почтовую дорогу, обозначенную настоящими верстовыми столбами (трактъ — Семипалатинскъ-Кокбекты-Зайсанъ, длиною 511 верстъ); дорога эта идетъ вдоль подошвы Кичкене-Тау, представляющая мѣстами живописные виды. Особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи узкое и необыкновенно романтическое ущелье, чрезъ которое съ шумомъ прорывается рѣчка Уйдонъ. Въ половодье оно должно представлять еще болѣе величественный видъ, что̀ доказывали между прочимъ

и три, снесенныхъ потокомъ, моста; быстрота теченія впрочемъ скоро ослабѣваетъ и уже простымъ глазомъ можно было видѣть, какъ рѣчка распадалась далѣе на нѣсколько рукавовъ, которые постепенно развѣтлялись на множество оросительныхъ каналовъ. Въ $8^1/_2$ ч. пріѣхали мы въ Зайсанъ и остановились въ красивомъ домѣ маіора Тиханова, который изъ любезнаго провожатаго превратился здѣсь въ столь же предупредительнаго и гостепріимнаго хозяина.

Александръ Константиновичъ, во время нашего посѣщенія, былъ приставомъ, т. е. начальникомъ Зайсанскаго округа (Семипалатинской области), другими словами занималъ столь же трудный, сколько и отвѣтственный постъ. Въ его особѣ соединялось именно все административное управленіе округомъ; имъ рѣшались всѣ административныя, полицейскія, судебныя, слѣдственныя и другія дѣла. Онъ предсѣдательствовалъ при разборѣ всѣхъ постовыхъ и пограничныхъ дѣлъ; четыре пограничныхъ поста находились непосредственно подъ его начальствомъ. Ни одинъ полицейскій чиновникъ или судья не облегчалъ его занятій и весь его штабъ состоялъ изъ одного помощника, одного инженера, письмоводителя и двухъ писарей, причемъ на содержаніе канцеляріи ежегодно отпускалось только 400 р. Понятно, поэтому, что Зайсанскій приставъ постоянно заваленъ дѣлами, тѣмъ болѣе, что его округъ вовсе не маленькій и обнимаетъ 36,120 квад. верстъ съ 66,125 жителями. Изъ послѣднихъ впрочемъ только 3843 осѣдлыхъ, остальные кочевники (киргизы и калмыки), приписанные къ 11 волостямъ. Изъ осѣдлыхъ поселеній въ уѣздѣ насчитывается: одинъ городъ (Кокбекты, 1300 жителей), два селенія, одинъ военный постъ (Зайсанъ) и двѣ казацкихъ станицы. Въ Зайсанскомъ округѣ расположенъ 4-ый сибирскій линейный батальонъ, одна батарея и три полка сибирскаго казачьяго войска.

„Зайсанскій постъ есть крайній пунктъ сѣверной половины Джунгаріи, быстро развившійся до степени порядочнаго села“, писалъ Вепюковъ въ 1874 г. и я могу вполнѣ подтвердить его слова. Мѣстечко производитъ на пріѣзжаго изъ степи весьма пріятное впечатлѣніе, особенно своими широкими улицами, засаженными ивами и окаймленными оросительными каналами. Его сложенные изъ кирпичей домики съ плоскими крышами выглядятъ, правда, не особенно внушительно, но они оказываются очень цѣлесообразными и даютъ пріятное убѣжище, во время сильныхъ жаровъ. Есть впрочемъ и нѣсколько деревянныхъ домовъ (въ томъ

числѣ домъ пристава), равно какъ маленькая, красивая деревянная церковь съ колокольней. Имѣется также большое зданіе для школы, предназначенной преимущественно для киргизъ. На базарѣ, состоящемъ изъ маленькихъ деревянныхъ лавочекъ, можно встрѣтить всевозможные европейскіе и азіатскіе товары. Офицеры имѣютъ здѣсь свой клубъ, а предусмотрительности маіора Тиханова, мѣстечко обязано очень хорошимъ паркомъ съ помѣщеніемъ для общественныхъ собраній. Паркъ лежитъ на правомъ берегу быстраго горнаго потока Джемени, вытекающаго вблизи Зайсана изъ скалъ и черезъ который перекинутъ широкій прочный деревянный мостъ. Зайсанъ, т. е. „благородный“ заключаетъ въ себѣ 163 дома, двѣ тысячи жителей (включая военныхъ) и лежитъ подъ 47° 26′ 25″ сѣв. широты и 84° 58′ вост. долготы отъ Гринв. (по опредѣленію Мирошниченко) (54° 38′ вост. дол. отъ Пулкова), на высотѣ 540 метровъ, какъ показали наблюденія съ анероидомъ графа Вальдбурга. Основаніе его относится къ 1867 году, когда сюда впервые прибыли казаки, а въ 1868 году были построены первые дома. Въ 1869 г. молодая колонія должна была уже отражать нападеніе китайскихъ мародеровъ, изъ Булунтогоя.

Во время нашего пребыванія въ Зайсанѣ, въ немъ было большое оживленіе, такъ какъ онъ составлялъ исходный пунктъ каравановъ, отправлявшихся въ Баркуль, Гученъ и Урумчи, съ грузомъ муки для китайской арміи. Сотни навьюченныхъ верблюдовъ безопасно проходили область возставшихъ дунганъ, для которыхъ подобное подкрѣпленіе ихъ непріятеля не могло быть пріятнымъ. Небольшого числа казаковъ было уже достаточно, чтобы держать инсургентовъ въ страхѣ и никто не думалъ, чтобы дунганы когда либо могли рѣшиться на нападеніе. Мало по малу, однако, приглядѣвшись къ этимъ страшилищамъ, дунганы вдругъ проявили свою смѣлость, и въ 1876 г., несмотря на казачій конвой, напали на одинъ караванъ и разграбили его. Съ тѣхъ поръ, большіе транспорты, предпринятые фирмою Каменскихъ, съ главою коей мы встрѣтились въ Аркатскихъ горахъ, были запрещены русскимъ правительствомъ. Въ домѣ пристава мы познакомились съ однимъ изъ представителей этой фирмы, г-мъ Хохловымъ, отъ котораго получили много интересныхъ свѣденій, въ особенности касающихся мѣстной фауны, хорошо ему извѣстной, какъ страстному и дѣльному охотнику. Онъ привелъ къ намъ одного старика киргиза, по имени Марджи-Алдыяра, который сообщилъ нѣсколько данныхъ, изъ собст-

венныхъ наблюденій, относительно „туикика“ или дикаго верблюда. Эти данныя были мною потомъ представлены Лондонскому Зоологическому Обществу и напечатаны въ его Запискахъ, въ 1876 году. Мы находились всего въ какихъ нибудь 250 верстахъ отъ родины этого интереснаго животнаго (повидимому — пустыни Кабано въ сѣверо-западной Монголіи), о существованіи котораго до сихъ поръ еще не было извѣстно ничего положительнаго. Само собою разумѣется, что намъ нельзя было и думать объ окончательномъ рѣшеніи этой задачи, что удалось не далѣе, какъ на слѣдующій годъ неутомимому Пржевальскому, который не только встрѣтилъ дикихъ верблюдовъ въ бассейнѣ Тарима, въ 200 верстахъ на западъ отъ Лобъ-Нора, слѣдовательно уже за Тянь-Шаномъ, но успѣлъ пріобрѣсти нѣсколько подлинныхъ экземпляровъ ихъ.

За то мы были весьма близко къ другому интересному животному, именно къ улару или горной индѣйкѣ, которыхъ графъ Вальдбургъ встрѣтилъ уже въ Ала-Тау. Показанныя намъ г. Хохловымъ чучела этой птицы еще болѣе подстрекнули любопытство охотниковъ и натуралистовъ, такъ что на слѣдующій вечеръ д-ръ Брэмъ и графъ Вальдбургъ рѣшились отправиться въ сопровожденіи д-ра Пандера на охоту за ними въ Манракскія горы, находившіяся отъ Зайсана приблизительно въ 70 верстахъ. Къ сожалѣнію я не могъ принять участія въ этой поѣздкѣ, обѣщавшей такъ много интереснаго, потому что страдалъ дисентеріей и долженъ былъ еще заняться препарированіемъ и укладкой коллекцій. Я сдѣлалъ впрочемъ небольшую прогулку пѣшкомъ по ближайшимъ окрестностямъ Зайсана, т. е. по пустынной степи и голымъ Зайканскимъ горамъ. Послѣднія, хотя и не очень высоки, не вездѣ легко доступны, по причинѣ своихъ крутыхъ скатовъ—и, какъ показали собранные мною образцы, состоятъ изъ гранита, діабаза, афанита и желѣзистаго известняка. Въ ущельяхъ и даже на вершинахъ горъ часто встрѣчаются огромные валы изъ галекъ, обломковъ скалъ и отполированныхъ камней различныхъ формацій, вѣроятно отложенныхъ здѣсь рѣкою Джеминомъ, ранѣе прорытія ею ея теперешняго, углубленнаго русла (а можетъ быть и древними ледниками Саура?) При полнѣйшемъ отсутствіи древесной растительности животная жизнь представлялась здѣсь гораздо болѣе скудною, чѣмъ въ Кара-Каджирскихъ горахъ, гдѣ кромѣ пустельги, удодовъ, галокъ, полевыхъ голубей, встрѣчались еще въ ущельяхъ цѣлыя колоніи ласточекъ (быть можетъ Chelidon lagopoda?) и розовыхъ скворцовъ. Графъ Вальд-

бургъ встрѣтилъ тамъ однажды цѣлую стаю этихъ послѣднихъ въ количествѣ болѣе тысячи штукъ, причемъ двумя выстрѣлами убилъ 25 птицъ. Мои труды впрочемъ не пропали совсѣмъ даромъ, такъ какъ мнѣ посчастливилось добыть нѣсколько новыхъ и неожиданныхъ для меня видовъ, какъ напримѣръ, монгольскаго степного трубача (Erythrospiza mongolica), особый видъ овсянки (Emberiza Huttoni), чеккана (Saxicola morio) и нашу сѣрую мухоловку (Muscicapa grisola)— единственный экземпляръ, встрѣченный нами вообще въ Сибири.

Изъ двухъ добытыхъ мною видовъ пауковъ, одинъ оказался новымъ (Philodromus molarius Koch); но я напрасно искалъ скорпіоновъ, тарантуловъ и другихъ ядовитыхъ пауковъ, о которыхъ намъ разсказывали еще въ Семипалатинскѣ. Укушеніе тарантула (Lycosa songarensis), причиняющее только опухоль, наименѣе опасно; гораздо большую опасность представляетъ укушеніе „каракурта (Latrodectus lugubris), также Epeira lobata и двухъ видовъ Phalangium (araneoides и intrepida). Увѣреніе Скайлера, что величина этого послѣдняго достигаетъ „двухъ кулаковъ“, уже опровергнуто Ал. Петцольдомъ, который показалъ, что самые большіе экземпляры достигаютъ только 2 дюймовъ длины. Опасныя, особенно во время жаркихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, укушенія этихъ пауковъ нерѣдко причиняютъ смерть, или по крайней мѣрѣ вызываютъ продолжительное разстройство первной системы. Лучшимъ средствомъ противъ нихъ признается прижиганіе или высасываніе раны, а затѣмъ—употребленіе кумыса и баранины. Упомянутые ядовитые пауки водятся впрочемъ также и въ южной Россіи, гдѣ причиняютъ иногда большой вредъ стадамъ; по наблюденіямъ д-ра Щенковича, изъ числа укушенныхъ животныхъ погибаетъ около 33% верблюдовъ, 16% лошадей и 12% рогатаго скота. Замѣчательно, что овцы безъ вреда пожираютъ этихъ опасныхъ насѣкомыхъ, почему киргизы обыкновенно и ставятъ свои юрты на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде паслись овцы. Съ другой стороны подстилка изъ овчины служитъ лучшимъ предохранительнымъ средствомъ отъ почныхъ нападеній этихъ ядовитыхъ созданій.

Изъ млекопитающихъ, мнѣ также ожидало нѣсколько сюрпризовъ; я получилъ именно ушастаго ежа (Erinaceus auritus), шкуру длиннохвостой пантеры барса—(Felis irbis) и двѣ шкуры кулана или дикой лошади. Видъ двухъ киргизовъ, неожиданно появившихся у входа въ юрту, съ грубо набитыми тростникомъ, шкурами кулановъ, былъ настолько комиченъ, что я не могъ удержаться отъ хохота.

Между тѣмъ вернулись и наши охотники, привезшіе съ собой нѣсколькихъ птицъ, въ томъ числѣ одного улара, котораго посчастливилось подстрѣлить д-ру Брэму. Благодаря любезности графа Вальдбурга, я могу привести здѣсь описаніе этой интересной поѣздки.

„Посовѣтовавшись обстоятельно съ маіоромъ Тихоновымъ и г. Хохловымъ, мы рѣшились предпринять поѣздку къ Маиракскимъ горамъ. Твердая увѣренность опытнаго охотника-киргиза, что если мы не убьемъ, то во всякомъ случаѣ увидимъ интереснаго улара, окончательно укрѣпила насъ въ нашемъ намѣреніи. Въ 9 часовъ вечера, когда почти совершенно стемнѣло, мы, т. е. д-ръ Брэмъ, д-ръ Пандеръ и я, выѣхали на двухъ тарантасахъ изъ Зайсана и быстро помчались по знакомой уже почтовой дорогѣ, идущей на Кокбекты. Но, не доѣзжая еще первой станціи, пикета Кара-Булака, мы свернули съ дороги, взяли цѣликомъ по степи, и послѣ не совсѣмъ пріятнаго пути, часамъ къ 11-ти достигли одного киргизскаго аула. Послѣ переговоровъ съ Белуджи, киргизскимъ школьнымъ учителемъ, котораго маіоръ Тихоновъ предусмотрительно отрядилъ съ нами въ качествѣ переводчика, жители аула немедленно изъявили готовность уступить намъ одну юрту. Не столь благосклонно отнеслись къ непрошеннымъ пришельцамъ козлята и телята, штукъ около 20-ти, для которыхъ юрта служила теплымъ ночнымъ убѣжищемъ. Они не только оставили послѣ себя въ юртѣ свой сильный аммоніакальный запахъ, но продолжали долго выражать свое неудовольствіе протяжнымъ и жалобнымъ мычаньемъ и блеяньемъ.“

„Едва успѣли мы крошечку вздремнуть, какъ съ солнечнымъ восходомъ, часа въ три утра, надо было опять садиться въ тарантасы. Послѣ непродолжительной, примѣрно трехъ-часовой, ѣзды, мы пріѣхали къ другому аулу, владѣлецъ котораго—султанъ, уже успѣлъ приготовить для насъ лошадей. Мы сѣли верхомъ и рысью поѣхали къ горамъ, подъ предводительствомъ двухъ охотниковъ-киргизовъ—одного почтеннаго старика и его цвѣтущаго здоровьемъ и силою сына; насъ сопровождали, кромѣ того, двое казаковъ, данныхъ намъ въ спутники маіоромъ Тихоновымъ. Черезъ нѣсколько времени мы уже очутились въ горахъ и по каменистымъ пригоркамъ, узкимъ ущельямъ и живописнымъ долинамъ стали подыматься все выше и выше. Встрѣчавшіяся по временамъ альпійскія воропы и горныя куропатки (Perdrix chucar) сильно подзадоривали наши охотничьи инстинкты, но мысль о „королевскихъ индѣйкахъ“, какъ ихъ называетъ Брэмъ, застав-

ляла подавить её. Послѣ двухъ-часовой ѣзды верхомъ, наши предводители остановились; мы наконецъ добрались до мѣстопребыванія уларовъ! Докторъ Брэмъ съ старымъ киргизомъ повернулъ здѣсь налѣво, а д-ръ Пандеръ и я отправились подъ предводительствомъ его сына направо, предоставивъ нашимъ лошадямъ взбираться по крутымъ склонамъ. Прекрасные луга, покрытые альпійскими травами и цвѣтами, смѣнялись здѣсь съ хаотическими каменистыми розсыпями, а когда мы достигли вершины гребня, насъ ожидалъ чудесный видъ вдаль. На сѣверъ, на окраинѣ огромной равнины Кара-Иртыша виднѣлась еще покрытая снѣгомъ цѣпь южнаго Алтая, а на сѣверо-западѣ блестѣло огромное водяное зеркало Норъ-Зайсана съ разлившимися Кара-Иртышемъ и Кендерлыкомъ. На востокѣ возвышались снѣговыя вершины Саура; на западѣ виднѣлись предгорія Тарбагатая—Кергенскія или Киркинскія горы; на югѣ, наконецъ, панорама была ограничена передовою и въ тоже время наиболѣе высокою цѣпью Манрака."

„Мы вспугнули по дорогѣ немало куропатокъ, но напрасно искали уларовъ! Вдругъ раздался издалека слышный призывный крикъ, звонкое „у-луй" или „у-луиръ", которому птицы обязаны своимъ киргизскимъ прозвищемъ. Я тотчасъ же замѣтилъ давно жданную дичь, но прежде чѣмъ можно было подумать выстрѣлить въ неё, она уже спялась и улетѣла. Мой проводникъ—киргизъ — попытался было преслѣдовать птицу и подкрасться къ ней, но это ему не удалось, ибо разстояніе было слишкомъ велико. Мы стали подниматься выше, на вторую горную террасу. Здѣсь скоро послышались крики нѣсколькихъ уларовъ, но замѣтивъ, что за ними слѣдитъ д-ръ Брэмъ, мы пошли далѣе, къ одному, уже занятому лѣтнему аулу. Тутъ, среди мычанья мелкаго скота, мы переждали жаркій полуденный часъ, причемъ насъ занималъ одинъ киргизскій музыкантъ. Инструментъ его былъ сдѣланъ изъ выдолбленнаго куска дерева, обтянутаго кишкою и снабженнаго роговымъ мундштукомъ; въ немъ было вырѣзано три отверстія для прохода воздуха, по которымъ ударялъ пальцами киргизскій Аполлонъ. Несмотря на необыкновенно примитивную конструкцію инструмента, разнообразіе производимыхъ имъ тоновъ и дребезжащихъ звуковъ было изумительно. Къ сожалѣнію, музыкантъ ни за что не хотѣлъ разстаться съ своимъ любимымъ инструментомъ, хотя послѣдній и былъ вѣроятно его собственнымъ издѣліемъ."

„При юртахъ мнѣ бросились въ глаза невиданные до сихъ поръ навѣсы надъ входомъ. Спачала я ихъ принялъ за водостоки, но

скоро убѣдился, что они имѣли другое назначеніе, именно служили сушильней для сыра, извѣстнаго у киргизовъ подъ названіемъ „курта“ и составляющаго важную составную часть зимняго продовольствія. Молочное хозяйство ведется довольно оригинальнымъ образомъ. Ежедневный сборъ коровьяго, козьяго и бараньяго молока сливается вмѣстѣ, въ большой кожаный мѣхъ и сбивается тамъ въ масло, помощію палки, къ которой прикрѣплена горизонтальная деревянная веселка. Получаемый продуктъ называется „сарма“. Остающаяся затѣмъ сыворотка, „айрянъ“ составляетъ любимую и главнѣйшую пищу киргизовъ. Для приготовленія сыра берется молоко пополамъ съ водою и кипятится въ котлѣ до тѣхъ поръ, пока жидкость не испарится и не останется густая масса, которую они называютъ „иркитъ“ и которая, какъ я самъ убѣдился, недурна на вкусъ. Ее кладутъ въ мѣшки и руками катаютъ въ шары. Такъ приготовляется ихъ сыръ, который, если хорошо посоленъ и высушенъ, сохраняется цѣлую зиму.—Послѣ обѣда, часа въ 4-е, я опять отправился на поиски уларовъ, слышалъ неоднократно ихъ крики на средней горной террасѣ, но мнѣ не удалось подойти къ нимъ на разстояніе выстрѣла. Охота здѣсь вообще, по причинѣ неровности почвы, весьма затруднительна и безъ хорошей собаки по большей части бываетъ безуспѣшна. Однако д-ру Брэму посчастливилось все таки убить самку улара. Насколько неблагопріятны оказались для меня условія охоты на уларовъ, настолько прекраснъ былъ видъ, открывавшійся съ этого высокаго пункта. Я могъ окинуть взоромъ все плоскогорье Чиликты, ограниченное цѣпью Тарбагатая, вплоть до самаго горнаго узла, гдѣ отъ него на югъ отдѣляется Уркаджаръ, а на востокѣ—Сауръ и Мусъ Тау.“

„Возвращаясь подъ вечеръ къ аулу, я еще засталъ интересную сцену доенія. Овецъ и козъ только что подоили и позволили отдать оставшееся въ ихъ вымени молоко ихъ ягнятамъ и козлятамъ, которые были привязаны въ сторонѣ и жалобно мычали и блеяли. Съ громкимъ зовомъ онѣ бросились вскачь къ своимъ дѣтямъ и въ одну минуту всѣ матки отыскали своихъ козлятъ и ягнятъ. Только двѣ—три овцы напрасно блеяли и жалобно звали: ихъ ягнята пошли намъ на ужинъ. На слѣдующій день моя охота оказалась не болѣе удачною, чѣмъ наканунѣ. Я выстрѣлилъ въ одного, внезапно показавшагося огромнаго волка, но мой выстрѣлъ только заставилъ его ускорить бѣгъ. Я встрѣтилъ еще цѣлую стаю уларовъ, изъ коихъ одинъ, молодой, величиною не больше куропатки, подпустилъ даже къ себѣ на разстояніе вы-

стрѣла, но только что я хотѣлъ прицѣлиться, какъ онъ внезапно исчезъ, точно сквозь землю провалился и всѣ мои поиски остались тщетны. Вообще успѣхъ охоты за уларами зависитъ отъ счастія, и даже д-ръ Брэмъ, подходившій къ нимъ нѣсколько разъ довольно близко, не могъ попасть въ этотъ день ни въ одного.—Мы взбирались по такимъ ужаснымъ тропинкамъ, что даже киргизы должны были слѣзть съ лошадей и подводили ихъ намъ послѣ длинными окольными путями. Только одинъ казакъ, не взирая ни на что, слѣдовалъ за Брэмомъ, сначала верхомъ, а потомъ, когда это сдѣлалось окончательно невозможнымъ, держа свою лошадь въ поводу."

„Спускъ по отлогому, каменистому скату въ долину также былъ не особенно удобенъ для пѣшехода. Я обратилъ при этомъ вниманіе на различныя встрѣчавшіяся по пути горныя породы: порфировый туфъ, глинистый желѣзнякъ, діабазъ, и пришелъ къ убѣжденію въ возможности вулканическаго происхожденія Манракскихъ горъ. Глубоко прорѣзанныя долины, узкія ущелья, крутые, на нѣсколько сотъ футовъ возвышающіеся надъ днемъ долины, склоны, изолированные коническіе пики и красивыя группы скалъ смѣнялись безпрестанно одни другими. Мѣстами жилы кварца образовали въ горной породѣ бѣлыя, зеленыя и красныя полосы, значительно усиливавшія эффектъ пейзажа. Окрашенныя часто кирпично-краснымъ цвѣтомъ предгорья состоятъ изъ бѣлаго или желтаго песку и рухляка и заключаютъ въ себѣ теплые желѣзистые источники, водою которыхъ пользуются киргизы. Вслѣдствіе бѣдности горъ водою въ это время года, флора ихъ представлялась также скудною. Чаще всего попадались ивы и таволга; на каменистыхъ склонахъ—недотрога (Impatiens Noli-tangere) и розы. Луковичныхъ растеній было очень много; и красивая Iris glaucescens образовала даже цѣлые роскошные ковры."

„Между тѣмъ пошелъ дождь, дальнѣйшая охота была бы совершенно безполезною и мы рѣшились вернуться. Сидя въ тарантасѣ я имѣлъ случай, на возвратномъ пути въ Зайсанъ, убѣтиться въ выносливости и неутомимости киргизскихъ верховыхъ быковъ. Одинъ родственникъ хозяина юрты, у котораго мы стояли, сопровождалъ насъ верхомъ на такомъ быкѣ на разстояніи 8 верстъ, причемъ все время не отставалъ не только отъ скоро ѣхавшихъ тарантасовъ, но и отъ верховыхъ лошадей. 29-го мая, часамъ къ 4 пополудни, мы вернулись въ Зайсанъ, съ чувствомъ искренней благодарности къ нашему любезному спутнику—д-ру Пандеру."

Хотя, къ сожалѣнію, я не могу говорить объ уларѣ на ос-

пованіи собственныхъ наблюденій, тѣмъ не менѣе я не могу отказаться отъ описанія этой птицы, наиболѣе интересной изъ всѣхъ, видѣнныхъ нами во время нашего путешествія.

Уларъ—это плотная, красивая птица, напоминающая сложеніемъ куропатку, но по величинѣ подходящая къ индѣйкѣ. Окраска ея пера, не столь свѣтлая, какъ у куропатокъ, подходитъ подъ цвѣтъ скалъ, среди которыхъ она живетъ, и довольно красива; особенно элегантенъ нарядъ головки и шейки. По сѣрому фону темени и затылка идутъ двѣ каштановыхъ, красновато-бурыхъ продольныхъ полоски, которыя раздѣляются посрединѣ широкою бѣлою полосой, въ видѣ подковы соединяющейся съ бѣлымъ подбородкомъ. Зобъ черный съ бѣловатыми поперечными полосками, сливающимися внизу съ широкой бѣлой полоской. Остальное опереніе выказываетъ темно-сѣрый фонъ, усѣянный частыми, болѣе свѣтлыми крапинами и по которому, вдоль плечь и верхнихъ кроющихъ перьевъ крыльевъ, идутъ свѣтло и темно-коричневыя полосы, выступающія рѣзче и темнѣе на длинныхъ перьяхъ боковъ. Хвостовыя перья черныя съ буро-красными ободками, нижнія кроющія перья хвоста бѣлыя, какъ и большая часть маховъ, имѣющихъ темные концы. Ноги, при жизни, — ярко-краснаго цвѣта сурика. Клювъ буровато-рогового цвѣта; кольцо вокругъ глаза и узкая голая полоска у задняго края глаза — желтыя; радужная оболочка глазъ—темно-коричневая.

Самецъ отличается отъ самки, какъ и у многихъ другихъ куриныхъ, только присутствіемъ тупой шпоры на задней сторонѣ цѣвокъ.

Уларъ—необыкновенно пугливая птица; однообразный и звонкій его крикъ „у-луй“ или „у-луиръ“ можно слышать гораздо чаще, чѣмъ увидѣть его самого. Онъ умѣетъ очень искусно прятаться между камнями, быстро скрывается въ нихъ, при малѣйшемъ шорохѣ улетаетъ за предѣлы выстрѣла, опускаясь только на далекомъ разстояніи. Понятно поэтому, что охота за нимъ въ пересѣченной, трудно доступной мѣстности, крайне затруднительна и, безъ помощи хорошо выдрессированной собаки, едва-ли можетъ быть успѣшною. Даже молодые улары, величиною не больше куропатки, которыхъ встрѣтилъ графъ Вальдбургъ,—и тѣ умѣли ловко спасаться отъ преслѣдованія, хотя могли перелетать только короткія разстоянія.

Насколько эта птица интересна для охотника, настолько же она привлекаетъ вниманіе зоолога, какъ своимъ образомъ жизни, еще слишкомъ мало изученнымъ, такъ и условіями своего

распространенія, сравнительно съ другими родственными видами. Въ настоящее время изъ группы горныхъ индѣекъ или королевскихъ куропатокъ (Tetraogallus s. Megaloperdix) извѣстно пять хорошо обособленныхъ видовъ, всѣ водящіеся въ горахъ, изъ которыхъ каждый принадлежитъ только одной, большей частью тѣсно обособленной горной области. Такъ T. caucasicus водится только на Кавказѣ, T. caspius—въ Таврѣ, T. altaicus на Алтаѣ, T. tibetanus—въ горахъ Тибета и Монголіи, и T. himalayensis (Nighelli) въ Гималаѣ. Замѣчательно однако, что въ Манракскихъ горахъ, лежащихъ всего миляхъ въ 16 отъ Алтая, и гдѣ слѣдовало бы ожидать алтайскій видъ—T. altaicus, вмѣсто него встрѣчается гималайскій, T. himalayensis, область распространенія котораго лежитъ на 20 градусовъ широты южнѣе. Дѣйствительно, произведенное мною тщательное сравненіе показали, что уларъ, водящійся въ Манракскихъ горахъ, ничѣмъ не отличается отъ „Snow Pheasant“ англійскихъ спортсменовъ. Но въ Гималаѣ улары гнѣздятся на высотѣ не ниже 12000 футовъ, тогда какъ въ Манракскихъ горахъ, едва ли достигающихъ вообще 5000 фут., они встрѣчаются уже на высотѣ 1200 — 1400 метровъ. Киргизскіе охотники увѣряли насъ, что улары встрѣчаются во всѣхъ горахъ по китайско-русской границѣ, равно какъ и въ китайской провинціи Тарбагатаѣ. О нахожденіи ихъ въ Тянь-Шанѣ мы знаемъ чрезъ Сѣверцова, а это позволяетъ предположить, что они водятся и на Куэнь-Лунѣ и что слѣдовательно область распространенія улара обнимаетъ нѣсколько различныхъ горныхъ системъ.

Добрые Зайсанцы выказали въ отношеніи къ намъ большое радушіе и мы не чувствовали недостатка въ пріятныхъ собесѣдникахъ. Мы обѣдали въ радушной семьѣ д-ра Пандера, были на вечерѣ у подполковника Брандта, гдѣ насъ ожидали танцы (въ домѣ оказалось піанино) и фейерверкъ, а маіоръ Тихановъ устроилъ въ честь насъ „итальянскую ночь“. По этому случаю публичный садъ, по ту сторону Джемени, былъ красиво освѣщенъ пестрыми фонарями и хоръ пѣсенниковъ-казаковъ услаждалъ нашъ слухъ національными мотивами, имѣющими такую оригинальную прелесть для западноевропейца. Мы испытали такимъ образомъ самое полное и радушное гостепріимство и разстались съ искреннею благодарностію съ нашими хозяевами 30-го мая въ $2^1/_2$ часа пополудни. На хорошихъ лошадяхъ, несмотря на сильную жару, мы сдѣлали 55 верстъ въ шесть часовъ, причемъ еще испытали задержку въ дорогѣ, отъ того, что одна лошадь попала передними ногами за перекладину впереди ѣхавшаго тарантаса, по-

висла и упала, и только съ трудомъ могла быть высвобождена. Перемѣна лошадей была только одинъ разъ, близъ Кендерлыка, небольшой рѣчки, впрочемъ нѣсколько болѣе значительной, чѣмъ Джемени, черезъ которую намъ также пришлось переправляться. Кендерлыкъ, еще у Зайсана бурный и пѣнистый, не далѣе какъ послѣ часового теченія обращается въ незначительную степную рѣчку. Берега его состоятъ изъ толстыхъ слоевъ жирнаго чернозема, который нѣкогда будетъ несомнѣнно давать обильныя жатвы. Степь покуда-же была такъ-же пустынна, какъ и видѣнная нами ранѣе. Высокая рѣдкая трава и древовидный кустарникъ, Eleagnus hortensis, съ почти бѣлыми листьями, по прежнему смѣнялись болотами и песчаною степью, поросшею дикимъ овсомъ. Кое гдѣ встрѣчались солончаки съ характеристичными для нихъ растеніями, а мѣстами, на большомъ пространствѣ, глазъ не встрѣчалъ ничего кромѣ чингина,—кустарника съ длинными шипами, составляющаго любимую пищу верблюда. Проѣхавъ цѣлый рядъ огромныхъ песчаныхъ дюнъ, мы спустились въ долину Чернаго Иртыша (Кара-Черный-Верхній Иртышъ), теченіе котораго было замѣтно еще издали по растущимъ вдоль его береговъ высокимъ деревьямъ, преимущественно тополямъ и ивамъ. Если мы прибавимъ, что берега были еще покрыты различными кустарниками, изъ которыхъ доносилось щелканье соловья, то станетъ понятнымъ, какъ пріятно на насъ должна была подѣйствовать эта давно уже невиданная обстановка. Съ апрѣля мы почти съ самаго Ала-Тау не видѣли настоящихъ деревьевъ. За ужиномъ мы имѣли возможность снова полакомиться рыбой, которой также давно не видали—превосходной нельмой и стерлядью, которыми по справедливости славится Черный Иртышъ.

Для нашего ночлега мы могли воспользоваться кромѣ шести юртъ, еще большой, футовъ въ 30 длиною, лодкой, довольно грубой работы, но за то убранной роскошными коврами. На слѣдующее утро она должна была везти насъ къ Норъ-Зайсану, подъ самоличнымъ управленіемъ ея владѣльца, зажиточнаго киргиза Менди-бея. Наша стоянка находилась верстахъ въ 8 или 10 ниже Акъ-Тюбэ, русскаго пограничнаго поста, добраться до котораго, вслѣдствіе водополья, можно было только верхомъ и то длинными окольными путями.

Окрестныя бѣлыя песчаныя дюны представили для меня особенный интересъ тѣмъ, что при свѣтѣ сумерокъ казались оживленными присутствіемъ какихъ то новыхъ для меня, маленькихъ звѣрковъ; звѣрки эти скорѣе летали, чѣмъ бѣгали, потому что

едва одинъ изъ нихъ, прыгая, касался земли, какъ тотчасъ же снова описывалъ большую дугу въ воздухѣ. Это были тушканчики (Dipus sp.?); къ сожалѣнію мнѣ не удалось добыть ни одного, хотя ихъ и нельзя было назвать пугливыми. Иногда тушканчикъ появлялся даже шагахъ въ трехъ отъ меня, но при его быстрыхъ прыжкахъ, въ сумеркахъ невозможно было прицѣлиться.

Хотя 1-го іюня и предполагалось отплыть очень рано, но на самомъ дѣлѣ мы могли тронуться только къ 7 часамъ, такъ какъ верблюды съ багажемъ пришли не ранѣе 6 часовъ. Д-ръ Пандеръ, сопровождавшій насъ до этого мѣста, еще долго стоялъ на берегу и махалъ намъ платкомъ, когда наша лодка, движимая восемью дюжими гребцами, плавно заскользила по темнымъ, мутнымъ волнамъ внизъ по теченію.

Рѣка вздутая половодьемъ, хотя и не затопляла уже низкихъ береговъ, но благодаря своей значительной ширинѣ и прекраснымъ береговымъ ландшафтамъ, представляла все-таки очень величественный видъ. Ландшафтъ впрочемъ безпрестанно мѣнялся. Мѣстами берега являлись то низкими, глинистыми, то песчаными мѣстами болѣе высокими, имѣющими характеръ дюнъ; мѣстами ихъ покрывали роскошные зеленые луга, но всюду ландшафтъ оживлялся присутствіемъ деревьевъ, преимущественно тополей и ивъ (Populus tremula и Salix alba), которыя мѣстами образовали настоящіе первобытные лѣса. Вдали же, на горизонтѣ, виднѣлись дивныя очертанія горъ,—налѣво Манракскія и Зайканскія горы, а позади ихъ снѣговыя вершины Саура; направо — длинная, также покрытая снѣгомъ, цѣпь Алтая, съ растилающимися передъ нею темноголубыми предгорьями. Но къ чему упоминать объ этой картинѣ, которая, собственно говоря, могла быть набросана бѣглыми штрихами еще во время переѣзда по степи. Предоставимъ лучше говорить Брэму, перо котораго неподражаемо въ изображеніи миніатюрныхъ подробностей пейзажа.

„Поистинѣ величественъ и дивно прекрасенъ, особенно для бѣдной живописными ландшафтами западной Сибири, былъ видъ, которымъ мы наслаждались съ рѣки. Налѣво горизонтъ ограничивался массивною цѣпью горъ, отъ подошвы которой мы начали наше странствіе и которая возвышалась въ видѣ разнообразно сложенной изъ разноцвѣтныхъ камней стѣны, уходившей своими обоими концами въ необозримую даль. Центръ и главный узелъ цѣпи былъ представленъ Сауромъ, блестящія снѣговыя вершины котораго постепенно понижались къ югу, хотя рѣдко до такой

степени, чтобы черезъ ихъ сѣдловины можно было разглядѣть снѣговые пики Семистау (Мысъ-тау?), прорѣзаннаго многочисленными поперечными долинами, черный цвѣтъ которыхъ рѣзко отдѣлялся отъ ограничивающихъ ихъ отроговъ. Сѣвернымъ продолженіемъ Саура служитъ Маиракъ,—не особенно высокая, но, благодаря составляющему её граниту, чрезвычайно дикая горная цѣпь, отдѣльныя вершины которой, громоздясь одна надъ другой, образуютъ такую перепутанную сѣть долинъ, что даже вода часто затрудняется выборомъ себѣ пути и бѣжитъ буквально изъ одной точки по двумъ—тремъ различнымъ направленіямъ. Смотря внизъ съ высочайшихъ горныхъ пиковъ, глазъ не видитъ здѣсь ничего кромѣ пестройнаго хаоса горъ, вершинъ, зубцовъ, хребтовъ, утесовъ, отвѣсныхъ скалъ, и—то засыпанныхъ обломками, то покрытыхъ свѣжею зеленью скатовъ; наоборотъ, при взглядѣ издали, это безконечно разнообразное цѣлое, является роскошной пестрой картиной, въ которой свѣтъ и тѣни, блескъ и мракъ, отвѣсныя скалы и покатые склоны гармонически слагаются для произведенія поразительнаго эффекта. Направо задній планъ картины былъ представленъ Алтаемъ, громоздящимъ одна на другую свои цѣпи. Главные узлы, самые высокіе пункты этихъ цѣпей, также были покрыты снѣгомъ, но за дальностью разстоянія они не только не способствовали ясности очертанія, но своимъ блескомъ затемняли сосѣдніе контуры. Казалось, что имѣешь передъ собою не одну непрерывную цѣпь, а нѣсколько, изъ коихъ каждая обозначена снѣжными вершинами. Несмотря на все это Алтай производитъ величественное впечатлѣніе; ему недостаетъ только единства, характеризующаго противоположную ему цѣпь, которая, несмотря на различныя названія ея частей, на первый же взглядъ является однимъ громаднымъ цѣлымъ. Черный Иртышъ описываетъ въ своемъ теченіи обширный полукругъ, образуя частые изгибы и подходя то болѣе къ одной, то къ другой горной цѣпи, причемъ виды постоянно мѣняются. Только приближаясь къ озеру рѣка становится болѣе скучною и однообразною: деревья постепенно исчезаютъ и мѣста ихъ на протяженіи многихъ миль занимаютъ камышевыя заросли, наводящія тоску своимъ однообразіемъ и даже неблагопріятно вліяющія на видъ вдаль".

Около полудня мы пріѣхали къ мѣсту, гдѣ рѣка раздѣляется на старый и новый Кара-Иртышъ, а часамъ къ 8 вечера, послѣ 60 верстной ѣзды, достигли мѣста впаденія ея въ озеро. Отъ мѣста нашей послѣдней стоянки у Акъ-Тюбе (480 мет. высоты) до раз-

вѣтвленія рѣки (410 мет.), уровень ея понижается на 70 метр., т. е. довольно быстро, вслѣдствіе чего и рѣка имѣетъ соотвѣтствующую быстроту теченія; но, начиная отъ пункта развѣтвленія, быстрота ея постепенно замедляется и устье ея находится, по наблюденіямъ графа Вальдбурга, на томъ же уровнѣ (410 мет.).

Дорогой произошла остановка,—на этотъ разъ добровольная. Проѣзжая мимо небольшой колоніи киргизовъ-рыбаковъ намъ захотѣлось осмотрѣть ее и познакомиться съ ихъ рыболовствомъ. Вся эта колонія съ ея жалкими камышевыми шалашами и юртами,—сушившимися на кольяхъ рыбами, распространявшими зловоніе,—выдолбленными изъ древесныхъ стволовъ лодками и оборванными, полунагими, загорѣлыми отъ солнца поселенцами,—представляла необыкновенно первобытный и жалкій видъ. А между тѣмъ условія мѣстности были весьма благопріятны для этого промысла, въ чемъ насъ тотчасъ же убѣдила заказанная нами тоня. Запускъ былъ сдѣланъ настолько же быстро, какъ и просто. Шестеро парней сѣли въ лодку и закинули длинный рѣдкій неводъ съ деревянными поплавками. Другіе рыбаки, стоя почти по поясъ въ водѣ между камышами, помогали тянуть и вытаскивать неводъ, въ которомъ, послѣ получасовой работы, оказалась, по нашимъ понятіямъ, богатая добыча. А между тѣмъ неводъ закинутъ былъ только для нашей забавы!

Хотя и не помню числа пойманныхъ рыбъ, но я въ точности отмѣтилъ ихъ породы, которыя всѣ, за исключеніемъ нельмы (Coregonus leucichtys), оказались тождественными съ европейскими видами. Это были именно: линь (Cyprinus tinca, одинъ экземпляръ котораго имѣлъ 19 дюйм. длины), карпъ (Cyprinus carpio, до 17″), окунь (Perca fluviatilis до 15″), налимъ (Lota vulgaris до $2^1/_4$ фут. длины), щука (Esox lucius), два вида язей (вѣроятно Idus melanotus и другой видъ, ему родственный), стерлядь и большой осетръ (вѣроятно Accipenser Guldenstaedti), всѣ почти, слѣдовательно, значительной величины, такъ какъ даже экземпляры нельмы достигали $2^1/_2$ футовъ длины, хотя, конечно, во всѣхъ этихъ породахъ встрѣчаются и еще болѣе крупные экземпляры. По словамъ Влангали, кромѣ выше названныхъ породъ здѣсь водится еще другой видъ осетра (Accipenser sturio (?!) и таймень (Salmo fluviatilis), а Абрамовъ прибавляетъ къ нимъ еще Salmo lenoc и плотву. Этимъ спискомъ, безъ сомнѣнія, еще не исчерпывается богатство озера рыбами; къ сожалѣнію, оно еще далеко недостаточно изучено; съ своей стороны мы не имѣли возможности содѣйствовать такому изученію, такъ какъ полученные нами экземпляры оказа-

лись слишкомъ крупными для моихъ банокъ съ спиртомъ. Болѣе всего я сожалѣю о карпѣ, который здѣсь во всякомъ случаѣ можетъ считаться на родинѣ. Поэтому, поборники искусственнаго разведенія рыбъ хорошо сдѣлаютъ, если добудутъ карповъ изъ Чернаго Иртыша и Норъ-Зайсана и такимъ образомъ обновятъ свѣжею кровью наши по большей части выродившіяся породы.

Пернатымъ обитателямъ мѣстности мы могли удѣлить больше вниманія, чѣмъ чешуйчатымъ. Богатая прибрежная растительность представляла для нихъ самыя благопріятныя условія. За все время нашего плаванія по рѣкѣ, мы наслаждались пѣсней иволги, куковаиьемъ кукушки, пѣніемъ камышевокъ и другихъ пташекъ. Въ густомъ первобытномъ лѣсу раздавалась болтовня галокъ, заглушаемая по временамъ карканьемъ цѣлыхъ сотенъ черныхъ воронъ (Corvus corone); а на вершинахъ деревьевъ еще издали виднѣлись огромныя гнѣзда скопъ. Вблизи тоней черноухій коршунъ (Milvus govinda) также дерзко проявлялъ свой воровской нравъ, какъ и его египетскій родичъ. Водяныя птицы были не столь многочисленны. Мы проѣхали мимо нѣсколькихъ песчаныхъ островковъ и прибрежьевъ, гдѣ гнѣздились безчисленныя стаи чаекъ (если не ошибаюсь Sterna anglica). Нерѣдко встрѣчались также бакланы (Graculus carbo и pygmeus) и различныя породы утокъ; а одинъ разъ мнѣ попался большой черноносый гусь, (несомнѣнно Anser cygnoides), который впрочемъ тотчасъ же поспѣшилъ спрятаться съ своими гусенятами въ прибрежные кусты. Много богаче и разнообразнѣе представилось мнѣ, однако, царство пернатыхъ на другой день утромъ, когда послѣ дурно проведенной ночи, отъ злыхъ комаровъ, я вышелъ на экскурсію къ озеру. Дорога вела обширной тростниковой чащей, въ которой я открылъ присутствіе бородатой синицы (Parus biarmicus) и, въ первый разъ, толстоклювой овсянки (Emberiza pyrrhuloides). Достигнувъ песчанаго прибрежья, я увидалъ передъ собою зеркальную поверхность озера, растилавшагося тоже до самаго горизонта. Глубина его вѣроятно незначительна, такъ какъ далеко вдали виднѣлись рыбаки, стоявшіе по поясъ въ водѣ. Морскія ласточки (Sterna hirundo) и чайки (Larus argentatus, или южная форма L. leucophaeus,—ridibundus и нѣсколько экземпляровъ ichthyaetus) наполняли своими криками воздухъ, а на одинокихъ, голыхъ пняхъ сидѣли большіе морскіе орлы. Это былъ, какъ показали убитые моими товарищами экземпляры,—рѣдкій видъ—Haliaëtus leucogyphus. Далеко на озерѣ плескались и плавали недоступные преслѣдованіямъ—гагары, широконоски, бакланы и—величественно

спокойные, бѣлые пеликаны. Охота задержала насъ до 11 часовъ, но проѣхавъ немного, мы опять причалили къ берегу, именно лѣвому, почти у самаго устья. Здѣсь находилась тоня, нѣсколько побольше первой, но нисколько не лучше ея по устройству. Огромное количество разрѣзанныхъ вдоль рыбъ, преимущественно нельмы и щукъ, валялись недосоленыя на солнцѣ, которое растопляло въ нихъ жиръ и превращало ихъ въ вонючія, пропитанныя жиромъ и противныя муміи. Въ такомъ видѣ онѣ однако приходятся вполнѣ по вкусу неприхотливаго населенія, равно какъ и неаппетитная, пересоленая икра, получаемая отъ осетровъ (Accipenser Guldenstaedti).

При переѣздѣ чрезъ озеро съ нами случилось несчастіе,— первое за все наше путешествіе, которое угрожало опасностью человѣческой жизни, и приключившееся отъ избытка охотничьяго рвенія. Многочисленные, сидѣвшіе на пняхъ орлы, находившіеся въ періодѣ линьки, были до того вялы и такъ мало пугливы, что просто вызывали на выстрѣлы. Такъ, напримѣръ, около одного изъ нихъ близехонько просвистѣли четыре пули, прежде чѣмъ онъ рѣшился подняться съ мѣста. Другой, тяжело раненый, взлетѣлъ и опять сейчасъ же опустился на сосѣдній пень, вслѣдствіе чего переводчикъ маіора поспѣшилъ сѣсть въ челнокъ, чтобы пристрѣлить его окончательно. Но въ ту минуту, когда онъ садился въ челнокъ, его ружье (какъ и всегда — по неизвѣстной причинѣ) выстрѣлило и зарядъ попалъ въ казака, сидѣвшаго наготовѣ съ путами въ рукѣ. Выстрѣлъ оказался еще очень счастливымъ: будь онъ на ладонь выше, онъ попалъ бы казаку въ нижнюю часть живота и рана была бы неизбѣжно смертельна. Зарядъ пробилъ икру, къ счастію не задѣвъ кости. На близкомъ разстояніи дробь не успѣла разлетѣться и зарядъ глубоко засѣлъ въ бортѣ лодки. Но дробь № 3 причиняетъ немалую рану и намъ съ графомъ стоило большого труда остановить кровотеченіе. Получившая такую извѣстность въ франко-прусскую войну, желѣзо-хлористая вата д-ра Эрле и здѣсь вполнѣ подтвердила свое достоинство. Правда, прикладываніе ея причиняетъ адскую боль; но сильныя руки крѣпко держали бѣднаго Павла, который громко вопилъ о водкѣ и долженъ былъ довольствоваться щедрымъ „ничего“, въ видѣ утѣшенія. Когда кровь была остановлена, рану залѣпили, по всѣмъ правиламъ, пластыремъ и перевязали, послѣ чего Павелъ могъ снова стоять на ногахъ и былъ немедленно отосланъ обратно въ Зайсанъ, гдѣ въ искусныхъ рукахъ д-ра Пандера, онъ долженъ былъ скоро совершенно оправиться.

Поѣздка по желтобурымъ водамъ озера была столь же пріятна, сколько и медленна. При совершенномъ безвѣтріи пришлось плыть только на веслахъ, вслѣдствіе чего, для 20 верстъ разстоянія, намъ потребовалось цѣлыхъ 8 часовъ времени. Для меня это было весьма кстати, потому что, съ помощію Мартына Дзервита и Ивана, я могъ за это время отпрепарировать всѣ добытые экземпляры до послѣдняго. При этомъ еще нашлось время налюбоваться вдоволь живописнымъ ландшафтомъ, окаймленнымъ на горизонтѣ снѣговыми горами и принять участіе въ международномъ концертѣ, происходившемъ на калмыцкомъ, киргизскомъ, русскомъ, латышскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, слѣдовательно весьма разнообразнымъ, хоть и не всегда гармоничнымъ. Такъ какъ наша лодка пересѣкала озеро только въ юговосточномъ его углу, то мы во все время не теряли изъ виду земли, а часамъ къ 5 берегъ сталъ обрисовываться все яснѣе и яснѣе. Это были песчаныя дюны Бакланьяго-мыса, къ которому мы и причалили въ половинѣ девятаго, высадившись на низкомъ песчаномъ берегу, усѣянномъ безчисленнымъ множествомъ остатковъ раковинъ (Anodonta piscinalis). Насъ окружили несмѣтные рои комаровъ, которые впрочемъ оказались не особенно злыми, вѣроятно вслѣдствіе внезапно наступившей вечерней прохлады.

Норъ-Зайсанъ, что по калмыцки значитъ „благородное озеро“ (подъ 47° 40′—48° 90′ сѣв. шир. и 83° 10′ до 84° 50 вост. долг.) есть самый обширный прѣсноводный бассейнъ Джунгаріи. Длина его, съ юго-востока на сѣверо-западъ, равна 86 верстамъ (по Венюкову) или даже 100 (по Влангали);—ширина отъ 22 до 50 верстамъ. Глубина его незначительна и обыкновенно не болѣе 24 футовъ, хотя мѣстами достигаетъ до 40. Поверхность его Гагемейстеръ опредѣляетъ въ 2508 кв. м., а Шваненбахъ въ 33 географическихъ квад. мили или 1830 квад. килом., слѣд. онъ слишкомъ въ два раза больше Женевскаго озера (578 кв. кил.), самаго большого изъ всѣхъ озеръ Западной Европы. Онъ лежитъ на 1200 фут. выше уровня моря (по Венюкову), по Мейеру—на 1800, а по наблюденіямъ съ анероидомъ графа Вальдбурга, на 410 метра, т. е. почти на одинаковомъ уровнѣ съ окружающей степью. Отсюда понятно, что многія незначительныя рѣчки достигаютъ озера только во время половодья, когда оно на большое пространство затоплятъ низкіе берега, за исключеніемъ лишь возвышенныхъ дюнъ. Вода идетъ на прибыль со вскрытіемъ льда, въ концѣ апрѣля и затѣмъ прибываетъ снова съ половины іюня до іюля, потому что въ это

время таетъ снѣгъ въ горахъ; въ началѣ ноября озеро замерзаетъ. Если у него мало мелкихъ притоковъ, за то оно принимаетъ въ себѣ одинъ крупный, именно могучій Иртышъ—главный притокъ Оби, и превосходящій по своей длинѣ (3200 верстъ) не только Обь, но даже (?!) Дунай. Иртышъ беретъ начало въ Китайской территоріи, изъ снѣговыхъ горъ Ектагъ-Алтая, и до самаго своего впаденія въ восточный уголъ озера носитъ названіе Чернаго или Кара-Иртыша; но выходѣ же его изъ сѣверо-западной части того же озера, онъ называется уже просто Иртышомъ, или иногда еще Бѣлымъ Иртышомъ. Насколько хорошо намъ извѣстенъ послѣдній, настолько неполны наши свѣдѣнія относительно перваго. Наиболѣе точными свѣдѣніями мы обязаны основательнымъ трудамъ Мирошниченко и Матусовскаго, которые сообщаютъ также нѣкоторыя данныя объ его глубинѣ. Но повидимому, свѣдѣній этихъ еще недостаточно для того, чтобы разрѣшить вопросъ о возможности пользованія рѣкою, какъ торговымъ трактомъ съ Китаемъ, въ предѣлахъ котораго она, по слухамъ, судоходна еще на протяженіи 200 верстъ. Такъ по крайней мѣрѣ увѣряли насъ, а показаніе Сосновскаго, что правильное судоходство возможно до рѣки Каба, повидимому, можетъ служить тому подтвержденіемъ. Мы сами убѣдились въ судоходности рѣки, на протяженіи 60 вер., правда при половодьи, которое впрочемъ вообще должно обусловливать здѣсь навигацію. Гмелинъ упоминаетъ уже о мелкихъ, и, вслѣдствіе присутствія подводныхъ камней, опасныхъ мѣстахъ близъ Семипалатинска. Военная экспедиція Бухгольца и Лихарева достигла въ 1720 г. верховьевъ Иртыша только съ помощію особенныхъ плоскодонныхъ лодокъ, которыя, какъ первыя проѣхавшія озеро, получили потомъ названіе „зайсанокъ“. Послѣ 12-ти дневной, во всякомъ случаѣ крайне медленной навигаціи, экспедиція принуждена была вернуться, встрѣтивъ опасныя быстрины и опасаясь непріятельскихъ нападеній джунгаровъ. При впаденіи рѣки Бу-Урчума эти пороги представляютъ повидимому непреодолимое препятствіе; впрочемъ подобныя же быстрины встрѣчаются и ниже по выходѣ изъ озера. При самомъ же устьѣ Чернаго Иртыша, несмотря на увѣреніе Влангали, ихъ положительно не существуетъ. Нашъ несравненный другъ Иванъ Ивановичъ Игнатовъ въ Тюмени первый, если не ошибаюсь, въ 1864 году проѣхалъ по рѣкѣ на пароходѣ до Акъ-Тюбэ, и вернулся только изъ опасенія возможнаго столкновенія съ Китайцами. По его словамъ, затрудненія для навигаціи представляетъ только участокъ отъ Устъ-Каменo-

горска до Бухтарминска, гдѣ теченіе рѣки стѣсняется высокими утесами. Но и его рекогносцировка, которая, повидимому, послѣ того никѣмъ не была повторена, происходила весною, въ половодье. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать возможности и лѣтней навигаціи по этой рѣкѣ, при помощи особо устроенныхъ плоскодонныхъ пароходовъ. Особенныхъ надеждъ на это возлагать впрочемъ не слѣдуетъ, чтобы впослѣдствіи не разочароваться, какъ это случилось съ Или, въ которой также думали найти много обѣщавшее въ будущемъ водяное сообщеніе съ Китаемъ.

Но что даетъ Норъ-Зайсану и Верхнему Иртышу во всякое время важное значеніе—это ихъ громадное богатство рыбою. Въ 1650 г. они спасли калмыковъ отъ голодной смерти, въ благодарность за что, эти послѣдніе, вмѣсто прежняго его названія Кунхоту-Норъ, (т. е. колокольное озеро) наименовали его Норъ-Зайсаномъ. Русскіе также занимались рыболовствомъ на этомъ озерѣ, открытаго впервые Байковымъ въ 1655 г. и притомъ гораздо ранѣе, чѣмъ оно было присоединено къ Россіи. Когда Мейеръ въ 1826 г. посѣтилъ озеро, русскіе рыболовы платили еще дань 30 фунтами соли за каждую лодку, идущую вверхъ по Иртышу, и кромѣ того обязаны были еще доставлять китайскому пограничному начальнику по 500 штукъ стерлядей. Въ 1829 Александръ Гумбольдъ могъ еще посѣтить китайскій пограничный постъ Баты (лежащій слишкомъ въ 100 вер. на западъ отъ озера), такъ какъ граница тогда была еще у Нарыма. Теперь китайцамъ принадлежитъ только сѣверо-восточный, наименьшій уголъ озера, составляющаго (съ 1839 года) доходную статью Сибирскаго казачьяго войска. Послѣднее сдаетъ его по частямъ въ аренду, получая ежегодно около 4000 руб. дохода. Но изъ описанія Влангали видно, что уже въ 1849 г. доходъ этотъ превышалъ сумму 10,000 р. Эта сумма все таки должна считаться незначительной, если принять во вниманіе, что озеро ежегодно даетъ болѣе чѣмъ на 43,000 руб. рыбы, и что, какъ мы слышали, арендаторы 20 тонь имѣютъ отъ каждой изъ нихъ по 4,000 р. ежегоднаго дохода и даже болѣе. Но чтобы выручить эту сумму, потребно, по приблизительному разсчету, выловить 40,000 пуд. или 1,600,000 фунтовъ рыбы. Слѣдуетъ замѣтить, что цѣны на этотъ продуктъ низки до невѣроятія. Такъ напримѣръ пудъ осетрины стоитъ 3—4 руб., нельмы, самой отборной, 2 р.,—щуки, лини и карпы продаются по 50 к. за пудъ; икра стоитъ 20 р. пудъ. Спинная жила осетровъ, или т. наз. вязига, идетъ въ большомъ количествѣ въ Китай.

Конечно, при такой дешевизнѣ не можетъ быть и рѣчи о тщательномъ приготовленіи рыбы; оно во всякомъ случаѣ удовлетворяетъ требованіямъ и, какъ главная пища населенія, рыба идетъ далеко—въ Устъ-Каменогорскъ и даже въ Семипалатинскъ.

Какъ ни достоинъ сожалѣнія такой поистинѣ хищническій промыселъ, но при настоящемъ порядкѣ вещей онъ не можетъ быть инымъ, хотя нельзя отрицать, что нѣкоторыя улучшенія въ этомъ отношеніи могли бы быть осуществлены и теперь.

Рыбная ловля въ Норъ-Зайсанѣ начинается въ концѣ апрѣля. Въ маѣ и началѣ іюня она находится въ самомъ разгарѣ и продолжается до конца августа. Позже рыболовы отправляются вверхъ по Черному Иртышу, а въ концѣ октября опять возвращаются къ Нарыму. Способъ ловли самый обыкновенный. Для красной рыбы, т. е. осетровыхъ породъ, устраиваютъ „самоловы“ которые Влангали описываетъ весьма подробно (стр. 20); „бѣлую рыбу“, т. е. нельмъ, харіусовъ и другихъ ловятъ неводами.

На слѣдующій день (3 іюня) я проснулся въ три часа утра, разбуженный рѣзкими криками верблюдовъ; но только къ 6 часамъ все было готово и мы могли сѣсть на лошадей. Навьючиваніе верблюдовъ, въ особенности въ первый разъ, представляетъ много хлопотъ, такъ какъ нужно уравновѣсить всѣ ихъ вьюки, а это было не совсѣмъ легко при нашихъ разнокалиберныхъ чемоданахъ. Только юрта, по обыкновенію, представляла опредѣленный вьюкъ, поверхъ котораго укрѣплялось верхнее деревянное кольцо или вѣнецъ юрты. Въ виду недалекаго, предстоявшаго намъ пути, верблюдовъ можно было навьючить болѣе обыкновеннаго. Вѣсъ вьюка одного верблюда, при караванныхъ переходахъ, не долженъ превышать 216 кил.; только сильные самцы могутъ носить по 270 кил. Навьючиванье производится съ большими предосторожностями. Верблюда, помощью криковъ „джу, джу“ или побоевъ, ставятъ на колѣни, затѣмъ покрываютъ ему горбы и спину толстымъ войлокомъ и кладутъ деревянную подставку или сѣдло, къ которому и привязывается вьюкъ веревками. Пока все это дѣлается, верблюдъ не перестаетъ жалобно ревѣть на всѣ лады, а иногда и плюется полуразжеванною жвачкою. Даже при нападеніи волковъ это глупое и трусливое животное не умѣетъ обороняться своими деревянными ногами, а только плюётся и блеетъ. На верблюдовъ не надѣваютъ узды, а протыкаютъ имъ носъ повыше ноздрей маленькимъ деревяннымъ колышкомъ, и продѣваютъ въ отверстіе волосяной шнурокъ. Посредствомъ такой веревки одинъ верблюдъ привязывается къ хвосту другого и такимъ обра-

зомъ составляется цѣлая вереница изъ 15—20 верблюдовъ, которою управляетъ вожакъ, ѣдущій впереди верхомъ на лошади. Случается, что одинъ изъ верблюдовъ падаетъ и при этомъ петля веревки прорываетъ ему носъ; вообще киргизы и калмыки не особенно ухаживаютъ за своими верблюдами, за исключеніемъ только самой ранней поры ихъ жизни.

Двухгодовалый верблюдъ уже ходитъ съ караванами, но только на четвертомъ году его начинаютъ навьючивать и только на пятомъ онъ вполнѣ годится для своей тяжелой службы, которую исполняетъ иногда до 25 лѣтъ. Вьючный верблюдъ можетъ въ продолженіи четырехъ недѣль проходить ежедневно по 40 верстъ, а хорошій ѣздовой (такихъ намъ впрочемъ не пришлось видѣть) даже до 100 верстъ. При этомъ онъ можетъ пробыть отъ 8 до 10 дней безъ пищи, и около семи дней безъ питья (въ лѣтніе жары впрочемъ самое большее 3—4 дня) и одинаково переноситъ какъ холодъ, такъ и жаръ. Тѣмъ не менѣе, зимующихъ на волѣ въ степи верблюдовъ, несмотря на покрывающую ихъ густую шерсть, окутываютъ еще обыкновенно войлоками. Какъ извѣстно, африканскій одногорбый дромадеръ годится только для степи и пустыни, но двугорбый верблюдъ можетъ быть употребляемъ и въ горахъ, если только въ нихъ есть сколько нибудь проходимыя тропинки. Мы сами встрѣтили ихъ на высотѣ 3—4000 футовъ, но караваны, идущіе въ Хлассу, должны переходить въ Тибетѣ перевалы, имѣющіе до 5000 метровъ высоты. Что̀ верблюдъ въ высшей степени неприхотливъ, въ этомъ мы могли убѣдиться достаточно. Такъ онъ съ удовольствіемъ ѣстъ полынныя и солончаковыя растенія, сухую траву джи, а особенно любитъ колючіе кусты чингина (Caragana pygmaea), встрѣчающіеся повсюду въ этой мѣстности. Цѣна хорошему верблюду въ киргизской степи отъ 30 до 40 р., но красивые, особенно бѣлые, цѣнятся гораздо дороже.

Мы проѣзжали самую безплодную, изъ всѣхъ видѣнныхъ нами до сихъ поръ, степь, которую можно было бы назвать съ полнымъ правомъ пустыней: на разстояніи цѣлыхъ часовъ пути, по крайней мѣрѣ въ это время года, не попадалось намъ ни рѣчки, ни пруда, ни даже болота или лужи. Дорога шла каменистой, песчаной равниной, мѣстами представлявшей впадины, растрескавшаяся мозаикообразно глинистая почва которыхъ была, очевидно, дномъ высохшихъ озеръ и прудовъ, дѣлающихъ эту часть степи непроходимой весною. Здѣсь въ первый разъ показался, обращающій на себя даже вниманіе профана, странный древовидный кустарникъ,

съ несоразмѣрно толстымъ и кривымъ стволомъ и съ почти голыми, какъ у вѣника, сучьями. Это былъ характеристичный для большей части пустынныхъ и степныхъ мѣстностей Азіи—саксаулъ (Anabasis (Haloxylon) ammodendron), листья и вѣтви котораго служатъ любимою пищею верблюдовъ, а самое дерево тщательно собирается киргизами и калмыками Хотя по твердости и хрупкости оно и не годится для подѣлокъ, за то оно хорошо горитъ, или вѣрнѣе сказать, даетъ уголь, который, по словамъ Мейера, можетъ тлѣть нѣсколько дней, даже подъ снѣгомъ. Для меня появленіе саксаула представляло интересъ еще потому, что мы могли ежеминутно ожидать появленія замѣчательнѣйшей птицы изъ породы воронъ (Podoces Panderi, Fisch.), распространеніе которой тѣсно связано съ распространеніемъ этого кустарника. Къ сожалѣнію мои надежды не сбылись, хотя на кустахъ и показывались по временамъ какія-то черныя, повидимому новыя для меня, птицы. При ближайшемъ знакомствѣ онѣ оказались однако черными жаворонками (Alauda tatarica), которыхъ мы не встрѣчали уже съ самаго Сергіополя. Какъ и слѣдовало ожидать, животная жизнь была здѣсь очень бѣдна; жаворонки (въ особенности Alauda arvensis), какъ всегда, встрѣчались чаще другихъ птицъ; изрѣдка показывались еще сорокопуты (Lanius isabellinus) и дрофы (Otis Macqueeni); яица послѣднихъ мнѣ удалось достать. Часто проносились также въ воздухѣ степные рябки (Syrrhaptes и Pterocles arenarius), розовые скворцы и копчики, собиравшіеся нерѣдко по вечерамъ огромными стаями. Всѣ они могли гдѣ-нибудь добывать себѣ воду, но это было, вѣроятно, невозможно для многочисленныхъ здѣсь ящерицъ (Eremias variabilis и Phrynocephalus helioscopus) и сусликовъ, изъ коихъ послѣдніе были первыми экземплярами, встрѣченными нами въ продолженіи нашего путешествія. Это былъ Spermophilus musogaricus Licht. Кромѣ этого звѣрка-пигмея, пустыня показала намъ и самаго крупнаго и рѣдкаго своего звѣря—кулана. Предоставляя читателю ознакомиться съ его описаніемъ въ „Жизни животныхъ“ г. Брема, замѣчу здѣсь только, что мы имѣли счастіе три или четыре раза видѣть кулановъ издали и даже, благодаря казакамъ, успѣли поймать одного жеребенка, что было во всякомъ случаѣ счастьемъ, хотя этого было слишкомъ мало для того, чтобы составить сколько нибудь обстоятельное понятіе объ ихъ образѣ жизни. Сначала показался одинъ куланъ, но онъ исчезъ такъ быстро, на желтомъ фонѣ степи, что его появленіе можно было принять за обманъ зрѣнія. Затѣмъ зоркіе глаза киргизовъ замѣтили далеко

въ степи еще трехъ кулановъ, которыхъ мы увидали только когда они поднялись и обратились въ бѣгство. При этомъ оказалось, что съ ними былъ еще жеребенокъ, въ погоню за конмъ немедленно пустились казаки, киргизы и даже нашъ Иванъ. Только мы ѣхали медленно, полагая, что преслѣдованіе будетъ въ этомъ случаѣ безполезнымъ, но ошиблись. Не прошло получаса, какъ показалась группа всадниковъ, посреди которыхъ спокойно и повидимому совершенно смирно шелъ маленькій куланъ. Въ этой покорности не было впрочемъ ничего удивительнаго; даже когда ему сняли путы съ переднихъ ногъ, маленькій, повидимому педѣльный жеребенокъ, не пытался бѣжать, а „дѣтски беззаботно“ опустился на землю; оказалось, что онъ былъ совершенно измученъ и загнанъ почти до смерти. Къ сожалѣнію мы не могли удовлетворить его потребности въ молокѣ, которую онъ, какъ и всѣ дѣтеныши, выражалъ тѣмъ, что сосалъ палецъ. Я велѣлъ положить его на верблюда, но прежде, чѣмъ мы на слѣдующій день могли достать дойныхъ кобылъ, онъ уже издохъ. Жеребенокъ кулана, какъ видно изъ снятаго съ натуры рисунка, отличается большою головой и несоразмѣрно длинными и толстыми въ сочлененіяхъ ногами, подобно тому какъ и обыкновенный.

Наша попытка приманить захваченнымъ жеребенкомъ старыхъ кулановъ не удалась, потому что мы залегли въ засаду на слишкомъ близкомъ отъ него разстояніи; къ тому же голая ровная степь не представляла благопріятныхъ условій для засады. Старые куланы долго стояли въ одной мѣрѣ, обративъ къ намъ головы, но попасть въ нихъ можно было бы только изъ дальнобойнаго ружья, въ родѣ того, съ которымъ обыкновенно ходятъ на бизоновъ, въ Колорадо. Но даже съ нимъ нельзя было бы надѣяться на успѣхъ, потому что въ мерцающей и сверкающей атмосферѣ всѣ предметы имѣли неясное очертаніе. Вслѣдствіе преломленія лучей, животныя казались больше и длиннѣе, представлялись въ родѣ жирафовъ, и все росли въ объемѣ, покуда ихъ гигантскія очертанія не расплывались въ степной дали. Какъ ни часто видали мы миражи, которые въ степи представляютъ не только ежедневное, но, можно сказать, почти ежечасное явленіе, но никогда еще они не принимали такихъ прекрасныхъ образовъ. Правда, глазъ нашъ не поражался видомъ, окруженныхъ пальмами, городовъ, съ изящными дворцами и мечетями, какія видѣлъ, по его словамъ, Аткинсонъ, но за то нѣсколько разъ показывались голубыя озера окруженныя деревьями, притомъ такъ явственно и натурально, что въ первую минуту мы готовы были вѣрить въ ихъ

дѣйствительность. Иллюзія, впрочемъ, быстро пропадаетъ, такъ какъ миражъ очень скоро измѣняетъ свои очертанія и выдаетъ себя искаженными абрисами отраженія.

Еще разъ спугнули куланов, и притомъ цѣлыхъ семь штукъ, но всѣ они умчались съ такою быстротою, что о какихъ бы то ни было наблюденіяхъ не могло быть и рѣчи. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что одному казаку удалось на быстрой лошади перерѣзать путь скакавшимъ гуськомъ куланамъ, или по крайней мѣрѣ приблизиться къ нимъ на разстояніе выстрѣла, который, къ сожалѣнію, оказался неудачнымъ. Какъ разсказываетъ Мейеръ, которому мы обязаны первыми свѣдѣніями о куланахъ около Норъ-Зайсана (а также и около Балхаша), киргизы ловятъ кулановъ по глубокому снѣгу, по которому бѣжать для нихъ гораздо труднѣе.—На этотъ разъ степь намъ приготовила еще сюрпризъ и довольно оригинальный. Вдали показалось животное (Бремъ даже замѣтилъ два), похожее на лошадь, которое сперва робко, а потомъ рысью направилось прямо на насъ; вскорѣ не оставалось никакого сомнѣнія, что мы имѣемъ дѣло съ обыкновенной лошадью. Красивая, но очень истощенная пѣгая лошадка безъ труда дала взнуздать себя и охотно послѣдовала за нами. Для киргизовъ подобные случаи не новость; здѣсь нерѣдко случается, что, вслѣдствіе ночныхъ нападеній волковъ или по другимъ причинамъ, лошади убѣгаютъ въ степь, гдѣ онѣ часто долго скитаются, пока не встрѣтятъ опять людей и себѣ подобныхъ. Иногда онѣ даже совершенно дичаютъ, чему Мейеръ приводилъ примѣры.

Часамъ къ двумъ мы пріѣхали къ тростникамъ, гдѣ встрѣтили дурную, соленую воду, единственную на обширномъ пространствѣ; здѣсь мы отобѣдали и отправились далѣе черезъ степь, носящую названіе Ак-ходжа-тумъ. Мы ѣхали часовъ до 9-ти вечера, а на ночь расположились близъ чистаго, журчащаго ручья Терекъ-айрыка, одного изъ тѣхъ небольшихъ ручейковъ, которые только весной достигаютъ озера. Изъ жалкой степи, которая, однако, благодаря своимъ желтымъ, оранжевымъ, а въ иныхъ мѣстахъ даже розоватымъ песчанымъ холмамъ, не была лишена живописности, мы вступили въ каменистую пустыню, которая какъ бы нарочно была сотворена для пребыванія авдотки (Oedicnemus crepitans), въ первый и единственный разъ встрѣтившейся намъ здѣсь. Сначала каменный щебень встрѣчался разсѣяннымъ по всей поверхности, только кое-гдѣ образуя кучи, далѣе онъ сталъ представляться въ видѣ небольшихъ холмовъ, ярко окрашенныхъ оранжевыми лишаями. Для геолога эта мѣстность представляла осо-

бенный интересъ; меня по крайней мѣрѣ немало удивили здѣсь четыре различныхъ каменныхъ породы, тѣсно прилегающія, въ иныхъ мѣстахъ, одна къ другой. Это были (какъ то показали привезенные мною образчики)—глинистый сланецъ, гранитъ, кварцитъ и крупно-зернистый песчаникъ. Послѣдній встрѣчался рядомъ съ гранитомъ и глинистымъ сланцемъ, изъ коихъ второй въ нѣкоторыхъ мѣстахъ повидимому проникалъ сквозь толщу гранитовъ. Гранитъ мѣстами раскалывался на плиты и представлялъ подходящій матеріалъ для киргизскихъ гробницъ, которыя встрѣчались нерѣдко на дорогѣ. Густые лишаи изъ рода Lecanora покрывали всѣ трещины и разсѣлины гранита, а тамъ гдѣ было хоть немного земли пышно цвѣлъ тимьянъ (Thymus serpyllum). Какія видоизмѣненія можетъ представлять по временамъ степь, мы убѣдились всего лучше на слѣдующій день (4 іюня), когда изъ каменистой пустыни мы вдругъ въѣхали въ небольшой оазисъ. Далеко въ окружности растилались здѣсь зеленые луга, кое-гдѣ живописно перемежавшіеся съ синѣющими полями; этимъ голубымъ колоритомъ послѣдніе были обязаны красивымъ цвѣтамъ мечевидной лиліи (Iris flavissima и Iris ruthenica), покрывавшей въ изобиліи цѣлыя пространства, особенно влажныя, и мѣстами цвѣтшей такъ-же роскошно, какъ гіацинты въ Голландіи, на грядахъ. Что такая роскошная растительность обусловливалась присутствіемъ здѣсь ручья, можно было уже предположить—и дѣйствительно, здѣсь протекалъ ручей Узунъ-Бу́лакъ. Его извилистое теченіе обозначалось каймой густого кустарника, перемѣшаннаго съ довольно высокими деревьями. Тутъ втихомолку расправлялся съ рыбами зимородокъ, слышался хоръ камышевокъ и другихъ пернатыхъ пѣвцовъ, и даже парочка дикихъ утокъ не побрезгала избрать этотъ ручеекъ колыбелью для своего только что вылупившагося потомства. На крышахъ зимнихъ кирпичныхъ жилищъ киргизовъ, теперь покинутыхъ, довѣрчиво чирикали домовыя ласточки. Птички были до того непугливы, что я могъ разсмотрѣть ихъ на очень близкомъ разстояніи и убѣдился, что эта была наша типичная западная порода деревенской ласточки (Hirundo rustica). Натуралистъ могъ поэтому оставить въ покоѣ своихъ земляковъ, но за то оказалось необходимымъ пріобрѣсти хоть одинъ экземпляръ здѣшняго соловья. Въ Зайсанѣ у меня не хватило духу принести въ жертву наукѣ единственную, поселившуюся въ тамошнемъ паркѣ, парочку соловьевъ, хотя жители и предоставили мнѣ на то полное право, но здѣсь мнѣ нечего было стѣсняться и чудный пѣвецъ погибъ отъ моего выстрѣла, къ со-

жалѣнію впрочемъ безполезно, такъ какъ оказалось невозможнымъ отыскать его въ густомъ, непроходимомъ кустарникѣ. Вообще охота въ этихъ мѣстностяхъ безъ хорошей собаки очень затруднительна и сопряжена со многими разочарованіями: изъ шести мелкихъ пташекъ, двѣ обыкновенно пропадаютъ даромъ!

ГЛАВА IX.

ВЪ КИТАЙСКОМЪ АЛТАѢ.

(Май-терекъ до Алтайской станицы).

Въ предгоріяхъ Алтая.—Троицынъ день.—Губернаторъ и его кортежъ.—Свиданіе.—Май-терекъ.—Лагерная жизнь.—Животныя.—Цокоръ.—Гроза.—Пугливыя лошади.—Въ горахъ.—Снова въ Китаѣ.—Киргизы, собирающіе дрова.—Неутомимость дамъ.—Дурная погода и дорога.—Видъ съ перевалова.—Древесная растительность.—Роскошные альпійскіе луга.—Гробницы въ горахъ.—Опять на дурной дорогѣ.—Ливень съ градомъ вмѣсто завтрака.—Видъ на Марка-Куль.—Колджиръ.—Марка-Куль.—На берегу.—Легкая тоня.—Форель.—Пограничныя отношенія.—Китайскій посланный.—Затрудненія для коллекторства.—Маршрутъ.—Путешествующее общество.—Невыгоды юрты.—Казацкое пѣніе.—Насмѣшливыя прозвища.—Прибрежный ландшафтъ.—Пустынность.—Птицы на озерѣ и въ горахъ.—Киргизскій охотникъ.—Прощаніе съ озеромъ.—По овечьимъ слѣдамъ.—Граница лѣса.—Первобытный лѣсъ, по Брему.—Черезъ горныя рѣчки и болота.—Стоянка на Асу-Булѣ.—Натуральный фейерверкъ.—Джети-Кезекъ.—Горы Тау-теке.—Охота на горныхъ барановъ.—Мнимое отсутствіе дичи.—Дичь на Алтаѣ.—Горныя породы.—Бурхатскій перевалъ.—Остановка близъ Бухтармы.—Бѣлуга.—Растительность.—Опять въ Россіи.—Хвала киргизской лошади.—Размышленія и воспоминанія о поѣздкѣ по Алтаю.—Прощанье.—Опять на телѣгѣ.—Въ Алтайской станицѣ подъ кровлей.

Мы вступили теперь въ скалистыя предгорья Алтая, довольно живописныя по фантастичнымъ формамъ своихъ утесовъ, состоящихъ изъ гранита и сланца. По узкимъ горнымъ ущельямъ, вдоль небольшого ручья, мы взбирались все выше и выше и къ полудню (4 іюня) достигли стоянки Башъ-терека (980 метр. высоты) на рѣчкѣ Май-терекѣ,—прелестной зеленой луговины, съ разсѣянными по ней тополями и березками, которыя въ одномъ мѣстѣ образовали цѣлую небольшую рощу. Какъ я сообразилъ потомъ, въ этотъ день на родинѣ праздновался праздникъ весны, Троицынъ день, и поистинѣ, природа не могла бы намъ дать лучшаго мѣста и лучшаго дня. Для насъ же этотъ день былъ настоящимъ праздникомъ еще потому, что черезъ нѣсколько часовъ мы могли ожидать встрѣчи съ Семипалатинскимъ губерна-

торомъ, генераломъ Полторацкимъ и его радушнымъ семействомъ, и сопутствовать ему при его инспекторской поѣздкѣ по Алтаю. Еще наканунѣ киргизы, которые въ степи разносятъ вѣсти почти со скоростью телеграфа, доставили намъ извѣстіе, что генералъ съ многочисленной свитой остановился верстахъ въ 10 отъ насъ и вѣроятно около полудня прибудетъ въ Башъ-тѣрекъ. Знатные киргизы изъ Чингистайской волости въ Бухтарминской долинѣ прибыли сюда еще до насъ и приготовили великолѣпныя юрты для пріема своего главнаго начальника. Около часу облака пыли и конскій топотъ возвѣстили приближеніе поѣзда, который оказался гораздо болѣе многочисленнымъ и блестящимъ, чѣмъ это мы могли ожидать. Впереди, подъ предводительствомъ опытныхъ пастуховъ, скакалъ цѣлый табунъ кобылъ, головъ въ 60, которыя должны были доставлять молоко для приготовленія неизбѣжнаго кумыса, и служили такимъ образомъ живымъ и живительнымъ источникомъ для многочисленныхъ киргизскихъ старшинъ. Эти послѣдніе оказались въ большемъ числѣ, чѣмъ прежде; между ними были султаны, украшенные медалями и другими знаками отличія, на лучшихъ лошадяхъ и въ сопровожденіи многочисленныхъ верховыхъ, передъ которыми нашъ конвой, состоявшій изъ 8 казаковъ и дюжины киргизовъ совершенно терялся. Тринадцати-лѣтній сынъ губернатора, Саша, искусный и неустрашимый наѣздникъ, ни за что не хотѣлъ уступить въ верховомъ искусствѣ казакамъ и киргизамъ, и первый прискакалъ и привѣтствовалъ насъ. Вскорѣ показался и генералъ, его милая супруга и прелестная дочь, полицеймейстеръ Желѣзновъ, полковникъ Халдеевъ и другіе дорогіе друзья изъ Семипалатинска. Какъ и слѣдовало ожидать отъ такого любезнаго семейства, свиданіе было столь же непринужденно, сколько искренно радушно, и вскорѣ мы уже сидѣли за обѣдомъ въ уютной юртѣ, весело дѣлясь между собою всѣмъ случившимся за послѣднее время. Послѣ непродожительнаго отдыха, нужно было ѣхать далѣе, такъ какъ намъ оставалось еще проѣхать цѣлыхъ 15 верстъ до Май-терека, гдѣ генерала ожидали разныя служебныя дѣла. Дорога шла то въ гору, то подъ гору, поразительно прекрасною мѣстностью, напоминающею собою паркъ, гдѣ въ перемежку росли великолѣпные ясени, ивы, березы и сибирскія пихты, возвышавшіеся надъ массой болѣе низкаго кустарника и кое гдѣ уступавшіе мѣсто роскошнымъ лугамъ, богато убраннымъ пестрыми цвѣтами. Переходъ черезъ нѣсколько журчащихъ ручьевъ и горныхъ потоковъ далъ намъ возможность вдоволь

налюбоваться на смѣсь причудливо одѣтыхъ всадниковъ, великолѣпно убранныхъ лошадей, навьюченныхъ верблюдовъ, и несущихся впереди кобылъ съ ихъ жеребятами. Обѣда мы выказывали себя искусными наѣздницами вездѣ, гдѣ только позволяла дорога, вообще довольно хорошая; насъ иностранцевъ поражала ихъ смѣлость и мы подчасъ едва успѣвали поспѣвать за ними въ карьеръ. Подобная скачка была не совсѣмъ безопасна, потому что нога лошади иногда проваливалась въ норы цокоровъ, а оступясь на скаку, лошадь легко могла упасть и уронить сѣдока. Часамъ къ пяти мы достигли прекрасной зеленой долины Май-терека (1250 мет. высоты), замкнутой кругомъ горами и покрытой кое гдѣ хвойными деревьями (лиственницами и пихтами). Лѣтомъ здѣсь находится пограничный пикетъ изъ полсотни казаковъ, которые живутъ въ баракахъ, сложенныхъ изъ древесныхъ стволовъ; для встрѣчи губернатора они выстроились въ полномъ парадѣ, съ трубачемъ и штандартомъ. Меня нѣсколько удивило, что еще далеко не доѣзжая фронта, офицеры спѣшились съ коней, но объясненіе не заставило себя долго ждать: киргизскія лошади, и безъ того озадаченныя такимъ непривычнымъ для нихъ зрѣлищемъ, при первомъ крикѣ „ура“ и звукѣ трубы, метнулись въ сторону и всадникамъ стоило немалаго труда сдержать ихъ. Недалеко отъ казацкихъ бараковъ былъ раскинутъ цѣлый лагерь юртъ. Тринадцать этихъ воздушныхъ жилищъ были воздвигнуты въ самое короткое время для пріема столь многочисленныхъ гостей; кромѣ того здѣсь было еще нѣсколько ярко-красныхъ ташкентскихъ палатокъ, немало способствовавшихъ оживленію картины. Когда при закатѣ солнца губернаторъ назначилъ аудіенцію (для разрѣшенія спора о границахъ пастбищъ трехъ волостей), я насчиталъ 120 человѣкъ киргизовъ, широкимъ полукругомъ сидѣвшихъ передъ его юртой. Это были все старшины, султаны и другіе представители общинъ, въ томъ числѣ нѣсколько волостныхъ старшинъ въ великолѣпныхъ бархатныхъ кафтанахъ, съ почетными саблями и другими знаками отличія.

На лугу паслось болѣе 250 лошадей и цѣлое стадо овецъ, пригнанныхъ для продовольствія такого множества народа. Съ наступленіемъ сумерокъ, когда повсюду запылали костры и пѣсни казаковъ сливались съ молитвенными возгласами киргизовъ „лэ илла—иль Алла!“, мы могли вполнѣ насладиться прелестью оригинальной полу-восточной, полу-походной лагерной жизни, въ наиболѣе привлекательныхъ и романтическихъ формахъ для путешественника.

Для натуралиста животное царство также представило довольно

много интереснаго. Уже на пути, въ лабиринтахъ утесовъ, мы встрѣтили, т. е. видѣли или слышали, почти всѣхъ птицъ, встрѣчающихся близъ Зайсана, (Saxicola morio, S. oenanthe, Emberiza hortulana, Erythrospiza mongolica, Motacilla personata, Columba rupestris и др.), но въ прекрасной нагорной долинѣ къ нимъ присоединились еще другія, какъ то: полевая славка (Sylvia cinerea), пѣночка, иволга (Oriolus galbula) и чернозобый дроздъ. Галки (Corvus collaris), сороки (Pica leucoptera), черноухіе коршуны (Milvus govinda) составляли здѣсь обыкновенное явленіе; показался также снова горный воронъ (Corvus orientalis), встрѣченный нами впервые на Джазиль-Кулѣ. Киргизы отыскали одну лисью нору и доставили намъ четырехъ молоденькихъ лисицъ (по киргизски „тюлке"), ничѣмъ не отличавшихся отъ нашихъ европейскихъ,—также волченка, байбака и, къ моему особенному удовольствію,—двухъ цокоровъ (Myospalax aspalax). Губернаторъ поручилъ было двумъ казакамъ раскапывать для меня норы этого любопытнаго грызуна, который здѣсь весьма распространенъ, судя по безчисленнымъ взрытымъ имъ кучкамъ земли, похожимъ на кротовыя, только онѣ много больше и болѣе плоски. Я могу еще прибавить, что эти кучки встрѣчаются въ такомъ множествѣ и на самыхъ высокихъ горныхъ лужайкахъ (до 8000 фут. высоты). Подземные ходы звѣрка оказались однако настолько длинными и вѣтвистыми, мѣстами такъ извивались подъ самыми утесами, что заступъ не могъ до нихъ проникнуть и вскорѣ работу пришлось бросить, какъ не обѣщавшую никакого успѣха. Я упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ для того, чтобы показать, какъ иногда, несмотря на всѣ вспомогательныя средства и на доказанную распространенность какого нибудь интереснаго звѣрка, бываетъ трудно добыть его. Въ самомъ дѣлѣ, за все время путешествія, намъ удалось получить только три экземпляра этого замѣчательнаго полуслѣпого грызуна.

Насколько весело и пріятно жилось въ дружескомъ обществѣ, снова въ гостяхъ у любезнаго семейства Полторацкихъ, настолько неблагопріятною оказалась погода. Гроза, не дававшая намъ цѣлую ночь покоя, казалось, не могла найти себѣ выхода изъ котловины долины; едва послѣ ливня на минуту выглядывало солнце, какъ опять набѣгали черныя тучи. Размокшая черноземная почва не особенно благопріятствовала строевому ученью, которое губернаторъ, въ качествѣ инспектора, производилъ втеченіи слѣдующаго дня (5 іюня). Я не имѣлъ, впрочемъ, времени присутствовать на всѣхъ этихъ военныхъ упражненіяхъ, такъ какъ у меня было мно-

го дѣла съ препарированіемъ шкурокъ и составленіемъ замѣтокъ. Я убѣдился однако, что не только киргизскія, но и казацкія лошади пугались всякаго незнакомаго имъ предмета. Такъ наприм., когда надѣлали изъ соломы чучелъ, которыя должны были представлять пѣхоту и которыхъ кавалеристы должны были колоть и рубить на всемъ скаку, то немногимъ удалось заставить пугавшихся лошадей подъѣхать къ этимъ чучеламъ на достаточно близкое разстояніе.

Несмотря на неблагопріятную погоду, время проведенное въ Май-терекѣ, близъ рѣчки того же имени, пролетѣло очень быстро и хотя погода не прояснилась и на третій день (6 іюня), однако, дѣлать нечего, нужно было отправляться далѣе. Навьючиваніе лошадей (верблюдовъ пришлось здѣсь оставить) не обошлось безъ многихъ хлопотъ. Само собою разумѣется, лошадей попадобилось гораздо больше чѣмъ верблюдовъ; послѣдніе носятъ вьюки въ 450 фунтовъ и болѣе, тогда какъ для лошади уже 180—200 ф. (около 5 пудовъ) составляютъ весьма порядочный грузъ. Маіоръ Тихоновъ съ своей свитою разстался здѣсь съ нами, и мы дружески простились съ этимъ энергичнымъ окружнымъ начальникомъ и прекраснымъ человѣкомъ, которому такъ много были обязаны.

Первый день пути уже показалъ намъ, что могли мы ожидать отъ высокихъ горъ. Сначала дорога шла по болотистымъ, но роскошнымъ нагорнымъ лугамъ, затѣмъ стала извиваться по узкой долинѣ, вдоль горнаго потока—Кулоджелика, если не ошибаюсь, а иногда и по самому его руслу. Склоны долины были покрыты великолѣпными высокими хвойными деревьями, преимущественно лиственницею, которая мѣстами составляла цѣлые лѣса; кое-гдѣ упавшіе стволы-великаны заграждали и безъ того неширокую тропинку, которая шла все болѣе и болѣе съуживаясь. Непрерывный, то мелкій, то крупный дождь промочилъ насъ скоро до костей и мы вполнѣ убѣдились въ справедливости совѣта Радлова запастись кожанымъ плащемъ и высокими до колѣнъ сапогами. Но въ Семипалатинскѣ этихъ необходимыхъ для поѣздки по Алтаю частей одежды достать оказалось невозможнымъ и мы принуждены были покориться судьбѣ. При этомъ нужно было еще внимательно слѣдить за дорогой, чтобы идти по слѣдамъ ѣхавшихъ впереди киргизовъ и казаковъ. Послѣ короткаго полуденнаго отдыха подъ 5-ю гигантскими лиственницами, гдѣ намъ стоило немалаго труда, при проливномъ дождѣ, развести и поддерживать огонь, чтобы по крайней мѣрѣ согрѣться стакановъ горячаго чая, мы опять пустились въ путь. Хотя дорога шла все въ

гору, по мѣстами приходилось пересѣкать глубокія долины, иногда окаймленныя столь крутыми склонами, что спускаться по нимъ можно было только зигзагами. Только киргизамъ не нравились такіе обходы и они заставляли своихъ лошадей сползать чуть не на заду. Чѣмъ выше поднимались мы, тѣмъ быстрѣе и бурливѣе становилась рѣка, тѣмъ каменистѣе дѣлалось ея русло, мѣстами совершенно стѣсненное утесами. Къ тремъ часамъ пополудни мы достигли узкой луговинки, лежащей на высотѣ 1600 метр. и замкнутой кругомъ снѣжными горами. Тутъ предполагалось расположиться на ночь, послѣ того какъ въ этотъ день мы перешли 14-ть рѣчекъ и три перевала—первый на высотѣ 1500, второй—1400 и третій—1720 метр., причемъ первый изъ нихъ составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ границу съ Китаемъ. Насколько для насъ, новичковъ, были непріятны эти переправы черезъ рѣчки, по причинѣ ихъ бурнаго теченія и неровнаго, усѣяннаго камнями, русла, настолько равнодушно относились къ нимъ киргизы. Только что добрались они до мѣста стоянки и раскинули юрты, какъ немедленно же отправились на поиски дровъ. Наше воображеніе соединяетъ съ этимъ дѣйствіемъ фигуру безпрестанно нагибающагося человѣка, но здѣсь это было не такъ. Смуглые сыны степей собирали дрова по своему—по киргизски, верхомъ, иногда сидя, иногда стоя на сѣдлѣ и отламывая нижніе сухіе сучья деревьевъ. Каждый разъ имъ приходилось переѣзжать рѣчку, что, повидимому, только забавляло ихъ, потому что они набирали какъ можно менѣе сучьевъ, чтобы чаще переправляться черезъ потокъ.

Если киргизы заслуживали полной признательности за свои услуги, то дамы возбуждали поистинѣ наше удивленіе. Несмотря на всѣ тягости и неудобства пути въ эти два дня, генеральша немедленно же принялась за снятіе фотографій, и веселое расположеніе духа обѣихъ дамъ, никогда ихъ не покидавшее, такъ-же пріятно оживляло нашу вечернюю трапезу, какъ будто мы были гдѣ нибудь на вечерѣ въ Семипалатинскѣ. Но какъ ни уютно было въ юртѣ, рѣзкій холодный вѣтеръ чувствительно напоминалъ намъ, что мы находились высоко въ горахъ. На слѣдующій день (7 іюня) утромъ мы увидали передъ собою зимній ландшафтъ: земля замерзла и свѣжій снѣгъ покрывалъ горы. Это вынудило насъ какъ можно скорѣе (въ 6 ч. утра) отправляться далѣе, такъ какъ движеніемъ можно было скорѣе всего согрѣться и къ тому же до Марка-Куля предстоялъ еще немалый путь. Къ сожалѣнію, и погода и дорога оказались еще менѣе благопріятными

для насъ, чѣмъ наканунѣ. Снѣгъ и градъ смѣнялись ливнемъ, а что касается дороги, то о ней, собственно говоря, не могло быть и рѣчи. Мы поднимались все выше и выше вдоль пѣнящихся рѣчекъ, часто пересѣкали ихъ, иногда долгое время ѣхали по ихъ руслу, а гдѣ утесы преграждали путь, карабкались по узкимъ уступамъ, высоко надъ пѣнившимися стремнинами, надѣясь только на лошадей и проводниковъ киргизовъ. И дѣйствительно, ни тѣ, ни другіе не обманули насъ, хотя иногда и лошадямъ и намъ приходилось выполнять почти невозможное. Около полудня (къ 11 часамъ) достигли мы перевала (1740 метр., т. е. болѣе 6000 фут. высоты), который велъ къ озеру и съ котораго намъ открылся очаровательный видъ въ даль, на снѣжную цѣпь Са-ура, передъ которой, точно огромное озеро, растилалась широкая желтая полоса: это была Зайсанская степь. Мы находились выше, или по крайней мѣрѣ на самой границѣ пояса лѣсовъ, и только кое-гдѣ виднѣлись группы низкорослыхъ, но далеко не уродливыхъ лиственницъ, рѣдкіе сучья которыхъ были покрыты длинными бородатыми лишаями (Usnea barbata).

„Замѣчательно, что на всемъ южномъ склонѣ (китайской части) Алтая до озера Марка,—пишетъ мнѣ графъ Вальдбургъ,—вовсе не встрѣчается въ лѣсахъ поросли. Всюду видны однѣ старыя лиственницы до самаго предѣла древесной растительности, на высотѣ 1800 метровъ. Нигдѣ не видно среднихъ, не говоря уже о молодыхъ деревьяхъ; Pinus sibirica не поднимается такъ высоко и встрѣчается преимущественно въ долинахъ вдоль ручьевъ. Можетъ быть причиной этого отсутствія лѣсной поросли служитъ истребленіе молодого лѣса, неподверженное никакому контролю“.

Одиноко стоявшія, почти безлистныя группы деревьевъ, вмѣстѣ съ бѣлѣвшими на заднемъ фонѣ снѣжными вершинами горъ, представляли рѣзкій контрастъ съ роскошными альпійскими лугами, покрытыми, точно цвѣточныя гряды, густымъ ковромъ крупныхъ сине-фіолетовыхъ и свѣтло-желтыхъ цвѣтовъ Анютиныхъ глазокъ (Viola altaica, tricolor и vulgaris), желтаго первоцвѣта (Primula macrocalyx) и прекрасной голубой генціаны (Gentiana verna), и оживленными веселою пѣснею нашего полевого жаворонка. Этотъ прелестный горный ландшафтъ напоминалъ зеленѣющіе луга швейцарскихъ Альпъ, но ему недоставало жизни и живыхъ свидѣтелей присутствія человѣка, хотя кочующіе пастухи проникли и сюда. Раза два намъ встрѣтились пасущіяся лошади, но чаще попадались шалаши изъ древесныхъ стволовъ, которыя одна-

ко были не жилищами пастуховъ, а погребальными склепами киргизовъ.

Спускъ къ озеру оказался далеко не такъ легокъ, какъ мы надѣялись, и намъ предстоялъ цѣлый рядъ трудныхъ переходовъ. Нужно было пересѣчь нѣсколько глубокихъ (на 1000 и болѣе футовъ) долинъ, тянувшихся съ сѣвера на югъ и окаймленныхъ весьма крутыми склонами. При этомъ мы не могли даже держаться проложенныхъ тропинокъ, которыя обыкновенно идутъ зигзагами подъ гору и подобными же зигзагами, на противуположной сторонѣ долины, поднимаются опять въ гору, такъ какъ тропинки эти были отчасти завалены снѣгомъ, который не былъ достаточно плотенъ, чтобы сдержать на себѣ тяжесть лошади съ сѣдокомъ. Киргизы попробовали было ѣхать по снѣгу, но бѣдныя лошади вязли такъ глубоко, что имъ стоило большого труда пролагать себѣ путь. Пришлось поэтому спускаться прямо по склону, причемъ, несмотря на всю благонадежность киргизской лошади, я предпочелъ нѣсколько разъ довѣриться лучше своимъ собственнымъ ногамъ, чѣмъ ея спинѣ, сознавая, что густой можжевельникъ, покрывавшій эти склоны, не въ состояніи былъ бы удержать сорвавшуюся лошадь. Киргизы однако ѣхали рысью, имѣя часто еще на поводу запасныхъ лошадей, и по временамъ волосы поднимались дыбомъ при видѣ тяжело нагруженныхъ лошадей, быстро скатывавшихся по склону. Едва успѣвали мы благополучно достигнуть долины, какъ предстояло новое затрудненіе—переходъ черезъ бурный потокъ, и т. д.—короче все наше вниманіе поглощалось опасностью пути и наблюденіемъ за лошадью. Отправившись впередъ, съ губернаторомъ и графомъ Вальдбургомъ, мы остановились въ одномъ дикомъ живописномъ ущельи, чтобы подождать генеральшу, которую задержало занятіе фотографіей, а также чтобы кой-чего перекусить. Пользуясь остановкою, я отправился поохотиться въ ущелье, покуда нависшіе утесы (зеленаго сланца) и снѣгъ не преградили мнѣ дороги. Горныя трясогузки (Motacilla boarula), чекканы (Saxicola oenanthe), какія то птички, похожія по голосу на водяныхъ щевриць (Anthus aquaticus), оживляли угрюмыя ущелья, надъ которыми высоко въ воздухѣ вились черныя, похожія на воронъ, птицы, оказавшіяся по своему крику альпійскими клушицами. Онѣ, конечно, остались для меня недоступными, а охотиться на пугливыхъ щевриць вскорѣ помѣшалъ сильный градъ, заставившій меня поспѣшно укрыться въ маленькой палаткѣ, гдѣ мои спутники съ нетерпѣніемъ ожидали остальнаго общества и повара. Но не было видно

ни души и послѣ напраснаго часового ожиданія, пришлось отправиться далѣе. Открывшіеся вскорѣ передъ нами виды, то на степь и Сауръ, а затѣмъ на часть Марка-Куля, вполнѣ вознаградили, по крайней мѣрѣ меня, за обманутое ожиданіе завтрака и я совершенно позабылъ о немъ, когда около трехъ часовъ нашему взору представилось озеро во всемъ своемъ величіи. Голубая поверхность его, испещренная бѣлыми полосами, представляла посрединѣ точно облако дыма, отъ скопленія густыхъ паровъ, и была замкнута кругомъ высокими горами, снѣжныя вершины которыхъ имѣли около 6—7000 футовъ вышины и на 1500—2000′ возвышались надъ уровнемъ озера (лежащемъ, по словамъ графа Цейля, на высотѣ 5132 рус. футовъ или 1380 метровъ). Спускъ къ озеру шелъ рощей лиственницъ и мѣстами былъ такъ крутъ, что приходилось ѣхать съ большою осторожностію. Наконецъ мы достигли югозападнаго лугового берега его, оставивъ нѣсколько вправѣ рѣчку Калджиръ. Эта порядочная рѣка, впадающая въ Черный Иртышъ, есть единственный истокъ озера и въ него вливаются, кромѣ многихъ рѣчекъ, встрѣченныхъ нами на пути къ востоку отъ перевала, еще многія другія, спускающіяся съ горъ. Многочисленные притоки озера, насколько мы могли судить теперь, послѣ стаянія главной массы снѣга, представлялись вообще незначительными, за исключеніемъ впадающей въ южный конецъ озера нѣсколько большей рѣчки Чулёкъ. Марка-Куль, т. е. озеро Марка, которое мы, изъ нѣмцевъ, посѣтили первыми, имѣетъ приблизительно около 40 верстъ въ длину и около половины того въ ширину. Показаніе Абрамова, что оно имѣетъ $66^2/_3$ англ. миль длины (около 100 верстъ) и $16^2/_3$ ширины (40 верстъ), во всякомъ случаѣ преувеличено. Озеро представляетъ продолговатый четырехугольникъ, тянущійся съ юго-запада на сѣверо-востокъ и, какъ уже сказано, окаймленный высокими горами, которыя имѣютъ совершенно альпійскій характеръ и мѣстами доходятъ до самаго озера, образуя здѣсь мысы и заливы, а иногда уступаютъ мѣсто обширнымъ болотистымъ лугамъ. По этимъ лугамъ намъ пришлось ѣхать, спустившись въ долину, причемъ однако болота заставляли насъ дѣлать большіе объѣзды. На болотахъ кое-гдѣ виднѣлись голыя березы, въ которыхъ коршуны и орлы свили свои неприступныя гнѣзда. Наша дорога шла вдоль лѣваго сѣвернаго берега озера, котораго мы въ скоромъ времени и достигли. Узкое прибрежье состояло изъ мелкаго песку, преграждавшаго устья многихъ изъ впадающихъ въ озеро ручьевъ, переправа черезъ которые не представ-

ляла поэтому никакихъ для насъ затрудненій. Эти ручьи должны повидимому изобиловать рыбою, потому что, подъѣхавъ къ озеру, мы увидали нѣсколько голыхъ субъектовъ, которые, преградивъ одинъ изъ подобныхъ притоковъ плотиною, ловили рыбу просто руками. Позже къ нимъ присоединилось нѣсколько человѣкъ киргизъ, которые везли привязанною къ сѣдлу много сушеной рыбы изъ породы форелей. Такъ какъ мы не ѣли ничего съ 6-ти часовъ утра, т. е. почти впродолженіи 10-ти часовъ, то голодъ давалъ себя чувствовать, и я рѣшился отвѣдать этой рыбы, но она была такъ приготовлена, что, несмотря на голодъ, я не могъ ее ѣсть. О нашемъ остальномъ обществѣ не было ни слуху, ни духу. Только когда мы перевалили черезъ крутой, почти отвѣсный мысъ и оставили за собою болотистую луговину, поросшую березами и тополями, увидали мы дымъ и къ 5-ти часамъ добрались до юртъ, гдѣ уже клокотали на огнѣ котлы. Генеральша съ остальнымъ обществомъ прибыла только послѣ $8^1/_2$ часовъ, когда уже совершенно стемнѣло, и ея продолжительное отсутствіе немало насъ тревожило.

На этотъ разъ для нашей стоянки былъ выбранъ небольшой лѣсокъ, состоявшій изъ березъ и осинъ, (на высотѣ 1490 метр.) и лежавшій недалеко отъ озера, близъ небольшой рѣчки, которая, если не ошибаюсь, называется Теректи-Булакъ. Тотчасъ по пріѣздѣ первымъ нашимъ дѣломъ было отправиться на рыбную ловлю, которая производилась самымъ первобытнымъ образомъ. Одинъ казакъ отправился верхомъ въ озеро, насколько то позволяла ему длина невода (около 40 фут.), конецъ котораго онъ держалъ въ рукахъ; другіе, стоя въ водѣ, помогали вытаскивать и, за исключеніемъ перваго раза, каждое забрасываніе невода сопровождалось удивительно богатымъ уловомъ. Каждый разъ попадало отъ 5 до 25 штукъ, нерѣдко 5-фунтовыхъ, форелей, а отчасти и другой рыбы изъ породы нескарей. Такимъ образомъ у насъ оказалось новое блюдо на ужинъ, состоявшій, какъ водится, главнымъ образомъ изъ баранины. Другіе члены нашего общества также занялись ловлею рыбы въ рѣчкѣ, гдѣ они частью руками, частью съ помощію палокъ, поймали до 20 большихъ харіусовъ, которые оказались совершенно схожими съ нашими нѣмецкими (Thymallus vulgaris) и которые, повидимому, водятся во всѣхъ горныхъ рѣчкахъ Алтая. Мы получили ихъ еще въ Кульджеликѣ, гдѣ нѣкоторые изъ нашихъ спутниковъ, не обращая вниманія на неблагопріятную погоду, весело принялись за уженье. Во всякомъ случаѣ эта порода лососей или вѣрнѣе

лаксфорели (Salmo coregonoides Pall., т. наз. „ленокъ“) та же самая, которая ловится осенью въ Норъ-Зайсанѣ, и можетъ быть заходитъ еще весною въ горное озеро для метанія икры. Какъ вообще всѣ породы лососей, она не водится въ Иртышѣ и Оби, что тѣмъ болѣе удивительно, что она встрѣчается въ Енисеѣ и Печорѣ, а повидимому и въ другихъ рѣчкахъ Алтая. По крайней мѣрѣ Ледебуръ упоминаетъ о ней подъ мѣстнымъ названіемъ „уфкучи“, какъ о водящейся въ Коксунѣ,—небольшой рѣчкѣ, протекающей на 4000′ высоты.

Небогатый породами рыбъ, Марка-куль поражаетъ ихъ количествомъ. Это подверждаетъ и присутствіе самыхъ лютыхъ рыбныхъ хищниковъ—баклановъ, съ которыми конкурируютъ развѣ киргизы да алтайскіе крестьяне. Послѣднихъ намъ встрѣтилась цѣлая артель въ 45 человѣкъ, которые пришли изъ-за Бурхата, чтобы приготовить себѣ запасъ сушеной рыбы и, вѣроятно, кстати поохотиться на марала, молодыми рогами котораго алтайцы съ давнихъ временъ ведутъ мѣновую торговлю съ Китаемъ.

Хотя китайцы и продолжаютъ еще числиться владѣтелями озера, но повидимому они нисколько не протестуютъ противъ этой привиллегіи, присвоенной себѣ русскими, или, вѣрнѣе, не смѣютъ заявлять о своемъ протестѣ. Какъ они принуждены были уступить Норъ-Зайсанъ и долину Бухтармы, такъ, вѣроятно, уступятъ Марка-куль и Черный Иртышъ. Это даже было бы желательно въ видахъ большаго порядка и безопасности, но выиграетъ ли отъ того Россія, это, конечно, другой вопросъ. Если принять во вниманіе, что границы между двумя имперіями основываются еще главнымъ образомъ на договорѣ 1728 года, который былъ только пересмотрѣнъ въ 1864 и 1869 годахъ, то станетъ понятнымъ, что опредѣленіе границы должно представлять значительные пробѣлы. Правда, существуютъ извѣстные пограничные знаки,—именно кучи камней, съ которыми мы встрѣтились еще близъ Бургасутая, но онѣ находятся иногда верстахъ въ 80 и даже въ 100 другъ отъ друга, вслѣдствіе чего провѣрка ихъ можетъ быть не только затруднительной, но даже просто фиктивной. Тѣмъ не менѣе она производится каждый годъ, согласно предписанію, и предпринятая между прочимъ съ этою цѣлію поѣздка Семипалатинскаго губернатора доставила намъ, какъ уже сказано, счастливый случай посѣтить эти отдаленныя мѣста при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Конечно, главная задача такого лица, какъ губернаторъ, не можетъ состоять въ самоличной провѣркѣ пограничныхъ знаковъ и цѣлью его поѣздки служатъ глав-

нымъ образомъ переговоры о болѣе важныхъ предметахъ съ представителями сосѣдняго государства. На слѣдующее же утро (8 іюня) явился такой депутатъ, чтобы еще на китайской землѣ привѣтствовать генерала. Это былъ начальникъ китайскаго пограничнаго поста Кулджиръ, живущій тамъ, какъ намъ объяснили, со времени раззоренія поста, безъ стражи, и командовавшій прежде пограничнымъ постомъ Чингистаемъ, въ долинѣ Бухтармы. Самъ онъ былъ манджуръ и явился съ многочисленной свитой, въ числѣ которой были пять человѣкъ окитаившихся киргизъ, съ косами, и около 20 киргивъ, всѣ на отличныхъ лошадяхъ. Какъ только посольство слѣзло съ лошадей, члены его переодѣлись въ наскоро раскинутыхъ палаткахъ и въ полномъ парадѣ, съ подобающею торжественностью, направились пѣшкомъ къ пріемной юртѣ губернатора. Старый почтенный казацкій сотникъ, проживший лѣтъ десять въ Кульджѣ и выучившійся тамъ по китайски, служилъ переводчикомъ. Само собою разумѣется, о сущности переговоровъ я ничего не узналъ, но получилъ немного китайскихъ конфектъ, конечно только для того, чтобы попробовать, потому что для большинства европейцевъ онѣ несъѣдобны.

Остановка для пріема этихъ китайскихъ депутатовъ пришлась намъ какъ нельзя болѣе кстати: необходимо было пересмотрѣть коллекціи, чтобы узнать, не пострадали ли онѣ отъ продолжительнаго дождя. Къ сожалѣнію, оказалось, что всѣ онѣ сильно отсырѣли, хотя нѣкоторыя изъ наиболѣе пострадавшихъ вещей, какъ напримѣръ чучела жеребенка-кулана и другихъ животныхъ, мнѣ удалось еще спасти, просушивъ ихъ надъ огнемъ. Всего болѣе досталось ботаническимъ коллекціямъ графа Вальдбурга: большую часть ихъ, именно интересныя растенія Ала-Тау и Тарбагатая, пришлось выбросить. Если при такихъ поѣздкахъ, какъ я упомянулъ выше, трудно бываетъ вообще пріобрѣтеніе любопытныхъ животныхъ и растеній, то еще труднѣе сохранять добытое и доставить его въ цѣлости.

Только къ часу можно было двинуться далѣе, послѣ того какъ, по обыкновенію, часа два было употреблено на поимку лошадей, навьючиванье ихъ, сборку юртъ и т. д. При этомъ нашъ поѣздъ обыкновенно составлялся въ слѣдующемъ порядкѣ: за часъ раньше прочихъ отправлялись бараны, подъ предводительствомъ искусныхъ въ лазаньи козъ, и въ сопровожденіи пастуховъ верхомъ; выйдя первыми, они приходили на стоянку послѣдними. За ними слѣдовали вьючныя лошади, связанныя по двѣ или по три въ рядъ и подгоняемыя верховыми. Слегка спутанныя, а иногда и

совершенно на свободѣ, вьючныя лошади пасутся всю ночь, тогда какъ верховыя должны ждать своей очереди до утра. Онѣ стоятъ тогда опустивъ голову, привязанныя попарно къ сѣдлу, съ распущенными подпругами, но не покрытыя, какъ вообще всѣ лошади въ Сибири. Несмотря на множество багажа, навьючиванье производится относительно довольно быстро. Иногда едва успѣешь запереть и сдать чемоданы, какъ уже надъ головой исчезаетъ войлочный покровъ юрты. Перекладины и остовъ юрты, конечно, отправляются послѣдними и такимъ образомъ порядокъ поѣзда, хотя и измѣняется немного съ каждымъ днемъ, но все таки подчиненъ извѣстнымъ правиламъ. Впрочемъ, онъ не настолько постояненъ, чтобы всегда можно было знать гдѣ находится тотъ или другой членъ общества, впереди или назади: поѣздъ скорѣе представляетъ безпрестанно мѣняющуюся картину, смотря по ширинѣ и трудности дороги. То ѣдутъ рядомъ, то другъ за другомъ и часто случается, что отправившись утромъ въ первыхъ рядахъ, къ полудню оказываешься въ послѣднихъ. Вѣрное понятіе о разнообразіи элементовъ такого поѣзда можно получить только остановившись и пропустивъ всѣхъ мимо себя. Хотя теперь наше общество было и не такъ многочисленно, какъ въ Май-терекѣ, все таки оно было еще очень значительно. Первымъ ѣхалъ губернаторъ съ своимъ семействомъ (четыре лица), затѣмъ его свита, состоящая изъ пяти лицъ, столько же человѣкъ прислуги, человѣкъ 15 казаковъ съ вахмистромъ, и около 40 киргизъ, въ числѣ которыхъ было 12 старшинъ, съ знаками отличія; въ арьергардѣ скромно слѣдовала нѣмецкая экспедиція, состоявшая только изъ пяти лицъ. Всего, слѣдовательно, было около 80 человѣкъ, на такомъ же числѣ верховыхъ лошадей, не считая еще 40 вьючныхъ. Одна юрта составляла вьюкъ 2—3 лошадей, а всего съ собой у насъ было шесть юртъ. Я восхвалялъ уже неоднократно юрту, какъ самое совершенное переносное жилище, но нельзя обойти молчаніемъ и одного весьма существеннаго ея неудобства, состоящаго именно въ томъ, что при продолжительной дождливой погодѣ юрта никуда не годится. Въ этомъ мы имѣли случай убѣдиться лично въ описываемый день, втеченіи котораго дождь лилъ какъ изъ ведра. Проѣхавъ порядочно по размокшимъ донельзя луговинамъ, круто спускавшимся къ озеру горамъ и береговой опушкѣ лѣса, мы часовъ около пяти, расположились, на ночлегъ, на болотистой луговинѣ. Все на насъ и вокругъ насъ было почти такъ-же влажно какъ земля. Услужливыя руки, правда, кое какъ высушили на огнѣ наше платье, но огромныхъ вой-

локовъ юрты высушить было невозможно. Они были до того пропитаны водою, что дальнѣйшее всасываніе ея было бы уже невозможно, и кошмы возвращали этотъ избытокъ въ видѣ падавшихъ капель, что̀, вмѣстѣ съ непрерывнымъ и рѣзкимъ крикомъ дергача (Crex pratensis), могло хоть кого привести въ отчаяніе. Но все таки такая текущая юрта была лучше, чѣмъ никакая и положеніе казаковъ и киргизовъ, принужденныхъ по большей части оставаться подъ открытымъ небомъ, было еще менѣе завидно. Но своеобразное пѣніе казаковъ продолжало раздаваться также весело около костровъ, какъ и во время пути. Какъ мнѣ передавали, многія изъ этихъ любовныхъ и боевыхъ пѣсенъ, были сложены еще во времена Ермака Тимоѳеича и съ тѣхъ поръ неизмѣнно переходятъ изъ рода въ родъ. Какъ ни чуждо звучали для нашего уха эти однообразныя мелодіи, нельзя не признать, что онѣ производятъ сильное впечатлѣніе; я, по крайней мѣрѣ, всегда слушалъ ихъ съ удовольствіемъ. Прелесть новизны, окружающая обстановка и нерѣдко особенное положеніе самихъ пѣвцовъ, конечно, немало способствовали усиленію впечатлѣнія. Представьте себѣ, напримѣръ, этихъ молодцевъ, спускающимися по такимъ крутымъ склонамъ, гдѣ вниманіе каждаго должно быть всецѣло сосредоточено на его лошади. Они и не зѣваютъ, но вѣдь пѣніе не можетъ въ этомъ случаѣ быть помѣхой! Вотъ запѣвало только что окончилъ первую строфу, какъ его лошадь споткнулась; онъ ее искусно заставляетъ встать на ноги и весь хоръ подхватываетъ пѣсню такъ-же дружно, какъ будто на спѣвкѣ. Все это впрочемъ надо видѣть и слышать, описаніемъ же передать этого нельзя. Незнакомство съ языкомъ не мѣшало намъ коротко сойтись съ казаками и киргизами. Мы старались оказывать каждому подобающее его чину и положенію вниманіе, а они всѣ съ своей стороны старались по мѣрѣ силъ услуживать намъ и быть полезными. Иногда при этомъ случались комичныя сцены, и я какъ теперь вижу графа Вальдбурга передъ Бурхатскимъ переваломъ, дремлющимъ верхомъ на лошади, подъ зонтикомъ одного киргиза, который въ тоже время поддерживалъ его рукою. Неутомимаго тенора казацкаго хора мы окрестили прозвищемъ „перепела“; почтенный киргизскій султанъ, бодро переносившій, несмотря на свои 70 лѣтъ, всѣ трудности пути, былъ прозванъ, за свою длинную сѣдую бороду „рѣдькой“ и т. д. Короче сказать, не было недостатка въ смѣхѣ и шуткахъ съ этими сынами природы, которые, съ своей стороны, также не оставляли иностранцевъ безъ остроумныхъ и большей частью за-

служенныхъ прозвищъ. Такъ напримѣръ, я получилъ, не совсѣмъ положимъ заслуженно, прозвище „повара"—потому что, за неимѣніемъ препаратора, долженъ былъ самъ сдирать шкуры; а Брэмъ удостоился названія, имѣющаго отношеніе къ почтеннымъ размѣрамъ его носа.

Послѣ сравнительно короткаго вчерашняго перехода, на слѣдующій день, 9-го іюня, пришлось наверстывать потерянное. Когда мы въ половинѣ седьмого утромъ тронулись дальше, дождя не было, но нависшія тучи не обѣщали, что погода установится. Ландшафтъ, окружавшій насъ, былъ въ общемъ такой же какъ и наканунѣ: то болотистые альпійскіе луга, то обширные лѣса, кое-гдѣ съ опушкой изъ кустарника и съ еще глубокимъ покровомъ снѣга,—то, наконецъ, голые скалистые мысы, обходить которые приходилось по опаснымъ тропинкамъ вдоль крутого и высокого берега озера! Съ такихъ мѣстъ открывались иногда чудные виды на озеро и окружащія его величественныя горы. Послѣднія съ ихъ снѣжными вершинами имѣютъ совершенно альпійскій характеръ, хотя совокупность ландшафта и весьма отлична отъ того, какой представляютъ швейцарскія альпы. Зеленые луга не оживлены здѣсь пастушьими хижинами, ни одна колокольня не отражается въ спокойномъ зеркалѣ водъ, ни одна лодка не проскользнетъ по волнамъ озера, нигдѣ не замѣтно присутствія человѣка! Это отсутствіе жизни порождаетъ въ путешественникѣ чувство одиночества, которое еще болѣе усиливается видомъ обширной водной поверхности, замкнутой со всѣхъ сторонъ горами. Въ первый я испыталъ это чувство на чудно красивомъ горномъ озерѣ Тахо̀ (6250′) въ Сьерра-Невадѣ, и затѣмъ снова, хотя нѣсколько слабѣе, здѣсь въ Сибири. Слабѣе потому, что Тахо̀ (теперь озеро Биглеръ), во время моего посѣщенія, представлялось совершенно мертвымъ, тогда какъ Марка-куль подавалъ все-таки нѣкоторые признаки жизни. Кое-гдѣ плескались утки, плавали турпаны (Vulpanser rutila) со своими утятами, ныряли чомги *поганки* (Podiceps cristatus и cornutus), надъ поверхностью воды вились мѣстами чайки (Larus ridibundus), а на прибрежныхъ деревьяхъ сидѣли, расправляя крылья, бакланы (Graculus carbo).

Перечисленными видами ограничивается, какъ кажется, все пернатое населеніе озера, которое въ этомъ отношеніи гораздо бѣднѣе степныхъ озеръ, окаймленныхъ густымъ камышемъ. Богаче оказались прибрежныя луговины, гдѣ сконцентрировалась, повидимому, вся жизнь птицы этой мѣстности, почему я позво-

лю себѣ упомянуть одновременно о всѣхъ формахъ. Въ хвойномъ лѣсу дѣятельно возились, подобно нашимъ корольками, крошки-пѣночки (Phyllopneuste modestus); на болотныхъ низинахъ расхаживали лимонныя трясогуски (Motacilla citreola), съ верхушекъ деревьевъ доносились иногда крикъ чернозобаго дрозда (Turdus atrogularis) и пѣніе лѣсной щеврицы (Anthus arboreus),—ниже ворковала горлинка (Turtur meena), въ дуплахъ гнѣздились скворцы (Sturnus Poltoratzkyi, Finsch—восточный представитель нашего); по опушкѣ лѣса шныряли чечевицы (Carpodacus erythrinus), въ можжевельникахъ возились конопляпки (Linota fringillirostris), на лугахъ повсюду раздавались пѣсня нашего полевого жаворонка и бой перепела; повсюду наконецъ слышалось кукованье кукушки. Кромѣ клушицъ, собственно альпійскихъ птицъ не замѣчалось совершенно. Напрасно искалъ я завирушки (Accentor) и особенно свойственной этой мѣстности горной индѣйки (Tetraogallus altaicus); только по помету можно было удостовѣриться въ ея присутствіи.

За то намъ встрѣтились такіе виды, которые до сихъ поръ считались типичными для степи, такъ напримѣръ: чернозобый чекканъ (Pratincola rubicola) и даже журавли-красавцы и черные аисты. Новыми явленіями для насъ были: одна славка (Sylvia nisoria) и сосновая овсянка (Emberiza pithyornis). Всего чаще попадались однако коршуны (Milvus govinda) и орлы. Первыхъ можно было видѣть по десяти и болѣе штукъ, сидящими на голыхъ сучьяхъ одного и того же дерева; а случалось, что ихъ можно было насчитать болѣе 20, описывающихъ круги въ воздухѣ. Графъ убилъ одного могильника (Aquila mogilnik), а д-ръ Брэмъ—непальскаго орла (Aquila nipalensis), но оба вида встрѣчаются много рѣже красиваго восточнаго орлана (Haliaetus leucoryphus). Вообще хищныя птицы выказывали себя далеко не столь пугливыми какъ въ другихъ мѣстахъ. Такъ напримѣръ, одинъ сарычъ далъ нѣсколько разъ въ себя прицѣлиться, хотя и слѣдилъ съ вершины дерева за движеніями охотника. Къ тому же надо замѣтить, что киргизъ вообще не такъ то скоро бываетъ готовъ къ выстрѣлу. Нашъ стрѣлокъ, желавшій на виду у всѣхъ показать свое искусство, пустился за дичью конечно верхомъ, и слѣзъ съ лошади только тогда, когда она не могла уже сдѣлать шагу далѣе въ чащѣ кустарника. Затѣмъ прошло, по нашимъ понятіямъ, много времени, покуда малый поставилъ сошку, прицѣлился и выстрѣлилъ. При непрерывномъ дождѣ было неудивительно, что порохъ на полкѣ отсырѣлъ и ружье дало осѣчку; бравый стрѣлокъ, не задумываясь,

зарядилъ его снова, затѣмъ еще и еще, пока наконецъ въ шестой разъ ружье выстрѣлило, но—дало промахъ. Конечно, со всѣхъ сторонъ раздался хохотъ и насмѣшки. Это такъ разсердило стрѣлка, что онъ скрылся и вернулся въ лагерь только къ вечеру, но на этотъ разъ съ торжествомъ, потому что явился не съ пустыми руками: большущая тальмень пала отъ его пули. Я говорю „пуля“, но это выраженіе не совсѣмъ вѣрно, потому что и ружье то киргиза едва ли соотвѣтствуетъ европейскому о немъ понятію, а зарядъ еще того менѣе. По большей части киргизъ самъ изготовляетъ себѣ и стволъ и замокъ, или по крайней мѣрѣ самъ сбираетъ ихъ, а тѣмъ болѣе приготовляетъ самъ заряды. Его пуля—ничто иное, какъ кусокъ желѣзной проволоки облитый свинцомъ, и въ соотвѣтствіи съ нею приготовляется и порохъ. Принимая во вниманіе первобытное состояніе оружія,—киргизовъ, какъ я уже упоминалъ, можно признать отличными стрѣлками.

Около полудня достигли мы большой нагорной равнины, лежавшей на сѣверо-западномъ концѣ озера, съ которымъ приходилось здѣсь проститься навсегда. Прекрасный альпійскій лугъ служилъ лѣтнимъ пастбищемъ киргизовъ, которые уже совершили сюда свою перекочевку. По крайней мѣрѣ здѣсь виднѣлись многія юрты и обширныя стада, въ томъ числѣ и верблюдовъ. Приходилось снова взбираться на горы, именно по долинѣ или ущелью маленькой рѣчки Чулика. Подобно тому, какъ въ началѣ нашей горной поѣздки у Кулджелика, горная тропинка, какъ и тогда, носила названіе „Кой-Джола,“ т. е.—пригодной только для овецъ. Слѣдовательно предстояли снова всѣ описанныя затрудненія, съ тѣмъ только различіемъ, что мѣстность была еще болѣе дикой и величественной. Со всѣхъ сторонъ возвышались гигантскія вершины, покрытыя частью прошлогоднимъ, частью новымъ снѣгомъ, гробообразные хребты и конусовидные пики. Эти горы принадлежали къ системѣ Джеди-Кезепа, т. е. „семи переваловъ“, и возвышались за предѣлы древесной растительности. Интересно было видѣть, какъ это уже ранѣе замѣтили Ледебуръ и Бунге,—что деревья не становились постепенно все болѣе и болѣе низкими и кривыми, но, до самого предѣла лѣснаго пояса, представляли именно лиственницы десяти-саженнаго роста (60—70), хотя нерѣдко согнутыя вѣтромъ и лишенныя большей части своихъ сучьевъ. Поражало также совершенное отсутствіе здѣсь кривой сосны (Pinus pumilio).

Я забылъ до сихъ поръ сообщить о лѣсахъ, но я предпочитаю заимствовать описаніе ихъ у Брэма, причемъ долженъ оговориться, что его описаніе, какъ всегда чрезвычайно живое и мѣткое, собственно относится къ первобытному лѣсу прибрежьевъ озера Марка и потому приводится мною не на настоящемъ его мѣстѣ.

„Напрасны старанія проникнуть внутрь такого лѣса. На склонахъ горъ преграждаютъ путь крутые спуски и непроходимыя чащи, въ котловинахъ—болота и топи. Громадныя массы продуктовъ разрушенія, безпорядочно нагроможденныя глыбы и камни повсюду покрываютъ почву; обволакивающій ихъ покровъ мховъ и лишаевъ предательски скрываетъ щели и промежутки между камнями, даже между каменными глыбами. Вездѣ пробиваются молодые побѣги, еще болѣе затрудняющіе путь. Въ низинахъ каждое дерево, каждый большой кустъ стоитъ на маленькомъ островкѣ, образованномъ имъ самимъ, а вокругъ него, подъ оболочкой тины, скрывается и струится вода. Могучіе стволы, поломанные бурею, которая на свободѣ свирѣпствуетъ тутъ зимою, лежатъ распростертыми на землѣ во всю ихъ длину,—одни хотя засохшіе, но еще не поддающіеся разрушенію, другіе уже совершенно сгнившіе и истлѣвшіе, окруженные и пересѣченные молодыми побѣгами того же вида, которые пустили корни вокругъ упавшихъ великановъ или даже въ самой толщѣ ихъ разрушающагося тѣла; отъ иныхъ наконецъ остались только ихъ отпечатки, образовавшіеся при паденіи, сами же они уже давно совершенно истлѣли и исчезли. Другіе мощные стволы стоятъ еще, но уже лишенные листвы и обреченные на гибель; у иныхъ буря раздробила верхушки и обломала сучья. Густой лѣсъ перемежается съ голыми полянами, высокоствольныя деревья—съ болѣе низкимъ кустарникомъ; древнихъ, отжившихъ свой вѣкъ великановъ, окружаютъ ихъ бодрые потомки. Въ цѣломъ, лѣсъ представляется пустыней, общее впечатлѣніе, производимое имъ, неблагопріятно; видъ такого лѣса можетъ поразить, но онъ не ласкаетъ, не согрѣваетъ.“—Послѣднее утвержденіе, конечно, выражаетъ собою только чисто личное мнѣніе. Другіе, и я самъ въ томъ числѣ, находятъ, что впечатлѣніе, производимое такимъ настоящимъ первобытнымъ лѣсомъ превосходитъ всякое описаніе, и видъ такой глуши доставляетъ именно то высокое наслажденіе, котораго отнюдь не могутъ дать наши европейскіе лѣса, содержимые по всѣмъ правиламъ лѣснаго искусства.

Спускъ съ горъ представляетъ всюду гораздо большія зат-

рудненія чѣмъ подъемъ, но особенно трудны переходы черезъ бурные горные потоки, съ которыми мы опять встрѣтились въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Тутъ иногда представлялась дѣйствительная опасность и г-жа Полторацкая, которая вообще ничего не пугалась, при переправахъ иногда выражала опасенія за дочь. Дѣйствительно, эти переходы требуютъ не столько смѣлости, сколько осмотрительности. Нужно дать лошади время сообразить, потому что ей необходимо сперва попробовать, куда поставить неподкованную ногу, перебираясь по галькамъ на днѣ русла. Въ то же время нужно и ободрять её, а при попыткахъ спотыкнуться, быстро поддергивать и ставить опять на ноги. Вьючныхъ лошадей обыкновенно переправляютъ на длинной веревкѣ и нерѣдко случалось, что чемоданы съ вещами подмокали. Войлочные чехлы, пріобрѣтенные въ Семипалатинскѣ, пришлись тутъ весьма кстати. Если даже для людей и лошадей представлялись такія затрудненія, то, спроситъ, можетъ-быть читатель, какъ же переходили эти потоки овцы. Дѣйствительно выносливость этихъ животныхъ, дѣлавшихъ одинакіе переходы съ лошадьми, была поразительна. При переправахъ черезъ рѣки, для нихъ выбирали, по мѣрѣ возможности, такія мѣста, гдѣ бы онѣ могли перескакивать съ камня на камень. Въ случаѣ же, если это было невозможно, пастухи прибѣгали къ силѣ, именно накидывали на шею передового барана петлю погонной палки и безжалостно тащили его въ пѣнящіяся волны. Ну а остальныя овцы?—а остальныя слѣдовали за нимъ, по своему обычаю идти зря въ огонь и въ воду.

Переѣзжать болота было иногда еще труднѣе, чѣмъ переправляться черезъ бурные и шумные потоки. Лошади вязли по брюхо, спотыкались о камни и стволы деревьевъ, которыхъ въ трясинѣ нельзя было разглядѣть, принуждены были прыгать черезъ нихъ или вообще брали болото скачками, причемъ ѣдущимъ позади приходилось еще труднѣе чѣмъ передовымъ. Поэтому мы не мало обрадовались, когда, послѣ столькихъ затрудненій, часовъ около четырехъ была сдѣлана остановка въ прелестной долинѣ пѣнящагося Асубуля, замкнутой со всѣхъ сторонъ лѣсистыми высотами и снѣжными горами. Къ сожалѣнію, время года не дозволяло насладиться, какъ слѣдуетъ, красотами этого горнаго ландшафта; намъ слѣдовало бы пріѣхать на Алтай цѣлымъ мѣсяцемъ позднѣе! Вскорѣ запылали огромные сторожевые костры, но они плохо согрѣвали, и наилучшую защиту давали все таки промокшія юрты. Такъ какъ деревьевъ тутъ

было много, то нѣкоторые члены нашего общества рѣшились зажечь три отдѣльно стоявшихъ пихты, что имъ послѣ многихъ трудовъ и удалось. Несмотря на то, что генералъ не совѣтывалъ этого дѣлать, у всѣхъ вырвался невольный крикъ удивленія и восхищенія, когда пламя съ быстротою молніи обхватило стволы до самой макушки и милльоны горящихъ иголъ посыпались въ видѣ огненнаго искристаго дождя, который, къ сожалѣнію, такъ-же быстро потухъ, какъ и вспыхнулъ. Но стволамъ и даже сучьямъ истребительная стихія не сдѣлала почти никакаго вреда. Зажечь цѣлый лѣсъ поэтому вовсе не такъ легко и даже усиленныя старанія въ этомъ отношеніи киргизъ, какъ мы не разъ замѣчали въ Алтаѣ,—увѣнчиваются обыкновенно только выжиганьемъ поросли. Этого впрочемъ совершенно достаточно для ихъ цѣли, состоящей въ приготовленіи для своихъ стадъ пастбищъ. Они предпочитаютъ поэтому выжигать кустарники, по склонамъ горъ, и какъ всѣ кочевники, безжалостно истребляютъ растительность.

Утромъ 10-го іюня мы опять увидали совершенно зимній ландшафтъ: все было покрыто тонкимъ слоемъ свѣжаго снѣга! Сильный дождь и снѣгъ не позволилъ намъ тронуться ранѣе полудня. Намъ предстоялъ переходъ черезъ самый высокій изъ семи перевaловъ Джеди-Кезенъ (по графу Вальдбургу, на высотѣ 1740 метровъ) и мы стали медленно взбираться по склону глубокаго ущелья. Поистинѣ удивительно, какимъ чудомъ по такой скользкой, усѣянной камнями дорогѣ, наши неподкованныя верховыя лошади не срывались и не падали, и даже тяжело нагруженныя мокрыми юртами вьючныя лошади остались цѣлы и невредимы. Достигнувъ вершины перевала, намъ пришлось ѣхать въ области тумана, снѣга и облаковъ, по узкому хребту, по обѣимъ сторонамъ котораго лежали пропасти въ нѣсколько сотъ футовъ глубины. Проѣхавъ три или четыре ущелья, надо было опять спускаться въ долину, пробираясь между деревьями, по крутому склону, покрытому снѣгомъ, который былъ еще настолько крѣпокъ, что лошадь съ сѣдокомъ могла идти по нему не проваливаясь. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ спускъ былъ такъ крутъ, что я долженъ былъ слѣзать съ лошади и даже казаки послѣдовали моему примѣру. Долина Каракала (1640 м. высоты), гдѣ мы расположились лагеремъ, была обширнѣе всѣхъ прочихъ, встрѣтившихся намъ на пути. По ея болотистымъ луговинамъ протекаетъ множество ручейковъ; теченіе болѣе крупныхъ изъ нихъ, какъ наприм. Кара хала, обозначается рядомъ высокихъ хвойныхъ деревьевъ. Окружающія долину горы покрыты густыми лѣ-

сами лиственницъ, пихтъ и кедровъ (Pinus Sibirica и cembra), но вершины горъ, повидимому, лежатъ выше линіи древесной растительности: онѣ голы и покрыты снѣгомъ, котораго много лежитъ и ниже—въ лощинахъ и ущельяхъ. Направо отъ насъ, за ущельемъ, виднѣлись горы-великаны, совершенно окутанныя снѣгомъ и льдомъ. Это были вершины Тау-теке или горы „тековъ“ (горныхъ козловъ); живописные абрисы ихъ я набросалъ дрожащею отъ холода рукой на бумагу, въ то время, когда спутники мои отправились на охоту. Около полудня явились къ намъ китайскіе киргизы, которые тутъ кочуютъ лѣтомъ и сообщили, между прочимъ, что въ горахъ показалось стадо горныхъ козловъ; они принесли съ собой двѣ шкуры только что убитыхъ животныхъ, которыя, къ сожалѣнію, оказались негодными для коллекцій, такъ какъ у нихъ недоставало самаго главнаго—головы и роговъ. Несмотря на дождливую и снѣжную погоду, тотчасъ же было рѣшено устроить охоту, въ которой приняли участіе почти всѣ, за исключеніемъ дамъ и меня. На слѣдующій день, 11-го іюня, предполагалось выѣхать въ 5 ч. утра, но часовая стрѣлка показывала уже половину седьмаго, когда тронулся нашъ поѣздъ, усиленный еще десятками тремя киргизовъ-погонщиковъ. Къ 11 часамъ уже вернулись первые охотники, а къ полудню все общество, усталое, измокшее, продрогшее и разочарованное, собралось снова у костровъ. „Достигнувъ снѣговой линіи“, пишетъ мнѣ графъ Вальдбургъ, „мы встрѣтили, правда, свѣжіе слѣды нѣсколькихъ горныхъ козловъ, даже видѣли ихъ, но такъ какъ всѣ хотѣли охотиться и никто не желалъ быть загонщикомъ, то и не удалось подойти къ нимъ на выстрѣлъ, хотя мы ѣхали по снѣгу въ 4—5 фут. глубины“.

Такъ жалко кончилась эта много обѣщавшая охота: единственными трофеями ея былъ одинъ бурундукъ (Tamias striatus) и одна куропатка, убитая оригинальною „пулею“ вышеупомянутаго, образцоваго киргизскаго стрѣлка. Если намъ, въ продолженіи всей поѣздки по Алтаю, ни разу не посчастливилось даже увидать болѣе крупныхъ, четвероногихъ его обитателей, что и дало поводъ нѣкоторымъ заключить о бѣдности горъ дичью,—то этотъ упрекъ несомнѣнно несправедливъ. Горы слишкомъ обширны и пребываніе наше въ нихъ было слишкомъ кратковременно, чтобы мы могли позволить себѣ рѣшительный о нихъ приговоръ. Только однажды въ виду у насъ пробѣжали два медвѣдя, но, очевидно, что мы могли спугнуть и много другихъ, оставшихся незамѣченными. Тоже могло быть съ маралами, козулями и другою дичью. Мы не

видали даже глухихъ тетеревовъ, а между тѣмъ они здѣсь весьма обыкновенны. Ледебуръ и Бунге, пробывшіе здѣсь гораздо дольше нашего, также не видали ни одного крупнаго звѣря, хотя имъ часто показывали еще теплыя медвѣжьи берлоги; они совершенно вѣрно замѣчаютъ, что шумное приближеніе такого большого числа людей еще издали пугаетъ и прогоняетъ звѣря. Во всякомъ случаѣ на Алтаѣ водится еще до сихъ поръ много разнаго звѣря, добываніе котораго составляетъ предметъ промысловой охоты русскихъ и киргизовъ. Такъ, здѣсь встрѣчаются: маралъ, цѣнимый за свои молодые рога, козуля (Cervus pygargus), кабарга (Moschus moschiferus), дающая мускусъ,—и много цѣннаго пушного звѣря: соболь, колонокъ (Mustela sibirica), лисица, хорекъ (M. Eversmanni), горностай, россомаха, бѣлка. По словамъ Палласа,—который впрочемъ не посѣщалъ самъ нагорнаго Алтая,—здѣсь встрѣчаются еще выдра и бобръ; мы не могли однако узнать объ этомъ ничего положительнаго, и только въ Барнаульскомъ музеѣ видѣли чучело бобра съ Чернаго Иртыша. Лосей во времена Палласа (1772 г.) было здѣсь столько, что ими иногда уплачивался ясакъ (шкура цѣнилась въ 60 к.—1 р. 20); но эти времена теперь давно прошли, что касается насъ лично, то, кромѣ млекопитающихъ, названныхъ при описаніи Май-терека, мы встрѣтили еще одинъ видъ, это—именно нашу домашнюю мышь (Mus musculus),—фактъ, представляющій нѣкоторый интересъ въ зоо-географическомъ отношеніи.

Семичасовая охота не особенно утомила киргизскихъ лошадей и послѣ одного часа отдыха, можно было опять на нихъ ѣхать. Намъ предстоялъ еще переходъ только черезъ одинъ перевалъ, а онъ былъ недалеко. Подъ мелкимъ дождемъ съ снѣгомъ, вдоль небольшого ручья, притока Каракала, мы стали медленно подниматься вверхъ и скоро достигли плоской возвышенности, ограниченной мѣстами фантастическими скалам и представлявшей болотистые луга, поросшіе кислыми травами, березами-карлицами, (Betula nana и humilis) Spiraea laevigata и немногими цвѣтущими растеніями, какъ то: Papaver nudicaule, Anemone narcissiflora, Primula auriculata. Выступавшія горныя породы были красный и черный глинистый сланецъ и порфировый туфъ, т. е. тѣ-же самыя, какъ и близъ Май-терека. Кромѣ этихъ двухъ породъ, въ числѣ собранныхъ мною и графомъ Вальдбургомъ, въ разныхъ частяхъ горъ, образчиковъ оказались еще: кварцитъ и хлоритовый, зеленый и хлористо-кварцевой сланцы. Въ моемъ пу-

тевомъ журналѣ значится также и гранитъ, именно около Марка-Куля, но я забылъ захватить образчикъ его.

Когда мы достигли Бурхатскаго перевала (по русскимъ свѣденіямъ, на высотѣ 8000 ф. или 1900 мет., а по измѣреніямъ графа Вальдбурга только на высотѣ 6650 ф.), съ его двумя пограничными знаками, сложенными изъ камня на подобіе термитовыхъ кучь, изъ множества устъ раздалось: „Слава Богу“; мы были опять на русской землѣ. Но нашему обществу предстоялъ ещѣ одинъ изъ труднѣйшихъ спусковъ и, по крайней мѣрѣ для насъ—иностранцевъ, великое разочарованіе.

Сначала тропинка спускалась довольно отлого, лѣсомъ прекрасныхъ лиственницъ. Вправо отъ насъ оставалось небольшое озеро, еще отчасти покрытое льдомъ, влѣво взоръ наслаждался восхитительнымъ видомъ на зеленую долину, гдѣ серебристой лентой извивалась Бухтарта. Но какъ ни оживленна была эта картина, мы не были вполнѣ довольны ею: вершины алтайской цѣпи были густо закутаны облаками, и увы! царица Алтая, величественная Бѣлуха (имѣющая 11,000 высоты) оставалась для насъ скрытою съ ея ледниками. Такъ намъ и не пришлось увидать этого горнаго великана, о которомъ всѣ, или вѣрнѣе сказать, весьма немногіе видѣвшіе его путешественники, говорятъ съ восторженнымъ удивленіемъ.

Спускъ не долго оставался отлогимъ, и скоро перешелъ въ весьма крутой. Пришлось спускаться по утесамъ, скользскому снѣгу, между деревьями, иногда по самому краю обрыва, футовъ въ тысячу высоты. Подпруга у моего сѣдла лопнула и такимъ образомъ я получилъ въ нѣкоторомъ родѣ законное основаніе спускаться на собственныхъ ногахъ, такъ какъ нечего было и думать о починкѣ на такой узкой тропинкѣ, гдѣ мы должны были ѣхать гуськомъ, другъ за другомъ. Прокарабкавшись около часа, мы достигли густого лиственничнаго лѣса и луговъ, растительность которыхъ чѣмъ ниже, тѣмъ роскошнѣе становилась. Кусты и цвѣты, въ томъ числѣ прелестныя голубыя генціаны и красные піоны, которыми мы любовались цѣлымъ мѣсяцемъ ранѣе въ Ала-Тау, оказались тутъ, 5-ю градусами широты сѣвернѣе, въ полномъ цвѣту и роскоши. Графъ Вальдбургъ собралъ тутъ Salix Waldsteiniana, Gentiana alata, Paeonia anomala, Valeriana officinalis, Corthusa Matthioli, Trollius altaicus, Atragene alpina и много другихъ характерныхъ для Алтая и для альпійскаго пояса растеній.

Вообще мнѣ показалось, и графъ Вальдбургъ раздѣляетъ мое

мнѣніе, что на сѣверномъ склонѣ этихъ горъ лѣса гуще и растительность богаче и роскошнѣе, чѣмъ на южномъ, между тѣмъ какъ у Марка-куля замѣчалось обратное.

Часамъ къ пяти достигли мы подошвы горъ, хотя и не самаго дна Бухтарминской долины,—у развалинъ бывшаго Китайскаго пограничнаго поста. Чингистая, и расположились лагеремъ въ имѣющихъ видъ парка предгоріяхъ, лежащихъ на высотѣ 1030 метровъ. Спускъ въ долину, на разстоянія 3000 футовъ, взялъ у насъ, такимъ образомъ, около трехъ часовъ времени.

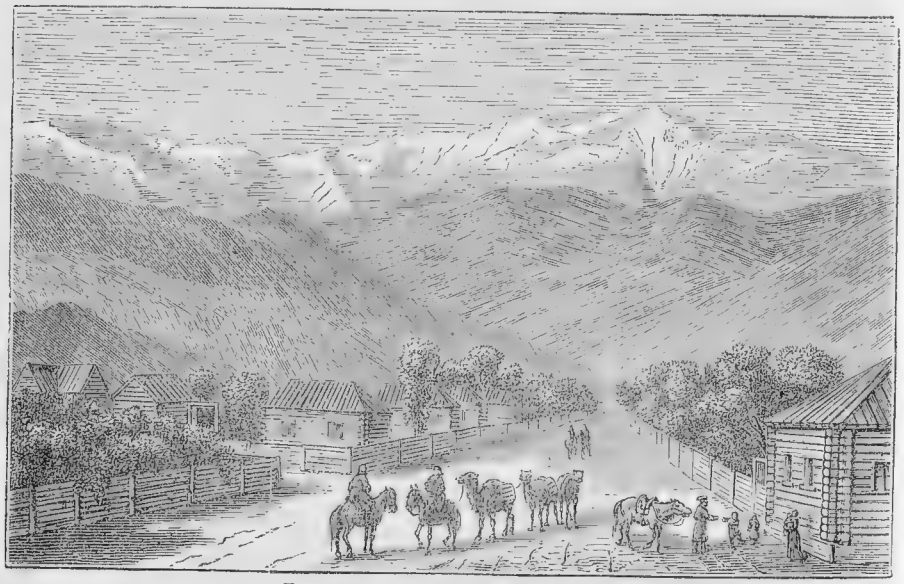
Особое чувство овладѣло мною, когда я въ послѣдній разъ слѣзалъ съ вѣрнаго рыже-чалаго коня, который взбирался со мною по столькимъ труднымъ горнымъ тропинкамъ, переправлялъ меня черезъ множество бурныхъ рѣчекъ и ручьевъ, переносилъ черезъ болотистые альпійскіе луга и топкія болота, и при этомъ былъ всегда неутомимымъ, послушнымъ, осмотрительнымъ, безо всякаго норова и каприза. Будучи хорошо знакомъ съ достоинствами лапландскихъ и американскихъ горныхъ лошадей, я долженъ отдать полную похвалу этой отличной киргизской лошадкѣ, какъ и всей ея породѣ вообще. Мы оставили теперь за собою всѣ трудности и неудобства утомительнаго горнаго путешествія, о которомъ наши „столичные туристы“ какъ выражается Брэмъ, не въ состояніи составить себѣ даже приблизительнаго понятія. Посѣтивъ не разъ швейцарскія Альпы, онъ говоритъ, что „даже въ самыхъ дикихъ частяхъ ихъ, дороги, въ общей сложности, гораздо лучше Алтайскихъ, и путешествіе по нимъ далеко не представляетъ тѣхъ опасностей, какъ по Алтаю, хотя послѣдній, сравнительно съ Альпами, и нельзя называть дикимъ“. Я прибавлю отъ себя, что восхожденіе на вершину Грей-пика (14,000 фут.) въ Скалистыхъ горахъ можетъ быть названъ дѣтскою прогулкой, сравнительно съ тѣмъ, что мы вынесли на Алтаѣ.

А между тѣмъ, изъ описаній Ледебура и Бунге (не говоря уже объ Аткинсонѣ, который скорѣе фельстонистъ, чѣмъ ученый) видно, что въ Алтаѣ встрѣчаются мѣста еще гораздо болѣе трудно-доступныя. Еще величественнѣе и глуше посѣщенныя упомянутыми путешественниками—сѣверныя цѣпи Коргонскихъ и Холсунскихъ горъ, въ области истоковъ Убы, Чарыша и Чуи. Достаточно сказать, что Чарышъ, на разстояніи пяти верстъ, образуетъ непрерывный рядъ водопадовъ, падающихъ съ высоты 5000 футовъ. Мы не встрѣтили ни одного водопада, но за то видѣли такіе величественные и разнообразные горные ландшафты, что должны были остаться довольными и съ признательностью вспо-

минать о видѣнномъ. Такъ какъ мы были первыми нѣмцами, посѣтившими эту часть Алтая и насколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ вовсе не было описанія долины Чернаго Иртыша до Бухтармы, то я счелъ необходимымъ сказать о ней гораздо подробнѣе, чѣмъ намѣревался прежде.

Навстрѣчу губернатора выѣхало въ долину множество знатныхъ киргизъ, а когда мы достигли юртъ, то застали тамъ уже цѣлую толпу, болѣе двухсотъ человѣкъ. Пока губернаторъ давалъ аудіенціи, наши вьюки переложили на телѣги, причемъ, какъ водится, не обошлось безъ шума и брани, тѣмъ болѣе, что почтенные алтайскіе крестьяне старались положить какъ можно менѣе клади. То, что свободно несли на себѣ два вьючныхъ животныя, оказалось слишкомъ тяжелымъ для двухъ лошадей въ упряжи.

Наконецъ все было готово и пришлось распрощаться съ нашими многочисленными пріятелями киргизами, съ Ямъ-беемъ — искуснымъ проводникомъ экспедиціи, къ счастію котораго у меня



Лепса и джунгарскій Ала-тау.

нашелся золотой, съ почтеннымъ султаномъ—владѣльцемъ шлезвигскаго или швабскаго синяго зонтика и со многими другими, которые всѣ тѣснились, чтобы пожать намъ на прощанье руку. Наконецъ около $7^1/_2$ ч. мы могли тронуться въ путь. Впереди ѣхали дамы, за ними д-ръ Брэмъ и губернаторъ въ тарантасѣ четверкой, потомъ графъ Вальдбургъ и я на телѣгѣ, т. е. небольшой крестьянской повозкѣ, о которой я сохранилъ съ Бургусутая не совсѣмъ пріятныя воспоминанія. Весело катили мы по

каменистой почвѣ степи, вдоль окраины долины, въ глубинѣ которой теченіе Бухтармы обозначалось роскошными лугами и густыми березовыми лѣсами. Послѣ ѣзды верхомъ намъ казалось страннымъ ѣхать вытянувъ ноги вдоль экипажа, хотя мнѣ уже было извѣстно по опыту, что въ телегѣ всѣ неровности дороги, рвы и камни даютъ о себѣ знать гораздо больше чѣмъ на спинѣ у лошади. Прелесть новизны путешествія въ экипажѣ исчезла тѣмъ скорѣе, что ко всѣмъ прочимъ неудобствамъ дороги присоединился еще все усиливавшійся и усилчвавшійся дождь, нагнавшій на насъ тоску и уныніе. Но дѣлать было нечего, пришлось покориться судьбѣ и терпѣливо ждать окончанія пути. Наконецъ, къ несказанной радости нашей, вдали въ темнотѣ замелькали огни.

Горы Тау-Теке въ Алтаѣ Китайскомъ.

Къ сожалѣнію, это были не огни желаннаго пріюта, а казаки съ фонарями, высланные предупредительнымъ комендантомъ Алтайской станицы, куда мы пріѣхали послѣ 10 ч., промокшіе до костей, усталые и разбитые. Г-нъ Бастрыгинъ, начальникъ Зыряновскихъ рудниковъ, и приставъ Томской губерніи, встрѣтившіе и привѣтствовавшіе насъ въ домѣ коменданта маіора Бахирева, согласно нашему желанію, немедленно велѣли проводить насъ на приготовленную для насъ квартиру. Такимъ образомъ часамъ къ 11, послѣ 11-ти дневной лагерной жизни, подъ дождемъ и снѣгомъ, — мы очутились подъ кровлей казачьяго домика и могли предаться покою съ тѣмъ наслажденіемъ, которое можетъ быть понятно только тому, кто самъ испыталъ нѣчто подобное.

ГЛАВА X.

(ОТЪ АЛТАЙСКОЙ СТАНИЦЫ ДО ТОМСКА).

Алтайская станица.—Здоровая мѣстность.—Пути сообщенія.—Въ 1200 нѣмецкихъ миляхъ отъ Берлина.—Основаніе и развитіе станицы.—Алтайское гостепріимство.—Казачекъ.—Прелестное мѣстоположеніе и горный ландшафтъ.—Отъѣздъ.—Прощанье съ горами.—Опять среди холмовъ.—Роскошная растительность.—Животное царство.—Благосостояніе селеній и крестьянъ.—Старовѣры.—Дѣвицы-богомолки.—Яки.—Ловкая ѣзда.—Пріѣздъ въ Зыряновскій рудникъ.—Бастрыгинъ.—Горная система Алтая.—Ектагъ-Алтай.—Большой Алтай.—Иртышъ-Алтай.—„Обь-Алтай.—Наслѣдователь.—Рудокопы и горное производство въ Зыряновскѣ.—Золотопромывальня.—Общій доходъ отъ добыванія драгоцѣнныхъ металловъ.—На Иртышѣ.—Верхняя пристань.—Перевозка руды водянымъ путемъ.—На баркасѣ.—Бухтарминскъ.—Мохнатая сопка.—Между Иртышскихъ скалъ.—Нѣтушій гребень.—Семь братьевъ.—Величественные Рейна.—Скука.—Горная касатка.—Нижняя пристань.—Полковникъ Халдѣевъ.—Усть-Каменогорскъ.—Киргизская школа.—Уба.—Насъ ожидаютъ сельскія сходки.—Насъ принимаютъ за высокочайшихъ особъ.—Костюмъ женщинъ-старовѣрокъ.—Водораздѣлъ между Иртышемъ и Обью.—Видъ Змѣиногорска.—Ивановъ.—Змѣиная гора.—Заброшенные рудники.—Рудное богатство теперь и прежде.—Змѣиное царство.—На Колыванскомъ озерѣ.—Комары.—Злобинъ.—Колыванъ.—Пчеловодство.—Древнѣйшія копи.—Шлифовальная фабрика.—Грандіозныя работы.—Частная промышленность.—Рисовальная школа.—Ивашевъ.—Образа.—Шлифовка.—Сибирская косуля.—Синяя сопка.—Ландшафтъ.—Ковыль.—Послѣдній взглядъ на Алтай.—Сѣверная дорога.—Караваны.—Въ виду Оби.—Богатая страна.—Прибытіе въ Барнаулъ.—Охота на бекасовъ.—Бѣлый журавль.—Фонъ Эйхвальдъ.—Гостепріимство.—Докторъ Думбергъ и его гербарій.—Музей.—Фабрики.—Городъ.—Жизнь.—Цѣны.—Вина.—Почлегъ.—Императорскія владѣнія на Алтаѣ.—Возвращеніе съ рудниковъ.—Неизслѣдаемость рудниковъ.—Отъѣздъ.—Первая поѣздка по Оби.—Прекрасная страна.—Тайга.—Ея характеръ.—Истребленіе лѣсовъ.—Салаиръ.—Докторъ Зассъ.—Дичь.—Строеніе горъ.—Залежи каменнаго угля.—Плодородныя степи.—Обиліе лошадей.—Опять „держи“.—Кровавый потъ.—Жизнь птицъ.—Колонія суслековъ. Страданія отъ пыли.—Изъ старыхъ временъ.—Картина ночи.—Опять подъ Мослемомъ.—На берегу Томи.—Видъ Томска.—Прибытіе.—Быстрота ѣзды.

„Алтайская-станица лежитъ на высотѣ 990 метровъ у самой подошвы великаго Алтая, въ прелестной романтической долинѣ Бухтармы. Мѣсто лѣченія перваго разряда.

„Воздухъ содержитъ весьма много озона, что обусловливается присутствіемъ громадныхъ лѣсовъ (частью еще первобытныхъ).

Флора поразительно разнообразна. Настоящій кумысъ, киргизскаго приготовленія, изъ неподдѣльнаго кобыльяго молока; леченіе молокомъ и сывороткою. Русскія бани. Свободная охота (на мараловъ, дикихъ козъ, кабаргу, горныхъ барановъ, аргали, медвѣдей, волковъ, лисицъ, рысей, соболей, куницъ, хорьковъ, бѣлокъ, орловъ; глухари, тетерева и рябчики водятся въ поразительномъ множествѣ). Весьма добычливая ловля рыбы на удочку. Для зоологовъ и коллекторовъ—богатыя мѣста, обѣщающія много новаго; въ особенности по части энтомологіи и ботаники. Этнографамъ, антропологамъ и лингвистамъ представляется здѣсь богатый матеріялъ для ученыхъ наблюденій; особый интересъ представляютъ горныя племена Алтая—телеуты, кумандины, шоры и др. Неограниченный выборъ живописныхъ мѣстъ для прогулокъ по горамъ; поѣздки къ глетчерамъ, экскурсіи въ сосѣдній Китай; вполнѣ надежныя горныя лошади и опытные проводники. (NB. Величественныя снѣговыя вершины ограничивающей долину горной цѣпи, имѣютъ около 9000 ф. высоты и почти всѣ еще не измѣрены и не изслѣдованы). Чистые деревянные дома; по желанію—переносныя юрты. Содержаніе самое дешевое (включая и верховую лошадь). Сезонъ отъ половины іюня до половины сентября.“

Приблизительно въ такомъ родѣ могло бы быть составлено объявленіе, приглашающее туристовъ, ученыхъ путешественниковъ и больныхъ посѣтить прекрасную долину Алтая, и въ этомъ объявленіи не было бы ничего преувеличеннаго. Не подлежитъ сомнѣнію, что послѣдовать такому приглашенію явилось бы не мало охотниковъ, если бы не приходилось къ нему сдѣлать слѣдующую страшную прибавку: „ближайшей станціи желѣзной дороги (со времени открытія Уральской линіи), Екатеринбурга, можно достигнуть двумя путями: 1) по тракту Тюмень-Семипалатинскъ, въ тарантасѣ (тройкой) 2206 в. (315 нѣм. миль), 9 —15 дней пути (не считая остановокъ); или 2) по гораздо болѣе удобному пути чрезъ Тюмень, Томскъ и Барнаулъ 3853 в. (около 550 нѣм. миль) $14^1/_2$ дней ѣзды; изъ нихъ 2677 верстъ (около 382 нѣм. миль) пароходомъ, устроеннымъ весьма комфортабельно и совершающимъ правильные рейсы между Тюменемъ и Томскомъ (въ $6^1/_2$ дней), послѣ чего остается только сдѣлать въ тарантасѣ 1187 вер., примѣрно въ 8 дней.“

Если къ сказанному прибавить еще, что отъ Екатеринбурга до Берлина 4500 верстъ или 650 нѣм. миль (3000 в. по желѣзной дорогѣ—около 3 дней, и 1500 в. на пароходѣ—около 6 дней), такъ что весь путь отъ Берлина до Алтайской станицы со-

ставляетъ 6754 в. (960 нѣм. миль) или 8400 в. (1200 нѣм. миль) и требуетъ отъ 17 до 23 дней непрерывной ѣзды, то станетъ понятнымъ, что эта прекрасная горная страна еще долгое время будетъ обезпечена отъ наплыва туристовъ, массы которыхъ, въ продолженіе сезона, появляются повсюду, даже въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ Европы.

Во всякомъ случаѣ, изъ нѣмцевъ, мы были первыми посѣтителями Алтайской станицы (по калмыцки Котонъ-Карагай), которая существуетъ еще съ очень недавняго времени. Она обязана своимъ возникновеніемъ Семипалатинскому губернатору, генералу Полторацкому, который, занявъ въ 1869 году китайскій пограничный постъ, Чингистай, основалъ, въ 20 верстахъ отъ него, такъ называемую станицу, т. е. поселилъ казаковъ и роту пѣхоты. Это было въ 1871 году! Теперь, въ разстояніи одной версты ниже этого военнаго поста (состоящаго изъ большихъ деревянныхъ казармъ и помѣщеній для коменданта, офицеровъ, госпиталя, провіантскаго магазина и т. д.), построилась большая деревня, которая насчитываетъ уже 80 домовъ и, по меньшей мѣрѣ, 300—400 жителей. Въ числѣ ихъ, хоть и не въ качествѣ осѣдлыхъ обитателей, есть и киргизы, войлочныя юрты которыхъ служатъ напоминаніемъ, что еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ эта мѣстность была ихъ собственностію. По большей части обнесенные дворами, домики построены изъ бревенъ и крыты тесомъ. Они показались мнѣ гораздо опрятнѣе прежде видѣнныхъ мною, вѣроятно потому, что еще были новы и не имѣли по сосѣдству полуразвалившихся строеній, какъ это встрѣчается повсюду въ Сибири, гдѣ русскіе, какъ и вездѣ, не спѣшатъ починкой. Встрѣчались впрочемъ и недоконченные дома, для постройки которыхъ не было недостатка въ матерьялѣ въ ближайшихъ горныхъ лѣсахъ. Крупный стволъ дерева, съ доставкой въ долину, стоитъ здѣсь только 5 копѣекъ. Повидимому жители Алтайской станицы преимущественно занимаются скотоводствомъ. Многочисленныя стада рогатаго скота и табуны лошадей оживляли прекрасные луга; въ самой станицѣ мы опять встрѣтили свиней, гусей, куръ и голубей. Несмотря на высокое мѣстоположеніе (около 3465 ф. высоты) здѣсь занимаются еще земледѣліемъ и сѣютъ пшеницу, рожь, ячмень, овесъ, просо, ленъ и коноплю. Представленные намъ образцы этихъ культурныхъ растеній были всѣ отличнаго качества; въ особенности поразили насъ конопля и тройныя колосья пшеницы.

Кромѣ произведеній хлѣбопашества, намъ удалось получить и

главнѣйшіе продукты охоты, именно шкуры медвѣдя, лисицы, рыси, россомахи, соболя, колонка (Mustela Sibirica), хорька, (M. Eversmanni), ласки, горностая, байбака, бѣлки и летяги; сюрпризъ этотъ былъ намъ приготовленъ господами офицерами, которые оказали намъ вообще такой радушный и любезный пріемъ, что онъ никогда не изгладится изъ нашей памяти и останется навсегда однимъ изъ пріятнѣйшихъ воспоминаній. Въ юртѣ, особенно праздничпо убранной цвѣтами и гдѣ упомянутые образцы были разставлены какъ въ музеѣ, члены нѣмецкой экспедиціи были встрѣчены гг. офицерами въ парадной формѣ, и, по мѣстному обычаю, начальнику ея, въ знакъ особеннаго уваженія, были поднесены хлѣбъ и соль. Комендантъ, маіоръ Алексѣй Ивановичъ Бахиревъ сказалъ привѣтствіе, на которое д-ръ Брэмъ, какъ самый искусный ораторъ экспедиціи, отвѣчалъ благодарностью отъ ея имени. Превосходный завтракъ былъ уже готовъ и вскорѣ непринужденная, веселая бесѣда и тосты оживили веселый кружокъ, которому придавало особый блескъ присутствіе генеральши Полторацкой и ея дочери. Даже въ музыкѣ не было недостатка. Подъ акомпаниментъ скрипки и балалайки казаки исполняли свои оригинальныя пѣсни, которыя вскорѣ уступили мѣсто своеобразнымъ танцамъ, состоящимъ главнымъ образомъ изъ поразительно быстрыхъ движеній на носкахъ и пяткахъ и очень напоминающихъ пляску англійскихъ матросовъ. Послѣ полудня губернаторъ далъ въ честь насъ большой обѣдъ,—короче сказать, мы вполнѣ паслаждались пресловутымъ алтайскимъ гостепріимствомъ. Кромѣ воспоминаній, члены экспедиціи увезли еще отсюда, каждый, интересные подарки. Графъ Вальдбургъ получилъ прекрасныя шкуры рыси, лисицы и россомахи; д-ръ Брэмъ—великолѣпнаго соболя и громадный медвѣжій мѣхъ; мнѣ, какъ начальнику, была поднесена громадная даха (шуба) изъ мѣха кабарги и туземный ножъ; послѣдній былъ заказанъ маіоромъ Бахиревымъ нарочно для меня у киргизскаго мастера, который вырѣзалъ также намъ имя маіора.

Кромѣ пріятнаго общества Алтайская станица дала намъ возможность подкрѣпиться и освѣжиться физически. Въ продолженіи почти двухъ недѣль здѣсь впервые представилась возможность хорошенько вымыться, а для этого не можетъ быть ничего лучше русской бани. Но и въ работѣ не было недостатка. Такъ какъ трудности собиранія и сохраненія коллекцій остались совершенно такими же, какъ ихъ описываетъ Ледебуръ, то намъ съ графомъ Вальдбургомъ предстояло пропасть дѣла, — ему съ растеніями, а мнѣ съ зоологической добычей. Цѣлый день снова пролетѣлъ незамѣтно!

Дождь, лившій наканунѣ, только изрѣдка позволялъ намъ бросить взглядъ на окрестныя горы, за то какъ были мы поражены, когда утромъ 13 іюня, при совершенно ясномъ небѣ, передъ нами открылся великолѣпный горный ландшафтъ во всей своей величественной красотѣ. Дѣйствительно, мѣстоположеніе Алтайской станицы можетъ смѣло выдержать сравненіе съ любымъ альпійскимъ селеніемъ. Слѣва, ограничивая долину съ югозапада, возвышался могучій хребетъ Сарымъ-Сакты, самая сѣверная цѣпь Большого-Алтая, съ ея живописными вершинами, хребтами и пиками, которые, какъ было уже замѣчено въ началѣ главы, еще до сихъ поръ не измѣрены и не имѣютъ даже названій. Они достигаютъ приблизительно 9—10,000 футовъ высоты и даже поднимъ лѣтомъ покрыты снѣгомъ. Выпавшій наканунѣ ночью снѣгъ покрылъ собою всѣ одѣвающіе горные склоны лѣса, и своей ослѣпительно бѣлой окраской придавалъ горамъ еще большую высоту.

Справа, т. е. съ сѣверо-востока, долина также замыкается горами, именно Листвягой или Лиственничными горами, имѣющими приблизительно, по словамъ Ледебура, около 6000 ф. высоты; наиболѣе же высокая точка ихъ, Щебенуха, достигаетъ, по Гельмерсену, 7550 ф. Съ этой цѣпи Гельмерсенъ наслаждался видомъ Большого Алтая, который онъ называетъ „Нарымскими горами“ (тогда еще въ китайской провинціи Хобдо). Листвяга, сравнительно, менѣе живописна. Голыя, округленныя ея вершины разнообразились только покрывавшимъ ихъ снѣгомъ, по мѣстами, изъ за нихъ виднѣлись живописные пики высокихъ Холзунскихъ альпъ. Восходящее солнце еще болѣе усиливало эффектъ величественнаго вида Алтая. Темные лѣса, окаймляющіе роскошныя зеленыя долины и снѣговые, то слабо, то ярко освѣщенные пики представляли рѣзкіе контрасты свѣта и тѣни и всѣ вмѣстѣ производили поражающее впечатлѣніе.

Около 7 ч. утра (13 іюня) мы съ благодарностью простились съ гостепріимными офицерами Алтайской станицы и отправились дальше въ Зыряновскъ (лежащій въ 130 вер.). Насъ сопровождали—г. Бастрыгинъ и одинъ изъ исправниковъ Томской губерніи.

Дорога была отличная и на пути встрѣчались такіе прелестные виды, что почти становилось досадно на быстроту ѣзды. Тотчасъ за Алтайской станицей переѣзжаютъ по хорошему мосту черезъ маленькую, быструю горную рѣчку Сарымсакты, на которой расположена станица, и потомъ еще чрезъ нѣсколько другихъ, впадающихъ въ Кульмесъ, притокъ Бухтармы. Сначала дорога

шла въ гору и подъ гору, довольно рѣдкими лѣсами (состоящими изъ лиственницъ, а мѣстами изъ березъ), которые часто уступали мѣсто луговинамъ и чащамъ кустарника. Мало по малу, однако, лѣса исчезали, лужайки становились шире, предгорія зеленѣе, а великолѣпныя снѣжныя горы отступали все болѣе и болѣе въ даль. Цѣлыхъ семь часовъ мы почти непрерывно смотрѣли на ихъ мѣнявшійся видъ, на заднемъ планѣ котораго иногда выступали снѣжные пики болѣе отдаленныхъ горъ, — и все таки не могли до-сыта насмотрѣться. Между третьей (Березовскъ) и четвертой станицей (Салопова) намъ пришлось уже навсегда проститься съ прекрасными альпійскими видами. Горы исчезаютъ здѣсь совершенно и уступаютъ мѣсто рядамъ зеленыхъ, а мѣстами и совершенно голыхъ холмовъ, которые чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе прискучиваютъ. Впрочемъ они не совсѣмъ лишены привлекательности и роскошная растительность, по обѣимъ сторонамъ узкой дороги, извивающейся съ одного холма на другой, производитъ отрадное впечатлѣніе на любителя природы. Спирея, Lonicera tatarica, розы (свѣтло и темно-розовыя и бѣлыя, похожія на нашу чайную розу), дикіе персики (съ бѣлыми плодами величиною съ вишню: Amygdalus nana) образуютъ здѣсь настоящія чащи, еще болѣе перепутанныя журавлинымъ горохомъ, вьюнкомъ и дикимъ хмѣлемъ. Прибавьте къ этому еще массу зонтичныхъ растеній, каковы напр. дикій тминъ, дикая спаржа, и безчисленное множество красивыхъ пестрыхъ цвѣтовъ: Carum, Bunium, Cicuta, Asparagus, Trichophyllus, Iris, Orchis, Orobus pisiformis, Clematis integrifolia и много другихъ. Гораздо бѣднѣе флоры оказывалась фауна. Изъ царства пернатыхъ главными обитателями были: орлы, черноухіе коршуны (Milvus Govinda), пустельги, почти бѣлые степные луни, полевые жаворонки, трясогузки, чернозобики, (Pratincola rubicola) черноголовый подорожникъ, пчелоѣды; въ частомъ кустарникѣ — полевыя славки (Sylvia cinerea), сорокопуты-жуланы (Lanius collurio); на холмахъ кое гдѣ попадались турпаны (Vulpanser rutila) и одинъ видъ стрижей, котораго я призналъ за новый. Это былъ Cypselus pacificus, какъ показалъ впослѣдствіи экземпляръ, убитый д-ромъ Брэмомъ въ Салаирѣ, гдѣ они гнѣздились на колокольнѣ. Онъ распространенъ на далекомъ пространствѣ къ востоку и западу. Начиная съ Алтайской станицы въ деревняхъ стали опять попадаться милые соотечественники: домашній воробей, домашняя ласточка и касатка. Изъ млекопитающихъ встрѣтился заяцъ, если не ошибаюсь, третій или четвертый во все наше путешествіе. Показы-

вались иногда также байбаки, чаще всего суслики, (Spermophilus Eversmanni), а по вечерамъ слышался своеобразный, похожій на птичье чириканье, свистъ пищухи (Lagomys),

Изъ деревень,—кромѣ выше названныхъ, еще только три (Медвѣдка, Солдатова или Таловка и Александровская) отличались хорошими постройками и могли свидѣтельствовать о благосостояніи жителей, даже если-бы и намъ не удалось видѣть ихъ самихъ. Но извѣстіе о проѣздѣ губернатора и чужестранцевъ выманивало на улицу по бо́льшей части все населеніе. Алтайцы—красивый и рослый народъ, большею частью бѣлокурый; между дѣвушками и женщинами нерѣдко встрѣчаются статныя и съ очень недурными физіономіями. Своеобразный костюмъ женщинъ: пестрые платки, обвязанные вокругъ головы, яркія, по большей красныя платья, и ожерелья изъ крупныхъ зеленыхъ и бѣлыхъ бусъ—способствовалъ благопріятному впечатлѣнію. Длинноволосые, бородатые, большей части рыжеватые, бѣлокурые мужчины не отличались существенно по костюму отъ другихъ русскихъ. Мнѣ бросились въ глаза только ихъ разнокалиберныя войлочныя шляпы, варіировавшія по цвѣту отъ чернаго до свѣтло-голубаго; я зачертилъ съ десятокъ ихъ въ записной книжкѣ.

Вездѣ, гдѣ мѣняли лошадей и гдѣ мы могли видѣть внутреннее устройство жилья, насъ поражала необыкновенная чистота выбѣленныхъ деревянныхъ стѣнъ, половъ и простой, но прочной самодѣльной мебели. Благосостояніе крестьянъ зависитъ здѣсь впрочемъ не столько отъ плодородія почвы, сколько отъ другой важной причины: они—старообрядцы или сектанты раскольники! Конечно, незначительныя уклоненія въ религіи и обрядахъ тутъ не причемъ, равно какъ и свойственное сектантамъ отвращеніе къ куренью табака; главная причина благосостоянія ихъ обѣтъ воздержанія—они не пьютъ водки! Въ то время, какъ сибирскій крестьянинъ значительное число дней въ году проводитъ въ пьянствѣ и бездѣльѣ, старообрядецъ работаетъ—и благосостояніе его, вслѣдствіе этого, все возрастаетъ. Зная изъ описаній Кастрена, что старообрядцы оказываютъ иногда не особенно радушный пріемъ иновѣрцамъ, считая ихъ за еретиковъ и признавая нечистымъ все, до чего они коснутся (даже посуду)—я не ожидалъ особенно пріятнаго впечатлѣнія отъ встрѣчи съ ними. Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что вездѣ насъ ожидало предупредительное гостепріимство. Яичница, молоко, запеченная въ тѣстѣ рыба и особенно знаменитый алтайскій медъ,—чистый и во всевозможныхъ смѣсяхъ (медъ съ макомъ, малина съ медомъ и т. п.)

стояли вездѣ готовыми къ нашему прибытію, на опрятно накрытомъ столѣ. Замѣчу при этомъ, что гостепріимство было оказано намъ не потому только что съ нами былъ губернаторъ, такъ какъ такой же радушный пріемъ ожидалъ насъ позднѣе въ другихъ мѣстахъ, гдѣ мы встрѣчались съ старообрядцами.

Привыкнувъ къ тому, что цѣлыя деревни сбѣгались на насъ смотрѣть, я не удивился, что передъ Березовской станицей насъ ожидала цѣлая толпа народа. Она состояла изъ празднично одѣтыхъ женщинъ,—какъ намъ сказали послѣ — исключительно дѣвицъ, которыя впрочемъ ожидали не насъ, а прибытія странствующаго образа Казанской Божіей Матери. Дѣвушки, однако, были не совершенно лишены мужской охраны: нѣсколько ловкихъ парней, повидимому, помогали имъ сокращать время ожиданія.

Въ этой деревнѣ намъ показали маленькихъ, невзрачныхъ на видъ, яковъ, которыхъ разводятъ въ Алтаѣ и гдѣ они приносятъ большую пользу. Мы имѣли немало случаевъ убѣдиться въ богатствѣ здѣшней мѣстности скотомъ. Шестерка лошадей, впряженная въ легкій плугъ, свидѣтельствовала не о неудобствѣ пашни, а только объ изобиліи лошадей. Не особенно пріятный для путешественниковъ, пылкій темпераментъ послѣднихъ не разъ давалъ себя чувствовать, но благодаря ловкости ямщиковъ, дѣло обходилось безъ особыхъ послѣдствій. На переѣздѣ (въ 40 верстъ) между станціями Александровскъ—Зыряновскъ лошади насъ было понесли, но ловкій ямщикъ остановилъ ихъ тѣмъ, что на всемъ ходу спрыгнулъ съ козелъ и уцѣпился за дугу коренной.

Часамъ къ 10-ти, при совершенной темнотѣ и проливномъ дождѣ, достигли мы Зыряновска и были радушно приняты въ домѣ начальника рудниковъ, горнаго инженера Александра Николаевича Бастрыгина, гдѣ мы были къ тому-же удивлены самымъ пріятнымъ образомъ. Кромѣ піанино, — на которомъ любезная хозяйка дома воспроизвела для насъ столь давно неслышанные мотивы современной музыки,—въ домѣ оказался даже бильярдъ.

Достигнувъ послѣднихъ отроговъ горъ не безъинтересно будетъ бросить бѣглый взглядъ на совокупность горной системы, носящей общее названіе Алтая, и на ея изслѣдователей.

Алтай, т. е. Золотыя горы, съ монгольскаго — Алтай-алинъ (названіе, однозначущее съ китайскимъ „Кинъ-шанъ“), упоминаемый, по словамъ Гумбольдта, еще въ VII столѣтіи Менандромъ Византійскимъ, есть собирательное имя для многихъ, весьма различныхъ по направленію, протяженію и рѣчнымъ системамъ хребтовъ, картографія и топографія которыхъ еще далеко не закончена

и даже номенклатура еще далеко не установлена. Самый наглядный и краткій топографическій обзоръ различныхъ горныхъ системъ Алтая даетъ Венюковъ въ шестой главѣ своей интересной книги объ окраинахъ Россіи. Изъ этого обзора видно, что хотя Алтай и достаточно явственно отдѣленъ отъ Саяна Сальюгемскими горами, образующими водораздѣлъ, равно какъ и отъ Малаго или Ектагъ-Алтая, который тянется почти весь въ Китайскихъ владѣніяхъ, къ юго-востоку отъ Куйтунскихъ горъ, — тѣмъ не менѣе обширная горная цѣпь, носящая общее названіе „Алтайской системы“ остается еще весьма сложной и многочленной. Горы, черезъ которыя мы проѣхали и которыя носятъ на картахъ по большей части названіе „Великаго или Большого Алтая“ и тянутся съ востока на юго-западъ отъ самаго Куйтуна, могутъ быть разсматриваемы какъ отдѣльный самостоятельный хребетъ, который Венюковъ называетъ дѣйствительно „великимъ Алтайскимъ хребтомъ“, описывая отдѣльно отъ прочихъ.

На сѣверъ отъ этого хребта, отдѣленнаго Бухтарминской долиной и Иртышемъ, въ направленіи съ востока на западъ или на сѣверо-западъ, тянутся различныя цѣпи, которыя Бунге перечисляетъ подъ названіями: Урсулъ, Короколъ, Теректы, Чарышъ, Коргонъ, Башалакъ, Талицъ, Сентелекъ, Тигерекъ, Ульба и Уба, и къ которымъ еще слѣдуетъ прибавить Холсунъ, Айюклакъ и Телецкія снѣговыя горы. Всѣ онѣ обыкновенно носятъ общее названіе „Алтая“, подъ которымъ Гумбольдтъ подразумѣваетъ и выше упомянутый Большой Алтай, предлагая одно общее названіе „настоящаго или Колыванскаго Алтая“; Котта же идетъ еще далѣе и готовъ причислить къ системѣ Алтая даже Саянскія горы, лежащія на западъ отъ Енисея. При такомъ различномъ пониманіи одного и того же общаго названія, необходимо сдѣлать въ послѣднемъ нѣсколько разграниченій. При этомъ было бы желательно, чтобы, по совѣту Гумбольдта, разъ на всегда оставили бы эпитеты „большой“ и „малый“ Алтай; первый во всякомъ случаѣ болѣе подходилъ бы къ хребту, идущему на сѣверъ отъ Бухтармы, и представляющему наиболѣе высокія вершины, (Бѣлуху и др.), чѣмъ горной системѣ, расположенной на югъ отъ Бухтармы. Эта же послѣдняя отличается тѣмъ, что всѣ рѣки берущія на ней начало, впадаютъ въ Иртышъ, тогда какъ рѣки, которыя текутъ съ хребта, идущаго на сѣверъ отъ Бухтармы— питаютъ главнымъ образомъ Обь. Поэтому, если бы было принято замѣнить названіе „Малаго Алтая“ „Ектагъ-Алтаемъ“, — чѣмъ были бы устранены разъ навсегда упомянутые сбивчивые

эпитеты,—то я осмѣлился бы предложить затѣмъ назвать „большой Алтай“ Иртышъ-Алтаемъ, а горные хребты, лежащіе на сѣверъ отъ Бухтармы—Обь-Алтаемъ.

Насколько скудны и недостаточны наши свѣденія объ Ектагъ— и Иртышъ-Алтаѣ, настолько хорошо извѣстенъ намъ Обь-Алтай. Къ его области относятся всѣ извѣстныя описанія путешествій по Алтаю, между коими описанія Карла Фридриха Ледебура и д-ра Александра Бунге (1826 г.), гг. Гельмерсена (1834), Геблера (1833 и 1835) и Чихачева (1842) до сихъ поръ могутъ считаться главнѣйшими источниками,—по крайней мѣрѣ въ естественно-научномъ отношеніи. Аткинсонъ (1849 г.), какъ смѣлый туристъ и живописецъ, заслуживаетъ также вниманія. Чрезвычайно богатыя по содержанію свѣдѣнія, собранныя Радловымъ, которыя, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не изданы вполнѣ, дадутъ несомнѣнно много интереснаго. Всѣ эти путешественники проникали въ самую высокую цѣпь горъ, въ область истоковъ Оби и отчасти Енисея, тогда какъ Палласъ (1771), Гумбольдтъ, Розе и Эренбергъ (1829) и Котта (1868), имѣвшіе въ виду главнымъ образомъ изслѣдованіе рудныхъ мѣстонахожденій, посѣщали только западные горнозаводскіе округа и слѣдовательно могли составить о настоящемъ Алтаѣ лишь приблизительное понятіе. Тѣмъ не менѣе мы обязаны вышеупомянутымъ ученымъ важными указаніями, особенно въ минералогическомъ и геогностическомъ отношеніи, и труды ихъ никогда не утратятъ своей цѣны. Если Котта беретъ на себя смѣлость описывать „геологическое строеніе Алтая“, то онъ могъ на это рѣшиться только основываясь на солидныхъ трудахъ Ледебура и въ особенности Гельмерсена, а его собственное описаніе горъ приложимо только къ западнымъ округамъ, Колыванскому, Змѣиногорскому и Зыряновскому.

Въ послѣднемъ округѣ намъ пришлось пробыть не болѣе 30-ти часовъ, но сравнительно мы видѣли довольно, хотя ненастная погода и дождь, скрывавшіе отъ насъ горы, и лишили возможности полюбоваться „прекраснымъ Швейцарскимъ ландшафтомъ“ какъ выражается о немъ Гумбольдтъ.

Пустынная долина, въ которой протекаютъ рѣки Малеинка и Березовка, впадающія въ Бухтарму, окаймлена голыми, лишенными растительности, горами, достигающими высоты 1500—2000 футовъ. Зыряновскъ (по Ледебуру на высотѣ 1475 пар. фут., а по Гельмерсену—1485 ф.) теперь довольно невзрачное горнозаводское мѣстечко, между деревянными постройками котораго наиболѣе видное мѣсто занимаютъ красивые дома горныхъ инженеровъ. Въ

немъ имѣется около 1800—2000 жителей, причемъ число это увеличивается зимою, когда бываетъ больше работы въ рудникахъ и обычный комплектъ рудокоповъ, въ 400 человѣкъ, возрастаетъ до 700—800. Между зимними рабочими бываютъ и бѣдняки-киргизы, (иногда человѣкъ до 500) рѣшающіеся съ наступленіемъ зимы покинуть родную степь и стада и искать убѣжища и пропитанія въ нѣдрахъ земли. Для рабочихъ здѣсь построены два большихъ зданія, гдѣ они живутъ съ своими женами. Странный видъ представляли сыны степей,—которыхъ глазъ привыкъ видѣть на быстромъ конѣ, или съ пастушескимъ посохомъ въ рукахъ,—выходящими на работу съ заступами и молотами. Русскіе рудокопы, въ числѣ 200 человѣкъ, не отличаются отъ своихъ киргизскихъ товарищей ни прилежаніемъ, ни бережливостью, хотя по здѣшнимъ условіямъ они и получаютъ очень хорошее содержаніе. При 8-ми часовой работѣ они заработываютъ до рубля въ день, но ихъ годовой заработокъ рѣдко превышаетъ 150 или 200 р., такъ какъ они рѣдко работаютъ болѣе 200 дней въ году. Причиной тому частые праздники и попойки, нерѣдко продолжающіяся дней по восьми и долѣе, причемъ женщины, живущія часто въ настоящей поліандріи, играютъ далеко не второстепенную роль. О правильной разработкѣ рудниковъ, какъ въ Германіи, не можетъ быть здѣсь поэтому и рѣчи, и горнымъ чиновникамъ—въ числѣ коихъ состоятъ оберъ-штейгеръ и пять штейгеровъ,—стоитъ немалаго труда заставлять людей работать. Мы осмотрѣли нѣсколько шахтъ и штольней, очень тщательно, повидимому, вымощенныхъ, а мои товарищи спустились даже въ самый рудникъ на 15 этажей или 70 саженъ, причемъ имѣли возможность убѣдиться въ интересномъ явленіи, что даже на глубинѣ 50 метровъ стѣны рудники были усѣяны великолѣпными кристаллами льда. Зимою здѣсь приходится работать еще при болѣе трудныхъ условіяхъ, и рудокопы сильно страдаютъ отъ холода, доходящаго иногда до 40° по Реомюру; много труда и времени отнимаетъ также очистка проводныхъ каналовъ. Насосы, выкачивающіе воду и другія машины приводятся въ дѣйствіе отчасти лошадьми, преимущественно же силою воды, такъ какъ недостатокъ въ топливѣ не позволяетъ пользоваться паровыми машинами. Довольно странно поэтому, зачѣмъ была сюда привезена паровая машина, громадный, заржавѣвшій паровикъ которой мы видѣли стоящимъ подъ открытымъ небомъ.

Громадное гидравлическое колесо приводило также въ движеніе золотопромывную машину, устроенную въ 1826 году. Въ ней

толчется золотоносный кварцъ, смѣшанный съ зеленымъ колчеданомъ и бѣлымъ свинцомъ, а затѣмъ очищается и промывается весьма примитивнымъ способомъ въ деревянныхъ корытахъ и воронкообразныхъ сосудахъ, причемъ остающіяся частицы желѣза удаляются помощію большихъ магнитовъ. Такимъ способомъ въ 1875 г. пятью искусными работниками было промыто $3^1/_2$ пуда золота, единственнаго драгоцѣннаго металла, очищаемаго въ самомъ Зыряновскѣ, хотя и онъ тутъ не переплавляется. Главное же богатство рудника состоитъ въ серебрѣ, находящемся въ кварцѣ, или же въ такъ называемой охряной рудѣ, т. е. смѣси желѣзной охры, сурика, гальмея, мѣдянки, малахита и мѣдной лазури; цѣлые кули этой руды мы видѣли при входахъ въ штольни и шахты. Основная горная порода, кварцевыхъ жилъ, заключающихъ въ себѣ, кромѣ упомянутой руды, еще свинцовый блескъ, мѣдный колчеданъ, желѣзный колчеданъ, и сѣрую руду была опредѣлена намъ горными инженерами, согласно съ Розе, какъ авгитовый порфиръ. Руды, дающія на пудъ 6 фунтовъ свинца, называются свинцовыми, а содержащія на пудъ 3 золотника серебра (т. е. около $1^0/_0$) серебряными, но и тѣ и другія плавятся не здѣсь, а главнымъ образомъ въ Барнаулѣ (отстоящемъ отсюда на 600 верстъ). Какъ мнѣ говорили, въ 1875 году было добыто всего 725,000 пудовъ руды, которая дала (кромѣ $3^1/_2$ пудовъ золота)—50 пудовъ серебра и, если не ошибаюсь, 15,000 пудовъ мѣди. Соотвѣтствуетъ ли такая добыча расходамъ по эксплуатаціи опредѣлить не рѣшаюсь. Гельмерсенъ (въ 1834 году) называетъ еще Зыряновскъ „самымъ богатымъ серебрянымъ рудникомъ Алтая и говоритъ, что онъ одинъ даетъ ежегодно 450 пудовъ серебра, что составляетъ почти половину всего количества, доставляемаго Алтаемъ. По словамъ же Котта (1868), горное производство находится тутъ въ прискорбномъ, почти безнадежномъ состояніи. Рудникъ этотъ былъ открытъ слесаремъ Зыряновымъ въ 1791 году, на мѣстѣ древней такъ называемой чудской копи.

Къ счастію погода начала проясняться, когда мы въ $3^1/_2$ ч. пополудни (15 іюня) выѣхали изъ Зыряновска и въ сопровожденіи любезнаго г-на Богданова, второго по чину горнаго офицера, направились къ Иртышу. Какъ и на пути къ Зыряновску, дорога шла между голыхъ холмовъ, на вершинахъ которыхъ кое гдѣ выступалъ гранитъ и которые открывали мѣстами далекіе виды на широкую сѣрую степь, съ разсѣянными по ней холмами и своеобразными утесами, напоминающими подъ-часъ своими очерта-

ніями древніе замки. Растительность становилась болѣе однообразною, и преобладающимъ элементомъ ея сдѣлались желтыя крестоцвѣтныя и разныя зонтичныя растенія. Поразило меня также все болѣе и болѣе частое появленіе травы джи, которая какъ бы стремилась вытѣснить другіе растительные виды. Не удивило меня послѣ этого появленіе здѣсь снова, столь характерной для степи, желтой овсянки (Emberiza luteola), пѣніе которой доносилось къ намъ и съ высоты утесовъ. Кромѣ нея тутъ встрѣчались еще Pratincola rubicola, перепела, дергачи, изрѣдка журавли и столь изящные въ своемъ полетѣ стрепета (Otis tetrax).

Часамъ къ $9^1/_2$ вечера достигли мы Верхней Пристани, т. е. верхней гавани Иртыша. Хотя на протяженіи 60 верстъ, мы не проѣхали ни одной деревни, все таки онѣ существуютъ здѣсь по сторонамъ дороги и намъ пригоняли два раза лошадей для перемѣны. Мѣстность представляется вообще пригодною для хлѣбопашества, которое довольно и распространено.

Верхняя пристань (по графу Вальдбургу, на высотѣ 400 метровъ) не можетъ называться деревней, и состоитъ всего изъ нѣсколькихъ домиковъ, предназначенныхъ для сторожей. На берегу Иртыша, который течетъ здѣсь среди луговъ и до самаго мѣста впаденія Бухтармы носитъ названіе „тихаго“, лежали огромныя кучи руды, которая привозится сюда изъ Зыряновска на телѣгахъ и затѣмъ нагружается на огромныя безобразныя суда—„карбасы“, для доставки въ Усть-Каменогорскъ. Этотъ способъ перевозки былъ введенъ генераломъ Фроловымъ только въ 1804 году, ранѣе же судоходство по Иртышу считалось невозможнымъ. Суда съ грузомъ до 2000 пуд., проходятъ разстояніе въ 120 — 150 верстъ, внизъ по теченію — въ 14—24 часа, а вверхъ отъ 3 до 5, иногда даже до 10 дней, такъ что за все лѣто успѣваютъ сдѣлать рейсовъ 9—10. Тамъ гдѣ крутые, скалистые берега не позволяютъ тянуть лошадьми, суда подвигаются противъ теченія помощью якорей завозимыхъ на лодкахъ. Впрочемъ, на высокой мачтѣ у нихъ имѣется также огромный четырехугольный парусъ и, кромѣ необыкновенно длиннаго руля, есть еще два весла, надъ которыми работаютъ человѣкъ 7 или 8 гребцовъ, по большей части киргизовъ. Имъ конечно стоило не особенно большого труда везти насъ на слѣдующій день 16 іюня внизъ по рѣкѣ въ такомъ карбасѣ, такъ какъ имъ хорошо извѣстны всѣ мѣста, гдѣ судну угрожаетъ опасность разбиться о прибрежныя скалы—и они тогда не зѣваютъ, потому что тутъ дѣло идетъ объ ихъ же собственной жизни. Съ такими опыт-

ными гребцами плаваніе было вполнѣ безопасно, а для насъ столь же пріятно, сколь и величественно. Пріятно потому, что мы опять имѣли удовольствіе быть въ обществѣ губернатора Полторацкаго, его любезной супруги и дочери—и многихъ другихъ лицъ, съ которыми мы познакомились на Алтайской поѣздкѣ (полковникъ Халдѣевъ, полицеймейстеръ и др.),—величественно же по отношенію къ окружавшему насъ ландшафту. Въ началѣ, впрочемъ, мѣстность не обѣщала ничего особеннаго. Рѣка течетъ между роскошныхъ луговъ, не оживленныхъ однако присутствіемъ стадъ и окаймленныхъ голыми утесами, кое-гдѣ только покрытыхъ на своихъ вершинахъ рѣдкими деревьями. Не прошло однако и получаса, какъ передъ нами открылся красивый и оригинальный ландшафтъ, составлявшій въ свою очередь какъ бы введеніе къ еще болѣе романтическому. За чащами ивъ и зелеными лугами, показался городокъ Усть-Бухтарминскъ, а за нимъ безпредѣльная пустынная степь, на заднемъ планѣ которой возвышалась изолированная, высокая голая гора свѣтло-бураго цвѣта. Это была такъ называемая Мохнатая-Сопка, колоссальная гранитная пирамида, влѣво отъ которой тянулись голыя, сѣроватыя горы, а вправо, все болѣе и болѣе удаляясь, мягко округленная, темно-фіолетовая горная цѣпь, черно-зеленыя тѣни которой и отдѣльныя, мѣстами зеленоватыя, мѣстами красноватыя вершины, выказывали чудные свѣтовые эффекты. Горы эти носятъ названіе Урмухайскихъ или Урумхайскихъ, отъ впадающей въ Бухтарму небольшой рѣчки Урумхайки.—Проѣхавъ еще съ полчаса, мы достигли устьевъ Большой и Малой Бухтармы, темно-желтыя воды которыхъ сливаются съ зеленоватыми водами Иртыша, придавая имъ буро-желтую окраску. Острова, лежащія передъ устьемъ Бухтармы, вскорѣ скрылись изъ вида и мы очутились между отвѣсныхъ береговъ скалъ, которыя тянутся на половинѣ пути отъ Бухтарминска до Усть-Каменогорска и принимая все болѣе и болѣе величественный характеръ, открываютъ съ каждымъ изгибомъ рѣки новые, величественные виды. Рѣка пролагаетъ здѣсь себѣ путь между отвѣсными утесами, достигающими отъ 100 до 600 и болѣе футовъ высоты, и изъ за которыхъ только мѣстами виднѣются болѣе высокія горы. Кое-гдѣ, на короткихъ разстояніяхъ, скалы уступали мѣсто зеленымъ долинамъ, иногда поросшимъ густымъ березнякомъ,—и ущельямъ, растительность которыхъ еще сильнѣе оттѣняла сосѣднія голыя скалы. Въ другихъ мѣстахъ русло рѣки съуживалось и казалось совершенно преграждалось утесами, пока съ новымъ поворотомъ опять не от-

крывался прекрасный видъ въ даль. Оригинальная и измѣнчивая окраска сѣрыхъ, бурыхъ, красноватыхъ скалъ, нерѣдко покрытыхъ еще желтыми лишаями, представляла не меньшее разнообразіе, чѣмъ странное расположеніе самихъ горныхъ пластовъ. Послѣдніе то состоятъ изъ темнаго глинистаго сланца, являющагося исключительной горной породой на правомъ берегу, то являются какъ бы облитыми свѣтлымъ гранитомъ, придававшемъ глинистому сланцу волнистый, мѣстами даже изогнутый и изрытый видъ. Фантастическія формы береговыхъ утесовъ достигаютъ своего высшаго развитія въ такъ называемомъ „Пѣтушьемъ Гребнѣ“ и „Семи-Братьяхъ“, о которые съ силою разбивается прибой волнъ. Я не знаю ни одной большой судоходной рѣки, которая бы, по дикости своихъ береговыхъ скалъ, могла сравниться съ этой частью Иртыша. Пожалуй, если меня не обманываетъ память, съ ней еще можно поставить въ параллель скалистую часть нижняго Дуная близъ Орсовы, но уже никоимъ образомъ не восхитительный ландшафтъ Рейна между Бингеномъ и Бонномъ, несмотря на Лорелеей, Роландеекъ и другіе романтическіе его пункты. Тѣмъ не менѣе, европейскій путешественникъ отдастъ всегда предпочтеніе Рейну, потому что, какъ замѣчаетъ совершенно вѣрно Котта, „плаваніе по Иртышу утомляетъ однообразіемъ, вслѣдствіе совершеннаго отсутствія на берегахъ его стариннаго и современнаго жилья, лѣсовъ и свѣжей растительности“; въ особенности же ему недостаетъ той поэзіи, которая придаетъ такую волшебную прелесть исторической рѣкѣ Германіи.

На встрѣчу намъ попалось только нѣсколько пустыхъ, шедшихъ противъ теченія, карбасовъ, которые возвращались за обычнымъ грузомъ руды. За все время 12-ти часоваго плаванія, мы замѣтили не болѣе полудюжины рыбачьихъ хижинъ, разбросанныхъ по ущельямъ. Иртышъ здѣсь весьма богатъ рыбою, преимущественно стерлядями и осетрами. Близъ одного такого рыбачьяго поселка, состоявшаго изъ нѣсколькихъ хижинъ, мы на короткое время останавливались. Кратковременное пребываніе это представило для насъ интересъ въ томъ отношеніи, что мы увидали новую для насъ породу ласточекъ съ рыжевато-красной поперечной полоской у основанія хвоста и черными нижними покровными хвостовыми перьями. Ласточки были вѣроятно заняты постройкой гнѣздъ и безпрестанно летали по направленію къ неприступнымъ скаламъ съ комочками мягкой глины во рту. Гнѣзда ихъ представляютъ, несомнѣнно, своеобразную

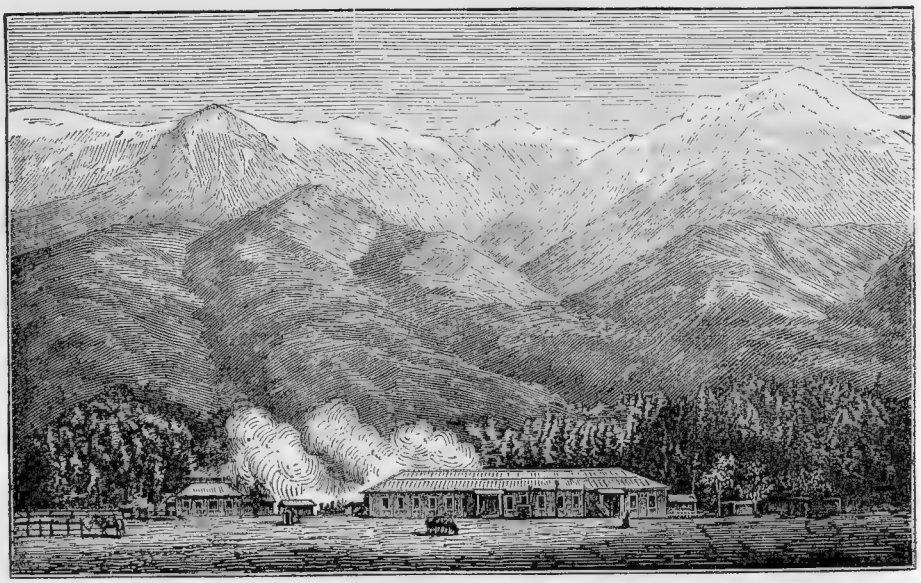
бутылковидную форму, описанную впервые Палласомъ, такъ какъ это была порода альпійскихъ ласточекъ (Hirundo alpestris), встрѣченная нами всего одинъ разъ. Кромѣ этого вида намъ встрѣчались еще галки, пустельги, обыкновенныя ласточки (Hirundo urbica), иногда въ большомъ числѣ и цѣлыми колоніями;—розовые скворцы—сотнями,—дикія утки и чирки—также во множествѣ; рѣже бакланы и орлы (Haliaetus albicilla), изъ коихъ одинъ сдѣлался жертвою нашей охотничьей страсти, къ сожалѣнію, какъ и слѣдовало ожидать, совершенно безполезно, потому что онъ упалъ въ воду.

Въ такомъ пріятномъ обществѣ, въ какомъ мы находились, путешествіе конечно не могло казаться скучнымъ. Мы любовались гигантскими утесами, прислушивались къ шуму прибоя, иногда весьма сильному и походившему на клокотаніе кипящей воды, (что зависитъ вѣроятно отчасти отъ тренія о дно галекъ),—декламаціи Брэма изъ Гётевскаго Фауста, и время летѣло незамѣтно. Постепенно горы становились ниже, принимали болѣе округленныя очертанія и наконецъ уступили мѣсто обширнымъ равнинамъ, а сами отошли совершенно на задній планъ, принявъ видъ темноголубыхъ пиковъ. Рѣка значительно расширилась, и на ней стали попадаться зеленые островки; лѣвый берегъ ея оживлялся аулами и стадами киргизовъ, а на правомъ—вскорѣ показалось нѣсколько деревянныхъ строеній, около которыхъ собралась толпа народа; — мы были у цѣли нашего путешествія. Это была Нижняя Пристань, мѣсто выгрузки руды, привозимой на карбасахъ; недалеко отъ нея находился Усть-Каменогорскъ, который, вслѣдствіе изгиба рѣки, казалось, былъ расположенъ на лѣвомъ берегу, и куда насъ скоро доставили въ элегантныхъ экипажахъ.

Благодаря любезности нашего свѣдущаго спутника, уже нѣсколько разъ упомянутаго полковника Павла Михайловича Халдѣева,—извѣстнаго своею храбростью казацкаго офицера и въ тоже время окружнаго начальника, мы пользовались въ его резиденціи всевозможными удобствами и могли ознакомиться со всѣми достопримѣчательностями города, какія только въ немъ имѣются.

Усть-Каменогорскъ, лежащій между 49 и 56 г. сѣв. широты, былъ во времена своего основанія (въ 1720 г.) пограничной крѣпостью, но теперь онъ уже давнымъ давно утратилъ это значеніе, и изъ оборонительнаго укрѣпленія противъ киргизовъ, превратился въ разсадникъ образованія среди нихъ. Каменныя

стѣны крѣпости заключающія въ себѣ и церковь, оказались полуразрушенными, но за то мы отъ души порадовались прекрасному устройству киргизской школы, основанной полковникомъ Халдѣевымъ. Извѣстное число учениковъ (теперь 20) получаютъ въ ней насчетъ казны—содержаніе и воспитаніе. Экзаменъ, произведенный русскимъ учителемъ въ нашемъ присутствіи, показалъ, что богатыя по здѣшнимъ условіямъ учебныя пособія (книги, глобусы, карты, доски, образцы мѣръ и вѣсовъ, даже модель корабля) принесли обильные плоды, что, конечно, весьма полезно для правительства, такъ какъ такимъ образомъ оно получаетъ хорошихъ переводчиковъ и другихъ, необходимыхъ для сношеній съ киргизами, чиновниковъ. Само собою разумѣется, что члены нѣмецкой экспедиціи были почтены особымъ привѣтствіемъ, осо-



Алтайская станица.

бенно же д-ръ Брэмъ, котораго „Жизнь Животныхъ“ была извѣстна даже и здѣсь. Ученики заинтересовали меня, помимо ихъ старательности, еще потому, что въ лицѣ ихъ мы прощались съ добрыми киргизами. Эти двадцать мальчиковъ представляли превосходные образчики разныхъ типовъ своего народа, и едва ли двое изъ нихъ походили другъ на друга.

Въ настоящее время Усть-Каменогорскъ представляетъ собою, хотя и неправильно расположенный, но привѣтливо выглядывающій торговый городокъ, съ базаромъ, многими красивыми деревянными постройками, мечетью и т. д.; въ немъ насчитывается 2350 жителей, треть которыхъ—Русскіе. Когда Гмелинъ былъ

тутъ въ 1734 году, онъ нашелъ только полторы сотни казаковъ и одного поручика, а Мейеръ въ 1826 встрѣтилъ уже 1738 человѣкъ жителей.

Съ искреннею благодарностью простились мы съ любезнымъ семействомъ Полторацкихъ и съ полковникомъ Халдѣевымъ, которымъ, кромѣ самаго радушнаго гостепріимства, мы были обязаны еще столь интересной для насъ поѣздкой, и около 5-ти часовъ пополудни (17 іюня) поѣхали далѣе въ Змѣиногорскъ. 172 версты разстоянія взяли у насъ 27 часовъ времени, по виною тому была наша ночевка въ красивой деревнѣ Секизовской, продолжавшаяся цѣлыхъ $7^1/_2$ ч., и неоднократныя остановки для починки ломавшихся осей. Мѣстность вообще холмиста, роскошные луга смѣняются плодородными пашнями, но лѣсовъ нѣтъ вовсе, несмотря на то, что еще Палласъ доказывалъ необходимость ихъ сохраненія. За то мѣстность поражаетъ богатствомъ кустарной растительности, въ особенности чащами Lonicera, достигающей здѣсь высоты человѣческаго роста. Намъ пришлось переправляться черезъ цѣлый рядъ маленькихъ рѣчекъ, притоковъ Ульбы и Убы, которыя мы также пересѣкли, именно Ульбу за Усть-Каменогорскомъ, по понтонному мосту, а Убу на паромѣ деревни Шаманайки, или Шеманаевской, лежащей, по словамъ Ледебура, на высотѣ 1016 ф. Рѣка (370 метр. высоты по графу Вальдбургу) здѣсь очень красива, но въ половодье имѣетъ гораздо большую ширину и быстроту теченія. Мейеръ говоритъ, что для переправы чрезъ нее ему потребовалось 2 часа времени; наоборотъ, позднимъ лѣтомъ ее можно, какъ говорятъ, переѣзжать въ экипажѣ. Семь деревень, лежащія на пути, выглядятъ весьма привѣтливо и свидѣтельствуютъ о благосостояніи населенія. Онѣ были основаны лѣтъ сто слишкомъ тому назадъ, по приказанію императрицы Екатерины II, и заселены большей частью ссыльными. Между послѣдними оказались однако весьма пригодные элементы, какъ напр. ссыльные поляки, основавшіе Екатериновскую и трудолюбивые, трезвые старовѣры (раскольники), до сихъ поръ живущіе еще въ этихъ деревняхъ. Мы имѣли возможность вволю насмотрѣться на этотъ народъ, потому что вездѣ, гдѣ мы проѣзжали, на встрѣчу намъ сбѣгались цѣлыя деревни. Несмотря на непроходимую грязь, у станцій всегда толпилась масса народа и не только окна сосѣднихъ домовъ, но и ближайшіе заборы, даже нарочно принесенныя лѣстницы были сплошь заняты женщинами и дѣвушками.

Короче сказать, насъ вездѣ ожидало болѣе двухъ сотъ любо-

пытныхъ зѣвакъ, которые иногда положительно надоѣдали. Мало того, что во всѣхъ окнахъ комнаты торчали лица и смотрѣли, какъ мы одѣвались или ѣли, но нѣкоторые любопытные являлись даже въ комнату и куда бы мы ни пошли, всюду преслѣдовали насъ. Даже дождь не въ состояніи былъ разогнать толпу и нерѣдко они ждали цѣлый часъ и болѣе, чтобы видѣть какъ мы сядемъ въ тарантасы, причемъ каждый предлагалъ намъ свои услуги. Эти знаки вниманія удивили насъ, такъ какъ трудно было предположить, чтобы они вызывались однимъ любопытствомъ:— не были же мы первыми иностранцами, посѣтившими эту мѣстность.

Какъ мы узнали впослѣдствіи, молва опередила насъ и набросила мистическій покровъ на наши личности, чѣмъ и объяснилось особенное вниманіе къ намъ публики, хотя конечно пріѣздъ иностранцевъ въ эту мѣстность и самъ по себѣ составляетъ уже нѣкоторое событіе. Еще въ Лепсѣ казаки разсказывали, что мы путешествуемъ „въ маскахъ“. Здѣсь же распространился слухъ, что графъ Вальдбургъ, отличавшійся отъ другихъ своей военною фуражкой, есть братъ его Величества, который, будучи лишенъ престолонаслѣдія и посланъ въ Сибирь, можетъ только инкогнито объѣзжать свои владѣнія; а мы съ докторомъ Брэмомъ—его высокопоставленные приближенные.

Остались ли люди довольны лицезрѣніемъ мнимо высоко-поставленныхъ особъ, съ ногъ до головы покрытыхъ грязью и далеко не отличавшихся блестящею внѣшностію? Я сомнѣваюсь въ этомъ! Для насъ лично эта пелѣпая мистификація была весьма кстати, потому что дала возможность увидать болѣе народа и притомъ въ самыхъ парадныхъ костюмахъ, которые у женскаго пола были еще живописнѣе описанныхъ мною ранѣе. Дѣвушки, между которыми было много красивыхъ, свѣжихъ личиковъ, носятъ обыкновенно прекрасныя длинныя косы, а вокругъ головы разноцвѣтныя круглыя повязки; женщины же покрываютъ голову плоскими повойниками, по большей части изъ розоваго шелка, сверхъ которыхъ повязывается на манеръ тюрбана цвѣтной платокъ. Поверхъ красной рубашки, отъ которой видны только одни рукава, и такого же, во всякомъ случаѣ, яркаго цвѣтного сарафана, надѣвается обыкновенно темносиній передникъ длиною ниже колѣнъ и закрывающій, какъ мантилья, плечи и спину. Вокругъ шеи носятъ крупныя бусы, а въ ушахъ своеобразное, чрезвычайно красивое украшеніе въ видѣ маленькой розетки изъ

бѣлаго лебединаго или гусинаго пуха, изумительно похожее на свѣжій цвѣтокъ.

Избы здѣсь также отличались чистотою, а высокія кровати съ пологомъ—могли даже назваться роскошью. Женскій нарядъ отличается также богатымъ своеобразнымъ шитьемъ, рисунокъ котораго часто очень изященъ и украшаетъ даже коймы полотенецъ.

Между Шеманайкой и Екатериновской лежитъ возвышенность, съ которой открывается далекій видъ на равнину, гдѣ въ числѣ другихъ изолированныхъ горъ особенно выдается одна по своей необыкновенной пирамидальной формѣ; это вѣроятно — вторая Мохнатая Сопка, высотою около 1770 футовъ. Далеко на горизонтѣ тянется рядъ вершинъ,—отроги Тигерецкихъ горъ. Упомянутая возвышенность (по Ледебуру высотою въ 1675 пар. футовъ) составляетъ водораздѣлъ между Иртышемъ и Обью; нѣсколько часовъ спустя мы достигли перваго притока этой послѣдней рѣки—Алея, по ту сторону котораго, на правомъ берегу, расположена красивая деревня Екатериновская. Ее окружаютъ красивыя группы тополей и ивъ, но я тщетно искалъ длиннохвостаго снигиря (Uragus sibirica), котораго встрѣчалъ здѣсь Палласъ въ 1771 году; въ концѣ концевъ пришлось удовольствоваться бѣлокрылой сорокой.

Какъ всегда бываетъ съ послѣдней станціей, переѣздъ къ ней (29 верстъ) показался намъ до крайности скученъ. Но нужно было умѣрить нетерпѣніе и перебраться черезъ нѣсколько возвышенностей, пока наконецъ къ нашей радости мы не увидали, въ четырехъ верстахъ отъ насъ, Змѣиногорскъ. Городъ или правильнѣе сказать длинный рядъ домовъ, тянущійся на слегка покатой равнинѣ, производитъ очень пріятное впечатлѣніе, которое усиливается еще болѣе живописными, хотя и голыми горами, между которыми особенно выдается Караульная Сопка, (2006 футовъ) лежащая вправо отъ мѣстечка Пригонной Сопки. Передъ городомъ растилается синее озеро, „Горный прудъ“, образуемый разливомъ двухъ рѣчекъ—Змѣевки и Платинки, и впадающій въ Корбалиху. Близь этого пруда возвышается другая небольшая гора (200 ф. вышиною); это знаменитая Змѣевская гора, уже сто лѣтъ какъ разрабатываемая для полученія изъ нея руды. Влѣво отъ нея виднѣется какъ бы отдѣльно лежащая часть города, съ большими постройками и трубами: это горные заводы.

При въѣздѣ въ городъ насъ встрѣтилъ казакъ и сопровождалъ до большого, краснваго, деревяннаго дома, того самого, гдѣ

въ 1829 г. (отъ 8—10 августа) останавливался Гумбольдтъ съ своими спутниками и гдѣ теперь насъ ожидалъ отличный обѣдъ. И здѣсь мы были встрѣчены съ обычнымъ алтайскимъ гостепріимствомъ, за которое должны благодарить начальника завода Валентина Дмитріевича Иванова. На слѣдующій день въ его домѣ собрался цвѣтъ Змѣиногорскаго общества, состоящій изъ главныхъ должностныхъ лицъ съ ихъ супругами, между которыми оказались нѣкоторыя, говорящія по нѣмецки. Любезная хозяйка дома не преминула, несмотря на всѣ отговорки, снабдить насъ запасами на дорогу.

Существуетъ уже столько подробныхъ описаній Змѣиногорска, его рудныхъ мѣсторожденій и заводовъ, что я могу смѣло удержаться отъ повторенія уже извѣстнаго. Городъ (лежащій между 5° 9′ 27″ сѣв. широты, на высотѣ 1330 ф. по Вальдбургу; 1362 ф. по Гельмерсену; 1201 р. по Ледебуру, и 1240′ по Гумбольдту) имѣетъ около 900 домовъ, по большей части деревянныхъ, 2 каменныя церкви и около 6000 жителей, большая часть которыхъ работаетъ на плавильныхъ заводахъ. По случаю передѣлки печей, на заводахъ не было работы, но это не помѣшало намъ осмотрѣть ихъ и научиться многому подъ руководствомъ проводниковъ—спеціалистовъ. Нѣкогда эти заводы были самые богатые и обширные во всемъ Алтаѣ, но уже лѣтъ десять какъ они утратили свою славу, частью потому, что ихъ шахты, имѣющія 650 фут. глубины, стоятъ на половину въ водѣ, главнымъ же образомъ оттого, что богатыя металлоносныя жилы истощились, а открыть новыя еще не удалось, хотя, по увѣреніямъ Котты, это дѣло возможное, только потребуетъ огромныхъ издержекъ безъ ручательства за успѣхъ предпріятія. Такимъ образомъ въ настоящее время дѣятельность Змѣиногорскихъ заводовъ ограничивается переплавкою рудъ, доставляемыхъ изъ Зыряновска, Риддерскаго завода и другихъ мѣстъ. Мнѣ эта работа показалась похожею на работу калифорнскихъ китайцевъ, которые промываютъ оставшіяся отъ старинныхъ промывокъ кучи золотоноснаго песку и довольствуются находимыми еще скудными крохами. Здѣсь также переплавляютъ огромные запасы старыхъ желѣзныхъ шлаковъ и радуются если при переплавкѣ получается одинъ или два золотника серебра на пудъ. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ руды дававшія четыре золотника на пудъ считались нестоющими плавки, а во времена Палласа (1771 г.) не довольствовались даже и 20-ю золотниками, потому что хорошая руда давала до 76 золотниковъ на пудъ. Гмелинъ, посѣтившій

Сибирь еще до открытія рудниковъ, послѣдовавшаго въ 1742 г., на мѣстѣ прежнихъ чудскихъ копей, но который все таки упоминаетъ о нихъ въ своемъ сочиненіи, появившемся въ 1751 г., составилъ себѣ слишкомъ преувеличенное понятіе о здѣшнихъ рудныхъ мѣсторожденіяхъ. По его выраженію — они „переполнены самороднымъ золотомъ“ и имѣютъ еще то преимущество, что находятся на незначительной глубинѣ и „не требуютъ дорогихъ машинъ для отвода лишней воды.“ Со времени открытія и передачи рудниковъ казнѣ, съ 1745 по 1763 годъ, они доставили 9000 пуд. серебра и 318 п. золота, всего до 1825 года 41,092 п. золотоноснаго серебра. Еще въ 1826 году Змѣиногорскіе рудники дали 204 пуда серебра, на слѣдующій же годъ добыча упала до 80 пудовъ. Ледебуръ и Розе уже упоминаютъ о незавидномъ ихъ состояніи.

Если поэтому городъ и не имѣетъ права болѣе славиться своимъ руднымъ богатствомъ, то во всякомъ случаѣ можетъ по справедливости оставить за собою названіе Змѣиногорска. Съ истощеніемъ руды многочисленныя змѣи, давшія ему имя не покинули его, въ чемъ мы могли убѣдиться лично. Послѣ двухчасовыхъ поисковъ горнозаводскіе рабочіе принесли намъ болѣе дюжины живыхъ змѣй, ущемленныхъ между расщепленными сучьями и пойманныхъ по большей части при помощи мѣховыхъ шапокъ. Всѣ онѣ оказались ядовитыми, преимущественно изъ вида гадюкъ (Vipera berus), распространеннаго на всемъ пространствѣ отъ Атлантическаго до Тихаго океана, но было и нѣсколько экземпляровъ Trigonocephalus (Halys) intermedius, извѣстнаго только изъ Забайкалья.

Зная, что недалеко отъ Змѣиногорска находится извѣстная Колыванская гранильная фабрика, мы не хотѣли упустить случая осмотрѣть ее, несмотря на то, что для этого пришлось сдѣлать небольшой крюкъ въ 50 верстъ, и въ $4^1/_2$ часа пополудни покинули гостепріимный Змѣиногорскъ. Поѣздку къ Колыванскому озеру, куда подъ предводительствомъ г. Иванова собралось было съ нами цѣлое общество мущинъ и дамъ, къ сожалѣнію испортилъ дождь; за ночь собралась гроза и дождь лилъ ливнемъ. Дорога, и безъ того испорченная обозами съ рудой, отъ дождя стала еще хуже, и лошадямъ приходилось много промучиться, прежде чѣмъ достигнуть вершины гранитной горы, съ которой открылся прекрасный видъ на равнину и синее озеро, окаймленное причудливыми утесами. Мы не поѣхали ближайшей дорогой чрезъ высокій Гледень (1,900 футовъ) отчасти потому, что она очень

затруднительна для экипажей, отчасти оттого, что она лишила бы насъ возможности хоть мимоѣздомъ взглянуть на озеро.

Отъ первой станціи Завушки, лежащей на высотѣ 1197 фут., дорога идетъ подъ гору, къ озеру, по сѣверо-западному низкому берегу, которымъ мы нѣкоторое время ѣхали. Озеро само по себѣ незначительно, но представляетъ интересъ по окружающимъ его утесамъ. На востокѣ и сѣверо-востокѣ его выступаютъ оригинальныя гранитныя образованіи, обращающія на себя вниманіе начиная отъ Завушки и доходящія до самаго берега. Это горизонтальныя, плитообразныя отложенія, представляющія чрезвычайно причудливыя формы алтарей, отдѣльно стоящихъ кафедръ, старинныхъ башенъ, наклоненныхъ колоннъ, болѣе или менѣе связанныхъ между собою развалинъ и стѣнъ, мѣстами живописно заросшихъ деревьями и кустарниками, преимущественно молодыми березами. Высокія пирамидальныя горы и пики на заднемъ планѣ усиливаютъ впечатлѣніе; тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется что Репованцъ сильно преувеличиваетъ, называя это озеро „самымъ красивымъ во всей Европѣ и Азіи“. Вся эта мѣстность напомнила мнѣ одно мѣсто въ Исполинскихъ горахъ, (Riesengebirge), именно между Штопсдорфомъ и Эрдманнсдорфомъ; она также какъ и та необыкновенно привлекательна и эффектна, но ни въ какомъ случаѣ не величественна. Озеро имѣетъ всего нѣсколько верстъ въ окружности, но вода его чиста и прозрачна; по словамъ Палласа въ немъ водятся лини, окуни и щуки, а на днѣ растетъ странная трава, Trapa natans. Плоды ея, поспѣвающіе въ августѣ, вылавливаются для употребленія въ пищу и продаются подъ названіемъ „рагулекъ“ (Мейеръ говоритъ, что на копѣйку ихъ даютъ 70 штукъ).

Единственными представителями животнаго царства здѣсь оказались злые комары (Culex pipiens), эта настоящая язва Алтая, дозволяющая лѣтомъ пребываніе на открытомъ воздухѣ только въ волосяныхъ сѣткахъ,—и стаи розовыхъ скворцовъ. Переправляясь черезъ рѣчку Локтевку близь деревни Ручьевой, мы увидали мальчиковъ удящихъ рыбу. Уловъ ихъ состоялъ изъ маленькихъ пескарей и особаго вида гольцевъ, о которыхъ упоминаетъ уже Палласъ, называя его „Cyprinus rivularis“.

Часамъ къ 10 вечера, когда уже совершенно смерклось, пріѣхали мы въ Колывань и остановились въ домѣ директора гранильной фабрики, полковника Ивана Александровича Злобина. Здѣсь мы были приняты его любезною супругою и дочерью съ

тѣмъ же радушіемъ, о которомъ съ благодарностью вспоминаетъ Котта.

Колывань, въ отличіе отъ одноименнаго ему уѣзднаго города, (находящагося верстахъ въ 200 на сѣверо-западъ отъ Барнаула), называемый также Колыванскимъ заводомъ или Колыванской фабрикой, лежитъ на высотѣ 1209 футовъ надъ уровнемъ моря и представляетъ очень красивое и привѣтливо выглядывающее горное мѣстечко, съ населеніемъ въ 1000 или 1500 человѣкъ, частью работающихъ на гранильной фабрикѣ, или въ каменоломняхъ, частью же занимающихся хлѣбопашествомъ и пчеловодствомъ. Подобно тому какъ въ Лепсѣ, здѣсь у каждаго мало-мальски зажиточнаго жителя есть свой пчельникъ. Алтайскій медъ недаромъ славится по своему тонкому аромату; цѣна ему, смотря по достоинству, мѣняется отъ $4^1/_2$ до $5^1/_2$ р. за пудъ; онъ составляетъ весьма значительный предметъ торговли. Полковникъ Аршеневскій, выписавъ въ 1793 году первые улья, положилъ основаніе здѣшнему пчеловодству, доставляющему порядочный доходъ населенію. Впрочемъ, по словамъ Радлова, въ восточномъ Алтаѣ на Телецкомъ озерѣ пчелы водятся съ незапамятныхъ временъ въ дикомъ состояніи. Какъ значителенъ бываетъ сборъ меду на Алтаѣ можно видѣть изъ показаній Мейера, который говоритъ, что нѣкоторыя деревни ежегодно собираютъ его по 3000 пудовъ и болѣе. Медвѣди причиняютъ иногда большіе убытки пчеловодамъ опрокидывая улья и смѣшивая лапами въ одну массу ихъ содержимое, причемъ они избѣгаютъ ужаленія пчелъ и съѣдаютъ ихъ вмѣстѣ съ медомъ и воскомъ. Чтобы сохранить улья отъ нападенія этихъ непрошенныхъ лакомокъ, на нихъ нерѣдко вѣшаютъ старое платье или ставятъ чучелы.

Начало горнаго дѣла въ Колывани относится къ началу XVIII вѣка, когда Акинфій Никитичъ Демидовъ, сынъ извѣстнаго кузнеца и основателя горныхъ заводовъ на Уралѣ—Никиты Демидова, (родоначальника фамиліи князей Демидовыхъ) дошелъ, въ своихъ розыскахъ драгоцѣнныхъ металловъ, до Алтая, куда привлекли его образчики, доставленные съ древнихъ Чудскихъ копей. Въ 1727 году были здѣсь заложены первые рудники и основанъ первый плавильный заводъ; немного спустя былъ открытъ Воскресенскій мѣдный рудникъ, а въ 1747 году, въ царствованіе императрицы Елизаветы, всѣ алтайскіе рудники поступили въ казну, подъ общимъ названіемъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ. Собственно Колывань, впрочемъ, оказался мало-добычливою по отношенію къ рудамъ и уже въ 1732 г. рудники его были заброшены, а въ

1766 году, за недостаткомъ топлива, прекратились работы и на плавильномъ заводѣ. Но различныя развѣдочныя экспедиціи, въ особенности же успѣшные поиски Шаньгина, въ 1786 г., повели къ открытію годныхъ для шлифовки горныхъ породъ, что и вызвало основаніе большой гранильной фабрики (въ 1799 г.). Мы осмотрѣли её утромъ 20-го іюня, подъ любезнымъ руководствомъ г. директора Злобина. Массивное зданіе фабрики устроено гораздо лучше чѣмъ въ Екатеринбургѣ; но машины, также какъ и тамъ, приводятся въ дѣйствіе силою воды, именно чрезъ посредство красивой горной рѣчки—Бѣлой, на которой повыше фабрики устроена плотина, такъ что рѣчка образуетъ тутъ запасный прудъ. Шлифовальные жернова, установленные вертикально, (при меньшихъ ручныхъ машинахъ горизонтально)—смачиваются, какъ и всюду, наждакомъ, но политура на оловянныхъ листахъ наводится трепеломъ. Это заведеніе, существующее на счетъ Императорскаго Кабинета, въ настоящее время даетъ занятіе 50 человѣкамъ рабочихъ, посмѣнно работающихъ днемъ и ночью и получающихъ отъ 6 до 10 р. (мастера по 11 р.) въ мѣсяцъ. При насъ они трудились надъ одной изъ тѣхъ колоссальныхъ вазъ, требующихъ по нѣскольку лѣтъ работы, превосходные образцы которыхъ можно видѣть въ Императорскомъ эрмитажѣ въ Петербургѣ. Къ самымъ крупнымъ изъ этихъ художественныхъ произведеній слѣдуетъ отнести чашу, имѣющую 16 футовъ въ длину и 9 въ ширину и вазу 9 ф. 4 дюймовъ вышиною и 4 ф. 7 д. въ діаметрѣ. Эта послѣдняя, выточенная изъ цѣлой глыбы зеленой яшмы, была окончена въ 1819 году. Перевозка глыбы, вѣсившей слишкомъ 700 пудовъ, изъ каменоломни на фабрику (35 верстъ разстоянія), потребовала 8 дней времени и усилій 400 человѣкъ рабочихъ; обдѣлка глыбы взяла слишкомъ три года. Несмотря на низкую заработную плату, подобное произведеніе искусства обходится на мѣстѣ слишкомъ въ 20,000 р., а въ настоящее время, когда и въ Сибири все вздорожало, вѣроятно еще дороже. Оконченныя вещи отправляются зимою на особенно устроенныхъ саняхъ до Екатеринбурга, а оттуда по желѣзной дорогѣ и на пароходѣ въ Петербургъ. Фабрика зависитъ непосредственно отъ Императорскаго Кабинета въ С. Петербургѣ, которому посылаются всѣ проэкты вещей; рѣшеніе иногда заставляетъ такъ долго себя ждать, что рабочіе остаются безъ всякаго дѣла. Тогда, если ихъ не отвлекаетъ хлѣбопашество или пчеловодство, они работаютъ разныя небольшія вещицы для себя и продаютъ рѣдкимъ проѣзжимъ путешественни-

камъ. Мы также купили на память нѣсколько чашъ изъ мрамора, авантюрина и т. д. Цѣны были вообще дешевыя: большая печать изъ желтаго кварца, напримѣръ, стоила 1—2 рубля. Въ числѣ 100 шлифовальщиковъ есть два—три, которые занимаются рѣзьбою на камнѣ, т. е. вырѣзываютъ буквы и гербы, подобнымъ же образомъ и при помощи такихъ же приборовъ какъ и знаменитые Вармбруннскіе рѣщики въ Силезіи, съ тою только разницей, что они далеко уступаютъ послѣднимъ. Вообще Колыванскимъ мастерамъ недостаетъ вкуса и въ нихъ, какъ и во всемъ простомъ классѣ Русскаго народа, еще слишкомъ мало развито стремленіе къ совершенствованію. А между тѣмъ здѣсь нельзя жаловаться на отсутствіе средствъ къ образованію, такъ какъ имѣется хорошая модельная и рисовальная школа, которою завѣдуетъ г-нъ Ивачевъ, молодой талантливый художникъ. Онъ, однако, не можетъ особенно радоваться на своихъ учениковъ, потому что они, по чисто русскому обычаю, посѣщаютъ школу когда имъ вздумается, и во время нашего пріѣзда, только трое изъ нихъ поняли всю пользу этого учрежденія и подчинились школьнымъ требованіямъ. Полковникъ Злобинъ также художникъ (живописецъ); онъ и г-нъ Ивачевъ украсили своей работой недавно выстроенную въ красивомъ стилѣ каменную церковь (постройка которой стала около 20,000 р.). Особенно понравилась мнѣ Тайная Вечеря, напоминающая своей композиціей извѣстную картину Леонардо-да-Винчи,—уже однимъ тѣмъ, что она исполнена не въ стереотипномъ церковномъ стилѣ (съ вѣнчикомъ и въ серебряной ризѣ), а представляетъ дѣйствительно художественное произведеніе въ европейскомъ вкусѣ. Прежняя деревянная церковь, которую Палласъ сто лѣтъ назадъ называлъ „красивой“, теперь совсѣмъ почти развалилась, наглядно показывая всю недолговѣчность деревянныхъ построекъ, даже большихъ размѣровъ.

Каменныя породы, шлифуемыя въ Колывани, отличаются особенною красотою и способностью къ полировкѣ, каковы: великолѣпный фельзитовый порфиръ, порфировая брекчія, кварцовый кофейный порфиръ, доставляемый изъ Киргопа, верстахъ въ 150 отъ Колывани, Бѣлорѣцкіе кварцы и мраморъ, Колыванскій гранитъ, зеленая яшма изъ Ревиновой (въ 35 вер.), Салаирская яшма, діабазъ-порфиръ или серпентинъ изъ Чарыша (въ 150 вер.), и друг. Само собою разумѣется, что я не преминулъ захватить образцы всѣхъ этихъ породъ, такъ какъ при спѣшности поѣздки, собирать коллекціи самимъ, для насъ было почти

невѣроятно. Впрочемъ, намъ удалось увидать здѣсь новаго для насъ живого звѣря,—„дикую козу“ какъ ее называютъ Русскіе, на языкѣ которыхъ не существуетъ другого слова для обозначенія козули. Сибирская козуля, какъ и маралъ, отличается отъ своего европейскаго родича гораздо большимъ ростомъ. Годовалая ручная козуля,—единственный экземпляръ встрѣченный нами за все путешествіе, — была больше ростомъ, чѣмъ у насъ самый крупный козелъ. Полковникъ Злобинъ показалъ намъ также рогъ козули, весьма интересный по тому, какъ онъ былъ найденъ. Отломанный отъ основной части, онъ былъ глубоко втиснутъ въ прорѣзанный стволъ дерева, между тѣмъ какъ начальная часть рога, порядочно вывѣтрившаяся, оказалась валяющеюся на землѣ у корня дерева. Подобная проба силы не покажется удивительной, если принять во вниманіе, какой величины достигаютъ рога сибирской козули. На мѣстѣ впрочемъ ихъ очень трудно получить, такъ какъ охотники обыкновенно бросаютъ ихъ, какъ вещь никуда негодную. Въ Барнаулѣ графъ Вальдбургъ пріобрѣлъ рогъ, который имѣлъ 13 дюймовъ 8 линій вышины, 12 дюймовъ длины, и вѣсилъ $7^{6}/_{10}$ фунта. По мнѣнію Вальдбурга, подобные большіе рога, встрѣчающіеся иногда и въ нашихъ музеяхъ, происходятъ не отъ европейскаго вида,—а изъ Сибири.

Около половины пятаго пополудни намъ пришлось разстаться съ любезнымъ семействомъ Злобина. Гостепріимный домъ его представлялъ для Европейца еще ту привлекательность, что около него былъ разведенъ отличный садъ, явленіе въ Сибири весьма рѣдкое. До станціи Ручьевой (25 верстъ) мы ѣхали по той же дорогѣ, какъ и наканунѣ, но хорошая погода показала намъ мѣстность въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ. Мѣстоположеніе Колывани дѣйствительно красиво, благодаря окружающимъ ее гранитнымъ горамъ, отчасти покрытымъ лѣсомъ; горы эти представляютъ отроги Тигерецкаго хребта, изъ вершинъ котораго особенно выдается Синяя сопка въ 6 верстахъ отъ Колывани; она имѣетъ, говорятъ, около 5000 футовъ высоты, но на насъ, прибывшихъ изъ области высокихъ горъ, она не произвела особеннаго впечатлѣнія. За то всѣ путешественники, приближающіеся къ Алтаю съ сѣверо-запада, со стороны Барнаула, съ восторгомъ упоминаютъ о ней, какъ о первомъ предвѣстникѣ Алтая. Розе говоритъ даже, что онъ увидалъ ее со станціи Платовской, т. е. на разстояніи болѣе 100 верстъ, благодаря „возвышенію ея вслѣдствіе преломленія свѣтовыхъ лучей“, а Мейеръ и Бунге утверждаютъ, что она становится видна только отъ

минералогическій. Много интереснаго представлялъ также залъ моделей, ежегодно пополняемый экзаменаціонными работами учениковъ горнаго училища. Между прочимъ тутъ находится модель паровой машины, сдѣланная въ 1764 году сибирякомъ, шихтмейстеромъ Ползуновымъ; она оказалась не совсѣмъ годною потому, что была сдѣлана изъ дерева, кожи, пробки и бересты. Кромѣ того тутъ можно видѣть модели Змѣиногорскихъ, Салаирскихъ и другихъ рудниковъ и заводовъ. Весьма замѣчательны также этнографическія и доисторическія коллекціи, какъ то: одежды, утварь и т. д. изъ Камчатки и земли Чукчей, и разные предметы изъ камня, мѣди и серебра, найденные въ такъ называемыхъ Чудскихъ могилахъ. Въ числѣ ихъ есть довольно большіе камни съ рельефными изображеніями человѣческихъ фигуръ (Ледебуръ упоминаетъ даже объ одномъ сфинксѣ), каменные топоры, по формѣ совершенно схожіе съ топорами изъ сѣверной Америки, и особенно замѣчательный, чеканной работы, серебряный кубокъ съ обронными и вырѣзанными листьями, найденный въ 1858 году близъ Гурьевска. Золотыхъ древностей не имѣется вовсе, хотя Розе и Котта и утверждаютъ, что видѣли ихъ.

Кромѣ музея у меня не было времени осмотрѣть обстоятельно ничего болѣе, но товарищи мои посѣтили знаменитые плавильные заводы, на которыхъ тогда почему-то не работали и которые были уже описаны не разъ самымъ подробнымъ образомъ. Мы осмотрѣли впрочемъ своеобразную для Сибири фабрику, на которой выдѣлываютъ и красятъ по особому способу, найденному статскимъ совѣтникомъ Гуляевымъ, мерлушки и бараньи овчины. Ихъ носятъ мѣхомъ вверхъ, а крашеныя онѣ имѣютъ большое сходство съ чернымъ сукномъ; онѣ легки, непромокаемы, носятся очень долго и потому очень удобны для охотниковъ; д-ръ Брэмъ и графъ Вальдбургъ посѣтили также содовую фабрику Матвѣя Пранга, гдѣ изъ натуральной глауберовой соли Мармышенскаго озера ежегодно вырабатывается около 18,000 пуд. ѣдкой соды и 30,000 пудовъ углекислой.

Еще одинъ заводъ былъ осмотрѣнъ мною и графомъ Вальдбургомъ, именно дроболитейный, принадлежащій г. Функу и единственный во всей Сибири, гдѣ, замѣчу мимоходомъ, нѣтъ еще ни одного порохового завода. Упомянутый владѣлецъ фабрики очень остроумно замѣнилъ башню старой штольней, такъ что все устройство завода обошлось ему не дороже 600 рублей. Но, что еще важнѣе, г-нъ Функъ, единственно съ помощію книгъ, такъ хорошо изучилъ это дѣло, что его издѣлія, которыми онъ щедро

снабдилъ насъ, могутъ стать на ряду со всякими другими. Онъ снабжаетъ дробью всю Сибирь, что однако не мѣшаетъ изготовленію и продажѣ повсюду бобовидныхъ кусочковъ желѣза; такихъ кусочковъ, курьеза ради, не преминулъ пріобрѣсти и я, на память о Тюменскомъ базарѣ.

Вышеупомянутая шахта находится на очень высокомъ правомъ берегу Барнаулки, которая, близъ своего впаденія въ Обь, запружена плотиной и образуетъ прудъ, необходимый для завода. Проѣзжая черезъ него, мы увидали нѣсколькихъ мальчишекъ, занятыхъ исканіемъ раковинъ и воспользовались этимъ случаемъ для пріобрѣтенія нѣсколькихъ экземпляровъ Anodonta anatina, Limnaea stagnalis и прелестной L.auricularis.—Что касается вообще Барнаула, то я могу сказать только, что онъ, какъ и вообще всѣ Сибирскіе города, очень растянутъ и производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто въ немъ тысячъ 30 жителей, вмѣсто дѣйствительно существующихъ 13,000 (13,527). Широкія, прямыя, прямоугольныя улицы его не мощены, большая часть домовъ деревянные, но есть и кирпичные, къ числу которыхъ принадлежатъ очень красивыя и солидныя по виду казенныя зданія, какъ напримѣръ горное училище, основанное въ 1789 г. гдѣ помѣщается и музей; горное правленіе; аптека; инвалидный домъ; старый и новый плавильный заводы; церкви и т. д. На Московской улицѣ, окаймленной двойнымъ рядомъ деревьевъ и представляющей красивую аллею, находится маленькая каменная протестантская церковь, при которой уже около ста лѣтъ имѣется пасторъ—„ради нѣмцевъ, служащихъ на горныхъ заводахъ,“ какъ выражается Палласъ. Прихожане церкви, повидимому, отличаются усердіемъ, такъ я заключаю изъ примѣра одной самоотверженной нѣмки, жительницы Змѣиногорска, которая, не обращая вниманія на дальнюю и трудную дорогу, пріѣзжаетъ въ Барнаулъ по большимъ праздникамъ, чтобы пѣть соло въ церкви.

Барнаулъ представляетъ главный центръ умственной жизни Сибири, что весьма понятно при довольно значительномъ числѣ живущихъ тутъ горныхъ чиновниковъ, большая часть которыхъ получили образованіе въ Россіи, куда посылаютъ по необходимости и дѣтей своихъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ перестали здѣсь плавить добываемое въ Восточной Сибири золото (ежегодно въ количествѣ отъ 1000 до 1200 пудовъ), которое теперь плавится въ Иркутскѣ, значительное число служащихъ переселилось въ этотъ городъ и въ Барнаулѣ стало гораздо тише. Тѣмъ не менѣе общественная жизнь здѣсь повидимому все таки довольно ожив-

лена, о чемъ свидѣтельствуютъ уже тридцать фортепіано, имѣющихся въ Барнаулѣ, и красивое внутренное убранство многихъ домовъ. Жители занимаются также разведеніемъ цвѣтовъ, и я познакомился съ однимъ нѣмцемъ-садовникомъ, у котораго оказались оранжереи и искусно распланированный садъ. Но климатъ и чрезвычайно суровая зима вообще не благопріятствуютъ здѣсь садоводству, хотя лѣтомъ бываетъ такъ жарко, что поспѣваютъ арбузы, цвѣтная капуста и другія нѣжныя овощи, а, при особенно тщательномъ уходѣ, даже яблоки.

Что въ Барнаулѣ еще можно жить недурно, это доказали намъ обильные обѣды и завтраки, на которые мы были приглашаемы. Обиліе же яствъ легко объясняется баснословно дешевыми, по нашимъ понятіямъ, цѣнами. Пудъ говядины стоитъ 1—$1^1/_2$ рубля, свинины $2^1/_2$ р., масло коровье 4—5 р. за пудъ, ржаная мука 30 к. пудъ, пшеничная $1^1/_2$ руб. Такъ по крайней мѣрѣ сказали намъ. Колоніальные и вообще европейскіе товары сравнительно гораздо дороже, но въ настоящее время хозяйки не имѣютъ надобности выписывать ихъ изъ Ирбита, такъ какъ въ Барнаулѣ есть очень хорошія лавки съ богатымъ выборомъ товаровъ. Въ Томскѣ, напримѣръ, я заплатилъ за пудъ сахара 10 руб., мелкаго риса 9 руб., обыкновеннаго 8 р. 60 к., лучшей пшеничной муки 2 р., сухарей изъ Москвы 8 р., жаренаго кофе, за фунтъ—1 р., шоколада—1 р. чаю—1 р. 60 к., французскаго сушенаго чернослива—70 к., такъ называемаго швейцарскаго сыра (русскаго приготовленія) 80 к., стеариновыхъ свѣчей—30 к., мелкаго турецкаго табаку—4 р. 50 к., простаго въ листьяхъ—20 к.; сотня папиросъ стоитъ 1 р., фунтъ пороха—1 р., бутылка такъ называемаго „лафита“ 1 р. 50 к., бутылка „воронцовскаго“ (очень сносное бѣлое крымское вино)—1 р. 15 к.,—„хересъ“ 2 р., „мадера“—1 р., „коньякъ“—1 р. 50 к., наливка мѣстная изъ разныхъ ягодъ,—(весьма сносный напитокъ, который Гумбольдтъ несправедливо называетъ „ядомъ“) 80—85 к., спиртъ (80°)—12 р. ведро.

Замѣчу кстати, что виноторговля въ Барнаулѣ имѣетъ свои особенности. Одинъ виноторговецъ, напримѣръ, продавалъ рейнвейнъ рюдесгеймъ $2^1/_2$ р. и іоганисбергъ 3 р. бутылку. Когда я ему сказалъ, что эти вина даже въ Германіи стоятъ дороже, онъ отвѣтилъ мнѣ, что за это уже долженъ отвѣчать Елисѣевъ, отъ котораго онъ выписываетъ вина. Дѣйствительно, вся незначительная виноторговля Сибири, повидимому, исключительно находится въ рукахъ фирмы „Братьевъ Елисѣевыхъ“, въ Петер-

бургѣ, и „Бауера и К°“, въ Москвѣ. По крайней мѣрѣ на бутылкахъ имѣются ярлыки и особенныя проволочныя сѣтки только этихъ фирмъ, безъ чего сибирякъ кажется не допускаетъ доброкачественнаго вина. Мнѣ не разъ приходилось брать красное вино отъ $1^1/_2$ до 2 р. за бутылку, которое едва можно было поставить рядомъ съ нашимъ самымъ простымъ столовымъ виномъ въ 75 пфен. или 1 марк.; это высказываю впрочемъ не въ упрекъ вышеназваннымъ фирмамъ, такъ какъ возможны и поддѣлки. Вообще не слѣдуетъ забывать, что въ Сибири мало знатоковъ винъ: при долгомъ пребываніи въ ней и самый отличный знатокъ постепенно утрачиваетъ тонкость вкуса.

Слѣдуетъ замѣтить, что хозяйство въ Барнаулѣ (а равно и въ другихъ мѣстностяхъ Сибири) вовсе не обходится дешево, какъ можно было бы ожидать при такой дешевизнѣ. Многочисленная прислуга, неизбѣжная въ домѣ на большую ногу, невозможность строгаго контроля и многія другія неудобства дѣлаютъ жизнь въ Барнаулѣ довольно дорогой.

Повидимому городъ болѣе всего нуждается въ хорошихъ ремесленникахъ: намъ было очень трудно найти сколько нибудь умѣлаго паяльщика.

Какъ уже показываетъ окончаніе *аулъ*, названіе Барнаулъ киргизскаго происхожденія. Городокъ обязанъ своимъ существованіемъ поселеніямъ Демидова и былъ уже извѣстенъ во времена Палласа (1771 г.) своими плавильными заводами. Барнаулъ лежитъ подъ 53.20 сѣвер. широты (Ледебуръ), 53.20.8 и 83.49 восточной долготы (Фритче), на лѣвомъ, песчаномъ берегу Оби, на высотѣ 400 ф. (Котта; 366 ф. Ледебуръ; 514—Фритче; 479—гр. Вальдб.) надъ уровнемъ моря. Съ 1822 года Барнаулъ сталъ уѣзднымъ городомъ и мѣстопребываніемъ высшей административной власти Алтая, который дѣлится на 5 уѣздовъ. Подъ именемъ Алтая здѣсь разумѣются не столько горы, сколько одна изъ самыхъ богатыхъ и плодородныхъ областей Сибири, простирающаяся на цѣлые 5 град. широты и занимающая площадь въ 332,200 квадр. верстъ (7.795 кв. миль). Эта область, превосходящая по величинѣ Пруссію и Великобританію, составляетъ коронное владѣніе или собственность царствующаго дома; она состоитъ въ непосредственномъ вѣдомствѣ императорскаго кабинета и можетъ назваться величайшимъ казеннымъ имѣніемъ въ свѣтѣ. Въ ней считается 8 городовъ, 1.450 деревень и мѣстечекъ и 190.000 жителей (Котта), что составляетъ 24—25 человѣкъ на одну квадратную милю. Очевидно, что есть еще много незанятаго мѣста

Куринска (въ 60 верстахъ). Мы достигли этой послѣдней (куда я отправилъ своего Ивана съ тремя багажными повозками, прямо изъ Змѣиногорска) часовъ въ 10 вечера, когда на горизонтѣ еще алѣла полоска вечерней зари. Курья особенно интересна потому, что шурфовки открыли здѣсь присутствіе каменноугольныхъ пластовъ.

Изъ Колывани дорога шла мѣстами по голымъ гранитнымъ и мраморнымъ горамъ, въ ущельяхъ которыхъ, по причинѣ необычайно запоздалой весны, еще лежалъ кое-гдѣ снѣгъ. Рѣзкій контрастъ съ нимъ представляла роскошная растительность, покрывавшая множествомъ цвѣтовъ великолѣпные луга, но особенно проявлявшаяся въ чащахъ кустарниковъ (Lonicera tatarica, спиреи, дикихъ розъ и др.), придававшихъ мѣстности характеръ запущеннаго сада. Кусты стояли въ полномъ цвѣту и распространяли мѣстами сильное благоуханіе, съ которымъ вполнѣ гармонировало поэтическое пѣніе соловья. Вскорѣ, однако, мы снова очутились въ холмистой степи, совершенно другого характера, хотя и она не была лишена своеобразной красоты и поэтичной прелести. Насъ окружало необозримое пространство, покрытое тонкостебельчатой перистой травой, т. наз. „ковылемъ," серебристыя, блестящія ости которой, слегка колыхаемыя вѣтромъ и освѣщаемыя лучами заходящаго солнца, поразительно напоминали рябь золотистаго моря. Прибавьте къ этому переливающее чудными красками небо и темноголубыя облака, окаймленныя свѣтлыми бѣловатыми полосами и съ яркимъ золотисто-бронзовымъ нижнимъ краемъ.

Въ тотъ же вечеръ мы достигли станціи „Калмыцкой Мызы", красивой, большой деревни, лежащей недалеко отъ Чарыша, теченіе котораго обозначено высокими деревьями. Въ глубокой дали виднѣется Алтай, посылающій свой привѣтъ или свое „прости".

Несмотря на великолѣпный солнечный закатъ, на слѣдующій день, 21-го іюня, пошелъ дождь и сдѣлалось такъ холодно, что въ шубѣ было только что впору. Это, конечно, было не очень пріятно, къ тому же дорога была скверная, избитая безконечными обозами, которые проложили на ней глубокія колеи. На пути намъ не разъ встрѣчались обозы съ рудою, которые всегда задерживали насъ, такъ какъ лошадямъ не скоро удавалось вывезти нагруженныя телѣги изъ глубокихъ колей, а возчики большею частію спали. Они ѣдутъ обыкновенно впереди на телегѣ, со всѣхъ сторонъ завѣшенной рогожами, а за нею тянутся отъ 30 до 40 одноконныхъ возовъ. На 6 или даже 8 возовъ полагается

по одному извощику, причемъ лошадь второго воза привязывается къ первому и т. д. Иногда обозъ состоитъ изъ 100 — 150 телѣгъ, самой первобытной конструкціи. На четырехъ колесахъ грубой работы помѣщается ящикъ, имѣющій форму гроба, или даже просто открытое корыто выдолбленное изъ тополеваго дерева. Опытъ показываетъ, что при такомъ небрежномъ способѣ перевозки, существующемъ въ томъ же видѣ и теперь, какъ сто лѣтъ тому назадъ, теряется около 10 процентовъ руды, разсыпающейся по дорогѣ, но до сихъ поръ еще не могли ничего придумать для улучшенія транспортовъ. Если принять въ расчетъ, что изъ 3 милліоновъ пудовъ руды, ежегодно переплавляемой на алтайскихъ заводахъ, около 600,000 пудовъ приходятся на долю Барнаула, и что на каждый возъ нагружается не болѣе 20 пудовъ, то для перевозки этихъ однихъ 600,000 п. требуется не менѣе 30,000 возовъ. Конечно, такой способъ перевозки возможенъ только въ странѣ, гдѣ нѣтъ недостатка въ лошадяхъ и гдѣ содержаніе ихъ обходится очень дешево. Обозныя лошади питаются лѣтомъ главнымъ образомъ тѣмъ, что представляетъ имъ степь, почему имъ и отводятся особыя мѣста для пастбищъ, гдѣ нибудь за околицами деревень. Привалы такихъ карамановъ представляютъ интересную, оживленную картину, въ особенности вечеромъ, когда огонь костровъ ярко освѣщаетъ возы и снующія около нихъ фигуры возчиковъ. Дорогой эти обозы доставляли нѣкоторое разнообразіе и развлеченіе; между лошадьми всегда находятся много молодыхъ кобылъ съ жеребятами, которые обыкновенно пугаются непривычныхъ для нихъ тарантасовъ, ржутъ и бросаются къ маткамъ.—Къ 10 часамъ мы пріѣхали на станцію Безголосово и опять очутились на берегу Алея, который тутъ является красивой рѣкой, окаймленной густыми высокими деревьями. Достигнувъ Коламанки (Усть - Калманская станція), на рѣкѣ того же имени, мы уже находились всего въ одной верстѣ отъ Оби, но увидали ее только послѣ трехъ четвертей часа ѣзды отъ этой послѣдней станціи, около $6^1/_4$ ч. вечера. Въ одной изъ долинъ высокаго лѣваго берега мы увидали синеву величественной рѣки, цѣль нашихъ стремленій!

Мѣстность здѣсь очень богатая; луговая степь кое-гдѣ смѣняется группами деревьевъ; многочисленныя стада и красивыя деревни свидѣтельствуютъ о благосостояніи жителей; послѣдніе по прежнему изъ любопытства сбѣгались толпами намъ на встрѣчу. Въ одномъ мѣстѣ мы замѣтили даже одновременно — три селенія, вещь давно невиданная. Съ приближеніемъ къ Барнаулу,

степь все болѣе и болѣе исчезаетъ и смѣняется холмистою мѣстностью, кое-гдѣ поросшею небольшими лѣсками. Часамъ къ 10-ти мы миновали послѣдній рядъ холмовъ и поѣхали длинной улицей, похожей на деревню, — это было одно изъ предмѣстій Барнаула. Если не считать поѣздки въ Колывань (50 верстъ) для которой пришлось сдѣлать крюкъ, разстояніе отъ Змѣиногорска до Барнаула равно 289 вер. Мы проѣхали ихъ въ 25 часовъ, считая въ томъ числѣ остановки и ломки осей, отнявшія у насъ добрыхъ часа четыре времени.

Окружной начальникъ, г-нъ Савинскій, выѣхавшій намъ на встрѣчу, чтобы смѣнить на половинѣ пути своего коллегу, г-на Пантова, озаботился заранѣе приготовленіемъ для насъ помѣщенія, но мы не могли согласиться занять домъ, гостепріимно предложенный намъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ купцовъ города;— великолѣпно убранные большіе покои были ужъ слишкомъ хороши! Не испортивъ ихъ, невозможно было бы выполнить, безъ всякихъ стѣсненій, безотлагательную работу по переборкѣ и упаковкѣ коллекцій. Мнѣ было жаль любезнаго, предупредительнаго хозяина, котораго отказъ нашъ очень удивилъ, если не обидѣлъ, а также и д-ра Брэма, которому было бы, вѣроятно, гораздо удобнѣе писать свой дневникъ здѣсь, чѣмъ въ новомъ и болѣе скромномъ помѣщеніи, нанятомъ нами за 2 р. въ сутки и состоявшемъ изъ пяти большихъ комнатъ.

Мы пробыли въ Барнаулѣ почти цѣлую недѣлю, которая прошла для меня въ усиленной работѣ по части упаковки и сортировки коллекцій, составленіи отчетовъ, корреспонденцій и т. п.; между тѣмъ графъ Вальдбургъ, къ сожалѣнію, вынужденъ былъ провести нѣсколько дней въ постелѣ, чѣмъ немало встревожилъ меня.

Д-ру Брэму посчастливилось даже познакомиться нѣсколько съ окрестностями Барнаула, куда онъ съ нѣкоторыми лицами, подъ предводительствомъ алтайскаго старшаго лѣсничаго, отправился на охоту за дупелями. Изъ описанія Аткинсона видно, что охота за мелкою дичью должна быть очень прибыльна въ окрестностяхъ Барнаула; онъ говоритъ, что однажды, съ тремя товарищами, (въ началѣ іюля) ему удалось въ теченіи $3^1/_2$ часовъ добыть 153 дупеля, а это было въ 1848 году, когда еще не существовало ружья, заряжающагося съ казенной части. Одинъ мѣстный промысловой охотникъ порадовалъ меня экземпляромъ бѣлаго журавля (Grus leucogeranus), который, вѣроятно, залетѣлъ сюда случайно, и съ которымъ мы ни разу не встрѣчались во

время путешествія. Вообще же, объ орнитологическихъ наблюденіяхъ здѣсь не могло быть и рѣчи, кромѣ развѣ надъ коршуномъ, который не стѣсняясь, пролеталъ надъ улицами, садился на крыши и даже падалъ нерѣдко на циплятъ по дворамъ. Его, какъ всегда, преслѣдовали трясогузки, и именно наша обыкновенная Motacilla alba, потому что Motacilla personata уже не встрѣчалась намъ за Колыванью.

Мы были встрѣчены и приняты чрезвычайно любезно, съ полнымъ радушіемъ и предупредительнымъ вниманіемъ. Прежде всего мы обязаны живѣйшею благодарностью окружному начальнику Алтая, оберъ-берггауптману генералу Эйхвальду, врожденная неподдѣльная любезность котораго навсегда останется въ памяти тѣхъ, кто имѣлъ счастіе знать его. Докторъ Гопфенхаусъ, горный аптекарь Морицъ, г. Функъ, въ то время начальникъ телеграфовъ,—и статскій совѣтникъ Гуляевъ, дѣлали съ своей стороны все возможное, чтобы сдѣлать намъ пріятнымъ пребываніе въ этомъ городѣ. Къ сожалѣнію, д-ръ Отто фонъ-Думбергъ, начальникъ алтайскаго врачебнаго управленія, съ которымъ мы имѣли удовольствіе познакомиться въ Петербургѣ, еще не вернулся. Графъ Вальдбургъ и я съѣздили къ нему все таки на домъ, чтобы взглянуть на его богатый гербарій и скорѣе уложить его, такъ какъ въ такое короткое время невозможно было даже его весь перелистать.

Барнаулъ—единственный городъ западной Сибири, имѣющій публичный музей. Мы посѣтили его конечно не разъ и по желанію г. Эйхвальда внесли наши имена въ ту самую книгу, гдѣ стояли имена нашихъ великихъ земляковъ: А. Гумбольдта, Г. Розе и Эренберга. (4 августа 1823 года). Музей помѣщается въ массивномъ зданіи, замѣчательномъ по величинѣ и архитектурѣ, и своими великолѣпными коллекціями обязанъ преимущественно неутомимому Геблеру. По счастію, я нашелъ классическую коллекцію насѣкомыхъ, собранную этимъ ученымъ и еще вполнѣ сохранившуюся.

Этого, къ сожалѣнію, нельзя сказать объ остальныхъ зоологическихъ коллекціяхъ, такъ какъ многія чучелы звѣрей и птицъ оказались въ довольно безнадежномъ состояніи и нѣкоторыя были уже совершенно испорчены, а другимъ грозила та же участь въ близкомъ будущемъ. Въ подобномъ же состояніи находились и два тигра, убитые въ Алтаѣ, о которыхъ Аткинсонъ сообщаетъ подробныя свѣдѣнія.

Само собою разумѣется, самый блестящій отдѣлъ музея былъ

18 пудовъ), но добыча его скоро истощилась и теперь его замѣнили тяжелый шпатъ, свинецъ и желѣзо. Чрезвычайно мощные пласты тяжелаго шпата содержатъ въ себѣ серебро, но въ такомъ маломъ количествѣ ($^3/_4$ лота на центперъ, по словамъ Гельмерсена), что руда считается почти нестоющею выплавки. Чрезвычайно важны, напротивъ того, находящіяся въ окрестностяхъ залежи каменнаго угля; на юго-востокъ онѣ тянутся до самаго Ала-Тау, близъ Кузнецка, и надо полагать, что ихъ же продолженіе составляютъ пласты, выступающіе близь Томска. Эти каменно-угольныя залежи, начавшія уже разработываться, будутъ современемъ имѣть большое значеніе какъ для горнаго дѣла на Алтаѣ и пароходства, такъ и вообще для сибирской промышленности. Уже теперь кое-гдѣ обжигаютъ уголь (причемъ получается около 77% кокса) и замѣняютъ имъ дрова на Гавриловскомъ серебро-плавильномъ заводѣ и на Гурьевскомъ желѣзо-дѣлательномъ.

Извѣстіе, что 2-го іюля, въ три часа утра долженъ былъ отойти изъ Томска пароходъ Игнатовской компаніи, заставило меня поторопиться отъѣздомъ. На слѣдующій день (30 іюня), я разбудилъ своихъ спутниковъ въ 3 часа утра, зная по опыту, что несмотря на всѣ старанія, всегда проходитъ немало времени, пока наконецъ можно бываетъ тронуться съ мѣста. Такъ и на этотъ разъ, было уже половина пятаго, когда я, съ Мартыномъ Дзервитомъ и двумя повозками съ багажемъ, выѣхалъ изъ привѣтливаго городка, еще окутаннаго утреннимъ туманомъ, изъ котораго выглядывала только колокольня и крыши болѣе высокихъ домовъ. Товарищи мои остались, чтобы осмотрѣть горные заводы, а графъ Вальдбургъ употребилъ съ пользою немногіе оставшіеся часы, собравъ на скорую руку коллекцію минераловъ и рудъ. Въ недальнемъ разстояніи отъ Салаира, дорога пересѣкаетъ маленькую быструю рѣчку Толмовую или одинъ изъ ея притоковъ, по хорошо устроенному мосту, близъ Гавриловскаго завода, и затѣмъ спускается подъ гору большимъ сосновымъ лѣсомъ, черезъ прогалины котораго мѣстами видна холмистая равнина, покрытая кое-гдѣ небольшими рощицами. Послѣ вчерашнихъ прекрасныхъ ландшафтовъ, мѣстность не представляла ничего особенно привлекательнаго, хотя мѣстами и была довольно живописна. Бо́льшею частью, это была степь, покрытая травой и пересѣченная грядами холмовъ, которыя у Салаира одѣты темнымъ хвойнымъ лѣсомъ, а далѣе березовыми и другими лиственными рощами. Но роскошная тайга уже совершенно исчезла; мѣсто ея заняли обширные, пестрѣющіе цвѣтами луга, именно по низменностямъ Инжи, впада-

ющей въ Обь, и ея притока Тарисмы или Тарьемы. При этомъ мѣстность, почва которой состоитъ изъ плодороднаго чернозема, нерѣдко представляетъ большія воздѣланныя пространства, а встрѣчающіяся по дорогѣ села свидѣтельствуютъ о благосостояніи жителей и богатствѣ ихъ скотомъ, особенно лошадьми. Такихъ селъ проѣхали мы до Томска 14 или 16, и около каждаго изъ нихъ можно было видѣть по табуну. Такъ, въ большомъ селѣ Пьяновѣ (Бояновѣ), гдѣ я за закуской распрашивалъ старосту, считается на 500 жителей 1500 лошадей. Лошади алтайской породы—рослыя, сильныя, очень видныя и весьма пригодны для упряжи. Стоютъ онѣ отъ 30 до 40 р. штука, а въ Германіи за нихъ можно было бы взять въ четыре или въ шесть разъ дороже. При такомъ изобиліи трудно было воспрепятствовать, чтобы ихъ не запрягали больше, чѣмъ слѣдовало, напримѣръ вмѣсто трехъ пять, хотя это было сопряжено и съ немалою опасностью для путешественниковъ. При плохомъ состояніи упряжи, постромки обыкновенно скоро рвутся, возжи нерѣдко тоже—и хорошо еще, если распрегшіяся лошади вырываются совсѣмъ, не причинивъ никакого вреда. Вслѣдствіе своего пылкаго темперамента, онѣ любятъ перегонять другъ друга и несутся обыкновенно во весь опоръ, причемъ ямщикъ рѣдко бываетъ въ состояніи удержать ихъ, даже если ему помогаетъ сѣдокъ. Наибольшую опасность, при такой бѣшеной ѣздѣ, представляютъ ворота при въѣздахъ въ деревни и длинные мосты въ ложбинахъ. Случилось, что крайняя пристяжная зацѣпилась за воротный столбъ и въ одинъ мигъ возжи и постромки были оборваны. На крутыхъ спускахъ передъ мостами раздавалось зловѣщее „держи! держи!“, но по бо́льшей части безуспѣшно, такъ какъ рѣдко удавалось сдержать лошадей. Страшно было смотрѣть на ѣхавшіе позади экипажи, стремглавъ летѣвшіе подъ гору на мостъ. Такъ какъ на мостахъ часто толпится скотъ, привлекаемый возможностью почесать о перила зудящія мѣста на кожѣ, то неудивительно, что намъ пришлось задавить двухъ телятъ и одну свинью.—Говоря объ алтайскихъ лошадяхъ, нельзя не упомянуть объ одномъ замѣчательномъ явленіи, обратившемъ на себя наше вниманіе еще въ степи, именно о „кровавомъ потѣ“. У лошадей, долго и скоро бѣгавшихъ, выступаютъ часто на шеѣ или на другихъ мѣстахъ кожи капли крови, которыя сливаясь одна съ другой, образуютъ нерѣдко медленно струящуюся нить, напоминающую рану отъ ужаленія насѣкомыхъ или канчу. Туземцы хорошо знаютъ это

явленіе, замѣчаемое только весною и лѣтомъ, и приписываютъ его полнокровію и разрыву тонкихъ кровеносныхъ сосудовъ кожи.

Какъ вездѣ въ густыхъ высокоствольныхъ лѣсахъ, въ тайгахъ было замѣтно мало жизни и населеніе ихъ ограничивалось только воронами, сороками, галками, сѣрыми воронами и скворцами. Въ открытой степной мѣстности міръ пернатыхъ былъ много богаче. Здѣсь часто встрѣчались могильники (Aquila mogilniq), которые были настолько довѣрчивы, что оставались иногда сидѣть на верстовыхъ столбахъ до того момента, пока мы не подъѣзжали къ нимъ совершенно близко; кромѣ того показывались пустельги, копчики, степные луни, стрижи, овсянка (Emberiza aureola), пигалицы съ птенцами, перепела. Изъ прибрежныхъ кустарниковъ доносилось временами щелканье соловья, чаще же всего попадались, какъ и прежде, полевые жаворонки (Alauda arvensis) и полевой чекканъ (Pratincola rubicola).

Большой интересъ представила для меня колонія сусликовъ, встрѣченная нами близъ деревни Пестеровской (Печеркиной, Пестеревой), въ 27 верстахъ за Салаиромъ. Ранѣе мы встрѣчали этихъ роющихъ грызуновъ только поодиночкѣ, а тутъ на зеленомъ лугу ихъ копошились цѣлыя сотни. По крайней мѣрѣ я насчиталъ ихъ болѣе тридцати, сидѣвшихъ неподвижно на земляныхъ кучкахъ близъ своихъ норъ и осматривавшихъ чужестранцевъ. Едва успѣли мы сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ всѣ они испустили рѣзкій громкій свистъ и, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, скрылись въ землѣ. Зная по опыту надъ Arctomys ludovicianus, въ западной Америкѣ, и надъ сусликами въ въ Турціи, какъ легко стрѣлять въ этихъ грызуновъ и какъ трудно овладѣть ими живыми, я былъ очень радъ, когда мнѣ удалось получить въ короткое время три экземпляра ихъ. Это оказался краснощекій суслик (Spermophilus erythrogenys), но подобная многочисленная колонія, какъ сообщилъ мнѣ письменно д-ръ Засъ, составляла исключеніе. Быть можетъ, на слѣдующій же годъ на этомъ мѣстѣ не осталось уже ни одного суслика.

Хотя мы не ѣхали по большому почтовому тракту, или скорѣе именно поэтому — дорога была отличная и мы могли ѣхать очень скоро, такъ какъ насъ не задерживали обозы съ рудой или угольями. Но отъ 20 лошадиныхъ копытъ подымались такіе клубы сухой черноземной пыли, которые заставили насъ пожалѣть о пыли солончаковой степи. Пыль эта проникаетъ даже въ герметически закупоренные ящики и дѣйствуетъ очень вредно на глаза, для которыхъ становятся почти необходимыми предохранительные

очки. Если прежде приходилось проклинать размокшую отъ дождя дорогу, отъ которой постоянно летѣли комки жидкой черноземной грязи, то это зло было сравнительно еще легкимъ,—но въ Сибири приходится привыкать ко всему! Къ вечеру мы увидали высокій красный, повидимому, состоящій изъ сланца, берегъ рѣки Инжи и вскорѣ достигли станціи Усть-Сосновской, гдѣ меня ожидалъ приставъ, чтобы, по порученію губернатора, сопутствовать мнѣ до Томска. Пока перемѣняли лошадей, приставъ разсказалъ мнѣ, что въ 200 верстахъ отъ Томска, близъ деревни Писанки, правый берегъ Томи выказываетъ подобное же строеніе, но представляется особенно замѣчательнымъ въ томъ отношеніи, что на немъ видны грубо вырѣзанныя, около аршина вышиною, фигуры людей и звѣрей, съ лицами, обращенными на югъ. Это мѣсто посѣтилъ Томскій архіерей и несомнѣнно оно должно представлять большой интересъ для археологовъ.

Закусивъ немного (молокомъ и яйцами) на слѣдующей станціи—Кокуѣ, Кокуинскѣ или Кукуйской, мы ѣхали затѣмъ всю ночь, какъ это часто случается съ путешественниками въ Сибири. Становилось замѣтнымъ, что мы подвигаемся на сѣверъ. Солнце хотя и заходило, но вечерняя заря почти непосредственно смѣнялась утреннею. Еще около полуночи западная часть неба была окрашена свѣтло-оранжевымъ цвѣтомъ, который выше переходилъ въ блѣдно-зеленый прощальный отблескъ заходящаго солнца, а востокъ начиналъ уже бѣлѣть и золотиться блѣдной утренней зарею. Рѣзко отдѣлялись отъ этого волшебно-освѣщеннаго неба, окутанныя мракомъ низменности, а ограничивавшія горизонтъ группы деревьевъ стояли точно черные Фребелевскіе силуэты. Утромъ (1 іюля), часамъ къ 4, увидали мы лѣсистыя возвышенности, обозначающія мѣсто теченія Томи. Мѣстность стала измѣняться; мѣстами лошади съ трудомъ тащились по песку; виднѣлись небольшія угрюмыя сосновыя рощицы, подъ сѣнью которыхъ пріютились сложенные изъ бревенъ могильные памятники. Крестъ не былъ ихъ украшеніемъ, такъ какъ мы опять находились въ области послѣдователей ислама, которые здѣсь болѣе заботятся о своихъ покойникахъ, чѣмъ христіане. Мы проѣхали нѣсколько красивыхъ татарскихъ деревень, съ знакомыми зданіями мечетей, напоминающими своей постройкой сельскія церкви, и съ большими домами, свидѣтельствующими о зажиточности жителей. Дорога стала оживляться. Множество возовъ съ разными продуктами направлялись къ одной цѣли съ нами, а на плоскомъ песчаномъ лѣвомъ берегу Томи ихъ скопился цѣлый рядъ въ ожиданіи большого парома,

въ этой плодородной землѣ, представляющей такія благопріятныя условія для хлѣбопашества и скотоводства. Поэтому жителямъ не мѣшало бы обратить бо̀льшее вниманіе на эту отрасль промышленности, такъ какъ по новому положенію, по словамъ г-на Функа, здѣсь допущено право поземельной собственности. Мнѣ говорили, что десятина земли близъ Барнаула стоитъ 40 копѣекъ. И сколько средствъ пропадаетъ еще даромъ въ этой землѣ, которая почти всѣ предметы роскоши выписываетъ изъ заграницы, хотя многія потребности могли бы быть удовлетворены на мѣстѣ! Глядя на ея прекрасныя пастбища и сравнивая ихъ съ роскошнѣйшими долинами Германіи, съ удивленіемъ спрашиваешь себя, зачѣмъ она выписываетъ сыръ изъ Голландіи и Швейцаріи? Въ Сибири нѣтъ ни одной сыроварни, а между тѣмъ сыръ подается во всѣхъ мало-мальски порядочныхъ домахъ. „Да развѣ возможно было бы приготовить у насъ сыръ?“ сказалъ мнѣ въ Томскѣ одинъ купецъ, который думалъ, что это составляетъ единственную привиллегію Швейцаріи, благодаря ея альпійскимъ травамъ.

Когда я объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, и спросилъ его, какъ онъ объясняетъ себѣ поразительную несоразмѣрность цѣнъ, напр. между пшеничной мукой, стоющей два р. цудъ и маленькими сухарями, продающимися въ розницу 30—35 к. за фунтъ, онъ отвѣчалъ: „Да сухари вѣдь выписываются изъ Москвы!“

Вообще въ Сибири скрыто еще много непочатыхъ сокровищъ, но добрымъ сибирякамъ недостаетъ сообразительности и особенно предпріимчивости англичанъ, янки и нѣмцевъ. Сибирякъ лѣнивъ, любитъ покой и незнакомъ съ поговоркой „time is money“ (время—деньги), хотя конечно и здѣсь, какъ вездѣ, есть исключенія.

Въ соціальномъ отношеніи Алтай имѣетъ то преимущество, что туда не отправляютъ ссыльныхъ, такъ что онъ избавленъ отъ этого испорченнаго и безполезнаго элемента, который такъ тяготитъ другія мѣстности Сибири.

Принадлежащіе казнѣ рудники и плавильные заводы (всего 18-ть) приносятъ теперь гораздо менѣе дохода, чѣмъ прежде: повидимому, они дошли до такого положенія, что для улучшенія ихъ необходимы новые значительные капиталы.

Но министерство финансовъ, въ вѣдомствѣ котораго они находятся, не имѣетъ кажется ни малѣйшей охоты затрачивать такія суммы на разработку рудниковъ, безъ достаточной гарантіи за успѣхъ предпріятія; по крайней мѣрѣ, насколько мнѣ извѣстно, ни одинъ изъ совѣтовъ, предложенныхъ для улучшенія горнозаводскаго дѣла г. Котта, не былъ принятъ. Съ 1745 по 1845 г.

Алтай далъ 76.785 пудовъ серебра и 2.116 пуд. золота, всего на сумму 99 милліоновъ рублей, что составляетъ около одного милліона руб. чистаго годового дохода. Съ уничтоженіемъ крѣпостного права, послѣдовавшемъ въ Алтаѣ въ 1861 году, когда была дарована свобода 30.000 крестьянамъ, работавшимъ на заводахъ, доходъ уменьшился до 300,000 р. и съ того времени еще болѣе сократился. Если такимъ образомъ, съ отмѣной крѣпостнаго права, рудники лишились дарового труда и стали приносить болѣе скудный доходъ, то, спрашивается, не выгоднѣе ли было бы отдать ихъ въ аренду? Можно думать, что при этомъ получился бы гораздо бо̀льшій доходъ, въ пользу чего можно привести частные золотые промысла, ежегодно доставляющіе въ Барнаулъ, для выплавки, и въ обмѣнъ на деньги по установленной правительствомъ цѣнѣ, отъ 500 до 600 пуд. золота. Все количество металла, добываемаго на казенныхъ и частныхъ рудникахъ Алтая, отправляется въ Петербургъ ежегодно тремя транспортами, которые носятъ названіе „золотыхъ каравановъ“ и идутъ совершенно такъ-же, какъ это описываетъ Ледебуръ, съ тою только разницею, что теперь первый транспортъ идетъ до Тюмени на пароходѣ.

Такъ какъ одинъ изъ такихъ транспортовъ ожидался въ Барнаулѣ, въ августѣ мѣсяцѣ, то г-нъ Функъ любезно взялъ на себя трудъ отправить съ нимъ 13 большихъ ящиковъ съ нашими коллекціями, упаковка которыхъ заняла у меня порядочно времени; окончивъ ее, мы могли разстаться съ гостепріимнымъ Барнауломъ, о которомъ у насъ остались только пріятныя и благодарныя воспоминанія. Мы были особенно много обязаны г-ну Эйхвальду, который, вмѣстѣ съ д-ромъ медицины Гопфенхаузомъ, проводилъ насъ даже до парома, на которомъ намъ предстояло спуститься внизъ по Оби. Любезности г. Эйхвальда мы обязаны были также двумя отличными тарантасами (въ томъ числѣ одинъ его собственный), которыми мы пользовались до самаго Салаира, а равно совѣтомъ не ѣхать въ Томскъ по прямой, довольно однообразной дорогѣ, а сдѣлать небольшой объѣздъ, чрезъ горное мѣстечко Салаиръ. Дѣйствительно, мы не пожалѣли о томъ, что послѣдовали его совѣту: рекомендованный имъ путь познакомилъ насъ съ одними изъ самыхъ красивыхъ и плодородныхъ мѣстностей Алтая.

Наше первое плаваніе на паромѣ продолжалось недолго— всего три часа. Къ 10 час. мы причалили вблизи большого села Бѣлоярскаго на правомъ берегу (27 вер.) рѣки, гдѣ остались ночевать, а на слѣдующій день (29 іюня) въ $6^1/_2$ ч. утра отпра-

вились далѣе. Если Обь, съ своимъ голымъ крутымъ лѣвымъ берегомъ и затопленнымъ правымъ, покрытымъ группами деревьевъ и чащей ивъ, отнюдь не могла похвастаться живописностью ландшафта, то дорога, по которой мы поѣхали теперь, вполнѣ вознаградила насъ за первоначальное однообразіе. До деревни Сорокиной, лежащей на правомъ, высокомъ и песчаномъ берегу довольно большой рѣки Чулыша, черезъ которую насъ переправили на паромѣ, дорога идетъ чрезвычайно красивой мѣстностью, великолѣпными сочными лугами и низинами, съ разсѣянными по нимъ рощицами и группами высокихъ деревьевъ, которыя мѣстами смѣняются небольшими озерами, заросшими тростникомъ и кувшинкой и придающими ландшафту видъ огромнаго запущеннаго парка. Близъ красивыхъ, богатыхъ деревень, вездѣ виднѣлись слѣды трудолюбиваго населенія; въ первый разъ въ Сибири, мы увидѣли здѣсь по обѣимъ сторонамъ дороги обработанныя нивы, тянущіяся иногда на довольно большое пространство. Далѣе путь лежалъ черезъ такъ называемыя Салаирскія горы, достигающія 1000—1800 футовъ высоты, и почти сплошь покрытыя великолѣпною „тайгой“; такъ называется въ Сибири первобытный лѣсъ, имѣющій здѣсь впрочемъ особенный, своеобразный характеръ. Сибирская тайга далеко не представляетъ величественнаго вида Калифорнскихъ лѣсовъ, съ ихъ гигантскими деревьями до ста футовъ вышины, но за то она привлекаетъ изобиліемъ подлѣска и роскошнаго кустарника. „Эти лѣса“, говоритъ Теплоуховъ „съ перваго взгляда отличаются отъ европейскихъ своимъ густымъ поростомъ, состоящимъ преимущественно изъ степной караганы (Caragana arborescens), лѣсной жимолости (Lonicera tatarica) и различныхъ породъ таволги и розъ.

На опушкахъ лѣсовъ нерѣдко растетъ черемуха (Prunus padus), калина (Viburnum opulus), рябина (Sorbus aucuparia), Sambucus racemosa и другіе кустарники.

Такой лѣсъ напоминаетъ собой большой паркъ, который въ цѣломъ своемъ составѣ, прибавимъ мы, гораздо красивѣе и разнообразнѣе искуственно разведеннаго какимъ нибудь садовникомъ. Съ перерывами изъ ивъ и молодыхъ березокъ здѣсь растутъ, тѣсно сомкнутыми рядами, стройные, высокіе серебристые тополя, угрюмыя сосны и ели, окаймленныя свойственнымъ Алтаю гороховымъ деревомъ съ его золотистыми гроздьями цвѣтовъ,—рябиной и черемухой; а на землѣ между деревьями виднѣются высокія зонтичныя растенія, розы, дикій хмѣль, наперсточникъ и роскошные папоротники; все въ полномъ цвѣту! Прелестный

ландшафтъ сопровождалъ насъ на протяженіи около 50 верстъ; мѣстами съ возвышенностей можно было обозрѣвать на далекое пространство тайгу, которая доставляетъ здѣсь топливо для всѣхъ горныхъ заводовъ. Если принять въ соображеніе, что на заводахъ ежегодно истребляется около 80,000 куб. саженъ дровъ и 260,000 корзинъ угля (по 20 пуд. въ каждой), то станетъ понятнымъ, что даже неизмѣримыя богатства тайги должны постепенно уступать передъ человѣкомъ, который, не заботясь о правильномъ лѣсномъ хозяйствѣ, безжалостно рубитъ то, что остается отъ частыхъ лѣсныхъ пожаровъ. Подобно тому, какъ по дорогѣ изъ Змѣиногорска намъ встрѣчались безчисленные обозы съ рудой, такъ и теперь намъ приходилось безпрестанно уступать дорогу длиннымъ обозамъ, везшимъ въ громадныхъ высокихъ корзинахъ древесный уголь. Для путешественника эта „угольная дорога“, съ ея глубокими избитыми колеями и носящимися въ воздухѣ клубами мелкой угольной пыли, не особенно пріятна и заставляетъ самаго восторженнаго любителя природы скоро отрезвиться и обратиться къ голой дѣйствительности. Къ тому же надо прибавить еще безчисленные рои алтайскихъ комаровъ!!

Часамъ къ 9 вечера пріѣхали мы въ Салаиръ и нашли радушный пріемъ въ домѣ начальника горныхъ заводовъ, г-на Нестеровскаго, гдѣ насъ встрѣтилъ также докторъ Засъ. Послѣдній состоитъ здѣсь на службѣ и, какъ его товарищъ, докторъ Думбергъ—превосходный знатокъ мѣстной флоры и фауны. Отъ него мы получили много интересныхъ свѣдѣній, и узнали напримѣръ, что въ тайгѣ водятся еще медвѣди, рыси, волки, лисицы, россомахи, барсуки, выдры, куницы, хорьки, бѣлки и др., тогда какъ соболь и лось перевелись совершенно, а маралъ, косуля и дикій сѣверный олень стали очень рѣдкими. Д-ръ Бремъ получилъ, впрочемъ, въ подарокъ рога этого послѣдняго вида, и мы узнали, что рога оленя и козули, полученные нами въ Барнаулѣ, происходили также изъ этой мѣстности. Лось, говорятъ, встрѣчается еще на плоскихъ горныхъ возвышенностяхъ, какъ напримѣръ около Телецкаго озера.

Салаиръ—красиво расположенное горное мѣстечко (подъ 54° 15′, 5″ сѣв. широты и 85° 46′ 6″ вост. долготы, на высотѣ 147 метровъ—по Фритче), представляетъ рядъ красивыхъ деревянныхъ домиковъ и насчитываетъ около 3000 жителей, занимающихся исключительно горнымъ промысломъ. Горное дѣло существуетъ здѣсь сравнительно недавно, именно съ 1830 года, со времени находки Мевіуса. Вначалѣ здѣсь промывали золото (въ 4 года

который, впрочемъ, они были принуждены уступить намъ. Томь, тихо катящая свои грязныя, желто-бурыя воды,—довольно широка и внушительна, но неоживлена и не особенно привлекательна. На противоположномъ крутомъ ея берегѣ, состоящемъ изъ желтоватыхъ и бѣлыхъ пластовъ глины и рухляка, виднѣлось нѣсколько домиковъ; выше по теченію онъ былъ покрытъ густыми купами деревьевъ, а ниже опускался въ равнину, на которой замѣчались два столба, украшенные крестами. Это было городской чертой; мы скоро ее проѣхали и часовъ въ 8 вечера остановились въ гостинницѣ „Европа“.

Я могъ быть вполнѣ доволенъ послѣдней поѣздкой, отъ Барнаула до Салаира (170 верстъ) и отъ Салаира до Томска (292 версты), всего на протяженіи 462 вер. Послѣднія 292 версты мы сдѣлали въ 27 часовъ, а товарищи мои даже только въ 23 ч., такъ какъ они ѣхали въ болѣе легкихъ тарантасахъ и безъ двухъ повозокъ съ багажемъ, который приходилось перекладывать на каждой станціи. Если положить по 20 минутъ на каждую изъ 12 станцій и затѣмъ два часа для ѣды, всего 6 часовъ остановки, то мы ѣхали приблизительно со скоростію 14 верстъ въ часъ.

ГЛАВА XI.

НА ОБИ.

(отъ Томска до Обдорска).

Въ Томскѣ.—Какъ въ большомъ городѣ.—Значеніе его какъ торговаго пункта.—Будущій университетъ.—Гостинница Европа.—На пароходѣ.—Прибрежный ландшафтъ.—Пароходы на Оби.—Способъ постройки и устройство.—„Бѣльченко“.—Цѣны.—Пароходное сообщеніе по Оби и ея притокамъ.—Каналъ между Обью и Енисеемъ.—Служба на пароходѣ.—Отопленіе.—Торговля на пристаняхъ.—Первые туземцы.—Ихъ становище.—Ново-Тимское.—Нарымъ.—Бѣдность животнаго царства.—Начинается полярный день.—Жизнь на пароходѣ.—Дальная школьная поѣздка.—Исторія одного сосланнаго Поляка.—Настоящій „Бѣльченко“.—Барки съ ссыльными передъ Самаровымъ.—Пріѣздъ и неожиданность.—Земцовъ.—Деревня Самарово.—Граница хлѣбопашества.—Въ водномъ лабиринтѣ.—Миражъ.—Почтовое сообщеніе съ сѣверомъ. — Такса на гребцовъ.—Станціи до Березова. Бѣло-Горе. — Сухоровская. — Г-нъ Поляковъ. Тетеревиный токъ. — Мѣна и торговля. — Жизнь птицъ на лѣвомъ берегу. — Малый Атлымъ. — Въ первобытномъ лѣсу. — Комары. — Ночная картина. — Животная жизнь. — Пара ласточекъ. — Чистоплотность Остяковъ. — Видъ Березова. — Тихій пріемъ. — „Рейнскій погребъ“. — Пирушка у Остяковъ. — Березовъ. — Гробницы знаменитыхъ государственныхъ людей. — Городъ. — Торговля мѣхами. — Хлѣбная торговля. — Домашнія животныя.—Д-ръ Крживицкій.—Зимнія юрты Остяковъ.—Снова въ путь.—Старый Михаилъ Панаевъ теперь и прежде.—Станціи до Обдорска.—Большой Устрамъ.—Собаки.—Лапландская сова.—Внутреннее устройство чума.—Женщины-ямщики.—Кучеватка.—Петровъ день.—Границы распространенія воробья и домашней ласточки.—Прочія птицы.—Береговой ландшафтъ.—Геологическія замѣтки.—Пароватскія юрты.—Первые сѣверные олени.—Мастерскія Остяковъ.—Луки и стрѣлы.—Ловкость въ стрѣльбѣ.—Видъ на Уралъ.—Замѣчательная ширина рѣки.—Арктическая полуночная картина.—Насѣкомыя.—Видъ Обдорска.—Пріѣздъ.

Едва успѣлъ я немного оправиться, т. е. очиститься отъ покрывавшей меня пыли и кое что перекусить, какъ тотчасъ же принялся „за дѣло“. На одномъ изъ низенькихъ экипажей, подобные которымъ были нѣкогда въ ходу и у насъ подъ названіемъ „колбасъ“ (Wurstwagen) и на которыхъ всего удобнѣе сидѣть верхомъ, я отправился, какъ это обыкновенно водится по пріѣздѣ въ большой городъ, сперва на почту и телеграфъ и затѣмъ въ контору пароходства, чтобы взять нужное число мѣстъ,

При этихъ разъѣздахъ, мнѣ пришлось познакомиться съ предмѣстьями, которыя, какъ и вездѣ въ Сибири, имѣли весьма непривлекательный видъ съ своими полуразвалившихся строеніями и кучами мусора и навоза. Я радовался еще сухой погодѣ потому, что въ дождливое время улицы предмѣстій бываютъ конечно покрыты сплошною цѣпью топкихъ лужъ, на подобіе болотъ.

Здѣшнее заведеніе гг. Колчина и Игнатова оказалось гораздо болѣе обширнымъ, чѣмъ то, которое они имѣютъ въ Тюмени. Въ немъ замѣчался тотъ же образцовый порядокъ, который, къ сожалѣнію, такъ рѣдко приходится встрѣчать въ Сибири. Цѣлый рядъ стройныхъ деревянныхъ, одноэтажныхъ пакгаузовъ служитъ складочнымъ мѣстомъ для доставляемыхъ сюда обозами товаровъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаетъ Кяхтинскій чай. Повсюду кипѣла дѣятельность, сновали рабочіе, пріѣзжали и уѣзжали телѣги и т. д.

По возвращеніи въ городъ, мнѣ предстояло запастись разнаго рода провизіею, какъ то: чаемъ, кофе, сахаромъ, виномъ, рисомъ, мукою и т. п., и я едва успѣлъ покончить со всѣмъ этимъ къ 11-ти часамъ вечера. Такимъ образомъ мнѣ не пришлось даже поблагодарить губернатора за его любезную предупредительность относительно насъ. Разъѣзжая по городу, я могъ ознакомиться съ бо́льшею частью его и долженъ сказать, что, при ближайшемъ знакомствѣ, онъ отнюдь не портитъ хорошаго впечатлѣнія, производимаго имъ при въѣздѣ. Дѣйствительно, Томскъ выдается изъ всѣхъ сибирскихъ городовъ, видѣнныхъ нами. Его главныя улицы, застроенныя отчасти каменными домами, богатыя лавки съ зеркальными стеклами и пестрыми вывѣсками, большой каменный европейскій гостиный дворъ, большія церкви, казенныя и публичныя зданія (въ томъ числѣ театръ) придаютъ ему вполнѣ видъ большого города. Улицы, впрочемъ, нерѣдко весьма крутыя, не мощены, хотя обыкновенно, какъ и въ Америкѣ, снабжены деревянными мостками для пѣшеходовъ. Послѣ Иркутска, самаго населеннаго города Сибири (32,789 жит., по Шваненбаху), Томскъ во всякомъ случаѣ самый значительный. Число его жителей было мнѣ показано очень различно, отъ 22,000 до 30,000, и положительныхъ свѣдѣній на этотъ счетъ не имѣется (Шваненбахъ насчитываетъ 25,605). Одинъ купецъ сообщилъ мнѣ, что Томскъ служитъ пристанищемъ множества разнаго сброда, бѣглымъ преступникамъ и тому подобному люду. Это обстоятельство, конечно, не можетъ служить къ безопасности города, но такова участь

почти всѣхъ многолюдныхъ центровъ, къ которымъ безспорно можетъ быть причисленъ Томскъ. Въ торговомъ отношеніи онъ даже превосходитъ, вѣроятно, Иркутскъ, такъ какъ служитъ сборнымъ мѣстомъ товаровъ, идущихъ изъ Ирбита и чайныхъ транспортовъ изъ Кяхты. Во всякомъ случаѣ городъ, о которомъ еще въ 1734 году замѣтилъ старшій Гмелинъ, что „если какой либо изъ городовъ Сибири представляетъ удобства для торговли, такъ это Томскъ,"—въ состояніи много выиграть отъ дальнѣйшаго развитія водяного сообщенія. Весьма важно также для города, что, по Императорскому указу, здѣсь имѣетъ быть основанъ „сибирскій университетъ." Въ будущемъ Томску несомнѣнно предстоитъ получить большое значеніе и онъ, повидимому, призванъ играть со временемъ роль настоящей столицы Сибири.

Семья сибиряковъ.

Томскъ основанъ въ 1617 году и лежитъ подъ 56° 29′ 18″ 4 сѣвер. широты и 84° 57′ 8″ восточ. долготы, отъ Гринвича (Фритче), на высотѣ 150 метровъ надъ уровнемъ моря (по графу Вальдбургу). Гостинница „Европа" въ которой мы остановились, не только выказывала стремленіе къ репутаціи столичной, но и вполнѣ достигла своей цѣли, по крайней мѣрѣ относительно цѣнъ, потому что 25 к. за чашку кофе, 1 р. 20 к. за весьма скудный обѣдъ и 2 р. за грязный номеръ могутъ считаться цѣнами весьма приличными; я узналъ впрочемъ впослѣдствіи, что въ Томскѣ есть и другія, лучшія гостинницы.

Около полуночи мы отправились, съ нашими 54 ящиками клади, на пароходъ, который дѣйствительно отправился ровно въ 3 часа утра. Такъ какъ втеченіи трехъ сутокъ мнѣ пришлось уснуть только 7 часовъ, то я прежде всего легъ спать, а когда часовъ въ 10 вышелъ на палубу, то мы уже плыли по Оби, представлявшей довольно величественный, но нѣсколько монотонный видъ. Внушительная поверхность широко разлившейся рѣки была окаймлена низкими, пологими берегами, покрытыми непроходимыми чащами ивъ и тополей, къ которымъ на заднемъ планѣ присоединялись сосны и пихты, сливавшіяся наконецъ въ необозримые лѣса. Смѣшеніе хвойныхъ породъ съ лиственными придавало этимъ зеленымъ береговымъ кулисамъ нѣкоторое разнообразіе; лежащіе на пути островки были также густо покрыты зелеными березками и ивами, и вообще поѣздка по Оби, хотя и довольно однообразна, все же не можетъ быть названа скучною и во всякомъ случаѣ гораздо интереснѣе, чѣмъ напр. поѣздка по нижнему Дунаю. По своему многоводью и ширинѣ, Обь смѣло можетъ сравниться съ Дунаемъ. Мѣстами она такъ широка, что окаймляющіе ее лѣса кажутся совершенно маленькими; мѣстами она съуживается въ узкій лабиринтъ, изъ котораго глазъ не находитъ выхода. Пароходы вообще предпочитаютъ идти боковыми рукавами, отчасти для сокращенія пути, отчасти потому, что фарватеръ ихъ спокойнѣе. Капитанъ увѣрялъ насъ, что волны на Оби бываютъ иногда такъ велики, что заливаютъ палубу и угрожаютъ потушить огонь въ паровикѣ. По настояніямъ г-на Игнатова, капитаны его пароходовъ сдѣлали подробную съемку рѣки и нанесли свои промѣры на карту самаго большого масштаба, такъ что пространство отъ Томска до Тюмени можетъ считаться теперь наиболѣе изученнымъ.

Первымъ введеніемъ пароходства Сибирь обязана, впрочемъ, купцу Мясникову, который еще въ 1838 году подалъ министру финансовъ прошеніе о предоставленіи ему привиллегіи на пароходство по Оби, Иртышу и Байкальскому озеру. Такъ какъ тогдашніе генералъ-губернаторы высказались противъ проэкта, то дѣло затянулось до 1844 года, когда въ деревнѣ Грудинскѣ, Иркутскаго уѣзда, былъ построенъ первый пароходъ „Николай“ (въ 52 лош. силы), который и былъ спущенъ на Байкальскомъ озерѣ. Въ томъ же году введено было пароходство и въ западной Сибири, гдѣ Мясниковъ построилъ въ деревнѣ Рѣшетниковой, въ 10 вер. отъ Тюмени, два парохода, машины для коихъ были выписаны изъ Петербурга и Нижне-Тагильска. Послѣ того

какъ Мясниковъ продалъ свою привиллегію купцу Поклевскому, послѣдній прибавилъ къ тремъ раньше построеннымъ пароходамъ еще четвертый (въ 50 силъ), которымъ и открылось сообщеніе между Тюменью и Томскомъ. Въ 1861 году по Оби и ея притокамъ ходило уже 20 пароходовъ, въ числѣ владѣльцевъ которыхъ оказался и нашъ пріятель Игнатовъ, Тюфинъ и другіе. Въ настоящее время Обь съ ея притоками имѣетъ тоже очень почтенный флотъ, изъ 34 пароходовъ, совокупностью въ 2655 лош. силъ; изъ этого числа 7 (615 силъ) принадлежатъ фирмѣ „Колчинъ и Игнатовъ," 6 (540 силъ) купцу Тюфину; оба въ Тюмени.

Всѣ пароходы, не исключая и „Бѣльченко", на которомъ мы ѣхали, колесные, весьма солидной конструкціи и съ приличнымъ и удобнымъ, хотя и не роскошнымъ помѣщеніемъ. Въ противоположность нашимъ параходомъ, каюта перваго класса находится на носу; она состоитъ изъ уютнаго павильона, предназначеннаго для игроковъ и курильщиковъ, изъ отдѣльной мужской и дамской каютъ и нѣсколькихъ маленькихъ, для двухъ-четверыхъ пассажировъ. Второклассная каюта находится на кормѣ подъ палубой, которая въ свою очередь прикрыта деревянной крышей, а съ боковъ парусинными стѣнками, и служитъ помѣщеніемъ для третьяго класса. Пассажиры тутъ располагаются, какъ придется, на скамейкахъ, стоящихъ въ два ряда, или просто на полу. Во всякомъ случаѣ, они тутъ помѣщены лучше, чѣмъ на бо́льшей части волжскихъ пароходовъ, гдѣ имъ приходится день и ночь проводить на открытой палубѣ и, какъ это мы видѣли позже, въ октябрѣ мѣсяцѣ дрогнуть, закутавшись въ шубы или подъ одѣялами, отъ рѣзкаго вѣтра и частыхъ мятелей. При ограниченныхъ потребностяхъ пассажировъ этого класса, неудивительно, что забота о насущномъ продовольствіи предоставлена имъ самимъ. Они возятъ ѣду съ собой и, кромѣ кипятка для чая, могутъ получить еще водку, но и то въ самомъ умѣренномъ количествѣ, во избѣжаніе всякихъ сценъ и дракъ. Напитки доставляются Колчинымъ и Игнатовымъ и продаются ими по своей цѣнѣ,—примѣръ достойный подражанія для нашихъ пароходныхъ компаній. Кухня сдана дѣльному и умѣлому повару, который не платитъ никакой аренды, но зато обязанъ руководствоваться установленной таксой. Поэтому содержаніе стоитъ дешевле, чѣмъ въ гостинницѣ и можетъ смѣло выдержать сравненіе, равно какъ и все устройство вообще, съ нашими лучшими рѣчными пароходами. Для сравненія приведу нѣкоторыя цѣны. На Обскомъ пароходѣ бутылка хорошаго пива стоитъ 25—30 к. (въ Москвѣ 20—30 к.), бу-

тылка лафита (изъ Москвы) 2 р. 50 к. (въ Москвѣ 1 р. 80 к.), полъ-бутылки сельтерской воды (также изъ Москвы) 30 к. (въ Москвѣ 20 к.), кофе 20 к. (въ Москвѣ и Петербургѣ 60 к., въ Тобольскѣ 50, въ Казани 40 к.), чай 40 к. (въ Москвѣ и Петербургѣ 60 к., въ Казани 30 к., въ Тобольскѣ 60 к.), 4 яица 10 к. (въ Москвѣ и Тобольскѣ 20 к.), бифштексъ 40 к. (въ Казани 50 к., въ Тобольскѣ 60 к.), порція жареной телятины 30 к., рябчикъ 35 к., яичница 50 к., обѣдъ 1 р. 50 к. (тоже самое, что въ Москвѣ и Казани). Конечно, съѣстные припасы стоятъ въ Сибири несравненно дешевле, чѣмъ въ Европейской Россіи.—Пароходы фирмы Колчина и Игнатова одни дѣлаютъ правильные рейсы (приблизительно отъ 17 мая по 1 октября), между Тюменью и Томскомъ. Отъ каждой изъ этихъ двухъ конечныхъ станцій еженедѣльно отправляется по пароходу, которые проходятъ 2677 верстъ въ 6—8 дней, смотря по высотѣ воды. Между Томскомъ и Самаровымъ пять главныхъ станцій: Колпичево, Нарымъ, Томскъ, Александрово и Сургутъ, но пароходы останавливаются кромѣ того еще въ четырехъ мѣстахъ, чтобы запастись дровами, на что каждый разъ уходитъ часа $1^1/_2$—2 времени. Плата за проѣздъ отъ Тюмени до Томска въ первомъ классѣ—22 р., во второмъ—14 р., въ третьемъ 6 р., понятно не считая содержанія. Тарифъ на провозъ клади колеблется между 20 и 60 коп. съ пуда и очень рѣдко доходитъ до 80 коп. Весною впрочемъ берутъ по 60 коп. съ пуда и за кладь отъ Ирбита до Томска.

Кромѣ упомянутой линіи сообщенія, по Оби и ея притокамъ, пароходы ходятъ еще временно между слѣдующими пунктами. Тотчасъ послѣ вскрытія рѣкъ, обыкновенно около 30 апрѣля или 1 мая, съ наступленіемъ половодья, открывается однорейсное сообщеніе съ Ирбитомъ, куда отправляются изъ Тюмени пароходовъ 10—12 (они обыкновенно идутъ $2^1/_2$ дня и дѣлаютъ 400 верстъ противъ теченія), чтобы привезти въ Томскъ закупленные на большой зимней ярмаркѣ товары. Съ тою же цѣлью весной отправляются пять пароходовъ, по Иртышу, въ Семипалатинскъ, два — въ Барнаулъ, два маленькихъ, по Тоболу, до Ялуторовска, и кромѣ того, лѣтомъ, одна шлюбка въ Семипалатинскъ и другая, большихъ размѣровъ, въ Барнаулъ, съ цѣлью доставки въ Тюмень золотой руды. Весною (въ маѣ или въ іюнѣ) отправляются также два парохода съ четырьмя баржами по Чулыму, правому притоку Оби, и доставляютъ въ городъ Ачинскъ (1200 верстъ) ирбитскіе товары и соль. Чулымъ, почти

подходящій на широтѣ Красноярска къ водораздѣлу Енисея, могъ бы помощію канала служить къ соединенію Енисея съ Обью,— проэктъ, который не только исполнимъ, но повидимому и на самомъ дѣлѣ будетъ приведенъ въ исполненіе. Самъ г. Игнатовъ обратилъ на него вниманіе и употреблялъ такія же старанія на изслѣдованіе Чулыма, какія приложилъ ранѣе къ рекогносцировкѣ Иртыша до Зайсанскаго озера. По мнѣнію Игнатова и Вардроппера, главнымъ препятствіемъ къ судоходству по этой рѣкѣ является масса затонувшихъ деревьевъ, которыми засоренъ фарватеръ; поэтому прежде всего необходимо очистить рѣку. Въ 1872 году на счетъ правительства была произведена съемка р. Кети, протекающей далѣе къ сѣверу; она также оказалась очень удобною для устройства соединительнаго канала съ Енисеемъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что выполненіе упомянутаго проэкта было бы дѣломъ громадной важности; уже одна плата за провозъ чая понизилась бы отъ того на пять рублей за цыбикъ.

Кромѣ описаннаго правильнаго сообщенія между Тюменью и Томскомъ, въ 1877 году должно было открыться таковое же между Тобольскомъ и Омскомъ, имѣющее быть продолженнымъ на 760 верстъ далѣе до Семипалатинска. Кромѣ того Игнатовъ имѣлъ въ виду построить особый плоскодонный пароходъ для Тобола, по которому онъ бы могъ ходить за Ялуторовскъ до Кургана; мнѣ неизвѣстно однако, былъ ли этотъ проэктъ приведенъ въ исполненіе.

О значеніи пароходства для рыбной торговли мнѣ еще придется говорить впослѣдствіи.

Чтобы закончить очеркъ обскаго пароходства въ отношеніи персонала служащихъ, слѣдуетъ еще замѣтить, что капитаны этихъ пароходовъ—люди образованные, и что помощниками ихъ служатъ опытные лоцмана, изъ мѣстныхъ жителей, хорошо знакомые съ фарватеромъ и его измѣненіями по временамъ года. Экипажъ такого парохода какъ „Бѣльченко“ (въ 120 силъ), постройка котораго, замѣтимъ мимоходомъ, обошлась въ 80,000 р., состоитъ изъ капитана, его помощника, двухъ лоцмановъ, четырехъ подручныхъ (рулевыхъ) и 10 матросовъ; кромѣ того при машинѣ: одинъ главный машинистъ и четыре его помощника, шесть кочегаровъ и четыре рабочихъ для носки дровъ. При кухнѣ находится поваръ, съ 3 помощниками и 3—4 половыми. Капитаны и старшіе машинисты нанимаются обыкновенно на болѣе или менѣе продолжительный срокъ и получаютъ 1500—1200 р. въ годъ. Матросы получаютъ по 14, кочегары по 16, первый

поваръ 60—70 р. въ мѣсяцъ. Содержаніе не включается въ эту сумму, но арендаторъ буфета обязанъ отпускать служащимъ столъ за 10 р. въ мѣсяцъ, и брать за харчи съ матросовъ ежедневно 12—15 коп. Лоцманы получаютъ отъ 600 до 800 р. за сезонъ. До 1878 года, на обскихъ пароходахъ (какъ и на волжскихъ) отопленіе производилось исключительно дровами. Покуда дрова еще вообще въ избыткѣ, но, вслѣдствіе частыхъ и опустошительныхъ лѣсныхъ пожаровъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начинается уже чувствоваться недостатокъ въ топливѣ. На случай совершеннаго истребленія лѣсовъ, въ окрестностяхъ имѣются, впрочемъ, какъ я уже говорилъ выше, громадныя залежи каменнаго угля, который можетъ вполнѣ покрыть недостатокъ въ топливѣ. Дрова (преимущественно сосновыя и лиственничныя) стоятъ на берегу распиленные и расколотые; они обходятся, среднимъ числомъ, по 1 р. 60 к. за кубическую сажень. Пароходъ въ 120 силъ истребляетъ ихъ ежедневно по 35 саженъ, а въ 80 силъ по 20 саженъ. За доставку дровъ на пароходъ платится вездѣ по 25 к. на человѣка; таскаютъ ихъ на носилкахъ, причемъ работой занимаются отчасти туземцы, отчасти служащіе на баржахъ для ссыльныхъ, а иногда матросы.

До Самарова „Бѣльченко“ останавливался 4 раза, чтобы запастись дровами, и это дало намъ возможность провести часовъ около двухъ на берегу. На пристаняхъ царило большое оживленіе и суета; кромѣ носильщиковъ, таскавшихъ крупныя полѣнья дровъ, тутъ толпились обыкновенно и мѣстные жители съ разными съѣстными припасами. Они пріѣзжаютъ частію съ противоположнаго берега, на маленькихъ челнокахъ, выдолбленныхъ изъ стволовъ тополя, въ которыхъ приходится грести, стоя на колѣняхъ (по ловкости въ этомъ отношеніи женщины нисколько не уступаютъ мущинамъ) и привозятъ для продажи хлѣбъ, излюбленные плоскіе кольцеобразные калачи, яйца, масло, свѣжее и кислое молоко, свѣжую и соленую рыбу. Все это охотно покупается пассажирами третьяго класса и матросами, которымъ продовольствіе обходится такимъ образомъ очень дешево. Разумѣется, нужно торговаться до безконечности, такъ какъ продавцы очень любятъ запрашивать: такъ напр. за $1^1/_2$ футовыхъ осетровъ они просили по 20 к., что по здѣшнимъ цѣнамъ считается очень дорогимъ.

Мы были особенно довольны тѣмъ, что намъ удалось при этихъ остановкахъ познакомиться съ туземцами, которые, впрочемъ, производятъ далеко не благопріятное впечатлѣніе. Никогда не ви-

далъ я—развѣ кромѣ индѣйцевъ въ Калифорніи и лапландцевъ въ Норвегіи—такого жалкаго народа, какъ эти такъ называемые Остяки. По крестамъ, надѣтымъ у нихъ на шеѣ, они заявляютъ себя христіанами, но явные слѣды пьянства и сифилиса свидѣтельствуютъ, что христіанская религія не особенно способствовала ихъ нравственному развитію.

Малый ростъ, выдающіяся скулы, маленькіе черные глаза, приплюснутый носъ, большія толстыя губы и длинные, черные, гладкіе волосы придавали имъ монгольскій отпечатокъ. Черты лица, впрочемъ, представляли большое разнообразіе, равно какъ и цвѣтъ кожи, которая вообще имѣетъ смуглый оттѣнокъ, но у нѣкоторыхъ такъ-же бѣлъ, какъ и у русскихъ. Мужчины одѣваются какъ русскіе, съ тою только разницею, что костюмъ ихъ поношенъ и изорванъ до послѣдней степени. Женщины были одѣты въ пестрыя платья, похожія на рубашку; ихъ всклокоченные волосы были повязаны платкомъ. Особенное вниманіе обращала на себя одна, отвратительно безобразная старуха, у которой щеки до самаго угла рта были нататуированы синимъ рисункомъ, похожимъ на вѣтку дерева. Женщины занимались шитьемъ своихъ оригинальныхъ костюмовъ или сшивали полоски бѣличьихъ мѣховъ; другія были заняты печеньемъ хлѣба, который приготовляется ими самымъ первобытнымъ способомъ. Ржаная мука съ примѣсью соли обваривается кипяткомъ, мѣсится въ тѣсто, намазывается на палку и печется или жарится въ горячей золѣ. Оригинальные, конусообразные шалаши изъ бересты (чумы) тутъ еще не встрѣчаются. Остяки живутъ здѣсь въ жалкихъ землянкахъ или въ палаткахъ самой первобытной конструкціи, именно состоящихъ изъ укрѣпленнаго на кольяхъ косого навѣса изъ березовой коры, подъ которымъ устроенъ, для защиты отъ комаровъ, небольшой набойчатый пологъ, въ которомъ и спитъ вся семья на оленьихъ шкурахъ. Убранство и пожитки вполнѣ гармонировали съ крайнею убогостью незатѣйливаго жилья. Они состояли обыкновенно изъ немногихъ шкуръ сѣвернаго оленя, мѣшка муки, желѣзнаго котла, чайника, нѣсколькихъ деревянныхъ плоскихъ корытъ и разной круглой посуды изъ бересты, для воды и съѣстныхъ припасовъ. Между всѣмъ этимъ хламомъ не было ничего оригинальнаго, что могло бы привлечь вниманіе этнографа, а о предметахъ для мѣны не могло быть и рѣчи. Я упоминаю объ этомъ потому, что въ описаніи Сибири Албина Кона мнѣ пришлось вычитать будто бы между Томскомъ и Тюменью можно легко вымѣнить нѣсколько куньихъ или лисьихъ

шкурокъ за старую шерстяную фуфайку; я долженъ прибавить еще, что Остяки, живущіе на средней Оби, отлично знаютъ цѣну деньгамъ и отнюдь не новички въ мѣновой торговлѣ.—За неимѣніемъ чего другого они предложили намъ купить по рублю за штуку ихъ волкообразныхъ дворняшекъ, которыя были дѣйствительно недурны собой и очень понравились намъ.

Кромѣ того насъ порадовала еще здѣсь домашняя кошка и молодой, едва оперившійся, бѣлохвостъ (Haliaëtus albicilla); что касается туземцевъ, то мы встрѣтили ихъ только близъ Ново-Тимскаго, небольшого русскаго мѣстечка на правомъ берегу, недалеко отъ устьевъ Томи, и затѣмъ еще другой разъ. Такимъ образомъ мѣстность между Томскомъ и Самаровымъ не особенно благопріятна для изученія Остяковъ, которые здѣсь уже на половину или вполнѣ обрусѣли. Описанія путешественниковъ, видѣвшихъ ихъ только въ этихъ мѣстахъ, очевидно, могли только способствовать къ распространенію многихъ ложныхъ о нихъ свѣдѣній.

Кромѣ Тимскаго, мы останавливались только у одного большого села на лѣвомъ берегу, въ 7 часахъ ѣзды отъ Томска, сколько помнится, Колпачева, и видѣли еще издали Нарымъ, небольшой городокъ (около 2000 жителей, при устьѣ Кети), лежащій на правомъ берегу и затопленный кругомъ разлившеюся рѣкою; городокъ же Сургутъ (около 1000 жителей) остался у насъ въ сторонѣ. Эти три пункта—самые населенные на всемъ протяженіи 1547 верстъ.

Множество оленьихъ и лосиныхъ шкуръ (цѣна первымъ была по 1 р., а вторымъ по 3 р.), которыя были здѣсь нагружены на пароходѣ, свидѣтельствовали о нѣкоторомъ значеніи ихъ для торговли. Кромѣ того, кое-гдѣ, на берегу, виднѣлись еще деревянныя подмостки для сушки рыбы, которыя доказывали, что этотъ промыселъ составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ пропитанія жителей.

Сама рѣка не представляла, впрочемъ, никакого оживленія; въ продолженіи четырехъ дней мы встрѣтили только два парохода, идущіе вверхъ, противъ теченія. При однообразіи и пустынности ландшафта, естественно было ожидать нѣкотораго разнообразія отъ фауны, но и эта надежда была обманута. Обь поразительно бѣдна животною жизнью и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на ней царствуетъ мертвая тишина. Правда, по временамъ виднѣются многочисленныя стаи дикихъ утокъ, но онѣ держатся настолько далеко, что невозможно даже различить породъ. Только однажды увидалъ я лебедей. Единственными спутниками парохода были чайки

(Larus affinis) и морскія крачки. Изъ мелкихъ птицъ встрѣчалась всего чаще бѣлая трясогузка (Motacilla alba); по временамъ слышался голосъ кукушки, и вездѣ, гдѣ берегъ былъ маломальски удобенъ, т. е. гдѣ онъ былъ значительно выше уровня разлива рѣки, въ немъ гнѣздились цѣлыя сотни береговыхъ ласточекъ (Hirundo riparia), повидимому, самыхъ распространенныхъ и многочисленныхъ здѣсь птицъ. Мы встрѣчали эту птичку-космополита повсюду на нашемъ пути; между прочимъ, два мѣсяца тому назадъ, на Ала-Кулѣ, гдѣ она уже старательно вила гнѣзда; здѣсь, на Оби, она также была занята устройствомъ гнѣзда, но вѣдь мы находились на 13 градусовъ сѣвернѣе, и прибавившійся

Становище обрусѣвшихъ остяковъ.

день достаточно указывалъ намъ, что мы приближались къ полярному кругу. За послѣдніе дни день сталъ прибавляться съ поразительною быстротою. Перваго іюля, недоѣзжая Томска, примѣрно подъ 56 град. сѣверной широты, въ полночь было еще настолько темно, что нельзя было различать буквъ, хотя и можно было писать; 2-го, на три градуса сѣвернѣе, въ это же время, можно уже было читать мелкій шрифтъ, а 3-го, еще на три градуса далѣе къ сѣверу, пришлось завѣсить почью окна каюты, чтобы произвести искуственный мракъ. Въ полночь на небѣ еще виднѣлась широкая полоса солнечнаго свѣта, золотившаго облака.

Жизнь на палубѣ, по всему, что касалось кухни, погреба и прочихъ удобствъ, не оставляла желать ничего лучшаго; личная

свобода не стѣснялась даже обязательно опредѣленнымъ часомъ обѣда, и большая часть пассажировъ являлась на палубу только къ полудню. Публика перваго класса была такая же, какъ и вездѣ. Тутъ были патентованные франты съ массивными золотыми брелоками, пенсне, шелковыми пестрыми галстуками, и, смотря по погодѣ, высокими цилиндрами или клеенчатыми фуражками на головѣ; не было недостатка и въ кокетливыхъ дамахъ, которыя, впрочемъ, какъ и мужчины, курили папироски и коротали время вмѣстѣ съ ними, занимаясь безконечною игрою въ вистъ. Одинъ господинъ въ военной формѣ заинтересовалъ меня не потому, что былъ въ мундирѣ, а потому, что везъ своего 7-лѣтняго сына въ учебное заведеніе, и именно изъ Владивостока на Амурѣ въ Петербургъ. Онъ находился въ дорогѣ съ 5-го мая, т. е. уже два мѣсяца, и согласно отпуску, могъ пробыть въ столицѣ только двѣ недѣли, а затѣмъ ему предстоялъ обратный путь въ 10,000 верстъ.—Вотъ какова Сибирь!

Между пассажирами 3-го класса,—къ быту которыхъ я присматривался съ особеннымъ интересомъ, и многіе изъ коихъ наглядно убѣждали, какъ мало собственно нужно человѣку, чтобы быть довольнымъ и счастливымъ,—особенно заинтересовалъ меня одинъ полякъ, не потому только, что, отвыкнувъ въ теченіи 12 лѣтъ отъ нѣмецкаго языка, онъ съ видимымъ усиліемъ объяснялся на немъ, но и тѣмъ, что разсказалъ мнѣ чистосердечно исторію своей жизни. Такъ какъ это—исторія ссыльнаго, „несчастнаго“, какъ ихъ называютъ въ Сибири, то я не считаю себя въ правѣ умолчать о ней, тѣмъ болѣе, что меня часто спрашивали о судьбѣ этихъ людей, и я не имѣю никакого основанія сомнѣваться въ вѣрности слышаннаго мною разсказа. По ремеслу мыловаръ, этотъ полякъ жилъ долго въ Германіи и, вѣроятно, благополучно продолжалъ бы свое существованіе въ Варшавѣ, своемъ родномъ городѣ, если бы не вспыхнула революція 1863 года. Воодушевившись, какъ и многіе другіе, въ пользу „ойчизны“, и убѣжденный въ успѣшности затѣяннаго дѣла, онъ рискнулъ принять на себя обязанность политическаго агента и доставить въ Парижъ важныя извѣстія. Но уже въ Вѣнѣ 20-лѣтній юноша былъ открытъ вмѣстѣ съ письмомъ, которое было у него спрятано въ сапогѣ, арестованъ и послѣ 13-ти-мѣсячнаго ареста отправленъ на поселеніе въ ссылку въ Сибирь „на всю жизнь“. Въ то время до Тобольска ссыльныхъ везли на лошадяхъ, а отъ Тобольска до Нерчинска ихъ гнали по этапу, закованными въ 20-ти фунтовыя цѣпи; всего съ нимъ было 250

товарищей, съ которыми, въ шесть мѣсяцевъ, проходя ежедневно по семи часовъ, онъ и достигъ наконецъ конечной цѣли своего странствія. Здѣсь, въ то время, какъ его состоятельные и высокопоставленные товарищи, зачинщики злосчастнаго возмущенія, вскорѣ были избавлены отъ цѣпей, нашли радушный пріемъ въ домѣ коменданта, были приглашаемы на чайные и танцовальные вечера,—онъ, съ прочими бѣдными товарищами по несчастію, долженъ былъ ежедневно работать по 13 часовъ въ сутки въ рудникахъ, гдѣ на двухъ человѣкъ полагалось ежедневно вырывать по три кубическихъ аршина мерзлой земли. Ихъ ежедневное продовольствіе состояло изъ трехъ фунтовъ хлѣба и одного фунта мяса, которое предоставлялось варить имъ самимъ; впрочемъ, благодаря вліянію ихъ лучше поставленныхъ товарищей, по воскресеньямъ имъ стали давать еще кое-что сверхъ положеннаго. Одинъ сострадательный кузнецъ согласился также за 12 к. перемѣнить ночью 20-ти фунтовыя цѣпи на 12-ти-фунтовыя. Послѣ двухъ лѣтъ каторжной работы въ Нерчинскѣ, за хорошее поведеніе съ него сняли цѣпи и перевели въ соляныя копи, гдѣ работать гораздо легче, а по прошествіи еще двухъ лѣтъ помиловали и перевели на поселеніе. Такъ какъ его спеціальность, мыловареніе, не могла дать ему въ Сибири достаточнаго обезпеченія, то онъ принялся за болѣе низкое ремесло и, поселившись въ маленькой деревнѣ, назначенной ему для мѣста жительства, сталъ лить сальныя свѣчи. Но и этотъ продуктъ шелъ плохо, тогда, съ разрѣшенія правительства, онъ нанялся въ услуженіе къ одному мелочному торговцу въ большомъ селѣ близъ Канска. Получая въ мѣсяцъ 20 рублей жалованья, онъ могъ жениться и, слѣдуя только своему чувству, выбралъ дѣвушку изъ довольно зажиточнаго, по мѣстнымъ условіямъ, крестьянскаго семейства. Недовольный неровнымъ бракомъ, тесть мало однако помогъ дочери и все приданое состояло изъ нѣсколькихъ старыхъ горшковъ и тому подобной домашней рухляди. Полякъ впрочемъ не упалъ духомъ и на скопленные гроши открылъ свою собственную лавочку. Дѣло пошло очень хорошо. Сосѣдніе крестьяне стали часто навѣдываться къ нему и раскупали чай, сахаръ, сапоги и тому подобный мелочной товаръ. Одно было худо,—большая часть этихъ покупателей брала въ долгъ и не платила, такъ что когда добросовѣстный продавецъ свелъ счеты, оказалось, что изъ 600 рублей, съ которыми онъ началъ торговать, едва осталось 190. Когда въ отдаленной деревушкѣ на Енисеѣ проникла вѣсть о милостивомъ манифестѣ великодушнаго Александра

И, въ нашемъ полякѣ пробудилась съ необыкновенной силой любовь къ родинѣ и онъ рѣшился во что бы то ни стало, вернуться въ отечество и повидаться съ своими состарѣвшимися родителями въ Варшавѣ. Продавъ за 30 р. свой домъ и своихъ пять коровъ, онъ отправился въ путь съ женою и дѣтьми, тремя миловидными дѣвочками, отъ трехъ до шести лѣтъ. У него было очень мало денегъ на дорогу, но онъ зналъ, что въ Сибири можно путешествовать, тратя очень мало. До Красноярска онъ ѣхалъ на парѣ собственныхъ лошадей, которыхъ здѣсь и продалъ. Отъ Красноярска до Томска дорога ему стала 10 р., отъ Томска до Тюмени 18 р., далѣе до Перми онъ условился съ однимъ татариномъ за 25 р., въ надеждѣ, что родители вышлютъ ему туда 40 р. Такимъ образомъ путевыя издержки были очень невелики, а продовольствіе почти ничего не стоило, такъ какъ взятаго изъ дому хлѣба, масла и ветчины должно было хватить съ избыткомъ до Перми, а больше имъ ничего не было нужно. Хотя въ послѣднее время этому поляку жилось и не худо въ Сибири, но, какъ и бо́льшая часть его соотечественниковъ, онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ возможности уѣхать оттуда, и не изъ одного только чувства любви къ родинѣ, которая во всякомъ случаѣ не сулила ему особенно заманчивой будущности, а главнымъ образомъ потому, что даже для него, сравнительно неразвитаго человѣка, Сибирь представлялась ужасной духовной могилой. Съ какимъ жаднымъ любопытствомъ распрашивалъ онъ о случившихся за послѣднія 12 лѣтъ замѣчательныхъ событіяхъ и политическихъ переворотахъ, и какъ благодаренъ былъ онъ за то, что я часто бесѣдовалъ съ нимъ. Отдавая съ одной стороны должную похвалу добродушію и гостепріимству сибиряковъ, онъ, съ другой стороны, описывалъ въ яркихъ чертахъ ихъ невѣжество, грубость и суевѣріе. Для примѣра, онъ разсказалъ мнѣ, между прочимъ, какъ однажды крестьянинъ, собравшійся было ѣхать на охоту, вернулся домой, единственно потому, что онъ (полякъ) случайно перешелъ ему дорогу, что тотъ принялъ за зловѣщее предзнаменованіе, и не только что вернулся, но даже прицѣлился было въ мнимаго вѣстника несчастія.

Не для того, чтобы вознаградить бѣдняка за понесенныя имъ лишенія, сколько потому, что онъ мнѣ очень полюбился, я былъ радъ оказать ему маленькую услугу и былъ бы еще болѣе радъ, если бы его желанія исполнились А скромнѣе его желаній ничего и быть не могло: онъ искалъ только работы на родинѣ! Къ сожалѣнію ему нельзя было ѣхать прямо къ своимъ роднымъ;

онъ долженъ былъ остановиться въ Кіевѣ и уже тамъ ждать окончательнаго разрѣшенія пріѣхать въ Варшаву.

Какъ самое названіе парохода, „Бѣльченко“, данное въ честь начальника надъ ссыльными, уже могло служить напоминаніемъ, что мы ѣхали большимъ воднымъ путемъ, по которому отправляются эти невольные странники, такъ еще болѣе утверждала въ томъ уродливая черная баржа, которую пароходъ тащилъ на буксирѣ. Это было одно изъ тѣхъ громадныхъ судовъ, которыя были построены въ числѣ трехъ, фирмою Колчина и Игнатова, при пособіи отъ казны, спеціально для перевозки ссыльныхъ изъ Тюмени въ Томскъ. Прежде ссыльныхъ отправляли, большею частію, въ западную Сибирь, а теперь ими стали населять и вос-

Внутренность остяцкаго чума.

точную ея половину; важные преступники, приговоренные къ каторжной работѣ, ссылаются, кромѣ Нерчинска, еще въ Забайкалье и на о-въ Сахалинъ въ каменноугольныя копи. Такъ какъ ежегодно въ Тюмень прибываетъ около 11—12000 ссыльныхъ, то, для дальнѣйшаго препровожденія въ Томскъ, понадобились особоустроенныя буксирныя суда. Эти, такъ называемыя „арестантскія баржи“, употребляемыя съ 1872 года, имѣютъ 250 футовъ длины, сидятъ въ водѣ не болѣе трехъ футовъ и стоютъ, каждая, 30,000 р. Окружающая ихъ желѣзная рѣшетка, переходящая вверху въ проволочную сѣть, придаетъ имъ странный своеобразный видъ, и какъ по дорогѣ въ Тюмень мы сначала

принимали повозки ссыльныхъ за клѣтки для куръ, такъ и эти большія суда произвели на насъ впечатлѣніе колоссальныхъ вольерокъ. Согласно своему назначенію, все судно устроено на подобіе тюрьмы. Какъ внутреннее помѣщеніе, такъ и палуба раздѣлена на камеры, гдѣ ссыльные проводятъ ежедневно по нѣскольку часовъ, для того, чтобы пользоваться свѣжимъ воздухомъ. Кромѣ кухни и умывальной, на каждомъ суднѣ есть еще лазаретъ и аптека. Караулъ изъ 25—40 солдатъ находится подъ начальствомъ поручика, не особенно пріятная обязанность котораго въ лѣтнее время состоитъ въ постоянномъ плаваніи отъ Тюмени до Томска и обратно. Ссыльные составляютъ изъ себя настоящую артель: они получаютъ цѣликомъ деньги, выдаваемыя казною на ихъ содержаніе, (по 15 к. въ сутки на человѣка) и закупаютъ провизію гуртомъ, что, при дешевизнѣ съѣстныхъ припасовъ, даетъ имъ возможность имѣть порядочный столъ.

Перевозка такого большого числа ссыльныхъ, за которыхъ казна платитъ по $6^1/_2$ руб. съ человѣка, не только вызвала одновременное открытіе правильнаго пассажирскаго сообщенія, но и оживленный сплавъ товаровъ. Возвращающіяся обратно пустыми баржи берутъ по пути товары, между которыми главное мѣсто занимаетъ чай, идущій въ Томскъ изъ Кяхты черезъ Иркутскъ; одни Игнатовскіе пароходы доставляютъ втеченіе сезона до 80,000 цыбиковъ чая, по три пуда въ каждомъ.

Наша баржа везла, кромѣ товаровъ, еще дрова для топки парохода, для пріема которыхъ разъ мы имѣли продолжительную остановку.

По близости отъ Самарова мѣстность оживляется, не сама по себѣ, но по причинѣ большей населенности. Чаще начинаютъ встрѣчаться луга съ пасущимся скотомъ, пашни, даже деревни. На небольшомъ разстояніи мы проѣхали три селенія; въ одномъ изъ нихъ виднѣлась даже красивая маленькая церковь. Рѣка приняла также болѣе величественный видъ и стала такъ широка, что мы не замѣтили, какъ очутились на буро-мутныхъ водахъ Иртыша. Обманъ поддерживался еще тѣмъ, что брошенныя въ воду щепки, казалось, плыли вмѣстѣ съ нами внизъ по теченію, тогда какъ въ дѣйствительности пароходъ пошелъ теперо вверхъ по Иртышу. Это замѣчательное явленіе обусловливалось тѣмъ, что могучая масса водъ разлившейся Оби пересиливала теченіе Иртыша. Къ $7^7/_2$ часамъ, нашъ пароходъ подошелъ къ правому, крутому берегу Иртыша, покрытому роскошнымъ первобытнымъ лѣсомъ, а полчаса спустя мы остановились у маленькаго домика съ нѣ-

сколькими амбарами,—это было Самарово, лежащее въ 25 верстахъ выше мѣста сліянія Оби съ Иртышомъ.

Тутъ мы должны были оставить пароходъ, на которомъ, къ сожалѣнію, намъ пришлось провести только трое сутокъ и 16 часовъ, почти въ позабытомъ нами комфортѣ, который былъ поэтому еще болѣе для насъ чувствителенъ. Мы обязаны имъ отчасти любезному капитану Александру Павловичу Рассошнику, который вскорѣ отправился съ пароходомъ по направленію въ Тобольскъ.

Дальнѣйшее путешествіе нѣсколько безпокоило меня, такъ какъ съ Самаровымъ прекращалось всякое правильное сообщеніе внизъ по рѣкѣ и было еще вопросомъ—въ состояніи ли мы будемъ нанять или купить тутъ подходящее судно. Представьте-же себѣ наше удивленіе, когда, едва вступивъ на берегъ, мы были обрадованы привѣтствіемъ засѣдателя или окружного начальника, который сообщилъ намъ, что все готово для дальнѣйшаго путешествія!

Въ этой деревнѣ, названіе которой было намъ едва извѣстно ранѣе и въ которую мы пріѣхали безъ всякихъ рекомендацій, объ насъ позаботились такъ, какъ я этого желалъ бы себѣ для всѣхъ дальнѣйшихъ поѣздокъ и вообще для всѣхъ путешественниковъ. Нашъ великодушный покровитель не былъ высокопоставленное лицо, ни даже какой нибудь богачъ, а простой, какъ онъ самъ себя называлъ, „Рязанскій крестьянинъ“, Василій Трофимовичъ Земцовъ, по имени. Поселившись, лѣтъ 25 тому назадъ, въ маленькой деревнѣ на Иртышѣ, бережливостью и трудолюбіемъ онъ составилъ себѣ репутацію зажиточнаго и вліятельнаго человѣка, рѣдкая опытность котораго, въ особенности по предмету рыболовства, принесла мнѣ немалую пользу. Этотъ крестьянинъ, сознававшій все значеніе предпринятаго нами съ научною цѣлью путешествія и готовый по мѣрѣ силъ и возможности служить наукѣ,—что могли бы взять въ примѣръ себѣ многіе изъ нашихъ богачей, позаботился о насъ задолго до нашего пріѣзда.

„Въ прошломъ апрѣлѣ мѣсяцѣ узналъ я,—писалъ онъ г-ну Полякову,—что въ маѣ слѣдующаго года, Бременская экспедиція должна будетъ на пути въ Одборскъ проѣхать черезъ наше село. Сознавая всю громадную пользу этого предпріятія и зная что изъ Самарова въ Обдорскъ можно достигнуть только въ лодкѣ,—движимый желаніемъ по мѣрѣ силъ быть полезнымъ экспедиціи и оказать ей свое содѣйствіе, я построилъ крытую осьмивесельную лодку, чтобы представить ее въ личное распоряженіе г-на д-ра Финша“.

Хотя это намѣреніе и не было приведено въ исполненіе, такъ какъ, изъ совершенно справедливаго и законнаго патріотическаго чувства, за нѣсколько дней до нашего пріѣзда (2-го іюля), Земцовъ уступилъ лодку своему соотечественнику, г-ну Полякову, путешествующему по порученію Императорской Академіи Наукъ, —все-таки мы были обязаны ему несказанною благодарностью. Благодаря его предупредительности, для насъ были приготовлены двѣ другія крытыя лодки, вполнѣ достаточныя для нашей цѣли; не будь ихъ, трудно было бы достать другія. Земцовъ предоставилъ намъ ихъ безусловно и безвозмездно, и когда я, въ качествѣ отвѣтственнаго начальника экспедиціи, предложилъ заключить контрактъ и опредѣлить извѣстную сумму на случай поврежденія или потери ихъ, онъ засмѣялся и сказалъ: „Пустяки! Дѣлайте съ лодками, что хотите; если что случится, это ужъ будетъ мой убытокъ. Пустяки!“

Разстояніе съ версту, отъ пристани до деревни, мы прошли пѣшкомъ, любуясь ущельями высокаго берега, одѣтыми великолѣпными лѣсами, гдѣ намъ встрѣтился, между прочимъ, первый бурундукъ (Tamias striatus). Ландшафтъ былъ настолько соблазнителенъ, что д-ръ Брэмъ тотчасъ рѣшилъ отправиться на охотничью прогулку, а я занялся приготовленіями къ дальнѣйшему путешествію.

Самарово (Самаровское)—красивое мѣстечко, считающее около 400 жителей (русскихъ), которые занимаются скотоводствомъ и рыболовствомъ, а также ведутъ кое-какую торговлю. Довольно безпорядочно расположенные, по бо́льшей частью красивые деревянные домики ограничиваютъ нѣсколько кривыхъ угловатыхъ улицъ, съ высокими мостками по обѣимъ сторонамъ. Даже въ сухую погоду эти мостки были нелишними, а въ дождливое время безъ нихъ нельзя было бы обойтись, потому что улица обращается тогда въ топкое, непроходимое болото.

Насъ пригласили остановиться у одного изъ самыхъ богатыхъ обывателей, и если я скажу, что при невѣроятной дешевизнѣ строевого лѣса, домъ его обошелся въ 21,000 р., то легко себѣ представить, какъ онъ былъ великъ и помѣстителенъ. Весьма просторныя, какъ обыкновенно въ Сибири, комнаты были меблированы почти роскошно; по стѣнамъ, кромѣ обычнаго, неизбѣжнаго украшенія, иконъ въ позолоченныхъ ризахъ, висѣло еще множество другихъ картинъ въ рамкахъ, портреты императора Александра, Фридриха Вильгельма IV, Наполеона III, Абдулъ-Мед-

жида и изображенія разныхъ тропическихъ растеній, вѣроятно изъ какого нибудь ботаническаго атласа, какъ то показывали латинскія подписи.

Поданъ былъ чай и закуска, и кромѣ того радушный хозяинъ послалъ еще въ лодку запасъ свѣжаго хлѣба. На предлагаемое вознагражденіе здѣсь смотрятъ какъ на оскорбленіе; но какъ я узналъ послѣ, съ удовольствіемъ принимаютъ какую нибудь бездѣлицу на свѣчку, которую ставятъ передъ образами, чтобъ испросить у святыхъ благополучнаго путешествія для путниковъ.

Скоро пришелъ милѣйшій Иванъ и доложилъ, что все готово. Итакъ послѣ часовой остановки, мы могли 6 іюля, въ 3 часа утра, сопровождаемые благословеніями и добрыми пожеланіями Земцова, нашего хозяина и другихъ радушныхъ деревенскихъ жителей, продолжать нашъ путь. Деревня, съ своими красивыми деревянными избами, часовней и небольшой церковью, какъ всегда въ Сибири, съ зеленымъ куполомъ, отчетливо виднѣлась съ рѣки и имѣла весьма веселый видъ. Позади селенія, на крутомъ скатѣ горъ, гребень которыхъ былъ покрытъ лѣсомъ, взорамъ нашимъ представилась весьма пріятная и непривычная картина человѣческаго труда — правильныя, огороженныя гряды. Это были конечно не виноградники, а картофельные огороды, такъ какъ съ Самарова поясъ хлѣбныхъ растеній уже кончился. Непосредственно у воды возвышались грубо сложенныя изъ бревенъ четырехъ-угольныя постройки, крыши которыхъ состояли изъ высокихъ стоговъ сѣна. Это были хлѣвы для скотины, теперь однако пустые, потому что въ разливъ многіе изъ нихъ были залиты водою.

Несмотря на ранній часъ солнце ужъ взошло и въ холодномъ утреннемъ туманѣ, покрывавшемъ воду какъ бы паромъ, производило воздушныя явленія, которыя, при незнаніи мѣстности, совершенно насъ спутали: мы не знали находились-ли мы еще въ Иртышѣ или ужъ плывемъ по Оби. Высокій берегъ, поднимавшійся справа, быть можетъ ужъ принадлежалъ Оби и составлялъ такъ называемыя „Томскія предгорія,“ но можетъ быть это ничто иное, какъ отраженіе оставшейся у насъ позади высокой Иртышской гряды, такъ какъ между этими двумя возвышенностями воздухъ имѣлъ какое то неопредѣленное и колеблющееся освѣщеніе. Лѣвый низкій берегъ былъ затопленъ, и изъ воды мѣстами выдавались островки и отмели, поросшія ивнякомъ и тростникомъ. Щепки, брошенныя въ воду плыли назадъ, какъ будто мы шли противъ теченія. Но рулевой завѣрилъ насъ, что

мы находимся не въ Иртышѣ и не въ Оби, но въ протокѣ, соединяющемъ обѣ эти рѣки, вода котораго какъ бы вытѣснялась назадъ теченіемъ Оби. Наконецъ мы достигли широкой темной водной поверхности Оби, но здѣсь насъ опять начинаетъ смущать миражъ: глазамъ нашимъ, почти въ ясныхъ, но слегка колеблющихся очертаніяхъ, представляется деревня. Только въ половинѣ восьмого достигли мы до нея, чтобъ здѣсь въ первый разъ перемѣнить гребцовъ, какъ на сушѣ ямщиковъ. Благодаря нашему открытому листу, мы могли требовать гребцовъ, такъ какъ малонаселенная страна обязана давать ихъ лишь для почты. Послѣдняя правильно ходитъ черезъ каждыя двѣ недѣли до Березова, но не доходитъ до Обдорска. Живущій тамъ засѣдатель получаетъ письма черезъ парочныхъ, которые при этой оказіи привозятъ и частную корреспонденцію. Зимою существуютъ болѣе оживленныя сношенія: почта ходитъ въ Березовъ каждую недѣлю и частныя лица получаютъ возможность ѣздить гораздо чаще, насколько это позволяетъ ограниченное количество лошадей, обязанность которыхъ, вблизи Березова, исполняютъ также олени и собаки. Дорога большей частью пролегаетъ по льду Оби.

Для гребцовъ установлена опредѣленная такса, по которой за двухъ человѣкъ платится 3 коп. съ версты, но правило это, какъ кажется, никогда въ точности не исполняется. Гребцы здѣсь, какъ видно, не привыкли получать деньги на водку, потому что каждый разъ очень радовались имъ, въ особенности туземцы, которые даже не разъ предлагали намъ за то въ подарокъ рыбу. Благодаря разливу рѣки, который сократилъ нѣкоторые изгибы, мнѣ пришлось заплатить до Березова только за 537 в., которыя были сдѣланы нами въ трое сутокъ и 11 часовъ. Это было относительно очень скоро, такъ какъ было только втрое медленнѣе пароходовъ, ходящихъ по Оби. Всѣхъ станцій было 25; по положенію онѣ должны были находиться на 15 — 20 верстъ одна отъ другой, но нѣкоторыя изъ нихъ были однако и въ 45-ти верстномъ разстояніи. По статистическимъ свѣдѣніямъ только 8 селеній (изъ которыхъ 6 селъ съ церквями) населены русскими; прочія же станціи, большею частью незначительныя, составляютъ жалкіе остяцкіе чумы и рыбачьи деревеньки, которыя обитаемы только лѣтомъ, такъ какъ зимою Остяки уходятъ на лѣвый берегъ и тамъ живутъ на зимовьи, въ особенныхъ зимнихъ хижинахъ. Названія урочищъ оканчивающіяся на „каръ“ доказываютъ, по мнѣнію Палласа, что Остяки жили здѣсь осѣдло до или во время завоеванія Сибири, какъ напр.:

Карымкаръ. Изъ этихъ 25 станцій, девять упоминаются Зуевымъ въ 1771 году, слѣдовательно существуютъ уже болѣе 100 лѣтъ. Въ Троицкомъ (№ 2) жили тогда Остяки, которые, какъ видно, оттѣснены были впослѣдствіи далѣе. Въ Бѣлогорьѣ, первой станціи, производилась тогда самая первобытная фабрикація канатовъ, именно на лугахъ, окружавшихъ село. По мнѣнію Полякова, весьма немногочисленныя избы упомянутаго села находятся на островкѣ, нанесенномъ водою, съ правой стороны котораго протекаетъ главный рукавъ Оби, между тѣмъ какъ прежде протекалъ слѣва, что доказываетъ, какъ рѣка со временемъ измѣняетъ свое теченіе. По ту сторону громадной водной поверхности, въ нѣсколько верстъ шириною, возвышался высокій, покрытый лѣсомъ крутой берегъ, который называется жителями „Обскими горами“ и тянется непрерывно съ правой стороны рѣки. Изъ пяти первыхъ русскихъ станцій, лежащихъ на лѣвомъ низкомъ берегѣ, самая большая—село Сухоровское, состоящее изъ 30 домовъ, съ 200 жителями (между ними 70 человѣкъ платящихъ подати). Мы прибыли сюда въ половинѣ восьмого вечера и были встрѣчены засѣдателемъ (окружнымъ начальникомъ), который ужъ нѣсколько дней ожидалъ нашего прибытія. Еще въ Самаровѣ мы слышали объ предшествовавшихъ намъ экспедиціяхъ и одну изъ нихъ настигли здѣсь. Еще издали бросилась намъ въ глаза, выкрашенная зеленой краской, совершенно новая лодка, первоначально предназначавшаяся намъ и названная Поляковымъ „В. Земцовъ.“

Вскорѣ увидѣли мы петербургскаго знакомаго, встрѣчавшагося намъ въ ресторанѣ Франценя—Ивана Семеновича Полякова, который въ это время, сгруппировавъ нѣсколько человѣкъ Остяковъ, изъ которыхъ нѣкоторые были переодѣты въ женскій костюмъ, снималъ съ нихъ фотографію. Вскорѣ онъ явился привѣтствовать насъ.

Такъ какъ вода была слишкомъ высока и не было возможности заниматься рыбной ловлей, то г. Поляковъ, главная задача котораго состояла въ изслѣдованіи рыбной фауны, занимался теперь изслѣдованіемъ страны и ея населенія. „Я отправляюсь навстрѣчу морскимъ рыбамъ, писалъ онъ 30 іюня,—которыя отъ устья Оби идутъ вверхъ по теченію и въ настоящее время, безъ сомнѣнія, прошли ужъ Обдорскъ и приближаются къ Березову“ (!). Повидимому онъ уже здѣсь имѣлъ весьма точныя свѣдѣнія о передвиженіяхъ рыбъ, (впрочемъ только на основаніи данныхъ приведенныхъ Палласомъ), хотя, какъ онъ писалъ самъ, лично не познакомился еще съ здѣшними породами.

Засѣдатель проводилъ насъ въ красивый домъ богатѣйшаго мѣстнаго купца Протопопова, гдѣ насъ угостили не только ѣдой, но и пѣснями и пляской. Хозяинъ дома, его многочисленныя племянницы и самъ засѣдатель, хоромъ и поодиночкѣ, пѣли духовныя пѣсни, но не возбудили въ насъ такого интереса, какъ приведенный остяцкій бардъ, который извлекалъ изъ 8 струнной арфы (по остяцкій Хотангъ, т. е. лебедь) такіе прелестные звуки, какихъ мы не слыхали у киргизовъ. Между плясками также была одна, для насъ совершенно новая: пляшущіе какъ бы подражали токованію тятеревовъ, по крайней мѣрѣ припрыгивавшая красавица, бросавшая томные взгляды, и то быстро кружившійся около нея, то плавно приплясывавшій кавалеръ представляли поразительное сходство съ этими влюбленными птицами. Затѣмъ съ большимъ оживленіемъ и увлеченіемъ исполненъ былъ уже знакомый намъ казачокъ, причемъ Иванъ Семеновичъ оставилъ всѣхъ „за флагомъ“. Это насъ впрочемъ нисколько не удивило, такъ какъ онъ (если вѣрно было сообщено мнѣ) былъ сыномъ одного бурятскаго казака, выросъ за Байкаломъ и еще не настолько старъ, чтобъ разлюбить свою пляску и потерять къ ней охоту.

Сѣвернѣе Самарова крестьяне уже не занимаются земледѣліемъ, такъ какъ всѣ подобныя попытки оказались безуспѣшны. Здѣсь преобладаетъ картофель, свекла, огурцы и т. п. овощи.

Выстроенные изъ жердей хлѣвы, какіе я уже встрѣчалъ около Самарова, накрытые высокими стогами сѣна и видные издали, свидѣтельствуютъ объ изобиліи сѣнокосныхъ луговъ, удобныхъ для скотоводства. И дѣйствительно здѣсь всюду встрѣчаешь рогатый скотъ, крупныхъ овецъ, а въ Сухоровской даже свиней. Однако жители большею частію кормятся продуктами рыбной ловли, для сбыта которыхъ здѣсь держатъ множество очень хорошихъ лошадей, которыхъ мы часто видали на зеленыхъ островахъ. Онѣ пасутся по лугамъ, какъ полудикія, безъ всякого присмотра, такъ какъ лѣтомъ имъ нѣтъ никакого дѣла. За то его очень много зимою, когда приходится перевозить на нихъ мороженую рыбу въ Тобольскъ. Кромѣ рыбы здѣшніе жители торгуютъ мѣхами и кедровыми орѣхами. Какъ мнѣ говорилъ Протопоповъ, здѣсь добывается ежегодно отъ 100—200 собольихъ шкурокъ (каждая шкурка низшаго сорта продается отъ 5 – 6, средняго около 10, и высшаго около 15 рублей), и кромѣ того до 300 лосиныхъ шкуръ (отъ 5—6 руб.). Къ сожалѣнію, за все время нашего путешествія, мы не могли достать ни одной пары

роговъ лося, такъ какъ здѣшніе охотники ихъ всегда бросаютъ. Даже посредничество засѣдателя въ этомъ случаѣ не послужило ни къ чему, но благодаря ему, мы достали молока, масла, яицъ, даже двухъ ягнятъ, что намъ доставило впослѣдствіе болѣе удовольствія, чѣмъ рога. Здѣсь не всегда легко добывать провизію, и въ селѣ Елизаровскомъ (55 домовъ, 130 жит.) всѣ мои хлопоты въ этомъ отношеніи остались безуспѣшны. Съ помощію добродушнаго, нѣсколько подгулявшаго священника, которому я предложилъ небольшое пожертвованіе на свѣчи къ образамъ, удалось мнѣ однако добыть двѣ желѣзныхъ сковороды, которыхъ не доставало въ нашемъ хозяйствѣ.

Поляковъ угостилъ насъ въ своей лодкѣ пивомъ и краснымъ виномъ и мы разстались добрыми друзьями до „скораго свиданія“, и при восклицаніяхъ сильныхъ гребцовъ поплыли (7 іюля, въ половинѣ 1-го утра) внизъ по теченію.

До сихъ поръ мы ѣхали разлившимися рукавами лѣваго берега, обросшими березами и ивами и изобиловавшими утками. Послѣднія оставались однако для насъ недоступными, но я могъ признать слѣдующія породы: шилохвость (Anas acuta), свіязь (Anas penelope), чирокъ (A. crecca), широконоска (A. clypeata) и чернеть (A. fuligula). Кромѣ того тутъ летали стаи кроншнеповъ (Numenius arquata), турухтановъ (Machetes pugnax), болотныхъ куликовъ (Limosa), зуйковъ-галстучниковъ (Charadrius hiaticula) и, отдѣльными особями, куликъ-сорока (Haematopus); изъ мелкой птицы—болотныя овсянки, луговые чекканы (Pratincola rubicola), бѣлая трясогуска; въ деревняхъ: воробьи, ласточки и сѣрыя вороны. Галокъ я видѣлъ въ Сухоровской послѣдній разъ.

Отъ этой станціи мы пересѣкли широкую рѣку, не уже нѣмецкой полумили и поплыли далѣе вдоль ея праваго берега. Въ маленькихъ остяцкихъ поселеніяхъ, состоящихъ большей частью изъ нѣсколькихъ деревянныхъ строеній, очень похожихъ на русскія, но только обыкновенно безъ оконъ, получали мы и гребцовъ Остяковъ. Они оказались такими же опытными и выносливыми, какъ и русскіе. Даже женщины и дѣвушки исполняли это дѣло такъ-же хорошо, какъ мущины, хотя непрерывная двухъ, трехъ-часовая гребля требуетъ немалаго напряженія силъ.

Въ три часа пополудни мы прибыли въ селеніе Малый Атлымъ, очень живописно расположенное на крутомъ, чуть не отвѣсномъ склонѣ праваго песчанаго берега, вышиною около ста футовъ, и окруженнаго зелеными лугами и величественными лѣсами. Здѣсь насчитывается до 18 домовъ, обитаемыхъ русскими;

строится еще маленькая церковь. Неподалеку отъ деревни лѣпились хижины вродѣ индѣйскихъ вигвамовъ, окруженныя женщинами и ребятишками, которые при моемъ приближеніи разбѣжались съ громкими криками. Я разсматривалъ внутренность этихъ хижинъ, состоящихъ изъ четырехъугольнаго бревенчатаго сруба и нашелъ тамъ нѣсколько грязныхъ женщинъ, занятыхъ стряпней. Оказалось однако, что онѣ варили въ большихъ котлахъ не пищу, но кипятили матеріалъ для домашней и кухонной посуды и для кровли, а именно березовую кору,—бересту, надранную большими кусками и свернутую въ трубки; ее варили съ древесными лишаями, чтобы сдѣлать болѣе мягкой и гибкой и годной для употребленія.

Пока готовился обѣдъ (состоявшій изъ баранины и пельмы) мы, съ цѣлію ознакомиться съ первобытнымъ лѣсомъ, а также притягиваемые смолистымъ ароматомъ молодыхъ побѣговъ хвойныхъ деревьевъ, сдѣлали маленькую охотничью экскурсію. И красивъ же этотъ лѣсъ, по здѣшнему „урманъ“, состоящій изъ сосны, лиственницы, пихты, частію березы и ивы, съ подсѣдомъ мелкаго кустарника, рябины, крушины и др., а внизу поросшій мхомъ, черникой и брусникой въ цвѣту, поляникой!.. Но въ немъ царствуетъ тишина! Слышно было пѣніе варакушки, пѣночки-кузнечика, дрозда-рябинника, темной (Phyllopneuste tristis) и сѣверной пѣночки (Ph. borealis), славки (Sylvia garrula). Кромѣ того встрѣтилъ я рябчика, котораго спугнулъ съ яицъ, но самаго гнѣзда никакъ не могъ найти. Не посчастливилось мнѣ также съ вьюркомъ (Fringilla montifringilla), который здѣсь, хотя и весьма многочисленъ, но въ высшей степени остороженъ, и такъ и не удалось подкрасться къ щуру (Corythus), котораго я встрѣтилъ еще станціи за двѣ. Изъ млекопитающихъ животныхъ я застрѣлилъ только бурундука (Tamias striatus), хотя повидимому не было недостатка и въ большихъ звѣряхъ: сѣверныхъ оленяхъ, лисицахъ, волкахъ, медвѣдяхъ и т. п. Чаща казалась мнѣ весьма удобной для жительства почтеннаго Мишки, но какъ ни желалъ я поохотиться за косолапымъ, но долженъ былъ отказаться отъ этой встрѣчи, въ виду того, что мое ружье было пригодно лишь для стрѣльбы птицъ.

Охота въ этой чащѣ весьма утомительна и требуетъ большого напряженія силъ. Какъ ни заманчивъ этотъ великолѣпный лѣсъ, но въ нѣдрахъ его кроется истинное мученіе... комары. Мы ужъ познакомились съ ними на Ала-Кулѣ, на Норъ-Зайсанѣ, въ лѣсныхъ областяхъ сѣверо-западнаго Алтая, но только здѣсь, на-

чиная отъ Самарова, какъ только наступила теплая погода и солнце стало пригрѣвать сильнѣе, вполнѣ обнаружилась сила этихъ сѣверныхъ москитовъ. Это мученіе не покидало насъ болѣе, и по мѣрѣ того какъ мы подвигались къ сѣверу, оно все увеличивалось, чего и должны были ожидать путешественники, уже посѣтившіе Лапландскія тундры. Лишь посреднѣ рѣки находили мы нѣкоторое облегченіе, но какъ только приближались къ берегу или выходили на сушу, эти кровопійцы съ яростью набрасывались на насъ, и отъ нихъ можно было защищаться только надѣвая кожаныя перчатки и вуали, которыя, безъ сомнѣнія, можно было носить не при каждой работѣ.

Въ дѣйствительности наслажденія природой достаются здѣсь дорогою цѣною, но очень часто они вознаграждаютъ за все претерпѣнное, а именно великолѣпнымъ сіяніемъ едва потухшаго и вновь пробуждающагося дня. Такую картину видѣли мы еще почти на 4 градуса южнѣе полярнаго круга, вечеромъ 7-го іюля. Была половина одиннадцатаго, солнце только что закатывалось. Оно золотило еще широкую водную поверхность, окаймленную узкой, черной полоской лѣса, граничившей горизонтъ, который съ своими яркими, огненно-золотистыми облаками служилъ фономъ картины. Кверху тѣни становились блѣднѣе; надъ нами носилось фіолетово-сѣрое облако, нижній край котораго блестѣлъ какъ золото. Надъ нимъ разстилалось сѣро-голубое небо, на которомъ не было ни одной звѣздочки. Полчаса спустя (около 11 часовъ) огненно-золотистое сіяніе исчезло. Непосредственно надъ черной полосой лѣса горизонтъ еще золотился. Фіолетово-сѣрое облако окрасилось въ темно-алый цвѣтъ, верхняя часть осталась фіолетовой, нижняя превратилась въ розово-пурпуровый; остальная часть неба приняла мутно-сѣро-голубой цвѣтъ.

По мѣрѣ того какъ блѣднѣло золотистое освѣщеніе запада, на востокѣ появлялся блѣдно-зеленовато-голубой свѣтъ. Вода передъ нами казалась почти черной, а непосредственно у берега окаймлялась какъ бы узкой серебристо-бѣлой полоской; на ней отражались и золотистый свѣтъ, остававшійся на горизонтѣ и розовато-пурпуровыя облака, и эти отраженія длинными полосами тянулись до судна. Спустя еще полчаса и эти послѣдніе отблески вечерней зари исчезли, вода сдѣлалась черной, но вскорѣ, какъ бы по волшебству, снова стала освѣщаться, такъ-же какъ и небо. Уже въ полночь на востокѣ, — въ томъ мѣстѣ, гдѣ восходитъ солнце, появился блѣдный свѣтъ зари, между тѣмъ какъ мѣсто, гдѣ оно закатилось, обозначилось блѣдно-зеленовато-голубымъ цвѣ-

томъ. И по мѣрѣ того какъ невыразимо величественная картина заходящаго солнца теряла блескъ и свѣтъ, картина эта на востокѣ какъ бы возобновлялась; солнце ужъ взошло въ половинѣ третьяго!

Въ это самое время (8 іюля) оставили мы станцію Кондинскій монастырь, о которомъ я еще поговорю на обратномъ пути.

Когда мы проѣзжали за деревней, при устьѣ маленькой рѣки Шоргацкой, на правомъ берегу бросился мнѣ въ глаза зеленый холмъ, очень похожій на выложенный дерномъ валъ, сдѣланный, повидимому, руками человѣческими. Къ сожалѣнію, время не позволило мнѣ осмотрѣть его.

Четыре слѣдующія станціи, лежавшія на правомъ берегу, представили намъ тѣ же самые виды, а животный міръ—очень мало новаго. Черноухій коршунъ (Milvus govinda), котораго графъ Вальдбургъ убилъ въ Маломъ Атлымѣ, исчезъ, а вмѣстѣ съ нимъ ласточка (Chelidon urbica), которая въ Кондинскомъ монастырѣ только что начала вить гнѣзда, между тѣмъ какъ въ Зайсанѣ мы видѣли ее занятую этимъ еще 27 мая.

Рѣка тоже была безжизненна, только морскія и обыкновенныя чайки (Larus canus, ridibundus) да весьма немногочисленныя малыя чайки (Larus affinis) оживляли ее. За то ночью, вдоль по теченію неслись безчисленныя стаи утокъ, большею частью гоголей (Anas clangula). Отъ времени до времени появлялась одиночная скопа; одинъ только разъ видѣли мы ворона. Міръ пернатыхъ сдѣлался разнообразнѣе и богаче только когда мы достигли луговъ, около Чемашовской, поросшихъ высокими ивами и снова приблизились къ лѣвому берегу. Здѣсь нашли мы дятловъ (Picus minor) и большихъ сѣрыхъ дроздовъ, уже летавшихъ съ молодыми,—прелестную овсянку-малютку (Emberiza pusilla), слышали пѣніе кукушки и наконецъ видѣли первыхъ предвозвѣстниковъ полярнаго круга,—полярныхъ гагаръ (Colymbus septentrionalis). Около нѣсколькихъ деревянныхъ избушекъ, въ которыхъ русскіе, вмѣстѣ съ туземцами, занимались заготовленіемъ рыбы въ прокъ, порхали домашніе и полевые воробьи; милыя ласточки-касатки, которыя у насъ живутъ въ высокихъ домахъ, жили здѣсь въ непосредственномъ сосѣдствѣ человѣка. Въ Шайтанской юртѣ, послѣдней станціи недоѣзжая Березова, пара ласточекъ свила свое гнѣздо въ остяцкой избушкѣ. Такъ какъ владѣльца послѣдней я встрѣтилъ снова много позднѣе, то могу теперь же прибавить, что эта парочка вывела пять птенцовъ и 1-го сентября улетѣла съ ними на югъ. Это можетъ служить доказательствомъ того, что Остяки

любятъ животныхъ. „А ихъ любовь къ грязи и нечистотѣ“ могутъ мнѣ замѣтить люди, вычитавшіе много неблагопріятнаго о нихъ въ этомъ отношеніи. На это я могу отвѣтить, что внутренность остяцкихъ избушекъ, гдѣ они живутъ, правда, лишь въ рыболовный сезонъ, была очень чиста и опрятна, и крылатые сожители Остяковъ не могли оставлять непріятныхъ слѣдовъ своего пребыванія, такъ какъ хозяева хижины заботливо прибили доску подъ гнѣздомъ. Comme chez nous!

Съ Чемашовской мы попали въ такой лабиринтъ узкихъ рукавовъ и развѣтвленій лѣвой стороны, берегъ которой густо заросъ ивами, что когда достигли Сосвы, то сами не могли дать себѣ отчета въ томъ, какъ туда попали.

Поэтому мы были крайне удивлены, когда въ два часа пополудни (9 іюля), на зеленомъ холмистомъ берегу, окаймленномъ лѣсомъ, увидѣли 20 хорошенькихъ домиковъ, между которыми нѣсколько большихъ каменныхъ, выбѣленныхъ, съ красными крышами, и двѣ церкви. Это былъ Березовъ. И такъ болѣе половины дороги до Обдорска осталось за нами!

Несмотря на то, что мы, подъѣзжая къ городу, сдѣлали два выстрѣла и слѣдовательно произвели нѣкоторый шумъ, городъ казался точно вымершимъ. Даже когда мы съ своими лодками причалили около запасныхъ магазиновъ, между которыми были принадлежавшіе очень хорошо намъ знакомой фирмѣ, а именно, нашему пріятелю Земцову, то и тогда никто не явился къ намъ на встрѣчу, какъ это постоянно бывало до сихъ поръ. Итакъ мы должны были безъ „обычной свиты“ подняться на берегъ и отправиться въ городъ, чтобъ отыскать тамъ г. Новикова, къ которому у насъ были рекомендательныя письма отъ Сидорова. По дорогѣ вниманіе наше было привлечено великолѣпною вывѣскою; на голубомъ фонѣ ея было написано золотыми буквами: „Ренскій погребъ“. Я невольно при этомъ вспомнилъ Бременъ, и мысленно перенесся въ высокія внушительныя комнаты „городскаго виннаго погреба“. Хотя мы вообще не увидѣли здѣсь никакого погреба, а обыкновенный деревянный баракъ, но тѣмъ не менѣе могли надѣяться, что бутылки настоящаго вина добрались и сюда. Во всякомъ случаѣ слѣдовало попробовать. При этомъ оказалось, что „Ренскій погребъ“ не содержалъ въ себѣ ни одной бутылки винограднаго вина, а только русское „вино“, т.-е. водку, и сверхъ того какія-то микстуры, которыя продавались здѣсь подъ названіемъ коньяка, мадеры, хереса, „шпанскихъ винъ“ и т. д. За

неимѣніемъ лучшаго пришлось намъ довольствоваться и этими снадобьями.

Между тѣмъ явился встрѣчать насъ исправникъ, г. Поповъ, и проводилъ насъ къ Новикову. Здѣсь насъ приняли очень привѣтливо, угостили чаемъ, но желаемыхъ свѣдѣній мы здѣсь не получили, по весьма простой причинѣ: при дальнѣйшемъ разговорѣ оказалось, что г. Новиковъ совсѣмъ не тотъ, къ которому у насъ были рекомендаціи, а только его однофамилецъ, а тотъ находился въ настоящее время въ отсутствіи, что впрочемъ нисколько не уменьшило радушія пріема.

Такъ какъ докторъ Бремъ желалъ пополнить свой незначительный запасъ краснаго вина, мнѣ тоже нужно было сдѣлать кой-какія покупки, то мы и продолжали осмотръ города и вполнѣ ознакомились съ нимъ. Аронъ Ароновичъ, ссыльный, такъ-называемый „нѣмецкій“, еврей, изъ Одессы, отсовѣтовалъ намъ искать краснаго вина, такъ какъ такового не имѣется, что и оказалось справедливымъ; онъ очень мѣтко заявилъ: „азе хотите вы пить красное вино? Пейте зе квасъ“. Мы побывали во всѣхъ лавкахъ, трактирахъ и харчевняхъ, которыми Березовъ изобилуетъ, какъ главный центръ торговли водкой *), и туземцы не чувствуютъ въ ней недостатка. Въ этихъ ядовитыхъ лавкахъ представлялась намъ не столько малоутѣшительная, сколько оригинальная картина. На этотъ разъ мы любовались уже не видами, а жанровыми картинами: наши ямщики, добрые Остяки, нѣкоторые съ своими прекрасными половинами, пропивали весь тяжелый заработокъ многихъ часовъ и находились въ состояніи соотвѣтствующемъ выпивкѣ. Чтобы убѣдиться во очію въ такъ часто описываемой способности Остяковъ къ пьянству, мы велѣли подать еще водки и убѣдились, что разскащики говорили чистѣйшую правду. Нѣжный полъ, надо признаться, еще значительно превосходилъ въ этомъ дѣлѣ сильный полъ: одна красавица выпила цѣлую бутылку водки съ такой быстротой, что привела насъ въ удивленіе. Въ извиненіе ей я долженъ прибавить, что здѣшняя водка (15 коп. бутылка) очень слаба и содержитъ не болѣе 20 процентовъ спирта и очень много сивушнаго масла. При питьѣ Остяки, выпивъ рюмку до дна, какимъ-то особеннымъ манеромъ раскачивали пустую рюмку надъ головой, и крестились, такъ какъ Остяки „христіане“! Затѣмъ они старались по-

*) Поляковъ сообщалъ намъ, что въ Березовѣ 5 водочныхъ складовъ, и въ каждомъ изъ нихъ ежегодный оборотъ равняется 50—70,000 руб.

цѣловать полу платья и сапоги угощавшихъ ихъ. Имѣя въ виду то мнѣніе, что человѣкъ въ пьяномъ видѣ обнаруживаетъ свой настоящій темпераментъ, должно заключить, что Остяки беззаботно веселый народъ и что они очень нѣжные супруги, въ чемъ я вообще убѣдился впослѣдствіи. Такъ Марья Павловна—всѣ Остяки носятъ здѣсь христіанскія имена—цѣловала красное, обрюзглое лицо своего Ивана Петровича, или какъ бы тамъ его ни звали, съ такой горячностью и нѣжностью, точно въ первый разъ находилась въ его объятіяхъ, и онъ отвѣчалъ ей тѣмъ же; однимъ словомъ—мы были свидѣтелями настоящей идилліи изъ золотыхъ пастушескихъ временъ. Исправникъ, впрочемъ, увѣрялъ, что эти трогательныя сцены всегда оканчиваются супружескими ссорами, но я считалъ это за клевету. Какъ мирно, хотя и покачиваясь, идетъ эта толпа къ лодкамъ, захвативъ про запасъ бутылочку! какая можетъ быть тутъ ссора? Но что я вижу?! Нѣжная Ивановна, едва-ли семнадцатилѣтняя молодая женщина, вдругъ падаетъ на землю и бьетъ свою пріятельницу, которая хочетъ оказать ей помощь; мущины, безъ сомнѣнія, къ нимъ присоединятся, и въ концѣ концовъ исправникъ, пожалуй, будетъ правъ.

Такъ какъ на обратномъ пути гребцами попали къ намъ тогдашніе участники попойки, то я могу здѣсь прибавить, что ссора была прекращена въ самомъ ея зародышѣ: исправникъ всю компанію посадилъ въ кутузку. Освѣжившись сномъ, мирно отправились они по домамъ и пожертвованную имъ мною запасную бутылку свезли остававшимся дома, что служитъ доказательствомъ того что они честно держатъ слово, несмотря на соблазнъ.

Березовъ, (по остяцки Сумывачъ, по самоѣдски Ху-Харнъ), находящійся подъ 64 сѣвер. шир., единственный городъ на Оби къ сѣверу отъ Самарова, и мѣсто управленія округомъ, простирающимся отъ Сургута до сѣверной окопечности полуострова Ялмала, т. е. болѣе чѣмъ на 11 град. широты; но на 10 квадратныхъ верстъ приходится въ немъ не болѣе одного жителя. Городъ, основанный въ 1593 году, сто лѣтъ тому назадъ насчитывалъ до 150 домовъ; въ настоящее время въ немъ прибавилось не болѣе 50—60; жителей 2000 (1659 по Шванебаху). Большинство послѣднихъ русскіе, потомки казаковъ, команда которыхъ стоитъ здѣсь, но пѣшихъ, такъ какъ лошадей здѣсь очень мало. Городъ расположенъ, какъ уже упомянуто выше, на лѣвомъ, высокомъ, песчаномъ и глинистомъ берегу Сосьвы (рѣка горностаевъ; по остяцки, Соссъ—горностай), которая на 27 вер. ниже впадаетъ въ Малую Обь, на высотѣ только 88 футовъ надъ уровнемъ

моря (Гофманъ; на 20 ф. по графу Вальдбургу). На одну версту ниже города впадаетъ въ Сосьву Малая Вогулка. Рукавъ послѣдней, протекающій черезъ болотистую котловину, черезъ которую перекинуто два моста, дѣлитъ городъ на двѣ части: сѣверную—меньшую и южную—бо́льшую.

Въ первой, на самомъ краю крутого берега Сосьвы, подлѣ прекраснаго первобытнаго лѣса, возвышается церковь, во имя Богородицы, основанная княземъ Александромъ Меншиковымъ, *) который, по всему вѣроятію, и посадилъ эти прекрасныя лиственницы и пихты. Могила же этого знаменитаго государственнаго мужа и полководца находится не здѣсь, но возлѣ другой церкви, собора во имя Воскресенія Христова. Она значительно больше первой, но, судя по внѣшнему виду, требуетъ большихъ поправокъ. Между драгоцѣнностями этой церкви, состоящими изъ приношеній князя Меншикова, находится золотой медальонъ съ локономъ волосъ, который онъ до самой смерти носилъ на груди. Мы сами не видѣли ни этихъ реликвій, ни могилы князя и его товарища—графа Генриха Остермана, такъ какъ отъ нихъ не осталось и слѣдовъ. Но народъ указываетъ мѣсто, гдѣ покоится прахъ дочери Меншикова, бывшей царской невѣсты. На смертные останки послѣдняго министра нечаянно натолкнулся Гофманъ въ 1848 году. „Уральская экспедиція“ видѣла могилы Остермана и Меньщикова, обозначенныя громадными крестами и оградами. Теперь же эти послѣдніе видимые знаки, воздвигнутые памяти великихъ людей, когда то сильныхъ и могущественныхъ и умершихъ здѣсь въ изгнаньи, исчезли совершенно. Для людей образованныхъ вынужденное пребываніе въ такомъ мѣстѣ, какъ Березовъ, должно быть ужасно. Даже почти невѣжественный еврей, Аронъ Ароновичъ, когда я спросилъ его, какъ они тутъ живутъ,—отвѣчалъ: „Какъ ми тутъ зивемъ? Какъ зивые погребены“!

Улицы широки и неправильны, и такъ какъ частію положены на болотистой почвѣ, то, чтобы дать возможность проходить пѣшеходамъ, по бокамъ ихъ сдѣланы досчатые мостки.

Старые, частью полуразвалившіеся дома разбросаны далеко другъ отъ друга. Многіе были теперь необитаемы и окна ихъ заперты или заколочены, такъ какъ обитатели этихъ домовъ на-

*) Какъ живо было еще между жителями Березова воспоминаніе о немъ 30 лѣтъ тому назадъ и какъ оно было разукрашено—можно видѣть изъ разсказовъ казаковъ, сообщаемыхъ Кастреномъ.

ходились на лѣтнемъ рыбномъ промыслѣ. Послѣдній составляетъ часть заработка обывателей, такъ какъ они ведутъ мѣновую торговлю сушеной и мороженой рыбой до Тобольска, а также и съ туземцами. По словамъ исправника, ежегодно продается рыбы на 155,000 руб. Небольшой, обнесенный стеклянной галлереей базаръ, такъ-же какъ и другія лавки, вмѣщаютъ въ себѣ всевозможные продукты. Между прочими я видѣлъ здѣсь косы со штемпелемъ К. К., привиллегированной фабрики въ Штейермаркѣ! Торговля мѣхами играетъ немаловажную роль, но, кажется, значительно упала. По крайней мѣрѣ я нашелъ цѣны на малицы и прочую мѣстную одежду изъ оленьихъ шкуръ и вообще на мѣха, далеко недешевыми. Такъ за шкурку песца просили съ меня 1 руб. 20 коп., за обыкновенную плохую лѣтнюю шкурку лисицы 2 руб., за зимнюю 4—5 руб., за россомаху 5—$5^1/_2$ р., за плохого, очень свѣтлаго соболя 13—15 руб., сѣвернаго оленя 2 руб. 50 коп. Я видѣлъ только шкуры этихъ животныхъ, такъ какъ теперь сезонъ мѣховой торговли еще не наступилъ и въ складахъ было очень мало запасовъ мягкой рухляди. Отъ одного изъ главныхъ скупщиковъ (такъ какъ людей спеціальпо занимающихся мѣховой торговлей здѣсь не имѣется), я узналъ, что ежегодно въ Березовѣ продается до 200 (очень свѣтлыхъ) соболей *). Настоящаго голубого песца здѣсь не знаютъ, но мнѣ показывали такъ называемаго крестоватика (песца въ лѣтней шкуркѣ). Чернобурая лисица попадается очень рѣдко и цѣнится до 150 руб. и болѣе. Волчьихъ мѣховъ очень мало въ продажѣ; лосей и медвѣдей совсѣмъ нѣтъ. Зимою же привозятся съ Печоры черезъ Новую Землю бѣлые медвѣди **) и стоютъ, смотря по величинѣ и бѣлизнѣ, 5—12 руб. Главной статьей мѣховой торговли все-таки остается бѣличій мѣхъ. Наиболѣе значительной статьей торговли можно назвать муку, которая и понынѣ, все тѣмъ же болѣе 300 лѣтъ извѣстнымъ путемъ, отправляется на Печору. Путь этотъ идетъ черезъ Сосьву и Сыгву (по остякски Сакъ-я) къ юртамъ Лепина, куда лѣтомъ приходятъ даже большія суда и гдѣ Ижемскіе Зыряне имѣютъ хлѣбные магазины. Здѣсь хлѣбъ

*) Въ 1830 году Бѣлявскій нашелъ въ Березовѣ: медвѣдей 50, горностаевъ 10,000, бобровъ 50, лисицъ 500, соболей 800, волковъ 200, бѣлокъ 100,000, зайцевъ 500, песцовъ 15,000, (между ними 40 темныхъ), россомахъ 30, рѣчной выдры 40, лосей 300, сѣверныхъ оленей 10,000.

**) Зимою бѣлые медвѣди отъ Вайгачскаго пролива и береговъ Карскаго моря, по разсказамъ Гофманна, доходятъ иногда до Усть-Цыльмы, слѣдовательно на 100 вер. внутрь страны. Зуевъ въ 1771 году получилъ медвѣженка въ Обдорскѣ и живоговпривезъ его Палласу въ Красноярскъ.

лежитъ до зимы въ магазинахъ и зимою отправляется на Печору, а лѣтомъ на лодкахъ сплавляютъ его по Сухеръ-я въ Накъ-Соры-я. впадающую въ Щугоръ, откуда приходится дѣлать сухимъ путемъ лишь 49 верстъ.

Земледѣліе въ Березовѣ уже невозможно, такъ какъ воздѣлываніе картофеля, бобовъ, гороха и огурцевъ стоитъ уже большихъ трудовъ; но иногда еще встрѣчаются одинокія георгины. Напротивъ того роскошные луга Сосьвы, въ настоящую минуту за-

Внутренность чума.

литые водою и образовавшіе необозримое море, доставляютъ громадное количество сѣна, вслѣдствіе чего здѣсь, при небольшомъ числѣ лошадей, держатъ значительное количество крупнаго рогатаго скота, много овецъ, козъ и даже свиней. Но самыя важныя домашнія животныя для Березовцевъ — сѣверные олени и собаки, служащіе для ѣзды и перевозки тяжестей. Олени стоютъ отъ 5—6 руб., хорошіе вожаки до 10 руб. и болѣе; ѣзжалыя со-

баки 2 руб. за штуку. Олепье мясо на Печорѣ составляетъ, на ряду съ рыбой и водяной птицей, главную пищу большей части жителей; куръ я тамъ еще встрѣчалъ, но голубей уже нѣтъ.

Что касается орнитологіи, то здѣсь крайній сѣверный предѣлъ распространенія домашняго воробья, который однако здѣсь еще водится и, подобно полевому воробью, принадлежитъ къ перелетнымъ птицамъ, исчезающимъ на зиму. По крайней мѣрѣ такъ увѣрялъ насъ докторъ Крживицкій—полякъ, уже много лѣтъ служащій здѣсь окружнымъ врачемъ, единственнымъ между Обдорскомъ и Тобольскомъ. По мнѣнію этого послѣдняго здѣсь еще встрѣчаются и кроты.

Въ сопровожденіи исправника посѣтили мы нѣсколько зимнихъ остяцкихъ юртъ (по остяцки—тал-хотъ), расположенныхъ въ концѣ города и теперь покинутыхъ. Онѣ оказались вовсе не такими плохими, какъ ихъ изображалъ Палласъ въ своемъ путешествіи. Онѣ сложены изъ бревенъ и весьма цѣлесообразно покрыты дерномъ. Сбоку продѣлано окно, бывшее теперь открытымъ, такъ какъ „стекла“ растаяли. Вмѣсто стеколъ вставляется чистый кусокъ льда, который приморажпвается къ рамѣ и зимою даетъ достаточно свѣта для этого люда. Внутри избушки находится сначала какъ-бы прихожая, а затѣмъ настоящая жилая комната, которая, ради тепла, сдѣлана половину въ землѣ. Здѣсь вдоль стѣнъ прибиты лавки для спанья, а въ серединѣ расположенъ очагъ. Зимою, при большомъ числѣ обитателей, пребываніе тутъ не должно быть особенно пріятно, но я знаю мѣстности въ Германіи, гдѣ люди помѣщаются нисколько не лучше. Такъ, въ болотистыхъ мѣстностяхъ сѣверной Германіи есть дома, также безъ трубъ и въ нихъ столько-же дыма, копоти и вони, какъ и въ остяцкихъ зимнихъ юртахъ.

Снабженные рекомендательнымъ письмомъ исправника, въ полночь (9—10 іюля), претерпѣвъ настоящую пытку отъ комаровъ во время обѣда, приготовленнаго Иваномъ на берегу,— покинули мы Березовъ. Мы ѣхали сначала по Сосьвѣ, потомъ по Малой Оби, то по узенькимъ какъ канавы рукавамъ, то какъ-бы по широкимъ озерамъ; оба берега были одинаково покрыты чащею изъ большихъ ивъ; теченіе было совсѣмъ незамѣтно. Вода, казавшаяся бурою, въ стаканѣ имѣла желтоватый цвѣтъ и послѣ кратковременнаго стоянія давала осадокъ. Несмотря на это ее пили, и она была довольно сносной на вкусъ.

Еще недоѣзжая Березова чувствовалась необходимость въ переводчикѣ; теперь же было совершенно невозможно обойтись

безъ него при сношеніяхъ съ Остяками. Съ каждымъ ударомъ веселъ мы все болѣе и болѣе углублялись въ землю Остяковъ, которые, чѣмъ болѣе мы подвигались, тѣмъ менѣе понимали по-русски. По счастію, старикъ Михайло Панаевъ соединялъ въ себѣ все что намъ было нужно: онъ не только хорошо владѣлъ остяцкимъ и самоѣдскимъ нарѣчіями, но былъ также знакомъ съ нравами и обычаями этихъ народовъ. Такъ какъ всѣ годные для работы мущины находились на рыбныхъ промыслахъ, а лучшіе изъ немногихъ стоящихъ здѣсь казаковъ были прикомандированы къ предшествовавшей намъ русской экспедиціи Орлова, то мы и должны были довольствоваться нашимъ старикомъ.

Изъ предосторожности я заключилъ съ нимъ условіе, въ которомъ говорилось, что, въ случаѣ, если мы не найдемъ въ Обдорскѣ русскаго проводника, то онъ обязывается сопровождать насъ въ дальнѣйшемъ путешествіи; предосторожность эта оказалась для насъ весьма полезной. Нѣкоторые говорили мнѣ, что Панаевъ враль, обманщикъ, пьяница и т. п., но я не слушалъ никакихъ наговоровъ и на возвратномъ пути могъ устыдить клеветниковъ и лжецовъ. „Дядя“ или „старикъ“, какъ называли его наши люди, оказался очень хорошимъ и дѣльнымъ проводникомъ, опытность и усердіе котораго были весьма полезны для экспедиціи. Теперь, безъ сомнѣнія, всѣ считавшіе его прежде подозрительнымъ, воспѣвали ему хвалы. Несмотря на свои 70 лѣтъ Михайло могъ потягаться со многими молодыми людьми. Рыжеватая съ просѣдью борода и обнаженный черепъ съ выразительными чертами лица напоминали голову Петра,— типъ часто встрѣчающійся въ Россіи, а сѣрый изношенный полукафтанъ, вмѣстѣ съ остяцкой обувью, еще болѣе придавали ему видъ сѣвернаго апостола. Онъ, безъ сомнѣнія, видѣлъ когда-то лучшіе дни и былъ очень красивъ. Отъ 10 до 12 принадлежавшихъ ему лодокъ возили его товары, большей частью рыбу, и въ гостепріимномъ домѣ Михаила Максимовича, какъ его тогда называли, игрывалъ въ вистъ самъ исправникъ, такъ какъ здѣсь угощали превосходнымъ виномъ и отличными кушаньями. Но богатство это исчезло и не по его винѣ (разсказъ, что Михайло въ лучшіе дни свои, пьяный закуривалъ трубку десятирублевыми ассигнаціями, оказался чистой выдумкой и клеветой), а вслѣдствіе несчастливыхъ спекуляцій. Съ нашимъ Михайломъ случилось тоже, что случилось и у насъ со многими, которые недавно еще разъѣзжали въ роскошныхъ экипажахъ, а теперь скромно ходятъ пѣшкомъ. Что онъ не былъ дурнымъ граждани-

номъ Березова и имѣлъ свои заслуги, доказывала серебряная медаль, которой наградилъ его Императоръ Николай I.

13 станцій, предстоявшія намъ до Обдорска и отдаленныя одна отъ другой на 25—50 верстъ, требовали гораздо бо̀льшихъ усилій отъ гребцовъ, чѣмъ вышележащія. Хотя мы на протяженіи 495 верстъ получали лишь слабосильныхъ съ виду Остяковъ, однако они какъ нельзя лучше могли помѣряться силами съ русскими, и довезли насъ до Обдорска въ трое сутокъ и 2 часа. Зуевъ (въ 1771 г.) проѣхалъ это разстояніе почти во столько же времени (3 дня) и говоритъ, что ѣхалъ все время по Малой Оби.

Большой Устрамъ, 2-я станція, представилъ намъ картину смѣшаннаго русскаго и остяцкаго рыбацкаго поселенія,—русскія бревенчатыя избы и чумы туземцевъ, т. е. коническіе шалаши, устроенные изъ жердей и покрытые кошмами и берестой.

Съ внутренностью ихъ мы вскорѣ познакомились. Сушка рыбы здѣсь производится совсѣмъ иначе, чѣмъ мы видѣли прежде, именно рыба вѣшается прямо на перекладины, соединяющія воткнутые въ землю колья, между тѣмъ какъ выше Березова рыба сушится на помостѣ, устроенномъ на 4 столбахъ, къ которому ведетъ примитивная лѣстница—бревно съ зарубками. Въ случаѣ надобности, дабы собаки не могли воровать рыбу, бревно это отнималось прочь. Остяцкія собаки складомъ и шерстью похожи на волковъ, (впрочемъ встрѣчаются чернопѣгія и бѣлыя) и какъ нельзя болѣе гармонируютъ съ подобными поселеніями. Чужихъ людей онѣ встрѣчаютъ весьма трусливо и молча, такъ что мы сначала думали, что онѣ вовсе не лаютъ. Но предположеніе это оказалось ошибочнымъ; также мы разувѣрились и въ мнимомъ ихъ добродушіи. Нѣсколько разъ приходилось намъ испытывать яростныя нападенія этихъ собакъ, но по своему трусливому характеру, онѣ каждый разъ обращались въ бѣгство, лишь только мы дѣлали видъ, что поднимаемъ камень. Кромѣ ѣздовыхъ собакъ, держатъ еще, впрочемъ только ниже Березова, маленькихъ собакъ, единственно изъ за длинной, мягкой, черной или бѣлой шерсти ихъ мѣха, весьма употребительнаго здѣсь для опушки мужского и женскаго платья. Самыхъ красивыхъ собакъ этой породы видѣлъ я у князя Обдорскаго въ Князь-Юртѣ. Такія собачьи шкурки стоятъ нерѣдко 6 руб. и дороже.

Поселенье представляло весьма оживленную картину. Мущины были заняты развѣшиваніемъ своей добычи, женщины—ея приготовленіемъ. Одна русская женщина, несмотря на безчисленное множество комаровъ, просѣивала муку для хлѣба, а маль-

чикъ растиралъ на камнѣ соль. Здѣсь мы сдѣлали зоологическое пріобрѣтеніе, въ видѣ двухъ птенцовъ весьма рѣдкой лапландской совы (Ulula lapponica). Туземцы вынули ихъ изъ гнѣзда и, какъ это у нихъ водится, кормили рыбой. Мы ихъ привязали на веревку и посадили на перекладину въ лодкѣ, чтобъ можно было свободно наблюдать за ними; спустя нѣкоторое время мы однако должны были обратить ихъ въ чучелы и присоединить къ нашей коллекціи. Это оказалось необходимымъ вслѣдствіе ихъ чуть не удавшейся попытки къ бѣгству, такъ какъ они отлично съумѣли развязать узелъ веревки; къ тому же я не хотѣлъ чтобъ измѣнился ихъ гнѣздовой нарядъ, до сихъ поръ еще неописанный: пера на нихъ еще не было, они были покрыты пухомъ.

Въ Гоновацкой (11 іюля 6 ч. утра) комары заставили насъ искать убѣжища въ одномъ изъ 5 чумовъ, дабы можно было съѣсть обѣдъ, состоявшій главнымъ образомъ изъ рыбы. Посредствомъ весьма практично сдѣланныхъ опахалъ (по остяцки „Полубза“) изъ крыльевъ лебедей, гусей или большихъ бѣлыхъ совъ, внутренность чума была очищена отъ этихъ мучителей. Тлѣвшій кусокъ сгнившей ивы распространялъ густыя облака дыма и препятствовалъ комарамъ проникнуть во внутренность чума, за то вонючій дымъ такъ сильно ѣлъ глаза, что я съ большимъ трудомъ окончилъ свой рисунокъ. Послѣдній изображаетъ внутренность остяцкаго чума, (см. стр. 331) въ которомъ, само-собою разумѣется, главное мѣсто занимаетъ ящикъ съ землею, служащій для разведенія огня. На огнѣ кипитъ котелъ, а на длинныхъ жердяхъ провяливается очень неаппетитно выглядывающая рыба, развѣшанная рядомъ съ старыми сапогами и прочимъ платьемъ. Большой желѣзный котелъ (по-остяцки „Обипутъ“), тщательно закрытый деревяннымъ кружкомъ, содержитъ въ себѣ весьма невзрачную на видъ, темную жидкую массу, издающую сильный запахъ рыбьяго жира. Туземцы ѣдятъ это кушанье съ хлѣбомъ и со многими другими приправами, даже съ ягодами. Впрочемъ чумъ не представляетъ ничего отталкивающаго или отвратительнаго; по стѣнамъ придѣланы полки, на нихъ разставлена различная посуда изъ бересты, заготовленныя связки которой лежатъ у дверей, а также наполненные мукой и перьями мѣшки, приготовленные съ немалымъ трудомъ изъ налимьей шкуры и называющіеся „Панеширъ“ или „Пане-сохъ“. Здѣсь также нѣтъ недостатка въ образахъ, которые занимаютъ обыкновенно почетное мѣсто противъ дверей, тамъ-же гдѣ у Остяковъ язычниковъ стоятъ идолы (по-остяцки—„Лонхъ“). Но здѣшніе жители еще „добрые христіане“,

и нашъ хозяинъ, не имѣющій понятія ни о какихъ изображеніяхъ, кромѣ изображеній святыхъ, когда я показалъ ему оконченный рисунокъ его собственнаго жилища, принялся покрывать его поцѣлуями, такъ что я поспѣшилъ спасти свою работу отъ его жирныхъ, лоснящихся губъ.

Несмотря на робость и застѣнчивость женщинъ, всячески старавшихся скрыть свое лице отъ постороннихъ взглядовъ, здѣсь намъ ихъ опять дали гребцами. Между ними находилась одна мать, взявшая съ собою своего грудного ребенка въ весьма практичной берестяной люлькѣ *), покрытой оленьей шкурой. Главную одежду женщинъ и дѣвушекъ составляетъ шуба, украшенная стеклянными бусами; кромѣ того на головѣ у нихъ повязанъ пестрый платокъ (по-остяцки—Оксанъ) съ крупными разводами и обыкновенно обшиваемый самими женщинами длинной бахрамой изъ крапивной пряжи, собственнаго приготовленія. Изъ подъ платка висятъ длинныя, большею частью искуственныя косы (по-остяцки Оохъ-саву, самоѣдски — Гушъ), къ которымъ, ради украшенья, прицѣплены оловянныя пуговицы, цѣпочки и т. п. Впрочемъ намъ неразъ, хотя и случайно, удавалось видѣть прекрасно сложенныя икры и хорошенькія маленькія ножки этихъ красавицъ, цвѣтъ лица которыхъ, хотя вообще смуглый, у нѣкоторыхъ былъ такъ-же бѣлъ, какъ у насъ. Иголки, кусочки сахара и т. п. вещи, которыя я всегда имѣлъ при себѣ, дѣлали ихъ довѣрчивѣе, а что онѣ любятъ водку, въ этомъ мы имѣли уже случай убѣдиться. Въ Кушеватской представилось намъ тому новое доказательство. Деревушка эта расположена въ красивой мѣстности, на правомъ, лѣсистомъ берегу большой Оби. Это единственное русское село съ церковью на всемъ пространствѣ нашего пути; я поговорю о немъ еще на обратномъ пути.

Мы прибыли сюда (11 іюля въ 10 ч. утра), какъ разъ въ Петровъ день, большой праздникъ, особенно чтимый русскими. Оказалось, что онъ также почитается и Остяками, такъ какъ мы еще издали услышали веселое, хотя нельзя сказать, чтобы мелодичное пѣніе, раздававшееся изъ одного чума. Мы нашли тамъ трехъ женщинъ, которыя не только обрадовались сдѣланнымъ имъ мною маленькимъ подаркамъ, но были растроганы ими до слезъ. По крайней мѣрѣ одна молодая женщина съ искусаннымъ комарами

*) Эти люльки, по-остяцки „Онтобъ“, дѣлаются самыми женщинами, двоякимъ способомъ. Однѣ для дѣтей самого ранняго возраста безъ спинки; для тѣхъ же которыя могутъ держать голову и сидѣть—со спинкой.

грудным ребенкомъ, вдругъ расплакалась, и мы не видя другихъ причинъ, приписали это внезапному приливу чувства благодарности. Можетъ быть причиной тому было также дѣйствіе водки, выпитой въ честь святаго: когда онѣ провожали насъ въ другой чумъ, мы замѣтили, что онѣ таки сильно покачивались.

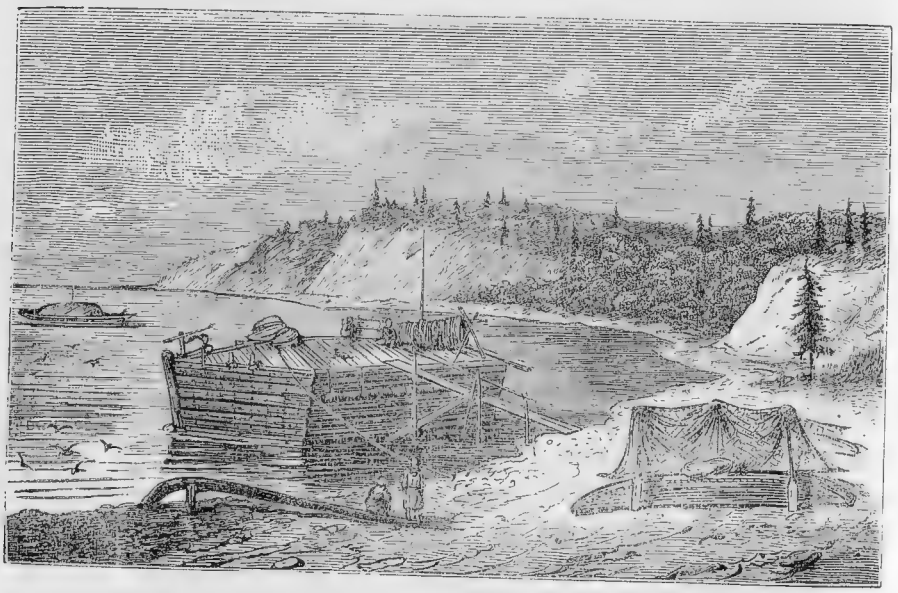
Въ орнитологическомъ отношеніи Кушеватская (65 сѣв. ш.) представляла большой интересъ присутствіемъ полевыхъ воробьевъ; домашнихъ воробьевъ *) и домашнихъ ласточекъ здѣсь уже не было. Воробья видѣли мы въ послѣдній разъ въ Березовѣ, ласточку на предыдущей станціи, по обыкновенію довѣрчиво гнѣздившуюся въ чумѣ туземца; ея отсутствіе въ большихъ деревянныхъ домахъ было весьма странно. Прочія породы птицъ были все тѣже: сѣрыя вороны, изрѣдка сороки, вьюрки, чечетки (Fringilla linaria), овсянки-карлики, болотные воробьи, большой сѣрый дроздъ, пѣночки (Phyllopneuste trochilus, borealis et tristis), чекканы, чайки (Larus ridibundus, Larus minutus), крачки (Sterna hirundo) и безчисленное множество утокъ, между которыми впервые начали встрѣчаться черные турпаны.

На обширной водной поверхности царствовала могильная тишина; только одинъ разъ мы обогнали безобразное судно, называемое баркой, которую опишу впослѣдствіи. Изображеніе ея мною на обратномъ пути нарисовано въ Обдорскѣ, вмѣстѣ съ видомъ деревни Лангерской (Ланги, по-остяцки бѣлка). Вода сбыла и потому плоскіе берега обнажились на большое пространство. Лѣсъ по большей части состоитъ здѣсь изъ березы и лиственницы, между тѣмъ какъ прежде преобладали хвойныя породы.—Видъ этотъ можно назвать типичнымъ для праваго, почти неизмѣняющагося берега Оби.

Мы вполнѣ наслаждались теперь, такъ какъ путь нашъ шелъ подлѣ лѣваго высокаго (во 100 и болѣе футовъ), мѣстами отвѣснаго крутого берега. Онъ повсюду состоялъ изъ свѣтлаго мергеля, глины и песку и былъ размытъ и подмытъ разливавшейся водой. Насколько рыхла была эта почва, можно было видѣть во многихъ мѣстахъ. Даже незначительныхъ волнъ, нагоняемыхъ веслами, было достаточно для того, чтобы она отдѣлялась большими глыбами и сыпалась сверху длинными полосами, на подобіе водопада. Тамъ и сямъ попадались мощные пласты

*) Домашніе воробьи встрѣчаются на сѣверѣ Норвегіи до Лофодена, но его нѣтъ ни въ Тромзе ($69^1/_2$), ни сѣвернѣе; напротивъ того домашняя ласточка постоянно выводитъ тамъ дѣтей и встрѣчается даже въ Гаммерфестѣ (70, 40) и въ Вадзе (70, 4).

чернаго цвѣта. Но это были лишь верхніе слои, образовавшіеся въ торфяной болотистой почвѣ изъ остатковъ уничтоженнаго пожаромъ лѣса. Нигдѣ не видѣли мы горной породы, какъ ошибочно, со словъ Зуева, указываетъ Палласъ („залежи черноватаго и сѣраго шифера“), напримѣръ около Питлорской. Напротивъ того на правомъ берегу намъ нерѣдко встрѣчались большіе и мелкіе валуны, даже цѣлыя глыбы различныхъ горныхъ породъ (сіенита, роговика, глинистаго желѣзняка и т. п.). Они всѣ были принесены сюда вмѣстѣ со льдомъ и обнаруживали ясные слѣды шлифовки водой, но нигдѣ на нихъ не замѣчалось ледниковыхъ царапинъ, какъ полагаетъ г. Поляковъ *).

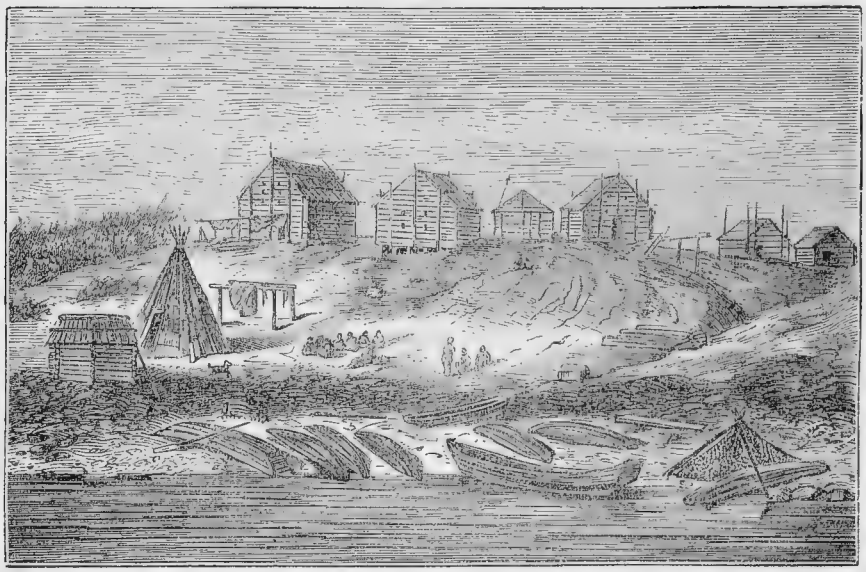


Видъ на нижней Оби.

Мы уже имѣли случай видѣть дорогой, а именно на станціи Кашгарской, многія произведенія, свидѣтельствовавшія о прилежаніи и ловкости Остяковъ, но нигдѣ эти способности не высказались такъ рѣзко, какъ въ Поравцскихъ юртахъ, самой большой остяцкой деревнѣ на всемъ нашемъ пути. Мы прибыли

*) Г. Поляковъ, лично не наблюдавшій ледниковъ и съ ними незнакомый, однако часто говоритъ о продуктахъ послѣднихъ. Такъ, минуя Уралъ, замѣтилъ онъ между пограничными столбами и Екатеринбургомъ „слѣды глетчеровъ; валуны со слѣдами ледяныхъ царапинъ и скалы съ царапинами, идущими въ направленіи отъ С. В. къ Ю. З.“; къ сожалѣнію онъ „не имѣлъ времени для обстоятельныхъ наблюденій слѣдовъ ледянаго періода на Уралѣ“, которые безъ сомнѣнія доставили бы важныя, новыя объясненія для этой довольно хорошо извѣстной геологической области.

сюда 13-го іюля (въ $8^1/_2$ ч. утра). На широкомъ, покрытомъ зеленымъ дерномъ береговомъ холмѣ расположено отъ 10 до 12 хижинъ, живописно окруженныхъ роскошнымъ хвойнымъ лѣсомъ. Хижины, хотя и необитаемыя зимою, были большей частью выстроены изъ бревенъ, очень опрятны внутри и обнаруживали нѣкоторый достатокъ. Не только полы были устланы по бокамъ циновками (по-остяцки „Норѣ“), красиво сплетенными изъ какой-то травы, но и домашняя утварь была лучше и богаче. Такъ въ одномъ домѣ я видѣлъ пять большихъ котловъ и одинъ изъ нихъ



Князь-юрты

мѣдный. Жители, числомъ около 70, показывали намъ все съ величайшимъ радушіемъ и готовностью и были весьма удивлены и вмѣстѣ съ тѣмъ обрадованы тѣмъ, что мы интересовались ими. Они не принадлежали къ бѣднымъ родамъ, существующимъ исключительно рыбной ловлей, а занимались также оленеводствомъ. Довольно большое число этихъ животныхъ, пережевывая жвачку, лежало около огня, стараясь въ дыму избавиться отъ своихъ мучителей—комаровъ. До сихъ поръ мы были знакомы только съ лапландскими оленями и насъ поразила величина и красивый складъ сибирскихъ. Еще болѣе были мы удивлены ихъ кротостью; мнѣ не вѣрилось, что сибирскіе олени могутъ быть настоящими домашними животными, послѣ того, что я видѣлъ въ Лапландіи. Тамъ достаточно было появленія человѣка, одѣтаго иначе чѣмъ туземцы, чтобы все стадо разбѣжалось въ разныя стороны. Здѣсь же живот-

ныя медленно поднялись съ мѣста и направились въ ближайшій лѣсъ.

Мы имѣли случай видѣть здѣсь всѣ вещи, обыкновенно употребляемыя Остяками: начатыя и вполнѣ готовыя санки для запряжки оленей и собакъ, лыжи, лодки, весла, все очень чисто и аккуратно сдѣланное, несмотря на несовершенство инструментовъ. Особенно понравились намъ узкіе челноки (по-остяцки «хайшобъ»), состоящіе изъ выдолбленнаго древеснаго ствола и несмотря на свою легкость, поднимающіе шесть человѣкъ и болѣе. Замысловатыя ловушки (по-остяцки „Йенангъ“) для ловли горностаевъ и бѣлокъ и самострѣлы (по-остяцки: „Оксаръжогль“) на лисицъ возбудили наше удивленіе. Также искусно были устроены верши для рыбы (по-остяцки „Подангъ-понъ“). Онѣ дѣлаются изъ сосновыхъ или лиственничныхъ дранокъ, имѣютъ въ длину до 12 футовъ, а въ ширину и вышину до 6 фут.

Такъ какъ подобный снарядъ былъ слишкомъ громоздкъ и не могъ быть нами взятъ, то я, къ своему возвращенію, заказалъ его модель и могу прибавить здѣсь, что честные Остяки сдержали слово. Въ избушкахъ видѣлъ я красивые луки, но и здѣсь, какъ впослѣдствіи, убѣдился, что инородцы очень неохотно разстаются съ ними. Это происходило не исключительно отъ суевѣрнаго мнѣнія, что именно этотъ лукъ никогда не даетъ промаха, но изъ привязанности къ любимому оружію, съ которымъ и мы тоже нелегко разстаемся. Луки Остяковъ („Йогль“) большей частью сдѣланы чисто и аккуратно изъ двухъ склеенныхъ между собою упругихъ прутьевъ березы и лиственницы и иногда обвиты берестой, такъ-же какъ и тетива изъ просмоленной конопляной бичевки. Во избѣжаніе ушиба отъ отдачи тетивы, стрѣлокъ привязываетъ къ большому пальцу лѣвой руки овальную дощечку (по-остяцки „Йошкаръ“), которая большею частью дѣлается изъ оленьяго рога. Длина лука бываетъ отъ 5—6 фут. Стрѣлы, сдѣланныя изъ дерева, имѣютъ обыкновенно въ длину отъ $2^1/_2$ до 3 фут. и на концѣ вилообразно расщеплены, въ основаніи же снабжены 2—4 рядами перьевъ, вырѣзанныхъ бо̀льшей частью изъ хвоста глухаря. Съ этими стрѣлами обыкновенно охотятся за лисицами и крупной дичью, между тѣмъ какъ для охоты за бѣлками употребляются стрѣлы съ тупыми наконечниками изъ дерева или кости, чтобъ не испортить шкурки. Для во-

---

Финнъ: „Eine Ferienreise unter Mitternachtssonne,“ Westermann's, Illustr. Monatshefte. (1876).

дяной птицы употребляютъ стрѣлы съ желѣзнымъ, ланцетообразнымъ наконечникомъ, около котораго придѣлана поперечная перекладинка въ видѣ буквы S, чтобы стрѣла не могла пробить птицу насквозь.

„Остякъ превосходный стрѣлокъ! Часто случалось видѣть его въ легкомъ челнокѣ на Оби, и какъ только примѣтитъ онъ утку или гуся, быстро кладетъ весла въ лодку, лукъ натянутъ и птица падаетъ со стрѣлою въ сердцѣ. Сотни лицъ завѣряли меня, что никогда не видали, чтобъ Остякъ промахнулся.“—Такъ говоритъ Албинъ Конъ (Sibirien p. 37), но это описаніе очень далеко отъ дѣйствительности. Въ Тюмени и другихъ мѣстахъ намъ тоже разсказывали объ искусствѣ и ловкости Остяковъ въ стрѣляніи изъ лука, говорили, что они попадаютъ въ цѣль на сорокъ саженъ (280 футовъ); но то что намъ привелось видѣть собственными глазами было далеко отъ этого, хотя тѣмъ не менѣе удивляло насъ. Стрѣлы могли летѣть на 120—150 шаговъ, но на такомъ разстояніи о попаданіи въ цѣль не могло быть и рѣчи. Однако, если стрѣла была пущена въ густую стаю птицъ, то являлась жертва, и этого было достаточно. Впрочемъ, мы видѣли какъ въ тридцати шагахъ Остяки не разъ попадали въ воткнутую въ землю палочку не болѣе 2 дюймовъ толщиною. Что ни Остяки, ни Самоѣды не продѣлываютъ ничего необычайнаго съ своими луками—подтверждаютъ Гофманъ, Миддендорфъ и Шренкъ.

Поравацкія юрты въ довершеніе всего доставили намъ еще нѣчто достойное удивленія: здѣсь мы впервые снова увидѣли Уральскія горы, но не въ видѣ ряда холмовъ покрытыхъ лѣсомъ, какъ у Екатеринбурга, а въ видѣ настоящей горной цѣпи, хотя и не особенно величественной, такъ какъ Уральскій хребетъ не достигаетъ значительной высоты и мы были отъ него удалены еще верстъ на 100. *) Тѣмъ не менѣе онъ былъ для насъ пріятнымъ разнообразіемъ послѣ безконечныхъ ивовыхъ чащъ и крутояровъ, и въ самомъ дѣлѣ видъ на него былъ очень красивъ. Передъ нами растилалась темносиняя, обширная поверхность водъ, окаймленная зеленой полосой—ивовой чащей лѣваго берега; за ней снова виднѣлась синяя полоса (по всему вѣроятію лѣсъ у подошвы горъ), служившая какъ бы рамкой для покрытыхъ снѣгомъ бѣлыхъ горъ, лишь мѣстами имѣвшихъ голубоватый оттѣ-

*) Туземцы увѣряли, что на 300 в., но это служитъ новымъ доказательствомъ того, какъ осторожно слѣдуетъ относиться къ ихъ словамъ.

покъ. Весь хребетъ имѣлъ мягкія, кругловатыя очертанія, съ 2 или 3 выдающимися вершинами, блестѣвшими какъ серебро.

Отъ Поравацкихъ юртъ правый берегъ Оби постепенно понижается. Мы покинули его и снова повернули къ заросшему ивами рукаву лѣваго берега; принадлежалъ ли этотъ рукавъ къ большой или малой Оби—осталось для насъ нерѣшеннымъ. Дѣйствительно трудно было составить себѣ точное понятіе о рѣкѣ, среди этого обширнаго воднаго либиринта, тѣмъ болѣе, что и свѣдѣнія, сообщаемыя туземными жителями, были очень сбивчивы и нерѣдко противорѣчили одно другому. Рѣка становилась все шире и шире и наконецъ заняла такое громадное пространство, что то тотъ, то другой берегъ исчезалъ изъ глазъ или становился едва замѣтнымъ, принимая видъ самой узенькой зеленоватой полоски. Ширина рѣки была никакъ не менѣе нѣмецкой мили.

Между тѣмъ какъ мои товарищи углубились въ чтеніе полученныхъ въ Березовѣ газетъ, я вполнѣ наслаждался великой картиной безпредѣльнаго мира и тишины, картиной, въ которой, по мѣрѣ приближенія къ полуночи, съ каждой четвертью часа измѣнялись и появлялись новыя, дивныя свѣтовыя явленія. Мы приближались къ полярному кругу и хотя тѣ дни, когда солнце видно въ полночь, уже миновали, но полуночное освѣщеніе было еще эффектнѣе, чѣмъ еслибъ солнце стояло на небѣ. Въ половинѣ двѣнадцатаго ночи золотистая полоса зари еще видпѣлась на западѣ; мало-по-малу она приняла пурпуровый цвѣтъ. Темно-синяя цѣпь Уральскихъ горъ съ бѣлоснѣжными вершинами, казалось, совсѣмъ близко придвинулась къ намъ слѣва. Небо было сѣровато-голубое, съ розоватымъ оттѣнкомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ исчезло солнце; отдѣльныя темно-синія облака казались какъ бы маленькими островками. Они, такъ-же какъ и небо, отражались на гладкой водной поверхности. Затѣмъ взошелъ блѣдный мѣсяцъ и очертанія горъ сдѣлались неясными. Гребень же ихъ до половины перваго былъ окаймленъ золотистой полосой, а полчаса спустя солнечные лучи снова залили своимъ свѣтомъ отдаленныя вершины. Вечеръ и утро, закатъ и восходъ солнца почти немедленно слѣдуютъ другъ за другомъ. Теперь горизонтъ на западѣ сталъ блѣднѣе, окрасился въ красновато-сѣрый цвѣтъ, а на востокѣ оживился, просвѣтлѣлъ, принялъ нѣжно-розовый цвѣтъ, съ желтоватымъ оттѣнкомъ кверху; небо же стало ярко-голубымъ. На немъ, прямо надъ нами, стоялъ мѣсяцъ, свѣтлѣе прежняго, но не отражаясь въ водѣ, какъ все прочее освѣщеніе. Въ четверть второго водная поверхность вдругъ заблестѣла подъ золотисто-

огненными лучами на половину поднявшагося солнца. Но такія чудныя картины, какія представляетъ восхищенному взору полярная ночь, надо видѣть самому, насладиться ими,—описывать же ихъ невозможно!

Можно было вполнѣ наслаждаться природой, такъ какъ свѣжесть ночи прогнала кровожадныхъ комаровъ и милліоны мелкой мошкары изъ отряда сѣтчатокрылыхъ (Neuropteren), которая уже два вечера съ десяти часовъ цѣлыми тучами сопровождала наши лодки, но, къ счастью, оказалась безвредной.

Такъ какъ полярной ночью, несмотря на отсутствіе темноты, пернатые обитатели, за исключеніемъ чаекъ, всѣ предаются обычному отдыху, то тишина ничѣмъ не нарушалась, кромѣ однообразныхъ ударовъ веселъ. Вскорѣ увидѣли мы на крутомъ, но не особенно высокомъ берегу Обдорскъ,—цѣль нашего путешествія: 10 домовъ и церковь.

Картина приняла болѣе опредѣленныя очертанія, когда мы въѣхали въ Полуй, заливавшій громадные луга, поросшіе ивами, и соединявшійся съ Обью такъ, что нельзя было распознать гдѣ кончается первый и начинается другая.

Мы увидѣли двѣ большія неуклюжія барки, сидѣвшія почти на сушѣ, и одну лодку, около которой суетились люди. Скоро раздались два выстрѣла, на которые мы отвѣтили; таковы были наши первыя привѣтствія русской экспедиціи, подъ начальствомъ поручика Орлова. Немного спустя наши лодки пристали къ правому высокому берегу Полуя, неподалеку отъ двухъ смежныхъ домиковъ. Мы вышли на берегъ, гдѣ насъ уже ожидалъ засѣдатель, г. Павлиновъ, который, несмотря на ранній часъ, поспѣшилъ къ намъ на встрѣчу.

ГЛАВА XII.

ЧЕРЕЗЪ ТУНДРЫ.

(Отъ Обдорска до Карской губы и обратно).

Мы нагнали русскія экспедиціи. — Г-нъ Матвѣевъ.— Поручикъ Орловъ.— Г-нъ Васильевъ.—Свадебное путешествіе въ тундрахъ.—Капитанъ Даль.—Штурманъ Рандсепъ.—Шкуна „Москва“.—Отсутствіе морляковъ на Оби.—Поѣздка Даля въ 1877 г. Д-ръ Бремъ уѣхалъ впередъ.—Цѣль нашего путешествія. — Неизвѣстность.—Лодки вообще.—Наша лодка „Бисмаркъ“ Ея устройство.— Запасы и ихъ стоимость.— Предметы мѣны. — Перловъ.— Наши люди.— Отъѣздъ изъ Обдорска.— Александръ Зыковъ.—Боязнь большой Оби.—Береговой видъ.—Разстояніе и станціи до Ямбурри.— Князь-юрты.—Обдорскій князь.— Домъ князя Тайшина.—Власть князя.—Его невѣжество.—Рыболовное мѣстечко Кюхатъ.—Его устройство.—Употребленіе сырой рыбы.—Дурное приготовленіе рыбы.—Барыши.—Рыболовные пески.—Участь туземцевъ. — Ручныя чайки. — Тщетные поиски „большого Шайтана“.—Домашніе идолы.—Черезъ большую Обь.— Опять въ ивовыхъ зарослях.—Видъ уральскаго хребта.—Жизнь птицъ.—Комары.—Идиллія въ чумѣ.—Остяцкіе инструменты.—Тоболка.— Докторъ Бремъ отыскался.—Мало-Обскіе пески. — Щучья рѣка.— Ямбурри. — Большой Носъ.—Неизлечимо-больные.—Лѣсные идолы и мѣста жертвоприношеній.—Переговоры.— „Сортъ - іоганъ - йогортъ“.—Берега и воды Щучьей рѣки.— Довѣріе въ тундрахъ.—Талисманъ противъ воровъ. — Жизнь птицъ.—Утомительныя извилины и однообразіе.—Полярные комары. — Наблюденія.— Великія мученія. —Хуже москитовъ.—Подъ нѣмецкимъ трехъцвѣтнымъ флагомъ — Нѣмецкія газеты.— Аккуратная доставка писемъ.— Подъ парусами.—Мы нагнали русскихъ.— Опять съ людьми.— Семейство Джунши.—Похмѣлье.—Брудершафтъ.—Сѣверная граница деревьевъ.— Конецъ воднаго пути. — Роскошная флора.— Горныя породы. — Гнѣздо сарычей.— Дальнѣйшій путь русскихъ. — Водогадь.—Путешествіе въ тундрахъ вообще.— Оно такъ-же трудно, какъ и въ пустынѣ.—Совѣщаніе о пути.—Сборы.—Прощанье.—Отправленье.—Тундра—пустыня.—Дурной пріемъ въ тундрѣ.—Сѣверные олени.—Кровавый пиръ.—Дсеінни, богачъ тундры.— Лія и Рахиль.— Гайны туалета.—Моръ на оленей.—Сибирская язва.—Нѣтъ Bacillus anthracis'a.—Громадные убытки.—Безсиліе передъ заразой.—„Наши“ олени.—Геологическія свѣдѣнія.—Бѣдность животныхъ въ тундрѣ.—Птицы и птичьи голоса.—Звѣри.—Насѣкомыя.—Жалобы Брема на комаровъ.—Бѣгство оленя.—Его поимка.—Варварская операція.—Мы достигли Подараты.— Опять люди. — Подарата.— Ея начало и особенности.— Извѣстія о ней Зуева и Ковальскаго —Она несудоходна.—Виды.—Высочайшія горныя вершины „Арка-пай“.—Горный истокъ Кары и Щучьей.—„Вершина Ковальскаго“.—Остякъ Санда.— Поѣздка къ морю. — Прибытіе на крайній сѣверъ. — Взглядъ на Карскую губу.—До сихъ поръ, но не далѣе.—Принуждены вернуться назадъ.—Каменные идолы.— Невѣрныя изображенія —Оленья запряжка.—Быстрота ѣзды.—Вдова.—Обиліе цвѣтовъ.—Бѣлая сова.—Гигантскій силокъ.— Хатъ болѣнъ, умираетъ.— Похороны.—Печальное настроеніе.— Оленьи пастбища.— Постройка чума.— Жизнь въ тундрѣ.— Янгана-Най — параллельный Уралу хребетъ.— На „большой дорогѣ“.— Бѣдность тундровыхъ озеръ.—Въ виду границы лѣса.—Семейство Санды.—Молодая чета.— Прилежаніе остяцкихъ женщинъ.— Оленьи жилы.— Воспитаніе дѣтей.— Волкъ.—Волчій оракулъ.—Сонъ въ тундрѣ.—Утренній туалетъ.—Дешевыя полотенца.—Выступленіе изъ лагеря.—Олени вмѣсто пищейки.—Бѣлая куропатка.—Оленьи санки.—Воспитаніе лисицъ.—Хитрое животное.—Потерянная ложка.—Мы достигли лѣсной границы.—Прощаніе съ Джунши.—Черезъ Щучью.—Быстрота теченья.— Находчивость собаки.— Послѣдняя стоянка. — Оленья почта. — Прибытіе къ лодкамъ.— Пріятельскій пиръ.— Путевыя замѣтки.— Черный яръ.— Топя.— Сельди Щучьей.— Внизъ по теченью.—Прощанье Хайвая.—Честность.—Опять на Оби.— Старшина Іорка Мамрунъ и его семейство.—Воздержные Остяки.— Въ рощѣ идоловъ.—Возвращеніе въ Обдорскъ.

Хорошо что мы не особенно расчитывали на участіе свое въ одной изъ двухъ русскихъ экспедицій по Оби, о чемъ была

рѣчь въ Москвѣ и Петербургѣ, а твердо стояли на собственныхъ ногахъ. Когда мы нагнали обѣ эти экспедиціи, оказалось, что не было никакой возможности присоединиться къ нимъ. Послѣ короткихъ переговоровъ съ членами экспедиціи, направлявшейся къ Карской губѣ, мы проводили ихъ къ лодкамъ и сказали: „до свиданья на Щучьей рѣкѣ“. Прекрасная большая лодка, такъ называемый „каюкъ, (по турецки каикъ — судно) былъ до верху нагруженъ запасами на три мѣсяца; на немъ, кромѣ шести казаковъ, было 4 гребца, а всего 14 человѣкъ.

Въ Петербургѣ составленъ былъ проэктъ соединенія каналомъ Оби съ Карской губой и „Общество для содѣйствія торговли и промышленности“ рѣшило сдѣлать нѣкоторыя изысканія. Для этой цѣли былъ отправленъ г-нъ Матвѣевъ, котораго спутники называли то купцомъ, то „техникомъ“, и общество испросило еще у правительства спеціалистовъ. По приказанію генералъ-губернатора западной Сибири, генерала Казнакова, были прикомандированы къ экспедиціи два члена топографическаго корпуса въ Омскѣ, поручикъ Орловъ и г-нъ Васильевъ, для геодезическихъ и картографическихъ съёмокъ. Составъ членовъ былъ, повидимому, неудаченъ, такъ какъ теперь уже вовсе не было согласія между г. Матвѣевымъ, считавшимъ себя главою экспедиціи, и двумя другими членами. Такое положеніе продолжалось до самаго ихъ возвращенія и немало препятствовало успѣху дѣла.

Въ обществѣ ихъ находилась дама—жена Орлова, съ удивительнымъ терпѣніемъ переносившая всѣ трудности и неудобства подобнаго свадебнаго путешествія (они были повѣнчаны въ мартѣ).

Кромѣ этой рѣчной экспедиціи мы имѣли удовольствіе встрѣтить морскую экспедицію, или вѣрнѣе, ея начальника, капитана Даля (учителя въ школѣ мореплаванія въ Гайнашѣ, въ Лифляндіи) и старшаго штурмана Рандсепа, прибывшихъ сюда за нѣсколько дней до насъ.

Эта экспедиція „Императорскаго общества для содѣйствія русской морской торговли“ отправленная изъ Москвы, должна была изслѣдовать устье Оби и Обскую губу, въ особенности глубину и положеніе отмелей до самаго Бѣло-острова и проникнуть такимъ образомъ за 74° С. Ш. Почему общество не наняло одного изъ маленькихъ пароходовъ, которые ходятъ по Оби, а выбрало неудобное парусное судно,—объяснить невозможно.

Вообще, при тогдашнемъ незнаніи нижняго теченія Оби, упот-

ребленіе такого судна кажется довольно страннымъ. Заказать судно слѣдовало не на Ирбитской ярмаркѣ купцу Трофимову, а Колчину и Игнатову, и притомъ по точнымъ чертежамъ и рисункамъ. А то по телеграфу было сообщено: „въ 50 футовъ длиною“ и когда Игнатовъ, которому переданъ былъ заказъ Трофимовымъ, построилъ судно, то вышло, что оно годилось лишь для другой экспедиціи.

Игнатовъ имѣлъ полное право жаловаться на нападки газетъ, сыпавшіяся на него по случаю постройки этого судна, такъ какъ онъ мнѣ показывалъ свои счетныя книги, изъ которыхъ было видно, что имъ были получены за него лишь тѣ деньги, которыя были истрачены на постройку. Оно стоило, за исключеніемъ

Остяцкіе ребятишки.

такелажа, только 1082 руб., и Игнатовъ долженъ еще былъ безплатно доставить его до Тобольска. Я считаю нелишнимъ сообщить здѣсь факты, какъ мнѣ передавалъ ихъ Игнатовъ, тѣмъ болѣе что въ газетахъ сообщалось, что судно стоило 3000 руб. Сумму эту, какъ мнѣ говорили въ Обдорскѣ, получилъ Трофимовъ, какъ настоящій владѣлецъ. Во всякомъ случаѣ хорошо, что „нѣмецкое общество полярныхъ экспедицій,“ имѣя въ виду наше путешествіе, не приняло участія въ постройкѣ этого судна. Не говоря о совершенно различныхъ цѣляхъ и стремленіяхъ обоихъ экспедицій, для насъ пятерыхъ и не хватило бы мѣста, такъ какъ устройство судна было въ высшей степени непрактично. По ве-

личинѣ своей „Москва“, такъ называемая шкуна, должна была бы вмѣщать гораздо болѣе людей, такъ какъ имѣла 25 торговыхъ ластовъ и (при $5^1/_4$ футовъ глубины) имѣла 50 футовъ длины; но при этомъ она была лишь въ 13 фут. ширины.

При такомъ замѣчательномъ устройствѣ, съ своими парусами изъ домашняго полотна и страннымъ оснащеніемъ, она не обѣщала безопасности ни для своего балласта, состоявшаго изъ муки и кирпича, ни для экипажа, который, какъ возвѣщалъ Петербургскій Герольдъ долженъ былъ состоять изъ шести самыхъ сильныхъ Обдорскихъ моряковъ. Но что по всей Оби нѣтъ ни одного настоящаго моряка сдѣлалось извѣстнымъ уже въ Тюмени. Капитанъ Даль разсчитывалъ на отставныхъ русскихъ моряковъ, которыхъ, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, должно было находиться въ Тобольской губерніи до двухъ сотъ человѣкъ, но оказалось что рѣчь шла лишь о прежней „морской пѣхотѣ.“ При видѣ этого судна и этого экипажа, среди котораго находился лишь одинъ Грекъ, видавшій море, всякій нѣмецкій капитанъ благоразумно бы отретировался. Но капитанъ Даль не могъ сдѣлать этого по многимъ причинамъ, несмотря на то, что зналъ напередъ, что не достигнетъ до Бѣло-острова. И въ самомъ дѣлѣ „Москва“ дошла лишь до рѣки Ныды, 300 верстъ ниже Обдорска и ко времени нашего отъѣзда, 3-го сентября, не возвратилась еще, такъ какъ сѣла на мель. При всемъ томъ свѣдѣнія Даля*) относительно глубины имѣли немаловажное значеніе. На основаніи ихъ предпріимчивый и научно образованный капитанъ въ слѣдующемъ году блестящимъ образомъ совершилъ новое путешествіе на пароходѣ „Луиза“ отъ Гулля до Тобольска, за которымъ послѣдовали новыя изслѣдованія Оби.

Такъ какъ капитанъ Даль намѣревался заняться сначала изученіемъ устья Щучьей рѣки, то былъ такъ любезенъ, что по просьбѣ моей взялъ съ собою доктора Брэма.

15 іюля, въ 4 часа утра, шкуна отправилась впередъ и мы поспѣшили послѣдовать за нею. Такъ какъ не было никакой возможности найти мало-мальски подходящее судно для поѣздки въ Обскую губу, то мы и вознамѣрились привести въ исполненіе условленный еще въ Петербургѣ съ Латкинымъ и Сидоро-

*) Объ обоихъ путешествіяхъ 1876 и 1877 г. капитанъ Даль далъ точныя свѣдѣнія. См. Описаніе 2 экспедицій по Оби, снаряженныхъ членами общества для содѣйствія русской морской торговли, графомъ Комаровскимъ, Трапезниковымъ, Сибиряковымъ, Сабашниковымъ, Чернявскимъ, въ 1876 и 1877 годахъ. Составлено начальникомъ экспедиціи Далемъ. Москва. Типографія Куманина. 1877 (117 стр. 8⁰, съ картой).

вымъ планъ изслѣдованія Карской губы, тѣмъ болѣе, что я въ Тюмени получилъ отъ общества телеграмму, въ которой Александръ Сибиряковъ, великодушный покровитель нашей экспедиціи, выразилъ желаніе, чтобы мы посѣтили эти мѣста. Но насколько дѣло это представлялось легкимъ въ Петербургѣ, настолько оказалось оно труднымъ на мѣстѣ. Господинъ Мамѣевъ, хорошо знавшій страну, къ которому у насъ были рекомендательныя письма отъ Сидорова, какъ и всѣ мущины-обитатели Обдорска, находился на рыбномъ промыслѣ и не было никого, кто бы могъ сдѣлать намъ необходимыя указанія. Невѣроятное невѣжество береговыхъ жителей, о которомъ капитанъ Даль разсказывалъ намъ поразительные примѣры, вполнѣ оправдалось. Если въ Обдорскѣ знали Полуй не далѣе какъ на 60 верстъ вверхъ по теченію, то чего же должно было ожидать въ отношеніи Щучьей? Даже разстоянія не были извѣстны съ точностью и показанія колебались между 150—200 верстами, хотя многіе проѣзжали ея устье. Насколько же рѣка эта или Подарата судоходны и заселены—никто не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, такъ какъ единственный человѣкъ посѣщавшій Щучью, Остякъ, уѣхалъ съ русской экспедиціей.

Не могло быть и рѣчи о проводникѣ, и мы должны были благодарить и за то, что добыли людей хотя для одной лодки, такъ какъ взять обѣ лодки оказалось невозможнымъ. Все лишнее я оставилъ здѣсь, но все же пришлось сдѣлать въ лодкѣ необходимыя приспособленія для того чтобы можно было въ ней помѣститься пяти человѣкамъ,

Къ прилагаемому рисунку, (стр. 338) на которомъ изображена на заднемъ планѣ лодка, хочу я прибавить описаніе этого своеобразнаго судна, имѣющаго немалое значеніе въ Обскомъ бассейнѣ. Лодкой называютъ ладью длиною отъ 40 до 50 фут., по формѣ своей похожую на гондолу; средняя, большая часть ея покрыта, какъ у венеціанскихъ гондолъ, гробообразной крышей. Лодка эта служитъ по преимуществу для мѣстныхъ сношеній, частію для плаванія, частію для транспорта рыбы и другихъ продуктовъ и можетъ поднимать отъ 200—300 пудовъ, причемъ сидитъ въ водѣ не болѣе какъ на $1^1/_2$ или 2 фута. Приводится она въ движеніе исключительно бичевой или веслами, такъ какъ Обскіе жители не умѣютъ управляться съ парусами и употребляютъ ихъ лишь при благопріятномъ и умѣренномъ вѣтрѣ. Наша лодка, которую я въ Обдорскѣ назвалъ, въ честь нашего великаго канцлера „Бисмаркомъ,“ была длиною 50 фут., изъ которыхъ

десять въ задней части были заняты платформой для лоцмана, а 15 въ передней части узкимъ въ родѣ носа изгибомъ, въ которомъ находились 3 скамьи для гребцовъ. Узкій закрытый носъ служилъ помѣщеніемъ для кухонной посуды.

Итакъ оставалось 25 фут. средняго пространства, занятаго сводообразной крышей, по обѣимъ сторонамъ котораго были прикрѣплены снаружи доски, шириною въ одинъ футъ, для того чтобъ можно было проходить съ передней части на заднюю, такъ какъ верхъ, называемый по-русски палубой, имѣющій въ ширину только 4 фута, былъ заваленъ разными снарядами и здѣсь же должны были помѣщаться люди. Понятно, что число ихъ должно было быть весьма ограничено и намъ самимъ приходилось довольствоваться весьма небольшимъ пространствомъ. Такъ называемая каюта, ширина которой посрединѣ достигала 10 фут., вышина же только 5, такъ что ходить въ ней приходилось согнувшись, была раздѣлена на двѣ части, по $12^1/_2$ ф. длины каждая. Въ передней были устроены три нары для спанья; графъ Вальдбургъ ложился поперегъ, Мартынъ и Иванъ по бокамъ вдоль. Подобнымъ же образомъ помѣщались я и докторъ Бремъ въ передней части, въ которой еще было наложено множество всякихъ запасовъ, такъ какъ и самое маленькое мѣстечко должно было быть употреблено съ пользой. Подъ нарами мы тщательно разставили жестянки съ консервами, запасы пороха и дроби и напитки, а по стѣнамъ развѣсили оружіе, подзорныя трубки и разныя вещи, которыя необходимо имѣть подъ руками.

Такъ какъ нары занимали 3 фута въ ширину, то среднее пространство было всего въ 3 ф., а такъ какъ оно еще было съужено мачтой, то оставалось мѣсто только для стола, т. е. для квадратной доски въ два аршина съ складнымъ станкомъ. Чтобы хотъ сколько нибудь освѣтить это темное помѣщеніе, я велѣлъ продѣлать маленькія окошечки, вслѣдствіе чего было, хотя и неудобно, но по крайней мѣрѣ возможно писать. При всѣхъ этихъ работахъ, исполняемыхъ подъ руководствомъ Ивана Клугина, плотника по профессіи, было еще множество разныхъ заботъ и хлопотъ, въ которыхъ намъ помогалъ засѣдатель, г. Павлиновъ. Пшеничная мука, купленная при его посредствѣ въ Томскѣ, была обращена въ сухари; сверхъ того были добыты всѣ необходимые снаряды: 8 фунтовъ бичевокъ, 10 цыновокъ изъ бересты, 20 мѣшковъ, 2 рыболовныя сѣти, 2 десятифутовыхъ якорныхъ каната, 6 веселъ, 1 котелъ, деревянныя блюда и деревянныя ложки. Для людей была взята слѣдующая провизія: 20 пудовъ хлѣба (по 70

коп.), 1 пудъ крупы (80 коп.), 4 фунта кирпичнаго чая (по 60 коп.) и 10 ф. сахару (по 35 коп.). Словомъ все это стоило не болѣе 50 руб. на 6—8 недѣль, такъ что врядъ ли можно было еще дешевле снарядить экспедицію. Для обмѣна*) съ туземцами были мною куплены въ Бременѣ простые карманные солингенскіе ножи и толстыя иглы для шитья, въ Москвѣ—простой листовой табакъ и къ этому я прибавилъ здѣсь еще много сотенъ мѣдныхъ колецъ (по 1 коп. штука) и стеклянныя бусы. Пользуясь любезностью нашего добраго хозяина, Александра Васильевича Перлова, почетнаго гражданина и смотрителя казенныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, мнѣ удалось добыть палатки, необходимыя для защиты отъ комаровъ, а засѣдатель дополнилъ наши запасы, подаривъ намъ окорокъ ветчины и 150 яицъ, большую рѣдкость въ тѣхъ странахъ.

Но болѣе этого подарка обрадовало насъ извѣстіе, что засѣдателю удалось отыскать для насъ четырехъ человѣкъ, которые обязывались контрактомъ ѣхать съ нами гребцами и работниками. Здѣсь трудно расчитывать на гребцовъ. Это были Зыряне—Степанъ Самудровъ, по профессіи плотникъ, Ѳедоръ Хозяиновъ, сапожникъ и причетникъ, Русскій Степанъ Мышириковъ и Остякъ Александръ Зыковъ; первый изъ нихъ, говорившій по самоѣдски, долженъ былъ получить 40 руб., двое другихъ по 30, а Остякъ 25 р. Старика Михаила Панаева я, разумѣется, также удержалъ при себѣ для дальнѣйшаго плаванія и сдѣлалъ старостой, такъ какъ онъ былъ старше всѣхъ. Большую часть наличныхъ денегъ отдалъ я на храненіе засѣдателю**) и поручилъ ему озаботиться объ извѣстіяхъ и письмахъ ихъ отечества, послѣ чего онъ еще разъ прочелъ людямъ контрактъ и настоятельно наказывалъ имъ исполнять свои обязанности. Съ 6 запасными веслами могли мы пуститься въ дальнѣйшій путь 16-го іюля рано утромъ и послѣ 65 часоваго пребыванія покинули Обдорскъ, послѣднее населенное мѣсто на Оби. Какъ обыкновенно въ подоб-

*) Кромѣ упомянутыхъ предметовъ туземцы охотно берутъ: наперстки безъ донышка, употребляемые портными, большія и маленькія мѣдныя кольца, мѣдныя цѣпочки, красную шерсть, ленты и пестрые бумажные платки и матеріи. Порохъ выпрашивали у насъ еще казаки на Иртышѣ, но онъ, такъ-же какъ и водка, запрещенъ правительствомъ.

**) Экспедиція весьма благодарна и обязана этому любезному и превосходному человѣку, безъ содѣйствія котораго намъ едва-ли бы удалось привести въ исполненіе намѣреніе отправиться въ Карскую губу. Хотя Альбинъ Копъ (Сибирь, стр. 39) увѣряетъ, что чиновники на сѣверной Оби переведены туда за какое либо совершенное ими нарушеніе законовъ и здѣсь въ нѣсколько лѣтъ наживаютъ состояніе, но мы можемъ засвидѣтельствовать несправедливость этого мнѣнія.

ныхъ случаяхъ, мы были напутствуемы задушевными, ободряющими словами, совѣтами; ожиданіе и радость выражались на всѣхъ лицахъ, кромѣ одного, залитаго слезами. Горевалъ нашъ Остякъ Александръ, въ послѣднюю минуту замѣнившій любимаго сына своего, Павла.

Въ страхѣ за судьбу своего первенца, здороваго 19 или 20 лѣтняго малаго, чадолюбивый отецъ еще заблаговременно приставалъ ко мнѣ со слезами и жалобами. Пришлось ему самому замѣнить сына, такъ какъ Зыковъ былъ записанъ въ контрактѣ. Мать Зыкова, болѣе заботившаяся и безпокоившаяся о сынѣ, чѣмъ о мужѣ, взяла перевѣсъ и откомандировала мужа. Это можетъ служить рѣзкимъ доказательствомъ того, что Остячки не рабы своихъ мужей, какъ гласитъ большая часть описаній, но сами повелительницы. Comme chez nous!

Когда лодка изъ спокойныхъ водъ Полуя повернула въ Обь, волненіе было такъ сильно, что люди наши заявили, что нѣтъ возможности подвигаться далѣе и остановились въ тихой заводи. Здѣсь, какъ во время прежняго и послѣдующаго нашего путешествія, мы имѣли полнѣйшее доказательство того, что обитатели Оби далеко не герои на водѣ, что также относилось и къ Остякамъ *).

Послѣ того какъ я съ графомъ Вальдбургомъ сами изслѣдовали эти страшные валы, вздымавшіеся впереди, на поворотѣ рѣки, и убѣдились что въ нихъ нѣтъ ничего опаснаго, мы приказали двинуться въ дальнѣйшій путь и, какъ слѣдовало ожидать, все обошлось благополучно.

Пѣшее хожденіе по правому берегу на разстояніи болѣе нѣмецкой мили близко познакомило насъ съ его строеніемъ. Въ противуположность лѣвому, онъ, какъ и прежде, высокъ и состоитъ частію изъ отвѣсныхъ песчаныхъ, глиняныхъ или мергелевыхъ обрывовъ, покрытыхъ роскошною древесною растительностію, довольно высокими лиственницами, соснами, перемѣшанными съ ивами, березами, ольхами и рябиной и вообще растительностью, свойственною тундрѣ, т. е. малорослою березою,

*) Альбинъ Конъ совершенно ошибочно называетъ (Сибирь, стр. 37) ихъ „ловкими и мужественными мореходами, которые, при сильной бурѣ, когда воды Оби или Иртыша вздымаются высокими валами, смѣло пускаются по бушующей стихіи, точно бороться съ этими рѣчными великанами для нихъ пустая дѣтская игра“,—и приведенный имъ въ доказательство разсказъ очевидца долженъ быть ложенъ. Остяки, хотя и ловко управляютъ своими маленькими челноками, однако въ бурю держатся всегда по близости берега, а что они не искусны ни въ плаваньи, ни въ ныряньи, въ этомъ виноваты, конечно, ихъ врожденный страхъ къ водѣ и одежда.

брусникой, покрытую мхомъ и морошкой въ цвѣту и осокой. Отвѣсный берегъ не опускался какъ прежде къ самой рѣкѣ, но между нимъ и водою оставалась широкая песчаная полоса, усѣянная мелкими, крупными голышами, даже цѣлыми глыбами различныхъ горныхъ породъ — сіенита, гранита, порфира, діорита, гнейса, известняка и т. п., какъ я уже упоминалъ прежде.

Сѣрыя вороны, рѣдкія сороки, красно-грудыя чечотки (Fringilla linaria), пѣночки (Phyllopneuste trochilus) оживляли эти береговыя чащи, которыя кромѣ того кишѣли комарами.

Первая станція, Князь-юрты, (т. е. Княжескія юрты) представляла особенный интересъ, такъ какъ здѣсь лѣтомъ, впродолженіи нѣкотораго времени, живетъ остяцкій князь; третій домъ справа, представленный на моемъ рисункѣ, (стр. 342) собственно княжескій канакъ. Я уже зналъ эту высокую особу изъ описанія путешествія Кастрена *) и нашелъ князя очень измѣнившимся; это главнымъ образомъ относилось къ его одеждѣ, которая ничѣмъ не отличалась отъ одежды простыхъ Остяковъ. Его безбородое лице, лишенное всякаго выраженія, съ тусклыми сѣрыми глазами, важно вытянутая нижняя губа, морщины на лбу и щекахъ и гладко зачесанные назадъ бѣлые волосы напоминали скорѣе нѣмецкаго филистера, чѣмъ типъ кровнаго Остяка, родословная которая начинается съ 1601 года. Со времени сверженія Кучумъ-Хана, Остяки были также обложены данью, и мелкіе остяцкіе князьки лишились своихъ владѣній. Царь Борисъ Ѳедоровичъ назначилъ правителемъ Обдорской земли „до береговъ Ледовитаго океана“ лишь одного Василія, который и былъ обязанъ управлять всѣмъ округомъ и собирать ясакъ и десятину. Когда праправнукъ этого Василія, Тайшинъ, принялъ православіе, имя его было дано фамиліей всему княжескому дому, что было подтверждено **) Императрицей Екатериной въ 1768 году. Нынѣшній глава этого дома, Иванъ Матвѣевичъ, также носитъ эту фамилію. Правленіе его однако не было совершенно спокойно. Даже на этомъ холодномъ сѣверѣ произошло народное возстаніе, подъ

*) „Путевыя замѣтки и письма 1845—1849 года“, изданныя Антономъ Шифнеромъ (въ Петербургѣ 1856 г.) Здѣсь былъ сдѣланъ прекрасный литографическій портретъ князя, во время его пребыванія въ Петербургѣ въ 50 годахъ; несмотря на разницу лѣтъ, князь сохранилъ большое сходство съ этимъ портретомъ. На немъ князь представленъ въ фантастическомъ костюмѣ, пожалованномъ ему Государемъ, въ которомъ я и видѣлъ его въ Обдорскѣ, когда онъ снимался со всѣмъ своимъ штатомъ у случайно заѣхавшаго фотографа.

**) Документъ этотъ приведенъ буквально въ путевыхъ замѣткахъ Гофмана (стр. 24 и 25); тамъ же приведены и свѣдѣнія о родословной Тайшина.

предводительствомъ одного претендента и Остяки изгнали своего родового князя, который принужденъ былъ бѣжать изъ своей резиденціи, Обдорска. Это случилось болѣе тридцати лѣтъ назадъ; теперь же Иванъ Матвѣевичъ пользуется любовью своихъ подданныхъ. Я нѣсколько разъ спрашивалъ ихъ, будутъ ли они повиноваться приказаніямъ своего князя, и они, казалось, находили вопросъ этотъ совершенно излишнимъ. Преданность эту я находилъ весьма трогательной, такъ какъ у насъ никто не сталъ бы повиноваться князю, который, какъ Иванъ Матвѣевичъ, все потерялъ и ничего болѣе не имѣетъ. Владѣя прежде 10,000 головъ оленей (по Гофману, еще въ 1848) онъ былъ однимъ изъ богатѣйшихъ владѣльцевъ и по праву главой своего народа, но теперь богатство его уменьшилось отъ эпидеміи до 700 штукъ, и въ настоящее время князь бѣднякъ, который получаетъ отъ правительства 30 руб. годового оклада и не въ состояніи достигнуть своего прежняго блеска. Впрочемъ, князь и теперь въ нѣкоторомъ отношеніи повелитель и властитель страны, такъ какъ онъ не только представляетъ высшую инстанцію во всѣхъ тяжебныхъ дѣлахъ туземцевъ, но и русскіе и другіе иноплеменники, которые желаютъ поселиться въ Обдорскѣ, должны платить ему за это право. Какъ мнѣ говорили въ Обдорскѣ, доходы эти передаетъ онъ церкви, если они доставляются не водкой, что бываетъ въ большинствѣ случаевъ.

Князь встрѣтилъ меня на берегу и повелъ въ свою юрту, большую, чистую, выложенную у стѣнъ красивыми циновками; во всемъ прочемъ она ничѣмъ не отличалась отъ другихъ. Надежды мои собрать свѣдѣнія о странѣ и ея жителяхъ, отъ „повелителя и отца народа“ оказались тщетными: онъ заявилъ, что на Щучьей и Карской губѣ, куда, какъ говоритъ Шифнеръ въ предисловіи къ Кастрену, онъ отправляется каждое лѣто, никогда не бывалъ; но говоря это онъ лгалъ, такъ какъ очень хорошо зналъ страну, и Гофманъ встрѣтилъ его тамъ въ 1848 году. Но онъ имѣлъ при этомъ въ виду, что въ тѣхъ мѣстностяхъ будутъ пастись его стада. Напротивъ того князекъ очень много разсказывалъ о Петербургѣ, объ императорѣ Николаѣ, пожаловавшемъ ему золотую медаль, почетную саблю и т. д. Но о вещахъ, о которыхъ я его разспрашивалъ, объ исторіи, сказкахъ, народныхъ преданіяхъ, легендахъ,—онъ не могъ ничего сообщить мнѣ, и когда я его спросилъ относительно идолопоклонства, то онъ сталъ увѣрять меня, что оно давно уже исчезло и что всѣ Остяки хорошіе христіане. Насчетъ лѣтъ своихъ князь тоже не могъ сказать ничего вѣрнаго, но полагалъ,

что ему около 60, также отвѣчалъ и на другіе вопросы. Онъ не могъ даже сказать въ какое время зимы можно отправляться отсюда въ Обдорскъ на оленяхъ. Я покинулъ эту высокую особу сильно разочарованный, но подарилъ ему бутылку водки, чтобъ онъ не могъ того-же сказать обо мнѣ. Князь принялъ мой подарокъ съ нерѣшительностью, говоря, что прежде не пренебрегалъ этимъ напиткомъ, а теперь вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ не употребляетъ его. Но этотъ зарокъ былъ, какъ видно, не очень серьезенъ, такъ какъ едва успѣлъ я напиться чаю и срисовать юрты, какъ онъ уже пришелъ отдать мнѣ визитъ въ моей лодкѣ и сталъ просить другую бутылку, будто бы для своего единственнаго сына, престолонаслѣдника, занимавшагося приготовленіемъ неаппетитно выглядывавшей рыбы. Такъ какъ у насъ былъ очень скудный запасъ водки, то я долженъ былъ отказать князю въ его просьбѣ и когда онъ намекнулъ на „князя“ нашей экспедиціи, графа Вальдбурга, покойно спавшаго или притворявшагося спящимъ, то я отвѣчалъ ему, что онъ, подобно ему, воздержный человѣкъ, не употребляющій спиртныхъ напитковъ.

Единственно за что остался я благодаренъ князю, это за его убѣдительную рѣчь къ нашему Александру, хорошо на него подѣйствовавшую. Хотя христіанинъ уже во второмъ поколѣніи, онъ съ трепетомъ и ужасомъ относился къ страшнымъ волнамъ Оби и къ еще болѣе опасному большому шайтану (большому чорту), царствовавшему на Щучьей. Его неутѣшныя слезы изсякли послѣ увѣщаній князя, и онъ сдѣлался почти настолько-же мужественъ, насколько былъ прежде трусливъ.

Въ несправедливости словъ князя касательно идолопоклонства мы могли убѣдиться на второй станціи, Кюхатѣ, потому что здѣсь всѣ туземцы, между ними также Самоѣды, были еще язычниками.

Кюхатъ — рыболовное поселеніе, какихъ такъ много встрѣчается на нижней Оби и въ области ея устья, но оно больше всѣхъ нами до сихъ поръ видѣнныхъ. Здѣсь дѣло ведется на средства одного изъ важнѣйшихъ Тобольскихъ рыботорговцевъ, Ивана Николаевича Корнилова, на котораго работаютъ 35 русскихъ и столько же туземцевъ. Послѣдніе получаютъ небольшую плату за пользованіе мѣстомъ, имѣютъ долю въ уловѣ и сверхъ того дѣлаютъ достаточные запасы на зиму для своего собственнаго потребленія, такъ какъ рыба извѣстной величины не годится для соленія. Любезный прикащикъ, подъ вѣдѣніемъ котораго находилось это поселеніе, показалъ мнѣ его во всѣхъ подробно-

стяхъ и далъ всему подробныя объясненія. Онъ самъ и семейство его живутъ въ легонькомъ сарайчикѣ, снабженномъ лишь самымъ необходимымъ. Для русскихъ рабочихъ служатъ избы, грубо срубленныя изъ бревенъ и покрытыя хворостомъ и дерномъ; въ этихъ хижинахъ нѣтъ ничего кромѣ общихъ наръ для спанья и онѣ нисколько не лучше чумовъ, гдѣ помѣщаются туземцы. Въ нѣкоторыхъ рыболовныхъ поселеніяхъ, гдѣ работаетъ одинъ или очень мало русскихъ, они бываютъ помѣщены еще хуже.

Русскіе рабочіе, такъ-же какъ и всѣ снаряды и обзаведеніе, къ которому принадлежитъ и корова, отправляются изъ Тобольска на баркѣ, какъ только пройдетъ ледъ. Весь матеріалъ для постройки сараевъ доставляется также оттуда. Люди нанимаются на 4—5 мѣсяцевъ и получаютъ за сезонъ отъ 20 до 30 руб. и сверхъ того одежду, состоящую изъ кафтана (называемаго гусъ), рубашку, штаны и сапоги (бродни), а также пищу, табакъ и въ праздничные дни порцію водки. Мясо дается только на пути туда и обратно. Я вспомнилъ при этомъ, что голландскіе рыболовы въ Швеціи также очень рѣдко получаютъ мясо, а Норвежцы и вовсе не получаютъ его. Впрочемъ, эти люди вполнѣ довольствуются рыбой; они, какъ и туземцы, съ аппетитомъ пожираютъ ее сырую, какъ наши рабочіе сало.

Искусство женщинъ потрошить и приготовлять рыбу вслѣдствіе безпрестанной практики дошло до совершенства. Для чистки рыбы употребляется оленья лопатка, заостренная по краямъ,—инструментъ весьма практичный для этой цѣли. Хотя Палласъ (Зуевъ) съ религіознымъ суевѣріемъ заявляетъ о необходимости продольнаго разрѣза, начиная отъ брюшныхъ перьевъ, но рѣшительная выгода здѣшняго метода должна взять перевѣсъ. Такъ-же быстро какъ дѣлается разрѣзъ, въ одинъ пріемъ вычищается печень и все содержимое внутренней полости. Мнѣ иногда приходилось видѣть какъ жадно съѣдались остающіяся части жира и крови, но никогда я не видалъ, чтобъ „внутренности употреблялись въ видѣ дессерта“, какъ разсказываетъ г. Поляковъ. Внутренности часто выбрасываются, но иногда сохраняются въ сосудахъ, ради стекающаго съ нихъ жира. Эта маслянистая масса, называемая ширъ, не скоро портится и служитъ вмѣсто масла; въ нее макаютъ хлѣбъ, а также жгутъ въ почникахъ.

Употребленіе сырой рыбы замѣчается не только между Остяками и Самоѣдами, но между всѣми жителями сѣверной Сибири, также и Русскими. Это считается специфическимъ средствомъ противъ скорбута. Обычай этотъ принятъ также у Японцевъ,

Канаковъ и многихъ другихъ народовъ, а „о вкусахъ не спорятъ“. Я пробовалъ мясо нельмы и нашелъ его пріторнымъ и безвкуснымъ, такъ-же какъ прежде семгу въ Лапландіи, которую тамъ ѣдятъ безъ всякаго приготовленія и приправы. Впрочемъ Остяки и Самоѣды умѣютъ такъ искусно разрѣзать рыбу, что ѣда нисколько не возбуждаетъ отвращенія, и я часто съ завистью смотрѣлъ на нашихъ людей, какъ они съ аппетитомъ завтракали искусно нарѣзанными полосками двухъ футовой рыбы, обмакивая ихъ въ жиръ. Даже маленькихъ дѣтей, не умѣющихъ еще ходить, нѣжныя матери нерѣдко кормятъ сырой рыбой.

Соленіе рыбы въ русскихъ поселеніяхъ производится такъ-же какъ въ Норвегіи: выпотрошенную рыбу кладутъ на 8—9 дней въ соленый разсолъ, и когда она достаточно пропитается солью, ее просушиваютъ и связываютъ въ тюки. Но обскіе рыбаки не умѣютъ такъ хорошо вялить рыбу, какъ въ Норвегіи, чему, безъ сомнѣнія, содѣйствуютъ болѣе благопріятныя мѣстныя и климатическія условія послѣдней. Главная ошибка состоитъ по преимуществу въ томъ, что на Оби употребляется не чистая, а смѣшанная съ другими составными частями (глауберовой и горькой солью) степная соль, которая портитъ вкусъ рыбы. Еслибъ употреблялась такая превосходная французская и португальская соль, какъ въ Голландіи, Норвегіи и др., то безъ сомнѣнія приготовленная рыба была бы лучше, хотя немало виноватъ въ этомъ несовершенствѣ первобытный способъ заготовленія. Недостаетъ также удобной, чистой посуды. Такъ, въ Кюхатѣ, когда нехватаетъ большихъ, хорошо сдѣланныхъ бочекъ для соленья, то вырываютъ ямы, наполняютъ ихъ водой и сохраняютъ въ нихъ излишекъ свѣже-наловленной рыбы; такія ямы даютъ знать о себѣ издалека, по ужасному запаху. Подобная гніющая рыба, само-собою разумѣется, должна портить и другую свѣжую. По счастію, русскій простой народъ, для котораго предназначается обская рыба, весьма неприхотливъ.

По словамъ прикащика, въ Кюхатѣ, въ сезонъ, начавшійся въ нынѣшнемъ году 5-го іюня и продолжающійся до начала сентября, съ небольшимъ въ три мѣсяца добыто 2000 пудовъ рыбы и 50 бочекъ ворвани, всего стоимостью, по среднимъ цѣнамъ, на 5000 руб. Какъ велики были расходы на это, мнѣ въ точности неизвѣстно. Если вычесть отсюда жалованье рабочимъ 800 р. и стоимость соли *) (400 пуд. по 70 коп.) 280 р. и провозъ (10

*) Я считаю пуд соли на 5 пуд. рыбы, но не знаю вѣрно ли это. На Печорѣ

коп. съ пуда) 200 руб., то ужъ составится 1300 руб. Если же сосчитать капиталъ затраченный на барку, на матеріалъ, снарядъ и провозъ, содержаніе рабочихъ—и долю туземцевъ, то составитъ уже значительная сумма, и изъ этихъ цифръ ясно видно, что чистаго барыша далеко не такъ много, какъ иногда утверждаютъ. Не мѣшаетъ также имѣть въ виду, что годы неудачнаго лова и разные убытки должны также покрываться хорошими годами. Тоже самое говорили мнѣ другіе опытные люди, занимавшіеся рыбнымъ промысломъ; между прочими могу сослаться, какъ на свидѣтелей, на Павла Николаевича Рослякова (изъ Обдорска), въ Халиспагорѣ, на Николая Иванова Рослякова (изъ Тобольска) въ Малыхъ Обскихъ Пескахъ, на Константина Никитина Попова (изъ Обдорска) въ Вулпаслѣ, и на нашего хозяина въ Обдорскѣ, Перлова. Первый упомянутый мною рыбопромышленникъ имѣлъ десять русскихъ рабочихъ, 30 Остяковъ, которымъ онъ платитъ за пользованіе въ лѣтнее время рыболовнымъ мѣстомъ,—такъ называемыми „песками“, въ которомъ песчаное дно идетъ постепенно понижаясь, безъ камней и ямъ, и представляетъ весьма удобное мѣсто для ловли. Въ немъ происходятъ различныя измѣненія вслѣдствіе измѣненія дна, но оно остается прибыльнымъ впродолженіи многихъ лѣтъ. Мы встрѣтили въ самомъ дѣлѣ рыбаковъ, которые занимаются рыбнымъ промысломъ на одномъ мѣстѣ ужъ много лѣтъ.

Смотря по удобству положенія, аренда такихъ песковъ стоитъ отъ 20 до 200 руб., и болѣе. О дозволеніи ловить рыбу Остяки большей частью условливаются сами и такъ, чтобъ уловъ дѣлился пополамъ; здѣсь арендаторъ долженъ былъ дѣлиться съ Остяками, которымъ принадлежитъ эта мѣстность. Для Остяка-владѣльца работали его земляки. При этомъ обыкновенно условливаются, что туземцы изъ своей доли возьмутъ лишь столько сколько имъ нужно для себя, а остальное уступятъ русскому предпринимателю за извѣстную цѣну. По свидѣтельству Полякова, девятивершковый муксунъ выше Самарова стоитъ рубль, между тѣмъ какъ выше Березова эту цѣну даютъ за 8 муксуновъ, ниже Березова за 10, ниже Обдорска на Надымѣ за 25—30 штукъ. Чѣмъ дальше внизъ по теченію, тѣмъ цѣны становятся все ниже и ниже. Мѣра въ 9 вершковъ издавна принята на практикѣ, такъ же какъ и правило, что двѣ рыбы меньшей мѣры идутъ за одну.

на 16 пуд. рыбы употребляютъ 2 п. соли, такъ какъ везти ее приходится недалеко. Но этого количества недостаточно и много рыбы портится.

Условія эти оказываются совершенно одинаковыми съ условіями существующими въ Россіи. Изъ словъ Шренка видно, что въ Ладогѣ единицей мѣры считается рыба 12 вер., и двѣ рыбы меньшей величины также идутъ за одну. О цѣлесообразности и справедливости такихъ условій судить трудно, довольно того, что они существуютъ.

Если г. Поляковъ сильно осуждаетъ это произвольное назначеніе цѣны, а также и всю „разбойничью систему," примѣняемую его русскими соотечественниками на обскомъ рыбномъ промыслѣ, то осужденіе это мнѣ кажется также голословнымъ, т. е. безъ глубокаго пониманія дѣла. Еслибъ г. Поляковъ имѣлъ случай познакомиться съ большимъ рыбнымъ промысломъ въ Голландіи, Норвегіи или въ восточномъ Финмаркенѣ и съ тамошней кредитной системой, онъ бы мягче судилъ о своихъ соотечественникахъ. Что касается выставленныхъ имъ цифръ, то они могутъ только смутить человѣка, непонимающаго дѣла и уронить его соотечественниковъ, особенно во мнѣніи иностранцевъ. Когда онъ напримѣръ говоритъ, что продажа 500,000 пудовъ Обской рыбы въ Тобольскѣ доставляетъ барыша милліонъ руб., причемъ собственники рыбныхъ промысловъ, Остяки, получаютъ за аренду лишь 10,000 руб., то это вычисленіе его такъ-же невѣрно, какъ и вычисленіе барышей предпринимателей, которые, по его словамъ, платя не болѣе 200 р. аренды, получаютъ отъ 10 до 35 тысячъ дохода. При такихъ разсчетахъ читатель можетъ подумать, что счастливый предприниматель положитъ въ карманъ до 34,000 чистаго барыша, въ дѣйствительности же эта цифра представляетъ только валовой доходъ, безъ вычета издержекъ. Г. Поляковъ, путешествіе котораго было отчасти вызвано обществомъ тобольскихъ рыбопромышленниковъ, не сообщаетъ однако какая сумма изъ дохода расходуется на снасти, жалованье и пр. Какъ я лишь слегка указалъ выше, издержки и капиталъ, затрачиваемые на это предпріятіе, довольно значительны. Одинъ неводъ стоитъ 300 руб. Если Поляковъ видитъ благоденствіе туземцевъ въ томъ, чтобъ „увеличена была доля туземцевъ," то дальнѣйшее описаніе Остяковъ ясно покажетъ какое пагубное употребленіе сдѣлали бы они изъ этой доли. Если русскій рабочій въ Сибири весь заработокъ свой тратитъ на водку, не имѣя ни малѣйшей наклонности къ пріобрѣтенію, которая безусловно необходима для поднятія благосостоянія населенія, то какъ же ожидать и требовать этихъ качествъ отъ туземцевъ? Неизвѣстно вѣрно-ли, что бо́льшая часть пришлаго населенія испортилась нравственно съ прибытіемъ

русскихъ рыболововъ, но нѣтъ сомнѣнія, что туземцы выиграли черезъ это прибытіе; къ тому же русскіе имѣли полное право воспользоваться областью, которая безъ ихъ предпріимчиваго духа не приносила бы никому никакой пользы. Кто, какъ мы, видѣлъ въ пустынныхъ тундрахъ туземцевъ рыбаковъ, живущихъ въ нищетѣ, среди рыбнаго богатства, тотъ долженъ признать, что тѣ, которые работаютъ на Оби вмѣстѣ съ русскими, пользуются сравнительно значительнымъ матеріальнымъ благосостояніемъ. Между тѣмъ какъ Остяки прежде запасались рыбой лишь на зиму и, какъ разсказываетъ Палласъ, иногда голодали, теперь они помогаютъ разработывать источникъ богатства, который приноситъ имъ пользу, въ видѣ предметовъ первой необходимости, которыхъ они прежде вовсе не знали или получали отъ странствующихъ мелкихъ торговцевъ, причемъ нерѣдко бывали ими обманываемы. Справедливо разбирая дѣло, мы находимъ, что оно производится такъ-же какъ и въ другихъ странахъ. Какъ и торговцы въ Капской землѣ, въ отдаленныхъ рудникахъ или округахъ пушныхъ промысловъ и т. д., русскіе также ищутъ барышей. Что безпечность туземцевъ должна уступать высшей интеллигенціи—это фактъ, повторяющійся во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ!

Картина человѣческой дѣятельности оживлялась еще болѣе безчисленными чайками (Larus affinis), которыя съ громкими криками носились надъ сѣтями и похищали добычу передъ глазами рыболововъ; иныя же сидѣли на высохшихъ вѣтвяхъ лиственницъ.—Осмотрѣвъ все въ подробности, я направился къ ближайшему лѣсу, состоявшему изъ прекрасныхъ высокихъ хвойныхъ деревьевъ, чтобъ поискать тамъ большого шайтана (большихъ идоловъ). Прикащикъ, утверждавшій, что онъ одинъ изъ русскихъ знаетъ это мѣсто, изъ уваженія къ туземцамъ не хотѣлъ однако указать мнѣ его и называлъ мое предпріятіе безнадежнымъ, что и оправдалось въ дѣйствительности. Послѣ долгихъ скитаній я былъ доволенъ и тѣмъ, что нашелъ прежнее языческое кладбище, но при срисовываніи его долженъ былъ бѣжать отъ комаровъ, которые не давали возможности четверть часа поработать карандашемъ.

Если мнѣ не удалось отыскать большого шайтана, за то я могъ покрайней мѣрѣ утѣшиться маленькимъ, который былъ спрятанъ въ одномъ чумѣ. Но я долженъ былъ что-нибудь ему пожертвовать и охотно принесъ первую „жертву идолу“. Идолъ представлялъ безформенную массу, завернутую въ лисьи и другіе мѣха, съ мѣдной бляхой, изображавшей лице и прикрѣпленной

на мѣстѣ головы. Добрая хозяйка, несмотря на насмѣшки мущинъ, рѣшилась наконецъ показать „бабьяго идола“. Это была кукла, одѣтая какъ остяцкія женщины, у которой вмѣсто лица была мѣдная пуговица. Несмотря на то, что я предлагалъ высокую цѣну, они не хотѣли продать мнѣ ни одного изъ своихъ боговъ, и хотя мущины смѣялись надъ „богиней Зонгетъ“, однако очень дорожили своимъ „муштеромъ“ (мастеромъ). До сихъ поръ они не покидалъ ихъ въ бѣдѣ, говорили они, и накажетъ за это болѣзнью или даже смертью. Эта приверженность достойна похвалы и доказываетъ, что у этихъ нецивилизованныхъ дѣтей природы не все продажно, какъ предполагаютъ люди цивилизованные, и что они при этомъ весьма снисходительно относятся къ тому, кто дѣлаетъ имъ такія неделикатныя предложенія. Старовѣръ, вѣроятно, иначе отвергъ бы предложеніе объ продажѣ какого нибудь особенно чтимаго имъ образа святаго.

Начиная съ Кюхата мы покинули (16-го іюля, въ 10 ч. вечера) правый берегъ и пересѣкли большую Обь, волны которой порядочно покачали лодку, но не столько сколько поколебали мужество нашихъ людей. Они сидѣли съ открытыми головами и пѣли молитвы, которыя перешли въ веселыя пѣсни, какъ только мы достигли спокойнаго лѣваго берега. Какъ только покидаешь главное русло, то при высокой водѣ не только трудно, но даже невозможно дать себѣ отчетъ въ какомъ именно изъ рукавовъ находишься,—такое ихъ множество, и такъ они страшно перепутаны,—и невозможно составить себѣ картину ихъ теченія и сліянія. Фарватеръ то расширяется, то съуживается и съ обѣихъ сторонъ окаймленъ болотами или большей частью непроходимыми ивовыми зарослями, вышиною въ ростъ человѣка, которыя совсѣмъ закрываютъ видъ. Если же представляется прогалина, то взорамъ открывается справа высокій, скудно поросшій лѣсомъ берегъ большой Оби, слѣва синія Уральскія горы, лишь мѣстами покрытыя снѣгомъ и сохраняющія въ своихъ очертаніяхъ характеръ Исполинскихъ горъ. Вершины были бо́льшей частью окутаны туманомъ, и туземцы не знали ихъ названій, только высочайшую верхушку называли по самоѣдски „Тобендаска“, названіе, котораго я не нашелъ ни на какой картѣ. Немногія рыболовныя поселенія, къ которымъ мы причаливали, чтобъ перемѣнить гребцевъ и сварить кушанье, совершенно схожія съ Кюхатомъ, находились бо́льшей частью на полосахъ земли, вдающихся въ воду въ видѣ полуострова, и окайменныхъ болотистыми ивовыми зарослями, болотами или настоящими тундрами.

Для зоолога страна представляла нѣкоторый интересъ: краснозобыя щеврицы и щеврицы Густава (Anthus cervinus et Gustawi), желтыя трясогузки (Motacilla citreola), чечетки и одинъ видъ камышевокъ (Calamoherpe phragmitis) оживляли кустарники; на болотахъ и озерахъ встрѣчались: полярная гагара (Colymbus septentrionalis), плавунчики (Phalaropus cinereus)—прелестнѣйшія созданія полярнаго міра, маленькія чайки, чернети и другія болотныя и водяныя птицы. Но охотиться за ними не было никакой возможности, по милости милліардовъ комаровъ. День и ночь, которые были почти одинаковы, мучили насъ эти кровожадныя насѣкомыя, даже каюта мало защищала насъ отъ нихъ, потому что они проникали во всѣ щелки. Ничто не помогало противъ нихъ: ни убиваніе, ни опаливаніе, ни куреньe, ни хлороформированіе! Легче было отдѣлаться Геркулесу отъ Лернейской змѣи и другихъ чудовищъ, чѣмъ намъ отъ комаровъ!

Наполненные дымомъ чумы туземцевъ доставляли все-таки болѣе защиты отъ этихъ насѣкомыхъ и дозволяли дѣлать наблюденія и рисунки. Послѣдній рисунокъ (стр. 356) былъ исполненъ въ Тоболкѣ, куда мы прибыли 17 іюля, въ 7 часовъ вечера. Маленькіе ребятишки, изъ которыхъ средній былъ закутанъ въ отцовское платье, безъ сомнѣнія, не подозрѣвали, что повидимому спавшій чужестранецъ, угощавшій ихъ сахаромъ, изобразилъ ихъ на бумагѣ. Противъ дѣтей сидѣлъ на корточкахъ слѣпой, который, разумѣется, не мѣшалъ мнѣ работать.

Рисунокъ изображаетъ также нѣкоторые инструменты Остяковъ. Влѣво отъ дѣтской люльки стоитъ станокъ съ колесами, употребляемый иногда для облегченія дѣтей, которые только что учатся ходить; подлѣ дѣтская кукла, (по остяцки „Аганъ“); впереди, рядомъ съ рыбою (нельмою), лежитъ деревянная колотушка для убиванія крупной рыбы, вправо женскій ножъ (ост. „Кьеши)“. Правѣе очага лежитъ ковшикъ изъ бересты (ост. „Жингль“), съ оригинальной рѣзьбой. Позади дѣтей весло (ост. „Йошъ-лопъ“) и пара бѣлыхъ куропатокъ („Лохъ“).

Съ капитаномъ Далемъ было условлено, что докторъ Бремъ останется въ юртѣ „Лангальки“, но никто изъ насъ не зналъ таковой. Добродушный казачій урядникъ, расположившійся въ Тоболкѣ жалкимъ лагеремъ съ своими двѣнадцатью рабочими и занимавшійся рыбнымъ промысломъ собственно для себя, сообщилъ намъ, что это должно быть ничто иное какъ урочище, лежащее въ 40 верстахъ отъ Янбурри. Такъ какъ я уже начиналъ безпокоиться о другѣ, то при его энергичномъ посредничествѣ удалось от-

править туда двухъ Остяковъ съ письмами и съѣстными припасами. Несмотря на самый слабый вѣтеръ, эти туземные рѣчные герои боялись волненія и полагали, что идутъ навстрѣчу вѣрной смерти. Честный казакъ отказался отъ всякаго вознагражденія, даже отъ предложеннаго ему*) стакана водки, говоря, что она еще понадобится намъ самимъ и что онъ только исполнилъ свой долгъ.

Прошло не болѣе часа по отъѣздѣ нашемъ изъ Тоболки, и я было вздремнулъ одѣтый, изъ боязни комаровъ, какъ въ первомъ часу 18 іюля одинъ Остякъ принесъ намъ извѣстіе, что въ ближнемъ чумѣ находится какой то чужестранецъ. Это могъ быть только Бремъ! Я отправился пѣшкомъ, опережая лодку, и нашелъ друга, который уже полторы сутокъ находился въ дымномъ чумѣ, среди остяцкихъ женщинъ, дѣтей и собакъ, занимаясь интересными наблюденіями, и уже успѣлъ заручиться сѣрымъ гусемъ, нѣсколькими плавунчиками, трясогузками и щеврицами Густава. Небольшое поселеніе, „Малые Обскіе Пески“ состояло лишь изъ нѣсколькихъ хижинъ и одной русской избушки, Николая Иванова Рослякова изъ Обдорска, который, вмѣстѣ съ туземцами, занимался здѣсь рыбнымъ промысломъ, за что платилъ имъ 30 руб. Свѣдѣнія, полученныя мною отъ него о теченіи рѣки и ея устьѣ, на которыхъ онъ уже четыре года ловилъ рыбу, оказались такъ-же невѣрными, какъ и набросанная имъ карта. Въ самомъ дѣлѣ никто не могъ дать намъ удовлетворительныхъ свѣдѣній о томъ, гдѣ мы найдемъ людей, насколько судоходна рѣка, такъ какъ никто не бывалъ далѣе устья. Тоже было и въ Янбурри, послѣднемъ рыболовномъ поселеніи, съ которымъ мы достигли нижняго восточнаго рукава Щучьей, которая вытекаетъ изъ Урала и образуетъ сѣверовосточный лѣвый притокъ Оби. Русское названіе рѣки, соотвѣтствующее остяцкому „Сортъ-йоганъ“ и самоѣдскому „Переа“, было совершенно подходяще, такъ какъ рѣка изобилуетъ щукой.

Янбурри (Ямбури, Янбура), рыболовное мѣстечко, состоящее изъ чумовъ туземцевъ и одной татарской избушки, лежитъ противъ Большого Носа или послѣдняго изгиба обскихъ горъ. Здѣсь

---

*) Я упоминаю объ этомъ, для того чтобы показать какъ хорошо всюду принимали насъ. Въ самомъ дѣлѣ только одинъ русскій въ рыболовномъ мѣстечкѣ, выше Обдорска, отказалъ намъ въ своей помощи; имя его я знаю, но не желаю называть. Онъ отказалъ намъ въ гребцахъ и когда я показалъ ему письмо министра внутреннихъ дѣлъ, то онъ насмѣшливо заявилъ: это не приказъ! И, несмотря на это письмо министра, онъ спокойно продолжалъ разставлять свои сѣти.

мы находились на разстояніи 20 верстъ отъ устья морской губы (острова Яри, до котораго ѣздилъ Зуевъ въ 1771 г.). Отсюда можно было ясно видѣть плоскіе холмы и крутой песчаной берегъ Большого Носа и различить деревья, которыя были скудно разбросаны по немъ, о чемъ стоитъ упомянуть собственно потому, что, по Зуеву, деревья исчезаютъ еще у Воксарскихъ юртъ и лиственница не достигаетъ тамъ вышины болѣе сажени (Пал. 3 стр. 36.). Видъ праваго высокаго берега помогалъ намъ ориентироваться, такъ какъ отъ напора морской воды въ губѣ, теченіе еще съ предыдущей станціи (Немуга) казалось намъ встрѣчнымъ и заставляло насъ держаться повидимому лѣваго берега.

Янбурри въ этнологическомъ отношеніи было интересно тѣмъ, что здѣсь нашли мы почти однихъ Самоѣдовъ и могли подробно осмотрѣть ихъ обстановку. Здѣсь я могу прибавить, что если трудно найти у Остяковъ племенныя особенности, то еще труднѣе съ антропологической точки зрѣнія разсматривать Самоѣдовъ и Остяковъ какъ отдѣльныя расы, такъ какъ оба эти племени отличаются только однимъ языкомъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что разговорный языкъ Самоѣдовъ понимаетъ почти каждый Остякъ, между тѣмъ какъ Самоѣды очень рѣдко говорятъ по Остяцки.

Здѣсь опять обращались ко мнѣ за медицинской помощью и притомъ въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ самый знаменитый эскулапъ врядъ ли могъ бы что нибудь сдѣлать. Такъ одинъ старикъ показалъ мнѣ страшно изувѣченныя руки, съ пальцами, сгнившими до послѣдняго сустава. Онъ долго лежалъ пьяный въ снѣгу при сильномъ морозѣ и отморозилъ руки такъ, что пальцы кусками отпадали у него. Женщинѣ, страдавшей сухоткой спинного мозга, у которой ноги совсѣмъ уже отнялись, также не могъ я оказать никакой помощи, какъ и двумъ слѣпцамъ. Легкія же глазныя болѣзни, часто происходящія отъ ужаснаго дыма въ чумахъ, я лечилъ строжайшей чистотой и опрятностью, которая никоимъ образомъ вредить не могла. Нашъ же псалмопѣвецъ, Федоръ Хозяиновъ, увѣрялъ слѣпыхъ, что они наказаны слѣпотою за свое невѣріе и что припявъ христіанство снова прозрятъ. Я напомнилъ нашему усердному апостолу, что онъ панятъ въ гребцы и долженъ разъ навсегда воздержаться отъ миссіонерства.

Къ нарисованному мною въ Кюхатѣ домашнему идолу я присоединилъ еще изображеніе „лѣсного божка,“ котораго случайно нашелъ въ ивовой чащѣ во время охоты. Подлѣ воткнутаго въ землю куска дерева, у котораго продѣланы были глаза

и носъ, представлявшіе лице, стояли на стойкахъ 3 обитые жестью сибирскіе сундука, служившіе „божескими сундуками.“ Такъ какъ ключи находились тутъ же, то можно было свободно осмотрѣть ихъ содержаніе. По нашимъ понятіямъ, оно было весьма жалко и мизерно. Въ самомъ большомъ, назначенномъ для мущинъ, лежалъ сдѣланный изъ тряпокъ идолъ; въ назначенномъ для женщинъ—богиня въ желтомъ самоѣдскомъ платьѣ, съ красной обшивкой, а въ маленькомъ—для дѣтей — только кой-какое тряпье, къ которому я присоединилъ нѣсколько стеклянныхъ бусинокъ. Что приношенія эти имѣли цѣлію испрашивать благословеніе боговъ на рыбную ловлю, видно было изъ того, что на заднемъ планѣ, въ видѣ жертвоприношенія, надѣтъ былъ на палку кусокъ рыбьей кожи. Вообще все свидѣтельствовало о наивности и честности этихъ людей, и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживало полное отсутствіе художественнаго вкуса.

Въ 5 часовъ пополудни покинули мы Янбурри и съ запасными гребцами, въ числѣ семнадцати Самоѣдовъ и Остяковъ, стали подниматься вверхъ по рѣкѣ, похожей на узкій каналъ, дорогой готовили кушанье въ тундрѣ, на которой, кромѣ множества комаровъ, къ счастью нашли бѣлыхъ куропатокъ, и въ первомъ часу 19-го числа достигли поселенія „Хатъ,“ состоявшаго изъ нѣсколькихъ чумовъ,—послѣдняго человѣческаго жилища, котораго намъ суждено было надолго не видѣть. Здѣсь слѣдовало еще сдѣлать попытку— поискать проводника, хотя я напередъ былъ убѣжденъ, что это будетъ нелегко. Переговоры съ западно-африканскимъ королемъ негровъ не представляютъ бо̀льшаго испытанія для терпѣнія. Люди здѣсь, даже русскіе, имѣютъ совершенно особенный способъ мышленія, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ можно получить немедленный отвѣтъ на самый простой вопросъ, бо̀льшей же частью приходится повторять его, измѣняя на разные лады.

Переговоры начинаются обыкновенно предисловіемъ переводчика, объясняющаго цѣль путешествія, затѣмъ слѣдуютъ вопросы и отвѣты, спеціальныя совѣщанія туземцевъ между собою, и мои съ переводчикомъ. Сначала всѣ утверждали, что не знаютъ Щучьей и что никто не понимаетъ ни слова по русски. Предлагали мнѣ полуслѣпаго Остяка, нищаго этого поселенія, вѣроятно съ цѣлью избавиться отъ него на нѣкоторое время, съ условіемъ кормить жену во время его отсутствія. Но мало по малу сыновья послѣдняго выдали себя, объявивъ, что хорошо знакомы съ рѣкою. Я воспользовался этимъ, и объяснилъ, что

мы пріѣхали издалека, что мы не „купцы и не миссіонеры,“ но хотимъ познакомиться съ страной, людьми и многими другими вещами, что ихъ государь братъ нашего и поручилъ намъ собрать свѣдѣнія о нихъ, разсказалъ, какъ торжественно принялъ насъ богатый киргизскій султанъ, и въ заключеніе заявилъ, что мы ничего болѣе отъ нихъ не требуемъ. Съ радостью увидѣлъ я, что рѣчь моя произвела впечатлѣніе, такъ какъ рѣже стало слышаться подозрительное „янгу“—нѣтъ, и наконецъ старшина изъ жителей заявилъ, что онъ самъ пошелъ бы съ нами, еслибъ не былъ боленъ. Вмѣсто себя уговорилъ онъ отправиться своего работника, Гайвая, самоѣда изъ Содопои, по ту сторону Подараты; послѣ долгихъ переговоровъ все дѣло было улажено. Хатъ, здоровый Остякъ и владѣлецъ чума, по имени котораго названо было это поселеніе, и веселый Гайвай отправлялись съ нами. Данъ былъ задатокъ, но собственно о вознагражденіи не было ничего условлено.

Переговоры продолжались 3 часа и порядочно утомили меня, такъ какъ въ чумѣ можно было задохнуться отъ дыма, и въ ушахъ гудѣлъ говоръ 20 человѣкъ на совершенно непривычномъ для слуха языкѣ и безпрестанный визгъ 6 щенковъ, которыхъ не успѣвали выбросить, какъ они снова вползали подъ цыновку.

Я былъ очень доволенъ, когда къ 8-ми часамъ утра мы могли двинуться въ путь съ 6 новыми гребцами, которыхъ я уговорилъ проводить насъ до развѣтвленія рѣки. Мы добрались до него (по-остяцки Сортъ-йоханъ-йогортъ) къ десяти часамъ утра (20 іюля) и остановились у маленькаго островка, образованнаго полою водою на правомъ берегу. Онъ былъ довольно высокъ и состоялъ большею частью изъ песчаныхъ холмовъ въ родѣ дюнъ, скудно поросшихъ лиственницами, между тѣмъ какъ слѣва представлялъ черную болотистую почву, возвышавшуюся надъ водой не болѣе 4—5 футовъ, съ глинистыми прослойками, покрытую непроходимыми чащами ольхи и тальника, не выше человѣческаго роста. Рѣка, теперь на 3—4 фута ниже своего высочайшаго уровня, была довольно широка и глубока. Недалеко отъ берега глубина достигала 4—5 фут. а въ серединѣ шестъ въ 12 ф. длины не доставалъ до дна. Теченіе, дѣлавшее въ 3 минуты 120 фут., было гораздо сильнѣе въ правомъ, чѣмъ въ лѣвомъ рукавѣ, которымъ мы ѣхали.

Разстояніе Янбурри отъ развѣтвленія по прямой линіи не болѣе 30 верстъ, но вслѣдствіе извилинъ отъ 50—57 вер.

Если туземцы называли воду „бѣлой,“ то это показывало

только, что они дурно распознаютъ цвѣта, такъ какъ здѣсь рѣчь могла быть только о бурой и мутной.

Островъ, осенью соединяющійся съ правымъ берегомъ, служитъ тогда туземцамъ, возвратившимся съ своими оленями изъ тундры, мѣстомъ для рыбной ловли. Здѣсь они и оставляютъ свои пожитки: жерди для чумовъ, рыболовные спаряды, пустыя и нагруженныя сани. Въ послѣднихъ находятся главныя богатства хозяина, заключающіяся въ перѣ, мѣхахъ и зимнихъ шубахъ. Сани въ такихъ случаяхъ связываются по двое вмѣстѣ, нижней стороной наружу. Этимъ нѣсколько затрудняется воровство, но взаимное довѣріе и честность, качества весьма рѣдко встрѣчающіяся у насъ въ такомъ совершенствѣ, служатъ лучшей защитой. Наши проводники никогда не позволяли себѣ дотронуться до оставленныхъ въ тундрѣ саней или лисьей западни *), какъ ни нуждались мы въ горючемъ матеріалѣ. Правда, противъ воровства предпринимаются иногда мѣры весьма страннаго рода. Однажды я нашелъ, подлѣ оставленныхъ въ полѣ сокровищъ, деревянный обручъ, на которомъ были привѣшены двѣ деревянныя дощечки, украшенныя грубо-вырѣзанными лицами. Я ужъ готовъ былъ взять эту этнографическую достопримѣчательность, какъ Хатъ, случайно подошедшій, заявилъ, что это его собственность и величайшая святыня: обручъ къ заколдованному барабану. Какъ увѣряли люди, онъ былъ самъ шаманомъ (Татибе) и, по его собственному признанію, съ помощью этого обруча, открывалъ воровства. Такъ какъ одинъ видъ его уничтожалъ всякое покушеніе, то я пожелалъ нашей полиціи изобрѣсти подобный дешевый и дѣйствительный талисманъ, и почувствовалъ справедливое уваженіе къ этому простому орудію.

Какъ только покинули мы Обь, исчезли вороны и сороки; животная жизнь сдѣлалась бѣднѣе, но появились нѣкоторыя новыя породы птицъ. Мы ужъ видѣли хищниковъ тундры, болотныхъ совъ (Otus brachyotus) и любовались ихъ фантастическимъ, красивымъ полетомъ; здѣсь же начали встрѣчаться сѣрые сукалепи, (Terekia cinerea), поморники (Lestris parasitica) и кулички-воробьи (Tringa Temminckii). Изъ чащи слышались заманчивые крики послѣдней птички и она сдѣлалась нашей добычей, когда докторъ Бремъ нашелъ гнѣздо съ 4 яицами. Гнѣздо ея было про-

*) Шренкъ (стр. 316) утверждаетъ, что Самоѣды на западной сторонѣ Урала не оставляютъ болѣе саней безъ караула, потому что Зыряне очень часто обворовываютъ ихъ и уничтожаютъ лисьи западни (стр. 305).

стою ямкой въ пескѣ. Я спряталъ яица въ коробочку съ ватой и былъ немало удивленъ, когда 4 дня спустя нашелъ въ ней маленькихъ птенцовъ, которые вывелись отъ теплоты.

Наградивъ людей изъ Хата, т. е. давъ каждому по полтора руб., по ножу и прибавивъ къ тому еще табаку, я отпустилъ ихъ, и мы съ своими людьми поплыли вверхъ по теченію бечевой, такъ какъ еще у развѣтвленія рѣки видѣли слѣды ногъ предшествовавшей намъ русской экспедиціи.

Если однообразіе обскаго берега наскучило намъ, то на Щучьей было и того хуже. Все одни и тѣ-же невысокіе, отвѣсные, песчаные, глинистые или болотистые берега, поросшіе ольхами и ивами; тамъ и сямъ открытая тундра или подобныя дюнамъ песчаныя горы, поросшія группами прекрасныхъ лиственницъ. Съ этихъ холмовъ можно обозрѣвать очень далеко плоскую страну, живописно окаймленную Уральскимъ хребтомъ; можно прослѣдить на далекое пространство теченье рѣки, обозначенное песчаными холмами и рядомъ лиственницъ, подобно италіанскому шоссе, окаймленному тополями. Не очень то бываетъ пріятно увидѣть вечеромъ по другую сторону рѣки, на разстояніи какихъ нибудь 12 верстъ, мѣсто утренней стоянки! Щучья течетъ такими прихотливыми извилинами и изгибами, что я вполнѣ понимаю, почему покойный Петерманъ счелъ набросокъ ея на картѣ преувеличеннымъ.

Веденіе дневника и препарированье, въ которомъ помогали мнѣ Мартинъ Дзервитъ и Иванъ, отнимало у меня такъ много дѣла, что некогда было спать; къ тому же я долженъ былъ постоянно будить людей. Прежде, чѣмъ думать о снѣ, необходимо еще было очистить каюты отъ комаровъ.

Съ того времени какъ продѣлали въ каютѣ окошко, они сдѣлались сноснѣе и я писалъ въ дневникѣ: „Комаровъ мало, такъ какъ они льнутъ къ окну; можно спать безъ сапогъ.“ Но дѣло было въ томъ, что тѣло притерпѣлось къ ощущенію боли, а я думалъ, что они сдѣлались смирнѣе прежняго. Въ эту же самую ночь, когда въ лодкѣ были тысячи пискуновъ, они искусали мнѣ пощаженныя до сихъ поръ губы и вѣки. Впрочемъ, любимыя ими мѣста—виски, затылокъ, руки и подъемъ ноги. Обыкновенный чулокъ не защищаетъ отъ нихъ, такъ-же, какъ и перчатки. Даже толстыя оленьи рукавицы не оставались неприкосновенными. Съ внутреннимъ наслажденіемъ смотрѣлъ я какъ, не смотря на всѣ ихъ старанія, они не могли прокусить кожу. Обыкновенные брюки не служили отъ нихъ защитой, и нѣкоторые комары вскорѣ открыли слабую сторону пер-

чатокъ. Какъ ни плотны швы, однако они оставляютъ достаточно мѣста для комариная жала. Я чувствовалъ его на кожѣ, но спокойно оставлялъ комара пить кровь и смотрѣлъ какъ онъ отъ наслажденья вытягивалъ заднія ножки, а тѣло его становилось все толще и краснѣе. Когда онъ вполнѣ напивался, то я внезапно обрѣзалъ ему ножницами хоботокъ. Въ первый моментъ комаръ, казалось, не замѣчалъ этого, потомъ движеніе переднихъ ногъ показывало, что онъ сознаетъ утрату и ищетъ чего то, что исчезло навсегда. Точно также держали себя комары, у которыхъ я отрѣзалъ налившуюся кровью заднюю часть тѣла, между тѣмъ какъ отрѣзанную ногу они совершенно игнорировали, до того были поглощены жаждою крови. Эти наблюденія иногда веселили насъ или возбуждали юморъ, такъ какъ мы очень хорошо понимали свое безсиліе передъ этими полчищами, о которыхъ Гмелинъ *) справедливо замѣчаетъ, „что они враги болѣе могущественные, чѣмъ хищные киргизы.“ Да неужели нѣтъ противъ нихъ никакихъ средствъ? слышу я вопросы, и долженъ отвѣчать: нѣтъ никакихъ, которые бы можно было назвать специфическими. Какая польза отъ широкополой шляпы съ вуалью: двадцать комаровъ попадетъ подъ нее, когда ее надѣваешь. А въ томъ, что розмариновое масло и тому подобныя средства не помогаютъ, мы еще убѣдились на Ала-Кулѣ. Правда, мы не пробовали употреблять березовый деготь, запахъ котораго сами бы не вынесли, такъ-же какъ не вынесли бы сѣтокъ изъ конскаго волоса, употребляемыхъ туземцами. Всего лучше помогаетъ дымъ, но не дымъ сигары или трубки, а густой дымъ, отъ котораго самъ задыхаешься. Удивительно, какъ эти легкія существа могутъ держаться въ воздухѣ при довольно сильномъ вѣтрѣ и слѣдовать за людьми. Также необъяснимо и ихъ внезапное появленіе. Мы пристали напр. къ широкой, голой песчаной косѣ и слышимъ съ удовольствіемъ извѣщеніе: „комаровъ нѣтъ!“ Въ воздухѣ совершенно чисто! Минуту спустя слышится зловѣщее „сссиии“ и вслѣдъ затѣмъ появляется комаръ. Сначала одинъ, потомъ два, три и въ слѣдующую минуту вокругъ васъ цѣлыя тысячи. Какъ при слабомъ

*) Путешествіе IV, стр. 97,—достойное вниманія, такъ какъ и теперь справедливо то, что говорится въ первой части, стр. 199.—Палласъ (II, стр. 222) считаетъ единственнымъ средствомъ отъ комаровъ — сосудъ съ дымящимся трутомъ, привязанный къ спинѣ. О мученьи отъ комаровъ въ Лапландіи см. Westermanns Monatshefte 1876 г.—Шренкъ (II, стр. 376—381) старается найти пользу комаровъ въ экономіи природы полярныхъ странъ въ томъ, что они побуждаютъ оленей къ странствованіямъ.

вѣтрѣ, такъ и при слабомъ дождѣ отъ нихъ нѣтъ покоя, особенно при тепломъ, сыромъ воздухѣ въ закрытомъ помѣщеніи. Только холодъ унимаетъ ихъ: если температура понизится до двухъ градусовъ, они мгновенно исчезаютъ. По моимъ наблюденіямъ, комары тогда забиваются въ мохъ *), покрывающій тундру, откуда ихъ вызываетъ весною первый солнечный лучъ **).

Комары обладаютъ, кромѣ того, въ высшей степени непріятнымъ свойствомъ: когда ихъ давишь, они оставляютъ запахъ, возбуждающій отвращеніе. Рѣчь идетъ, безъ сомнѣнія, не о 10 или 20 комарахъ, но о сотняхъ и тысячахъ этихъ насѣкомыхъ, опаленныхъ зажигательной бумажкой на потолкѣ каюты и раздавленныхъ пальцами; когда сгребешь цѣлую кучу мертвыхъ комаровъ ***), то поневолѣ убѣдишься, что „комариный жиръ“ не фантазія. Дѣйствіе ужаленія не индивидуально, а весьма различно. Опухоль то скоро проходитъ, то переходитъ въ нагноеніе; иногда воспаленіе бываетъ такъ сильно, что вся рука до локтя опухаетъ. Однимъ словомъ комары, схожіе съ нашими Culex pipiens †) величайшее мученіе сѣверныхъ странъ, тѣмъ болѣе что отъ нихъ нѣтъ покоя ни днемъ, ни ночью ††). По единогласному утвержденію всѣхъ наблюдателей, они гораздо ужаснѣе своихъ тропическихъ собратій—извѣстныхъ москитовъ.

Такъ какъ экспедиція не получила нѣмецкаго флага, а я до сихъ поръ какъ то забывалъ сдѣлать его, то былъ очень радъ когда намъ съ Иваномъ удалось найти въ нашемъ бѣльѣ кусокъ цвѣтной матеріи, какъ разъ подходящей для небольшого флага. Прикрѣпленіе его къ мачтѣ послужило предлогомъ для небольшого торжества, причемъ я сказалъ гребцамъ прекрасную рѣчь о томъ,

---

*) При сильномъ дождѣ комары укрываются въ кустарники и траву (область лѣсовъ Урала); имъ ничего не дѣлается отъ мелкаго, хотя бы и частаго дождя, они только глубже забиваются (Ковальскій, въ путеш. Гофмана, стр. XIII).

**) Гофманъ наблюдалъ ихъ на западномъ Уралѣ отъ 14 до 22 іюня, когда земля еще не вполнѣ оттаяла. Первыхъ комаровъ экспедиція привѣтствовала съ радостью, какъ вѣстниковъ весны, но дня черезъ два всякая симпатія къ нимъ была утрачена. (Шут. стр. 183).

***) Массы ихъ сгорали отъ зажигательной бумажки. Пивной стаканъ наполняли въ одинъ пріемъ, но уменьшенія не замѣчалось, и въ нѣсколько минутъ ихъ опять было столько же. (Гофманъ, 127 стр.).

†) По опредѣленію Рёдера, въ Гоймѣ, занимавшагося разработкой моихъ двукрылыхъ насѣкомыхъ. Я привезъ комаровъ изъ различныхъ мѣстностей Оби и изъ тундры, и всѣ они принадлежали къ этой породѣ.

††) „Отъ кровожадныхъ сѣверныхъ комаровъ не находишь покоя даже на скалахъ (Уралѣ). Громадныя стаи ихъ видѣлъ я въ камышахъ Каспійскаго моря и на болотахъ первобытныхъ енисейскихъ лѣсовъ, даже подъ тропиками.“ (Гофманъ стр. 196). Замѣчательно совершенное отсутствіе комаровъ на островѣ Вайгачѣ. (Гофманъ стр. 152); нѣтъ ихъ также на Шпицбергенѣ (графъ Вальдбургъ).

что эти цвѣта принадлежатъ ихъ союзному государству и предложилъ тостъ за императоровъ Александра и Вильгельма. Всѣ съ открытыми головами кричали: ура! Для такого торжественнаго дня выдалъ я бутылку вина и лишнюю порцію табаку. Флагъ, видный издали, кромѣ этого практическаго значенія имѣлъ еще другое. Подъ нимъ сдѣлали мы въ весельной лодкѣ почти 400 нѣмецкихъ миль и плавали по водамъ, которыхъ до насъ не посѣщалъ ни одинъ нѣмецъ.

Куда только ни устремляется нѣмецкій пытливый духъ, одушевленный лишь стремленіемъ положить еще камень для сооруженія великаго космополическаго храма, называемаго наукой,— всюду трехцвѣтный нѣмецкій флагъ служитъ ему знаменемъ и напоминаетъ ему, сколько его соотечественниковъ, руководимыхъ тѣмъ же стремленіемъ, плавало и плаваетъ подъ нимъ.

И на этой отдаленной рѣкѣ, разлученные съ людьми, получили мы привѣтъ изъ своего отечества! Рано утромъ 22-го іюля пріѣхали въ маленькой лодочкѣ два Остяка и, къ величайшему нашему удивленію, привезли намъ пакетъ съ газетами (С. Петербургскими, нѣмецкими и Кёльнскими), которыя любезный обдорскій засѣдатель отправилъ вслѣдъ за нами съ нарочными. Какъ превосходно организована доставка писемъ въ Россіи, я убѣдился еще въ Петербургѣ. Я получилъ тамъ письмо на мое имя безъ адреса; на оборотной сторонѣ конверта была замѣтка полиціи: „по справкамъ, въ 1873 году былъ въ Тихвинѣ докторъ Финкъ“, а потомъ: „слѣдуетъ еще разъ справиться въ отелѣ Демутъ“, гдѣ письмо и нашло меня. Благодаря этой превосходной доставкѣ, извѣстія, которыя были переданы мною 6 іюня маіору Тиханову въ Майтерекѣ, для отправки въ Зайсанъ, 12-го іюля уже появились въ „Weserzeitung“.

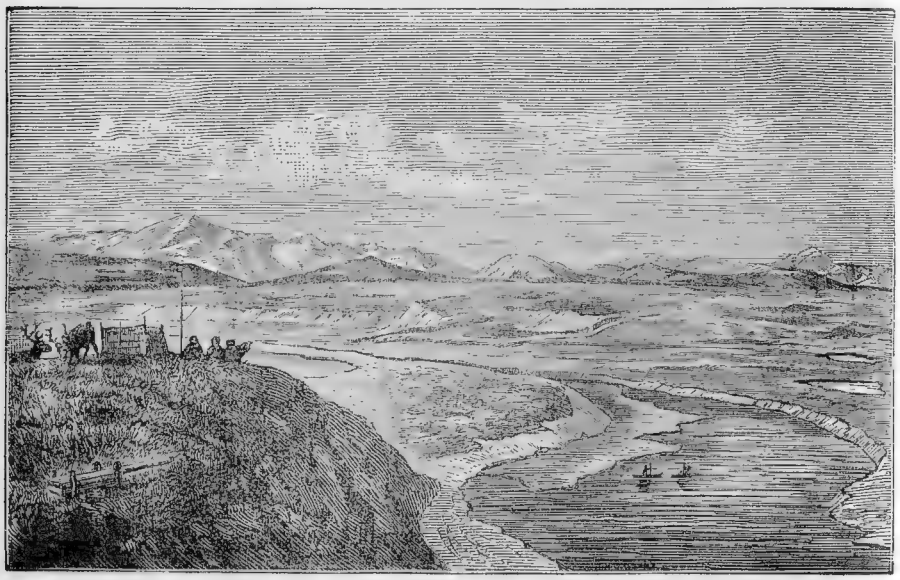
Такъ какъ вѣтеръ оказался попутнымъ, то мы могли пустить въ дѣло парусъ, большой лоскутъ сдѣланный нашими людьми изъ цыновокъ. Это избавило ихъ отъ труда и пота, такъ какъ солнце сильно припекало и термометръ въ закрытой лодкѣ показывалъ 23°. Къ тому же подъ парусомъ мы быстрѣе подвигались впередъ, такъ что 24 іюля въ 10 часовъ утра мы догнали и обогнали русскую экспедицію, несмотря на то, что она отплыла тремя днями ранѣе нашего и шла притомъ по западному верхнему рукаву, которымъ разстояніе сокращалось на 20 верстъ. Видъ рѣки, лишь изрѣдка оживляемой одинокими лебедями, гусями, утками и чайками (Larus affinis) и приморскими крачками (Sterna macroura), оставался такимъ же однообразнымъ. Какъ на океанѣ

плавающая по волнамъ бутылка возбуждаетъ любопытство, такъ и здѣсь брошенныя оленьи санки или внезапно появившаяся откуда то собака, которую нельзя ни подманить, ни изловить, приводили всѣхъ въ волненіе. Какъ же должно было усилиться это волненіе, когда вечеромъ 25-го іюля мы увидѣли дымъ и затѣмъ чумъ. Слѣдовательно здѣсь есть туземцы, и снова ожила въ насъ надежда найти проводника. Около 6 часовъ пристали мы къ чуму, хозяинъ котораго былъ, казалось, удивленъ, но вовсе не обрадованъ рѣдкими гостями. Владѣлецъ чума, Остякъ, впослѣдствіи мой другъ и нареченный братъ, назывался Джунши (или Джунье), проживалъ здѣсь уже четвертое лѣто со всѣмъ семействомъ, состоявшимъ изъ двухъ женщинъ, нѣсколькихъ дѣтей и множества собакъ, которыя у этихъ племенъ также составляютъ членовъ семьи, и занимался рыбнымъ промысломъ. Старикъ былъ, какъ обыкновенно, очень сдержанъ и робокъ, но я развязалъ ему языкъ стаканомъ водки, и онъ разсказалъ мнѣ все, что зналъ. Щучья оказывалась судоходна еще на небольшое разстояніе, потомъ начинались перекаты, а затѣмъ и водопады; рѣка становилась настолько мелкою, что по ней уже нельзя было проѣхать въ лодкѣ: глубина достигала только $1^1/_2$ фута и рѣку можно было переходить въ бродъ. Но при осеннихъ дождяхъ вода поднимается и рѣка становится глубже, чѣмъ теперь. На Подаратѣ или Подератѣ, (а не Байдерата или Байдарацкая, какъ значится на картахъ; мы слышали какъ Остяки и Самоѣды произносятъ это слово) былъ онъ всего одинъ разъ; тамъ глубокія воды, черезъ которыя безъ лодки не переправиться; дороги къ морю онъ не зналъ, но братъ его пасетъ тамъ оленей у рѣки, которую онъ называлъ Іоркатъ. Этотъ Іоркатъ, значащійся на картѣ Истерманна, впадалъ въ Карскую губу. Живутъ ли Самоѣды на Подаратѣ, онъ не зналъ и сильно сомнѣвался въ этомъ. Наконецъ старикъ начертилъ карандашемъ карту, по которой оказывалось дней 5—6 пути до Подараты и 4—5 до Садапая, урочища по ту сторону рѣки, гдѣ паслись оленьи стада.

Если трудно было заставить его сообщить намъ свѣдѣнія о странѣ, то еще труднѣе было побудить его къ участію въ путешествіи по тундрѣ. Онъ отговаривался больной ногой, которая по моемъ осмотрѣ, оказалась дурно заживленнымъ переломомъ берцовой кости, ссылался на свою безпомощность, но краснорѣчіе нашего Хата уничтожило всѣ его сомнѣнія. Что всѣ эти переговоры требовали съ моей стороны большого терпѣнія, это само собою разумѣется. Наконецъ другъ Джунши,—я могъ такъ

называть, его, выпивъ съ нимъ по 3 рюмки водки,—согласился, но съ условіемъ—если хозяйка отпуститъ его и если я оставлю работника помогать ей въ рыбной ловлѣ. Я принялъ послѣднее требованіе, которое было вполнѣ справедливо, такъ какъ семейство втеченіе кратковременнаго лѣта должно было сдѣлать запасъ на зиму. Договоръ былъ заключенъ. 4-я рюмка и 2 рубля задатка покончили дѣло.

Тѣмъ временемъ прибыла русская экспедиція и опередила насъ, по словамъ хитрыхъ казаковъ, потому что лодка ихъ пристала къ берегу нѣсколько выше нашего Такъ какъ Орловъ тоже нуждался въ совѣтахъ Джунши, то я отпустилъ его на цѣлый день. Русскіе такъ отлично угостили старика, что ему нужно



Подаратъ и Сѣверный Уралъ.

было отдохнуть. Нѣсколько времени онъ буянилъ, ходилъ полунагой, предлагалъ мнѣ свой нюхательный табакъ для жеванья и продѣлывалъ тому подобныя штуки; наконецъ я велѣлъ Ивану отвезти его на берегъ къ супругѣ, которая и отнесла его въ чумъ точно мертваго. Слѣдовало ожидать, что съ похмѣлья онъ будетъ нездоровъ. На слѣдующій день госпожа Джунши была очень разстроена; дочка, съ парой щенятъ на рукахъ, которые, по всему вѣроятію, долженствовали разогнать ея горе, читала отцу наставленія относительно страшнаго порока—пьянства. Въ немъ сидѣлъ вчера злой „шайтанъ“, говорилъ Джунши и совѣтовалъ мнѣ въ подобныхъ случаяхъ его связывать, такъ какъ

онъ очень драчливъ во хмѣлю. Насчетъ этого я могъ его успокоить, потому что у насъ онъ не будетъ имѣть столько водки. Впрочемъ, мои подарки его супругѣ, бусы, мѣдныя кольца, ножикъ и т. п. смягчили всѣ сердца. Мадамъ Джунши не только отпускала съ нами своего мужа, но даже отказывалась отъ работника, увѣряя, что она одна управится съ рыбной ловлей. — Старый Джунши показалъ мнѣ содержимое жертвеннаго сундука у его домашняго идола, который находился въ маленькой рощицѣ и подарилъ мнѣ бога Ньеней-пьениче *), охранителя оленей отъ волковъ, за подаренную ему мною американскую монету въ 25 центовъ. Въ жертвенномъ сундукѣ находились старыя тряпки, между ними одна шелковая, подставка аплике подъ бутылку, камень и упомянутый идолъ. Другой божокъ состоялъ изъ вѣтки съ двумя отростками, служившими вмѣсто рукъ, и 2 сучками вмѣсто глазъ **). Впослѣдствіи, когда наши люди разсказали Джунши, что я большой шаманъ, то онъ предложилъ мнѣ брудершафтъ, причемъ конечно, необходимо было распить бутылку, какъ серьезно завѣрялъ Хатъ, нашъ остяцкій проводникъ. Я согласился на полбутылки, чтобъ увидѣть церемонію, которая собственно состоитъ лишь въ томъ, что двое мудрецовъ воткнутъ въ землю палку, повѣсятъ на нее топоръ, сядутъ подлѣ и съ серьезнымъ, важнымъ видомъ пьютъ водку.

По увѣреніямъ стараго Михайла и Зырянъ, эта церемонія, называемая татибетъ, считается заключеніемъ вѣчнаго дружескаго союза, а топоръ, вмѣсто клятвы, символически означаетъ, что онъ поразитъ того, кто нарушитъ этотъ договоръ. Старикъ Джунши обѣщалъ умереть вмѣстѣ со мною, и дѣйствительно я впослѣдствіи не могъ пожаловаться на него. Всегда былъ онъ мнѣ вѣренъ, какъ другъ, который пилъ не водку подъ топоромъ, а пѣнящійся рейнвейнъ и заключилъ „вѣчный“ брудершафтъ при одушевленныхъ рѣчахъ.

Братъ Джунши разлакомился и просилъ меня продать ему водки; у него были деньги, три рубля, полученные отъ меня

---

*) Состоявшаго изъ грубо вырѣзанныхъ изъ дерева фигуръ человѣка и волка, перевязанныхъ красной лентой. Идолъ этотъ находится теперь въ королевскомъ музеумѣ въ Берлинѣ.—Такимъ же точно описываетъ Миддендорфъ „бога оленей“, у Асса-Самоѣдовъ (стр. 1424).

**) Подобные-же, только нѣсколько лучше вырѣзанные идолы Асса-Самоѣдовъ описываетъ Миддендорфъ (стр. 1425).

четверть часа тому назадъ за три замѣчательныхъ *) медали изъ его жертвеннаго сундука. Теперь онъ готовъ былъ отдать 3 руб. за рюмку водки, въ чемъ я ему, разумѣется, отказалъ. Изъ этого ясно можно было видѣть, какъ торговцы въ тундрѣ легко могутъ обирать туземцевъ.

Вечеромъ была гроза **) съ громомъ и молніей,—если не ошибаюсь, единственная, видѣнная нами въ этихъ странахъ,—и оставила намъ послѣ себя такой холодъ и вѣтеръ, что только вечеромъ на слѣдующій день могли мы пуститься въ путь, почти одновременно съ русскими, которыхъ мы потомъ встрѣчали не разъ. Характеръ мѣстности между тѣмъ нѣсколько измѣнился: рѣка протекала между небольшими возвышенностями, поросшими группами лиственницъ, образующими чуть не лѣса, которые однако становились все рѣже и рѣже. Но онѣ еще были деревьями отъ 20—25 фут. вышины ***), и хотя имѣли косвенное положеніе, а мѣстами согнутыя отъ вѣтра верхушки, казались однако крѣпкими. Травяная растительность, достигавшая здѣсь тоже крайняго своего предѣла, покрывала сырыя низменности, и занимая часто обширныя пространства, представляла роскошные луга.

Правый берегъ рѣки представлялъ значительно увеличившіяся, покрытыя валунами, песчаныя отмели, которыя иногда опускались отвѣсно и образовывали овраги отъ 20—30 фут. глубины, въ которыхъ мѣстами лежалъ еще снѣгъ и ледъ. Тамъ, гдѣ примыкали къ берегу тундры, ивовыя и ольховыя чащи исчезали и мѣсто ихъ заступала малорослая береза. Рѣка сдѣлалась мелководной, лодка часто попадала на мель и нужно было отыскивать хорошій фарватеръ. На третій день по отъѣздѣ нашемъ изъ чума Перся, Джунши объявилъ намъ, что плыть далѣе невозможно, и 27 іюля (въ 8 час. утра) мы расположились лагеремъ въ открытой тундрѣ, противъ устья маленькой рѣченки Хойяха (рѣка

*) Одна, вылитая изъ латуни, изображала нѣчто въ родѣ деревяннаго конька и казалась очень древнею, такъ-же какъ и двѣ другія, вылитыя изъ мѣди. Одна представляла всадника съ лукомъ и стрѣлами, другая коронованнаго всадника со скипетромъ; я считалъ ихъ древняго сѣвернаго происхожденія. Любители древностей могутъ видѣть одну изъ нихъ въ королевскомъ музеѣ въ Берлинѣ.

**) Единственная. Послѣ мы раза два слышали издали громъ (напр. 8 августа). Зуевъ также говоритъ, что грозы рѣдки подъ этими градусами широты. (Пал. 3, стр. 23); напротивъ Гофманъ (стр. 20) говоритъ о ихъ необычайной силѣ на западной сторонѣ Урала.

***) Тоже самое явленіе встрѣтили мы, когда возвратились съ сѣвера въ предѣлы лѣсовъ. Гофманъ подтверждаетъ это, упоминая о западной сторонѣ Урала. Здѣсь являются тѣже условія, что на Алтаѣ, гдѣ на границѣ лѣсовъ встрѣчаются еще красивыя деревья.

идоловъ, по-самоѣдски), отъ которой отдѣлялъ насъ большой островъ съ песчаными холмами, раздѣлявшій Щучью на два рукава и омываемый ими. Я посѣтилъ этотъ островъ, чтобъ изслѣдовать оттуда теченіе рѣки и нашелъ здѣсь роскошнѣйшую флору *), какой не видалъ еще до сихъ поръ на сѣверѣ. Камнеломки, колокольчики (Campanula rotundipolia L. var. linifolia), альпійскіе астрагалы (Astragalus alpinus L.), смѣшанные съ незабудками и желтыми лютиками (Ranunculus lapponicus и reptans), образовали здѣсь настоящій коверъ цвѣтовъ. Островъ соединялся съ обсохшей песчаной отмелью, въ которой было много мелкихъ зёренъ магнитнаго желѣзняка. На правомъ берегу встрѣтилъ я первую горную породу. Графъ Вальдбургъ дѣлалъ уже наблюденія у подножія скалъ, составлявшихъ берегъ. Найденныя здѣсь горнокаменныя породы, какъ показываютъ взятые отъ нихъ обломки, состоятъ изъ сѣраго твердаго известняка (мрамора), къ которому непосредственно примыкалъ діабазъ, совершенно покрытый чернымъ магнитнымъ желѣзнякомъ, которымъ изобиловала песчаная отмель. Такое же строеніе имѣли тамъ и сямъ встрѣчавшіеся на отмели валуны, часто довольно большія глыбы, состоявшія изъ гнейса, кварца, хлоритоваго сланца и роговика.

Посѣщеніе высокихъ песчаныхъ холмовъ на лѣвомъ берегу Хайяха было не менѣе успѣшно. Отсюда глазъ могъ окинуть всю тундру, до черпаго гробообразнаго холма, который туземцы называютъ Пайзовей-пекудья. Здѣсь, кромѣ того, я нашелъ оставленное Остяками имущество, состоявшее частію изъ мягкой рухляди (между которой въ первый разъ увидѣлъ я шкуру бѣлаго медвѣдя), сѣтей, двухъ проржавѣвшихъ ружейныхъ стволовъ и (что было мнѣ всего пріятнѣе) деревяннаго идола. Послѣдній представлялъ цѣльную фигуру Самоѣда, животъ котораго былъ выдолбленъ какъ у африканскаго фетиша и представлялъ жертвенный ящикъ; этотъ идолъ былъ единственный въ своемъ родѣ *), котораго привелось мнѣ видѣть. Многія изъ странныхъ бирокъ **),

*) Первыя указанія Зуева (Пал. 3 стр. 33), по мнѣнію Рупрехта, не всегда вѣрны; гораздо важнѣе свѣдѣнія о флорѣ Рупрехта—Flora boreali-uralensis, въ путешествіи Гофмана и Шренка (II, стр. 483—549).

**) Шренкъ упоминаетъ о замѣчательномъ идолѣ, грубомъ изображеніи птицы (I стр. 437).

***) Шренкъ (I. стр. 509) также упоминаетъ о нихъ и приписываетъ ихъ происхожденіе русскимъ. Зыряне также употребляютъ подобныя бирки вмѣсто календаря, чтобъ разсчитывать въ тундрѣ по солнцу праздничные дни (Шренкъ, стр. 330). Наши туземцы каждый миновавшій день отмѣчали на биркѣ, которую носили на поясѣ. У Якутовъ прекрасные календари изъ мамонтовыхъ костей (Мид. стр. 1541, съ рисункомъ).

служащихъ вмѣсто календаря и счетныхъ книгъ, также не мало обращали на себя мое вниманіе. Только послѣ долгихъ переговоровъ, Джунши позволилъ мнѣ взять нѣкоторыя изъ нихъ, такъ какъ это были наслѣдственные документы и долговыя книги; каждая зарубка на нихъ означала извѣстное число оленей.

На одной изъ лиственницъ въ этомъ мѣстѣ нашли мы гнѣздо сарычей (Buteo lagopus) и подъ нимъ безчисленные остатки ихъ пищи, между прочими, на половину съѣденная землеройка, которая подтвердила предположеніе о существованіи Diplomesodon pulchellus въ этихъ широтахъ. Такимъ-то образомъ приходится натуралисту обращать вниманіе на самыя ничтожныя вещи.

Прибавимъ здѣсь, что русская экспедиція проѣхала по рѣкѣ далѣе нашего и, судя по составленной ею картѣ, на 24 версты. Но, какъ я узналъ впослѣдствіи отъ казака Филиппова, лодка прошла вверхъ лишь на семь верстъ, такъ какъ быстрота теченья не позволяла плыть далѣе. Русскіе употребили цѣлую недѣлю на то, чтобы частію въ маленькомъ челнокѣ, частію пѣшкомъ проникнуть до водопада, о которомъ разсказывалъ намъ старикъ Джунши. Вышина водопада, обозначенная имъ сначала въ 17 саженъ, потомъ въ 10, имѣла въ дѣйствительности не болѣе 16 футовъ (длина шеста, при помощи котораго управляютъ оленями въ санкахъ).

Путешествіе въ тундрѣ, все равно зимою или лѣтомъ, возможно только на оленяхъ, и для этого нужно не 10 или 20, а цѣлое стадо этихъ животныхъ. На нихъ Зуевъ добрался до Кары, въ 1771 г., Кастренъ до Обдорска, черезъ Уралъ. Безъ нихъ Гофманъ, Брантъ, Ковальскій, Стражевскій не могли бы привести въ исполненіе удивительныя уральскія экспедиціи 1847, 1848 и 1850 годовъ. Когда я говорю, что лѣтнее путешествіе черезъ тундру не менѣе затруднительно, если еще не затруднительнѣе чѣмъ поѣздка чрезъ пустыню, то иные, можетъ быть, недовѣрчиво покачаютъ головой. Но если они прочтутъ путешествіе Гофмана (стр. 168), то они убѣдятся въ справедливости моихъ словъ. Приготовленія къ такому путешествію должны начаться за мѣсяцъ, для сѣверо-западной Сибири, напр., на обдорской ярмаркѣ, для того, чтобы уговориться съ владѣльцами оленей и нанять достаточное число послѣднихъ. Уральская экспедиція 1848 года, несмотря ни на какія приказанія, не была бы приведена въ исполненіе, еслибъ обдорскій купецъ Трофимовъ не отдалъ добро-

вольно въ ея распоряженіе всего своего *) стада, состоявшаго изъ 300 головъ. Но даже и въ томъ случаѣ, когда всѣ приготовленія сдѣланы удачно, успѣхъ еще сомнителенъ и зависитъ отъ разныхъ обстоятельствъ. Такъ Зуевъ съ трудомъ возвратился изъ поѣздки на Собь, потому что волки напали на оленье стадо и все его разогнали. Такъ отдѣленіе Уральской экспедиціи подъ начальствомъ Стражевскаго, когда у нея пали всѣ олени, должна была возвратиться **) на Обь пѣшкомъ, причемъ подвергалась величайшимъ лишеніямъ и питалась только ягодами и грибами (Гофманъ, стр. 167), иначе пришлось бы погибнуть въ этихъ пустыняхъ. Тундра—таже пустыня, хотя и не песчаная, а болотистая, и если не грозитъ смертью отъ жажды, за то призракъ голодной смерти возстаетъ со всѣхъ сторонъ. Хотя докторъ Бремъ, графъ Вальдбургъ и я уже имѣли понятіе о тундрѣ, но рѣшились предпринять пѣшеходное путешествіе лишь по незнанію нѣкоторыхъ обстоятельствъ и, безъ сомнѣнія, отказались бы отъ него, еслибъ знали, что въ тундрахъ свирѣпствуетъ эпидемія.

Послѣ тщательныхъ и многократныхъ, столь же утомительныхъ, сколько и необходимыхъ переговоровъ съ нашими людьми и справокъ, мы убѣдились, что и намъ необходимы были олени для того, чтобъ добраться до Карской губы. Мудрецы тундры: Джунши, Гайвай, Хатъ и старый Михайло собрались на совѣщаніе, продолжавшееся два часа, и потомъ объявили намъ его результаты. Это былъ начерченный на бумагѣ маршрутъ ***) до Сада-пая (по сам. Сада—болото и пай—камень, каменное болото) по ту сторону Подараты, и документъ этотъ, въ знакъ единодушнаго согласія, былъ подписанъ надлежащими знаками. По плану слѣдовало послать за оленями двухъ проводниковъ, которые должны были возвратиться дней черезъ 16. Такъ какъ не предвидѣлось возможности добыть оленей ранѣе, то и было рѣшено всѣмъ двинуться впередъ, потому что никто изъ моихъ то-

---

*) Гофманъ стр. 117 и 133.—Они почти всѣ пали жертвой эпидеміи, но благородный человѣкъ отказался какъ отъ платы за наемъ, такъ и отъ вознагражденія за убытокъ и писалъ Гофману: „Потеря эта для меня очень чувствительна, но дѣлать нечего, такъ, видно, угодно Богу! Для службы своему Государю и отечеству я не пожалѣю своей крови и дѣтей своихъ“. Прекрасное доказательство того, что и въ Западной Сибири теплыя сердца бьются самоотверженной любовью къ наукѣ. Какъ мало у насъ Трофимовыхъ!

**) Тоже самое случилось съ богатымъ Зырянином, Филиппомъ Орловымъ въ 1849. Онъ въ короткое время потерялъ отъ эпидеміи все свое стадо въ 8000 головъ, и самъ съ большимъ трудомъ достигъ Усы (Гофманъ, стр. 183).

***) Этотъ, какъ и другіе подобные, не менѣе замѣчательные, чертежи туземцевъ, послалъ я покойному Петерманну въ Готу.

варищей не соглашался остаться на мѣстѣ, хотя это и было полезно для сбора коллекцій.

Всѣ люди наши также вдругъ воодушевились и стали собираться въ путешествіе по тундрѣ; даже старый 70-лѣтній Панаевъ приготовилъ себѣ длинный посохъ, съ которымъ впослѣдствіи пришлось ходить мнѣ самому. Я поручилъ ему и Ивану, такъ какъ могъ положиться на нихъ, сплавить лодку къ Чернояру, очень замѣтному урочищу на среднемъ теченіи Щучьей и велѣлъ имъ ждать насъ здѣсь до 1-го сентября, а затѣмъ отправляться въ Обдорскъ. Александръ Зыковъ, сначала умиравшій отъ страха, не мало радовался, когда я позволилъ ему отправляться вмѣстѣ съ нами и оказался очень смышленымъ и полезнымъ малымъ. Нельзя, значитъ, всегда судить по первому впечатлѣнію.

Слѣдовало еще сдѣлать нѣкоторыя приготовленія: сшить сумки и раздѣлить провіантъ. Для насъ, 4 европейцевъ, было уложено: 12 фунтовъ мясныхъ консервовъ *), 2 ф. мясного экстракта, 3 ф. чаю, 2 ф. кофе, 4 ф. сахару, 60 плитокъ бульону, немножко рису и 1 мѣшокъ сухарей. По настоящему, этотъ запасъ былъ недостаточенъ для 4 мущинъ на 9 дней, но мы при этомъ разсчитывали на мясо оленей, бѣлыхъ куропатокъ и другую дичь. Оружіе, боевые запасы (200 зарядовъ) и небольшое количество бѣлья каждый долженъ былъ нести на себѣ, такъ-же какъ и спиртные напитки, изъ которыхъ я взялъ для себя и Мартына 2 бут. такъ называемаго коньяку. Для людей было взято на каждаго по 2 фунта сухарей въ сутки, всего 150 фунт., кромѣ кирпичнаго чаю, такъ какъ они отказались отъ всего прочаго. Имъ и безъ того приходилось тащить на плечахъ наши шубы и немало кухонной утвари, такъ какъ они совершенно справедливо заявили, что сани вовсе не годятся для перевозки вещей.

Въ виду наступающимъ лишеній, намъ жилось очень хорошо, насколько, разумѣется, это было возможно; накапунѣ отправленія мы имѣли даже роскошный, лукулловскій обѣдъ для этихъ странъ. Меню: супъ, душеныя куропатки, чирковыя яица съ ветчиной, ветчина съ кислой капустой (изъ Бремена), жареная рыба, черносливъ и въ заключеніе кофе и чай. Участіе незваныхъ

*) Всего было у насъ 50 жестянокъ мяса, 75 жестянокъ овощей и 48 фунтовъ консервовъ изъ техасской говядины и теперь оставалась еще у насъ половина запаса. Всего лучше сохранился сгущенный бульонъ въ плиткахъ.

гостей, миріадъ комаровъ, которые дюжинами падали въ тарелки, было темной стороной этого обѣда, за которымъ всѣ были веселы. Люди наши, угощавшіеся мясомъ и водкой, были въ такомъ же настроеніи. Гайвай, несмотря ни на какія прелести, не хотѣлъ ѣхать въ Еврону, между тѣмъ какъ умный и осмотрительный Хатъ былъ не прочь отъ этого, но находилъ, что нужно прежде хорошенько обсудить дѣло. Въ заключеніе были олимпійскія игры, т. е. проба силъ въ борьбѣ и прыганьи. Маленькій, но ловкій Зырянинъ, Степанъ Самудровъ, во всемъ одержалъ верхъ: онъ перепрыгивалъ напр., съ сжатыми вмѣстѣ ногами, въ два скачка 12 и 8 фут. всего 20 ф., что при мягкой тундристой почвѣ была весьма значительно.

Въ три часа пополудни 29 іюля, 11 человѣкъ (3 нѣмца, 1 Латышъ, 1 Русскій, 2 Зырянина, 3 Остяка и 1 Самоѣдъ) выступили съ своими ношами въ трудный походъ; шествіе наше напоминало собою караванъ евреевъ-разнощиковъ. Честный Иванъ и старикъ Панаевъ проводили насъ, неся наши сумки; обмѣнявшись съ ними нѣсколькими задушевными словами и предостереженіями, мы одни пошли впередъ въ неизвѣстныя страны, гдѣ не знали что насъ ожидаетъ. Мы оставили за собою поясъ лѣсовъ и очутились въ тундрѣ (или пожалуй, правильнѣе трундрѣ). Это *) слово происходитъ отъ зырянскаго языка, и означаетъ „безлѣсное мѣсто“, тоже что по англійски „barren grounds“, которое служитъ для обозначенія такихъ же мѣстностей въ Америкѣ, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ эти пустыни сѣвернаго пояса отличаются отсутствіемъ древесной растительности. Такъ какъ у разныхъ народовъ понятія по отношенію къ странѣ весьма различны, то Остяки и Самоѣды, смотря на тундру какъ на хорошее пастбище для своихъ оленей, справедливо называютъ ее „Савойяндоя“, что означаетъ „хорошее мѣсто“. Нужно видѣть тундру самому, чтобъ имѣть о ней вѣрное представленіе. Насколько можетъ видѣть глазъ, передъ вами разстилается безпредѣльная равнина, покрытая мхомъ темно-охрянаго или бѣлесоватаго цвѣта, или безцвѣтное зеленое поле, поросшее малорослою березой, стелящеюся по землѣ и которую нельзя даже назвать кустарникомъ. Голые сѣроватые или желтоватые ряды холмовъ совершенно гармонируютъ съ этой пустыней. Только пруды или озера, съ своими зеленѣющими берегами, поросшими кустарниками ивы, выши-

*) Такъ объяснилъ мнѣ нашъ спутникъ Зырянинъ. Шренкъ же говоритъ, что оно происходитъ отъ лапландскаго „tunturi“; у Самоѣдовъ же нѣтъ его.

ною отъ 1 до 4 ф. (Salix lapponum, glauca, arbuscula и myrtilloides) представляютъ для взора пріятное разнообразіе.

Но еще скорѣе, чѣмъ глазъ, утомляетъ путника ходьба, потому что тутъ представляются ему трудности, которыхъ не можетъ себѣ представить человѣкъ, дѣлавшій большіе переходы и военные походы. Нигдѣ не находитъ онъ себѣ твердой точки опоры: всюду почва подается подъ нимъ и нога уходитъ иногда по щиколотку или приходится съ трудомъ вытаскивать ее изъ перепутанныхъ вѣтвей малорослой березы. При каждомъ шагѣ приходится поднимать ногу необычайно высоко, и такая ходьба ужасно утомляетъ. Часто приходится пересѣкать большія болотистыя пространства, гдѣ ноги вязнутъ по колѣни или приходится

Лагерь въ тундрѣ.

перепрыгивать съ кочки на кочку. Свойства почвы представляютъ такъ много трудностей, что, встрѣчая мѣстами голыя возвышенности, съ твердой почвой, воображаешь, что идешь по тротуару.

Первый день пути уже показалъ намъ, что насъ ожидаетъ впереди. Въ 7 часовъ сдѣлали мы 17 километровъ и были порядкомъ утомлены и истощены, но ни разу не встрѣтили ни чума, ни пещеры, гдѣ могли бы укрыться, а принуждены были остановиться въ оврагѣ, образовавшемся изъ кремнистаго слапца въ берегу маленькой рѣченки Талбе или Талва-яха (по-самоѣдски: скалистый оврагъ), неподалеку отъ снѣгового поля, гдѣ мы

были по крайней мѣрѣ защищены отъ сильнаго сѣверо-западнаго вѣтра, но не отъ мелкаго дождя. Въ мѣстности, гдѣ березы и ивы толщиною въ палецъ и возвышаются надъ землею не болѣе 1 ф., трудное дѣло разводить огонь. Не мало прошло времени, пока мы получили возможность пить чай въ дыму сыраго кустарника. Несмотря на шубы, ночью было холодно; при $4^1/_2{}^0$ Р. ниже нуля, непріятно спать на открытомъ воздухѣ, и въ 4 часа утра я разбудилъ людей, чтобы развести огонь, а въ 7 часовъ мы отправились далѣе. Этотъ день (30-го іюля) оказался лучше, по крайней мѣрѣ дождь пересталъ, и подъ вечеръ, къ величайшей нашей радости, люди замѣтили слѣды оленей и саней, и наконецъ увидѣли два чума. Чтобъ обитатели ихъ не убѣжали при видѣ столькихъ людей, мы послали двоихъ впередъ вѣстниками, а сами медленно слѣдовали за ними съ своими ношами. Вскорѣ мы съ радостью увидѣли въ подзорную трубу пасшихся на холмѣ оленей и къ вечеру достигли ихъ. Владѣлецъ ихъ, Остякъ Дзёингія, вышелъ къ намъ на встрѣчу въ красивой одеждѣ—въ длинной бѣлой малицѣ, съ красными обшивками, и предложилъ довезти насъ въ двоихъ саняхъ, запряженныхъ оленями, что заставило насъ забыть всѣ невзгоды. Кромѣ того, что видъ красивой оленьей тройки представлялъ для насъ нѣчто совершенно новое, мы обрадовались, что можемъ спокойно доѣхать, но ошиблись въ разсчетѣ. Докторъ Бремъ и графъ Вальдбургъ поѣхали впередъ, а я слѣдовалъ за ними пѣшкомъ, выслушивая отъ Степана рапортъ, въ которомъ было мало утѣшительнаго. Клипиковъ, посолъ русской экспедиціи, который при появленіи нашихъ передовыхъ выказалъ себя настоящимъ казакомъ и грозилъ запереть насъ, не безпокоилъ меня, такъ какъ съ нимъ я былъ увѣренъ, что слажу. Дѣйствительно, при нашемъ прибытіи, онъ быстро измѣнился и потомъ цѣловалъ мои сапоги; но передъ нами возсталъ другой врагъ, передъ которымъ мы были безсильны: эпидемія на оленей. Еще по пути къ ночлегу видѣли мы труповъ съ 80, а когда прибыли на мѣсто, было и того хуже. Графъ Вальдбургъ, обыкновенно скупой на патроны, стрѣлялъ направо и налѣво; не даромъ, думалъ я, Остякъ просилъ его перестрѣлять молодыхъ оленятъ, которые были недоступны для его лассо. Это были дѣти матерей, павшихъ отъ заразы, и шкуры ихъ оставались единственной цѣнностью отъ 2000 стада, уменьшившагося до 500 головъ. Шкура молодого оленя съ мягкимъ гладкимъ, темнымъ волосомъ, стоитъ въ тундрѣ отъ $2^1/_2$ до 3 руб. Такъ какъ лагерь снимался съ мѣста, то и мы должны были за нимъ послѣдовать.

Едва женщины успѣли снова построить чумы, на что потребовалось минутъ 15, какъ Остякъ въ честь насъ зарѣзалъ хорошаго оленя-самца; ударъ обуха по лбу положилъ его на мѣстѣ, ударъ въ загривокъ совсѣмъ покончилъ. Вслѣдъ затѣмъ ему воткнули ножъ въ сердце и оставили его тамъ, чтобъ не было потери крови. 20 минутъ спустя разрѣзанная отъ горла шкура была ужъ снята и держалась только на головѣ и ногахъ. Когда желудокъ и внутренности были аккуратно вынуты, началась трапеза, для котораго вычищенная полость, наполненная кровью, служила вмѣсто блюда. Какъ показываетъ приложенный рисунокъ, быстро набросанный мною къ досадѣ туземцевъ, всѣ участники съ жадностью поглощали длинные куски мяса, обмакивая ихъ въ

Пиръ.

еще дымящуюся кровь. Ѣдою невозможно назвать этотъ, свойственный Чукчамъ и Лапландцамъ, способъ пожиранія сырого мяса, причемъ берется зубами (какъ представленъ мущина подлѣ *) собаки) длинный кусокъ мяса, втягивается въ ротъ, насколько возможно, острымъ пожемъ обрѣзается у самыхъ губъ и проглатывается. Курносые носа очень удобны для этой операціи, но мнѣ всегда приходилось удивляться ловкости, съ которой дѣйствуютъ

*) По ошибкѣ рисовальщика разрѣзъ дѣлается влѣво сверху внизъ, что хотя возможно, но не характеристично. Деревья на заднемъ планѣ также не свойственны этой мѣстности.

ножомъ даже дѣти. Величайшими лакомствами считаются у нихъ глотка, ушная раковина, подколѣнный жиръ, кожа съ зѣва и губъ и въ особенности мозговыя кости. Послѣднія ставятъ на огонь, не для поджариванія, а для того, чтобъ кости растрескались; тогда мозгъ проглатывается такъ-же, какъ и мясо. Печень, сердце, почки и прочія внутренности, за исключеніемъ селезенки и легкихъ, считаются также особенно вкусными; ребрами и другимъ мясомъ тоже не пренебрегаютъ и ѣдятъ его съ сырымъ жиромъ; очень цѣнятся также сырые, еще кровянистые рога, куски которыхъ иногда отрѣзаются еще у живого оленя и тотчасъ же съѣдаются, а концы тщательно перевязываются. Часто также приходилось мнѣ видѣть какъ съѣдали сырой мозгъ. Какъ Лапландцы съѣдаютъ наполненный кровью желудокъ, точно кровяную колбасу, такъ Самоѣды употребляютъ желудокъ замороженный со всѣми внутренностями, потомъ сваренный и смѣшанный съ мукою. По словамъ Шренка (I стр. 542), это кушанье напоминаетъ „бекасиный пометъ", которымъ лакомятся наши гастрономы: Les extrêmes se touchent! Нельзя не признаться, что такія пиршества, на которыхъ лица всѣхъ участниковъ выпачканы кровью, возбуждаютъ отвращеніе, такъ какъ кажется, что видишь толпу людоѣдовъ. Только бѣдность тундры въ топливѣ, мѣшающая иногда возможности варить кушанье, обусловливаетъ такой методъ ѣды (Шренкъ стр. 539 и Кастренъ стр. 273), употребительный не только у Остяковъ и Самоѣдовъ, но и у Зырянъ и Русскихъ, живущихъ въ этихъ мѣстахъ. „Стоитъ преодолѣть первое отвращеніе, говоритъ Гофманъ (стр. 97), и пища оказывается вкуснѣе, чѣмъ можно предполагать; въ особенности жиръ, покрывающій спину слоемъ въ палецъ, обмакнутый въ кровь, очень вкусенъ, и если нѣтъ тарелокъ и вилокъ, то эта манера обрѣзать кусокъ у рта, самая удобная". Миддендорфъ также съ большимъ аппетитомъ ѣлъ дымящуюся печень.

Я совершенно согласенъ съ вышесказаннымъ и сожалѣю, что не могу сказать этого по собственному опыту, такъ какъ при видѣ безчисленныхъ, павшихъ отъ эпидеміи олеией, у меня совершенно пропала охота ѣсть оленье мясо. Я велѣлъ только поджарить себѣ мозговую кость и нашелъ ее превосходной. Наши люди могли наконецъ наѣсться мяса досыта, и я не преувеличу, если скажу, что каждый изъ нихъ съѣлъ отъ 4 до 5 фунт. *) мяса. Подобное обжорство было имъ совершенно изви-

*) Гофманъ приводитъ поразительный примѣръ тому сколько можетъ съѣсть мяса Зырянинъ (стр. 70).

пительно, такъ какъ они умѣли также хорошо поститься. Впрочемъ я никогда не замѣчалъ, чтобъ хотя одинъ изъ нихъ когда нибудь объѣлся, что у насъ случается нерѣдко; этимъ они обязаны своимъ превосходнымъ желудкамъ.

Мы между тѣмъ помѣстились въ чумѣ или вѣрнѣе разлеглись въ немъ и угощались чаемъ. У Дзеингія былъ настоящій, а не кирпичный чай, и очень хорошенькія чашки, даже сахаръ, который одна изъ женъ его, за неимѣніемъ другого инструмента, колола ножомъ, а потомъ вовсе неаппетитно раскусывала зубами. Дзейнгія былъ покуда одинъ изъ первыхъ богачей своего народа, и его нельзя было прельстить стеклянными бусами, мѣдными кольцами и т. п. дрянью; только водкой можно было на него подѣйствовать, но при нашемъ незначительномъ запасѣ я могъ поподчивать его не болѣе какъ двумя рюмками: капля на горячій камень! Когда всѣ мудрецы собрались вокругъ огня, явился Дзеингія, полуголый *), безъ шубы, совсѣмъ по домашнему; начались переговоры, причемъ многіе пункты повторялись по нѣскольку разъ. Нельзя было претендовать на него, если онъ не хотѣлъ уступить части своего стада. У него самого оставалось теперь изъ 500 не болѣе двухъ сотъ оленей, пригодныхъ къ дѣлу, а такъ какъ эпидемія усиливалась, то они были нужны ему для перевозки саней и имущества на Щучью. На нашихъ глазахъ онъ высыпалъ мѣшки съ сушеной рыбой, потому что невозможно было перевезти ее. Вслѣдствіе этого онъ предложилъ мнѣ вернуться съ нимъ на эту рѣку, на что потребовалось бы всего три дня, а оставшихся у него оленей обѣщалъ тамъ раздѣлить между нами и русской экспедиціей, остальныхъ же животныхъ, молодыхъ и телятъ, хотѣлъ перестрѣлять, чтобъ сохранить хоть шкуры; оттуда же отправиться на Обь—предложеніе, которое я съ своей стороны принять не могъ. Результатомъ долгихъ переговоровъ, во время которыхъ товарищи мои спали, такъ какъ они продолжались до 2 часовъ утра, было то, что Дзеингія согласился уступить мнѣ 9 оленей **) по 6 руб. за каждаго и,

*) Самоѣды и Остяки въ этихъ мѣстахъ не носятъ рубашекъ или исподняго платья, а потому, скинувъ шубу, являются по поясъ голыми. Бедра же покрываются кожаными штанами, вродѣ купальныхъ, а на ногахъ у нихъ длинные кожаные сапоги, (пиве или нимэ), которые прикрѣпляются подъ колѣнями ремнями.

**) Это была обыкновенная цѣна и служила доказательствомъ безкорыстія туземцевъ, которые не хотѣли воспользоваться нашимъ положеніемъ. Русскіе кузнецы поступали не такъ: они за каждую бездѣлицу требовали громадныя цѣны, и во время осады Кульджи русскіе торговцы продавали осажденнымъ овецъ вшестеро и вдесятеро дороже ихъ настоящей стоимости.

кромѣ того, трое саней и посуду. Сдѣланные мною женскому полу подарки стоили шкуры песца; такъ какъ я имѣлъ много свободнаго времени, то занялся наблюденіями за воспитаніемъ и уходомъ остяцкихъ женщинъ за грудными младенцами, другими дѣтьми и щенками, причемъ замѣтилъ довольно большую неопрятность. Дзеингія имѣлъ 2 женъ, такъ какъ этого требовало его положеніе, увѣрялъ онъ. Онѣ были, подобно Ліи и Рахили, одна стара и дурна, другая—молода и красива. И здѣсь, какъ у Іакова, дурная была любимая, потому что подарила мужу четверыхъ дѣтей, а красивая ни одного. Это послужило поводомъ къ пренебреженію ею, такъ какъ Остяки очень чадолюбивы, и въ самомъ дѣлѣ дѣти богатство семьи. Это пренебреженіе обнаружилось и теперь. Когда Дзеингія удалился съ своими супругами подъ ситцевый пологъ, Рахили скоро пришлось покинуть ложе, чтобъ уступить свое мѣсто нашему Хату, который, какъ шаманъ, имѣлъ право на это почетное мѣсто. Она сидѣла часа два, тихо, но горько плача, пока усталость не сомкнула ей глаза. До семейной сцены, однако, не дошло, хотя ревность играла тутъ немаловажную роль. Утромъ видѣлъ я Рахиль мирно разговаривающей съ Ліей; мало того, она причесывала ей волосы и оказывала другія услуги, какія можно наблюдать въ любомъ обезьянникѣ!

Слѣдующій день представилъ намъ ужасную картину смерти: около чума лежало 30 издохшихъ и издыхающихъ оленей. Съ грустью сдѣлалъ я рисунокъ (стр. 380), представлявшій лишь часть этого поля смерти. Поистинѣ ужасно быстрое распространеніе болѣзни. Стоитъ, повидимому, совершенно здоровое животное, вдругъ оно начинаетъ кашлять, фыркать и дрожать, скрещиваетъ переднія ноги, падаетъ и—конецъ. Это совершается иногда въ три минуты, бо́льшей же частью продолжается около часа. Случается, что животное бросается бѣжать, кружится, мучимое страхомъ, старается даже проникнуть въ чумъ, падаетъ, вскакиваетъ, пытается слѣдовать за стадомъ и издыхаетъ при конвульсивныхъ подергиваніяхъ конечностей, или совершенно спокойно, причемъ жизнь обнаруживается только сильно вздымающимися боками и хрипѣньемъ. Жалко смотрѣть на телятъ, когда они, испуская странные, глухіе звуки, похожіе на хрюканье *), дико мечутся

*) Это относится только къ телятамъ и маткамъ; въ прочихъ случаяхъ страдаютъ, радуются, борятся они молча, говоритъ Гофманъ (стр. 58), не слыхавшій никогда никакого звука при яростной борьбѣ самцовъ во время течки. Дикіе олени въ Норвегіи ведутъ себя совсѣмъ иначе: „...громкими криками призываетъ олень соперниковъ“ (Brehm's Thierleben, 2 изд. 3, стр. 123).

около стада, отыскивая своихъ матерей или пытаются сосать уже умершихъ. Телятъ сосуновъ зараза щадитъ; первыми жертвами ея дѣлаются слабѣйшія матки. У издохшихъ животъ часто сильно вздутъ и на губахъ замѣчается бѣлая пѣна. Иные остаются въ томъ положеніи, въ какомъ застала ихъ смерть, напр. съ поднятой головой, точно собираясь лизаться.

Хотя Сидоровъ описываетъ, что во время эпидеміи у животныхъ отваливаются копыта и даже языки, но онъ говоритъ объ этомъ не какъ очевидецъ; послѣднее совершенно несправедливо, а первое относится *) къ копытной болѣзни, которая также иногда свирѣпствуетъ между оленями. Животныя при хорошихъ пастбищахъ или другихъ условіяхъ могутъ еще выздоровѣть отъ этой болѣзни или, по крайней мѣрѣ, ихъ мясо и шкуры остаются годными для употребленія, между тѣмъ какъ павшій отъ заразы олень ни на что не годится. Эта болѣзнь ничто иное какъ воспаленіе селезенки; это ужасная эпидемія, которая и у насъ нерѣдко причиняетъ страшныя опустошенія среди домашняго скота. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ **) она происходитъ отъ бактерій или микроспическихъ грибковъ, которые размножаются въ крови (Bacillus anthracis). Живучесть зародышей послѣднихъ такъ велика, что самое продолжительное сушеніе не можетъ ихъ уничтожить, и даже въ этомъ состояніи, попавъ по какому нибудь случаю въ рану или въ кровь, грибокъ немедленно начинаетъ свое разрушающее дѣйствіе. Попавъ же въ пищеварительные органы, онъ будто бы не производитъ никакого дѣйствія на организмъ. И то и другое противорѣчитъ однако нашимъ наблюденіямъ, такъ-же, какъ и предположеніе, что мухи и комары разносятъ заразу. Если-бы такое мнѣніе было справедливо, то въ тундрѣ не могло бы существовать ни одно живое существо. Мы сами, жившіе въ атмосферѣ, которая была наполнена спорами Bacillus anthracis, которыя втеченіи дня попадали на сотни комаровъ, въ свою очередь кусавшихъ больныхъ оленей, а затѣмъ насъ,—какъ могли бы мы спастись отъ заразы? А что люди, поѣвшіе мяса отъ оленя больного селезенкой, умираютъ,—это извѣстно всѣмъ въ тундрѣ, что и мы можемъ подтвердить фактами.

Во всякомъ случаѣ, должны быть еще другія, еще невыясненныя

---

*) Болѣзнь эту описываетъ Гофманъ (стр. 128), экспедиція котораго понесла черезъ нея большія утраты,—и Шренкъ (II стр. 383).

**) См. Dr. Zimmermann'a: „Die Pilze als Ursache von Krankheiten an Thieren und Menschen", въ Natür (1877, № 26, стр. 359, съ рисунками. Послѣдніе были помѣщены также въ Gartenlaube (1879 г. № 4. стр. 64).

причины этой эпидеміи, что доказывается неожиданнымъ періодическимъ появленіемъ сибирской язвы, такъ-же, какъ ея сравнительно новой разновидности, по крайней мѣрѣ въ отношеніи посѣщенныхъ нами областей сѣверозападной Сибири. По словамъ Обдорскаго князя, эта язва въ долинѣ Оби появилась впервые 20 лѣтъ тому назадъ, и занесена на эту сторону Уральскихъ горъ стадами Зырянъ, отъ которыхъ, по понятіямъ Остяковъ,вобще не можетъ быть ничего, кромѣ худого. Что эта болѣзнь дѣйствительно занесена сюда—оказывается справедливымъ по запискамъ Шренка (I стр. 128, II, стр. 382), который говоритъ, что эпидемія появилась сначала въ Архангельской губерніи, въ 1831—1833 годахъ, когда въ этой странѣ вымерли почти всѣ олени. По словамъ Гофмана, въ Сибири язва появилась впервые въ 1848 году и жертвой ея пали тогда 40,000 оленей (путешествіе, стр. 160), но Миддендорфъ помнитъ ее на Енисеѣ и Таймырѣ еще въ 1843 году (стр. 1446, 1456). Тогда еще ни Остяки, ни Самоѣды не знали, что болѣзнь эта легко передается людямъ, и многіе изъ нихъ умерли отъ того, что употребляли въ пищу мясо павшихъ животныхъ. Изъ „Записокъ“ Сидорова видно, что въ 1865 году Сибирская язва похитила между Печорой, Обью и Енисеемъ до 150,000 оленей. По словамъ Обдорскаго князя, въ 1856 году въ Обдорскомъ округѣ пало до 10,000 животныхъ, въ числѣ которыхъ было 7000 его собственныхъ. Изъ этого очевидно, что многіе изъ обитателей тундръ должны были значительно обѣднѣть. Намъ самимъ пришлось познакомиться со многими бѣдняками, бывшими владѣльцами большихъ стадъ. Въ настоящее время, какъ мнѣ было сообщено чиновниками, во всемъ Обдорскомъ округѣ насчитывается только 50,000 оленей, а потому слѣдуетъ опасаться, чтобы такое небольшое число не сдѣлалось жертвой эпидеміи въ теченіи одного года. По счастью, сама язва, хотя и необъяснимымъ образомъ, вызываетъ условія, которыя препятствуютъ полному вымиранію животныхъ. Такимъ образомъ, оленьи стада проходили безъ потери одного животнаго черезъ тѣ самыя мѣста, гдѣ мы встрѣчали только смерть, между тѣмъ какъ русской экспедиціи вторично понадобились олени.

Какъ-бы то ни было, на эту язву слѣдовало-бы обратить величайшее вниманіе и поручить добросовѣстнымъ и свѣдующимъ ветеринарамъ изучить ее на мѣстѣ, а не утѣшаться объясненіями Шренка (II стр. 382), который считаетъ язву необходимымъ условіемъ оленеводства, для того, чтобы дать отдыхъ лугамъ. За недостаткомъ оленей, туземное населеніе неминуемо должно

бѣднѣть всѣ болѣе и болѣе и, наконецъ, обратиться только въ рыбаковъ, едва добывающихъ себѣ насущный хлѣбъ. Безъ оленей тундра, съ своими пушными звѣрями, становится недоступной; съ оленями туземцы теряютъ главные источники для обмѣна, пищи, одежды, жилища и т. д. Въ этомъ отношеніи администрація принесла-бы гораздо больше пользы, пригнавъ свѣжія стада хотя бы изъ восточной Сибири и заимообразно раздавъ оленей трудолюбивымъ и надежнымъ туземцамъ (а такихъ не мало), чѣмъ оказывая поддержку рыболовному промыслу, въ которомъ русскіе всегда будутъ имѣть преимущество. Такимъ образомъ, весь округъ быстро идетъ къ полнѣйшему обнищанію.

Наши совѣты зарывать трупы, очищать воздухъ отъ міазмовъ, изолировать стада и т. п. принимались туземцами съ усмѣшкой, и, какъ мы убѣдились впослѣдствіи, совершенно справедливо. Оленьи стада для пріисканія пищи вынуждены переходить съ мѣста на мѣсто; невозможно воспрепятствовать животнымъ подходить къ своимъ павшимъ товарищамъ, обнюхивать и облизывать ихъ; о зарываніи же труповъ при замерзшей на $1^1/_2$ фута почвѣ не можетъ быть и рѣчи. Дзеингія въ одинъ день лишился 500 штукъ оленей; тутъ понадобилось бы 8—10 человѣкъ съ хорошими орудіями на копаніе ямъ. Сожиганіе труповъ совершенно невозможно за отсутствіемъ горючаго матеріала. Итакъ туземцы должны все предоставить на волю судьбы,—и принимая въ началѣ ихъ стоическое хладнокровіе за глупость, мы были неправы. При такихъ обстоятельствахъ и люди образованные остаются безсильными передъ эпидеміей!

Когда было пригнано стадо, для нашихъ Остяковъ и Самоѣдовъ наступилъ настоящій праздникъ: опытнымъ взглядомъ и привычной рукой стали они выбирать животныхъ. Скоро девять оленей, повидимому, совершенно здоровыхъ, были запряжены въ трое саней, въ которыхъ лежала наша поклажа, и мы въ 4 часа пополудни (31 іюля) могли съ бодрымъ духомъ отправиться въ дальнѣйшій путь. Нужно было какъ можно скорѣе покинуть зараженную эпидеміей страну, въ которой на каждомъ шагу видѣли мы страшное опустошеніе. Грозный призракъ носился еще надъ нами, какъ Дамокловъ мечъ, и могъ въ нѣсколько часовъ похитить у насъ всѣхъ животныхъ. И дѣйствительно, въ этотъ же день вечеромъ палъ у насъ одинъ олень, что безъ сомнѣнія усилило общее безпокойство, которое Ѳедоръ Хозяиновъ (псалмопѣвецъ) старался разсѣять, распѣвая гимны и каноны святымъ о помощи. Степанъ, нашъ русскій проводникъ, полагалъ, что Гос-

подь изъ уваженія „къ тяжелымъ ношамъ и истраченнымъ на оленей деньгамъ“ окажетъ снисхожденіе. И дѣйствительно, мы должны быть довольны и благодарить судьбу за то, что вернулись на Щучью съ тремя живыми оленями. Мы шли все къ сѣверо-западу и подвигались такъ быстро, какъ только было возможно при трудной, часто утомительной дорогѣ. О проложенныхъ дорогахъ здѣсь не могло быть и рѣчи; были лишь тропинки, протоптанныя леммингами и песцами. Тундровыя области сѣверо-западной Сибири, въ сущности, носятъ тотъ же характеръ, какъ и восточный Финмаркенъ, и отличаются лишь отсутствіемъ хаотически нагроможденныхъ валуновъ. Лапландская тундра состоитъ

Моръ оленей.

преимущественно изъ мховъ, здѣсь же господствуетъ береза *) стланка. Она покрываетъ мохъ, черезъ который нога уходитъ на футъ въ сырую подпочву, плоскія вершины холмовъ, которые тянутся грядами, хребты которыхъ усѣяны мелкимъ камнемъ и лишаями,—или образуютъ мѣстами дюнообразные песчаные холмы.

Мелкій камень холмовъ, состоявшихъ изъ валуновъ, покрытъ сѣрыми лишаями, впрочемъ большей частью угловатъ и имѣетъ

*) Какъ быстро въ этихъ широтахъ развивается растительность—описываетъ Гофманъ (стр. 123): „Теплый дождь, сильно лившій во все время грозы 20-го іюня, произвелъ вокругъ насъ волшебную перемѣну. Въ нѣсколько часовъ, на лиственницахъ развернулась молодая хвоя и молодой листъ Betula nana покрылъ землю зеленымъ ковромъ.“

острые края, вслѣдствіе чего графъ Вальдбургъ приписываетъ ихъ происхожденіе ледянымъ наслоеніямъ и утверждаетъ, что Уральскіе глетчеры *) доходили нѣкогда до этой мѣстности. Во всякомъ случаѣ о повышеніи прежняго морского дна здѣсь не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ мы не встрѣчали нигдѣ даже слѣда раковинъ или какихъ либо другихъ морскихъ отложеній. Напротивъ того на пути къ Подаратѣ мы не разъ находили горныя породы, а именно: известнякъ, діабазъ и кварцевый порфиръ (послѣдній въ цѣпи холмовъ Янгапа-Пай).

Животный міръ тундры крайне бѣденъ. На большомъ пруду или на озерѣ рѣдко можно встрѣтить болѣе пяти паръ чернетей или морянокъ и двухъ паръ полярныхъ гагаръ (Colymbus glacialis). Послѣднія водили еще неоперившихся птенцовъ, съ которыми онѣ плавали и ныряли посреднѣ водной поверхности и оставались недосягаемыми для выстрѣла. Предостерегательный крикъ ихъ „а-у, а-у“ звучитъ почти мелодично, сравнительно съ крикомъ морянокъ, похожимъ на дѣтскій плачъ, очень часто весьма непріятно прерывающій тишину. Къ тому же еще во всякое время дня приходится слышать звуки, напоминающіе скрипъ плохо смазанныхъ телѣжныхъ колесъ,—меланхолически, протяжные „тю-ютъ“ сизки (Charadrius auratus); мяукающіе „пи-ау, ми-ау“ высоко носящихся въ воздухѣ мохноногихъ сарычей (Buteo lagopus) или трещащіе тоны „ерр-рек-эк-эк-эк“ спугнутыхъ бѣлыхъ куропатокъ (Lagopus albus); вотъ голоса, которые преимущественно слышатся въ тундрѣ и вполнѣ гармонируютъ съ этой пустыней. Гуси показывались лишь изрѣдка и издали, также изрѣдка появлялись чайки (Larus affinis) и морскія ласточки. На морскомъ берегу чаще всего встрѣчались кулички-воробьи и чернозобики (Tringa minuta et alpina) и турухтаны (Machetes), между тѣмъ какъ въ болотистыхъ мѣстностяхъ слышался похожій на лай крикъ остохвостаго поморника (Lestris parasitica), который, такъ-же какъ и родственный ему фомка-разбойникъ, (L. pomarina) въ этихъ мѣстахъ выводитъ дѣтей и принадлежитъ къ характернымъ видамъ тундры. Это очень красивая птица, которая полетомъ своимъ поразительнонапоми наетъ кречета —и вовсе не дика, такъ какъ под-

*) Гофманъ, встрѣчавшій въ тундрѣ на западной сторонѣ Урала холмы, состоявшіе „изъ маленькихъ, округленныхъ валуновъ“, держится другого мнѣнія и полагаетъ что они принесены съ горъ весенней водой. „Что здѣсь не было ледниковъ доказывается тѣмъ, что нѣтъ никакихъ признаковъ отполированной или исцарапанной поверхности почвы“ (Пут. стр. 131). О геологіи сѣвернаго Урала сравни спеціальные отдѣлы у Гофмана, Шренка (стр. 1—81), у профессора Барботъ-де-Марни, въ Russ. Revue 1876 г., стр. 336.

пускала къ себѣ шаговъ на 50. Къ сожалѣнію, мясо ея непригодно въ пищу, и по причинѣ недостатка въ снарядахъ мы были вынуждены обратить свое вниманіе главнымъ образомъ на сивокъ и бѣлыхъ куропатокъ, которыя почти ежедневно наполняли нашъ котелокъ. Въ высшей степени интересно было наблюдать за образомъ жизни немногихъ хищныхъ птицъ, живущихъ въ тундрѣ: соколовъ-голубятниковъ (Falco peregrinus) и мохноногихъ сарычей (Buteo lagopus). За отсутствіемъ деревьевъ, молодые голубятники сидѣли прижавшись на камняхъ, въ высокой травѣ, между тѣмъ какъ сарычи устраивали на березахъ большія гнѣзда изъ сухихъ березовыхъ вѣтвей. Птенцамъ, покрытымъ густымъ бѣлымъ пушкомъ, (по 3 и по 4 въ каждомъ гнѣздѣ) не мало приходилось терпѣть отъ комаровъ. Послѣдніе облѣпляли не только восковицу и углы рта, но и заднюю, голую часть цѣвокъ. Молодые птенцы впрочемъ старались постоять за себя: они безпрестанно разѣвали рты, ловили и проглатывали надоѣдливыхъ насѣкомыхъ. Особенной ловкостью въ этомъ отношеніи обладали молодые поморники (Lestris), которые при нашемъ приближеніи такъ-же искусно прикидывались мертвыми, какъ и молодые сарычи. Только молодые голубятники обыкновенно поднимали жалобный крикъ, такъ-же какъ и старыя птицы, которыя черезъ это еще издали выдавали мѣсто своего гнѣзда. При этомъ старые сарычи и голубятники носились надъ нашими головами часто не далѣе ружейнаго выстрѣла. Около гнѣздъ хищныхъ птицъ нерѣдко можно было видѣть остатки лемминговъ, также въ желудкѣ поморниковъ, въ которыхъ находили мы еще дождевыхъ червей, между тѣмъ какъ желудки чернетей были наполнены исключительно бокоплавами (Gammariden). Въ зобахъ куропатокъ не оказывалось ничего кромѣ ивовыхъ листьевъ. Изъ маленькихъ птичекъ я наблюдалъ только подорожниковъ и лапландскихъ пуночекъ (Plectrophanes nivalis et lapponica), краснозобыхъ щеврицъ и горныхъ жаворонковъ (Otocoris alpestris) и чечётокъ (Fringilla linaria). На большихъ озерахъ, гдѣ растительность нѣсколько богаче, замѣчались одиночные экземпляры желтобрюшки (M. cirteola), а на Подаратѣ— бѣлыя трясогузки и варакушки.

Млекопитающими животными тундра еще бѣднѣе чѣмъ птицами. Дикіе олени встрѣчаются рѣдко и то поодиночкѣ; чаще можно видѣть ихъ въ лѣсныхъ мѣстностяхъ Урала. Напротивъ того волковъ довольно много и они причиняютъ иногда немало вреда оленьимъ стадамъ. Нѣсколько разъ слышали мы песцовъ (Canis lagopus), но видѣть ихъ не удавалось. На Щучьей наб-

людали мы полёвокъ (Arvicola obscurus, Eversm,) и лемминговъ (Myodes obensis) и ловили ихъ. Еще больше было послѣднихъ въ тундрѣ. Эти родственные мышамъ грызуны, величиною съ полевую мышь, но куцыя, составляютъ главную пищу хищныхъ звѣрей тундры, а зимою, какъ увѣряютъ туземцы, олени также съ жадностью пожираютъ ихъ.

Несмотря на то, что лемминговъ очень много, ловить ихъ между корней березы стланки, которая сильно развѣтвляется, или въ ходахъ, проложенныхъ ими во мху на болотистыхъ лугахъ—очень трудно. При этомъ остяцкія собаки оказывали мнѣ большія услуги. Лемминги, какъ говоритъ Шренкъ, (I. стр. 305) имѣютъ большое значеніе для тундры, потому что годъ богатый лемингами равнозначащъ году богатому лисицами. Извѣстно, что лемминги совершаютъ замѣчательныя странствованія, доставившія извѣстность порвежскому виду (Myodes lemmus). Въ такихъ случаяхъ они по цѣлымъ годамъ не появляются въ странпхъ, гдѣ прежде жили тысячами. Не менѣе замѣчательны путешествія сибирскихъ лемминговъ, которые, какъ разсказываетъ Шренкъ (I стр. 335. II II стр. 40), отъ конца мая до половины іюня безчисленными стадами переходятъ черезъ Уралъ, пробираются къ самому Бѣлому морю и осенью возвращаются на восточную сторону Уральскаго хребта.—О насѣкомыхъ я не могу почти ничего сказать, такъ какъ вообще замѣтилъ ихъ очень мало и привезъ съ собою изъ тундры только пару жуковъ и бабочку. *) Одинъ разъ нашелъ я шмелиное гнѣздо (Bombus terrestris); небольшіе соты котораго были наполнены сладкимъ медомъ, котораго хватило лишь на то, чтобы помазать губы.

Бѣдность въ насѣкомыхъ щедро вознаграждается изобиліемъ комаровъ. Когда ночи были довольно свѣжи, даже для насъ, какъ напр. 1-го августа, когда термометръ показывалъ 3^0 выше нуля, эти мучители давали намъ часа два покоя, но уже къ двумъ часамъ, при появленіи первыхъ солнечныхъ лучей, мученія наши начинались снова, такъ какъ ни вуали, ни перчатки не могли служить дѣйствительной защитой; кисти рукъ еще всего лучше защищали такъ называемые шерстяные пульсики. Насколько эти мучители затрудняли путешествіе, всего лучше описываетъ Бремъ въ слѣдующихъ строкахъ:

---

*) Это были: Lepyrus arcticus, Payk, Omaseus transbaïcalicus, Motsch., Dytiscus lapponicus, Gyll.; на Щучьей, подъ 67^0 С. Ш. собралъ я Bembidium infuscatum, Dej., Nebria nivalis, Payk., Melanophila appendiculata, Fabr., изъ бабочекъ только Erebia arachne, Fabr. var.—

„Если остановиться на минуту на мѣстѣ, что нибудь обдумывая или недоумѣвая, то тотчасъ же тысячи мучителей накидываются и мучатъ до того, что въ отчаяніи идешь далѣе. Даже на ходьбѣ необходимо хоть одной рукой отмахиваться отъ этихъ адскихъ мучителей; они надоѣдаютъ, мѣшаютъ, отравляютъ всякое удовольствіе, препятствуютъ всякому дѣйствію, нарушаютъ ходъ мыслей, утомляютъ не только физически, но и умственно; требуется усиленное напряженіе, чтобы совсѣмъ не изнемочь въ борьбѣ съ ними. Неудивительно, что послѣ нѣсколько часовъ такого пути прибываешь на мѣсто отдыха смертельно усталый но и тутъ, если не скоро разведешь костеръ, они не даютъ отдыха, нарушаютъ покой. Понятно, что при такихъ условіяхъ, для того чтобъ пройти въ день 20 верстъ или километровъ, нужны сила и выносливость привычнаго ходока.

Еслибъ не было лѣтомъ комаровъ въ тундрѣ, можно было бы примириться съ ея однообразіемъ, безъ истощенія преодолѣвать являющіяся на пути препятствія, затрудненія, выносить лишенія и сохранить о ней даже пріятное воспоминаніе. Комаръ же у всякаго, разъ побывавшаго въ тундрѣ, отбиваетъ охоту вернуться туда, покрайней мѣрѣ на долгое время“.

Хотя свѣтлыя какъ день ночи, по случаю холода освобожденныя отъ комаровъ, были весьма удобны для ѣзды, но мы должны были пользоваться ими для отдыха, частію даже ради оленей, о здоровьѣ которыхъ необходимо было заботиться. Мучимые комарами и оленьими оводами, они вовсе не ѣли днемъ, а кормились только ночью, или чаще раннимъ утромъ, когда роса покрывала землю.

Къ тому же, для выбора ночлега, мы должны были сообразоваться со свойствомъ луговъ, такъ какъ не вездѣ встрѣчается оленій мохъ (Cladonia rangiferina) *) и его разновидности. Ночлегъ нашъ состоялъ впрочемъ лишь въ томъ, что тутъ готовилось кушанье, и мы, поѣвши, завертывались въ свои шубы и ложились на голую землю, причемъ меланхолическіе духовные канты нашего Ѳедора съ его безкопечными: Господи! Господи помилуй! служили намъ убаюкивающей пѣснеи.

Какъ ни надоѣдало намъ это пѣніе, такъ какъ даже самъ Ѳедоръ не считалъ себя замѣчательнымъ солистомъ, но такъ какъ другіе считали его таковымъ, то запретить ему пѣть значило бы возбудить неудовольствіе нашихъ людей.

*) Я собралъ неменѣе 9 видовъ и 11 разновидностей мховъ; „Lichenes Finchiani. Enumeratio Lichenum a cl. Dr. Finch in regione Tundrae Sibiriae septr. o ccidentales lectorum,“ auctore Müller Arg. (Москва 1878).

Однообразіе мѣстности нарушалось видомъ Уральскаго хребта, придававшаго ей нѣкоторую красоту; впрочемъ, мы все подвигались впередъ, предводительствуемые старымъ Джунши, все вооруженіе котораго состояло изъ одного топора и который, несмотря на свои лѣта и больную ногу, превосходилъ насъ въ ходьбѣ. За то онъ выросъ и состарѣлся въ тундрѣ и не зналъ ничего, кромѣ ея. Какъ на опасныхъ горныхъ тропинкахъ приходится вполнѣ довѣряться киргизскимъ лошадямъ, такъ и мы вполнѣ полагались на Джунши, который при каждой остановкѣ держалъ съ Гайваемъ совѣтъ насчетъ направленія пути, послѣ чего можно было отправляться какъ по компасу. Сколько жизни и энергіи таилось еще въ этомъ старикѣ и обнаруживалось въ чрезвычайныхъ случаяхъ! Такъ напр. 1-го августа мы расположились лагеремъ; олени паслись на длинныхъ веревкахъ, прикрѣпленныхъ къ кольямъ, такъ какъ оставленные на свободѣ, они немедленно вернулись бы къ своему стаду, которое они умѣютъ разыскивать на разстояніи многихъ миль. Я забрался въ палатку отъ комаровъ и поймавъ нѣсколько прелестныхъ оленьихъ оводовъ (Hypoderma tarandi, L.), задремалъ, какъ вдругъ меня разбудилъ говоръ. Это должно было означать что нибудь важное. Я вскочилъ и тотчасъ же увидѣлъ, что одинъ изъ оленей, которыхъ у насъ было еще 7, сорвался съ привязи и ушелъ. Онъ былъ уже далеко, но старикъ рѣшилъ поймать его. Живо запрегъ онъ тройку и пустился за бѣглецомъ. Я считалъ его замыселъ безуспѣшнымъ, но вскорѣ убѣдился какъ искусно старикъ пользовался всѣми удобствами почвы. Но олень былъ далеко впереди; онъ ужъ приближался къ цѣпи высотъ, достигъ хребта и исчезъ за нимъ. Вскорѣ примѣру его послѣдовалъ и Джунши. Потомъ олень появился снова; Джунши, очевидно, настигъ его и гналъ теперь къ намъ. Но вдругъ олень, преслѣдуемый старикомъ, снова исчезаетъ за холмами. Въ тревожномъ ожиданьи смотримъ мы въ подзорную трубу, такъ какъ только съ помощію ея можно было слѣдить за происходившимъ. Проходитъ 5, 10, 15 минутъ, снова появляется тройка. Раздается радостное восклицаніе! олень привязанъ позади саней и три четверти часа спустя съ торжествующимъ видомъ, стоя въ саняхъ, Джунши достигъ мѣста стоянки. Конечно мы должны были пролежать еще два часа, чтобъ дать отдохнуть усталымъ оленямъ. Радость о заблудшемъ сынѣ была однако непродолжительна: только что мы тронулись съ мѣста, и сдѣлали не болѣе 200 шаговъ, какъ одинъ олень упалъ, что съ ними случается нерѣдко. Сим-

птомовъ эпидеміи однако не оказывалось, что признакъ и совѣтъ свѣдущихъ въ томъ людей, а потому приступлено было къ діагнозѣ, посредствомъ операціи, которую съ отвращеніемъ долженъ былъ произвести членъ „нѣмецкаго государственнаго общества покровительства животнымъ“. Животному отрѣзали половину уха и съ радостію увидѣли, что полила кровь, чего не бываетъ при сибирской язвѣ. Но состояніе животнаго не улучшалось: олень пробѣжалъ нѣкоторое разстояніе и снова упалъ; тоже случилось и послѣ того какъ отрѣзали ему другое ухо, потомъ кончикъ хвоста и оба развѣтвленія роговъ. Потомъ приступили къ послѣдней варварской операціи: неотвердѣвшія еще части роговъ надрѣзали посрединѣ ножомъ и съ усиліемъ обломили. Опять полила кровь, но несмотря на это отъ оленя пришлось отказаться, и всѣ рѣшили, что онъ палъ отъ язвы. Чтобъ не измучить въ конецъ оставшихся животныхъ я велѣлъ людямъ нести часть поклажи, и чтобы подать собою примѣръ другимъ, какъ подобастъ начальнику, снова надѣлъ на себя свою дорожную сумку.

Утромъ 1 августа перешли мы черезъ рѣчку Ензоръ-Яха (или Ненэоръ-Яха, т. е. бѣлую рѣку) и на утро слѣдующаго дня расположились лагеремъ неподалеку отъ прекраснаго голубого, но, какъ обыкновенно, безъимяннаго озера, около поля замерзшаго и отвердѣвшаго какъ ледъ снѣга, потому что это снѣговое поле могло дать необходимое подкрѣпленіе и отдыхъ оленямъ, которые еще болѣе людей страдали отъ комаровъ, мѣшавшимъ имъ ѣсть и окончательно истомлявшимъ. Стадо, окруженное комарами и оводами, представляетъ печальное зрѣлище: столпившись въ кучу, опустивъ головы, бѣдныя животныя ежеминутно отряхиваются, чешутся, и рогами и задними ногами пытаются освободиться отъ оводовъ, которые кладутъ на нихъ свои яички и вмѣстѣ съ комарами въ состояніи разогнать цѣлое стадо (Шренкъ I стр. 530). Въ вѣтряную погоду олени любятъ идти противъ вѣтра; также охотно зарываютъ ноздри въ снѣгъ, такъ какъ эти мучители въ особенности нападаютъ на ноздри. Здѣсь наши олени лежали спокойно протянувшись, что насъ искренно радовало, потому что здоровье ихъ имѣло для насъ большое значеніе. Такъ какъ я за все время плохо спалъ, то и послѣдовалъ ихъ примѣру, оставшись на мѣстѣ нашей стоянки съ докторомъ Бремомъ, Мартиномъ Дзервитъ и двоими изъ нашихъ людей, между тѣмъ какъ графъ Вальдбургъ отправился съ остальными людьми впередъ. Послѣ двухъ-часового отдыха, нарушаемаго комарами, снялись и мы съ мѣста и медленно послѣдовали за товарищами, не оставившими

за собою никакихъ слѣдовъ. Мы перешли черезъ небольшіе ручьи, впадавшіе въ рѣчку То-Яха (т. е. морскую рѣку) и Нода-Яха, (т. е. мшистую рѣку) и съ высокаго берега послѣдней представилась намъ широкая картина. Передъ нами разстилалась обширная тундра, возвышавшаяся къ одной сторонѣ, слѣва окаймленная, какъ поясомъ, высокимъ блестящимъ песчанымъ берегомъ, за которымъ возвышался въ живописныхъ, хотя и не въ особенно величественыхъ очертаніяхъ, Уральскій хребетъ, нѣжная синева котораго тамъ и сямъ прерывалась бѣлыми, снѣговыми полянами. Названіе этихъ горъ „Уралъ“, здѣсь неизвѣстно; здѣсь называютъ его, „Поясовый камень“, или просто „Камень“, или „Большой Камень“,—это по русски; по зырянски „Удшидъ-Исъ“, по самоѣдски „Арка-Пай“ и по остяцки „Ке-у“. Направо виднѣлась низменность съ озерами и болотами, сливавшимися на горизонтѣ съ большой водной поверхностью—Карской губой. На свѣтлый песчаный берегъ Гайвай указывалъ какъ на Подарату, но берегъ этотъ казался еще очень отдаленнымъ, и мы могли добраться до него лишь на слѣдующій день къ вечеру. Поднимавшійся на возвышенной части тундры столбъ дыма возбудилъ въ насъ энергію и указалъ намъ какого направленія должны мы держаться. Спустя два часа, около 8 часовъ вечера, мы прибыли туда. Раскинувши свой лагерь на высокомъ берегу быстрой, свѣтлой рѣчки, я спросилъ о ея названіи и получилъ въ отвѣтъ „Подарата“. Ура! итакъ великая цѣль благополучно достигнута, Садапай передъ нами. Веселое настроеніе овладѣло всѣми нами; послѣ Зуева (1771 г.) и Ковальскаго (1848) мы были первые и вообще первые нѣмцы, достигшіе до этого пункта. Радость наша еще болѣе увеличилась, когда вскорѣ послѣ того докторъ Бремъ, изслѣдовавшій верхнее теченіе рѣки, увидѣлъ вдали дымъ и два чума. Двойная радость! Мы не одни въ этой пустынѣ! Степанъ Самудровъ, плотникъ, нашъ самоѣдскій переводчикъ, сейчасъ же снаряженъ туда на тройкѣ. Мы видѣли, какъ онъ, стоя въ саняхъ, переѣхалъ черезъ мелководную рѣку и исчезъ въ туманѣ, который поднялся въ рѣчной долинѣ и скрылъ за собою чумы. Случись туманъ четверть часа ранѣе, чумы остались бы незамѣченными и Богъ знаетъ, что отъ этого бы произошло. По всему вѣроятію мы продолжали бы путь къ Садапаю и лишь счастливой случайности были бы обязаны сохраненіемъ своихъ оленей и слѣдовательно возможностью вернуться обратно. Въ путешествіи по такимъ странамъ иногда ничтожныя обстоятельства вызываютъ важныя послѣдствія.

Подарата *), Подората, Подерата или, какъ Ковальскій пишетъ, Пидерата (откуда безъ сомнѣнія произошло неправильное названіе Байдарата) или Байдарацкая, т. е. лѣсистая", (по самоѣдски Подара или Пидеръ—лѣсъ) въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы подошли къ ней, не заслуживала этого названія, потому что лишь мѣстами были разбросаны группы кустарниковъ, ольхи и ивы.

Однако названіе имѣло основаніе, ибо Ковальскій, единственный изслѣдователь, посѣтившій ея истоки, нашелъ тамъ „небольшой лѣсъ", и въ другомъ мѣстѣ повторяетъ: „при истокахъ Щучьей и Пидераты подъ 68° с. ш. нашелъ я значительныя рощи лиственнаго лѣса, на высотѣ 800 фут., между тѣмъ, какъ на западной сторонѣ Урала нѣтъ и слѣда лѣсовъ".

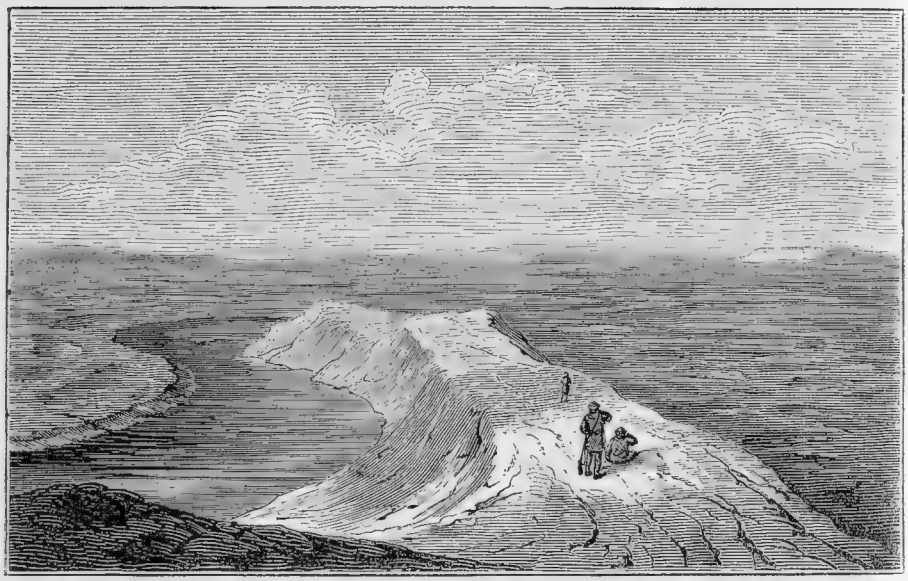
Зуевъ говоритъ о Подаратѣ, называя ее, по русски, Лѣсной, и описываетъ ее рѣчкой въ 60 футовъ ширины съ свѣтлой, прозрачной водой, „такъ что на днѣ видѣнъ каждый камешекъ". Я также могу подтвердить это, прибавивъ еще, что вода ея очень вкусна. Рѣка была теперь такъ мелка, что лишь немного захватывала выше копыльевъ саней *), которыя имѣли $1^1/_2$ фут. высоты. Но это было на песчаной отмели и при низкомъ стояніи воды и мы замѣтили ниже болѣе глубокія мѣста, гдѣ быстрая рѣчка принимала характеръ горныхъ рѣкъ, которыя отъ таянья снѣговъ и сильныхъ дождей быстро наполняются и поднимаются, и также быстро мелѣютъ. А потому, можетъ быть, совершенно справедливо, что она имѣла 9 фут. глубины въ томъ мѣстѣ, гдѣ переходилъ ее Зуевъ, такъ какъ это было гораздо западнѣе. Это все, что сообщаетъ Зуевъ о „быстромъ лѣсномъ ручьѣ". Онъ прибылъ сюда 12-го іюля 1771 года, покинувъ Обдорскъ 1-го іюля и перебравшись черезъ Щучью съ 7 оленями. Отъ Подараты Зуевъ направился къ Карской губѣ, гдѣ оставался отъ 19 до 28 іюля; на возвратномъ пути пересѣкъ Подарату 5-го августа, и 11-го вернулся въ Обдорскъ. Послѣ Зуева посѣтилъ Подарату профессоръ Ковальскій, который 21-го августа прибылъ къ Карскому морю, откуда пробрался къ южной части Щучьей и по ней, въ самоѣдской лодкѣ, 17 сентября достигъ до Обдорска. Объ этомъ интересномъ путешествіи мы ничего не узнаемъ изъ толстаго тома Уральской Экспедиціи. Лишь на стр. 194 упоминается, что Подарата, неподалеку отъ устья, которое, такъ-же какъ Ой-Яха

*) Лишь отъ стараго Джунши я слышалъ нѣсколько разъ, что онъ называлъ рѣку эту Подаратта. Гофманъ также пишетъ: Подератта.

**) На рисункѣ (стр. 373), по недосмотру рисовальщика, олени представлены плывущими.

и Осовей-Яха, образуетъ широкій лиманъ, такъ мелка, что черезъ нее можно всюду проѣзжать въ низкихъ оленьихъ санкахъ. Въ этомъ наши наблюденія совершенно согласуются, такъ какъ и въ другомъ мѣстѣ, на разстояніи 14 верстъ отъ устья, намъ показали удобный для сапей бродъ. Это достаточно доказываетъ, что Подарата не можетъ быть судоходна. Вотъ что говоритъ о ней Бремъ: „прекрасна, свѣжа, оживленна, чиста и прозрачна Бадаратта, *но не судоходна*“! Это разрѣшаетъ вопросъ.

Видъ Подараты, о которомъ прилагаемый рисунокъ стр. 373 даетъ лишь слабое понятіе, былъ въ дѣйствительности очень живописенъ. На первомъ планѣ, тамъ, гдѣ стоитъ западня для песцовъ, зеленая



Самый сѣверный пунктъ Подараты, достигнутый экспедиціей.

тундра, покрытая березой-стлапкой, окаймленная высокимъ берегомъ, состоящимъ изъ бѣлаго песку и валуновъ и отвѣсно опускающимся къ голубой рѣкѣ; правый берегъ ея образуетъ темную отмель, къ которой примыкаютъ яркозеленые луга, перемѣшанные съ сѣроватой зеленью ольхи. Далѣе позади возвышается слегка окрашенная стѣна, образуемая, по всему вѣроятію, лѣвымъ берегомъ; прерываемая во многихъ мѣстахъ синѣющими озерами, блѣдно-зеленая равнина тундры растилается до самыхъ горъ. Послѣднія, образуя какъ бы раму картины, распадаются на болѣе низкія передовыя цѣпи, которыя при полуденномъ освѣщеніи рѣзко выдѣляются на фонѣ главнаго хребта, ярко синяго, испещреннаго безчисленными снѣговыми полями. Въ особенности широко растилаются эти поляны у высокой вершины

налѣво; блестя зеленоватымъ оттѣнкомъ глетчеровъ, онѣ, по всему вѣроятію, состоятъ изъ фирна, такъ какъ на Уралѣ нѣтъ ледниковъ. Наши люди увѣряли, что эти снѣжныя поляны даютъ истокъ Подаратѣ (въ ущельи налѣво) и Щучьей (на хребтѣ влѣво), но не знали названія горъ. Лишь возвышавшійся съ правой стороны конусъ называли они „Гановейдша“ (по самоѣдски Гановой—птица *), а „дша“ или „дса“ сѣдалище или гнѣздо); по крайней мѣрѣ такъ утверждалъ Джунши, но, какъ извѣстно, туземцы часто сами даютъ названія, которыя они производятъ отъ какихъ-нибудь пустяковъ. Такихъ примѣровъ Гофманъ приводитъ множество, какъ Шуленъ-Ларъ-Силь-Кёу, т- е. „гора у богатаго рыбой озера,“ Мудази-езъ-Йоземъ-Іоганъ, т. е. „ручей, при паденіи Мудази“, „источникъ утонувшихъ оленей,“ „гора у которой мрутъ люди“ и т. д.

Ни на какихъ картахъ не находилъ я этой „Гайновейдши“ **), которая во всякомъ случаѣ ничто иное, какъ упоминаемая Гофманомъ (стр. 138 и 143) „Арка-Пае“, которую онъ видѣлъ къ западу отъ горъ, въ 2000 ф. высоты, по близости къ рѣкѣ Ніербе. Намъ также, несмотря на 40-верстное разстояніе, она показалась значительной, и я считалъ ее по крайней мѣрѣ въ 2000 ф. Съ того мѣста, гдѣ мы находились, она, казалось, образовывала сѣверовосточное, весьма замѣтное возвышеніе. Отсюда Уралъ поворачиваетъ къ сѣверо-западу; его высочайшія сѣверныя вершины Миниссей—(1705′, по Петер.) и Константиновъ камень (1491′ Гофм. 1398′ Петер.; подъ 68° 29 с. ш.) были такъ закрыты „Гайноведшей“, что намъ не было ихъ видно. Повидимому, самой высокой (можетъ быть въ 3000 ф.) горы, изъ которой вытекаютъ Подарата и Щучья (которыя на картѣ Петерманна вытекаютъ изъ озера (Тыедо),***) что также утверждалъ Джунши), не было означено на картѣ. Ковальскій, посѣтившій истокъ Щучь-

*) По Шренку, на самоѣдскомъ языкѣ нѣтъ слова птица, и подъ словомъ „Гано“ разумѣются вообще всѣ охотничьи животныя. Джунши называлъ „Гановой“ сапсана (Falco peregrinus).

**) По всей вѣроятности, это та гора, которую Шренкъ называетъ „Хорамага“ (т. е. оленья спина), указанная ему съ вершины Гнетью, но сама остававшаяся невидимой. (Пут. I. стр. 451).

***) По Шренку, Щучья (Пырв-яха) вытекаетъ изъ озера Пыріяхандо: здѣсь же находится горный проходъ Пырите-Матулова, т. е. Щучій проходъ, которымъ осенью пробираются Зыряне изъ Пустозерска въ Обдорскъ. Это удобнѣйшій проходъ черезъ Уралъ и путь Ермака (Гофманъ стр. 186). Но большею частью Зыряне, отправляющіеся въ Обдорскъ, выбираютъ проходъ ведущій къ рѣкѣ Ельцу, которая впадаетъ въ Усу, и по которой ѣхалъ Кастренъ въ 1843 году (стр. 276).

ей въ маѣ 1848 года, ничего не упоминаетъ объ озерѣ и считаетъ высоту истока въ 1068 ф., географическую широту—въ 67° 58′ 48″. На западномъ склонѣ Урала, въ 25 верстахъ отъ водораздѣла, онъ достигъ истока Кары *), вслѣдствіе чего опять называетъ гору (стр. 211, 239, 243) „горой истоковъ Кары и Щучьей". — Съ мѣста нашей стоянки видѣнная нами вершина (влѣво на моемъ рисункѣ), безъ сомнѣнія, та же самая, о которой упоминаетъ Ковальскій, а не вершина Гнетью (4259, Гофм., 3395, Петерм.), какъ я полагалъ прежде, а потому я позволю себѣ назвать ее *„вершиной Ковальскаго"*, по имени изслѣдователя сѣвернаго Урала, заслуженнаго профессора Казанскаго университета.

Рано утромъ на слѣдующій день (3 августа), назначенный для отдыха и праздника, вернулся нашъ плотникъ. Его вѣсти не вполнѣ соотвѣтствовали нашимъ ожиданіямъ, но все-таки не были для насъ неблагопріятны. Онъ нашелъ Остяка, который былъ занятъ погребеніемъ своего товарища,—владѣльца чума, умершаго наканунѣ, вмѣстѣ съ работникомъ и двумя дѣтьми, отъ мяса оленя, заболѣвшаго чумой, котораго скупой хозяинъ закололъ передъ концомъ, чтобы онъ не пропадалъ даромъ. Жена и двое дѣтей были еще живы. Плотникъ привезъ съ собою „печать" Остяка, т. е. кусочекъ дерева, служившій ему вмѣсто подписи, и четыре бирки, которыя обозначали число умершихъ. Остякъ обѣщалъ придти вечеромъ, но просилъ послать ему одного изъ нашихъ людей, чтобы помочь перегнать стадо на правый берегъ рѣки и схоронить мертвыхъ. Тотчасъ же къ нему былъ отправленъ Гайвай съ санями, такъ какъ Джунши не довѣрялъ Остяку и полагалъ, что онъ можетъ уйти тайкомъ, хотя и послалъ свою печать. Подозрѣніе оказалось несправедливымъ, такъ какъ вечеромъ же онъ явился съ двумя тройками, и начались тяжелые переговоры, которые я уже описывалъ; кончились они тѣмъ, что честный Занда, такъ звали Остяка, взялся, рискуя своими животными, перевезти насъ „къ морю" на двадцати оленяхъ, за 15 руб. Путешествіе должно было продолжаться „отъ одного теплаго времени до другого,". то есть одну ночь; я обязывался остаться у моря только одинъ день и въ слѣдующее „холодное время" вернуться назадъ. Кромѣ того, я долженъ былъ дать въ Обдорскѣ письменное удостовѣреніе засѣдателю, что онъ только исполняя наше желаніе, отложилъ свое

*) Названіе этой рѣки будетъ вѣрнѣе: Гара „или Хара-Яха", отъ самоѣдскаго „изгибистый, извилистый." По всему вѣроятію, эта рѣка дала свое имя заливу и морю.

отправленіе на Щучью. Это было необходимо на случай, если это замедленіе принесло бы вредъ стаду, большей частью не ему принадлежавшаго. Противъ этого условія нельзя было возражать, такъ какъ Занда былъ не владѣльцомъ стада, а пастухомъ, и его осторожность въ отношеніи довѣреннаго ему стада заслуживала лишь похвалы.

Кромѣ скуднаго угощенія, состоявшаго изъ чая и сухарей, Занда получилъ 5 рублей на чай и нѣкоторые подарки, и такъ какъ погода грозила дождемъ, пригласилъ насъ къ себѣ въ чумъ, который находился неподалеку. Хатъ, нашъ бравый остяцкій проводникъ, съ утра жаловавшійся на боль въ животѣ, былъ положенъ въ сани, а мы всѣ пошли пѣшкомъ, разсчитывая на „близость.“ Въ этомъмы однако очень обманулись, такъ какъ шли добрыхъ два часа и только въ полночь, утомленные и измученные несносными кустами березъ и ивы, достигли до чума. Я раскинулъ свою палатку отъ комаровъ, но сильный дождь прогналъ меня въ чумъ, который уже былъ наполненъ спящими.

Утро 4-го августа принесло съ собою свѣжую погоду и новыя чувствительныя потери оленей. Изъ нашихъ также пало двое, что можно было узнать по мѣткамъ, которыя стадовладѣльцы дѣлаютъ животнымъ на ушахъ и т. п. Послѣ обѣда сдѣланы были приготовленія къ поѣздкѣ къ морю, и въ три часа, сопровождаемые лишь плотникомъ, правившимъ передними санями и Мартиномъ Дзервитомъ, мы пустились въ путь въ шести саняхъ. Все стадо слѣдовало за нами, такъ какъ Занда непремѣнно хотѣлъ взять съ собою всѣ 200 штукъ; и дѣйствительно это было самое лучшее, иначе многіе бы разбѣжались. Стадо представляло довольно живописную картину: цѣлый лѣсъ роговъ появлялся то впереди насъ, то сзади, то сбоку; ихъ гнали собаки и сынъ Занда на тройкѣ. Путь нашъ пролегалъ черезъ тундру, вдоль прудовъ и озеръ, какъ уже было описано выше, но теперь намъ уже не приходилось пробираться по трясинамъ и между несносными чащами ивы и березы, а мы спокойно ѣхали въ саняхъ,— что было весьма пріятно.

Переѣхавъ Надаяха, въ 7 часовъ мы остановились, такъ какъ Занда объявилъ, что мы достигли своей цѣли и что далѣе онъ ѣхать не можетъ. Насъ встрѣтило здѣсь горькое разочарованіе: ожидаемыхъ красивыхъ скалистыхъ *) береговъ, оживленныхъ

*) Описаніе Зуева (Пал. 3. стр. 29—33) даетъ о томъ понятіе. 19-го іюля 1771 г. достигъ онъ морского берега и до 26-го шелъ вдоль или въ виду мор-

морскими животными и суетящимися рыбаками-туземцами, и большого волнующагося морского залива не было и слѣда. Какъ ни сердились мы на Остяка, но впослѣдствіи должны были признать его правымъ. Мы находились неподалеку отъ праваго берега Подараты и, поднявшись пѣшкомъ на довольно высокій (фут. въ 50) холмъ изъ валуновъ, могли обозрѣть оттуда всю страну. Къ сѣверу отъ насъ разстилалась широкая низменность, пестрѣвшая лужами, прудами и озерами, которыя, казалось, частью сливались съ горизонтомъ, на которомъ рисовалась возвышенная, свѣтлая дюна, песчаная стѣна праваго высокаго берега рѣки, и къ востоку два маленькихъ холма. Послѣдніе служили истокомъ Ензоръ-яха, рѣчки, подобной Подаратѣ; песчаный обрывъ представлялъ *) устье рѣки Нада или Наде (можетъ быть Шаде)-Яха. Туманныя, широкія полосы воды на горизонтѣ, сливавшіяся со многими водяными жилами, были ничто иное какъ Карская губа, которую мы уже видѣли въ послѣдній день пути отъ Подараты. Справа она была ограничена низкой горной цѣпью, которая, казалось, примыкала къ югозападнымъ предгорьямъ Урала, къ которому рѣка направлялась безчисленными изгибами. Передъ этой цѣпью горъ или холмовъ лежитъ Садапай, и мы находились на дорогѣ оттуда къ Щучьей. Болотистой равниной, разстилавшейся передъ нами, туземцы не ѣздятъ, такъ какъ она состоитъ изъ трясинъ. Лишь зимою Самоѣды иногда отправляются этимъ путемъ. Подарата постепенно теряется въ обширномъ болотѣ, которое примыкаетъ къ бухтѣ, „Пая“ (Пая, Паха, т. е. бухта), расположенной далѣе на западъ и рѣдко посѣщаемой туземцами **). Та-

---

ского залива, переходилъ черезъ различныя небольшія рѣчки, между которыми Тальвотта (Таль-Ота) и Оо (Ой-Яха) были самыми большими, и остановился на полтора дня пути отъ Кары. По описанію его, берегъ частію плоскій и песчаный, частію состоитъ изъ глинистой и песчаной высокой стѣны. Выкиднаго лѣса не было нигдѣ. 22 іюля показалось море, очень мелкое около береговъ, покрытое плавучими льдинами; приливъ поднимался на сажень, иногда же бывалъ очень слабъ. Кромѣ нѣкоторыхъ рыбъ и морскихъ животныхъ (медузъ, раковинъ), Зуевъ не упоминаетъ ни о какихъ другихъ; но здѣсь онъ нашелъ небольшіе кусочки янтаря (по русски „морского ладона“). Гофманъ (стр. 142) совершенно также описываетъ характеръ береговъ Ой-Яха, но упоминаетъ о плавучемъ стволѣ (березы) съ Печоры, о низкомъ приливѣ и двухъ чайкахъ.—Зеебомъ слышалъ на Печорѣ, что въ Карской губѣ встрѣчаются два вида гаги.

*) Насколько трудно уловить выговоръ этихъ народовъ и передать его, о томъ уже упоминаетъ Гофманъ (введ. стр. IV) и Миддендорфъ (стр. 1397). Я и мои товарищи слышали иногда совершенно различно одно и тоже слово, даже когда заставляли повторять его.

**) Рыболовныя мѣста Самоѣдовъ и преимущественно Пустозеровъ (русскихъ) находятся на Карѣ и Каратайяха, собственно на Толстомъ Носѣ. По Зуеву (Пал.

ковы по крайней мѣрѣ были свѣдѣнія, сообщенныя намъ Остяками, которыхъ я, при видѣ разстилавшейся передъ нами въ натурѣ ландкарты, старательно разспрашивалъ, но, какъ то случалось нерѣдко, не добился ничего яснаго, толковаго. Видѣнный нами внутренній конецъ Карской губы, повидимому „Лѣсная губа“ (сам. Подарата-Пая) Зуева (Пал. 3. стр. 26), отстоитъ еще на 5—6 дней пути отъ „Карскаго залива,“ подъ которымъ должно понимать собственно Карское море.—Мы находились на разстояніи двухъ нѣмецкихъ миль отъ морского залива и на одну милю отъ свѣтлой песчаной стѣны (на рисункѣ бѣлый холмъ вправо), образуемой правымъ крутымъ берегомъ Подараты, какъ я узналъ впослѣдствіи въ Обдорскѣ отъ господина Васильева. Итакъ наше предположеніе подтвердилось. Русская экспедиція съ остаткомъ оленьяго стада Дзеингіи, 120-ю головами, между которыми было 60 упряжныхъ, 4-го августа прибыла къ Подаратѣ на то самое мѣсто, гдѣ мы теперь находились. Такъ какъ олени падали ежедневно и число упряжныхъ значительно уменьшилось, то на лѣвый берегъ Подараты были посланы казакъ и Остякъ. Имъ удалось найти тамъ туземцевъ и оленей, съ которыми они и возвратились. Изъ этого стада не умерло ни одно животное. Господинъ Васильевъ, съ однимъ казакомъ въ двухъ маленькихъ лодкахъ, спустился внизъ по рѣкѣ, верстъ на 17, но по причинѣ сильнаго вѣтра и дурной погоды (снѣга и дождя) не достигъ моря, до котораго, считая всѣ извилины, было не болѣе 20 верстъ. Рѣка весьма круто поворачиваетъ и теряется потомъ въ морѣ, которое тутъ очень мелко. Вправо, гдѣ мы видѣли два холма, истоки Ензоръ-яха, море окаймлено дюной; влѣво же возвышался скалистый мысъ и въ бухтѣ должна была быть хорошая гавань. Казакъ, посланный за оленями, разсказывалъ, что со скалистаго холма видѣлъ Садапай, море и корабль *); Самоѣды тоже утверждали, что въ прошломъ году видѣли тутъ корабль и что имъ извѣстны тамъ засѣвшіе на мели остатки корабля, добраться до которыхъ можно только зимою. Они видѣли потерпѣвшихъ крушеніе, которые не понимали по русски,—получили отъ нихъ письмо и отдали его въ Обдорскѣ засѣдателю. Послѣдній подтвердилъ эти

3. стр. 32) здѣсь ловятъ и солятъ кунжу (Salmo leucomaenis, Pall.), омуля (Coregonus autumnalis, Pall.), мелкую навагу (Nawaga, Gadus nawaga) и видъ камбалы (Pleuronectes flesus). Но этотъ промыселъ весьма незначителенъ (Шренкъ, I стр. 580 и 648).

*) Это можетъ быть былъ пароходъ „Темза“, съ капитаномъ Виггенсомъ, который въ то время крейсировалъ въ Карской губѣ и зашелъ слишкомъ далеко.

извѣстія, но письма у него уже не было, такъ какъ онъ послалъ его Тобольскому губернатору. По всему вѣроятію, это было Норвежское судно, такъ какъ Норвежцы ради рыбной ловли заходятъ иногда въ Карскій заливъ.

Несмотря на то, что мы были такъ близки къ желанной цѣли, пришлось покориться обстоятельствамъ и вернуться назадъ. Безъ лодки, не имѣя подъ рукой лѣса, изъ котораго можно было бы устроить плотъ, на который я мысленно надѣялся, не было никакой возможности спуститься внизъ по рѣкѣ, а путешествію пѣшкомъ препятствовалъ недостатокъ съѣстныхъ припасахъ, а также непроходимая мѣстность. Для того же, чтобъ добраться до дюнообразной песчаной стѣны на оленяхъ, нужно было бы сдѣлать большой объѣздъ. Занда объявилъ это невозможнымъ, еслибъ даже ему предложили за то сто руб., и при видѣ окружающихъ насъ оленьихъ труповъ, я не могъ претендовать на него (на одномъ только мѣстѣ насчиталъ я до 23). Итакъ мы должны были вернуться назадъ! На память достигнутаго нами сѣвернаго пункта, лежащаго повидимому подъ 68° с. ш., я взялъ обточенный круглый *), въ видѣ каравая, снизу отшлифованный песчаникъ, имѣвшій въ діаметрѣ 5 дюймовъ, который Остякъ подарилъ мнѣ послѣ нѣкотораго сопротивленія. Камень этотъ лежалъ у жертвеннаго мѣста, обозначеннаго двумя воткнутыми въ землю грубыми кусками дерева и оленьими черепами, и представлялъ собою величайшую святыню, такъ какъ изображалъ весьма почитаемаго бога Зизавей-пей, по самоѣдски „продырявленный камень“, такъ какъ на немъ было 6, какъ бы пальцемъ сдѣланныхъ углубленій, изъ которыхъ 4, при пылкой фантазіи, могли означать глаза, носъ и ротъ. Камни, случайно отличающіеся такими признаками, служатъ у Самоѣдовъ идолами и были описаны Шренкомъ (I. стр. 300), который этимъ навлекъ было на себя порицанія Кастрена. Этотъ знаменитый изслѣдователь отрицаетъ такихъ каменныхъ идоловъ, потому что „ему никогда не приходилось видѣть ихъ“. но Миддендорфъ также нерѣдко находилъ ихъ на Таймырѣ, и не мудрено, что, за неимѣніемъ лучшаго, эти „игры природы“ сходили за идоловъ. Я, впрочемъ, могу прибавить, что знаменитый идолъ, въ своемъ новомъ положеніи, оказался мнѣ въ высшей степени полезнымъ—какъ прессъ-папье!

*) Этотъ мелкозернистый песчаникъ, вѣроятно, тотъ же самый, который находилъ Гофманъ по близости Карскаго моря и который употребляется туземцами какъ точильный камень. Но такъ какъ послѣдній называется Самоѣдами „Силва или Силырчамъ-пай, то, можетъ быть, вышеприведенное объясненіе и невѣрно.

Послѣ того какъ я оцѣпенѣвшими отъ холода пальцами набросилъ эскизъ этого голаго, пустыннаго вида, мы раздѣлили между собою остатки водки, содержавшейся въ дорожной фляжкѣ и поворотили къ югу. Чувствительная свѣжесть ночи, не допускавшая присутствія комаровъ, такъ какъ термометръ упалъ до нуля и появился первый иней, дала возможность отдохнуть оленямъ и облегчила имъ дальнѣйшій путь. Несмотря на это мы подвигались медленно, такъ какъ олени отставали, чтобъ никогда болѣе не присоединяться къ стаду, и Зандѣ съ сыномъ доставляли немало хлопотъ ловля осиротѣвшихъ дѣтенышей, прикалываніе ихъ и затѣмъ сдираніе шкуръ. Въ этомъ Самудровъ помогалъ имъ весьма охотно, но не безкорыстно, такъ какъ ни одинъ Зырянинъ, занимающійся торговлей, не можетъ пропустить случая для дешевой покупки въ тундрѣ.

Лѣтняя ѣзда въ тундрѣ.

Такъ какъ отъ рисунковъ, какъ отъ дополненія текста, требуется главнымъ образомъ вѣрность, то невѣрныя изображенія должны выбрасываться, потому что они вмѣсто разъясненія даютъ читателю ложное понятіе и тѣмъ приносятъ только вредъ. Къ этой категоріи принадлежатъ два изображенія оленьей упряжи въ сочиненіи „Сибирь“ Альбина Конъ (стр. 35 и 139), а также прекрасная картинка „ѣзда въ саняхъ у Самоѣдовъ“ (Globus 1877, ст. 116). Что четыре оленя запряжены въ рядъ, это такъ, но что они взнузданы какъ лошади, управляются одними

возжами и что въ саняхъ сидятъ четверо *), это совершенно невѣрно. Всякій, имѣвшій случай видѣть въ Сибири оленью запряжку, знаетъ, что не запрягаютъ одного оленя въ оглобли (какъ на стр. 35 у Кона), ни троихъ гусемъ, съ возжами укрѣпленными къ рогамъ (какъ изображена на стр. 139 оленья почта). Употребляемый во всей Сибири способъ **) запряжки оленей очень простъ и практиченъ. Сдѣланная по набросанному мною эскизу полная жизни картинка Морица Гофманна въ Берлинѣ, исполненная художественно и съ величайшей естественностью, всего лучше изображаетъ ѣзду въ тундрѣ. У оленя надѣтъ кожаный наплечникъ въ 2—3 дюйма шириной (по остяцки Алакъ, по самоѣдски Подъеръ; въ Таймырѣ дѣлаются такіе-же, только съ подстежкой), отъ загривка къ переднимъ ногамъ. Къ этому наплечнику или хомуту прикрѣплены постромки (по остяцки Алакель, по самоѣд. Са) изъ толстой кожи, проходящія подъ брюхомъ между заднихъ ногъ къ верхней, передней части санныхъ полозьевъ. Здѣсь по обѣимъ сторонамъ находится по одному крюку, сдѣланному изъ дерева, большею же частью изъ твердой слоновой кости или моржоваго зуба, снабженнаго двумя дырочками (по остяцки Лунгали, по сам. Паатсе), черезъ которыя проходятъ постромки, служащія такимъ образомъ для двухъ животныхъ. Если запрягается болѣе 2 оленей, то ихъ постромки опять-таки продѣваются черезъ крюкъ и прикрѣпляются къ главнымъ. Такой способъ имѣетъ то преимущество, что всѣ животныя везутъ ровно, такъ какъ сани задѣваютъ лѣниваго по ногамъ и заставляютъ его идти вровень съ другими.

Къ упряжи принадлежитъ еще сѣделка, шириною отъ 4—6 дюймовъ (по остяцки Вундеркель, по сам. Іондина), изъ бычачьей кожи, которая свѣшивается съ обѣихъ сторонъ и прикрѣпляется внизу узкимъ ремнемъ. Къ этой сѣделкѣ придѣланы съ боковъ кольца (по остяцки Пелехалзело), чрезъ которыя продѣты ремни, связывающіе между собою животныхъ, такъ-же какъ и

*) Такъ какъ этотъ рисунокъ былъ приложенъ и къ „Экспедиціи Норденшильда въ 1875 г.“, то я спрашивалъ у знаменитаго путешественника, во время его пребыванія въ Германіи, дѣйствительно ли такъ ѣздятъ на Вайгачѣ, на что онъ, улыбаясь, отвѣчалъ: „рисунокъ сдѣланъ не съ натуры, а по фантазіи парижскаго художника“.

**) Дурно нарисованное, но весьма вѣрное изображеніе даетъ намъ Гофманъ, стр. 57, и при этомъ весьма подробное описаніе запряжки, также Шренкъ (II. стр. 394—397) и Миддендорфъ (стр. 1265). Напротивъ того, все, что говоритъ объ оленьей упряжи Гейглинъ (Reisen n. d. Polarmeer II. стр. 129)—совершенно непонятно.

прикрѣпленныя къ рогамъ возжи (по остяцки Пелехули-кель). Сѣделка вожака (оленя съ лѣвой стороны) сверхъ того снабжена съ лѣвой стороны украшеніемъ, въ родѣ дверной ручки, сдѣланнымъ изъ мѣди или слоновой кости, которое служитъ для поддержки возжей. Подобныя металлическія вещи туземцы достаютъ отъ Русскихъ и Зырянъ; послѣдніе дѣлаютъ мѣдную отливку очень недурно и чисто. Привезенныя мною упряжныя украшенія сдѣланы очень искуснымъ мастеромъ изъ Зырянъ и стоили тамъ по нѣскольку рублей за штуку. Иногда встрѣчаются и другія украшенія: кольца продѣтыя на мѣдной проволокѣ, которыя при движеніи звенятъ; всего чаще употребляются они въ парадныхъ запряжкахъ для женщинъ (называемыя Остяками Ніе-Халзело). Узда очень замысловата и не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что у насъ подразумѣвается подъ этимъ словомъ. Узда собственно (по ост. Охъ-келт-шанъ; по сам. Занъ) состоитъ изъ двухъ костяныхъ дощечекъ, длиною отъ 4 до 6 дюймовъ (изъ мамонтовыхъ или моржевыхъ костей) и двухъ изогнутыхъ, такой же длины, палочекъ изъ оленьяго рога. Костяныя дощечки связываются между собою изящно сплетеннымъ ремешкомъ и имъ же прикрѣпляются къ основанію роговъ. При этомъ одинъ шнурокъ проходитъ подъ кадыкомъ, между тѣмъ какъ изогнутая роговая палочка, къ которой возжа прикрѣплена посредствомъ мѣднаго вертящагося костылька (по остяцки Сорнелуйтъ или Ушкелкарти) опирается на основаніе лѣваго рога. При натягиваніи возжи, которая большей частью очень красиво сплетена изъ кожи, изогнутая роговая палочка нажимаетъ на високъ и даетъ такимъ образомъ направленіе. Хорошо выдрессированныя и выѣзжанныя животныя повинуются возжамъ такъ-же хорошо, какъ лошадь мундштуку, такъ какъ управляется только олень запряженный слѣва и нѣсколько впереди другихъ. При натягиваньи возжи, животное поворачиваетъ налѣво; если ею ударяютъ слѣва по тѣлу, оно поворачиваетъ вправо; при продолжительномъ натягиваніи олень останавливается. Всѣ прочія животныя слѣдуютъ примѣру вожака, отъ котораго все, слѣдовательно, зависитъ и который вслѣдствіе этого стоитъ сравнительно дорого,—рублей 15 и болѣе. Этотъ родъ упряжи не дозволяетъ быстрыхъ заворотовъ и для этого нужно дѣлать большой кругъ, или же самъ возница заворачиваетъ санки и оленей. Для того, чтобы подгонять оленей употребляется длинная палка въ 12—15 футовъ, къ концу постепенно утончающаяся (по остяцки Ундингъ-су; по сам. Харей), которая иногда состоитъ изъ нѣсколькихъ кусковъ и сдѣлана весьма тщательно на манеръ биллiарднаго кія. Тонкій

конецъ палки снабженъ костянымъ шарикомъ, которымъ легонько толкаютъ животное въ бока. На толстый же конецъ насажена плоская желѣзка въ формѣ копья, грубой русской работы, длиною въ 1 футъ, что придаетъ шестику видъ оружія. Но онъ имѣетъ вполнѣ мирное, практическое назначеніе: когда останавливаются, то палку эту втыкаютъ въ землю и привязываютъ къ ней животныхъ; она же служитъ опорой санямъ на косогорахъ, а при переправѣ черезъ рѣки, возница, стоя въ саняхъ, упирается ею въ полозья. Возница сидитъ обыкновенно съ правой стороны, поджавъ ноги или свѣсивъ ихъ, въ правой рукѣ держитъ возжи, а лѣвой управляетъ посредствомъ палки. Искусный ѣздокъ обыкновенно пускаетъ впередъ лучшую тройку или четверню, которая должна при переправахъ черезъ рѣки или болота испытывать почву, вообще отыскивать лучшую дорогу. За ней ужъ обыкновенно слѣдуетъ тройка съ возницей, къ санямъ котораго привязаны, желѣзными цѣпями или ремнями, слѣдующія запряженныя сани, такъ что поѣздъ (сам. Аръюмъ или Арьишъ) состоитъ изъ 10 и болѣе саней. Такой поѣздъ подвигается впередъ, разумѣется, не быстро, такъ какъ олени лѣтомъ скоро утомляются; они не потѣютъ, а раскрываютъ ротъ, какъ уставшія охотничьи собаки, хрипятъ и охотно ложатся. Поэтому каждую четверть часа или каждые полчаса необходимо останавливаться на двѣ-три минуты и дать имъ передохнуть. Къ тому же они часто перескакиваютъ черезъ постромки или онѣ попадаютъ имъ въ копыта, изъ за чего весь поѣздъ долженъ останавливаться; въ противномъ случаѣ животное падаетъ и такимъ образомъ подвергается опасности задохнуться.

Олень бѣжитъ въ упряжи съ опущенной внизъ головой и держитъ ее всегда на бокъ, такъ какъ иначе они постоянно сцѣплялись бы рогами. Они никогда не скачутъ, но бѣгутъ легкой рысью. Въ легкихъ саняхъ, безъ поклажи, при свѣжей погодѣ, мы дѣлали на тройкѣ 10 верстъ въ 4 часа, что считается весьма удовлетворительною ѣздою. Конечно, быстрота ѣзды зависитъ отъ дороги. По песчаной, каменистой или глинистой почвѣ — 12 — 15 верстъ считаются дневнымъ переходомъ, и при этомъ на 2 сильныхъ оленей-самцовъ полагается не болѣе 4 пудовъ клади. По тундрѣ покрытой мохомъ или березой-стланкой, сани скользятъ легко; въ такомъ случаѣ кладь можетъ быть въ 6 пудовъ и въ день можно сдѣлать отъ 24 до 25 верстъ, конечно если имѣется достаточно животныхъ для смѣны. Эти данныя, опирающіяся на нашъ собственный опытъ, а также на свидѣтельства Шренка и Гофмана, со-

вершенно противорѣчатъ словамъ Кона (Сибирь, стр. 139), который считаетъ поклажу на одни сани въ 25 пудъ, что слишкомъ преувеличено, такъ какъ легкія сани и не выдержатъ такой тяжести. Совсѣмъ иное дѣло зимой, когда олень избавленъ отъ комаровъ, оводовъ и жары, и находится въ полной силѣ. Тогда это поистинѣ превосходное упряжное животное. На 2-хъ оленей-самцовъ, въ это время, кладутъ до 15 пудовъ. По хорошей дорогѣ олень можетъ пробѣжать отъ 15—20 верстъ въ часъ и на немъ можно сдѣлать 100 верстъ не кормя; Шренкъ (стр. 398) приводитъ въ примѣръ, что туземцы ѣздятъ изъ Пустозерска въ Мезень (550 вер.) въ 24 часа, и даже дѣлаютъ по 200 верстъ въ 12 часовъ на однихъ и тѣхъ же оленяхъ. Для сравненія могу привести, что въ Лапландіи хорошіе олени разстояніе отъ Карашокъ-Альтенъ, равное 27 нѣмецкимъ милямъ, дѣлаютъ въ 18 часовъ, т. е. бѣгутъ не болѣе $10^1/_2$ верстъ въ часъ. Разстояніе въ 500 вер. отъ Обдорска до Березова почта проѣзжаетъ зимою на оленяхъ въ 3 дня. По Шренку, разстояніе, проходимое упряжнымъ оленемъ, вообще можно положить въ 7 верстъ въ часъ. Въ Сибири для упряжи употребляютъ большей частью кладеныхъ оленей и не ранѣе четырехъ-лѣтняго возраста; самокъ и двухъ-лѣтнихъ животныхъ запрягаютъ лишь въ случаѣ эпидеміи. Что въ этихъ странахъ для ѣзды и транспорта можно употреблять только оленей, объ этомъ нечего и говорить. Они незамѣнимы въ тундрѣ, и эти пустыни безъ нихъ помощи были бы также недоступны для человѣка, какъ Сахара—безъ помощи верблюда.

Къ 4 часамъ утра возвратились мы изъ своего „морского путешествія“ къ нашему лагерю, гдѣ безъ насъ прибавился еще одинъ могильный холмъ. Онъ покрывалъ третьяго ребенка вдовы, который умеръ отъ оленины, какъ отецъ его и братья. Подвергшаяся тяжелымъ испытаніямъ женщина не проливала слезъ, но по лицу можно было видѣть ея скорбь, хотя борьба за существованіе и препятствовала ей предаться печали, возможной только для людей цивилизованныхъ, которые, къ сожалѣнію, этотъ стоицизмъ приписываютъ неразвитости. Миддендорфъ, хорошо изучившій Самоѣдовъ, говоритъ, что около умершаго никто не плачетъ, но тутъ же прибавляетъ: „однако это происходитъ не отъ равнодушія.“ Этой остяцкой вдовѣ, которой никто не могъ оказать помощи, было довольно хлопотъ и заботъ съ своимъ маленькимъ имуществомъ и немногими оставшимися оленями. Она должна была сама надѣть на оленей сбрую, убить одного, уложить вещи въ сани и т. д. Послѣднее, безъ сомнѣнія, доставило ей всего менѣе труда, такъ

какъ, когда мы снялись съ мѣста въ 4 часа пополудни, ей пришлось бросить свой чумъ, для перевозки котораго недостало животныхъ.

Мы тоже должны были снова взяться за свои посохи и идти далѣе въ пустынную тундру. Склоны каменистыхъ холмовъ тамъ и сямъ были покрыты поистинѣ удивительнымъ множествомъ цвѣтовъ. Красныя и фіолетовыя вики, розовая камнеломка и голубые колокольчики часто раскидывались букетами и представляли рѣзкій контрастъ съ меланхоличными бѣлыми торфяными цвѣтами (по всему вѣроятію Dianthus и Eriophorum) и ивовыми сережками. Птичій міръ представилъ намъ здѣсь два новые вида: стаю черноголовыхъ зуйковъ (Charadrius morinellus), собравшихся, очевидно, для перелета и бѣлую сѣверную сову (Nyctea nivea); красивая бѣлая птица на лету кажется такой большой, что одинъ изъ нашихъ людей закричалъ: „лебедь!“ Она летала необыкновенно красиво, парила на одномъ мѣстѣ, потомъ вдругъ опустилась къ землѣ и направилась къ вершинѣ холма. У нея было что-то въ когтяхъ; вѣроятно она поймала лемминга, котораго хотѣлъ отнять у нея дерзкій поморникъ. Сова испустила свой, похожій на хохотъ, звучный крикъ: „Ху-а-ха-ха“ и стала защищаться, растопыривъ перья, такъ что казалась больше филина. Къ сожалѣнію, мой трудъ, напряженіе силъ и пролитый при ея преслѣдованіи потъ, оказались напрасными: мнѣ не удалось подкрасться къ пугливой птицѣ. Она здѣсь, однако, встрѣчается рѣдко; мы за все время видѣли 3 или 4 экземпляра; Гофманъ—всего одну (стр. 156). Остяки и Самоѣды, употребляющіе крылья бѣлыхъ совъ (Ханиншу или Ганиншу) вмѣсто вѣеровъ, ловятъ ихъ силками (по самоѣд. Ханшубпія, т. е. дерево птицъ). Эти силки состоятъ изъ воткнутой въ землю жердочки, высотой въ 11 фут.; кверху она заострена и поддерживаетъ гибкій прутъ въ 11-же футъ длины, который укрѣпленъ посредствомъ сторожки и узла, совершенно такъ-же, какъ наши силки, и почти также снабженъ петлей. Въ безлѣсной тундрѣ не только совы, но и другія хищныя птицы (сарычи и голубятники) охотно садятся на эти жердочки и становятся добычей человѣка. Какъ бѣлая сова, такъ и другія птицы тундры очень пугливы, хотя ихъ никто не пугаетъ здѣсь выстрѣлами. Только поморники глупо дерзки, и одинъ разъ мнѣ пришлось наблюдать какъ подорожникъ (Plectrophanes lapponica) довѣрчиво прогуливался по спящему Мартину и ловилъ комаровъ,—но это была еще молодая птица.

Послѣ утомительнаго пяти-часоваго пути, который подвинулъ

насъ впередъ не болѣе какъ на 12 верстъ, въ 9 часовъ вечера прибыли мы къ чуму и вмѣстѣ съ прочими легли спать на свое мѣсто, которое жена Занды уступила намъ не особенно охотно, такъ какъ мы стѣснили ея домашнихъ идоловъ и прирученныхъ лисицъ. Между супругами происходили ссоры изъ-за чужестранцевъ и, хотя я и не зналъ языка, но могъ однако очень хорошо понять, что остяцкая женщина далеко не покорная раба, какъ это обыкновенно говорится въ книгахъ. Зандѣ было изъ-за насъ немало непріятностей, такъ что онъ наконецъ успокоилъ свою дражайшую половину пинкомъ ноги, что въ самомъ дѣлѣ подѣйствовало. Ночная свѣжесть была настолько ощутительна, что мы рады были пріютиться въ чумѣ, хотя онъ имѣлъ не болѣе 13 фут. въ діаметрѣ и кромѣ мѣста, занимаемаго очагомъ, нужно было мѣсто для спанья 16 человѣкамъ. Можно себѣ представить какъ мало пространства досталось на долю каждаго и что такой ночлегъ представлялъ мало пріятности. Ночная тишина, кромѣ воя лисицъ, нарушалась стонами нашего Хата, состояніе котораго такъ ухудшилось на обратномъ пути отъ Подараты, что онъ не могъ идти, и его пришлось везти. Бѣднякъ стоналъ и охалъ самымъ жалкимъ образомъ и безпрестанно жаловался на холодъ и боль въ животѣ. Мы ему давали ревеню, Natrum bicarbonicum и даже опіумъ, прикладывали ему горячіе камни, но отъ этихъ дикарей очень трудно узнать, гдѣ собственно болитъ.—Нажимаешь ему животъ и спрашиваешь тутъ ли у него болитъ, онъ отвѣчаетъ да; нажимаешь желудокъ, тотъ же отвѣтъ. Однако мнѣ все-таки удалось узнать, что главная боль у него въ правомъ боку. Онъ оказался замѣтно опухшимъ и возбудилъ серьезныя опасенія. Ощущеніе холода и постоянное безпокойство представляли опасные признаки, такъ какъ у него не было лихорадки; пульсъ былъ слабый, едва 60 ударовъ въ минуту, и онъ клалъ ноги почти въ огонь, не чувствуя никакой боли. Усталость одолѣла меня и я уснулъ на нѣсколько часовъ. Проснувшись рано утромъ (6-го августа) я первымъ дѣломъ посмотрѣлъ на мѣсто, гдѣ лежалъ Хатъ: оно было пусто. Я поспѣшно вышелъ изъ чума, чтобы справиться о немъ. Онъ сидѣлъ неподалеку въ саняхъ скорчившись, съ опущенной головой, повидимому спалъ. Да, спалъ, вѣчнымъ сномъ:—онъ умеръ. Я разбудилъ людей, составилъ протоколъ, который былъ переведенъ Русскимъ, Остякамъ и Самоѣдамъ и который они помѣтили своими печатями, чтобы представить потомъ засѣдателю въ Обдорскъ. Немедленно приступили къ погребенію тѣла, по обычаямъ этого

народа. Къ сожалѣнію, я не могъ устроить бѣднягѣ никакого деревяннаго ящика, такъ какъ у насъ не было лишнихъ саней и никакого матеріала для оказанія ему этой чести; намъ было возможно лишь самое бѣдное погребеніе. Въ пескѣ, смѣшанномъ съ галькой, была вырыта небольшая яма, не болѣе фута глубиною. Русскихъ и Зырянъ пришлось понудить на эту работу бранью. Они боялись оскверниться, принимая участіе въ погребеніи язычника, и Федоръ нашелъ болѣе нужнымъ и важнымъ распѣвать похоронныя пѣсни, чтобъ, по его понятію, спасти душу умершаго, если это еще было возможно. Гайвай, трое Остяковъ и нашъ добрѣйшій Александръ, котораго я за это похвалилъ и наградилъ, подняли умершаго на веревкахъ, не касаясь его, и положили въ могилу на оленью шкуру, которую я купилъ для этой цѣли вмѣстѣ съ цыновкой за полтора рубля. Топоръ, кушакъ съ ножемъ, чайный котелокъ, нюхательный табакъ, однимъ словомъ, все достояніе Хата было положено въ могилу, но предварительно было сложено въ кучу. Только табакъ былъ раздѣленъ, причемъ покойникъ получилъ свою долю. Сверху были положены двѣ дощечки изъ саней, на нихъ цыновка, потомъ накидали немного земли и песку. Изъ остатковъ саней туземцы развели огонь, сварили на немъ оленину и съѣли ее, не скажу чтобы въ веселомъ настроеніи, но такъ какъ всегда. Мнѣ некого было утѣшать; никто не горевалъ объ умершемъ, даже Гайвай, несмотря на то, что Хатъ былъ первымъ его другомъ, съ которымъ онъ дѣлилъ каждую свою цыгарку. Жена Занды разобрала между тѣмъ свой чумъ, оплевала мѣсто гдѣ лежалъ Хатъ, а также людей принимавшихъ участіе въ его погребеніи, затѣмъ, поставивъ ихъ на сани, окурила головешкой и горячимъ камнемъ, который она поливала водой. Эта церемонія, очевидно, служила санитарнымъ цѣлямъ, а перебрасываніе черезъ людей санныхъ полозьевъ, употребленныхъ для выкапыванія могилы—имѣло основаніе въ какомъ-либо суевѣріи. Поспѣшили какъ можно скорѣе оставить мѣсто несчастія, потому что Остяки, хотя и не боятся покойниковъ, однако не любятъ оставаться около нихъ. Мы бросили еще разъ по горсти земли на могилу, въ которую съ грустью и горемъ положили одного изъ лучшихъ нашихъ людей, неутомимаго, усерднаго, свѣдущаго человѣка, котораго мы научились цѣнить и любить, какъ человѣка. Всѣ наши люди единогласно утверждали, что онъ умеръ отъ оленьей чумы,—также въ трое сутокъ какъ Остяки Занды, хотя онъ и не ѣлъ мяса больныхъ животныхъ. Но, помогая сдирать шкуры съ павшихъ оленей, онъ,

какъ обыкновенно дѣлаютъ Остяки, часто держалъ губами окровавленный ножъ, губы же у него растрескались и гноились; такимъ образомъ онъ, очевидно, сообщилъ отраву своей крови и никакой врачъ не исцѣлилъ бы его.

На нашихъ людей этотъ несчастный случай и событія послѣднихъ дней произвели сильное впечатлѣніе, обнаружившееся упадкомъ духа. Во все время нашего путешествія, кромѣ дня, въ который мы достигли Подараты, царствовало глубокое молчаніе и тишина, котораго я однимъ своимъ пѣніемъ и веселымъ лицомъ не въ состояніи былъ разсѣять; на многихъ напало страшное уныніе. Даже Мартинъ Дзервитъ, прежде всегда бывшій впереди и нерѣдко мнѣ подтягивавшій, совсѣмъ присмирѣлъ; неутомимый псалмопѣвецъ Федоръ тоже умолкъ. У нихъ не было болѣе ни чая, ни сахара, оставалось лишь немного хлѣба, и они готовы были ссориться между собою изъ-за всякихъ пустяковъ. Я велѣлъ объяснить имъ, что наше положеніе еще вовсе не такъ дурно и безнадежно, что мы съ каждымъ шагомъ подвигаемся къ лучшему... Наконецъ, я велѣлъ заявить, что мы будемъ впередъ дѣлить съ ними наши скудные запасы... Итакъ, ободрившись духомъ, продолжали мы подвигаться въ юго-западномъ направленіи. Въ тотъ же день небо ниспослало намъ явную милость: графъ Вальдбургъ нашелъ цѣлое семейство линявшихъ гусей, (Anser albifrons), изъ которыхъ 6 штукъ сдѣлались его жертвами. Такимъ образомъ людямъ удалось наконецъ поѣсть чего-нибудь другого, кромѣ оленины, которою они исключительно питались за послѣдніе дни, такъ какъ, чтобы нести менѣе поклажи, взяли съ собой очень небольшой запасъ хлѣба. Когда мы, къ 3 часамъ пополудни, прибыли къ двумъ большимъ, прекраснымъ, соединеннымъ между собою озерамъ—Юнеханъ-то (То, по сам. озеро), всѣ были въ довольно веселомъ расположеніи духа.

Мѣсто для стоянки было выбрано наиболѣе удобное для оленей, такъ какъ они въ это время года предпочитаютъ всему листья, которые въ изобиліи встрѣчаются въ низменностяхъ около озеръ и прудовъ; кромѣ того они любятъ высокую болотную траву, почему и выбирается мѣсто около озеръ. Собственно мохъ въ этой части страны сталъ встрѣчаться очень рѣдко, потому что здѣсь проходятъ большія стада, а олени копытами портятъ и уничтожаютъ его въ гораздо бо̀льшемъ количествѣ, чѣмъ съѣдаютъ. Оленій мохъ (Cladonia) растетъ очень медленно. Поэтому то Шренкъ доказываетъ, что падежъ оленей необходимъ для оленеводства, такъ какъ съ размноженіемъ стадъ не хватило бы для

нихъ пищи. Съ этой точки зрѣнія Шренкъ признаетъ сѣверныхъ комаровъ необходимымъ зломъ, такъ какъ они заставляютъ стада мѣнять пастбища. Какъ ни основательно кажется это объясненіе, однако оно неудовлетворительно, и не даетъ отвѣта на то, зачѣмъ же водится такая гибель комаровъ въ тѣхъ мѣстностяхъ Сибири, гдѣ не держатъ оленей.

Особенность тундры восточнаго склона Урала состоитъ въ томъ, что въ ней выпадаетъ зимой сравнительно малое количество снѣга, да и этотъ снѣгъ бо́льшею частью сносится вѣтромъ, доставляя такимъ образомъ еще болѣе удобныя пастбища для оленей. Фактъ этотъ, подтверждаемый туземцами, приводитъ Ковальскій (стр. XVIII), по наблюденіямъ котораго климатъ на восточной сторонѣ Урала умѣреннѣе, чѣмъ на западной.

Лагерные сборы.

Когда караванъ приходитъ на мѣсто стоянки, первымъ дѣломъ распрягаютъ оленей, т. е. снимаютъ съ нихъ наплечники и возжи, сначала съ вожака. Съ прочихъ же снимаютъ веревку, и они лишь только хорошенько отряхнутся, немедленно слѣдуютъ за стадомъ вмѣстѣ съ санями.—Постройка чума, лежащая на женщинахъ, производится скорѣе, чѣмъ постановка юрты и требуетъ отъ 12 до 15 минутъ. Прежде всего ставятся 4 шеста, длиною въ 16 футовъ, скрѣпленные вверху веревками и образующіе четырехъугольникъ, и къ нему прибавляются кругомъ еще другіе шесты. Этотъ легкій остовъ покрывается сшитыми вмѣстѣ цыновками изъ березовой коры, какъ и юрты; верхнія цыновки при-

крѣпляются къ шестамъ посредствомъ колечекъ. Такіе чумы служатъ лѣтъ по пяти, что доказываетъ хорошее качество матеріала.

Въ самомъ дѣлѣ березовая кора очень прочна, въ чемъ можно убѣдиться изъ остатковъ, которые мы находили въ могилахъ, и изъ рукописей въ развалинахъ Аблайкита, о которыхъ упоминаетъ Палласъ. Внутреннюю обстановку такой переносной *) палатки я уже описывалъ; иногда она бываетъ много бѣднѣе. Разостланныя на полу вдоль стѣнъ оленьи шкуры служатъ постелями, которыя нельзя назвать очень удобными и покойными, такъ какъ камни нерѣдко даютъ себя чувствовать. Противъ двери хозяйка дома хранитъ свое отборное имущество, въ тщательно сшитомъ мѣшкѣ или въ деревянномъ, обитомъ жестью, сундукѣ; здѣсь же обыкновенно помѣщается домашній идолъ, заботливо укрытый. Занда хранилъ такимъ образомъ обернутую въ красный шерстяной лоскутъ старую кавалерійскую шпагу, а супруга его—куклу, которую я уже описывалъ. За неимѣніемъ топлива въ тундрѣ, огонь играетъ здѣсь очень незначительную роль. Большей частью его достаетъ только на приготовленіе кушанья. Всякій кусокъ дерева, безъ котораго можно обойтись, идетъ на это употребленіе. Ѣда вообще была очень скудная, такъ какъ наши запасы истощались. Чай, рисъ, бульонъ,—вотъ все что у насъ оставалось; къ этому нужно было прибавлять охотничью добычу – сивокъ и бѣлыхъ куропатокъ. Тундра очень бѣдна животными и не можетъ прокормить много народу; самое бо̀льшее добывалось въ день не болѣе 10 куропатокъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что мы собственно не охотились, а били только дичь попадавшуюся намъ на дорогѣ. Само собою разумѣется, что каждый самъ служилъ себѣ поваромъ, то есть поджаривалъ на лучинкахъ только что выпотрошенную и ощипанную дичь. Если удавалось развести порядочный огонь, то при поворачиваніи птицы надъ горячими угольями, минутъ черезъ 15—20 она зарумянивалась снаружи, оставаясь внутри сочной и кровавой, на дѣлѣ отличной на вкусъ, не хуже чѣмъ въ лучшемъ ресторанѣ.

Семейство Занды, такъ-же какъ и наши люди, питались большей частью сырой олениной, хотя послѣ многократныхъ смертныхъ случаевъ они приступали къ своему любимому кушанью не съ особенной охотой. Какъ во время войны не думаютъ объ

*) Постройка и обстановка чума описаны съ мельчайшими подробностями у Шренка (I. ст. 325–329) и у Кастрена (ст. 272).

экономіи, такъ не думали о томъ и во время падежа: выбирали лучшихъ животныхъ, убивали по меньшей мѣрѣ одного, а иногда такъ и двухъ оленей въ день, и выбирали лишь лучшіе куски, на что, при настоящихъ обстоятельствахъ, не было даже возможности пенять на людей.

Видъ, представившійся нашимъ взорамъ 6-го и 7-го августа, былъ самый безотрадный, самый скучный; куда ни обращали мы глаза, всюду встрѣчали однообразную тундру, покрытую березой-стланкой, съ торчащими кое-гдѣ камнями и скалами, издали похожими на стада оленей. Только пруды и озера, окруженные зелеными болотистыми лужайками, да горная цѣпь, виднѣвшаяся вдали, которую туземцы называли „Янгана-Пай“, вносили нѣкоторое разнообразіе. Уже при описаніи Подараты я упоминалъ, что при извѣстномъ освѣщеніи можно было разсмотрѣть предлежащую паралельно Уралу цѣпь и полагалъ, что эта цѣпь была тождественна съ виднымъ отсюда Янгана-паемъ. Гофманъ упоминаетъ о такой же паралельной цѣпи на восточномъ склонѣ Урала, далѣе къ югу, называемой Остяками Нёль-жутъ-кё-у, которая, можетъ быть, также сюда относится. Что̀ съ западной стороны также есть паралельная цѣпь, отдѣленная отъ главнаго хребта четырехъ или шестиверстной тундрой, покрытой березой-стланкой, извѣстно намъ отъ Шренка (ст. 389) и Гофмана. Послѣдній называетъ ее „Енга-паё“, что по самоѣдски значитъ „отдѣльная скала“, и, кажется, я не ошибусь, если сочту это названіе однозначущимъ съ „Янгана-Пай.“ Изъ за этой юго-восточной выдающейся цѣпи, состоящей изъ гранитныхъ массъ, лишь раза два видѣли мы вершины Урала (здѣсь подъ 67° 45′,—слѣдовательно Хайюды-Пай, имѣющій 3822′ высоты), которыя придавали горной цѣпи контуры Исполинскихъ горъ съ ихъ снѣговыми вершинами и снѣжными пропастями. — Вмѣстѣ съ Янгана-Паемъ перешли мы черезъ водораздѣлъ (100 метровъ надъ уровнемъ моря), отдѣляющій, по мнѣнію графа Вальдбурга, Подарату отъ Щучьей, и очутились на большой дорогѣ, по которой обыкновенно гоняютъ стада оленей на Щучью; по ней же, по всему вѣроятію, ѣздятъ черезъ Щучью въ Обдорскъ Зыряне, хотя наши люди только предполагали это, не будучи въ томъ увѣрены. Это не была дорога, какъ мы ее понимаемъ, но лишь путь, обозначенный слѣдами саней и множества оленей, который при извѣстномъ освѣщеніи можно прослѣдить глазомъ на далекое разстояніе. Для насъ, пѣшеходовъ, эта дорога представляла большое облегченіе, и мы радостно ее привѣтствовали. Встрѣчались, конечно, и тутъ

трудные переходы, именно черезъ болота въ низменностяхъ, которыя издали обманывали насъ своей роскошной зеленью.

Бѣдность въ животныхъ была все таже, и даже на такой обширной водной поверхности, какъ озеро Юнехамъ-То, глазъ тщетно искалъ дикихъ гусей, лебедей и т. п. Туземцы мечтали о нихъ и надѣялись имѣть легкую добычу, такъ какъ было время линянья. Въ это время, какъ описываетъ Шренкъ, старыя птицы теряютъ маховыя перья, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, на Колвѣ напримѣръ, ихъ убиваютъ сотнями и тысячами. Но тундровыя озера бѣдны водяными животными, а вслѣдствіе этого и птицами. Бокоплавы или мормыши (Gammarus) служатъ, кажется, главной пищей нырковъ (турпановъ, хохлатыхъ черпетей, крохалей), такъ какъ изъ раковинъ мы лишь одинъ разъ нашли маленькія Planorbis borealis, Lovén.—Рыбы въ этомъ озерѣ также было очень мало. Зуевъ находилъ въ озерахъ колюшку и озерного гольяна—Cyprinus rivularis. Я же самъ только одинъ разъ нашелъ на берегу головку щуки, но, по словамъ нашихъ людей, въ отдѣльныхъ озерахъ встрѣчаются моксуны и пушьяны и въ этихъ озерахъ занимаются рыбной ловлей.

Вечеромъ 7-го августа расположились мы на берегу прелестнаго безъимяннаго озера, съ зеленымъ островкомъ, на противуположной сторонѣ котораго показались первыя лиственницы. Онѣ были невелики, но не уродливы—и мы радостно привѣтствовали эти первыя деревья. Чащи ивъ и тополей сдѣлались роскошнѣе и все болѣе и болѣе принимали видъ кустарниковъ; цвѣты же, напротивъ того, отцвѣли и зелень березъ начала уже желтѣть, подобно морошкѣ, которая еще была кисла и не совсѣмъ созрѣла, между тѣмъ какъ голубику и клюкву уже можно было ѣсть.

Такъ какъ многіе изъ упряжныхъ оленей натерли себѣ плечи и вообще все стадо нуждалось въ отдыхѣ, то Занда рѣшилъ простоять слѣдующій день на мѣстѣ, и мы волей-неволей должны были сдѣлать тоже. И такъ 8-го августа мы отдыхали, и я, чтобъ отпраздновать семейный праздникъ (день моего рожденія) закурилъ послѣднюю сигару. Охотиться или собирать коллекціи не было никакой возможности, потому что милліарды комаровъ не дозволяли покинуть дымнаго чума. Такой день, впрочемъ, далъ мнѣ удобный случай наблюдать обычаи Остяковъ, да и вообще пора было мнѣ заняться любезнымъ семействомъ нашего хозяина, Занды. Я уже упоминалъ, что госпожа Занда, которая такъ-же какъ и ея старикъ, не знала своихъ лѣтъ, вовсе не была распо-

ложена оказывать намъ почтеніе и покорность, а напротивъ обращалась съ нами съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ. Она не могла уважать голяковъ, не имѣющихъ оленей, и съ своей точки зрѣнія была права. Какъ сестра Ивана Тайшина и княжескаго рода, она была нѣкогда богата, пока не пало все стадо ея мужа. При свойственномъ всѣмъ Остякамъ незнаніи чиселъ и времени, она не знала, въ которомъ году это случилось, но помнила, что ея сынъ былъ тогда такой-же маленькій какъ сынъ вдовы; слѣдовательно это случилось 10—12 лѣтъ тому назадъ. Этотъ многообѣщающій сынъ, славный черноглазый парень, 14 или 15 лѣтъ, принимавшій съ одинаковымъ удовольствіемъ кусокъ сахару и клочекъ газетной бумаги для папиросы, значительно поднялся въ нашемъ мнѣніи, когда мы узнали, что онъ ужъ человѣкъ женатый. Маленькая двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, которую я считалъ его сестрой, оказалось его женой, купленной имъ въ прошломъ году за двадцать оленей. Почему же эта чета не могла обзавестись собственнымъ хозяйствомъ? Они знали все, что долженъ знать Остякъ. Молодой Занда умѣлъ такъ-же хорошо обращаться съ оленями, какъ и его отецъ; умѣлъ также искусно разставлять западни и, сидя у огня, полунагой, въ шубѣ держалъ себя не хуже любого мудреца своего племени. А маленькая жена? Не выдѣлывала ли она оленьи шкуры такъ-же хорошо, какъ ея свекровь? Не помогала ли она ей ставить чумъ, не также-ли запрягала-она оленей и не укладывала ли все въ сани? Для того, чтобы обзавестись своимъ собственнымъ хозяйствомъ, этой четѣ недоставало только оленей, чума и дѣтей. Пока они были еще слугами своихъ родителей; госпожа Занда была очень довольна своей невѣсткой, которая была очень работяща и послушна. Молодой же Занда мало или, лучше сказать, вовсе не заботился о своей женѣ. Никогда не дѣлился онъ съ ней полученнымъ кускомъ сахара или сухаря, никогда не помогалъ ей запрягать оленей или надѣвать на нихъ сбрую. Только одинъ разъ бросилъ онъ ей сердце, конечно не свое, но убитаго оленя. Оно упало на грязный полъ и она, вырвавъ его у сбѣжавшихся собакъ, раздѣлила со свекровью и съѣла его сырое, кровавое. Молодые люди, однако, любили другъ друга, но мы, какъ это всегда бываетъ, не могли читать въ чужомъ сердцѣ, и матушка Занда, какъ хорошая хозяйка чума, строго державшая въ рукахъ своихъ бразды правленія, не допускала никакихъ сентиментальностей.

Никогда не приходилось мнѣ видѣть ни у Самоѣдовъ *), ни у Остяковъ женщину въ праздности; точно также и въ чумѣ Занды царствовала постоянная дѣятельность. Такъ должно быть протекала жизнь нашихъ прародительницъ задолго до того, какъ трудолюбивыя жены рыцарей и благородныя дѣвицы принялись за веретено и грубый домашній холстъ. У нашихъ предковъ прекрасному полу было, очевидно, немало дѣла, и онъ былъ болѣе обремененъ трудомъ въ „борьбѣ за существованіе“, чѣмъ теперь.

Что стряпня не особенно обременяетъ остяцкихъ женщинъ, видно ужъ изъ ихъ образа жизни. Вообще приходится только поставить на огонь котелокъ, о чемъ, впрочемъ, каждый заботится отдѣльно. Но если у остяцкой женщины почти нѣтъ стряпни, за то у нея руки полны дѣла—и госпожа Занда рѣдко имѣла свободныхъ полчаса, чтобъ посвятить ихъ своей любимой лисицѣ. Женщины не только помогаютъ въ заготовленіи зимнихъ запасовъ, сушеніи рыбы и т. п., но на нихъ однѣхъ лежитъ обязанность одѣвать всю семью и приготовлять посуду. Онѣ заготовляютъ нитки, выдѣлываютъ шкуры, шьютъ платья и обувь для себя и прочихъ членовъ семьи; плетутъ прекрасныя травяныя цыновки, сшиваютъ цыновки изъ бересты для дома, чума и т. д.

Орудіями для дубленія служатъ у нихъ прямая и согнутая желѣзка (ост. Воль, сам. Морро; см. Миддендорфъ, стр. 1419); главнымъ же инструментомъ для этой цѣли служитъ ножъ (по остяцки Кьеши), лезвіе котораго имѣетъ $1^1/_2$ дюйма ширины и 6 дюймовъ длины. Ножемъ дѣйствуютъ онѣ такъ-же искусно, какъ наши женщины ножницами, которыя имъ неизвѣстны; онѣ рѣжутъ имъ на полоски бѣлый и темный оленій мѣхъ и дѣлаютъ изъ него красивыя, почти изящныя опушки, которыми обшиваютъ шубы, подушки, рабочіе мѣшки и т. д. Кроятъ онѣ обыкновенно на „рабочемъ ящикѣ“ (по остяцки Ешенабшико), крѣпкомъ, сдѣланномъ изъ одного куска, ящикѣ, съуженный и изогнутый конецъ котораго часто бываетъ испещренъ красивой рѣзьбой.

Матеріаломъ для шитья служатъ, какъ извѣстно, высушенныя и очищенныя отъ жира оленьи жилы (ост. Лонъ), которыя представляютъ собою тончайшій матеріалъ, лучше котораго невозможно и желать. Жилы съ хребта (Шешъ-лонъ) доставляютъ болѣе грубыя нитки, Ахиллесова тетива (Хуръ-лонъ) — болѣе тонкія.

*) Миддендорфъ также восхваляетъ трудолюбіе и дѣятельность самоѣдскихъ женщинъ.

Послѣднія (Верпмъ-лонъ) выдѣлываются такъ тонко, что служатъ для вышиваній на кожѣ. При громадномъ количествѣ убиваемыхъ оленей, женщины семейства Занда были постоянно заняты собираніемъ полезнаго матеріала и его обработкой. Для этого не нужно было ни прялки, ни веретена; ручные пріемы ихъ весьма просты. Жилы дѣлятся на чрезвычайно тонкія нити; дѣлаютъ это зубами; разрѣзавъ, тянутъ ихъ чрезъ зубы и сучатъ ладонями рукъ или на щекѣ въ тонкія нити, которыя крѣпостью не уступаютъ пеньковой пряжѣ. Для наматыванія ихъ, употребляютъ простое деревянное мотовильце. Еще болѣе, чѣмъ нитками, занимались теперь приготовленіемъ оленьихъ ножекъ, главнымъ образомъ потому, что здѣсь полезное соединялось съ пріятнымъ. Отдѣляли ноги въ колѣнкѣ, подрѣзали кожу у копыта, захватывали ее зубами, сдирали съ кости и послѣдняя оголялась. Однимъ ударомъ ножа ее раскалывали и съ жадностью проглатывали сочный мозгъ. Даже грудной малютка вдовы, двухлѣтній мальчуганъ очень хорошо зналъ эти мозговыя кости, протягивалъ къ нимъ руки, и, если ему ихъ не давали, то начиналъ кричать. Сырое мясо, вмѣстѣ съ материнской грудью, составляло главную пищу этого грудного младенца, и его личико было бо̀льшей частью испачкано кровью, какъ и у его маменьки, которая очень мало заботилась о чистотѣ, но за то обращала большое вниманіе на нарядъ своего дѣтища. Рубашекъ или какого другого бѣлья остяцкія дѣти не носятъ и довольствуются, такъ-же какъ родители ихъ, одной шубой. Наша вдова разукрасила шубу своего малютки бусами и побрякушками и не менѣе нашихъ матерей гордилась своимъ ребенкомъ и его нарядомъ. Наши матери упали бы въ обморокъ, еслибъ увидѣли какъ маленькія остяцкія дѣти дѣйствуютъ ножомъ, и этого имъ никто не запрещаетъ. Я видѣлъ однажды четырехъ-лѣтняго ребенка, который возился съ оленьими рогами; хотя на это требовалось довольно много силы, онъ упорно продолжалъ свою работу и съ удовольствіемъ пожиралъ отрѣзываемые куски. Подобный же эпизодъ разсказываетъ Шренкъ (I. ст. 538). Вслѣдствіе такихъ упражненій, дѣти научаются дѣйствовать ножомъ,—этимъ главнымъ орудіемъ въ ихъ жизни, въ то время когда наши дѣти едва еще научаются ѣсть ложкой,—и мнѣ никогда не случалось видѣть, чтобы остяцкій ребенокъ обрѣзался.

За ужиномъ обыкновенно вмѣстѣ съ оленьимъ мясомъ являлся большой чайный чугунъ и выпивалось громадное количество кирпичнаго чая. Послѣ этого отправлялись спать, если только я не задерживалъ разными разспросами, что случалось нерѣдко. Одинъ изъ

людей отправлялся впрочемъ караулить стадо, что всегда производилось на тройкѣ оленей.—Хотя мы ни разу не встрѣчали въ тундрѣ волковъ (сам. Вунга или Вюнга-зарникъ (Шренкъ); остяцки—чартаха), но тѣмъ не менѣе они тамъ водились и причиняли немало вреда оленьимъ стадамъ. У старика Джунии они въ одну ночь зарѣзали и разогнали 30 штукъ оленей. Такихъ разогнанныхъ и прибѣжавшихъ изъ другого стада оленей считаютъ даромъ неба, немедленно убиваютъ и съѣдаютъ. Какъ у Лапландцевъ, такъ и у Остяковъ, олень единственное искушеніе, при которомъ честность ихъ терпитъ крушеніе. Но Зыряне сохраняютъ такихъ забѣглыхъ оленей, кладутъ на нихъ свои мѣтки и такимъ образомъ завладѣваютъ цѣлыми стадами Самоѣдовъ, примѣръ чему приводитъ намъ Шренкъ (напр. на стр. 514). По увѣреніямъ нашихъ людей, Зыряне и Самоѣды нерѣдко воспитываютъ и такъ приручаютъ волковъ, что они вмѣстѣ съ собаками караулятъ стада. Это сказка, которой они сами не вѣрятъ, такъ какъ, по тщательнымъ изслѣдованіямъ, оказалось, что никто изъ нихъ не видалъ такого ручного волка. Какъ люди имѣютъ противъ волковъ своихъ боговъ-хранителей, такъ и между волками есть „шайтаны“, которые служатъ предсказателями. Зимой, во время сильныхъ морозовъ и голода, они собираются къ камню (т. е. къ Уралу) и нагребаютъ снѣжный сугробъ. На него вспрыгиваетъ самый мудрый изъ волковъ и вся стая бѣжитъ съ нимъ въ ту сторону, куда болѣе осыплется снѣгъ; это значитъ, что тамъ они найдутъ добычу. По разсказамъ туземцевъ, волчиха никогда не безпокоитъ стада по близости отъ гнѣзда и всегда по возможности скрывается.

Утренній туалетъ состоитъ въ причесываніи длинныхъ волосъ, которые мущины также заплетаютъ въ двѣ косы; рѣдко впрочемъ употребляютъ при этомъ гребень. А между тѣмъ это было бы необходимо, какъ для семейства Занды, такъ и для нашихъ людей. Не разъ видалъ я, какъ отецъ Занда искалъ въ головѣ молодого Занды, а невѣстка въ головѣ матери, и т. д. Тутъ царствовала похвальная готовность служить другъ другу; только маленькая Занда должна была сама чистить свою голову, потому что супругъ ея былъ нелюбезенъ и въ этомъ отношеніи. Но маленькая женщина умывалась по крайней мѣрѣ аккуратно каждый день и какъ слѣдуетъ—водой, а не на манеръ богатой жены Дзеингіи, которая набирала въ ротъ воды и выливала ее на руки. Что полотенца у этихъ людей излишни, разумѣется само собою, по крайней мѣрѣ полотенца, какъ мы ихъ понимаемъ. Но у нихъ

есть свои утиральники, и очень практичные, хотя не тканые. Посредствомъ особаго рода струга (по остяцки Волдабъ), состоящаго изъ куска дерева, выдолбленнаго въ длину съ поперечнымъ расщепомъ, куда вставляется лезвее ножа, какъ желѣзко въ стругѣ, они скоблятъ лиственничное и ивовое дерево. Образующіяся отъ этого стружки представляютъ тонкую, эластичную, мягкую массу, впитывающую воду, подобно губкѣ. Этотъ матеріалъ (по самоѣдски Піо-ворро, по остяцки Вотлебъ) женщины всегда имѣютъ при себѣ въ своихъ рабочихъ мѣшкахъ или въ вышеупомянутыхъ рабочихъ ящикахъ. Онѣ служатъ для вытиранія лица, рукъ, посуды и для другихъ цѣлей. Такъ мущины, набивъ носъ нюхательнымъ табакомъ, затыкаютъ ноздри какъ пробкой, наскобленнымъ деревомъ, чтобъ продлить это высочайшее наслажденіе, женщины же затыкаютъ... но я ограничусь однимъ этимъ примѣромъ, потому что невозможно назвать всѣ способы его примѣненія.

Но мы должны снова собираться въ путь! Снятіе остяцкаго лагеря (Миддендорфъ говоритъ тоже самое и объ Асса-Самоѣдахъ) представляетъ всегда одну и туже оживленную картину, которую всегда видишь съ удовольствіемъ, несмотря на то что терпѣніе путешественника каждый разъ подвергается испытанію, такъ какъ въ сборахъ проходитъ отъ $1^1/_2$ до 2 часовъ.

Прежде всего нужно согнать стадо и окружить его, что значительно облегчается необычайною кротостью и послушаніемъ сибирскихъ оленей. Безъ этого невозможно было бы тремъ пастухамъ на тройкахъ собрать стадо въ 2000 или болѣе штукъ, причемъ, конечно, необходимы собаки. Послѣднія принадлежатъ къ мелкой породѣ шпицовъ или шавокъ, большей частью бѣлыя, черныя или пѣгія, и съ необычайной выносливостью и усердіемъ соединяютъ большую смышленость, ни въ чемъ не уступая нашимъ пастушьимъ собакамъ. Для маленькаго стада Занды достаточно было надзора его и сына; при крикахъ: гау, гау, ге, ге! животныя, пасшіяся на довольно большомъ пространствѣ, медленно направлялись къ лагерю. Когда соберется все стадо, его замыкаютъ въ веревку, которую держатъ 3 или 4 человѣка на 3 фута высоты отъ земли, какъ показано на моемъ рисункѣ (стр. 414) Внутри этого круга два или три человѣка выбираютъ упряжныхъ оленей. Послѣдніе, угадывая ихъ намѣреніе, пытаются избѣгнуть своей участи, но здѣсь однако никогда не бываетъ такой безпорядочной бѣготни, какъ въ Лапландіи. Въ большинствѣ случаевъ олени позволяютъ брать себя руками и послушно слѣду-

ютъ за тѣмъ, кто ведетъ ихъ за ухо или за рога, чтобъ привязать къ веревкѣ, которая образуетъ кругъ. Лишь изрѣдка пытается олень прорваться черезъ веревку, хотя ему было бы легко перескочить черезъ нее и избавиться отъ своей обязанности. Впрочемъ, хорошо дрессированныя собаки умѣютъ скоро нагонять бѣглеца и возвращать его назадъ, если еще прежде того онъ не будетъ пойманъ арканомъ. Послѣдній сплетенъ изъ узкихъ ремешковъ, имѣетъ отъ 70 до 100 футовъ длины и всегда виситъ на рукѣ стадовладѣльца. Туземцы отлично умѣютъ дѣйствовать имъ. Черезъ изящно отдѣланную косточку ноги пропродѣвается петля; эта петля набрасывается на рога оленя и весьма рѣдко не достигаетъ цѣли. Рисунокъ на стр. 405 изображаетъ туземца, приготовившагося закинуть лассо на молодого оленя. Покуда мущины надѣваютъ на животныхъ хомуты и запрягаютъ ихъ, женщины снимаютъ чумы и укладываютъ ихъ въ сани съ прочимъ имуществомъ. Затѣмъ, какъ только госпожа Занда, которая такъ-же, какъ и ея невѣстка, управляетъ оленями не хуже самого Занды, займетъ свое мѣсто, караванъ трогается въ путь. Хотя поѣздъ нашъ состоялъ только изъ 18 саней, въ которыя были запряжены 45 оленей, слѣдовательно былъ сравнительно невеликъ, все же онъ представлялъ красивую картину. Олени большей частью идутъ шагомъ, довольно медленнымъ, но въ болотистыхъ низменностяхъ, гдѣ сани скользятъ легче, весь поѣздъ часто ѣдетъ на рысяхъ и нагоняетъ насъ, пѣшеходовъ, хотя бы мы вышли задолго до него. При ежедневно возобновлявшихся потеряхъ въ упряжныхъ животныхъ и при ихъ утомленіи, мы не могли и думать о сидѣньи въ саняхъ. Впереди насъ, позади и съ боковъ бѣжавшія животныя оказывали намъ услуги, спугивая дичь, именно куропатокъ (Lagopus albus). Выводки послѣднихъ (сам. Хонджe, ост. Суха-Сова или Шохà) уже достигали величины сѣрой куропатки и поднимались стаями, которыя безъ оленей остались бы нами незамѣченными. Вообще не особенно пугливыя, куропатки поднимаются разомъ и вскорѣ потомъ опускаются. Но какъ бы хорошо ни было замѣчено мѣсто, рѣдко удается снова поднять ихъ одиночнымъ выстрѣломъ, потому что, скрываясь въ кустахъ березы-стланки или ивы, куропатки продѣлываютъ поистинѣ необычайныя штуки. Иногда цѣлая стая ихъ точно проваливается сквозь землю.

Говоря о запряжкѣ, я совсѣмъ забылъ описать сани. Какъ въ упряжи нѣтъ ни пряжекъ, ни какихъ либо металлическихъ вещей, такъ и въ саняхъ: отдѣльныя части ихъ скрѣплены деревянными

клиньями или корневыми мочками. Вообще все свидѣтельствуетъ о прочной, въ отдѣльныхъ частяхъ весьма искусной работѣ, эластичности и примѣнимости ко всѣмъ неровностямъ тундры. Хотя иногда и слышишь скрипъ и трескъ, но рѣдко что ломается. Въ такихъ случаяхъ туземцы легко поправляютъ бѣду, такъ какъ всегда имѣютъ при себѣ топоръ, буравчикъ, немножко дерева и кожаные ремни, чего, вмѣстѣ съ ножомъ, совершенно достаточно для поправки. Менѣе чѣмъ въ полчаса, посредствомъ деревянныхъ клиньевъ, дѣлаются подъ сани новыя полозья. Иногда для болѣе скорой ѣзды употребляются болѣе легкія сани, называемыя по русски нарты (по остяцки Йеръ или Йорногель, по самоѣдски Ханъ или Ганъ), съ низенькимъ передкомъ и высокой спинкой (какъ изображено на рисункѣ на стр. 405). Такія нарты служатъ для болѣе скорой ѣзды и на нихъ садится только одинъ человѣкъ, между тѣмъ какъ бо̀льшія по величинѣ и болѣе тяжелыя служатъ для перевозки имущества. Сани для поклажи, по самоѣдски Гнату, не имѣютъ спинки и дѣлаются гораздо ниже и длиннѣе. Длина ихъ около 10 футовъ, высота отъ $1^1/_2$ до 2-хъ футовъ, полозья впереди въ 3 фута ширины, позади $3^1/_4$ фута. Кромѣ вышеупомянутыхъ саней, туземцы бо̀льшею частью имѣютъ при себѣ еще другія, по формѣ похожія на гробъ (рисунокъ на стр. 420); въ нихъ они возятъ свои лучшіе мѣха, хлѣбные запасы и вообще такія вещи, которыя портятся отъ мокроты. Самоѣдскихъ „Сабу,“ что значитъ „нечистый,“ — сани, о которыхъ упоминаетъ Шренкъ (стр. 473) и подробно описываетъ, я не видалъ, хотя въ нашемъ поѣздѣ и были сани съ соотвѣтствующимъ назначеніемъ. Они не содержали однако имущества женщинъ, которое, по его словамъ, считалось нечистымъ, а въ нихъ находилось въ ящикѣ гнѣздо молодыхъ лисицъ, которыя, вмѣстѣ съ испортившимися остатками мяса, распространяли чувствительный для обонянія запахъ, и со своимъ жалобнымъ тявканьемъ служили не особенно пріятной придачей къ семейству Занда. Туземцы охотно выкапываютъ изъ норъ обыкновенныхъ песцовъ (Canis lagopus, по самоѣдски „Сирного,“ по остяцки На-улебгъ), воспитываютъ ихъ и потомъ снимаютъ шкурку. Но передъ этимъ, для лучшаго развитія волоса, ихъ освобождаютъ изъ тюрьмы, т. е. въ началѣ зимы привязываютъ ихъ на чистомъ воздухѣ. Пока дѣтеныши еще малы, женщины нѣжно ухаживаютъ за ними и до нѣкоторой степени приручаютъ ихъ. Кромѣ молодыхъ песцовъ, у жены Занда было еще семейство животныхъ, въ особенности лелѣемое и составлявшее самое лучшее, дорогое достояніе семьи.

Одно изъ нихъ отличалось особенной окраской: у него не только брюшко, но и спина были черныя, хотя прочіе его 5 братьевъ и сестеръ были всѣ цвѣта обыкновенныхъ лисицъ. Цѣна настоящей черной лисицы*) доходитъ иногда до 200 руб.; дороги также и тѣ лисицы, которыя имѣютъ темный мѣхъ, приближающійся къ черному. Даже эта маленькая лисичка стоила не менѣе 20 руб. и старикъ Занда разсчитывалъ промѣнять ее не менѣе какъ на 10 оленей.

Можно себѣ представить общій переполохъ, когда въ одно прекрасное утро оказалось, что лисичка, драгоцѣнное достояніе семьи, убѣжала. Она освободилась отъ привязывавшей ее веревки и, несмотря на всю свою прирученность, исчезла.

Несчастіе это произвело какъ на туземцовъ, такъ и на нашихъ людей гораздо болѣе сильное впечатлѣніе чѣмъ смерть Хата, и госпожа Занда потребовала отъ меня, какъ отъ „хозяина“, вознагражденія за убытки, потому что по милости нашего общества ея лисицы были потревожены и вслѣдствіе этого одна сбѣжала. Старикъ Занда лучше останется на мѣстѣ и станетъ искать бѣглянку. На это я объявилъ ему, что мы отправимся далѣе одни и онъ потеряетъ такимъ образомъ свои деньги. Итакъ молодая чета осталась одна отыскивать лисичку, что имъ, повидимому, было весьма пріятно: въ первый разъ оставались они одни, на свободѣ. Молодой Занда, очевидно, прикидывался болѣе холоднымъ, чѣмъ это было въ дѣйствительности. Вечеромъ, когда они возвратились съ поисковъ, его маленькая женка болѣе обыкновеннаго закрывала свое лицо и все шепталась съ свекровью и посмѣивалась, быть можетъ только надъ лисицею, которая, конечно, не нашлась. Такъ какъ бѣда рѣдко приходитъ одна, то тоже случилось и теперь: наша единственная, такъ называемая „серебряная,“ чайная ложечка пропала (она стоила 30 коп.). Я сказалъ „ничего,“ но люди разложили всѣ свои вещи, что, конечно, было хорошо тѣмъ, что доказало невинность нашихъ Зырянъ, на которыхъ падало подозрѣніе, что они, потихоньку убивъ лисицу, воспользовались ея мѣхомъ. Госпожа Занда хотѣла было разобрать свои сани, чтобъ показать, что у нея также нѣтъ этой драгоцѣнной вещи, но я самъ прекратилъ ея занятіе и потребо-

---

*) Черная лисица—случайный, а не мѣстный варіэтетъ обыкновенныхъ лисицъ и встрѣчается во всѣхъ полярныхъ странахъ. Ея мѣхъ очень дорогъ. Достойны вниманія замѣтки о лисицахъ Гофманна (стр. 38, 148, 155) и Брандта стр. 14); также о волкахъ и песцахъ (стр. 13, 15.)

валъ, чтобъ отправлялись въ путь. Впрочемъ, къ общему успокоенію, ложка вскорѣ нашлась.

Мы шли весь день (9 августа) и снова вступили въ поясъ*) деревьевъ, который начинается подъ $67^1/_2{}^0$. Эти первыя встрѣченныя нами деревья были не уродливыя лиственницы, какія большей частью встрѣчаются на границѣ древесной растительности въ высокихъ горахъ, но красивыя деревья въ 20 футовъ вышиною, которыя образовали, если не лѣса, то рощи по берегамъ озеръ или аллеи на гребнѣ холмовъ. Теперь не было болѣе недостатка въ горючемъ матеріалѣ, но этого нельзя было сказать относительно съѣстныхъ припасовъ. Поэтому мы съ радостью встрѣтили заявленіе старика, что къ вечеру онъ добудетъ хлѣбъ, спрятанный имъ въ тайникѣ на Щучьей, что мы уже находимся невдалекѣ отъ этого мѣста, что онъ узнаётъ по покрытымъ деревьями холмамъ. Что касается Джунши, то онъ проситъ отпустить его, такъ какъ мы находились по близости его чума. Послѣ долгихъ переговоровъ и послѣ того какъ онъ вмѣстѣ съ Зандой нарисовалъ намъ планъ, я не имѣлъ никакого основанія удерживать добраго старика, хотя мнѣ и было тяжело разстаться съ нимъ. Онъ всегда такъ охотно ставилъ котелокъ на огонь, общипывалъ птицъ, собиралъ топливо, разводилъ для меня особый костеръ. Въ самомъ дѣлѣ, не было ни малѣйшаго повода пожаловаться на этого проводника, и я могу при этомъ прибавить, что туземцамъ, если съумѣешь заслужить ихъ довѣріе, можно довѣрять въ свою очередь, и что ихъ показанія, казавшіяся иногда сомнительными, въ концѣ концовъ оказывались вѣрными. Итакъ я отпустилъ своего названнаго брата, щедро одаривъ его, и въ моей памяти осталось для него хорошенькое мѣстечко, такъ же, какъ и для стараго Петера Гамсена, бывшаго моимъ проводникомъ въ тундрахъ Лапландіи. Въ длинныя зимнія ночи своего сѣвернаго отечества, Джунши вѣроятно также будетъ разсказывать о чужестранцахъ и ласковомъ „хозяинѣ,“ и если не скажетъ ему „спасибо“, то лишь потому, что на его языкѣ нѣтъ этого слова.

10-го числа поднялись мы рано утромъ, несмотря на то, что старикъ всегда бывалъ недоволенъ, когда я будилъ его въ 4 часа,

---

*) По Ковальскому, на восточномъ склонѣ поясъ деревьевъ начинается гораздо сѣвернѣе, чѣмъ на западномъ (Гоф. Путешествіе ст. XXXI и 194). Важныя свѣдѣнія даетъ Шренкъ I. ст. 258, 272. II. ст. 465 и 438—482 („О пограничной линіи древесной растительности въ сѣверо-восточной части Архангельской губерніи“).

въ этотъ день онъ всталъ аккуратно, потому что ночью караулилъ вмѣсто него Гайвай. Прекрасное голубое, въ полмили длиною озеро, Янбото (что значитъ плоскій), у котораго мы ночевали, волновалось отъ вѣтра и по немъ бѣгали зайчики; мѣстность сдѣлалась красивѣе и веселѣе. Въ теченіи дня мы прошли мимо различныхъ безъимянныхъ озеръ, которыя тянулись въ юго-восточномъ направленіи, отъ Подараты къ Щучьей, и соединялись между собою протекавшими черезъ болотистые луга ручьями. Озера эти имѣли частью высокіе, отвѣсные песчаные берега, издали очень похожіе на берега Щучьей. Къ полудню мы остановились у одного изъ этихъ озеръ и раскинули чумъ; семья Остяка должна была въ немъ остаться, такъ какъ стадо значи-

Остяцкое кладбище.

тельно уменьшилось и мы уже нуждались въ упряжныхъ животныхъ. Въ 3 часа мы снова двинулись въ путь и черезъ полчаса очутились у Щучьей. Она была однако неузнаваема: вмѣсто прекрасной широкой рѣки представился намъ шумный пѣнистый горный потокъ, съ обѣихъ сторонъ окаймленный высокими берегами. Здѣсь, весело играя, летали чайки (Larus affinis); штукъ 30 ихъ были заняты ловлей маленькихъ рыбокъ (Coregonus Merkii), которыя пытались подняться вверхъ, по быстринѣ.

Берегъ, состоявшій изъ песку и гальки, образовалъ съ правой стороны широкую косу, усѣянную безчисленными крупными камнями, мѣстами даже глыбами горнокаменныхъ породъ (хлоритоваго сланца, кремнистаго сланца, гранита и порфира), на

которыхъ нерѣдко замѣчались слѣды желѣзистыхъ осадковъ. Вода въ рѣкѣ сильно понизилась, по измѣреніямъ графа Вальдбурга,—на 2 метра.

Занда везъ на саняхъ лодку; безъ нея невозможно было бы перебраться черезъ быструю рѣку. Переправа стада представляла своеобразную, оживленную картину. Олени, какъ извѣстно, превосходно плаваютъ и переплываютъ даже большія рѣки, какъ Обь, Енисей; криками и съ помощью собакъ согнали ихъ въ воду, и вскорѣ черезъ рѣку поплылъ цѣлый лѣсъ роговъ. За кладью послѣдовали мы, такъ что на переправу потребовалось немало времени, ибо въ маленькомъ челнокѣ могло помѣститься не болѣе двухъ человѣкъ. Несмотря на быстроту теченія, Занда отлично управлялъ лодкой при помощи своего толстаго посоха, вмѣсто веселъ.

Мы очутились на правомъ берегу, значительно выше того мѣста, гдѣ покинули рѣку,—на одной изъ первыхъ извилинъ ея верхняго теченія. Чтобы достигнуть мѣста, называемаго „Черный Яръ“ *) и отыскать свою лодку, мы должны были идти до того мѣста ея средняго теченія, гдѣ она поворачиваетъ на югозападъ,—и снова перебраться на правый берегъ. Одушевлявшая насъ надежда—достигнуть черезъ нѣсколько часовъ конца нашего путешествія, оказалось напрасной. Насколько позволяли силы нашихъ животныхъ, мы садились и ѣхали, хотя и немного. Это было очень пріятно, такъ какъ тундра, черезъ которую слѣдовало перебраться, была весьма утомительна. Мшистый покровъ покрывалъ большія холмообразныя кротовыя кучи; нога не находила твердой точки опоры и безпрестанно проваливалась между мшистыми кочками, такъ что идти было не легче, если не труднѣе, чѣмъ въ болотистой тундрѣ или въ тундрѣ покрытой низкими кустарниками. Бойкая шавка, охранявшая нашихъ оленей и сганивавшая ихъ въ кучу (причемъ въ усердіи своемъ часто достигала противоположныхъ результатовъ), а теперь привязанная къ санямъ, какъ видно, пришла къ такому же заключенію. Къ величайшему моему удивленію, она вдругъ вскочила на одинъ изъ полозьевъ и поѣхала на немъ. Этотъ фокусъ, которому конечно никто не училъ ее, она повторяла при каждомъ толчкѣ саней, сбрасывавшемъ ее

*) На картѣ Петерманна (1877) я назвалъ это мѣсто по самоѣдски „Нада-Тюбе“, т. е. Мертвая земля, какъ объяснилъ мнѣ г. Васильевъ; но объясненіе это оказалось невѣрнымъ, потому что въ самоѣдскомъ словарѣ Шренка „Мертвый и Страна“ обозначаются совсѣмъ другими словами; черный по самоѣдски „пари“.

на землю. Такое блестящее доказательство ума остяцкой собаки заслуживаетъ того, чтобы упомянуть объ этомъ, въ назиданіе нашимъ псамъ.

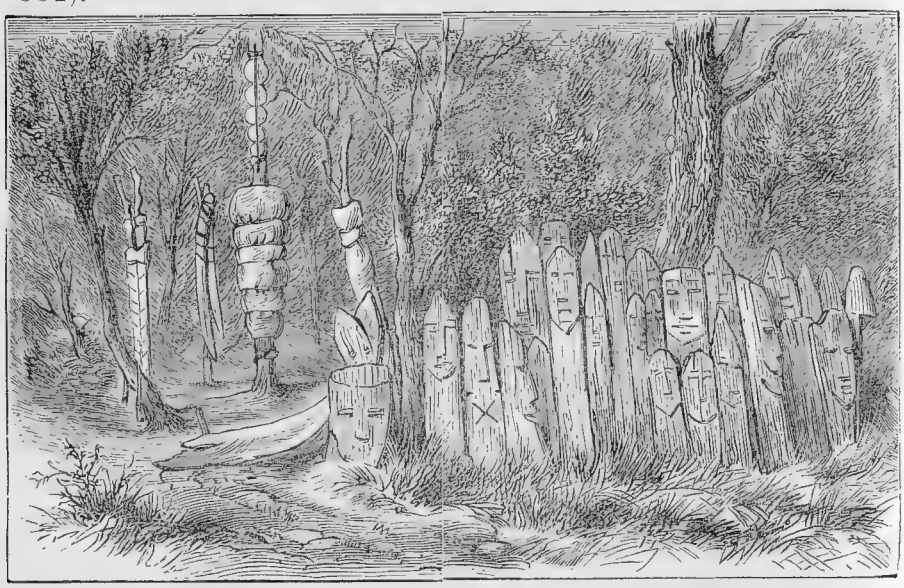
Мы продолжали подвигаться впередъ. Каждый разъ, какъ мы достигали цѣпи высотъ, то надѣялись увидѣть за ними Щучью, но вмѣсто нея глазамъ нашимъ представлялась низменность, за которой тянулась опять новая цѣпь холмовъ. Мѣстность была однако весьма живописна, и только нетерпѣливое желаніе добраться поскорѣе до рѣки и неизвѣстность въ отношеніи разстоянія, не позволяли намъ оцѣнить какъ слѣдуетъ эту живописность и насладиться ею. Справа и слѣва, во всѣхъ низменностяхъ виднѣлись озера съ глубоко вдающимися мысами, покрытыми, какъ и прочіе берега, прекрасными лиственницами и ивами. Въ общемъ, все напоминало запущенные парки, устроенные руками человѣческими.

Къ 8-ми часамъ мы достигли высоты 70 метровъ. Цѣпь холмовъ Янгана-пай исчезла вмѣстѣ съ оставленными позади видами, и мы очутились передъ большой равниной, мѣстами покрытой лѣсомъ. Между рядами лиственницъ, образовавшихъ какъ бы аллеи, обрисовывался крутой берегъ Чернаго Яра, цѣль нашихъ стремленій. Но цѣль эта находилась по крайней мѣрѣ на разстояніи 15—20 верстъ. Пришлось вооружиться терпѣніемъ, такъ какъ ради оленей нужно было остановиться. Снова наступила ночь—и мы впервые увидѣли звѣзды, почти въ тотъ же день, какъ Зуевъ (30-го іюля стар. стиля), Шренкъ (8-го августа) и Гофманъ (10-го августа), подъ тѣми же градусами широты. Остяки боялись, чтобы въ темнотѣ не разбѣжались олени, такъ какъ кругомъ были деревья и кустарники, за которыми они легко могли скрыться изъ вида.

Обѣдъ, вмѣстѣ и ужинъ, былъ очень скуденъ: мы съѣли свою послѣднюю жестянку мяса и послѣдніе куски заплѣсневѣлаго хлѣба были вынуты изъ мѣшка. Но табакъ у насъ еще былъ, и мы весело курили, между тѣмъ какъ Ѳедоръ, сапожникъ, громогласно распѣвалъ свои канты. Мы ждали только разсвѣта. Въ полночь я разбудилъ старика, и къ часу (11 августа) стояли 6 сапей, въ которыя были запряжены 20 оленей. Прочее стадо осталось здѣсь подъ присмотромъ молодаго Занды, которому я далъ полтора рубля на основаніе его будущаго хозяйства, и далъ ихъ серебромъ; такого богатства онъ никогда не видалъ еще въ своемъ кошелькѣ. У туземцевъ этой мѣстности серебро представляетъ настоящую рѣдкость, и они не умѣютъ отличать

пятиалтыннаго отъ двугривеннаго; въ ходу у нихъ большей частью мѣдная монета, иногда встрѣчаются и кредитные билеты.

Погода и дорога благопріятствовали оленямъ, и мы ѣхали бо̀льшей частью рысью. Для пѣшехода же эта дорога была бы ужасно утомительна. Когда, спустившись съ высотъ, мы миновали лѣсъ, лежавшій у насъ справа и оказавшійся вовсе не сплошнымъ, то очутились въ болотистой тундрѣ, усѣянной мѣстами густыми кустарниками ивы и березы. Хотя здѣсь была проложена дорога, тѣмъ не менѣе въ ручьяхъ легко можно было бы увязнуть и даже утонуть. Это бы и случилось, и тундра была бы непроходима, еслибы земля оттаивала лишь на незначительную глубину,—не болѣе одного фута, какъ показали наши изслѣдованія, совершенно согласующіяся съ изслѣдованіями Шренка (стр. 532).



Роща идоловъ, на нижней Оби (Вершуглъ).

Къ четыремъ часамъ, съ Мартиномъ Дзервитъ и плотникомъ, правившимъ первымъ четверикомъ, направились мы къ отвѣсному берегу. Передъ нами была такъ страстно ожидаемая Щучья! Мы могли видѣть на большомъ протяженіи ея теченіе, отъ одного изгиба до другого, но увы, нигдѣ не было замѣтно никакой лодки. Нигдѣ никакого признака присутствія нашихъ людей! Мы съ Мартиномъ тотчасъ же направились къ первой извилинѣ вверхъ по теченію—никакого слѣда. Вернулись назадъ и отправились къ изгибу внизъ по теченію. Приближаясь къ нему, я увидѣлъ черную береговую стѣну отъ 12 до 15 футовъ вышины;

это былъ торфъ, настоящій Черный Яръ. Нѣкоторыя отдѣлившіяся большія торфяныя глыбы имѣли сходство съ лодкой, и даже подзорная трубка поддерживала этотъ оптическій обманъ. И здѣсь, какъ на широкой песчаной отмели лѣваго берега, не было однако никакого слѣда присутствія людей. Я обогнулъ изгибъ и вдругъ глазамъ моимъ представился нашъ дорогой „Бисмаркъ“. Я узналъ его по мачтѣ простымъ глазомъ и потомъ убѣдился въ томъ черезъ подзорную трубу. Въ тотъ же моментъ раздался мой салютъ. Товарищи услышали его и сейчасъ же подъѣхали. На лодкѣ царствовала однако глубочайшая тишина; мы сговорились разбудить спящихъ тремя выстрѣлами, но они были также безуспѣшны. На суднѣ точно всѣ вымерли. Между тѣмъ прибыли наши люди и ихъ соединенные крики наконецъ пробудили жизнь. Отворилась дверь и изъ нея показался Михаилъ Папаевъ, совершенно голый, такъ какъ онъ спалъ нагой подъ шубой, какъ всѣ Остяки, что, по Миддендорфу (стр. 1418), дѣлается изъ чисто практическихъ цѣлей. Вскорѣ затѣмъ явился Иванъ и мы въ своихъ двухъ маленькихъ челнокахъ перебрались на лѣвый берегъ, куда за нами послѣдовалъ честный Занда, оставившій себѣ лишь одну запряжку и пустившій на свободу прочихъ оленей, которые, по всему вѣроятію, направились къ своему стаду.

Иванъ и Папаевъ не ждали насъ такъ скоро, но дѣло свое исполнили какъ слѣдуетъ. Не безъ затрудненій перебрались они черезъ перекаты рѣки и только пять дней тому назадъ прибыли сюда и начали устраиваться насколько возможно удобнѣе.

Что мы торжественно отпраздновали наше благополучное прибытіе, это само собою разумѣется. Вино, коньякъ, водка, сигары,—все пошло въ ходъ и наконецъ мы, какъ слѣдуетъ, наѣлись досыта. Разсчитавшись съ Зандой и щедро одаривъ его (графъ надѣлъ ему на шею цѣпочку поддѣльнаго золота; я съ своей стороны послалъ „княгинѣ“, его супругѣ, бутылку водки), я также отправился на покой, такъ какъ всѣ мы сильно нуждались въ снѣ и отдыхѣ. Мы проспали до 9 часовъ вечера, 12 часовъ подъ-рядъ, встали, чтобъ поѣсть и снова легли и спали до другого утра (12 августа), опять 12 часовъ. И этотъ отдыхъ былъ вполнѣ заслуженъ нами. Разстояніе, пройденное нами пѣшкомъ, опредѣлено графомъ Вальдбургомъ при помощи подометра. Мы сдѣлали всего 410 верстъ; изъ нихъ 210, въ теченіе $12^1/_2$ дней, большей частью пѣшкомъ (потому что на саняхъ пришлось проѣхать не болѣе 52 верстъ), слѣдовательно среднимъ числомъ 17 верстъ въ день, а что значитъ такое разстояніе на тундрѣ, мо-

жетъ судить лишь тотъ, кто самъ бывалъ въ этихъ странахъ. „Если человѣкъ сильнаго тѣлосложенія и крѣпкаго здоровья въ состояніи проходить по хорошей дорогѣ по 30, 40 верстъ въ день впродолженіи нѣсколькихъ дней, то онъ не пройдетъ и половины того по зыбкой почвѣ тундры“ говоритъ Ковальскій (Гофманъ, ст. XXXII)—и говоритъ истинную правду.

Черный Яръ отличается не только вышеупомянутымъ торфянымъ черпымъ крутымъ берегомъ, но и тѣмъ, что онъ часто посѣщается туземцами. Это доказывалось не только рыболовными снарядами и шестами чумовъ, но и двумя стоявшими среди тундры домиками для идоловъ, съ жертвенниками, и большимъ языческимъ кладбищемъ на лѣвомъ берегу. Послѣднее покрыто непроходимой чащей ивовыхъ и ольховыхъ кустарниковъ, не достигающихъ однако человѣческаго роста, и ихъ уродливыя, ползучія по землѣ вѣтви толще руки. Между этой чащей находятся ряды песчаныхъ холмиковъ, на которыхъ стоятъ прекрасныя лиственницы, и между ними много молодой поросли. Здѣсь также много рябины.

Утромъ 12-го августа, когда мы проснулись, около нашей лодки стояла другая лодка, принадлежавшая экспедиціи Орлова, и приведенная сюда Остякомъ и двумя казаками, которымъ было приказано ждать здѣсь до 27-го августа,—число, къ которому путешественники разсчитывали вернуться. Эти люди плыли внизъ по теченію впродолженіе 7 дней и еще съ бо́льшимъ трудомъ, чѣмъ Иванъ, провели сюда свое судно.

По счастью, прибывшій Остякъ былъ владѣлецъ этого рыболовнаго, мѣста, ежегодно являвшійся сюда съ своими людьми осенью, въ началѣ октября. Я просилъ его закинуть сѣти, и мы получили громадный уловъ маленькихъ рыбокъ, за которыми охотились чайки.

Сидоровъ, въ сочиненіи своемъ, говоритъ объ этихъ рыбкахъ слѣдующее: „мелкая порода сельдей, похожая на сѣверныхъ, появляется въ Обской и Чешской губѣ въ первыхъ числахъ іюля и поднимается вверхъ по Оби до Щучьей въ громадномъ количествѣ; она очень жирна, но ея не ловятъ, и употребляется она лишь для корма собакамъ. Цѣлое лѣто стаями поднимается она по Щучьей до самаго ея истока въ горахъ. Осенью она возвращается въ море, но тогда она худа“.

Эта сельдь ничто иное, какъ видъ родственный ряпушкѣ,

(Coregonus albula) *), а именно: Coregonus Merkii, Günth; она достигаетъ длины отъ 7 до 9-ти дюймовъ, имѣетъ бѣлое, но не жирное, хотя очень нѣжное мѣсо, напоминающее вкусомъ своимъ мясо форели, и могла бы быть приготовляема въ консервахъ. Она составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ рыболовства, и не служитъ „пищей собакамъ", но, такъ-же какъ на Усѣ, самимъ жителямъ, такъ какъ Джунши готовилъ изъ нея весь свой зимній запасъ. Кромѣ того, она служитъ наживкой при ловлѣ щукъ и налимовъ, главномъ промыслѣ на Щучьей. Нельма, моксунъ, чокуръ и пушьянъ попадаются здѣсь рѣдко. Наши люди поймали по одному экземпляру двухъ послѣднихъ видовъ и были весьма удивлены этимъ.

Въ первомъ часу 13-го августа покинули мы берегъ и направились въ долину, оставивъ казакамъ нѣсколько провизіи. Погода была дурная, какъ и въ два предыдущіе дня,—туманная, съ мелкимъ дождемъ. На суднѣ было 7—8 градусовъ тепла, однимъ словомъ какъ у насъ въ октябрѣ мѣсяцѣ. По счастью, вѣтеръ былъ попутный, мы подняли парусъ и къ вечеру достигли до развѣтвленія рѣки, гдѣ 20-го августа расположились лагеремъ. Вбитые нами колья для измѣренія рѣки нашли мы нетронутыми. Они показали намъ, что вода въ рѣкѣ понизилась по крайней мѣрѣ на 3 фута; образовались большія песчаныя отмели; протоки обратились въ стоячія озера—старицы, иливовсе пересохли—и мы были принуждены держаться лѣваго берега, вмѣсто праваго, около котораго было слишкомъ мелко. А вода все еще сбывала; она была теперь мутной, грязнобурой или желтоватой. Мы спустились по короткому лѣвому рукаву, называемому по остяцки Сортъ-іоганъ-іогортъ, по самоѣдски Перея-яндерити. Въ прибрежной чащѣ, состоявшей здѣсь изъ деревьевъ ивы и ольхи, смѣшанной иногда съ красивой, высокой лиственницей, таилась богатая животная жизнь. Безчисленныя щеврицы и трясогузки оживляли плоскіе берега, стрижи (Cotyle riparia)—обрывы. Въ чащѣ находили мы овсянокъ-карликовъ (Emberiza pusilla), пѣночекъ (Phyllopneuste trochilus), воронъ и сорокъ. У всѣхъ ихъ были уже оперившіеся и уже летавшіе дѣтеныши, только утята и лебедята были еще въ пушку. Вмѣсто пріятнаго, почти мелодичнаго призывнаго крика полярной гагары (Colymbus glacialis) слышался

*) Шренкъ (I. стр. 464) и Гофманъ (стр. 163) упоминаютъ объ этомъ видѣ и о его странствованіяхъ въ Усѣ, но, по мнѣнію Шренка, эта рыба идетъ не изъ моря.

грубый голосъ краснозобой гагары (C. septentrionalis). 14-го августа, вмѣстѣ съ солнцемъ, снова появились комары.

Въ тотъ же день къ вечеру прибыли мы къ первому остяцкому чуму, хозяинъ котораго снабдилъ насъ свѣжей рыбой. За 10 большихъ и 3 четырехъ-фунтовыхъ щуки спросилъ онъ съ насъ 60 коп. (14 зильбергрошей), что мы, конечно, нашли недорогимъ. За недостаткомъ другого мяса, мы были рады и двумъ неоперившимся еще лебедятамъ, которыхъ убилъ Бремъ. Не задумываясь, отправили мы ихъ въ котелокъ, но они оказались далеко не такими вкусными какъ гуси: на груди у нихъ было не болѣе какъ два лота мяса и только ножки стоили труда обгладывать. Старые лебеди, къ сожалѣнію, улетѣли.

Такъ какъ отсюда Гайваю было близко къ дому его хозяина, Сергоча, то я и отпустилъ добраго малаго, имя котораго, по словарю Шренка, означаетъ „Божья собака,“ что, по всему вѣроятію, невѣрно, хотя въ немъ и есть что-то божеское, такъ какъ Гай по самоѣдски богъ. Всегда неутомимый, услужливый, веселый и проворный, Гайвай также долженъ былъ остаться доволенъ „хозяиномъ“ и радостно отправился домой. Онъ понесъ вдовѣ Хата заслуженный имъ заработокъ. Утѣшатъ ли хоть сколько нибудь бѣдную женщину эти 25 руб., сумма довольно значительная въ здѣшнихъ мѣстахъ? Можетъ быть да, а можетъ быть и нѣтъ. Кто могъ рѣшить это? Впрочемъ, эти дѣти природы умѣютъ лучше покоряться судьбѣ, чѣмъ многіе цивилизованные народы. Когда я сталъ разспрашивать о вдовѣ со Щучьей рѣки, мнѣ просто отвѣчали: „она пойдетъ на ярмарку въ Обдорскъ и поищетъ тамъ себѣ другого мужа.“ И, по всему вѣроятію, найдетъ, такъ какъ она еще молода и красива.

Что Гайвай поставилъ свой знакъ подъ квитанціей на полученныя деньги и тщательно завязалъ ихъ, это само собою разумѣется. Люди эти очень добросовѣстны.

Черезъ маленькое озеро, соединявшее посредствомъ узкаго протока, въ родѣ канала, правый рукавъ Щучьей съ малой Обью, рано утромъ 15-го августа прибыли мы къ рыболовному мѣстечку Халъятуръ, имѣвшему не совсѣмъ опрятный видъ. По случаю обильнаго лова, здѣсь накопились кучи рыбьихъ остатковъ, которыя давали себя знать обонянію. Поэтому обѣдать, по близости такихъ мѣстъ, было не совсѣмъ пріятно. Старый казакъ былъ очень доволенъ нашимъ пріѣздомъ и на радостяхъ подарилъ намъ великолѣпнаго моксуна. Въ слѣдующихъ рыболовныхъ мѣстечкахъ насъ также принимали съ обычнымъ дружелюбіемъ и со-

общали довольно важныя и интересныя свѣдѣнія о странѣ и народѣ. Всего болѣе свѣдѣній получили мы отъ Павла Николаевича Рослякова въ Халиспагорѣ, отъ Константина Никитича Попова въ Вулпаслѣ, въ особенности же отъ умнаго старшины, Іорка Мамруна (или Мамрука) въ Іотлахѣ, Остяка княжеской крови, потомка того Мамрука Обдорскаго, котораго царь Борисъ Ѳеодоровичъ въ 1601 году назначилъ первымъ княземъ Обдорскимъ.

18-го августа мы добрались наконецъ до небольшого селенія изъ нѣсколькихъ чумовъ и русскихъ рыбачьихъ хижинъ, расположеннаго около залива на плоскомъ островѣ Бьесчимъ-япти (Безымяннаго?) и по случаю сильнаго противнаго вѣтра должны были остаться здѣсь до другого дня. Старый Михайло, знавшій старшину, пригласилъ его къ намъ въ лодку, и къ величайшему моему удивленію, послѣдній привелъ съ собою свою жену, Уенингу, красивую женщину, съ русыми волосами и европейскимъ типомъ лица, и двухъ маленькихъ сыновей своихъ, Колина и Огома. На всѣхъ были ихъ лучшіе наряды изъ оленьихъ шкуръ, хотя не особенно изящные, но довольно красивые. Жена Мамруна, въ своей бѣлой шубѣ съ темной узорной каймой, съ лисьимъ воротникомъ и пестрымъ головнымъ платкомъ, выглядѣла очень мило и красиво, и умѣла прилично держать себя. Они пришли не съ пустыми руками: каждый изъ нихъ принесъ „хозяину“ по подарку. Мамрунъ подарилъ мнѣ ножъ, употребляемый мущинами, жена его — ножъ, употребляемый женщинами, оба съ собственноручно сдѣланными ими красивыми рукоятками; 7-милѣтній Колинъ поднесъ мнѣ довольно большой, а 5-тилѣтній Огомъ совсѣмъ маленькій, дѣтскій лукъ. Я отплатилъ за эти подарки, какъ могъ,—ножами, посеребряной табакеркой, фунтомъ пороху, ножницами, бусами и бутылкой розоваго ликера, которую я поднесъ супругѣ Мамруна. Добрая женщина пила такъ-же мало, какъ ея супругъ, который не курилъ и не нюхалъ табаку: и между Остяками есть воздержные люди. Вслѣдствіе этого угощенье состояло изъ одного чая съ сухарями и изъ нѣсколькихъ кусочковъ сахару для дѣтей, вмѣсто конфектъ. Мамрунъ умѣлъ дать о своемъ народѣ совсѣмъ другія свѣдѣнія, чѣмъ Его Свѣтлость, князь,—въ особенности потому, что онъ, какъ и его предки, былъ еще язычникомъ. Не умѣя ни читать, ни писать и не зная русскаго языка, умный Остякъ тотчасъ же понялъ цѣль нашего путешествія и сообщилъ намъ не только все, что зналъ объ обычаяхъ и правахъ своего народа, но не остановился даже и передъ религіей,

о чемъ я буду говорить впослѣдствіи. Іорка, прежде богатый стадовладѣлецъ, пять разъ терялъ свое богатство отъ чумы и въ настоящее время имѣлъ только 100 оленей, слѣдовательно былъ бѣднякомъ. Онъ, однако, собирался пріобрѣсти новыхъ оленей, иначе пришлось бы совсѣмъ обнищать. Впрочемъ, въ своихъ жалобахъ на князя онъ былъ очень сдержанъ. По его мнѣнію, князь часто поступаетъ несправедливо и тѣмъ самымъ дѣлаетъ для него тяжелымъ исполненіе обязанностей старшины. Сверхъ того, князь—горькій пьяница, и въ этомъ Іорка былъ правъ. Въ настоящую минуту князь лежалъ въ чумѣ Іорка, мертвецки пьяный и впослѣдствіи я не разъ видалъ его въ Обдорскѣ въ такомъ состояніи.

Такъ какъ вѣтеръ утихъ, то мы могли рано утромъ 19-го августа отправиться въ дальнѣйшій путь и нѣсколько часовъ спустя пристали у Веспогла или Веспугла, маленькаго рыбацкаго поселенія на лѣвомъ берегу большой Оби, противъ Князь-юртъ. Намъ было сказано, что здѣсь мы найдемъ „большого шайтана“, большого идола, и вскорѣ докторъ Бремъ, возвратившись съ поисковъ, заявилъ, что нашелъ его. Въ какихъ нибудь ста шагахъ отъ деревеньки, въ лѣсочкѣ изъ высокихъ, стройныхъ ивъ, торчала связка футовъ четырехъ длиною, въ видѣ муміи, обвернутой въ красное тряпье съ лентами, и надъ нею были укрѣплены четыре металлическихъ тарелки. Двѣ большія, находившіяся сверху, оловянныя, были европейскаго происхожденія и повидимому, служили въ Англіи дѣтскими игрушками. На обѣихъ по краямъ была англійская азбука, на одной сверхъ того поясной портретъ Викторіи и Альберта, а на другой Оскара и Жозефины, съ подобающими надписями. Гораздо интереснѣе были другія двѣ тарелки, имѣвшія въ діаметрѣ $3^1/_2$ дюйма. Онѣ казались серебряными; въ серединѣ было изображеніе оленя, на краю, шириною въ одинъ дюймъ—человѣкъ въ длинной шубѣ съ лукомъ въ рукахъ, готовый выстрѣлить, а передъ нимъ собака, преслѣдующая волка. Эта очень грубо очерченная фигура была вырѣзана и затѣмъ отчеканена. На другой тарелкѣ былъ въ серединѣ изображенъ лось, а по краямъ такія же фигуры. Очевидно, это были антики—и я предложилъ за нихъ большія деньги, но, къ сожалѣнію, ихъ не хотѣли продать ни за какую цѣну. Когда я позднѣе разобралъ, что на нихъ былъ обозначенъ 1832 и 1833 годъ, то это меня сильно озадачило и я было усомнился въ ихъ древности. Но Радловъ, знатокъ этого дѣла, объяснилъ мнѣ потомъ въ Казани, что на такихъ тарелкахъ старинная происхож-

денія, часто выставляютъ позднѣйшій годъ, и обозначаютъ его точками, что дѣйствительно было и на этихъ тарелкахъ. Итакъ онѣ были несомнѣнно старинпаго происхожденія и, по всему вѣроятію, найдены въ такъ называемыхъ *) „чудскихъ могилахъ“ и служили не тарелками, а зеркалами. Я видѣлъ у Радлова множество изображеній такихъ „зеркалъ“, найденныхъ въ могилахъ еще со времени путешествія Мессершмидта. — Подлѣ этого странно изукрашеннаго ствола другіе стволы были увѣшаны саблями, стаканами, мѣшками, обернутыми въ лоскутья. Передъ этой, повидимому, самой важной, частью рощи стояли на подмосткахъ до 80 идоловъ, сдѣланныхъ изъ древесныхъ стволовъ, длиною фута въ 4, иные и болѣе; у нихъ были человѣческія головы и лица, и они совершенно походили на идоловъ найденныхъ Шренкомъ на Вайгачѣ. Нѣкоторые изъ нихъ не были даже очищены отъ коры и многіе, казалось, стояли тутъ ужъ очень давно, потому что почти сгнили. Я велѣлъ позвать одного изъ нашихъ гребцовъ, Остяка Аграма, чтобы спросить у него объясненія. Муміеобразная связка содержала въ себѣ жертвоприношенія большому, возсѣдающему тамъ на верху, „духу“ Оорту“. Сабли сами по себѣ изображали идоловъ и не имѣли никакого другого значенія. Висѣвшія на деревьяхъ рыбьи головы и хвосты обозначали жертву отъ перваго улова. По всей вѣроятности, священныя рощи нашихъ предковъ представляли такое-же зрѣлище, и когда я припоминаю священные дары, развѣшанные въ святыхъ мѣстахъ, въ видѣ серебряныхъ рукъ, ногъ, въ знакъ благодарности и исполненія обѣта, то нахожу бранимое всѣми „слѣпое язычество“ совсѣмъ не такъ глупымъ. Что эти идолы служили такимъ же цѣлямъ, а не были почитаемыми изображеніями, какъ напр. „Монтеръ“ въ Кіохатѣ, доказывалось заявленіемъ какого-то хитраго русскаго парня, что мы видѣли не самое главное, и что настоящее сокровище, истинный „большой шайтанъ,“ находится въ глубинѣ лѣса, куда нельзя ни пройти, ни вернуться оттуда безъ помощи проводника. Мѣсто это было ему извѣстно, но несмотря на предложенный ему рубль, онъ не соглашался проводить насъ туда, боясь мести; по его мнѣнію, русскіе, занимающіеся здѣсь рыбной ловлей, должны жить въ мирѣ и согласіи съ туземцами. Итакъ мы при-

*) О чудскихъ древностяхъ на западной сторонѣ Урала и на Печорѣ даетъ много важныхъ свѣдѣній Шренкъ (1. стр. 369—379), считающій Чудь народомъ финскаго происхожденія. Гофманъ (стр. 187) упоминаетъ о древнихъ изображеніяхъ лосей, на берегу Вишеры, подобныхъ упомянутымъ.

нуждены были разстаться съ прелестнымъ мѣстечкомъ, не повидавъ его главныхъ божескихъ сокровищъ. Сто лѣтъ тому назадъ Зуевъ посѣтилъ эту деревеньку, но не видалъ рощи идоловъ, хотя, по всему вѣроятію, она ужъ существовала.

Въ 2 часа отправились мы далѣе; на лодкѣ царствовало веселое настроеніе; каждый ударъ веселъ приближалъ насъ къ Обдорску, гдѣ бо́льшая часть нашихъ людей служила предметомъ удивленія для женщинъ и дѣтей. Въ половинѣ седьмого, во второй разъ привѣтствовали насъ колокольни городка; но на этотъ разъ онѣ не были освѣщены яркимъ солнечнымъ свѣтомъ: тяжелыя облака носились въ воздухѣ и передъ закатомъ солнца покрыли волшебно блестѣвшій Уралъ. Но городокъ издали выглядѣлъ привѣтливѣе, чѣмъ въ первый разъ; для насъ онъ казался Петербургомъ, Москвою, Берлиномъ, гдѣ мы могли найти удовольствія, которыхъ такъ давно были лишены. При звукахъ веселой пѣсни, гребцы наши дружно работали веслами. Скоро повернули мы въ Полуй, и въ 9 часовъ, послѣ 34-хъ дневнаго отсутствія, „Бисмаркъ“ присталъ къ знакомому берегу, рядомъ съ лодкою г. Полякова, который кланялся намъ съ палубы, и съ которымъ мы пріятно провели весь вечеръ.

ГЛАВА XIII.

ОСТЯКИ и САМОѢДЫ.

Предварительное замѣчаніе.—Антропологическія свѣдѣнія.—Вирховъ остроепін черепа. — Остяки нѣсколько походятъ на Монголовъ и Лапландцевъ. — Миддендорфъ о Самоѣдахъ.—Это смѣшанный народъ, что подтверждаетъ изслѣдованіе его языка Кастреномъ.—Алквистъ доказываетъ противное.—Остяки родственны Венгерцамъ.—Языкъ.—Внѣшній видъ.—Трудность отличать Остяка отъ Самоѣда.—Характеристика остяцкаго типа.—Индивидуальныя уклоненія Остяковъ и Самоѣдовъ.—Смѣшеніе обоихъ народовъ.—Ихъ изображенія.—Портреты.—Прежнія свѣдѣнія объ этихъ инородцахъ.—Югры.—Древніе Югры—нынѣшніе Самоѣды.—Подъ русскимъ владычествомъ.—Различныя ихъ названія.—Остяки или „Хандахо".—Самоѣды или „Хазова".—Различныя объясненія слова „Самоѣдъ".—Географическое распространеніе Остяковъ.— Ихъ численность. — Вогулы. — Распространеніе и численность Самоѣдовъ.—На Енисеѣ они называются Юраками.—Ясакъ.—Причины ихъ уменьшенія.—Пьянство.—Ихъ добродѣтели.—Необыкновенная честность.—Отсутствіе нищихъ.—Кротость дѣтей.—Вредное вліяніе цивилизаціи.—Миссія, ея трудности.—Христіанство лишь внѣшнее.—Самоѣдскія о немъ понятія.—Святость присяги.—Ухудшеніе нравовъ и обычаевъ.—Веселый нравъ.—Умственныя способности —Предразсудки.—Достаточно незначительнаго образованія.—Поэзія.—Музыкальные инструменты.—Игры.—Внѣшняя жизнь.—Объективность рѣдка, но необходима.—Руководство къ тому.—Высокая степень совершенства ихъ производствъ.—Холтинонъ.—Необыкновенная практичность луковъ и стрѣлъ.—Произведенія искусства.—Оригинальность рисунковъ.—Женскія работы.—Положеніе женщины.—Ложное сужденіе.—Хорошее обращеніе съ женщинами.—Женщина—„сокровище".—Стыдливость.—Чистоплотность.—Пища.—Промыслы.—Рыбная ловля.— Охота.—Оленеводство.—Зыряне—жиды тундры.—Мнѣніе о нихъ.—Количество оленей.—Одежда: мужская, женская.—Украшенія.—Крапива, туалетное искусство.—Дѣти.—Дѣтскія куклы.—Суровость воспитанія.—Болѣзни.—Удачное лѣченіе.—Рожденіе и нареченіе имени.—Совершеннолѣтіе.—Женитьба и свадьба.—Калымъ.—Брачные обряды.—Уваженіе къ умершимъ.—Рощи мертвыхъ.—Могилы, идольскіе домики при кладбищахъ.—Торжество похоронъ.—Пиршества.—На томъ свѣтѣ и въ царствѣ тѣней.—Волшебный барабанъ.—Представленіе шамановъ.—Мудрость шамановъ.—Христіанскіе шаманы.—Божественное ученіе Мамруна.—Шаманство.—Цивилизованное шаманство.—Вѣрованія.—Высшее существо.—Прочіе боги.—Изображенія боговъ.—Тильянъ.—Гае.—„Идолослуженіе".—Жертвоприношеніе.—Лонхъ.—Сьядае.—Резюме.

Подобно тому, какъ мало по малу исчезаютъ съ лица земли туземцы Сѣверной Америки,—различныя, прежде весьма многочислен-

ныя племена такъ называемыхъ краснокожихъ, точно также исчезаютъ и туземцы Сибири. Кастренъ, Радловъ и другіе упоминаютъ объ отдѣльныхъ племенахъ, отъ которыхъ не осталось и слѣда, какъ напр. объ Тубинцахъ и Коттахъ, между тѣмъ какъ отъ другихъ встрѣчаются лишь жалкіе остатки. Подобная судьба постигла и тѣ племена Остяковъ и Самоѣдовъ, которыя Кастренъ еще встрѣчалъ кое-гдѣ на верхней Оби и Енисеѣ, а потому всѣ свѣдѣнія, собранныя о нихъ неутомимымъ и почтеннымъ изслѣдователемъ, представляютъ вѣчное и незамѣнимое сокровище науки. Хотя оба наиболѣе замѣчательныя племени туземцевъ западной Сибири, Остяки и Самоѣды, повидимому надолго обезпечены отъ подобной участи, однако нельзя отрицать, что они уже находятся на пути къ окончательному „вымиранію“. Нисколько не намѣреваясь вступать въ споръ съ Кастреномъ, Радловымъ и другими знаменитыми изслѣдователями, не могу однако не привести своихъ наблюденій, не лишенныхъ нѣкотораго значенія, хотя въ кратковременное наше тамъ пребываніе эти свѣденія и не могли быть настолько полными и точными, какъ бы это было желательно. При нѣкоторыхъ сравненіяхъ, доказательствахъ и провѣркахъ, приходилось во многомъ пользоваться трудами своихъ предшественниковъ; въ главномъ же я могу опираться на свои собственныя наблюденія и изслѣдованія, которыя придаютъ моимъ запискамъ печать оригинальности. Послѣдняя усилится еще болѣе тѣмъ, что я употреблю всѣ старанія быть насколько возможно болѣе объективнымъ и, не обращая вниманія на сужденія другихъ, буду изображать все въ томъ видѣ, какъ нашелъ самъ. Такимъ образомъ свободныя отъ всякаго предвзятаго мнѣнія и пристрастныхъ сужденій, свѣдѣнія, сообщаемыя мною, должны будутъ, несмотря на всю ихъ не полноту, возбудить интересъ, который оставитъ по себѣ продолжительную память.

Начну съ антропологическихъ данныхъ, основываясь на изслѣдованіяхъ профессора Вирхова, который былъ такъ любезенъ, что разобралъ привезенный мною матеріалъ (17 череповъ изъ языческихъ могилъ) и далъ ихъ „подробное описаніе“ *).

---

*) „Сибирскіе черепа“ (Самоѣды, Остяки); см. „Извѣстія Берлинскаго общества Антропологіи и Этнологіи“ (засѣданіе 21-го іюля 1877 г. стр. 56—67; измѣренія стр. 71 и 72).—Изъ сообщенія моего, на томъ же засѣданіи, о способахъ погребенія, ясно видно, что относительно пола не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Если же профессоръ Вирховъ, въ противуположность моимъ примѣтамъ, мужской черепъ называетъ женскимъ, а женскій мужскимъ, такъ какъ его краніологическія

По этимъ изслѣдованіямъ, черепа съ верхней Щучьей оказываются „средней величины, брахицефальные, средней высоты и узконосые“; съ средней Щучьей (Черный Яръ) вообще рѣзко брахицефальная раса съ легкимъ прогнатизмомъ; черепа съ нижней Оби (Халиспагоръ) допускаютъ „предположеніе о бо́льшемъ смѣшеніи племенъ“, такъ какъ между 4 черепами былъ одинъ съ узкимъ, одинъ съ среднимъ, одинъ съ плоскимъ и одинъ съ необыкновенно широкимъ переносьемъ.

Этому предположенію о смѣшеніи племенъ приводятся слѣдующія доказательства. Одинъ изъ череповъ со Щучьей (№ 6) представляетъ „хорошій образчикъ финскаго типа“, между тѣмъ какъ другой изъ той же мѣстности (№ 3) и два прочихъ (А и Б), несомнѣнно принадлежащіе Остякамъ, даютъ „болѣе положительныя основанія для сравненія съ восточно-сибирскими народами, а именно съ Гольдами Нижняго Амура, чѣмъ съ черепами какихъ-либо западныхъ народовъ. Въ образованіи черепной коробки, еще болѣе въ личныхъ, именно въ посовыхъ костяхъ, у нихъ выступаютъ отличительные признаки монгольской расы. Я впервые замѣтилъ это на этихъ финскихъ или угрскихъ черепахъ, и если-бъ здѣсь не было очевиднаго смѣшенія, то мы признали бы въ Остякѣ настоящую переходную форму къ Монголу центральной Азіи. Между тѣмъ какъ эти признаки еще рѣзко выступаютъ на черепахъ съ Оби, черепа со Щучьей представляютъ сходство съ западно-финскими, именно лапландскими формами“.

Относительно череповъ я долженъ замѣтить, что невозможно было опредѣлить съ точностью, принадлежитъ ли черепъ Остяку или Самоѣду, такъ какъ въ упомянутой мѣстности оба народа встрѣчаются вмѣстѣ и способъ ихъ погребенія одинаковъ. Хотя и болѣе чѣмъ вѣроятно, что эти черепа принадлежатъ почти исключительно Остякамъ, но это не исключаетъ Самоѣдовъ и черепа съ монгольскимъ типомъ даютъ поводъ предполагать, что они принадлежатъ послѣднимъ. Отсюда можно было бы заключить, напр. что черепа А и Б *), изъ Халиспагора принадлежатъ Самоѣ-

---

изслѣдованія допускаютъ это опредѣленіе, то, по моему мнѣнію, послѣднія не согласны съ фактами. Въ женскихъ могилахъ я находилъ только женскія принадлежности, и у меня хранится стеклянная бусинка, найденная въ глазной впадинѣ черепа А. Этого одного, кажется, достаточно для опредѣленія пола.

*) Одно голое изслѣдованіе череповъ не можетъ послужить къ вѣрному опредѣленію расы; доказательствомъ тому служатъ 2 черепа, найденные въ древнихъ могилахъ около Тюмени и полученные здѣсь графомъ Вальдбургомъ отъ учителя Капони-

дамъ, но я имѣю полное основаніе думать, что эти черепа были настоящіе остяцкіе, между тѣмъ какъ черепа съ отпечаткомъ финскаго типа (какъ напр. № 6), по всему вѣроятію, Самоѣдскаго происхожденія.

Но какъ бы то ни было, эти краніологическія изслѣдованія Вирхова вполнѣ согласны съ тезисомъ, высказаннымъ Миддендорфомъ еще 30 лѣтъ тому назадъ: „Самоѣды—племя смѣшанное, происшедшее отъ соединенія финскаго племени съ монгольскимъ.“ Лингвистическія изслѣдованія Кастрена подтвердили этотъ выводъ. Кастренъ говоритъ (II. стр. 401) слѣдующее: „Финскій языкъ всего больше сходенъ съ самоѣдскимъ и турецкимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ несомнѣнное сходство съ монгольскимъ. Изъ этого сходства языковъ можно съ увѣренностью заключить, что Финны жили нѣкогда на Алтаѣ.“

Если выводъ этотъ вѣренъ, то можно сейчасъ же объяснить себѣ происхожденіе Остяка, который, по единодушному мнѣнію всѣхъ изслѣдователей, „настоящій Финнъ.“ Это подтверждается также письменными сообщеніями, которыми я обязанъ любезности профессора Алквиста и студента Бергрота изъ Гельсингфорса. Послѣдній пишетъ мнѣ: „Что касается народовъ, живущихъ на нижней Оби, то Остяки и Вогулы принадлежатъ къ Финскому племени, только Самоѣды имѣютъ другое происхожденіе.“ Тоже говоритъ профессоръ Алквистъ: „Кастренъ предполагаетъ сродство между Самоѣдами и Финнами, хотя и очень дальнее, основанное только на вдыхательныхъ звукахъ въ обоихъ языкахъ. Въ словахъ же и въ оборотахъ рѣчи самоѣдскій языкъ имѣетъ съ финско-угрскимъ не бо́льшее сродство, чѣмъ русскій съ португальскимъ или шведскій съ персидскимъ.“ — Прибавимъ еще къ этому, что, по мнѣнію Алквиста: „Остяки по языку очень близки къ Мадьярамъ, чѣмъ характеризуется настоящее состояніе знаній о сродствѣ языковъ, такъ какъ до сихъ поръ еще нельзя ничего рѣшить относительно языка Самоѣдовъ. По Риттиху (Geogr. Mitth., Erganzungsheft № 54), Остяки принадлежатъ къ угро-финской группѣ урало-алтайскихъ племенъ монгольской расы; Самоѣдовъ же слѣдуетъ разсматривать какъ племя наиболѣе родственное послѣдней, но составляющее отдѣльную группу. Ос-

---

кова. Профессоръ Вирховъ не могъ бы, изъ одного только наружнаго осмотра этихъ череповъ, придти къ заключенію о принадлежности ихъ къ финской расѣ, если бы не имѣлъ случая сравнить ихъ съ рисункомъ вогульскаго черепа. Сравн. докт. Европеуса. и „Типы остяцкихъ вогульскихъ череновъ.“ Zeitschrift f. Ethnologie. 1876.

тяцкій языкъ, впрочемъ, благозвучный и богатый гласными, поражаетъ сходствомъ выговора буквы t съ англійскимъ th, которое часто звучитъ какъ tl, что, по мнѣнію Кастрена, весьма характеристично. Какъ въ русскомъ языкѣ нѣтъ h, такъ и у Остяковъ нѣтъ f, въ чемъ мы убѣдились лично, и вмѣсто f они говорятъ p. Самоѣдскій же языкъ, хотя также очень благозвученъ, совершенно отличенъ отъ остяцкаго и служитъ разговор-

Остяцкіе типы.

нымъ языкомъ у обоихъ народовъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ они не понимали бы другъ друга. Какъ остяцкій, такъ и самоѣдскій языки распадаются опять-таки на парѣчія и оттѣнки парѣчій. Въ первомъ языкѣ Кастренъ принимаетъ 3 главныхъ парѣчія (стр. 120), въ Самоѣдскомъ также 3 и около 12 второстепенныхъ парѣчій, перечисленныя Миддендорфомъ (стр. 1411—1414). По Гофману (стр. 49—50), такъ называемое лепинское

нарѣчіе, на которомъ говорятъ Остяки въ Березовѣ, почти одинаково съ вогульскимъ языкомъ и настолько разнится отъ обдорскаго нарѣчія, что представители обоихъ нарѣчій не могутъ понимать другъ друга.

Что касается наружнаго вида, то описанія Зуева, на которыя такъ часто ссылаются до сего времени, относятся только къ отдѣльнымъ индивидуумамъ, а объ общемъ типѣ, какъ о томъ уже упоминаетъ Кастренъ, даютъ ложное понятіе. Если путешественникъ, при первомъ знакомствѣ съ чуждымъ ему народомъ, составляетъ представленіе о типѣ цѣлаго племени по одному индивидууму, то чѣмъ болѣе знакомится онъ съ различными его представителями, тѣмъ болѣе исчезаетъ это первоначальное о немъ представленіе. Тоже самое было съ нами относительно Татаръ, Киргизовъ, Остяковъ и наконецъ Самоѣдовъ. Къ тому же, на это первое сужденіе о племени, имѣетъ значительное вліяніе національный костюмъ. Какъ Миддендорфъ не узналъ однажды свою самоѣдскую прачку, потому что она вымылась, такъ я принялъ Собрина за Самоѣда, хотя я покинулъ жилища Остяковъ не болѣе недѣли тому назадъ. Это былъ, безъ сомнѣнія, первый Остякъ, котораго увидѣлъ въ партикулярномъ платьѣ. По моимъ замѣткамъ, общіе отличительные признаки Остяковъ слѣдующіе: Волосы мягкіе, бо́льшей частью черные; лобъ выдающійся; брови очень рѣдкія; глаза по бо́льшей части каріе, узкіе *); носъ небольшой, нѣсколько приплюснутый и вздернутый, съ круглою толстою шишкою на концѣ; у дѣтей замѣчается только одна эта шишка, какъ бы пуговка; ноздри широкія, съ большими отверстіями; ротъ большой, широкій; губы толстыя, вздутыя, въ особенности нижняя, которая иногда выдается дальше носа; подбородокъ маленькій, круглый; борода маленькая, рѣдкая; волоса идутъ большей частью лишь до щекъ, иногда выбриты на подбородкѣ; усы бываютъ рѣдко. Замѣчательна необычайная малость ихъ ногъ, что Миддендорфъ замѣтилъ также у Самоѣдовъ. Что касается кожи, то она, если только не подвергалась особымъ внѣшнимъ вліяніямъ, большею частію такого же цвѣта, какъ у Русскихъ, развѣ только нѣсколько блѣдиѣе; у дѣвушекъ же я не разъ замѣчалъ нѣжно розовый румянецъ.

*) По ученію Дарвина, узкіе, моргающіе глаза нетрудно объяснить привычкою, вызванною комарами, дымомъ и ослѣпительной бѣлизной снѣга. Мы также рѣдко могли держать глаза совсѣмъ открытыми, и замѣтили эту привычку щуриться и у тамошнихъ Русскихъ и казаковъ. Такое же мнѣніе высказано было еще Миддендорфомъ.

Ростъ бо́льшею частію средній и малый; но я не могу представить никакихъ измѣреній, потому что туземцы не соглашались на то, чтобъ съ нихъ сняли мѣрку; они считали это почти равнозначущимъ рекрутскому набору, котораго страшно боялись. Въ томъ, что Остяки, хотя по виду и кажутся слабѣе русскихъ, равняются съ ними физическими силами,—мы убѣдились на опытѣ. Неудивительно, что при бѣдномъ образѣ жизни, усиленномъ трудѣ и при тѣхъ лишеніяхъ и невзгодахъ, съ которыми приходится постоянно бороться Остякамъ, почти всѣ они худы. Въ моей записной книжкѣ находится лишь одинъ примѣръ необыкновенной толщины. Это былъ племянникъ князя, хотя еще молодой человѣкъ, но ненормальнаго тѣлосложенія, страдавшій отъ жира.

Относительно индивидуальныхъ уклоненій, я приведу лишь нѣсколько выписокъ изъ своей записной книжки:

„Угорскія юрты. Совершенно особенный типъ; здѣсь двое мущинъ съ большими, крючковатыми носами, которые сближаютъ ихъ съ сѣверо-американскими индійцами; мужчины здѣсь часто имѣютъ совершенно женственный видъ.“

„Параватскія юрты. Одинъ мужчина съ голубыми глазами, другой съ сѣрыми; оба съ черными волосами. Женщины сохраняютъ болѣе одинаковый типъ, который у молодыхъ нѣсколько приближается къ монгольскому; головы круглыя, тыквообразныя; глаза темные; брови сильно выгнутыя; носы маленькіе, тупые; скулы сильно выдающіяся; цвѣтъ кожи такой же бѣлый какъ у нашихъ соотечественницъ; нѣкоторыя совсѣмъ недурны.“

„Тахты. Здѣсь нѣсколько мущинъ съ голубыми глазами и темными волосами; у одного при голубыхъ глазахъ черные волосы; у другого рыжіе; у иныхъ на головѣ черные волосы, а бороды русыя; одинъ совершенно бѣлокурый, что встрѣчается очень рѣдко.“

„Большой Устрамъ. У женщинъ красивыя полныя икры и почти у всѣхъ маленькія ноги. Одна очень смугла, другія такъ же бѣлы, какъ и мы. Мущина съ голубыми глазами; индійскій типъ съ орлинымъ носомъ очень рѣдокъ.“

„Князь-юрты. 20 мущинъ, между ними 3 индійскаго типа и одинъ почти японскаго. Одинъ блондинъ съ прекрасной бородой и большими усами.“

„Проточка. Здѣсь опять мущины похожіе на индійцевъ и японцевъ. Одинъ мущина очень красивый, съ типичной физіопо-

міей, съ голубыми глазами и бѣлокурыми волосами на головѣ, усахъ и бородѣ."

„Тоболка. Очень типичный мущина, знаетъ свои года, говоритъ, что ему 25 лѣтъ, но на видъ ему не болѣе 18. Едва пробивающаяся борода; длинные черные волосы; маленькіе темные, но неприщуренные глаза; мало выдающіяся скулы; смуглый цвѣтъ кожи и румяныя щёки."

Остячки въ праздничной одеждѣ.

„Тоболка. Хорошенькая блондинка съ темными глазами и хорошенькая 14-лѣтняя брюнетка, напоминающія Японокъ; обѣ сестры, дѣти однихъ и тѣхъ-же родителей и т. д.

Замѣчаніе Ковальскаго, что у женскаго пола, а именно у дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ, „монгольскій типъ лица" выдается болѣе рѣзко, чѣмъ у мущинъ, я могу подтвердить въ свою очередь.

Хотя мы имѣли мало сношеній съ Самоѣдами, однако мои замѣтки говорятъ тоже самое. Вообще сходство съ монгольской расой у нихъ замѣтнѣе, вслѣдствіе болѣе прищуренныхъ глазъ, болѣе темнаго цвѣта кожи и черныхъ волосъ. Тѣмъ не менѣе я замѣтилъ въ Ямбурри хорошенькую брюнетку съ японскими чертами лица; сестра у нея блондинка. Обѣ—дочери однихъ родителей. Нѣтъ возможности предположить какое-либо смѣшеніе. Почему между Самоѣдами не можетъ быть такого же контраста между родными сестрами, какой встрѣчается у насъ? Почему именно у этихъ народовъ причиной такихъ контрастовъ должно быть именно смѣшеніе?

Если въ вышеупомянутомъ случаѣ и не было смѣшенія, то это, конечно, еще не даетъ повода отвергать его возможность. Миддендорфъ (стр. 1406 и 1407), даетъ вообще очень вѣрныя описанія очертаній лица и формы черепа, которыя еще болѣе уясняются превосходными рисунками. Послѣдніе изображаютъ, во первыхъ, Самоѣдовъ (Юраковъ), именно Канинскихъ Самоѣдовъ (Таб. XIV, совершенно финскій типъ) и Тиманскихъ Самоѣдовъ, (Т. XIII, монгольскій типъ), между тѣмъ, какъ изъ Остяковъ изображены только обрусѣвшіе Енисейскіе Остяки (Таб. I, II). Мои рисунки (стр. 436) Остяковъ — единственные удачные; это Остяки съ нижняго теченія Оби. Рисунки эти сдѣланы съ фотографій, снятыхъ господиномъ Лутикомъ въ Тобольскѣ и Обдорскѣ, переведены на камень В. Мейномъ въ Берлинѣ, и выполнены съ совершеннымъ сходствомъ, такъ какъ я хорошо зналъ оригиналы этихъ портретовъ.

Эти рисунки представляютъ очень типичныхъ Остяковъ и показываютъ, насколько значительны индивидуальныя уклоненія нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ, что еще болѣе подтверждается группой Лутика, изображающей князя и его свиту. Почти каждое изъ этихъ десяти лицъ имѣетъ своеобразную физіономію, что тѣмъ болѣе удивительно, что это все близкіе родственники князя. Лично знакомый мнѣ Самоѣдъ представляетъ очень типичную фигуру и походитъ нѣсколько на соплеменника своего Пейку, съ р. Тазъ, у Миддендорфа (Юраки таб. III).

Судя по этимъ портретамъ, ни Остяки, ни Самоѣды не могутъ считаться „красавцами“; однако и между ними встрѣчаются даже по нашимъ понятіямъ „красивые“ индивидуумы. Изящный туалетъ производилъ въ нѣкоторыхъ дѣвушкахъ удивительныя превращенія. Относительно Остяковъ и Самоѣдовъ слѣдуетъ упомянуть, что о нихъ имѣли нѣкоторое понятіе и старинные писатели. Такъ

Плано Карпини упоминаетъ о нихъ еще въ 1246 году, а Марко Поло (1270—1295) слышалъ ужъ о торговлѣ мѣхами на сѣверѣ, что, безъ сомнѣнія, относится къ Остякамъ. Несомнѣнно также, что еще въ 15 столѣтіи между русскими и вышеупомянутыми народами уже существовали нѣкоторыя сношенія, такъ какъ еще въ 1499 году русскіе заняли Лепину, бывшую главнымъ центромъ мѣховой торговли. По изслѣдованіямъ Лерберга, древніе Угры тождественны съ нынѣшними Остяками и Вогулами, и Гофманъ, говоря о лепинскихъ Вогулахъ, соглашается съ этимъ взглядомъ. Но, по ученымъ изысканіямъ Шренка, оказывается несомнѣннымъ, что подъ названіемъ древней Югріи слѣдуетъ понимать область между Обдорскомъ и р. Тазъ; въ такомъ случаѣ Угры ничто иное какъ нынѣшніе зауральскіе Самоѣды. Во всякомъ случаѣ жилища Остяковъ въ прежнія времена находились гораздо южнѣе. Нынѣшняя Тюмень, по всему вѣроятію, обязана своимъ названіемъ „мѣсту чумовъ“, такъ-же какъ Демьянскъ своему бывшему владѣтелю, остяцкому князю Ньемъ-ну. Когда въ 1581 году Ермакъ въ кровавомъ бою уничтожилъ могущество татарскаго царства при ханѣ Кучумѣ, тогда и союзники послѣдняго—Остяки подпали подъ русское владычество. Всѣ остяцкіе вожди, какъ мы видѣли, были замѣнены однимъ, который въ 1601 году получилъ отъ царя наслѣдственный титулъ князя. Самоѣды, живущіе по сю сторону Урала, обязались платить дань Россіи еще въ 1525 году; зауральскіе же, живущіе на востокъ отъ Обдорска, только послѣ покоренія Остяковъ; въ 1614 году стали платить дань Таймурскіе Самоѣды. Впрочемъ, все это произошло не безъ сопротивленія: сибирскіе Самоѣды въ особенности не разъ употребляли въ дѣло вооруженную силу и, наконецъ, въ 1746 году напали на Пустозерскъ и обложили его, хотя и безуспѣшно. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ исторіи Самоѣдовъ, съ указаніями источниковъ, даетъ Шренкъ (I стр. 293).

По словамъ того же изслѣдователя, Татары называли своихъ сѣверныхъ сосѣдей „Умтекъ“ (варваръ), откуда и происходитъ исковерканное и переиначенное на русскій ладъ слово Остякъ. Сѣверные Остяки, съ которыми мы наиболѣе приходили въ соприкосновеніе, называютъ себя Хандохо (по рус. Кандыхо), что равносильно слову „человѣкъ“, хотя на распросы свои я не добился отъ туземцевъ полнаго объясненія этого слова. По Кастрену, „Хонды-гуи“, Конда—народъ, или „Асъ-гуи“, какъ называютъ также себя Остяки, означаетъ народъ Оби. Вогулы называютъ Остяковъ, какъ и себя, Манси, такъ-же какъ лепинскіе Остяки,

которые, по всему вѣроятію, весьма близки къ Вогуламъ. Самоѣдовъ же они, какъ я слышалъ, называютъ Габи; по Зуеву же Таге. Зауральскихъ Самоѣдовъ Остяки называли прежде „Оргой“, откуда и произошло названіе Угры, которое впослѣдствіи было оставлено. Слово это всего вѣрнѣе означаетъ, какъ указываетъ Шренкъ (стр. 616—622), „ѣсть сырое“. Сѣверные Остяки и по настоящее время называютъ Самоѣдовъ „Гуи“ или „Ворхо“, а Зыряне—„Яронъ“.

По этнографической картѣ азіатской Россіи Венюкова, Остяки занимаютъ очень большое пространство, а именно къ югу они распространяются до Тобольска и Томска, къ сѣверу до 65° с. ш., а вдоль Оби даже до 67° и отъ Оби даже переходятъ за Енисей. Къ сѣверу отъ этой области, до самаго Ледовитаго моря, къ востоку до Пясины, живутъ уже Самоѣды. Подобныя общія географическія обозначенія всегда вводятъ въ заблужденіе относительно численности народа. Вмѣсто того, чтобъ отмѣчать всю громадную область одной краской, было бы гораздо вѣрнѣе обозначать лишь главные пункты, занимаемые извѣстнымъ племенемъ, которые и представлялись бы въ видѣ оазисовъ. Главное мѣстопребываніе Остяковъ составляетъ лишь широкая Обская низменность (40 верстъ ширины). Отсюда они съ одной стороны доходятъ до устья, ради рыбной ловли, а съ другой до Урала, и на этихъ крайнихъ предѣлахъ своего распространенія часто встрѣчаются съ Самоѣдами, такъ какъ границы владѣній обоихъ племенъ соблюдаются не особенно строго.

По тщательнымъ изслѣдованіямъ Кастрена, на Иртышѣ (такъ называемый Денщиковскій отдѣлъ) живутъ 2982 Остяка; въ Сургутскомъ отдѣлѣ (отъ Самарова почти до Томска) 4492; въ Кондинскомъ (Березовъ, Сосва, Лепина, Катымъ) 6853—и Обдорскомъ (между Березовымъ и Обдорскомъ) 4330; всего 18,657 Остяковъ и 904 на Енисеѣ, что круглымъ числомъ составитъ 20,000. Это было въ 1845 году! Риттихъ (1868) повторяетъ лишь цифры Кастрена и насчитываетъ въ Тобольской губерніи 24,027 Остяковъ, включая сюда 4257 Вогуловъ, въ Томской губерніи 3000 и въ Енисейской 500, всего слѣдовательно 23,000 душъ. Ленгенфельдъ насчитываетъ до 25,000 Остяковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти оффиціальныя исчисленія далеко невѣрны, потому что у этихъ кочующихъ народовъ невозможна никакая статистика. По заявленію засѣдателя, въ Обдорскомъ округѣ числится 5382 Остяка обоего пола, изъ которыхъ 1376 (488 въ Кушеватскомъ округѣ) платятъ подати. Остяки на Иртышѣ, которыхъ описываетъ

Кастренъ (стр. 50—58, 119—122) большей частью обрусѣли и живутъ въ домахъ, почти осѣдло, но ихъ поселенія раскинуты далеко одно отъ другого. Также и обскіе Остяки, лучшими свѣдѣніями о которыхъ мы также обязаны Кастрену. Здѣсь они содержатъ оленей, какъ на Вахѣ, питаются впрочемъ большей частью охотой, которая вынуждаетъ ихъ вести кочевой образъ жизни. Бѣднѣе всѣхъ Остяки оставшіеся въ небольшомъ количествѣ на Енисеѣ, которыхъ, по Кастрену, находится тамъ всего 904, по Миддендорфу 650. Послѣдній естествоиспытатель, встрѣтившійся съ ними на Сымѣ и Курейкѣ, называетъ ихъ самыми „жалкими и несчастными изъ туземцевъ, видѣнныхъ имъ въ Сибири.“ Остяки въ настоящее время самое многочисленное племя въ сѣверозападной Сибири. Гораздо малочисленнѣе ихъ Самоѣды, несмотря на то, что область ихъ распространенія гораздо обширнѣе; она простирается отъ Пясины на Таймырѣ къ западу черезъ Уралъ въ Архангельскую губернію, къ югу до Чулыма. Но они не доходятъ въ Сибирь до Ледовитаго моря, какъ утверждаетъ Миддендорфъ; и если Самоѣды въ Европѣ встрѣчаются на берегахъ этого моря и даже на островѣ Вайгачѣ, то только на короткое время. (См. Гофманъ, стр. 142). Самоѣды, живущіе южнѣе, встрѣчаются въ небольшомъ числѣ на Тымѣ и другихъ притокахъ Оби въ Томской губерніи. Кастрену въ 1845 году стоило большого труда отличать ихъ по языку, который очень схожъ съ языкомъ живущихъ на р. Тазъ, а съ этого времени они еще болѣе смѣшались съ Остяками и Русскими. Свѣдѣнія Кастрена о южныхъ племенахъ до сихъ поръ остаются наиболѣе достовѣрными и точными. Главная масса Самоѣдовъ занимаетъ область около устья Оби, на западъ къ Уралу, на востокъ по всему полуострову до Енисея, а откочевываютъ они еще далѣе, до Боганиды. О различныхъ главныхъ племенахъ ихъ на Енисеѣ (Хантай, Тагви или Авамъ и Асса) лучшія свѣдѣнія даетъ Миддендорфъ (стр. 1438 — 1448). Онъ встрѣтился съ ними въ Ингарской подъ $67^{2}/_{3}^{0}$ с. ш.; они называются здѣсь Юраками и, по мнѣнію Шмидта (стр. 15), тождественны съ Самоѣдами, которые приходятъ лѣтомъ съ р. Тазъ къ Енисею, и съ тѣми, которые живутъ по сю сторону Урала. Подробнѣйшими свѣдѣніями о послѣднихъ обязаны мы Шренку (стр. 625); онъ сообщаетъ ихъ раздѣленіе и названіе племенъ, такъ-же какъ и число ихъ, которое въ общей сложности состоитъ изъ 4495 душъ обоего пола. На Енисеѣ (по Мид.) ихъ 2100 человѣкъ, на верхней Оби 3977 (по Кастрену), на нижней Оби, по официальнымъ свѣдѣніямъ, доставленнымъ мнѣ

засѣдателемъ, 5997 человѣкъ Самоѣдовъ обоего пола, между которыми считается 1357 душъ, платящихъ подати. Общее число всѣхъ Самоѣдовъ доходитъ до 16,500. Риттихъ распредѣляетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: въ Енисейской губерніи 6000; въ Тобольской 4000, что, вмѣстѣ съ европейскими Самоѣдами, составитъ до 14,500. Ленгельфельдъ насчитываетъ въ Сибири 20,000, а въ европейской Россіи 35,000 Самоѣдовъ и „цыганъ“, что очевидно невѣрно. Невѣрно также и вычисленіе Лапкенау, который насчитываетъ только 12,000 Самоѣдовъ и Остяковъ. Точныхъ свѣдѣній объ области ихъ кочевокъ у засѣдателя не имѣлось. Онъ могъ лишь сообщить намъ, что Самоѣды Обдорскаго округа распадаются на такъ называемыхъ Каменныхъ и Низовыхъ. Первые кочуютъ съ своими стадами до Карскаго залива, послѣдніе между р. Тазъ и Пурой. Но посѣщаютъ ли они полуостровъ Ялмалъ, засѣдателю не было извѣстно; также было ему неизвѣстно число Самоѣдовъ, кочующихъ у р. Тазъ, несмотря на то, что они платили подати въ Обдорскъ. По справкамъ, собраннымъ нами въ Обдорскѣ, Ялмалъ совсѣмъ необитаемъ, и если посѣщается кочевниками, то лишь въ южной своей части.

Остяки и Самоѣды освобождены отъ воинской повинности, но платятъ подати, которыя прежде состояли въ мѣхахъ, теперь же въ деньгахъ; съ каждаго Самоѣда, способнаго къ работѣ, взимается по 3 руб. 12 коп. Изъ этого поступаетъ въ казну: съ Самоѣда 1 руб. 43 коп., съ Остяка 86 коп., остатокъ же идетъ на содержаніе мѣстныхъ чиновниковъ (помѣщеніе, отопленіе, освѣщеніе).

Подобно всѣмъ или почти всѣмъ нецивилизованнымъ народамъ не только Сибири, но и прочихъ странъ, Остяки и Самоѣды должны будутъ отступить передъ цивилизаціей, подчиниться ей или погибнуть, несмотря на то, что они укрываются въ дикой странѣ, ведутъ суровую жизнь, подвергаются трудамъ и лишеніямъ и, повидимому, могутъ противиться неблагопріятнымъ условіямъ долѣе многихъ другихъ народовъ. Г. Поляковъ, который очень мрачно смотритъ на будущее Остяковъ, отыскиваетъ причины ихъ раззоренія въ притѣсненіяхъ и обманахъ со стороны его соотечественниковъ, что ему должно быть лучше извѣстно. Но когда онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, считаетъ главными факторами вымиранія незначительную способность къ размноженію и необычайный процентъ смертности дѣтей (отъ $^2/_3$ до $^3/_4$), то это лишь предположенія, а не факты, доказанные статистикой. Зуевъ,

сто лѣтъ тому назадъ, говорилъ тоже самое и его предсказанія не сбылись. Во всякомъ случаѣ и у нихъ, какъ у всѣхъ нецивилизованныхъ народовъ, водка главная причина матеріальнаго раззоренія и физическаго вырожденія, и г. Поляковъ, безъ сомнѣнія, правъ, обвиняя своихъ соотечественниковъ въ томъ, что они привозятъ водку и пріучаютъ къ ней туземцевъ. При всемъ томъ пьянство у Остяковъ и Самоѣдовъ развито не болѣе, чѣмъ у бо̀льшей части сибирскихъ народовъ. Конечно, эти „язычники“ и по сіе время не могутъ служитъ хорошимъ примѣромъ. Но между тѣмъ какъ сибиряки пьянствуютъ по привычкѣ, туземцы напиваются лишь случайно, по самой простой причинѣ: потому что они по большей части слишкомъ бѣдны. Лишь при какомъ нибудь особенномъ случаѣ инородецъ можетъ напиться до-пьяна, и этими случаями онъ пользуется такъ-же хорошо, какъ русскіе, и какъ это дѣлается въ цивилизованныхъ странахъ. Но пьяницъ по профессіи, какіе встрѣчаются въ Голландіи и Англіи, не говоря ужъ объ Ирландіи, между Остяками и Самоѣдами я никогда не видалъ. Притомъ же народъ этотъ чрезвычайно добродушенъ; какъ замѣчаетъ не безъ юмора Кастренъ, даже въ сильномъ опьяненіи Остяки самымъ добродушнымъ образомъ таскаютъ другъ друга за волосы, но далѣе этого нейдутъ. Эта черта, какъ я говорилъ уже выше, доказываетъ доброе сердце. И дѣйствительно всѣ наблюдатели единогласно утверждаютъ, что Остяки и Самоѣды одарены очень хорошими качествами. Наиболѣе выдающіяся изъ нихъ: честность, миролюбіе и гостепріимство. Кастренъ справедливо говоритъ: „въ нравственномъ отношеніи все Остяцкое племя отличается честностью и правдивостью, чрезвычайной услужливостью, благодушіемъ и человѣколюбіемъ.“ Подобное же мнѣніе о Самоѣдахъ высказывалъ священникъ въ Обдорскѣ; Кастренъ изъ собственнаго опыта также указываетъ на многія прекрасныя черты этого народа (стр. 176 и 235), и вмѣстѣ съ тѣмъ приводитъ примѣры нѣкоторыхъ безсердечныхъ поступковъ Русскихъ и Зырянъ. У Остяковъ и Самоѣдовъ убійство случается развѣ разъ въ 50 лѣтъ—и можно почти сказать, что у нихъ это преступленіе неизвѣстно. Какъ глубоко коренится въ нихъ честность, въ этомъ убѣдились мы въ тундрѣ. Миддендорфъ разсказываетъ не только объ оставленныхъ въ тундрѣ саняхъ и лисьихъ капканахъ, но даже и о бочкѣ водки (стр. 1430). Воруютъ только оленей, но эти дѣла рѣдко доходятъ до начальства, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ туземцы улаживаютъ дѣла полюбовно. У нихъ положено за пра-

вило, что воръ за одного оленя долженъ отдать двухъ.*) Вмѣстѣ съ расположеніемъ къ благотворительности (Кастр. стр. 230) у нихъ сильно развита любовь къ дѣтямъ. Кастренъ описываетъ много случаевъ усыновленія дѣтей. Гостепріимство также одна изъ отличительныхъ чертъ ихъ характера. Къ сожалѣнію, послѣднее нерѣдко ведетъ къ раззоренію, такъ какъ у нихъ принято обычаемъ, что богатый долженъ кормить бѣдняка до тѣхъ поръ, пока у него самого ничего не останется. На эту помощь смотрятъ какъ на нѣчто обязательное, не заслуживающее даже благодарности. Кастренъ говоритъ, что въ языкѣ Самоѣдовъ не существуетъ слово: „благодарю,“—но дайте Самоѣду глотокъ водки, и онъ пойдетъ за васъ на смерть. Я въ самомъ дѣлѣ начинаю думать, что слово это выдумано плутомъ, съ цѣлью избавиться отъ обязательства дешевой цѣной. Несмотря на множество слѣпцовъ и другихъ нуждающихся въ помощи, мы никогда не видали нищихъ.

Миддендорфъ обращаетъ также вниманіе на высокое уваженіе къ старости и на кротость дѣтей. Мы сами никогда не видали грубыхъ дракъ между остяцкими дѣтьми, какъ это бываетъ у насъ, и удивлялись ихъ миролюбію. Постоянно, безъ приказаній, дѣлили они между собою полученные кѣмъ-либо гостинцы и никогда не заводили ссоръ, которыя у насъ разрѣшаются родителями: „Кто умнѣе, пусть уступитъ“. Что касается учтивости и хорошаго обращенія, то эти дѣти природы могли бы служить примѣромъ для нашихъ дѣтей, такъ какъ Остяки и Самоѣды гораздо менѣе грубы, чѣмъ мы. Еслибъ эти простые люди, съ именемъ которыхъ образованный человѣкъ соединяетъ понятіе о грубости, видѣли, что между нами, несмотря на культуру и просвѣщеніе, часто совершаются гнусности и звѣрства людьми „образованными“, а иногда подъ предлогомъ опьяненія пускается въ дѣло ножъ и совершаются насилія, то они по справедливости могли воскликнуть: „мы, дикіе, лучшіе люди!“

Происходятъ-ли эти нравственные поступки „отъ инстинкта или чувства справедливости“, какъ полагаетъ Кастренъ, судьямъ нашимъ было бы это безразлично, такъ какъ они смотрятъ лишь на факты. Если же основываться на послѣднихъ, то окажется грустная истина, что нравственныя качества этихъ дикарей“ бываютъ

---

*) Шренкъ сообщаетъ фактъ, что Самоѣдъ, обманувшій Русскаго, укравшій у него чуть не все стадо оленей, содержалъ русскихъ сиротъ. Высшая мораль Христіанскаго ученія „люби своего ближняго своего, какъ самого себя“. замѣчается слѣдовательно и у язычниковъ.

тѣмъ ниже, чѣмъ эти дикари ближе соприкасаются съ европейцами. Такъ Кастренъ сообщаетъ, что обдорскіе Остяки около Обдорска, „живущіе въ полнѣйшей дикости“,—самые нравственные; тоже подтверждаетъ Миддендорфъ относительно Самоѣдовъ. Если въ этомъ процессѣ ухудшенія нравовъ и испорченности виновны главнымъ образомъ порочные элементы, идущіе какъ-бы въ авангардѣ цивилизаціи, то не стыдно ли, что христіанство не въ состояніи было искоренить это вредное вліяніе, несмотря на то, что христіанство принято уже нѣсколькими поколѣніями. Православная миссія удовольствовалась, какъ мнѣ кажется, однимъ крещеніемъ и постройкой церквей; о школахъ же вовсе не позаботилась. Въ этомъ можно убѣдиться изъ историческаго описанія Шренка (стр. 242—245) миссіи въ большеземельскихъ тундрахъ. Она была основана подъ руководствомъ архимандрита Веніамина въ 1822 году и обратила въ христіанство почти всѣхъ западныхъ Самоѣдовъ къ 1830 году; только отъ 500 до 600 человѣкъ уклонились отъ крещенія и частію скрылись за Уралъ. Это произошло не вслѣдствіе насильственныхъ мѣръ со стороны миссіи, но потому чтто разрушеніе жертвенныхъ мѣстъ привело въ ужасъ туземцевъ. Такъ, въ 1826 году была уничтожена священная роща на Мезени, а два года спустя знаменитое жертвенное мѣсто на идольскомъ мысу на Вайгачѣ, причемъ были сожжены сотни идоловъ, находившіеся тутъ съ 1556 года. На средней Оби стали обращать Остяковъ и Вогуловъ въ 1712 году; у Обдорска въ 1727. Въ послѣднемъ въ настоящее время находится мѣстопребываніе миссіи, на всю обширную область Тобольской губерніи состоящей изъ одного монаха миссіонера, который посѣщаетъ лѣтомъ всѣ рыболовныя мѣста до самаго Надыма, и не разъ проникалъ даже до р. Тазъ. Этотъ миссіонеръ старается дѣйствовать только увѣщаніями,—посѣщаетъ чумы, разсказываетъ о Богѣ и Христѣ и убѣждаетъ инородцевъ креститься. Нежелающіе того обыкновенно спѣшатъ покинуть чумъ, такъ какъ вообще всѣ инородцы боятся миссіонеровъ и крещенья. Миддендорфъ приводитъ нѣсколько примѣровъ притѣсненій и вымогательствъ со стороны духовныхъ лицъ, что бросаетъ сильную тѣнь на миссію. Въ Обдорскомъ округѣ врядъ ли это случалось. Во время ярмарки, въ Обдорскъ собирается много туземцевъ и миссія становится тогда особенно дѣятельной: приглашаютъ туземцевъ въ домъ миссіи и стараются уговорить креститься. Такъ какъ ихъ угощаютъ чаемъ, то, по всему вѣроятію, нерѣдко случается, что многіе изъ любезности изъявляютъ готовность къ кре-

щенію и что между ними бываетъ много охотниковъ креститься вторично. Свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ псаломщикомъ Обдорской церкви, ясно показываютъ, что о святости и цѣли крещенія туземцы имѣютъ или самое поверхностное понятіе или вовсе никакого. Кто видѣлъ, впрочемъ, въ высшей степени плохое состояніе миссіонерской школы въ Обдорскѣ, въ которой учится 8 человѣкъ остяцкихъ дѣтей, тотъ не станетъ удивляться, а найдетъ естественнымъ, что для туземцевъ все христіанство заключается въ крестѣ. Кто носитъ на шеѣ крестъ и умѣетъ сотворить крестное знаменіе, тотъ и христіанинъ,—болѣе ему ничего и не нужно!

Незнаніе сущности христіанской религіи, разумѣется, полное, и виноваты въ томъ не туземцы. Послѣ этого неудивительно, что туземцы Томской губерніи, обращенные въ христіанство болѣе ста лѣтъ тому назадъ, и понынѣ тайкомъ совершаютъ идолослуженіе и болѣе вѣрятъ своимъ шаманамъ, чѣмъ священникамъ (Кастр. стр. 168, 171). Нашъ Александръ Зыковъ, родившійся уже отъ обращенныхъ въ христіанство Остяковъ, зналъ о Христѣ лишь то, что образъ его виситъ въ Обдорской церкви и что Спаситель жилъ должно быть „гдѣ-то по близости Обдорска“, о Дѣвѣ же Маріи ничего не слыхалъ, а изъ святыхъ зналъ лишь одного, высокочтимаго въ православной церкви, Николая Чудотворца, котораго Самоѣды называютъ „Миколай“, что напоминаетъ венгерскаго „Микло“. На сѣверѣ дѣло обращенія во многихъ отношеніяхъ встрѣчаетъ болѣе трудностей, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ мѣстахъ, въ особенности по причинѣ кочевой жизни туземцевъ. Къ тому же сами постановленія православной церкви представляютъ непреодолимыя препятствія: напримѣръ, они воспрещаютъ мясную пищу; но возможно ли обитателямъ тундры держать строгій постъ? (до 200 дней въ году!); потомъ пугаетъ ихъ запрещеніе многоженства....

При такихъ воззрѣніяхъ неудивительно, что лишь немногіе принимаютъ христіанство. Такъ однимъ миссіонеромъ въ 1875 году обращено 52 человѣка, между тѣмъ какъ, по статистическимъ даннымъ, въ Томской губерніи еще 29000 язычниковъ, а въ Тобольской 9000.

Такъ какъ честность тѣсно связана съ любовью къ правдѣ, то туземцамъ незнакомо клятвопреступленіе. Клятва, произнесенная надъ медвѣжьей лапой или кускомъ шкуры въ рукахъ, на которой туземецъ дѣлаетъ надрѣзъ, говоря: „пусть меня медвѣдь съѣстъ, если я поклялся въ неправдѣ“, имѣетъ полное значеніе, даже на

судѣ. Поляковъ сообщаетъ (стр. 52) прелестную легенду, на основаніи которой Остяки считаютъ медвѣдя, сына Турома (по остяцки Очне, Самоѣд. Хайбиде), создателя вселенной, за божественнаго представителя справедливости на землѣ.

Какъ бы то ни было, но любовь туземцевъ къ истинѣ уже значительно пострадала и поколебалась. Причиной того былъ опытъ, пріобрѣтенный въ сношеніяхъ съ чужеземцами, вторгшимися въ ихъ страну. Видя, что ихъ постоянно надуваютъ, и они стали прибѣгать ко лжи въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ выгодно скрыть выручку отъ охоты или запасъ мѣховъ. Но мстительности, какъ описываетъ Альбинъ Конъ, основываясь на одномъ эпизодѣ, когда обманутый Остякъ былъ до того раздраженъ, что покусился на убійство, такой мстительности они не знаютъ; иначе убійства не были бы у нихъ рѣдкостью. Вообще я имѣю основаніе полагать, что разсказанный эпизодъ ничто иное какъ выдумка, потому что такой важный случай, происшедшій 12 лѣтъ тому назадъ, былъ бы намъ неминуемо сообщенъ. Во всякомъ случаѣ туземцы умѣютъ платить довѣріемъ за довѣріе; въ этомъ мы убѣдились достаточно. Когда подтвердились наши увѣренія, что мы не купцы, не миссіонеры и не чиновники, отъ которыхъ они не безъ основанія ожидали обмана, крещенія или повышенія податей, когда они увидѣли, что мы не ожидаемъ отъ нихъ никакихъ подарковъ, а за все платимъ, тогда подозрительность ихъ исчезла, и мы не имѣли ни малѣйшаго повода на нихъ жаловаться.— Притѣсненія со стороны европейцевъ измѣнили также характеръ туземцевъ, сообщили имъ скрытность, задумчивость, вялость и безучастность, которыя легко принять за тупоуміе и которыя часто объясняютъ ихъ тяжелымъ образомъ жизни. При болѣе же близкихъ сношеніяхъ съ туземцами замѣчаешь, что они, напротивъ, веселаго нрава. Даже во время труднаго странствованія по тундрѣ, наши Остяки безпрестанно напѣвали монотонныя пѣсни и наши гребцы часто весело шутили и смѣялись между собою. Только раза два выходили между ними ссоры, но никогда дѣло не доходило до драки. Впрочемъ, я замѣтилъ, что Остяки говорятъ гораздо тише, чѣмъ Лапландцы. О непостоящимой веселости нашего Гайвая я уже упоминалъ. Вообще Самоѣды кажутся живѣе и именно расторопнѣе Остяковъ. Очевидныя при первой встрѣчѣ, робость, страхъ и застѣнчивость исчезаютъ при продолжительной совмѣстной жизни и происходятъ вовсе не отъ трусости. Хотя туземцы не герои въ томъ смыслѣ, какъ мы это понимаемъ, но имъ присуще мужество,

такъ какъ безъ него мудрено было бы вести войну съ царемъ здѣшнихъ лѣсовъ—медвѣдемъ. Съ такимъ плохимъ оружіемъ, какъ у нихъ, пожалуй отступилъ бы и Нимвродъ.

Что люди, обладающіе такими хорошими качествами, не лишены умственныхъ способностей, это само собою разумѣется. Но сужденіе о нихъ, составленное по односторонпимъ, старинпымъ источникамъ, изъ которыхъ брали то, что казалось почудпѣе и интереснѣе, весьма неопредѣленно и фальшиво, тѣмъ не менѣе распространено до сего времени. Если первые русскіе, пришедшіе въ соприкосновеніе съ Самоѣдами, гнушались ими за то, что они ѣдятъ сырое мясо, то неудивительно, что *Jsbrants Jdes* принялъ ихъ за людоѣдовъ. Замѣчаніе Вирхова объ одномъ черепѣ: „образованіе челюсти напоминаетъ шимпанзе“, безъ сомнѣнія, не заставитъ позднѣйшихъ писателей низвести Остяковъ и Самоѣдовъ въ умственномъ отношеніи на степень развитія обезьяны. Подобными заключеніями древнихъ авторитетовъ охотно пользуются нѣкоторые популярные писатели, чтобъ придать болѣе рельефа субъективнымъ воззрѣніямъ. Подобной-то субъективности, лишенной опыта, мы обязаны сужденіемъ, что Остякъ стоитъ на самой нисшей степени развитія. Если нельзя отрицать того, что туземцы до сихъ поръ не дѣлали никакихъ попытокъ, чтобъ улучшить свое положеніе и достигнуть высшей степени образованія, то при болѣе вѣрномъ обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ, этого невозможно и ожидать. Климатическія и физическія особенности страны полагаютъ неопреодолимыя границы стяжанію, а при извѣстной бѣдности крупныя предпріятія недоступны туземцамъ. Такимъ образомъ оказывается, что чисто практическія причины лишаютъ туземцевъ образованности цивилизованныхъ націй.

Жизнь Остяка не требуетъ высшаго образованія, и его умственнаго развитія достаточно для требованій, предъявляемыхъ ему жизнью. По его мнѣнію, достаточно того, что онъ знаетъ, что главное событіе, рожденіе оленей, начинается въ апрѣлѣ, а потому онъ не заботится о другихъ мѣсяцахъ и дняхъ. Шренкъ говоритъ однако, что Самоѣды знаютъ не только мѣсяцы и дни, но время дня, страны свѣта и даже важнѣйшія созвѣздія, что при постоянной жизни подъ открытымъ небомъ, вполнѣ естественно. Остяки также хорошіе наблюдатели природы и при своихъ странствованіяхъ руководятся звѣздами. Главный ихъ путеводитель, какъ разсказывалъ мнѣ Іорка Мамрунъ, полярная звѣзда. Созвѣздіе Большой Медвѣдицы называютъ они именемъ наибольшаго животнаго своихъ лѣсовъ: „лося“. Сѣверное сіяніе, для котораго Шренкъ не

приводитъ самоѣдскаго названія, Остяки называютъ „сорнитутъ“, т. е. „божій огонь“. Они знаютъ его, и при появленіи его слышатъ иногда слабый шумъ, похожій на легкій вѣтерокъ, но этотъ шумъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ трескомъ, который описываетъ Сидоровъ. За этими сѣверными сіяніями слѣдуетъ обыкновенно перемѣна погоды. Ковальскій же, проведшій цѣлую зиму въ Обдорскѣ, нечего не упоминаетъ о шумѣ, хотя наблюдалъ многочисленныя сѣверныя сіянія.

Кастренъ чисто изъ практическихъ причинъ возстаетъ противъ навязыванія туземцамъ образованія, которое они лишь въ рѣдкихъ случаяхъ могутъ примѣнить къ дѣлу. Какъ справедливо замѣтила Кастрену депутація Остяковъ, что ученые люди умрутъ съ голода въ тундрѣ, такъ точно и мнѣ Іорка Мамрунъ заявилъ, что онъ, по той же самой причинѣ, не учитъ сыновей своихъ ни читать, ни писать, несмотря на то, что очень хорошо понималъ для чего я совѣтовалъ ему и то и другое. Но онъ лучше зналъ, что нужно для тундры и для жизни Остяка, и увѣрялъ, что, не умѣя ни читать ни писать, онъ будетъ также вѣренъ великому царю, и что дѣтей своихъ воспитаетъ въ томъ же духѣ. Что могъ я возразить на это?

Что у Остяковъ и Самоѣдовъ существуетъ своя поэзія, мы знаемъ отъ Кастрена (стр. 174—184) и Шренка, который въ отрывкѣ „Народныя пѣсни и сказки Самоѣдовъ“ (стр. 332—336) приводитъ прелестную пѣсню о цвѣтахъ. Въ этомъ отношеніи Самоѣды изобрѣтательнѣе Остяковъ; отъ послѣднихъ мнѣ не удалось узнать ни одной сказки, но Поляковъ сообщилъ мнѣ одну (стр. 54), „сочинительница“ которой даже пользуется извѣстностью. И у Остяковъ стало быть также есть синіе чулки! Не имѣется недостатка и въ инструментахъ для аккомпанемента народныхъ пѣсенъ. Видѣли мы Давидову арфу, которую Остяки называютъ „хотангъ“, т. е. лебедь, по Палласу „дернобой“. Это плоскій ящикъ съ резонансомъ, передняя часть котораго выгнута на подобіе шеи лебедя; на немъ, посредствомъ деревянныхъ колышковъ, навязаны проволоки. Лебедь бываетъ иногда съ разными украшеніями, и конецъ арфы въ видѣ птичьей головы есть продуктъ художественнаго мастерства Остяковъ, который стоилъ бы немалаго труда нашимъ деревенскимъ художникамъ. Туземцы умѣютъ отлично клеить и обладаютъ лучшимъ для этой цѣли матеріаломъ—рыбьимъ клеемъ. Еще болѣе искусства требуетъ длинная цитра, по остяцки „нарежухъ“ („домбра“, по Палласу, стр. 66)—плоскій ящикъ, длиною отъ 3—до 4-хъ футовъ, шириною отъ 8 до

10 дюймовъ, резонансъ котораго, какъ у „лебедя“, усиливается посредствомъ вложенной туда стеклянной или металлической пластинки. Черезъ перекладину, на колышки, сдѣланные изъ клиновидныхъ костей утки, натянуто 5 струнъ, приготовленныхъ изъ кишекъ. На обоихъ инструментахъ играютъ пальцами, и они издаютъ очень гармоничные звуки. Третій инструментъ гораздо проще: это нѣчто въ родѣ скрипки; онъ похожъ на русскую балалайку и, по всему вѣроятію, она служила для него образцомъ. На немъ только три струны и играютъ на нихъ волосянымъ смычкомъ,—обыкновенно женщины, отчего и произошло его названіе: „ніэ-парежухъ“, т. е. женская скрипка.

Еще слѣдуетъ упомянуть о пляскахъ туземцевъ. Кромѣ этихъ инструментовъ, я привезъ еще съ собою двѣ игры, которыя показываютъ, что свободное отъ работы время Остяки не всегда проводятъ въ дремотѣ, но занимаются иногда играми, требующими размышленія и нѣкотораго умственнаго напряженія. Сюда принадлежатъ—нѣчто въ родѣ игры въ городки, по остяцки „Хутъюхъ-мудра, т. е. сложенный изъ чурокъ кубъ, какіе встрѣчаются у насъ въ игрушечныхъ лавкахъ,—и игра „въ пять лошадокъ“, (по остяцки: Вуетъ-лаудимба-юхъ). Послѣдняя заключается въ томъ, чтобъ двѣ четырехъугольныхъ, продырявленныхъ деревянныхъ дощечки, нанизанныхъ на нитку и раздѣленныхъ между собою узломъ, сдвинуть на одну сторону, не развязавъ узла. Если правда, что въ эту игру богатые Остяки назначаютъ ставкой до 5 лошадей (?), то я, въ случаѣ пари, проигралъ бы, такъ какъ, къ великому удовольствію туземцевъ, не могъ продѣлать этого фокуса. Обѣ игры кажется занесены сюда изъ другихъ мѣстъ, также какъ и игра въ шашки (Шренкъ стр. 440). Хотя богато одаренные индивидуумы составляютъ исключенія, но тѣмъ не менѣе мнѣ приходилось встрѣчать Остяковъ, которыхъ и у насъ назвали бы „умными людьми“. Въ особенности могу указать на Іорку Мамруна, который былъ смѣтливъ и уменъ, какъ немногіе изъ нашихъ поселянъ. Онъ сейчасъ понялъ цѣль нашего путешествія, и ему обязаны мы лучшими свѣдѣніями о его племени. Я такъ много распрашивалъ Русскихъ и слышалъ отъ нихъ такъ много басенъ, которыя, при болѣе серьезныхъ разслѣдованіяхъ, оказывались основанными на пустыхъ слухахъ, что мнѣ стало ясно, почему путешественники сообщаютъ такъ много ложныхъ свѣдѣній. Даже Зуевъ, очевидно, многое почерпалъ изъ этихъ ненадежныхъ источниковъ. А потому я былъ очень радъ возможности распросить человѣка, который могъ дать наилучшія свѣ-

дѣнія о своемъ народѣ и сообщалъ ихъ охотно, хотя двойной переводъ представлялъ значительныя затрудненія, требовалъ большого терпѣнія и оставлялъ нѣкоторыя вещи не совсѣмъ ясными.

Какъ внутренняя жизнь этихъ дѣтей природы, вслѣдствіе односторонняго и субъективнаго сужденія, повела къ ошибочнымъ заключеніямъ, также точно это относилось и къ его внѣшнему образу жизни. Каждый вновь прибывшій въ страну, всегда склонный проводить сравненія, которыя въ большинствѣ случаевъ будутъ не въ пользу туземцевъ, долженъ бы поступать по примѣру знаменитаго наблюдателя—Миддендорфа, который настоятельно совѣтуетъ, прежде чѣмъ все порицать и только порицать, хорошенько ознакомиться со всѣми условіями жизни народа.

Какъ западно-европеецъ, увидавъ первый тарантасъ, считаетъ его за самаго неуклюжаго и нисшаго представителя экипажнаго мастерства, но при дальнѣйшемъ же знакомствѣ съ нимъ, признаетъ его практичнымъ и научается цѣнить его,—также точно судитъ онъ о разной утвари и ручныхъ издѣліяхъ туземцевъ. Оленьи санки, вызывающія сначала сострадательную улыбку, оказываются на опытѣ въ своемъ родѣ безподобнымъ произведеніемъ. Тоже самое можно сказать о 24 футовомъ челнокѣ, состоящемъ изъ одного выдолбленнаго ствола, къ которому съ обѣихъ сторонъ, посредствомъ корневыхъ мочекъ, прикрѣплены борты. Щели заливаются смолой, а для обмазки служитъ глина, смѣшанная съ рыбьимъ жиромъ. Превосходныя, необычайно легкія весла, лыжи, орудія и т. д. по чистотѣ отдѣлки не оставляютъ желать ничего лучшаго и пристыдили бы многихъ изъ нашихъ ремесленниковъ. Даже чумъ (по ост.—хорнотъ, сам. Мё), покрываемый то берестой (лунгъ-хорнотъ), то шкурами (талъ-хорнотъ) представляетъ въ своемъ родѣ совершенное жилище и во многихъ отношеніяхъ превосходитъ грубыя бревенчатыя избушки русскихъ рыбаковъ, которые даже не всегда даютъ себѣ трудъ сдѣлать непроницаемую для дождя крышу, хотя у нихъ нѣтъ недостатка въ матеріалахъ и вспомогательныхъ орудіяхъ. Во всякомъ случаѣ бревенчатые и досчатые дома туземцевъ, часто очень красивые, превосходятъ русскіе. Что Остяки и Самоѣды не такъ тупоумны и простоваты, какъ кажутся, о томъ свидѣтельствуютъ разныя устраиваемыя ими ловушки. О прекрасныхъ рыбьихъ садкахъ я уже упоминалъ, также о прочныхъ канатахъ изъ корней, приготовленію которыхъ, т. е. канатовъ, русскіе научились у Остяковъ. Кромѣ того, они умѣютъ дѣлать изъ травъ прочныя веревки, которыми связываютъ столбы рыболовныхъ забоскъ. Національныя

рыболовныя сѣти Остяковъ, „холтимонъ“ (Калданъ, Колыданъ), которыя они главнымъ образомъ употребляютъ, врядъ ли могли бы быть замѣнены чѣмъ нибудь лучшимъ, а между тѣмъ устройство ихъ очень просто. Къ двусаженной перекладинѣ, посрединѣ которой привязанъ, въ видѣ грузила, камень, прикрѣпляется мѣшкообразная сѣть, отверстіе которой держится открытымъ при помощи двухъ тонкихъ бичевокъ. Послѣднія тотчасъ-же даютъ знать, когда рыба войдетъ въ сѣть.

Хотя у Остяковъ и Самоѣдовъ огнестрѣльное оружіе все болѣе и болѣе входитъ въ употребленіе, но все-таки оно еще до сихъ поръ не вытѣснило лука и стрѣлъ. Причиной тому—частію дороговизна цѣнъ огнестрѣльнаго оружія, частію то, что, за исключеніемъ крупной дичи (лося, оленя, медвѣдя) лукъ и стрѣлы гораздо практичнѣе ружья. Это станетъ ясно всякому, при видѣ охоты за бѣлками. Тысячи бѣличьихъ шкурокъ, занимающихъ первое мѣсто въ сибирской мѣховой торговлѣ, большей частью добыты лукомъ и стрѣлами. Этотъ способъ добыванія имѣетъ два преимущества: во 1-хъ, дешевизну оружія собственной фабрикаціи; во 2-хъ, не пугаетъ выстрѣлами лѣсныхъ жителей, и стрѣла, оканчивающаяся тупымъ наконечникомъ, доставляетъ добычу неповрежденной. Какъ я уже замѣтилъ выше, Остяки не особенные мастера стрѣлять изъ лука, что Шренкъ подтверждаетъ и относительно Самоѣдовъ (стр. 316). Различныя ловушки для бѣлокъ, горностая, соболя, лисицъ и т. д., и между ними наиболѣе замысловатый самострѣлъ, предающій хитрую лисицу въ руки еще болѣе хитраго Остяка, показываютъ не только тонкое знаніе нравовъ дикихъ звѣрей, но также обнаруживаютъ глубокое соображеніе ихъ изобрѣтателя и мастера. Немало труда стоило намъ установить такія ловушки и немало забавлялись туземцы надъ нашей неловкостью.

Какъ ни искусны Самоѣды и особенно Остяки въ деревянныхъ издѣліяхъ (на верхней Оби вся домашняя утварь русскихъ изготовлена Остяками), но никогда не видалъ я ихъ занимающимися кузнечнымъ мастерствомъ. Кастренъ (стр. 193) увѣряетъ, что они сами куютъ наконечники стрѣлъ и необходимые для ремесленника желѣзные инструменты. Это относится къ Остякамъ, живущимъ по среднему теченію Оби; живущіе же по нижнему теченію кузнечнаго дѣла не знаютъ. Поляковъ полагаетъ, что Остяки умѣли обработывать желѣзо еще до прибытія Русскихъ. Глиняная посуда встрѣчается у туземцевъ очень рѣдко, и, какъ я убѣдился на опытѣ, дѣлать ее они не умѣютъ, причиной чему

сама тундра. Только однажды, на обратномъ пути изъ Подараты, возлѣ уединеннаго тундрянаго озера, нашелъ я черепки настоящаго горшка, которые профессоръ Вирховъ нашелъ достойными снятія съ нихъ слѣпковъ. Поляковъ добылъ несомнѣнныя доказательства того, что въ прежнее время Остяки умѣли обработывать глину. Но „глиняныхъ идоловъ“, о которыхъ упоминаетъ Конъ, нигдѣ не встрѣчается.

Кто увидалъ бы грубо сдѣланныхъ топоромъ идоловъ, тотъ не повѣрилъ бы, что Остяки и Самоѣды умѣютъ дѣлать истинно художественныя произведенія. Костыльки и украшенія для оленьей упряжи, изготовляемые изъ ножныхъ костей, сдѣланы не только чисто и аккуратно, но иногда изящно и съ большимъ вкусомъ. Въ обработкѣ слоновой кости обитатели Оби стоятъ ниже обитателей Енисея, именно Долгановъ и Якутовъ, и мнѣ никогда не приводилось видѣть прекрасныхъ трубокъ изъ мамонтовой кости, какія изображены у Миддендорфа (стр. 1452). Но другія привезенныя мною вещи свидѣтельствуютъ о прилежаніи и терпѣніи, и заслуживаютъ названія художественныхъ произведеній, особенно, если принять во вниманіе, какими несовершенными инструментами были сдѣланы. Сюда принадлежалъ напр. кусокъ оленьяго рога, выдѣланный изъ цѣлаго, заключающій въ себѣ вертящійся колышекъ, въ высшей степени практичный и удобный для привязыванія собакъ и лисицъ; также вырѣзанная изъ куска дерева цѣпь, изъ пяти звеньевъ, на которую вѣшаютъ колыбель (по остяцки Лейди-юхъ). Женскія весла (по остяцки—Ніе-лопъ), съ продѣланнымъ вверху отверстіемъ, въ которое вкладывается поперечный колышекъ, гремящій при греблѣ, могутъ служить доказательствомъ того, что Остякъ умѣетъ также приносить жертвы своимъ возлюбленнымъ. На этихъ веслахъ иногда начерченъ крестъ, что также встрѣчается въ видѣ украшенія на берестяныхъ буракахъ (ост. Сонъ, для воды—Йингель), и форма его не заимствована отъ русскихъ. Вообще, по тщательномъ сравненіи русскихъ орнаментныхъ украшеній, я убѣдился въ томъ, что прекрасные рисунки туземцевъ принадлежатъ имъ самимъ. Рисунки эти по преимуществу изображаются на берестяной посудѣ или на вышивкахъ, вообще на женскихъ работахъ. О красотѣ и художественности этихъ работъ, которымъ удивляется и Миддендорфъ (стр. 1423), я уже упоминалъ выше, говорилъ также о бодрости и трудолюбіи остяцкихъ и самоѣдскихъ женщинъ, которыя во многихъ отношеніяхъ обладаютъ большою ловкостью. Ихъ превосходный способъ выдѣлки кожъ, съ помощью мозга и яичнаго желтка, приве-

денъ въ Политехническомъ журналѣ Динглера въ качествѣ новаго изобрѣтенія; ихъ цыновки, сплетенныя изъ жесткой травы (ост. Пецлангъ), иногда представляющія черные рисунки, получаемые посредствомъ кипяченія въ ивовой корѣ,—всѣ эти замѣчательныя работы принадлежатъ Остякамъ.

Что касается положенія остяцкихъ и самоѣдскихъ женщинъ, то, конечно, нельзя отрицать, что положеніе это подчиненное и что, какъ у всѣхъ первобытныхъ народовъ, женщина наиболѣе обременена работой. Тѣмъ не менѣе *) описанія, подобныя описаніямъ Кострова, изображаютъ положеніе это въ черезъ-чуръ черномъ цвѣтѣ и вводятъ въ заблужденіе.

„Грязная, заваленная работой женщина, которая ведетъ рабскую жизнь, за что ее презираютъ, бьютъ, убиваютъ (по словамъ Кастрена, Остякъ забиваетъ жену до смерти, Самоѣдъ свою даже съѣдаетъ), должна работать какъ лошадь; добродѣтельна ли она или порочна—все равно, съ нею обращаются одинаково. На ея рукахъ весь домъ, и вся ея заслуга и главная обязанность состоитъ въ попеченіяхъ о потомствѣ.“

Что касается „побоевъ до смерти и съѣденія,“ то статистика убійствъ совершенно опровергаетъ это, и всѣ эти обвиненія ничто иное, какъ клевета на нравственность и характеръ цѣлаго племени, клевета, основанная на случаѣ, разсказанномъ Кастреномъ (стр. 238), въ которомъ дѣло идетъ о поступкѣ сумасшедшаго. Другой случай, также сообщаемый Кастреномъ (стр. 56, а не Палласомъ), имѣлъ мѣсто у обрусѣвшихъ, но грубыхъ Остяковъ—на Иртышѣ и составляетъ исключеніе, такъ-же какъ упоминаемый Поляковымъ **) примѣръ изъ жизни обдорскихъ Остяковъ. Совершенно несправедливо обращать исключеніе въ общее правило, даже если Кастренъ (стр. 56) и справедливо говоритъ о дурномъ обращеніи съ Остячками на Иртышѣ. По моимъ наблюденіямъ, подтверждаемымъ Миддендорфомъ (стр. 1460), остяцкія и самоѣдскія женщины по нижнему теченію Оби не подвергаются дурному обращенію, а что онѣ въ домашнихъ и семейныхъ дѣлахъ имѣютъ даже голосъ, это доказали намъ жена Зыкова и мадамъ Занда. Мно горазъ видѣлъ я женщинъ, обѣдавшихъ вмѣстѣ съ мущинами и присутствовавшихъ на представленіяхъ шамановъ. Жена

*) „Женщина у племенъ Томской губерніи,“ Воскресный листокъ Петербургской газеты 1876 года, № 36.

**) Поляковъ замѣчаетъ однако, „что приведенный примѣръ не составляетъ исключенія“.

Мамруна сопровождала его въ гости. Миддендорфъ сообщаетъ подобные примѣры между Самоѣдами (стр. 1446). Правда, что въ нѣкоторомъ отношеніи женщина считается нечистой (Шренкъ стр. 474, Миденд. стр. 1463), и относительно ея имѣется много предразсудковъ. По словамъ Шренка и Миддендорфа, женщины не могутъ участвовать на нѣкоторыхъ религіозныхъ торжествахъ, и считается дурнымъ предзнаменованіемъ, если женщина пересѣкла слѣды саней, и т. д. Но и у насъ во многихъ вещахъ мущины составляютъ исключеніе, и наши охотники при выходѣ на охоту считаютъ встрѣчу старой женщины нехорошей примѣтой. Послѣ этого нечего и сравнивать суевѣріе сибирскаго крестьянина съ суевѣріемъ Остяковъ.

Что женщина не считается вообще нечистымъ существомъ, какъ это говоритъ Зуевъ (стр. 71), видно уже изъ того, что она является дѣйствующимъ лицомъ въ миѳологіи Остяковъ и Самоѣдовъ, изъ того, что ее хоронятъ съ почетомъ, что она участвуетъ при служеніи шамана и въ религіозныхъ торжествахъ, противно мнѣнію Кастрена и Ковальскаго (стр. XXVIII). Что же касается обремененія ее работой, то и это не совсѣмъ справедливо; напротивъ, трудъ у нихъ распредѣленъ довольно равномѣрно между обоими полами, и мущинамъ вовсе не приходится тунеядствовать, подобно нашимъ предкамъ. Кто знаетъ положеніе нашихъ низшихъ сословій и кто видѣлъ, какъ мучатся наши женщины въ бѣдныхъ мѣстностяхъ, того нисколько не удивитъ трудъ жительницъ Оби. И, конечно, въ обоихъ случаяхъ невозможно сравнивать этихъ труженицъ съ свѣтскими дамами, играющими на фортепіано, читающими романы и занимающимися нарядами. Остякъ, такъ-же какъ Самоѣдъ, имѣетъ одну жену, которая служитъ ему какъ для работы, такъ и для рожденія дѣтей. Въ томъ и другомъ случаѣ она составляетъ для него настоящее сокровище, увеличивающее его благосостояніе. Мы видѣли, какъ мужъ и жена нѣжно цѣловали другъ друга, правда, будучи немножко навеселѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ они бы стѣснялись обнаруживать при насъ свои чувства. Вообще эти люди чрезвычайно стыдливы, особенно женщины. Мы никогда не видали, чтобъ мущины позволили себѣ что-либо неприличное или какую-нибудь двусмысленную вольность.

Домашняя жизнь и внутренняя обстановка дома или чума, хотя и бѣдна, однако въ общемъ мы нашли ее лучшею, чѣмъ ожидали по описаніямъ путешественниковъ. Зуевъ описываетъ Остяковъ настолько нечистоплотными, что они будто никогда не моются;

Конъ (стр. 33) идетъ еще дальше Зуева, а Поляковъ (стр. 49) увѣряетъ, что Остяка слышно издали по невыносимому зловонію! Такое мнѣніе мнѣ кажется черезъ-чуръ преувеличеннымъ и основаннымъ на исключеніяхъ. Хотя нельзя отрицать, что въ рыболовныхъ мѣстностяхъ, именно передъ окончаніемъ промысловъ, пахнетъ не особенно аппетитно, но это зловоніе происходитъ отъ извѣстныхъ обстоятельствъ. Что деревянныя избы, такъ-же какъ и чумы Остяковъ, имѣютъ приличный, чистый видъ, я упоминалъ не разъ. Самый образъ жизни предохраняетъ отъ скопленія нечистоты, такъ какъ лѣтомъ рыбный промыселъ приводитъ въ безпрестанное соприкосновеніе съ водой, что зимою можетъ быть уже весьма рѣдко. Но противъ сибирскаго холода грязь служитъ самою лучшею защитою и этого нельзя не принять во вниманіе.

Что чувствительное обоняніе непріятно поражается присутствіемъ Остяка, это весьма возможно, но запахъ этотъ впитывается въ одежду, подобно сажѣ въ одеждѣ трубочиста. Мѣховое платье, къ сожалѣнію, стирать *) нельзя, а потому въ немъ разводится множество насѣкомыхъ, которыми прародители наши были такъ-же богаты, какъ Остяки и Самоѣды, и которые перевелись, или по крайней уменьшились, вслѣдствіе „стирки“. Очень практичны противъ этихъ мучителей выдѣланныя изъ выгнутаго оленьяго рога скребки для спины (см. рисунокъ у Миддендорфа на стр. 1462). Надо однако сознаться, что въ дѣло пускались иногда и зубы, но это подражаніе обезьянамъ можно извинить недостаткомъ орудій истребленія.

Способъ питанія такъ-же простъ, какъ и домашняя обстановка. Кромѣ рыбы, различные способы приготовленія и сушенія которой подробно описываетъ Зуевъ (Пал. стр. 47), главной пищей служитъ имъ оленье мясо и различная дичь. Нѣкоторые виды животныхъ, въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, считаются нечистыми, напр. гагара (Миддендорфъ, стр. 1463). Лакомымъ кусочкомъ, по словамъ Полякова, считается желудокъ бѣлки, наполненный кедровыми орѣхами и, вѣроятно, совершенно основательно. Печеный хлѣбъ составляетъ необходимую пищу Остяковъ и Самоѣдовъ; ѣдятъ его, какъ разсказываетъ Поляковъ, съ рыбьей икрой и кровью. Овощи, за исключеніемъ разныхъ ягодъ, которыя ѣдятъ съ жиромъ, играютъ очень незначительную роль въ ихъ хозяйствѣ. Женщины, какъ лакомство, жуютъ березовую смолу. Если

*) Зуевъ разсказываетъ впрочемъ, что Остячки дѣлаютъ мыло, но я объ этомъ ничего не узналъ и почти не видалъ его въ употребленіи.

туземцы не сѣютъ хлѣба, то это происходитъ чисто отъ климатическихъ условій *), а потому Конъ совершенно неосновательно ставитъ имъ это въ укоръ; онъ долженъ былъ бы знать, что и русскіе на Печорѣ покупаютъ хлѣбъ въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ.

„Питье Остяка—водка“, говоритъ Поляковъ (стр. 49), но забываетъ прибавить: „въ торжественныхъ случаяхъ“; въ обыкновенное же время Остякъ довольствуется водою. Насколько Остяки и Самоѣды любятъ табакъ, я уже упоминалъ: они такіе же страстные курильщики, какъ и нюхальщики. Ими самими растирамые листья нюхательнаго табаку они смѣшиваютъ съ золой березоваго трута. Нерѣдко приводилось мнѣ видѣть, какъ они, взявъ здоровую порцію табаку изъ своего табачнаго рожка, клали его въ ротъ и жевали. По словамъ Полякова, они также примѣшиваютъ нюхательный табакъ въ водку, чтобы придать ей еще болѣе опьяняющія свойства. Высшая степень опьяненія извѣстна у нихъ подъ названіемъ „Корейта-унда“.

Для высѣканія огня употребляютъ они обыкновенно сталь и кремень, а также превосходный трутъ (ост. Занъ), собираемый ими съ березы.

Главные промыслы этихъ народовъ мы уже знаемъ,—они заключаются въ рыболовствѣ. Рыболовствомъ занимаются преимущественно Остяки, живущіе на Оби, между тѣмъ какъ Самоѣды занимаются болѣе оленеводствомъ. Впрочемъ, никто не занимается исключительно однимъ промысломъ: каждый рыболовъ, смотря по времени года, разставляетъ западни, разводитъ оленей, по крайней мѣрѣ насколько позволяетъ тундра, такъ какъ безъ послѣднихъ онъ обойтись не можетъ. Относительно рыболовства, я уже сказалъ все главное. Что касается охоты, то мы, благодаря времени года, видѣли собственными глазами только снаряды **), очень разнообразные. Мы слышали, между прочимъ, что Остяки самые предпріимчивые и неутомимые охотники въ лѣсныхъ мѣстно-

---

*) По Шренку (стр. 28—32), поясъ пшеницы въ Европейской Россіи простирается до $62^2/_3{}^0$, полевого гороха до 63^0, овса до $63^1/_4{}^0$. На Мезени сѣютъ рожь и ячмень между $65^1/_2$—66^0, но они не каждый годъ вызрѣваютъ. Гофманъ (стр. 164—197) при Усть-Усѣ видѣлъ у Самоѣдовъ рожь и ячмень посѣянными подъ 66^0; въ хорошій годъ они давали урожай отъ самъ-7, до самъ-10, но зерно было маломучнисто и мелко. На западной сторонѣ Урала, какъ мы видѣли, условія еще неблагопріятнѣе и Ланкенау ошибочно указываетъ на посѣвъ ржи и ячменя до самаго Березова.

**) У Гофмана есть рисунки большей части употребляемыхъ ловушекъ (стр. 30—43).

стяхъ; сюда они отправляются зимою на лыжахъ и, таща за собой сани съ съѣстными припасами, выслѣживаютъ дикихъ звѣрей и остаются въ лѣсу по нѣскольку дней. Какъ они могутъ не замерзая проводить по нѣскольку ночей подъ открытымъ небомъ, при жестокихъ зимнихъ холодахъ, разсказываетъ Гофманъ (стр. 32). Впрочемъ Остяки ловятъ болѣе западнями, въ которыя попадаютъ даже лоси; но во время оттепели, когда снѣгъ плохо держитъ тяжелыхъ животныхъ, они преслѣдуютъ ихъ на легкихъ лыжахъ и убиваютъ. Медвѣдя Остяки отыскиваютъ въ берлогахъ и овладѣваютъ имъ посредствомъ самострѣловъ и тому подобныхъ снарядовъ. Объ охотѣ *) въ первобытныхъ лѣсахъ сообщаетъ г. Поляковъ и приводитъ цифровыя данныя. Такъ одинъ Остякъ въ теченіе двадцати пяти лѣтъ убилъ 200 лосей, 300 оленей и 300 соболей; другой, вмѣстѣ съ товарищемъ, въ полтора мѣсяца убилъ 2-хъ лосей, 6 оленей, одного соболя и 225 бѣлокъ. Кастренъ (стр. 224) сообщаетъ, что годовая добыча одного охотника состояла изъ 150 бѣлокъ, 4 соболей, нѣсколькихъ лисицъ, волковъ, оленей; между тѣмъ какъ Миддендорфъ упоминаетъ о другомъ, въ цѣлую зиму убившемъ лишь 20 бѣлокъ и умиравшемъ съ голоду. Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ заключить, что въ иные годы добыча охоты можетъ быть очень скудной, такъ какъ вообще дичи здѣсь далеко не такъ много, какъ обыкновенно полагаютъ. Къ этому могу еще прибавить, что мы встрѣчали многихъ туземцевъ, которые ни разу въ своей жизни не только не убили ни одного медвѣдя, но и не видали его.

Изъ многихъ охотничьихъ суевѣрій упомяну лишь объ одномъ, приводимомъ Зуевымъ, а именно: чиханье утромъ передъ охотой предвѣщаетъ неудачу, т. е. какъ разъ противуположное примѣтѣ въ нашихъ мѣстахъ.

Какъ Киргизы, съ нашей точки зрѣнія, плохіе скотоводы, такъ Остяки и Самоѣды тундры—плохіе оленеводы. Оленемъ по русски называютъ также и благороднаго оленя, но тѣмъ многочисленнѣе названія, которыя даютъ первому туземцы, смотря по возрасту и полу, что доказываетъ, какое важное значеніе имѣетъ для нихъ это животное. „Въ жизни Самоѣда олень составляетъ все“, говоритъ Шренкъ, которому мы обязаны лучшимъ ихъ опи-

*) Болѣе подробныя свѣдѣнія доставляетъ Миддендорфъ (т. IV, стр. 1369—1394), относительно же Урала—Гофманъ (стр. 18, 30, 43 и 165). Зыряне на Печорѣ рьяные охотники и Гофманъ зналъ одного изъ нихъ, добывшаго въ одну зиму 10000 Куропатокъ. Возможность доставки въ Петербургъ обезпечиваетъ хорошую прибыль. Объ охотѣ—см. Палласъ, стр. 87—89.

саніемъ (т. I, стр. 303 и 582, II, стр. 366 и 398), на которое я и ссылаюсь, такъ какъ не могу привести никакихъ подробностей, основанныхъ на личныхъ наблюденіяхъ. Отъ Шренка же мы знаемъ, что Зыряне наилучшіе оленеводы и далеко превзошли въ этомъ туземцевъ.

Зыряне, которые называютъ себя Коми, т. е. житель Камы, какъ извѣстно, народъ финскаго происхожденія, поселившійся на западной сторонѣ Урала въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ (гдѣ они называютъ себя Ижмо-Мортъ, т. е. человѣкъ съ Ижмы), преимущественно же на Печорѣ. Пустозерскъ, Ижма и Усть-Уса служатъ главнымъ мѣстопребываніемъ Зырянъ, численность которыхъ, по Ленгефельду, достигаетъ до 90000 душъ, что слишкомъ преувеличено. Они, съ давнихъ временъ, хорошіе христіане, частью старовѣры, и отъ частыхъ сношеній съ Русскими языкъ ихъ принялъ много русскихъ словъ. Зырянинъ необычайно предпріимчивъ: „въ особенности способны они къ торговлѣ и ремесламъ; они полны энергіи и очень живого характера“, говоритъ Ковальскій, прибавляя къ тому, что Зыряне имѣютъ свои собственныя понятія относительно честности и, какъ истые купцы, никогда не отступаютъ въ торговлѣ предъ обманомъ. Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ не говорятъ о нихъ ничего хорошаго, только Гофманъ защищаетъ ихъ, указывая на нѣкоторыя великодушныя и благородныя черты ихъ характера (стр. 137). Совершенно противоположное говоритъ Шренкъ (стр. 223), приводящій неопровержимыя тому доказательства (стр. 514 и 552), подтверждаемыя Кастреномъ (стр. 226). Несомнѣнно, что посредствомъ безсовѣстнаго лихоимства они держатъ туземцевъ въ кабалѣ и завладѣваютъ цѣлыми оленьими стадами кочевниковъ. Хотя промыселъ этотъ былъ начатъ ими въ 1830 году, но уже во времена Шренка (1837 г.), изъ 80 тысячъ оленей Большеземельской тундры 76 тысячъ принадлежали 68 Зырянамъ, изъ которымъ нѣкоторые имѣли отъ 6 до 8 тысячъ головъ. Для сравненія можно привести то, что 79 тысячъ оленей Норвежской Лапландіи распредѣлялись на 1200 владѣльцевъ. Я нахожу необходимымъ упомянуть о Зырянахъ, потому что съ того времени они все болѣе и болѣе распространяются по Сибири и поселяются въ ней, что, впрочемъ, и необходимо для Обдорской торговли. Чтобы они и здѣсь уже выступали въ качествѣ владѣльцевъ оленьихъ стадъ — мнѣ неизвѣстно. Сибирская язва, много разъ опустошавшая оленьи стада, должна была вообще сильно поколебать эту отрасль промышленности. Обдорскій округъ, какъ я уже упоминалъ, не-

богатъ оленями, такъ какъ, по доставленнымъ мнѣ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, ихъ насчитывается только 50 тысячъ головъ.

Что Остяки на Оби также страдаютъ подъ бременемъ большей частью легкомысленно надѣланныхъ долговъ, объ этомъ разсказываетъ Поляковъ (стр. 48).

О томъ, что олень доставляетъ исключительный матеріалъ для одежды туземцевъ, я уже упоминалъ. Остяки и Самоѣды одѣваются почти одинаково. Нельзя однако не замѣтить, что праздничное платье выставляетъ туземца въ болѣе выгодномъ свѣтѣ, чѣмъ въ обыкновенномъ, будничномъ.

Главная одежда мужчинъ—малица, широкая, мѣшковатая шуба, спукающаяся до щиколотокъ, мѣхомъ внутрь, и съ широкой опушкой изъ оленьей или собачьей шкуры. Воротъ у шеи такъ узокъ, что голова пролѣзаетъ въ него съ трудомъ; вокругъ шеи воротникъ, который ниспадаетъ на спину. Рукава у проймъ такъ широки, что руки легко можно высвободить; внизу же они узки и обыкновенно оканчиваются перчатками (по остяцки—Хандопосъ, по самоѣдски—Овай), сдѣланными изъ грубой шкуры съ оленьихъ ногъ. Узкій поперечный разрѣзъ съ внутренней стороны кисти въ высшей степени практиченъ и позволяетъ свободно дѣйствовать руками. Такъ какъ мездра не выдерживаетъ сырости, то малицу покрываютъ матеріей. Эта и для русскихъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстахъ, необходимая одежда стоитъ отъ 20 до 30 рублей. Зимою сверхъ малицы, лѣтомъ безъ нея, надѣваютъ такую же шубу, достающую только до колѣнъ,—парку, по самоѣдски—Савока или Совокъ, мѣхомъ наружу и оканчивающуюся шапкой, которая у Остяковъ имѣетъ наушники. Парка дѣлается обыкновенно изъ темной оленьей шкуры, съ широкой бѣлой обшивкой и часто украшена пестрой вышивкой. Иногда, особенно въ лѣтнее время, парка шьется мѣхомъ внутрь и сверху обшита матеріей, съ пестрой суконной обшивкой. Парка стоитъ отъ 10 до 18 рублей. Зимой носится еще третья, очень широкая шуба, спускающаяся до щиколотокъ, съ колпакомъ, въ родѣ башлыка, и перчатками, называемая на нижней Оби —гусъ или гушъ. Надѣвается она въ самые жестокіе морозы, особенно въ дорогѣ, и дѣлается изъ самаго толстаго и длинношерстаго мѣха оленя, мѣхомъ наружу. Парка застегивается кожанымъ кушакомъ, съ пряжкой и мѣдными украшеніями (по самоѣдски: Низовой, или Ни, по остяцки—Похлемъ-антебъ-кель). Посреди на мѣдной цѣпочкѣ привѣшенъ ножъ, рукоятка котораго богато изукрашена мѣдными насѣчками (по остяцки: Кепи-сотобъ).

Русскіе, живущіе на Оби, заимствовали у туземцевъ фасонъ шубы, вродѣ малицы, съ шапкой грубаго сукна, большей частью чернаго, но также краснаго и зеленаго—и стали носить выбойчатые армяки съ пестрыми и крупными цвѣтами; то и другое служитъ имъ лѣтней одеждой. Остяки приготовляютъ также изъ кожи налима нѣчто въ родѣ непромокаемаго плаща. О короткихъ штанахъ (рис. на стр. 1421 сочиненія Миддендорфа), изъ дубленой оленьей кожи, я уже упоминалъ, такъ-же какъ и о чулкахъ, доходящихъ выше колѣна (пимы или пиви), прикрѣпленныхъ кожаными ремнями. Они шьются изъ параллельно нарѣзанныхъ полосокъ оленьей шкуры и сшиты вдвойнѣ, волосомъ внутрь и наружу. Полоски эти украшены узкими пестрыми нашивками изъ сукна. Подошвы этихъ пимовъ дѣлаются изъ шереховатой кожи съ берцовыхъ суставовъ оленя, а „головки“ пимовъ изъ толстой бѣлой шкуры. Лѣтомъ обыкновенно носятъ простые кожаные пимы, съ подошвой изъ тюленьей шкуры.

Голову накрываютъ зимой шапками (сам.—Сова) изъ двойной мягкой шкурки молодого оленя, съ длинными наушниками. Эти шапки, называемыя русскими тарбушокъ, весьма практичны, и вошли во всеобщее употребленіе у Русскихъ, не только между мущинами, но и женщинами. Лѣтомъ туземцы ходятъ большей частью съ непокрытой головой, и нечесанные волосы, какъ у Ятъювы (рисунокъ на стр. 436), придаютъ имъ дикій видъ. Но Остяки сплетаютъ свои волосы въ двѣ косы, ниспадающія на плечи и перевитыя красными лентами; Самоѣды же, напротивъ, обрѣзаютъ волосы на затылкѣ и спереди, и они закрываютъ у нихъ половину лба, какъ у нашихъ свѣтскихъ дамъ.

Женское платье очень сходно съ мужскимъ; оно состоитъ главнымъ образомъ изъ нижней (по самоѣдски: Янды) и верхней шубы (по самоѣдски и остяцки: Паны, Паница); только женскія шубы, по весьма естественнымъ причинамъ, открыты спереди и завязываются узкими кожаными ремешками. Богатыя женщины подпоясываютъ шубу сплетенными лентами, которыя крѣпко застегиваются большимъ прорѣзнымъ мѣднымъ кольцомъ. Кольца эти изготовляются Зырянами и стоятъ очень дорого, именно отъ 2 до 3 лисьихъ шкуръ за штуку. Рисунокъ на стр. 437 изображаетъ остяцкихъ женщинъ, но въ парадныхъ костюмахъ, такъ какъ въ своихъ изношенныхъ, грязныхъ шубахъ онѣ производятъ не особенно пріятное впечатлѣніе. И у этихъ бѣдныхъ племенъ прекрасный полъ заботится о нарядахъ, на что ужъ я указывалъ, говоря о женѣ Мамруна. Въ особенности любятъ онѣ

нашивать на паницы, въ видѣ украшенія, пестрыя яркія полоски сукна (см. среднюю фигуру). Нижняя же широкая обшивка дѣлается большей частью изъ чернаго и бѣлаго собачьяго мѣха, потому что только богатыя женщины могутъ позволить себѣ лисью или бобровую опушку, для большинства недоступную. Главную роль у Остячекъ играютъ большіе узорчатые платки (по остяцки Охсанъ, рис. на стр. 437, фигура влѣво), которые они сами отдѣлываютъ длинной бахрамой изъ крапивной пряжи; они служатъ также вуалями, для защиты лица отъ комаровъ и отъ взоровъ мужчинъ. Какъ извѣстно, на это у Остяковъ есть свои правила: такъ напр., невѣстка не должна показываться ни деверю, ни свекру; но, понятно, что правило это не всегда соблюдается. Зимою онѣ носятъ шапки (по самоѣдски: Савокъ или Ніэ-саву, по остяцки: Миль), сходныя по формѣ съ нашими обыкновенными капорами; дѣлаются эти шапки изъ шкуры оленя или россомахи съ лисьей опушкой, а назади привѣшена мѣдная цѣпочка, къ которой прикрѣплены металлическія подвѣски, а именно; у богатыхъ женщинъ мѣдныя и бронзовыя медали, стоимостью равняющіяся шкуркѣ песца (отъ 1 до 2 рублей) и болѣе; у бѣдныхъ же — простыя мѣдныя пуговицы, наперстки и тому подобныя побрякушки. На привезенной же мною женской шапкѣ привѣской служилъ настоящій желѣзный шалнеръ отъ ящика, который вполнѣ удовлетворительно выполнялъ свое назначеніе, т. е. гремѣлъ и бренчалъ при ходьбѣ. Этотъ шумъ, который еще издали даетъ знать о приближеніи туземной женщины, еще болѣе усиливаетсяцѣпями, кольцами и другими металлическими украшеніями, прикрѣпленными между двумя косами, какъ это изображено на фигурѣ справа (стр. 437). Косы (по остяцки: Оохсаву, самоѣд. Гушъ) обыкновенно обвиваются красными шерстяными лентами. Такъ какъ косы должны быть возможно длинныя, то онѣ часто бываютъ фальшивыя или наставленныя, какъ и у цивилизованныхъ женщинъ.

Серьги (остяцк. Палепохель-хорамъ), изъ пуговицъ, наперстковъ и т. п., вдѣваются въ уши посредствомъ тоненькаго ремешка; кольцами Остячки также не препебрегаютъ. Послѣднія (ост. Сорне-луйтъ) доступны даже для самыхъ бѣдныхъ, такъ какъ сдѣланы изъ мѣди и продаются по копѣйкѣ за штуку; поэтому неудивительно, если на каждомъ пальцѣ Остячки бываетъ столько колецъ, сколько ихъ можетъ на немъ помѣститься.

Изъ шейныхъ уборовъ въ большомъ ходу бусы питками, а также смѣшанныя съ металлическими побрякушками и старыми

монетами. Пестрыя бумажныя платья, въ родѣ рубашки, которыя носятъ лѣтомъ Остячки въ Березовѣ и его окрестностяхъ, также украшены красивымъ шитьемъ и узорами изъ бусъ и стекляруса. Эти лѣтнія платья шьются изъ самодѣльной ткани, выдѣлываемой изъ крапивной пряжи. Здѣшняя крапива (Urtica cannabina Pall.; остяцки Урторнъ или Урподнъ) у Остяковъ служитъ культурнымъ растеніемъ—всюду, гдѣ только растетъ въ дикомъ видѣ,—и отличается отъ нашихъ видовъ большимъ ростомъ. Изъ нея приготовляются также очень крѣпкія веревки, и изъ нея же женщины ткутъ матеріи. Всего болѣе употребляется крапива для этой цѣли на Иртышѣ и средней Оби.

Татуировку на лицѣ я видѣлъ только у одной женщины; но не разъ замѣчалъ продольныя полоски, вытравленныя на рукахъ и локтяхъ. Во всякомъ случаѣ, татуировка, о которой упоминаетъ Зуевъ, не въ употребленіи. По Миддендорфу, она примѣняется Самоѣдами при лѣченіи нѣкоторыхъ болѣзней, замѣняя наши сухія банки.

Женскіе пими такіе же, какъ онѣ надѣваютъ у мужчинъ, лишь съ болѣе изящными и красивыми нашивками; такіе же короткіе штаны изъ тонкой дубленой оленьей шкуры, спереди съ нагрудникомъ, который завязывается на спинѣ. Особенный кушакъ (самоѣд. Таши-пиме, ост. — Воробъ), сдѣланный изъ одной полосы оленьей кожи, который Остячки и Самоѣдки носятъ подъ штанами вмѣстѣ съ компрессомъ изъ стружекъ ивы, служитъ въ высшей степени практическимъ цѣлямъ и заслужилъ одобреніе врачей, которымъ я показывалъ этотъ снарядъ.

О рабочихъ ящикахъ и мѣшкахъ Остячекъ и Самоѣдокъ я уже говорилъ выше; прибавлю только, что собственно туалетныхъ вещей, кромѣ большого гребня, какіе употребляются у насъ для лошадей, онѣ не имѣютъ, кромѣ, и то очень рѣдко, осколка зеркала.

Объ одеждѣ дѣтей и юношей, а также о колыбели, я тоже уже упоминалъ. Люлька обыкновенно наполняется сухими опилками и содержитъ въ себѣ берестяную коробку, выстланную оленьею шерстью и мхомъ.

Куклы (ост. Аганъ) служатъ, какъ и у насъ, любимой дѣтской игрушкой. Эти болѣе или менѣе удачныя миніатюрныя изображенія женской фигуры, у которой лицо весьма оригинально замѣняется клювомъ утки-морянки. Мальчики съ ранняго возраста упражняются въ стрѣльбѣ изъ лука и въ этихъ упражненi-

яхъ такъ-же поощряются родителями, какъ и наши мальчики, играющіе въ солдатики.

Какъ трудно при здѣшнихъ климатическихъ условіяхъ воспитывать дѣтей въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, подробно описываетъ Миддендорфъ (стр. 1496), по собственнымъ наблюденіямъ. Само собою разумѣется, что множество дѣтей погибаетъ. Но уцѣлѣвшіе обладаютъ за то крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Дѣйствительно, я не видалъ тамъ ни одного калѣки, и всѣ Остяки и Самоѣды, закаленные суровымъ образомъ жизни (Палласъ говоритъ: „неестественной пищей"), обладаютъ хорошимъ здоровьемъ и доживаютъ до глубокой старости. По крайней мѣрѣ старики встрѣчаются очень часто, хотя никто изъ нихъ не знаетъ въ точности своихъ лѣтъ. Чаще всего туземцы подвергаются глазнымъ болѣзнямъ, именно воспаленію глазъ, чему причиной дымъ, комары, блескъ снѣжной поверхности и постоянное сидѣніе противъ огня. Миддендорфъ однако совершенно справедливо удивляется крѣпости ихъ зрѣнія: „Если старикъ жалуется на слабость зрѣнія, то это значитъ, что онъ видитъ еще много лучше, чѣмъ наши старики". У туземцевъ, въ видѣ предохранительнаго средства, имѣется множество различныхъ очковъ. Одни изъ нихъ, называемые Остяками Семкарти, какіе я привезъ съ собою, состоятъ изъ куска простого стекла, весьма крѣпко вдѣлаинаго въ мѣховую шкурку; эти очки носятъ они противъ рѣзкаго вѣтра. Еще очень практичную вещь представляетъ повязка, которую носятъ на лбу, (Семъ-лобесъ, т. е. глазная защита); дѣлается она изъ лисьей шкурки, длинные волосы которой свѣшиваются на глаза и весной защищаютъ глаза отъ ослѣпительнаго блеска снѣга. Впрочемъ, мы много разъ встрѣчали слѣпыхъ съ бѣльмами. Они пользовались участіемъ своихъ соплеменниковъ, но также работали, напримѣръ помогали грести. Сифилисъ, ужасные признаки котораго сперва непріятно поразили насъ, по нижнему теченію рѣки встрѣчается рѣже; въ тундрѣ же его совсѣмъ нѣтъ. У Шренка, который подробно описываетъ главныя болѣзни (стр. 547—550) сифилисъ занимаетъ второстепенное мѣсто, и, по увѣреніямъ туземцевъ, онъ у нихъ не заразителенъ, доказательство чему приводитъ и Гмелинъ.

Неудивительно, что, за неимѣніемъ врачей, всѣ способы лѣченія у туземцевъ основаны на суевѣріи и разныхъ шаманскихъ штукахъ. Единственный способъ лѣченія отъ ломоты, колики и т. п. состоитъ въ томъ, что на больномъ мѣстѣ сжигаютъ маленькіе кусочки трута. Разные заговоры у нихъ въ такомъ же

ходу, какъ у насъ симпатіи. Пріятель мой Джупши носилъ напр. на поясѣ медвѣжій зубъ (ост. Очне-пенгъ), какъ вѣрное средство отъ боли въ поясницѣ, которое онъ не продалъ бы ни за какую цѣну. Я не позволилъ себѣ осмѣять его талисманъ и вѣру въ него, такъ какъ вспомнилъ цѣпочки отъ ревматизма, королевскій напитокъ, чудесный элексиръ и тому подобныя спасительныя средства цивилизованныхъ шамановъ. Дальнѣйшія разсужденія о такихъ предметахъ привели бы насъ къ тому убѣжденію, что мы во многихъ отношеніяхъ болѣе достойны сожалѣнія, чѣмъ Остяки и Самоѣды!

Что касается обрядовъ, то намъ лишь одинъ разъ удалось присутствовать на погребеніи, и можно было бы совсѣмъ не упоминать о томъ, еслибъ оригинальныя свѣдѣнія, сообщенныя Іоркой Мамруномъ, не заслуживали безусловной вѣры. Безъ сомнѣнія, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ свѣдѣнія эти уклонялись отъ описаній другихъ путешественниковъ, такъ какъ послѣдніе основывались при этомъ лишь на справкахъ.

Для родильницъ Остяки устраиваютъ обыкновенно маленькую землянку въ сторонѣ отъ прочихъ домовъ; тамъ же женщины проводятъ время ежемѣсячнаго нездоровья, такъ какъ въ этотъ періодъ онѣ, какъ и у евреевъ, считаются нечистыми. Послѣ того онѣ подвергаются особенному окуриванію, причемъ врядъ-ли употребляется „бобровая струя“, какъ то утверждаютъ Зуевъ (стр. 71) и Поляковъ (стр. 54). Въ тундрѣ, если только это возможно, устраивается особый чумъ (сам. Съямай-мія, т. е. нечистая палатка, Шренкъ), родильная изба, и рòды, бòльшей частью легкіе, происходятъ при пособіи опытныхъ женщинъ. Какъ только ребенка выкупаютъ въ тепловатой водѣ, его тотчасъ же укладываютъ на мягкую оленью шерсть, и такимъ образомъ немедленно по появленіи своемъ на свѣтъ онъ знакомится съ постояннымъ спутникомъ всей своей жизни. Вскорѣ по рожденіи ребенку дается имя, большей частію, случайно, по названію вещи, имѣющей отношеніе къ окружающей обстановкѣ, какъ напр.: черный, кривой, хромой, лѣсъ, ольха, вѣтвь, волкъ и т. д. (такія имена приводитъ Лепехинъ, путешествіе II, стр. 255). Дѣвушки также получаютъ имена; но супруги обыкновенно называютъ другъ друга „мой мужъ“, „моя жена“, (ост. Ими, самоѣд. Ніэ (жена), ост. Тае, самоѣд. Хазовавъ или Ніэнзавъ (мужъ). Три или четыре дня спустя, въ честь новорожденнаго гражданина міра устраивается пиръ, т. е. убивается одинъ или нѣсколько оленей; въ пирѣ этомъ принимаетъ участіе и мать. Изъ этого видно, что

она не считается нечистой впродолженіе двухъ мѣсяцевъ, какъ говоритъ Шренкъ о Самоѣдкахъ (стр. 480 и 481). Матери кормятъ грудью дѣтей до пятилѣтняго возраста, какъ мнѣ разсказывали, и что подтверждаетъ Миддендорфъ. По достиженіи совершеннолѣтія, родителями также дается пиръ, причемъ, смотря по состоянію, убивается отъ одного до пяти оленей.

Важнѣйшее событіе въ человѣческой жизни—бракъ, у Остяковъ и Самоѣдовъ справляется также торжественно. Бракъ у всѣхъ азіатскихъ народовъ представляетъ ничто иное, какъ гражданскій договоръ, и жена покупается у отца за калымъ (ост. Тани). По европейскимъ понятіямъ, обычай этотъ можетъ служить доказательствомъ того, на какой низкой ступени стоитъ женщина у этихъ народовъ. Костровъ упоминаетъ о продажѣ дѣвушки въ замужество „тому, кто больше дастъ“, причемъ приводитъ одно мѣсто изъ Кастрена, гдѣ этотъ ученый описываетъ низкое положеніе остяцкой женщины. Еслибъ это въ самомъ дѣлѣ было такъ, то все же несправедливо было бы осуждать за это Остяковъ и Самоѣдовъ, этихъ дѣтей природы, въ то время, какъ у русскихъ, живущихъ въ Сибири, практикуется, по описанію Кона, таже купля жены—и когда зырянскія женщины-христіанки подчиняются самымъ унизительнымъ обычаямъ (Кастренъ I. стр. 248). На подобнаго рода дѣла надо смотрѣть не съ европейской точки зрѣнія, а глазами азіатца. При патріархальной жизни номада, соединяющей подъ одной кровлей дѣтей и родителей, кажется естественнымъ и цѣлесообразнымъ, чтобъ родители дѣлали выборъ за дѣтей, такъ какъ они имѣютъ въ виду какъ можно лучше устроить новое хозяйство. Что при этомъ не обращается никакого вниманія на любовь, это само собою разумѣется, тѣмъ болѣе, что дѣтей часто обручаютъ въ самомъ юномъ возрастѣ. Впрочемъ, не слѣдуетъ при этомъ забывать, что и у насъ заключаются тысячи такъ называемыхъ „браковъ по разсчету“. Еслибъ эти номады могли прочесть въ газетахъ ежедневныя публикаціи о желаніи вступить въ бракъ, они вѣроятно нашли бы обычай этотъ отвратительнымъ. У русскихъ бракъ рѣдко обходится безъ свахи (Гапстенъ, стр. 22). Какъ праотецъ Авраамъ посылалъ вѣрнаго Веѳуила сватать для своего сына Исаака прекрасную Ревекку, такъ-же точно поступаетъ глава остяцкой семьи. При сватовствѣ состояніе тоже имѣетъ у нихъ значеніе, съ тою только разницей, что спрашиваютъ: „сколько нужно заплатить за дѣвушку“, а не „сколько за ней приданаго“, какъ спрашивается у насъ. Конечно, все это сводится къ одному и

тому же, особенно въ такихъ случаяхъ, когда, какъ пишетъ Шренкъ (стр. 476) и Миддендорфъ, невѣста приноситъ съ собою хорошее приданое, слѣдовательно производится уже не купля, а обмѣнъ, цѣль котораго обезпечить молодую чету. Особенно богато одаренныя дѣвушки, какъ и у насъ, привлекаютъ множество жениховъ, и Миддендорфъ говоритъ (стр. 1452): „далеко разносится слава такой дѣвушки, что ясно показываетъ, что Самоѣды умѣютъ цѣнить умственное превосходство женщины не менѣе европейцевъ“. Такъ какъ Остяки и Самоѣды имѣютъ случай видѣть дѣвушекъ на нѣкоторыхъ празднествахъ, то и личная склонность не совершенно исключена при заключеніи браковъ. Когда я поздравлялъ Іорку съ превосходнымъ выборомъ такой красивой жены, то онъ спросилъ: „а развѣ у васъ это дѣлается иначе?“ Слѣдовательно и красота имѣетъ у нихъ немалое значеніе.

По всему вѣроятію, между родителями бываетъ заблаговременно взаимное соглашеніе, потому что въ большинствѣ случаевъ женихъ, при появленіи своемъ, получаетъ подарокъ отъ отца невѣсты и начинаются переговоры о калымѣ. Какъ только его опредѣлятъ, что происходитъ не безъ торгу, то тотчасъ же отецъ невѣсты отправляется къ родителямъ жениха за полученіемъ калыма. Послѣдній бываетъ различенъ, смотря по средствамъ. Старикъ Занда заплатилъ за свою невѣстку 20 оленей, между тѣмъ какъ Іорка отдалъ за свою прекрасную Унингу 150 оленей, 60 песцовъ-крестоватиковъ, разныхъ лисицъ и пр. вещей, всего на 700 руб. Миддендорфъ также упоминаетъ о калымѣ за самоѣдскую дѣвушку, состоявшемъ изъ 5 голубыхъ и 45 простыхъ песцовыхъ, 5 волчьихъ шкуръ, 90 оленей и 8 аршинъ краснаго сукна; нѣкоторую часть калыма родители невѣсты удерживаютъ у себя. Невѣста же въ день свадьбы, т. е. уплаты калыма, получаетъ отъ своихъ родителей и родственниковъ подарки, слѣдовательно приходитъ не съ пустыми руками. Что разставаніе съ родительскимъ чумомъ не обходится безъ слезъ, это само собою разумѣется; иногда даже жениху приходится употреблять для этого насиліе. Если мать невѣсты жива, то на торжественномъ поѣздѣ она сама везетъ дочь въ чумъ жениха, гдѣ родители послѣдняго поджидаютъ ихъ для начала пира. Мать остается первую ночь въ чумѣ зятя и на другой день уводитъ дочь домой, откуда зять самъ долженъ взять ее навсегда. Какъ на русскихъ свадьбахъ, такъ и на остяцкихъ и самоѣдскихъ, количество выпитой водки служитъ мѣриломъ богатства и веселья. Что

происходитъ на нихъ, подробно описываетъ Кастренъ (стр. 215—223), присутствовавшій на свадьбѣ. „Когда мы явились, то пиръ былъ ужъ въ полномъ разгарѣ. Нѣкоторые уже угостились до такой степени, что въ безчувствіи лежали на снѣгу съ непокрытыми головами, и вѣтеръ засыпалъ ихъ снѣгомъ. Но вотъ идетъ супругъ, покачиваясь, переходитъ отъ одного изъ лежащихъ къ другому, наконецъ находитъ свою жену и ложится подлѣ нея въ снѣгъ. Одного бѣднягу привязываютъ къ санямъ и отправляютъ домой. Въ чумѣ еще того хуже! Здѣсь лежатъ и сидятъ мущины и женщины, и старики, и молодыя дѣвушки. Въ числѣ распростертыхъ на полу находился и женихъ. Невѣста же, напротивъ, была менѣе пьяна, чѣмъ другія дѣвушки". Полигамія, несмотря на то, что допускается, встрѣчается очень рѣдко, и то между богатыми людьми. Кастренъ видѣлъ только одинъ случай, что у Остяка было 3 жены.

Брачными законами Самоѣдовъ, у которыхъ деверь можетъ жениться на своей невѣсткѣ, свекоръ на вдовѣ сына, однако строго воспрещаются браки въ кровномъ родствѣ, о чемъ упоминаетъ Шренкъ (стр. 476—386), а также Кастренъ (стр. 299). По словамъ Шренка, невѣрность обоихъ супруговъ составляетъ нерѣдкое явленіе, такъ какъ Самоѣдамъ незнакомо чувство ревности; Поляковъ также говоритъ, „что супружеская вѣрность представляетъ для Остяка чуждое понятіе, между тѣмъ какъ самъ онъ требуетъ отъ жены безусловной вѣрности". Я лично долженъ воздержаться отъ всякаго сужденія по этому поводу, но, по слухамъ, измѣны не особенно часты. Суровая жизнь сама налагаетъ благодѣтельныя границы, а холодный климатъ подавляетъ чувственность.

Гораздо разнорѣчивѣе, чѣмъ о свадебныхъ обрядахъ, извѣстія о погребальныхъ обычаяхъ, главная причина чему то, что всѣ они основаны на разсказахъ. Даже Кастренъ, видѣвшій языческія похороны (I. стр. 271) впадаетъ въ противорѣчія и пишетъ: „многіе самоѣдскіе и финскіе народы привѣшиваютъ своихъ умершихъ, именно дѣтей, къ верхушкамъ деревьевъ". Подобное замѣчаніе, такъ-же какъ ошибочныя данныя, приводимыя Зуевымъ, (стр. 75) вводятъ компиляторовъ въ заблужденіе. Такъ, напримѣръ, Альбинъ Конъ (стр. 29), совершенно произвольно перенося упомянутое свѣдѣніе на Остяковъ, говоритъ, „что они вѣшаютъ умершихъ на вѣтви деревьевъ и предоставляютъ ихъ на съѣденіе россомахамъ и орламъ", изъ чего тутъ же выводитъ заключеніе, что Остяки вовсе не сродственны Чуди.

На самомъ же дѣлѣ высокое уваженіе къ умершимъ составляетъ отличительную черту характера Остяковъ и Самоѣдовъ, которые въ отношеніи похоронныхъ торжествъ и погребенія имѣютъ совершенно одинаковые обычаи. Кастренъ видѣлъ на средней Оби, около Лумпокольска, остяцкое кладбище въ прекрасной рощѣ, между тѣмъ какъ русское было совершенно заброшено. Тоже самое замѣчали и мы всюду, гдѣ русскіе и туземцы жили по близости другъ отъ друга. Это почитаніе мертвыхъ представляетъ новое доказательство одного изъ хорошихъ качествъ, отличающихъ эти народы и заслуживающихъ уваженіе образованныхъ людей. Для кладбищъ большей частью выбираются самыя красивыя, почти поэтическія мѣстности въ лѣсу или на узкихъ, дюнообразныхъ холмахъ тундры, обросшихъ деревьями, насколько это позволяетъ сѣверная природа. Съ этихъ возвышенныхъ мѣстностей можно окинуть взоромъ всю тундру, всѣ рѣки и озера, словомъ всю мѣстность, въ которой покойный провелъ свою жизнь. Такія красивыя мѣстности пользуются у туземцевъ большимъ почетомъ и сюда они издалека привозятъ своихъ покойниковъ.

Если справедливы свѣдѣнія Гофмана (стр. 60), Шренка (523) и Миддендорфа, по которымъ Остяки и Самоѣды зарываютъ своихъ покойниковъ въ землю, то этотъ способъ погребенія составляетъ исключеніе или относится лишь къ нѣкоторымъ округамъ, какъ напр. Лепинскому (Ковальскій, стр. XXVII). Не всѣ путешественники говорятъ только о томъ, чему были очевидцами. Такъ Ковальскій только два раза находилъ языческія могилы. Вообще же туземцы кладутъ ящикъ съ трупомъ поверхъ земли, по крайней мѣрѣ такъ дѣлается у обитателей нижней Оби и тундры. Мерзлая почва не позволяетъ рыть могилы, въ чемъ я убѣдился по смерти Хата; даже въ серединѣ лѣта, когда это было бы возможно, я находилъ новые, сколоченные изъ досокъ, ящики для покойниковъ. Поэтому утвержденіе Кастрена, что зимой хоронятъ поверхъ земли, а лѣтомъ въ землѣ,—совершенно ошибочно. Такое языческое кладбище изображено на одномъ изъ моихъ рисунковъ (стр. 428); я срисовалъ его въ рощѣ мертвыхъ у Чернаго Яра, на среднемъ теченіи Щучьей. Одна, особенно изукрашенная, могила богача состоитъ изъ толстыхъ полуторадюймовыхъ досокъ лиственницы, которую туземцы раскалываютъ посредствомъ клиньевъ и затѣмъ обдѣлываютъ при помощи топора и струга. Прежде всего вбиваютъ въ землю 3 пары кольевъ, затѣмъ соединяютъ ихъ сверху перекладинами; въ го-

ловахъ и въ ногахъ кладутся поперечныя доски, въ видѣ распорокъ, и доски эти поддерживаютъ весь ящикъ, въ которомъ не бываетъ ни одного гвоздя. Длина его отъ 5 до 6 футовъ, ширина въ головахъ отъ 2 до 3 футовъ; въ ногахъ ящикъ значительно уже и ниже, что придаетъ ему видъ саркофага. Ящикъ покрытъ берестяными цыновками, подъ которыми, въ упомянутомъ случаѣ, лежала красная байка, служившая слѣдовательно признакомъ особеннаго богатства. Сверху лежали тонкіе расколотые вдоль древесные стволы. Въ такомъ могильномъ ящикѣ покойникъ лежитъ въ своей лучшей шубѣ, на мху и оленьей шерсти, покрытый оленьей шкурой, т. е. опять таки съ тѣми самыми предметами, которые встрѣчаютъ его при появленіи на свѣтъ. Подлѣ него лежатъ его любимыя вещи: топоръ, ножъ, рогъ, табакерка, трубка, чайный котелокъ и т. д., но никогда не находилъ я въ могилахъ съѣстныхъ припасовъ. Что не помѣщается внутри, то ставится или кладется подлѣ могилы. Такъ на нашемъ рисункѣ—въ головахъ изображена пика, которой управляютъ оленями, въ ногахъ срѣзанный носъ челнока, сбоку лежитъ лыжа и подъ ней топоръ. На верхней перекладинѣ виситъ колокольчикъ, на деревѣ слѣва оленья упряжь, подлѣ которой лежатъ опрокинутыя сани. Всѣ вещи, которыя даются покойнику, предварительно дѣлаются негодными къ употребленію. На подпоркахъ надѣты черепа оленей, съѣденныхъ на заупокойной трапезѣ. Кромѣ того у могилъ находили мы охотничьи и рыболовные снаряды: луки, стрѣлы, сѣти, однимъ словомъ вещи, которыя употреблялъ умершій. Такъ на заднемъ планѣ могилы находился на двое разрѣзанный большой челнъ. показывавшій, что покойникъ главнымъ образомъ занимался рыболовствомъ. Вправо, опрокинутая вверхъ дномъ колыбель означаетъ могилу ребенка, которому, какъ показываетъ черепъ, укрѣпленный на срубленномъ деревцѣ, былъ принесенъ въ жертву олень. Нѣсколько разъ находилъ я дѣтскіе трупы въ ящикахъ особенной формы, похожихъ на гробъ, въ какихъ туземцы сохраняютъ съѣстные припасы,—прекрасное доказательство родительской любви, жертвующей цѣнную вещь своему любимцу. Иногда я находилъ колыбели, повѣшенныя на ближайшее дерево, и этото, по всему вѣроятію, послужило поводомъ къ предположенію Шренка (526), что трупы дѣтей вѣшаются на деревья. Женщинамъ же кладутся въ могилу принадлежности ихъ обыденной жизни: рабочіе ящики, швейныя принадлежности, берестяная посуда, ножи и скребки для выдѣлки кожъ, деревянная

ложка и т. д. Не лишнее будетъ замѣтить, что женщинъ хоронятъ такъ-же заботливо, какъ и мущинъ, изъ чего опять таки можно заключить о равноправности обоихъ половъ. Еслибъ женщинъ презирали, какъ многіе разсказываютъ, то не стали бы такъ заботиться о ихъ погребеніи. Шренкъ встрѣтилъ Самоѣдовъ, которые везли прахъ матери семьи на морской берегъ, т. е. отправлялись въ далекій путь.—Всѣ языческія могилы устроены такъ, какъ я описывалъ. Ихъ довольно много, такъ какъ около Халиспагора я насчиталъ ихъ до 50. Какъ о полѣ умершаго, такъ и о его занятіяхъ и состояніи можно всегда узнать безошибочно. Чѣмъ болѣе наломанныхъ саней, а также оленьихъ череповъ, около могилы, тѣмъ богаче и вліятельнѣе былъ покойникъ. Немногія настоящія могилы, т. е. ямы, покрытыя досками, означаютъ, очевидно, могилы бѣдняковъ, которымъ не на что было сдѣлать гробъ; около нихъ обыкновенно не бываетъ ни саней, ни другихъ снарядовъ. Такъ я нашелъ въ одной могилѣ покойника, лежащимъ на своихъ саняхъ, и яма была выложена досками. Голова умершаго, завернутая въ мѣхъ и тряпье, обращена къ югу, ноги къ сѣверу, такъ что хотя могилы и разбросаны въ безпорядкѣ, но всѣ онѣ имѣютъ одно и тоже направленіе. Климатъ довольно долго предохраняетъ покойника отъ гніенія и доски ящика, если разрушаются современемъ, то все таки покрываютъ собою кости. Разростающаяся на могилѣ береза-стланка служитъ для ея укрѣпленія и обозначаетъ мѣсто погребенія по прошествіи многихъ лѣтъ, когда отъ могилъ русскихъ не остается никакого слѣда. По поперечному разрѣзу такихъ березокъ, привезенныхъ мною съ могилъ, профессоръ Нёрдлингеръ опредѣлилъ возрастъ ихъ въ 40 лѣтъ. Въ совершенно безлѣсной тундрѣ Таймыра Миддендорфъ находилъ покойниковъ между камнями, сложенныхъ въ видѣ бугровъ.

Я долженъ упомянуть еще объ одномъ обычаѣ, который до сихъ поръ, кажется, упускался изъ виду. По близости посѣщенныхъ мною могилъ, я всегда находилъ идольскій домикъ. У Чернаго Яра, на открытой тундрѣ праваго берега, ихъ было два. Они представляли собою миніатюрныя модели остяцкихъ зимнихъ хижинъ, величиною не болѣе собачьей конуры, и были покрыты берестой, сверхъ которой, ради защиты ея отъ вѣтра, лежалъ древесный стволъ. Дверь запиралась деревянной задвижкой. Внутри находилась кукла, одѣтая по остяцки, также разная домашняя утварь: ложки, чашки, ножи и т. д. Очагъ и оленій черепъ свидѣтельствовали, что и здѣсь происходила жертвенная трапеза.

Насколько обычай этотъ связанъ съ погребеніемъ, узнать мнѣ не удалось, но полагаю, что эти идолы и домики, такъ-же какъ домашняя утварь,—дань приносимая умершимъ. Можетъ быть этотъ обычай имѣетъ отношеніе къ описанію Кастрена (I. стр. 296), въ которомъ сообщается о томъ, что тотчасъ послѣ смерти дѣлается изображеніе умершаго и въ продолженіи трехъ лѣтъ изображенію этому воздаются такія же почести, какъ живому, т. е. его кормятъ и одѣваютъ, потомъ ужъ „кладутъ въ могилу“. Ковальскій (стр. XXVII) говоритъ тоже самое, а по словамъ Поляковъ (стр. 52) „жена покойника въ знакъ печали дѣлаетъ себѣ куклу, ночью спитъ съ нею, а днемъ ставитъ передъ собою и любуется ею“. Я имѣю основаніе предполагать, что упомянутые путешественники разсказываютъ эти исторіи не на основаніи собственныхъ наблюденій, а просто по слухамъ. Я изслѣдовалъ множество языческихъ могилъ, но ни въ одной не видѣлъ этихъ куколъ и не замѣтилъ никакихъ данныхъ для подобныхъ предположеній. О погребальныхъ обрядахъ я буду говорить съ словъ Іорка Мамруна.

Если время и обстоятельства позволяютъ, то какъ только серьезно заболѣетъ какой нибудь важный членъ семьи, сзываютъ всѣхъ ближайшихъ родственниковъ,—если не при жизни, то во всякомъ случаѣ по смерти. Такъ какъ Остяки не особенно любятъ мыться, то они и не обмываютъ покойника, а только расчесываютъ ему волосы и надѣваютъ на него лучшее платье. Въ старыхъ платьяхъ хоронятъ лишь бѣдняковъ. Въ первую ночь огонь въ чумѣ не гасится. Тотчасъ по смерти дѣлаютъ могильный ящикъ, въ чемъ помогаютъ родственники. На эту работу требуется не менѣе трехъ дней и затѣмъ приступаютъ къ погребенію. Сукно, которымъ закрыто лице покойника, снимаютъ, всѣ близкіе родственники прощаются съ нимъ, цѣлуютъ его, потомъ несутъ тѣло къ послѣднему мѣсту успокоенія или же везутъ на оленяхъ или въ лодкѣ — и кладутъ въ гробъ Здѣсь совершается пиршество, т. е. убиваютъ одного или нѣсколькихъ оленей, смотря по состоянію умершаго, разводятъ огонь, варятъ и съѣдаютъ мясо. Что на этихъ тризнахъ пьютъ водку, доказывается осколками разбитыхъ бутылокъ, валяющимися около могилъ. Въ годовщину справляютъ поминки, много ѣдятъ и пьютъ. На этихъ посмертныхъ жертвоприношеніяхъ, енисейскіе Самоѣды убиваютъ такое количество оленей, что наслѣдство, какъ сообщаетъ Миддендорфъ (стр. 1457), прилагающій при этомъ правила наслѣдованія, значительно сокращается. На могилахъ

вывѣшиваются черепа не только тѣхъ оленей, которые были убиты на мѣстѣ погребенія; очень часто поминки справляются въ чумахъ, и оттуда уже приносятся черепа въ знакъ совершенной тризны. Это увѣреніе Іорки объясняетъ, почему на кладбищахъ, кромѣ череповъ, рѣдко встрѣчаются какія либо кости, кромѣ мозговыхъ. Сообщаемыя Зуевымъ (стр. 55), Шренкомъ (525) и Ковальскимъ (стр. XXVII) свѣдѣнія о томъ, что Остяки и Самоѣды убиваютъ 3 оленей, которые везутъ сани съ умершимъ, и оставляютъ ихъ на мѣстѣ со всею упряжью и санями, основаны на невѣрныхъ данныхъ. Еслибъ это дѣйствительно такъ дѣлалось, то я бы, безъ сомнѣнія, нашелъ хоть какіе нибудь слѣды этого обычая. Звѣрское убиваніе оленей при погребеніи (закалываніе посредствомъ обточенной палки: Зуевъ, Шренкъ; забиваніе ноздрей, ушей, рта посредствомъ деревянныхъ клиньевъ: Гофманъ, стр. 28) также основаны не на собственныхъ наблюденіяхъ, а на словахъ Зырянъ, въ чемъ я могу поручиться. Обычай поминокъ свидѣтельствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ о расположеніи къ благотворительности, потому что значительная часть мяса отдается бѣднякамъ.

Внѣшнихъ видимыхъ знаковъ скорби я никогда не замѣчалъ, но на этомъ же основаніи утверждаю, что разсказы Кострова о томъ, что Остяки рвутъ на себѣ волосы и до крови расцарапываютъ ногтями лице, совершенно невѣрны. Своеобразныя погребальныя церемоніи основаны, безъ сомнѣнія, на религіозныхъ вѣрованіяхъ, и обычай оставлять умершему разную утварь, очевидно, происходитъ отъ убѣжденія, что человѣкъ продолжаетъ жить и послѣ смерти; убѣжденіе это сохранилось даже у Остяковъ-христіанъ. Такъ, на кладбищѣ остяцкой деревни, Кёшка, которое содержалось гораздо лучше русскаго, покойники были похоронены въ землѣ, но на могилахъ были устроены деревянные ящики. Онѣ, разумѣется, не были лишены могильныхъ крестовъ, но въ ящикахъ лежала разная утварь, между прочимъ дуга, особенно характеризующая Остяковъ, которые держатъ лошадей.

Поляковъ пишетъ между прочимъ (стр. 52), что у Остяковъ три неба, и самое высокое изъ нихъ свободно „отъ всякихъ ясаковъ, чиновниковъ и всего, что препятствуетъ ихъ благосостоянію“. Прекрасная легенда о славномъ Татибэ уріэрѣ (Шренкъ I стр. 527, Кастренъ I стр. 262), который на своихъ оленьихъ саняхъ вознесся съ женой живымъ на небо, подтверждаетъ вѣрованіе о загробной жизни. Однако Остяки и Самоѣды не вѣрятъ въ нее, такъ какъ, хотя Зыковъ и Іорка отвѣчали на разспросы,

что вещи кладутся въ могилу для того, чтобъ умершій имѣлъ „тамъ“ что нибудь для первоначальнаго обзаведенія, но оба они отрицали загробную жизнь и полагали, что этотъ обычай просто ведется изстари. Іорка не вѣрилъ свиданью въ иной жизни, но вѣрилъ однако въ царство тѣней, въ которомъ человѣкъ скитается послѣ смерти. Это существованіе (Кастренъ: „О Самоѣдахъ I. стр. 264) продолжается, однако, лишь до тѣхъ поръ, пока тѣло не истлѣетъ; Татибеи же, напротивъ, послѣ смерти превращаются въ безсмертныхъ Итармасъ или Тадебжё, въ духовъ, помогающимъ Татибеямъ на землѣ. Одинъ изъ послѣднихъ, котораго я разспрашивалъ, не зналъ однако ничего объ этой привиллегіи касты и отрицалъ загробную жизнь, но вѣрилъ въ царство тѣней, въ которомъ онъ будетъ играть роль шамана. Въ этомъ царствѣ человѣкъ днемъ умираетъ, а ночью оживаетъ и занимается своими дѣлами по прежнему; для этого то ему и кладутъ подъ руку всякіе снаряды. Злые люди и въ этомъ мірѣ тѣней дѣлаютъ худое, хорошіе же—наоборотъ. Такіе злые духи стараются по ночамъ повредить чумамъ, мучаютъ вдовъ, если онѣ снова выходятъ замужъ, и тогда приходится шаманамъ изгонять ихъ, посредствомъ заклинаній.

Знакомство съ вышеупомянутымъ Татибеемъ или шаманомъ доставило намъ случай присутствовать при волшебномъ представленіи. „Дядя“ разузналъ объ этомъ человѣкѣ, Самоѣдѣ Архангельской губерніи, отъ рыболововъ въ Проточкѣ, и обѣщаніемъ водки уговорилъ его показать намъ свое искусство. Мы еще сидѣли за обѣдомъ, когда изъ сосѣдняго чума долетѣли до насъ глухіе звуки: это настраивали волшебный барабанъ. Этотъ необходимый для шамана инструментъ, по сам. Пенсеръ, состоитъ изъ обруча, отъ 1 до $2^1/_2$ футовъ въ діаметрѣ, на которомъ съ одной стороны натянута кожа молодого оленя. Внутри обруча вмѣсто ручки сдѣланы въ видѣ креста двѣ поперечныя перекладинки, къ которымъ прикрѣплены кольца или другія мѣдныя штучки, для усиленія шума. Колотушкой служитъ короткая обтянутая шкурой палка, которую колдунъ держитъ между указательнымъ и безъименнымъ пальцемъ и которая прикрѣплена ремнемъ къ барабану. Когда мы вошли въ чумъ, то нашли его биткомъ набитымъ зрителями: Самоѣдами, Остяками, Зырянами, Русскими, женщинами, дѣвушками и дѣтьми. Они привѣтствовали насъ троекратнымъ громкимъ крикомъ. Мы были усажены на почетномъ мѣстѣ—на оленьихъ шкурахъ, прямо противъ Татибея и могли безпрепятственно насладиться необыкновеннымъ, интереснымъ зрѣ-

лищемъ, положительно достойнымъ кисти Сальватора Розы. Я удовольствовался тѣмъ, что запомнилъ лишь нѣкоторыя, главныя черты представленія. На Татибеѣ былъ бѣлый грязный армякъ съ золотыми позументами, такъ какъ кожаное платье съ желѣзными побрякушками, по его увѣренію, вышло изъ „моды“. Подлѣ него съ правой стороны сидѣлъ его помощникъ Остякъ, въ обыкновенной одеждѣ, повторявшій все, что пѣлъ гнусливымъ голосомъ его хозяинъ. Представленіе началось съ того, что Татибей ударилъ въ барабанъ и заявилъ, что духи явились и стоятъ позади его. Разумѣется, они были видны лишь его духовнымъ очамъ, потому что глаза были у него закрыты. Затѣмъ онъ объявилъ намъ на самоѣдскомъ языкѣ, что будетъ гадать и скажетъ намъ „чистѣйшую правду“. Оракулъ говорилъ отрывочными фразами, нараспѣвъ, подъ аккомпанементъ глухихъ звуковъ барабана и закончилъ нѣсколькими сильными ударами и троекратнымъ припѣвомъ: „эге-ге“! Прорицанія, переданныя въ точности, были слѣдующія: 1) Путешественники получатъ орденъ отъ великаго царя (русскаго); 2) въ слѣдующемъ году пріѣдутъ снова; 3) тогда съ Усы отправятся къ истоку Щучьей; 4) что-то случится во время этого путешествія, но худое или хорошее—не знаю; 5) работы на Подаратѣ (проэктъ канала) не будутъ имѣть успѣха: нѣтъ ни лѣса, ни огня; 6) начальники дома потребуютъ отъ хозяина (меня) отчетъ, но все обойдется благополучно, и онъ (шаманъ) останется доволенъ; 7) три начальника дома назначатъ въ будущемъ году экспедицію на Усу; 8) безъ болѣзни вернутся домой и все найдутъ въ порядкѣ. Путешествіе будущаго года будетъ также счастливо и онъ (шаманъ) будетъ проводникомъ; 9) будетъ еще экспедиція на Подарату; когда она возвратится и ея свѣдѣнія будутъ согласоваться съ нашими, то мы получимъ великія награды отъ двоихъ великихъ государей (Александра и Вильгельма); 10) теперь все кончилось и я не имѣю болѣе ничего сказать.

Какъ видно изъ этихъ словъ, этотъ человѣкъ разузналъ кое-что отъ нашихъ людей, и его прорицанія не доставили ему большого труда. Во всякомъ случаѣ я остался имъ не менѣе доволенъ, чѣмъ знаменитымъ профессоромъ магіи въ Санъ-Франциско, которому заплатилъ два доллара. Между тѣмъ, какъ изъ прорицаній профессора, впослѣдствіи оказавшагося „землякомъ“, ничто не исполнилось, я, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, могу съ удовольствіемъ засвидѣтельствовать, что кое-что изъ шаманскихъ предсказаній дѣйствительно сбылось. Что касается ме-

ня, то „начальникъ“, т. е. бухгалтеръ географическаго общества, Георгъ Альбрехтъ, въ самомъ дѣлѣ потребовалъ отъ меня отчетъ, нашелъ его вѣрнымъ и выразилъ мнѣ свое удовольствіе. Товарищи мои получили впослѣдствіи, хотя и не за путешествіе, почетныя отличія отъ упомянутыхъ высочайшихъ особъ. По счастію, параграфы 2 и 3 остались неисполненными, такъ какъ ни одинъ изъ насъ не чувствовалъ охоты снова отправиться въ это царство комаровъ, хотя мы, къ сожалѣнію, потеряли такимъ образомъ случай воспользоваться обществомъ мудраго мага.

Тогда же, предчувствуя это, мы всячески старались удержать у себя на вечеръ этого рѣдкаго мужа, что намъ и удалось при помощи бутылки такъ называемаго хереса, изготовленнаго, по всему вѣроятію, въ Березовѣ. Конечно, за дальнѣйшее изложеніе „божественнаго ученія и шаманскаго искусства“ было заплачено особо. Привожу слова его безъ всякихъ комментарій.

Владыка боговъ и духовъ называется по самоѣдски Яу-Малъ, (ост. Оортъ) что означаетъ „конецъ міра“. У него быстрый конь и жезлъ; гдѣ онъ живетъ—неизвѣстно. Съ этимъ высшимъ богомъ шаманъ сообщается черезъ своего „дьявола или шейтана“, при чемъ подразумѣвается не чортъ, а состоящій при немъ добрый духъ. Барабанъ служитъ для призыва удалившагося духа, имѣющаго общечеловѣческій видъ и видимаго лишь шаманамъ. Съ помощью „своего дьявола“, который очень добръ, шаманъ побѣждаетъ злыхъ духовъ, что ему лично стоитъ большихъ трудовъ и усилій, такъ что его прошибаетъ потъ и онъ падаетъ въ обморокъ и иногда заболѣваетъ. Тогда шаманъ молитъ у Бога бо̀льшей силы и „Богъ“ посылаетъ ему иногда ночью его „дьявола“, чтобъ возвѣстить когда придетъ помощь. Однако „дьяволъ“ его оказывается иногда ненадежнымъ и искажаетъ повелѣнія высшаго Бога. Опытный шаманъ тотчасъ это замѣчаетъ, и сколько разъ онъ ударитъ въ барабанъ, столько ударовъ дьяволъ получитъ отъ боговъ въ наказаніе. Шаманы находятся въ отличныхъ отношеніяхъ съ духами, но есть и такіе, которые состоятъ на службѣ у злыхъ духовъ. Искусство шамановъ передается знаменитыми учителями, большей же частью переходитъ отъ отца къ сыну, иногда даже къ дочери, такъ какъ есть и шаманки. Вотъ опять знакъ уваженія къ женскому полу! Шаманы всѣ знаютъ другъ друга. Есть дураки, выдающіе себя за шамановъ, но они ничего не смыслятъ. Вообще шаманы дѣлятся на спеціалистовъ. Одни опытны въ „лѣченіи“, во врачебной наукѣ, другіе знаютъ толкъ въ оленяхъ, третьи умѣютъ отыс-

скивать пропажу и т. д. Онъ самъ лучше всего умѣетъ предсказывать погоду и мѣста, гдѣ рыба будетъ хорошо ловиться. Само собою разумѣется, что при лѣченьи не можетъ быть и рѣчи о наукѣ. Нашъ пріятель ограничивался лишь моленіемъ у Бога ниспослать ему помощь противъ злыхъ духовъ, которые сидятъ въ больномъ, иногда въ видѣ червей, грызущихъ сердце. Онъ, т. е. шаманъ, видитъ сейчасъ по лицу паціента—выздоровѣетъ ли онъ или нѣтъ, а о здоровыхъ можетъ сказать долго ли они проживутъ.

Для открытія пропажи (см. Кастрена I. стр. 201) нуженъ стаканъ водки, ножъ и крестъ, такъ какъ бываютъ шаманы христіане и христіанство не уничтожаетъ ихъ силы. Силою заклинаній воръ будетъ пораженъ ножемъ въ глазъ. Потеряннаго находить онъ не умѣетъ, и такъ-же какъ его собратья, не знаетъ никакого средства противъ мора оленей. Люди у которыхъ умираютъ олени,—всегда грѣшники и несутъ заслуженное наказаніе!

Иногда приглашаютъ шамановъ на свадьбы, чтобъ они защитили отъ „дурного глаза“. На погребеніяхъ имъ тоже есть дѣло, а именно они дѣлаютъ заклинанія, чтобъ покойникъ не возвращался. Остяки и Самоѣды почти не отличаются въ своихъ вѣрованіяхъ. Они собираются вмѣстѣ осенью на семидневный праздникъ, который Самоѣды называютъ звучнымъ именемъ „Шинъ-йеллэ хейвида-йеллэ“, а Остяки еще болѣе языколомнымъ названіемъ: „Лабетхатель йемунгхатель лабетхатель“ (отъ Лабетъ—7 и Хатель—солнце). Праздникъ этотъ представляетъ что-то въ родѣ благодарственнаго торжества, и въ немъ можетъ принимать участіе всякій, также женщины и дѣти. Всѣ собираются къ наиболѣе почитаемому идолу, приносятъ ему въ жертву мѣха, оленей и т. д., ѣдятъ и пьютъ. Въ годину бѣдствій приносятъ для умилостивленія боговъ особыя жертвы. Шаманы извѣщаютъ о волѣ боговъ и напоминаютъ о неисполненныхъ обѣтахъ, которые тотчасъ же приводятся въ исполненіе. Есть шаманы, которые знаютъ легенды и преданія своего народа, нашъ же знакомецъ не зналъ даже никакихъ фокусовъ. Такъ нѣкоторые знаменитые шаманы прокалываютъ свое тѣло саблями и копьями. Я самъ нашелъ однажды у покинутаго лагеря въ тундрѣ обломокъ четырехъграннаго копья въ 1 футъ длиною, признаннаго за копье шамана. Представленіе, впрочемъ, всѣхъ удовлетворило, даже насъ, потому что ознакомило съ шаманствомъ и достаточно убѣдило въ томъ, что подъ тонкимъ слоемъ христіанства еще глубоко коренится язычество. Когда я спросилъ одного русскаго,

что онъ думаетъ о фокусахъ шамана, онъ отвѣчалъ, что этотъ человѣкъ мастерски предсказываетъ погоду и отлично заговариваетъ рыбу; что вообще эти люди обладаютъ знаніями, которыя другимъ и не снятся. Какъ прекрасно уживается здѣсь христіанство съ шаманствомъ—это какъ нельзя лучше доказывалъ самъ Татибей. Онъ былъ не язычникъ, а добрый христіанинъ православной церкви и прежде даже былъ пѣвчимъ. Въ его чумѣ я видѣлъ три образа въ позолоченныхъ ризахъ, а на шеѣ его—крестъ. Малый, однако, былъ неглупъ; онъ сосалъ двухъ коровъ: днемъ пѣлъ псалмы, ночью дѣйствовалъ волшебнымъ барабаномъ. Какъ продалъ онъ мнѣ одинъ изъ своихъ образовъ, также точно уступилъ и заколдованный инструментъ, спрятанный въ кустахъ, изъ опасенія посѣщенія миссіонеровъ, которые запрещаютъ всякое колдовство.

Впрочемъ, этотъ шаманъ воспринялъ кое-что изъ христіанскаго ученія и смѣшалъ его съ своими вѣрованіями. Онъ разсказывалъ много глупостей. Такъ онъ утверждалъ, что прежде Яй-малу приносили даже человѣческія жертвы, но Іорка, котораго я объ этомъ распрашивалъ, отвергалъ это съ негодованіемъ: никогда не было ничего подобнаго! Изъ такихъ-то источниковъ должно быть почерпнуты многія невѣрныя свѣдѣнія, искажающія и понынѣ понятіе объ этихъ народахъ.

Вотъ что говоритъ Іорка Мамрунъ о религіозныхъ вѣрованіяхъ Остяковъ:

Главное божество называется „Оортъ“, также мостеръ или моштеръ. Это невидимое, доброе существо, помогающее людямъ, но не всемогущее, потому что оно не можетъ отвратить смерть, а также и падёжъ оленей, который вовсе не представляетъ собою наказанія грѣшникамъ. Большіе, особенно почитаемые идолы (какъ въ Веспуглѣ) въ два аршина вышины, съ мѣшками наполненными дорогими мѣхами и съ желѣзными лицами *) (подобно тому какъ въ Кіохатѣ), всѣ представляютъ Оорта; прочіе маленькіе идолы составляютъ только его копіи. Такихъ маленькихъ идоловъ берутъ они съ собою изъ чумовъ на семидневный осенній праздникъ, совпадающій съ замерзаніемъ Оби. Передъ

*) Эти свѣдѣнія во всякомъ случаѣ справедливы, потому что также описываетъ Соринъ, Остякъ по происхожденію, изображеніе бога Ортика (Оорта), которое почитали въ Шарконѣ (Шаркали), и помощникъ котораго—Мастерко прежде находился въ Троицкой. Описаніе Зуева славнаго идола у Воксарской юрты „съ серебрянымъ вѣнкомъ на головѣ“, основано лишь на разсказахъ.

Оортомъ зажигаютъ большой огонь изъ рыбьяго жира и приносятъ ему дорогія жертвы: лисьи мѣха, оленей и т. д. и обѣщаютъ еще новыя. Изъ мяса жертвенныхъ оленей идолы получаютъ свои небольшія порціи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ праздникъ этотъ справляется въ самомъ большомъ домѣ, но нынче большое изображеніе Оорта стали прятать въ лѣсную чащу, такъ какъ жертвенныя мѣста нерѣдко обкрадывались Русскими и Зырянами.—Еще справляется другой праздникъ, Іохтохотъ, нѣчто вродѣ военнаго торжества, въ память прежнихъ великихъ битвъ (!?). На этотъ праздникъ являются они вооруженные оленьимъ копьемъ и исполняютъ военныя пляски. Для этихъ праздниковъ собираютъ они деньги и другія приношенія, которыя составляютъ особый фондъ, находящійся въ завѣдываніи старѣйшаго. Также дѣлается и у Самоѣдовъ.

Судя по этому разсказу Іорки, можно заключить, что празднества эти состоятъ въ приношеніи благодарственныхъ или умилостивительныхъ жертвъ—и Кастренъ (I. стр. 291) справедливо говоритъ: „призываніе боговъ и умилостивленіе ихъ посредствомъ жертвоприношеній составляетъ единственное богослуженіе Остяковъ“. Объ этихъ празднествахъ упоминаетъ еще Зуевъ (Пал. стр. 63); описаны же они только Кастреномъ, (стр. 296), который навряд ли ихъ видѣлъ самъ. Въ нихъ принимаютъ участіе и женщины, по крайней мѣрѣ въ пляскахъ. Мнѣ также разсказывали, будто женщины справляютъ свои, особые праздники. Я очень сожалѣю, что мы прибыли не во время, тѣмъ болѣе, что Іорка завѣрялъ меня, что онъ позволилъ бы намъ на нихъ присутствовать. Какое именно участіе принимаютъ шаманы въ этихъ празднествахъ, на которыхъ, они, кажется, должны бы играть важную роль, мнѣ не удалось узнать. Іорка увѣрялъ, между прочимъ, что они не пользуются уваженіемъ умныхъ людей. Самъ онъ имъ не вѣрилъ. Но иногда совершенно случайно исполняются ихъ предсказанія и это пріобрѣтаетъ имъ новыхъ приверженцевъ.

Изъ всего этого слѣдуетъ заключить, что шаманы вовсе не жрецы, а просто гадатели и колдуны, что говоритъ и Миддендорфъ (стр. 1464). Какъ люди наиболѣе свѣдущіе, они заправляютъ жертвенными празднествами. Нравы шамановъ описываетъ Шренкъ (стр. 394), а также Кастренъ (I, стр. 190—198). Что шаманы имѣютъ большое вліяніе на толпу, это весьма естественно и понятно при господствующемъ суевѣріи этихъ дѣтей природы; скорѣе можно было бы удивляться, еслибъ этого не было. А потому и нельзя имъ ставить этого въ укоръ. Если у насъ тысячи

спекулянтовъ находятъ вѣрующихъ, если спиритическіе медіумы и вызыватели духовъ—желанные гости въ салонахъ столичныхъ городовъ, если сверхъестественныя видѣнія волнуютъ сотни умовъ и вызываютъ вмѣшательство полиціи, если это и многое другое происходитъ въ центрахъ культуры и цивилизаціи, то мы поневолѣ должны признаться, что во многихъ отношеніяхъ погрязли въ шаманство еще глубже, чѣмъ эти дикіе номады сѣверозападной Сибири.

Поэтому ихъ религіозныя понятія требуютъ болѣе мягкаго сужденія, чѣмъ: „слѣпое и грубое идолопоклонничество, вотъ господствующая религія Остяковъ“ (Палласъ). Или „Остякъ типичный идолопоклонникъ, нерѣдко олицетворяющій высшее существо вселенной, результатъ строгихъ законовъ природы, въ видѣ идоловъ, сдѣланныхъ его собственной рукой“ (Поляковъ)—и тому подобное. По истинѣ, ни одинъ еще изслѣдователь не проникъ въ сущность религіи туземцевъ, такъ какъ ни одинъ не присутствовалъ на ихъ религіозныхъ торжествахъ. Это ясно видно изъ того, что почти каждый путешественникъ даетъ противорѣчивыя свѣдѣнія, смотря по тому, что ему разсказывали.

„Самоѣды признаютъ божественное существо, Нумъ (т. е. небо), живущее на небѣ. Нумъ—духъ и не имѣетъ образа; онъ Гилеюмбъярте, т. е. творецъ жизни, земли, солнца и звѣздъ. Онъ добръ, всемогущъ, всевидящъ и всевѣдущъ, но управлять міромъ представляетъ духамъ, Табебціямъ. (Шренкъ, стр. 403).

Почти тоже говоритъ Кастренъ (I. стр. 198) о Нумѣ, котораго Самоѣды видятъ въ различныхъ явленіяхъ природы; такъ напр. радугу считаютъ они каймой его платья. Они почитаютъ его и въ солнцѣ, и мнѣ самому не разъ говорили (напр. дьяконъ въ Обдорскѣ), что у Самоѣдовъ нѣтъ идоловъ и что они поклоняются солнцу.

Небесный богъ Остяковъ—Турмъ или Туромъ (т. е. небо), также всевѣдущъ и пр., какъ и Нумъ, только у Остяковъ есть еще и другіе боги. По Кастрену, (стр. 295) есть еще лѣсной богъ, рѣчной богъ, Мэнгъ и Кули, а по Полякову,—Тонка и Уртъ-Иге. Ковальскій же говоритъ (стр. XXVIII), что главный богъ Остяковъ называется Мастерко, а Куль есть названіе злого духа. Свѣдѣнія эти сообщены ему обдорскимъ священникомъ Поповымъ. Енисейскіе Остяки, хотя христіане, почитаютъ однако три могущественныя божества: Ера, бога неба, Имля, женское, подземное божество, и медвѣдя, бога земли (Кастренъ II, стр. 226). Собринъ, (Russ. Revue, 1876, стр. 339), который, самъ Остякъ

по рожденію, долженъ былъ бы хорошо знать о своихъ соплеменникахъ, сообщаетъ, что Остяки почитали (?) или почитаютъ (!) (и Вогулы) слѣдующихъ боговъ: 1) богиню охоты (въ образѣ женщины); 2)—бога рыбы („обскаго старика“); 3)—бога птицъ; 4)—главнаго бога (не названъ); 5)—Ортика; 6)—Мастерко, помощника и исполнителя воли Ортика; онъ же и богъ здоровья; 7)—Эліане, посланника боговъ и 8)—Мейко, бога злыхъ.

Изъ всего, что мнѣ удалось узнать и что я здѣсь сообщаю, при объективномъ отношеніи къ дѣлу, „слѣпое идолопоклонство“ оказывается вовсе не такимъ дурнымъ, какъ оно кажется. Если остяцкій богъ Турмъ или Туромъ почти тождественъ съ самоѣдскимъ Яу-Маломъ или Нумомъ, что единогласно утверждаютъ всѣ путешественники, то нѣтъ ничего удивительнаго, что этимъ безхитростнымъ дѣтямъ природы пришла фантазія какъ-нибудь изобразить его. Желаніе вымолить у этого высшаго существа защиту и помощь или выразить ему благодарность—повело къ жертвоприношеніямъ. Отсюда уже недалеко отъ олицетворенія божества съ его изображеніемъ.

Главныхъ изображеній бога Турома, по преданію сдѣланныхъ людьми по его собственному повелѣнію (Поляковъ, стр. 51), не видалъ никто изъ изслѣдователей, кромѣ, быть можетъ, Собрина, который ихъ описываетъ. По всей вѣроятности, они находились прежде въ особыхъ домахъ, но теперь скрыты въ лѣсной чащѣ. Очень можетъ быть, что священныя рощи означаютъ такія мѣста, гдѣ прежде стояли эти славныя изображенія, или же рощи эти служили лишь мѣстомъ для жертвоприношеній. Въ Веспуглѣ, какъ было ужъ упомянуто, этого изображенія мы не нашли, такъ-же какъ Гофманъ и Кастренъ (стр. 290). Послѣдній видѣлъ такую же рощу, какъ мы у Веспугла. Длинные, грубые идолы, по ост. Иильянъ, сам. Хахе, представляли, по мнѣнію Кастрена, боговъ хранителей, и находились здѣсь въ качествѣ пожертвованій.

Самоѣды, живущіе болѣе въ тундрѣ, согласуясь съ бѣдностью природы, довольствуются меньшимъ и замѣняютъ идоловъ камнями странной формы и вообще разными „играми природы“. Такъ около Дудина приносятъ жертвы большому камню, потому что Самоѣды полагаютъ, что „тяжелый камень могъ принести сюда лишь самъ создатель“ (Миддендорфъ, стр. 1463). Гайвай разсказывалъ намъ, что онъ и его земляки ежегодно отправляются осенью на Арка-Пай (Уралъ) и тамъ приносятъ въ жертву большому камню оленей, рыбу и т. п. Гофманъ находилъ такія жер-

твенныя мѣста на Уралѣ,напр. Іоденеѣ (въ 1073 ф. вышины) и въ Пай-Хоѣ (стр. 154, 157, 158).

При извѣстной щедрости Остяковъ и Самоѣдовъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что щедрость эта выражается и въ жертвоприношеніяхъ богамъ, которыя потомъ расхищаются собирателями подаянія. Поляковъ говоритъ, что они совершаютъ съ этою цѣлью большія путешествія и систематично занимаются собираніемъ приношеній. Comme chez nous!

Это стремленіе къ жертвоприношеніямъ сохранилось и у обращенныхъ въ христіанство. Поляковъ приводитъ тому отличный примѣръ: одинъ Остякъ въ Маломъ - Атлымѣ, при видѣ образа Богоматери, въ простотѣ своей, принесъ ей въ церкви въ жертву молодого оленя.

Туземцы, какъ приверженцы старины, сохранили всѣ старыя жертвенныя мѣста и мы видимъ на Вайгачѣ, на мысѣ Идоловъ, сѣдалище высокочтимаго прежде Я-йеру-Хахе (т. е. владыки страны Хахе). Несмотря на то, что всѣ идолы были сожжены и на мѣстѣ ихъ водруженъ крестъ, около послѣдняго лежитъ множество жертвоприношеній. (Globus 1877 стр. 119). Впрочемъ подобный обычай замѣтилъ Шренкъ (стр. 221) и у Зырянъ: У подножія креста, вслѣдствіе „религіознаго суевѣрія натаскана была куча камней, изъ которыхъ каждый означалъ жертву“.

Такъ какъ не всякому удавалось видѣть главныя божескія изображенія или часто посѣщать ихъ, то стали дѣлать ихъ копіи и ставить ихъ въ чумѣ, въ видѣ семейныхъ или домашнихъ идоловъ. Эти идолы означаютъ боговъ-хранителей, (ост. Лонгъ или Лонхъ), и какъ я замѣтилъ въ Кіохатѣ, они дѣлаются по образцу большихъ идоловъ, скрытыхъ въ лѣсу, что, изъ описаній Собрина, кажется вполнѣ достовѣрнымъ. Вслѣдствіе этого эти пенаты особенно чтутся и не продаются, такъ-же какъ и изображенія, почитаемыя женщинами, напримѣръ упомянутая выше богиня Зонгетъ. Изъ этого можно заключить, что правы тѣ, которые утверждаютъ, что главныя божества женщинъ также скрыты въ лѣсу. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что Собринъ и Кастренъ упоминаютъ о богиняхъ.

Такъ какъ у Самоѣдовъ повидимому нѣтъ искуственныхъ изображеній боговъ, а для этой цѣли имъ служатъ камни, то этимъ и объясняется почитаніе ими небольшихъ камней, вродѣ описаннаго выше Сисавейпай, замѣнявшаго остяцкаго Лонха. Такіе Лонхи впрочемъ въ большомъ ходу у крещеныхъ Остяковъ на средней Оби, съ тѣмъ только отличіемъ, что они должны

быть сдѣланы руками невинной дѣвушки! (Кастренъ II стр. 170). Какъ главнымъ идоламъ, такъ и главнымъ жертвеннымъ мѣстамъ дѣлаютъ подражанія въ малыхъ размѣрахъ. Такими считаю я тамъ и сямъ скрытыя въ чащѣ жертвенныя мѣста, которыя уже были мною описаны. Можетъ быть назначеніе ихъ служить жертвеннымъ мѣстомъ для домашнихъ боговъ. Выставленныя тамъ грубыя палки съ человѣческими лицами, по сам. Сіадае (отъ сіа—человѣческое лицо), не служатъ изображеніемъ какихъ либо боговъ, но представляютъ тоже, что малыя жертвенныя мѣста по отношенію къ большимъ, (какъ напр. въ Веспуглѣ). Что туземцы не придаютъ имъ большого значенія, видно изъ того, что они иногда отказываются отъ нихъ и не даютъ себѣ труда отдѣлать ихъ по искуснѣе. Гофманъ (стр. 29) говоритъ тоже самое, и мое мнѣніе подтверждается еще однимъ духовнымъ лицемъ въ Обдорскѣ, которое въ теченіи многихъ лѣтъ имѣло сношенія съ туземцами. Несмотря на то лицо это никогда не видало главныхъ идоловъ, но говорило, что въ глазахъ туземцевъ они имѣютъ такую же святость, какъ чудотворные образа православныхъ. Итакъ оказывается, что у туземцевъ естественный культъ священныхъ рощъ, жертвенныхъ мѣстъ и т. п. очень напоминаетъ культъ нашихъ предковъ. Такъ какъ этотъ культъ не имѣетъ ничего безнравственнаго и въ теченіи столѣтій сохранилъ въ туземцахъ ихъ хорошія человѣческія качества, то онъ, несмотря на насмѣшки и сожалѣнія, заслуживаетъ уваженія каждаго образованнаго человѣка, то уваженіе, которымъ каждый человѣкъ обязанъ своему ближнему.

ГЛАВА XIV

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ.

(отъ Обдорска до Бремена).

Обдорскъ совершенно опустѣлъ.—Мы основываемъ „береговой отель“.—Празднованіе счастливаго возвращенія.—Язычники напиваются.—Христіане также.—Никакого стыда.—Воскресенье—самоѣдскій „день прегрѣшеній“.—Основаніе Обдорска.—Происхожденіе названія.—Число жителей.—Округъ (волость) Обдорскій.—Описаніе мѣстности.—Церковь.—Памятникъ.—Школа.—Миссія.—Сравненіе съ Туруханскомъ.—Ясакъ (подать)—причина ярмарки.—Описанія ея Кастреномъ.—Мошенническій мѣновой торгъ въ тундрѣ.—Правильность торговли въ Обдорскѣ.—Розничныя и оптовыя цѣны въ мѣховой торговлѣ.—Нѣсколько замѣчаній о русской мѣховой торговлѣ вообще.—Мѣсто ярмарки.—Торгъ.—Оборотъ.—Ввозъ и вывозъ.—Важное значеніе хлѣбной торговли.—Мука привозится, на баркахъ, изъ Тобола и Ишима.—Опасная для Россіи конкуренція.—Сибирская мука идетъ къ Бѣлому морю и въ Норвегію.—Товаръ привозится на баржахъ.—Разнообразіе товаровъ.—Цѣны на нѣкоторые изъ нихъ.—Трофимовы, отецъ и сынъ.—Проэктъ канала между Обью и Карскою губою.—Мнѣніе о немъ Латкина.—Благопріятный взглядъ на каналъ въ Петербургѣ.—Старый торговый путь между Печорой и Тазомъ.—Щучья и Подарата несудоходны.—Транспортъ сухимъ путемъ невозможенъ.—Каналъ также.—Онъ потребуетъ огромныхъ расходовъ.—Полуостровъ Ямалъ не представляетъ никакого крюка.—Недостаточное знакомство съ Обской губой.—Удачная поѣздка въ Надымъ.—Подробная съемка губы крайне необходима.—Видъ Обдорска.—Географическое положеніе.—Окрестности.—Недостатокъ въ лѣсѣ.—Ягоды и сборъ ихъ.—Сѣнокосъ.—Тщательное разведеніе овощей.—Вѣчный ледъ тундры не басня.—Доказательства тому.—Наши собственныя изслѣдованія.—Домашнія животныя.—Собака и собачья упряжь.—Гиршъ Гольдмахеръ, ссыльный еврей.—Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ.—Далекія путешествія на сѣверъ невозможны.—Соблазнительность поѣздки на Тазъ.—„Долгъ“ не пускаетъ меня.—Начало обратнаго пути.—Станціи.—Встрѣча на рѣкѣ.—Краснозобая казарка.—Жизнь птицъ.—Линяніе, отлетъ.—Убыль воды рѣки.—Китгортъ.—Шалашъ для родильницъ.—Мамонтъ.—Кушеватъ.—Кедровые орѣхи.—Трудный отъѣздъ.—Опять въ Березовѣ.—Аммониты.—Станціи до Самарова.—Ловля дикихъ утокъ тенетами.—Изобиліе утокъ и гусей.—Виды праваго и лѣваго береговъ Оби.—Обь, какъ рѣка.—Истокъ, теченіе ея и длина.—Обскій бассейнъ.—Обь—главнѣйшая рѣка Сибири.—Судоходство.—Производительность.—Вывозъ возможенъ только морскимъ путемъ.—Огромная важность его для Сибири.—Заслуги въ этомъ отношеніи Сибирякова.—Медвѣжья пляска.—Трудная охота.—Непроходимость первобытнаго лѣса.—Млекопитающія животныя.—Лягушки.—Мошки.—Кондинскій монастырь.—Гостепріимство настоятеля.—Однообразіе жизни на рѣкѣ.—Послѣднее странное приключеніе.—Лѣсная куропатка.—Докторъ Бремъ и графъ Вальдбургъ заблудились.—Найдены.—Ночь въ первобытномъ лѣсу.—Опять въ Самаровой.—Слишкомъ поздно.—8 дней въ станціонномъ домѣ.—Прощаніе съ „Бисмаркомъ“.—Попойка.—Разрушеніе, причиненное высокой водою.—Обвалы.—Слоницы.—Рыболовство.—Виды рыбъ Оби.—Сравненіе ихъ съ нѣмецкими.—Ограниченность знаній о нихъ.—Странствованіе рыбъ.—Время метанія икры.—„Вымираніе рѣки“.—Большіе рыбные промыслы.—Доходъ съ нихъ.—Мороженая рыба.—До Бремена.—Бѣлуха.—Наконецъ, на свободѣ.—На Иртышѣ.—Иртышская деревня.—Тобольскъ.—Гостинница.—Польза отъ ссыльныхъ поляковъ.—Сибирскій актеръ.—Его романическая жизнь.—Отъѣздъ.—Тарантасъ.—Въ Тюмени.—Ссыльный соотечественникъ.—Наблюденія надъ ссыльными.—Непомнящій родства.—Бродяги.—Невольные переселенцы.—Деньги, выдаваемыя на ссыльныхъ.—Проѣзжая дорога.—Необходимость добровольныхъ переселеній.—Отъѣздъ изъ Тюмени.—Графъ Вальдбургъ остается.—Исправленіе дороги.—Екатеринбургъ. Ужасное состояніе дорогъ.—Шлифованіе камней.—Малахитъ и полудрагоцѣнные камни.—Дурное состояніе большихъ дорогъ.—Торговыя сношенія.—Дорожныя замѣтки.—Опять въ Перми.—На Камѣ.—Казань.—Миссисипи.—„Сейчасъ“.—На Волгѣ.—Опять на желѣзной дорогѣ.—Взглядъ назадъ.

Какъ ни жалокъ показался намъ Обдорскъ въ первое посѣщеніе, однако теперь онъ не страшилъ насъ болѣе, такъ какъ тундра сдѣлала насъ болѣе снисходительными, скромными и терпѣливыми. Вооруженные этими качествами, мы съумѣли покориться и тому, что засѣдатель увезъ съ собою полученныя на наше имя письма. Отправляясь внизъ по теченію, онъ предусмотрительно отвезъ ихъ намъ въ Тоболку и мы нашли бы ихъ тамъ, если бы поѣхали по пути, которымъ сначала намѣревались возвратиться, а не свернули въ ближайшій западный рукавъ. И нашъ прежній хозяинъ—Перловъ, какъ почти все мужское населеніе, находился на рыбныхъ промыслахъ; жена же его, къ сожалѣнію, была больна, такъ что мы принуждены были устраиваться сами, какъ знали. Такимъ образомъ возникъ „береговой отель“, т. е. наши люди устроили изъ парусовъ, веселъ и двухъ лодокъ нѣчто въ родѣ палатки, подлѣ которой варили и въ которой обѣдали и ужинали, такъ какъ мы уже привыкли ѣсть по два раза въ день.

Между тѣмъ какъ докторъ Бремъ, который нехорошо себя чувствовалъ, нашелъ пріютъ въ одномъ домѣ, мы съ графомъ Вальдбургомъ посѣлились въ своей лодкѣ „Бисмаркъ“; правда, въ дождливые дни она служила плохой защитой, но все же намъ было въ ней лучше, чѣмъ въ тундрѣ при такой погодѣ.

Для людей нашихъ слѣдующій по прибытіи день, назначенный мною для отдыха, былъ настоящимъ праздникомъ, если бы даже онъ и не былъ воскресеньемъ. Честные остяцкіе гребцы изъ Веспугла начали праздновать воскресенье еще наканунѣ вечеромъ, въ чумѣ своего земляка, Александра Зыкова, и порядкомъ напились, конечно, на свой счетъ, такъ какъ Александръ, въ сношеніяхъ съ интеллигентной расой русскихъ, уже давно утратилъ національную добродѣтель своего племени—гостепріимство—и вмѣсто того отлично научился „эксплуатаціи“. Малый, несмотря на свой нищенскій видъ, какъ говорили, обладалъ отъ 500 до 700 рублей наличными деньгами.

Утромъ на другой день пріѣзда, вся милая компанія явилась къ намъ, порядочно подгулявши и стала просить денегъ на обратный путь. Они пропили весь свой заработокъ семичасовой гребли; честный Аграмъ, котораго я считалъ разсудительнымъ человѣкомъ, пропилъ даже фунтъ пороха, который я подарилъ ему, какъ извѣстному охотнику, въ чемъ онъ безъ околичностей и сознался. Все это мало согласуется съ моими похвалами Остякамъ, но развѣ можно осуждать ихъ за то, что они не могли

не воспользоваться такимъ рѣдкимъ случаемъ? и все-таки, несмотря на свою страсть къ водкѣ, это хорошій народъ; они не напиваются до безчувствія, какъ это, къ сожалѣнію, часто случается у насъ. Я подумалъ объ этомъ и сдѣлалъ сравненіе, которое оказалось не въ ущербъ этимъ дѣтямъ природы, такъ какъ христіанство являетъ высшую степень цивилизаціи. Такъ писалъ я поутру въ своей записной книгѣ, когда пришелъ ко мнѣ Ѳедоръ Хозяиновъ, сапожникъ и псаломщикъ, и съ веселымъ лицемъ принесъ мнѣ освященный хлѣбъ, приготовленный руками непорочной дѣвицы. Онъ сегодня въ церкви не только пѣлъ, но даже читалъ апостола и по справедливости гордился этимъ. Къ тому же на немъ было праздничное платье: красная рубашка, зеленый кафтанъ, хорошая мѣховая шапка и плисовые шаровары! Это не то, что неряшливые Остяки. Къ сожалѣнію, этотъ миръ и довольство продолжались недолго, такъ какъ послѣ обѣда услышалъ я отчаянные крики передъ лодкой. И что же увидѣлъ я? Долженъ ли я вѣрить глазамъ? Нашъ примѣрный Ѳедоръ въ плисовыхъ шароварахъ и зеленомъ кафтанѣ лежалъ въ уличной грязи, а разъяренная женщина, въ отношеніи которой онъ позволилъ себѣ какое-то неприличіе, колотила его. Неудивительно послѣ этого, что я снова примирился съ Остяками и нашелъ совершенно понятнымъ, почему Самоѣды язычники называютъ воскресенье „Хайбинда-ялеа“, т. е. „грѣховный день“.

Основаніе Обдорска находится въ связи съ миссіей, которая открыла здѣсь свои дѣйствія въ 1727 году и для безопасности которой была построена небольшая крѣпость. Зуевъ въ 1771 году нашелъ еще здѣсь 25 казаковъ, подъ начальствомъ атамана. Слово Обдорскъ, по мнѣнію Кастрена, зырянское и означаетъ устье Оби (отъ словъ Обь и „доръ“—крайній). Нашимъ Зырянамъ подобное объясненіе было неизвѣстно; они полагали, что это слово скорѣе означаетъ „обская община или приходъ“. Какъ мы узнаемъ отъ Шренка, городъ этотъ архангельскіе Зыряне называютъ „Носово и Носовой-городокъ“, т. е. городъ на мысу. Его остяцкое названіе — „Полнаватъ“. По объясненію нашего Александра, Обдорскъ получилъ свое названіе отъ остяцкаго богача Обода, который, прежде чѣмъ пришли русскіе, построилъ здѣсь свой чумъ.

Зуевъ уже засталъ здѣсь церковь, выстроенную, какъ кажется, первымъ остяцкимъ княземъ-христіанином, и 5 домиковъ. Ковальскій въ 1848 году нашелъ уже 50 домовъ и 270 человѣкъ жителей. Сидоровъ же въ 1863 году насчитываетъ

только 42 дома и около 150 жителей. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ мнѣ любезнымъ засѣдателемъ, въ 1876 году было тамъ 67 домовъ и 485 жителей, между ними 150 Зырянъ, пришедшихъ сюда съ Печоры, и почти столько-же Остяковъ, большей частью поденщиковъ; остальные—Русскіе, преимущественно мѣщане изъ Березова. Приращеніе населенія весьма незначительно; только Зырянъ переселенцевъ прибавляется съ каждымъ годомъ и они уже составляютъ преобладающій элементъ населенія. Какъ я уже упоминалъ, князь—владѣлецъ не только Обдорска, но и всей области (Ковальскій). Послѣдняя заключаетъ въ себѣ еще двѣ русскихъ деревни, Кушеватъ, съ 9 домами—и Мушакъ (Мушинскъ), съ 41 дворами. Все населеніе состоитъ изъ 12,000 душъ обоего пола, а именно: 709 Русскихъ, 5382 Остяковъ и 5997 Самоѣдовъ. Дѣлами управленія завѣдуютъ двое старшинъ, равнаго съ княземъ происхожденія: Іорка Мамрунъ и Дзеингіэ или Дсеуни Тоболджинъ, съ которымъ мы уже имѣли удовольствіе познакомиться. Обдорская область состоитъ, кромѣ того, въ вѣдѣніи Березовскаго исправника, который ежегодно во время ярмарки собираетъ здѣсь ясакъ,—и управляется съ 1825-го года засѣдателемъ.

Самый городъ или, вѣрнѣе, мѣстечко состоитъ изъ деревянныхъ домиковъ, построенныхъ большей частью изъ необычайно толстыхъ барочныхъ досокъ. Изъ того же матеріала дѣлаются дороги для пѣшеходовъ или тротуары, иногда очень широкіе, но неправильные; тротуары эти при дождливой погодѣ становятся почти непроходимыми. Ивановъ въ 20-хъ годахъ нашелъ лишь 4 дома со стекольными рамами, но теперь было уже совсѣмъ наоборотъ. Дома, разбросанные на широкомъ пространствѣ, содержатся гораздо лучше, чѣмъ въ Березовѣ, и есть даже нѣсколько двухъэтажныхъ красивыхъ домиковъ, какъ напр. тотъ, въ которомъ помѣщается миссія. Купцы и достаточные жители устроились здѣсь почти такъ-же комфортабельно, какъ въ Тобольскѣ или Тюмени. Какъ тамъ, такъ и здѣсь нѣтъ недостатка въ тараканахъ, и я упоминаю объ этомъ космополитическомъ насѣкомомъ потому что во времена Палласа оно еще не проникало до Самарова.

Какъ показываетъ мой рисунокъ, снятый съ натуры, изображающій впрочемъ только часть мѣстечка, оно производитъ весьма пріятное впечатлѣніе, чему всего болѣе способствуетъ красивая церковь, выстроенная на высокомъ мѣстѣ. Она существуетъ съ 1826 года, но уже весьма нуждается въ поправкѣ; въ

противномъ случаѣ подвергнется участи своей предшественницы, построенной въ 1746 и сломанной въ 1823. На переднемъ планѣ, по берегу Полуя, тянется цѣлый рядъ запасныхъ магазиновъ. Напротивъ лежитъ русское кладбище, многократно мною порицавшееся, но представлявшее здѣсь исключеніе изъ общаго правила. Кладбище имѣетъ нѣкоторую симметричность и на немъ замѣчается даже нѣсколько каменныхъ памятниковъ. За песчанымъ берегомъ Шайтанки виднѣлось еще другое, совсѣмъ пустынное кладбище, заинтересовавшее меня тѣмъ, что оно сохранило нѣкоторые признаки язычества: тамъ и сямъ на немъ виднѣлись опрокинутыя оленьи санки и прочая утварь, сопровождающая покойника. Такимъ образомъ, даже здѣсь, гдѣ въ христіанство обращено уже нѣсколько поколѣній Остяковъ, еще не вполнѣ вытѣснены языческіе обычаи.

Въ запасныхъ магазинахъ съ правой стороны хранился графитъ, привезенный въ 1860 году предпріимчивымъ Сидоровымъ съ Енисея. Часть этого графита доставлена была на оленьихъ санкахъ на Печору и оттуда въ Лондонъ, съ значительнымъ убыткомъ. Обдорскъ также обладаетъ памятникомъ, чѣмъ то въ родѣ обелиска, сложеннаго изъ кирпича, изображеннаго на рисункѣ на заднемъ планѣ, съ лѣвой стороны. Онъ воздвигнутъ въ память посѣщенія одного изъ генералъ-губернаторовъ западной Сибири и былъ подновленъ въ 1878 году, по случаю посѣщенія генерала Казнакова. Необыкновенно жалкая школа миссіи, вѣроятно, была также поправлена къ этому времени, такъ какъ она нуждалась въ ремонтѣ еще болѣе, чѣмъ обелискъ; въ ней насчитываютъ отъ 30 до 40 учениковъ. Ученіемъ занимаются лишь съ 7-го ноября по 1-е мая, что, разумѣется, не особенно вліятъ на успѣхи учениковъ. Я невольно подумалъ при этомъ о превосходно устроенной трехъклассной школѣ одной лапландской деревушки Карашокъ въ Остъ-Финмаркенѣ. Дѣти обучались не только чтенію и письму, но и многимъ другимъ полезнымъ предметамъ. Школьный учитель получалъ 810 марокъ жалованія, а нѣкоторые жители платили до 225 марокъ налоговъ.

О незначительныхъ успѣхахъ миссіи я уже упоминалъ выше, такъ-же какъ и о тѣхъ трудностяхъ, которыя представляются ей въ этихъ странахъ, съ ея кочующимъ населеніемъ. Не могу однако не замѣтить, что миссіонеры православной церкви ведутъ дѣло слишкомъ односторонне и небрежно относятся къ изученію *)

*) Невольно приходитъ на мысль сравненіе съ тѣмъ, что сдѣлано Гернгутерами.

языка. Шренкъ высказываетъ свое сожалѣніе о томъ (стр. 42), что богатое собраніе апостола зауральскихъ самоѣдовъ, Веніамина, до сихъ поръ не напечатано. Я могу сказать тоже самое относительно матеріала для изученія языка, собраннаго обдорской миссіей. Это тщательно составленный словарь самоѣдскаго и остяцкаго языковъ съ объясненіями, но онъ тоже до сихъ поръ не напечатанъ. Я ни разу не видалъ ни одной печатной книги на которомъ либо изъ этихъ двухъ языковъ. Православное духовенство, священники и діаконы, принимали насъ очень радушно; одинъ священникъ даже подарилъ мнѣ нѣсколько обломковъ мамонтовыхъ костей, случайно найденныхъ мною на полу миссіонерскаго дома. Копіи словаря, которую обѣщалъ мнѣ дьяконъ Николай Алексѣевичъ Силинъ, я, къ сожалѣнію, не получилъ.

Какъ видно изъ сказаннаго, Обдорскъ постепенно развивался и въ этомъ отношеніи превзошелъ своего брата, лежащаго подъ той же широтой на Енисеѣ,—Туруханска, прежде называвшагося Ново-Мангазеей. Хотя во времена Гмелина (1739) онъ уже приходилъ въ упадокъ, все же въ немъ насчитывалось до 100 домовъ и 2 церкви, между тѣмъ какъ при Кастренѣ было уже только 4 дома. Теперь это мѣстечко пришло въ совершенный упадокъ. Между тѣмъ какъ прежде довольно значительная лѣтняя ярмарка *) въ Туруханскѣ теперь совсѣмъ прекратилась, обороты ярмарки, открытой въ Обдорскѣ съ 1825 года, увеличиваются съ каждымъ годомъ. На ярмарку эту, начиная съ декабря по мартъ, собираются всѣ туземцы, живущіе между Тазомъ и Ураломъ, съ главною цѣлью уплаты годовой подати. Хотя туземцамъ было бы очень легко скрыться въ пустыняхъ тундры и избѣжать этихъ налоговъ, но они являются добровольными и аккуратными плательщиками. Кто не можетъ отправиться самъ въ Обдорскъ, тотъ посылаетъ свои подати черезъ другого или вноситъ ихъ на слѣдующій годъ. Конечно, не одна врожденная, „инстинктивная“ добросовѣстность тому причиной, но сюда примѣшивается и по-

---

между Эскимосами, которые уже читаютъ библію на своемъ языкѣ, не говоря ужъ объ удивительныхъ успѣхахъ англійскихъ и американскихъ миссій. Втеченіе 65 лѣтъ на островахъ южнаго океана было обращено и обучено чтенію и письму до 60,000 человѣкъ, въ большинствѣ людоѣдовъ. Библія переведена на 20 различныхъ языковъ и издана въ тысячахъ экземпляровъ. И все это стоило не болѣе 1 милліона фунтовъ стерлинговъ, немного болѣе, чѣмъ дворецъ Александра въ Лондонѣ.

*) Кастренъ, II. стр. 235. Въ 1846 году фунтъ сахара стоилъ 2 руб. 10 коп.; зимою же доходилъ до 3 руб. 60 коп. (ассигнаціями?)

требность хоть разъ въ годъ посѣтить „столицу“. Нужно кое-что купить, кое-что продать, вслѣдствіе этого и развилась ярмарка, особенно послѣ того, какъ стали брать ясакъ не мѣхами, а деньгами. Только Кастренъ описываетъ обдорскую ярмарку какъ очевидецъ (стр. 281), къ сожалѣнію, весьма поверхностно и безъ статистическихъ данныхъ. Онъ „не могъ повѣрить, что эти люди собрались для купли и продажи, такъ какъ эти ярмарочные гости казались совершенно безучастными и не вывозили свой товаръ на рынокъ“. Напротивъ того, онъ замѣтилъ, что они, скрывъ лучшіе свои мѣха подъ шубой, продавали ихъ тайкомъ на дому, для того, чтобы не отдать всего своимъ заимодавцамъ, потому что всѣ туземцы въ долгу у торговцевъ. Можетъ быть, это случается и теперь, только ужъ не въ такой мѣрѣ. Трофимовъ, богатѣйшій купецъ Обдорска, увѣрялъ меня, что Самоѣды, которые должны ему, всегда честно расплачиваются, такъ что тѣмъ, которые не могутъ заплатить, онъ снова даетъ въ кредитъ. И, какъ кажется, туземцы вовсе не такъ систематично надуваются торговцами въ товарахъ, при помощи водки, какъ это пишется въ книгахъ. „За полштофа водки“, говоритъ Поляковъ, „въ мѣстностяхъ ниже Березова платятъ рубль, а иногда такъ Остякъ получаетъ за эти деньги всего одинъ стаканъ. За фунтъ табаку, стоимостью въ 20 или 25 коп., Остякъ платитъ товаромъ на 1 руб., а иногда и того болѣе“.

Такъ мошенничаютъ русскіе и зырянскіе торговцы только въ тундрѣ; въ Обдорскѣ же господствуютъ лучшіе обычаи, какъ показываютъ слѣдующія замѣтки пріятеля моего, Гольдмахера, который далъ мнѣ возможность вникнуть въ дѣло веденія мѣховой торговли. Онъ платитъ туземцамъ за песца бѣлаго — 1 руб. (продаетъ 1 р. 20—1 р. 40); за синяка, т. е. бѣлаго песца съ сѣрой спиной, 60 коп.; за крестоватика, т. е. за молодого песца мышинаго цвѣта съ черноватыми полосками вдоль спины и поперекъ лопатокъ — 1 руб.; за настоящаго голубого песца, т. е. за пепельно-сѣрый варіэтетъ, рѣдко встрѣчающійся въ Западной Сибири, отъ 5—6 руб. (продаетъ отъ 6 до 10); обыкновенная лисица, плохой сортъ (бѣлодушка) покупается за 2—3 руб. (продается за 3—4); за лучшіе сорта платится 5—10 р.; съ примѣсью чернаго волоса—за 20—40; настоящая же черная лисица покупается за 100 до 200 руб. Сѣрая бѣлка стоитъ отъ 10 до 15 коп. за штуку; россомаха 3—4 руб. Соболей въ Обдорскѣ болѣе нѣтъ и они привозятся только во время ярмарки. Главный предметъ торговли однако оленьи шкуры. Гольдмахеръ

платитъ за шкуру пыжика, т. е. двухънедѣльнаго или мѣсячнаго оленя—1 руб. (прод. 1 р. 20), за неплюя, т. е. за 3-хъ мѣсячнаго оленя 2 р. 50 (прод. 3 р., 3 р. 50), за выростка, т. е. 6 мѣсячнаго—1 р. 50 коп.; за оленя семимѣсячнаго, 1 руб., 30 коп.; за шкурку стараго оленя: для дубленья 1 руб. (прод. 2—3), для шубы 2 руб. (прод. 2 р. 50), за дикаго оленя 2 р. (прод. 3—4 р.) Совсѣмъ готовый, подобранный на шубу мѣхъ и обшивка на малицу стоитъ въ Обдорскѣ: изъ крестоватиковъ 30 руб., изъ хорошей лисицы до 100 руб. Самый дорогой мѣхъ—бобровый: онъ стоитъ отъ 200 руб. и болѣе. Такъ какъ бобры *) на Оби почти перевелись, то ихъ привозятъ сюда изъ Сѣверной Америки. Бобровыя шкурки, которыя приводилось мнѣ видѣть, были очень плохи и имѣли клеймо Лейпцигской фирмы; шкурка въ 2 фута длины стоила до 10 руб., большія до 15 руб.

Какъ и въ Березовѣ, намъ не удалось здѣсь купить хорошихъ мѣховъ. По всѣму вѣроятію, и ярмарка не болѣе удовлетворила бы насъ. Какъ можно видѣть изъ предыдущаго, здѣшнія мѣховыя ярмарки не соотвѣтствуютъ нашимъ вкусамъ. Вообще путешественники, возвращающіеся изъ западной Сибири, бываютъ всегда очень разочарованы въ богатствѣ и дешевизнѣ здѣшнихъ мѣховъ, несмотря на то, что это изобиліе и дешевизна обратились въ поговорку. Кто при имени Сибири не вспоминаетъ о соболяхъ? Но хорошія шкурки ихъ стоятъ здѣсь очень дорого. На Оби различаютъ два сорта: свѣтлый, красноватый или березовый соболь, живущій преимущественно въ лиственныхъ лѣсахъ,—и темный или кедровый. Первые продаются по 4 руб., послѣдніе отъ 12 до 15 руб. Вообще соболи обскаго бассейна считаются самыми плохими, да ихъ и немного, о чемъ уже было мною упомянуто. Я собиралъ свѣдѣнія и узналъ, что напр. въ большомъ селѣ Елизаровскомъ въ годъ добывается не болѣе 30 соболей, въ Самаровѣ же отъ 200 до 500. Пара привезенныхъ мною на пробу шкурокъ, купленныхъ изъ первыхъ рукъ за 8 рублей, уступали въ достоинствѣ американскому соболю, который покупается у насъ отъ 10—12 марокъ за штуку. И такъ было со всѣми моими пробами. Беръ, въ своемъ критическомъ сочиненіи (Beitr. zur Kenntniss d. Russ. Reichs. T. VII, 1845 годъ, стр. 117 — 272) даетъ прекрасный очеркъ мѣховой про-

*) Поляковъ указываетъ на нахожденіе бобра въ притокахъ Пелыма, но тщательныя изслѣдованія Бера не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ Сибири бобры водились только мѣстами и всегда были въ ней рѣдки.

мышленности въ Россіи, очеркъ имѣющій значеніе и по настоящее время. Въ немъ мы видимъ, вслѣдствіе какихъ причинъ перевелись однѣ породы пушныхъ звѣрей и узнаемъ, что другія породы появились вновь. Такъ, несмотря на ежегодный вывозъ 3—4 милліоновъ бѣлокъ, въ нихъ не замѣчается никакого уменьшенія, потому что звѣрки эти очень плодовиты; по разсчету Бера оказывается, что отъ одной пары втеченіе 10 лѣтъ должно произойти 3,486,784,401 пары, т. е. количество, котораго Сибирь не въ состояніи прокормить. Другіе же звѣри сдѣлались значительно болѣе рѣдкими, въ особенности соболь. Беръ доказываетъ, что старинныя свѣдѣнія о соболиномъ промыслѣ, напр. то, что въ 1586 году было добыто 200,000 штукъ, рѣшительно пре-

Обдорскъ.

увеличены; но какъ бы то ни было, все же прежде добывалось ихъ болѣе 45,000, которыя по приблизительному разсчету Бера, были добыты въ 1840 году. Это согласуется съ Грюнвальдомъ (Russ. Revue, 1870 г. стр. 75), который считаетъ, что въ 1850 году было привезено на ирбитскую ярмарку 45,000 соболей; къ 1870 году число это уменьшилось до 5000. Такъ какъ Беръ доказываетъ, что въ Россіи еще въ 1838 году торгъ свиной щетиной значительно превышалъ торговлю мѣхами, въ которой главное мѣсто занимаютъ заячьи шкурки, то придется отказаться отъ предвзятаго мнѣнія, что мѣха составляютъ главную доходную статью Россіи и преимущественно Сибири. Далѣе мы узнаемъ отъ Грюнвальда, что Россія, хотя и можетъ удовлетворять

своимъ потребностямъ въ мѣхахъ, однако въ настоящее время ввозъ мѣховъ слишкомъ вдвое превышаетъ вывозъ. Такъ въ 1874 году вывезено мѣховъ на 1,535,000 руб., ввезено на 3,955,000 руб.

За неимѣніемъ базара, Обдорскъ обладаетъ ярмарочной площадью или, лучше сказать, улицей, съ двухъ сторонъ обстроенной двадцатью или тридцатью бревенчатыми или досчатыми амбарами. Эти амбары очень практично покрыты сѣномъ, которое служитъ кормомъ для оленей. Все мѣсто ярмарки принадлежитъ церкви, которая за наемъ каждаго амбара беретъ по 70 коп. Большая же часть товаровъ выставляется просто на саняхъ; за каждыя сани церковь также собираетъ по 35 коп.

Туземцы пріѣзжаютъ сюда со своими семьями, иные же и съ оленьими стадами, и, въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ города, раскидываютъ свои чумы, которые мало-по-малу и образуютъ какъ бы особый оригинальный городокъ. Мѣновой торгъ весьма оживленъ; туземцы мѣняютъ пушныхъ звѣрей и сушеную рыбу на муку, мелочной товаръ и ткани; здѣсь производится также и торговля скотомъ и оленями, такъ какъ богатые Самоѣды, имѣющіе до 7000 оленей, собираются сюда со своими стадами. Дзеингіэ намѣревался купить въ Обдорскѣ побольше оленей, такъ-же какъ и Іорка Мамрунъ, несмотря на то, что послѣдній пять разъ лишался всего своего стада отъ падежа, одинъ разъ въ 2000 штукъ. Это совершенно противорѣчитъ выставляемой Поляковымъ чертѣ ихъ характера (стр. 48): „при отсутствіи энергіи у нихъ нѣтъ никакого соображенія и никакой разсчетливости“. По крайней мѣрѣ между ними встрѣчаются похвальныя исключенія.

Само собою разумѣется, что во время ярмарки, несмотря на запрещеніе, какъ и 50 лѣтъ тому назадъ, выпивается много водки. Бутылка стоитъ отъ 50 коп. до рубля. Но отъ этого пьянства не происходитъ никакихъ безпорядковъ, такъ что, несмотря на стеченіе большой массы народа, не требуется даже усиленія полицейскаго персонала, который, если не ошибаюсь, состоитъ только изъ 2 казаковъ. Кромѣ 30 русскихъ купцовъ, на ярмаркѣ 1876 года было почти столько же Зырянъ изъ Архангельской губерніи. Число это, конечно, не громадно, но если прибавить къ нимъ еще до 3000 туземцевъ, платящихъ подати (по Сидорову до 10,000), то ужъ это звучитъ иначе. Къ тому же невозможно даже приблизительно опредѣлить число Самоѣдовъ (Юраковъ) съ р. Тазъ, главнаго мѣстожительства этого племени, такъ какъ они ведутъ кочевую жизнь и избѣгаютъ контроля. При ограниченномъ

числѣ домовъ, въ Обдорскѣ оказывается такой же недостатокъ въ квартирахъ и „ярмарочныхъ помѣщеніяхъ", какъ напр. въ Лейпцигѣ. Маленькія комнатки въ три мѣсяца приносятъ до 60 руб. дохода; деньги эти приходится впрочемъ платить не одному квартиранту, такъ какъ обыкновенно въ одной компатѣ помѣщается столько народу, сколько можетъ улечься на полу. Нашъ плотникъ, сдающій во время ярмарки свое жилище внаймы, спитъ съ своей семьей сидя. Именитѣйшіе посѣтители ярмарки пользуются гостепріимствомъ знакомыхъ купцовъ, имѣющихъ съ ними дѣла. Самая оживленная торговля происходитъ втеченіе первыхъ трехъ недѣль января. Оборотъ ярмарки 1876 года равнялся 67,000 руб., изъ которыхъ 50,000 приходилось на пушной товаръ. На 1877 годъ ожидали увеличенія оборота, именно оленьими шкурами, вслѣдствіе эпидеміи. Нашъ плотникъ полагалъ, что такой богатый Остякъ, какъ Дзеингіэ, продающій въ обыкновенный годъ мѣховъ на 500 р., въ слѣдующемъ году продастъ ихъ не менѣе, какъ на 3,000 руб. Торгъ рыбой во время ярмарки незначителенъ, такъ какъ всѣ торговцы отвозятъ ее по большей части въ Тобольскъ или въ Енисейскъ. Количество вывезенной въ 1875 году рыбы, икры, ворвани, рыбьяго клея, оленьихъ шкуръ, пера (утинаго, лебединаго, гусинаго и куропаточьяго; гагачьяго пуха не привозится вовсе) и нѣсколькихъ мамонтовыхъ зубовъ, оцѣнивается въ 155,589 руб. 10 коп. Товаровъ же было привезено на сумму 144,579 руб. 50 коп., *) главнымъ образомъ муки. 8000 пудовъ привезено было лишь для этого округа, 30,000 для Архангельской губерніи; продавалась она отъ 30 до 40 коп. за пудъ. Хотя правительство имѣетъ наполненный хлѣбомъ магазинъ, отпираемый на время ярмарки, оно не можетъ однако конкурировать съ купцами. Запасы были сдѣланы въ дорогое время и хлѣбъ могъ быть проданъ по дорогимъ цѣнамъ.

Какое значеніе имѣетъ хлѣбная торговля въ Обдорскѣ, сдѣлалось намъ ясно при видѣ нашего сосѣда на Полуѣ,—колоссальнаго судна, называемаго баркой, къ которому лучше бы шло названіе ковчега, потому что знаменитое Ноево судно врядъ ли было неуклюжѣе. Такой ковчегъ имѣетъ отъ 80 до 100 футовъ длины,

---

*) Трофимовъ говорилъ мнѣ, что обороты ярмарки, когда на ней бываетъ до 2,000 Русскихъ и Зырянъ (!), доходятъ до 200,000 руб., такъ какъ одной рыбы привозится на 50,000 руб. (!) Торговля сосредочивается въ рукахъ 12—15 оптовыхъ торговцевъ, но какъ видно всѣ эти цифры очень преувеличены и Росляковъ, повидимому, болѣе правъ, опредѣляя весь привозный товаръ грузомъ одной баржи.

отъ 25—30 ширины, плоское дно и острый передній конецъ, образуя такимъ образомъ продолговатый, пятиугольный ящикъ, сдѣланный изъ бревенъ, обшитыхъ тесомъ. Большей частью барки эти имѣютъ деревянные якоря; приводятся онѣ въ движеніе посредствомъ 8, 10 длинныхъ веселъ, которыя служатъ преимущественно для предохраненія колосса отъ мелей, потому что онъ вполнѣ предоставляется теченію. Суда эти строятъ большей частью на Ишимѣ или Тоболѣ, на берегу рѣки или даже на льду, такъ что при вскрытіи рѣки, они поднимаются волнами. Внутри этихъ неуклюжихъ ящиковъ, на разстояніи полутора фута отъ стѣнокъ, дѣлается вторая обшивка изъ бересты—и сюда, безъ всякихъ мѣшковъ, ссыпается до 20 тысячъ и болѣе пудовъ муки. Какъ только растаетъ ледъ, колоссъ медленно плыветъ внизъ по теченію и достигаетъ своей конечной цѣли—Березова или Обдорска. По истеченіи нѣсколькихъ недѣль плаванія, въ іюлѣ или началѣ августа, прикащикъ купца, которому принадлежитъ судно и грузъ, разсчитываетъ здѣсь своихъ 8 или 10 человѣкъ рабочихъ и начинаетъ продавать муку. Дѣло это производится неспѣшно и главнымъ образомъ зимою. Покупщики пробираются тогда на судно, уже не по качающейся дощечкѣ, а черезъ дверь, прорубленную въ стѣнѣ барки—и черезъ эту дверь туземцы нагружаютъ свои сани. Такъ какъ обратный путь почти невозможенъ, то судно продается на постройки. Почти всѣ дома въ Обдорскѣ, большинство ихъ въ Березовѣ и другихъ мѣстахъ, построены изъ барочнаго лѣса. Барка, постройка и матеріалъ которой обходится на Ишимѣ около 600 руб., продается здѣсь за 200. По окончаніи продажи, въ мартѣ или апрѣлѣ, прикащикъ съ пріобрѣтеннымъ пушнымъ товаромъ уѣзжаетъ домой на оленяхъ и въ слѣдующемъ году опять совершаетъ такое же путешествіе.

Эта значительная торговля хлѣбомъ развилась въ Сибири еще съ тридцатыхъ годовъ и съ этого времени болѣе дешевый сибирскій хлѣбъ сталъ вытѣснять русскій на сѣверныхъ рынкахъ. Еще въ 1837 году (Шренкъ, стр. 584 и 61) сибирскій хлѣбъ причинилъ большіе убытки Пустозерскому рынку. Центромъ торговли хлѣбомъ на сѣверѣ была тогда Чердынь. Ея дѣятельные и предпріимчивые купцы привозили (Ковальскій стр. X и Гофманъ стр. 15) муку изъ Сарапула, и самымъ мошенническимъ (Шренкъ, стр. 191) образомъ вымѣнивали на рыбу, между прочимъ, на знаменитую печорскую семгу. Пудъ семги стоилъ 4 пуда ржаной муки и когда въ 1837 году цѣна послѣдней поднялась до 2 руб. асс., то сибирскій хлѣбъ могъ уже въ значительной мѣрѣ конкури-

ровать съ русскимъ: пудъ ржаной муки, какъ мы видѣли, стоитъ въ Обдорскѣ отъ 30 до 40 коп. Торговля эта могла развиться лишь тогда, когда предпріимчивые Зыряне съ Ижмы и Усы сдѣлались обладателями большихъ оленьихъ стадъ Самоѣдовъ по сю сторону Урала. Какимъ путемъ доставляется эта мука изъ Обдорска на печору и какую роль играютъ въ этой перевозкѣ олени, мы уже видѣли выше. Такъ образовался новый торговый путь, по которому сибирская мука перевозится до Бѣлаго моря и даже въ Норвегію. Когда я въ 1873 году видѣлъ въ Вадзе, въ Варангеръ-фіордѣ, маленькую русскую шкуну съ архангельской мукой, то мнѣ и во снѣ не снилось, что я три года спустя увижу поля, на которыхъ росъ этотъ хлѣбъ.

Кромѣ описанной барки, на Оби встрѣчается еще другой видъ судна, называемый баржей. Внѣшнимъ видомъ своимъ она напоминаетъ корабль безъ мачтъ и совершенно сходна съ буксирными судами, встрѣчающимися во множествѣ на Камѣ, Волгѣ и другихъ русскихъ рѣкахъ, и весьма оживляющими рѣчной видъ своей пестрой окраской. Такая баржа имѣетъ отъ 100 до 150 фут. длины (по Виггенсу отъ 200 до 300 фут.), но при этомъ довольно узка и высока; она имѣетъ киль и управляется неуклюжимъ рулемъ, хотя также вполнѣ предоставляется теченію. Эти баржи, стоющія отъ 3000 до 4000 руб., употребляются преимущественно на большихъ рыбныхъ промыслахъ нижней Оби, но возятъ и всякій прочій товаръ.

Такъ какъ магазины Обдорска къ настоящему времени значительно опустѣли, а нѣкоторые товары были и совсѣмъ распроданы, то здѣсь всѣ жители съ нетерпѣніемъ ожидали такой баржи, особенно жена Трофимова, такъ какъ мужъ ея находился на суднѣ, и со дня его отъѣзда изъ Березова, впродолженіе 3 недѣль, о немъ не было никакихъ извѣстій. Изъ этого видно, что такая доставка производится очень медленно: товары, закупленные въ мартѣ въ Ирбити, приходятъ къ Обдорску въ концѣ августа или сентябрѣ и такимъ образомъ поспѣваютъ какъ разъ къ ярмаркѣ. Провозъ муки и пр. обходится очень дешево, какъ меня увѣряли, только по 2 коп. съ пуда, отъ Ишима, (болѣе 300 нѣмецкихъ миль).—Трофимовъ прибылъ наконецъ со своей баржей и привезъ множество разнообразныхъ товаровъ, приведшихъ всѣхъ въ удивленіе. Что станутъ дѣлать напр. Остяки и Самоѣды съ дѣтскими клеенчатыми фартуками, или кто будетъ покупать превосходное фруктовое варенье, разставленное въ банкахъ въ лавкѣ Туполова, которая вмѣстѣ съ Трофимов-

ской считалась одной изъ богатѣйшихъ. Оно стоило здѣсь не дороже, чѣмъ въ Петербургѣ: я заплатилъ за банку отличныхъ Reine Claude 1 руб. Цѣны другихъ товаровъ были тоже недороги. Такъ напр. фунтъ жженаго и смолотаго кофе 1 р. 20 коп.,—чаю 1 р. 50, сахару 35—40 коп.—коробка французскихъ сардинокъ 75 коп.—стаканъ чаю 15 коп. Посуда: обыкновенный стаканъ 10 коп., пара англійскихъ ножей 60 коп., сотня сигаръ 2 руб. 50 к. и т. п.

На радостяхъ и въ благодарность за благополучное прибытіе баржи, Трофимовъ не только поставилъ въ церкви пятирублевую свѣчу, но задалъ на баржѣ пиръ, на которомъ было выпито громадное количество водки, такъ какъ вина, къ сожалѣнію, были еще не распакованы. Николай Андреевъ—сынъ того „благороднаго Трофимова“ (Ковальскій стр. XXX), который своей великодушной помощью уральской экспедиціи (стр. 423) оказалъ большую пользу наукѣ, а также пожертвовалъ московскому музею почти полный скелетъ мамонта, вырытый имъ въ 1846 году на свой счетъ въ Гыда-тундрѣ ($71^1/_2{}^0$ с. ш.).

Подобно своему отцу, сынъ также не забываетъ научныхъ интересовъ, хотя онъ при этомъ преслѣдуетъ болѣе практическія цѣли. Такъ этотъ предпріимчивый человѣкъ намѣревался осенью 1876 г. отправиться съ своей шкуной въ Тазовскую губу и, въ память старой Мангазеи, здѣсь, въ самомъ сердцѣ Самоѣдской страны, основать поселеніе. Къ сожалѣнію, планы его не были одобрены правительствомъ, именно потому что черезъ это былъ бы причиненъ ущербъ Обдорску.

Тазомъ, впрочемъ, въ Обдорскѣ вовсе не интересовались. За то тѣмъ болѣе интересовались здѣсь проэктомъ канала между Обью и Карскою губою, такъ какъ слухи о немъ, очевидно, уже проникли сюда изъ Петербурга. „На васъ возлагаемъ мы наши надежды!“ говорили намъ, преувеличивая наши силы и вліяніе.

Въ отвѣтъ на это довѣріе, я считаю долгомъ откровенно и добросовѣстно высказать свое мнѣніе о каналѣ. Отъ этого проэкта лучше отказаться разъ навсегда, и такой оборотъ дѣла имѣлъ бы тѣмъ бо̀льшее значеніе, что тогда будетъ обращено вниманіе на болѣе важныя и полезныя предпріятія, между которыми я указалъ бы на точное изслѣдованіе Обской губы.

Послѣ того какъ Норденшельдъ, профессоръ и иностранецъ, указалъ мореходамъ-спеціалистамъ и русскимъ морской путь на Енисей, въ Петербургѣ и Москвѣ стали интересоваться Енисеемъ и Обью и вспомнили, что Обская губа, такъ-же какъ и устья

Оби—очень мало изслѣдованы. Николай Латкинъ *),сибирякъ по происхожденію, извѣстный различными географическими работами о своей родинѣ, справедливо замѣчаетъ въ своей статьѣ: „Обь и обскій бассейнъ“ (С.-Петербургъ 14 марта 1876), что для разрѣшенія вопроса, возможно ли открыть морской путь къ устью Оби, необходимо точное изслѣдованіе этого устья.“ Мы видѣли, что въ томъ же году была отправлена изъ Москвы съ этою цѣлью экспедиція на парусномъ суднѣ „Москва“ (капит. Даль). Вопросъ этотъ былъ бы, безъ сомнѣнія, разрѣшенъ скорѣе и основательнѣе, еслибъ вмѣсто того чтобъ раздроблять силы, Петербургское Общество также приняло участіе въ этой экспедиціи.

Между тѣмъ оно, какъ я уже упоминалъ, пыталось ближайшимъ путемъ достигнуть своей цѣли, на которую указываетъ Николай Латкинъ въ своей интересной статьѣ: „Приходящіе съ запада къ Оби суда должны обходить далеко выдающійся къ сѣверу полуостровъ Ялмалъ, передъ которымъ еще выступаетъ Бѣло-островъ, что требуетъ немало времени. Можетъ быть можно было бы избѣжать этого обхода, еслибъ мореходство имѣло своимъ начальнымъ и конечнымъ пунктомъ Байдарацкую губу и еслибы торговые транспорты шли бы черезъ узкую полосу земли въ 180 верстъ, которая тянется между Байдарацкой губой и устьемъ Оби въ Обской губѣ. Байдарацкая губа представляетъ очень удобную гавань; отправка товаровъ изъ Оби въ губу могла бы производиться черезъ Щучью, впадающую въ Обь пониже Обдорска и судоходную на 100 верстъ, а потомъ сухимъ путемъ до губы. Такимъ образомъ транспортный путь товаровъ сократился бы отъ Оби до морскихъ судовъ не менѣе какъ на 1000 верстъ.“

Взглянувъ на карту, всякій долженъ убѣдиться, что на это стоило обратить вниманіе. Кромѣ того, разстояніе между Обью и Карскою губою не 180, а отъ 130 до 140 верстъ. Если же Щучья дѣйствительно судоходна, то въ Петербургѣ были совершенно правы, предположивъ, что тутъ останется лишь 30 верстъ сухого пути, которое, если-бы Подарата представила болѣе благопріятныя условія, могло еще болѣе сократиться. Планъ этотъ казался и намъ въ высшей степени основательнымъ и удобоисполнимымъ.

---

*) Кастренъ познакомился съ нимъ въ 1847 году въ Красноярскѣ и съ восторгомъ говоритъ о молодомъ человѣкѣ (Путешествіе, стр. 360).

Теперь, когда мнѣ извѣстны всѣ свѣдѣнія, относящіяся до этой области, и ихъ недостаточность, мнѣ понятно, что сторонники этого плана считали его важнымъ и достойнымъ изслѣдованія; мнѣ не удалось только узнать, изъ какихъ источниковъ почерпнули они свѣдѣнія о судоходности Щучьей. Во всякомъ случаѣ справка у человѣка, основательно знающаго этотъ край, профессора Ковальскаго, показала бы ошибочность этого мнѣнія и негодность самаго проэкта.

Мнѣ извѣстно, что торговый *) путь черезъ полуостровъ Ялмалъ существовалъ уже болѣе $2^1/_2$ столѣтій назадъ, когда торговля соболями обѣщала болѣе значительныя выгоды. Если не ошибаюсь, проэктъ канала между Обью и Карской губой, посредствомъ Щучьей и Подараты, вызванъ извѣстіями Виггенса. Но, кромѣ мелководности устья Подараты, я ужъ упоминалъ о томъ, что рѣка эта не судоходна. Щучья, хотя и значительно больше ея, представляетъ тѣ-же условія, и мы, на основаніи личныхъ наблюденій, съ полнымъ убѣжденіемъ должны признать ее также несудоходной.

Какъ я ужъ говорилъ выше, наша лодка, сидѣвшая въ водѣ не болѣе двухъ футовъ, пройдя 100 верстъ (по прямой линіи 70), не разъ садилась на мель и вообще могла проникнуть лишь на 150 верстъ (90 по прямой линіи). На этотъ путь потребовалась цѣлая недѣля времени; и это при высокомъ стояніи воды, въ концѣ іюля. 10 дней спустя, почти пустая лодка съ большимъ

---

*) Интересныя извѣстія англичанина, Вилліама Гурдона, Ричарда Финча и др., которые въ 1611 и 1614 годахъ проникли на Печору и провели здѣсь часть зимы, не оставляютъ сомнѣнія насчетъ того, что транспорты товаровъ направлялись прямо изъ Пустозерска на Обь, Тазъ и Енисей. Каждую весну 30 лодокъ, съ 12—30 людьми, отправлялись извѣстной дорогой черезъ Вайгачскій проливъ въ Карскую губу до западнаго берега полуострова Ялмала. Здѣсь шли они подъ 70° с. ш., поднимаясь впродолженіи 8 дней вверхъ по Мутной рѣкѣ, достигали двухъ соединенныхъ между собою озеръ, гдѣ отъ 2 до 3 верстъ шли волокомъ, причемъ лодки ставились на полозья, а потомъ подвигались съ трудомъ въ Зеленомъ озерѣ и Зеленой рѣкѣ, которая была такъ мелка, что приходилось иногда разгружать лодки. Это причиняло большія задержки, такъ что отъ волока до устья Зеленой рѣки требовалось 10 дней. Отсюда въ сутки добирались до Обской губы, и затѣмъ втеченіе 4—12 дней поднимались вверхъ до мѣстечка Мангазеи. Весь путь продолжался отъ 4 до 5 недѣль, но не каждый годъ можно было предпринимать это путешествіе. Возили къ Самоѣдамъ муку, соль, сукно и вымѣнивали все это на соболей. Отъ Мангазеи отправлялись, волокомъ же, до Туруханска на Енисеѣ. „Purchas his Pilgrims“ Лондонъ, 1625. Т. III, стр. 530—556, а подробности у Шренка, „Reise“ I стр. 607—609 и II стр. 162—212. Въ 1734—1738, послѣ безуспѣшныхъ попытокъ, удалось наконецъ пробраться съ Оби въ Енисей (Овцынъ, Мининъ и Стерлеговъ).

трудомъ пробиралась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; спустя 2, 3 недѣли (въ концѣ августа) рѣка значительно прибыла вслѣдствіе сильныхъ дождей, бывшихъ въ горахъ. Какъ въ Подаратѣ, такъ и во всѣхъ горныхъ рѣкахъ, уровень воды крайне измѣнчивъ и не представляетъ никакой гарантіи для правильнаго сообщенія. Отрицая возможность судоходства на Щучьей, я подразумѣваю не только большія суда (баржи), но и вообще какія бы то ни было, посредствомъ которыхъ можно было бы перевозить товары въ Карскую губу, такъ какъ лодки, на которыхъ можно нагрузить отъ 200 до 300 пудовъ, не могли бы служить для этого, были бы неудовлетворительны. Но еслибъ даже онѣ и годились, то все таки оставалось бы пройти довольно большое разстояніе сухимъ путемъ. Разстояніе между Щучьей и Подаратой по прямой линіи 42 версты; тамъ же, гдѣ шла русская экспедиція—48 верстъ; гдѣ шли мы, т. е. болѣе къ западу, 70 в. Такъ какъ Подарата не судоходна и не должна приниматься въ соображеніе, то можно говорить только о прямомъ разстояніи до Карской губы, имѣющемъ по прямой линіи 70 верстъ.

Что способъ транспортированія товаровъ въ тундрѣ, при помощи оленей, нельзя назвать удовлетворительнымъ—это можетъ подтвердить всякій, знающій страну. Для того, чтобъ выгрузить или нагрузить одно судно въ 600 тоннъ, стоящее въ „удобной гавани“ Карской губы, не хватитъ всѣхъ оленьихъ стадъ Обской области. И такъ остается проэктъ канала! Я не стану говорить о великихъ затрудненіяхъ, представляемыхъ почвой, оттаивающей не болѣе какъ на $1^1/_2$ фута, о другихъ мѣстныхъ препятствіяхъ, какъ будто ничего этого не существуетъ, но всѣмъ, которые считаютъ этотъ проэктъ удобоисполнимымъ, напомню Суэзскій каналъ. Этотъ водный путь, соединяющій воды двухъ полушарій, только въ $1^1/_2$ раза длиннѣе Обскаго канала, но потребовалъ 10-ти-лѣтнихъ работъ и 500 милліоновъ франковъ! Въ 1876 году прошли имъ 1500 большихъ кораблей и проѣхало до 70,000 пассажировъ. Если-бы даже проэктъ этотъ оказался выполнимымъ и былъ бы собранъ потребный громадный капиталъ, то, спрашивается, какой же процентъ будетъ онъ давать? Я не предвижу никакого никогда, и потому не посовѣтую никому дать 5 руб. на это дѣло; это было бы все равно, что выбросить эти деньги. Если Суэзскій каналъ сокращаетъ дорогу изъ Индіи въ Лондонъ на 24 дня, то Обскій каналъ не доставитъ ни малѣйшаго сокращенія. Послѣднія поѣздки на Енисей и Обь доказали въ достаточной степени, что перевозка черезъ Щучью и каналъ, по

всему вѣроятію, была бы продолжительнѣе перевозки мимо Бѣло-острова. Въ 1877 году капитанъ Даль добрался отъ послѣдняго до Надыма въ три дня, а капитанъ Размусенъ *) употребилъ для того же 4 дня, а потому о тысячеверстномъ крюкѣ не можетъ быть и рѣчи. Въ дѣйствительности, при плаваніи черезъ Маточкинъ Шаръ, этого крюка и не существуетъ.

По отзыву господина Васильева, топографы русской экспедиціи 1876 года, нашли проэктъ канала не цѣлесообразнымъ. Вышедшая объ этой экспедиціи брошюра даетъ, по всему вѣроятію, подробныя тому объясненія, но я не могъ воспользоваться ею, за незнаніемъ русскаго языка.

Но изслѣдованія 4 послѣднихъ лѣтъ доказали неопровержимо удобства морского пути въ Сибирь, **) а вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждаютъ и мое мнѣніе, что этотъ путь прежде всего принесетъ пользу Оби и что главныя сношенія естественнымъ образомъ установятся на этой рѣкѣ. По возвращеніи своемъ я пытался направить сюда духъ торговой предпріимчизости, но это оказалось довольно затруднительнымъ и именно потому, что устья

---

*) Въ примѣръ быстроты пароходнаго сообщенія съ Обью приведу „Нептуна“ (400 тоннъ). 14 іюля покинулъ онъ Гамбургъ съ разнымъ грузомъ, 2 августа прибылъ въ Карскую губу, 13-го въ рыболовное мѣстечко Ливсита (66° 13′ с. ш.) на Надымѣ, выгрузилъ и нагрузилъ баржи въ 11 дней и съ 360 тоннами пшеницы отправился назадъ 24-го; 28 прибылъ къ Бѣлому острову, 6-го сентября—въ Гаммерфестъ и по прошествіи 9 недѣль и 4 дней возвратился въ Гамбургъ.

**) Подробныя свѣдѣнія о томъ даетъ д-ръ Линдеманнъ въ „Deutsche geograph. Blätter“ (1877 I стр. 4, 115, 216, II, стр. 32, 34, 123, 125, 256; 262, III, стр. 44). Въ 1878 прибыли изъ Европы на Енисей 5 кораблей, на Обь 2. Первое въ Тюмени выстроенное парусное судно побывало въ Лондонѣ и Кронштадтѣ.—Этимъ утѣшительнымъ результатомъ обязаны не исключительно благопріятному году, но судоходности Карскаго моря, ежегодно повторяющейся. Величайшая заслуга покойнаго Петермана состоитъ въ томъ, что онъ первый указалъ, противно авторитету Бэра, на возможность достигнуть сѣверныхъ береговъ Сибири морскимъ путемъ. Ему недоставало только показаній двухъ весьма важныхъ свидѣтелей, именно Шренка и Гофмана, которые по собственному опыту могли засвидѣтельствовать удобопроходимость Вайгачскаго пролива. По наблюденіямъ Шренка (стр. 362), проливъ замерзаетъ не ранѣе декабря и въ іюнѣ опять очищается отъ льда, а отъ Гофмана мы узнаемъ (стр. 151), что Самоѣды ежегодно пасутъ своихъ оленей на Вайгачѣ и что послѣдніе нерѣдко переходятъ черезъ проливъ вплавь. Герритъ де Веръ описываетъ въ своей исторіи мореплаванія Нидерландахъ 1594—96 (Нюрнбергъ 1598) встрѣчу съ „Московитами“ на Новой Землѣ, которые разсказывали, что Вайгачскій проливъ ежегодно очищается отъ льда впродолженіи 9 или 10 недѣль и что черезъ него можно отправляться на Обь и въ Татарское море, какъ называли они море Норъ (Зайсанъ-Норъ). Относительно Ледовитаго моря у сѣвернаго устья Енисея еще Гмелинъ старшій (III, стр. 134) говорилъ, что оно замерзаетъ не ранѣе конца сентября и тѣмъ совершенно подтверждаетъ новѣйшія наблюденія.

Оби еще очень мало изслѣдованы. Недоставало самаго главнаго—измѣреній глубины, о которой я могъ, на основаніи собранныхъ мною справокъ, сообщить лишь нѣкоторыя свѣдѣнія. На основаніи этихъ свѣдѣній, одна Бременская фирма и снарядила столь счастливо окончившуюся экспедицію изъ Гамбурга, именно пароходъ Нептунъ, съ капитаномъ Размусенъ, и въ томъ же году англійскій пароходъ Варкворсъ, (650 тоннъ, капитанъ Виггинсъ) прибылъ изъ Нью-Кестля въ Надымъ. Какъ ни скудны свѣдѣнія о плаваніи этихъ двухъ пароходовъ, но свѣдѣнія эти все-таки подтверждаютъ то, что Обская губа слишкомъ мало извѣстна, что необходимо точное ея изслѣдованіе и измѣреніе ея глубины. Слѣдуетъ надѣяться, что правительство серьезно займется этими изслѣдованіями, чѣмъ окажетъ содѣйствіе возникающему мореходству.

Новѣйшія поѣздки подтверждаютъ то, что мнѣ уже было извѣстно отъ капитана Даля, а именно, что Обдорскъ никогда не будетъ важнымъ пунктомъ навигаціи или складочнымъ мѣстомъ. Онъ пишетъ мнѣ объ этомъ слѣдующее: „Обдорскъ, вслѣдствіе мелководія у Хе, останется недоступнымъ даже для маленькихъ пароходовъ. Лишь при усердномъ измѣреніи лотомъ и то съ большими затрудненіями можно достигнуть устья Надыма во время разлива Оби. На суднѣ сидящемъ въ водѣ на 9 футовъ трудно достигнуть Обдорска, а потому этотъ городъ никогда не сдѣлается складочнымъ пунктомъ Сибири“. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ въ „Geographischen Blättern“ (II, стр. 262), отъ Пуйкова въ устьѣ Оби до Надыма рѣдко можно найти глубину болѣе 7 футовъ. Мѣсто для выгрузки и нагрузки парусныхъ судовъ слѣдуетъ устроить около Линситы или еще дальше, но и въ такомъ случаѣ Обдорскъ долженъ выиграть, потому что главные предметы мѣстной торговли съ туземцами будутъ получаться тогда изъ первыхъ рукъ. Морской путь такимъ образомъ открываетъ благопріятную перспективу и для Обдорска.

Обдорскъ—самое сѣверное поселеніе Западной Сибири и самое значительное изъ всѣхъ лежащихъ подъ тѣмъ же градусомъ широты. По вычисленію Ковальскаго, онъ находится подъ 66°30′, на 47, 91 футъ выше уровня моря. Обдорскъ лежитъ на правомъ берегу Полуя, который на 4 версты ниже впадаетъ въ большую Обь. Полуй, по Кастрену происходящій отъ финскаго слова „ойя—пуоли“, т. е. полъ-рѣки, прекрасная рѣка, почти такая же широкая какъ Везеръ около Бремена, но, къ сожалѣнію, очень мало извѣстная. Засѣдатель зналъ эту рѣку лишь на

40 верстъ вверхъ по теченію, гдѣ находилось нѣсколько чумовъ; въ прочихъ частяхъ она, кажется, необитаема. Въ концѣ августа, втеченіе нѣсколькихъ дней вода этой рѣки была странно окрашена въ зеленый цвѣтъ. Графъ Вальдбургъ, привезшій съ собою этой воды и просившій доктора Целлера изслѣдовать ее, пишетъ мнѣ слѣдующее: „Эта зеленая окраска происходитъ отъ безчисленной массы Limnochlide flos aquae (называемаго также Aphanizomenon и Sphaerozyga). Кромѣ того въ ней находилось до 12 видовъ діатомей, такъ какъ рѣка была покрыта плывшей по ней смѣшанной массой водорослей.

Съ высокаго (206′) холма, на которомъ возвышается церковь, открывается необыкновенно красивый видъ. Отсюда видѣнъ Полуй съ его различными притоками среди роскошнаго луга; на востокѣ синѣется высокій берегъ Оби, покрытый лѣсомъ, и все это замыкается на западѣ Уральскимъ хребтомъ, такъ называемыми „Обдорскими горами“. По мнѣнію Эрмана (Путешествіе, I стр. 692), проведшаго въ Обдорскѣ зиму 1828 года, горы эти отстоятъ отсюда лишь на 75 верстъ и высшая точка ихъ Пае-еръ имѣетъ 4340′ высоты. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось срисовать Уральскія горы въ тѣ немногіе часы, когда онѣ съ полной ясностью выдѣлялись на горизонтѣ, такъ какъ цѣпь обыкновенно стоитъ окутанная туманомъ и облаками, и 20 августа была ужъ покрыта свѣже-выпавшимъ снѣгомъ.

Окрестности Обдорска состоятъ изъ пустынной тундры, тамъ и сямъ покрытой березой стланкой или дюнообразными песчаными холмами, такъ какъ деревья давно вырублены. Еще Зуевъ въ 1771 г. упоминаетъ о голыхъ окрестностяхъ. Дрова приплавляются сюда верстъ за 10—20, съ Полуя и Оби, и составляютъ довольно важный предметъ торговли, такъ какъ осенью пароходы закупаютъ ихъ здѣсь; кубическая сажень лиственничныхъ дровъ стоитъ 3 руб. Какъ мы уже видѣли, ниже Обдорска начинаются кусты, а по ту сторону Шайтанки находится нѣчто вродѣ лѣсочка. Каждое утро все женское населеніе города отправлялось туда въ лодкахъ за ягодами, которыми такъ изобилуютъ сѣверные лѣса. Здѣсь преобладаетъ морошка, вообще очень любимая во всѣхъ сѣверныхъ странахъ и растущая на тундристой почвѣ; также много здѣсь мелкой, но необычайно сладкой поляники. Кромѣ того есть черника, голубица, клюква, бруснпка и воронпца или водяница (Empetrum nigrum). Клубника растетъ уже значительно южнѣе Обдорска. Всего болѣе удивляли насъ великолѣпные кусты шиповника (Rosa acicularis). Сборъ ягодъ для жительницъ Об-

дорска равносиленъ сбору винограда на югѣ, и между тѣмъ какъ онѣ съ весельемъ и пѣснями занимались этимъ дѣломъ, мущины были заняты трудною и утомительною косьбой богатыхъ луговъ, растилавшихся по лѣвому берегу Полуя, которой еще не производилось во времена Ковальскаго (1848).

О воздѣлываніи культурныхъ растеній на открытомъ воздухѣ въ Обдорскѣ можетъ быть еще менѣе рѣчи, чѣмъ въ Березовѣ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь встрѣчаются однако жители, которые ради забавы сажаютъ въ парникахъ рѣпу, бобы и картофель. Это стоитъ большихъ трудовъ: тщательно просѣянную осенью землю сносятъ въ подвалъ; здѣсь она зимуетъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ она слишкомъ бы поздно растаяла и нельзя было бы сажать въ нее сѣмена. Нашъ хозяинъ Перловъ также имѣлъ парники. Посаженный имъ 20-го іюня картофель (привезенный изъ Тобольска) былъ вырытъ въ концѣ сентября до наступленія морозовъ и пришелся самъ-третей; въ теплые же годы даетъ самъ 10, но картофелины бываютъ очень мелки. Въ Березовѣ въ первый годъ картофелины достигли величины горошины, во второй годъ величины волошскаго орѣха. Въ Туруханскѣ (по Кастрену) картофель вовсе не родится, а только капуста и рѣпа.

Причину того, что здѣсь не родятся эти овощи объяснить нетрудно: „вѣчно замерзшая почва тундры“ вовсе не басня, какъ то смѣло, но бездоказательно утверждаетъ Албинъ Конъ. *) По Гофману верхній глинистый слой въ Березовѣ оттаиваетъ только на 2 фута, а затѣмъ слѣдуютъ 7′ замерзшей почвы. Въ другомъ мѣстѣ земля оттаяла на 3′, затѣмъ слѣдовалъ 5′ слой замерзшаго песку, потомъ опять не замерзшій песокъ, причемъ Гофманъ наткнулся на гробъ Остермана. Дальнѣйшія свѣдѣнія, приводимыя Гофманомъ (стр. 118, 164) и Шренкомъ (стр. 122, 271, 532 и 594), не оставляютъ никакого сомнѣнія и не могутъ быть опровергнуты тѣмъ фактомъ, что Гофманъ (стр. 140) на Миниссеѣ подъ $68^1/_2{}^0$ с. ш. могъ воткнуть въ землю палку на 6′ глубины; причины тому могли быть чисто мѣстныя. Послѣ того, какъ я въ тундрѣ (подъ 68^0) нашелъ „вѣчный ледъ“ на $1^1/_2$ футовой глубинѣ, я сдѣлалъ въ Обдорскѣ попытку изслѣдовать этотъ вопросъ, къ великой досадѣ Степана, который долженъ былъ рыть яму. Онъ привелъ различныхъ свидѣтелей, и между прочими, какъ

*) „Сибирь“ стр. 171. Онъ также высказываетъ нелѣпое предположеніе, что минеральный слой подъ тундрой, какъ напр. слой Сидоровскаго графита на Курейкѣ послужилъ поводомъ къ мнѣнію о вѣчныхъ льдахъ тундры.

наиболѣе компетентнаго, могильщика; всѣ утверждали, что лѣтомъ для рытья могилы глубиною въ два аршина нужны цѣлыя сутки; зимою, при помощи огня, на это требуется цѣлая недѣля. Ничто однако не помогло: я хотѣлъ видѣть ледъ своими собственными глазами.

Итакъ 2-го сентября мы убѣдились, что чистый, сыпучій песокъ, на которомъ стоитъ возвышенная часть Обдорска и который покрытъ черноземомъ лишь на 3—4 дюйма, замерзъ на $4^3/_4$ ф. глубины, такъ что его можно было рѣзать ножемъ. При $10^1/_2{}^0$ температуры воздуха, термометръ опустился въ этомъ ледяномъ слоѣ до $^1/_4{}^0$ выше нуля. Эта, хотя и поверхностная, попытка однако настолько удовлетворительна, что можетъ избавить насъ отъ укора въ повтореніи чужихъ словъ.

Увѣренія Зуева, что коровы живутъ здѣсь не болѣе 5 лѣтъ, а лошади только одинъ годъ, совершенно невѣрны, потому что эти животныя постепенно здѣсь распространяются, несмотря на то, что при продолжительныхъ и суровыхъ зимахъ не можетъ быть и рѣчи о скотоводствѣ. Дѣйствительно, во всемъ Обдорскомъ округѣ въ 1876 было только 110 лошадей, 142 штуки крупнаго рогатаго скота (очень хорошаго), 12 свиней и 18 овецъ; послѣднихъ держали болѣе ради рѣдкости, какъ у насъ держатъ оленей и косуль. Домашнимъ же животнымъ этихъ странъ остается опять-таки олень, и меня удивляетъ, что въ здѣшнемъ округѣ, по увѣреніямъ засѣдателя, насчитываютъ только 50,000 оленей. По Крапоткину (Петерманнъ 1868, стр. 95), въ Тобольской губерніи насчитываютъ до 231,312 оленей, а чтобы дополнить прежнія свѣдѣнія, прибавлю, что, по Шванебаху, въ Архангельской губерніи держатъ до 340,000 оленей.

Послѣ оленя въ домашнемъ хозяйствѣ здѣшнихъ жителей главную роль играетъ собака. Но настоящихъ сильныхъ, хорошо сложенныхъ волкообразныхъ собакъ встрѣчается очень мало. Привлекаемые рыбнымъ промысломъ Русскіе, живущіе лѣтомъ по всему побережію Оби, привозятъ съ собою всевозможныхъ дворняшекъ, начиная съ ублюдковъ бульдоговъ до ублюдковъ пуделей,— и этимъ совсѣмъ испортили здѣшнюю прекрасную породу.

Во время нашего пребыванія на берегу мы имѣли много случаевъ для наблюденій, такъ какъ, за отсутствіемъ людей, собаки были нашими ежедневными посѣтителями и непрошенными гостями. Онѣ не только являлись по нѣскольку разъ въ день въ извѣстные часы, но почью бывали еще многочисленнѣе, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока на лодкѣ было что либо съѣдобное.

Это правда, продолжалось недолго, потому что онѣ въ первую же ночь хорошо очистили наши запасы сухарей и сушеной рыбы, а остатки были убраны нами въ надежное мѣсто. Но все же нашъ лагерь сохранялъ для собакъ свою притягательную силу, особенно въ то время, когда мы готовили кушанье. Несмотря на всю нашу осторожность, онѣ часто успѣвали стащить кусокъ мяса или рыбы. Нашему удалому Ивану Семеновичу было съ ними не мало хлопотъ. Ни швыряніе камнями, ни удары палокъ не помогали! „Эта не забудетъ!“ бормоталъ онъ, смотря какъ какая-нибудь собака съ визгомъ удирала на трехъ ногахъ, по всему вѣроятію лишившись навсегда употребленія четвертой. Но она и не ду-

Собачья упряжь.

мала о полученномъ, безъ сомнѣнія, заслуженномъ наказаніи, и въ извѣстный часъ появлялась снова въ рядахъ своихъ собратій, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившихъ за всѣми нашими движеніями. Такъ мы мало-по-малу познакомились со всѣми обдорскими собаками и наконецъ полюбили ихъ.

Сидоровъ упоминаетъ объ одной особенности обдорскихъ собахъ. „Въ каждомъ домѣ держатъ до 10 собакъ(!) Въ полночь онѣ, по знаку данному одной изъ сихъ собакъ—предводительницы,—сбѣгаются на площадь и поднимаютъ общій вой, продолжающійся по меньшей мѣрѣ полчаса, послѣ чего мирно расходятся“.

Во время нашего тамъ пребыванія эти ночные собачьи кон-

церты, какъ видно, были не въ обычаѣ, потому что мы не слышали ничего такого, чтобы хоть сколько нибудь напоминало о нихъ, и, конечно, ни мало о томъ не сожалѣемъ.

Напротивъ того мы убѣдились въ способности собакъ возить сани, даже когда не было снѣгу, по песчаному грунту. Запряжка (ост. Ампъ-влакъ), какъ показываетъ рисунокъ на стр. 515, очень незамысловата. Вся упряжь состоитъ изъ пояса, сдѣланнаго изъ мѣха, по преимуществу изъ собачьяго хвоста, къ которому прикрѣпляются постромки, которыя проходятъ между задними ногами собаки. Въ нѣсколько минутъ нашъ Степанъ выбралъ 4 собаки изъ рядовъ нашихъ ежедневныхъ посѣтителей, продѣлъ ихъ заднія ноги въ кольца, и онѣ тотчасъ рысцой повезли сани (по ост. Куррамъ) вдоль берега. Здѣсь собаки тянутъ не грудью, а бедрами, что, по нашему мнѣнію, столько же непрактично, сколько и мучительно. Туземцы смотрятъ на это дѣло иначе, и хотя соглашаются, что черезъ это собаки часто хромаютъ на заднія ноги, тѣмъ не менѣе показывали мнѣ старыхъ упряжныхъ собакъ. Запряжка эта беретъ очень немного времени, что при здѣшнихъ зимнихъ холодахъ имѣетъ большое значеніе, и мы не могли этого оспаривать. Впрочемъ собаки привыкли ужъ къ такой запряжкѣ, какъ утверждаетъ Гофманъ (стр. 108 и 111), и въ нихъ не замѣчалось особеннаго утомленія послѣ 22 верстнаго пути, сдѣланнаго въ $2^1/_2$ часа. Нерѣдко собаки, къ величайшей досадѣ сѣдоковъ, пытаются въ упряжи охотиться за птицами. Между Обдорскомъ и Березовымъ и выше послѣдняго собачья почта представляетъ нѣчто совершенно обыденное. Несмотря на всю признанную мною практичность этого способа запряжки, я не только здѣсь, но и впослѣдствіи стоялъ за обычный у насъ способъ запряжки. Люди эти, выслушивавшіе меня съ сострадательной улыбкой, врядъ ли рѣшились на введеніе улучшеній. Но Гольдмахеръ, имѣвшій лучшихъ въ Обдорскѣ собакъ, обѣщалъ мнѣ примѣнить нашъ способъ, а Гольдмахеръ человѣкъ, который держитъ свое слово. Развѣ не онъ одинъ исполнилъ свое обѣщаніе и прислалъ мнѣ рыбы? Не стоялъ ли онъ въ этомъ отношеніи много выше старосты, который все обѣщалъ и ничего не исполнилъ? Къ тому же Гольдмахеръ не занималъ высокой должности, хотя и состоялъ въ связи съ тамошней администраціей, такъ какъ былъ однимъ изъ трехъ здѣшнихъ ссыльныхъ. Гиршъ Гольдмахеръ, одесскій еврей, говорилъ, какъ всѣ его соплеменники, тарабарски нѣмецкимъ языкомъ, что намъ было все-таки пріятно, и представлялъ собою одну изъ наиболѣе интересныхъ

личностей въ Обдорскѣ. Онъ велъ здѣсь торговлю рыбой, мелочнымъ и другимъ товаромъ, а также мясомъ, такъ какъ онъ одинъ билъ рогатый скотъ. Этимъ промысломъ занимался онъ и въ Одессѣ, откуда ѣздилъ въ Турцію. При этомъ слѣдуетъ упомянуть, что однажды съ нимъ отправилась въ Стамбулъ хорошенькая еврейская дѣвушка, которая была принята въ гаремъ одной высокопоставленной особы! Это было очень выгодно, но кончилось очень дурно, потому что похищеніе обнаружилось, вмѣшалась полиція и Гольдмахера отправили на 9 лѣтъ въ Сибирь. Ему оставалось пробыть здѣсь еще одинъ годъ, что не значило однако, что онъ можетъ возвратиться домой. Такихъ ссыльныхъ часто забываютъ, и неудивительно, если Гольдмахеръ убѣдился въ этомъ на опытѣ. Онъ, безъ сомнѣнія, живетъ здѣсь, по здѣшнему, очень хорошо, такъ какъ имѣетъ два дома, небольшую лавку и зарабатываетъ достаточно денегъ, правда, что не безъ большихъ трудовъ. Но понятно, что человѣка, родившагося на югѣ, пугала перспектива провести всю жизнь свою на холодномъ сѣверѣ, тѣмъ болѣе что ему было только 30 лѣтъ. Какъ единственный человѣкъ еврейскаго вѣроисповѣданія, онъ не могъ исполнять своихъ постановленій, справлять своихъ праздниковъ и не могъ жениться, но несмотря на то онъ былъ вѣрный израильтянинъ и не хотѣлъ перейти въ другую вѣру, чтобъ улучшить свое положеніе. Гольдмахеръ страстно стремился на родину и предпочиталъ въ Одессѣ сухой хлѣбъ благоденствію здѣсь.

Безъ помощи Гольдмахера намъ пришлось бы испытать не мало затрудненій въ пріобрѣтеніи съѣстныхъ припасовъ, потому что въ это время года въ Обдорскѣ нельзя ничего купить, кромѣ сушепой рыбы; нельзя даже достать свѣжей рыбы и оленины. Куръ и свиней держатъ лишь очень немногія частныя лица. Картофеля достать нельзя, и я былъ радъ, что могъ получить яйца, привезенныя изъ Тобольска, по 3 коп. за штуку, молоко и свѣжее масло. Мычаніе теленка случайно привело меня въ одинъ домъ, гдѣ, послѣ долгихъ переговоровъ, мнѣ удалось пріобрѣсти за два рубля пятидневное животное, а нѣсколько времени спустя и другого. Но мы могли хорошо удовлетворять своему аппетиту, когда Гольдмахеръ убилъ корову, лучшія части которой мы взяли съ собою въ дорогу.

Мы охотно сдѣлали бы еще экскурсію въ Обскую губу, отъ которой находились такъ близко, но по многимъ причинамъ принуждены были отказаться отъ этого. Хотя я зналъ, что Зуевъ

въ 5 дней съѣздилъ къ устью и вернулся назадъ, но для насъ такая поѣздка была безцѣльна, а отправляться на Надымъ было уже поздно. Теперь главное было сохранить добытое и совершить обратный путь въ лодкѣ, потому что такъ было удобнѣе для сбора коллекцій и для наблюденій. Этого мы не могли бы сдѣлать, еслибъ воспользовались любезнымъ предложеніемъ г. Корнилова и другихъ судовщиковъ въ Тобольскѣ и поѣхали на пароходѣ, который вначалѣ сентября долженъ былъ спуститься въ устье и потомъ подняться вверхъ съ рыбой. Напротивъ того г. Поляковъ 22-го августа отправился лишь до Надыма и не привелъ въ исполненіе своего намѣренія перезимовать въ Тазовской губѣ. Это тѣмъ болѣе жаль, что сюда не проникалъ еще ни одинъ ученый путешественникъ *), а между тѣмъ было бы весьма интересно увидѣть этотъ старый путь, которымъ двѣсти лѣтъ тому назадъ производились сношенія между Пустозерскомъ черезъ полуостровъ Ялмалъ и Старой Мангазеей при Тазовской губѣ. Еще во времена Гмелина (1739 г.) прекратилось это сообщеніе, впрочемъ неудовлетворительное для настоящей торговли; однако онъ видѣлъ „нѣкоторыхъ язычниковъ“ въ Туруханскѣ, прибывшихъ на ярмарку изъ „Обдорскаго острога“ (Гмел. III, стр. 205 и 212). Съ этими же „язычниками“ я могъ бы совершить путешествіе, что легко устроить во время ярмарки, потому что тогда они пріѣзжаютъ въ Обдорскъ. При этомъ можно было бы основательнѣе изучить „Тазовскихъ Самоѣдовъ“, которые, по Кастрену (II, стр. 235), вовсе не Юраки, и съ ними къ іюню мѣсяцу добраться до Туруханска. По свѣдѣніямъ, собраннымъ мною отъ г. Федорова въ Тобольскѣ, отъ Обдорска до поселенія Линсита 800 верстъ, а отсюда братъ его на лодкѣ съѣздилъ къ Тазу (сам. Ходай) взадъ и впередъ въ 22 дня. Здѣсь былъ найденъ каменный уголь, но въ значительномъ-ли количествѣ—мнѣ не удалось узнать. Для всякаго, кто можетъ жить по самоѣдски, такое путешествіе имѣетъ много заманчиваго, но „долгъ“ призывалъ меня домой; въ противномъ случаѣ я предпринялъ бы это путешествіе при всякихъ условіяхъ, потому что такой удобный случай представляется лишь одинъ разъ въ жизни. Обдорскъ также представлялъ обширное поле для изслѣдованій и слова Кастрена: „это былъ

*) При вышеупомянутой попыткѣ доставить съ Енисея графитъ черезъ Обдорскъ въ Европу, Сидоровъ посылалъ маленькую шкуну въ Тазовскую губу, руководитель которой Кушелевскій издалъ сочиненіе: „Сѣверный полюсъ и страна Ялмалъ“, (С.-Петербургъ 1868 годъ), которое, по свидѣтельству компетентныхъ лицъ, не имѣетъ никакого значенія и не заслуживаетъ вниманія.

для меня Лондонъ, Парижъ, Берлинъ и т. д., а между тѣмъ здѣсь не было ни одной книги, кромѣ сибирскихъ указовъ, ни одной газеты, кромѣ той, которую дамы сочиняли въ сумеркахъ",— были мнѣ понятны. Время проходило у меня за занятіями слишкомъ быстро, такъ-же какъ и во время путешествія, и не оставляло мнѣ свободныхъ минутъ для чтенія газетъ, которыми снабжала насъ любезная редакція С.-Петербургской нѣмецкой газеты.

Члены русской экспедиціи въ Карскую губу возвратились 22 августа; засѣдатель двумя днями ранѣе. Устроивъ съ послѣднимъ кое-какія дѣла и отправивъ съ его помощью 5 большихъ ящиковъ съ нашими коллекціями, вечеромъ 3-го сентября, послѣ двухнедѣльнаго пребыванія въ Обдорскѣ, пустились мы въ обратный путь. Хотя Кастренъ жалуется на непривѣтливость Обдорскихъ жителей, мы, напротивъ, видѣли совершенно противуположное, и я надѣюсь, что мои спутники вмѣстѣ со мною единодушно засвидѣтельствуютъ свою душевную благодарность Обдорцамъ, за ихъ привѣтливость и услужливость, въ особенности же любезному засѣдателю, г. Павлинову.

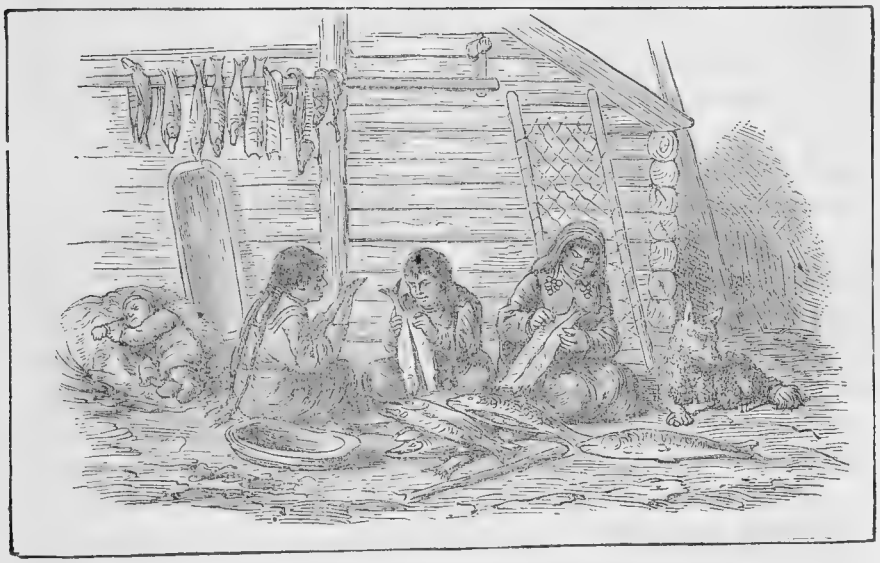
Послѣ пустынной тундры глазъ отдыхалъ теперь на зеленыхъ лѣсахъ, и мы пользовались всѣми случаями для экскурсій въ нихъ. На это мы употребляли время передъ ѣдой, пока готовилось кушанье, а ѣли мы два раза въ день. Стряпали въ чумахъ, если они попадались, или же выбирали удобное мѣстечко на берегу, такъ какъ горючій матеріалъ имѣлся теперь въ изобиліи. Утромъ 8-го сентября, когда мы пристали къ острову, поросшему ивами, чтобъ изготовить свой обѣдъ, мы увидѣли лодку, которая на всѣхъ парусахъ плыла внизъ по теченію. При рѣдкости такого явленія (мы не встрѣтили другого такого судна во все время нашего плаванія) не удивительно, что она возбудила въ насъ живѣйшій интересъ. Могло статься, что она везла намъ письма и газеты. Мы окликнули судно и вскорѣ послѣ того причалилъ къ берегу Русскій, нисколько не разсердившійся на насъ за то, что мы прервали его путь; онъ оказался братомъ нашего хозяина въ Обдорскѣ, господиномъ Перловымъ. Любезный человѣкъ, житель Кушевата, порадовалъ насъ, подаривъ намъ Anser ruficollis (по руски—лакъ (?) или чевка), прекраснѣйшій и интереснѣйшій экземпляръ особой породы гусей, съ красною шеей, большими сталми которыхъ мы не разъ любовались, но убить не могли, такъ какъ они, какъ и всѣ водяныя птицы, очень осторожны. Около Обдорска кишѣли гуси, и баржа, стоявшая на отмели, могла служить удобной засадой,

но я, къ сожалѣнію, не имѣлъ времени воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ. Сѣрый гусь (Anser cinereus) являлся здѣсь преобладающею породою; сверхъ того встрѣчались бѣлолобыя и малыя козарки (A. albifrons и minutus) и множество утокъ. Между послѣдними всего чаще встрѣчались чернети; крохали водили еще полуоперившихся птенцовъ. Чайки хохотуньи, такъ же какъ и сродственные имъ виды (Larus ridibundus, minutus, canus и affinis) мѣняли свою лѣтнюю одежду на зимнюю.

Животная жизнь была значительно богаче, чѣмъ весною и лѣтомъ. Тогда птицы сидѣли на яицахъ и большей частью скрывались въ непроходимыхъ чащахъ. Теперь старыя и молодыя собрались стаями и готовились къ отлету, несмотря на то, что всѣ безъ исключенія находились въ линькѣ. Трясогузки (бѣлыя), щеврицы (луговыя и краснозобыя) во множествѣ летали на берегу. Стан чечотокъ и юрковъ оживляли чащу. Овсянки-карлики (Emberiza pusilla), болотные воробьи также встрѣчались здѣсь, но всего радостнѣе привѣтствовали мы сибирскую и камчатскую синицу (Parus cinctus и camschatkensis), кедровку, ястребиную сову и Turdus dubius. Чернозобаго дрозда (T. atrogularis) получили мы еще въ Обдорскѣ. Интересно измѣненіе образа жизни нѣкоторыхъ птицъ въ періодъ линянія и пролета. Сѣрый чекканъ, прыгавшій между вѣтвями деревьевъ, казался намъ совершенно новой птицей, которую прежде не удавалось наблюдать; тоже самое было и съ щеврицей, которая, противъ своего обыкновенія, укрывалась въ чащѣ, подобно овсянкамъ.

Чѣмъ выше подвигались мы по рѣкѣ, тѣмъ убыль воды въ ней становилась замѣтнѣе. Кижгортъ или Кашгарская, пятая станція (6 сентября) на правомъ высокомъ, крутомъ берегу, къ которой мы прежде непосредственно причаливали, теперь отдѣлялась отъ рѣки широкой береговой полосой, состоявшей изъ суглинка и ила. Громадный заливъ выше остяцкаго поселенія, растилавшійся отъ одного края лѣса до другого, превратился теперь въ пространную болотистую равнину, пересѣкаемую узенькимъ ручейкомъ. Туземцы (Остяки) были теперь очень заняты заготовленіемъ рыбныхъ запасовъ на зиму, что изображено на моемъ рисункѣ на стр. 511, вмѣстѣ съ различными способами распластыванія рыбы для сушки. Мы познакомились здѣсь также съ очень простымъ способомъ освѣщенія. Въ старомъ горшечномъ черепкѣ горитъ свѣтильня изъ пеньковой пряжи въ рыбьемъ жирѣ. Она даетъ хорошее красное пламя, безъ запаха и чада.

Растительность вокругъ поселенія была необыкновенно роскошна; трава имѣла болѣе двухъ футовъ высоты. Немного въ сторонѣ отъ юртъ нашелъ я странную хижину. Она состояла изъ бревенъ, положенныхъ наискось и обмазанныхъ глиной, а сбоку ея стояла особенная труба, сплетенная изъ прутьевъ и тоже обмазанная глиной. Въ такія хижины Остячки уходятъ родить и тамъ проводятъ послѣ того шесть недѣль—обычай очень хорошій. Кромѣ молодого живого журавля (по ост. Торръ) нашелъ я здѣсь еще клыкъ мамонта, который, какъ я узналъ послѣ, былъ найденъ лишь нѣсколько дней тому назадъ въ осыпавшемся берегу, на цѣлую версту ниже юртъ. Здѣсь, вѣроятно, можно



Приготовленіе рыбы.

было бы найти и другія части скелета, но мы не имѣли времени заняться раскопками. Для туземцевъ имѣли цѣну лишь клыки. Впрочемъ вообще на Оби откапываютъ ихъ очень мало и на послѣдней Обдорской ярмаркѣ (1876) ихъ привезено было только 50 пудовъ. По превосходному сочиненію: „Новѣйшія изслѣдованія о мамонтѣ (Petermann Geogr. Mittheil. 1866 г. стр. 326—333), которое даетъ наиболѣе точныя свѣдѣнія, въ Обдорскѣ собирается ежегодно 75—100 пуд., въ Туруханскѣ 80—100, въ Иркутскѣ до 1500 пуд. ископаемыхъ слоновыхъ костей. По свѣдѣніямъ, полученнымъ мною изъ Иркутска, туда ежегодно привозится отъ 3000 до 4000 пудовъ. Главное мѣсто

нахожденіе этого въ высшей степени важнаго предмета торговли составляютъ берега Лены и островъ Новая Сибирь. Изъ одного Жиганска въ иной годъ отправляется отъ 1200 до 1700 пудовъ; стоимость пуда отъ 18 до 30 руб. Въ Обдорскѣ пудъ высшаго качества стоилъ 20 руб. Не считаю за нужное упоминать, что подъ мамонтомъ слѣдуетъ подразумѣвать клыки ископаемыхъ слоновъ (Elephas primigenius), которые по всему вѣроятію были современниками человѣка въ Сибири, и какъ показываютъ ихъ желудки, питались вѣтвями и корой хвойныхъ деревьевъ.

У купца Барамыгина въ Иркутскѣ есть, какъ я слышалъ отъ г. Гельмерсена, два клыка длиною въ $13^1/_2$ футовъ, изъ которыхъ каждый вѣситъ 9 пудъ. Клыки же африканскихъ слоновъ въ 150 фунтовъ считаются чѣмъ то необычайнымъ. Какъ Самоѣды, такъ и Остяки, согласно съ живущими здѣсь Русскими, считаютъ клыки мамонта „рогами оленевиднаго животнаго, которое и теперь живетъ, но только подъ землею“. Но они не умѣютъ составить себѣ никакого вѣрнаго о немъ представленія и всякія старанія розыскать относительно этого какія либо преданія остались тщетными. Туземцы полагаютъ, что мамонтъ, подобно оленю, питался растеніями и могъ очень скоро бѣгать. Но видѣли ли его и охотились ли за нимъ ихъ праотцы, они объ этомъ ничего не знаютъ, такъ-же какъ не имѣютъ никакихъ преданій о своемъ народѣ. Остяки называютъ мамонта Мухоръ или Мугоръ; зубы Мухоръ-онгетъ. Самоѣды называютъ его Еггора, т. е. земляной олене-козелъ (Шренкъ I., стр. 312).

Зуевъ, нашедшій у Параватскихъ юртъ ископаемую бычачью голову „съ рогами занимавшими весь лобъ“, описываетъ страну при Кушеватской изобилующей мамонтовыми костями. Эта слава осталась за мѣстомъ до сихъ поръ, и Сидоровъ говоритъ, что „возвышеніе, на которомъ выстроено селеніе, наполнено костями мамонта“, что, разумѣется, не должно быть понимаемо буквально. Мы по крайней мѣрѣ сами не видали этихъ ископаемыхъ богатствъ, однако и помимо ихъ радовались, когда 8-го сентября послѣ полудня достигли этого привѣтливаго поселенія, единственной русской деревни между Обдорскомъ и Березовомъ. Кушеватъ состоитъ изъ церкви и десяти или 12

*) Послѣдняя находка *трупа* мамонта, о которой сообщаетъ Сидоровъ, была сдѣлана въ 1877 году. Онъ разсказываетъ, что мясо съ него варили, давали собакамъ, которыя его ѣли, но по изслѣдованіямъ Полякова все это оказалось миѳомъ.

домиковъ, въ которыхъ насчитывается до 40 жителей, большей частью Русскихъ. Оно лежитъ у пересохшаго теперь рукава Оби, далеко отъ берега, отъ котораго отдѣлялось широкой глинистой полосой. Здѣсь есть также казенный хлѣбный магазинъ, который всегда можно узнать по красной крышѣ. Такъ какъ жители почти всѣ были на рыбныхъ промыслахъ, какъ всегда бываетъ въ это время года, и староста также, то мы должны были сами позаботиться о съѣстныхъ припасахъ, т. е. Мартинъ Дзервитъ, Панаевъ и я отправились по большимъ домамъ узнавать нѣтъ ли яицъ, молока, мяса и т. д. По счастью, добрый священникъ Федоръ Истлеевскій былъ дома и чрезъ него получили мы все нужное. Онъ даже продалъ намъ своего прекраснаго шестимѣсячнаго теленка и только за 4 руб. Яйца мы покупали по 2 копѣйки за штуку, фунтъ масла за 20 коп. и фунтъ сахару по 60 коп. Добыли мы также блюдо картофелю, величиною въ волошскій орѣхъ, выращенный въ парникѣ и еще цвѣтшій.

Гораздо болѣе важную роль, чѣмъ картофель, играютъ здѣсь кедровые орѣхи. Эти сѣмена сибирскаго кедра (Pinus cembra) въ Россіи также любятъ, какъ у насъ орѣхи и Сибирь доставляетъ ихъ туда въ значительномъ количествѣ. Деревья эти приносятъ шишки разъ въ 4—5 лѣтъ. Пудъ ихъ стоитъ отъ 1 руб. до 2. Ядра кедровыхъ орѣховъ даютъ (изъ пуда выходитъ 15 фунтовъ) весьма хорошее масло, похожее на прованское, которое очень бы годилось для рыбныхъ консервовъ.

Лиственница, ель и сосна доставляютъ на Оби лучшій строевой лѣсъ. Первая очень хороша для постройки судовъ, но Ланкенау (стр. 153) утверждаетъ, не совсѣмъ вѣрно, что „сибирская лиственница превосходитъ американское тековое дерево“. Но кедры на дрова не употребляются.

Воробей (Passer montanus) уже оставилъ свое сѣверное лѣтнее жилище и улетѣлъ къ югу.

Несмотря на темноту, мы ночью же отправились далѣе, т. е. прикрѣпивъ къ мачтѣ бичеву, пять человѣкъ потянули судно вдоль берега—занятіе нелегкое и не особенно пріятное, въ особенности если принять во вниманіе, что на берегу нѣтъ удобной, протоптанной тропинки. Людямъ приходилось пробираться по вязкому суглинку, въ которомъ ноги тонули по щиколотку, или черезъ свалившіяся деревья и густые кустарники—до того мѣста гдѣ берегъ кончался отвѣснымъ обрывомъ и тащить бичевой было ужъ вовсе невозможно. Тогда снова принялись за весла. Безъ сомнѣнія, такимъ образомъ еще медленнѣе подвигаешься

впередъ, чѣмъ бичевой, и людямъ тяжелѣе, но Остяки народъ веселый. Старикъ у руля постоянно напѣвалъ что-нибудь, а прочіе тянувшіе бичеву всегда находили какой нибудь поводъ къ смѣху и веселости.

Утромъ 12-го сентября, въ пасмурный, дождливый день увидѣли мы Березовскія колокольни; еслибъ не онѣ, то по мѣстоположенію не узнали бы города. Сосьва обратилась въ весьма посредственную рѣку и отдѣлялась отъ города широкой полосой вязкой глины. По скользкой выстланной досками дорожкѣ нужно было идти туда и обратно къ лодкѣ, такъ какъ мы съ графомъ Вальдбургомъ, по своему обыкновенію, остались жить на суднѣ, а докторъ Бремъ переселился въ городъ. Не очень-то было пріятно путешествовать въ темнотѣ по этимъ гладкимъ доскамъ. Однако собаки не находили въ этомъ ничего затруднительнаго и въ первую же ночь, руководимыя желаніемъ стащить что-нибудь, явились въ большомъ количествѣ и не дали намъ покоя.

Нашъ первый визитъ былъ, безъ сомнѣнія, къ исправнику, у котораго были для насъ письма и газеты (еще отъ 3 августа). Потомъ были мы у уѣзднаго врача, доктора Крживицкаго, въ миломъ семействѣ котораго пріятно провели два утра. Какъ большая часть докторовъ въ Россіи говорящихъ по нѣмецки, онъ учился въ Дерптѣ; потомъ онъ провелъ много лѣтъ въ Нерчинскѣ. Его прелестная супруга, такъ-же какъ и дочь, не были довольны новымъ своимъ мѣстопребываніемъ, и были совершенно правы. Отъ доктора Крживицкаго получилъ я интересные куски аммонитовъ, превратившихся въ известковый шпатъ, съ радужной поверхностью и подавшихъ народу поводъ къ сказкѣ объ окаменѣлой змѣѣ. Аммониты эти найдены неподалеку отъ Урала, у рѣчки Лопсія, въ бассейнѣ верхней Сосьвы, на 3 дня пути въ лодкѣ отъ Искарскихъ юртъ. Эти куски служатъ теперь украшеніемъ минералогическаго музея въ Берлинѣ, такъ какъ они были мною ему подарены.

Мы были поражены удивленіемъ при видѣ громадной стаи грачей, опустившихся лишь на нѣсколько часовъ въ городѣ, такъ какъ на Оби впервые видѣли эту птицу.

Старый добрякъ Панаевъ, великолѣпно державшій себя за все время путешествія и ни одного разу не напившійся, прибывъ домой, хотѣлъ наверстать потерянное. Онъ былъ ужъ сильно навеселѣ, когда я поутру пришелъ къ нему, по его приглашенію, къ завтраку. Безъ сомнѣнія я не хотѣлъ отказать

въ этой чести нашему старому, заслуженному проводнику, и онъ былъ этимъ весьма счастливъ. Я также посѣтилъ стараго Арона Ароновича и познакомился съ его представительной супругой, послѣдовавшей за нимъ въ ссылку изъ Одессы и скрасившей ему жизнь двумя или тремя прелестными дѣвочками. Мнѣ было необыкновенно пріятно слышать въ этой семьѣ нѣмецкій говоръ и такое нарѣчіе, которое я понималъ безъ переводчика. Березовъ я описывалъ еще при первомъ нашемъ посѣщеніи и доказалъ, что онъ вовсе не лежитъ „среди непроходимыхъ первобытныхъ лѣ-

Березовъ.

совъ“ и не носитъ на себѣ „поразительнаго отпечатка суроваго сѣвера,“ какъ то говоритъ Ланкенау. Прилагаемый рисунокъ показываетъ это наглядно. Я тѣмъ болѣе нашелъ необходимымъ сдѣлать его, что единственный извѣстный мнѣ рисунокъ Обдорска (у Албина Кона на стр. 163) имѣетъ съ нимъ такое-же сходство, какъ Кельнъ съ Гейдельбергомъ. Этотъ политипажъ не представляетъ Березова, но какое именно мѣсто, мнѣ никакъ не удалось узнать. Вообще, по моему мнѣнію, это долженъ быть какой-нибудь городокъ Финляндіи или прибрежій Бѣлаго моря.

Когда всѣ необходимыя работы (чистка лодки, наполненіе спиртовыхъ препаратовъ) были окончены, мы покинули Березовъ, вечеромъ 13-го сентября, снабженные новыми съѣстными припасами, между прочимъ превосходнымъ бѣлымъ хлѣбомъ, испе-

ченнымъ для насъ женою Арона Ароновича и принесеннымъ имъ въ лодку съ пожеланіемъ счастливаго пути чужестранцамъ. Впрочемъ въ отношеніи провизіи наше положеніе улучшалось съ каждымъ днемъ, такъ какъ вмѣстѣ съ Березовымъ мы покинули область оленей; здѣсь ужъ былъ рогатый скотъ и овцы. Но молоко можно было найти не на всѣхъ станціяхъ, а еще рѣже того рыбу. Старый Михаилъ Панаевъ далъ намъ до Самарова своего сына Николая, расторопнаго, услужливаго 24-лѣтняго малаго, который оказался очень полезнымъ и былъ хорошо знакомъ съ здѣшнимъ способомъ охоты за дичью. Отъ него узнали мы о необыкновенномъ способѣ ловить утокъ посредствомъ воздушныхъ сѣтей, такъ называемыхъ „перевѣсовъ“ (по ост. Пилчаръ), которые еще на нашемъ пути туда обратили на себя наше вниманіе. Въ чащѣ береговаго лѣса мы часто видали просѣки, которыя отъ рѣки вели къ виднѣвшимся вдали озерамъ. Въ этихъ искусно проложенныхъ просѣкахъ, деревья со стороны воды были обтянуты сѣтью въ 60—70 футовъ вышины и 70—100 фут. ширины. Сѣть эта падаетъ, когда утки влетятъ сюда, и такимъ образомъ послѣднія становятся плѣнницами. Утки при перелетѣ охотно пользуются этими дорогами. Этотъ способъ ловли практикуется обыкновенно во время перелета съ 8 до 15 мая и съ 15 августа до октября. Ловля бываетъ особенно изобильна раннимъ утромъ, вечеромъ и въ лунныя ночи, но продолжается и днемъ. Даже и тогда онѣ не замѣчаютъ охотника, который сидитъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ сѣти безъ всякаго прикрытія. Иногда въ одну ночь попадаетъ въ сѣть до 50 штукъ. Нерѣдко попадаютъ въ сѣть журавли и гуси, но немного, къ радости птицелова, потому что они почти всегда рвутъ сѣть. Остяки убиваютъ утокъ самымъ простымъ способомъ, перегрызая зубами зашеекъ. Масса добытыхъ такимъ образомъ утокъ сушится для зимняго запаса въ дыму чума, что придаетъ имъ не особенно аппетитный видъ. Поляковъ былъ очевидцемъ, какъ въ такую сѣть попало 100 утокъ, но увѣрялъ, что иногда добыча доходитъ до 200 и болѣе. У Гофмана есть рисунокъ такого способа ловли, примѣняемаго не только на Оби, но и въ другихъ мѣстахъ Сибири. Палласъ подробно его описываетъ (II. стр. 403, III. стр. 92). Отъ послѣдняго естествоиспытателя мы также узнаемъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ловятъ утокъ петлями. Сибирскіе крестьяне коптятъ эти петли (плёнки) въ полынномъ дыму, чтобъ обезпечить ихъ отъ „дурного глаза“—суевѣріе, въ которомъ, безъ сомнѣнія, стали бы упрекать Остяковъ.

Утокъ было множество, впрочемъ все тѣ же породы, которыя были ужъ намъ извѣстны, и онѣ были все также пугливы. Однако моимъ спутникамъ удалось принести цѣлую дюжину; впрочемъ у туземцевъ можно было купить ихъ отъ 3—5 коп. за штуку.

Стаи перелетныхъ гусей и журавлей держались всегда въ недоступной дали и такъ искусно умѣли выбирать ночлеги, что всѣ преслѣдованія наши были безуспѣшны. Гуси появлялись иногда въ громадномъ количествѣ; такъ видѣнную мною 25-го сентября у Бѣлогорья стаю я считаю по крайней мѣрѣ въ 3—4000 штукъ; когда стая поднималась, слышался какъ бы громъ. Кулички-воробьи (Tringa minuta и Temminckii) и зуйки - галстучники летѣли тоже стаями въ нѣсколько сотъ штукъ каждая. Позднѣе появились сотни горныхъ жаворонковъ (Otocoris alpestris).

Видъ береговъ Малой Оби и ея рукавовъ на нашемъ дальнѣйшемъ пути былъ весьма однообразенъ. Высокія (отъ 12 до 18 фут.), почти отвѣсныя береговыя стѣны, состоявшія изъ глины, ила и мергеля, смѣшаннаго съ пескомъ и лишь изрѣдка изъ чистаго песка, смѣнялись пологими откосами, размытыми водою и обнаруживавшими различно окрашенные слои, въ видѣ террасъ. Подмытый берегъ часто осыпался, иногда вмѣстѣ съ опрокинутыми деревьями, или же грозилъ паденіемъ. Справа и слѣва виднѣлись широкіе, болѣе или менѣе высохшіе протоки, напоминавшіе запущенные пруды. Во время нашего перваго путешествія, мы ихъ вовсе не замѣчали, потому, можетъ быть, что они соединялись тогда съ рѣкою и вся низменность представляла необозримую водную поверхность, изъ которой только мѣстами выступали ивовыя чащи. Теперь все это пространство было сухо и покрыто или хвощомъ, или осокою выше пояса; растительность эта становилась еще роскошнѣе на равнинѣ позади береговаго лѣса. Здѣсь встрѣчались большей или меньшей величины ямы и болотистыя лужи, въ которыхъ мы находили прѣсноводныя раковины. Въ особенности часто попадались Lymnaea stagnalis и palustris, Planorbis corneus, marginatus, Succinea putris и Pfeiferi. Cyclas caliculata попадались тысячами во влажномъ береговомъ песку. Уровень полой воды всего лучше показывали ивы, покрывавшія почти весь берегъ; по мѣрѣ того, какъ мы подвигались къ юго-западу, ивы эти становились выше и красивѣе, и все чаще и чаще смѣшивались съ березами, тополями. Мѣстами не только вся почва была густо покрыта стволами и вѣтвями вымытыхъ водою деревьевъ, но пловучій лѣсъ замѣчался и между вѣтвей растущихъ деревьевъ, на высотѣ человѣче-

скаго роста; нѣкоторыя чащи, изобиловавшія подобнымъ завязшимъ въ немъ лѣсомъ, являлись въ буквальномъ смыслѣ слова непроходимыми.

Слова Кастрена (стр. 109): „Глазамъ моимъ не представлялось ничего новаго и необыкновеннаго; всюду тотъ же низкій, глинистый берегъ, поросшій тѣми же вѣчными ивами“, отлично характеризуютъ видъ лѣваго берега Оби. Но онъ не видалъ праваго берега ниже Самарова, который также представляетъ одинъ и тотъ же неизмѣнный видъ, но совсѣмъ другого рода. Низменная плоскость, поросшая ивами, смѣняется здѣсь высокимъ, иногда футовъ въ двѣсти, почти отвѣснымъ берегомъ изъ песку или мергеля. Мѣстами этотъ берегъ заросъ травой, между тѣмъ какъ его безчисленные, прямоугольные разрѣзы и самый край покрыты частымъ лѣсомъ, который теперь стоялъ въ своемъ полномъ осеннемъ нарядѣ. Темная зелень сосенъ, кедровъ и рѣже елей смѣнялась свѣтлою зеленью лиственницъ и желтою, почти оранжевою окраскою березовой листвы; послѣдняя часто составляла основной фонъ, на которомъ выдѣлялись ярко-алая рябина и осина. Картины этой осенней растительности однако не имѣютъ такихъ яркихъ красокъ, какъ видѣнныя мною въ сѣверной Америкѣ, но онѣ красивѣе чѣмъ у насъ и бываютъ иногда по истинѣ живописны. Рѣка, протекавшая прежде подлѣ крутого берега, постепенно подмывая его, теперь оставляла между нимъ и русломъ широкую, постепенно возвышающуюся отмель, на которой обозначались различные уровни рѣки; самый высокій изъ нихъ былъ какъ бы охваченъ широкимъ поясомъ пловучаго лѣса. Эта отмель, состоящая, какъ и самый берегъ, изъ глины, ила и песка, часто бываетъ покрыта множествомъ мелкихъ и крупныхъ, даже цѣлыми глыбами камней, по всему вѣроятію, принесенныхъ льдомъ. Тутъ встрѣчаются всевозможныя горныя и каменныя породы, преимущественно гранитъ, сіенитъ, сланецъ, порфиръ, а также авантюринъ, кремнистый сланецъ, роговикъ и довольно чистый, но мелкій сердоликъ. Никакихъ окаменѣлостей мы однако нигдѣ не встрѣчали и только одинъ разъ нашелъ я обломокъ мамонтова зуба. Рѣка, несмотря на свою значительную убыль, все еще имѣла величественный видъ, хотя часто прерывалась широкими песчаными отмелями, и ея обросшіе лѣсомъ заливы походили теперь на пересохшія озера, посреди которыхъ бѣжали узенькіе ручейки. Цвѣтъ обской воды и теперь, при низкомъ ея уровнѣ, имѣлъ тотъ же бурый цвѣтъ, но въ стаканѣ она казалась чистой и имѣла хорошій вкусъ, можетъ быть потому что мы къ ней привыкли.

Это набросанное на мѣстѣ изображеніе береговъ Оби весьма мало согласуется съ тѣмъ, что пишетъ Албинъ Конъ (стр. 158, 159) о „величайшей рѣкѣ земнаго шара,—Оби", которая, по словамъ его, является по красотѣ своей соперницей Рейна, вѣроятно во время разлива. Но если Конъ пустынный берегъ Иртыша при Семипалатинскѣ и Павлодарѣ называетъ „романическимъ", хотя самъ и не видалъ его, то это значитъ, что у него особенный вкусъ, а о вкусахъ не спорятъ. Кто видѣлъ Обь, какъ мы, во время высокой и низкой воды, тотъ, для устраненія заблужденій, долженъ прямо заявить, что такихъ живописныхъ картинъ, какія изображены въ „Сибири", (стр. 161) на Оби, по крайней мѣрѣ ниже Томска, нѣтъ вовсе, хотя, по увѣреніямъ Кона, онѣ тамъ „нерѣдки". Слова его: „Обь покрыта сотнями острововъ, которые тамъ и сямъ образуютъ какъ бы небольшіе архипелаги",—также не слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ. Лучшую характеристику Оби даетъ Кастренъ, говоря: „съ европейской точки зрѣнія, Обь дикая и однообразная рѣка, которая не возбуждаетъ въ душѣ созерцателя природы ничего кромѣ уныніе и тоски." Но хотя Обь никогда не будетъ привлекать своею живописностью туристовъ и вообще людей путешествующихъ ради удовольствія, она все-таки заслуживаетъ большого вниманія, какъ величайшая рѣка Сибири.

Какъ мы уже видѣли, Обь (ост. Ассъ, самоѣд. Яу) образуется отъ сліянія рѣкъ Біи и Катуни, берущихъ начало въ сердцѣ Алтая, у подошвы Бѣлухи. Отъ этого соединенія и произошло русское названіе „Оби", т. е. обѣ (Ледебуръ, стр. 148). Начиная отъ уѣзднаго города Бійска, длина ея до устья, по Латкину, 3200 верстъ. Между рѣками Европы только одна Волга имѣетъ почти такую же длину, считая отъ самаго истока; Дунай же имѣетъ всего 2800 верстъ, Рейнъ 1300, Ельба 1100, и Везеръ 500 верстъ.

Сначала Обь течетъ по направленію къ западу; отъ устья Чарыша она поворачиваетъ къ сѣверу, до Барнаула, потомъ къ З. СЗ., до деревни Крутихи, оттуда до устья рѣки Томи къ СВ. Въ Тобольской губерніи Обь опять течетъ на З. СВ., отъ устья Иртыша на СЗ. Затѣмъ она постепенно принимаетъ сѣверное направленіе до устья рѣки Полуя, откуда поворачиваетъ къ востоку и, раздѣляясь на нѣсколько рукавовъ, вливается въ морскую губу. Крайнимъ пунктомъ рѣки считаютъ обыкновенно мысъ Хе на островѣ того же имени, который, вмѣстѣ со многими другими, находится въ устьѣ. Оба главные рукава Оби, ниже Самарова,

правый или главный (по ост. Вулассъ, по сам. Арка-Я-у)—и лѣвый или малая Обь (ост. Ай-ассъ, по сам. Ньюге-Я-у) намъ уже извѣстны, такъ-же какъ и значительнѣйшій притокъ ея—Иртышъ, который, за исключеніемъ Томи, принимаетъ гораздо большіе притоки, чѣмъ сама Обь (Омь, Тара, Ишимъ, Тоболъ), о которыхъ я могу и не упоминать. Совершенно невѣрно говоритъ Албинъ Конъ (Сибирь, стр. 161), что „Обь принимаетъ 16 такихъ же значительныхъ притоковъ, какъ Иртышъ и Томь", такъ какъ наиболѣе значительный изъ нихъ, Кетъ, гораздо менѣе Тобола или Ишима.

Обь съ своими притоками образуетъ громадную водную систему, весьма важную для торговыхъ сношеній, такъ какъ большая часть ея притоковъ судоходны, по крайней мѣрѣ въ извѣстное время года. Вотъ почему здѣсь развилось значительное судоходство, которое съ введеніемъ пароходства будетъ имѣть немалое значеніе. До сихъ поръ судостроеніе, такъ-же какъ и вообще корабельное дѣло, находилось въ первобытномъ состояніи, что мы уже видѣли изъ описанія рѣчныхъ судовъ, барокъ, баржъ и лодокъ. Но и въ этомъ отношеніи начинаетъ замѣчаться нѣкоторый прогрессъ, и скоро наступитъ время, когда торговыя сношенія на Оби будутъ вестись при посредствѣ парусныхъ судовъ, на ней выстроенныхъ.

О значеніи Оби и ея торговлѣ *) я уже говорилъ въ другомъ, особомъ сочиненіи, но нахожу нелишнимъ еще разъ указать на важность этого бассейна.

По указаніямъ Латкина, все пространство обскаго бассейна занимаетъ 85,000 квадратныхъ миль. По исчисленію доктора Петермана, бассейнъ Оби и Енисея, изображенный на очень наглядной картѣ (1875, таб. 24 Geogr. Mittheilungen), равняется 103,050 нѣмецкимъ милямъ, тогда какъ вся Европа, за исключеніемъ Россіи, имѣетъ только 81,623 нѣмецкихъ квадратныхъ миль. Которая изъ трехъ громадныхъ рѣкъ Сибири, впадающихъ въ Ледовитое море, Обь, Енисей или Лена—самая большая, для насъ совершенно безразлично; во всякомъ случаѣ, самая важная изъ нихъ Обь—и по весьма понятнымъ причинамъ. Она ближе другихъ къ Европѣ, а ея обширная водная система распространяется на западъ и востокъ до богатыхъ рудниковъ Урала и Алтая, а на югъ до степей, изобилующихъ стадами, и вообще

*) „Плаваніе и торговля въ бассейнѣ Оби" (Deutsche Geogr. Blätter. I, стр. 166—182).

охватываетъ самую плодородную, наиболѣе воздѣланную и наиболѣе населенную часть Сибири. Между тѣмъ какъ въ бассейнѣ Лены лишь Якутскъ (съ 5000 жителей), а въ бассейнѣ Енисея Иркутскъ съ 30,000, Красноярскъ съ 12,000 и Енисейскъ съ 7,000 (по Виггенсу 11,000) имѣютъ нѣкоторое значеніе, Обь насчитываетъ гораздо большее число важныхъ городовъ и мѣстечекъ, а что всего существеннѣе, протекаетъ въ наиболѣе производительной и удобной для сбыта страны. На Оби и ея притокахъ лежатъ слѣдующіе города: Тюмень (съ 15—18,000 жит.) на рѣкѣ Турѣ, и хотя небольшой, но извѣстный своей ярмаркой, Ирбитъ (на Ницѣ, притокѣ Турѣ); губернскій городъ Тобольскъ, при Тоболѣ (съ 18,000 жит.), соперничающій съ Иркутскомъ и, быть можетъ, болѣе его значительный, губернскій городъ Томскъ, на р. Томи (30,000 жит.); главный городъ западной Сибири, Омскъ, на рѣкѣ Оми (болѣе 30,000 жит.); главный городъ Алтая Барнаулъ (12—13,000 жит.); Ишимъ (около 5000 жит.) —большое ярмарочное мѣстечко, при рѣкѣ того же названія; Семипалатинскъ (около 8000 жит.), при Иртышѣ, Петропавловскъ, при Тоболѣ (4—5000 жит.)—и Акмолинскъ (губернскій городъ), на рѣкѣ Ишимѣ. Къ нимъ, кромѣ Екатеринбурга, самаго значительнаго города Урала, съ 30,000 жит., находящагося лишь въ 306 верстахъ отъ Тюмени, слѣдуетъ присоединить еще небольшіе торговые города и мѣстечки Алтая. Огромное значеніе имѣло бы распространеніе судоходства по многоводному Иртышу до Зайсана, такъ какъ, съ присоединеніемъ Туркестана къ Обскому бассейну, открылась бы для сбыта значительная часть Средней Азіи, съ такими населенными городами, какъ Ташкентъ (80,000 жит.), Коканъ (20,000 жит.), Самаркандъ (20,000 жит.). Кульджа (70,000 жит.) и Вѣрный (10,000 жит.).

Судоходство на Оби, хотя менѣе продолжительно, чѣмъ на Волгѣ, продолжается однако среднимъ числомъ 150 дней (по Латкину 180 д.). Рѣка близъ Барнаула вскрывается во второй половинѣ апрѣля, рѣдко въ первыхъ числахъ мая, а замерзаетъ къ первой половинѣ ноября, рѣже въ концѣ ноября или октября. Далѣе къ сѣверу эти періоды наступаютъ сравнительно позднѣе или раньше. Такъ, по нѣкоторымъ имѣющимся свѣдѣніямъ, рѣка около Кандинскаго монастыря замерзаетъ въ концѣ октября и вскрывается въ концѣ мая; близъ Березова же замерзаетъ въ концѣ октября и вскрывается въ началѣ іюня, а близъ Обдорска лишь около половины іюня. За первымъ высокимъ стояніемъ воды, слѣдуетъ второе, происходящее отъ таянія снѣговъ на высо-

кихъ горахъ, которое близъ Барнаула наступаетъ въ іюнѣ, на нижней Оби въ іюлѣ, впрочемъ въ различное время, почему нерѣдко значительно уменьшаетъ доходъ съ рыбныхъ промысловъ. Такъ, въ 1876 году рыбаки очень жаловались на то, что рѣка внезапно поднялась въ половинѣ августа.

Меня часто спрашивали: „Опасно ли плаваніе по Оби?“, на что я всегда съ полнымъ убѣжденіемъ отвѣчалъ отрицательно. Во всякомъ случаѣ судоходство по Оби не опаснѣе, чѣмъ по какой-либо другой рѣкѣ, въ чемъ мы убѣдились, видя, какъ безпечно плыли барки внизъ по теченію во время весенняго половодья. Такъ какъ Барнаулъ лежитъ только на 400 футовъ выше уровня моря, то понятно, что рѣка должна имѣть очень незначительное паденіе; къ тому же грунтъ, весьма удобный для бросанія якоря, даетъ Оби преимущество передъ Енисеемъ. Тоже самое можно сказать и относительно продуктовъ первой рѣки. Между тѣмъ какъ на Енисеѣ только Минусинскій округъ обладаетъ богатой хлѣбородной почвой, область р. Оби заключаетъ въ себѣ самый богатый для хлѣбопашества поясъ во всей Сибири, и кромѣ того изобилуетъ скотомъ и рыбой.

„Различнаго рода хлѣба можетъ быть вывезено до 60 милліоновъ пудовъ; цѣна на рожь теперь мѣстами понизилась до 15 копѣекъ за пудъ, на пшеницу до 30 копѣекъ. Кромѣ зернового хлѣба западная Сибирь такъ богата солью, что могла бы снабжать ею сѣверныя европейскія приморскія земли. Вывозъ лишь однихъ этихъ двухъ продуктовъ могъ бы служить грузомъ для сотней кораблей. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить превосходный, но въ настоящее время почти ничего не стоющій сосновый и лиственничный строевой лѣсъ, который могъ бы служить не менѣе важной статьей торговли западной Сибири. Затѣмъ слѣдуетъ скотоводство, могущее доставлять для вывоза за границу слѣдующіе продукты: 600,000 штукъ невыдѣланной кожи; $1^1/_2$ милліона пудовъ сала, около 150,000 пудовъ масла, 1,200,000 пудовъ мяса, 50,000 пудовъ овечьей шерсти; въ общемъ всѣ эти продукты скотоводства даютъ 5,000,000 пудовъ. Кромѣ того западная Сибирь можетъ доставлять слѣдующія произведенія своихъ мѣстныхъ заводовъ: нефть, выдѣланныя кожи и спиртъ, не говоря уже о многочисленныхъ и дорогихъ мѣхахъ, мамонтовой кости и оленьихъ кожахъ. О минеральномъ богатствѣ Алтая мы не станемъ здѣсь упоминать, такъ какъ оно довольно извѣстно“.

Хотя эти вычисленія сдѣланы тамошнимъ уроженцемъ Латкинымъ, тѣмъ не менѣе они, какъ мнѣ кажется, нѣсколько вос-

торженны и преувеличены. Въ томъ, что все это „возможно", въ этомъ я не сомнѣваюсь, но пройдетъ еще много времени до тѣхъ поръ, пока обстоятельства сложатся благопріятно для этого, потому что въ Сибири ничто нейдетъ и не можетъ идти такъ быстро какъ въ Америкѣ. Во всякомъ случаѣ уже теперь избытокъ земныхъ продуктовъ и скотоводства обезпечиваетъ вывозъ, хотя первый грузъ сибирской пшеницы въ Гамбургѣ, по непонятнымъ стеченіямъ обстоятельствъ, не принесъ барыша, и, какъ съ достовѣрностью полагалъ Латкинъ, не могъ напр. конкурировать съ калифорнской пшеницей. Такъ пудъ пшеницы въ Алтаѣ стоитъ отъ 30 до 40 копѣекъ за пудъ *); въ южныхъ областяхъ ее родится столько, что богатые крестьяне земледѣльческихъ округовъ Омска, Томска и Алтая часто не знаютъ, куда дѣвать обильную жатву. Послѣ зернового хлѣба наибольшее значеніе имѣютъ пенька и ленъ, которые отлично родятся въ Сибири,—жиръ, сало, щетина и кожи. Торговля прочими продуктами разовьется потомъ сама собою, хотя не всѣми, о которыхъ упоминаютъ Латкинъ и Сидоровъ (яйца, гипсъ, алебастръ и т. д.). Во всякомъ случаѣ остается желать еще многаго, для уравновѣшенія привоза и вывоза, при правильномъ судоходствѣ. Дѣло въ томъ, что во всей Сибири (на пространствѣ 12,500,000 квадр. килом.) теперь насчитывается столько же жителей сколько въ одномъ Лондонѣ, такъ какъ она имѣетъ около $3^1/_2$ милліоновъ жителей (3,440,362), которыхъ, по Латкину, на западную Сибирь приходится $2^1/_2$ мил., между тѣмъ какъ одна Германія (съ небольшимъ въ 546,000 кв. килом.) имѣетъ 41 милліонъ жителей. Къ тому же, при незначительныхъ потребностяхъ сибиряковъ, товары будутъ имѣть здѣсь весьма ограниченный сбытъ, который увеличится лишь со временемъ. Во всякомъ случаѣ вывозъ имѣетъ для Сибири гораздо бо̀льшее значеніе, чѣмъ ввозъ, но его одного совершенно достаточно для развитія морского пути, какъ самаго дешеваго и самаго важнаго торговаго сообщенія. Если Сибирь окажется въ дѣйствительности настолько богатою и если страна эта на самомъ дѣлѣ обладаетъ такими рессурсами для вывоза, то этотъ новый торговый путь разовьется самъ собою и всѣ противодѣйствія сибирскаго купечества (какъ напр. въ Томскѣ) не въ состо-

*) Изъ дневника одной генеральши (вѣроятно г-жи Полторацкой) видно, что въ Мало-Нарымскѣ въ Алтаѣ пудъ пшеницы стоитъ 20 коп., а въ Кобдо, куда, какъ мы видѣли, изъ Зайсана отправлялись большія партіи, она стоила отъ 6—7 рублей. (Ланкенау: Das heutige Russl., стр. 162.)

яніи будутъ задержать этого развитія. Конечно, нельзя опредѣлить заранѣе, какія будутъ отъ того послѣдствія, но, безъ сомнѣнія, морской путь преобразитъ всю настоящую торговлю Сибири. Нельзя отрицать, что многіе при этомъ потеряютъ, но это будетъ относиться только къ меньшинству, а въ общемъ дѣйствительное развитіе морского пути послужитъ также къ развитію всей страны какъ въ матеріальномъ, такъ и въ умственномъ отношеніи. А что развитіе это прежде всего начнется съ бассейна Оби, въ этомъ я совершенно увѣренъ. При этомъ не могу не припомнить того обстоятельства, что еще года 4 тому назадъ нѣмецкіе негоціанты подсмѣивались надъ проэктами торговли съ Сибирью, считая эти проэкты несбыточными, между тѣмъ какъ теперь, къ величайшему моему удовольствію, я слышалъ, что на Обскій бассейнъ обращено вниманіе тѣхъ самыхъ лицъ, которые, несмотря на мои подробныя указанія и, какъ мнѣ казалось, убѣдительные доводы, все-таки сначала охотнѣе обратились на Енисей.

Съ новѣйшей исторіей Сибири и съ открытіемъ морского пути въ Сибирь неразрывно соединено почтенное имя ея выдающагося „почетнаго гражданина“ Александра Сибирякова. Съ великодушной щедростью помогалъ онъ путешествіямъ Виггинса и Норденшильда, продолжая тратить для этого большія деньги; ему же удался опытъ (1878), считавшійся до того времени невозможнымъ, а именно провести одинъ изъ своихъ кораблей изъ Европы въ Якутскъ. Въ нынѣшнемъ (1879) году онъ также намѣревается снова отправить корабль, подъ искуснымъ управленіемъ моего друга, капитана Зенгстакъ, черезъ Беринговъ проливъ въ Лену.

Поселенія Остяковъ, къ которымъ мы приставали, точно такъ-же, какъ ихъ обитатели, принимали все болѣе и болѣе обрусѣлый видъ. Чумы изъ березовой коры давно уже исчезли, и вмѣсто зимнихъ жилищъ оригинальной остяцкой архитектуры, начали попадаться бревенчатыя избы, почти не уступавшія русскимъ; нѣкоторыя изъ нихъ имѣли окна со стеклами. Тѣмъ не менѣе мы еще имѣли удовольствіе видѣть національное увеселеніе Остяковъ, а именно „медвѣжью пляску“ (по ост. Ошни-якъ или Лонгельдалъ), выполняемую послѣ убіенія медвѣдя на слѣдующемъ затѣмъ праздникѣ или пирушкѣ, такъ какъ безъ водки при этомъ, понятно, не обходится. Вѣроятно, пляска эта производитъ тогда гораздо болѣе эффекта чѣмъ теперь, когда былъ только одинъ танцоръ. Танцоръ этотъ, старый сѣдой Остякъ, единственный изъ семи Остяковъ, видѣвшій въ своей жизни медвѣдя, дѣйствительно былъ очень смѣшонъ въ своей маскѣ, наскоро сдѣлан-

ной изъ березовой коры (Тонди-Вешъ). Онъ старался подражать различнымъ движеніямъ и ухваткамъ медвѣдя, странно махалъ руками и неуклюже прыгалъ кругомъ, все это къ нескончаемому восторгу собравшихся туземцевъ, очевидно считавшихъ исполнителя артистомъ своего дѣла. Нѣсколько небольшихъ подарковъ придали дѣвушкамъ и женщинамъ болѣе смѣлости, и онѣ также приняли участіе въ представленіи. Танцы ихъ ограничивались однако нѣсколькими свободными гимнастическими движеніями рукъ; ноги же, эти настоящія орудія пляски, играли при этомъ лишь второстепенную роль. Тѣмъ не менѣе танцы эти представляли для насъ большой интересъ, хотя и вовсе не были граціозны или кокетливы. Этому весьма мало способствовалъ наружный видъ красавицъ, съ закрытыми лицами и наряженныхъ притомъ въ платья, которыя у насъ могли бы назваться лохмотьями. Зуевъ говоритъ, что кромѣ медвѣдя, лось, журавль и другія животныя служатъ имъ также танцмейстерами, т. е. Остяки стараются, по возможности естественно, подражать движеніямъ этихъ животныхъ; во всякомъ случаѣ это свидѣтельствуетъ о ихъ большой наблюдательности.

Что касается охоты, то тутъ намъ все еще приходилось бороться съ различными, часто непреодолимыми препятствіями, встрѣчаемыми въ береговой чащѣ и лѣсахъ. Къ этому присоединялись еще необычайно сильная роса, по утрамъ такъ обильно покрывавшая траву, иногда по грудь человѣка, что казалось, будто купаешься въ водѣ,—и густой осенній туманъ, обыкновенно падавшій къ вечеру. Непріятно было и то, что при густотѣ травы, и чащѣ кустарниковъ значительная часть дичи пропадала безъ пользы, а при охотѣ на водяную птицу безъ собаки, должна была оставаться въ глубокихъ стоячихъ болотахъ и прудахъ. Наши ежедневныя экскурсіи нѣсколько ознакомили насъ съ лѣсами, но забраться въ глубь ихъ было для насъ немыслимо. Во-первыхъ, мы должны были подвигаться впередъ безъ продолжительныхъ остановокъ, во-вторыхъ, при первобытной чащѣ лѣсовъ, вообще не могло быть и рѣчи о томъ, чтобъ проникнуть въ самую глубь. Даже между здѣшними жителями нашелся лишь одинъ человѣкъ, который пробрался на пятьдесятъ верстъ въ сторону отъ рѣки. И это дѣйствительно имѣетъ немалое значеніе въ странѣ, гдѣ нѣтъ другихъ дорогъ, кромѣ тропинокъ протоптанныхъ рогатымъ скотомъ вблизи поселеній, и лѣса которой, если не уничтожены пожаромъ (что, къ сожалѣнію, случается очень часто) попрежнѣ такъ-же непроходимы, какъ и подъ тропиками.

Эта неудобопроходимость здѣшнихъ лѣсовъ обусловливается не только чащей деревьевъ, но и безчисленнымъ множествомъ бурелома и полусгнившихъ стволовъ, покрытыхъ густымъ слоемъ моху и загораждающихъ путь. По этой причинѣ не особенно легко подвигаться на голосъ птицы, еще труднѣе увидѣть ее или застрѣлить. Тѣмъ не менѣе на этомъ пути мы видѣли много для насъ новаго. Сюда принадлежатъ, напримѣръ, ронжа, трехпалый дятелъ, овсянка-дубровникъ, пѣвчій дроздъ и голубая славка (Nemura cyanura); послѣдній видъ еще недавно сталъ извѣстенъ на Оби. *) Мы снова попали въ область лѣсной дичи. Одинъ разъ глухарь (по ост. Пойте-лукъ) поднялся на разстояніи 30 шаговъ отъ меня, но зарядъ дунста не сдѣлалъ ему никакого вреда.

Если и миръ пернатыхъ не отличался разнообразіемъ породъ и обиліемъ отдѣльныхъ особей, то четвероногихъ было еще менѣе. Несмотря на то, что бѣлки и бурундуки (по ост. Кушаръ) встрѣчаются тамъ очень часто и мѣха ихъ составляютъ довольно важный предметъ торговли, намъ пришлось убить лишь очень немного этихъ звѣрковъ, мы ни разу не видѣли слѣдовъ лисицъ, зайцевъ, дикихъ оленей или лосей, и только одинъ разъ нашли слѣдъ медвѣдя, къ сожалѣнію, уже старый. Кромѣ россомахъ (по ост. Лолмахъ), которыя тамъ многочисленны, изрѣдка попадаются здѣсь и рысп.

За недостаткомъ крупныхъ млекопитающихъ животныхъ, я долженъ былъ довольствоваться немногими мелкими. Я добылъ только землеройку-малютку (Sorex pygmaeus) и красную полевку (Arvicola rutilus). Послѣдняя забирается въ избы туземцевъ и причиняетъ много вреда. Этотъ вредъ причиной того, что запасные магазины (лабазы) при поселеніяхъ построены всегда на столбахъ, которые кромѣ того имѣютъ внизу горизонтальные кружки изъ бересты. Остяки принесли мнѣ шкуру грызуна, величиною почти съ крысу, котораго они называли мнѣ длиннохвостымъ; впослѣдствіи же звѣрокъ этотъ оказался тождественнымъ съ нашей водяной крысой.

Изъ гадовъ я получилъ только нѣсколько травяныхъ лягушекъ (Rana temporaria) и то еще совсѣмъ молодыхъ.

Комары, хотя и попадались еще, по крайней мѣрѣ въ солнечные дни, но не причиняли уже большихъ мученій, такъ какъ количество ихъ въ сравненіи съ прежнимъ было совершенно ни-

*) Nemura cyanura найдена была въ Павдинскомъ Уралѣ еще въ 1868 году. *Прим. переводчика.*

чтожно. Говоря объ этихъ „мучителяхъ“ нельзя не упомянуть еще о другомъ миломъ насѣкомомъ здѣшнихъ странъ, которое въ концѣ августа и въ сентябрѣ какъ бы смѣняетъ стаи комаровъ и которое мы еще застали. Это очень маленькія бѣлыя мухи (Bibio sanguinarius Pall)—мошка русскихъ. Онѣ имѣютъ непріятную привычку забираться въ носъ, уши и въ особенности въ глаза, и притомъ кусаются. Первыхъ мошекъ замѣтилъ я 18 августа.

Вообще же міръ насѣкомыхъ чрезвычайно бѣденъ. Въ нѣкоторые солнечные дни (термометръ показывалъ еще 12-го сентября 16° Р.) появлялись еще бабочки (Vanessa antiope и c album), чаще же всего Diplax sotica, сѣтчатокрылое насѣкомое, которое водится въ умѣренномъ поясѣ Европы, равно какъ и въ полярныхъ странахъ сѣверной Америки. Слѣдуетъ замѣтить, что въ нѣкоторыхъ поселеніяхъ Остяки разводятъ пчелъ; улья изъ березовой коры вѣшаются ими на деревья. Послѣ полудня 18 сентября прибыли мы къ Кондинскому монастырю, живописно расположенному на правомъ высокомъ берегу и состоящему приблизительно изъ двадцати домовъ и большой, но некрасивой церкви, выстроенной изъ кирпича, единственной между Березовомъ и Тобольскомъ. Она была выстроена въ 1731 году, монастырь же, съ первой деревянной церковью, былъ основанъ въ 1656 году, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Пока мои товарищи отправились на охоту въ ближній лѣсъ, я, въ сопровожденіи молодого, любезнаго станціоннаго смотрителя, пошелъ въ деревню и прежде всего зашелъ въ монастырь, потому что тамъ, какъ намъ сказали, мы могли получить потребные намъ съѣстные припасы. Къ сожалѣнію, монастырь какъ бы вымеръ. Монахи всѣ находились на сѣнокосѣ и должны были вернуться лишь къ вечеру. Поэтому мы пробовали счастья въ другомъ мѣстѣ, но безуспѣшно. Впрочемъ въ одномъ мѣстѣ намъ сказали, что можно бы продать овцу, но глава дома не посмѣлъ распорядиться безъ своей дражайшей половины, которая была въ отсутствіи. Когда она вернулась, то рѣшилась продать мнѣ только кость отъ задней ноги, отъ которой я отказался.

Когда я уже намѣревался вернуться къ лодкѣ, пришелъ монахъ и сталъ приглашать насъ въ монастырь, гдѣ отецъ Бенедиктъ, заступавшій мѣсто игумена и настоятеля принялъ и угостилъ насъ очень любезно. Между прочимъ намъ подали соленые огурцы—настоящее лакомство для этой страны! Онъ полагалъ, что мы пробудемъ довольно долго и уже велѣлъ приготовить для

насъ комнаты въ большомъ, просторномъ монастырскомъ домѣ, въ которомъ также находилась школа. Послѣ того какъ я сообщилъ ему о нашихъ желаніяхъ, онъ тотчасъ же изъявилъ готовность исполнить ихъ и приказавъ согнать телятъ, предложилъ мнѣ выбрать одного изъ нихъ. Правда прошло довольно много времени, пока зарѣзали теленка и собрали прочіе припасы: хлѣбъ, яйца, молоко, масло и т. д. — Было уже 9 часовъ вечера, когда я возвратился къ лодкѣ и мы продолжали путь, но мнѣ нечего было сожалѣть объ этой задержкѣ. Отецъ Бенедиктъ оказался человѣкомъ очень образованнымъ и безъ предразсудковъ; онъ много разсказывалъ мнѣ о томъ, какую трудную жизнь ведутъ здѣсь монахи, принадлежащіе къ ордену (?) святого Іеронима. Кромѣ дѣятельности чисто практическаго характера, какъ заготовки сѣна, рыбной ловли *), выполняемыхъ самими монахами за недостаткомъ рабочихъ, кромѣ обычной монашескихъ службъ, на обязанности братіи лежатъ также преподаваніе въ школѣ и миссіонерство. А то и другое вмѣстѣ на дѣлѣ очень трудно выполнимо.

Отецъ Бенедиктъ только тѣмъ и пустилъ школу въ ходъ, что выдавалъ ученикамъ книги и письменныя принадлежности безплатно. О своихъ зимнихъ поѣздкахъ съ миссіонерскими цѣлями онъ разсказывалъ ужасныя вещи. Остяки, давно уже сдѣлавшіеся „добрыми христіанами“, часто не крестятъ дѣтей своихъ, пока они малы. Если случится такому ребенку тяжело захворать, то отецъ спѣшитъ въ монастырь просить помощи и въ большинствѣ случаевъ увѣренъ, что съ крещеніемъ ребенокъ получитъ исцѣленіе. Тогда приходится ѣхать очень далеко, черезъ лѣса, часто въ самыя холодныя ночи, нерѣдко рискуя замерзнуть. Отецъ Бенедиктъ не разъ подвергался этой опасности. При такихъ трудныхъ условіяхъ жизни, неудивительно, что монахи бываютъ не особенно довольны, когда ихъ переводятъ въ Кондинскій монастырь, и что вмѣсто положенныхъ по штату двѣнадцати братьевъ, ихъ всего только пять. Вмѣстѣ съ отцомъ Бенедиктомъ я осматривалъ внутренность церкви, въ которой два предѣла, одинъ лѣтній, другой зимній, съ печами; вообще же въ ней не было ничего замѣчательнаго, кромѣ нѣкоторыхъ ста-

*) Какъ образецъ трудолюбія монаховъ, графъ Вальдбургъ описывалъ мнѣ дѣятельность монахинь Екатеринбургскаго монастыря, который онъ имѣлъ случай посѣтить. Въ этомъ монастырѣ насчитываютъ отъ 500 до 600 обитательницъ, которыя занимаются живописью образовъ, изготовленіемъ восковыхъ свѣчей и преподаваніемъ.

ринныхъ чеканныхъ работъ, между которыми наибольшаго вниманія заслуживалъ громадный, прекрасной работы серебряный окладъ евангелія, вѣсившій около двухъ пудовъ.

Съ искреннею благодарностію простились мы съ любезнымъ настоятелемъ, отказавшимся принять какую-либо плату за отданные намъ съѣстные припасы.

Жизнь наша шла самымъ правильнымъ образомъ. Въ случаяхъ, когда положеніе и разстояніе станцій намъ того не дозволяли, мы приставали къ какому нибудь мѣсту на берегу, казавшемуся намъ подходящимъ для этой цѣли и готовили кушанье. Это дѣлали мы два раза въ сутки: около 9 часовъ утра, если это было возможно—и вечеромъ около 6 часовъ; приготовленіе каждой трапезы требовало по меньшей мѣрѣ двухъ, а иногда и трехъ часовъ остановки. Путешествіе наше очень затрудняли вѣтеръ и дождь, такъ какъ мы при наступленіи темноты должны были останавливаться. Во всякомъ случаѣ это было гораздо удобнѣе и выгоднѣе, нежели попасть на мель, что все таки случалось и требовало остановки и труда. Время потребное для варки кушанья, чѣмъ съ большимъ искусствомъ занимались Мартынъ Дзервитъ и Иванъ Семеновичъ, употребляли мы на охоту; графъ Вальдбургъ и я кромѣ того собирали все, что только могли достать. Когда мы снова отправлялись въ путь, то у меня были полны руки дѣла: нужно было препарировать собранное, причемъ Мартынъ Дзервитъ и Иванъ усердно помогали мнѣ въ сдираніи кожи.

Хотя приключенія могутъ случаться на Оби очень рѣдко, тѣмъ не менѣе съ нами было нѣчто подобное, не имѣвшее впрочемъ ничего общаго съ росказнями о медвѣдяхъ и разбойникахъ. Двадцать перваго сентября послѣ полудня прибыли мы въ Вороново. Немногія остяцкія лѣтнія избушки были расположены вдоль высокой береговой стѣны, покрытой густой лѣсной чащей. Мы тотчасъ поспѣшили на охоту, причемъ ласковыя деревенскія собаки, по обыкновенію, сопровождали насъ. Отъ этихъ обычныхъ спутниковъ нельзя было избавиться ни побоями, ни камнями и мы скоро убѣдились, что они приносятъ болѣе вреда, нежели пользы. Правда, онѣ хорошо умѣютъ находить бѣлокъ, куропатокъ и другую дичь, но едва раздается выстрѣлъ, какъ онѣ бросаются на добычу, которую съ большимъ трудомъ приходится вырывать у нихъ изъ зубовъ. День былъ пасмурный и грозилъ дождемъ, а внутри лѣса было почти темно. Я убилъ желтоброваго дрозда (Turdus iliacus), уральскаго поползня,

темную пѣночку (Ficedula tristis) и попалъ на цѣлую стаю рябчиковъ (по ост. Куждовой), изъ которой убилъ трехъ, но нашелъ лишь одного. Эта прелестнѣйшая изъ всѣхъ куриныхъ птицъ умѣетъ завлекать охотника въ самую чащу. Видишь, какъ она поднимается на деревья, хотя и трудно различать ее между вѣтвями, такъ какъ цвѣтъ ея перьевъ напоминаетъ мохъ и лишаи. Вдругъ слышишь легкій свистъ ея или хлопанье крыльями. Дичь эта не пуглива; она вскорѣ спускается внизъ, и тогда удается приблизиться къ ней на выстрѣлъ. Такимъ образомъ незамѣтнымъ образомъ забираешься все глубже и глубже въ лѣсъ, и я долженъ былъ наконецъ воздержаться отъ дальнѣйшаго преслѣдованія, чтобъ не заблудиться на обратномъ пути, такъ какъ солнца не было видно. Докторъ Бремъ, аккуратно являвшійся къ чаю, не приходилъ еще въ лагерь, такъ-же какъ и графъ Вальдбургъ, который иногда заходилъ очень далеко и запаздывалъ. Я принялся за ѣду; спутники мои могли придти каждую минуту, такъ какъ было ужъ $6^1/_2$ часовъ. Однако минуты шли за минутами и наше нетерпѣніе возрастало. Въ 7 часовъ мы начали уже безпокоиться; боялись, что они заблудились, такъ какъ наступилъ вечеръ, и въ лѣсу было темно. Я послалъ Остяковъ въ лѣсъ, приказавъ имъ погромче кричать, развелъ большой огонь и самъ пошелъ вдоль берега версты за двѣ, причемъ подалъ столько сигнальныхъ выстрѣловъ, насколько хватило у меня патроновъ.—Все было тщетно,—не было никакого отвѣта. Такъ какъ Остяки, понятное дѣло, не позволяли развести костра на высокомъ берегу, то я послалъ въ лѣсъ Николая Папаева съ нѣсколькими туземцами. Сторожевые наши, стоявшіе на высокомъ берегу, слышали два выстрѣла, но Остяки вернулись назадъ безъ результатовъ и я послалъ другую экспедицію, подъ предводительствомъ Ивана, которая часовъ въ 11 отправилась съ фонаремъ въ лѣсъ и вернулась въ первомъ. Самъ я не могъ имъ сопутствовать, потому что, вслѣдствіе простуды, чувствовалъ себя очень нехорошо. Тѣмъ временемъ я отправилъ еще Остяка на другой берегъ Оби, за людьми для дальнѣйшаго розыска, которые и явились въ 3 часа. Такъ какъ наканунѣ видѣли слѣдъ медвѣдя, то они пришли въ полномъ вооруженіи, съ старыми, плохими ружьями, а одинъ съ медвѣжьей рогатиной. Я подозвалъ этихъ людей, достойныхъ предводительства Донъ Кихота, коихъ оказалось 13 человѣкъ, въ томъ числѣ одна храбрая женщина, вооруженная дубиной. Условившись съ ними относительно сигналовъ, я раздѣлилъ ихъ на двѣ партіи, и снабдивъ каждую

съѣстными припасами, отправилъ наконецъ въ половинѣ пятаго. Я самъ, съ Мартиномъ Дзервитомъ, пошелъ прямо въ лѣсъ, между тѣмъ какъ другая партія, подъ предводительствомъ Ивана, взяла влѣво и повернула къ пересохшему протоку Оби. Вначалѣ, на наши выстрѣлы и вой, на манеръ индѣйцевъ, мы аккуратно получали откликъ; потомъ все смолкло. Нѣсколько времени спустя раздались другіе выстрѣлы и крики нашихъ заблудившихся товарищей, къ которымъ мы вскорѣ и присоединились. Бремъ и Вальдбургъ недавно сошлись вмѣстѣ, а ночь провели поодиночкѣ въ лѣсу. Докторъ Бремъ, имѣвшій при себѣ зажигательный матеріалъ, могъ по крайней мѣрѣ развести огонь и изжарить рябчиковъ. Графу Вальдбургу обязанъ я повѣствованіемъ о невольно проведенной имъ ночи въ лѣсу.

„Разставшись съ докторомъ Бремомъ и проникнувъ довольно далеко въ лѣсъ, я наконецъ почелъ благоразумнымъ вернуться назадъ и отправился въ томъ направленіи, какимъ, какъ думалъ, пришелъ. Дорогой я убилъ нѣсколько рябчиковъ, но чѣмъ далѣе шелъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что сбился съ настоящей дороги, потому что Обь все еще показывалась. Я спускался въ лога, поднимался на холмы, но взорамъ моимъ не представлялось ничего кромѣ лѣса: Обской долины не было и слѣда. Стало смеркаться, когда я пришелъ къ широкому логу. Спустившись въ него, я однако нашелъ, вмѣсто Оби, пересохшее русло, которое должно было быть въ связи съ ней. Такъ какъ вода была теперь на 20′ ниже весенняго уровня, то Обь должна быть недалеко. Слѣдуя теченію воды и держась опушки лѣса, я долженъ достигнуть Оби и черезъ часъ или два добраться до нашей стоянки. Сказано—сдѣлано! Все было бы хорошо, еслибъ я держался этого плана, но вдругъ позади меня раздался выстрѣлъ! Не ошибся ли я,—старое русло, можетъ быть, протокъ, и станція лежитъ на противуположной сторонѣ? Я поворотилъ назадъ и пошелъ въ другую сторону; вторичный выстрѣлъ подтвердилъ мое предположеніе. Но я шелъ и шелъ, руслу, казалось, не было конца; однако, когда я добрался до него, то увидѣлъ свою ошибку и долженъ былъ опять вернуться назадъ. Теперь я подвигался очень медленно, потому что значительно стемнѣло. По окраинѣ лѣса было нанесено много плывучаго лѣса, который лежалъ поперекъ дороги и представлялъ не мало затрудненій. Если же я отдалялся отъ лѣса и приближался къ руслу, то попадалъ въ тину и грязь, изъ которыхъ потомъ съ трудомъ выбирался. Наконецъ, послѣ того, какъ увязъ такъ, что, вытащивъ

ногу, оставилъ тамъ сапогъ, который могъ высвободить лишь послѣ долгихъ усилій, я вынужденъ былъ покинуть русло. Итакъ я снова пошелъ окраиной лѣса, но не прошелъ и половины пути, какъ наступила совершенная темнота. Вдругъ влѣво, на холмѣ раздался выстрѣлъ, полчаса спустя—другой и, какъ казалось, близко. Я отвѣтилъ въ свою очередь и остановился на мѣстѣ, рѣшившись на разсвѣтѣ продолжать путь по старому руслу, а пока устроиться какъ-нибудь на ночь. Я сѣлъ; ѣсть было нечего, жажда мучила меня, но пробраться черезъ тину до воды, и въ темнотѣ быть можетъ упасть въ нее, я, умудренный опытомъ, не рѣшился. Такъ сидѣлъ я подъ сѣтью корней, укрывавшихъ меня отъ дождя. По ту сторону потока слышалъ я какъ бы ворчаніе медвѣдя, но не видѣлъ ничего, кромѣ совы, сидѣвшей на сосѣднемъ деревѣ.—Вдругъ слышу опять выстрѣлъ. Не разыскиваютъ ли это меня? Я рѣшился отправиться лѣсомъ прямо на выстрѣлъ. Подобная попытка ночью, въ дремучемъ лѣсу, конечно, не бездѣлица. Ощупывая дорогу руками и ногами, пустился я впередъ, подвигаясь шагъ за шагомъ, стараясь держаться надлежащаго направленія, но на небѣ не блестѣло ни одной звѣздочки, которая могла бы служить путеводительницей. Такъ шелъ я нѣсколько времени, не разъ падалъ, натыкался на деревья; вѣтви хлестали меня по лицу. Не разъ думалъ я остановиться, дождаться утра, но вновь и вновь повторявшіеся выстрѣлы заставляли меня продолжать путь. Я отвѣчалъ тоже выстрѣлами, и такъ какъ видимо искали меня, то считалъ своей обязанностью идти на призывъ. Выстрѣлы раздавались то въ одной, то въ другой сторонѣ. Мнѣ пришло въ голову, что это могли быть двѣ партіи, и я сталъ придерживаться одной. Наконецъ я выбился изъ силъ и легъ; выстрѣлы тоже прекратились. Но вдругъ еще выстрѣлъ! и совсѣмъ близко. Я собрался съ силами и опять тащился съ полчаса. Все затихло. Было половина второго. Къ чему идти далѣе! Я выбралъ себѣ хорошенькое мѣстечко между тремя деревьями, вмѣсто подушки подложилъ подъ голову 3 убитыхъ мною рябчиковъ и скоро заснулъ, держа подъ рукою заряженное ружье. Къ счастью, дождь пересталъ. Нѣсколько времени спустя я проснулся: „что то зашуршало въ лѣсу“. Но это была не рысь или что-либо подобное, а просто вѣтеръ заколыхалъ деревьями и сыпались листья; издали послышался вой, по всему вѣроятію, волчій, потомъ опять все затихло. Я повернулся на другой бокъ и снова заснулъ. Вдругъ послышались мнѣ какіе то шаги, потомъ опять все стихло; я скор-

чился еще больше, такъ какъ сильно озябъ, и проспалъ до утра. Когда проснулся, уже свѣтало; я всталъ, чтобъ сколько-нибудь согрѣться. Шелъ я съ часъ, какъ вдругъ невдалекѣ раздался выстрѣлъ. Гопъ, гопъ! закричалъ я. Мнѣ отвѣтили: Го! го! Послѣ нѣсколько разъ повторившихся криковъ, я сошелся съ докторомъ Бремомъ, который также заблудился и своими сигнальными выстрѣлами снова замапилъ меня въ чащу. Удивленіе наше было велико, разсказъ коротокъ. Мы вмѣстѣ пустились въ путь, который указывала намъ утренняя заря и восходившее солнце. Такъ какъ мы съ Оби пошли на востокъ, то теперь для того, чтобы вернуться къ ней, мы должны были повернуться къ солнцу спиной. Сказано—сдѣлано; у меня были двѣ сигары, мы закурили ихъ, что и послужило намъ вмѣсто завтрака. Въ скоромъ времени увидѣли мы тропинку, протоптанную коровами и пошли по ней. Потомъ услышали выстрѣлы и наконецъ крики. Мы отвѣчали выстрѣлами и вскорѣ сошлись съ партіей, предводительствуемой докторомъ Финшемъ.“

Это небольшое приключеніе окончилось благополучно, но причинило 14 часовую остановку, а за нею послѣдовала другая, еще болѣе продолжительная. По причинѣ сильнаго вѣтра и непроницаемой ночной темноты, мы медленно подвигались впередъ и лишь 26-го сентября прибыли въ Самарово, гдѣ думали застать пароходъ, отправлявшійся на другой день въ Томскъ. Однако вышло не такъ: пароходъ пришелъ наканунѣ вечеромъ въ 8 часовъ. Мы опоздали на 7 часовъ. Тотчасъ по прибытіи, поспѣшилъ я въ деревню, отстоявшую на одну версту отъ глинистаго берега, у котораго мы пристали и, по счастью, такъ какъ день былъ праздничный, засталъ дома г. Земцова, любезно одолжившаго намъ свое судно. Нѣсколько часовъ спустя онъ долженъ былъ снова спѣшить на рыбную ловлю, а господинъ, у котораго мы останавливались во-время нашего перваго здѣсь пребыванія, былъ въ большомъ горѣ: сынъ его, плывши въ лодкѣ наканунѣ вечеромъ, былъ опрокинутъ пароходомъ и утонулъ; поэтому мы рады были найти убѣжище въ маленькомъ домишкѣ на пароходной пристани. Послѣдній находился на нѣсколько верстъ ниже деревни и состоялъ изъ 3 маленькихъ комнатъ, въ которыхъ была кухонная печь, что было очень важно для нашего хозяйства. Приходилось опять начинать свою обычную стряпню, къ величайшей досадѣ Ивана, который хотѣлъ было выбросить въ Иртышъ всю посуду. Г. Земцовъ построплъ на свой счетъ этотъ домъ для удобства пассажировъ, которые находили здѣсь безопасное убѣжище въ ожиданіи парохода. Тутъ

же была выстроена изъ толстыхъ бревенъ контора, къ которой въ полую воду прямо причаливали пароходы. Здѣсь, по русскому обычаю, была тоже баня, гдѣ въ сильномъ парѣ моются холодной и горячей водой. Всѣ постройки, домъ, контора и баня, стоили 200 руб., конечно только считая плату за работу, такъ какъ деревья были срублены по близости.

Итакъ мы здѣсь устроились какъ могли и навсегда распростились съ лодкой. На „Бисмаркѣ“ проѣхали мы 2500 верстъ, и въ послѣднюю поѣздку изъ Обдорска провели на ней 22 дня, время, въ которое можно два раза совершить путешествіе по Атлантическому океану изъ Соутгамптона въ Нью-Іоркъ. Хотя дни, проведенные нами на Бисмаркѣ, навсегда оставятъ по себѣ хорошую память, тѣмъ не менѣе мы были рады покинуть его, такъ какъ наступала осень, а съ нею и холода. Хотя на всемъ пути отъ Обдорска, по случаю противныхъ вѣтровъ, мы шли на парусахъ не болѣе двухъ часовъ, насъ, однако, не обогналъ ни одинъ пароходъ, какъ намъ предсказывали въ Обдорскѣ. Еще тогда 2 парохода, которые отправились внизъ по теченію, были съ каждымъ днемъ ожидаемы обратно, но мы, по счастью, не соблазнились и не стали ихъ дожидаться. На всемъ 22 дневномъ пути намъ встрѣтились 3 лодки и 1 пароходъ (Союзъ). Мимо другого прошли мы у Елизаровской, гдѣ онъ крѣпко сидѣлъ на мели. По счастью, усиліями 40 рабочихъ, подъ руководствомъ искуснаго плотничнаго мастера изъ Тобольска, удалось сдвинуть его съ мѣста, и нельзя осуждать ихъ за то, что они достойнымъ образомъ отпраздновали такое событіе. Какъ мнѣ говорили, предпріятіе это принесло 4000 руб., слѣдовательно они зашибили порядочную деньгу. Я имѣлъ удовольствіе видѣть изъ дома Земцова какъ они пировали, такъ что надо было полагать, что ими было получено хорошее „на водку“.

Веселая компанія, раздѣлившись на группы по 10—12 человѣкъ, пировала на улицѣ; одинъ изъ нихъ стоялъ со штофомъ въ рукахъ и наливалъ водку въ стаканы. Сначала господствовало какое-то торжественное настроеніе. Наливавшій обнажилъ голову и каждый, которому онъ наливалъ, дѣлалъ тоже, крестился, выпивалъ стаканъ залпомъ, морщился и плевалъ; за нимъ слѣдовалъ другой. Только татары не творили крестнаго знаменія, впрочемъ потомъ и христіяне обходились безъ него. При третьемъ стаканѣ никто уже не снималъ и шапки; раздались веселыя пѣсни, закурили папиросы, въ изготовленіи которыхъ особенно отличался молодой ямщикъ, сидѣвшій на козлахъ тарантаса; онъ дѣлалъ ихъ изъ какого-то прескверная южно-русскаго табаку и ключ-

ка какой бы то ни было бумаги, лишь бы она была жесткою. По этой причинѣ Кельнская газета предпочиталась С.-Петербургской; пробовали даже нашу обертку съ бульона, пропитанную жиромъ, но потомъ уже браковали. Пѣсни и куреніе долго не прекращались; послѣ четвертаго стакана началась пляска, а послѣ пятаго поднялся такой шумъ, что волосы становились дыбомъ. Усилившееся опьяненіе разогнало ссорящихся; каждый отправился въ какой нибудь укромный уголокъ переваривать сивуху, чтобъ на другой день начать тоже и продолжать до тѣхъ поръ, пока будетъ копѣйка въ карманѣ.

Хотя Самарово было собственно станціей Игнатовскихъ пароходовъ, насъ увѣряли, что, по нашему сигналу, остановится всякій пароходъ. Каждый день проходятъ пароходы, говорили намъ, и въ самомъ дѣлѣ прошло 5 пароходовъ, но всѣ въ противуположную сторону. Приходилось вооружиться терпѣніемъ. Все свое время мы употребляли на писаніе, такъ какъ погода (дождь и вѣтеръ) не благопріятствовала охотѣ. Къ тому же мы не могли далеко уходить отъ берега, потому что каждую минуту могъ прибыть пароходъ. Мы осмотрѣли только ближайшій гористый берегъ Иртыша. Онъ несъ на себѣ признаки опустошенія, производимаго полой водой, а именно у поворота рѣки, немного выше нашего домика. Здѣсь берегъ возвышался отвѣсно футовъ на 300, но часть его, подмытая водой, обвалилась полосой въ нѣсколько сотъ футовъ шириной, съ деревьями и всей покрывавшей ее растительностью и образовала теперь какъ бы авангардъ настоящаго берега. Послѣдній состоялъ изъ песка и мергеля, который мѣстами осыпался подобно мукѣ изъ мѣшка, между тѣмъ какъ нижній слой состоялъ изъ мергеля, отвердѣвшаго какъ камень. Вдоль берега, какъ на Оби, встрѣчается множество различныхъ голышей, окрашенныхъ окисью желѣза, которые однако не всѣ занесены сюда льдомъ, такъ какъ я, къ величайшему своему удивленію, находилъ ихъ и на вершинахъ прибрежныхъ холмовъ. Такой обвалъ, при которомъ, по вычисленію Полякова, отдѣлилось 20—30,000 кубическихъ саженъ земли, долженъ былъ быть очень важнымъ событіемъ. При внезапномъ паденіи такой громадной массы земли, вода должна была разступиться и образовать волны, разбѣжавшіяся въ обѣ стороны, какъ вверхъ, такъ и внизъ по теченію. Тутъ и тамъ волны эти были опасны для жизни плывшихъ по водѣ къ мѣсту катастрофы, даже на разстояніи 15—20 верстъ отъ мѣста происшествія.“ По словамъ береговыхъ жителей, они только какимъ-то чудомъ спаслись отъ гибели. Удиви-

тельно также, что, по ихъ разсказамъ, только одна нельма уцѣлѣла послѣ этой катастрофы. Это, какъ говоритъ Поляковъ, „свидѣтельствуетъ о способности этой рыбы противустоять ужасному напору воды и сильнѣйшимъ волнамъ.“

Съ прибрежныхъ горъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ изъ сосенъ и елей, между которыми нерѣдко встрѣчалась лиственница. береза и рябина, открывается широкій видъ на иртышскую низменность. Эти лѣса были интересны еще и въ другомъ отношеніи. Вдоль высокихъ хребтовъ встрѣчалось безчисленное множество оригинальныхъ ловушекъ. На каждой расчищенной тропинкѣ стояло по двѣ, по три штуки и онѣ, конечно, только загромождали намъ дорогу, нисколько не служа къ ея украшенію. Ловушки эти состояли изъ трехъ или четырехъ бревенъ, футовъ въ 10 длиною, которыя искусно поднимались къ верху посредствомъ рычага и тотчасъ падали внизъ, какъ только нога животнаго касалась прикрытаго сучьями сторожка. Такіе снаряды возможны лишь въ странѣ, гдѣ нѣтъ надобности щадить дичь и гдѣ черезъ-чуръ много лѣса.

Такими ловушками, называемыми въ Сибири, гдѣ они во всеобщемъ употребленіи, слопцами, ловятъ не только тетеревовъ, глухарей, рябчиковъ, но и зайцевъ. Такъ какъ эти тяжелыя бревна въ состояніи убить волка, то можно себѣ представить насколько они расплющиваютъ рябчика. Гмелинъ (II, стр. 235—240), Палласъ (II, стр. 226, т. VII) и Гофманъ подробно описываютъ эти слопцы. Послѣдній описываетъ также всѣ прочіе способы ловли и даетъ ихъ изображенія (стр. 36—49, № 1—15).

Эти разставленныя ловушки доставили намъ по крайней мѣрѣ жаркое, которое было тѣмъ болѣе пріятно, что въ Самаровѣ нельзя было ничего достать. Въ безчисленномъ множествѣ голубей не было для насъ никакого толка. Они считаются символомъ Святаго Духа и во всей Россіи священны. За недоступностью для насъ голубей, мы съ благодарностью приняли любимицу Св. Антонія, прекрасную свинью, для жаркого, котораго давно ужъ не ѣли. Поросята, приблизительно мѣсячнаго возраста, стоили здѣсь 30 коп. за штуку.

Черезъ г. Земцова нѣсколько разъ получали мы свѣжую рыбу, а что было еще важнѣе, разныя о ней свѣдѣнія. Земцовъ считался самымъ опытнымъ и свѣдущимъ рыболовомъ во всемъ округѣ и обязанъ своимъ благосостояніемъ этому промыслу.

Рыболовство на Иртышѣ производится, какъ и многіе другіе промыслы въ Россіи, артелями, т. е. всѣ дѣлятъ добычу ме-

жду собою поровну, лишь владѣлецъ снарядовъ получаетъ бо́льшую часть. Такъ Земцовъ давалъ невода, лодки и т. д., самъ съ ними работалъ и получалъ за это 3 доли. Такъ какъ къ каждому большому неводу требуется 20 человѣкъ рабочихъ, а Земцовъ производилъ ловлю 4 неводами, то изъ 920 руб. на его долю приходилось 120, между тѣмъ какъ прочіе участники получали по 10 руб. на брата.

Породы рыбъ въ Иртышѣ тѣ-же, что и въ Оби, только стерлядь, приходящая изъ Зайсанъ-Нора, въ послѣдней встрѣчается значительно рѣже; между Томскомъ же и Самаровой встрѣчается чаще. Осетръ—главный предметъ промысла на Иртышѣ. Ловятъ его желѣзными крючками, которые разставляются такъ-же, какъ описываетъ Палласъ (II, стр. 444).

Рыбная фауна Оби характеризуется несмѣтнымъ количествомъ особей, но весьма бѣдна видами, между которыми не встрѣчается никакихъ породъ, которыя бы рѣзко отличались отъ нашихъ нѣмецкихъ видовъ.

Изъ нихъ я собралъ и наблюдалъ слѣдующихъ:

1. Окунь (Perca fluviatilis).
2. Налимъ (Lota vulgaris).
3. Ершъ (Acerina cernua).
4. Нельма (Coregonus leucichthys).
5. Сырокъ (C. syrok Cuv., vymba Polj).
6. Сельдь (C. Merkii Günth.).
7. Муксунъ или моксунъ (C. Muksun Pall.).
8. Чокуръ (C. nasus Pall., lavaretus Polj.).
9. Leucaspius delineatus Heck.
10. Сорога или подъязикъ (Leuciscus rutilus).
11. Подъязикъ (Idus melanotus Heck).
12. Язь (Squalius grislagine L.).
13. Щука (Esox lucius).
14. Стерлядь (Accipenser ruthenus).

Поляковъ приводитъ еще пыжьяна, какъ Coregonus polcur, но рыбы, которыя получалъ я подъ этимъ названіемъ, оказывались просто молодыми моксунами. По увѣреніямъ Земцова, есть и бѣлуга (Accipenser huso, можетъ быть A. Guldenstaedti), а по Рослякову еще два вида осетра, называемые лобарь и карышъ, но русскіе на Оби не различаютъ видовъ и всѣхъ называютъ просто осетрами (Accipenser sturio). Когда я показывалъ Земцову рисунки сочиненія Вебера „Fische Deutschlands und

der Schweiz" *), то онъ замѣтилъ, что онъ не разъ ловилъ угря около Сухаровской—и не смѣшивалъ его съ миногой. Какъ бы то ни было, если мы включимъ въ число обскихъ рыбъ карася (Cyprinus carassius) и харіуса (Thymallus vexillifer), то можетъ быть и наберется ихъ до 20, но это очень немного, такъ какъ средняя Германія насчитываетъ до 60 видовъ прѣсноводныхъ рыбъ. Кромѣ усача, судака, сома, настоящаго карпа, водящихся въ Зайсанъ-Норѣ, здѣсь недоставало еще семги и форели. Это тѣмъ болѣе странно, что послѣдними изобилуетъ Печора (Salmo salar) и Енисей (S. leucomaenis Pall). Обь въ особенности изобилуетъ видами рода сиговъ, принадлежащихъ къ семейству лососевыхъ и считающихся знатоками лакомымъ кускомъ. Енисей имѣетъ 3 видами болѣе (C. pelet, omul и tugun).

Вообще естественная исторія обскихъ рыбъ заключаетъ въ себѣ много пробѣловъ. Такъ Земцовъ (я упоминаю лишь объ немъ, какъ о единственномъ авторитетѣ) зналъ только время метанія икры у щуки и язя. Не болѣе того извѣстно и время ихъ странствованія, хотя мы находимъ у Зуева много цифръ (Пал. III, стр. 78—84); Поляковъ означаетъ ихъ съ бо́льшей точностью и приводитъ даже ежедневную скорость нѣкоторыхъ видовъ при ихъ передвиженіяхъ. Извѣстно, что весною нѣкоторыя рыбы, какъ напр. нельма, чокуръ, моксунъ, сырокъ, поднимаются вверхъ по теченію,—но приходятъ ли они, подобно семгѣ, изъ моря, какъ это всюду пишется, навѣрное неизвѣстно, такъ какъ никто этого не наблюдалъ. Во всякомъ случаѣ бо́льшая часть рыбы живетъ въ Обской губѣ, которую нельзя однако считать моремъ. Мы даже не знаемъ процентнаго содержанія соли въ водѣ Обской губы, но то обстоятельство, что въ ней не живутъ настоящія морскія рыбы (треска, морская минога и др.) заставляетъ предполагать, что вода ея почти прѣсная. Губа наполнена по преимуществу сигами, настоящею рѣчною рыбой, которая въ продолженіи всего года ловится въ Оби. А потому мнѣ кажется, что странствованія ея въ Обь совершаются съ цѣлію пріисканія пищи, а не съ цѣлію икрометанія; хотя Поляковъ утверждаетъ, что при началѣ пути рыбы вверхъ по теченію, икра еще не созрѣла и находится въ жидкомъ состояніи, а метаніе икры начинается осенью, но онъ не приводитъ на то никакихъ дока-

*) Брантъ (Гофм. стр. 72—75) указываетъ на 20 видовъ рыбъ, привезенныхъ имъ съ Урала, между прочимъ на Salmo leucomaenis, съ Кары, чокура и нельму изъ Уссы, окуня съ Кары и карася изъ Березова.

зательствъ. Наши рыбы, какъ намъ извѣстно, ничего не ѣдятъ во время метанія икры, по крайней мѣрѣ тѣ, которыя поднимаются вверхъ изъ соленой и прѣсной воды, какъ напр. семга и сельдь (Alosa vulgaris). Достойно замѣчанія, что я нашелъ въ желудкѣ нельмы множество маленькихъ раковинъ (Cyclas asiatica Mart.). 6-го сентября видѣлъ я милліоны маленькихъ, въ одинъ дюймъ длиною, Leucaspius delineatus, направлявшихся вверхъ по теченію. Туземные рыбаки считали ихъ молодью нельмы, что служитъ новымъ доказательствомъ ихъ невѣжества. Итакъ, обскія рыбы представляютъ обширное поле для наблюденій, на которыя потребуются еще многіе годы, такъ какъ путешественники, пріѣзжающіе сюда на нѣсколько мѣсяцевъ и большей частью довольствующіеся росказнями туземцевъ, разумѣется, не могутъ ихъ основательно изучить.

Весьма странное и до сихъ поръ необъясненное явленіе Оби представляетъ такъ называемое „заморъ“ рѣки, о которомъ упоминаетъ еще Зуевъ.

„Вода подо льдомъ такъ загниваетъ, что рыба въ ней жить не можетъ; она уходитъ въ губу или другія ближайшія рѣки, гдѣ и остается всю зиму“, говоритъ Сидоровъ. Поляковъ же, хотя и не былъ самъ очевидцемъ этого явленія, прибавляетъ однако, что „заморъ“ простирается иногда до Сургута и до нижняго теченія Иртыша и черезъ него погибаютъ иногда громадныя массы рыбъ. Введеніе пароходства, по увѣренію Земцова, не имѣло никакого дурного вліянія на рыбные промыслы.

Рыболовство въ большихъ размѣрахъ видѣли мы при Кюхатѣ, гдѣ были заняты имъ тысячи человѣкъ. Главныя рыболовныя мѣста находятся ниже Обдорска до устья Надыма. По словамъ исправника, ниже Березова находится 134 рыболовныхъ мѣста. Одна фирма Корнилова въ Тобольскѣ имѣетъ ихъ около тридцати.

Главная рыба: нельма, моксунъ, чокуръ, сырокъ, пыжьянъ, осётръ, щука и язь; сорога, подъязикъ и налимъ имѣютъ меньшее значеніе. Нельма, какъ самая рѣдкая и цѣнная рыба, стоитъ на первомъ планѣ. Росляковъ считалъ, что на 100 пудовъ рыбы приходится 10 пуд. нельмы, 20 моксуна, 30 пуд. недомоксунка; остальное составляетъ мелочь, между которой больше всего моксуна. Количество выловленной рыбы бываетъ иногда поразительно. Я самъ видѣлъ вытащенный неводъ, въ которомъ было до восьми бочекъ рыбы. Поляковъ разсказываетъ, что въ одной изъ старицъ, въ одинъ уловъ, было поймано 20,000 штукъ рыбы, а въ

маленькой рѣченкѣ, Большомъ Атлымѣ, втеченіе года было поймано 60 рыбаками 7000 пудовъ щуки.

Обская рыба укладывается въ баржи; одна только фирма Ивана Николаевича Корнилова нагружаетъ рыбою 8 баржъ и отправляетъ ихъ вверхъ по теченію при помощи буксирныхъ пароходовъ, которые, вначалѣ сентября, приходятъ въ устье, къ Орку-хе, остяцкому селенію изъ нѣсколькихъ чумовъ, лежащему на 350 верстъ выше Надыма. Отсюда до Обдорска идутъ они обыкновенно 4 дня, до Самарова 14, а до Тобольска 21 день, куда послѣдніе пароходы стараются вернуться къ 21 октября. Въ 1876 году отправлено было къ устью 9 пароходовъ, изъ которыхъ два принадлежали Корнилову. Этими свѣдѣніями обязанъ я Федору Ильичу Федорову, племяннику этого крупнѣйшаго рыбнаго торговца въ Тобольскѣ.

Насколько значительна эта торговля, можно видѣть изъ того, что привозитъ ежегодно на рынокъ одна фирма Корнилова. Ею продается около 400 пуд. нельмы, по средней цѣнѣ $3^1/_2$ за пудъ; 12,000 п. моксуна (3 р.); 20,000 пудовъ средняго моксуна и чокура (2 р. 20 коп.); 5—6000 п. пыжьяна (1 р.); 25,000 п. сырка и мелкаго моксуна (1 р. 20 коп.); 4000 п. щуки (отъ 50 к. до 1 р.); 1000 п. налима (отъ 60 к. до 1 р.); 3—4000 п. осетровъ ($3^1/_2$ р. — 4) и 40 п. икры (28—30 р.). Къ этому слѣдуетъ еще прибавить рыбій клей, который стоитъ $1^1/_2$ руб. за фунтъ. Эти цифры относятся лишь къ соленой рыбѣ, составляющей не болѣе 4-й части всего привозимаго на рынокъ количества, которое бываетъ не менѣе 250,000 пуд. По Латкину, это количество вдвое болѣе, именно 500,000 пуд. стоимостью въ 1 милліонъ руб. Но я останавливаюсь на первыхъ, доставленныхъ мнѣ цифрахъ, потому что никакой статистики не имѣется. Для сравненія можно упомянуть, что на нижнемъ Енисеѣ ежегодно ловится рыбы отъ 30 до 40,000 пуд. (33,200 пуд. въ 1874 году, по Кнорру). Кромѣ соленой рыбы привозится на Тобольскій рынокъ значительное количество свѣжей, т. е. мороженой. Одинъ Земцовъ посылаетъ туда зимою 150 пуд. нельмы (4—6 руб.), 100 пуд. щуки (отъ 1 р. 40 к. до 2 р.), 1500 пуд. язей (по 2 р.) и 1500 п. осетровъ (по $3^1/_2$ р.). Эта рыба поймана частію подо льдомъ, частію ранѣе, и затѣмъ посажена въ запруженный рукавъ, откуда берутъ ее по мѣрѣ надобности. Этого рода торговлей свѣжей рыбой занимаются Обскіе жители почти до самаго Березова, вслѣдствіе чего они и держатъ много лошадей для отправки рыбнаго товара. На одну лошадь накла-

дываютъ 20 пуд., и путь изъ Троицкой, 55 верстъ ниже Самарова, совершается въ 12—14 дней. Провозъ отсюда до Тобольска стоитъ отъ 35 до 45 к. съ пуда.

Приготовленіе Обской рыбы весьма несовершенно, о чемъ я уже упоминалъ выше, и Обская рыба не можетъ занять мѣста на иностранныхъ рынкахъ; но такъ какъ она удовлетворяетъ потребностямъ страны и сходитъ съ рукъ, то рыбные торговцы не заботятся объ улучшеніяхъ. Впрочемъ мороженая рыба идетъ съ Оби до Екатеринбурга, Москвы и Петербурга. Въ 1877 году она достигла даже до Бремена: Иванъ Николаевичъ сдержалъ слово и прислалъ обѣщанную въ шутку нельму, моксуна и сырка. Она шла изъ Тобольска до Нижняго въ саняхъ 74 дня (2355 вер.), отъ Нижняго до Бремена 9 дней (2095 вер.) по желѣзной дорогѣ, всего была въ пути 83 дня и прибыла совершенно свѣжей, какъ бы сейчасъ пойманной. Конечно, она была хорошо запакована въ жестяной ящикъ, въ которомъ ее заморозили въ водѣ, и между жестянымъ и деревяннымъ ящикомъ насыпанъ былъ толченый уголь. Такимъ образомъ Географическое общество, которому я пожертвовалъ этотъ подарокъ, 19-го марта пригласило своихъ членовъ на обѣдъ изъ свѣжей сибирской рыбы, вѣроятно, первый въ Германіи.

Говоря о рыболовствѣ на Оби я долженъ указать на одну ошибку, въ которую впали весьма многіе писатели, даже Палласъ. Обская губа никогда не бываетъ „оживлена множествомъ моржей, дельфиновъ, тюленей и т. д.“, какъ говоритъ Латкинъ. Я тщательно распрашивалъ объ этихъ животныхъ, но всегда получалъ отрицательные отвѣты. Въ дѣйствительности только бѣлуха или дельфинъ (Delphinapterus leucas) приходитъ въ губу и иногда поднимается вверхъ по Оби. Остяки знаютъ ее подъ именемъ „Вузенгъ-Потлангъ“, т. е. „съ дырой на плечѣ“. Такъ, 12-го августа, передъ нашимъ прибытіемъ въ Халиспагоръ, здѣсь видѣли стаю ихъ, штукъ въ 50; онѣ поднялись на 3 станціи выше Кушевата, и Поляковъ разсказываетъ объ одномъ дельфинѣ, котораго наблюдали до Бѣлогорья. Рыбаки рады появленію бѣлухи, такъ какъ полагаютъ, что она гонитъ передъ собою рыбу; но не каждый годъ видятъ ее. Животныя эти настолько смирны, что иногда позволяютъ близко подплывать къ себѣ; рыбаки ихъ не преслѣдуютъ, потому что у нихъ нѣтъ снарядовъ для ихъ ловли. Напротивъ того, въ устьѣ Енисея и въ Вайгачскомъ проливѣ уже занимаются ловлей бѣлухи, а также тюленей (Пал.

III стр. 84, Гофм., стр. 51 и Шренкъ стр. 292, 367, 579, 645, 647 и II стр. 409.)

Наконецъ, по прошествіи восьми дней, 4-го октября мы были освобождены изъ своего заключенія въ Самаровой, которое было для меня весьма полезно, такъ какъ я могъ все лучше запаковать, что было въ особенности необходимо для предметовъ, лежавшихъ въ спирту. Прибылъ прекрасный пароходъ, А. Крушовъ, послѣдній отправленный изъ Томска; любезный капитанъ Афанасій Константиновичъ Анисимовъ сдѣлалъ все для доставленія намъ всевозможныхъ удобствъ. На Игнатовскомъ пароходѣ чувствовали мы себя совсѣмъ какъ дома, къ тому же были немало обрадованы, встрѣтивъ на немъ инженера, господина Вардрапперъ. Буфетчикъ, Михаилъ Сергѣевичъ Черникъ, оказался старымъ знакомымъ съ „Бѣльченко“, такъ что мы имѣли всѣ данныя для пріятнаго путешествія.

Плаваніе по Иртышу съ его свѣтлобурыми водами было далеко не такъ интересно, какъ плаваніе по Оби. Хотя видъ ея береговъ и однообразенъ, но за то она много величественнѣе. Я не могу согласиться съ Кастреномъ, который называетъ Иртышъ самой красивой рѣкой сѣвера. Какъ и всѣ сибирскія рѣки, Иртышъ течетъ безчисленными извилинами и правый берегъ его представляется почти отвѣснымъ обрывомъ изъ песка, суглинка и мергеля, мѣстами съ прослойками торфа; живописная роскошная растительность, подобная обской, встрѣчается на немъ лишь въ видѣ исключенія. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ Сибири, лѣсные пожары причинили большія опустошенія. Обгорѣлые лѣса, съ голыми древесными стволами и вѣтвями, и мелколѣсье, возникшее изъ золы и пепла, тянутся здѣсь на много верстъ. Лѣсъ состоитъ изъ сосны и ели, смѣшанныхъ съ березой и тополемъ; мѣстами замѣчается преобладаніе одной породы надъ другими. Теперь же осенняя умирающая зелень лиственныхъ лѣсовъ была преобладающей на плоскомъ лѣвомъ берегу. Тамъ и сямъ правый берегъ опускается и образуетъ покрытыя ивами низменности, на которыхъ пасется множество рогатаго скота и овецъ. Берега вообще гораздо болѣе населены, чѣмъ на Оби. Тамъ на большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга встрѣчаются лишь группы чумовъ, здѣсь же деревни слѣдуютъ одна за другой—и жители ихъ, судя по внѣшности, люди зажиточные. Самыя важныя изъ нихъ: Вазьяново, Демьянское, Брониково, Журуркая; о двухъ послѣднихъ упоминаетъ еще Зуевъ. Рыболовство болѣе и болѣе отступаетъ на задній планъ, и мѣсто его занимаетъ скотоводство и

земледѣліе. Между тѣмъ какъ у Самаровой разводятъ лишь картофель, у деревни Вошкино, куда мы прибыли около 2 часовъ, мы увидѣли обширныя, уже сжатыя нивы. По всему пути это была единственная деревня, которую мы могли посѣтить, потому что здѣсь пароходъ забиралъ дрова; для этого онъ останавливался еще раза четыре, но ночью или въ пустынныхъ мѣстностяхъ. На всѣхъ сибирскихъ рѣкахъ пароходы топятъ дровами, такъ какъ это самое дешевое топливо. При изобиліи лѣсовъ ихъ хватитъ на долгое время, между тѣмъ какъ по другую сторону Урала уже чувствуется недостатокъ въ дровахъ. Вода въ рѣкѣ совсѣмъ спала, и на поворотахъ очень съуживалась. Но на песчаныхъ отмеляхъ и низменностяхъ лѣваго берега тамъ и сямъ виднѣлись какъ бы пруды, показывавшіе насколько вода поднимается при разливѣ рѣки. Животный міръ сталъ еще бѣднѣе, чѣмъ на Оби; иногда пролетали стаи утокъ, но гуси сдѣлались рѣже, такъ-же какъ и чайки.

Когда мы достигли вышеупомянутой деревни съ такимъ милымъ названіемъ, толпа пассажировъ ринулась съ парохода, чтобъ запастись съѣстными припасами, потому что ѣдущіе въ третьемъ классѣ удовлетворяютъ своимъ потребностямъ за нѣсколько коп. въ сутки. Я самъ купилъ за 80 коп. полугодового поросенка, внесшаго нѣкоторое разнообразіе въ нашу кухню.

Сама деревня представляла свойственный русскимъ селеніямъ безпорядочный видъ. Пестрыми рядами стояли большія и маленькія избы, окруженныя изгородями для скота, сплетенными изъ прутьевъ и покрытыми соломой. По грязнымъ улицамъ бродилъ скотъ, далеко не такой красивый, какой видѣли мы у Остяковъ на Оби. Какъ скотоводство, такъ и земледѣліе стоитъ на очень низкой степени развитія—и съ удивленіемъ смотришь на здѣшнія грубыя земледѣльческія орудія. Я видѣлъ сохи, едва-ли не временъ свайныхъ построекъ, и во всякомъ случаѣ онѣ были хуже древнихъ египетскихъ плуговъ. Если съ такими несовершенными орудіями, которыя лишь царапаютъ земли, собираютъ обильную жатву, то, разумѣется, еще долгое время не позаботятся объ нововведеніяхъ. Земледѣліе и способъ обработки были подробно описаны Палласомъ (III. стр. 6), и мнѣ нѣтъ надобности повторять то же, потому что за 100 лѣтъ ничто не измѣнилось. Только около Тюмени начинаютъ удобрять землю. Плодородіе черноземной почвы, покрывающей Барабинскую степь (Гмел. IV. стр. 115), Палласъ доказываетъ многочисленными примѣрами. Такъ греча въ нѣкоторыхъ мѣстахъ родится лѣтъ 5 подъ

рядъ незасѣваемая вновь, такъ что Палласъ прибавляетъ: „никакой сортъ хлѣба не подходитъ лучше къ лѣнивымъ сибирякамъ“. (II. ст. 365). Тоже самое говоритъ объ этомъ предметѣ Мейеръ (стр. 216 и 350). Достойную пару сохѣ представляла выдолбленная въ стволѣ ступа, въ которой женщины толкли пестомъ посконь, чтобъ очистить ее отъ кострики. Вся сцена напоминала африканскія картины, на которыхъ женщины толкутъ маисъ, такъ какъ у негровъ, по всему вѣроятію, орудія не могли быть хуже.

Мы давно ужъ разстались съ страной Остяковъ и изъ символической области первобытнаго язычества перешли въ область полумѣсяца: отъ Бронникова по берегамъ были расположены татарскія деревни съ мечетями.

Въ 8 часовъ вечера раздался убійственный свистокъ парохода и мы увидѣли огоньки. То былъ Тобольскъ. Такъ какъ пароходъ оставался здѣсь лишь нѣсколько часовъ и вслѣдствіе мелководья Туры долженъ былъ идти только до деревни Артамоновки на Тоболѣ и подняться отъ Тюмени только на 275 верстъ, то мы послали Ивана съ багажемъ впередъ.

Разстояніе отъ Самаровой до Тобольска (673 вер.), при мелководьи, которое значительно затрудняло путь, сдѣлали мы въ трое сутокъ и 8 часовъ; при благопріятныхъ условіяхъ разстояніе это тяжелая баржа проходитъ въ 2 сутокъ и 23 часа. Изъ Березова до Тобольска можно по хорошему зимнему пути проѣхать въ саняхъ въ 8 дней (Гофманъ).

Пристань была очень оживлена; насъ окружили извощики, предлагая свезти въ гостинницу, и скоро достигли мы гостинницы Сыромятникова, или „гостинницы Европа“, которая своимъ высокопарнымъ титуломъ превосходила всѣ прочія гостинницы. Черезъ полуразрушенную деревянную лѣстницу и корридоръ въ видѣ балкона безъ перилъ вошли мы въ скудно освѣщенное помѣщеніе, гдѣ мущина, стоявшій за прилавкомъ, приказалъ грязному кельнеру показать намъ номера. Цѣна комнатѣ была 1 р., но и обстановка была соотвѣтственная. Обои на стѣнахъ мѣстами были изорваны, мѣстами отстали; за ними въ ненарушимомъ спокойствіи располагались безчисленные легіоны клоповъ, по ночамъ посѣщавшіе спящихъ и не дававшіе имъ покоя. Обстановка была самая мизерная, но мы ужъ знали, что въ сибирскихъ отеляхъ на кресла и диваны нужно садиться съ осторожностію. Мы ужъ видѣли, какъ въ лучшемъ русскомъ отелѣ одинъ генералъ, посѣтившій насъ, провалился въ красивомъ

креслѣ, обитомъ трипомъ. Если я прибавлю еще, что во всемъ „европейскомъ отелѣ“ для умыванья былъ одинъ тазъ и одинъ кувшинъ, который переходилъ изъ одного номера въ другой, и что столовый сервизъ гармонировалъ съ нимъ (о столовомъ бѣльѣ умалчиваю), то можно составить себѣ о немъ приблизительное понятіе. На продовольствіе мы могли менѣе жаловаться. Хотя на вопросъ, что можно поѣсть? получили, какъ всегда, въ отвѣтъ: „все что вамъ угодно!“,—на что докторъ Бремъ заявилъ: „фазана съ кислой капустой и устрицъ“,—въ дѣйствительности оказалось, что почти ничего нѣтъ. Приходилось заказывать обѣдъ наканунѣ вечеромъ. Цѣны на кушанья въ такихъ отеляхъ, при общей дешевизнѣ съѣстныхъ припасовъ, вовсе ей не соотвѣтствуютъ. Такъ напр.: за жаркое изъ десяти рябчиковъ, которыхъ я самъ купилъ на рынкѣ за рубль, взяли 1 руб. 20 коп., за самоваръ 10 коп.; если спрашивали къ нему чаю и сахару—60 коп. Бифштексъ изъ хорошаго мяса стоилъ отъ 40 до 60 коп., при цѣнѣ мяса отъ 5 до 6 коп. за фунтъ; стерлядь, которая стоила на рынкѣ отъ 10 до 20 коп. за штуку, стоила, за порцію, 60 коп. Икра въ этой странѣ рыбы стоила 1 руб. фунтъ, 4 яйца 20 коп., курица 60 коп., два стакана кофе 50 коп., маленькіе сухарики къ нему 2 коп. штука. А за вина! Бутылка мерзѣйшаго краснаго вина стоила отъ $2^1/_2$ до 3 руб.; которое можно пить—отъ 4 до $4^1/_2$. Наливка, родъ ягодной настойки, съ прибавкой водки, впрочемъ еще наиболѣе чистый напитокъ, стоившая въ лавкѣ 80 коп. за бутылку, въ отелѣ подавалась за 1 р. 30 коп. Къ этому нужно прибавить еще деньги на водку различной мужской прислугѣ (женской въ сибирскихъ отеляхъ не имѣется). Такимъ образомъ оказывается, что жизнь въ здѣшнихъ гостинницахъ дороже чѣмъ въ настоящихъ первоклассныхъ „европейскихъ отеляхъ“, гдѣ находишь всевозможныя удобства и комфортъ. Я еще прежде порицалъ такое положеніе дѣла, но былъ неправъ. Когда глубже вникнешь въ него и узнаешь, какихъ издержекъ требуетъ здѣсь приличная обстановка гостинницы и служебный персоналъ (и то и другое выписывается), тогда взглядъ совершенно измѣнится. При обычаѣ пріѣзжихъ помѣщаться въ частныхъ домахъ, въ гостинницѣ посѣтителей бываетъ очень ограниченное число, и гдѣ мы ни справлялись, всюду слышали одно и то же, а именно что содержатели гостинницъ далеко не благоденствуютъ. При такихъ условіяхъ приходится мириться съ высокими цѣнами, и съ благодарностью признать, что гостин-

ницы все-таки служатъ сноснымъ убѣжищемъ для утомленныхъ путешественниковъ.

Тобольскъ, лежащій подъ 52° 12′ с. ш., принадлежитъ къ числу старинныхъ русскихъ городовъ въ Сибири и былъ долгое время главнымъ ея городомъ. Древняя столица Кучумъ-Хана, „Сибирь“, давшая названіе странѣ, находится неподалеку отъ Тобольска. Городъ, расположенный при сліяніи Тобола съ Иртышемъ, имѣетъ живописный видъ (рисунокъ Ланкенау на стр. 149) и распадается на двѣ части, изъ которыхъ меньшая, бывшая крѣпость, заключающая въ себѣ всѣ казенныя зданія, стоитъ на высокомъ берегу (200 фут.) Иртыша. Этотъ крутой берегъ, состоящій изъ песку и глины, кажется не совсѣмъ надежнымъ, такъ какъ, постепенно осыпаясь, очень приблизился къ зданіямъ. Рѣка неустанно трудится надъ его разрушеніемъ и сдѣлала въ немъ уже много измѣненій (Розе I. стр. 487). Еще Гмелинъ въ 1733 году находилъ, что берегъ грозитъ городу опасностію и совѣтовалъ укрѣпить его фашинникомъ, что однако осталось неисполненнымъ. Жителей въ городѣ насчитываютъ до 18,000 (18,481 по Шванебаху). Въ немъ много церквей съ блестящими куполами, у дверей которыхъ мы впервые увидѣли нищихъ,—очень скромная протестантская церковь и много красивыхъ большихъ домовъ, хотя большею частію деревянныхъ. Улицы вымощены толстыми досками, что дѣлаетъ ихъ неудобопроходимыми и, вѣроятно, доставляетъ много затрудненій, при большихъ пожарахъ, которые не разъ случались въ Тобольскѣ. Тобольскъ обладаетъ театромъ и памятникомъ великому завоевателю Сибири—Ермаку. Мы видѣли этотъ монументъ, когда ѣздили въ верхній городъ къ губернатору, чтобъ лично поблагодарить его. Къ сожалѣнію, онъ былъ въ отъѣздѣ, но вице-губернаторъ былъ такъ любезенъ, что принялъ насъ.

Поляками введенъ былъ оригинальный промыселъ, стоившій развитія, который по всему вѣроятію былъ ими заимствованъ и Тунгусовъ крайняго востока. Они выдѣлывали изъ березовой коры галантерейныя вещицы, сигарочницы, спичечницы, альбомы, шкатулки и т. п., которыя при своей невысокой цѣнѣ, могли бы имѣть хорошій сбытъ на европейскихъ рынкахъ. Мы всячески стара-

лись отыскать старика-Поляка, единственнаго человѣка, работавшаго эти издѣлія, но все было тщетно. Эти розыски привели меня въ мастерскую другого художника, тоже Поляка, дѣлавшаго брошки, табакерки и другія вещицы изъ мамонтовой кости.—При разъѣздахъ по городу меня поразило громадное количество коровъ; въ вечернее время онѣ возвращаются съ луговъ и поджидаютъ у воротъ, чтобы ихъ впустили, а иногда сами очень искусно отворяютъ ихъ. Не мало удивило меня то, что Гмелинъ въ 1733 году также упоминаетъ объ этомъ явленіи: „нигдѣ не видалъ я столько коровъ, бродящихъ по улицамъ, даже зимою; куда ни пойдешь, всюду встрѣчаешь ихъ.“ Въ этомъ отношеніи, какъ оказывается, все осталось по старому!

Я посѣтилъ базаръ, къ которому примыкаютъ ряды, большія, по преимуществу каменныя лавки. Безчисленныя крестьянскія телѣги предлагали продукты полей, лѣсовъ и охоты. Замѣчательно много было капусты, чесноку, тыквъ, не было недостатка и въ арбузахъ. Они были привезены изъ Томска и продавались по 25 коп. Также было изобиліе въ птицѣ; кромѣ домашнихъ куръ и гусей, особенно много было дикихъ утокъ, глухарей, тетеревовъ и рябчиковъ. Глухарь стоилъ 30 коп., тетеревъ 15 коп., пара рябчиковъ 16 к., пара чирковъ 10 к. Рыбы тоже было много.

Мы впрочемъ сами были виноваты въ томъ, что не нашли себѣ лучшаго пристанища, потому что не позаботились предупредить о своемъ пріѣздѣ; въ такомъ случаѣ намъ приготовили бы помѣщеніе въ домѣ частнаго лица. На распросы полицеймейстера и городничаго, Василья Дмитріевича Шарникова, мы отвѣчали увѣреніями, что совершенно довольны своимъ помѣщеніемъ. Впослѣдствіи жизнь въ гостинницѣ сдѣлалась для насъ очень пріятной въ другомъ отношеніи: здѣсь впервые, послѣ долгаго промежутка времени, увидѣли мы даму въ изящномъ туалетѣ, сшитомъ по послѣдней парижской модѣ. Это была примадонна бывшей оперы, антрепренеръ которой нѣсколько дней тому назадъ обанкрутился и бѣжалъ. Мы познакомились съ нѣкоторыми изъ оспротѣвшихъ артистовъ, между прочимъ съ однимъ Фран-

цузомъ Полемъ Б..., разсказавшимъ намъ на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ свою исторію. Такъ какъ онъ самъ просилъ меня опубликовать ее, и даже его имя, то я вкратцѣ изложу ее здѣсь. Это исторія тяжко преслѣдуемаго судьбой человѣка. Родился онъ въ Россіи, былъ офицеромъ, участвовалъ въ Крымской кампаніи. Ухаживаніе на одномъ балѣ привело его къ столкновенію съ исправникомъ. Они поссорились и кончилась эта ссора тѣмъ, что горячій Французъ ударилъ своего противника и, разбивъ очки, лишилъ его глаза. Это стоило ему мѣста. Лишенный чина и званія, бѣдный Поль долженъ былъ вмѣстѣ съ другими преступниками отправиться въ Сибирь; на баржѣ, пока онъ спалъ, спутники его стащили у него съ ногъ послѣдніе сапоги. Прибылъ онъ въ Тобольскъ съ наличнымъ капиталомъ въ 7 коп.. Здѣсь долженъ онъ былъ самъ заботиться о себѣ. Что предпринять? Хорошо владѣя французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ, онъ этими знаніями не могъ заработать себѣ даже содержанія. Гостепріимные сибиряки помогли ему. Но что это была за жизнь? Въ одинъ прекрасный день прибыла въ Тобольскъ труппа актеровъ; онъ отправился къ директору, представился и былъ принятъ. Сотоварищи, безъ сомнѣнія, употребляли всевозможныя усилія, чтобъ выжить его, и въ первый разъ какъ онъ вышелъ на сцену и съ безпокойствомъ устремилъ взоръ на суфлера, тотъ молчалъ: онъ былъ пьянъ! Но нашъ герой успѣлъ вывернуться, и ему повезло. Онъ сдѣлался любимцемъ публики и пожиналъ лавры въ Иркутскѣ, гдѣ наиболѣе процвѣтаетъ любовь къ искусству. Тамъ же онъ познакомился съ настоящей подругой своей жизни, которую просилъ у насъ позволенія представить. Ольга Николаевна была прелестная крестьянская дѣвушка, которую Поль нашелъ въ какой-то деревнѣ; безъ колебаній же согласилась слѣдовать за нимъ и, не заботясь о благословеніи священника, вступила съ нимъ въ связь, на что въ Сибири смотрятъ очень легко. Она его очень любила и посвятила ему всю свою жизнь. Во время продолжительной его болѣзни, она не только ухаживала за нимъ, но содержала его своей ручной работой, въ которой очень искусны русскія крестьянки. Онъ уже не обращалъ вниманія на то, что она не могла сказать на его родномъ языкѣ, ничего кромѣ „bon jour“ и не умѣла ни читать, ни писать. Теперь Ольга осталась опять одна, потому что нашъ герой взялъ ангажементъ въ Омскъ и не могъ ничего ей оставить изъ своихъ 3 руб. Но она не унывала, такъ какъ умѣла работать и надѣялась, что Поль скоро вышлетъ ей деньги на дорогу. „Не то

она отправится за мной пѣшкомъ", увѣрялъ онъ. Эта надежда авось не была обманута! Но почему Поль не женился на ней? спрашивалъ я, спросятъ и другіе. Потому что мущины страшные эгоисты. Поль еще надѣялся, что ему возвратятъ ему его званіе, а Ольга, его сидѣлка и спасительница, не могла бы занять прилично свое мѣсто въ цивилизованномъ обществѣ!

Былъ холодный непріятный день, когда мы покинули Тобольскъ, чтобъ слѣдовать далѣе въ Тюмень. Мы снова сидѣли на этотъ разъ въ превосходномъ тарантасѣ, который взяли на прокатъ, по протекціи полицеймейстера, г. Ѳедорова. До сихъ поръ я еще ничего не говорилъ объ тарантасѣ и упомяну только теперь, что это чрезвычайно солидно устроенный экипажъ, кузовъ котораго лежитъ на четырехъ или пяти эластичныхъ березовыхъ дрогахъ. Послѣднія замѣняютъ рессоры, которыя не могли бы выдержать при здѣшнихъ дорогахъ. Тарантасъ большей частью дѣлается для двухъ человѣкъ, не считая кучера.—Переправа черезъ Иртышъ, который въ немногихъ верстахъ отъ города преграждаетъ путь, была чрезвычайно затруднительна и продолжительна. Сильный противный вѣтеръ поднималъ порядочные волны, наши экипажи катались по неуклюжему парому и вообще одно время казалось сомнительнымъ, удастся ли переправа, потому что гребцы, несмотря на всѣ усилія, не могли подвигаться противъ вѣтра и теченія. Переправа черезъ Иртышъ задержала насъ на цѣлый часъ. Относительно страны можно сказать очень немного. Она имѣла почти зимній видъ, потому что часто падалъ снѣгъ, впрочемъ скоро становавшій. Большей частію мы проѣзжали черезъ сосновые и березовые лѣса и рощицы, перемѣшанные съ полосами воздѣланной земли, которая мѣстами принимала характеръ степей. Вообще здѣсь много обработанной земли съ большими и красивыми деревнями, свидѣтельствующими о значительномъ хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ. Передъ деревнями были сложены громадныя скирды необмолоченнаго хлѣба, колосьями котораго угощались несмѣтныя стаи галокъ и воронъ, между тѣмъ какъ свиньи подрывались подъ основаніе. Если прибавить къ тому легіоны мышей, то станетъ понятно какіе громадные убытки приноситъ такое безпорядочное хозяйство, которые Кнорре опредѣляетъ цифрами (Geogr. Blätter. II, стр. 126). Свиньи часто рылись на жнивахъ и лугахъ довольно далеко отъ города. Забавно было наблюдать за галками и воронами вблизи свиного стада. Мы нерѣдко видѣли, какъ онѣ, по одной и по двѣ штуки,

сидѣли на спинахъ свиней и выбирали у нихъ докучливыхъ насѣкомыхъ.

Десятаго октября въ 8 часовъ вечера прибыли мы въ Тюмень, слѣдовательно проѣхали разстояніе въ 254 версты въ 32 часа, причемъ три раза подвергались задержкамъ при переправахъ черезъ рѣки. Слѣдовательно, мы совершили этотъ путь не такъ быстро, какъ Палласъ, который проѣхалъ его въ 19 часовъ, а Гмелинъ даже въ 16, причемъ только два раза перепрягалъ лошадей, такъ какъ тогда еще не существовало станцій. Теперь ихъ девять!

Такъ какъ нашъ гостепріимный хозяинъ, Иванъ Ивановичъ, къ сожалѣнію, былъ не совсѣмъ здоровъ, то мы остановились въ гостинницѣ Соловьева, гдѣ вскорѣ нашли старыхъ знакомыхъ, между прочимъ нашего друга—исправника Василія Константиновича, съ которымъ могли потолковать о пережитомъ. Первый нашъ визитъ былъ понятно къ Ивану Ивановичу, оказавшему такое любезное содѣйствіе нашей экспедиціи: онъ безплатно предоставилъ намъ пользоваться его пароходами и также даромъ перевезъ наши ящики (26 шт., вѣсомъ около 50 пудовъ), слѣдовательно сдѣлалъ для экспедиціи болѣе, чѣмъ какой либо другой крупный торговецъ.

Исправникъ былъ такъ добръ, что прислалъ намъ плотника, такъ какъ мнѣ нужно было заказать ящики для упаковки остальной этнографической коллекціи. Вы плотникъ? спросилъ я маленькаго мужчину, который заявилъ мнѣ, что присланъ исправникомъ. „Нѣтъ, я столяръ“! отвѣчалъ онъ, повидимому, обиженно, и я сообщилъ ему свои желанія. Столяръ этотъ былъ родомъ изъ остзейскихъ провинцій, слѣдовательно сродни намъ по языку, и легко можно было догадаться, что онъ не жилъ тутъ добровольно. Наскучивъ своимъ ремесломъ, онъ принялся за почтовое дѣло и попавъ подъ руководство дѣльнаго почтмейстера, началъ съ того, что не запечатывалъ, но разрѣзалъ конверты съ деньгами. Такимъ образомъ онъ попалъ въ Сибирь. Какъ искусный работникъ, онъ во всякомъ случаѣ могъ составить себѣ хорошее положеніе, потому что здѣсь никто не заботится о томъ, что именно привело сюда „несчастненькаго“! Но водка мѣшала поправиться этому человѣку, который вовсе не соотвѣтствовалъ своей фамиліи—Рейнхольдъ: „я не чистъ и не милъ“, смѣясь говорилъ онъ самъ про себя. Это одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ, доказывающихъ, что ссылка, помогающая даже самому отъявленному злодѣю снова заслужить честное имя, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ снова дѣлаетъ изъ него честнаго человѣка.

Какъ, съ одной стороны, въ ссылкѣ много гуманнаго, такъ, съ другой, она совершенно безчеловѣчна, именно тѣмъ, что разрушаетъ всѣ семейныя узы, такъ какъ всякій присужденный къ каторжной работѣ или къ поселенію лишается, какъ состоянія, такъ равно и гражданскихъ правъ. Существуетъ даже особенная категорія ссыльныхъ, которые сами себя называютъ „непомнящими родства“.

Многіе изъ каторжниковъ спасаются бѣгствомъ, поработавъ немного на золотыхъ рудникахъ, гдѣ, какъ говорятъ, ведутъ чрезвычайно суровую жизнь; нѣкоторые изъ нихъ остаются скитаться по странѣ и образуютъ такъ называемыхъ бродягъ. Существованіе ихъ облегчается тѣмъ, что сибирскіе крестьяне въ различныхъ мѣстахъ выставляютъ пищу, которую эти бродяги и берутъ въ ночное время. Говорятъ, что это дѣлается изъ „добродушія“, но мнѣ кажется, что тутъ кроются и другого рода причины. Прискучитъ ли этимъ бродягамъ ихъ образъ жизни или принудятъ зимнія непогоды, но они часто снова возвращаются въ тюрьмы. Тогда они утверждаютъ, что не помнятъ ни имени, ни родства, ни родины и поступаютъ въ категорію „непомнящихъ родства“. Никто не знаетъ ихъ прошедшаго, ни рода ихъ преступленія, и всѣ они должны снова возвращаться въ Нерчинскъ. Такъ мнѣ разсказывали про одного непомнящаго родства, что онъ восьмнадцать разъ совершилъ путь въ Нерчинскъ. Нѣкоторые изъ этихъ преступниковъ поступаютъ въ услуженіе, такъ что можетъ случиться, что наймешь кучера или лакея, бывшаго убійцу или отъявленнаго вора. Разумѣется, многіе изъ нихъ не измѣняютъ своимъ старымъ привычкамъ, и въ большихъ городахъ множество разнаго сброда.

Въ Тюмени намъ разсказывали много хорошаго относительно дисциплины между преступниками. Такъ, между прочимъ, говорили, что однажды, когда изъ транспорта бѣжало 400 человѣкъ, конвоировавшій ихъ офицеръ разослалъ остальныхъ 200 человѣкъ собирать бѣжавшихъ, что и было ими очень скоро исполнено. Не обходится однако и безъ возмущеній. Такъ, я слышалъ въ Тюмени, что въ 1876 году преступники пытались бѣжать съ баржи на Турѣи уже разломали желѣзную рѣшетку. Не менѣе вредны лѣнтяи и тунеядцы, которыхъ европейская Россія высылаетъ въ Сибирь на поселеніе и съ которыми мы имѣли случай познакомиться близъ Ялуторовска. Но какъ бы кто ни смотрѣлъ на ссылку, всякій согласится съ тѣмъ, что въ Сибирь отправлено болѣе безполезныхъ и опасныхъ людей, нежели полезныхъ и что

эти вредные для общественной жизни элементы, разумѣется, не способствуютъ развитію страны.

Хотя черезъ ссылку бракъ расторгается, тѣмъ не менѣе жены могутъ слѣдовать за мужьями и онѣ, равно какъ и дѣти ихъ, перевозятся безплатно. Путь совершается до Нижняго по желѣзной дорогѣ, оттуда до Перми на пароходѣ, отсюда до Тюмени на телѣгахъ, потомъ опять на пароходѣ до Томска, отсюда, чрезъ Красноярскъ въ Иркутскъ, опять на телѣгахъ, черезъ Байкалъ на пароходѣ и отсюда уже послѣднее разстояніе до Нерчинска пѣшкомъ. Зимою преступниковъ не перевозятъ: они останавливаются въ большихъ центральныхъ этапныхъ тюрьмахъ, какъ мы это видѣли въ Тюмени. Албинъ Конъ говоритъ, что это дѣлается изъ чисто финансовыхъ разсчетовъ, такъ какъ чрезъ это сберегается болѣе 6 милліоновъ рублей серебромъ. Албинъ Конъ, разсказывающій, какъ очевидецъ, подвергаетъ ссыльную систему (Сибирь стр. 252—274) строгой критикѣ и рисуетъ очень мрачную и ужасную картину жизни въ русскихъ тюрьмахъ и во время пересылки.

Тюмень я уже описывалъ выше; прибавлю здѣсь еще, что онъ, какъ и большая часть или почти всѣ большіе города Сибири, имѣетъ „городской паркъ“, т. е. мѣсто для прогулки, засаженное деревьями. Нѣсколько южнѣе Тобольска, подъ 57° 10' сѣверной широты, въ защищенныхъ садахъ растутъ яблоки, груши и вишни, какъ показали это удавшіеся опыты г. Холмогорова, съ успѣхомъ занимавшагося ввозомъ фруктовыхъ деревьевъ. Въ первый разъ въ Сибири видѣли мы въ Тюмени рѣчныхъ раковъ (вѣроятно, волжской породы: Astacus leptodactylus). Они были привезены изъ Туры, гдѣ ихъ разводятъ искусственно. Поляковъ, впрочемъ, говоритъ, что они водятся также въ Иртышѣ, отъ Омска до Тобольска.

Наши послѣдніе одиннадцать ящиковъ съ коллекціями были упакованы. За роскошнымъ столомъ Ивана Ивановича мы отлично пообѣдали, дѣла наши были всѣ окончены и потому мы поспѣшили отправиться далѣе по своему маршруту на западъ. Охотно посѣтилъ бы я могилу высокозаслуженнаго Стеллера, о которой упоминаетъ Палласъ (II, стр. 366), однако никто не могъ указать мнѣ ея мѣста. Къ нашему искреннему сожалѣнію, мы здѣсь лишились нашего любезнаго и ревностнаго спутника,—графа Вальдбурга-Цейля. Онъ остался здѣсь,—по счастію совершенно здоровымъ,—чтобы съ Иваномъ Ивановичемъ снова вернуться въ Омскъ и принять участіе въ нѣкотыхъ интересныхъ

охотахъ, на которыхъ, къ сожалѣнію, мы не могли присутствовать. Мы должны были спѣшить домой, тогда какъ графъ имѣлъ отпускъ еще болѣе чѣмъ на годъ.

Сердечно распрощавшись и „пожелавъ другъ другу веселаго свиданія въ Бременѣ“, 12-го октября рано утромъ сѣли мы въ тарантасы и отправились къ близкой границѣ. Когда мы въѣхали въ Пермскую губернію, то увидѣли рѣдкое для насъ до сихъ поръ явленіе, а именно—починку дороги! Надежда же подвигаться далѣе, хотя нѣсколько покойнѣе и быстрѣе, къ сожалѣнію, оказалась напрасной. Эти поправки ограничивались тѣмъ, что ямы засыпались пескомъ и щебнемъ, а мѣстами тотъ же матеріалъ насыпался на гати изъ молодыхъ березъ. Въ обоихъ случаяхъ, при нетвердости грунта и оживленности сообщенія, многочисленные обозы скоро прорѣзали новыя глубокія колеи, въ которыхъ экипажи страшно качались изъ стороны въ сторону. О привлекательности видовъ и на этомъ пути также не могло быть рѣчи. Дорога часто цѣлыми станціями вела черезъ лѣса или кустарники, смѣнявшіеся жнивами или пашнями. Недоѣзжая двѣ станціи до Екатеринбурга, у Параватской юрты мы снова увидѣли цѣпь Уральскихъ горъ, представляющую здѣсь лишь незначительные холмы. Мы проѣзжали безчисленными деревнями, тянувшимися на разстояніи до семи верстъ, въ Сибири гораздо болѣе красивыми и богатыми, чѣмъ въ Россіи; внутренность домовъ также отличается образцовой чистотой. Нашъ рисунокъ (стр. 293) представляетъ „семью Сибиряковъ“, и люльку, тамъ изображенную, совѣтовалъ бы я принять за образецъ.

Мы медленно подвигались впередъ въ глубокой темнотѣ и послѣднюю станцію въ 26 верстъ сдѣлали въ 4 часа. Яркій свѣтъ разлился вдругъ по небу; мы думали, что это отраженіе городскихъ огней. Однако это оказались костры, разведенные пастухами, гнавшими изъ степей киргизскихъ овецъ и расположившихся въ просѣкѣ на ночевую. Только въ 10 часовъ вечера 13-го октября прибыли мы въ Екатеринбургъ и, послѣ 36-ти часового пути, остановились въ знакомой ужъ намъ гостинницѣ „Европа“.

Екатеринбургъ одинъ изъ лучшихъ сибирскихъ городовъ, видѣнныхъ нами; ряды красивыхъ домовъ, базаръ и прекрасныя церкви имѣютъ почти величественный видъ. Къ сожалѣнію, улицы его находятся въ ужасномъ состояніи, въ чемъ мы убѣдились на слѣдующее утро. Это были не просто испорченныя мостовыя, но всѣ улицы и площади были покрыты сплошной мас-

сой грязи. Эта масса походила на асфальтъ, который, казалось, долженъ отвердѣть съ минуты на минуту, но онъ не твердѣлъ, и извощики развозили своихъ пассажировъ, забрасывая ихъ грязью, въ которую колеса уходили по ступицу. Несмотря на то, что подъ руками имѣются отличныя ломки гранита, горожане привезли лишь нѣсколько тротуарныхъ плитъ и камней, для исправленія улицы, но не принимались за дѣло, какъ бы не надѣясь достигнуть желанной цѣли. А между тѣмъ придется же приняться за это и даже съ энергіей, потому что необходима не только поправка, но нужно сдѣлать все заново. Или почва, на которой построенъ городъ, содержитъ въ себѣ много золота и не хотятъ сдѣлать эти сокровища болѣе недоступными? Въ сопровожденіи г. Вейнберга, мы на этотъ разъ посѣтили небольшую казенную гранильную фабрику, а нѣкоторыя частныя. Это дѣло ведется здѣсь совсѣмъ иначе, чѣмъ въ Колывани; здѣсь развилась обширная промышленность, въ особенности у Всеволода и Василья Калугиныхъ. Преимущественно дѣлаютъ различныя драгоцѣнныя вещи и предметы роскоши изъ малахита, очень красивые и, по нашему мнѣнію, недорогіе. Такъ напр. великолѣпная круглая столешница изъ малахита, въ $1^1/_2$ аршина въ окружности, стоитъ 200 руб., хорошенькая шкатулка 7—10 руб. Особенно красивы галантерейныя вещи изъ свѣтло-зеленаго, гладкаго малахита, называемаго демидовитомъ, самый дорогой сортъ, который въ необдѣланномъ видѣ стоитъ въ Нижнемъ-Тагилѣ 3 рубля фунтъ. Также заслуживаютъ вниманія прекрасныя работы изъ горнаго хрусталя и дымчатаго топаза, какъ напр. печати и т. п., но форма ихъ вообще неудовлетворительна и представляетъ мало вкуса. Въ отношеніи мозаичныхъ работъ можно сказать, что онѣ далеко уступаютъ италіянскимъ и иногда даже положительно дурны. Напротивъ того, пресъ-папье въ видѣ фруктовъ, сдѣланныхъ изъ соотвѣтственныхъ камней, представляютъ нѣкоторую художественность. Но и тутъ замѣтенъ недостатокъ изящнаго вкуса; можно было бы гораздо лучше подбирать рисунки и цвѣта. Цѣна этихъ прелестныхъ бездѣлушекъ отъ 20 до 100 руб. Но очень непріятно для чужестранца то, что торговцы сильно запрашиваютъ и съ ними нужно торговаться. Полудрагоцѣнные камни для колецъ, серегъ, пуговицъ и т. п. можно покупать здѣсь очень хорошаго достоинства и сравнительно недорого. Но путешественникъ можетъ лишь случайно пріобрѣсти прекрасные бериллы, аквамарины и т. п. Уральскіе аметисты, по цвѣтѣ, блеску и дешевизнѣ, почти не уступаютъ бразильскимъ.

Зная, что 19-го октября отправится послѣдній пароходъ изъ Перми въ Нижній и помня хорошо здѣшнюю бездорожицу, мы, къ сожалѣнію, должны были отказаться отъ любезнаго приглашенія „уральскаго общества любителей естествознанія“ присутствовать на ихъ годовомъ праздникѣ — и 15-го числа утромъ отправились далѣе. Съ наслажденіемъ помышляя о томъ, что это наше послѣднее путешествіе на тройкѣ, отдались мы на волю судьбы. Мы всѣ знали предстоявшія намъ мученія, разныя ожидавшія насъ случайности; все это знали уже по опыту. Путешественники, встрѣтившіеся намъ около Тюмени, не преувеличивали, сказавъ намъ, что дороги между Екатеринбургомъ и Пермью ужасны. Безпрестанные толчки отдавались во всемъ тѣлѣ и электрической искрой пробѣгали въ мозгу, такъ какъ съ нами не было спасительныхъ пуховыхъ подушекъ. Безъ сомнѣнія, намъ было все-таки лучше, чѣмъ несчастнымъ ссыльнымъ, которыхъ везли на 6—8 тройкахъ, частію въ полуоткрытыхъ кибиткахъ, частію въ открытыхъ телегахъ, по 6 человѣкъ въ каждой, на соломѣ и съ солдатомъ для надзора за ними.

Въ одинъ день отправляется по 25 такихъ обозовъ; такимъ образомъ крестьяне зарабатываютъ хорошія деньги. Кромѣ того встрѣчали мы почту, большей частью на 3—4 тройкахъ, изъ которыхъ на одной сидитъ почтальонъ, вооруженный револьверомъ. Дорога между Екатеринбургомъ и Пермью очень оживлена. Гохштетеръ насчиталъ на всемъ протяженіи дороги 3586 телегъ. Обозы, упорно не хотѣвшіе уступать дорогу, доставляли намъ по ночамъ немало хлопотъ и безпокойствъ. Длинный рядъ телегъ, иногда до сотни и болѣе, каждая съ фонаремъ, представлялъ оригинальную картину. У передней лошади обоза на дугѣ былъ придѣланъ образъ, но я никакъ не могъ узнать, какой святой патронъ извощиковъ. Эти транспорты состояли иногда изъ однѣхъ сырыхъ кожъ.

Путешественники, встрѣчавшіеся намъ на станціяхъ, не представляли ничего интереснаго, кромѣ 2 китайцевъ, отправлявшихся въ Кяхту. Они ѣхали изъ Москвы, гдѣ у нихъ былъ чайный магазинъ. Такъ какъ на этомъ пути нѣтъ ни малѣйшаго разнообразія, не то что въ другихъ странахъ, то приходилось лишь изучать крики и восклицанія ямщиковъ: „Господинъ, дуракъ, баранъ, черти—и такъ далѣе и вслушиваться въ звуки колокольчиковъ и бубенчиковъ, которые въ темнотѣ показывали скорость ѣзды, а также въ скрипъ колесъ, плохо смазанныхъ саломъ. Считаніе верстовыхъ столбовъ обращается въ привычку, точно съ

этимъ счетомъ быстрѣе подвигаешься впередъ. Равнодушно ѣдешь первую половину станціи, съ внутреннимъ удовольствіемъ послѣднюю. Со станціями было тоже, что съ верстами. Какъ проѣдешь половину пути, чувствуешь облегченіе, хотя съ каждой станціей усиливается нетерпѣніе и на послѣдней достигаетъ крайней степени. Тряска и толчки не такъ хорошо повліяли на мой животъ, какъ на Гумбольдтовскій, который скромно считалъ 4 толчка на каждую версту, а всего 48,000. Я же насчитывалъ по крайней мѣрѣ 10 сильныхъ толчковъ, что составляетъ значительную разницу. Состояніе дороги было такое же, какъ описывалъ его профессоръ Гохштетеръ и докторъ Тула, во время своего лѣтняго путешествія въ 1872 году, и со стороны Гумбольдта была чистая любезность, когда онъ писалъ графу Канкрину: „Дороги въ Вятской и Пермской губерніи лучше англійскихъ.“ Безъ сомнѣнія, и мы замѣчали нѣкоторые признаки исправленія дорогъ: сложенныя на протяженіи нѣсколькихъ верстъ кучи песку, камней и другихъ матеріаловъ. Мѣстами даже видѣли желѣзные катки около дороги,—чистая насмѣшка! При всемъ этомъ дорога оставалась ужасной, а между тѣмъ на ея исправленіе ежегодно тратилась сумма въ 400,000 руб. По мнѣнію человѣка несвѣдущаго въ этомъ дѣлѣ, но изъѣздившаго много странъ и видѣвшаго много дорогъ, эта большая дорога, единственный путь соединяющій Европу съ Азіей до постройки желѣзной дороги, должна бы и могла бы быть много лучше и удобнѣе. Пермское губернское земство думало такъ-же, какъ и я, и, къ величайшему моему удовольствію, порицанія мои хотѣло сдѣлать предметовъ совѣщаній на слѣдующемъ же собраніи, такъ какъ я могъ быть представленъ въ качествѣ безпристрастнаго свидѣтеля.

Но всѣ эти прекрасныя предположенія не могли принести намъ никакой пользы и мы должны были покориться судьбѣ. Съ радостью привѣтствовали мы каждую новую версту и ѣхали день и ночь, чтобъ не пропустить парохода. Отъ самой Тюмени была уже вольная почта, имѣющая неоспоримыя удобства, но также и темныя стороны. Къ послѣднимъ принадлежатъ измученныя лошади и сонные, лѣнивые ямщики. То время, когда мы въ степи и на Алтаѣ, при крикахъ ямщика „держи“, неслись во весь духъ, когда для поощренія лошадей довольно было движенія ямщика, давно миновало; здѣсь помогали только энергичные удары—и выносливость животныхъ, которыхъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ неустанно хлестали кнутомъ, была удивительна. Однако пришлось намъ одинъ разъ отпречь одну лошадь и оставить ее лежать на

дорогѣ и на послѣдней станціи къ Перми ѣхать шагомъ, по крайней мѣрѣ верстъ 10. Неудивительно послѣ этого, что на послѣднія 25 верстъ потребовалось намъ $4^1/_2$ часа времени. Несмотря на то, мы должны были считать себя счастливыми, что 365 верстъ сдѣлали въ 58 часовъ, вмѣсто прежнихъ 49.

Опять остановились мы въ почтовой гостинницѣ и вечеромъ имѣли удовольствіе видѣть господина Ротхастъ, который сообщилъ намъ, что онъ ужъ позаботился о мѣстахъ для насъ на пароходѣ общества „Кавказъ и Меркурій“—„Купецъ“, отправлявшагося 20-го октября. Между тѣмъ какъ докторъ Бремъ отправился съ господиномъ Ротхастъ на охоту за тетеревами, въ высшей степени интересную (производится она при помощи приманной чучелы), я долженъ былъ отказаться отъ этого удовольствія, по случаю простуды, которая удерживала меня въ комнатѣ. Докторъ Крамеръ, молодой, любезный нѣмецъ, былъ такъ обязателенъ, что занялся моимъ лѣченіемъ.

20-го октября послѣ полудня отправились мы на пароходѣ „Купецъ“. Устройство его было превосходно. Жизнь на палубѣ была совсѣмъ не та, что у насъ. Вся палуба была буквально покрыта людьми, некуда было ступить, всюду попадались руки и ноги. Купецъ совершалъ свой послѣдній рейсъ въ этомъ году, чѣмъ и объяснялась эта тѣснота.

Кама большая рѣка и при низкомъ стояніи воды можетъ соперничать не только съ Иртышемъ, но во многихъ мѣстахъ даже съ Обью. Если, среди видѣнныхъ нами въ Сибири береговыхъ видовъ, только Иртышъ между Усть-Каменогорскомъ и Усть-Бухтмаринскомъ представлялъ величественные и дико романическіе виды, за то Каму можно было назвать веселой рѣкой. Здѣсь были уже не тѣ высокіе берега, какіе мы видѣли на Оби, здѣсь нѣтъ величественной тишины, здѣсь находились мы между берегами, оживленными человѣческой жизнью и всюду передъ глазами сверкали блестящіе куполы деревенскихъ церквей. Какъ у Сибирскихъ рѣкъ, такъ и здѣсь правый берегъ высокій, но представляетъ совсѣмъ другія формы, потому что и здѣсь, какъ на Иртышѣ нѣтъ поперечныхъ ущелій, нѣтъ непрерывныхъ лѣсовъ. Здѣсь деревья растутъ группами или рощицами и только вдали виднѣются холмы сплошь покрытые лѣсомъ. Большей же частью на берегахъ встрѣчаются кусты, смѣняющіеся пашнями, и чѣмъ болѣе приближаешься къ Казани, тѣмъ болѣе исчезаетъ этотъ характеръ, и на обоихъ берегахъ видишь лишь холмы, поросшіе ивами или голые. Весною и лѣтомъ ландшафтъ долженъ быть гораздо

красивѣе, потому что теперь дождь и снѣгъ иногда совсѣмъ скрывали его отъ глазъ. Путешествіе было непріятно тѣмъ, что на пароходѣ было холодно. Но совѣстно было жаловаться на это, при видѣ палубныхъ пассажировъ, которые, завернувшись въ шубы, должны были оставаться цѣлыя ночи подъ защитой жалкой парусины при леденящемъ вѣтрѣ.

Послѣ 3 сутокъ и 9 час. плаванія (1110 верс.) прибыли мы въ устье Казанки, въ которой пристаютъ пароходы. Отсюда до города 7 верстъ, но мы, къ счастью, тотчасъ же нашли извощиковъ и отправились въ отель Комонена. На слѣдующій день мы имѣли удовольствіе привѣтствовать всѣхъ нашихъ друзей, профессора Радлова, господина Готвальда и другихъ, и провели пріятные часы.

Казань очень красивый городъ, что особенно замѣтно, когда пріѣзжаешь съ востока. Васъ поражаютъ здѣсь мощеныя улицы, газовое освѣщеніе, красивые, по большей части каменные дома съ прекрасными магазинами. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ магазинъ торговаго дома Рамъ и К°., гдѣ можно найдти всевозможные западно-европейскіе товары. Господинъ Рамъ и на этотъ разъ принялъ насъ очень любезно и въ его домѣ снова, послѣ долгаго времени, роспили мы бутылку настоящаго рейнвейна.

По случаю приближенія зимы мы были вынуждены ограничить наше пребываніе въ Казани болѣе, чѣмъ то было намъ желательно, и на слѣдующій день къ вечеру (25 октября) снова очутились на пароходѣ. Намъ заняли мѣста на „Миссисипи„, великолѣпномъ пароходѣ (въ 400 лошадиныхъ силъ и 200′ длины) американской компаніи, который съ двумя другими въ лѣтнее время совершаетъ правильные рейсы между Нижнимъ Новгородомъ и Астраханью. Пароходы этой компаніи построены по Американскому типу и врядъ ли менѣе тѣхъ, которые ходятъ по Миссисипи. Каюты находятся въ верхнемъ этажѣ, прекрасно устроены на 10 и 12 человѣкъ, и могутъ вмѣщать до 200 человѣкъ перваго и второго класса, и 300 человѣтъ 3-го. Теперь пассажировъ было очень мало, и въ столовой, длиною въ 70 шаговъ, можно было свободно прохаживаться. А моціонъ былъ необходимъ! Термометръ стоялъ на нулѣ, дулъ леденящій вѣтеръ, и едва можно было согрѣться въ нетопленныхъ комнатахъ.

Мы очень спѣшили на пароходъ, такъ какъ отъѣздъ Миссисипи назначенъ былъ въ 3 часа пополудни, но это было совсѣмъ не нужно при русскомъ „сейчасъ.“ Это слово безпрестанно здѣсь слышится, но означаетъ довольно долгое время.

Такъ и Миссисипи отошелъ отъ берега лишь въ 7 часовъ, бросилъ якорь посредине рѣки и тронулся въ путь только на слѣдующее утро. На слѣдующую ночь онъ также долженъ былъ остановиться вслѣдствіе темноты, чтобъ не набѣжать на одну изъ безчисленныхъ песчаныхъ отмелей, которыми изобилуетъ Волга при низкомъ стояніи воды.

О Волгѣ могу я сказать только, что въ это время года это очень скучная рѣка. Но я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на однообразный ландшафтъ и узналъ нѣкоторыя деревни, въ которыхъ, на пути нашемъ въ Сибирь, мы мѣняли лошадей, и тащились съ трудомъ то по снѣгу, то по водѣ. Это обычныя удовольствія саннаго пути ранней весной. Теперь мы могли считать себя сравнительно счастливыми и хотя недоставало тепла, за то была хорошая кухня и хорошій погребъ. Еще можно было жить! Впрочемъ, путешествіе по Волгѣ продолжалось очень недолго, такъ какъ рано утромъ 28-го октября мы прибыли въ Нижній. На разстояніе въ 430 верстъ употребили мы 43 часа. Здѣсь опять любезно встрѣтилъ насъ господинъ Козніерскій, но мы должны были отказаться отъ приглашенія на обѣдъ отъ „общества для содѣйствія торговли и промышленности.“ Насъ тянуло домой и мы въ тотъ же день вечеромъ отправились въ Москву. Мы чувствовали себя счастливыми на желѣзной дорогѣ, всѣ преимущества которой вполнѣ оцѣниваешь послѣ подобнаго путешествія. Намъ казалось даже страннымъ, когда мы въ одну ночь сдѣлали 409 верстъ.

Я остался въ Москвѣ, чтобъ устроить различныя дѣла съ извѣстнымъ домомъ Кнопъ, представителю котораго, господину Прове, мы обязаны величайшей благодарностію.

Путь въ Петербургъ сдѣлали мы еще скорѣе, 603 версты въ $14^1/_2$ часовъ. А отсюда до Бремена (2082 версты) могли бы мы добраться въ 48 часовъ, но мнѣ нужно было остановиться въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и я прибылъ туда 24 ноября, послѣ девятимѣсячнаго отсутствія. Такъ какъ докторъ Бремъ остался по дѣламъ въ Петербургѣ, то я долженъ былъ отказаться отъ любезнаго приглашенія „Физическо-Экономическаго Общества“ въ Кенигсбергѣ, которое хотѣло почтить „Сибирскую Экспедицію“ параднымъ обѣдомъ.

4-го декабря „Общество нѣмецкихъ полярныхъ экспедицій“ сдѣлало мнѣ торжественный пріемъ въ почетныхъ компатахъ городскаго виннаго погреба, причемъ было осушено нѣсколько стакановъ вина за будущность и процвѣтаніе Сибири и, въ заключеніе, я пожелалъ счастія и всего хорошаго сибирскимъ друзьямъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ..... 1

ГЛАВА I. **Черезъ Уралъ.** (Отъ Нижняго-Новгорода до Екатеринбурга.). Нижній.—Снаряженіе въ путь и совѣты касательно этого снаряженія.—Неблагопріятныя условія для путешествія.—Длиннѣйшая аллея въ свѣтѣ.—Опасная ѣзда по Волгѣ.—Санная ѣзда, какъ пытка.—Выносливость ямщиковъ.—Сравненіе саней съ кораблемъ.—Устройство почтовыхъ савей.—Деревни.—Скотъ.—Черемисы.—Чуваши.—Черезъ Волгу.—Казань.—Татарскій городъ.—Гостепріимство.—Профессоръ Радловъ.—Татарскія школы и муллы.—Университетъ.—Профессоръ фонъ-Готтвальдъ.—Полинвныя.—Приготовленіе къ путешествію — Рамъ.— Татары-ямщики.—Ирбитскіе обозы.—Дорожныя правила.—Татарскія деревни.—Малмыжъ.—Переѣздъ черезъ рѣку.—Животная жизнь.—Покровительство птицамъ.—Вотяки.—Искусные возницы.—Конецъ санному пути.—Путешественникъ изъ Кяхты.—Пермскій губернаторъ.—Кунгуръ.—Черезъ Уралъ.—Сплавъ судовъ.—Горнозаводскія селенія.—Перевалъ.—Вырубленные лѣса.—Граница Европы и Азіи.—Взглядъ на Пермскую губернію..... 9

ГЛАВА II. **По Ишимской степи.** (Отъ Екатеринбурга до Омска).—Столица Урала.—Уральское общество.— Достопримѣчательности.—Императорская гранильная фабрика.—Рыбный рынокъ.—Обѣдъ въ честь нѣмецкихъ путешественниковъ.—Отъѣздъ.—Затруднительное путешествіе.—Большія деревни.—Хлѣбные магазины.—Этапныя тюрьмы ссыльныхъ.—Камышловъ.—Граница Сибири.—Тюменскій исправникъ.—Сибирское гостепріимство.—„Закусить!“ — Колчинъ и Игнатовъ.—Иванъ Ивановичъ.—Тюрьма.—Ссыльные.—Каторжники.—Дѣти преступниковъ.—Ссыльныя женщины.— Бѣглый взглядъ на бытъ ссыльныхъ.—Сиротскій домъ.— Юфтяные заводы.— Ковровыя издѣлія.—Типографія.—Городъ Тюмень.—Значеніе его въ торговомъ отношеніи.—Ирбитская ярмарка.—Канониковъ.—Отъѣздъ.—Дурная дорога.—Ялуторовскъ.—Охота на вальдшнеповъ.—На Тоболѣ.— Охота на орловъ.—Землякъ-швабъ.—Нѣмецкія колоніи на Волгѣ.— Невольные переселенцы.—Описаніе города.—Тараканы.—Церковное богослуженіе на Пасхѣ.—Постъ.—Розговѣнье.—Черезъ Тоболъ.—Вѣстники весны.—Характеръ мѣстности.—Непролазныя дороги.—Ишимъ.—Большая ярмарка.—Сѣверные пролетные гости.—Тетерева на улицѣ.—Волки.—Вредъ причиняемый волками.—Тюкалинскъ.—Торговля птичьими шкурками.—Черезъ Иртышъ.—Хорошая степная дорога.— Степной пожаръ..... 33

Стр.

ГЛАВА III. **Вдоль Иртышской линіи.** (Отъ Омска до Семипалатинска).—Столица Западной Сибири. — Протестанты. — Католики.— Старый Омскъ.—Генералъ-губернаторъ Казнаковъ.—Глухонѣмой путешественникъ.—Военная гимназія. — Проф. Словцовъ. — Пасхальный звонъ.—Сибирскіе праздники, теперь и въ прежнія времена.—Смотръ казакамъ.—Джигитовка.—Куланы.—Почтовые порядки.—«На водку». —Новѣйшіе русскіе беллетристы.—Скорость ѣзды.—Во времена Гмелина.—Казачья линія.—Деревни и ихъ населеніе.—Земледѣліе.—Саранча.—Рыбныя богатства Иртыша.—Степь.—Степныя озера.—Растительность.—Животная жизнь въ степи.—Киргизы.— Юрты.—Павлодарскій округъ.—Вредная система кредита.—Залежи рудъ въ степи.—Діоптазъ.—Степной рогатый скотъ.—Курдючныя овцы.—Козы.— Верблюды.—Иртышъ въ половодье. — Неожиданная остановка.—Буранъ.—Примитивные кузнецы. – Подпускная.—Гипсъ.— Освѣщеніе степи.—Миражи.—Верблюды въ упряжи. — Ѣзда верхомъ на быкахъ.— Различіе сосенъ.—Горы.—Крайніе отроги. — Проходъ.—Прибытіе въ Семипалатинскъ..... 57

ГЛАВА IV. **Семипалатинскъ и Аркатскія горы.**—Радушный пріемъ.—Продовольствіе въ казацкихъ станицахъ.—Консервы неудобны для степи.—Семейство Полторацкихъ. — Охота на бекасовъ.—Ташкентскій базаръ.—Европейскій базаръ. — Прежній Семипалатинскъ.— „Семь-Палатъ“– Отъѣздъ.—На пути къ Аркатскимъ горамъ.—Киргизы.—Юрты въ Аркатскихъ горахъ.—Жизнь птицъ.—Аркатскія горы.— Охота на горныхъ барановъ.— Первый аркаръ.—Неудача съ волкомъ.— Второй день охоты.—Фантастическіе утесы. –Убитый аркаръ. — Ягненокъ аркара.—Киргизскія импровизаторы. — Киргизскіе празднества и охота.—Борзыя.—Борьба.—Искусный ѣздокъ.—Скачки.—Прощанье съ Аркатскими горами.—Распространеніе дикихъ барановъ.— Естественно-историческій очеркъ аркара.—Байбакъ..... 87

ГЛАВА V. **На Сассыкъ Ала-Кулѣ.** (Отъ Аркатскихъ горъ до Лепсы.)—Выѣздъ изъ Аркатскихъ горъ.—Опредѣленіе высотъ.—Жизнь птицъ.—Черные жаворонки.—Ташкентскіе караваны.—Пріемъ въ Сергіополѣ.—Подполковникъ Фридериксъ.—Сергіополь. — Чола-казаки.— Дороговизна топлива.— Рѣка Аягусъ.—Линія сторожевыхъ постовъ.— Животное царство.—Караколъ.—Степныя птицы. —Жабы.—Ненадежныя упряжныя лошади.—Земледѣліе у киргизовъ и орошеніе полей.— Недостатокъ въ топливѣ.—На бывшемъ морскомъ днѣ.—На Сассыкъ-Ала-Кулѣ.—Вода для питья.—Бродъ Кутье-Малды.— Цвѣтъ кожи у киргизовъ.—Черепаха.—Вторая остановка у озера. — Видъ озера.— Озерная область Ала-Куля.—Сассыкъ-Ала-Куль. — Озеро Уяли.—Изслѣдователь озернаго пространства.—Высота Сассыкъ-Ала-Куля.—Іебэ.—Прилегающая къ нему горная порода.—Жизнь птицъ на озерѣ.— Кабаны.—Замѣчательныя ящерицы. – Тоня. — Рыбы Сассыкъ-Ала-Куля. –Маринка.—Общія замѣчанія о рыбахъ степныхъ озеръ. — Моллюски.—Комары. — Предгорія Ала-Тау. — Привѣтствіе киргизовъ.— „Держи“.—Въ аулѣ Уванасъ.—Печатная глина на прибрежьи Джинджили.—Флора.—Видъ на Лепсу..... 109

ГЛАВА VI. **Киргизы.** Прежняя небезопасность пути. — Происхожденіе и невѣрность названія «Киргизъ».—Кассаки. — Настоящіе или Кара-Киргизы. —Буруты.—Первое впечатлѣніе.—Происхожденіе.— Физіономія.—Расовые признаки. – Ростъ и сложеніе.—Языкъ. —Исторія.—Извѣстія Палласа.—Чингизъ-ханъ.—Батый-ханъ.— Кучумъ-ханъ.

Стр.

—Періодъ ихъ цвѣтущаго состоянія.—Калмыцкое царство.—Иртышская линія.—Крѣпость.—Покореніе Малой и Средней орды.—Малая орда переселяется на Волгу.—Внутренняя или Букеевская орда.—Новая линія.—Батыри.—Подчиненіе Большой орды.—Русскія завоеванія въ Центральной Азіи.—Киргизскія возстанія.—Малая храбрость.—Баранта.—Три орды и ихъ области.—Общее число киргизовъ.—Пространство ихъ владѣній.—Разныя сословія.—Роды.—Административное дѣленіе.—Судопроизводство теперь и прежде.—Правительственныя власти.—Подати.—Свойства характера.—Гостепріимство.—Вѣрованія.—Гаданія.—Киргизскія школы.—Начало земледѣлія.—Стада.—Киргизскія лошади.—Овцы.—Переселенія.—Зимнія квартиры.—Богатство скотомъ.—Жизнь номадовъ.—Молочное хозяйство.—Кумысъ.—Пища.—Умѣренность, чистота и грязь.—Куреніе.—Состояніе здоровья.—Охота.—Ремесла.—Женскія работы.—Костюмъ.—Мѣновой торгъ.—Жилища.—Юрты и коши.—Многоженство, свадьбы и похороны.—Пѣніе и стихотворство.—Любопытство.—Быстрое распространеніе вѣстей въ степи.—Гиппоманія и астрономія.—Сказки и краснорѣчіе..... 131

ГЛАВА VII. **Въ Джунгарскомъ Ала-Тау.** (Отъ Лепсы до Бакты).—Лепса.—Основаніе ея.—Торговый трактъ.—Развитіе.—Пространство и народонаселеніе.—Семирѣчинская область.—Киргизы этой области.—Хлѣбопашество.—Пчеловодство.—Романтическое мѣстоположеніе Лепсы.—Изслѣдователь Ала-Тау.—Заилійскій Ала-Тау.—Джунгарскій Ала-Тау.—Рѣка Лепса.—Прогулка по горамъ графа Вальдбургъ-Цейля.—Вершина хребта достигнута.—Усердная молодежь.—Поѣздка къ Джазиль-Кулю.—Растительность.—Дикія яблони.—На „Зеленомъ озерѣ“.—Птицы Ала-Тау.—Земноводныя.—Моллюски.—Рыбы.—Звѣри.—Рога марала, какъ цѣнный предметъ торговли.—Отличія марала отъ европейскаго оленя.—Жировикъ.—Отъѣздъ изъ Лепсы.—Черезъ Тентекъ.—Русская колонія Уджъ-Аралъ.—Нѣсколько словъ о колонизаціи.—Мавзолей одного султана.—Кабаны.—Жизнь птицъ.—Домашніе воробьи въ степи.—Въ камышевыхъ лѣсахъ на Тентекѣ.—Соловей.—Черезъ Уялы.—Султанъ Абинъ-Даиръ.—Близъ Большого Ала-Куля.—Пеликаны.—Жара.—Агинъ-Су.—Грачи.—Урджаръ.—Отъѣздъ въ Бакты.—Хорошая дорога.—Степь.—Между азіатскими Геркулесовыми столпами.—Опредѣленіе высотъ.—Сайга.—Степныя птицы.—Змѣи.—Могилы.—Макинджи.—Неосторожныя ласточки.—Затрудненія при закладкѣ степныхъ лошадей.—Онѣ бѣсятся и опрокидываютъ.—Неожиданный взрывъ.—Пріѣздъ въ Бакты..... 161

ГЛАВА VIII. **Черезъ Тарбагатай и Норъ-Зайсанъ** (Отъ Бакты до Май-терека). Бакты.—На пути въ Чугучакъ.—Китайскій этикетъ.—Городъ.—Орошеніе.—Пріемъ у Джансупа.—«Его невыразимость».—Китайскій обѣдъ.—Подарки.—Бесѣда.—Императорская печать.—Кабакъ.—Китайскіе солдаты. Стрѣльба въ цѣль.—Гостепріимство.—Базаръ.—Ослѣпительно прекрасная татарка.—Ужасно безобразная монголка.—Отъѣздъ изъ Чугучака.—Къ сожалѣнію слишкомъ рано.—Возстаніе Дунгановъ.—Взятіе Кульджи.—Паденіе Чугучака.—Разрушеніе.—Чугучакъ теперь и прежде.—Значеніе его какъ торговаго пункта.—Астрономическое положеніе.—Китайскіе пограничники.—Сбились съ дороги.—Нездоровье.—Путешествіе на телѣгѣ.—Сурковыя горы.—Са-уръ.—Муссъ-Тау.—Перевалы.—Развалины Джангудея.—Въ долинѣ Эмиль.—Вблизи Дунгановъ.—Подъемъ на горы.—Пикетъ Бор-

Стр.
госутай.—Видъ въ даль.—Леченіе шампанскимъ.—Д-ръ Пандеръ.—Кое-что изъ зоологіи.—Альпійская флора.—Плоскогорье Кизиль-Чиликты.—Чрезъ лабиринтъ утесовъ Кара-Каджирскихъ горъ.—Первый взглядъ на Алтай.—На дорогѣ къ Зайсану.—Маіоръ Тихоновъ.—Зайсанскій округъ.—Географическое положеніе.—Его торговое значеніе.—Вывозъ мукъ въ Китай.—Дикій верблюдъ.—Горы у Зайсана.—Ядовитые пауки.—Животная жизнь.—Разсказъ графа Вальдбурга объ экскурсіи въ Манкракскія горы.—Отъѣздъ.—Белуджи.—Въ Манкракскихъ горахъ.—Видъ на окрестность.—Между уларами.—Игрокъ на флейтѣ.—Киргизское молочное хозяйство.—Опять улары.—На гребнѣ горъ.—Ускользнувшій волкъ.—Трудныя тропинки.—Скалы.—Выносливость ѣздовыхъ быковъ.—Возвращеніе.—Уларъ.—Распространеніе каменныхъ куропатокъ.—Празднества.—Отъѣздъ изъ Зайсана.—Степи по Черному Иртышу.—Снова деревья.—Близъ Акъ-Тюбэ.—Тушканчики.—На Черномъ Иртышѣ.—Береговой ландшафтъ.—Прибытіе къ озеру.—Поселеніе Киргизскихъ рыбаковъ.—Породы рыбъ этого озера.—«Настоящіе» карпы.—Жизнь птицъ.—Подстрѣленный.—Хирургъ по неволѣ.—Къ Бакланьему мысу.—Международный концертъ.—«Благородное озеро».—Величина, пространство и мѣстоположеніе.—Притоки.—Черный и Бѣлый Иртышъ.—Судоходство на Черномъ Иртышѣ.—Пароходы Игнатова.—Богатство рыбою.—Система арендъ.—Производительность.—Дешевизна.—Время рыболовства.—Различные способы рыбной ловли.—Возвращеніе съ озера.—Ручной верблюдъ.—Пустыня.—Саксаулъ.—Степныя животныя.—Куланы или дикія лошади.—Миражъ.—Убѣжавшая лошадь.—Кое-что изъ геологіи.—Степные оазисы.—Соловей..... 178

ГЛАВА IX. **Въ китайскомъ Алтаѣ.** (Май-терекъ до Алтайской станицы). Въ предгоріяхъ Алтая.—Троицынъ день.—Губернаторъ и его кортежъ.—Свиданіе.—Май-терекъ.—Лагерная жизнь.—Животныя.—Цокоръ.—Гроза.—Пугливыя лошади.—Въ горахъ.—Снова въ Китаѣ.—Киргизы, собирающіе дрова.—Неутомимость дамъ.—Дурная погода и дорога.—Видъ съ перевалова.—Древесная растительность.—Роскошные альпійскіе луга.—Гробницы въ горахъ.—Опять на дурной дорогѣ.—Ливень съ градомъ, вмѣсто завтрака.—Видъ на Марка-Куль.—На берегу.—Легкая тоня.—Форель.—Пограничныя отношенія.—Китайскій посланный.—Затрудненія для коллекторства.—Маршрутъ.—Путешествующее общество.—Невыгоды юрты.—Казацкое пѣніе.—Насмѣшливыя прозвища.—Прибрежный ландшафтъ.—Пустынность.—Птицы на озерѣ и въ горахъ.—Киргизскій охотникъ.—Прощаніе съ озеромъ.—По овечьимъ слѣдамъ.—Граница лѣсъ.—Первобытный лѣсъ, по Брему.—Черезъ горныя рѣчки и болота.—Стоянка на Асу-Булѣ.—Натуральный фейерверкъ.—Джети-Кезекъ.—Горы Таутеке.—Охота на горныхъ бараповъ.—Мнимое отсутствіе дичи.—Дичь на Алтаѣ.—Горныя породы.—Бурхатскій перевалъ.—Остановка близъ Бухтармы.—Бѣлуга.—Растительность.—Опять въ Россіи.—Хвала киргизской лошади.—Размышленія и воспоминанія о поѣздкѣ по Алтаю.—Прощанье.—Опять въ телѣгѣ.—Въ Алтайской станицѣ подъ кровлей.....

ГЛАВА X. (**Отъ Алтайской станицы до Томска**). Алтайская станица.—Здоровая мѣстность.—Пути сообщенія.—Въ 1200 нѣмецкихъ миляхъ отъ Берлина.—Основаніе и развитіе станицы.—Алтайское гостепріимство.—Казачекъ.—Прелестное мѣстоположеніе и гор-

Стр.

ный ландшафтъ.—Отъѣздъ.—Прощанье съ горами.—Опять среди холмовъ. — Роскошная растительность. — Животное царство. — Благосостояніе селеній и крестьянъ.—Старовѣры. — Дѣвицы-богомолки.—Яки.—Ловкая ѣзда.—Пріѣздъ въ Зыряновскій рудникъ.—Бастрыгинъ.—Горная система Алтая.—Ектатъ-Алтай.—Большой Алтай.—Иртышъ-Алтай.—Обь - Алтай.—Изслѣдователь.—Рудокопы и горное производство въ Зыряновскѣ. — Золотопромывальня.—Общій доходъ отъ добыванія драгоцѣнныхъ металловъ.—На Иртышѣ.—Верхняя пристань.—Перевозка руды воднымъ путемъ.—На баркасѣ. — Бухтарминскъ.—Мохнатая сопка.—Между Иртышскихъ скалъ.—Пѣтушій гребень.—Семь братьевъ.—Величественнѣе Рейна.—Скука.—Горная касатка.—Нижняя пристань. — Полковникъ Халдѣевъ. — Усть-Каменогорскъ.—Киргизская школа.—Уба.—Насъ ожидаютъ сельскія сходки.—Насъ принимаютъ за высочайшихъ особъ.—Костюмъ женщинъ-старовѣрокъ.—Водораздѣлъ между Иртышемъ и Обью.—Видъ Змѣиногорска.—Ивановъ.—Змѣиная гора.—Заброшенные рудники.—Рудное богатство теперь и прежде.—Змѣиное царство.—На Колыванскомъ озерѣ.—Комары. — Злобинъ.—Колывань.—Пчеловодство.—Древнѣйшія копи.—Шлифовальная фабрика.—Грандіозныя работы.—Частная промышленность. — Рисовальная школа.—Ивашевъ.—Образа.—Шлифовка.—Сибирская косуля.—Синяя сопка.—Ландшафтъ.—Ковыль.—Послѣдній взглядъ на Алтай.—Сѣверная дорога.—Караваны.—Въ виду Оби.—Богатая страна.—Прибытіе въ Барнаулъ. — Охота на бекасовъ.—Бѣлый журавль.—Фонъ Эйхвальдъ.—Гостепріимство.—Докторъ Думбергъ и его гербарій. — Музей. — Фабрики. — Городъ.—Жизнь.—Цѣны.—Вина. — Ночлегъ.—Императорскія владѣнія на Алтаѣ.—Возвращеніе съ рудниковъ.—Неизсякаемость рудниковъ.—Отъѣздъ.—Первая поѣздка по Оби.—Прекрасная страна.—Тайга.—Ея характеръ. — Истребленіе лѣсовъ. — Саланръ. — Докторъ Зассъ. — Дичь.—Строеніе горъ.—Залежи каменнаго угля.—Плодородныя степи.—Обиліе лошадей.—Опять «держи». — Кровавый потъ.—Жизнь птицъ.—Колонія сусликовъ.—Страданія отъ пыли.—Изъ старыхъ временъ.—Картина ночи.—Опять подъ Мослемомъ.—На берегу Томи.—Видъ Томска.—Прибытіе.—Быстрота ѣзды..... 247

ГЛАВА XI. **На Оби** (отъ Томска до Обдорска). Въ Томскѣ.—Какъ въ большомъ городѣ.—Значеніе его какъ торговаго пункта.—Будущій университетъ.—Гостинница Европа.—На пароходѣ. — Прибрежный ландшафтъ.—Пароходы на Оби.—Способъ постройки и устройство. — «Бѣльченко».—Цѣны. — Пароходное сообщеніе по Оби и ея притокамъ.—Каналъ между Обью и Енисеемъ —Служба на пароходѣ.—Отопленіе.—Торговля на пристаняхъ.—Первые туземцы.—Ихъ становище.—Ново-Тимское.—Нарымъ.—Бѣдность животнаго царства.—Начинается полярный день.—Жизнь на пароходѣ.—Дальняя школьная поѣздка.—Исторія одного сосланнаго Поляка.—Настоящій «Бѣльченко».—Барки съ ссыльными передъ Самаровымъ.—Пріѣздъ и неожиданность.—Земцовъ.—Деревня Самарово.—Граница хлѣбопашества.—Въ водномъ лабиринтѣ.—Миражъ.—Почтовое сообщеніе съ сѣверомъ.—Такса на гребцовъ.—Станціи до Березова.—Бѣло-Горье.—Сухоровская.—Г-нъ Поляковъ.— Тетеревиный токъ.—Мѣна и торговля.—Жизнь птицъ на лѣвомъ берегу.—Малый Атлымъ.—Въ первобытномъ лѣсу. — Комары. — Ночная картина.—Пара ласточекъ.—Чистоплотность Остяковъ.—Видъ Березова.—Тихій пріемъ.—«Рейнскій

Стр.

погребъ».—Пирушка у Остяковъ.—Березовъ. — Гробницы знаменитыхъ государственныхъ людей.—Городъ.—Мѣховая торговля.—Хлѣбная торговля. — Домашнія животныя. — Д-ръ Крживицкій. — Зимнія юрты Остяковъ.—Снова въ путь.—Старый Михаилъ Панаевъ теперь и прежде.—Станціи до Обдорска.—Большой Устрамъ.—Собаки.—Лапландская сова.—Внутреннее устройство чума. Женщины-ямщики.—Кушеватка.—Петровъ день. Границы распространенія воробья и домашней ласточки.—Прочія птицы.—Береговой ландшафтъ.—Геологическія замѣтки.—Параватскія юрты. — Первые сѣверные олени.—Мастерскія Остяковъ.—Луки и стрѣлы.—Ловкость въ стрѣльбѣ.—Видъ на Уралъ.—Замѣчательная ширина рѣки.—Арктическая полуночная картина.—Насѣкомыя.—Видъ Обдорска.—Пріѣздъ..... 291

ГЛАВА XII. **Черезъ тундры.** (Отъ Обдорска до Карской губы и обратно). Мы нагнали русскія экспедиціи.—Г-нъ Матвѣевъ.—Поручикъ Орловъ.—Г-нъ Васильевъ.—Свадебное путешествіе въ тундрахъ.—Капитанъ Даль.—Штурманъ Рандсепъ.—Шкуна „Москва".—Отсутствіе моряковъ на Оби.—Поѣздка Даля въ 1877 г.—Д-ръ Бремъ уѣхалъ впередъ.—Цѣль нашего путешествія.—Неизвѣстность.—Лодки вообще.—Наша лодка „Бисмаркъ".—Ея устройство.—Запасы и ихъ стоимость.—Предметы мѣны.—Перловъ.—Наши люди.—Отъѣздъ изъ Обдорска.—Александръ Зыковъ.—Боязнь большой Оби.—Береговой видъ.—Разстояніе и станціи до Ямбурри.—Князь-юрты.—Обдорскій князь.—Домъ князя Тайшина. — Власть князя Тайшина. — Власть князя. — Его невѣжество. — Рыболовное мѣстечко Кюхатъ. — Его устройство.—Употребленіе сырой рыбы.—Дурное приготовленіе рыбы. — Барыши. — Рыболовные пески. — Участь туземцевъ. — Ручныя чайки.—Тщетные поиски „большого Шайтана".—Домашніе идолы.—Черезъ большую Обь.—Опять въ ивовыхъ зарослях.—Видъ уральскаго хребта.—Жизнь птицъ.—Комары.—Идиллія въ чумѣ.—Остяцкіе инструменты.—Тоболка.—Докторъ Бремъ отыскался.—Мало-Обскіе пески.—Щучья рѣка.—Ямбурри.—Большой Носъ.—Неизлечимобольные.—Лѣсные идолы и мѣста жертвоприношеній.—Переговоры.—«Сортъ-іоганъ-йѳгѳртъ».—Берега и воды Щучьей рѣки.—Довѣріе въ тундрахъ.—Талисманъ противъ воровъ.—Жизнь птицъ.—Утомительныя извилины и однообразіе.—Полярные комары.—Наблюденія.—Великія мученія.—Хуже москитовъ. — Подъ нѣмецкимъ трехцвѣтнымъ флагомъ.—Нѣмецкія газеты.—Аккуратная доставка писемъ.—Подъ парусами.—Мы нагнали русскихъ.—Опять съ людьми.—Семейство Джунши. — Похмѣлье. — Брудершафтъ.—Сѣверная граница деревьевъ.—Конецъ воднаго пути.—Роскошная флора.—Горныя породы.—Гнѣздо сарычей.—Дальнѣйшій путь русскихъ.—Водопадъ.—Путешествіе въ тундрахъ вообще.—Оно такъ-же трудно, какъ и въ пустынѣ.—Совѣщаніе о пути. — Сборы. — Прощанье. — Отправленіе.—Тундра - пустыня.—Дурной пріемъ въ тундрѣ.—Сѣверные олени. — Кровавый пиръ.—Дзенгіэ, богачъ тундры.—Лія и Рахиль.—Тайны туалета.—Моръ оленей. — Сибирская язва. — Нѣтъ Bacillus authracis'a.—Громадные убытки.—Безсиліе передъ заразой. — „Наши" олени.—Геологическія свѣдѣнія.—Бѣдность животныхъ въ тундрѣ.—Птицы и птичьи голоса.—Звѣри.—Насѣкомыя.—Жалобы Брема на комаровъ.—Бѣгство оленя.—Его поимка.—Варварская операція.—Мы достигли Подараты.—Опять люди.—Подараты.—Ея истоки и особенности.—Извѣстія о ней Зуева и Ковальскаго.—Она несудоходна.—Виды.—

Стр.

Высочайшія горныя вершины „Арка-пай“.—Горный истокъ Кары и Щучьей.—„Вершина Ковальскаго“.—Остякъ Санда.—Поѣздка къ морю.—Прибытіе на крайній сѣверъ.—Взглядъ на Карскую губу.—До сихъ поръ, а не далѣе.—Принуждены вернуться назадъ.—Каменные идолы.—Невѣрныя изображенія.—Оленья упряжь.—Быстрота ѣзды.—Вдова.—Обиліе цвѣтовъ.—Бѣлая сова.—Гигантскій силокъ.—Хатъ болѣнъ, умираетъ.—Похороны.—Печальное настроеніе.—Оленьи пастбища.—Постройка чума.—Жизнь въ тундрѣ.—Янгана-Пай—параллельный Уралу хребетъ.—На „большой дорогѣ“.—Бѣдность тундровыхъ озеръ.—Въ виду границы лѣса.—Семейство Санды.—Молодая чета.—Прилежаніе остяцкихъ женщинъ.—Оленьи жилы.—Воспитаніе дѣтей.—Волкъ.—Волчій оракулъ.—Сонъ въ тундрѣ.—Утренній туалетъ.—Дешевыя полотенца.—Выступленіе изъ лагеря.—Олени вмѣсто нищейки.—Бѣлая куропатка.—Оленьи санки.—Воспитаніе лисицъ.—Хитрое животное.—Потерянная ложка.—Мы достигли лѣсной границы.—Прощаніе съ Джунши.—Черезъ Щучью.—Быстрота теченія.—Находчивость собаки.—Послѣдняя стоянка.—Оленья почта.—Прибытіе къ лодкамъ.—Пріятельская пирушка.—Путевыя замѣтки.—ный яръ.—Тоня.—Сельди щучьей.—Внизъ по теченію.—Прощанье Хайвая.—Честность.—Опять на Оби.—Старшина Іорка Мамрунъ и его семейство.—Воздержные Остяки.—Въ рощѣ идоловъ.—Возвращеніе въ Обдорскъ 335

ГЛАВА XIII. **Остяки и Самоѣды.**—Предварительное замѣчаніе.—Антропологическія свѣдѣнія.—Вирховъ о строеніи черепа.—Остяки нѣсколько походятъ на Монголовъ и Лапландцевъ.—Миддендорфъ о Самоѣдахъ.—Это смѣшанный народъ, что подтверждаетъ изслѣдованіе его языка Кастреномъ.—Алквистъ доказываетъ противное.—Остяки родственны Венгерцамъ.—Языкъ.—Внѣшній видъ.—Трудность отличать Остяка отъ Самоѣда.—Характеристика остяцкаго типа.—Индивидуальныя уклоненія Остяковъ и Самоѣдовъ.—Смѣшеніе обоихъ народовъ.—Ихъ изображенія.—Портреты.—Прежнія свѣдѣнія объ этихъ инородцахъ.—Югры.—Древніе Югры—нынѣшніе Самоѣды.—Подъ русскимъ владычествомъ.—Различныя ихъ названія.—Остяки или „Хандахо“.—Самоѣды или „Хазова“.—Различныя объясненія слова «Самоѣдъ».—Географическое распространеніе Остяковъ.—Ихъ численность.—Вогулы.—Распространеніе и численность Самоѣдовъ.—На Енисеѣ они называются Юраками.—Ясакъ.—Причины ихъ уменьшенія.—Пьянство.—Ихъ добродѣтели.—Необыкновенная честность.—Отсутствіе нищихъ.—Кротость дѣтей.—Вредное вліяніе цивилизаціи.—Миссія, ея трудности.—Христіанство лишь внѣшнее.—Самоѣдскія о немъ понятія.—Святость присяги.—Ухудшеніе нравовъ и обычаевъ.—Веселый нравъ.—Умственныя способности.—Предразсудки.—Достаточно незначительнаго образованія.—Поэзія.—Музыкальные инструменты.—Игры.—Внѣшняя жизнь.—Объективность рѣдка, но необходима.—Руководство къ тому.—Высокая степень совершенства ихъ производствъ.—Халтипонъ.—Необыкновенная практичность луковъ и стрѣлъ.—Произведенія искусства.—Оригинальность рисунковъ.—Женскія работы.—Положеніе женщины.—Ложное сужденіе.—Хорошее обращеніе съ женщинами.—Женщина—«сокровище».—Стыдливость.—Чистоплотность.—Пища.—Промыслы.—Рыбная ловля.—Охота.—Оленеводство.—Зыряне—жиды тундры.—Мнѣніе о нихъ.—Количество оленей.—Одежда: мужская, женская.—Украшенія.—Кранива, туалетное искусство.—

Стр.

Дѣти.—Дѣтскія куклы.—Суровость воспитанія. — Болѣзни. — Удачное лѣченіе.—Рожденіе и нареченіе имени.—Совершеннолѣтіе.—Женитьба и свадьба.—Калымъ.—Брачные обряды.—Уваженіе къ умершимъ.—Рощи мертвыхъ.—Могилы, идольскіе домики при кладбищахъ.—Торжество похоронъ.—Пиршества.—На томъ свѣтѣ и въ царствѣ тѣней.—Волшебный барабанъ. — Представленіе шамановъ. — Мудрость шамановъ.—Христіанскіе шаманы.—Божественное ученіе Мамруна. — Шаманство. — Цивилизованное шаманство. — Вѣрованія.—Высшее существо.—Прочіе боги.—Изображенія боговъ.—Тильянъ.—Гае.—„Идолослуженіе“.—Жертвоприношеніе.—Лонхъ.—Сьядаей.—Резюме... ... 429

ГЛАВА XIV. **Обратный путь.** (Отъ Обдорска до Бремена).—Обдорскъ совершенно опустѣлъ.—Мы основываемъ „береговой отель“.—Празднованіе счастливаго возвращенія.—Язычники напиваются.—Христіане также.—Никакого стыда.—Воскресенье—самоѣдскій «день прегрѣшеній».—Основаніе Обдорска.—Происхожденіе названіе. — Число жителей.—Округъ (волость) Обдорскій.—Описаніе мѣстности.—Церковь.—Памятникъ.—Школа.—Миссія.—Сравненіе съ Туруханскомъ.—Ясакъ (подать)—причина ярмарки.—Описанія ея Кастреномъ.—Мошенническій мѣновой торгъ въ тундрѣ. — Правильность торговли въ Обдорскѣ. — Розничныя и оптовыя цѣны мѣховой торговли. — Нѣсколько замѣчаній о русской мѣховой торговлѣ вообще.—Мѣсто ярмарки.—Торгъ.—Оборотъ.—Ввозъ и вывозъ.—Важное значеніе хлѣбной торговли.—Мука привозится, на баркахъ, изъ Тобола и Ишима.—Опасная для Россіи конкуренція.—Сибирская мука идетъ къ Бѣлому морю и въ Норвегію.—Товаръ привозится на баржахъ.—Разнообразіе товаровъ.—Цѣны на нѣкоторые изъ нихъ.—Трофимовы, отецъ и сынъ.—Проэктъ канала между Обью и Карскою губою. — Мнѣніе о немъ Латкина. — Благопріятный взглядъ на каналъ въ Петербургѣ.—Старый торговый путь между Печорой и Тазомъ.—Щучья и Подарата несудоходны.—Транспортъ сухимъ путемъ невозможенъ.—Каналъ также.—Онъ потребуетъ огромныхъ расходовъ.—Полуостровъ Ялмалъ не представляетъ никакого крюка.—Недостаточное знакомство съ Обской губой.—Удачная поѣздка въ Надымъ.—Подробная съемка губы крайне необходима.—Видъ Обдорска.—Географическое положеніе.—Окрестности.—Недостатокъ въ лѣсѣ.—Ягоды и сборъ ихъ.—Сѣнокосъ.—Тщательное разведеніе овощей.—Вѣчный ледъ тундры не басня.—Доказательства тому.—Наши собственныя изслѣдованія.—Домашнія животныя.—Собака и собачья упряжь.—Гиршъ Гольдмахеръ, ссыльный еврей.—Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ.—Далекія путешествія на сѣверъ невозможны.—Соблазнительность поѣздки на Тазъ.—„Долгъ“ не пускаетъ меня.—Начало обратнаго пути.—Станціи.—Встрѣча на рѣкѣ.—Краснозобая козарка.—Жизнь птицъ.—Линянье, отлетъ.—Убыль воды рѣки.—Кижгортъ.—Шалашъ для родильницъ.—Мамонтъ.—Кушеватъ.—Кедровые орѣхи.—Трудный отъѣздъ.—Опять въ Березовѣ.—Аммониты.—Станціи до Самарова.—Ловля дикихъ утокъ тенетами.—Изобиліе утокъ и гусей.—Виды праваго и лѣваго береговъ Оби.—Обь, какъ рѣка.—Истокъ, теченіе ея и длина.—Обскій бассейнъ.—Обь—главнѣйшая рѣка Сибири.—Судоходство.—Производительность.—Вывозъ возможенъ только морскимъ путемъ.—Огромная важность его для Сибири.—Заслуги въ этомъ отношеніи Сибирякова.—Медвѣжья пляска.—Трудная охота.—Непроходимость первобытнаго лѣса.—Млекопитающія животныя.—Лягушки.—Мошки.—Кондинскій

Стр.

монастырь.—Гостепріимство настоятеля.—Однообразіе жизни на рѣкѣ.—Послѣднее странное приключеніе. — Рябчики.—Докторъ Бремъ и графъ Вальдбургъ заблудились.—Найдены.—Ночь въ первобытномъ лѣсу.—Опять въ Самаровой.—Слишкомъ поздно.—8 дней въ домикѣ на пристани.—Прощаніе съ „Бисмаркомъ“. — Попойка. — Разрушеніе, причиненное высокой водою.—Обвалы. — Слопцы. — Рыболовство. — Виды рыбъ Оби.—Сравненіе ихъ съ нѣмецкими.—Ограниченность знаній о нихъ. — Странствованіе рыбъ. — Время метанія икры.—„Заморъ“ рѣки.—Большіе рыбные промыслы. — Доходъ съ нихъ. — Мороженая рыба.—До Бремена.—Бѣлуха.—Наконецъ, на свободѣ.—На Иртышѣ.—Иртышская деревня.—Тобольскъ.—Гостинница. — Польза отъ ссыльныхъ поляковъ. — Сибирскій актеръ. — Его романическая жизнь.—Отъѣздъ.—Тарантасъ.—Въ Тюмени.—Ссыльный соотечественникъ.—Отъѣздъ изъ Тюмени.—Графъ Вальдбургъ остается.—Исправленіе дороги.—Екатеринбургъ.—Ужасное состояніе дорогъ.—Гранильныя фабрики Малахитъ и полудрагоцѣнные камни.—Дурное состояніе большихъ дорогъ.—Торговыя сношенія.—Дорожныя замѣтки.—Опять въ Перми.—На Камѣ.—Казань.—Миссисипи.—„Сейчасъ“.—На Волгѣ.—Опять на желѣзной дорогѣ.—..... 484